UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

USSKAIA-ISTORIIA-K

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK40
.K628
1907
t. 1-3

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
MAY 0 8 1992			
	MAY 02 '92		
NOV 0 3 2013			

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2014

https://archive.org/details/russkaiaistoriia123kliu

Ключевский, В.О.

DK40
.K628
1907
t.1-3

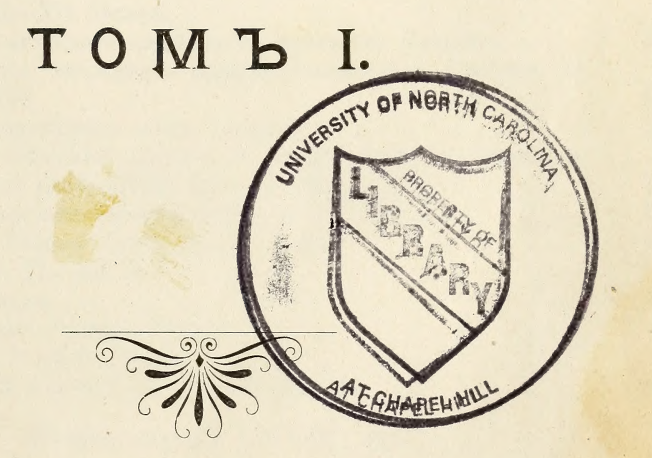
Русская

Russkaia

Исторія

Istoriia

ТОМЪ I.



1907. г.

280498

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Третій періодъ (1462—1613 гг.)

Сб-З.

ВВЕДЕНІЕ.

Приступая къ изложенію своего курса, я выскажу нѣсколько предварительныхъ общихъ мыслей, чтобы объяснить цѣль и пріемы предстоящаго намъ историческаго изученія. Я буду излагать общій курсъ исторіи нашего отечества.

Какая можетъ быть научная цѣль изученія мѣстной исторіи? Эта цѣль очевидно, должна быть та же, къ какой направлено изученіе исторіи человѣчества вообще. Изученіе науки, называемой всеобщей исторіей имѣетъ своимъ предметомъ историческій процессъ человѣческаго общежитія. Общежитіе это слагается изъ взаимодѣйствія различныхъ общественныхъ стихій, или силъ, строющихъ человѣческое общество. Эти силы вамъ извѣстны—природа и люди, лицо и общественный союзъ, власть и право, трудъ и капиталъ, знаніе и искусство и т. п. Эти силы присутствуютъ вездѣ, въ каждомъ обществѣ, но общество ими созидаемое, въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ выходитъ неодинаковымъ по своему характеру и по своимъ формамъ. Это разнообразіе происходитъ оттого, что перечисленныя общественныя силы одни и тѣ же всюду. Однако, въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена приходитъ не въ одинаковое сочетаніе, являются не въ одинаковомъ отношеніи другъ къ другу, напр. въ странѣ недостаточно населенной отношеніе труда къ капиталу не похоже на то, какое дѣйствуетъ въ странахъ перенаселенныхъ. Другой примѣръ: степныя пространства заставляющія людей передвигаться большими родственными группами, дольше помогаютъ удерживать первобытные кровные союзы, чѣмъ страны лѣсныя, гдѣ населеніе должно расходиться на постоянныя мѣста жительства. Кочевое движеніе мѣшаетъ выдѣленію лица изъ первобытнаго союза, тогда какъ разселеніе осѣдлое помогаетъ этому выдѣленію, содѣйствуя замѣнѣ родства сосѣдствомъ, т. е. азмѣнѣ стихійнаго, невольнаго союза, союзомъ основаннымъ на вольномъ соглашеніи. Въ первомъ примѣрѣ отношеніе природы страны къ населенію дѣйствуетъ на экономическій бытъ послѣдняго. Во второмъ случаѣ отношеніе природы страны къ экономическому быту отражается на ходѣ его юридическаго развитія.

Значитъ, то или другое отношеніе между одними стихіями общежитія видоизмѣняетъ взаимодѣйствіе другихъ и сообщаетъ людскимъ отношеніямъ другой характеръ.

Мало того, въ различныхъ сочетаніяхъ одна и та же общественная сила дѣйствуетъ не одинаково, обнаруживая различныя свойства своей природы. Напр. крѣпостной трудъ производитъ далеко не то же дѣйствіе на хозяйственный и нравственный бытъ народа, какое имѣетъ трудъ вольный. Первый убиваетъ энергію, ослабляетъ предпріимчивость, развращаетъ нравы и даже портитъ расу физически. Второй примѣръ: освобожденіе лица изъ подъ гнета первобытнаго кровнаго союза считается значительнымъ успѣхомъ въ развитіи личной свободы, необходимымъ для того, чтобы общество могло устроиться на началахъ равноправности и личной свободы. Но прежде, чѣмъ восторжествовали эти начала, въ средніе вѣка у насъ, какъ и на Западѣ, личная свобода предоставленнаго себѣ человѣка значительно содѣйствовала успѣхамъ рабства, вела къ развитію личной кабалы, иногда болѣе тяжкой, сравнительно съ гнетомъ старыхъ родовыхъ отношеній. Припомнимъ развитіе феодолизма на Западѣ и закладничества на Руси. При различныхъ сочетаніяхъ даже одна и та же форма общежитія является не съ одинаковымъ характеромъ. Древняя римская семья далеко непохожа на новую европейскую, ни по юридическому, ни по нравственнымъ отношеніямъ своихъ членовъ, ни по власти отца, ни по кровнымъ узамъ, ни по праву наслѣдованія.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе разнообразныя сочетанія мы изучаемъ, тѣмъ болѣе узнаемъ новыхъ свойствъ въ общественныхъ элементахъ, тѣмъ полнѣе познаемъ природу каждаго изъ нихъ. Съ другой стороны, изучая происхожденіе того или другого сочетанія, мы узнаемъ при какихъ условіяхъ общественныя стихіи выступаютъ той или другой стороной своей природы. Значитъ, путемъ историческаго изученія мы познаемъ не только природу общественныхъ элементовъ, но, такъ сказать, ихъ механизмъ, узнаемъ когда извѣстная общественная сила двигала человѣчество впередъ и когда задерживала его движеніе, когда, напр., капиталъ уничтожалъ свободный трудъ, не усиливая его производительности, и когда, наоборотъ, капиталъ этотъ помогалъ труду стать болѣе производительнымъ, не порабощая его. Такимъ образомъ, изъ науки о томъ, какъ строилось общество, можетъ со временемъ развиться наука о томъ, какъ лучше его строить.

Такова общая задача историческаго изученія. Она состоитъ въ познаніи природы и дѣйствій общественныхъ элементовъ посредствомъ изученія тѣхъ сочетаній, въ которыя они приходили въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Но эти элементы суть проявленія человѣческаго духа, а одинъ изъ нихъ, именно природа, служитъ обстановкой и вмѣстѣ съ тѣмъ объектомъ дѣятельности для этого духа. Отсюда можетъ быть выведено и приблизительно точное опредѣленіе исторіи какъ науки. Она есть наука о многообразныхъ мѣстныхъ и временныхъ проявленіяхъ духа въ человѣческомъ общежитіи, или наука о человѣческомъ духѣ, какъ онъ проявляется въ мѣстныхъ и временныхъ формахъ общежитія.

Съ этой точки зрѣнія легко опредѣлить научную цѣль изученія исторіи отдѣльнаго народа. Вопросъ, какія своеобразныя мѣстныя соче-

танія представляетъ данная исторія отдѣльнаго народа, какъ возникали эти своеобразныя сочетанія и какія новыя свойства обнаруживали дѣйствующія въ ней стихіи, разрѣшеніе этихъ вопросовъ и составляетъ научное содержаніе исторіи отдѣльнаго народа, и чѣмъ больше своеобразныхъ сочетаній этихъ общественныхъ стихій представляетъ намъ исторія извѣстнаго народа, чѣмъ болѣе новыхъ, въ другихъ мѣстахъ незамѣчаемыхъ свойствъ открывается въ дѣйствіи этихъ различныхъ стихій,—тѣмъ большій научный интересъ получаетъ исторія извѣстнаго народа.

Тѣмъ же взглядомъ на задачу историческаго изученія опредѣляется и самый методъ, котораго я буду держаться въ своемъ изложеніи. Среди разнообразныхъ явленій извѣстной эпохи мы должны прежде всего разглядѣть, какія отношенія установились между основными стихіями общежитія, какія изъ нихъ имѣли господствующее значеніе, а какія только служебное. Потомъ должны разсмотрѣть тѣ историческія обстоятельства, которыя вызвали именно такія отношенія, и наконецъ, показать, какъ эти отношенія отразились въ различныхъ сферахъ народной жизни, въ сферѣ политической и экономической и другихъ. Оговорюсь здѣсь, впрочемъ, что я въ своемъ изложеніи ограничусь лишь фактами экономической и политической жизни, не касаясь, или касаясь только мимоходомъ остальныхъ.

Способъ приложенія этого метода я сейчасъ покажу на томъ дѣленіи, какое я ввожу въ изучаемый предметъ. Я дѣлю исторію на періоды, соотвѣтствующіе измѣненіямъ отношеній между основными общественными элементами. Это дѣленіе должно отразить въ себѣ смѣну господствовавшихъ въ нашей исторіи общественныхъ элементовъ, преемственность ихъ историческихъ комбинацій. Всѣ эти смѣны выходили изъ одного основного сочетанія дѣйствующаго на всемъ пространствѣ нашей исторіи до послѣднихъ дней, изъ своеобразнаго отношенія страны къ ея населенію. Въ началѣ нашей исторіи обширная русская равнина не является уже занятой тѣмъ населеніемъ, которое доселѣ дѣлаетъ ея исторію, эта исторія открывается тѣмъ, что населеніе, которое разростается потомъ въ русскій народъ, вступаетъ на эту равнину изъ одного ея угла—именно юго-западнаго, со склоновъ Карпатъ. Въ продолженіи всей нашей исторіи, этого населенія не было достаточно, чтобы занять всю равнину; притомъ оно распредѣлялось по равнинѣ не постепенно, путемъ нарожденія, не разселеніемъ, но переселеніемъ, переносясь, если можно такъ выразиться, птичьими перелетами изъ края въ край, покидая насиженныя мѣста и селясь на новыхъ.

При каждомъ такомъ передвиженіи оно попадало подъ дѣйствіе различныхъ условій, вытекавшихъ какъ изъ физическихъ особенностей края, такъ и изъ внѣшнихъ отношеній, завязывавшихся на новыхъ мѣстахъ. Эти различныя вліянія и вызывали разнообразныя сочетанія общественныхъ элементовъ. Такъ, переселеніе, колонизація страны была основнымъ фактомъ нашей исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стоятъ всѣ ея основныя явленія. Но этотъ основной фактъ нашъ самъ выходилъ изъ совокупнаго дѣйствія двухъ причинъ: 1) изъ несоразмѣрности населенія съ пространствомъ страны и 2) изъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, заставлявшихъ населеніе переноситься изъ края въ край, обстоятельствъ, которыя

были сами въ значительной степени дѣломъ той же природы страны. Это и есть то основное сочетаніе, какое дѣйствуетъ въ продолженіе всей пережитой нами исторіи, то своеобразное отношеніе страны къ населенію, которымъ были вызваны въ ней всѣ важнѣйшія движенія.

Такъ само собою обозначается основаніе, на которомъ должно быть построено дѣленіе изучаемой нами исторіи. Періоды этой исторіи суть этапы, постепенно пройденные русскимъ народомъ въ занятіи и разработкѣ страны, пока, наконецъ, онъ при помощи естественнаго нарожденія и поглощенія встрѣчныхъ инородцевъ, не разселился по всей равнинѣ и даже перешелъ ея предѣлы. Рядъ періодовъ нашей исторіи есть рядъ приваловъ и стоянокъ, которыми прерывалось это движеніе русскаго народа по равнинѣ и при каждомъ изъ которыхъ общество устраивалось иначе, чѣмъ это было устроено раньше. Я перечислю эти періоды, указывая въ каждомъ господствующіе факты, политическій и экономическій, и обозначая при этомъ территорію, на которой сосредоточивалась масса русскаго населенія, — не все населеніе, а главная масса его, дѣлавшая исторію.

Съ VIII приблизительно до конца XII вѣка масса русскаго населенія сосредоточивалась на среднемъ и верхнемъ Днѣпрѣ съ его притоками и историческимъ его воднымъ продолженіемъ,—областью Ловати-Волхова. Во все это время Русь политически раздроблена на отдѣльныя волости, центромъ каждой изъ которыхъ является большой торговый городъ. Первый устроитель и руководитель политическаго быта, потомъ встрѣтившій соперника въ князѣ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни была внѣшняя торговля съ вызванными ею лѣсными промыслами (мѣха и воскъ). Это—Русь днѣпровская, городовая, торговая.

Приблизительно съ конца XII вѣка до половины XV-го масса русскаго населенія является на верхней Волгѣ съ ея притоками. Она раздѣлена политически, но не на городовыя области, а на княжескія удѣлы. Господствующимъ экономическимъ фактомъ является вольный земледѣльческій трудъ, — на алаунскомъ суглинкѣ. Это Русь верхневолжская, удѣльно-княжеская, вольно-земледѣльческая.

Приблизительно съ половины XV и до половины или конца XVII вѣка масса русскаго населенія изъ верхневолжскаго центра начинаетъ растекаться на востокъ и югъ. Въ это время населеніе, занимающее серединное пространство равнины, является политически соединеннымъ подъ властью московскаго государя, который, однако, правитъ государствомъ при содѣйствіи боярской аристократіи, составившейся изъ бывшихъ удѣльныхъ князей или бояръ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни является по прежнему вольный крестьянскій трудъ, но воля его начинаетъ стѣсняться, такъ какъ землевладѣніе все болѣе переходитъ въ руки высшаго служилаго класса, созидаемаго государствомъ. Это—Русь великая, московская, но съ преобладаніемъ аристократіи, монархически-боярская, военно-земледѣльческая.

Съ конца XVII вѣка и до эпохи великихъ реформъ идетъ послѣдній, открытый нашему изученію, періодъ. Населеніе, входящее въ составъ русскаго государства, въ это время занимаетъ всю русскую равнину отъ Урала до морей Балтійскаго, Бѣлаго, Чернаго, даже распространяется далеко на востокъ за Уралъ. Политически это населеніе соединяется по прежнему подъ единою властью, но она дѣйствуетъ не съ помо-

щью родовой аристократіи, а съ помощью созданнаго государствомъ дворянства. Господствующими въ экономической жизни двигателями являются земледѣльческій трудъ, окончательно ставшій крѣпостнымъ, къ которому присоединяется частью также производимая крѣпостными руками промышленность обрабатывающая, т. е. фабричная. Это — Русь всероссійская, монархически-дворянская, земледѣльческая и вмѣстѣ съ тѣмъ фабричная. Вотъ главные періоды нашей исторіи, на которыхъ отразились смѣны дѣйствовавшихъ у насъ различныхъ сочетаній общественныхъ стихій. Пересчитаемъ эти періоды, обозначая ихъ по территоріямъ, на которыхъ въ разныя времена сосредоточивалась главная масса населенія: 1) днѣпровскій, 2) верхневолжскій, 3) великорусскій, 4) всерусскій.

Итакъ, изъ общей задачи историческаго изученія мы вывели, какъ научную цѣль изученія мѣстной исторіи, такъ и методъ изученія, съ раздѣленіемъ изучаемаго предмета. Но та же задача даетъ отвѣтъ и еще на одинъ важный вопросъ,—какой не научный только, но и практическій результатъ можно получить отъ изученія мѣстной исторіи. Вопросъ этотъ становится еще важнѣе, когда припомнимъ, что исторія, которую мы изучаемъ, есть именно исторія нашего отечества. Выводы, къ которымъ приведетъ эта работа, должны ли остаться въ области чистаго знанія, или могутъ выйти изъ нея и какъ-нибудь дѣйствовать на наши стремленія и поступки? Исторія нашего отечества можетъ ли имѣть свою прикладную часть? Я думаю, что можетъ и должна, потому что смыслъ всякаго знанія заключается въ его связи съ нашими житейскими поступками и стремленіями, иначе знаніе становится простымъ балластомъ памяти, полезнымъ для ослабленія житейской качки только пустому кораблю, плывущему безъ настоящаго, цѣннаго груза.

Какая же можетъ быть практическая цѣль изученія нашей исторіи? Чему могутъ научить насъ сочетанія общественныхъ стихій, которыя мы изучимъ? Вопервыхъ, они намъ покажутъ, какіе элементы общежитія имѣли у насъ преобладающее значеніе и какіе дѣйствовали слабѣе, слѣдовательно, какіе мы должны выдвинуть впередъ, чтобы достигнуть возможной полноты общественнаго развитія. Если мы, напр., замѣтимъ, что право у насъ всегда было только слугой капитала, то нашей задачей должно стать усиленное развитіе права, какъ оплота общественной правды и личной свободы, а не какъ только выраженія перевѣса матеріальныхъ силъ. Съ другой стороны, разсматривая, какія свойства обнаружили общественныя стихіи въ тѣхъ или другихъ сочетаніяхъ мы можемъ понять, какъ нужно избѣгать ихъ вреднаго дѣйствія и какъ можно заставить ихъ дѣйствовать наиболѣе полезнымъ образомъ. Значитъ, изученіе нашей исторіи покажетъ намъ не только недостатки нашего общественнаго развитія, но и укажетъ средства къ ихъ устраненію. Наконецъ, собирая опыты и впечатлѣнія, пережитые нашимъ народомъ, мы узнаемъ весь наличный запасъ его общественныхъ и нравственныхъ силъ и средствъ, а знаніе это весьма важно: мы живемъ въ эпоху усиленной разработки проектовъ наилучшаго устроенія общежитія. Эти проекты создаются нами самими или заимствуются изъ чужихъ рукъ, и намъ иногда трудно бываетъ рѣшить, какіе изъ нихъ удадутся, какіе нѣтъ.

Не каждый изъ насъ будетъ призванъ къ устороенію общества, не отъ каждаго потребуется прямое дѣйствіе, но отъ каждаго потребуется отношеніе къ этому дѣлу. Изученіе того наличнаго запаса силъ и средствъ, какой накопилъ народъ поможетъ вамъ рѣшить, какія предполагаемыя формы общежитія, ниже запаса и какія выше, не подъ силу народу. Такимъ образомъ, въ важныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, въ вопросахъ, стоящихъ на очереди, часто необходимо быть историкомъ, чтобы быть порядочнымъ гражданиномъ.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Древне-русскія лѣтописи. Начальная лѣтопись.

Обращаясь къ изученію перваго періода нашей исторіи, днѣпровскаго, я напередъ обозначу вамъ то сочетаніе общественныхъ элементовъ, какое дѣйствовало въ этотъ періодъ. Территоріей, на которой сосредоточивалась масса русскаго населенія, была длинная полоса средняго и верхняго Днѣпра съ ея сѣвернымъ продолженіемъ до устья Волхова. Эта страна была политически раздроблена на области, устроителями и властителями которыхъ были большіе волостные города древней Руси.

Эти города были центрами экономическаго движенія, которое руководило хозяйственнымъ бытомъ тогдашней Руси—внѣшней торговлей. Всѣ остальныя явленія этого времени, явленія права, нравственно-религіозной жизни, успѣхи знанія и искусства, были прямыми или отдаленными послѣдствіями совокупнаго дѣйствія двухъ силъ. Первый и самый трудный вопросъ, представляющійся при изученіи этого періода касается того, какъ и какими условіями создано было указанное сочетаніе, когда появилось на указанной полосѣ русское населеніе, и чѣмъ вызваны были къ дѣйствію обѣ указанныя силы. Рѣшеніе этого вопроса приводитъ насъ къ изученію основныхъ историческихъ источниковъ, откуда мы почерпаемъ самыя раннія извѣстія о нашей землѣ. Однимъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ древней нашей исторіи являются лѣтописи; на нихъ я и остановлю предварительно ваше вниманіе, чтобы знать, какъ относиться къ ихъ извѣстіямъ.

Лѣтописаніе было любимымъ занятіемъ нашихъ древнихъ книжниковъ, и они достигли значительныхъ успѣховъ въ этомъ дѣлѣ, выработали особые пріемы, стиль, свое особое историческое міровоззрѣніе и своеобразную оцѣнку историческихъ событій.

Въ различное время и въ разныхъ мѣстахъ частныя лица записывали для себя событія, происходившія на Руси. Такъ было приблизительно до половины XV вѣка. Съ этого времени, съ образованія Московскаго государства, къ частнымъ погоднымъ записямъ присоединялись лѣтописи оффиціальныя, канцелярскія. Лѣтописи вели преимущественно духовныя лица—епископы, простые монахи, священники и др. Московская оффиціальная лѣтопись велась приказными дьяками. Съ теченіемъ времени подъ руками древне-русскихъ книжниковъ накопилось много такихъ частныхъ мѣстныхъ записей; грамотѣи, слѣдовавшіе за первоначальными лѣтописцами, собирали эти записи, сводили ихъ воедино и прибавляли къ нимъ съ своей стороны нѣсколько но-

выхъ дальнѣйшихъ лѣтъ. Такъ произошли лѣтописные своды, составленные вторичными лѣтописцами изъ записей древнихъ первичныхъ. Процессъ составленія лѣтописнаго свода наглядно изображенъ въ замѣткѣ составителя компилятивнаго житія кн. Владимира Святого, которое помѣщено въ Степенной книгѣ.

Здѣсь мы читаемъ: „объ немъ ходитъ много разныхъ повѣстей, но онѣ разбросаны, не собраны воедино, однѣ въ житіи его, другія въ другихъ мѣстахъ, многое въ Похвальномъ словѣ. Все это я хочу собрать, какъ цвѣты въ одну словесную картину".

Если хотите видѣть образчикъ лѣтописнаго свода, гдѣ наглядно вскрывается процессъ его составленія, возьмите Тверскую лѣтопись (неточно, такъ называемую), составленную въ 1534 году сельскимъ священникомъ ростовскаго края (въ XV томѣ Пол. Соб. Лѣт.). При составленіи свода составитель сокращалъ или дополнялъ, иногда, буквально переписывалъ подлинную запись.

Первоначальныя, подлинныя записи, веденныя въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества разными лицами, почти всѣ погибли, но уцѣлѣли составленные изъ нихъ лѣтописные своды. Своды эти также появлялись въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Соединяя ихъ вы найдете почти непрерывный погодный разсказъ о событіяхъ, совершавшихся въ нашемъ отечествѣ, разсказъ не вездѣ одинаково полный и подробный, но одного духа и направленія, съ одинаковыми пріемами и взглядами на историческія событія. Начинается этотъ разсказъ почти съ половины IX вѣка и идетъ непрерывною нитью на продолженіи столѣтій, до того времени, когда составитель извѣстнаго свода работалъ надъ своимъ произведеніемъ. Въ древнѣйшихъ сводахъ этотъ разсказъ прерывается въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка.

Въ такомъ сводномъ изложеніи дошли до насъ и древнѣйшія извѣстія, повѣствующія о томъ, что случилось въ нашей землѣ въ IX, X, XI, XII вв. Разсказъ объ этихъ вѣкахъ, сохранившійся въ извѣстныхъ лѣтописныхъ сводахъ, и принято называть „Начальною лѣтописью", или „лѣтописью Нестора".

У библіотекаря не спрашивайте „Начальной лѣтописи", онъ вамъ не дастъ ее и не пойметъ васъ. Онъ спроситъ, какой списокъ лѣтописи вамъ угодно, чего вы въ свою очередь не поймете. До сихъ поръ не найдено ни одной рукописи, гдѣ начальная лѣтопись была бы переписана отдѣльно въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ подъ пера лѣтописца. Во всѣхъ извѣстныхъ сводахъ она сливается съ разсказомъ продолжателей, который въ позднѣйшихъ рукописяхъ доходитъ иногда до XVII столѣтія. Если вы хотите видѣть начальную лѣтопись въ ея наиболѣе древнемъ видѣ, то спросите лѣтопись по списку Лаврентьевскому или Ипатьевскому. Это доселѣ извѣстные древнѣйшіе списки, гдѣ является Начальная лѣтопись.

Ипатьевскій списокъ—самый древній изъ извѣстныхъ намъ. Онъ написанъ въ 1377 г. „худымъ, недостойнымъ и многогрѣшнымъ рабомъ Божіемъ монахомъ Лаврентіемъ", для суздальскаго князя Дмитрія Константиновича. Въ этомъ спискѣ за начальною лѣтописью слѣдуютъ извѣстія о южной Кіевской и сѣверной Суздальской землѣ, продолжающіяся изъ года въ годъ по 1305.

Лаврентьевскій списокъ писанъ въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка и найденъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, отъ ко-

тораго и получилъ свое названіе. Здѣсь за Начальной лѣтописью слѣдуетъ подробный и превосходный по простотѣ, живости и драматичности разсказъ о событіяхъ южной Кіевской Руси XII вѣка, иногда со вставками о Руси сѣверной, а съ 1201 года по 1272 г. здѣсь идетъ столь же превосходный, часто поэтическій разсказъ Волынской лѣтописи о событіяхъ смежныхъ Галицкаго и Волынскаго княжествъ.

Разсказъ съ половины IX вѣка и по 1110 г. включительно по этимъ двумъ спискамъ и есть древнѣйшій видъ, въ которомъ дошла до насъ начальная лѣтопись. При первомъ взглядѣ на нее легко замѣтить, что она не есть подлинное сказаніе древняго кіевскаго монаха-лѣтописца, а представляетъ такой же лѣтописный сводъ, каковы и другіе позднѣйшіе. Это можно замѣтить по двумъ признакамъ: 1) въ этой начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ отдѣльныя извѣстія, даже цѣлыя статьи, повѣсти, написанныя не кіевскимъ лѣтописцемъ и вставленныя позднѣе, 2) въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ мы находимъ извѣстія о древнихъ, чисто Кіевскихъ событіяхъ, очевидно, заимствованныя изъ начальной кіевской лѣтописи, но опущенныя въ извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ ея спискахъ.

Чтобы объяснить происхожденіе и составъ Начальной лѣтописи, слѣдуетъ замѣтить, что слѣды лѣтописнаго дѣла и вообще литературно-историческаго повѣствованія появляются у насъ съ XI вѣка. Мы встрѣчаемъ рядъ прямыхъ или косвенныхъ указаній на это. Въ Новгородѣ уже съ первой половины XI вѣка велась мѣстная лѣтопись: въ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводахъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о смерти перваго новгородскаго епископа Іоакима въ 1030 г., сопровождаемое замѣчаніемъ „бяше ученикъ его (и пріемникъ) Ефремъ, иже ны учаше“. Вставки изъ этой начальной Новгородской лѣтописи мы находимъ уже въ Кіевской начальной лѣтописи; напр., разсказъ о походѣ Ярослава изъ Новгорода на Святополка подъ 1015 годомъ изложенъ, очевидно, по Новгородской лѣтописи, а разсказъ о боѣ между ними подъ 1016 г., очевидно, по лѣтописи Кіевской. Далѣе разсказъ объ ослѣпленіи теребольскаго князя Василька княземъ Давидомъ Игоревичемъ подъ 1097 г., написанъ „нѣкіимъ священникомъ“ Василіемъ, который плохо зналъ кіевскій край, но бывалъ во Владимирѣ на Волыни; онъ является даже дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ событіи, посредникомъ въ переговорахъ между обоими князьями. Былъ ли это лѣтописецъ волынскій, или только авторъ отдѣльной повѣсти объ ослѣпленіи Василька, сказать трудно. Онъ писалъ еще до смерти Василька (1124 г.) потому что, говоря о порѣзѣ лица нанесенномъ Васильку при его ослѣпленіи, онъ замѣчаетъ: „есть рана та на Василькѣ и нынѣ“.—Такъ встрѣчаемъ слѣды повѣствователей новгородскаго и волынскаго въ XI и началѣ XII вѣка.

До половины XI вѣка въ читаемой нами Начальной лѣтописи нѣтъ указаній на ея составителя, но съ половины XI вѣка въ ней появляются такія указанія. Такъ, разсказывая подъ 1051 годомъ объ основаніи Печерскаго монастыря въ Кіевѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: „Феодосьеви же живущу въ монастыри и правищу добродѣтельное житье и чернечское правило и принимающу всякаго приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ, худый и недостойный рабъ, и пріять мя, лѣтъ ми сущу 17 отъ рожденія моего“. Итакъ, до 1074 года, когда умеръ Феодосій, лѣтописецъ семнадцатилѣтнимъ юношей принятъ былъ въ

Печерскій монастырь. Подъ 1064 г., разсказывая о ребенкѣ уродѣ, вытащенномъ рыбаками изъ рѣки Сѣтомли, лѣтописецъ говоритъ: „его же позоровахомъ до вечера“. Былъ ли онъ уже инокомъ Печерскаго монастыря, или бѣгалъ мальчикомъ смотрѣть на диковину, сказать трудно. При открытіи мощей Феодосія (1091 г.) лѣтописецъ изображаетъ себя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ живетъ еще въ Печерскомъ монастырѣ въ 1096 г. Повѣствуя о нападеніи половцевъ въ этомъ году на Печерскій монастырь, онъ замѣчаетъ: „и пріидоша въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ“. Лѣтописецъ былъ еще живъ въ 1106 году. Въ этомъ году скончался, пишетъ онъ, старецъ добрый Янъ, жившій 90 лѣтъ, въ старости маститой; жилъ онъ по закону Божію не хуже первыхъ праведниковъ, „отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еще и вписахъ въ лѣтописаніи семъ“.

Итакъ, съ половины X столѣтія событія южной Кіевской Руси въ Начальной лѣтописи описываются ихъ современникомъ. Это отражается и на самомъ характерѣ лѣтописнаго разсказа. Повѣствованіе становится все болѣе подробно, и подробности эти теряютъ легендарный характеръ, какой они носили въ разсказѣ о предыдущихъ событіяхъ. При нѣкоторыхъ событіяхъ отмѣчаются мѣсяцы и даже числа, когда они случались, чего не замѣчается прежде. По отмѣткамъ, встрѣчающимся въ самой лѣтописи, мы видимъ, что составитель ея, т. е. начальный кіевскій лѣтописецъ, былъ жителемъ Кіевской земли, можетъ быть даже самаго города Кіева. Въ 1064 году онъ смотрѣлъ на урода, 17-ти лѣтъ постригся въ монахи Кіевской Печерской Лавры; въ 1091 г. онъ открылъ мощи Феодосія и былъ живъ еще въ началѣ XII вѣка. Можно думать что лѣтописецъ родился приблизительно въ самомъ концѣ первой половины XI столѣтія.

Таковы слѣды лѣтописца, который писалъ въ XI и началѣ XII столѣтія, слѣды, сохранившіеся въ Начальной лѣтописи. Лѣтопись эта, какъ мы сказали, есть сводъ, составившійся изъ древнѣйшихъ подлинныхъ лѣтописей Новгородской, Кіевской и, можетъ быть, Волынской. Сверхъ того въ нее внесены и другія статьи, напр., подъ 1096 годомъ встрѣчается вставленное извѣстное поученіе Мономаха къ своимъ дѣтямъ, и его же письмо къ князю Олегу Святославичу, написанное въ 1098 году. Такія вставки не на мѣстѣ и не кстати, также служатъ косвеннымъ указаніемъ, что Начальная лѣтопись не есть подлинное произведеніе древняго кіевскаго лѣтописца.

Кто же былъ начальнымъ кіевскимъ лѣтописателемъ? Уже въ началѣ XIII вѣка въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ ходило преданіе, что этимъ лѣтописателемъ былъ монахъ того же монастыря, Несторъ. Объ этомъ Несторѣ „иже написа лѣтописецъ“ упоминаетъ въ своемъ посланіи монахъ того же монастыря Поликарпъ, писавшій въ началѣ XIII столѣтія. Несторъ извѣстенъ въ нашей древней письменности, какъ авторъ двухъ житій—преподобнаго Феодосія и св. князей Бориса и Глѣба. Сличая эти памятники съ извѣстной намъ Начальной лѣтописью, нашли непримиримыя противорѣчія. Напр., въ лѣтописи авторъ ея говоритъ, что его принялъ въ монастырь преподобный Феодосій, а въ житіи Феодосія біографъ замѣчаетъ, что онъ былъ принятъ въ монастырь уже преемникомъ Феодосія, игуменомъ Стефаномъ. Впрочемъ, всѣ противорѣчія между лѣтописью и названными памятниками находятся въ двухъ мѣстахъ лѣтописи, именно, въ сказаніи объ основаніи

Кіево-Печерскаго монастыря, подъ годомъ 1051, и въ сказаніи о преподобномъ Феодосіи, подъ годомъ 1074 г. Можетъ быть, это извѣстіе суть особыя статьи, вставленныя въ лѣтопись составителемъ ея, но не принадлежащія Нестору, а заимствованныя у какого либо другого писателя. Какъ бы то ни было, благодаря противорѣчіямъ этимъ, у насъ относятся съ большимъ сомнѣніемъ къ Кіево-Печерскому преданію о Несторѣ, какъ о лѣтописцѣ; тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за разсказомъ о послѣднихъ событіяхъ (1110 года) слѣдуетъ такая неожиданная приписка: „Игуменъ Селивестръ святого Михаила (Выдубецкаго монастыря) написахъ книги си лѣтописецъ, надѣялся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимирѣ, княжещу ему Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святого Михаила, въ лѣто 6624“ (1116 г.).

Сомнѣваясь въ принадлежности древней кіевской лѣтописи Нестору, нѣкоторые останавливаются на этой припискѣ, какъ доказательствѣ того, что начальнымъ кіевскимъ лѣтописцемъ былъ игуменъ Выдубецкаго монастыря въ Кіевѣ, Сильвестръ, прежде жившій инокомъ въ Печерскомъ монастырѣ. Но и это предположеніе сомнительно. Если начальная лѣтопись оканчивается 1110-мъ годомъ, а Сильвестръ сдѣлалъ приписку въ 1116-мъ году, то почему онъ пропустилъ промежуточные годы, не записавши совершившихся въ нихъ событій,—иначе говоря, почему поставилъ свою приписку не послѣ 1116 года, а послѣ 1110 года? Съ другой стороны, въ XIV—XV вв. въ нашей письменности отличали начальнаго кіевскаго лѣтописателя отъ Сильвестра, какъ его продолжателя. Въ одномъ изъ позднихъ сводовъ, Никоновскомъ, послѣ разсказа о несчастномъ для русскихъ нашествіи Эдигея въ 1409 году, современникъ-лѣтописецъ дѣлаетъ такое замѣчаніе (я передаю его близкой перифразой): „я написалъ это не въ досаду кому-нибудь, а по примѣру начальнаго лѣтословца кіевскаго, который не обинуясь разсказываетъ вся временна бытства земская (всѣ событія, совершавшіяся въ нашей землѣ); да и наши первые властодержцы безъ гнѣва позволяли описывать все доброе и недоброе, случившееся на Руси, какъ при Владимирѣ Мономахѣ не украшая, описывалъ оный великій Сильвестръ Выдубецкій“. Итакъ Сильвестръ не считался въ началѣ XV-го вѣка начальнымъ лѣтословцемъ кіевскимъ.

Разбирая составъ Начальной лѣтописи, мы кажется, можемъ угадать отношеніе къ ней этого Сильвестра. Лѣтопись эта есть сборникъ очень разнообразнаго историческаго матеріала, нѣчто въ родѣ исторической хрестоматіи, въ ней соединены и отдѣльныя, краткія извѣстія и пространныя повѣсти объ отдѣльныхъ событіяхъ, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ, и историческіе документы, напр., договоръ съ греками X в. и посланіе Мономаха къ Олегу Черниговскому, и наконецъ особыя цѣльныя повѣствованія. Въ составъ лѣтописи вошли три такія повѣствованія. Во-первыхъ (идя съ конца) въ основаніе свода легла Начальная лѣтопись кіевская, ее писалъ съ конца XI-го вѣка монахъ Печерскаго монастыря, прервавшій свой разсказъ на 1110-мъ году. Но съ какого времени началъ онъ свой разсказъ?“ Повидимому, изложенію событій, которыхъ онъ былъ современникомъ, лѣтописецъ предпослалъ разсказъ о событіяхъ прежняго времени. Мы видимъ, что онъ былъ кіевлянинъ и родился около половины XI-го вѣка. Между прочимъ ему принадлежитъ разсказъ о событіяхъ 1044 года. Говоря о Всеславѣ Полоцкомъ, лѣтописецъ упоми-

наетъ о повязкѣ, которой этотъ князь прикрывалъ язву на своей головѣ. Объ этой повязкѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: „еже носитъ Всеславъ и до сего дня на себѣ..; а онъ умеръ въ 1101 году. Значитъ, разсказъ Начальной кіевской лѣтописи начинается событіями, предшествовавшими тому времени,когда могъ начать свой трудъ лѣтописецъ.

Подвигаясь далѣе, мы встрѣчаемъ длинное сказаніе о крещеніи Руси при Владимирѣ. Оно разбито на три года: 986—7—8. Но это не лѣтописный разсказъ; онъ безъ лѣтописныхъ пріемовъ, съ полемической тенденціей, съ желаніемъ обличить всѣ вѣры, кромѣ православной. Эта повѣсть, очевидно, не принадлежитъ лѣтописцу, а вставлена въ сводъ его составителемъ. Въ ней уцѣлѣли слѣды времени, когда она была составлена.

Когда къ Владимиру пришли евреи съ предложеніемъ своей вѣры, князь спросилъ ихъ: „гдѣ земля ваша?“ Миссіонеры отвѣчали: „въ Іерусалимѣ“. „Полно, тамъ ли?“—спросилъ ихъ князь. Тогда миссіонеры сказали: „разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по странамъ грѣховъ ради нашихъ, и предана была земля наша христіанамъ“. Если бы авторъ разумѣлъ первыхъ, кто покорилъ землю евреевъ, онъ долженъ былъ бы назвать язычниковъ римлянъ; если бы онъ разумѣлъ властителей Іерусалима, современныхъ Владимиру, то онъ долженъ былъ бы назвать магометанъ; если же онъ говоритъ о христіанахъ,—ясно, что онъ писалъ послѣ завоеванія Іерусалима крестоносцами т. е. въ началѣ XII столѣтія.

Наконецъ, читая первые листы лѣтописнаго свода, мы замѣчаемъ, что это тоже связная и цѣльная повѣсть, лишенная лѣтописныхъ пріемовъ. Эта повѣсть разсказываетъ о раздѣленіи земли послѣ потопа между сыновьями Ноя, о происхожденіи разныхъ народовъ отъ этихъ сыновей, о разселеніи этихъ народовъ послѣ столпотворенія, о появленіи славянъ на Дунаѣ и разселеніи ихъ оттуда, о славянахъ восточныхъ, пришедшихъ на Днѣпръ и размѣстившихся по Руси, о нашествіи разныхъ народовъ на славянъ, о нашествіи хозаръ на славянъ восточныхъ, о дани, которую они платили варягамъ и хозарамъ, объ изгнаніи первыхъ, о призваніи Рюрика изъ-за моря и объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ. Повѣсть составлена по образцу византійскихъ хронографовъ, обыкновенно начинающихъ свой разсказъ со времени послѣ потопа. Одинъ изъ этихъ хронографовъ, Георгій Амартолъ (IX вѣка съ продолженіемъ до половины X) былъ давно извѣстенъ въ славянскомъ, болгарскомъ переводѣ. Его даже прямо называетъ повѣсть, какъ одинъ изъ своихъ источниковъ, но вмѣстѣ съ выдержками изъ Георгія она передаетъ рядъ преданій о восточныхъ славянахъ, преданій, въ которыхъ, несмотря на прозаическое изложеніе, уцѣлѣли еще черты исторической народной пѣсни (напр., преданіе о нашествіи аваровъ на славянъ дулебовъ).

Въ началѣ повѣсть представляетъ сплошной разсказъ безъ хронологическихъ помѣтокъ. Хронологическія указанія являются только съ 852 года, но не потому, что повѣсть имѣетъ что-нибудь сказать о славянахъ подъ этимъ годомъ; она не помнитъ ни одного событія, касавшагося славянъ въ этомъ году, но этотъ годъ она считаетъ началомъ царствованія императора Михаила III, а при этомъ византійскомъ императорѣ впервые стало извѣстно Византіи имя Руси, ибо Русь нападала на Царьградъ, о чемъ авторъ повѣсти узналъ изъ гре-

ческой лѣтописи. Самое нашествіе Руси на Царьградъ случилось не въ 852 году, а отнесено имъ къ 866 году. Далѣе, первое русское извѣстіе, помѣченное годомъ, таково, что не можетъ быть отнесено ни къ какому одному году, именно, подъ 859 годомъ повѣсть разсказываетъ о томъ, что варяги брали дань съ сѣверныхъ племенъ, а хозары съ южныхъ. Происхожденія, или начала, дани не помнитъ повѣсть. Подъ 862 годомъ идетъ рядъ извѣстій объ изгнаніи варяговъ и о призваніи Рюрика съ братьями. Но этотъ годъ поставленъ не на мѣстѣ, неловко; здѣсь читаемъ мы о смерти братьевъ Рюрика, которые умерли два года спустя послѣ прихода Рюрика. Значитъ, этотъ годъ покрываетъ событія нѣсколькихъ лѣтъ. Слѣдуя далѣе, находимъ хронологическую помѣтку совершенно безсмысленную, разрывающую грамматическую связь рѣчи. Если вы возьмете книгу Начальной лѣтописи и станете слѣдить за изложеніемъ, то эта безсмысленность представится вамъ очевидной. Подъ 862 годомъ мы читаемъ: „Въ лѣто 6370 Рюрику же княжащу въ Новгородѣ, въ лѣто 6371, 6372, 6373, 6374—иде Аскольдъ и Диръ на Греки“, т. е. вставка годовъ оторвала главное предложеніе отъ придаточнаго. Итакъ, очевидно, что хронологическія помѣтки, встрѣчающіяся въ повѣсти при событіяхъ IX вѣка, принадлежатъ не автору разсказа, а внесены стороннею рукою. Вчитываясь въ повѣсть, находимъ указаніе на время, когда она была составлена. Разсказывая о нашествіи хозаръ на славянъ—полянъ, кіевскій лѣтописецъ замѣчаетъ къ концу: „володѣютъ хозары русскіе и до сего дне“. Такъ не могъ сказать кіевскій лѣтописецъ XII вѣка. Тогда землею хозаръ владѣли половцы *). Итакъ, очень вѣроятно, что составитель разсказа о первыхъ событіяхъ на Руси писалъ послѣ 1036 года.

Разсказывая о томъ, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ и началъ устанавливать дань по всей землѣ, повѣсть прибавляетъ, что тогда и Новгороду было указано платить дань варягамъ по 300 гривенъ въ годъ, „еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягамъ“. Такъ читаемъ по Лаврентьевскому списку; но въ одномъ изъ позднѣйшихъ сводовъ Никоновскомъ, мы встрѣчаемъ это извѣстіе въ другомъ изложеніи: Олегъ указалъ Новгороду давать дань Варягамъ, „еже и нынѣ даютъ“. Можно думать, что это есть первоначальная, подлинная форма извѣстія; значитъ, разсказъ о первыхъ событіяхъ на Руси составленъ до смерти Ярослава (1054 г.). Если это такъ, то авторомъ ея не могъ быть Начальный кіевскій лѣтописецъ. Въ томъ же разсказѣ есть указаніе на то, какимъ событіемъ онъ прерывается. Пересчитывая народы, нападавшіе на славянъ, повѣствователь говоритъ, что послѣ страшныхъ обровъ, такъ мучившихъ дулебовъ пришли печенѣги, а потомъ уже, при Олегѣ, прошли мимо Кіева угры въ 898 г. Итакъ, печенѣги предшествовали венграмъ, но далѣе въ сводѣ мы читаемъ, что уже послѣ венгровъ, въ 915 году, печенѣги впервые пришли на русскую землю. Итакъ, повѣствователь о временахъ Игоря имѣлъ нѣсколько иныя историческія представленія, чѣмъ повѣствователь о первыхъ со-

*) Въ 965 г. Святославъ разрушилъ Хозарское царство; скоро, впрочемъ, страною хозаръ завладѣли печенѣги. Въ 1036 г. Ярославъ наголову разбилъ печенѣговъ, такъ что остатки ихъ убѣжали и пропали безъ вѣсти. Въ 1061 году половцы одержали первую побѣду надъ Русью и съ тѣхъ поръ завладѣли страною хозаръ.

бытіяхъ на Руси, т. е. событія 915 года слѣдующихъ лѣтъ описаны уже не авторомъ повѣсти. Эта повѣсть носитъ въ сводѣ такое заглавіе:

„Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Русская земля стала есть". Итакъ, авторъ обѣщаетъ разсказать, какъ началась Русская земля. Разсказывая объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ въ 882 г. повѣствователь замѣчаетъ: „бѣша у него Варяги и Словѣни и проч., прозвашася Русью". Вотъ и начало Руси—исполненіе обѣщанія, даннаго повѣствователемъ. Итакъ „повѣсть временныхъ лѣтъ" есть заглавіе, относящееся не къ цѣлому своду, а только къ разсказу, составляющему его начало и прерывающемуся на утвержденіи Олега въ Кіевѣ въ 882 году. Эта повѣсть составлена не позже смерти Ярослава.

Таковы три составныя части лѣтописнаго свода: 1) повѣсть временныхъ лѣтъ, прерывающаяся на княженіи Олега, т. е. на событіяхъ X в.; 2) повѣсть о крещеніи Руси, помѣщенная въ сводѣ подъ годами 986—7—8 и 3) Начальная кіевская лѣтопись, въ которой описаны событія XI и XII вв. до 1110 г. включительно. Вы видите, что между этими составными частями свода остаются обширные хронологическіе промежутки. Эти промежутки наполнены въ сводѣ извѣстіями, заимствованными изъ разныхъ источниковъ; здѣсь встрѣчаются разсказы, взятые, очевидно, изъ византійскихъ хронографовъ, и рядомъ съ ними сказанія, источникомъ которыхъ были кіевскія преданія. Напр., разсказъ о первомъ походѣ Игоря на грековъ въ 914 году заимствованъ съ нѣкоторыми измѣненіями изъ хронографа Георгія Амартола, а разсказъ о второмъ походѣ въ 944 году, отличающійся поэтическими чертами, заимствованъ изъ кіевской народной саги. Эта народная сага, какъ источникъ лѣтописныхъ извѣстій, проходитъ въ лѣтопись по всему X в., и слѣды ея замѣтны даже въ началѣ XI в., въ разсказѣ о борьбѣ Владимира съ печенѣгами, въ лѣтописномъ разсказѣ чувствуются остатки цѣлаго поэтическаго цикла, уже сложившагося въ Кіевской Руси въ половинѣ XI вѣка и повѣствующаго о борьбѣ Руси со степью. Кто наполнилъ эти промежутки, черпая то изъ византійскаго хронографа, то изъ народнаго кіевскаго эпоса? На этотъ вопросъ нельзя найти отвѣта. Можетъ быть, событія десятаго вѣка описаны и начальнымъ кіевскимъ лѣтописателемъ, можетъ быть они вставлены послѣ него составителемъ свода. Можно только замѣтить, что хронологическій распорядокъ событій IX и X вѣка, можетъ быть до княженія Ярослава, въ сводѣ принадлежитъ не лѣтописателю, а составителю его. Весь сводъ построенъ на одномъ хронологическомъ планѣ; этотъ планъ составленъ частью при помощи византійскаго хронографа.

Сводъ ведетъ лѣтосчисленіе съ потопа, указывая, сколько лѣтъ прошло отъ потопа до Авраама, отъ Авраама до исхода евреевъ изъ Египта, и т. д. Начало русской хронологіи, какъ мы видѣли, сводъ пріурочиваетъ къ первому году царствованія императора Михаила, при которомъ впервые грекамъ стало извѣстно имя Руси. Сказавши, что при этомъ императорѣ впервые стало извѣстно имя Руси, сводъ продолжаетъ: „тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ". Далѣе сводъ высчитываетъ различные хронологическіе періоды и доходитъ до Олега, когда тотъ утвердился въ Кіевѣ (882 г.): „отъ перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Ольгова, Русскаго князя лѣтъ 29; отъ перваго лѣта Ольгова,

понеже сѣдѣ въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игоря лѣтъ 31 и т. д. Предѣломъ этого счета служитъ смерть великаго князя Святополка (1113 г.), отъ смерти Ярослава до смерти Святополка 60 лѣтъ. Значитъ хронологическій разсчетъ сдѣланъ рукою писавшаго въ княженіи Святополкова преемника, Владимира Мономаха, т. е. между 1113 и 1125 годомъ. Но мы видѣли, что начальная кіевская лѣтопись прерывается еще при Святополкѣ, 1110 годомъ; слѣдовательно, хронологическій разсчетъ свода не принадлежитъ начальному кіевскому лѣтописцу, а сдѣланъ рукою писавшею въ княженіе Владиміра Мономаха. На это именно время и падаетъ игуменство Сильвестра; его и считаю я составителемъ свода. Онъ, соединяя различные источники нашелъ рядъ сказаній до X вѣка, но безъ хронологическихъ помѣтокъ и при помощи византійскихъ хронографовъ расположилъ эти событія, по своему соображенію по годамъ. Точныя хронологическія помѣтки начинаются только съ того времени, когда начала писаться Начальная лѣтопись, т. е. въ XI вѣкѣ. Хронологическія помѣтки IX и X вѣка имѣютъ только приблизительную вѣрность; онѣ всѣ искусственны.

Повторяю теперь главные выводы, къ которымъ мы пришли, разбирая начальную лѣтопись—точнѣе говоря, начальный лѣтописный сводъ. Онъ состоитъ изъ трехъ главныхъ и разновременныхъ частей: 1) изъ „повѣсти временныхъ лѣтъ", или какъ мы станемъ ее называть, изъ повѣсти о началѣ русской земли, составленной неизвѣстнымъ авторомъ не позже 1054 г., 2) изъ сказанія о крещеніи Руси, составленнаго кѣмъ то въ самомъ началѣ XII в. и, наконецъ, 3) изъ начальной кіевской лѣтописи, которую велъ съ конца X вв. и до 1110 г., включительно, монахъ Печерскаго монастыря, по древнему кіевскому преданію Несторъ. Промежутки между этими главными частями наполнены изъ разныхъ иноземныхъ и туземныхъ источниковъ (главнымъ образомъ историческихъ преданій Руси) XI в., составителемъ свода, которымъ былъ, по всей вѣроятности, игуменъ Выдубитскаго монастыря Сильвестръ, кончившій свой трудъ въ 1116 году. Такъ можно объяснить отношеніе этого Сильвестра къ Начальной лѣтописи. Древнѣйшая читаемая нами лѣтопись есть лѣтописный сводъ, а не подлинная Начальная лѣтопись печерскаго инока. Эта Начальная кіевская лѣтопись не дошла до насъ въ подлинномъ видѣ, а частью сокращенная, частью дополненная вставками, вошла въ Начальный лѣтописный сводъ, какъ его часть. Значитъ нельзя сказать ни того, что Сильвестръ былъ Начальнымъ кіевскимъ лѣтописцемъ, ни того, что Несторъ составилъ читаемую нами древнѣйшую лѣтопись, т. е. начальный лѣтописный сводъ: Несторъ былъ составителемъ Начальной (кіев.) лѣтописи не дошедшей до насъ въ подлинномъ видѣ, а Сильвестръ—составителемъ начальнаго лѣтописнаго свода и редакторомъ вошедшихъ въ его составъ устныхъ народныхъ преданій и письменныхъ повѣствованій, въ томъ числѣ и начальной кіевской лѣтописи. Эти выводы даютъ намъ нѣкоторую опору при оцѣнкѣ достовѣрности древнѣйшихъ извѣстій о нашей землѣ. При разборѣ ихъ мы не должны забывать, что основаніемъ ихъ служили извѣстія которыя были записаны безъ малаго 200 лѣтъ спустя послѣ того времени, къ которому относится появленіе Рюрика съ братьями въ Новгородѣ.

Для болѣе удобнаго изученія нашихъ древнихъ лѣтописей совѣтую ознакомиться съ изслѣдованіемъ Бестужева Рюмина „О составѣ

русскихъ лѣтописей до конца XIV в.“, въ IV выпускѣ „Лѣтописи занятій Археограф. коммиссіи“ и отдѣльно. Тамъ найдете и сводъ мнѣній о происхожденіи и составѣ лѣтописи, хотя эти мнѣнія не во всемъ согласны съ изложенными мною.

Славяне на Карпатахъ (VI вѣкъ).

Теперь обратимся къ изученію тѣхъ обстоятельствъ, которыми былъ созданъ складъ общества, установившійся въ первый періодъ нашей исторіи. Въ современной исторической литературѣ господствуютъ два главные взгляда на начало нашей исторіи. Одинъ изъ этихъ взглядовъ изложенъ въ сочиненіи знаменитаго академика прошлаго столѣтія Шлецера о Несторѣ (Nestor russische Annalen), на нѣмецкомъ языкѣ въ 5 томахъ вышедшихъ въ 1805—1809 гг. Вотъ основныя черты этого взгляда. До прихода варяговъ на обширномъ пространствѣ нашей равнины отъ Новгорода и до Кіева, направо и налѣво, все было дико и пусто. Въ эту пустыню, заселенную разбросанными, немногочисленными родами славянъ, начатки гражданственности принесены были впервые около половины IX вѣка заморскими варягами изъ Скандинавіи.

Значитъ наша исторія начинается около половины IX вѣка устроеніемъ гражданственности, выходомъ изъ дикаго состоянія. Картина нравовъ восточныхъ славянъ, какъ ее нарисовала древняя повѣсть о началѣ русской земли, повидимому, подтверждаетъ этотъ взглядъ. Здѣсь читаемъ, что за исключеніемъ полянъ, всѣ остальныя племена восточныхъ славянъ жили «звѣрскимъ образомъ», «скотски» въ лѣсахъ, какъ звѣри; убивали другъ друга, ѣли все нечистое, жили отдѣльными родами; «живяху каждо съ своимъ родомъ, и на своихъ мѣстѣхъ, владѣющи каждо родомъ своимъ». Значитъ, мы должны начинать нашу исторію не раньше половины IX вѣка изображеніемъ первичныхъ историческихъ процессовъ какими начиналось человѣческое общежитіе.

Другой взглядъ сталъ распространяться въ нашей литературѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Онъ составляетъ полную противоположность изложенному. Наиболѣе полное выраженіе его вы можете найти въ различныхъ сочиненіяхъ покойнаго Бѣляева и у Забѣлина въ его «Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». Вотъ основныя черты их взгляда. Восточные народы искони обитали тамъ, гдѣ застаетъ ихъ наша начальная лѣтопись, и появились здѣсь, можетъ быть, еще задолго до Р. Х. Ученые этого направленія изображаютъ долгій и сложный процессъ, въ результатѣ котораго изъ первобытныхъ мелкихъ племенъ выростали города, изъ среды этихъ городовъ поднимались главные города, составлявшіе съ младшими городами, или пригородами, племенные политическіе союзы полянъ, сѣверянъ и пр. и, наконецъ, главные города разныхъ племенъ начали соединяться въ одинъ общерусскій союзъ. Недостатокъ этой теоріи состоитъ въ томъ, что развитіе такого сложнаго историческаго процесса въ ней поставлено внѣ времени и историческихъ условій: не видно, къ какому времени относятся начало и далнѣйшіе моменты этого процесса. Слѣдуя этому взгляду, мы должны начинать нашу исторію задолго до Р. Х.;

за много вѣковъ до призванія заморскихъ князей, ибо уже до ихъ прихода у восточныхъ славянъ успѣлъ выработаться сложный и твердый общественный строй, который уже отлился въ развитыя политическія формы.

Войдемъ въ разборъ уцѣлѣвшихъ древнѣйшихъ извѣстій о нашихъ славянахъ и тогда получимъ возможность оцѣнить оба изложенные взгляда.

Повѣсть о началѣ русской земли не помнитъ времени прихода славянъ изъ Азіи въ Европу; она застаетъ славянъ уже на Дунаѣ. Изъ этой придунайской страны, которую составитель повѣсти зналъ подъ именемъ земли Угорской и Болгарской, пришли и тѣ племена, которыя разселились по Днѣпру, его притокамъ и далѣе къ сѣверу. Повѣсть не помнитъ еще ясно, чтобы эти восточные славяне гдѣ нибудь останавливались на пути съ Дуная. Но византійскіе писатели VI и начала VII вѣка разсказываютъ намъ о славянахъ, имя которыхъ появляется въ ихъ извѣстіяхъ съ конца V вѣка. Эти писатели раздѣляютъ всѣхъ славянъ на двѣ главныя вѣтви: на антовъ, жившихъ по черноморскому прибережью, отъ нижняго Дуная до нижняго Днѣпра, и на славянъ собственно, которые жили къ сѣверу отъ Дуная до верхней Вислы и къ востоку до Днѣпра. Такъ опредѣляетъ границы разселенія славянъ и готскій писатель VI вѣка, хорошо, повидимому, знакомый съ этими племенами, самъ варваръ, родомъ изъ нижній Мизіи, Іорнандъ.

Значитъ, славяне занимали собственно Карпатскій край. Карпаты, дѣйствительно, были общеславянскимъ гнѣздомъ, изъ котораго впослѣдствіи славяне разошлись въ разныя стороны. Эти прикарпатскіе славяне въ продолженіи всего VI вѣка громили имперію, переходя за Дунай; слѣдствіемъ этихъ постоянныхъ вторженій и было постепенное заселеніе Балканскаго полуострова славянами. Итакъ, прежде чѣмъ славяне съ Дуная попали на Днѣпръ, они долго оставались на карпатскихъ склонахъ. Здѣсь была промежуточная стоянка восточныхъ славянъ. Есть два указанія на эту стоянку, предшествовавшую заселенію Днѣпровья. Наша лѣтопись не помнитъ о Карпатахъ, но она разсказываетъ, что славяне съ Дуная разселились въ разные стороны и назывались по именамъ мѣстъ, гдѣ поселялись. Одни поселились на рѣкѣ Моравѣ и назывались Моравой, другіе—Чехами. Это—западные славяне. Восточную вѣтвь составляли Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане. Эти племена и заселяли Днѣпровье, по разсказу нашей «повѣсти». Когда Волхи, по изслѣдованію нѣкоторыхъ писателей, римляне, напали на славянъ, одни пришли на Днѣпръ и стали называться полянами, а другіе прозывались древлянами, потому что поселились въ лѣсахъ и т. д. Итакъ, «повѣсть» чуть помнитъ, что днѣпровскіе славяне пошли отъ бѣлыхъ хорватовъ и сербовъ, а мѣстопребываніемъ этихъ племенъ, гдѣ ихъ знаютъ византійскіе писатели, были сѣверо-восточные склоны Карпатовъ, т. е. нынѣшняя Галиція съ областью верхней Вислы. Хорватовъ знаетъ здѣсь и наша лѣтопись, еще въ X вѣкѣ при Владимирѣ Святомъ. Не помня о карпатской стоянкѣ, повѣсть однако помнитъ племена, отъ которыхъ пошли восточные славяне, поселившіеся на Днѣпрѣ и далѣе на сѣверъ.

Продолжительные вооруженные натиски прикарпатскихъ славянъ должны были вызвать среди нихъ какіе-нибудь военные союзы.

Мы находимъ любопытные слѣды такого союза, въ составъ котораго входили именно восточные славяне. Повѣсть о началѣ русской земли составлена въ Кіевѣ; авторъ ея, слѣдовательно, долженъ былъ лучше всего знать про своихъ кіевскихъ полянъ. Онъ передаетъ рядъ вражескихъ нашествій, испытанныхъ славянами, говоритъ о болгарахъ, обрахъ, уграхъ, хозарахъ; но до хозаръ онъ не помнитъ о судьбѣ полянъ. Народные потоки, часто давившіе славянъ, какъ будто ничѣмъ не задѣли восточное племя славянъ, ближе всего къ нимъ стоявшее, полянъ. Повѣсть помнитъ только объ одномъ восточномъ славянскомъ племени, но такомъ, которое въ XI вѣкѣ не играло замѣтной роли въ нашей исторіи. Повѣсть разсказываетъ о нашествіи аваровъ на дулѣбовъ (въ VI в.): «си же Обринѣ воеваху на Словенѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словены, и насилье творяху женамъ Дулѣбьскимъ; аще поѣхати будяще Обрину не дадяше въ прячи коня, ни вола, но веляше въпрячи три ли, четыре ли, пять ли женъ въ телѣгу и повезти Обриня,—тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обрѣ тѣломъ велицы и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Обринъ. Есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдника». Очевидно, благодаря этой поговоркѣ, въ повѣсти и уцѣлѣло преданіе объ обрахъ. Но гдѣ были въ то время поляне, и почему одни дулѣбы страдали отъ обровъ? Неожиданно съ другой сторны идетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ сороковыхъ годахъ X вѣка, лѣтъ за сто до составленія повѣсти о началѣ русской земли, писалъ о восточныхъ славянахъ арабъ Масуди въ своемъ географическомъ сочиненіи «Золотые луга». Здѣсь онъ разсказываетъ, описывая восточныя славянскія племена, что нѣкогда одно изъ нихъ, коренное между ними, господствовало надъ прочими, имѣло верховную власть надъ ними; но потомъ пошли между ними раздоры, союзъ ихъ разрушился, они раздѣлились на отдѣльныя племена, и каждое племя выбрало себѣ отдѣльнаго царя. Это господствовавшее племя Масуди называетъ Volinana (волыняне), а изъ лѣтописи мы знаемъ, что эти волыняне—тѣ же дулѣбы и жили по Западному Бугу.

Понятно, почему кіевское преданіе запомнило однихъ дулѣбовъ во время аварскаго нашествія; тогда дулѣбы господствовали надъ всѣми славянами и покрывали ихъ своимъ именемъ, какъ впослѣдствіи всѣ восточные славяне звались Русью—именемъ, которое принадлежало собственно кіевскимъ славянамъ. Во время аварскаго нашествія еще не было ни полянъ, ни самого Кіева, и масса восточныхъ славянъ сосредоточивалась на склонахъ Карпатъ въ краю обширнаго водораздѣла, откуда идутъ въ разныя стороны Днѣстръ, оба Буга, притоки верхней Припети и верхней Вислы.

Итакъ мы застаемъ у восточныхъ славянъ въ VI в. большой военный союзъ подъ предводительствомъ князя дулѣбовъ. Постоянная борьба съ Византіей завязала этотъ союзъ, стянула восточныя славянскія племена въ одно цѣлое. Вотъ фактъ, который можно поставить въ началѣ нашей исторіи; она началась въ VI в. на сѣверо—восточныхъ склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ. Отсюда, съ сѣверо-восточныхъ склоновъ Карпатъ, восточные славяне постепенно разселились по нашей равнинѣ.

Разселеніе восточныхъ славянъ съ Карпатскихъ склоновъ.

Разселеніе—второй начальный фактъ нашей исторіи. Этотъ фактъ особенно для насъ важенъ. Онъ доказывается разными слѣдами. Византійскіе писатели VI и начала VII в., описывавшіе славянъ, застаютъ ихъ въ состояніи необычайнаго движенія. Императоръ Маврикій, долго боровшійся съ карпатскими славянами, пишетъ, что славяне живутъ точно разбойники, всегда готовые подняться съ мѣста, поселками, разбросанными по лѣсамъ и по берегамъ многочисленныхъ рѣкъ ихъ страны. Нѣсколько ранѣе Прокопій замѣчаетъ, что славяне живутъ въ плохихъ, разбросанныхъ по одиночкѣ хижинахъ и часто переселяются.

Узнаемъ далѣе и направленіе, въ которомъ шло это движеніе. Я указывалъ, что въ повѣсти осталась смутная память о разселеніи восточныхъ славянъ изъ страны бѣло—хорватовъ и сербовъ, то есть съ сѣверо-восточныхъ склоновъ Карпатъ. Византійцы говорятъ о славянахъ до второй четверти VII вѣка, но съ 630-хъ годовъ одновременно прекращаются и вторженія задунайскихъ славянъ въ предѣлы имперіи, и византійскія извѣстія о славянахъ. Славяне исчезли куда-то. Въ первый разъ снова являются восточные славяне въ византійскихъ сказаніяхъ уже въ IX вѣкѣ, когда они подъ именемъ Руси нападаютъ на Царьградъ. О судьбѣ прикарпатскихъ славянъ въ этотъ длинный промежутокъ времени ничего надежнаго не находимъ у византійцевъ. Наша лѣтопись, съ другой стороны, забывая о приходѣ славянъ изъ карпатскаго края, запомнила одинъ изъ послѣднихъ моментовъ разселенія. Размѣщая восточно-славянскія племена по Днѣпру съ его притоками эта лѣтопись разсказываетъ, что были «въ Ляхахъ» два брата, Радимъ и Вятко, которые пришли съ своими родами и сѣли—Радимъ на Сожѣ, а Вятко по Окѣ; отъ нихъ и пошли радимичи и вятичи. Размѣщеніе этихъ племенъ за Днѣпромъ показываетъ, что ихъ приходъ былъ однимъ изъ позднихъ приливовъ колонизаціи. Новые пришельцы не нашли себѣ мѣста на правой сторонѣ Днѣпра и должны были продвинуьтся далѣе на востокъ за Днѣпръ. Вятичи очутились самымъ крайнимъ восточнымъ племенемъ русскихъ славянъ. Но почему вожди этихъ племенъ названы въ повѣсти «Ляхами»?—Потому что область указаннаго водораздѣла, древняя страна хорватовъ, въ X и XI вѣкахъ, когда написана повѣсть, была уже ляшской страной, предметомъ борьбы Руси съ Польшей.

Такъ, сопоставляя византійскія извѣстія съ преданіями повѣсти о началѣ русской земли, узнаемъ направленіе славянской колонизаціи и время, когда она началась. Византійцы перестаютъ расказывать о карпатскихъ славянахъ со второй четверти VII в., потому что разселеніе карпатскихъ славянъ въ разные стороны сопровождалось прекращеніемъ набѣговъ ихъ на имперію. Тогда заселились Польша, Балтійское побережье; тогда начало заселяться и Поднѣпровье.

Ступимъ еще шагъ впередъ, чтобы узнать, какъ шло это разселеніе. Оно совершалось въ VII и VIII вв. Іорнандъ не знаетъ, кто жилъ къ востоку за Днѣпромъ, знаетъ лишь, что пространство между этими рѣками было покрыто непроходимыми лѣсами и опасными болотами. Въ древней Кіевской Руси до сихъ поръ остались слѣды ста-

рыхъ укрѣпленій, называемыхъ **городищами**. Это—пространство, очерченное иногда чуть замѣтнымъ валомъ. Такія границы разсѣяны всюду въ Днѣпровьи въ разстояаіи 4—8 верстъ другъ отъ друга. Ихъ происхожденіе еще въ языческую пору свидѣтельствуется сосѣдствомъ кургановъ, древнихъ могилъ. Раскопки этихъ кургановъ показываютъ, что лежащихъ въ немъ покойниковъ хоронили еще по язычески. Не думайте, что эти городища—остатки настоящихъ городовъ. Пространство, заключенное въ кольцеобразномъ валу, едва достаточно, чтобы вмѣстить въ себѣ добрый крестьянскій дворъ. Что значитъ эти городища? Я думаю, что это остатки укрѣпленныхъ одинокихъ дворовъ, которыми расселились нѣкогда славяне и о которыхъ говоритъ Прокопій. Эти городища древніе дворы или точнѣе, однодворныя деревни. Такими именно однодворными деревнями впослѣдствіи колонизовалось верхнее Поволжье. Валы выводились для защиты дворовъ, преимущественно же для защиты скота.

Повѣсть помнитъ и объ основаніи Кіева,—знакъ того, что Кіевъ возникъ въ сравнительно близкое къ ней время. Но Кіевъ этотъ выросъ изъ точно такихъ же трехъ крестьянскихъ дворовъ, возникшихъ на трехъ сосѣднихъ горахъ. Таковъ фактъ, скрытый въ преданіи о Кіѣ съ братьями: это три мужика, построившіе свои дворы на берегахъ Днѣпра. Природа края вызвала такое разселеніе: то былъ пустынный край, въ которомъ переселенцы занялись пашнею и звѣриной ловлей. Мѣста удобныя для того и другого, не шли сплошными пространствами, но являлись удаленными другъ отъ друга островками; на такихъ островкахъ поселенцы ставили свои одинокіе дворы, окапывали ихъ, расчищали окрестность для пашни, для ловли звѣря и для лѣсного пчеловодства (для бортничества).

Послѣдствія разселенія.

I. **Юридическія**. Заселеніе Поднѣпровья славянами въ указанномъ порядкѣ и въ указанное время сопровождалось важными послѣдствіями юридическими, экономическими и политическими. Эти послѣдствія и создали тотъ бытъ восточныхъ славянъ, который мы застаемъ по лѣтописному разсказу IX, X и XI вѣковъ. Остановимся прежде всего на изученіи юридическихъ послѣдствій, какія вышли изъ разселенія восточныхъ славянъ.

На Карпатахъ славяне, повидимому, жили еще первобытными родовыми союзами; такъ описываютъ ихъ греки. Славяне управлялись царьками, филархами, т. е. родовыми князьями и старѣйшинами; эти царьки сходились для совѣщаній объ общихъ дѣлахъ. Такъ описываетъ бытъ восточныхъ славянъ и наша повѣсть о началѣ Руси въ словахъ: «живяху кождо съ своимъ родомъ» и др.

Военный союзъ, во главѣ котораго стояли дулѣбы, былъ составленъ изъ этихъ мелкихъ родовъ, колѣнъ. Разрушеніе его снова разбило восточныхъ славянъ на первоначальные, общественные элементы; наша повѣсть смутно помнитъ, что когда-то у каждаго племени было свое «княженіе» (управленіе), хотя она не запомнила ни одного князя, ко-

торый правилъ какимъ-либо племенемъ. Но, понятно, что заселеніе Поднѣпровья должно было разбивать кровные союзы, или, по крайней мѣрѣ колебать ихъ. Крѣпкій кровный союзъ нуждается для своего поддержанія въ совмѣстной жизни родичей, а колонизація развиваетъ родовыя общества, заставляетъ юныхъ родичей удаляться отъ другихъ, ставить одинокіе дворы, селиться среди чужеродцевъ. Характеръ завязавшагося въ Поднѣпровьѣ лѣсного хозяйства помогалъ выработаться мысли объ отдѣльномъ имуществѣ; родичи помнили свое родство, можетъ быть, чтили своего общаго дѣда, хранили нѣкоторые родовые обычаи, но въ политическихъ, житейскихъ отношеніяхъ, въ области юридической, родство должно было разстроиться, замѣняясь сосѣдствомъ. Это разрушеніе большихъродовыхъ союзовъ, распаденіе ихъ на мелкіе дворы или семьи, можетъ быть, оставило по себѣ слѣдъ въ одной чертѣ нашей миѳологіи. Родовой союзъ предполагаетъ родовой культъ. Сосредоточіемъ этого культа былъ у нашихъ славянъ Чуръ, или дѣдъ; но потомъ охранителемъ семьи, вмѣсто Чура, сталъ Домовой, т. е. божество лишь отдѣльнаго двора. Такъ разселеніе, не колебля народныхъ вѣрованій, связанныхъ первобытнымъ родствомъ, должно было въ то же время разрушить юридическую связь рода, замѣняя родство сосѣдствомъ.

2. Послѣдствія экономическія. Еще важнѣе рядъ экономическихъ послѣдствій, которыми сопровождалось разселеніе восточныхъ славянъ. Славяне заселили западный край восточной равнины. Въ этомъ краю жизнь населенія направлялась однимъ могучимъ потокомъ,—Днѣпромъ. Днѣпръ, это—столбовая торговая дорога; ея подъѣздные пути, притоки, издалека идущіе справа и слѣва, приближаютъ Поднѣпровье съ одной стороны къ карпатскимъ бассейнамъ Днѣпра и Вислы, съ другой —къ бассейнамъ Волги и Дона, т. е. къ Каспійскому и Азовскому морямъ. Верховьями своими Днѣпръ близко подходитъ къ Западной Двинѣ и бассейну Ильменскаго озера, т. е. къ двумъ главнымъ дорогамъ въ Балтійское море, а устьемъ связываетъ центральную Алаунскую возвышенность съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря. Область Днѣпра, такимъ образомъ, захватываетъ всю западную половину русской равнины.

Черноморскіе берега издавна были усѣяны греческими колоніями, главными изъ которыхъ были: Ольвія въ устьѣ Буга, Херсонесъ Таврическій на юго-западномъ берегу Крыма, Ѳеодосія и Пантикапея на его юго-восточномъ берегу, Фанагорія на азіатскомъ берегу Керченскаго пролива, или древняго Босфора Киммерійскаго и Танаисъ въ устьяхъ Дона. Благодаря дѣятельности греческихъ колоній, Днѣпръ еще до Р. Х. сдѣлался большой торговой дорогой, и наша древняя повѣсть о началѣ Руси знаетъ, что какъ только поселились восточные славяне по Днѣпру и другимъ рѣкамъ, тогда уже шелъ путь „изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловоти" и т. д. Этотъ Днѣпръ и сдѣлался для восточныхъ славянъ могучей питательной артеріей народнаго хозяйства. Своими притоками онъ потянулъ новыхъ славянскихъ поселенцевъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Это торговое движеніе вызвало разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны. Если мы представимъ себѣ нашу равнину въ томъ видѣ, какой она имѣла десять или один-

надцать вѣковъ тому назадъ, то легко можемъ раздѣлить ее на двѣ полосы, на сѣверо-западную лѣсную и юго-восточную, степную. Восточные славяне заняли преимущественно первую; самый городъ Кіевъ возникъ на рубежѣ между обѣими полосами. Эта лѣсная полоса своимъ пушнымъ богатствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ) и доставила славянамъ обильный матеріалъ для внѣшней торговли. Съ тѣхъ поръ мѣха, воскъ и медъ стали главными статьями русскаго вывоза. Съ тѣхъ поръ началась эта усиленная эксплоатація лѣса, которая положила такой глубокій отпечатокъ на общественный складъ и національный характеръ древней Руси.

Одно внѣшнее обстоятельство помогло успѣху этой торговли. Какъ нарочно разселеніе славянъ по Днѣпровью совпадало съ утвержденіемъ въ южно-русскихъ степяхъ новой азіатской силы—хозаръ. Хозары стали утверждаться на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ также съ конца VII вѣка. Но это была орда, непохожая на предшествовавшія и слѣдовавшія за нею азіатскія орды, преемственно господствовавшія въ степяхъ южной Руси. Хозары рано стали покидать кочевой бытъ и обращаться къ мирнымъ промысламъ. Въ VIII вѣкѣ среди нихъ водворились изъ Закавказья евреи и арабы. Еврейское вліяніе было здѣсь такъ сильно, что династія хозарскихъ кагановъ со своимъ дворомъ приняла іудейство. Раскинувшись по берегамъ Волги и Дона хозары основали средоточіе своего государства на низовьяхъ Волги. Столица ихъ, Итиль, скоро стала громаднымъ разноязычнымъ торжищемъ, гдѣ рядомъ жили магометане, евреи, христіане, наконецъ язычники.

И наша кіевская сага сохранила впечатлѣніе, произведенное хозарами на Поднѣпровьи, впечатлѣніе невоинственнаго, мягкаго народа. Повѣсть о началѣ русской земли разсказываетъ, какъ хозары покорили полянъ и наложили на нихъ дань. „Наидоша Козарѣ сѣдящая (т. е. полянъ) на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: „платите намъ дань". Сѣдумавше Поляне и вдаша отъ дыма (съ каждой избы) мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ и рѣша имъ „се налѣзохомъ дань нову". Они же рѣша имъ: „откуду"? Они же рѣша: „въ лѣсѣхъ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою". Они же рѣша: „что суть вѣдали?" Они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьстіи; „недобра дань, княже: мы ся доискахомъ оружіемъ одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ". Тако и си владѣша, а послѣ же самѣми владѣютъ; якоже бысть, володѣютъ козари Русьскіе и до днешнего дне". Иронія, которая звучитъ въ этой легендѣ, показываетъ, что хозарское иго не было для днѣпровскихъ славянъ ни особенно тяжело, ни страшно, напротивъ, оно принесло восточнымъ славянамъ огромныя экономическія выгоды. Теперь для днѣпровцевъ, послушныхъ данниковъ хозаръ, были открыты степныя рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Подъ хозарскимъ покровительствомъ по этимъ рѣкамъ и пошла бойкая торговля изъ Поднѣпровья. Мы имѣемъ рядъ указаній на успѣхъ этой торговли. Въ первой половинѣ X в. арабскій писатель, хорошо знакомый съ восточнымъ угломъ нашей равнины, Масуди, свидѣтельствуетъ, что на Черномъ морѣ, которое называется „Русскимъ", живетъ Русь, и эта Русь одна по немъ плаваетъ. Итакъ, вначалѣ X вѣка на сѣверномъ

берегу Чернаго моря выведены уже были русскія колоніи. Еще раньше другой арабскій писатель, современникъ Рюрика и Аскольда, писавшій не позже семидесятыхъ годовъ IX вѣка, Хордадбе, замѣчаетъ, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленныхъ краевъ своей страны къ Черному морю въ греческія города, гдѣ византійскій императоръ беретъ съ нихъ десятину (торговую пошлину), что тѣ же купцы плаваютъ по Волгѣ, спускаются къ козарской столицѣ, владѣтель которой беретъ съ нихъ также десятину, выходятъ въ Каспійское море, проникаютъ на юго-восточные берега его и даже провозятъ свои товары на верблюдахъ до Багдада.

Сколько поколѣній нужно было, чтобы проложить такія далекія и разностороннія торговыя дороги съ Днѣпра или съ береговъ Волхова! Восточная торговля Днѣпра, какъ ее описываетъ Хордадбе, могла завязаться лишь лѣтъ за 100 до этого арабскаго географа. Есть, впрочемъ, прямое указаніе, точно отмѣчающее самое время, когда завязалась и развилась эта торговля. По Днѣпру и его притокамъ во множествѣ находятъ клады восточныхъ арабскихъ монетъ — серебряныхъ „диргемъ". Въ этихъ драгоцѣнныхъ кладахъ наибольшее количество монетъ относится къ IX и X вѣкамъ, ко времени наибольшаго напряженія восточной торговли Руси; но есть клады, гдѣ самыя позднія монеты не позже начала IX вѣка, а раннія восходятъ къ началу VIII; изрѣдка попадаются монеты VII вѣка, и то самыхъ послѣднихъ его лѣтъ. Значитъ, VIII вѣкъ былъ временемъ, когда завязывалась и стала развиваться торговля Поднѣпровья съ арабскимъ и хозарскимъ востокомъ.

Слѣдствіемъ успѣховъ восточной торговли славянъ, развившейся въ VIII в., было возникновеніе древнѣйшихъ большихъ городовъ на Руси. Эти города (Кіевъ, Смоленскъ, Черниговъ, Новгородъ) являются уже готовыми, какъ только открывается разсказъ нашей древней „повѣсти" о началѣ русской земли. Довольно бѣглаго взгляда на топографическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы видѣть, что они созданы были восточной торговлей; они вытянулись длиною цѣпью по линіи Днѣпра—Волхова; только немногіе изъ нихъ (Переяславль, Черниговъ, Ростовъ) выдвинулись съ этого операціоннаго базиса русской торговли, какъ торговые форпосты. Ни одного значительнаго торговаго города не знаемъ мы до IX вѣка на западъ отъ Днѣпра.

Появленіе большихъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ сложнаго экономическаго процесса, вызваннаго восточной торговлей среди днѣпровскихъ новосельцевъ. Мы видѣли, что восточные славяне разселились уединенными, укрѣпленными дворами. Промышленность должна была создавать среди этихъ однодворковъ пункты торговаго сбора, промышленнаго обмѣна, — мѣста, куда сходились для торовли, для „гостьбы", какъ говорили въ старину. Эти сборные пункты получили названіе „погостовъ". Впослѣдствіи на этихъ мѣстныхъ сельскихъ базарахъ прежде всего возникали церкви; отсюда «погостъ» въ значеніи приходской сельской церкви. При церквахъ хоронили покойниковъ. Отсюда значеніе «погоста»—кладбище. Первоначально это были торговыя, «гостинныя» мѣста. Мелкіе базары стали потомъ тянуть къ болѣе крупнымъ рынкамъ,возникшимъ на болѣе бойкихъ торговыхъ дорогахъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземными и иноземными рынками, и развились наши торговые города

по Днѣпру и его притокамъ. Такъ вокругъ каждаго большого города образовался промышленный округъ, для котораго онъ служилъ торговымъ центромъ, складочнымъ пунктомъ.

Вотъ рядъ важнѣйшихъ экономическихъ послѣдствій, которыми сопровождалось разселеніе славянъ по Днѣпру при содѣйствіи внѣшнихъ обстоятельствъ.

3. Послѣдствія политическія. Съ начала IX вѣка обнаруживается и рядъ политическихъ послѣдствій разселенія. Хозарское владычество, прочное, повидимому, въ VIII вѣкѣ стало замѣтно колебаться съ начала IX вѣка. Причиной тому было появленіе въ тылу у нихъ новыхъ азіатскихъ силъ—печенѣговъ и шедшихъ по ихъ слѣдамъ узовъ-торковъ. Хозары съ трудомъ сдерживали этотъ напоръ. Около 835 года, по просьбѣ хозарскаго кагана, византійскіе мастера построили на Дону, на узкомъ перевалѣ съ Волги, крѣпость Саркелъ (Бѣлую Вежу нашей лѣтописи) именно для сдержанія напиравшихъ изъ-за Волги варваровъ. Но эта крѣпость не сдержала напора. Въ первой половинѣ IX вѣка, очевидно, варвары прорвались на западъ за Донъ и засорили дотолѣ чистыя дороги по Днѣпру. На это есть рядъ прямыхъ указаній, идущихъ съ разныхъ сторонъ. Послы отъ народа Руси, приходившіе для подтвержденія дружбы, т. е. для возобновленія торговаго договора съ Константинополемъ въ 839 году, по разсказу западной Бертинской лѣтописи не хотѣли возвращаться домой прежней дорогой по причинѣ жившихъ на ней варварскихъ жестокихъ народовъ. Одно изъ первыхъ извѣстій о Кіевѣ нашей «повѣсти» разсказываетъ, что Аскольдъ и Диръ въ 867 году избили множество печенѣговъ. Значитъ, печенѣги уже около половины IX вѣка придвинулись близко къ Кіеву, отрѣзали Поднѣпровье отъ его черноморскихъ и каспійскихъ рынковъ. Очевидно, хозарская власть стала безсильна оберегать русскихъ купцовъ на Востокѣ; защиту торговли должны были принять на себя торговые центры Поднѣпровья—большіе города. Съ той минуты они стали вооружаться, опоясываться стѣнами, вводить военную организацію, запасать ратныхъ людей. Такъ промышленные центры превратились въ укрѣпленные пункты. Одно внѣшнее обстоятельство помогло скопленію военнаго люда въ этихъ городахъ. Съ начала VIII вѣка, съ конца царствованія Карла Великаго, по берегамъ Западной Европы являются вооруженныя шайки пиратовъ изъ Скандинавіи. Такъ какъ эти шайки выходили преимущественно изъ Даніи, то пираты стали извѣстны на Западѣ подъ именемъ «дановъ». Одновременно съ тѣмъ и на нашихъ рѣчныхъ путяхъ стали появляться заморскіе пришельцы—варяги. Варяги—это славяно-русская форма скандинавскаго термина Wering или Warang; византійцы знаютъ этихъ нормановъ какъ знаменитыхъ гвардейцевъ-тѣлохранителей императора подъ именемъ βάραγγοι. Эти варяги въ X и XI вѣкахъ постоянно плавали къ намъ изъ-за моря, привлекаемые либо призывомъ князей, либо торговыми разсчетами. Присутствіе варяговъ на Руси становится замѣтно гораздо раньше X вѣка: наша древняя «повѣсть» знаетъ варяговъ, по городамъ около половины IX вѣка. Кіевское преданіе XI столѣтія готово было даже преувеличивать количество этихъ варяговъ; по этому преданію, варяги, обычные обыватели русскихъ торговыхъ городовъ, въ такомъ количествѣ наполняли эти города, что образовали цѣлый слой, закрывавшій собою туземное населеніе. Нов-

городцы, по словамъ повѣсти, были прежде славянами, а потомъ стали варягами. Кіевъ, по сохранившемуся въ лѣтописи преданію, даже былъ впервые основанъ варягами. Несомнѣнно, что варяги являются на Руси въ первой половинѣ IX вѣка, задолго до того времени, къ которому наша древняя повѣсть пріурочиваетъ появленіе Рюрика въ Новгородѣ. Упомянутые послы отъ народа Руси, не хотѣвшіе изъ Константинополя возвращаться домой прежней дорогой, посланы были съ византійскимъ посольствомъ къ германскому императору Людовику Благочестивому и тамъ, по разслѣдованіи дѣла, по засвидѣтельствованію личности, оказались славянами-шведами. Эти варяги, по многимъ признакамъ—скандинавы, а не славянскіе обитатели южно-балтійскаго побережья, какъ думаютъ нѣкоторые ученые. Во-первыхъ, въ началѣ XI вѣка нѣмцы, участвовавшіе въ походѣ польскаго короля Болеслава на Ярослава въ 1018 году, приглядѣвшись къ населенію Кіевской земли, разсказывали потомъ епископу мерзебургскому Титмару, что въ Кіевской землѣ несмѣтное множество народа, состоящаго преимущественно изъ бѣглыхъ рабовъ и проворныхъ дановъ; а нѣмцы едва ли могли смѣшать скандинавовъ съ балтійскими славянами. Во-вторыхъ, въ Швеціи находятъ много древнихъ надписей на могильныхъ камняхъ, которыя свидѣтельствуютъ о походахъ изъ Швеціи на Русь. Скандинавскія саги, восходящія иногда къ очень древнему времени, разсказываютъ о такихъ походахъ въ страну Гардарикъ, какъ называли они нашу Русь, т. е. въ „царство городовъ". Само это названіе, такъ мало идущее къ деревенской Руси, свидѣтельствуетъ, что пришельцы варяжскіе держались преимущественно въ большихъ торговыхъ городахъ. Въ третьихъ, имена первыхъ нашихъ князей и ихъ дружинниковъ всѣ варяжскаго происхожденія; тѣ же имена являются и въ скандинавскихъ сагахъ. Рюрикъ въ формѣ Рорекъ, Труворъ-Торвардъ, Олегъ (по древне-кіевскому выговору на о)—Гельги (Helgi), женская форма Гельга (Helga)—Ольга, у Константина Багрянороднаго Ἔλγα; Игорь-Ингварь, Аскольдъ-Госкульдъ и т. п. Наконецъ, имена днѣпровскихъ пороговъ, выписанные у Константина Багрянороднаго, двоякія: славянскія и русскія. Русскія названія объясняются всего легче изъ скандинавскаго языка. Итакъ, въ то время, когда большимъ русскимъ городамъ понадобились военные люди, начался приливъ на Русь заморскихъ варяговъ. Они являются тутъ съ иной физіономіей, не съ той, какую носятъ они на западѣ; тамъ данъ—пиратъ, береговой разбойникъ, у насъ варягъ—вооруженный купецъ, идущій на Русь, чтобы пробраться далѣе въ богатую Византію, тамъ выгодно послужить императору, поторговать или пограбить, если представится случай. Вездѣ, гдѣ нашему варягу нужно было скрыть свою личность, онъ прикидывался купцомъ, идущимъ изъ Руси или на Русь. Припомнимъ, чѣмъ Олегъ вызвалъ изъ Кіева Аскольда и Дира. Онъ послалъ къ нимъ, «глаголя, яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря княжича, да придѣта къ намъ». Одна превосходная скандинавская сага, полная историческихъ чертъ, именно, сага о святомъ Олафѣ, разсказываетъ, какъ этотъ герой, долго и съ пользой служившій русскому конунгу Вальдамару, возвращаясь съ дружиною на корабляхъ домой, былъ занесенъ бурею въ Померанію, во владѣнія здѣшней вдовствующей княгини Гейры Буриславны, и выдалъ себя за купца гардскаго, т. е. русскаго. Итакъ, варяги, проникавшіе на Русь, встрѣтились здѣсь съ потребностью въ

военныхъ людяхъ. Вооруженные купцы, они за выгодный кормъ, стали входить въ составъ того вооруженнаго класса, который теперь прочищалъ и охранялъ русскіе торговые пути. Благодаря образованію этого класса, измѣнилось положеніе русскихъ торговыхъ городовъ. Когда стало колебаться хозарское иго, города стали независимыми. Мы не знаемъ, какъ они управлялись при хозарахъ, но очевидно, взявши на себя защиту торговаго населенія, эти города скоро подчинили себѣ свои торговые округи. Подчиненіе этихъ торговыхъ районовъ промышленнымъ центрамъ, теперь вооруженнымъ, становится замѣтнымъ уже въ IX в. За большимъ городомъ идетъ его округъ, цѣлое племя или часть его. Олегъ взялъ Смоленскъ и посадилъ въ немъ посадника; въ силу этого смоленскіе кривичи стали признавать власть Олега. Олегъ занялъ Кіевъ, и кіевскіе поляне вслѣдствіе этого признали его власть. Такъ цѣлые округа уже около половины IX в. являются въ зависимости отъ своего главнаго города. Трудно сказать, какъ создана была эта зависимость. Можетъ быть, округа подчинялись городамъ, какъ убѣжищамъ въ минуту опасности, еще вѣроятнѣе, что при помощи вооруженнаго класса, скопившагося въ городахъ, послѣдніе оружіемъ завладѣли своими торговыми округами. Какъ бы то ни было *около половины XI-го вѣка обозначается первая политическая форма, являющаяся на Руси. Это городовая область, управляемая державнымъ укрѣпленнымъ городомъ.*

Области древнихъ русскихъ городовъ: Кіева, Чернигова, Смоленска и др., легли въ основаніе древняго областного дѣленія, существовавшаго при первыхъ князьяхъ. Намъ нужно доказать, что эти области созданы были промышленными городами. Можетъ показаться, что онѣ имѣли племенное происхожденіе. Наша древняя повѣсть о началѣ Руси дѣлитъ восточныхъ славянъ на нѣсколько племенъ и довольно точно указываетъ ихъ размѣщеніе. Не были ли городовыя области такими племенными частями Руси? Разборъ этнографическаго состава древнихъ городовыхъ областей даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если бы древнія городовыя области были племенными, каждое племя образовало бы особую область. Этого не было на дѣлѣ; не было ни одной области, которая бы состояла изъ одного только, цѣльнаго племени. Большею частью области состояли изъ частей различныхъ племенъ; въ иныхъ областяхъ къ цѣльному племени примкнули разорванныя части другихъ племенъ. Такъ, Новгородская волость состояла изъ славянъ ильменскихъ съ вѣтвью кривичей, центромъ которой былъ городокъ Изборскъ. Въ составъ Черниговской области вошла сѣверная половина сѣверянъ съ частью радимичей и съ цѣльнымъ племенемъ вятичей. Кіевская область состояла изъ всѣхъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и южной части дреговичей съ город. Туровымъ на Припети. Сѣверная часть дреговичей съ городомъ Минскомъ оторвана была Полоцкою областью. Значитъ, не границы племени очертили предѣлы город. областей. Легко замѣтить, какая сила стягивала эти области. Городовыя области созданы были племенами на самой рѣчной линіи Днѣпра, Волхова, и западной Двины. Напротивъ, племена болѣе удаленныя отъ этой линіи, не составляли особыхъ волостей, но вошли въ составъ областей чужеплеменныхъ городовъ. Такъ, не видно особыхъ областей дреговичей, радимичей и вятичей. Значитъ, силой, которая стягивала всѣ эти области, были города, возникшіе на этой линіи,

какихъ не было среди племенъ, отъ нея удаленныхъ. Если мы представимъ себѣ восточныхъ славянъ во второй половинѣ IX в., то найдемъ на всемъ пространствѣ отъ Ладоги до Кіева 8 славянскихъ племенъ. Четыре изъ нихъ: дреговичи, радимичи, вятичи и древляне постепенно вошли въ составъ чужеплеменныхъ областей; а четыре, именно: славяне ильменскіе, кривичи, сѣверяне и поляне образовали 6 или 7 самостоятельныхъ городовыхъ областей со смѣшаннымъ населеніемъ, состоявшимъ изъ одного господствующаго племени или части его, и изъ частей другихъ племенъ, не имѣвшихъ своихъ большихъ городовъ. Эти области были: Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Переяславская, Кіевская и, можетъ быть, область города Любеча. Итакъ, большіе вооруженные города явились именно среди тѣхъ племенъ, которыя принимали наиболѣе дѣятельное участіе во внѣшней торговлѣ. Города эти расхитили ближайшія къ нимъ населенія чужихъ безгородныхъ племенъ.

Образованіе этой первой политической формы на Руси сопровождалось въ иныхъ мѣстахъ созданіемъ другой, вторичной формы, варяжскаго княжества. Въ тѣхъ промышленныхъ пунктахъ, куда особенно приливали вооруженные пришельцы изъ-за моря, они теряли значеніе наемныхъ сторожей торговыхъ путей и получали характеръ властителей. Во главѣ этихъ заморскихъ пришельцевъ, составлявшихъ военныя компаніи становились вожди, получавшіе значеніе военныхъ начальниковъ охраняемыхъ ими городовъ. Такіе вожди въ скандинавскихъ сагахъ наз. конунгами, или викингами. Оба эти термина перешедши въ нашъ языкъ, получили славяно—русскія значенія князя и витязя. Варяги скоро превращались изъ союзниковъ въ властителей. Извѣстенъ разсказъ Начальной лѣтописи о томъ, какъ Владимиръ утвердился въ Кіевѣ съ помощью призванныхъ изъ-за моря варяговъ въ 980 г. Заморскіе его сотрудники, чувствуя свою силу во взятомъ городѣ сказали своему нанимателю: «князь, а вѣдь городъ-то нашъ, мы его взяли, такъ мы хотимъ брать окупъ по двѣ гривны съ человѣка». Владимиръ только обманомъ сбылъ съ рукъ этихъ назойливыхъ союзниковъ, отпустивъ ихъ въ Царьградъ. Такъ вооруженные города съ областями въ иныхъ случаяхъ превращались во владѣнія варяжскихъ конунговъ. Такихъ варяжскихъ княжествъ мы встрѣчаемъ нѣсколько въ IX и X. вв. Такъ являются во второй половинѣ IX в. на сѣверѣ княжество Рюрика въ Новгородѣ, Синеуса на Бѣломъ озерѣ и Трувора въ Изборскѣ, Аскольда въ Кіевѣ. Въ X в. появляются два другихъ княжества—Рогвольдово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ на Припети. Стороннему наблюдателю эти варяжскіе княжества казались дѣломъ чистаго завоеванія, хотя варяги эти приходили къ намъ не съ завоевательной цѣлью. Около половины X в. еврей Ибрагимъ, человѣкъ бывавшій въ Германіи, знавшій дѣла средней и восточной Европы, замѣчаетъ, что племена сѣвера (т. е. норманы) завладѣли нѣкоторыми изъ славянъ и до сей поры живутъ среди нихъ, даже усвоили ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними. Это наблюденіе, очевидно, взято съ славянскихъ княжествъ, возникавшихъ по берегамъ Балтійскаго моря и на Руси.

Появленіе варяжскихъ княжествъ вполнѣ объясняетъ и занесенное въ нашу повѣсть о началѣ Руси сказаніе о призваніи князей изъ-за моря. По этому преданію, еще до Рюрика варяги водворились

среди новгородцевъ и сосѣднихъ съ ними племенъ славянскихъ и финскихъ и наложили на нихъ дань. Потомъ данники отказались ее платить и прогнали варяговъ опять за море. Оставшись безъ пришлыхъ властителей, туземцы перессорились между собою; не было между ними правды, одинъ родъ возсталъ на другой и пошли между ними усобицы. Утомленные этими усобицами, туземцы собрались и сказали: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ насъ по праву». Потомъ отправили пословъ за море къ знакомымъ варягамъ пригласить желающихъ прійти владѣть пространной и обильной, но лишенной наряда землей. Три родные брата откликнулись на зовъ и пришли «съ роды своими», т. е. съ дружинами земляковъ. Если снять нѣсколько идиллическій покровъ, которымъ подернуто это сказаніе, то предъ нами откроется простое явленіе, не разъ повторявшееся въ нашей исторіи. Собравъ разсѣянныя по разнымъ лѣтописнымъ сводамъ черты преданія, позволяющія возстановить дѣло въ его дѣйствительномъ видѣ, мы узнаемъ, что пришельцы призваны были не для одного внутренняго «наряда», т. е. устройства правленія. Преданіе говоритъ, что князья-братья, какъ только усѣлись на своихъ мѣстахъ, начали «города рубить и воевать всюду». Значитъ, они призваны были оборонять туземцевъ отъ какихъ-то внѣшнихъ враговъ, какъ защитники населенія и охранители границъ. Далѣе князья-братья, повидимому, не совсѣмъ охотно приняли предложеніе славяно-финскихъ пословъ: «едва избрашась, какъ записано въ одномъ изъ сводовъ, боясь звѣринаго ихъ обычая и нрава». Съ этимъ согласно уцѣлѣвшее извѣстіе, что Рюрикъ не тотчасъ усѣлся въ Новгородѣ, но сперва предпочелъ остановиться вдали отъ него, при самомъ входѣ въ страну—въ городѣ Ладогѣ, чтобы быть ближе къ родинѣ, куда можно было бы убѣжать въ случаѣ нужды. Водворившись въ Новгородѣ, Рюрикъ скоро возбудилъ недовольство въ туземцахъ: въ одномъ сводѣ записано, что черезъ два года по призваніи новгородцы оскорбились, говоря: «быть намъ рабами и много зла придется вытерпѣть отъ Рюрика и земляковъ его». Составился даже какой-то заговоръ. Рюрикъ убилъ вождя этого заговора, «храбраго Вадима», и перебилъ многихъ новгородцевъ, его соумышленниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ еще множество новгородскихъ мужей бѣжало отъ Рюрика въ Кіевъ къ Аскольду. Очевидно, заморскіе варяжскіе князья съ дружиной призваны были новгородцами и союзными съ ними племенами для защиты границъ отъ какихъ то внѣшнихъ враговъ и получали опредѣленный кормъ за свои сторожевыя услуги. Но, наемные охранители, повидимому, желали кормиться слишкомъ сытно. Тогда поднялся ропотъ среди плательщиковъ корма, подавленный вооруженною рукою. Почувствовавъ свою силу, наемники превратились во властителей. Вотъ простой прозаическій фактъ, повидимому, скрывающійся въ поэтической легендѣ о призваніи князей.

Соединеніе отдѣльныхъ варяжскихъ владѣній въ одно княжество является третьей политической формой на Руси. *Такой формой было великое княжество кіевское.* Происхожденіе этого княжества объясняется легко указанными мною политическими фактами. Варяжскіе конунги стремились къ самому выгодному пункту русскаго промышленнаго міра, составлявшему южный конецъ рѣчной торговой дороги, къ Кіеву. Здѣсь вооруженные сторожа русской торговли могли поживиться всего болѣе. Кто владѣлъ Кіевомъ, у того въ рукахъ былъ

ключъ отъ главныхъ воротъ русской торговли. Вотъ почему варяжскіе конунги стремились къ Кіеву, соперничая изъ-за него одинъ съ другимъ, истребляя другъ друга. Олегъ истребилъ Асколда съ Диромъ, впослѣдствіи Владиміръ, новгородскій конунгъ, погубилъ за Кіевъ своего брата Ярополка. Съ другой стороны всѣ промышленные города на рѣчныхъ путяхъ зависѣли экономически отъ Кіева. Кіевъ держалъ въ своихъ рукахъ нити ихъ благосостоянія, могъ подорвать ихъ торговлю, не пропуская ихъ лодокъ внизъ по Днѣпру. Общимъ интересомъ этихъ городовъ было имѣть друзей въ Кіевѣ, а изъ Кіева имѣть чистые торговые пути къ каспійскимъ и черноморскимъ рынкамъ. Этимъ объясняется разсказъ древней повѣсти о князьяхъ, утвердившихся въ Кіевѣ. Аскольдъ съ Диромъ, отдѣлившись отъ дружины Рюрика, безъ сопротивленія спустились до Кіева и безъ борьбы завладѣли послѣднимъ. Ихъ успѣхъ объясняется тѣмъ, что, какъ только утвердились они въ Кіевѣ, то собрались въ походъ на Царьградъ, чтобы отомстить за нанесенное тамъ оскорбленіе русскимъ купцамъ. Точно также Олегъ безъ сопротивленія дошелъ до Кіева и безъ борьбы овладѣлъ городомъ, погубивши своихъ земляковъ. Утвердившись въ Кіевѣ и онъ пошелъ на Царьградъ, чтобы возстановить торговую дорогу туда. Въ обоихъ этихъ походахъ Аскольда, какъ и Олега, поддерживали дружно всѣ прибережныя племена по линіи Днѣпра-Волхова, т. е. обитатели большихъ городовъ Руси. Такіе далекіе и опасные походы съ цѣлью огражденія русской торговли вызывали дружное сочувствіе во всѣхъ городахъ приднѣпровскаго міра.

Таковы были условія образованія кіевскаго княжества, т. е. соединенія подъ властью кіевскаго князя всѣхъ городовыхъ областей и мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ. Княжество это явилось, какъ слѣдствіе давнихъ усилій вооруженныхъ русскихъ купцовъ взять въ свои руки исходный пунктъ русской торговли и поддержать шедшіе отсюда торговые пути. Есть одно доказательство такого промышленнаго происхожденія кіевскаго княжества. Первыя племена, которыя примкнули къ кіевскому княжеству и поддерживали его въ заморскихъ походахъ, были племена, жившія по главному рѣчному пути Днѣпра-Волхова и тяготѣвшія къ большимъ торговымъ городамъ. Эти племена легко подчинялись кіевскому князю; иногда, одинъ только походъ рѣшалъ вопросъ о подчиненіи. Такъ напр., были подчинены Олегомъ сѣверяне. Напротивъ, племена, среди которыхъ не было большихъ городовъ, т. е. значительнаго вооруженнаго купечества, подчинялись кіевской власти только послѣ упорной, не разъ возобновлявшейся борьбы. Такъ, напр., не разъ были завоеваны, бунтовавшіе древляне и радимичи: такъ вятичи покорены были лишь въ концѣ X в., т. е. около 150 лѣтъ спустя послѣ основанія кіевскаго княжества. *Эта третья политическая форма на Руси, кіевское великое княжество, и стала исходной точкой дальнѣйшаго политическаго развитія нашей страны.*

Дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей *).

Мы сейчасъ отмѣтили главный интересъ, создавшій великое княжество кіевское. То былъ интересъ вооруженнаго купечества боль-

*) См. Учебн. книгу русск. ист. Соловьева; гл. II—V.

шихъ городовъ, внѣшняя торговля. Этотъ интересъ дѣйствовалъ и въ установленіи внутренняго порядка, какъ и во внѣшней дѣятельности первыхъ кіевскихъ князей. Утвердившись въ Кіевѣ, князья стали устанавливать въ подвластной странѣ государственный порядокъ, прежде всего, разумѣется, администрацію сборовъ. Въ подчиненныхъ областяхъ они сажаютъ своихъ намѣстниковъ, посадниковъ, которыми являются либо ихъ дружинники, либо собственные сыновья. Посадники, это тѣ же конунги, стоявшіе въ слабой связи съ правительственнымъ центромъ, съ Кіевомъ. Въ договорѣ Олега съ греками они даже зовутся «свѣтлыми князьями, иже суть подъ рукою его». Олегъ, князь кіевскій, только старѣйшій изъ нихъ, поэтому называвшійся великимъ княземъ. Цѣль княжеской администраціи—сборъ дани и разныхъ пошлинъ.

Первый князь кіевскій, Олегъ, хлопочетъ уже объ установленіи дани съ подвластныхъ племенъ. Дань получалась двумя путями: или сами племена доставляли ее въ Кіевъ, или князья ѣздили за ней по племенамъ. Отсюда *повозы* (доставка дани племенами) и *полюдья*. Въ томъ и другомъ случаѣ дань собиралась натурой, преимущественно мѣхами. Императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи *О народахъ*, писанномъ въ половинѣ X вѣка, рисуетъ намъ чрезвычайно изобразительную картину княжескаго полюдья. По его словамъ, князь «со всею Русью», т. е. дружиной, въ началѣ ноября, значитъ, какъ только устанавливался зимній путь, выходилъ изъ Кіева и отправлялся „εἰς τὰ Πολίδια“ въ городки, какъ казалось Багрянородному; въ самомъ же дѣлѣ, на *полюдье*, о которомъ говорили императору его славяно-русскіе разсказчики. Князь отправлялся собирать дань съ племенъ сѣверянъ, древлянъ и другихъ данниковъ Руси и въ этомъ объѣздѣ проводилъ всю зиму. Это, замѣчаетъ Багрянородный, трудное путешествіе; и мы знаемъ, что Игорь былъ убитъ древлянами въ одно изъ этихъ полюдій. Между тѣмъ, продолжаетъ разсказчикъ, въ продолженіе зимы племена, платящія дань Руси, рубятъ деревья, изъ нихъ дѣлаютъ лодки и въ апрѣлѣ сплавляютъ ихъ къ Кіеву, вытаскиваютъ на берегъ и дожидаются возвращенія Руси. Русь въ апрѣлѣ, въ половодье, съ данью собранной зимою, возвращается къ Кіеву, покупаетъ эти лодки, оснащиваетъ, грузитъ и сплавляетъ въ Константинополь, прихватывая къ своему каравану торговыя лодки русскихъ купцовъ изъ Смоленска, Новгорода и другихъ городовъ. Не трудно понять какіе товары наполняли эти караваны лодокъ, сплавлявшихся лѣтомъ къ Константинополю: это была дань натурой, привозимая княземъ и его дружиной послѣ зимняго объѣзда. Русскіе купцы изъ Новгорода и другихъ городовъ также примыкали къ этому княжескому и боярскому каравану, чтобы достигнуть Царьграда подъ защитой княжеской дружины. Договоръ Игоря гласитъ, что великій князь русскій и бояре его могутъ посылать къ великимъ царямъ греческимъ ежегодно столько кораблей, сколько захотятъ, съ послами и гостями, т. е. со своими собственными приказчиками и съ вольными русскими купцами.

Такимъ образомъ, замѣтна тѣсная связь между ежегоднымъ оборотомъ политической и экономической жизни Руси. Дань, шедшая кіевскому князю, какъ властителю, служила для него вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ и для внѣшней торговли. Тотъ же самый правитель-

ственный и торговый классъ, который называется у Константина Русью, дѣйствуетъ какъ главный рычагъ въ томъ и другомъ оборотѣ, политическомъ и экономическомъ.

Зимою онъ правитъ, т. е. побирается по людямъ, а лѣтомъ торгуетъ тѣмъ, что собралъ зимою.

Такъ устроилась внутренняя политическая жизнь въ кіевскомъ княжествѣ IX и X вв. На отраженіе этого главнаго интереса страны, торговли, обращена и внѣшняя дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей. Припомнивъ явленія IX и X вв. замѣтимъ, что эта дѣятельность имѣла цѣлью во 1-хъ пріобрѣтеніе и поддержаніе заморскихъ рынковъ и во 2-хъ расчистку и охрану торговыхъ путей, ведущихъ къ этимъ рынкамъ. Самымъ виднымъ фактомъ въ исторіи этихъ вѣковъ были походы кіевскихъ князей на Царьградъ; ихъ извѣстно шесть до половины XI в., не считая Владимирова похода на византійскую колонію Херсонесъ Таврическій. Первый и послѣдній изъ этихъ походовъ указываютъ на общій ихъ источникъ. Аскольдъ съ Диромъ нападаютъ на Царьградъ (въ 865 г.), потому что въ Царьградѣ обидѣли русскихъ купцовъ. Князь Ярославъ въ 1043 г. послалъ на грековъ своего сына за то, что въ Константинополѣ избили русскихъ купцовъ и одного изъ нихъ убили. Итакъ, всѣ эти походы предпринимались для возстановленія торговли съ Византіей. Вотъ почему они оканчивались торговыми трактатами. Извѣстные намъ договоры съ греками X в. носятъ характеръ такихъ торговыхъ трактатовъ. Статьи ихъ показываютъ, какой интересъ руководилъ сношеніями Руси съ Византіей. Договоры болѣе всего устанавливаютъ порядокъ ежегодныхъ торговыхъ сношеній Руси съ Царьградомъ. Каждое лѣто русскіе купцы являлись въ Царьградъ на торговый сезонъ, продолжавшійся 6 мѣсяцевъ, и не имѣли права зимовать въ Константинополѣ. Они пользовались отъ византійскаго правительства во-1-хъ даровой баней, во-2-хъ даровымъ кормомъ,—знакъ, что эти купцы были люди правительственнаго класса на Руси. Кормъ выдавался купцамъ въ порядкѣ городовъ, сначала кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ, смоленскимъ и т. д.; въ такомъ же порядкѣ слѣдовали эти города по своему политическому и торговому значенію на Руси. Русскіе купцы селились обыкновенно только въ одномъ кварталѣ, въ предмѣстіи у святого Мамы. Въ городъ входили они въ сопровожденіи императорскаго пристава, человѣкъ по пятидесяти, непремѣнно безъ оружія и тамъ покупали товары греческіе и продавали свои, не платя пошлины. По окончаніи торговаго сезона, византійское правительство снабжало ихъ съѣстными припасами и корабельными снастями на дорогу.

Поддержка торговыхъ путей была второй заботой кіевскаго князя. Разсказъ того же Константина ярко рисуетъ опасности, которыя долженъ былъ преодолѣвать торговый кіевскій флотъ на своемъ пути въ Византію. Приближаясь къ порогамъ, русскія лодки высаживали и выдвигали въ степь сторожевые отряды, которые не допускали бы печенѣговъ до берега: съ высокаго днѣпровскаго берега легко было перестрѣлять весь экипажъ торговаго каравана. Выплывши благополучно въ устье Днѣпра, они приносили жертву богамъ. Далѣе купцы двигались берегомъ, мимо устьевъ Дуная. Берегъ постоянно нуженъ былъ купцамъ, которые боялись удалиться отъ него. Подходя къ Дунаю, караванъ снова высылалъ свой сторожевой отрядъ, чтобы отбить

поджидавшихъ здѣсь печенѣговъ. Караванъ двигался далѣе къ Константинополю. Читая пространный разсказъ императора, вы живо чувствуете, почему русской торговлѣ нужна была вооруженная охрана на пути къ Царьграду.

Но варвары, засаривавшіе торговые пути Руси, подвергали опасности и самыя ея границы. Отсюда *третья забота кіевскихъ князей оградить предѣлы Руси со стороны степи.* Эта забота съ теченіемъ времени становится господствующей, благодаря напору степныхъ кочевниковъ. Олегъ, какъ только усѣлся въ Кіевѣ, началъ строить города вокругъ него. Владиміръ, принявъ христіанство, сказалъ: «худо, что мало городовъ вокругъ Кіева», и началъ ставить города близь Кіева по рѣкамъ: Деснѣ, Трубежу, Стугнѣ, Сулѣ и др. Все княженіе Владимира прошло въ упорной борьбѣ съ печенѣгами, которые раскинулись по обоимъ берегамъ нижняго Днѣпра восемью ордами, дѣлившимися каждая на пять колѣнъ. Передовыя кибитки печенѣговъ въ половинѣ X вѣка, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, начинались лишь въ одномъ днѣ пути отъ города Кіева, т. е. верстахъ въ сорока отъ него. Въ началѣ XI в. мы встрѣчаемъ указанія на успѣхъ борьбы Руси со степью. Въ 1006 – 7 год. проѣзжалъ черезъ Кіевъ нѣмецкій миссіонеръ Бруно, ѣдучи къ печенѣгамъ для проповѣди Евангелія. Онъ остановился на нѣсколько времени въ гостяхъ у князя Владимира, котораго въ письмѣ къ императору Генриху II называетъ сеньоромъ Руссовъ. Князь уговаривалъ миссіонера не ѣхать къ печенѣгамъ, у которыхъ не найдетъ душъ для спасенія, а только можетъ погибнуть позорной смертью. Князь не могъ уговорить миссіонера и вызвался проводить его до границъ Руси, «которыя онъ со всѣхъ сторонъ оградилъ крѣпкимъ частоколомъ на весьма большомъ протяженіи по причинѣ скитающихся около нихъ непріятелей». Въ одномъ мѣстѣ онъ провелъ нѣмцевъ воротами черезъ ограду и послалъ сказать имъ: «я довелъ васъ до мѣста, гдѣ кончается моя земля и начинается непріятельская». Весь этотъ путь отъ Кіева до границы совершенъ былъ въ два дня, а въ половинѣ X в. печенѣжскія палатки начинались въ разстояніи одного дня пути отъ Кіева. Въ полъ вѣка, стало быть, Русь упорной борьбой успѣла пробиться въ степь на одинъ день пути, т. е. еще верстъ на сорокъ, а великій князь Ярославъ ставилъ города еще южнѣе по рѣкѣ Роси.

Такъ сказался въ дѣятельности первыхъ кіевскихъ князей до половины XI-го в. господствующій интересъ Руси, создавшій вышеуказанныя экономическія явленія.

Русская земля въ половинѣ XI вѣка.

Описавши дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей, сведемъ ея результаты, бросимъ бѣглый взглядъ на русскую землю около половины XI-го столѣтія. Своимъ мечемъ первые кіевскіе князья очертили довольно широкій кругъ земли, тянувшій политически къ Кіеву. Населеніе этой территоріи было разноплеменное: въ нее вошли не только восточныя славянскія племена, но и нѣкоторыя изъ финскихъ. Такъ уже при Ярославѣ является русскій городъ среди прибалтійской чуди— Юрьевъ (Дерптъ). Такъ еще раньше являются правительственныя рус-

скія средоточія въ племенахъ на востокѣ, въ Муромѣ, Мери и Веси, города Муромъ, Ростовъ и Бѣлозерскъ. Ярославъ построилъ на берегу Волги еще городъ, названный его княжескимъ именемъ—Ярославль. Русская территорія простиралась, такимъ образомъ отъ Ладожскаго озера до устьевъ рѣки Роси, праваго притока Днѣпра. Съ востока на западъ она шла отъ устьевъ Клязьмы до верхняго теченія Западнаго Буга. Страна древнихъ хорватовъ, Галиція, была въ X и XI вв. спорнымъ краемъ, переходившимъ между Польшей и Русью изъ рукъ въ руки. Нижнее теченіе рѣки Оки, которая была восточной границей Руси, какъ и низовья южныхъ рѣкъ, Днѣпра—Восточнаго Буга и Днѣстра, лежали, повидимому, внѣ власти кіевскихъ князей.

Разноплеменное населеніе, занимавшее всю эту территорію, разумѣется, не составляло еще единаго народа. Племена, здѣсь обитавшія, сцѣплены были связями механическими. Связь нравственная—христіанство, распространялось еще медленно и не успѣло захватить даже всѣхъ славянскихъ племенъ. Такъ вятичи не были христіанами еще въ началѣ XII-го в. *Главною механическою связью, соединявшею части населенія, была княжеская администрація съ ея посадниками, данями и пошлинами.* Во главѣ этой администраціи стоялъ князь кіевскій. Намъ уже извѣстенъ характеръ его власти, какъ и ея происхожденіе. Это былъ первоначально наемный военный стражъ русской торговли, ея путей и рынковъ. Онъ вышелъ изъ среды тѣхъ конунговъ, вождей военно-промышленныхъ компаній, которые явились на Руси въ IX в. Столкновеніе съ чуждыми политическими формами клало заимствованныя черты на власть этихъ наемныхъ военныхъ сторожей: такъ въ X в. русскіе князья любили величаться «каганами». Митрополитъ Илларіонъ, писатель половины XI в. въ похвальномъ словѣ Владиміру Святому даетъ даже этому князю титулъ кагана.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ пришелъ на Русь слой новыхъ политическихъ понятій. На кіевскаго князя духовенство стало переносить византійское понятіе о государѣ, поставленномъ отъ Бога для поддержанія общественнаго порядка. Митрополитъ Илларіонъ говоритъ, что князь Владиміръ часто съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ епископомъ о томъ, какъ установить законъ среди людей, недавно познавшихъ Бога. И разсказъ Начальнаго лѣтописнаго свода выводитъ Владиміра въ совѣтѣ съ епископами, которые внушаютъ ему мысль о необходимости князю казнить разбойниковъ, потому онъ поставленъ отъ Бога казнить злыхъ и миловать добрыхъ.

Теперь бросимъ взглядъ на составъ русскаго общества, которымъ правилъ кіевскій князь. Во главѣ общества стояла княжеская дружина. Она распадалась на два слоя—высшую и низшую, рядовую дружину. Къ первой относятся *княжіе мужи,* впослѣдствіи—*бояре,* ко второй—*дѣтскіе* или *отроки* «дѣтскіе» и «отроки»—это были русскія названія; еще въ X в. и началѣ XI употреблялось иноземное названіе этого класса указывающее на племя, изъ котораго выходило большинство этого общественнаго слоя: гридь (въ собират. см.) или Гриди. Слово это произошло отъ скандинавскаго термина hrid — вообще слуга, живущій на содержаніи своего господина. Въ скандинавскихъ сагахъ употребляется собирательная форма этого термина—Hirdsweit (соотвѣтственно этому и въ русск. яз. употреблялась собират. форма гридьба, т. е. гриди вообще). Большинство этой дружины въ X в.

жило во дворѣ князя, помѣщеніе, гдѣ она жила, и позднѣе сохранило название гридница.

Княжеская дружина вмѣстѣ со своимъ княземъ выдѣлилась изъ состава вооруженнаго купечества большихъ торговыхъ городовъ. До половины XI в. эта дружина еще не отдѣлилась отъ класса, изъ котораго выдѣлилась. Княж. дружина составляла военный классъ; но и города Руси были устроены по военному. Каждый изъ нихъ составлялъ полкъ—тысячу, которая подраздѣлялась на сотни и десятки, т. е. батальоны и роты. Тысячей командовалъ выбиравшійся городомъ тысяцкій, сотнями и десятками—также выборные сотскіе и десятскіе. Въ XI и XII вв. эти люди стали назначаться княземъ изъ дружины, но до этого выбирались изъ среды богатаго городского населенія. Эти выборные командиры составляли военно-правительственную старшину, которая называется въ лѣтописи «старцами градскими» или «людскими». Это не люди извѣстнаго возраста, а люди извѣстнаго административнаго положенія; это старосты. Во главѣ полковъ они участвовали въ походахъ князя съ его дружиной.

Итакъ, высшее городское купечество не переставало быть вооруженнымъ классомъ. Князь и дружина были администраціей, составляли совѣтъ о политическихъ дѣлахъ. «Бѣ Володиміръ, любя дружину и съ ними думая о строи земленемъ и о ратехъ и о уставѣ земленемъ». Но если князь Владимиръ совѣтывался съ дружиной о земскомъ строѣ, то въ его государственномъ совѣтѣ (думѣ), рядомъ съ боярами, являются «и старцы градскіе». Со времени принятія христіанства подлѣ князя являются новые совѣтники, епископы. Въ 987 г. Владимиръ созвалъ «боляры своя и старцы градскіе», чтобы посовѣтоваться о вѣрахъ, которыя предлагали ему разные иноземные миссіонеры. По замѣчанію лѣтописнаго свода, Владимиръ установилъ «по вся недѣли пиръ творити во дворѣ у себя и приходить туда и гридемъ, и сотскимъ, и десятскимъ, и нарочитымъ мужемъ при князѣ и безъ князя». Въ 996 г., когда Владимиръ съ грѣхомъ пополамъ, но удачно, спасъ Василевъ на Стругнѣ отъ нападенія печенѣговъ, онъ устроилъ на мѣстѣ сѣчи церковь и «сотворилъ праздникъ великій», продолжавшійся 8 дней; на этотъ пиръ вмѣстѣ съ боярами и областными правителями, посадниками, князь пригласилъ и старѣйшинъ по «всѣмъ градамъ».

Въ X в., то купечество, которое представляли эти старцы, принимало участіе въ дѣлахъ внѣшней политики. Договоры были заключаемы послами и гостями, т. е. простыми купцами. Составляя вооруженную силу и служа администраціей, княжеская дружина была вмѣстѣ съ тѣмъ во главѣ русскаго купечества, принимая дѣятельное участіе въ заморской торговлѣ.

Чрезвычайно труднымъ представляется вопросъ, когда началось на Руси частное землевладѣніе. Въ X в. его, повидимому, еще не существовало; неясные слѣды его замѣчаются съ самаго начала XI в. Татищевъ въ своемъ сводѣ излагаетъ договоръ съ болгарами волжскими, слѣды котораго не уцѣлѣли въ источникахъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи. Татищевъ относитъ договоръ къ 1106 г. По просьбѣ купцовъ, болгары позволили торговать по Окѣ и Волгѣ, но только съ купцами же, не входя въ прямую торговлю съ сельскимъ населеніемъ—съ огневщиной и со смердиной. Смердина—воль-

ные хлѣбопашцы. Въ древнихъ частяхъ Русской Правды еще нѣтъ княжихъ мужей; привилегированное сословіе носитъ названіе огнищанъ. Эти огнищане были камнемъ преткновенія для историковъ. Недоразумѣнія происходили отъ мысли, что слово огнищанинъ происходитъ отъ огнище—термина, не дающаго подходящаго смысла производному отъ него—«огнищанинъ». Въ XI в. были списаны съ болгарской рукописи десять словъ Григорія Богослова, переведенныхъ для болгаръ; но въ русскомъ переводѣ встрѣчаются вставки и передѣлки, произведенныя, очевидно, русской рукой. Въ одномъ изъ этихъ словъ фраза оригинала переведена: «гърдящіеся многы огнищи и стады». Значитъ, огнища—челядь. Въ такомъ смыслѣ это слово и потомъ употреблялось въ Болгаріи. Отсюда ясно, что послѣ измѣненія первоначальнаго смысла, слово «огнище»—стало значить «челядь». Знач. огнищанинъ, рабовладѣлецъ. Вотъ кто были привилегированнымъ классомъ до бояръ; основной признакъ этого класса не политическій, а экономическій. Огневщина—сельская челядь огнищанъ, кк. смердина—вольные хлѣбопашцы, но трудно сказать, кто были огнищане, — купцы ли, или исключительно дружинники. Но землевладѣніе составляло исключительную принадлежность княжихъ мужей. Это землевладѣніе съ теченіемъ времени и провело наиболѣе рѣзкую политическую и экономическую грань между дружиной и богатымъ купечествомъ. Но, если дружина не отдѣлялась замѣтно отъ городового купечества ни политически, ни экономически, то можно замѣтить между ними различіе этнографическое. До XI в., повидимому, въ составѣ княжеской дружины рѣшительно преобладалъ пришлый элементъ. Несомнѣнно, въ числѣ княжихъ мужей были и туземцы, преимущественно изъ городской военно-правительственной старшины; но, по спискамъ кіевскихъ пословъ въ договорахъ съ греками можно видѣть, что рѣшительное большинство въ составѣ дружины принадлежало заморскимъ варягамъ. Въ XI в. русское населеніе привыкло отождествлять боярина съ варягомъ. Есть рядъ любопытныхъ памятниковъ, относящихся къ первымъ временамъ христіанства на Руси; это слова на св. четыредесятницу съ предшествующими ей недѣлями. Въ этомъ, несомнѣнно, русскомъ памятникѣ, въ словѣ «о смиреніи», мы читаемъ такую любопытную замѣтку проповѣдника. Ораторъ внушаетъ знати смиреніе, говоря: «не хвались родомъ, ты благородный, не говори: отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы—братья мнѣ». Это намекъ на мучениковъ христіанскихъ, варяговъ (отца съ сыномъ), пострадавшихъ отъ кіевскихъ язычниковъ при князѣ Владимирѣ въ 983 г. Значитъ, русскій бояринъ XI в. представлялся родичемъ, землякомъ кіевскихъ мучениковъ-варяговъ.

Княжеская дружина, служа орудіемъ администраціи въ рукахъ кіевскаго князя, торгуя вмѣстѣ съ купечествомъ большихъ городовъ, носила вмѣстѣ съ нимъ спеціальное названіе Руси. До сихъ поръ не объяснено ни историческое происхожденіе, ни этимологическое значеніе этого слова. По предположенію автора древней повѣсти о русской землѣ первоначальное значеніе его было племенное, такъ называлось то варяжское племя, изъ котораго вышли первые наши князья. Потомъ это слово получило сословное значеніе. Русью называется высшій классъ русскаго общества, преимущественно княжеская дружина. Позднѣе это слово получило географическое значеніе, такъ наз. кіев-

ская область, гдѣ преимущественно сосредоточивались пришлые варяги. Наконецъ, въ XI—XII в.в. слово это является еще со значеніемъ политическимъ; такъ стала назыв. вся территорія, подвластная русскимъ князьямъ. Отъ этого смѣшаннаго высшаго класса, военнаго и промышленнаго, называвшагося Русью, въ X и XI в.в. отличалось туземное низшее населеніе, славянское простонародье, платившее дань Руси.

Въ такихъ чертахъ представляется намъ состояніе Русской земли въ моментъ смерти Ярослава, около половины XI в. Съ этого времени до конца XII в., т. е. до конца перваго періода нашей исторіи, политическій и гражданскій порядокъ, основанія котор. были положены первыми кіевскими князьями, получаетъ дальнѣйшее развитіе. Переходимъ къ изученію этого порядка. Прежде всего изучимъ факты политическіе, т. е. порядокъ княжескаго владѣнія, установившійся на Руси по смерти Ярослава.

Русская земля въ XI—XII вѣкахъ *).

1. Порядокъ княжескаго владѣнія въ потомствѣ Ярослава. Довольно трудно сказать, какой правительственный порядокъ дѣйствовалъ на Руси до смерти Ярослава. Мы видимъ, что иногда княжеская власть передавалась по старшинству: преемникомъ Рюрика былъ не малолѣтній сынъ его Игорь, а родственникъ, по древнему русскому преданію племянникъ Рюрика—Олегъ. Съ другой стороны, власть надъ всей Русской землей не разъ является въ рукахъ одного князя, но только потому, что въ эту минуту не было другихъ взрослыхъ князей. Слѣдовательно, единовластіе до половины XI в. было политической случайностью, но не политическимъ порядкомъ. Какъ скоро у князя являются взрослые сыновья, каждый изъ нихъ обыкновенно еще при жизни отца получаетъ извѣстную волость въ управленіе. Такъ было съ сыновьями Владимира. При отцѣ сыновья правятъ областями въ качествѣ его посадниковъ, намѣстниковъ; они платятъ дань отцу со своихъ областей. Такъ, лѣтопись разсказываетъ, «что Ярославъ, сидя въ Новгородѣ, платилъ отцу ежегодно по 2000 гривенъ, какъ платили всѣ посадники новгородскіе». Но когда умиралъ отецъ, тогда, повидимому, разрывалась политическая зависимость областныхъ князей отъ Кіева, отъ садившагося здѣсь великаго князя. Политической зависимости младшихъ братьевъ отъ старшаго брата, отъ князя кіевскаго, совершенно не замѣтно. Едва впрочемъ замѣтно мелькаетъ мысль о правѣ старшинства. Эту мысль высказалъ одинъ изъ сыновей Владимира, князь Борисъ. Когда дружина по смерти его отца, совѣтовала сыну занять кіевскій столъ, помимо старшаго брата Святополка, Борисъ отвѣчалъ: «не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то сь ми буди во отца мѣсто».

Со смерти Ярослава обнаруживается своеобразный порядокъ княжескаго владѣнія. Прежде всего посмотримъ, какъ раздѣлились Ярославичи. Ихъ было на лицо шестеро: пять сыновей и одинъ внукъ, Ростиславъ, отъ старшаго Ярославова сына, умершаго при жизни отца,

*) См. Учеб. кн. русск. ист. Соловьева; гл. VI—VIII.

Владимира. Мы не считаемъ раньше выдѣлившихся князей полоцкихъ— потомство старшаго сына, Изяслава, отъ Рогнѣды. Старшій Ярославичъ, Изяславъ, взялъ себѣ земли Кіевскую и Новгородскую, слѣдовательно, оба конца рѣчнаго пути «изъ Варягъ въ Греки». Второй сынъ, Святославъ, получилъ область Десны, землю Черниговскую, съ отдаленной Муромо-Рязанской окраиной и съ азовской колоніей Руси-Тмутараканью, возникшей на мѣстѣ старой византійской колоніи Таматарха (Тамань), античной Фанагоріи. Эта Тмутаракань соединена была съ Черниговской землей рѣчнымъ путемъ по Донцу и Дону. Третій Ярославичъ, Всеволодъ, сѣлъ въ Переяславлѣ Южномъ (уѣздн. городѣ Полтавской губ.) и получилъ въ прибавокъ къ этой волости отдаленный край Суздальскій и Бѣлозерскій, по верхнему Поволожью. Четвертый, Вячеславъ, сѣлъ въ Смоленскѣ; пятый, Игорь, на Волынь, гдѣ правительственнымъ центромъ сталъ построенный при Владимирѣ городъ Владимиръ на Западномъ Бугѣ. Сиротаплемянникъ получилъ отъ дядей отдаленный Ростовскій край, среди владѣній Всеволода Переяславскаго и Святослава Черниговскаго. Легко замѣтить, чѣмъ руководились Ярославичи въ такомъ распредѣленіи Русской земли, между собою. Они руководились двойнымъ соображеніемъ: старались распредѣлить части русской земли между собой по старшинству и по доходности волостей; чѣмъ старше князь, тѣмъ лучше волость получалъ онъ. Главные города областей этихъ въ распредѣленіи, сдѣланномъ Ярославичами, слѣдуютъ одинъ за другимъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ перечислялись эти области въ договорахъ съ греками, по своему торговому значенію. Кіевъ былъ въ то время средоточіемъ русской торговли и богатѣйшимъ городомъ Россіи. Можно найти много прямыхъ указаній на это, чужихъ и своихъ. Иностранцы XI в. склонны были даже преувеличивать богатство и населенность Кіева. Писатель самого начала XI в., Титмаръ Мерзебургскій, считаетъ Кіевъ чрезвычайно большимъ и красивымъ городомъ, въ которомъ около 400 церквей и 8 рынковъ. Другой западный писатель того же вѣка, Адамъ Бременскій, называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя, блестящимъ украшеніемъ Греціи, т. е. православнаго Востока. Итакъ, Ярославичи раздѣлили между собою землю своего отца и дѣда по степени старшинства и по доходности областей. Какъ они владѣли русской землей при дальнѣйшихъ перемѣнахъ въ наличномъ составѣ князей? Черезъ два года послѣ смерти Ярослава умеръ Вячеславъ Смоленскій, оставивши сына. Старшіе братья перевели въ Смоленскъ съ Волыни Игоря, а на его мѣсто въ Волынь перевели изъ Ростова племянника Ростислава. Въ 1060 г. умеръ младшій Ярославичъ, Игорь, также оставивъ сыновей. Старшіе братья не отдали Смоленска ни этимъ сыновьямъ, ни Ростиславу. Но Ростиславъ счелъ себя обиженнымъ и бѣжалъ въ Тмутаракань собирать силы для мести дядямъ; слѣдовательно, считалъ себя въ правѣ поочереди перемѣститься въ Смоленскъ. Въ 1093 г. умеръ послѣдній изъ Ярославовыхъ сыновей, Всеволодъ. На сцену выступаетъ второе поколѣніе—внуковъ. На кіевскомъ столѣ сѣлъ старшій сынъ старшаго Ярославича, Святополкъ Изяславичъ. Но кіевляне не хотѣли Святополка; они больше любили сына третьяго Ярославича, Владимира Мономаха. Мономахъ, однако, отказался, такъ объясняя свой отказъ: «аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ, яко есть столъ преже отъ отца его былъ».

Итакъ, во владѣніе частями русской земли князья Ярославичи держались извѣстной очереди: старшинство служило основаніемъ этой очереди. Понятіе о старшинствѣ, какъ объ основаніи порядка княжескаго владѣнія, высказывалось князьями въ продолженіи всего XII в. По ихъ словамъ, правильный порядокъ владѣнія тотъ, который держится на очереди старшинства. Въ концѣ XII в., въ 1195 году, смоленскій князь Рюрикъ съ братьями (Мономаховичами), признавъ старшинство во Владимировой линіи за Всеволодомъ III Суздальскимъ, потребовалъ отъ черниговскихъ князей, чтобъ они навсегда отказались отъ Кіева. Рюрикъ послалъ сказать старшему изъ черниговскихъ князей Ярославу: «цѣлуй намъ крестъ со всею своею братіею, что не искать вамъ Кіева и Смоленска подъ нами и подъ нашими дѣтьми и всѣмъ нашимъ Владимировымъ племенемъ. Дѣдъ нашъ, Ярославъ, раздѣлилъ насъ Днѣпромъ, поэтому вамъ и не подобаетъ, искать Кіева». Рюрикъ выдумалъ Ярославовъ раздѣлъ по Днѣпру, чего никогда не бывало. Въ отвѣтъ на это требованіе Ярославъ Черниговскій обратился къ главѣ Мономаховичей, Всеволоду III, съ такими словами: «у насъ былъ договоръ не искать Кіева подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ. Мы и стоимъ на этомъ уговорѣ: но если ты велишь намъ отказаться отъ Кіева навсегда, то, вѣдь, мы не угры и не ляхи, а единаго дѣда внуки. При вашемъ животѣ не ищемъ Кіева, а послѣ—кому Богъ дастъ». Итакъ, до конца XII вѣка основаніемъ княжескаго владѣнія считалась очередь старшинства, державшаяся на родствѣ князей, на единствѣ княжескаго рода.

Такой своеобразный порядокъ княжескаго владѣнія установился на Руси со смерти Ярослава. Изложимъ его въ возможно короткой схемѣ. Князья не раздѣлялись между собою разъ навсегда и не передавали дѣтямъ доставшихся имъ областей. Князья являлись подвижными владѣльцами, передвигавшимися изъ волости въ волость по очереди старшинства. Всѣ они по степени старшинства разстанавливались по разнымъ ступенямъ генеалогической «лѣствицы». Точно также вся русская земля представляла лѣствицу областей, стоявшихъ выше и ниже по своему значенію въ народномъ хозяйствѣ. Порядокъ княжескаго владѣнія состоялъ въ точномъ соотвѣтствіи ступеней обѣихъ лѣствицъ, генеалогической и географической (лѣствицы лицъ и лѣствицы областей). Во главѣ лѣствицы лицъ стоялъ князь кіевскій, старшій изъ наличныхъ князей. Старшинство давало ему кромѣ обладанія лучшей волостью извѣстныя права надъ младшими родичами. Онъ носилъ названіе Великаго Князя, названнаго отца; онъ судилъ младшихъ родичей, которые ходили въ его послушаніи, «заботился объ ихъ осиротѣлыхъ семьяхъ, былъ высшій попечитель Русской земли, думалъ гадалъ о Русской землѣ», о чести своей и своихъ родителей. Такъ изображаютъ значеніе великаго князя кіевскаго сами младшіе его родичи, князья XII-го столѣтія. Но, руководя Русью и родичами своими, великій князь въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣйствовалъ не одинъ, а собирая князей на общій совѣтъ, дѣйствовалъ лишь какъ представитель и исполнитель воли всего княжескаго рода. Если я не ошибаюсь, нигдѣ болѣе въ исторіи мы не имѣемъ возможности наблюдать столь причудливый политическій порядокъ.

Описавши этотъ подвижный порядокъ княжескаго владѣнія, разберемъ его происхожденіе.

2. Происхожденіе очередного порядка княжескаго владѣнія въ Кіевской Руси. Этотъ порядокъ владѣнія имѣлъ довольно сложное происхожденіе. Въ основаніе его легло родовое право старшинства. Родовое право, со времени разселенія восточныхъ славянъ поколебавшееся въ частномъ гражданскомъ общежитіи, теперь стало основаніемъ политическаго порядка. Но этимъ правомъ не все объясняется въ указанномъ подвижномъ порядкѣ владѣнія. И на западѣ, особенно у славянъ въ началѣ ихъ государственной жизни, дѣйствовало право старшинства при участіи всѣхъ родичей во владѣніи; и тамъ иногда государи дѣлили свои владѣнія между сыновьями, подчиняя младшихъ власти старшаго. Но тамъ разъ подѣлившіеся совладѣльцы, не мѣняясь владѣніями, устанавливали скоро наслѣдованіе въ прямой нисходящей линіи; тамъ изъ права старшинства при участіи всѣхъ родичей во владѣніи не развивался такой подвижной порядокъ владѣльческихъ отношеній, какой старались установить у насъ Ярославичи. Слѣдовательно, у насъ дѣйствовали на ряду съ родовымъ правомъ старшинства еще другія, такъ сказать, вспомогательныя условія. Эти именно условія и создали самую характеристическую особенность дѣйствовавшаго у насъ порядка владѣнія, его подвижность. Условія эти заключались въ своеобразномъ сочетаніи политическихъ понятій и привычекъ нашихъ князей съ экономическимъ положеніемъ страны.

Постоянное владѣніе предполагаетъ уже готовое понятіе о владѣльцѣ, имѣющемъ постоянныя связи съ владѣемой территоріей. Такого понятія не замѣтно, или оно только что зарождалось среди русскихъ князей того времени (XI в.). Послѣдніе еще оставались тѣмъ же, чѣмъ были ихъ предки XI в., рѣчными викингами—витязями, которыхъ шедшія изъ степи опасности едва заставили пересѣсть съ рѣчной лодки на коня. Они видѣли въ себѣ не столько владѣтелей и правителей русской территоріи, сколько руководителей и охранителей русскаго торга и военныхъ сторожей русскихъ границъ. За эти оборонительныя услуги они получали съ земли вознагражденіе, кормъ, въ видѣ налоговъ, полюдій и пошлинъ судебныхъ и торговыхъ. Этотъ кормъ былъ ихъ политическимъ правомъ, эта оборона земли и торга—ихъ политическою обязанностью, служившею источникомъ этого права. Таковы два элемента, входившіе въ составъ понятія о русскомъ князѣ-владѣльцѣ XI в., составлявшіе его политическую физіономію. И Ярославичи, какъ ихъ предки XI в., вожди военно-промышленныхъ варяжскихъ компаній, соперничали другъ съ другомъ за богатые города и въ этомъ соперничествѣ переходили изъ города въ городъ; только теперь, составляя тѣсный родственный кругъ, а не толпу случайно встрѣтившихся искателей торговаго барыша и сытнаго корма, они старались замѣнить случайное и безпорядочное дѣйствіе личной удали или личной удачи обязательнымъ правомъ старшинства, какъ постояннымъ правиломъ. Правда, при нормальномъ положеніи страны, такія владѣльческія понятія и привычки князей, унаслѣдованныя отъ предковъ, не помѣшали бы имъ скоро превратиться изъ бродячихъ сторожей русской земли въ осѣдлыхъ территоріальныхъ владѣльцевъ ея областей.

Если бы благосостояніе каждой области зависѣло исключительно отъ ея внутреннихъ экономическихъ средствъ, Ярославичи, разъ раздѣлившись, занялись бы, каждый въ своей долѣ эксплоатаціей этихъ

средствъ, установили бы наиболѣе выгодную администрацію и систему обороны своихъ территорій и, работая уединенно въ своихъ территоріяхъ, привыкли бы считать ихъ своими постоянными, частными владѣніями и передавать ихъ своимъ дѣтямъ. Нѣсколько позднѣе на другой почвѣ мы встрѣтимся съ подобнымъ процессомъ въ нашей исторіи. Но въ днѣпровской Руси XI и XII в.в. описанныя понятія и привычки князей встрѣтились съ такими условіями народнаго хозяйства, которыя помѣшали этому превращенію. Экономическая жизнь Руси была слишкомъ сосредоточена. Всѣ области Руси были богаты пушнымъ звѣремъ, медомъ и воскомъ; но цѣна этихъ богатствъ зависѣла отъ спроса на заграничныхъ рынкахъ, а спросъ былъ возможенъ, когда были чисты степные торговые пути, шедшіе къ этимъ рынкамъ отъ Чернигова, Переяславля, преимущественно отъ Кіева. Малѣйшее засореніе этихъ путей болѣзненно отзывалось въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ русскаго промышленнаго міра. Въ этомъ отношеніи днѣпровская Русь была похожа на нервный организмъ, который былъ обращенъ головою—Кіевомъ—въ степь, на встрѣчу вражескимъ ударамъ, и былъ сцѣпленъ сѣтью артерій и нервовъ, шедшей отъ этой головы, въ видѣ Днѣпра съ его притоками. При такомъ состояніи народнаго хозяйства невозможна была уединенная правительственная дѣятельность князей въ своихъ областяхъ; они должны были защищать землю общими силами, направляя ихъ на болѣе угрожаемые пункты, на южныя границы. Князь, сидѣвшій въ Новгородѣ или Смоленскѣ, постоянно смотрѣлъ въ ту же далекую степь, отъ которой не отводилъ глазъ его южный родичъ, князь переяславскій или курскій, потому что благосостояніе сѣверныхъ областей также въ значительной степени зависѣло отъ безопасности южныхъ границъ земли и пролегавшихъ по степи торговыхъ путей.

Необходимость защищать страну общими силами, вмѣстѣ съ живымъ чувствомъ родства, не позволяла первымъ Ярославичамъ раздѣлить между собою землю на постоянныя, наслѣдственныя части, поддерживала въ нихъ мысль о нераздѣльности владѣнія отцовскимъ и дѣдовскимъ достояніемъ. Но при тѣсной экономической связи областей не всѣ онѣ одинаково подвергались внѣшнимъ опасностямъ; въ этомъ отношеніи наиболѣе страдали южныя области. Случилось такъ, что наиболѣе угрожаемыя области были и болѣе богатыя, доходныя для князей. Экономическое благосостояніе каждой области опредѣлялось ея географическимъ положеніемъ, именно: близостью къ Кіеву, къ главнымъ рѣчнымъ путямъ страны и къ приморскимъ рынкамъ, т. е. близостью къ степи, которая грозила Руси наибольшими внѣшними опасностями. *Такое своеобразное сочетаніе стратегическаго и экономическаго значенія областей и указало князьямъ самый порядокъ общаго нераздѣльнаго владѣнія.*

Если бы оба эти значенія областей не были связаны одно съ другимъ, если бы наиболѣе богатыми были области наименѣе опасныя, а наиболѣе угрожаемыми наименѣе зажиточныя, то старшіе Ярославичи постарались бы по праву старшинства захватить наиболѣе богатыя области, предоставивъ младшимъ наиболѣе опасныя. Тогда установился бы рядъ постоянныхъ, наслѣдственныхъ владѣній, между которыми, при господствѣ мысли о старшинствѣ владѣтелей, могли сохраниться нѣкоторыя связи: они могли образовать федерацію, въ которой взаимныя отношенія союзныхъ владѣтелей въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ

опредѣлялись бы старшинствомъ ихъ родоначальниковъ, т. е. сыновей Ярослава; по числу послѣднихъ родъ княжескій распался бы на нѣсколько генеалогическихъ линій, и въ каждомъ поколѣніи старшимъ княземъ считался бы старшій представитель линіи старшаго Ярославича, Изяслава. Это было бы неподвижное старшинство, связанное съ одной линіей Ярославова рода. Но указанная встрѣча условій; опредѣлявшая стратегическое и экономическое положеніе областей, не позволила установиться такому порядку. Общій интересъ князей требовалъ, чтобы оборона и обладаніе наиболѣе угрожаемой областью доставалась тому изъ нихъ, который имѣлъ наиболѣе права на его богатства и болѣе средствъ оборонять ее. Эти права и средства связаны были со старшинствомъ личнымъ. Старшій изъ наличныхъ князей былъ наиболѣе способенъ оборонять наиболѣе опасную область. Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ большую наживалъ онъ дружину; со старшинствомъ личнымъ связанъ былъ правительственный и военный авторитетъ князя; старшаго князя больше слушались, больше боялись. Но старшинство личное переходчиво; со смерти каждаго старшаго оно должно было переходить съ князя одной линіи на князя другой, съ Изяславича на Святославича или Всеволодовича и обратно, смотря по случайностямъ рожденій и смертей. Вмѣстѣ съ этими переходами личнаго старшинства, и наличные князья по порядку его должны были переходить изъ одной, менѣе угрожаемой и богатой волости въ другую, болѣе богатую и болѣе опасную.

Итакъ, тѣсная экономическая солидарность областей, при тѣсной родственной связи князей, поддерживала нераздѣльность княжескаго владѣнія; господствовавшія между князьями политическія понятія положили въ основаніе ихъ владѣльческихъ отношеній мысль о родовомъ старшинствѣ; сочетаніе экономическаго значенія областей со стратегическимъ сообщила этому старшинству личный, подвижный характеръ; а такой характеръ старшинства, при содѣйствіи унаслѣдованныхъ Ярославичами владѣльческихъ привычекъ, ввелъ въ нераздѣльное владѣніе передвижку по измѣнчивой очереди личнаго старшинства. Изъ совокупности такихъ элементовъ и сложился очередной, или подвижной, порядокъ княжескаго владѣнія въ XI, XII в.в. Таково значеніе высказаннаго выше положенія, что очередной порядокъ княжескаго владѣнія вышелъ изъ своеобразнаго сочетанія политическихъ понятій и привычекъ князя съ экономическимъ положеніемъ страны.

3. Условія, разрушавшія этотъ порядокъ. Изучимъ дѣйствіе описаннаго порядка княжескаго владѣнія. Что представлялъ собою этотъ порядокъ? Былъ ли онъ политическимъ идеаломъ, носившимся только въ умахъ князей или политической дѣйствительностью? Что-бы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно различать общія основанія этого порядка и его практическое развитіе, т. е. приложеніе къ отдѣльнымъ случаямъ въ исторіи княжескихъ отношеній.

Мы видѣли, что основаніями этого порядка были нераздѣльность Русской земли на постоянныя обособленныя княжескія владѣнія и передѣленіе областей между князьями по измѣнчивой очереди старшинства. Порядокъ владѣнія, построенный на такихъ основаніяхъ, Ярославичи до конца XII в. считали единственно правильнымъ и возможнымъ. Но первымъ поколѣніямъ Ярославичей представлялись ясными и безспорными только эти общія основанія порядка, которыми опредѣля-

лись простѣйшія отношенія, возможныя въ тѣсномъ кругу близкихъ родичей. По мѣрѣ того, какъ этотъ кругъ расширялся, а отношеніе лицъ усложнялись и запутывались, возникали вопросы, рѣшеніе которыхъ не легко было извлечь изъ этихъ общихъ основаній. Тогда началась казуальная разработка этихъ послѣднихъ въ подробностяхъ. Примѣненіе основаній къ отдѣльнымъ случаямъ вызывало споры между князьями. Главнымъ источникомъ этихъ споровъ былъ вопросъ о способѣ опредѣленія старшинства князей на которомъ основывалась очередь владѣнія. По смерти Ярослава, когда началъ дѣйствовать очередной порядокъ, этотъ способъ не былъ еще достаточно уясненъ его дѣтьми. Отношенія старшинства представлялись имъ въ простѣйшей схемѣ, какую можно снять съ тѣснаго круга отца съ дѣтьми: отецъ долженъ итти впереди сыновей, старшій братъ впереди младшихъ. Но эту схему стало трудно прилагать къ дальнѣйшимъ поколѣніямъ Ярославова рода, когда онъ размножился и распался на нѣсколько параллельныхъ вѣтвей, и появилось много сверстниковъ, когда трудно было распознать, кто кого старше и насколько, кто кому какъ доводится. Во второй половинѣ XII в. трудно даже сосчитать по лѣтописи всѣхъ наличныхъ князей, и эти князья — не близкіе родственники, а большею частью троюродные, четвероюродные, и Богъ знаетъ, какіе братья или племянники. Отсюда при каждой перемѣнѣ въ наличномъ составѣ княжескаго рода и рождались споры о порядкѣ старшинства.

Укажемъ на одинъ спорный случай, наиболѣе возникавшій и ссорившій князей. Обыкновено дядя бываетъ старше племяннника, ближе къ общему предку; потому дядя и считался названнымъ отцомъ для племянника. Но по тогдашней привычкѣ князей жениться рано и умирать поздно, иной племянникъ былъ старше своего дяди. У Мономаха было 8 сыновей; пятый изъ нихъ, Вячеславъ, разъ сказалъ шестому, Юрію Долгорукому: «я былъ уже бородатъ, когда ты родился». Старшій сынъ этого бородатаго брата могъ быть старше своего дяди, Юрія Долгорукова. Отсюда возникалъ вопросъ: кто выше на лѣстницѣ старшинства, младшій ли лѣтами дядя, или старшій возрастомъ племяннникъ. Большая часть княжескихъ усобицъ XI и XII вв. выходила именно изъ столкновеній племянниковъ съ дядьями.

Итакъ, князья не умѣли выработать способа точнаго опредѣленія старшинства, который разрѣшилъ бы всѣ спорные случаи въ ихъ генеалогическихъ отношеніяхъ. Это неумѣніе вызвало къ дѣйствію рядъ условій, мѣшавшихъ мирному дѣйствію очереднаго порядка княжескаго владѣнія. Этими условіями были либо послѣдствія, вытекавшія изъ самого этого порядка, либо препятствія, которыя приходили со стороны, но которые не имѣли бы дѣйствія если бы князья умѣли всегда мирно разрѣшать свои владѣльческія недоразумѣнія. Перечислимъ главныя изъ этихъ условій.

I. Ряды и усобицы князей. Возникавшіе между князьями споры о старшинствѣ и порядкѣ владѣнія разрѣшались или «рядами», договорами князей на съѣздахъ, или если соглашенія не состоялось, оружіемъ, т. е. усобицами. Усобица была точно такимъ же способомъ рѣшенія политическихъ споровъ между князьями, какими служили тогда судебные поединки въ уголовныхъ или гражданскихъ тяжбахъ между частными лицами; поэтому вооруженная борьба князей за старшинство и называлась «судомъ Божіимъ». Таково значеніе княжескихъ

«рядовъ» и усобицъ въ исторіи очереднаго порядка княжескаго владѣнія. Цѣлью ихъ было возстановить дѣйствіе этого порядка, а не поставить на его мѣсто какой либо новый; но оба эти средства вносили въ него элементы, противные его основаніямъ, условность соглашенія и случайность перевѣса матеріальной силы. Извѣстный князь пріобрѣталъ старшинство не потому, что онъ былъ въ самомъ дѣлѣ старшимъ, а потому, что его соглашались признавать старшимъ, или потому, что онъ одолѣвалъ соперниковъ.

2. Мысль объ отчинѣ. Землею владѣлъ весь княжескій родъ, и порядокъ владѣнія основанъ былъ на томъ, что дальнѣйшія поколѣнія князей должны были повторять отношенія предковъ. Сыновья должны были подниматься по лѣстницѣ старшинства и чередоваться во владѣніи областями въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ шли другъ за другомъ ихъ отцы. Мѣсто въ этой верени цѣ родичей, унаслѣдованное дѣтьми отъ отца, и было ихъ отчиной. Такимъ образомъ, *отчина имѣла первоначально генеалогическое значеніе: подъ этимъ словомъ разумѣлось мѣсто среди родичей на лѣствицѣ старшинства,* доставшееся отцу по его рожденію и имъ переданное своимъ дѣтямъ. Но съ каждымъ поколѣніемъ сыновьямъ становилось все труднѣе повторять порядокъ отцовъ. Этому прежде всего мѣшало уже одно то, что сыновей обыкновенно бывало больше, чѣмъ сколько было отцовъ. Благодаря этому затрудненію, *отчина постепенно получила другое значеніе—территоріальное,* которое облегчало распорядокъ владѣній между князьями: *отчизною для сыновей стали считать область, котроую владѣлъ ихъ отецъ.*

Такое новое значеніе отчины постепенно развилось изъ прежняго и было утверждено постановленіемъ одного княжескаго съѣзда. По смерти Всеволода Ярославича, когда Русью стали править Ярославовы внуки, между ними произошли споры о томъ, кому чѣмъ владѣть. На съѣздѣ въ Любечѣ (1097 г.) они рѣшили, что каждый изъ нихъ долженъ «держать отчину свою», т. е. сыновья каждаго Ярославича должны владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ ихъ отецъ по Ярославову раздѣлу: Святополкъ Изяславичъ—Кіевомъ, Святославичи—Черниговомъ, Мономахъ Всеволодовичъ—Переяславлемъ и т. д. Съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ распаденія Ярославова рода на вѣтви, каждая изъ нихъ все болѣе замыкалась въ одной изъ первоначальныхъ крупныхъ областей, на которыя раздѣлена была Русь по смерти Ярослава. Эти области и становились отчинами отдѣльныхъ линій. Легко замѣтить, что территоріальное значеніе отчины облегчало порядокъ владѣнія князьямъ, запутавшимся въ счетахъ о старшинствѣ; но очевидно также, что оно разрушало одно изъ основаній этого порядка, нераздѣльность родового владѣнія: благодаря ему, земля распадалась на нѣсколько генеалогическихъ территорій или областей, которыми князья владѣли уже по отчинному наслѣдству, а не по очереди старшинства.

3. Выдѣленіе князей—изгоевъ. По генеалогическому значенію отчины сынъ проходилъ въ очередномъ порядкѣ владѣнія путь, пройденный его отцомъ, чѣмъ выше поднимался отецъ на лѣствицѣ старшинства, тѣмъ выше могъ подниматься на нее и его сынъ. Но, на этотъ путь сынъ вступалъ только по смерти отца. Сынъ при жизни отца состоялъ при немъ, не имѣя самостоятельнаго поло-

женія среди родичей. Если этотъ сынъ умиралъ раньше отца, то его собственные дѣти, очевидно, оставались навсегда безъ всякаго мѣста и опредѣленнаго положенія среди родичей; у нихъ не было никакой отчины, потому что отецъ умеръ прежде, чѣмъ занялъ какое-нибудь опредѣленное мѣсто среди родичей. Такіе князья, преждевременно осиротѣвшіе, т. е. лишавшіеся отцовъ еще при жизи дѣдовъ, назывались изгоями. Они не могли участвовать въ очередномъ владѣніи, потому что у нихъ не было мѣста въ отчинной цѣпи князей. Старшіе родичи выдѣляли изъ своей среды такихъ преждевременныхъ сиротъ, давали имъ извѣстныя волости въ постоянное владѣніе и лишали ихъ участія въ общемъ родовоомъ порядкѣ владѣнія, выкидывали изъ очереди. Эти князья-сироты становились отрѣзанными ломтями въ княжескомъ родѣ.

Уже въ XI в. является владѣніе такихъ князей-изгоевъ. Въ такомъ положеніи являются дѣти старшаго Владимирова сына отъ Рогнѣды, князья Полоцкіе; впослѣдствіи такими князьями-изгоями стали дѣти упомянутаго выше Ростислава, отнявшіе у Польши города Червонной Руси и основавшіе особое княжество Галицкое. Въ XII в. изъ общаго очередного порядка владѣнія выдѣляются княжества: Муромо-Рязанское, доставшееся одному изъ черниговскихъ князей, Ярославу Святославичу; княжество Турово-Пинское на Припети, отошедшее въ осиротѣлую линію старшаго Ярославова внука Святополка Изяславича; наконецъ, княжество Городенское (Гродненское), ставшее постояннымъ владѣніемъ потомства Игоря Ярославича, котораго мы видѣли сперва на Волыни, а потомъ въ Смоленскѣ.

Выдѣленіе князей-изгоевъ изъ владѣльческой очереди было естественнымъ слѣдствіемъ родового порядка владѣнія и служило средствомъ для поддержанія самой этой очереди, но, очевидно, оно съуживало кругъ лицъ и волостей, котор. захватывалъ очередной порядокъ владѣнія. Обратите вниманіе на географическое положеніе этихъ выдѣлившихся княжествъ, постоянно стѣснявшихъ пространство дѣйствія очередного порядка княжескаго владѣнія. Всѣ эти княжества являются на окраинахъ. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія, подогрѣваемый родственнымъ чувствомъ князей, основанъ былъ на соотвѣтствіи двухъ указанныхъ лѣствицъ, генеалогической и географической. Теперь это соотвѣтствіе, на которомъ созидался очередной порядокъ, повторяется и въ его разрушеніи. Князья, задержанные преждевременнымъ сиротствомъ на самомъ низу родовой лѣстницы, всѣхъ дальше отъ названнаго отца, великаго князя кіевскаго, очутились владѣльцами окраинъ Русской земли, наиболѣе отдаленныхъ отъ «матери русскихъ городовъ», отъ Кіева: какъ будто теплое родственное чувство князей, еще бившееся съ нѣкоторою силою около сердца земли—Кіева, охладѣвало и застывало на ея оконечностяхъ, вдали отъ этого сердца.

Перечисленныя условія, разрушавшія очередной порядокъ владѣнія, вытекали изъ его же основаній и были средствами къ которымъ прибѣгали князья для его поддержанія. Въ томъ и состояло внутреннее противорѣчіе очереднаго порядка, что слѣдствія, естественно, вытекавшія изъ его же основаній и служившія средствами его поддержанія, вмѣстѣ съ тѣмъ разрушали самыя эти основанія. Это значитъ, что очередной порядокъ разрушалъ самъ себя, не выдержи-

валъ дѣйствія собственныхъ послѣдствій. Кромѣ того, эти разрушительныя условія, вытекавшія изъ самого порядка, вызывали къ дѣйствію стороннія силы, также его разстраивавшія. Силы эти были слѣдующія.

1. Личныя доблести, которыми отличались нѣкот. князья, создавали имъ большую популярность на Руси, благодаря которой эти князья сосредоточивали въ своихъ рукахъ области помимо родовой очереди. Въ XII в. большая часть Русской земли является во владѣніи одной княжеской линіи, Мономаховичей. Одинъ изъ этихъ Мономаховичей, знаменитый внукъ Мономаха Изяславъ Волынскій, во время усобицъ бралъ столы съ бою не по очереди старшинства, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на личное пріобрѣтеніе, военную добычу. Этотъ князь первый и высказалъ взглядъ на порядокъ княжескаго владѣнія, шедшій совершенно въ разрѣзъ съ установившимся преданіемъ. Онъ сказалъ разъ: «не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту», т. е. личное значеніе князя онъ поставилъ выше правъ старшинства.

2. Наконецъ, еще одна сторонняя сила вмѣшивалась въ счеты князей и путала ихъ очередь во владѣніи. То были главные города областей. Княжескіе счеты и сопровождавшія ихъ усобицы сильно задѣвали интересы этихъ городовъ. Среди постоянныхъ княжескихъ споровъ у городовъ завязывались свои симпатіи, привязывавшія ихъ къ нѣкоторымъ князьямъ. Такъ, Мономаховичи пользовались популярностью даже въ городахъ, принадлежавшихъ черниговскимъ Святославичамъ. Защищая свои мѣстные интересы, эти города иногда шли наперекоръ княжескимъ счетамъ, призывая на свои столы любимыхъ князей помимо очереди.

Вскорѣ послѣ смерти Ярослава началось это вмѣшательство городовъ, путавшее княжескую очередь старшинства. Новгородъ особенно больно чувствовалъ послѣдствія княжескихъ счетовъ и споровъ. Новгородомъ обыкновенно правилъ старшій сынъ или другой ближайшій родственникъ великаго князя кіевскаго. При частыхъ смѣнахъ князей кіевскихъ, князья часто мѣнялись и въ Новгородѣ. Эти смѣны сопровождались большими административными неудобствами для города. Менѣе чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ по смерти Ярослава въ Новгородѣ смѣнились шесть князей, и Новгородъ началъ хлопотать о своемъ постоянномъ князѣ. Въ 1102 г. въ Новгородѣ сидѣлъ посаженный еще въ дѣтствѣ и вскормленный Новгородомъ сынъ Мономаха, Мстиславъ. Старшіе князья, Святополкъ и Мономахъ, рѣшили вывести Мстислава изъ Новгорода и посадить на его мѣсто Святополкова сына какъ слѣдовало по обычаю. Узнавши объ этомъ, Новгородцы послали въ Кіевъ пословъ, которые на княжемъ дворѣ сказали великому князю Святополку: «послалъ насъ Новгородъ и вотъ что велѣлъ сказать тебѣ: не хотимъ Святополка, ни сына его. Если у твоего сына двѣ головы, пошли его въ Новгородъ». Новгородъ удержалъ Мстислава, вопреки обычаю и распоряженію старшихъ князей.

Всѣ изложенныя условія позволяютъ намъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ о дѣйствіи очереднаго порядка владѣнія: былъ ли онъ политическою дѣйствительностью, или только политическимъ идеаломъ князей и, если былъ дѣйствительностью, то какъ и долго ли онъ дѣйствовалъ»? Онъ былъ и тѣмъ и другимъ; въ продолженіе болѣе полутора вѣка со смерти Ярослава онъ дѣйствовалъ

всегда и никогда—всегда отчасти и никогда вполнѣ. До конца этого періода онъ не терялъ своей силы, насколько его основанія были примѣнимы къ запутывавшимся княжескимъ отношеніямъ; но, съ другой, стороны онъ никогда не получалъ такого развитія, такой практической разработки, которая бы давала ему возможность распутать эти отношенія, устранить всякія столкновенія между князьями, а эти столкновенія, не разрѣшаемыя очереднымъ порядкомъ, вынуждали князей отступать отъ него и этимъ разрушали его. Итакъ, *исторія очередного порядка была исторіей борьбы его съ собственными послѣдствіями, его разстраивавшими.*

Послѣдствія борьбы очереднаго порядка съ разрушившими его условіями. *)

1. Политическое разъединеніе русской земли въ XII в. Таковы были условія, мѣшавшія правильному дѣйствію очередного порядка въ княжескомъ владѣніи, такъ что въ XI и XII в.в. княжескія смѣны по порядку старшинства шли рядомъ со смѣнами не въ очередь. Благодаря совмѣстному дѣйствію этого порядка и мѣшавшихъ ему условій, въ XII в. мы замѣчаемъ двойной фактъ, котор. характеризуетъ политическій складъ Руси въ этомъ вѣкѣ. Однимъ изъ этихъ фактовъ было двойное политическое раздробленіе Руси, княжеское и земское. Чѣмъ болѣе размножался родъ князей, тѣмъ болѣе расходились другъ съ другомъ его отдѣльные вѣтви. Сначала племя Ярослава дѣлится на двѣ враждебныя вѣтви, Мономаховичей и Святославичей; потомъ каждая изъ этихъ вѣтвей въ свою очередь распадается на болѣе мелкія; напр., Мономаховичи на Изяславичей Волынскихъ, Ростиславичей Смоленскихъ, Юрьевичей Суздальскихъ, а линіи Святославичей—на Давыдовичей Черниговскихъ и Ольговичей Новгородъ-Сѣверскихъ. Каждая изъ этихъ вѣтвей враждуетъ одна съ другой, усаживаясь на постоянное владѣніе въ извѣстной области. Поэтому одновременно съ распаденіемъ княжескаго рода на мелкія линіи, и Русская земля распадалась на независимыя другъ отъ друга городовыя области. Какъ мы знаемъ, первые князья установили политическую зависимость областей отъ Кіева, выражавшуюся въ управленіи посадниковъ и въ дани, какую области платили въ Кіевъ. По смерти Ярослава этой зависимости не замѣтно. Посадники князя кіевскаго въ главныхъ городахъ исчезаютъ, уступая мѣсто все размножавшимся князьямъ. Областные или мѣстные князья перестаютъ платить дань Кіеву, несовмѣстную съ отношеніемъ младшихъ родичей, областныхъ князей, къ названному отцу, великому князю кіевскому. Вмѣсто обычной дани младшіе князья давали старшему отъ времени до времени добровольные дары.

Постоянное передвиженіе князей со стола на столъ роняло земскій авторитетъ князя. Князь не прикрѣплялся къ извѣстной землѣ ни личной, ни династической связью. Онъ приходилъ и скоро уходилъ, былъ политической случайностью для области, блуждающей кометой. Мѣстное населеніе поэтому искало постоянной мѣстной силы, около

*) См. Учебн. кн. русск. ист. Соловьева, гл. XIII §§ 1—6.

которой могло бы сосредоточиться, и которая постоянно оставалась бы на мѣстѣ, не приходила и не уходила. Такая сила давно была создана нашей исторіей. Это были главные города областей, нѣкогда, до прихода князей, одни ими правившіе. Въ XI в. это управленіе сосредоточивалось въ рукахъ, какъ военной старшины, военно-городскихъ начальниковъ, тысяцкихъ, сотскихъ, десятскихъ и т. д. Съ появленіемъ князей кіевскихъ эта городовая старшина стала постепенно переходить въ составъ княжеской дружины, въ классъ «княжихъ мужей». Городская старшина, прежде бывшая выборной и земской, теперь въ XII в., стала уже служилой, назначалась княземъ. Когда, по мѣрѣ упадка авторитета князей вслѣдствіе усобицъ, стало подниматься значеніе главныхъ областныхъ городовъ, тогда политической силой въ этихъ городахъ явилась, вмѣсто изчезнувшей выборной старшины, вся городская масса, собиравшаяся на вѣчѣ. Такимъ образомъ вѣче главныхъ областныхъ городовъ было преемникомъ древней городской старшины, т. е. торговой аристократіи.

Эти вѣча главныхъ городовъ все громче начинаютъ шумѣть съ конца XI в., вмѣшиваясь въ княжескія отношенія. Князья должны были считаться съ этой силой, входить съ ней въ сдѣлки, заключать «ряды» съ городами, политическіе договоры. Эти договоры опредѣляли порядокъ, котораго должны были держаться мѣстные князья въ своей правительственной дѣятельности. Такъ власть мѣстныхъ князей является ограниченной вѣчами главныхъ городовъ. Мы знаемъ случай такого договора въ самомъ Кіевѣ. Въ 1146 г., по смерти великаго князя Всеволода, изъ линіи Черниговскихъ князей, на великокняжескомъ столѣ по уговору съ кіевлянами долженъ былъ сѣсть его братъ—Игорь. Но кіевляне, много терпѣвшіе при Всеволодѣ отъ княжескихъ городскихъ судей, тіуновъ, возстали и потребовали отъ Игоря, чтобы впередъ онъ самъ судилъ горожанъ, не поручая суда своимъ приказнымъ. Князь Игорь на вѣчѣ долженъ былъ дать обязательство въ томъ, что впредь городской судья будетъ назначаться по соглашенію съ городомъ, т. е. съ его вѣчемъ.

Областные города, ограждая свое политическое значеніе договорами съ князьями, постепенно пріобрѣли значеніе настоящей политической силы, которая соперничала съ князьями, а къ концу XII в. взяла надъ ними рѣшительный верхъ. Въ это время областное населеніе больше смотрѣло на вѣчевые сходки своихъ главныхъ городовъ, чѣмъ на мѣстныхъ князей, являвшихся въ нихъ на короткое время. Такъ стали другъ противъ друга двѣ соперничавшія власти каждой области, и по мѣрѣ того какъ городскія вѣча брали верхъ надъ князьями, городовыя области обособлялись политически. Благодаря этому, Русская земля распалась на нѣсколько мѣстныхъ, плохо связанныхъ другъ съ другомъ, міровъ,—большею частью тѣхъ же городовыхъ областей, которыя образовались уже въ IX в., до появленія кіевскихъ князей.

Такой политическій порядокъ изображаетъ и лѣтописецъ второй половины XII в. По одному случаю онъ говоритъ, что новгородцы, смольняне и кіевляне и всѣ «власти» (волостные, главные города) на вѣча, какъ на думу, сходятся, и что старшіе положатъ, на томъ и пригорода станутъ. Изображая политическую власть, руководившую каждой областью, публицистъ-лѣтописецъ отмѣтилъ вѣче старшаго города, но позабылъ упомянуть о князѣ. Такъ упалъ политическій

авторитетъ князя передъ значеніемъ вѣча. Таково одно послѣдствіе, вышедшее изъ совмѣстнаго дѣйствія очереднаго порядка княжескаго владѣнія и условій ему мѣшавшихъ.

2. Элементы земскаго единства Руси въ XI—XII в.в. Мы остановились на томъ фактѣ, что очередной порядокъ княжескаго владѣнія съ условіями, ему мѣшавшими привелъ къ двойному раздѣленію Руси: 1) къ распаденію княжескаго рода на особыя линіи и 2) къ распаденію княжескаго рода на особыя политическія независимыя городовыя области. Но тотъ же порядокъ, съ препятствовавшими ему условіями, вызвалъ къ дѣятельности рядъ связей, сцѣплявшихъ части Русской земли въ одно, если не политическое, то земское цѣлое. Вотъ эти связи.

I. Первой изъ нихъ являются сами князья, главные виновники политическаго раздробленія Руси. Очередной порядокъ распространялъ на всѣ части Русской земли извѣстныя одинаковыя отношенія, всюду вызывалъ одинаковые интересы и думы. Не смотря на упадокъ княжескаго авторитета, для каждой волости съ княземъ связаны были многіе существенные интересы. Городовыя земли тяготились княжескими спорами, были равнодушны къ княжескимъ счетамъ о старшинствѣ, но они не могли быть равнодушны къ послѣдствіямъ этихъ споровъ, которые иногда тяжело отзывались на населеніе волостей. Благодаря княжескому движенію изъ волости въ волость, всѣ части земли смыкались въ одну цѣпь, отдѣльныя звенья которой были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Перемѣна въ одной волости сейчасъ же чувствительно отзывалась на положеніи другихъ, даже отдаленныхъ. Сядетъ въ Кіевѣ великій князь Мономаховичъ,—онъ пошлетъ править Новгородомъ сына. Тотъ придетъ въ Новгородъ со своими боярами, своею дружиною, которая займетъ всѣ важныя правительственныя должности въ области; съ этими боярами князь станетъ «суды судить, ряды рядить, всякія грамоты записывать», выражаясь языкомъ древне-русскихъ памятниковъ. Но, сгонятъ его отца съ кіевскаго стола родичи изъ Чернигова или съ Волыни—Мономаховичъ долженъ будетъ уходить изъ Новгорода со своею дружиною. На мѣсто ушедшаго явится новый князь, пожалуй враждебный предшествовавшему, черниговскій. Для новгородцевъ возникаетъ важный вопросъ:—знаетъ ли князь порядки новгородскіе, мѣстную старину, пошлину, даже захочетъ ли знать ее? Пожалуй, изъ вражды къ предшественнику станетъ онъ суды судить и ряды рядить не по старинному, старыя грамоты «пересуживать». Такимъ образомъ княжескій круговоротъ втягивалъ въ себя мѣстную жизнь, мѣстные интересы областей; области эти поневолѣ вовлекались въ общій водоворотъ жизни, какой производили князья. Онѣ далеко еще не были проникнуты однимъ духомъ, одной думой, но подучались постепенно думать другъ о другѣ, внимательно слѣдить, что совершалось у сосѣдей или даже въ отдаленныхъ областяхъ. Такъ, *благодаря очередному порядку владѣнія, создавался кругъ общихъ дѣлъ и интересовъ, которые раздѣлялись всѣми частями Русской земли.*

II. Одинаковое съ князьями обще-земское значеніе имѣли и ихъ дружины. Чѣмъ больше размножался княжескій родъ, тѣмъ больше увеличивался дружинный классъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ дружины у отдѣльныхъ князей. Богатые князья имѣли многочисленные дворы. Святополкъ, великій князь кіевскій, хвасталъ,

что у него до 300 однихъ отроковъ, т. е. низшей дружины. Въ Галичѣ, богатомъ княжествѣ XII—XIII в., во время одной усобицы перебито было однихъ бояръ 500 душъ, и ни изъ чего не видно, чтобы это было поголовное истребленіе боярства. Старшіе, богатые князья выводили въ поле по двѣ—три тысячи дружины. О многочисленности этого класса можно судить потому, что каждый взрослый князь имѣлъ особую дружину, а во второй половинѣ XII в. такихъ князей можно насчитать не меньше сотни. Дружина попрежнему состояла изъ смѣшанныхъ элементовъ. Въ X—XI в., какъ мызнаемъ, въ ней преобладали еще пришлые варяги; въ XII в. составъ ея становится еще разнообразнѣе. Рядомъ съ туземцами и потомками обрусѣвшихъ варяговъ, въ княжеской дружинѣ видимъ инородцевъ восточныхъ и западныхъ, торковъ, берендѣевъ, хозаръ, даже евреевъ, угровъ, ляховъ, литву и чудь.

Очередной порядокъ княжескаго владѣнія дѣлалъ столь же подвижною княжескую дружину. Когда князь переходилъ съ худшаго стола на лучшій, его боярамъ выгодно было итти за нимъ; когда князь въ усобицѣ долженъ былъ покидать лучшій столъ для худшаго—дружинѣ его было выгодно покидать князя и оставаться въ прежней волости. Такъ, очередной порядокъ княжескаго владѣнія пріучалъ дружину мѣнять волости, какъ ихъ мѣняли князья, и мѣнять князей, какъ ихъ мѣняли волости. Притомъ, благодаря ихъ подвижности, старшіе дружинники, занимавшіе высшія правительственныя должности, не могли ихъ занимать долгое время и черезъ то пріобрѣсти прочное политическое значеніе въ краю, тѣмъ менѣе могли превратить свои должности въ наслѣдственныя, какъ это было на феодальномъ Западѣ и въ сосѣдней Польшѣ. Сосчитали всѣхъ упомянутыхъ въ лѣтописи дружинниковъ по смерти Ярослава до 1228 г. и насчитали до 150 именъ. Изъ всего количества нашли не болѣе шести случаевъ, когда дружинники по смерти князя-отца оставались на службѣ у его сына, и не болѣе шести же случаевъ, когда дружинникъ при княжеской смѣнѣ оставался въ прежней волости; только въ двухъ случаяхъ на важной должности тысяцкаго, военнаго начальника главнаго областного города, являлись преемственно члены одного и того же боярскаго рода.

Главнымъ образомъ, благодаря этой подвижности, у бояръ долго не завязывалась самая крѣпкая привязь къ мѣсту—землевладѣніе. Въ X в. еще на Руси не замѣтно частной земельной собственности, прежде всего—княжеской и церковной. Въ XII в. находимъ намеки на земли бояръ и младшихъ дружинниковъ. Но легко замѣтить, что землевладѣніе развивалось слабо, не составляло главнаго экономическаго интереса служилыхъ людей. Дружинники предпочитали другіе источники дохода, продолжали принимать дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ и получали отъ своихъ князей денежное жалованіе. Мы даже знаемъ наиболѣе обычный размѣръ этого жалованія. Лѣтописецъ XIII в., вспоминая какъ живали въ старину, замѣчаетъ, что прежде бояре не говорили князю: «мало мнѣ, князь, 200 гривенъ». Эти 200 гривенъ-кунъ были въ XII в. наиболѣе обычнымъ окладомъ боярскаго жалованія.

Значитъ бояре, не пріобрѣтая въ большей части областей постояннаго правительственнаго значенія, не имѣли прочнаго экономическаго значенія. Такъ боярство не привязывалось крѣпко ни къ мѣсту, ни къ лицу князя; единство княжескаго рода позволяло ему переходить отъ князя къ князю, не дѣлаясь измѣнникомъ. Не привязанный крѣпко

ни къ какому князю, ни къ какому княжеству, бояринъ привыкалъ сознавать себя слугою всего княжескаго рода, «переднимъ мужемъ всей Русской земли», говоря языкомъ лѣтописи; у него не могли установиться ни мѣстныя симпатіи, ни прочныя династическія связи съ той или другой княжеской линіей. Вмѣстѣ съ другимъ высшимъ классомъ общества—духовенствомъ, и можетъ быть еще въ большей степени, чѣмъ послѣдній, *многочисленный дружинный классъ былъ подвижнымъ носителемъ мысли о русской землѣ, о земскомъ единствѣ.*

III. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія поддерживалъ и усиливалъ земское значеніе средоточія Руси, города Кіева. Въ Кіевѣ сосредоточивался княжескій круговоротъ, изъ него выходилъ и къ нему возвращался. Удобства жизни въ Кіевѣ, фамильныя преданія, церковное значеніе этого города дѣлали его завѣтной мечтой для каждаго князя. Молодой княжичъ, кружась по отдаленнымъ областямъ, не спускалъ съ него глазъ, спалъ и видѣлъ его. Превосходное поэтическое выраженіе этой тоски по Кіеву, снѣдавшей молодого князя, находимъ мы въ «Словѣ о полку Игоревѣ» (памятникѣ конца XII и начала XIII-го ст.). Въ 1068 г. кіевляне возстали на великаго князя Изяслава и прогнали его, а возвели на великокняжескій столъ посаженнаго старшими князьями въ тюрьму Всеслава Полоцкаго. Только 7 мѣс. посидѣлъ Всеславъ на кіевскомъ столѣ, лишь дотронулся копьемъ до него и долженъ былъ бѣжать въ Полоцкъ. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ забыть Кіева. Бывало рано утромъ начнутъ звонить къ заутренѣ у полоцкой Софіи, а князю все еще мерещится звонъ у св. Софіи въ Кіевѣ.

Доля этихъ княжескихъ чувствъ къ Кіеву сообщалась и населенію русскихъ областей, даже самыхъ отдаленныхъ. Оно все болѣе и чаще пріучалось думать о Кіевѣ, гдѣ сидѣлъ старшій князь Русской земли, откуда выходили всѣ эти добрые княжескіе походы въ степь на поганыхъ, гдѣ жилъ единый глава русской церкви, и сосредоточивались лучшія святыни русской земли. Слѣды этого народно-нравственнаго значенія Кіева остались въ произведеніяхъ народной духовной поэзіи. Извѣстный духовный стихъ о Голубиной книгѣ, отвѣчая на вопросъ, какой городъ всѣмъ городамъ мать, иногда, забывая про Іерусалимъ, поетъ: «Кіевъ градъ всѣмъ городамъ мати».

Усиливая земское значеніе городовъ русской земли, очередной порядокъ княжескаго владѣнія содѣйствовалъ развитію общественной жизни по самымъ отдаленнымъ волостямъ Руси. Чѣмъ больше становилось князей, тѣмъ мельче дробилась русская земля. Каждый взрослый князь обыкновенно получалъ отъ старшихъ родичей особую волость. Количество волостей должно было соотвѣтствовать наличному числу взрослыхъ князей. Благодаря этому, отдаленныя захолустья постепенно выдѣлялись въ особыя княжества; въ каждомъ являлся свой старшій, „стольный“ городъ, куда наѣзжалъ князь со своей дружиной, своими боярами. Городъ обстраивался; князья украшали его храмами, монастырями, большими дворами. Такимъ образомъ въ разные углы Руси вносилась обстановка и формы жизни, одинаковыя съ центральными областями. Средоточіемъ и руководителемъ этой жизни служилъ Кіевъ, источникъ права, богатства, знанія и искусства для тогдашней Руси. *Благодаря распространенію князей по русской землѣ, совершилось извѣстное обобщеніе житейскихъ отношеній во всѣхъ*

частяхъ ея, — установились одинаковыя бытовыя формы и понятія. Перелетныя птицы земли русской, князья со своими дружинами, всюду разносили сѣмена жизни, какія росли и расцвѣтали въ средоточіи земли, — въ Кіевѣ.

Политическій строй русской земли въ XII в.

Изученные нами два противоположные ряда послѣдствій, вышедшихъ изъ борьбы очередного порядка съ условіями, его разрушавшими, даютъ намъ возможность опредѣлить политическій строй тогдашней Русской земли, обозначить форму ея политическаго быта привычной намъ терминологіей. Что такое была эта земля въ XII в.? Это не было единое цѣльное государство, ибо въ ней не было политическаго единства, единой обязательной власти. Мы назвали бы ее политической федераціей, союзомъ самостоятельныхъ, независимыхъ областей или княжествъ, если бы въ ней существовали достаточно развитыя союзныя учрежденія, простиравшія свое дѣйствіе на все пространство Руси. Правда, было два такихъ учрежденія, но только въ зародышѣ. Это были: 1) великій князь кіевскій и 2) княжескія съѣзды. Но власть князя кіевскаго не была точно опредѣлена и достаточно обезпечена, не имѣла достаточныхъ средствъ для дѣйствія и постепенно превратилась въ почетное отличіе, получила очень условное значеніе; каждый младшій родичъ, областной князь, считалъ себя въ правѣ противиться великому князю кіевскому, если находилъ его дѣйствія неправильными. Съ другой стороны по приглашенію великаго князя нерѣдко устраивались княжескіе съѣзды для обсужденія общихъ дѣлъ. Такими общими дѣлами были обыкновенно вопросы законодательства, чаще—вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ князей и о средствахъ защиты Русской земли отъ внѣшнихъ враговъ. Но эти съѣзды никогда не соединяли всѣхъ наличныхъ князей, и никогда не было точно опредѣлено значеніе ихъ постановленій. Князья, не присутствовавшіе на съѣздѣ, считали для себя необязательными ихъ рѣшенія; даже князья, бывшіе на съѣздѣ, считали себя вправѣ дѣйствовать вопреки его рѣшеніямъ по личному усмотрѣнію. На съѣздѣ въ Витичевѣ (1110 г.) Святополкъ, Мономахъ, Давидъ и Олегъ (Святославичи), приговоривши наказать Давида Игоревича Волынскаго за ослѣпленіе Василька, постановили отнять у этого послѣдняго его Теребовльскую область, какъ у неспособнаго править ею; но Ростиславичи, Володарь и Василько, не признали этого рѣшенія. Старшіе князья хотѣли принудить ихъ къ тому силой; но самый видный изъ членовъ съѣзда, Мономахъ, участвовавшій въ этомъ рѣшеніи, отказался итти въ походъ, признавъ за Ростиславичами право ослушаться съѣзда, на основаніи постановленія прежняго съѣзда въ Любечѣ (1097 г.), гдѣ за Володаремъ былъ утвержденъ Теребовль.

Итакъ, ни власть великаго князя, ни княжескіе съѣзды не сообщали Русской землѣ характера политической федераціи въ строгомъ смыслѣ слова. Это была федерація, но не развитая, державшаяся связями, которыя не успѣли получить политическаго характера, стать обязательными. *Русская земля не дѣлилась на части, совершенно уединенныя другъ отъ друга. Въ ней дѣйствовали связи, соединявшія эти*

части въ одно цѣлое; только эти связи были не политическія, а племенныя, экономическія, соціальныя и церковно-нравственныя. Не было единства государственнаго, но завязывалось единство народное. Нитями, которыми связывалось это единство, были не законы и учрежденія, а интересы, нравы и отношенія, не успѣвшіе облечься въ законы и учрежденія. Перечислимъ еще разъ эти связи: 1) взаимное общеніе областей, вызванное дѣйствіемъ очередного порядка княжескаго владѣнія, 2) общеземскій характеръ, усвоенный высшими классами общества, духовенствомъ и княжеской дружиной, 3) общеземское значеніе Кіева, какъ средоточія Руси не только торгово-промышленнаго, но и церковно-нравственнаго, 4) одинаковыя формы и обстановка жизни, устанавливавшіяся во всѣхъ частяхъ Руси, при помощи очередного порядка княжескаго владѣнія.

Такъ обозначается эпоха зарожденія русской народности. Она зародилась въ XI и XII ст. Можетъ быть въ этомъ и скрывается разгадка своеобразнаго отношенія къ старой кіевской Руси со стороны нашего народа и нашей исторіографіи. И народъ, и историки до сихъ поръ относятся къ старой кіевской Руси съ особеннымъ сочувствіемъ, непонятнымъ съ перваго взгляда. Въ современной русской жизни осталось очень мало слѣдовъ отъ старой кіевской Руси, отъ ея быта. Повидимому, отъ нея не могло остаться слѣдовъ даже и въ народной памяти. Чѣмъ могла заслужить благодарное воспоминаніе въ народѣ кіевская Русь со своими безпорядками, вѣчной враждой князей и нападеніями степныхъ «поганыхъ»? Между тѣмъ народъ доселѣ помнитъ старый Кіевъ съ его князьями и богатырями и непритворно любитъ его, какъ никогда не любилъ онъ ни одной изъ столицъ, его смѣнившихъ, ни Москвы, ни Петербурга. Такъ относится къ кіевской Руси и наша исторіографія. Эта Русь не выработала прочнаго порядка, способнаго выдержать внѣшніе удары; однако же изслѣдователи самыхъ различныхъ направленій вообще склонны рисовать жизнь кіевской Руси свѣтлыми красками. Гдѣ причина такого отношенія? Въ старой кіевской жизни много неурядицъ, много безтолковой толкотни, но за то въ князьяхъ того времени такъ много родственнаго чувства, на верху общества такъ много движенія,—а люди вообще неравнодушны къ временамъ, исполненнымъ чувства и движенія. Такія времена отличаются творческой силой: въ нихъ зарождаются коренные факты народной жизни. Народъ запомнилъ въ поэтическихъ преданіяхъ, а историкъ читаетъ между строками русской лѣтописи XI и XII в.в.—одинъ и тотъ же коренной фактъ русской исторіи, совершившійся въ тѣ вѣка: тогда русская земля, механически сцѣпленная первыми князьями въ одно политическое цѣлое, впервые начала сознавать себя единымъ національнымъ цѣлымъ. Послѣдующія поколѣнія любили вспоминать о кіевской Руси, какъ колыбели русской народности.

Русское общество въ XI и XII вѣкахъ.

Русская правда. Я кончилъ изображеніе политическаго порядка, установившагося на Руси въ XI и XII в.в. Теперь я долженъ обратиться къ болѣе глубокой, болѣе скрытой отъ глазъ наблюдателя сферѣ жизни—къ гражданскому порядку, къ ежедневнымъ отношеніямъ лица къ лицу и тѣмъ интересамъ и понятіямъ, которыми эти отно-

шенія скрѣплялись. Впрочемъ, я ограничусь лишь лицевой, юридической стороной этого порядка. Изображеніемъ этихъ отношеній я и закончу изученіе перваго періода нашей исторіи. Частная жизнь въ древней Руси наиболѣе полно и точно отразилась въ древнемъ памятникѣ русскаго законодательства, въ Русской Правдѣ. Но прежде, чѣмъ взглянуть на частныя отношенія людей въ древней Руси черезъ это зеркало, надо разсмотрѣть, насколько полно и точно оно отразило въ себѣ эти отношенія. Изложенію Русской Правды я предпошлю краткій обзоръ ея происхожденія и состава.

Происхожденіе Русской Правды. Въ нашей литературѣ по истріи права господствуетъ два взгляда на происхожденіе этого памятника. Нѣкоторые видятъ въ Русской Правдѣ неоффиціальный документъ, не подлинный памятникъ законодательства, какъ онъ вышелъ изъ рукъ законодателя, а частный юридическій сборникъ составленный какимъ либо древне-русскимъ законовѣдомъ для своей частной надобности. Другіе изслѣдователи, напротивъ, видятъ въ немъ памятникъ оффиціальный, подлинное произведеніе русской законодательной власти только испорченное потомъ переписчиками, вслѣдствіи чего явилось множество списковъ Правды, различающихся количествомъ, порядкомъ и даже текстомъ статей. Разберемъ Русскую Правду, чтобы оцѣнить и провѣрить оба эти взгляда.

Читая Русскую Правду, вы прежде всего узнаете по заглавію памятника въ древнѣйшихъ спискахъ, что это „Уставъ“ или „Судъ“ Ярославль. Въ самомъ текстѣ Правды встрѣчаемъ примѣчаніе, что такъ „судилъ“ или такъ „уставилъ“ Ярославъ. Отсюда приходимъ къ заключенію, что Русская Правда есть законодательный памятникъ, изданный Ярославомъ и служившій руководствомъ для княжескихъ судей XI в. Въ древней русской письменности хранилась память объ этомъ князѣ, какъ установителѣ закона, правды: ему давалось иногда прозвище „Правосуда“. Всматриваясь въ памятникъ ближе, вы наберете рядъ наблюденій, которыя разрушаютъ это первое заключеніе о происхожденіи Правды.

I. Вы встрѣчаете въ Правдѣ рядъ постановленій, принадлежащихъ преемникамъ Ярослава, его дѣтямъ и даже внуку Мономаху, при которомъ явился законъ, направленный противъ ростовщичества. Значитъ Русская Правда есть памятникъ законодательной дѣятяльности не одного Ярослава, но и его преемниковъ.

II. Текстъ нѣкоторыхъ статей показываетъ, что это не подлинный законъ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ законодателя, а его парафраза, принадлежащая составителямъ кодекса, въ которомъ иногда читаемъ не самый законъ, а только разсказъ о томъ, какъ этотъ законъ явился. Такой характеръ носитъ напримѣръ 2-я статья Правды (въ пространной редакціи), объ отмѣнѣ родовой мести за убійство. „Послѣ Ярослава, читаемъ мы здѣсь, собрались сыновья его (слѣдуетъ перечень ихъ именъ съ бывшими на съѣздѣ ихъ боярами) и отмѣнили месть за убійство, но постановили выкупаться деньгами, все же прочее какъ судилъ Ярославъ, такъ уставили и его сыновья“. Какъ вы видите, это не подлинный текстъ закона, а протоколъ княжескаго съѣзда или историческое изложеніе закона словами кодификатора.

III. Въ Русской Правдѣ не встрѣчается постановленій о цѣлыхъ

разрядахъ преступныхъ дѣяній, которыя однако, несомненно, встрѣчались въ тогдашней судебной практикѣ. Такъ, Русская Правда не знаетъ преступленій политическихъ, ни преступленій по оскорбленію женщинъ и дѣтей, ни обидъ словомъ и т. п. Объясненіе причины такихъ важныхъ пробѣловъ мы находимъ въ двухъ почти современныхъ Правдѣ памятникахъ, принадлежащихъ первымъ христіанскимъ князьямъ на Руси; это церковные уставы Владиміра и того же Ярослава. Не смотря на позднѣйшую порчу текста обоихъ памятниковъ, видно однако, что основа ихъ восходитъ къ первымъ временамъ христіанства на Руси. Въ этихъ памятникахъ довольно подробно опредѣляются и многія преступленія, о которыхъ молчитъ Правда; здѣсь, между прочимъ, встрѣчаемъ статьи объ оскорбленіи женщинъ, какъ и объ обидахъ словомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ судились исключительно церковнымъ судомъ, на основаніи особыхъ законоположеній; вотъ почему молчитъ объ нихъ Правда. Другія изъ пропущенныхъ Правдой преступленій, такъ называемымъ „смѣснымъ" судомъ, т. е. разбиралъ эти дѣла князь или его посадникъ, но въ присутствіи церковнаго судьи, представителя церковной власти, съ которымъ князь или его судья дѣлились получаемой съ преступника пеней. Къ числу такихъ преступленій, вызвавшихъ „смѣсный" судъ, принадлежало, напр., въ XII в. похищеніе или „умычка" дѣвицъ. Русская Правда молчитъ и о преступленіяхъ, разбиравшихся „смѣснымъ", княжеско-церковнымъ судомъ.

Въ Русской Правдѣ нѣтъ и слѣда одной очень важной особенности древне-русскаго судебнаго процесса, одного изъ судебныхъ доказательствъ, поединка или поля. Между тѣмъ мы знаемъ, что поле практиковалось, какъ до Русской Правды, такъ и долго послѣ нея, чуть ли не до XVII в. Византійскій писатель X-го в. Левъ Діаконъ замѣчаетъ, что русскіе въ его время имѣли обыкновеніе рѣшать взаимныя распри „кровью и убійствомъ". Подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ можетъ еще разумѣться родовая кровная месть; но арабскій писатель, писавшій нѣсколько раньше, Ибнъ-Даста, рисуетъ намъ превосходную картину судебнаго поединка на Руси въ первой половинѣ X-го в. По его словамъ, если кто имѣетъ на Руси дѣло противъ другого, онъ зоветъ его на судъ къ князю, передъ которымъ и примиряются обѣ стороны; дѣло рѣшается приговоромъ, а окончательное рѣшеніе предоставляется оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и беретъ верхъ. При борьбѣ присутствуютъ родичи обѣихъ сторонъ, вооруженные. Кто одолѣетъ въ бою, тотъ и выиграетъ дѣло. Итакъ, несомненно, что еще до перемѣнъ, произведенныхъ въ русскомъ правѣ и судебномъ порядкѣ въ XI в., на Руси дѣйствовали судебные поединки. Съ другой стороны, указанія на нихъ въ памятникахъ права идутъ съ начала XII в. Почему Правда не знаетъ этого важнаго судебнаго доказательства, къ которому такъ любили прибѣгать въ древнихъ русскихъ судахъ? Она знаетъ его, но игнорируетъ, не хочетъ признавать. Находимъ и объясненіе этого непризнанія. Церковь немолчно проповѣдывала противъ судебныхъ поединковъ, какъ остатка язычества, обращалась даже къ церковнымъ наказаніямъ, чтобы вывести ихъ изъ русскихъ судовъ; но долго ея усилія оставались безуспѣшными. Итакъ, замѣчается нѣкоторая солидарность между Русской Правдой и юридическими понятіями древняго русскаго духовенства.

По разнымъ спискамъ Русская Правда является въ двухъ основныхъ редакціяхъ, въ краткой и полной, пространной. Въ письменности раньше становится извѣстна послѣдняя: пространную Правду мы встрѣчаемъ уже въ новгородской Кормчей конца XIII в. Эта пространная Правда является всегда въ одинаковомъ, такъ сказать окруженіи, въ одномъ литературномъ обществѣ; тогда какъ краткая редакція Правды попадается въ памятникахъ чисто литературнаго свойства, не имѣвшихъ практическаго судебнаго употребленія, въ лѣтописяхъ. Правду пространную встрѣчаемъ большею частью въ кормчихъ, иногда въ сборникахъ каноническаго содержанія, носившихъ названіе „Мѣрило праведное". Полная редакція Правды, такимъ образомъ жила и дѣйствовала въ церковномъ обществѣ, являясь въ памятникахъ церковнаго права, имѣвшихъ практическое значеніе. Это церковно - юридическое общество Правды состояло изъ слѣдующихъ членовъ.

Вамъ извѣстно, что такое древняя русская Кормчая. Это переводъ византійскаго Номоканона, представляющаго сводъ церковныхъ правилъ и касающихся церкви законовъ греческихъ императоровъ, которымъ руководилась древне-русская церковь въ своемъ управленіи и особенно въ судѣ по духовнымъ дѣламъ. Изслѣдователи церковнаго права доказали, что на Руси въ первые вѣка ея христіанской жизни извѣстенъ былъ въ югославянскихъ переводахъ Номоканонъ двухъ составовъ или редакцій: константинопольскаго патріарха, Іоанна Схолистика (VI в.) и константинопольскаго патріарха Фотія (IX в.). Номоканонъ, наша Кормчая, является въ нашей письменности съ цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ статей. Главныя изъ нихъ таковы: 1) извлеченіе изъ законовъ Моисеевыхъ; 2) „Эклога", сводъ, принадлежащій иконоборческимъ императорамъ первой половины VIII в., Льву Исавру и его сыну Константину Копрониму; эта Эклога содержитъ преимущественно постановленія семейнаго и гражданскаго права, но въ ней есть и отдѣлъ о наказаніяхъ за уголовныя преступленія; 3) „Законъ судный людемъ"; это славянская передѣлка той же Эклоги, преимущественно ея статей о наказаніяхъ; передѣлка эта является въ славянской письменности даже раньше перевода самой Эклоги и, кажется, сдѣлана для болгаръ вскорѣ послѣ принятія ими христіанства, т. е. въ IX вѣкѣ; 4) „Прохиронъ", законодательный сводъ императора Василія Македонянина IX в. 5) цѣликомъ или въ отрывкахъ церковные уставы нашихъ первыхъ христіанскихъ князей, Владимира и Ярослава.

Среди этихъ то дополнительныхъ статей обыкновенно мы встрѣчаемъ нашу пространную Правду. Въ памятникахъ литературныхъ, не имѣвшихъ практическаго значенія въ судахъ, эта редакція Правды не попадается. Значитъ, Правда обращалась среди памятниковъ византійскаго права, принесенныхъ намъ духовенствомъ и служила лишь одной изъ дополнительныхъ статей къ своду церковныхъ законовъ, къ Кормчей.

Разбирая дополнительныя статьи, мы замѣчаемъ нѣкоторую внутреннюю связь между нами и нашей Правдой. Нѣкоторыя постановленія послѣдней, какъ будто составлены при ихъ содѣйствіи. Напр., въ извлеченіи изъ Моисеевыхъ законовъ мы читаемъ статью о ночномъ воровствѣ. Эта статья, заимствованная изъ книги Исходъ, въ нашей печатной Библіи читается такъ: „аще въ подкопаніи обрящется

тать и язвенъ умретъ, нѣстъ ему убійство: аще же взыдетъ солнце надъ нимъ, повиненъ есть, умретъ за него". Смыслъ этой статьи таковъ: „если ночью захватятъ татя на мѣстѣ преступленія и убьютъ, не считать того за убійство, если же его убьютъ по восходѣ солнца, то убійца виновенъ, долженъ самъ подвегнуться смертной казни. Въ нашей Русской Правдѣ читается такая статья о ночной татьбѣ:" кого застанутъ у клѣти или на какомъ воровствѣ, могутъ убить какъ собаку: если же продержатъ пойманнаго вора до разсвѣта, то должны вести его на княжій дворъ, въ судъ; если же воръ окажется убитымъ, а сторонніе люди видѣли его уже связаннымъ, то платить за убійство штрафъ въ 12 гривенъ". Вы чувствуете внутреннюю связь этой статьи съ приведеннымъ мѣстомъ Моисеева закона, но вы видите также, какъ Моисеево постановленіе обрусѣло въ Правдѣ, приноровлено къ мѣстному обществу и приняло своеобразныя мѣстныя формы выраженія.

Еще примеръ. Въ числѣ статей упомянутой эклоги Льва и Константина мы встрѣчаемъ краткое постановленіе: „рабъ не послушествуетъ" (не допускается на судѣ, какъ свидѣтель). У насъ на Руси кромѣ рабовъ былъ еще классъ полузависимыхъ людей, назыв. закупами. Въ Русской Правдѣ читаемъ такую статью о свидѣтельствѣ въ судѣ, о послушествѣ: „свидѣтелемъ холопъ быть не долженъ; если не будетъ свидѣтелей изъ свободныхъ людей, то понуждѣ можно призвать въ свидѣтели боярскаго приказчика, но не другихъ простыхъ (холоповъ); только въ маломъ искѣ по нуждѣ можно сослаться и на свидѣтельство „закупа". Опять мысль эклоги развита въ Правдѣ примѣнительно къ состоянію русскаго общества, выразилась въ чисто русской формѣ.

Третій примѣръ. Въ числѣ статей упомянутаго „закона суднаго людямъ" мы встрѣчаемъ постановленіе о томъ, какъ наказывать человѣка, который безъ спроса сѣлъ на чужую лошадь: „аще кто безъ повелѣнія на чужемъ конѣ ѣздитъ, да ся тепетъ по три краты", т. е. наказывается тремя ударами. Въ нашей Правдѣ есть постановленіе на тотъ же случай, которое читается такъ: „кто сядетъ на чужого коня безъ спроса, три гривны за это". Русь временъ Правды не любила тѣлесныхъ наказаній, и византійскіе удары плетью переведены у насъ на обычный денежный штрафъ, на гривны. Такъ мы замѣчаемъ, что составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно изъ памятниковъ византійскаго права, однако руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшіе опредѣленія, ставили законодательные вопросы, отвѣтовъ на которые онъ искалъ въ туземномъ правѣ.

Наконецъ, въ текстѣ Правды мы замѣчаемъ слѣды кодификатора, который былъ знакомъ если не съ языкомъ византійскаго подлинника, то съ терминологіей южно-славянскаго его перевода. Въ Русской Правдѣ встрѣчаются термины, чуждые нашему древнему юридическому языку. Приведемъ лишь одинъ примѣръ. Языкъ древней Руси долго не зналъ спеціальнаго термина для обозначенія дѣтей двухъ родныхъ братьевъ. Терминъ „двоюродный" является довольно поздно, не ранѣе XIV в.; но древняя сербская кормчая, греческое понятіе (двоюродные братья) передаетъ очевидно искусственно сдѣланнымъ терминомъ „брату—чада". Этотъ терминъ никогда не освоился въ языкѣ русскаго права, всегда оставался ему чуждымъ, какъ терминъ искусственный,

книжный, и при томъ принесенный извнѣ. Этотъ терминъ знаетъ и Русская Правда. Перечисляя степени родства, обязанныя кровью мести за убійство родственниковъ, она ставитъ рядомъ съ сыномъ и племянникомъ и „брату-чадо“, двоюроднаго брата.

Вотъ рядъ наблюденій, какіе вы соберете, изучая пространный текстъ Русской Правды. Вы замѣтите, что она еще составлялась и въ XII в. долго спустя послѣ смерти Ярослава; что она представляетъ не вездѣ подлинный текстъ закона, а часто его повѣствовательное изложеніе, что Русская Правда не знаетъ нѣсколькихъ разрядовъ преступленій, именно тѣхъ, которыя разбирались или исключительно церковнымъ судомъ на основаніи церковныхъ законовъ, или судомъ «смѣснымъ», или которыхъ не вѣдалъ вовсе церковный судъ (преступленія политическія); что Русская Правда игнорируетъ судебные поединки, несомнѣнно практиковавшіеся въ русскихъ судахъ XI и XII вв., но противные Церкви; что Русская Правда является не особымъ самостоятельнымъ судебникомъ, а только одной изъ дополнительныхъ статей къ Кормчей; что эта Правда составлялась не безъ вліянія памятниковъ византійскаго права, среди которыхъ она вращалась, и что на ней замѣтны слѣды руки русскаго грамотея, знакомаго съ терминологіей южно-славянскихъ переводовъ византійскихъ юридическихъ памятниковъ. Совокупность этихъ наблюденій и приводятъ къ тому заключенію, что читаемый нами текстъ Русской Правды сложился въ сферѣ не княжескаго, а церковнаго суда, въ средѣ церковной юрисдикціи, и что составитель ея при своей работѣ имѣлъ въ виду потребности именно этой юрисдикціи. Для княжескаго суда XI в. не нужна была писанная Правда: во 1-хъ еще крѣпко было право обычное, которымъ руководился князь или его судья; во 2-хъ, тогда господствовалъ процессъ состязательный, и, если бы судья забылъ юридическій обычай, ему настойчиво напомнили бы о немъ тяжущіяся стороны, которыя собственно и вели дѣло, а судья присутствовалъ при тяжбѣ больше въ качествѣ пассивнаго зрителя, чѣмъ руководителя. Но если князь и его судьи могли обходиться безъ писанной Правды, то она была необходима въ церковныхъ судахъ. Въ началѣ христіанства Церкви предоставлена была двойная юрисдикція. 1) Церковь судила всѣхъ христіанъ, духовныхъ и мірянъ, по нѣкоторымъ дѣламъ духовно-нравственнаго характера, 2) она судила нѣкоторыхъ христіанъ, духовныхъ и мірянъ, по всѣмъ дѣламъ, церковнымъ и нецерковнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Эти міряне, подсудные церкви во всѣхъ дѣлахъ, были люди, предоставленные вѣдѣнію церкви, всѣ убогіе, всѣ пользовавшіеся общественной благотворительностью, врачи, холопы, принадлежащіе церковнымъ учрежденіямъ, крестьяне, жившіе на церковныхъ земляхъ и проч. Для суда надъ этими мірянами по дѣламъ нецерковнаго характера церковнымъ судьямъ и былъ необходимъ писанный сводъ законовъ. Необходимость эта обусловливалась двумя причинами: а) первые церковные судьи, греки или южные славяне, не знакомы были съ русскими юридическими обычаями; в) этимъ судьямъ нуженъ былъ такой сводъ туземныхъ законовъ, которымъ были бы устранены или измѣнены нѣкоторые юридическіе обычаи Руси, особенно претившіе юридическому и нравственному чувству христіанскихъ судей, воспитанныхъ на византійскомъ церковномъ и гражданскомъ правѣ. Эта двойная потребность и вы-

звала въ церковной средѣ попытку кодификаціи русскихъ нецерковныхъ законовъ. Плодомъ этой попытки и была Русская Правда. Итакъ, повторяю, Русская Правда родилась въ сферѣ церковной юрисдикціи. Церковный судъ по духовнымъ дѣламъ надъ всѣми христіанами производился на основаніи Номоканона, принесеннаго изъ Византіи, и церковныхъ уставовъ, изданныхъ первыми христіанскими князьями Руси. Церковный судъ по нецерковнымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, простиравшійся только на церковныхъ людей, вызвалъ потребность въ письменномъ сводѣ мѣстныхъ законовъ, какимъ и явилась Русская Правда. Начало его выработки относится ко времени Ярослава, почему Русская Правда и носитъ имя этого князя. Въ новгородской лѣтописи есть неясный намекъ на какую-то „Правду" или писанный „Уставъ", который далъ Ярославъ новгородцамъ, сказавъ имъ: „по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите". Можетъ быть, это намекъ на первоначальную краткую редакцію Правды, которую мы находимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ. Завершеніе этой работы надъ сводомъ можно отодвигать не далѣе конца XII в. Итакъ, Русская Правда вырабатывалась около полутора столѣтія.

Изложенный разборъ Русской Правды даетъ намъ возможность отвѣтить на вопросъ, поставленный при самомъ началѣ ея изученія, именно, былъ ли это документъ оффиціальный, или частный юридическій сборникъ, не имѣвшій ни оффиціальнаго происхожденія, ни обязательнаго дѣйствія, ни то, ни другое. Русская Правда не была произведеніемъ княжеской законодательной власти; но она не осталась и частнымъ критическимъ сборникомъ, получила обязательное дѣйствіе, какъ законодательный сводъ, въ одной части русскаго общества, именно въ той, на которую простиралась церковная юрисдикція по нецерковнымъ дѣламъ, и въ такомъ значеніи признаваема была самой княжеской властью.

Впрочемъ, можно думать, что дѣйствіе Русской Правды съ теченіемъ времени перешло за предѣлы церковной юрисдикціи. До половины XI в. еще крѣпкій древній обычай давалъ княжескимъ судамъ возможность обходиться безъ письменнаго свода законовъ. Но различныя обстоятельства, успѣхи гражданственности, особенно появленіе христіанской церкви съ чуждымъ для Руси церковнымъ правомъ, съ новыми для нея юридическими понятіями—все это должно было поколебать древніе юридическіе обычаи и помутить юридическую память судьи. Теперь судебная практика на каждомъ шагу задавала судьѣ вопросы, на которые онъ не находилъ отвѣта въ древнемъ юридическомъ обычаѣ, или отвѣтъ на которые можно было извлечь изъ этого обычая лишь путемъ его натянутаго толкованія. Это и вызвало потребность для княжескихъ судей въ письменномъ изложеніи законовъ, приноровленныхъ къ измѣнившемуся положенію дѣлъ. Русская Правда устраняла часть этихъ судебныхъ затрудненій, давала отвѣты на многіе изъ этихъ вопросовъ, старалась примѣниться къ новымъ понятіямъ и отношеніямъ. Я думаю, что съ теченіемъ времени Русская Правда, первоначально имѣвшая обязательное дѣйствіе только въ сферѣ церковной юрисдикціи, стала служить руководствомъ и для княжескихъ судовъ. Итакъ, *Русская Правда есть памятникъ собствено не древне-русскаго законодательства, а древне-русской кодификаціи.*

Разборъ Русской Правды позволяетъ намъ отвѣтить и на дру-

гой вопросъ, поставленный при началѣ ея изученія:—насколько полно и вѣрно отразился въ ней дѣйствовавшій на Руси юридическій порядокъ»? Въ ней можно замѣтить слѣды несочувствія кодификатора нѣкоторымъ юридическимъ обычаямъ Руси, слишкомъ отзывавшимся языческой стариной. Но трудно уличить его въ поправкахъ, прямыхъ отступленіяхъ отъ дѣйствовавшаго права. Повидимому, онъ старался не столько исправлять мѣстный юридическій обычай, сколько съ одной стороны обходить то, что считалъ необходимымъ исправить въ немъ, а съ другой—пополнять его, формулируя такія юридическія отношенія и случаи, на которые обычай не давалъ прямыхъ отвѣтовъ. Поэтому *Русскую Правду можно признать довольно вѣрнымъ, но не цѣльнымъ отраженіемъ юридическаго порядка ея времени: она не вводила новаго права взамѣнъ дѣйствовавшаго, но въ ней воспроизведены не всѣ части дѣйствовавшаго права, а части воспроизведенныя, можетъ быть, въ ней впервые изложены такъ стройно и отчетливо, какъ не сумѣлъ бы изложить ихъ тогдашній княжескій судья.*

Источники Русской Правды. Я указалъ происхожденіе Русской Правды. Она родилась въ церковной средѣ съ ея двойной юрисдикціей. Церковный судъ, простиравшійся на всѣхъ христіанъ, творился на основаніи принесеннаго изъ Византіи Номоканона и уставовъ первыхъ христіанскихъ князей Руси. Судъ по гражданскимъ и уголовнымъ нецерковнымъ дѣламъ, порученный Церкви и простиравшійся на духовенство и церковныхъ мірянъ, вызвалъ потребность въ письменномъ сводѣ мѣстныхъ законовъ. Этой потребности и должна была удовлетворять Русская Правда. Такимъ происхожденіемъ памятника частью опредѣлялись и его юридическіе источники. Эти источники были таковы.

По договорамъ Руси съ греками X в. нѣкоторыя преступленія, совершенныя русскимъ въ Царьградѣ, наказуются денежной пеней «по закону русскому». Этотъ законъ русскій, т. е. обычное право древней Руси, и легъ въ основаніе Русской Правды, былъ основнымъ ея источникомъ. Но рядомъ съ этимъ кодификаторъ черпалъ и изъ другихъ источниковъ, которые давали ему постановленія, измѣнявшія или развивавшія древній юридическій обычай. Этими источниками были: 1) законодательныя постановленія самихъ князей: такъ, во второй статьѣ пространной Правды изложенъ законъ Ярославовыхъ сыновей, замѣнявшій родовую месть за убійство денежной пеней; 2) судебные приговоры князей по частнымъ случаямъ: таковъ приговоръ Изяслава Ярославича, присудившаго къ двойной вирѣ жителей Дорогобужа за убійство княжескаго «конюха стараго», т. е. конюшаго старосты или приказчика; приговоръ этотъ занесенъ въ Правду, какъ общій законъ, причислившій княжескаго старосту конюшаго по размѣру пени за его убійство къ составу старшей дружины князя; наконецъ 3) законодательные проекты духовенства, принятые князьями. Слѣды этой законодательной работы духовенства мы замѣчаемъ уже въ лѣтописномъ разсказѣ о князѣ Владимирѣ. Когда усилились разбои въ Русской землѣ, епископы предложили этому князю замѣнить денежную пеню за разбой болѣе тяжкой правительственной карой; въ Русской Правдѣ мы находимъ постановленіе, въ силу котораго разбойникъ наказуется не денежной пеней, а «потокомъ и разграбленіемъ», т. е. конфискаціей всего имущества преступника и продажей его самого въ

рабство за границу со всѣмъ семействомъ. Таковы замѣтные источники Русской Правды.

Гражданскій порядокъ по Русской Правдѣ. Теперь войдемъ въ разборъ содержанія Русской Правды, касаясь его лишь настолько, чтобы уловить въ немъ основные житейскіе мотивы и интересы, дѣйствовавшие тогда въ русскомъ обществѣ. Главное содержаніе памятника составляетъ опредѣленіе дѣяній, коими одно лицо причиняетъ матеріальный вредъ другому. За нѣкоторыя изъ этихъ дѣяній законъ полагаетъ лишь частное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, за другія сверхъ того и правительственную кару со стороны князя. Дѣянія перваго рода суть гражданскія правонарушенія, дѣянія второго рода—уголовныя преступленія; единственной чертой, которую можетъ провести Правда между уголовнымъ преступленіемъ и гражданскимъ правонарушеніемъ, служитъ взысканіе въ пользу князя за первое. Это взысканіе, какъ и частное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, состояло въ извѣстной денежной пенѣ; только кара за наиболѣе тяжкія уголовныя преступленія была значительно осложнена: за разбой, поджогъ и конокрадство преступникъ подвергался неопредѣленной денежной пенѣ въ пользу князя, а потерѣ всего имущества съ лишеніемъ свободы. За всѣ остальныя преступныя дѣянія законъ наказывалъ денежной пеней въ пользу князя и денежнымъ вознагражденіемъ въ пользу потерпѣвшаго. Денежныя пени представляютъ въ Русской Правдѣ цѣлую систему; онѣ опредѣлялись извѣстной суммой гривенъ кунъ. «Гривна» значитъ фунтъ; гривна серебра—фунтъ серебра; «куны»—деньги. Наше слово деньги татарскаго происхожденія, означаетъ звонкую монету и вошло въ нашъ языкъ не раньше XIII в. Гривной кунъ, т. е. денежнымъ фунтомъ, называется слитокъ серебра, обыкновенно продолговатый, служившій ходячимъ мѣновымъ знакомъ на древне-русскомъ рынкѣ до XIII в. Въ разное время, сообразно измѣнявшейся цѣнности серебра, гривна кунъ имѣла не одинаковый вѣсъ: въ X в. она равнялась $^1/_3$ фунта вѣсомъ, въ XI и XII в. это былъ кусокъ серебра въ $^1/_2$ ф. вѣсомъ; въ концѣ XII в. когда завершилось составленіе Правды, вѣсъ этого мѣнового знака простирался лишь до $^1/_4$ ф. Мы не можемъ опредѣлить тогдашнюю рыночную стоимость серебра, а можемъ лишь оцѣнить стоимость вѣсовую. Такъ какъ фунтъ серебра теперь стоитъ около 20 р., то гривна кунъ въ XI и началѣ XII в. по вѣсу металла стоила около 10 руб. сер., а въ концѣ XII в. около 5 руб.

За убійство взималась денежная пеня въ пользу князя, называвшаяся вирой, и вознагражденіе въ пользу родственниковъ убитаго, называвшееся головничествомъ. Вира была троякая: двойная въ 80 гривенъ кунъ за убійство княжаго мужа или члена старшей княжеской дружины, простая въ 40 гривенъ за убійство простого свободнаго человѣка, половинная, или полувирье, въ 20 грив. за убійство женщины и тяжкія увѣчья, за отсѣченіе руки, ноги, носа и за порчу глаза. Головничество было гораздо разнообразнѣе, смотря по общественному положенію убитаго. Такъ, головничество за убійство княжаго мужа равнялось двойной вирѣ, головничество за простого крестьянина—5 гривнамъ. За всѣ прочія преступныя дѣянія законъ наказывалъ продажею въ пользу князя и урокомъ за обиду въ пользу потерпѣвшаго.

Такова была система наказанія по Русской Правдѣ. Легко замѣтить взглядъ, на которомъ основывалась эта система. Русская Правда отличала личное оскорбленіе, обиду, нанесенную дѣйствіемъ лицу, отъ ущерба, причиненнаго его имуществу; но и личная обида, т. е. вредъ физическій разсматривался закономъ преимущественно съ точки зрѣнія ущерба хозяйственнаго. Онъ строже наказывалъ за отсѣченіе руки, чѣмъ за отсѣченіе пальца, потому что въ первомъ случаѣ потерпѣвшій становился менѣе способнымъ къ труду, т. е. къ пріобрѣтенію имущества. Смотря на преступленія преимущественно какъ на хозяйственный вредъ, Правда и карала за нихъ возмездіемъ, соотвѣтствующимъ тому матеріальному ущербу, какой они причиняли. Когда господствовала родовая месть, возмездіе держалось на правилѣ: «жизнь за жизнь», теперь возмездіе перенесено было на другое основаніе, которое можно выразить словами: «гривна за гривну, рубль за рубль». Это основаніе и было послѣдовательно проведено въ системѣ наказаній по Русской Правдѣ. Правда почти совсѣмъ не обращаетъ вниманія на мотивы преступленія и не заботится ни о предупрежденіи преступленій, ни объ исправленіи преступной воли. Она имѣетъ въ виду лишь непосредственныя матеріальныя послѣдствія преступленія и караетъ за нихъ преступника матеріальнымъ же, имущественнымъ убыткомъ. Законъ какъ будто говоритъ преступнику: бей, воруй, сколько хочешь, но за все плати исправно по таксѣ. Далѣе этого не простирался взглядъ закона.

Разберемъ самыя денежныя пени, взыскиваемыя княземъ какъ и частныя вознагражденія въ пользу потерпѣвшаго. Сопоставленіе нѣкоторыхъ статей Правды въ этомъ отношеніи приводитъ къ любопытному наблюденію. Одинаковая пеня въ 12 гривенъ грозитъ и за похищеніе добра изъ логовища, и за уничтоженіе полевой межи, и за убійство чужого холопа. Одинаковой пеней въ 3 гривны и одинаковымъ урокомъ въ одну гривну наказывается и отсѣченіе пальца, и похищеніе охотничьяго пса съ мѣста лова, и самовольное истязаніе свободнаго крестьянина безъ приговора суда. Значитъ, *имущество человѣка въ Правдѣ цѣнится не дешевле, а даже дороже самого человѣка, его здоровья, личной безопасности.* Произведеніе труда для закона важнѣе живого орудія труда—рабочей силы человѣка.

Еще замѣчательнѣе другая особенность Правды: *имущественная безопасность, цѣлость капитала, неприкосновенность собственности обезпечивается въ законѣ личностью человѣка.* Должникъ купецъ, ставшій несостоятельнымъ по своей винѣ, могъ быть проданъ въ рабство кредиторами. Наемный сельскій рабочій, получившій при наймѣ отъ хозяина ссуду, съ обязательствомъ ее заработать, терялъ личную свободу и превращался въ полнаго холопа за попытку убѣжать отъ хозяина, не расплатившись. Значитъ, безопасность капитала законъ цѣнилъ дороже личной свободы человѣка. Мало того, даже общественное значеніе лица опредѣлялось его имущественной самостоятельностью. Это можно замѣтить, изучая по Русской Правдѣ составъ общества (свѣтскаго и духовнаго). При этомъ изученіи намъ представляется любопытное явленіе: въ Русской Правдѣ обозначается двоякое дѣленіе общества, политическое и экономическое. Политически, по отношенію къ князю, свѣтское общество дѣлится на 2 класса, на служилыхъ и не служилыхъ, на княжихъ мужей и людей, т. е.

простыхъ людей. Эти политическія сословія различаются правами. Къ этимъ двумъ сословіямъ можно причислить и третье, низшее — холоповъ. По Русской Правдѣ, холопы собственно не сословіе, не лица, а вещи, какъ и рабочій скотъ; поэтому за убійство холопа взималась не вира и головничество, а только продажа въ пользу князя и урокъ въ пользу хозяина. Но церковь уже проводила иной взглядъ на холопа,—какъ на человѣка, и за убійство его наказывала церковной карой. Княжеское законодательство начинало подчиняться этому взгляду. Въ самой Русской Правдѣ замѣтна попытка измѣнить прежнее отношеніе закона къ рабамъ. До смерти Ярослава, рабъ, нанесшій ударъ свободному человѣку могъ быть убитъ имъ. Дѣти Ярослава запретили это, предоставивъ потерпѣвшему либо побить холопа, либо взыскать пеню «за соромъ», разумѣется съ хозяина.

Итакъ, политически свѣтское общество XI и XII вв. дѣлилось на три сословія. Но рядомъ съ этимъ политическимъ дѣленіемъ видимъ и дѣленіе экономическое. Между политическими группами образуются переходные слои. Такъ, въ средѣ княжихъ мужей возникаетъ классъ частныхъ земельныхъ собственниковъ, называемыхъ въ Правдѣ боярами. Бояринъ Русской Правды не придворный чинъ, а именно привилегированный землевладѣлецъ. Точно также и среди „людей", т. е. свободнаго неслужилаго простонародья, выдѣляются два слоя. Одинъ изъ нихъ составляютъ крестьяне, жившіе на княжеской землѣ, не составлявшіе ничьей частной собственности; это — смерды. Другой слой составляли городскіе и сельскіе рабочіе, нанимавшіеся на работу въ чужихъ домахъ или на земляхъ частныхъ собственниковъ со ссудой отъ хозяевъ. Этотъ классъ называется въ Правдѣ наймитами и ролейными закупами. Таковы были три новые класса, обозначавшіеся въ составѣ русскаго общества и не совпадавшіе съ политическимъ его дѣленіемъ. Между ними мы замѣчаемъ хозяйственное различіе. Смердъ, государственный крестьянинъ, обрабатывалъ княжескую землю съ помощью своего инвентаря, а ролейный закупъ являлся сельскимъ рабочимъ, который обрабатывалъ полученный имъ отъ хозяина участокъ земли съ хозяйскимъ инвентаремъ, бралъ у землевлалѣльца въ ссуду сѣмена, земледѣльческія орудія и рабочій скотъ. Однако разница между классами не была только экономической, а выражалась и въ юридическомъ различіи между ними. Классъ бояръ-землевладѣльцевъ пользовался той привилегіей, что движимое и недвижимое имущество за отсутствіемъ сыновей переходило къ дочерямъ. Смердъ, работавшій на княжеской землѣ со своимъ инвентаремъ, могъ передать дочерямъ только движимое имущество; остальное же, т. е. участокъ земли и дворъ, наслѣдовалъ князь. Но смерды, какъ и бояре— свободные лица; наймитъ, напротивъ, лицо полусвободное приближающееся къ рабу. Это полусвободное состояніе обнаруживается въ нѣкоторыхъ статьяхъ Правды: 1) хозяинъ пользовался правомъ тѣлесно наказывать своего закупа; 2) закупъ—неполноправное лицо на судѣ; онъ могъ быть свидѣтелемъ только въ незначительныхъ тяжбахъ и при отсутствіи свидѣтелей изъ свободныхъ лицъ; 3) закупъ самъ не отвѣчалъ за нѣкоторые преступленія, напр. за кражу; за него платилъ пеню хозяинъ, который за то превращаетъ его въ полнаго своего холопа. Значитъ, экономическіе классы различались между собою правами, какъ и политическія сословія. Политическія сословія создавались

княземъ, княжеской властью; экономическіе классы творились капиталомъ, имущественнымъ неравенствомъ людей. Такимъ образомъ *капиталъ является въ Правдѣ, на ряду съ княжеской властью, творческой соціальной силой, которая вводила въ политическій составъ общества свое особое общественное дѣленіе, которое долженъ былъ признать и княжескій законъ.*

То же самое значеніе капитала открывается въ другихъ постановленіяхъ Правды, относящихся къ области гражданскаго права, въ ея статьяхъ объ имущественныхъ сдѣлкахъ и обязательствахъ. Въ Правдѣ не замѣтно мысли о нравственной несправедливости, нѣтъ постановленій о преступленіяхъ нравственнаго характера, но за то она вноситъ точныя опредѣленія въ имущественныя отношенія людей. Она различаетъ, напр., отдачу имущества на храненіе отъ передачи его въ заемъ; одолженіе по дружбѣ—отъ отдачи денегъ въ ростъ изъ опредѣленнаго, условленнаго процента; а эту сдѣлку—отъ вклада въ торговое предпріятіе, въ товарищество на вѣрѣ изъ неопредѣленнаго барыша (дивиденда). Далѣе, въ Правдѣ находимъ точно опредѣленный порядокъ взысканія денегъ съ несостоятельнаго должника (конкурсъ).

Вотъ главныя черты Правды, въ которыхъ я вижу выраженіе господствовавшихъ житейскихъ интересовъ, основныхъ мотивовъ жизни стараго кіевскаго общества. *Русскую Правду можно назвать по преимуществу законодательствомъ о капиталѣ.* Капиталъ—главный предметъ вниманія для закона. Можно сказать, что это самая привилегированная особа въ Русской Правдѣ. Имъ указываются важнѣйшія юридическія отношенія, которыя формулируютъ законъ; послѣдній строже наказываетъ за дѣянія, направленныя противъ собственности, чѣмъ за нарушеніе личной безопасности. Капиталъ служитъ и орудіемъ кары за тѣ или другія преступленія; на немъ основана самая система наказаній. Само лицо разсматривается въ Правдѣ не столько какъ членъ общества, сколько какъ владѣлецъ капитала; лицо, его не имѣющее, теряетъ право свободнаго человѣка. Капиталъ чрезвычайно дорогъ; до начала XII ст. при годовомъ займѣ законъ допускалъ ростъ въ половину капитала (50%). Лишь Владиміръ Мономахъ попытался нѣсколько смягчить строгія постановленія о ростѣ и уменьшить его размѣръ. При долгосрочномъ займѣ, впрочемъ, и онъ допустилъ ростъ въ 40%. Это значеніе капитала въ Русской Правдѣ сообщаетъ ей черствый, мѣщанскій характеръ. Легко замѣтить, какова была общественная среда, выработавшая право, которое легло въ основаніи Русской Правды. Это былъ большой торговый городъ. Село въ Русской Правдѣ является въ тѣни, на заднемъ планѣ; впереди поставлены интересы и отношенія торговыхъ городскихъ классовъ, т. е. отношенія промышленно-торговой жизни. Такъ и въ Русской Правдѣ, изучая по ней гражданскій порядокъ, частныя юридическія отношенія людей, мы встрѣчаемся съ той же силой, которая господствовала на всемъ пространствѣ разсмотрѣннаго нами перваго періода, именно, съ городомъ, или съ тѣмъ, чѣмъ работалъ городъ, съ торгово-промышленнымъ капиталомъ.

Я назвалъ Русскую Правду довольно вѣрнымъ отраженіемъ русской юридической дѣйствительности XI и XII вв., но отраженіемъ далеко не полнымъ. Она воспроизводитъ одинъ рядъ частныхъ юридическихъ отношеній, построенныхъ на матеріальномъ экономиче-

скомъ интересѣ, но въ среду этихъ отношеній все глубже врѣзывался съ конца X в. новый строй юридическихъ отношеній, который созидался на иномъ началѣ, на чувствѣ нравственномъ. Эти отношенія проводила въ русскую жизнь церковь. Памятники, въ которыхъ отразился этотъ новый порядокъ, освѣщаютъ русскую жизнь тѣхъ вѣковъ съ другой стороны, которую оставляетъ въ тѣни Русская Правда. Это—церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей Руси, Владиміра и Ярослава. Желающіе изучить эти памятники обратятся къ IV главѣ I тома «Исторіи Русской Церкви», митрополита Макарія.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

(XII—XV вв.).

Изученіемъ гражданскаго порядка, частныхъ юридическихъ отношеній въ древней кіевской Руси, какъ они отразились въ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго права, въ Русской Правдѣ, я кончаю изложеніе перваго періода нашей исторіи. Обращаюсь къ изученію второго періода, продолжавшагося съ конца XII в. до половины XV в. Напередъ я отмѣчу главныя черты этого времени, которыя составятъ предметъ нашего изученія. Если въ первый періодъ масса русскаго населенія сосредоточивалась въ области Днѣпра, то во второмъ она является въ области верхней Волги; если въ первомъ періодѣ устроителемъ и руководителемъ политическаго и экономическаго порядка былъ большой торговый городъ, то во второмъ такимъ устроителемъ и руководителемъ является князь—наслѣдственный вотчинникъ своего удѣла. Эта двоякая перемѣна территоріальная и политическая, перестраиваетъ политическій и экономическій бытъ верхне-волжской Руси. Согласно съ новой политической силой эта Русь дѣлится не на городовыя области, а на княжескіе удѣлы; сообразно съ новой территоріей, съ новой внѣшней обстановкой, въ которой живетъ главная масса русскаго населенія, и двигателемъ народнаго хозяйства становится, вмѣсто внѣшней торговли, сельскохозяйственная эксплоатація земли съ помощью вольнаго труда крестьянина-арендатора.

Припомните, какъ вы изучали явленія нашей исторіи XII и XIII вв., т. е. какъ они излагаются въ краткомъ учебномъ руководствѣ. Приблизительно до половины XII в. вниманіе изучающаго сосредоточивается на кіевской Руси, на ея князьяхъ, на событіяхъ, въ ней происходившихъ. Съ конца XII в. вниманіе это довольно круто поворачивается въ другую сторону, на сѣверо-востокъ, сосредоточивается на Суздальской землѣ, на ея князьяхъ, на явленіяхъ, тамъ обнаруживающихся. Историческая сцена мѣняется какъ то вдругъ, неожиданно, безъ достаточной подготовки. Мы съ перваго взгляда не можемъ дать себѣ отчета ни въ томъ, куда дѣвалась старая кіевская Русь, ни въ томъ, откуда выросла Русь новая верхневолжская.

Изучая второй періодъ нашей исторіи, мы должны начать съ того факта, который былъ причиной этой перестановки исторической сцены: мы должны разсмотрѣть, когда и какимъ образомъ масса русскаго населенія передвинулась въ новый край. Это передвиженіе было слѣдствіемъ разрушенія общественнаго порядка, установившагося

въ кіевской Руси. Причины этого разрушенія были довольно сложны и скрывались какъ въ самомъ складѣ жизни кіевской Руси, такъ и въ ея внѣшней обстановкѣ. Я бѣгло укажу главныя изъ этихъ причинъ.

Условія, разрушавшія общественный порядокъ и благосостояніе кіевской Руси.

Съ половины XII ст. становится замѣтно дѣйствіе условій, разрушавшихъ общественный порядокъ и экономическое благосостояніе кіевской Руси. Жизнь этой Руси, какъ она отразилась въ бытѣ высшихъ классовъ русскаго общества, отличалась свѣтлымъ колоритомъ. Руководящая сила народнаго хозяйства, внѣшняя торговля, сообщала этой жизни много движенія, приносила на Русь много богатства, содѣйствовала украшенію житейской обстановки. Присутствіе значительныхъ богатствъ въ большихъ городахъ кіевской Руси XI и XII вв. несомнѣнно; оно выразилось въ успѣхахъ искусствъ и книжнаго образованія. Но все это составляетъ лицевую сторону жизни, которая имѣла свою изнанку, изнанку эту представляетъ бытъ общественнаго низа, низшихъ классовъ общества.

Во-первыхъ, экономическое благосостояніе кіевской Руси XI и XII вв. держалось на рабовладѣніи. Рабовладѣніе къ половинѣ XII в. достигло тамъ громадныхъ размѣровъ. Уже въ X-XI вв. рабы, челядь, составляли главную статью русскаго вывоза на черноморскіе и каспійскіе рынки. Русскій купецъ того времени всюду неизмѣнно являлся съ главнымъ своимъ товаромъ, съ челядью. Восточные писатели X в. въ живой картинѣ рисуютъ намъ русскаго купца, торгующаго челядью на Волгѣ; выгрузившись, онъ разставлялъ на волжскихъ базарахъ свои скамьи, лавки, на которыхъ разсаживалъ товаръ-рабынь. Съ тѣмъ же товаромъ являлся онъ и въ Константинополѣ. Когда греку, обывателю Царьграда, нужно было купить раба, онъ ѣхалъ на рынокъ, гдѣ «русскіе купцы приходяще челядь продаютъ», такъ читаемъ въ одномъ посмертномъ чудѣ Николая Чудотворца, относящемся къ половинѣ XI в. Рабовладѣніе было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, на которые обращено было вниманіе древнѣйшаго русскаго законодательства, сколько можно судить о томъ по Русской Правдѣ; статьи о рабовладѣніи составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и обработанныхъ отдѣловъ въ ея составѣ.

Рабовладѣніе было, повидимому, и первоначальнымъ юридическимъ и экономическимъ источникомъ русскаго землевладѣнія. Признаки частной земельной собственности на Руси—появляются не раньше половины XI в. Въ XII в. мы встрѣчаемъ нѣсколько указаній на частныхъ земельныхъ собственниковъ. Такими собственниками являются: 1) князья и члены ихъ семействъ, 2) княжіе мужи, бояре, 3) церковныя учрежденія, монастыри и епископскія каѳедры. Но во всѣхъ извѣстіяхъ о частномъ землевладѣніи XII в. земельная собственность является съ однимъ отличительнымъ признакомъ: она населялась и эксплоатировалась рабами. Челядь составляла тогда, повидимому, необходимую хозяйственную принадлежность русскаго землевладѣнія; ею населялись и ея руками преимущественно обрабатывались земли частныхъ владѣльцевъ, какъ и частныя вотчины князей. Отсюда

можно заключить, что самая идея о правѣ о собственности на землю о возможности владѣть землею, какъ всякою другою вещью, вытекала изъ рабовладѣнія, была развитіемъ мысли о правѣ собственности на холопа. «Эта земля *моя* потому что — *мои* люди, ее обрабатывающіе, къ ней привязанные»: таковъ былъ, кажется, діалектическій процессъ, которымъ сложилась у насъ юридическая идея о правѣ земельной собственности. Холопъ-земледѣлецъ, «страдникъ», какъ онъ назывался на юридическомъ языкѣ древней Руси, служилъ проводникомъ этой идеи отъ хозяина на землю, юридической связью между первымъ и послѣдней, такъ какъ онъ былъ для перваго орудіемъ хозяйственной эксплоатаціи послѣдней. Вслѣдствіе того, что въ XI и XII вв. раба стали сажать на землю, онъ поднялся въ цѣнѣ. Мы знаемъ, что до смерти Ярослава законъ дозволялъ убить раба за ударъ, нанесенный имъ свободному человѣку. Дѣти Ярослава запретили это. Рабовладѣльческія понятія и привычки древне-русскихъ землевладѣльцевъ перенесены были потомъ и на отношеніи послѣднихъ къ вольнымъ рабочимъ, къ крестьянамъ. Русская Правда знаетъ классъ «ролейныхъ» (земледѣльческихъ) наймитовъ или «закуповъ». Закупъ близко стоялъ къ холопу, хотя законъ и отличалъ его отъ послѣдняго; это неполноправный, временно-обязанный крестьянинъ, работавшій на чужой землѣ и въ иныхъ случаяхъ превращавшійся въ полнаго «обельнаго» холопа. Въ этомъ угнетенномъ юридическомъ положеніи закупа и можно видѣть дѣйствіе рабовладѣльческихъ привычекъ древне-русскихъ землевладѣльцевъ, переносившихъ на вольно-наемнаго крестьянина взглядъ, какимъ они привыкли смотрѣть на своего раба земледѣльца. Строгость, съ какою древнерусскій законъ преслѣдовалъ ролейнаго наймита за побѣгъ отъ хозяина безъ расплаты, свидѣтельствуетъ въ одно время и о нуждѣ землевладѣльцевъ въ рабочихъ рукахъ, и о стремленіи наемныхъ рабочихъ, закуповъ, выйти изъ своего тяжелаго юридическаго положенія.

Такимъ образомъ, успѣхи общежитія и экономическое благосостояніе кіевской Руси куплены были цѣною порабощенія низшихъ классовъ; привольная жизнь общественныхъ вершинъ держалась на юридическомъ и экономическомъ приниженіи массъ простого народа. Эта приниженность обострялась еще огромнымъ имущественнымъ неравенствомъ между классами русскаго общества по большимъ городамъ XI и XII вв. Начальная лѣтопись вскрываетъ передъ нами этотъ соціальный фактъ. Въ 1018 г. новгородцы рѣшились на вѣче сложиться, чтобы нанять за моремъ варяговъ на помощь Ярославу въ борьбѣ его съ кіевскимъ братомъ Святополкомъ. По общественной раскладкѣ рѣшили собрать съ простыхъ людей по 4 куны, а съ бояръ по 18 гривенъ кунъ. Кунъ въ гривнѣ считалось 25; значитъ, высшій классъ общества былъ обложенъ въ 112 $^{1}/_{2}$ разъ тяжелѣе сравнительно съ простыми свободными гражданами. Это *приниженное юридическое и экономическое положеніе рабочихъ классовъ и было однимъ изъ условій, подкапывавшимъ общественный порядокъ и благосостояніе кіевской Руси.* Порядокъ этотъ не имѣлъ опоры въ низшихъ классахъ населенія, которымъ онъ давалъ себя чувствовать только своими невыгодными послѣдствіями.

Князья своими владѣльческими отношеніями сообщали усиленное дѣйствіе этому неблагопріятному условію. Очередной порядокъ княже-

скаго владѣнія былъ одной изъ самихъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ развитію рабовладѣнія. Въ постоянныхъ своихъ усобицахъ князья мало думали о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ, о территоріальномъ расширеніи своихъ областей, въ которыхъ они являлись временными владѣльцами; но чувствуя малонаселенность своихъ областей, они старались заселить ихъ искусственно. Лучшимъ средствомъ для этого былъ *полонъ*. Поэтому, ихъ общей военной привычкой было, вторгнувшись во враждебную страну, разорить ее и набрать какъ можно больше плѣнниковъ. Плѣнники по тогдашнему русскому праву обращались въ рабство и селились на земляхъ князя и его дружины, съ которой князь дѣлился своей добычей. Такъ Ярославъ заселялъ Поросье плѣнными ляхами. Ослѣпленный князь Василько въ горѣ своемъ вспомнилъ, какъ нѣкогда онъ имѣлъ намѣреніе напасть на болгаръ дунайскихъ и перевести ихъ въ свое теребовльское княжество. Поговорка, ходившая о князѣ конца XII в., Романѣ волынскомъ («худымъ живеши, литвою ореши»), показываетъ, что литовскіе плѣнники сажались на княжескую землю для ея обработки. Точно также князья обращались во время усобицъ и со своими русскими плѣнниками. Владиміръ Мономахъ былъ самый добрый изъ князей XI—XII вв.; но и онъ не чуждъ былъ этого хищничества. Въ своемъ «Поученіи къ дѣтямъ» онъ разсказываетъ, какъ, напавши разъ врасплохъ на Минскъ, онъ не оставилъ тамъ «ни челядина, ни скотины», по собственному его выраженію. Въ другой разъ сынъ его Ярополкъ (1116 г.) захватилъ Друцкъ и всѣхъ жителей этого города перевелъ въ свою Переяславскую волость, построивши для нихъ новый городъ при впаденіи Сулы въ Днѣпръ. Лѣтописецъ XII в., разсказывая объ удачномъ вторженіи князя въ чужую волость, обыкновенно заканчиваетъ разсказъ замѣчаніемъ, что побѣдители воротились, «ополонившись челядью и скотомъ». Превратившись въ хищническую борьбу за рабочія руки, сопровождавшуюся разореніемъ селъ и городовъ, княжескія усобицы еще болѣе увеличивали тяжесть положенія низшихъ классовъ, и безъ того приниженныхъ аристократическимъ законодательствомъ XI—XII вв.

Внѣшнія отношенія кіевской Руси прибавили новое разрушительное условіе, гибельно дѣйствовавшее на ея общественный порядокъ и благосостояніе. Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что она основалась на европейской окраинѣ, на берегахъ Европы, за которыми простиралась обширное море степей. Эти степи со своимъ кочевымъ населеніемъ и были историческимъ бичемъ для древней Руси. Послѣ пораженія, нанесеннаго Ярославомъ Печенѣгамъ въ 1036 г., степь на нѣкоторое время очистилась; но вслѣдъ за смертью Ярослава начались непрерывныя нападенія на Русь новыхъ степныхъ ея сосѣдей, половцевъ. Съ этими половцами Русь боролась упорно въ XI и XII вв. Половецкія нападенія оставляли по себѣ страшные слѣды на Руси. Читая лѣтопись того времени, мы найдемъ въ ней сколько угодно яркихъ красокъ для изображенія бѣдствій, какія испытывала Русь со степной стороны: нивы забрасывались, заростали травою и лѣсомъ; гдѣ паслись стада, тамъ водворялись звѣри; города, даже цѣлыя области пустѣли. Въ XI в. Поросье (край по рѣкѣ Роси, западному притоку Днѣпра) является хорошо заселенной страной. Здѣсь жило смѣшанное населеніе; рядомъ съ плѣнными ляхами здѣсь селились русскіе выходцы и мирные кочевники, торки, берендѣи, даже

печенѣги, спасшіеся отъ половцевъ и примкнувшіе къ Руси для борьбы съ ними. Эти мирные инородцы вели полукочевой образъ жизни; лѣтомъ они бродили по сосѣднимъ степямъ со своими стадами и вежами (кибитками), а зимой, или во время опасности, укрывались въ свои укрѣпленныя становища и русскіе города на Роси. Русскіе въ отличіе отъ дикихъ половцевъ звали ихъ «своими погаными». Въ концѣ XI ст. Поросье стало особой епархіей, каѳедра которой находилась въ Юрьевѣ на Роси, городѣ, построенномъ Ярославомъ и названномъ по его христіанскому имени (Георгій-Юрій). Обитатели Поросья жили въ постоянной тревогѣ. Въ 1095 г. жители Юрьева, наскучивъ постоянными опасностями отъ половцевъ, всѣ ушли въ Кіевъ, а половцы сожгли опустѣлый городъ. Великій князь Спятополкъ построилъ для переселенцевъ новый городъ на Днѣпрѣ ниже Кіева; скоро къ нимъ присоединились другіе бѣглецы со степной границы. Такія же опасности переживала и другая сосѣдняя со степью Переяславская земля. Въ продолженіе XII в. она постепенно пустѣла. До смерти Мономахова сына Мстислава (1132 г.). Русь еще съ успѣхомъ отбивала половцевъ отъ границъ своихъ и даже иногда удачно проникала въ самую глубь половецкихъ степей; но по смерти этого дѣятельнаго Мономаховича ей, очевидно, становится не подъ силу сдерживать половецкія нападенія и она начинаетъ отступать передъ ними. Отъ этихъ нападеній, разумѣется, всего болѣе страдало сельское пограничное населеніе, не прикрытое отъ враговъ городскими стѣнами. На княжескомъ съѣздѣ въ 1103 г. Владиміръ Мономахъ живо изобразилъ великому князю Святополку тревожную жизнь крестьянъ въ пограничныхъ со степью областяхъ: «весною, говорилъ князь, выѣдетъ смердъ въ поле пахать на лошади, и пріѣдетъ половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою, возьметъ его лошадь, потомъ пріѣдетъ въ село, захватитъ его жену, дѣтей, и все имѣніе, да и гумно его сожжетъ».

Благодаря всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, юридическому и экономическому приниженію низшихъ классовъ, княжескимъ усобицамъ и половецкимъ нападеніямъ, съ половины XII в. становятся замѣтны и признаки запустѣнія кіевской Руси, Поднѣпровья. Рѣчная полоса по среднему Днѣпру и его притокамъ, издавна такъ хорошо заселенная, съ этого времени пустѣетъ, населеніе ея исчезаетъ куда-то. Самымъ рѣзкимъ указаніемъ на это служитъ одинъ эпизодъ изъ исторіи княжескихъ усобицъ. Въ 1153 г. умеръ сидѣвшій въ Кіевѣ великій князь Юрій Долгорукій; мѣсто его на великокняжескомъ столѣ занялъ старшій изъ черниговскихъ князей, Изяславъ Давидовичъ. Этотъ Изяславъ отдалъ Святославу не всю Черниговскую область, а только старшій городъ Черниговъ съ семью другими городами. Въ 1159 г. Изяславъ собрался въ походъ на недруговъ своихъ, князей галицкаго и волынскаго, и звалъ Святослава себѣ на помощь; но Святославъ отказался. Тогда старшій братъ послалъ ему такую угрозу: «смотри, братъ, когда Богъ дастъ управлюсь въ Галичѣ, тогда уже не пеняй на меня, какъ поползешь изъ Чернигова къ Новгороду Сѣверскому». На эту угрозу Святославъ отвѣтилъ такимъ достопамятнымъ свидѣтельствомъ: «Господи, ты видишь мое смиреніе, сколько я поступился своимъ, не хотя лить крови христіанской, губить своей отчины; взялъ я городъ Черниговъ съ семью другими городами, да и то пустыми: живутъ въ нихъ псари да половцы». Значитъ, остались

въ этихъ городахъ лишь княжескіе дворовые да перешедшіе на Русь поганые. Къ нашему удивленію, въ числѣ этихъ запустѣлыхъ городовъ Черниговской земли мы встрѣчаемъ и одинъ изъ самыхъ древнихъ и богатыхъ городовъ Поднѣпровья, Любечъ. Одновременно съ признаками запустѣнія, отлива населенія, встрѣчаемъ мы признаки упадка прежняго экономическаго благосостоянія въ кіевской Руси. Русь пустѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднѣетъ. Есть одно указаніе на это въ исторіи денежнаго обращенія въ XII в. До смерти Мономаха, можетъ быть, нѣсколько позже, обиліе приносимыхъ внѣшней торговлей драгоцѣнныхъ металловъ на Руси выразилось, между прочимъ, въ постепенномъ увеличеніи вѣса гривны кунъ. При Ярославѣ и при Мономахѣ эта гривна кунъ содержала въ себѣ полъ фунта серебра. Съ половины XII ст. вѣсъ гривны кунъ быстро падаетъ—знакъ, что стали изсякать источники, откуда приливало къ намъ серебро. Во второй половинѣ XII в. вѣсъ гривны кунъ упалъ уже до 24 золотниковъ; въ началѣ XIII в. онъ падаетъ еще болѣе, такъ что въ Новгородѣ около 1230 г. ходили такія гривны кунъ, которыхъ было 7—11 въ одномъ ф. Лѣтописецъ объясняетъ намъ и причину этого вздорожанія серебра. Внѣшніе торговые обороты Руси все болѣе стѣснялись кочевниками; прямое указаніе на это находимъ въ словахъ одного южнаго князя второй половины XII в. Знаменитый соперникъ Андрея Боголюбскаго, Мстиславъ Изяславичъ, въ 1170 г. старался подвинуть братію въ походъ на степныхъ варваровъ. Онъ указывалъ на бѣдственное положеніе Руси: «пожалѣйте, говорилъ онъ, о русской землѣ, о своей отчинѣ; каждое лѣто поганые уводятъ христіанъ въ свои вѣжи, а вотъ уже и торговые пути у насъ отнимаютъ». Въ продолженіе XII в. каждый годъ князья лѣтомъ спускались изъ Кіева съ вооруженными отрядами, чтобы встрѣтить и проводить «Гречниковъ», русскихъ купцовъ, шедшихъ изъ другихъ греческихъ городовъ. Эта встрѣча и провожаніе русскихъ торговыхъ каравановъ были важной правительственной заботой князей. Очевидно, во второй половинѣ XII ст. князья съ своими дружинами становятся уже безсильными въ борьбѣ со степнымъ напоромъ.

Вотъ рядъ явленій, указывающихъ, какія неустройства и бѣдствія скрывались въ глубинѣ общества подъ столь блестящей, повидимому, поверхностью кіевской жизни.

Теперь предстоитъ рѣшить вопросъ, куда дѣвалось населеніе пустѣвшей кіевской Руси, въ какую сторону отливали низшіе рабочіе классы, уступавшіе въ Поднѣпровьи свое мѣсто княжескимъ псарямъ съ половцами.

Отливъ населенія изъ Поднѣпровья и происхожденіе малорусскаго племени.

Отливъ населенія изъ Поднѣпровья съ половины XII в. шелъ въ двухъ направленіяхъ, двумя противоположными струями. Одна текла изъ Поднѣпровья на западъ, на лѣсистые и болѣе безопасные склоны Карпатъ, на Западный Бугъ и даже далѣе, въ область Вислы и глубь Польши. Такимъ образомъ, русское населеніе изъ Поднѣпровья возвращалось на давно забытыя мѣста, покинутыя имъ еще въ XII в. Эти

княжества уже при Романѣ Мстиславичѣ и его сынѣ Даніилѣ быстро растутъ; въ нихъ появляются новые города, князья ихъ богатѣютъ. Въ началѣ XIII ст. галицкій князь—самый вліятельный на юго-западѣ. Этимъ отливомъ объясняется одно любопытное явленіе въ нашей этнографіи, именно, образованіе малорусскаго племени. Запустѣніе приднѣпровской Руси, начавшееся еще въ XII ст., было только завершено татарскимъ погромомъ. Съ той поры старинные, хорошо заселенные края Руси превратились въ пустыни на много вѣковъ. Вскорѣ послѣ погрома 1246 г. черезъ Кіевъ проѣзжалъ изъ Польши папскій миссіонеръ Плано-Карпини. Въ своихъ запискахъ онъ замѣчаетъ, что на пути съ Волыни къ Кіеву онъ подвергался опасности отъ Литвы, которая часто дѣлаетъ набѣги на эти края Руси, но что Руси здѣсь осталось очень мало; большая часть либо перебита, либо уведена въ плѣнъ татарами. На всемъ пройденномъ имъ пространствѣ Русской земли, т.-е. южной Руси Плано-Карпини встрѣчалъ лишь безчисленное множество человѣческихъ костей и черепов, разбросанныхъ по полямъ. Въ самомъ Кіевѣ, прежде столь обширномъ и многолюдномъ, едва насчитывали 200 домовъ. По опустѣвшимъ степнымъ границамъ кіевской Руси бродили остатки ея старинныхъ сосѣдей, печенѣговъ, половцевъ, черныхъ клобуковъ. Въ такомъ запустѣніи оставались южныя области большею частью до конца XIV ст. Послѣ того, какъ юго-западная Русь въ XIV в. была завоевана Литвой, эти пустыни стали юго-восточной границей соединеннаго польско-литовскаго государства. Въ XIV в. становится замѣтно ихъ заселеніе, вызванное двумя обстоятельствами: 1) юго-восточная окраина Руси стала безопаснѣе, вслѣдствіе распаденія Орды и усиленія московской Руси; 2) въ предѣлахъ Польскаго государства прежнее оброчное крестьянское хозяйство въ XV в. стало смѣняться барщиной, и крѣпостное право получило уже рѣзкое, тяжелое очертаніе. Совмѣстнымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ обстоятельствъ вызванъ былъ усиленный отливъ крестьянскаго населенія изъ Галиціи, какъ и изъ внутреннихъ областей Польши на юго-восточную русскую окраину Польскаго государства. Руководителями этой колонизаціи явились богатые польскіе вельможи, пріобрѣтавшіе себѣ обширныя вотчины на Украйнѣ. Благодаря этому, быстро стали заселяться пустѣвшія дотолѣ степи. Конецпольскіе, Потоцкіе. Вишневецкіе на обширныхъ своихъ вотчинахъ въ непродолжительное время создали десятки и сотни городовъ съ тысячами селеній. Польскіе публицисты XVI в. жалуются, указывая на два одновременныя явленія: на невѣроятно быстрое заселеніе пустыхъ земель по Днѣпру и Днѣстру и на запустѣніе многолюдныхъ прежде мѣстечекъ и селъ въ срединныхъ областяхъ Польши. Когда такимъ образомъ заселилась Днѣпровская Украйна, то оказалось, что масса явившагося здѣсь населенія чисто русская по своему происхожденію. Итакъ, она составилась изъ потомковъ приднѣпровской Руси, нѣкогда ушедшей на прикарпатскій и польскій западъ. Теперь эти потомки въ Поднѣпровьи смѣшались съ остатками бродившихъ здѣсь инородцевъ кіевской Руси—всѣми этими торками, берендѣями, печенѣгами и др. Изъ смѣшенія возвращавшихся на старыя днѣпровскія пепелища русскихъ съ этими восточными инородцами и составилось малорусское племя.

Признаки отлива населенія на Суздальскій сѣверъ.

Другая струя колонизаціи направилась въ противоположный уголъ Русской земли, на сѣверо-востокъ за р. Угру, въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Это движеніе, какъ и первое, слабо отмѣчено современными наблюдателями, оно совершалось тихо и постепенно, въ низшихъ слояхъ общества, потому и не скоро было замѣчено людьми, стоящими на общественной вершинѣ. Но сохранились признаки, указывающіе на это движеніе.

I. До XII ст. мы не замѣчаемъ прямого сообщенія Руси кіевской съ отдаленнымъ Суздальскимъ краемъ. Здѣсь существуютъ уже въ XI в. русскіе города, и отъ времени до времени появляются русскіе князья въ Муромѣ и въ Ростовѣ. Любопытно, что русскіе князья, идучи отсюда на югъ, въ Кіевъ, должны были въ XI в. дѣлать огромный объѣздъ въ сторону, не ѣздили прямой дорогой. Въ 1015 г. Глѣбъ Муромскій. узнавши о болѣзни отца въ Кіевѣ, поѣхалъ навѣстить его. Путь, которымъ онъ ѣхалъ, обозначается извѣстіемъ, что при устьѣ р. Тьмы конь князя споткнулся и сбросилъ всадника (р. Тьма—лѣвый притокъ Волги повыше Твери). Доѣхавъ до Смоленска, Глѣбъ хотѣлъ спуститься Днѣпромъ къ Кіеву, но его настигли здѣсь подосланные Святополкомъ убійцы. Любопытно, что и народная богатырская былина помнитъ время, когда не было прямой дороги изъ Мурома къ Кіеву. Илья Муромецъ, пріѣхавъ въ Кіевъ, разсказывалъ за столомъ Владимировымъ богатырямъ, какимъ путемъ онъ ѣхалъ съ своей родины:

«А проѣхалъ я дорогой прямоѣзжею
Изъ стольнаго города, изъ Мурома,
Изъ того села Карачарова».
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
«А ласково солнце Владимиръ князь,
Въ очахъ дѣтина завирается.
А гдѣ ему проѣхать дорогу прямоѣзжую:
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья-разбойника».

Съ начала XII ст. начинаетъ понемногу прокладываться прямоѣзжая дорога изъ Кіева въ отдаленный Суздальскій край. Владиміръ Мономахъ, неутомимый ѣздокъ, на своемъ вѣку изъѣздившій русскую землю въ разныхъ направленіяхъ, говоритъ въ «Поученіи къ дѣтямъ» съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ похвальбы, что одинъ разъ изъ Кіева онъ проѣхалъ въ Ростовъ «сквозь вятичей». Значитъ, нелегкое дѣло было проѣхать съ Днѣпра къ Востоку черезъ это племя. Край вятичей былъ глухою, лѣсною страною: уйти въ лѣса къ вятичамъ значило спрятаться такъ, чтобы никто не нашелъ. Князья черниговскіе, которымъ принадлежало это племя, часто здѣсь ищутъ убѣжища, побитые своею братіею. Все пространство между верхней Окой и Десной, отъ города Карачарова до Козельска и далѣе къ сѣверу, т. е. значительная часть нынѣшнихъ Орловской и Калужской губ., было покрыто дремучимъ лѣсомъ. Здѣсь находились славные въ сказаніяхъ о разбойникахъ «Брынскіе лѣса». (Брынь—старинная волость Мещерскаго уѣзда). Городъ Брянскъ по самому своему имени сохранилъ память

объ этомъ тогда лѣсистомъ и глухомъ краѣ. (Брянскъ—собственно Дебрянскъ). Вотъ почему Суздальская земля называлась въ старину Залѣсской. Имя это дано ей кіевской Русью, отъ которой она была отдѣлена дремучими лѣсами вятичей. Эти дремучіе лѣса и стали прочищаться именно съ половины XII в. Если Мономахъ съ трудомъ проѣхалъ въ Ростовъ, то его сынъ Юрій Долгорукій, во время упорной борьбы со своимъ волынскимъ племянникомъ, водилъ уже прямой дорогой изъ Ростова въ Кіевъ цѣлые полки. Повидимому, это появленіе прямой дороги со средняго Днѣпра на Клязьму указываетъ на какое-то движеніе, расчищавшее путь въ этомъ направленіи.

2. Находимъ и другой признакъ, указывающій на то же. Въ то время, когда въ южной Руси стали жаловаться на запустѣніе, въ отдаленномъ Суздальскомъ краѣ замѣчаемъ необычайную строительную дѣятельность. Одинъ за другимъ созидаются здѣсь новые города Юріемъ Долгорукимъ и его сыномъ Андреемъ. Въ 1134 г. Юрій строитъ городъ Ксятинъ при впаденіи Большой Нерли въ Волгу. Въ 1147 г. становится извѣстенъ городокъ Москва. Въ 1150 г. Юрій строитъ Юрьевъ «въ полѣ» (или Польскій, теперешній уѣздный городокъ Владимірской губ.) и переноситъ на новое мѣсто возникщій около того же времени г. Переяславль Залѣсскій. Въ 1154 г., во время объѣзда съ женой волости для сбора дани, Юрій основалъ городъ на р. Яхромѣ, названный Дмитровымъ въ честь родившагося здѣсь тогда сына его Дмитрія-Всеволода. Въ 1155 г. Андрей Боголюбскій основываетъ г. Боголюбовъ (на Клязьмѣ, пониже Владиміра). Постройка городовъ сопровождалась созиданіемъ церквей. Юрій и Андрей были самыми усердными храмосоздателями Суздальской земли. Но мы еще не пересчитали всѣхъ новыхъ городовъ, возникшихъ тогда въ Суздальскомъ краѣ. Тверь становится извѣстна по лѣтописямъ не раньше XIII в., но она уже является порядочнымъ городомъ въ сказаніи о чудесахъ Владимірской Божіей Матери, составленномъ при жизни Андрея, т. е. до 1174 г. Татищевъ, въ своемъ лѣтописномъ сборникѣ свидѣтельствуетъ, что съ этого уже времени онъ началъ встрѣчать въ своихъ источникахъ цѣлый рядъ другихъ новыхъ городовъ на сѣверѣ, которыхъ онъ не встрѣчалъ раньше. Таковы, напр., Городецъ на Волгѣ, Кострома, Стародубъ на Клязьмѣ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ при впаденіи Протвы въ Оку и др. Самъ Андрей Боголюбскій хвастался своей колонизаторской дѣятельностью. Задумавъ основать во Владимірѣ на Клязьмѣ особую русскую митрополію, независимую отъ Кіевской, князь говорилъ своимъ боярамъ: «я всю Бѣлую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ».

3. Встрѣчаемъ, далѣе, признакъ, который прямо указываетъ, откуда шло населеніе, наполнявшее эти новые суздальскіе города и великія села. Надобно обратить вниманіе на названія новыхъ суздальскихъ городовъ: Переяславль, Стародубъ, Звенигородъ, Вышгородъ, Галичъ. Все это южно-русскія названія; города съ этими именами часто являются на страницахъ старой кіевской лѣтописи. Однихъ Звенигородовъ было нѣсколько въ землѣ Кіевской и Галицкой. Имена кіевскихъ рѣчекъ Лыбеди и Почайны встрѣчаются въ Рязани, во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Извѣстна рѣчка Ирпень въ Кіевской землѣ, имѣвшая печальную славу мѣста, гдѣ Гедеминъ

разбилъ южно-русскихъ князей, Ирпенью назыв. и притокъ Клязьмы (во Владимірскомъ уѣздѣ). Имя самого Кіева не было забыто въ Суздальской землѣ: село Кіево на кіевскомъ оврагѣ знаютъ старинные акты XVI в. въ Московскомъ уѣздѣ. Но всего любопытнѣе географическая судьба Переяславля. Въ древней Руси извѣстны были три Переяславля: *Южный* (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губ.), Переяславль *Рязанскій* (нынѣшняя Рязань) и Переяславль *Залѣсскій* (уѣздный городъ Владимірской губ.). Всѣ эти три Переяславля стоятъ на рѣкахъ Трубежахъ. Повтореніе южно-русской географической номенклатуры на отдаленномъ суздальскомъ сѣверѣ было дѣломъ переселенцевъ, приходившихъ сюда съ кіевскаго юга. Извѣстенъ обычай всѣхъ колонистовъ въ мірѣ уносить съ собой на новыя мѣста имена покинутыхъ жилищъ. По городамъ Соединенныхъ Штатовъ можно репетировать географію чуть не всего Стараго Свѣта.

Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ уцѣлѣлъ блѣдный слѣдъ этого направленія колонизаціи въ Суздальскую землю. Татищевъ въ своемъ сводѣ разсказываетъ, что Юрій Долгорукій, начавъ строить новые города въ своей Суздальской волости, заселялъ ихъ, собирая людей отовсюду и давая имъ «немалую ссуду». Благодаря этому, въ города Руси приходили во множествѣ болгары, мордва и венгры, и «предѣлы яко многими тысячами людей наполняли». Какимъ образомъ среди нихъ могли очутиться даже венгры? Противникомъ Юрія Долгорукова въ борьбѣ съ волынскимъ племянникомъ былъ союзникъ послѣдняго—венгерскій король. Очевидно, Юрій переводилъ на сѣверъ въ свои новые города плѣнныхъ венгровъ, доставшихся ему въ бояхъ на югѣ.

4. Встрѣчаемъ и другое такое же указаніе, идущее притомъ изъ источниковъ, гдѣ вы никакъ не ожидали бы его встрѣтить, именно, изъ народной русской поэзіи. Какъ вамъ извѣстно, богатырскій циклъ былинъ о Владимірѣ и его могучихъ богатыряхъ сложился на югѣ; но теперь на югѣ не помнятъ этихъ былинъ, какъ и воспѣваемыхъ въ нихъ богатырей. Тамъ мѣсто этихъ былинъ заняли *казацкія думы*, отразившія въ себѣ совсѣмъ другую историческую пору жизни. Здѣсь дѣйствуютъ казаки, борящіеся съ турками или съ ляхами, а не со степными половцами. Между тѣмъ, богатырскія былины съ удивительной свѣжестью сохранились на отдаленномъ сѣверѣ, въ Пріуральѣ и въ Заонежьи, въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ. Про Владиміровыхъ богатырей помнятъ и въ центральной Великороссіи, но и здѣсь уже утратили былинный стихъ, не умѣютъ пѣть былинъ; здѣсь сказанія о богатыряхъ—уже простыя прозаическія сказки, а не пѣсни.

Какъ могло случиться, что народный историческій эпосъ расцвѣлъ тамъ, гдѣ не былъ посѣянъ, и исчезъ тамъ, гдѣ выросъ? Очевидно, на отдаленный сѣверъ перешли эти поэтическія сказанія вмѣстѣ съ самимъ обществомъ, которое ихъ сложило. Это перенесеніе совершилось еще до XIV в., т. е. до появленія на югѣ Россіи Литвы и Польши, потому что въ богатырскихъ былинахъ почти нѣтъ и помина объ этихъ позднѣйшихъ врагахъ Руси.

Таковъ рядъ указаній, которыя приводятъ къ догадкѣ, что на отдаленной сѣверо-восточной окраинѣ совершалось явленіе, похожее на то, какое мы замѣтили на окраинѣ юго-западной. Общій фактъ тотъ, что съ половины XII в. совершался отливъ населенія изъ цен-

тральной днѣпровской Руси къ двумъ противоположнымъ окраинамъ Русской земли, и этимъ отливомъ обозначилось начало новаго періода нашей исторіи, какъ періодъ предыдущій начался приливомъ славянъ на Приднѣпровье съ Карпатскихъ склоновъ.

Теперь, обозначивши этотъ фактъ, мы укажемъ его послѣдствія, сосредоточивая свое вниманіе только на одной сѣверо-восточной струѣ колонизаціи. Эта колонизація своими послѣдствіями вела къ созданію всего политическаго и общественнаго быта Руси, какой сложился въ продолженіе дальнѣйшихъ вѣковъ на верхне-волжскомъ сѣверѣ. Послѣдствія эти были чрезвычайно разнообразны. Мы отмѣтимъ лишь два ихъ ряда: 1) послѣдствія этнографическія и 2) политическія.

Этнографическія послѣдствія колонизаціи.

1. Происхожденіе великорусскаго племени. Главнѣйшимъ изъ этнографическихъ послѣдствій колонизаціи было образованіе новой вѣтви въ составѣ русской народности—племени великорусскаго. Въ процессѣ образованія этого племени одновременно дѣйствовали двѣ силы: 1) Условія этнографическія, вызванныя къ дѣйствію встрѣчею русскихъ переселенцевъ съ инородцами въ междурѣчьѣ Оки и верхней Волги, и 2) условія географическія, вызванныя природою края, гдѣ произошла эта встрѣча. Племена инородцевъ, съ которыми встрѣтились переселенцы, были финскія. Финны являются сосѣдями восточныхъ славянъ, какъ только послѣдніе стали занимать восточную равнину. Въ области Оки и верхней Волги въ XI—XII вв. жили три финскихъ племени: мурома, меря и весь. Начальная кіевская лѣтопись довольно точно обозначаетъ мѣста жительства этихъ трехъ племенъ: мурому она знаетъ по нижней Окѣ, мерю — по озерамъ Ростовскому и Переяславльскому, весь—въ области Бѣлоозеро. Теперь на всемъ пространствѣ центральной Великороссіи нѣтъ уже живыхъ слѣдовъ инородцевъ, но они оставили по себѣ память въ ея географической номенклатурѣ. На всемъ пространствѣ отъ Оки до Бѣлаго моря встрѣчаются тысячи нерусскихъ названій городовъ, селеній, рѣкъ и урочищъ. Вслушиваясь въ эти названія, легко замѣтить, что они даны однимъ племенемъ, нѣкогда заселявшимъ все это пространство, и что это племя родственно тому, которое теперь живетъ въ Финляндіи и восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Особенно финскій языкъ господствуетъ въ рѣчной номенклатурѣ Великороссіи. Такъ, мы встрѣчаемъ множество рѣкъ, имена которыхъ оканчиваются на «*ва*». Протва, Сылва, Москва и т. д. va—по-фински значитъ вода. Самое названіе Оки—финскаго происхожденія; это русская форма финскаго «joki», что значитъ рѣка вообще. Мало того, даже племенныя имена—меря и весь—остались на многихъ селахъ и рѣкахъ центральной Великороссіи. Села и рѣки, назыв. Мерями, встрѣчаемъ въ Московской и Костромской губ., какъ въ другихъ мѣстахъ встрѣчаемъ поселенія, называемыя Весями. Уѣздный городъ, Тверской губ., Весьегонскъ есть—Весь Егонская. Слѣдя за этой географической номенклатурой, находимъ, что Меря и Весь обитали нѣкогда отъ сліянія Сухоны и Юга, отъ Онежскаго озера и рѣки Ояти до средней Оки, захватывая сѣверныя части губерній Калужской, Тульской и Ря-

занской. Значитъ, русскіе колонисты, направлявшіеся въ Суздальскій край, встрѣтились съ финскими туземцами въ самомъ центрѣ нынѣшней Великороссіи.

Теперь предстоитъ разрѣшить, какъ русскіе колонисты встрѣтились съ финскими туземцами, и какъ обѣ стороны подѣйствовали другъ на друга. Вообще говоря, встрѣча эта была мирная. Въ народныхъ преданіяхъ великоруссовъ не сохранилось памяти объ упорной повсемѣстной борьбѣ пришельцевъ съ туземцами. Признаки вражды носятъ мѣстный характеръ; эта вражда вызывалась мѣстными, исключительными обстоятельствами. Самый характеръ финскаго племени помогалъ мирному сближенію обѣихъ сторонъ. Финны при первомъ своемъ появленіи въ европейской исторіографіи отмѣчены были одной характеристической чертой—миролюбіемъ. Еще Тацитъ замѣчалъ объ нихъ, что это удивительно дикое племя, у котораго нѣтъ ни домовъ, ни оружія. Іорнандъ говоритъ, что эти финны—самое мирное племя изъ всѣхъ обитателей европейскаго сѣвера. Впечатлѣніе уступчиваго, забитаго племени финны произвели и на русскихъ колонистовъ, которые встрѣтившись съ ними, кажется, сразу почувствовали, свое превосходство передъ ними. Всѣ финскія племена старая Русь объединила подъ однимъ именемъ чуди. Не говоря объ этимологическомъ происхожденіи этого слова, замѣтимъ, что всѣ русскія слова, произведенныя отъ этого корня, звучатъ ироніей (чудить, чудно, чудакъ и т. п.). Судьба финновъ на европейской территоріи была оправданіемъ этого впечатлѣнія. Въ старину финны распространены были далеко на югъ за линію рѣкъ Москвы и Оки; но народные потоки, шедшіе по южной Руси, забивали это племя все далѣе къ сѣверу. Оно все болѣе отступало и, отступая, постепенно исчезало. Процессъ его исчезновенія продолжается до сихъ поръ.

Далѣе, сама географическая номенклатура Великороссіи даетъ новыя указанія на мирный характеръ сближенія русскихъ съ чудью. Русскія и финскія названія селъ и рѣкъ идутъ не сплошными полосами, а въ перемежку, чередуясь другъ съ другомъ—знакъ, что колонисты, являвшіеся среди финновъ, шли не массами, а мелкими струями, занимая обширныя промежутки, оставшіеся между разбросанными финскими поселеніями. Такой порядокъ разрѣшенія пришельцевъ среди туземцевъ былъ бы невозможенъ при враждебномъ отношеніи ихъ другъ къ другу. Правда, есть въ преданіяхъ Великороссіи смутныя воспоминанія о борьбѣ, по мѣстамъ обнаруживавшейся на пространствѣ между Окой и верхней Волгой; но эти случаи были вызваны не встрѣчею двухъ племенъ, а распространеніемъ христіанства среди чуди; это была борьба религіозная, а не племенная. Слѣды этой религіозной борьбы встрѣчаются въ двухъ старинныхъ житіяхъ древнихъ ростовскихъ святыхъ, подвизавшихся во второй половинѣ XI вѣка, епископа Леонтія и архимандрита Авраамія. По житію перваго, ростовцы упорно сопротивлялись христіанству, прогнали двухъ первыхъ епископовъ, Ѳеодора и Иларіона, и умертвили третьяго, Леонтія; изъ житія Авраамія видно, что въ Ростовѣ былъ одинъ конецъ, называвшійся Чудскимъ—знакъ, что большинство населенія этого города было русское. Этотъ Чудскій конецъ и послѣ Леонтія оставался языческимъ, поклонялся идолу славянскаго бога Велеса. Значитъ, уже до введенія христіанства мѣстная меря начала усвоять языческія вѣрованія рус-

скихъ славянъ. По житію Леонтія, всѣ ростовскіе язычники упорно боролись противъ христіанскихъ проповѣдниковъ т. е. вмѣстѣ съ чудью принимала участіе въ этой борьбѣ и ростовская Русь.

Вопросъ о взаимодѣйствіи Руси и чуди, о томъ, что каждое племя заимствовало у другого и дало другому,—принадлежитъ къ числу любопытныхъ и трудныхъ вопросовъ въ нашей исторіи. Можно отмѣтить лишь нѣкоторыя черты этого взаимодѣйствія: 1) русь, селясь среди чуди, неизбѣжно должна была кое-что заимствовать у нея; 2) чудь, постепенно русѣя, всей своей массой, со всѣми своими антропологическими и этнографическими особенностями, съ своимъ языкомъ, обычаями и вѣрованіями входила въ составъ великорусскаго племени. Тѣмъ и другимъ путемъ въ великорусское племя внесено было много физическихъ и нравственныхъ особенностей финновъ.

1. Я допускаю значительное участіе финновъ въ образованіи этнографическаго великорусскаго типа. Наша великорусская физіономія не совсѣмъ похожа на общеславянскій типъ; другіе славяне, признавая въ ней общеславянскіе черты, однако, отмѣчаютъ и нѣкоторую чуждую примѣсь. Такъ, напр., скулистость великорусскаго лица, его смуглый цвѣтъ и всѣмъ извѣстный великорусскій носъ луковицей, покоящейся на широкомъ основаніи, признаются чертами, пріобрѣтенными отъ финскихъ туземцевъ.

2. Вліяніе финновъ, кажется, сказалось и въ самомъ говорѣ великоруссовъ. Говоръ древней кіевской Руси отличался тремя главными особенностями: 1) преобладаніемъ звука О; 2) употребленіемъ звуковъ Ц и И вмѣсто Ч и Ѣ; 3) строгимъ сочетаніемъ твердыхъ (гортанныхъ) согласныхъ съ твердыми гласными и мягкихъ (зубныхъ и шипящихъ) согласныхъ съ мягкими гласными. Слѣды этихъ особенностей можно замѣтить въ скудныхъ остаткахъ древней кіевской письменности. Въ иностранныхъ словахъ, при ихъ переходѣ въ русскій языкъ, звуки А и Е замѣнялись звукомъ О: Торв*а*рдъ—Трув*о*ръ, Ингв*а*ръ—Иг*о*ръ—Helgi—*О*легъ. Далѣе, въ древнемъ кіевскомъ говорѣ твердый звукъ К обыкновенно сочетался съ твердымъ Ы, а не И, какъ сочетаемъ мы; тогда говорили Кыевъ, а не Кіевъ, что противно славянской фонетикѣ, требующей смягченія К въ Ц передъ мягкими гласными И, Я и др. Великорусскій говоръ, напротивъ, не знаетъ сочетаній Ц съ мягкими гласными, и только малороссъ умѣетъ выговорить, какъ слѣдуетъ, слово: хлопець, хлопця. Тѣ же особенности имѣлъ въ XII в. и частью сохранилъ доселѣ говоръ новгородскій. Слѣды тѣхъ же самыхъ особенностей мы встрѣчаемъ и въ смоленскомъ договорѣ съ нѣмцами начала XIII в.; и здѣсь Ц замѣняетъ Ч (гость нѣмечкый). Значитъ, встарину одинъ говоръ звучалъ на всемъ пространствѣ отъ Кіева до устья Волхова, до Ладоги. Если теперь вы проведете діагональную черту черезъ Великороссію съ юга-востока на сѣверо-западъ, оставивъ Москву немного влѣво отъ этой черты, то вы раздѣлите всю Великороссію на двѣ полосы, сѣверовосточную и юго-западную; въ первой господствуетъ въ говорѣ звукъ О, во второй звукъ А. Первый говоръ называется низкимъ, второй высокимъ. Владимирцы, ярославцы, костромичи, новгородцы *окаютъ,* строятъ губы кувшиномъ, говорятъ изъ глубины гортани; москвичи, рязанцы, смольняне, напротивъ, *акаютъ,* держатъ ротъ всегда настежъ, почему ихъ и зовутъ «полоротыми». Замѣчаемъ, однако, что и окающее нарѣчіе распадается на два говора, новгородскій и владимирскій. Говоръ новгородскій ближе къ древне-русскому и чище сохра-

нилъ его фонетику и даже его лексиконъ. Новгородцы окаютъ, какъ окали древніе кіевляне, и употребляютъ много древне-русскихъ словъ, забытыхъ въ другихъ краяхъ Руси: *граять, доспѣть, послухъ*. Владимірскій говоръ грубѣе; сохранивъ господствующій звукъ О, онъ болѣе удалился отъ древне-русской фонетики, утратилъ правила сочетанія согласныхъ съ гласными, потерялъ старо-русское мягкое окончаніе глаголовъ въ 3-мъ лицѣ (ть). Московскій говоръ не только воспринялъ всѣ неблагозвучныя особенности говора владимирскаго, но и утратилъ господствующій въ немъ звукъ О. «Гаварить па масковски» значитъ еще болѣе удаляться отъ старо-кіевскаго говора, чѣмъ удаляется ярославецъ или владимирецъ. Въ этой постепенной порчѣ древне-русскаго говора надобно, кажется, признать участіе финскаго (и вообще инородческаго) вліянія. Русскій языкъ вообще портился въ фонетическомъ отношеніи, переполнялся твердыми гласными, неправильными сочетаніями гласныхъ съ согласными при встрѣчѣ съ инородцами, особенно съ финнами, у которыхъ преобладаютъ твердыя гласныя и которые едва знакомы съ іотаціей (смягченіемъ гласныхъ). Древне-русскій говоръ въ наибольшей чистотѣ сохранился въ нарѣчіи новгородскомъ; въ говорѣ владимирскомъ мы видимъ первый моментъ порчи русскаго языка подъ финскимъ вліяніемъ, а говоръ московскій представляетъ дальнѣйшій моментъ этой порчи.

Новый свѣтъ на процессъ вліянія обоихъ племенныхъ элементовъ, встрѣтившихся въ междурѣчьи Оки и Волги, могла бы пролить исторія великорусскихъ миѳологическихъ представленій. Народные обычаи и повѣрья великоруссовъ доселѣ хранятъ несомнѣнные слѣды финскаго вліянія. Финскія племена, обитавшія и доселѣ обитающія въ средней и сѣверной полосѣ европейской Россіи, оставались, кажется, до позднѣйшаго времени на первоначальной ступени миѳологическаго развитія. Ихъ миѳологія до принятія христіанства еще не дошла до антропоморфизма; въ ней господствуетъ простое поклоненіе силамъ и предметамъ внѣшней природы, иногда переходящее въ фетишизмъ. Мордвинъ или черемисъ боготворилъ непосредственно землю, камни, деревья, не олицетворяя ихъ. Особенно развитъ у финновъ культъ воды и лѣса. Мордвинъ, чувашъ, находясь въ чащѣ лѣса или на берегу глухой лѣсной рѣки, чувствовалъ себя въ родной религіозной сферѣ. Нѣкоторыя черты этого культа цѣликомъ перешли въ миѳологію великоруссовъ. У нихъ, какъ и у финновъ, видной фигурой въ миѳологіи является лѣшій, и является у тѣхъ и другихъ съ одинаковыми чертами; онъ стережетъ деревья, коренья и травы, имѣетъ дурную привычку хохотать и кричать по дѣтски и тѣмъ пугать и обманывать путниковъ. Въ эпосѣ западныхъ, прибалтійскихъ, болѣе развитыхъ финновъ (въ «Калевалѣ») встрѣчаемъ образъ бога воды Агто. Это сѣдой старикъ съ травяной бородой, въ одеждѣ изъ пѣны; онъ повелитель водъ и вѣтровъ, живетъ въ глубинѣ моря, любитъ поднимать бури и топить корабли; онъ большой любитель музыки, и когда герой Калевалы, Вейнемейненъ, уронилъ въ воду свою арфу (кантеле), водяной богъ подхватилъ ее, чтобы забавляться ею въ своемъ подводномъ царствѣ. Эти черты живо напоминаютъ образъ «водяника» или царя морского въ извѣстной новгородской былинѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ и гуслярѣ, который съ своими гуслями попалъ въ подводное царство водяника и тамъ развеселилъ его своею игрою до того, что водяникъ пустился

плясать, позабывъ свое царское достоинство; самая физіономія водяника, какъ она описана въ нашей былинѣ, походитъ на физіономію Агто Калевалы. Любопытно, что этотъ миѳъ о водяникѣ распространенъ исключительно въ Новгородской области и не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Руси. Можно думать, что новгородцы заимствовали его у сосѣднихъ балтійскихъ финновъ. Наконецъ, въ великорусскихъ преданіяхъ, занесенныхъ въ древнія житія великорусскихъ святыхъ, можно встрѣтить и слѣды поклоненія камнямъ и деревьямъ, плохо прикрытые христіанскими формами и незамѣтные въ южной и западной Руси.

Процессъ этого сліянія финскихъ и русскихъ религіозныхъ вѣрованій особенно наглядно изображенъ въ двухъ разсказахъ нашего начальнаго лѣтописца, помѣщенныхъ въ сводѣ подъ 1071 г. Передамъ коротко одинъ изъ этихъ разсказовъ. Случился голодъ въ Ростовской землѣ, и вотъ два волхва изъ Ярославля пошли по Волгѣ, разглашая «мы знаемъ, кто обилье держитъ» (урожай задерживаетъ). Придутъ въ погостъ, назовутъ лучшихъ женщинъ и скажутъ «та держитъ жито, та медъ, а эта рыбу». И приводили къ нимъ кто сестру, кто мать, а кто жену свою. Волхвы дѣлали у нихъ прорѣзъ за плечами и вынимали жито, рыбу и медъ, самихъ женщинъ убивали, а имущество ихъ брали себѣ. Пришли они на Бѣлоозеро. Въ это же время явился сюда за данью Янъ, бояринъ великаго князя Святослава. Услышавъ, что волхвы избили уже много женщинъ по Шекснѣ и Волгѣ, Янъ потребовалъ, чтобы бѣлоозерцы выдали ему волхвовъ: «а то не уйду отъ васъ все лѣто» (т. е. буду кормиться на вашъ счетъ), пригрозилъ бояринъ. Бѣлоозерцы испугались и привели къ Яну волхвовъ. Тотъ спросилъ ихъ: «зачѣмъ это вы погубили столько людей?» Волхвы отвѣчали: «а они держатъ обилье; если истребить ихъ, не будетъ голода; хочешь, при тебѣ вынемъ жито-ли, рыбу, или что иное». Янъ возразилъ: «лжете вы; сотворилъ Богъ человѣка изъ земли, состоитъ онъ изъ костей, жилъ и крови, и ничего нѣтъ въ немъ другого, и никто кромѣ Бога не знаетъ, какъ созданъ человѣкъ».—А мы знаемъ, какъ сотворенъ человѣкъ, сказали волхвы. «Какъ?»—Мылся Богъ въ банѣ, вытерся ветошкой и бросилъ ее на землю; и заспорилъ Сатана съ Богомъ, кому изъ нея сотворить человѣка, и сотворилъ дьяволъ тѣло человѣка, а Богъ душу въ него вложилъ; потому, когда человѣкъ умретъ, тѣло его идетъ въ землю, а душа къ Богу.—Этотъ миѳъ до сихъ поръ сохранился среди нижегородской мордвы, только въ болѣе цѣльномъ и понятномъ изложеніи, безъ пропусковъ, сдѣланныхъ нашей древней кіевской лѣтописью. Миѳъ этотъ доселѣ связанъ у мордвы съ обрядомъ, напоминающимъ разрѣзываніе спины у женщинъ волхвами XI в. На вопросъ Яна, «какому Богу вѣруютъ волхвы», они отвѣчали: «антихристу, что сидитъ въ безднѣ».

Вслѣдъ за этимъ лѣтописецъ передаетъ другой характерный разсказъ. Въ наши дни случилось новгородцу зайти въ чудь. Пришелъ онъ къ кудеснику и просилъ его поворожить. Кудесникъ сталъ по своему обычаю вызывать бѣсовъ. Новгородецъ сидѣлъ на порогѣ, волхвъ лежалъ въ изступленіи среди избы, и ударилъ имъ бѣсъ. Кудесникъ всталъ и сказалъ новгородцу: «наши боги не смѣютъ придти сюда: на тебѣ есть нѣчто, чего они боятся». Новгородецъ вспомнилъ, что на немъ крестъ, снялъ его и вынесъ изъ избы; тогда кудесникъ

началъ вызывать бѣсовъ, которые, потрепавъ его, повѣдали о чемъ спрашивалъ новгородецъ. Послѣдній потомъ спросилъ кудесника: «отчего ваши боги креста боятся?» Волхвъ отвѣчалъ: «то есть знаменіе небеснаго Бога, котораго наши боги боятся». Новгородецъ спросилъ: «а каковы ваши боги, и гдѣ они живутъ?» «Живутъ они въ безднахъ. Они черные, съ крыльями и хвостами, летаютъ и подъ небомъ подслушиваютъ вашихъ боговъ. А ваши боги на небесахъ живутъ. Если кто изъ вашихъ людей умретъ, его относятъ на небо; а кто умретъ изъ нашихъ, того относятъ къ нашимъ богамъ въ бездну».

«Такъ оно и выходитъ, прибавляетъ лѣтописецъ отъ себя въ заключеніе,—вѣдь грѣшники въ аду живутъ, ожидая вѣчныхъ мукъ, а праведники въ небесныхъ жилищахъ водворяются съ ангелами».

Изложенные мною разсказы наглядно воспроизводятъ процессъ взаимодѣйствія русскихъ пришельцевъ и финскихъ туземцевъ въ области религіозныхъ повѣрій. Сближеніе обѣихъ сторонъ въ этой области было столь же мирно, какъ и въ общежитіи, вражды непримиримой противоположности своихъ вѣрованій не почувствовали встрѣтившіяся стороны. Оба племени нашли въ своемъ миѳологическомъ созерцаніи подобающее мѣсто тѣмъ и другимъ вѣрованіямъ, финскимъ и славянскимъ, языческимъ и христіанскимъ. Финскіе боги бездны возведены были въ христіанское званіе бѣсовъ и подъ покровомъ этого званія получили мѣсто въ русско-христіанскомъ культѣ, обрусѣли, потеряли въ глазахъ Руси свой иноплеменный финскій характеръ; съ ними произошло то же самое, что съ ихъ первоначальными поклонниками финнами, охваченными Русью. Вотъ почему русскій лѣтописецъ XI и XII вв. говоря о волхвахъ, повѣріяхъ, обычаяхъ, очевидно финскихъ, не дѣлаетъ и намека на то, что ведетъ рѣчь о чужомъ племени, о чуди; язычество русское или финское для него совершенно одно и то же; его нисколько не занимаетъ племенное происхожденіе и различіе языческихъ вѣрованій. По мѣрѣ сближенія обоихъ племенъ это различіе очевидно все болѣе сглаживалось и въ сознаніи смѣшаннаго населенія, образовавшагося вслѣдствіе этого сближенія.

Наконецъ, надо признать значительное вліяніе финскихъ туземцевъ на составъ общества, созданнаго колонизаціей верхне-волжской Руси. Финское туземное населеніе наполняло преимущественно суздальскіе села; господствующимъ элементомъ въ населеніи суздальскихъ городовъ древняго времени являются русскіе. Такъ, изъ упомянутаго житія преподобнаго Авраамія видно, что въ XI в. въ городѣ Ростовѣ только одинъ конецъ населенъ чудью, по крайней мѣрѣ, носилъ ея названіе. Русскія имена большинства старинныхъ городовъ Суздальской земли показываютъ, что они основаны были русскими, и что русскіе составляли господствующій элементъ въ составѣ ихъ населенія. Притомъ, мы не замѣчаемъ въ туземномъ финскомъ населеніи признаковъ значительнаго соціальнаго расчлененія, слѣдовъ высшихъ классовъ: все это населеніе представляется сплошной, однообразной, сельской массой. Но мы видѣли, что и колонизація приносила въ междурѣчье Оки и Волги преимущественно сельскіе массы. Благодаря этому, населеніе суздальской Руси должно было стать гораздо болѣе сельскимъ по своему составу, чѣмъ какимъ оно было въ южной Руси.

Такъ мы отвѣтили на вопросъ, какъ встрѣтились и подѣйство-

вали другъ на друга русскіе пришельцы и финскіе туземцы въ области верхней Волги. Изъ этой встрѣчи не вышло упорной борьбы ни соціальной, ни племенной, ни религіозной; она не повела къ развитію рѣзкаго антагонизма ни политическаго, ни этнографическаго, ни нравственно-религіознаго. Изъ этой встрѣчи вышла тройная смѣсь: 1) смѣсь религіозная, которая легла въ основаніе миѳологическаго міросозерцанія великоруссовъ; 2) смѣсь племенная, которая легла въ основаніе этнографическаго типа великоруссовъ; и 3) смѣсь соціальная, которая въ составѣ верхне-волжскаго населенія дала рѣшительный перевѣсъ сельскимъ классамъ. Таковы были наиболѣе важныя особенности, внесенныя въ великорусскую народность финской примѣсью.

2. Вліяніе природы верхняго Поволжья на хозяйство и племенной характеръ великороссовъ. Теперь намъ предстоитъ изучить дѣйствіе природы верхневолжскаго края на смѣшанное населеніе, здѣсь образовавшееся при помощи колонизаціи. Этотъ край, составляющій центральную область Великороссіи, и до сихъ поръ отличается замѣтными физическими особенностями отъ Руси днѣпровской; шесть-семь вѣковъ назадъ онъ отличался отъ послѣдней еще болѣе. Главныя особенности этого края — обиліе лѣсовъ и болотъ, преобладаніе суглинка въ составѣ почвы и удивительная паутинная сѣть рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ въ разныхъ направленіяхъ. Эти особенности и положили глубокій отпечатокъ на хозяйственный бытъ Великороссіи.

Въ старой кіевской Руси главная пружина народнаго хозяйства—внѣшняя торговля—создала многочисленные города, служившіе крупными или мелкими средоточіями торговли. Въ верхне-волжской Руси, болѣе удаленной отъ приморскихъ рынковъ, внѣшняя торговля не могла стать главной движущей силой народнаго хозяйства. Вотъ почему здѣсь видимъ сравнительно незначительное количество городовъ, да и въ тѣхъ значительная часть населенія занималась хлѣбопашествомъ. Сельскія поселенія получили здѣсь рѣшительный перевѣсъ надъ городами. Притомъ, и эти поселенія рѣзко отличались по своему характеру отъ селъ южной Руси. Въ послѣдней постоянныя внѣшнія опасности и недостатокъ воды въ открытой степи заставляли населеніе размѣщаться крупными массами, скучиваться въ огромныя села, которыя до сихъ поръ составляютъ отличительную черту южной Руси. Напротивъ, на сѣверѣ поселенецъ среди лѣсовъ и болотъ съ трудомъ отыскивалъ сухое мѣсто, на которомъ можно было бы съ нѣкоторой безопасностью и съ удобствомъ выстроить избу. Такія сухія мѣста, открытые пригорки, являлись рѣдкими островками среди моря лѣсовъ и болотъ. На такомъ островкѣ можно было построить одинъ, много два крестьянскихъ двора. Притомъ, еще труднѣе было отыскать значительное сплошное пространство, которое бы могло быть превращено въ пашню для большого села. Вотъ почему деревня въ одинъ или два крестьянскихъ двора является господствующею формою разселенія въ сѣверной Руси до самаго конца XVII в. Вокругъ такихъ мелкихъ разбросанныхъ деревень трудно было отъискать значительное сплошное пространство, которое удобно можно было бы распахать. Такія удобныя мѣста вокругъ деревень являлись незначительными участками. Эти участки расчищались обитателями

деревень. Это была трудная работа: надо было, выбравъ удобное, сухое мѣсто для пашни, выжечь покрывавшій его лѣсъ, выкорчить пни, поднять цѣлину. Удаленіе отъ крупныхъ иноземныхъ рынковъ, недостатокъ вывоза не давали хлѣбопашцамъ побужденій расширять свои пашни. Хлѣбопашество на верхне-волжскомъ суглинкѣ должно было удовлетворять лишь насущной потребности самихъ хлѣбопашцевъ. Мы ошиблись бы, подумавъ, что, при незначительности населенія, сравнительно съ пространствомъ незанятой земли, крестьянинъ древней Великороссіи пахалъ много больше, чѣмъ потомъ, въ XVIII и XIX вв. Подворные участки въ древней Великороссіи были, вообще, значительно меньше нынѣшнихъ. Притомъ, тогдашніе пріемы обработки земли сообщили подвижной, неусидчивый, кочевой характеръ этому хлѣбопашеству. Выжигая лѣсъ на нови, крестьянинъ сообщалъ суглинку усиленное плодородіе, и нѣсколько лѣтъ снималъ съ него отличные урожаи, потому что зола служитъ очень сильнымъ удобреніемъ. Но то было насильственное и скоропреходящее плодородіе: черезъ шесть-семь лѣтъ почва совершенно истощалась, и крестьянинъ долженъ былъ покидать ее на многолѣтній отдыхъ. Тогда онъ переносилъ свой дворъ на новое мѣсто, поднималъ другую новь, заводилъ *починокъ*. Такъ, эксплуатируя землю, древне-русскій крестьянинъ передвигался съ мѣста на мѣсто, по направленію на сѣверо-востокъ, пока не дошелъ до естественныхъ границъ равнины, до Урала и Бѣлаго моря. Въ восполненіе скуднаго заработка отъ хлѣбопашества на верхне-волжскомъ суглинкѣ крестьянинъ долженъ былъ обращаться къ промысламъ. Лѣса, рѣки и болота представляли ему множество угодій, разработка которыхъ могла служить подспорьемъ его скудному земледѣльческому хозяйству. Вотъ источникъ той особенности, которою издавна и до сихъ поръ отличается хозяйственный бытъ великорусскаго крестьянина; здѣсь кроется причина развитія тѣхъ мѣстныхъ сельскихъ, такъ назыв., кустарныхъ промысловъ. Лыкодерство, мочальный промыселъ, звѣроловство, бортничество, рыболовство солеваренье — издавна служили основаніемъ хозяйственнаго быта для цѣлыхъ округовъ. Таковы особенности великорусскаго хозяйства, создавшіяся подъ вліяніемъ природы страны. Это 1) разбросанность населенія, господство мелкихъ поселковъ, деревень; 2) незначительность крестьянской запашки, мелкость подворныхъ пахотныхъ участковъ; 3) подвижной характеръ хлѣбопашества, кочевое земледѣліе, и 4) развитіе сельскихъ промысловъ, усиленная разработка угодій лѣсныхъ, рѣчныхъ и другихъ.

Рядомъ съ вліяніемъ природы страны на народное хозяйство Великороссіи, мы замѣчаемъ слѣды могущественнаго дѣйствія ея и на племенной характеръ великороссовъ. Край, обильный лѣсами и болотами, на каждомъ шагу представляетъ поселенцамъ тысячи мелкихъ опасностей, непредвидѣнныхъ затрудненій, которыя надобно было во время предупредить, среди которыхъ надобно было найтись, съ которыми приходилось бороться поминутно. Это пріучало великоросса зорко слѣдить за природой, развивало въ немъ изворотливость, находчивость въ мелкихъ опасностяхъ и затрудненіяхъ. Притомъ, природа края, каждый уголъ его, каждая мѣстность задавали поселенцу трудную хозяйственную задачу: въ этой мѣстности нужно было высмотрѣть угодье, разработка котораго могла бы быть наиболѣе вы-

годна. Отсюда та удивительная наблюдательность великоросса, которая открывается въ народныхъ великорусскихъ примѣтахъ. Кромѣ того, сѣверная природа капризна; она даетъ очень мало удобнаго времени для земледѣльческаго труда: сѣверное короткое лѣто часто еще укорачивается неожиданнымъ и безвременнымъ ненастьемъ. Это заставляетъ великорусскаго крестьянина спѣшить, усиленно работать, чтобы сдѣлать все въ короткую рабочую пору, чрезвычайно напрягать свой трудъ, чтобы успѣть набраться во-время, а потомъ оставаться безъ дѣла всю осень и зиму. Это пріучило великоросса къ чрезмѣрному кратковременному напряженію своихъ силъ, заставляло его работать скоро и споро, а потомъ отдыхать во время вынужденнаго осенняго и зимняго бездѣйствія. Ни одинъ народъ въ Европѣ не способенъ къ такому напряженію труда на короткое время, какъ великороссъ; но и нигдѣ въ Европѣ, кажется, не найдемъ такой непривычки къ постоянному равномѣрному труду, какъ въ Великороссіи.

Разселеніе разбросанными уединенными деревнями, естественно, не могло пріучить населеніе дѣйствовать большими союзами, дружными массами. Великороссъ работалъ не на открытомъ полѣ, какъ обитатель южной Руси; онъ боролся съ природой въ одиночку, въ глуши лѣса съ топоромъ въ рукѣ. Отсюда новый рядъ особенностей въ племенномъ характерѣ великороссовъ. Великороссъ отлично работаетъ одинъ, когда на него никто не смотритъ, и съ трудомъ привыкаетъ къ дружному дѣйствію общими силами. Онъ работаетъ лучше самъ съ собой, чѣмъ на людяхъ, лучше въ началѣ труда, когда не увѣренъ въ себѣ и въ успѣхѣ и хуже въ концѣ, когда уже добился нѣкотораго успѣха; неувѣренность возбуждаетъ его силы, а успѣхъ роняетъ ихъ. Онъ легче выноситъ огромный трудъ, чѣмъ собственное величіе. Словомъ, великороссъ лучше великорусскаго общества. Такъ сказалось дѣйствіе природы края на хозяйственный бытъ и племенный характеръ великороссовъ.

Политическія послѣдствія колонизаціи Суздальской земли.

1. Андрей Боголюбскій и его отношенія къ Кіевской Руси. Теперь обратимся къ изученію политическихъ послѣдствій колонизаціи. Они начали обнаруживаться уже при сынѣ того суздальскаго князя, въ княженіе котораго шелъ усиленный приливъ колонизаціи въ междурѣчье Оки и верхней Волги, при Андреѣ Боголюбскомъ. Самъ этотъ князь является крупной фигурой, на которой наглядно отразилось дѣйствіе колонизаціи. Онъ родился въ 1111 г. Это былъ настоящій сѣверный князь, истый суздалецъ—залѣшанинъ по своимъ привычкамъ и понятіямъ, по своему политическому воспитанію. Онъ, кажется, и родился на сѣверѣ и прожилъ тамъ большую половину своей жизни, совсѣмъ не видавши юга. Отецъ далъ ему въ управленіе Владимиръ на Клязьмѣ, маленькій, недавно возникшій пригородъ, и тамъ Андрей прокняжилъ далеко за тридцать лѣтъ своей жизни, не видавши Кіева. Южная, какъ и сѣверная, лѣтопись молчитъ о немъ до начала шумной борьбы, которая завязалась между его отцомъ и двоюроднымъ братомъ, Изяславомъ Волынскимъ съ 1146 г.

Андрей появляется на югѣ впервые не раньше 1149 г., когда

Юрій, восторжествовавъ надъ племянникомъ, сѣлъ на кіевскомъ столѣ. Съ тѣхъ поръ и заговорила о немъ южная Русь, и южная лѣтопись сообщаетъ нѣсколько разсказовъ, живо рисующихъ его физіономію. Андрей скоро выдѣлился изъ тогдашнихъ южныхъ князей своимъ своеобразнымъ характеромъ. Онъ въ бояхъ не отставалъ отъ своего знаменитаго соперника Изяслава, любилъ забываться въ разгарѣ сѣчи, залетать въ самую опасную свалку, не замѣчалъ, какъ съ него сбивали шлемъ. Все это было очень обычно на югѣ, гдѣ постоянныя внѣшнія опасности и усобицы развивали удальство въ князьяхъ; но совсѣмъ не было обычно умѣніе Андрея быстро отрезвляться отъ воинственнаго опьяненія. Тотчасъ послѣ боя онъ становился осторожнымъ, благоразумнымъ политикомъ, мирнымъ распорядителемъ. У Андрея все всегда въ порядкѣ; его нельзя было застать врасплохъ; онъ умѣлъ не терять головы во время переполоха. Несмотря на свою боевую удаль, онъ не любилъ войны; послѣ удачнаго боя онъ первый подступалъ къ отцу съ просьбой мириться съ побитымъ врагомъ. Южно-русскій лѣтописецъ съ удивленіемъ отмѣтилъ въ немъ эту черту характера, говоря: «не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, но ждалъ похвалы лишь отъ Бога».

Точно также Андрей совсѣмъ не раздѣлялъ страсти своего отца къ Кіеву, былъ вполнѣ равнодушенъ къ матери городовъ русскихъ и ко всей южной Руси. Когда въ 1151 г. Юрій былъ побѣжденъ Изяславомъ, онъ плакалъ горькими слезами, жалѣя, что ему приходится разстаться съ Кіевомъ. Дѣло было къ осени. Андрей сказалъ отцу: «намъ теперь, батюшка, здѣсь дѣлать нечего больше, уйдемъ-ка отсюда затепло». По смерти Изяслава (въ 1154 г.) Юрій прочно усѣлся на кіевскомъ столѣ и просидѣлъ до самой смерти (въ 1157). Самаго надежнаго изъ своихъ сыновей, Андрея, онъ посадилъ у себя подъ рукою въ Вышгородѣ; но Андрею не жилось на югѣ. Не спросившись у отца, онъ тихонько ушелъ на сѣверъ, захвативъ изъ Вышгорода чудотворную икону Божіей Матери, которая стала потомъ главной святыней Суздальской земли подъ именемъ Владимирской. Одинъ позднѣйшій лѣтописный сводъ, такъ объясняетъ этотъ поступокъ Андрея: «смущался князь Андрей, видя настроеніе своей братіи, племянниковъ и всѣхъ сродниковъ своихъ; вѣчно они въ мятежѣ и въ волненіи, все добиваясь великаго княженія кіевскаго; ни у кого изъ нихъ ни съ кѣмъ мира нѣтъ, и оттого всѣ княженія запустѣли. Скорбѣлъ объ этомъ Андрей въ тайнѣ своего сердца и, не сказавшись отцу, рѣшился уйти къ себѣ въ Ростовъ и Суздаль, говоря: «тамъ поспокойнѣе».

По смерти Юрія на кіевскомъ столѣ смѣнилось нѣсколько князей и, наконецъ, усѣлся сынъ Юрьева соперника, Андреевъ двоюродный племянникъ, Мстиславъ Изяславичъ Волынскій. Андрей, считая себя старшимъ, выждалъ удобную минуту и послалъ на югъ съ сыномъ суздальское ополченіе, къ которому тамъ присоединились полки многихъ другихъ князей. Союзники взяли Кіевъ «копіемъ» и «на щитъ», т. е. приступомъ, и разграбили его (въ 1169 г.). Суздальцы, по разсказу лѣтописца, не пощадили ничего въ Кіевѣ, ни храмовъ, ни женъ, ни дѣтей: «были тогда въ Кіевѣ на всѣхъ людяхъ стонъ и тоска, слезы непристанныя и печаль неутѣшная». Но Андрей, взявъ Кіевъ своими полками, не поѣхалъ туда сѣсть на столъ отца и дѣда; Кіевъ былъ отданъ младшему Андрееву брату, Глѣбу. Сынъ Андрея, посадивши

въ Кіевѣ дядю, съ полками своими ушелъ назадъ къ отцу на сѣверъ «съ честью и славой великой» замѣчаетъ сѣверный лѣтописецъ, «и съ проклятіемъ», добавляетъ лѣтописецъ, южный.

Впослѣдствіи по смерти Глѣба, Кіевская земля отдана была ближайшимъ родичамъ Андрея, Ростиславичамъ смоленскимъ. Старшій Романъ сѣлъ въ Кіевѣ; младшіе его братья, Давидъ и Мстиславъ, помѣстились въ ближайшихъ городахъ. Андрей носилъ званіе великаго князя, живя на своемъ суздальскомъ сѣверѣ. Но Ростиславичи разъ показали неповиновеніе Андрею, и тотъ послалъ къ нимъ посла съ грознымъ приказаніемъ: «не ходишь ты, Романъ, въ моей волѣ съ братіей, такъ пошелъ вонъ изъ Кіева; ты, Мстиславъ, вонъ изъ Бѣлгорода, а ты Давидъ, вонъ изъ Вышгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ, и дѣлитесь тамъ, какъ знаете». Въ первый разъ великій князь, названный отецъ для младшей братіи, обращался такъ съ своими родичами. Эту перемѣну въ обращеніи съ особенной силой почувствовалъ младшій изъ Ростиславичей, Мстиславъ; онъ сбрилъ бороду и голову Андрееву послу и отпустилъ его назадъ, велѣвъ ему сказать Андрею: «мы до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ по любви; но если ты посылаешь къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насъ Богъ разсудитъ». Такъ въ первый разъ произнесенно было новое политическое слово *подручникъ*, т. е. впервые сдѣлана была попытка замѣнить неопредѣленныя отношенія родового старшинства отношеніями обязательнаго подчиненія, политическаго подданства.

Таковъ рядъ необычныхъ явленій, обнаружившихся въ отношеніяхъ Андрея Боголюбскаго къ южной Руси и другимъ князьямъ. До сихъ поръ званіе старшаго князя нераздѣльно соединено было съ обладаніемъ старшимъ кіевскимъ столомъ. Князь, признанный старшимъ среди родичей, обыкновенно садился въ Кіевѣ; князь, сидѣвшій въ Кіевѣ обыкновенно признавался старшимъ среди родичей. Андрей впервые отдѣлилъ старшинство отъ мѣста, заставивъ признать себя великимъ княземъ всей Русской земли, онъ не покинулъ своей Суздальской земли и не поѣхалъ въ Кіевъ сѣсть на столъ отца и дѣда. Такимъ образомъ *княжеское старшинство, оторвавшись отъ мѣста, получило личное значеніе.* Вмѣстѣ съ этимъ измѣнилося и положеніе Суздальской области среди другихъ областей Русской земли. До сихъ поръ князь, который достигалъ старшинства и садился на кіевскомъ столѣ обыкновенно покидалъ свою прежнюю волость, передавая ее очередному владѣльцу. Каждая княжеская волость, какъ временное, очередное владѣніе извѣстнаго князя, имѣла родовое, а не личное значеніе. Андрей, ставъ великимъ княземъ, не покинулъ Суздальской земли, которая вслѣдствіе того утратила родовое значеніе и получила характеръ личнаго, неотъемлемаго достоянія своего князя. Она, такимъ образомъ, вышла изъ круга русскихъ областей, владѣемыхъ по очереди старшинства. Наконецъ, этотъ князь, отдѣливъ старшинство отъ кіевскаго стола, первый попытался замѣнить полюбовное родственное согласіе обязательнымъ подчиненіемъ младшихъ родичей *подручничествомъ.* Таковъ рядъ новыхъ явленій, вскрывшихся въ дѣятельности Андрея по отношенію къ южной Руси и другимъ князьямъ; эта дѣятельность была попыткой произвести переворотъ въ политическомъ

строѣ Русской земли. Такъ обнаружились нравственныя понятія и привычки, воспитанныя въ Андреѣ новой средой, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ на сѣверѣ. Эта своеобразная среда, очевидно, была создана колонизаціей.

2. Паденіе старшихъ городовъ въ Суздальской землѣ. Разсматривая событія, происшедшія въ Суздальской землѣ при Андреѣ и слѣдовавшія за его смертью, мы встрѣчаемъ признаки другого переворота, совершившагося во внутреннемъ строѣ самой Суздальской земли, Князь Андрей и дома, въ управленіи своей собственной волостью, дѣйствовалъ не по старому. По заведенному обычаю старшій князь извѣстной линіи дѣлилъ управленіе принадлежавшей этой линіи областью съ ближайшими младшими родичами, которыхъ сажалъ вокругъ себя по младшимъ городамъ этой области. Князь Андрей не хотѣлъ дѣлить доставшейся ему отъ отца области со своими младшими братьями и племянниками и прогналъ ихъ изъ Суздальской земли. Области старшихъ городовъ въ Русской землѣ управлялись, какъ мы знаемъ, двумя аристократіями: служилой и промышленной, которыя имѣли значеніе правительственныхъ орудій и совѣтниковъ князя. Служилая аристократія состояла изъ княжескихъ дружинниковъ, промышленная изъ верхняго слоя неслужилаго населенія старшихъ городовъ, который получилъ званіе «лучшихъ мужей» и руководилъ областными обществами. Обѣ эти аристократіи встрѣчаемъ мы и въ Суздальской землѣ уже при Андреевомъ отцѣ Юріи; но Андрей не поладилъ съ обоими этими руководящими классами Суздальскаго общества. По заведенному порядку онъ долженъ былъ сидѣть и править въ старшемъ городѣ своей волости при содѣйствіи и по соглашенію въ его вѣчемъ. Такихъ старшихъ вѣчевыхъ городовъ въ Суздальской землѣ было два: Ростовъ и Суздаль. Андрей не любилъ ни того, ни другого и сталъ жить въ маленькомъ пригородѣ Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ не были въ обычаѣ вѣчевыя собранія, сосредоточилъ на немъ всѣ свои заботы, украшалъ его, выстроилъ въ немъ новый соборный храмъ, въ которомъ поставилъ привезенную съ юга чудотворную икону Божіей матери. Расширяя этотъ городъ, Андрей наполнилъ его, по замѣчанію лѣтописнаго свода, купцами хитрыми, ремесленниками всякими. Благодаря этому, Владиміръ при Андреѣ опередилъ богатствомъ и населенностью своею старшіе города. Такое необычное перенесеніе княжескаго стола изъ старшихъ городовъ въ пригородъ сердило ростовцевъ и суздальцевъ, которые роптали на Андрея, говоря: «здѣсь старшіе города Ростовъ да Суздаль, а Владиміръ нашъ пригородъ». Точно также не любилъ Андрей и старшей дружины отца. Онъ даже не дѣлилъ съ боярами своихъ развлеченій, не бралъ ихъ съ собой на охоту, велѣлъ имъ, по выраженію лѣтописи, «особо утѣху творити», а самъ ѣздилъ на охоту лишь съ немногими «отроками», людьми младшей дружины. Наконецъ, не желая дѣлить власть съ младшими родичами, Андрей, по замѣчанію лѣтописи, погналъ изъ Суздальской земли какъ своихъ братьевъ и племянниковъ, такъ и «переднихъ мужей отца своего», т.-е. старшую дружину, бояръ. Все это, по замѣчанію лѣтописца, Андрей творилъ, желая быть «самовластцемъ» Суздальской земли. За эти новыя необычныя политическія стремленія Андрей и погибъ. Онъ палъ жертвой заговора, вызваннаго его строгостью. Андрей казнилъ брата своей первой жены, одного изъ знатныхъ слугъ своего двора, Кучко-

вича. Братъ казненнаго съ другими придворными составилъ заговоръ, отъ котораго и погибъ Андрей въ 1174 г.

Отъ всей фигуры Андрея вѣетъ новымъ духомъ. Это былъ суровый хозяинъ, который во всемъ поступалъ по-своему, а не по старинѣ и обычаю. Его новыя политическія понятія и привычки были воспитаны новой общественной средой, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Этой средой былъ пригородъ Владиміръ, гдѣ князь Андрей провелъ большую половину своей жизни. Суздальскіе пригороды составляли тогда особый міръ, созданный русской колонизаціей, съ отношеніями и понятіями, какихъ не знали въ старыхъ областяхъ кіевской Руси. Событія, слѣдовавшія за смертью Андрея, живо освѣщаютъ этотъ міръ.

По смерти Андрея въ Суздальской землѣ разыгралась усобица, по происхожденію своему очень похожая на княжескія усобицы въ старой кіевской Руси. Случилось то, что часто бывало тамъ: дяди заспорили съ племянниками. Младшіе братья Андрея, Михаилъ и Всеволодъ разссорились съ племянниками, дѣтьми ихъ старшаго брата, давно умершаго, Мстиславомъ и Ярополкомъ Ростиславичами. Такимъ образомъ, мѣстному населенію открылась возможность выбора между князьями. Старшіе города позвали Андреевыхъ племянниковъ; но городъ Владиміръ, недавно ставшій великокняжескимъ стольнымъ городомъ, позвалъ къ себѣ братьевъ Андрея, Михаила и Всеволода; изъ этого и вышла усобица. Въ борьбѣ сначала одержали верхъ племянники и сѣли по старшимъ городамъ Суздальской земли; но потомъ Владиміръ поднялся на старшіе города, опять призвалъ къ себѣ дядей, которые на этотъ разъ восторжествовали надъ племянниками и раздѣли между собой Суздальскую землю. По смерти старшаго дяди усобица возобновилась между младшими: Всеволодомъ и племянникомъ Мстиславомъ. Послѣдній проигралъ дѣло, разбитый въ двухъ битвахъ, подъ Юрьевомъ и на рѣкѣ Колокшѣ. Послѣ того Всеволодъ остался одинъ хозяиномъ въ Суздальской землѣ. Таковъ былъ ходъ Суздальской усобицы, длившейся два года (1174—1176).

Но по ходу своему эта сѣверная усобица не во всемъ была похожа на южныя: она осложнилась явленіями, какихъ не замѣтно въ княжескихъ усобицахъ на югѣ. Въ областяхъ южной Руси мѣстное населеніе обыкновенно очень равнодушно относилось къ княжескимъ распрямъ; напротивъ, въ Суздальской землѣ мѣстное населеніе приняло дѣятельное участіе въ ссорѣ князей. Племянниковъ дружно поддерживали старшіе города земли, которыя дѣйствовали энергичнѣе самихъ князей, обнаруживали чрезвычайное ожесточеніе въ отношеніи къ пригородамъ. Въ иныхъ областяхъ старшіе города присвоили себѣ право выбирать на вѣчѣ посадниковъ для своихъ пригородовъ. Ростовцы во время усобицы говорили про Владиміръ: «это нашъ пригородъ, сожжемъ его, либо пошлемъ туда своего посадника; тамъ живутъ наши холопы и каменщики». Ростовцы, очевидно, намекали на ремесленниковъ, которыми Андрей населилъ Владиміръ. Но и этотъ пригородъ Владиміръ не дѣйствовалъ одинаково въ борьбѣ, къ нему примкнули другіе пригороды Суздальской земли. «А съ Переяславцы, замѣчаетъ лѣтописецъ, имяхуть Володимерцы едино сердце». И третій новый городъ, Москва, тянулъ въ ту же сторону, и только изъ страха передъ князьями —племянниками не рѣшился принять дѣятельнаго участія въ борьбѣ.

Земская борьба не ограничивалась старшими городами и пригородами, она шла глубже, захватывала все общество, сверху до низу. На сторонѣ племянниковъ и старшихъ городовъ стала и вся старшая дружина Суздальской земли; даже дружина города Владиміра примкнула къ старшимъ городамъ и дѣйствовала противъ князей, которыхъ поддерживали Владимірцы. Но если старая дружина даже пригородовъ стояла на сторонѣ старшихъ городовъ, то низшее населеніе старшихъ городовъ стало на сторонѣ пригородовъ. Когда дяди въ первый разъ восторжествовали надъ племянниками, суздальцы явились къ Михаилу и сказали: «мы, князь, не воевали противъ тебя съ Мстиславомъ, а были съ нимъ одни наши бояре; такъ ты не сердись на насъ и ступай къ намъ». Это говорили, очевидно, депутаты отъ простонародья города Суздаля. Значитъ, все общество Суздальской земли раздѣлилось въ борьбѣ горизонтально, а не вертикально; на одной сторонѣ стали обѣ мѣстныя аристократіи, старшая дружина и верхній слой неслужилаго населенія старшихъ городовъ, на другой—ихъ низшее населеніе вмѣстѣ съ пригородами. На такое соціальное раздѣленіе указалъ одинъ изъ участниковъ борьбы, Всеволодъ. Наканунѣ битвы подъ Юрьевымъ Всеволодъ хотѣлъ уладить дѣло безъ кровопролитія и послалъ сказать племяннику Мстиславу: «если тебя, братъ, привела старшая дружина, то ступай въ Ростовъ, тамъ и помиримся; тебя Ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ, да Владимірцы съ Переяславцами».

Такъ въ описанной усобицѣ вскрылись различные элементы мѣстнаго общества съ ихъ взаимными враждебными отношеніями. Мы видимъ, что борются князья—дяди съ князьями—племянниками, старшіе вѣчевые города съ пригородами, городами младшими, высшіе классы мѣстнаго общества, служилый и торговый, съ низшимъ населеніемъ «холопей—каменщиковъ», какъ зовутъ его ростовцы. Но въ глубинѣ этой тройной борьбы скрывается одна земская вражда. Чтобъ понять происхожденіе этой вражды, надобно припомнить, что городская знать Ростова и Суздаля принадлежала къ старинному русскому населенію края, которое принесено было сюда ранней струей колонизаціи, давно, еще до княженія Юрія, здѣсь усѣлось и привыкло руководить мѣстнымъ обществомъ. Вмѣстѣ съ Юріемъ Долгорукимъ, т.-е. въ началѣ XII в., водворились въ Суздальской землѣ и бояре, старая дружина. Это былъ второй старый и руководящій классъ мѣстнаго общества; вмѣстѣ съ богатымъ купечествомъ Ростова и Суздаля онъ и вступилъ въ борьбу съ пригородами. Послѣдніе, напротивъ, населены были преимущественно недавними переселенцами, которые пришли изъ южной Руси. Эти переселенцы выходили большею частью изъ низшихъ классовъ южно-русскаго населенія, городского и сельскаго. Явившись въ Суздальскую землю, пришельцы встрѣтились здѣсь съ туземнымъ финскимъ населеніемъ, которое также составляло низшій классъ мѣстнаго общества. Такимъ образомъ, колонизація дала рѣшительный численный перевѣсъ низшимъ классамъ, городскому и сельскому простонародію, въ составѣ суздальскаго общества. Этотъ перевѣсъ нарушилъ то равновѣсіе соціальныхъ стихій, на которомъ держался общественный порядокъ въ старыхъ областяхъ кіевской Руси. Этотъ порядокъ, какъ мы знаемъ, носилъ аристократическій характеръ; высшіе классы тамъ политически преобладали и давили низшее населеніе. Это

политическое преобладаніе высшихъ классовъ при численномъ перевѣсѣ низшихъ въ Суздальской землѣ должно было вызвать антагонизмъ и столкновеніе между низомъ и верхомъ общества. Этотъ антагонизмъ и былъ скрытой причиной описанной усобицы между братьями и племянниками Андрея въ Суздальской землѣ, а этотъ численный перевѣсъ сказался въ исходѣ этой борьбы. Низшіе классы мѣстнаго общества, только что начавшіе складываться путемъ сліянія русскихъ колонистовъ съ финскими туземцами, возстали противъ высшихъ—противъ давнихъ и привычныхъ руководителей этого общества и одержали надъ ними верхъ. Значитъ, *эта была не простая княжеская распря, а соціальная борьба низа общества съ его вершинами.* Такимъ образомъ, и этотъ внутренній переворотъ въ Суздальской землѣ, подобно перемѣнѣ въ ея внѣшнемъ положеніи, имѣлъ своимъ источниковъ ту же колонизацію.

Тамъ смотрѣли на ходъ и значеніе описанныхъ событій и совремѐнные наблюдатели, люди Суздальской земли. Описанная княжеская усобица разсказана современнымъ лѣтописцемъ, жителемъ города Владиміра, слѣдовательно, сторонникомъ дядей и пригородовъ. Онъ приписываетъ успѣхъ Владиміра въ борьбѣ чудодѣйственной помощи Божіей матери, чудотворная икона которой стояла во владимірскомъ соборѣ. Разсказъ о первомъ торжествѣ дядей надъ племянниками и о возвращеніи Михаила во Владиміръ этотъ лѣтописецъ—публицистъ сопровождаетъ такими любопытными размышленіями: «и была радость большая въ городѣ Владимірѣ, когда онъ увидѣлъ у себя великаго князя всей Ростовской земли. Подивимся чуду новому, великому и преславному Божіей матери, какъ заступила она свой городъ отъ великихъ бѣдъ и какъ гражданъ своихъ укрѣпляетъ: не вложилъ имъ Богъ страха, не побоялись они двоихъ князей съ ихъ боярами, не посмотрѣли на ихъ угрозы, положивши всю надежду на святую Богородицу и на свою правду. Новгородцы, смольняне, кіевляне, полочане и всѣ власти (волостные города), какъ на думу, на вѣча сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ; а здѣсь старые города, Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнить правды Божіей, говорили: «какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ; Владиміръ нашъ пригородъ». Воспротивились они Богу и святой Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей ссорщиковъ, не хотѣвшихъ *намъ* добра, изъ зависти къ *сему* городу и къ живущимъ въ немъ. Не сумѣли ростовцы и суздальцы правды Божіей исправить, думали, что если они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все по своему; но люди новые, «мизинные» (маленькіе съ мизинецъ) владимірскіе уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться и сказали себѣ: «либо Михалка князя себѣ добудемъ, либо головы свои положимъ за Св. Богородицу и за Михалка князя». И вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и Св. Богородица: прославлены стали владимірцы по всей землѣ за ихъ правду, Богови имъ помогающу».

Значитъ, и современный наблюдатель видѣлъ въ описанной княжеской усобицѣ не столько княжескую распрю, сколько борьбу общественныхъ классовъ, возстаніе новыхъ, маленькихъ людей противъ старыхъ руководящихъ классовъ мѣстнаго общества, противъ аристократіи служилой и промышленной, городской. Итакъ, однимъ изъ послѣдствій русской колонизаціи Суздальской земли было торжество

низа мѣстнаго общества надъ его верхомъ. Можно думать, что мѣстное общество вслѣдствіе такого исхода пережитой имъ социальной борьбы, будетъ развиваться въ болѣе демократическомъ направленіи сравнительно со строемъ областей старой кіевской Руси.

3. Преобладаніе верхне-волжской Руси надъ Днѣпровской при Всеволодѣ III. Ступимъ еще шагъ и встрѣтимъ рядъ новыхъ политическихъ явленій. Восторжествовалъ надъ племянникомъ въ 1176 г. Всеволодъ III княжилъ въ Суздальной землѣ до 1212 г. Его княженіе во многомъ было продолженіемъ времени Андрея. Подобно послѣднему, Всеволодъ заставилъ признать себя великимъ княземъ Русской земли и, подобно старшему брату, не поѣхалъ княжить въ Кіевъ. Онъ правилъ южной Русью съ береговъ Клязьмы, сажалъ великихъ князей на кіевской столъ изъ своихъ рукъ. Великій князь кіевскій чувствовалъ себя непрочно на этомъ столѣ, если не ходилъ въ волѣ Всеволода, не былъ его подручникомъ. Однимъ изъ этихъ князей, посаженныхъ въ Кіевѣ Всеволодомъ, былъ его смоленскій родичъ Рюрикъ Ростиславичъ. Рюрикъ разъ долженъ былъ сказать своему зятю Роману: «самъ ты знаешь, что нельзя было не сдѣлать по волѣ Всеволода; намъ безъ него быть нельзя, вся братія положила на немъ старшинство во Владиміровомъ племени».

Политическое давленіе Всеволода чувствовалось на самой отдаленной юго-западной окраинѣ Руси: галицкій князь Владимиръ Ярославичъ Осмомыслъ, воротившій столъ свой съ помощью польской, спѣшилъ стать подъ защиту своего отдаленнаго дяди, Всеволода III. Онъ послалъ сказать ему: «отецъ и господинъ! удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ волѣ твоей всегда». Сосѣди Всеволода, князья Рязанскіе, также ходили въ его волѣ, посылали свои полки въ походы съ его полками. Въ 1207—8 гг. Всеволодъ, вмѣшавшись въ усобицу рязанскихъ князей, потребовалъ у рязанцевъ выдачи ихъ всѣхъ съ княгинями, продержалъ ихъ у себя подъ присмотромъ, а въ Рязани посадилъ своего сына съ суздальскими посадниками. Когда же буйные, непокорные рязанцы, какъ ихъ характеризуетъ суздальскій лѣтописецъ, вышли изъ повиновенія Всеволоду, тогда суздальскій князь велѣлъ перехватать всѣхъ горожанъ съ семействами и расточилъ ихъ по суздальскимъ городамъ, а Рязань сжегъ. И пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, южно-русскій поэтъ и публицистъ XII в., знаетъ политическое могущество Всеволода. Изображая бѣдствія, постигшія въ степи его героя, этотъ поэтъ обращается къ Всеволоду съ такими словами: «великій князь Всеволодъ! что бы тебѣ прилетѣть издалека золотого отчаго стола постеречь; вѣдь ты можешь Волгу раскропить, Донъ шеломомъ вычерпать». Въ такихъ размѣрахъ представлялись черниговскому поэту волжскій флотъ Всеволода III и его сухопутная рать. Итакъ, при Всеволодѣ III суздальская Русь, еще въ началѣ XII-го в. бывшая придаткомъ къ одной изъ южно-русскихъ областей, рѣшительно господствуетъ надъ всѣми остальными областями. Политическій центръ тяжести явственно перемѣщается со средняго Днѣпра на берега Клязьмы. Это перемѣщеніе было слѣдствіемъ отлива русскихъ силъ съ Поднѣпровья къ сѣверо-востоку.

Вмѣстѣ съ этимъ развивается въ суздальскомъ обществѣ и въ мѣстныхъ князьяхъ равнодушіе къ Кіеву и къ кіевской Руси,—отно-

шеніе, проникнутое пренебрежительнымъ состраданіемъ. Всеволодъ III, какъ я сказалъ, уступилъ Кіевскую землю смоленскому своему родичу Рюрику. Этотъ князь разъ позвалъ къ себѣ своего брата Давида потолковать о Русской землѣ, о ея устроеніи и защитѣ, и покончить свои дѣла. Братья свидѣлись, потолковали, но не догадались посовѣтоваться со своимъ старшимъ родичемъ, суздальскимъ княземъ. Всеволодъ обидѣлся и послалъ Рюрику выговоръ, холодный, исполненный пренебреженія. «Вы признали меня старшимъ во Владимировомъ племени; теперь ты сѣлъ въ Кіевѣ, а мнѣ не далъ части въ землѣ Русской, роздалъ другимъ, младшей братіи; ну, если нѣтъ мнѣ въ ней части, то какъ ты тамъ себѣ хочешь, кому далъ въ ней часть, съ тѣмъ и стереги; посмотрю, какъ ты ее удержишь съ ними, а мнѣ не надобно».

Это пренебреженіе въ кіевской Руси раздѣляли и Всеволодовы дѣти. По смерти отца, между ними произошла усобица, причиною которой было то, что отецъ, разсердившись на старшаго сына Константина, старшинство перенесъ на второго сына Юрія. Удалой торопецкій князь Мстиславъ всталъ за обиженнаго старшаго брата и съ полками новгородскими и смоленскими вторгнулся въ самую Суздальскую землю. Противъ него выступили младшіе Всеволодовичи, Юрій, Ярославъ и Святославъ. Въ 1216 г. усобицы разрѣшились битвой на Липицѣ, близь Юрьева Польскаго. Наканунѣ битвы младшіе Всеволодовичи, подпивши, начали заранѣе дѣлить между собою Русскую землю, какъ вѣрную свою добычу. Юрій по праву старшинства, бралъ себѣ лучшее княжество, землю Ростовскую и Владимирскую, второму брату своему Ярославу онъ отдавалъ землю Новгородскую, третьему Святославу—землю Смоленскую; а кіевская земля—«ну, эта земля пускай пойдетъ кому-нибудь изъ черниговскихъ».

Рядомъ съ этимъ пренебреженіемъ въ суздальскомъ обществѣ замѣтны признаки мѣстнаго самомнѣнія, гордости, вызванной успѣхами суздальскихъ князей Андрея и Всеволода. На томъ же пиру передъ битвой одинъ старый бояринъ сталъ уговаривать младшихъ братьевъ помириться со старшимъ, котораго поддерживаетъ такой храбрый союзникъ, какъ Мстиславъ Удалой. Другой бояринъ, выпивши, сталъ возражать на то, говоря князьямъ: «не бывало того ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобы кто-нибудь вошелъ ратью въ сильную землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣлъ, хотя бы тутъ собралась вся земля Русская, и галицкая, и кіевская, и смоленская, и черниговская, и новгородская, и рязанская; никакъ имъ не устоять противъ нашей силы. А эти-то полки,—да мы ихъ сѣдлами закидаемъ».

Изучая исторію Суздальской земли съ половины XII в., мы на каждомъ шагу встрѣчали новые неожиданные факты. Эти факты, развиваясь двумя параллельными рядами, создали Суздальской области небывалое положеніе въ Русской землѣ; одни изъ нихъ измѣняли ея отношеніе къ прочимъ русскимъ областямъ, другіе ея внутренній складъ. Перечислимъ еще разъ тѣ и другіе факты. Сначала князья стараются отдѣлить отъ великокняжескаго званія владѣніе Суздальской землей, выводя ее изъ круга земель, владѣемыхъ по очереди старшинства, и дѣлаютъ первую попытку замѣнить родственное полюбовное соглашеніе обязательнымъ подчиненіемъ младшихъ князей старшему, какъ подручниковъ своему государю. По смерти Андрея въ Суздальской землѣ падаетъ политическое

значеніе руководящихъ классовъ мѣстнаго общества, княжеской дружины и высшаго городского купечества. Въ княженіе Всеволода эта область пріобрѣтаетъ рѣшительное преобладаніе надъ всей Русской землей. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея князьяхъ и обществѣ обнаруживается равнодушіе къ Кіеву, отчужденіе отъ кіевской Руси. Это значитъ, что порвались внутреннія связи, которыми прежде соединялась сѣверовосточная окраина Русской земли съ ея старымъ центромъ, съ Кіевомъ. Всѣ эти факты суть прямыя или косвенныя послѣдствія русской колонизаціи Суздальской земли.

Новый порядокъ княжескаго владѣнія въ потомствѣ Всеволода III.

Обращаясь къ явленіямъ, слѣдовавшимъ за смертью Всеволода, встрѣчаемъ новый фактъ, можетъ быть, болѣе важный, чѣмъ всѣ предыдущіе. Порядокъ княжескаго владѣнія въ старой кіевской Руси держался на очереди старшинства. Распоряженіе Всеволода, снявшаго старшинство со старшаго сына и перенесшаго его на второго, показываетъ, что старшинство здѣсь утративъ свой прежній характеръ, получило условное значеніе. Всматриваясь во владѣльческія отношенія потомковъ Всеволода, мы замѣчаемъ, что въ Суздальской землѣ утверждается новый порядокъ княжескаго владѣнія, не похожій на прежній. Изучая исторію возникновенія этого порядка, мы забудемъ на нѣкоторое время, что прежде чѣмъ сошло со сцены первое поколѣніе Всеволодовичей, Русь была завоевана татарами (сѣверная въ 1237—38 г. южная въ 1239—40 гг.). Явленія, которыя мы наблюдаемъ въ Суздальской землѣ послѣ этого разгрома, послѣдовательно, безъ перерыва развиваются изъ условій, начавшихъ дѣйствовать еще до разгрома, въ XII в. Кіевъ окончательно падаетъ послѣ татарскаго нашествія. Владиміръ на Клязьмѣ для потомковъ Всеволода заступаетъ мѣсто Кіева въ значеніи политическаго центра Руси, оставляя за Кіевомъ, и то лишь на нѣкоторое время, только значеніе центра церковно-административнаго.

На владимірскомъ столѣ Всеволодовичи большею частью чередуются въ прежнемъ порядкѣ старшинства. Когда Мстиславъ Торопецкій возстановилъ отнятое Всеволодомъ старшинство его старшаго сына Константина, на Владимірскомъ столѣ видимъ сначала Константина, потомъ Юрія, потомъ третьяго Всеволодовича, Ярослава, наконецъ, четвертаго—Святослава, — все по очереди старшинства. Эта очередь держится и въ поколѣніи Всеволодовыхъ внуковъ, сыновей Ярослава Всеволодовича. Сначала княжитъ во Владимірѣ Александръ Невскій, потомъ Ярославъ Тверской и, наконецъ, Василій Костромскій (1276 г.). Значитъ, до послѣдней четверти XIII в. владимірскій столъ занимается по очереди старшинства; бывали отступленія отъ этого порядка, но и ихъ не болѣе, чѣмъ сколько было въ старой кіевской Руси.

Рядомъ со старшей, Владимірской областью, переходящей изъ рукъ въ руки по очереди старшинства, въ Суздальской землѣ видимъ нѣсколько младшихъ волостей, владѣемыхъ младшими Всеволодовичами. Во владѣніи этими младшими волостями устанавливается новый поря-

докъ, какого мы не видѣли на югѣ. Здѣсь не дѣйствуетъ *очередь* старшинства; младшія волости наслѣдуются *по завѣщанію* и переходятъ обыкновенно отъ отца къ сыну, а отъ сына къ внуку и т. д. въ прямой нисходящей, а не въ ломанной боковой линіи, (отъ старшаго брата къ младшему, отъ послѣдняго къ сыну перваго и т. д.). Этотъ новый порядокъ владѣнія устанавливается уже при первомъ поколѣніи Всеволодовичей. Такимъ образомъ, измѣняется юридическій характеръ мдадшихъ княжескихъ волостей. Это не части Русской земли, составляющія общее достояніе всего княжескаго рода, эта отдѣльная собственность, личное достояніе извѣстнаго князя, передаваемое имъ сыну, или кому-либо по завѣщанію. Съ измѣненіемъ юридическаго характера волости, является для нея и новое названіе. Княжескія волости старой кіевской Руси назыв. обыкновенно «волостями» или «землями»; младшія княжества на сѣверѣ, переходящія по завѣщанію отъ отца къ сыну, съ XIII в. начинаютъ назыв. «удѣлами». Этотъ порядокъ въ отличіе отъ прежняго очереднаго, мы и будемъ называть «*удѣльнымъ*». Развитіе этого удѣльнаго порядка владѣнія въ XIII и XIV вв. обозначались цѣлымъ рядомъ новыхъ явленій. 1) Княжеское владѣніе перестаетъ быть подвижнымъ, князья становятся усидчивѣе въ своихъ удѣльныхъ городахъ, не покидая ихъ даже тогда, когда по очереди старшинства имъ достается великокняжескій владимирскій столъ. 2) Князь старой кіевской Руси, временно владѣвшій той или другой волостью, не имѣлъ побужденія заботиться о расширеніи ея предѣловъ; князь сѣверный XIII в., владѣвшій своимъ удѣломъ наслѣдственно, старался расширить его границы, передать дѣтямъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ какихъ получилъ отъ отца; отсюда среди сѣверныхъ князей развилось стремленіе къ «промысламъ», къ земельнымъ пріобрѣтеніямъ, которыя тогда получили характеръ земельнаго хищничества. Каждый смѣлый князь XIII—XIV вв. непремѣнно старается что-нибудь захватить отъ сосѣдняго удѣла. 3) Князь старой кіевской Руси не могъ передавать своей волости сыну, если она не слѣдовала ему по очереди старшинства; сѣверный князь XIII—XIV вв. передаетъ свой удѣлъ наслѣдникамъ по завѣщанію и, за отсутствіемъ сыновей, могъ отказать его не только женѣ и дочери, но и стороннему князю *). 4) Удѣльный порядокъ владѣнія обозначался постепеннымъ измельченіемъ удѣловъ. Въ старой кіевской Руси земля дѣлилась на части по числу наличныхъ взрослыхъ князей; въ каждомъ поколѣніи Русская земля передѣлялась между князьями. Теперь, съ исчезновеніемъ очереднего порядка, прекратились и эти княжескіе передѣлы. Члены княжеской линіи, слишкомъ размножившіеся, не имѣли возможности за-

*) Въ XIII и XVI вв. найдемъ примѣры каждой изъ такихъ передачъ. Въ 1249 г. умеръ ярославскій князь Василій Всеволодовичъ, правнукъ Всеволода III. Послѣ него осталась одна дочь, княжна Марія. Въ это самое время смоленскія князья при раздѣлѣ вотчины обидѣли младшаго брата Феодора Можайскаго. Князь Ѳеодоръ ушелъ въ Ярославль, женился здѣсь на сиротѣ и вмѣстѣ съ ея рукою получилъ ярославское княжество, сдѣлавшись, такимъ образомъ родоначальникомъ новой ярославской линіи. Переяславскій уѣздъ послѣ Ярослава Всеволодовича переходилъ, преимущественно изъ рукъ отцовъ къ старшимъ сыновьямъ. Въ 1302 году умеръ бездѣтный Переяславскій князь Иванъ Димитріевичъ; онъ завѣщалъ свой удѣлъ сосѣду своему, князю московскому Даніилу. Великій князь Симеонъ Гордый, умирая въ 1353 году, весь свой удѣлъ отказалъ женѣ.

нимать свободные столы въ другихъ княжествахъ и должны были все болѣе дробить свою вотчину. Благодаря этому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ княжескіе удѣлы распадались между наслѣдниками на микроскопическія части, и удѣльные князья по своей внѣшней обстановкѣ и размѣрамъ владѣній приближались къ мелкимъ вотчинникамъ XVI—XVII вв.

Это удѣльное дробленіе, продолжавшееся на сѣверѣ до XVI в., было важнымъ обстоятельствомъ, помогшимъ политическому объединенію Руси. Я сдѣлаю краткій обзоръ этихъ удѣльныхъ дробленій, ограничиваясь лишь двумя первыми поколѣніями Всеволодовичей.

Обзоръ удѣльнаго раздробленія верхне-волжской Руси.

По смерти Всеволода, его верхне-волжская вотчина распалась на пять частей. При старшемъ, владимирскомъ, княжествѣ, составившемъ общее достояніе Всеволодова племени, явилось 4 удѣла: ростовскій, переяславскій, юрьевскій со стольнымъ городомъ Юрьевымъ въ Полѣ и стародубскій на Клязьмѣ. Когда внуки Всеволода стали на мѣсто отцовъ, Суздальская земля раздѣлилась на слѣдующія части. Владимирское княжество продолжало наслѣдоваться по очереди старшинства; но изъ него выдѣлились 3 новыхъ удѣла: суздальскій, костромской и московскій. Ростовское княжество также распалось на части; изъ него выдѣлялись младшіе удѣлы ярославскій и углицкій. Переяславскій удѣлъ также распался на части; рядомъ со старшимъ удѣломъ переяславскимъ возникли два новые, изъ него выдѣлившіеся: тверской и дмитрово-галицкій. Только княжество юрьевское и стародубское остались нераздѣленными, ибо первые ихъ князья оставили лишь по одному сыну. Итакъ, Суздальская земля, распавшаяся при дѣтяхъ Всеволода на пять частей, раздробилась при внукахъ его на 12 частей. Въ такой же прогрессіи шло удѣльное дробленіе и въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ Всеволодова племени. Для наглядности я пересчитаю вамъ части, на которыя потомъ распались два удѣльныхъ княжества, ростовское и ярославское.

Изъ Ростовскаго княжества сначала, какъ мы сказали, выдѣлились удѣлы Ярославскій и Углицкій, но потомъ и остальное Ростовское княжество распалось еще на двѣ половины—Ростовскую собственно и Бѣлозерскую. Въ продолженіи XIV и XV вв. бѣлозерская половина, въ свою очередь, распадается на такіе удѣлы: кемскій, согорскій, ухтомскій, шелешпанскій, андожскій, вадбольскій и др. Ярославское княжество въ продолженіи XIV и XV вв. также подраздѣлилось на удѣлы, именно: на моложскій, сицкой, заозерскій на сѣверо-восточномъ берегу Кубенскаго озера и на кубенскій, рядомъ съ предыдущимъ, на курбскій, новленскій, юхотско-бохтюжскій и др. Какъ вы можете видѣть по названіямъ этихъ удѣловъ, большая часть ихъ была небольшими округами заволжскихъ рѣчекъ: Кемы, Ухтомы, Ладоги, Курбы и т. д.

Слѣдя за ходомъ этого удѣльнаго дробленія, повторившагося и въ сосѣднихъ княжествахъ, рязанскомъ, нижегородскомъ и смоленскомъ, мы чувствуемъ, что присутствуемъ при глубокой перемѣнѣ жизни, что княжескія отношенія сходятъ со стараго основанія и становятся на новое. Въ старой кіевской Руси владѣльческое положеніе

князя зависѣло отъ его генеалогическаго положенія среди родственниковъ: чѣмъ выше стоялъ князь на лѣстницѣ старшинства, тѣмъ лучше была волость, которая ему доставалась. Княжескій родъ XII в. представлялъ подвижную лѣстницу старшинства, ступени которой были живыя лица. На сѣверѣ, напротивъ, значеніе князя среди родичей опредѣлялось свойствомъ удѣла, ему доставшагося: чѣмъ богаче былъ удѣлъ, тѣмъ выше становился князь среди родственниковъ, независимо отъ степени старшинства. Княжескій родъ на сѣверѣ въ XIII—XIV вв. представлялъ не лѣстницу, на ступеняхъ которой князья разстанавливались по старшинству, а безпорядочную толпу князей, въ которой одинъ князь поднимался надъ другимъ перевѣсомъ силъ, матеріальнымъ преобладаніемъ. Такимъ образомъ, *центръ тяжести въ княжескихъ отношеніяхъ на сѣверѣ перемѣстился съ лица на землю; основаніемъ ихъ, вмѣсто старшинства, стала сила, пріобрѣтаемая величиной и богатствомъ княжества*. Такова была перемѣна, произведенная удѣльнымъ порядкомъ владѣнія въ строѣ княжескихъ отношеній.

Происхожденіе удѣльнаго порядка владѣнія.

Теперь разберемъ историческое происхожденіе этого порядка. Удѣльное владѣніе слагалось изъ двухъ главныхъ княжескихъ правъ, изъ которыхъ второе было слѣдствіемъ перваго: 1) изъ права личной собственности князя на свой удѣлъ, и 2) изъ права посмертнаго распоряженія удѣломъ по завѣщанію. Исторія порядка княжескаго владѣнія на Руси представляетъ одну видимую непослѣдовательность. Въ старой кіевской Руси XII в. мысль объ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи признается за основаніе княжескихъ отношеній даже между далекими другъ отъ друга по родству князьями. Троюродные, даже четвероюродные братья въ XII в. все еще живо сознаютъ себя членами одного рода, которые должны сообща, по очереди, владѣть русской землей. На верхне-волжскомъ сѣверѣ XIII в. этой мысли о нераздѣльности владѣнія не замѣтно даже между близкими родственниками, братьями родными и двоюродными. Несмотря на близкое родство свое, Всеволодовичи спѣшатъ раздѣлить вотчину на отдѣльныя наслѣдственныя части. Какія условія вызвали такое владѣльческое обособленіе наперекоръ родственной близости князей-владѣльцевъ?

Старая кіевская Русь была цѣльнымъ краемъ, части котораго тѣсно связывались между собою связями географическими, экономическими и нравственными. Она, собственно, состояла изъ бассейна одной рѣки Днѣпра, который служилъ какъ бы становымъ хребтомъ Русской земли, а идущіе справа и слѣва притоки его были географическими ребрами. На этомъ цѣльномъ рѣчномъ скелетѣ и держался организмъ древне-русскаго общества. Теперь представимъ себѣ верхне-волжскую Русь, какою она была въ XIII ст. Край этотъ покрытъ частой сѣтью рѣкъ и рѣчекъ, идущихъ въ разныхъ направленіяхъ. Этимъ обусловливалась разбросанность населенія. Поселки, такъ сказать, вышивались по рѣчной канвѣ. Увлекаемые рѣками, поселенцы разбивались въ разныя стороны; благодаря этому, центробѣжная сила брала рѣшительный перевѣсъ, не позволяла установиться въ сѣверной Руси прочному центру, ни политическому, ни экономическому. Первые поселенцы, приходившіе въ пустынный край, прежде всего ста-

живались на высокихъ берегахъ рѣкъ; такъ по рѣкамъ вытягивались длинныя полосы жилыхъ мѣстъ, представлявшіяся островами среди лѣсовъ и болотъ. Возникшіе, такимъ образомъ, рѣчные округи отдѣлялись отъ сосѣднихъ обширными лѣсными пустынями. Такимъ образомъ, колонизація разбивала населеніе суздальской Руси на мелкіе рѣчные округа, разобщенные другъ отъ друга. Когда извѣстному удѣльному князю нужно было раздѣлить свою вотчину между наслѣдниками, эти рѣчные округа служили и для него готовыми основаніями для удѣльныхъ дѣленій и подраздѣленій. Такъ и возникали по рѣкамъ перечисленные мною мелкіе удѣлы бѣлозерскаго и ярославскаго княжествъ.

Съ другой стороны, на сѣверѣ существенно измѣнилось отношеніе князя къ управляемымъ обществамъ. Первые князья старой кіевской Руси вошли въ готовый уже общественный порядокъ, какой они тамъ застали. Правя Русской землей, они защищали ее отъ внѣшнихъ враговъ, поддерживали въ ней общественный порядокъ, опредѣляли точнѣе подробности этого порядка; но, правя этой землей, они не могли сказать, что они создали сами основаніе этого порядка, не могли назвать себя творцами управляемаго общества; въ кіевской Руси общество было старше своихъ князей. Совсѣмъ иной взглядъ воспитывался въ князьяхъ сѣверной Руси XIII и XIV вв. Первый князь каждаго удѣла заставалъ свое владѣніе большею частью пустыней, которая только-что стала заселяться. Край оживалъ на его глазахъ, глухія дебри расчищались, пришлые люди селились въ «новяхъ», заводили новые промыслы; новые доходы приливали въ княжескую казну. Всѣмъ этимъ руководилъ князь, все это онъ считалъ дѣломъ рукъ своихъ, своимъ созданіемъ. Такъ, колонизація утверждала въ цѣломъ рядѣ княжескихъ поколѣній на сѣверѣ одну и ту же мысль, производила въ нихъ одно и то же впечатлѣніе. Юрій Долгорукій началъ строить Суздальскую землю, сынъ его Андрей продолжалъ работу отца. Недаромъ онъ хвастался, что населилъ Суздальскую землю городами и большими селами, сдѣлалъ ее многолюдной. Припоминая работу отца и свои собственныя усилія, онъ по праву могъ сказать, что это онъ съ отцомъ сдѣлали суздальскую Русь, устроили въ ней общество. Мысль—эта *мое*, потому что мною пріобрѣтено, мною сдѣлано—вотъ то впечатлѣніе, которое производила на первыхъ князей верхне-волжской Руси колонизація. Эта мысль и легла въ основаніе понятія объ удѣлѣ, какъ личной собственности князя.

Итакъ, удѣльный порядокъ владѣнія былъ созданъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ природы страны и ея колонизаціи. 1) Благодаря физическимъ особенностямъ верхне-волжской Руси, колонизація выводила здѣсь мелкіе рѣчные округа, разобщенные между собою обширными лѣсными пустынями. Эти географическіе округа и служили готовымъ основаніемъ политическаго дѣленія, т. е. удѣльнаго дробленія. Сѣверные удѣлы—это рѣчные бассейны. 2) Благодаря колонизаціи, первому князю каждаго удѣла доставалось не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыня, которую онъ заселялъ и устраивалъ въ общество. Мысль о князѣ, наличномъ собственникѣ удѣла, была юридическимъ послѣдствіемъ значенія князя заселителя и устроителя своего удѣла. Такъ объясняю я историческое происхожденіе удѣльнаго порядка.

Послѣдствія удѣльнаго порядка.

Теперь обратимся къ его послѣдствіямъ. Эти послѣдствія обнаруживаются явственно уже съ XIV столѣтія. Первымъ изъ нихъ было объединеніе большой части измельчавшихъ удѣльныхъ князей. По мѣрѣ размноженія нѣкоторыхъ княжескихъ линій, наслѣдники получали отъ своихъ отцовъ все болѣе мелкія части своихъ фамильныхъ вотчинъ. При тогдашнихъ тяжелыхъ условіяхъ княжескаго владѣнія, внѣшнихъ и внутреннихъ, при неустановившихся еще отношеніяхъ народнаго хозяйства, это постоянное удѣльное дробленіе дѣлало удѣльнаго князя все болѣе бѣднымъ землевладѣльцемъ. Въ памятникахъ XIV и XV вв. иной удѣльный князь является передъ нами въ обстановкѣ, не богаче той, которой окружены были посредственные вотчинники XVII в.

Къ числу ярославскихъ удѣловъ принадлежало и упомянутое мною заозерское княжество на берегу Кубенскаго озера. Въ началѣ XV ст. этимъ княжествомъ владѣлъ князь Димитрій Васильевичъ. Одинъ изъ сыновей этого князя удалился на каменный островъ Кубенскаго озера въ здѣшній монастырь и сдѣлался инокомъ подъ именемъ Іосафа. Въ древнемъ житіи этого князя-инока мы встрѣчаемъ изобразительную картину, рисующую намъ столицу его отца, заозерскаго князя. Столица эта состояла изъ одинокаго княжескаго двора, недалеко отъ впаденія рѣки Кубени въ озеро. Близь этой княжеской усадьбы стояла церковь во имя Димитрія Солунскаго, очевидно, этимъ же княземъ и построенная въ честь своего ангела, а поодаль была «Весь Чиркова», которая служила приходомъ къ этой церкви. Вотъ и вся резиденція удѣльнаго державца начала XV в.

Далѣе, удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія, по самому характеру, вносилъ взаимное отчужденіе въ среду князей. Счеты и споры о старшинствѣ, о порядкѣ владѣнія по очереди старшинства, устанавливали тѣсную солидарность между князьями старой кіевской Руси. Тамъ всѣ отношенія держались на томъ, кто изъ князей доводится другому. Отсюда привычки прежнихъ князей дѣйствовать сообща: даже вражда изъ-за чести старшинства больше соединяла, чѣмъ разобщала тогдашнихъ князей. Въ средѣ удѣльныхъ князей, напротивъ, никому не было дѣла до другого. При отдѣльности владѣнія, между ними не существовало и общихъ интересовъ. Здѣсь каждый жилъ замкнуто въ своемъ удѣлѣ и вспоминалъ о другомъ лишь тогда, когда тотъ угрожалъ ему, или когда представлялся случай обобрать его. Это взаимное разобщеніе князей сдѣлало ихъ неспособными къ прочнымъ политическимъ союзамъ; княжескіе съѣзды, столь частые въ XII в., стали рѣдки въ XIII и XIV вв.

Наконецъ, удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія сопровождался одичаніемъ князей, упадкомъ въ нихъ земскаго сознанія и гражданскаго чувства. Сѣверные князья менѣе воинственны сравнительно съ своими южными предками, но они варвары не менѣе тѣхъ. Тяжелыя внѣшнія обстоятельства, вмѣстѣ съ чувствомъ удѣльнаго одиночества, съ наибольшей силой развивали въ князьяхъ инстинктъ самосохраненія, и каждый князь дѣйствуетъ во имя этого инстинкта. Такой ихъ характеръ и образъ дѣйствій дѣлаетъ для насъ понят-

нымъ и тѣ увѣщанія, съ которыми къ нимъ обращались современные лѣтописцы, уговаривали ихъ не плѣняться суетной славой сего вѣка, не лукавить другъ съ другомъ, не отнимать чужого, не обижать меньшихъ родичей. Этотъ упадокъ гражданскаго чувства сопровождался охлажденіемъ мѣстныхъ удѣльныхъ обществъ къ своимъ князьямъ.

Всѣ эти послѣдствія имѣли важное значеніе для дальнѣйшей политической исторіи сѣверной Руси; они постепенно подготовляли благопріятныя условія для ея политическаго объединенія. Когда изъ среды этихъ удѣльныхъ князей поднялся одинъ сильный владѣлецъ, онъ, во-первыхъ, не встрѣтилъ съ ихъ стороны дружнаго отпора своимъ объединительнымъ стремленіямъ, боролся съ ними одинъ на одинъ, пользуясь ихъ взаимнымъ отчужденіемъ, непривычкой дѣйствовать соединенными силами; съ другой стороны, онъ князь, встрѣтилъ въ удѣльномъ населеніи полное равнодушіе къ своимъ обѣднѣвшимъ и одичавшимъ властителямъ и, убирая ихъ одинъ за другимъ, не вызвалъ этимъ въ мѣстныхъ обществахъ дружнаго возстанія за нихъ. Такимъ образомъ, *удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія послужилъ переходомъ къ государственному объединенію сѣверной Руси.*

Экономическія и политическія условія возвышенія московскаго княжества.

Я сейчасъ указалъ на значеніе удѣльнаго порядка въ исторіи политическаго развитія сѣверной Руси. Удѣльный порядокъ былъ переходной политической формой, черезъ которую Русь перешла отъ единства народнаго, завязавшагося еще въ XII ст. къ единству государственному. Исторія этого перехода есть исторія превращенія удѣльнаго княжества московскаго въ Россійское государство. Мы обращаемся теперь къ изученію судьбы этого княжества.

Первыя извѣстія о Москвѣ ставятъ ее въ число новыхъ городовъ Суздальской земли, возникшихъ въ княженіе Юрія Долгорукаго. Замѣчательно, что этотъ городокъ впервые упоминается, какъ пограничный пунктъ между княжествами сѣвернымъ суздальскимъ и южнымъ черниговскимъ. Сюда въ 1147 г. Юрій Долгорукій пригласилъ на свиданіе своего сосѣда по владѣнію и союзника, черниговскаго князя Святослава Ольговича. Такъ, Москва возникла на перепутьи между днѣпровскимъ югомъ и верхне-волжскимъ сѣверомъ, гдѣ всего удобнѣе было свидѣться князьямъ-сосѣдямъ. Такимъ пограничнымъ городкомъ Суздальскаго края Москва остается и долго послѣ. Я разсказывалъ о шумной усобицѣ, возникшей по смерти Андрея Боголюбскаго между его младшими братьями и племянниками. Восторжествовавъ надъ послѣдними, князья-дяди, Михаилъ и Всеволодъ, въ 1174 г. вызвали изъ Чернигова укрывавшихся тамъ своихъ женъ. Провожать княгинь поѣхалъ сынъ черниговскаго князя, Олегъ; онъ довезъ княгинь до Куцкова, т. е. «до Москвы», какъ поясняетъ лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ, и воротился отсюда въ свою волость Лопасню. Лопасня—село верстахъ въ 70 отъ Москвы по дорогѣ въ Серпуховъ. Такъ близко подходила къ Москвѣ тогдашняя граница черниговскаго княжества. Москва еще въ XII ст., какъ видно изъ этого извѣстія, носила другое, болѣе раннее названіе «*Куцкова*», данное

ей мѣстнымъ вотчинникомъ, ростовскимъ тысяцкимъ, временъ Юрія Долгорукаго, бояриномъ Степаномъ Кучкой. Около этого городка раскинуты были села и деревни, принадлежавшія этому боярину.

Положеніе городка Москвы опредѣлило его дальнѣйшую судьбу. Какъ городъ новый и притомъ далекій отъ суздальскихъ центровъ, Ростова и Владиміра, Москва позже другихъ городовъ могла стать стольнымъ городомъ особаго княжества; притомъ, она должна была достаться младшему князю. Дѣйствительно, въ продолженіе большей части XIII в. въ Москвѣ не замѣтно постояннаго княженія; князья являются здѣсь лишь отъ времени до времени, и все это были младшіе сыновья своихъ отцовъ. Сначала сидѣлъ здѣсь нѣкоторое время одинъ изъ младшихъ Всеволодовичей, Владиміръ; послѣ чего встрѣчаемъ здѣсь другого Владиміра, одного изъ сыновей великаго князя Юрія Всеволодовича. Потомъ появился въ Москвѣ младшій сынъ Ярослава Всеволодовича, Михаилъ Хоробритъ. Наконецъ, не раньше послѣдней четверти XIII в. Москва досталась младшему сыну Александра Невскаго, Даніилу. Съ тѣхъ поръ здѣсь велся свой княжескій домъ, родоначальникомъ котораго, основателемъ особаго московскаго удѣла, сталъ Даніилъ.

Таковы первыя извѣстія о Москвѣ. Судя по нимъ, трудно было угадать дальнѣйшую политическую судьбу этого города. Судьба его представлялась загадочной и неожиданной и позднѣйшимъ поколѣніямъ русскаго общества. Люди XVII в., задавая себѣ вопросъ, какимъ образомъ Москва поднялась такъ быстро и сдѣлалась политическимъ средоточіемъ сѣверной Руси, не могли отдать себѣ отчета въ этомъ явленіи; быстрый политическій ростъ Москвы представляется для нихъ исторической загадкой. Это отразилось въ одномъ народномъ сказаніи, предметомъ котораго служитъ первоначальная судьба этого города. Одно изъ этихъ сказаній, записанное уже въ XVII ст. начинается приблизительно такими словами: «Кто думалъ, гадалъ, что Москвѣ царствомъ быти, и кто же зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти? Стояли на Москвѣ-рѣкѣ села красныя боярина Хорошаго, Кучки Степана Ивановича». Вы видите, что записанное книжникомъ народное сказаніе еще сохранило остатки размѣренной рѣчи, былиннаго стиха. Причина этой загадочной исторіи Москвы лежитъ въ томъ, что историческіе памятники отмѣтили далеко не первые моменты его роста, а лишь крупные внѣшніе успѣхи, которыхъ она достигла только съ теченіемъ времени. Но уцѣлѣли косвенныя силы, работавшія надъ подготовкой дальнѣйшихъ успѣховъ московскаго княжества съ первыхъ минутъ его существованія. Я изложу главныя причины этихъ успѣховъ. *Причины эти заключаются, прежде всего, въ географическомъ положеніи города и края.* Это положеніе было источникомъ сравнительно болѣе густой населенности края. Москва возникла на рубежѣ между южной днѣпровской и сѣверной верхне-волжской Русью. Это былъ первый край, въ который попадали колонисты въ своемъ движеніи, переваливъ за рѣку Угру; первый привалъ ихъ, гдѣ осаживалась наибольшая масса пришельцевъ. Блѣдные слѣды прилива этой колонизаціи въ московскій край находимъ мы и въ старыхъ преданіяхъ. Читая старинныя родословныя московскихъ бояръ, вы встрѣтите во главѣ большей части ихъ однообразно повторяющееся сказаніе. Съ конца XIII в. родоначальники боярскихъ фамилій, процвѣтавшихъ

впослѣдствіи, собираются въ Москву со всѣхъ сторонъ, изъ Нижняго, изъ Ростова, Мурома, Чернигова, Смоленска, даже изъ Кіева и съ Волыни. Это генеалогическое сказаніе, повторяющееся въ родословныхъ разныхъ фамилій, можно считать лишь отголоскомъ движенія, шедшаго тогда не только въ высшихъ, но и въ низшихъ классахъ общества. Въ Москву, какъ въ центральный водоемъ, со всѣхъ сторонъ стекались народныя силы, благодаря географическому положенію края. Москву обыкновенно считаютъ географическимъ центромъ Европейской Россіи. Если взять Европейскую Россію въ ея нынѣшнихъ предѣлахъ, это мнѣніе окажется не вполмѣ точнымъ, для того, чтобы быть дѣйствительнымъ центромъ Европейской Россіи, Москвѣ слѣдовало бы стоять нѣсколько восточнѣе и нѣсколько южнѣе. Но, надо представить себѣ, какъ размѣщена была масса русскаго населенія въ центральной Руси въ XIII и XIV вв. Колонизація сбивала это населеніе въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Населеніе долго задерживалось здѣсь насильственно, не имѣя возможности выходить отсюда ни въ какую сторону. Распространенію поселенцевъ на сѣверъ за Волгу мѣшало усиленное поперечное движеніе новгородской колонизаціи, пугавшей мирныхъ поселенцевъ разбойничьими ватагами, которыя распространяли предѣлы Новгородской земли на востокъ отъ Новгорода. Лѣтописныя преданія XIII и XIV вв. говорятъ объ удалыхъ шайкахъ новгородскихъ ушкуйниковъ, разбойничавшихъ по Волгѣ и ея верхнимъ сѣвернымъ притокамъ. На сѣверо-востокъ, востокъ и югъ колонизація изъ центральнаго междурѣчья долго не распространялась успѣшно, встрѣчая отпоръ со стороны мордвы, татаръ и разбойничавшихъ за Волгой вятчанъ; а на западѣ въ XIV в. стояла уже объединившаяся Литва, готовясь къ своимъ первымъ сильнымъ нападеніямъ на центральную Русь. Такъ принесенное колонизаціей русское населеніе долго было сперто въ междурѣчьи Оки и верхней Волги. Москва и возникла въ срединѣ этого пространства, сравнительно густо заселеннаго, гдѣ населеніе долго скоплялось и насильственно задерживалось. Москву, слѣдовательно, можно считать, если не географическимъ, то этнографическимъ центромъ Руси, какъ размѣщена была эта Русь въ XIII и XIV вв.

Благодаря своему центральному положенію, Москва была со всѣхъ сторонъ прикрыта отъ внѣшнихъ враговъ; внѣшніе удары падали на сосѣдей Москвы, на княжества рязанское, нижегородское, ростовское, ярославское, смоленское, и рѣдко достигали Москвы. Съ конца XIII ст. и въ продолженіи части XIV Москва была едва ли не единственнымъ краемъ на Руси, не испытавшимъ опустошительныхъ внѣшнихъ нашествій. *Это сравнительно болѣе безопасное положеніе края дѣлало его убѣжищемъ для окраиннаго населенія, всюду страдавшаго отъ внѣшнихъ нападеній: а это скопленіе населенія въ краѣ обогащало мѣстнаго князя, увеличивая количество его податныхъ плательщиковъ.* Таковы были причины сравнительно густой населенности края, увеличивавшія доходы мѣстнаго князя.

Географическое положеніе княжества заключало въ себѣ еще одно условіе, содѣйствовавшее его промышленнымъ успѣхамъ. Московскій край съ юго-востока на сѣверо-западъ діогонально перерѣзывается рѣкою Москвой. Эта рѣка въ старое время была важной торговой дорогой, по которой ходили торговыя суда. Низовьями своими рѣка

Москва связываетъ городъ и края съ бассейномъ Оки, а верховьями своими близко подходитъ къ верхней Волгѣ, связывая, такимъ образомъ, новгородскій сѣверо-западъ съ волжскимъ юго-востокомъ. Остались слѣды, указывающіе на важное торговое значеніе—рѣки Москвы въ старое время. На перевалѣ изъ верхней Волги въ рѣку Москву новгородцы очень рано построили складочный пунктъ. Волокъ на Ламѣ (городъ Волоколамскъ). Этотъ Волокаламскъ былъ отдаленной юго-восточной колоніей Новгорода. Это *торговое транзитное движеніе по рѣкѣ Москвѣ вовлекло край въ новые промышленные обороты и давало мѣстному князю обильныя матеріальныя средства въ видѣ торговыхъ пошлинъ.*

Таковы были благопріятныя экономическія условія, созданныя географическимъ положеніемъ города и края; но изъ того же положенія Москвы выходилъ и рядъ важныхъ политическихъ послѣдствій. Москва по своему положенію въ Суздальской землѣ, какъ городъ новый и окраинный, должна была достаться одному изъ младшихъ князей Всеволодова племени. Младшій князь не могъ питать надежды дожить до старшинства и занять старшій, великокняжескій столъ. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи безправнаго князя среди родичей и долженъ былъ обезпечивать свою судьбу иными средствами, независимо отъ преданій старины, отъ очереди старшинства. Московскіе князья съ первыхъ своихъ шаговъ начали дѣйствовать въ этомъ направленіи, начали пользоваться обстоятельствами, не обращая вниманія на счеты старшинства. Прежде всего, они являются зоркими наблюдателями того, что происходитъ вокругъ нихъ, того, что лежитъ плохо, и прибираютъ это къ своимъ рукамъ. Первые московскіе князья выступаютъ смѣлыми хищниками. Недаромъ одинъ изъ этихъ князей, Михаилъ Ярославичъ, перешелъ въ потомство съ прозвищемъ Хоробрита, т. е. забіяки. Онъ въ 1248 г. врасплохъ напалъ на своего дядю, великаго князя Святослава, и, вопреки всякому праву согналъ его съ Владимірскаго стола. Въ 1303 г. сынъ Даніила, Юрій, нечаянно напалъ на своего сосѣда, можайскаго князя, взялъ его въ плѣнъ и отхватилъ отъ смоленскаго княжества городъ Можайскъ. Еще раньше отецъ его сдѣлалъ такое же нечаянное нападеніе на другого сосѣда, рязанскаго князя Константина, «нѣкоею хитростью», т. е. обманомъ, взялъ его въ плѣнъ и привелъ въ Москву. Юрій убилъ этого плѣнника и оторвалъ отъ рязанскаго княжества Коломну.

Московскіе князья—враги всякаго великаго князя, кто бы онъ ни былъ, Даніилъ всю свою жизнь боролся съ великими князьми, особенно съ Дмитріемъ Александровичемъ Переяславскимъ, своимъ старшимъ братомъ. Но, по смерти Димитрія онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ его добрымъ сыномъ, бездѣтнымъ Иваномъ Димитріевичемъ, и послѣдній, умирая въ 1302 г., завѣщалъ свой удѣлъ московскому своему сосѣду, помимо старшихъ своихъ родичей. Такъ, повидимому, самая почва Москвы питала въ ея князьяхъ неуваженіе къ старшинству, презрѣніе къ роднымъ преданіямъ. Но враги старшинства, московскіе князья были гибкими и сообразительными политиками. Какъ скоро измѣнялись обстоятельства, и они измѣнили свой образъ дѣйствій. Потрясеніе, произведенное на сѣверѣ татарскимъ погромомъ въ продолженіи XIII в., вносило страшный хаосъ въ народное хозяйство на сѣверѣ; но въ XIV в. отношенія стали укладываться, народное хо-

зяйство приходитъ въ нѣкоторый порядокъ. Съ тѣхъ поръ и московскіе князья превращаются въ мирныхъ хозяевъ-промышленниковъ. Они заботливо устраиваютъ свой удѣлъ, заводятъ въ немъ правильный хозяйственный порядокъ. Рядъ ихъ духовныхъ грамотъ, идущихъ отъ второго Даніилова сына, Ивана Калиты, живо рисуетъ это хозяйственное домостроительство князей. Они перезываютъ людей со стороны, толпами покупаютъ русскихъ плѣнниковъ въ Ордѣ, сажаютъ ихъ на свои московскіе пустыри, заводятъ поселки и слободы, даютъ щедрыя льготы поселенцамъ. Въ каждой слѣдующей духовной грамотѣ являются новыя села, деревни и слободы, о которыхъ еще не говоритъ предшествующая грамота. Сѣверное русское населеніе привыкло считать московское княжество образцовымъ удѣломъ, московскаго князя образцовымъ хозяиномъ. Слѣды этого взгляда сохранились въ одномъ памятникѣ половины XV в. Это сухой генеалогическій перечень князей, начиная отъ Рюрика. Здѣсь мы читаемъ, между прочимъ, что Всеволодъ Большое Гнѣздо родилъ Ярослава; Ярославъ родилъ Александра великаго, храбраго, Александръ — Даніила московскаго, а Даніилъ—Ивана Калиту, «иже исправи землю Русскую отъ татей». Слѣдовательно, Иванъ Калита перешелъ въ потомство съ значеніемъ князя, который первый водворилъ въ своей землѣ общественную безопасность, вывелъ изъ нея воровъ.

Такъ московскіе князья, благодаря своему генеалогическому положенію, какъ младшіе безправные князья, рано стали вырабатывать своеобразную политику, которая не держалась на преданіяхъ и привычкахъ старины, а приноравливалась къ обстоятельствамъ минуты и наличнымъ средствамъ. Помощью этой политики московскіе князья XIV в. достигаютъ важныхъ политическихъ результатовъ.

Политическіе и національные успѣхи московскихъ князей до половины XV вѣка.

Мы начали изучать условія роста удѣльнаго московскаго княжества въ XIV в. Я доказывалъ, что этихъ условій было два: 1) географическое и этнографическое положеніе московскаго края; 2) генеалогическое положеніе его князей. Первое изъ этихъ условій сопровождалось послѣдствіями экономическими, которыя давали въ руки московскимъ князьямъ богатыя хозяйственныя средства для дѣйствія, а второе условіе указало имъ, какъ всего выгоднѣе пустить въ оборотъ эти средства, помогло выработать своеобразную политику, основанную не на преданіяхъ старины, не на родственныхъ или какихъ-нибудь иныхъ воспоминаніяхъ, а на разсчетливомъ соображеніи обстоятельствъ минуты. Пользуясь этими средствами и держась такой политики, московскіе князья въ XIV в. достигли ряда важныхъ политическихъ успѣховъ. Я перечислю ихъ.

I. Благодаря своимъ средствамъ и своему образу дѣйствій, московскіе князья постепенно выводили свое княжество изъ первоначальныхъ тѣсныхъ его предѣловъ. Въ самомъ началѣ XIV в. на сѣверѣ не было болѣе миніатюрнаго удѣла, чѣмъ московскій; онъ не обнималъ даже нынѣшней Московской губ. Къ числу его первона-

чальныхъ владѣній не принадлежали Дмитровъ, Клинъ, Волоколамскъ, Можайскъ, Коломна, Верея. Даже послѣ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Юріемъ, московскій удѣлъ былъ еще очень незначителенъ. Въ первой своей духовной грамотѣ, составленной около 1328 г., Иванъ Калита перечисляетъ всѣ свои вотчинныя владѣнія; онъ называетъ лишь пять или шесть городовъ: Москву, Можайскъ, Коломну, Звенигородъ, Серпуховъ и Рузу (если только Руза была въ то время городомъ) и 51 сельскую волость, среди которыхъ разбросаны были 42 дворцовыхъ княжескихъ села. Вотъ весь удѣлъ Ивана Калиты въ минуту, когда онъ сталъ великимъ княземъ. Но у московскаго князя были свободныя деньги, а тяжелыя условія тогдашняго землевладѣнія приготовили ему множество земельныхъ продавцевъ (простыхъ землевладѣльцевъ, даже князей), старавшихся развязаться со своими владѣніями. Московскіе князья усердно скупали продававшіяся дешево земли у митрополита, у приходскихъ церквей и монастырей, у бояръ и другихъ частныхъ лицъ. Эти земли, села и деревни покупали московскіе князья не только въ своемъ, но и въ чужихъ удѣлахъ. Ихъ земельная стяжательность не ограничивалась покупкою селъ и деревень; уже Иванъ Калита купилъ три удѣльныхъ города съ округами (Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ).

Преемники Ивана Калиты также десятками пріобрѣтали села, даже города. Рядомъ съ полюбовными сдѣлками у нихъ идутъ уже и насильственные захваты. Московскій князь платилъ деньги хану за какое-нибудь княжество, ему не принадлежащее, и потомъ, съ помощью татаръ, выгонялъ владѣльца изъ его вотчины. Такъ, преемникъ Димитрія Донского, великій князь Василій, купилъ въ Ордѣ Тарусу, Муромъ и цѣлое нижегородское княжество. Эти пріобрѣтенія въ продолженіе XIV—XV вв. значительно расширили московское княжество. При Иванѣ Калитѣ, судя по его духовной, московскій удѣлъ далеко не заключалъ въ себѣ и 500 кв. м. (какъ извѣстно, вся Московская губ. содержитъ только 590 кв. м.) Разсчитывая пространство московскихъ владѣній, перечисленное въ духовной великаго князя Василія Темнаго (1462 г.), можно утвердительно сказать, что территорія московскаго княжества простиралась тогда, по меньшей мѣрѣ, на 15000 кв. м. Такъ въ половинѣ XV в., прежде маленькій, московскій удѣлъ уже могъ поравняться съ самымъ обширнымъ изъ великихъ княжествъ, тогда существовавшихъ на Руси.

II. Пользуясь своими средствами и фамильной политикой, московскіе князья въ XIV в. постепенно выступаютъ изъ положенія безправныхъ удѣльныхъ князей. Младшіе, но богатые, князья эти выступали на борьбу со старшими за великокняжескій столъ. Главными соперниками ихъ были князья тверскіе. Дѣйствуя во имя силы, а не права, московскіе князья долго не имѣли успѣха въ этой борьбѣ. Второй изъ нихъ, Юрій, погубилъ своего соперника Михаила въ Ордѣ, но скоро самъ сломалъ себѣ голову. На сторонѣ тверскихъ было право старшинства и таланты, на сторонѣ Москвы—деньги и умѣніе примѣняться къ обстоятельствамъ. Тверскіе князья въ началѣ XIV в. считали возможнымъ бороться съ татарами и призывали русскихъ князей «другъ за друга и братъ за брата стоять, а татарамъ не выдавать и всѣмъ вмѣстѣ оборонять Русскую землю и всѣхъ православныхъ христіанъ». Въ 1327 г. тверской князь Александръ не вы-

держалъ и, поднявшись со всѣмъ городомъ противъ татаръ, истребилъ находившихся въ Твери пословъ хана со всею ихъ свитою.

Московскіе князья никогда не думали о такой борьбѣ: они видѣли, что въ Ордѣ гораздо большаго можно добиться деньгами, чѣмъ оружіемъ, и усердно ухаживали за ханами, дѣлая ихъ орудіемъ своихъ замысловъ. Никто изъ князей чаще Калиты не ѣздилъ въ Орду, и онъ считался тамъ желаннымъ гостемъ, потому что пріѣзжалъ не съ пустыми руками. Татары привыкли уже думать, что когда пріѣдетъ московскій князь на Волгу, будутъ деньги и у великаго хана, и у его многочисленныхъ ханшъ, и у всѣхъ именитыхъ мурзъ Золотой Орды. Благодаря этому, московскій князь пріобрѣлъ великокняжеское достоинство помимо права старшинства. Наказать тверичей за возстаніе ханъ поручилъ Калитѣ, и за точное исполненіе приказа наградилъ его великокняжескимъ столомъ, который съ тѣхъ поръ уже никогда не выходилъ изъ-подъ московскихъ князей.

III. Ставъ великимъ княземъ, Московскій князь первый началъ выводить сѣверную Русь изъ состоянія удѣльнаго раздробленія. До тѣхъ поръ сѣверные князья оставались чуждыми другъ другу владѣльцами. Вокругъ Ивана Калиты впервые образуется княжескій союзъ, дѣйствующій подъ его руководствомъ. Сначала этотъ союзъ былъ финансовый и принудительный. Ханъ поручилъ Калитѣ собирать ордынскую дань съ нѣсколькихъ удѣльныхъ князей и доставлять ее хану. Такъ московскіе князья становятся финансовыми приказчиками хана. Но при дѣтяхъ Калиты этотъ союзъ расширяется и получаетъ политическій характеръ. Великій князь московскій получаетъ отъ хана судебную власть надъ цѣлымъ рядомъ удѣльныхъ и даже нѣсколькихъ великихъ князей.

Когда сыновья Калиты пріѣхали въ Орду послѣ смерти отца въ 1341 г., ханъ Узбекъ принялъ ихъ съ честью и любовью, потому что очень любилъ и чтилъ ихъ отца. Татаринъ поучалъ сыновей Калиты, какъ имъ жить и исполнять его приказанія, обѣщалъ не слушать ничьихъ навѣтовъ на нихъ и никому мимо ихъ не отдавать великаго княженія. Старшему сыну, Симеону, отданы были «подъ руки» всѣ князья русскіе. По замѣчанію лѣтописца, этотъ князь «былъ у хана въ великомъ почтеніи, и всѣ князья, и рязанскіе, и тверскіе, и ростовскіе, столь подручны были, что все по его слову творили». Преемникъ и братъ Симеона, великій князь Иванъ, получилъ отъ хана не только великокняжеское значеніе, но и поставленъ былъ главнымъ судьею надъ русскими князьями; ханъ велѣлъ всѣмъ князьямъ русскимъ слушаться великаго князя Ивана и у него судиться, а въ обидахъ жаловаться на него хану.

Въ княженіи Димитрія Донского этотъ политическій союзъ, руководимый московскими князьями, получилъ національное значеніе. Когда возобновилась борьба Москвы съ Тверью, тверской князь Михаилъ Александровичъ искалъ себѣ опоры въ Литвѣ и даже въ Ордѣ, чѣмъ и погубилъ популярность, какою до той поры пользовались тверскіе князья въ населеніи сѣверной Руси. Благодаря этому, новый рядъ князей сталъ добровольно подъ московскую руку. Въ 1375 г. въ походѣ на тверь къ московскимъ полкамъ присоединились 19 князей, изъ которыхъ многіе сердились на тверского князя за то, что онъ неоднократно наводилъ на Русь Литву, столько зла надѣлавшую

христіанамъ, и, наконецъ, соединился съ самимъ Мамаемъ. Любопытно, что въ числѣ этихъ союзниковъ Донского мы встрѣчаемъ не только его давнихъ подручниковъ (сѣверныхъ удѣльныхъ князей), но и дальнихъ князей, южныхъ, напр., князей новосильскаго, брянскаго, оболенскаго и др. Наконецъ, почти вся сѣверная Русь становится подъ руководительство Москвы на Куликовскомъ полѣ и здѣсь подъ московскими знаменами одерживаетъ первую народную побѣду надъ погаными. Это сообщило московскому князю значеніе національнаго вождя сѣверной Руси въ ея борьбѣ съ внѣшними врагами.

IV. Національное значеніе, пріобрѣтенное московскими князьями, было еще завершено и скрѣплено церковнымъ благословеніемъ. Дѣйствуя во главѣ все расширявшагося и укрѣплявшагося союза князей, московскій князь въ то же самое время опирался на содѣйствіе высшей церковной силы. Въ пріобрѣтеніи этого содѣйствія ему много помогло то же географическое положеніе Москвы, изъ котораго онъ извлекъ столько экономическихъ и политическихъ выгодъ. Послѣ татарскаго разгрома, вслѣдъ за отливавшимъ на сѣверъ населеніемъ, ушелъ изъ Кіева отъ татаръ и глава русской церкви—митрополитъ. Лѣтопись разсказываетъ, что въ 1299 г. митрополитъ Максимъ собрался со всѣмъ своимъ клиромъ и уѣхалъ во Владиміръ на Клязьму. Тогда же и весь городъ Кіевъ, добавляетъ лѣтопись, разбѣжался. Такимъ образомъ русская митрополія была перенесена на дальній сѣверо-востокъ. Но южно-русская паства въ то тяжелое время особенно нуждалась въ церковномъ пастырѣ; поэтому русскіе митрополиты по переселеніи на Клязьму часто путешествовали изъ Владимира на югъ. Въ этихъ поѣздкахъ они останавливались на перепутьи въ городѣ Москвѣ. Такъ завязывалась дружба между митрополитомъ Петромъ и мѣстнымъ вотчинникомъ Калитой. Можетъ быть, у святителя не было рѣшительнаго намѣренія перенести свою каѳедру съ Клязьмы на берега Москвы, но онъ подолго живалъ въ Москвѣ и при содѣйствіи князя заложилъ здѣсь новую соборную церковь (Успенія Пресвятой Богородицы) и здѣсь же скончался въ 1326 г. Эта случайность повлекла за собой важную церковную административную перемѣну. Преемникъ Петра, грекъ Ѳеогностъ, счелъ это для себя завѣтомъ, уже не захотѣлъ жить на Клязьмѣ и окончательно поселился въ московскомъ подворьѣ митрополита Петра, при гробѣ чудотворца. Такъ Москва сдѣлалась церковной столицей Россіи гораздо раньше, чѣмъ стала столицей политической. Нити церковной жизни далеко расходившіяся по всей Русской землѣ, теперь сосредоточивались въ этомъ городѣ.

Сосредоточеніе церковной жизни въ Москвѣ должно было содѣйствовать ея обогащенію. Но еще важнѣе было для нея нравственное впечатлѣніе, которое произведено было на населеніе сѣверной Руси совершившейся перемѣной. Слѣдъ этого впечатлѣнія отмѣтилъ лѣтописецъ въ разсказѣ о перемѣщеніи митрополичьей каѳедры на берега Москвы: «инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имать въ себѣ живуща». Другой слѣдъ впечатлѣнія мы встрѣчаемъ въ одномъ памятникѣ конца XIV или начала XV в. Святитель Петръ умеръ страдальцемъ за Русскую землю; много разъ онъ странствовалъ въ Орду, ходатайствуя за свою паству, и много потерпѣлъ тамъ отъ татаръ. Сѣверная Русь клялась его именемъ уже въ концѣ XIV вѣка.

Жизнь этого святителя была описана его другомъ и современникомъ, ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. Этотъ біографъ кратко и просто разсказываетъ, что святитель скончался въ Москвѣ въ отсутствіи московскаго князя Калиты. Одинъ изъ преемниковъ Петра, сербъ Кипріанъ, написалъ въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка другую, болѣе витіеватую біографію святителя. Здѣсь читаемъ совсѣмъ другое описаніе кончины его. Петръ скончался въ присутствіи московскаго князя. Городъ Москва, замѣчаетъ біографъ, былъ тогда немногонароденъ и малъ, не такой, какимъ мы видимъ его теперь. Передъ смертью святитель Петръ обратился къ московскому князю съ увѣщаніемъ достроить основанную соборную церковь (Успенскій храмъ) и при этомъ будто бы изрекъ такое пророчество: «если, сынъ, меня послушаешь и церковь святой Богородицы воздвигнешь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей, и сыновья, и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ среди всѣхъ городовъ русскихъ, и святители станутъ жить въ немъ, и взойдутъ руки на плечи враговъ его да и кости мои въ немъ положены будутъ». Очевидно, эта легенда, неизвѣстная его современнику, заимствована была Кипріаномъ изъ мѣстнаго народнаго преданія, сложившагося въ продолженіе XIV вѣка.

Подъ вліяніемъ дружнаго содѣйствія высшей церковной власти, политическіе успѣхи московскихъ князей, пріобрѣтенные не всегда чистыми средствами, оправдывались авторитетомъ наиболѣе чтимаго святителя Русской земли. Церковное общество стало сочувственно смотрѣть на князя, жившаго въ такомъ ладу со святымъ владыкой. Это сочувствіе со стороны церковнаго общества, можетъ быть, всего болѣе содѣйствовало росту политическаго и національнаго значенія московскаго князя. Слѣды этого сочувствія мы находимъ и въ другомъ нѣсколько позднѣйшемъ памятникѣ. Около половины XV в. подвизался въ основанномъ имъ монастырѣ высокоуважаемый въ свое время Пафнутій Боровскій, одинъ изъ суровѣйшихъ характеровъ того вѣка. Онъ любилъ разсказывать ученикамъ, что видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку. Между прочимъ, онъ разсказывалъ, какъ въ 1427 г. былъ моръ великій на Руси, «нерли болячкой-прыщемъ». Обмирала де тогда одна инокиня и, очнувшись, разсказывала, кого видѣла въ раю и кого въ аду, и о комъ что разсказывала, разсудивъ по ихъ жизни, нашли что правда. Видѣла она въ раю великаго князя Ивана Калиту; прозванъ онъ такъ, добавляетъ повѣствователь, потому что былъ нищелюбивъ и всегда носилъ за поясомъ мѣшокъ съ деньгами (калиту), изъ котораго и подавалъ нищимъ, сколько вынется. Очевидно, ироническое прозваніе, данное современниками князю-скопидому, въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ получило уже нравственное значеніе. Подходитъ разъ къ князю нищій и получаетъ милостыню, подходитъ въ другой разъ и князь даетъ ему другую милостыню; нищій подходитъ въ третій разъ, князь не стерпѣлъ и, давая третью милостыню, сказалъ ему: «на, возьми, несытыя зенки!».—«Самъ ты несытыя зенки, возразилъ ему нищій; и здѣсь царствуешь, и на томъ свѣтѣ хочешь царствовать». Это тонкая хвала въ грубой формѣ. Нищій хотѣлъ сказать, что князь милостыней, нищелюбіемъ старается заработать себѣ царство небесное. «Изъ этого и стало ясно», продолжаетъ разсказчикъ, что нищій посланъ былъ отъ Бога искусить князя и возвѣстить ему, что по Бозѣ

бяще дѣло его, еже творитъ». Видѣла еще инокиня въ аду Витовта короля, въ образѣ великаго человѣка; ему черный страшный муринъ (бѣсъ) кладъ въ ротъ клещами раскаленныя червонцы, приговаривая: «наѣдайся же, окаянный».

Добродушный юморъ, которымъ проникнуты эти разсказы, не позволяетъ сомнѣваться въ нихъ народномъ происхожденіи. Не смущайтесь хронологіей разсказа, не останавливайтесь на томъ, что въ 1427 г. инокиня не могла видѣть даже въ аду Витовта, который умеръ въ 1430 г. Но народное сказаніе, забывая хронологію, противопоставляетъ литовскаго короля, врага Руси и православія, Ивану Даниловичу Калитѣ, другу нищей, меньшей братіи, правнукъ котораго, Василій Дмитріевичъ, сдержалъ напоръ этого грознаго короля на православную Русь. Церковный колоритъ, которымъ окрашены приведенные разсказы, указываетъ на участіе духовенства въ ихъ созданіи. Нигдѣ, ни въ какомъ другомъ литературномъ памятникѣ, не найдете вы болѣе осязательнаго выраженія чувствъ народныхъ къ Москвѣ, очевидно, поддержанныхъ духовенствомъ.

Мы видѣли, какъ сѣверная легенда заставляетъ пророчествовать митрополита Петра его другу Калитѣо будущей политической судьбѣ его дома и княжества. Народное воображеніе овладѣло этой дружбой, столько содѣйствовавшей популярности московскаго князя. Въ тѣхъ же повѣстяхъ о Пафнутіи находимъ маленькій, но выразительный разсказъ. Разъ Калита видѣлъ во снѣ гору высокую, покрытую снѣгомъ, который растаялъ на его глазахъ, и потомъ сама гора исчезла. Князь обратился къ Петру за разъясненіемъ сна и тотъ сказалъ ему: «гора— это ты, князь; а снѣгъ на вершинѣ—это я старикъ, который умру раньше тебя». Такъ къ политическимъ успѣхамъ московскаго княжества присоединилось еще и поддерживающее ихъ сочувствіе церковнаго общества.

V) Наконецъ пріобрѣтеніе московскимъ княземъ велико-княжескаго званія произвело сильное впечатлѣніе на сѣверную Русь еще однимъ своимъ послѣдствіемъ. Мирный устроитель своего удѣла, пользовавшагося наибольшей тишиной и безопасностью сравнительно съ другими княжествами, московскій князь далъ почувствовать выгоду своей политики и другимъ частямъ сѣверной Руси. Лѣтопись съ удареніемъ отмѣчаетъ, что съ того времени, какъ московскій князь получилъ отъ хана великокняжескій столъ, Русь начала отдыхать отъ постоянныхъ погромовъ, какіе она терпѣла. Разсказывая о возвращеніи Ивана Даниловича изъ Орды съ пожалованіемъ отъ хана, лѣтопись прибавляетъ: бысть оттолѣ тишина велика по всей Русской землѣ, на 40 лѣтъ престаша татарове пустошити землю Русскую». Значитъ, время съ 1327—1369 г., когда въ первый разъ напалъ на Русь литовскій князь Ольгердъ, было для сѣверной Руси порою отдыха, и за этотъ отдыхъ она благодаритъ Москву.

Соединяя всѣ изложенные факты, можно опредѣлить отношеніе, какое установилось въ сѣверномъ русскомъ населеніи къ великому князю московскому. Подъ вліяніемъ событій вѣка въ этомъ населеніи долженъ былъ утвердиться троякій взглядъ на Москву и ея князя. 1) Здѣсь привыкли смотрѣть на московскаго князя, какъ на образцоваго хозяина-правителя, установителя земской тишины и гражданскаго порядка, а на московское княжество, какъ на исходный пунктъ новаго

порядка земскихъ отношенiй, первымъ плодомъ котораго и было установленiе большей внутренней тишины и безопасности. 2) На московскаго князя привыкли смотрѣть, какъ на народнаго вождя Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами, а на Москву, какъ на виновницу первыхъ народныхъ успѣховъ надъ невѣрною Литвой и поганными «сыроядцами», агарянами. 3) Наконецъ, въ московскомъ князѣ сѣверная Русь привыкла видѣть старшаго сына церкви, ближайшаго друга и сотрудника главнаго русскаго iерарха, а на Москву привыкли смотрѣть, какъ на городъ, въ которомъ сосредоточились нити церковной русской жизни, къ которому привязаны были религiозные интересы народа, и на которомъ покоилось особенное благословенiе перваго святителя Русской земли, митрополита Петра.

Такое значенiе прiобрѣлъ къ половинѣ XV в. удѣльный князь, который полтораста лѣтъ назадъ былъ мелкимъ хищникомъ, подстерегавшимъ своихъ сосѣдей.

Внутреннiя отношенiя между московскими князьями.

Начавъ изучать исторiю московскаго княжества въ XIV и первой половинѣ XV в., мы прослѣдили территорiальныя прiобрѣтенiя и нацiональные успѣхи его; но это былъ лишь одинъ изъ процессовъ, создавшихъ могущество Москвы. Нацiональный и территорiальный ростъ московскаго княжества сопровождался еще политическимъ ростомъ его князя. Въ то время какъ московское княжество вбирало въ себя разъединенныя части Русской земли, его князь въ своемъ лицѣ собиралъ раздробленные элементы верховной власти; и какъ первый процессъ превратилъ московское княжество въ нацiональное Русское государство, такъ результатомъ второго было превращенiе московскаго князя, одного изъ многихъ удѣльныхъ, въ единственнаго русскаго государя. Этотъ второй процессъ намъ и предстоитъ изучить. Чтобы лучше понять этотъ процессъ, надо еще разъ представить себѣ порядокъ княжескаго владѣнiя, дѣйствовавшiй въ московскомъ, какъ и въ другихъ княжествахъ.

Слѣдя за успѣхами Москвы, мы видимъ дѣятельность московскаго великаго князя; но московскiй великiй князь былъ не единственнымъ, а только старшiй изъ московскихъ князей. Вотчина московскихъ Даниловичей не было цѣльной политической единицей; подобно вотчинамъ другихъ княжескихъ линiй, она представляла группу независимыхъ удѣльныхъ княжествъ. Въ то время какъ начиналась объединительная роль Москвы, въ семьѣ ея князей еще вполнѣ дѣйствовали старыя удѣльныя отношенiя. Но по мѣрѣ того, какъ расширялись владѣнiя и внѣшнее значенiе Москвы, измѣнялись и внутреннiя отношенiя между московскимъ великимъ княземъ и его младшими удѣльными родичами и измѣнялись въ пользу перваго. Чтобы изучить ходъ этого измѣненiя, мы разсмотримъ сначала порядокъ наслѣдованiя, дѣйствовавшiй въ семьѣ московскихъ князей до половины XIV в., и потомъ взаимныя отношенiя князей-наслѣдниковъ по владѣнiю *).

---

*) Для чтенiя: Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей, Б. Чичерина въ его „Опытахъ по исторiи русск. права"; стр. 232.

1. Порядокъ наслѣдованія. Порядокъ наслѣдованія, установившійся между московскими князьями XIV и XV вв., открывается изъ длиннаго ряда дошедшихъ до насъ ихъ духовныхъ грамотъ. Начиная съ Калиты и до Ивана III, каждый московскій князь оставлялъ послѣ себя духовную грамоту, большая часть князей даже по двѣ, иные по три духовныя грамоты. Такимъ образомъ, мы имѣемъ обильный матеріалъ для изученія порядка наслѣдованія въ этихъ грамотахъ, которыхъ до Ивана III-го насчитывается до 16. Самое появленіе этихъ грамотъ уже достаточно характеризуетъ московскій порядокъ наслѣдованія. Если наслѣдованіе каждый разъ опредѣлялось завѣщаніемъ князя-владѣльца, значитъ не существовало обязательныхъ правилъ, которыми устанавливался бы постоянный и однообразный порядокъ наслѣдованія, независимо отъ усмотрѣнія лицъ. Итакъ, *наслѣдованіе по завѣщанію—вотъ самая существенная черта, соотвѣтствующая юридической сущности этого владѣнія, основаніемъ котораго была мысль о княжествѣ, какъ личной собственности князя.* Наслѣдниками по этимъ духовнымъ грамотамъ являются прежде всего сыновья завѣщателя; за отсутствіемъ сыновей—его братья, наконецъ, жена, даже при сыновьяхъ и при братьяхъ. Великій князь Иванъ Калита раздѣлилъ свою вотчину на 4 части, изъ которыхъ 3 отдалъ своимъ сыновьямъ, а четвертую второй своей женѣ съ дочерьми. Сынъ его, великій князь Семенъ, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ весь удѣлъ женѣ, помимо братьевъ. Княжескія вдовы постоянно участвуютъ въ наслѣдствѣ; онѣ получаютъ отъ князей-завѣщателей, своихъ мужей, владѣнія двоякаго рода: 1) опричины, т. е. владѣнія, принадлежавшія имъ на правахъ полной собственности; 2) «прожитки», которыми онѣ пользовались лишь до своей смерти. Это *постоянное участіе княгинь-вдовъ въ наслѣдствѣ составляло вторую черту юридическаго характера княжескаго владѣнія, какъ частной собственности владѣльца.*

Еще яснѣе вскрывается этотъ юридическій характеръ удѣльнаго княжества въ порядкѣ раздѣла его частей между наслѣдниками. Вотчина завѣщателя не дѣлилась по совѣщанію на сплошные пространства; въ раздѣлѣ господствовала чрезвычайная черезполосица. Причиной этого былъ самый способъ раздѣла. Московское княжество состояло изъ нѣсколькихъ пластовъ или разрядовъ владѣній, различавшихся между собою по своему хозяйственному значенію или историческому происхожденію. Эти разряды великій князь Димитрій Донской перечисляетъ въ своей духовной въ такомъ порядкѣ: городъ Москва, которая обыкновенно отдавалась въ совмѣстное владѣніе всѣмъ сыновьямъ—наслѣдникамъ, дворцовыя села подмосковныя, дворцовыя села въ чужихъ не московскихъ удѣлахъ и въ великокняжеской области Владимирской, затѣмъ остальныя владѣнія, города и сельскія волости, при томъ, сначала владѣнія московскія старинныя и, наконецъ, позднѣйшія московскія пріобрѣтенія.

Каждый наслѣдникъ получалъ особую долю въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ московскихъ владѣній, точно также, какъ онъ получалъ особую долю въ каждомъ разрядѣ движимаго имущества завѣщателя какъ всякому сыну отецъ—завѣщатель назначалъ изъ своей домашней рухляди особую шапку, шубу и кафтанъ съ кушакомъ, такъ каждый наслѣдникъ получалъ особый жребій въ городѣ Москвѣ и въ подмосковныхъ дворцовыхъ селахъ, особую долю въ старинныхъ мо-

сковскихъ владѣніяхъ и въ новыхъ промыслахъ. Это безразличіе въ раздѣлѣ движимаго имущества, домашней рухляди и вотчинныхъ владѣній составляютъ третью отличительную черту въ юридическомъ характерѣ удѣльнаго московскаго владѣнія. *Князь—завѣщатель дѣлилъ такъ черезполосно свою вотчину, очевидно, по хозяйственнымъ а не по политическимъ соображеніямъ. Онъ смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на различныя статьи своего хозяйства, а не какъ на общество, связанное одними интересами и цѣлями.*

Даже по своей формѣ духовныя грамоты московскихъ князей совершенно походили на завѣщанія частныхъ лицъ того времени. Раскроемъ напримѣръ первую духовную грамоту перваго московскаго великаго князя, Ивана Калиты, составленную около 1328 г., когда онъ собирался ѣхать въ Орду. Грамота эта начинается такими словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, се азъ грѣшный, худый рабъ Божій Иванъ пишу грамоту душевную, идя въ Орду, никѣмъ не нуженъ (никѣмъ не принуждаемъ), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьѣ. Аже Богъ, что разгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву, азъ же есмь имъ раздѣлъ учинилъ» (т. е. городъ Москву я отдаю всѣмъ сыновьямъ въ совмѣстное владѣніе, а вотъ что даю имъ каждому въ отдѣльности). Затѣмъ перечисляются города, села и волости, составлявшія удѣлъ каждаго сына. Какъ завѣщанія частныхъ лицъ совершались при свидѣтеляхъ и скрѣплялись духовной властью, такъ и духовныя грамоты московскихъ великихъ князей писались при «послухахъ», которыми обыкновенно были ихъ бояре, и подписывались московскимъ митрополитомъ. Итакъ, основными чертами господствовавшаго среди московскихъ князей порядка наслѣдованія были: 1) личная воля завѣщателя, какъ единственное основаніе этого порядка, 2) участіе въ раздѣлѣ наслѣдства всѣхъ членовъ семьи князя—завѣщателя и полное юридическое безразличіе движимаго и недвижимаго имущества, домашней рухляди и территоріальныхъ владѣній.

2. Отношенія князей по родству и владѣнію. Теперь посмотримъ какія отношенія устанавливались между князьями—сонаслѣдниками, когда закрывалъ глаза ихъ отецъ—завѣщатель и они вступали во владѣніе доставшимися имъ жеребьями. Эти отношенія можно изучить по договорнымъ грамотамъ московскихъ князей, которыхъ также дошло нѣсколько десятковъ отъ XIV и XV вв. По этимъ грамотамъ каждый удѣльный князь является полнымъ хозяиномъ доставшагося ему удѣла; онъ владѣетъ имъ вполнѣ независимо, какъ владѣлъ своей отчиной его отецъ. Формулой этой независимости можно признать слова великаго князя Димитрія Донского въ договорной грамотѣ его съ двоюроднымъ братомъ, удѣльнымъ княземъ Серпуховскимъ, Владиміромъ Андреевичемъ (1388 г.): «тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина». На основаніи этой формулы и опредѣляются взаимныя отношенія князей—сонаслѣдниковъ по владѣнію. Каждый князь обязывался не вмѣшиваться въ удѣльныя дѣла другого, не могъ безъ разрѣшенія безъ позволенія мѣстнаго владѣльца проѣхать чрезъ его владѣнія «на свою утѣху», т. е. на охоту.

Но при изложенномъ выше порядкѣ раздѣла вотчинъ между наслѣдниками княжескихъ вотчинъ и при частныхъ способахъ пріобрѣтенія земель князьями, обыкновенно бывало такъ, что одинъ князь

владѣлъ селами и деревнями въ удѣлѣ другого. Такимъ образомъ, извѣстное село имѣло двухъ владѣльцевъ, территоріальнаго и юридическаго. Положеніе такихъ селъ опредѣлялось условіемъ договорныхъ грамотъ, которое имѣло характеръ обычнаго правила: «судомъ и данью тянуть по землѣ и по водѣ», т. е. такія села были подсудны и платили дань, прямой поземельный налогъ, мѣстному территоріальному владѣльцу, въ удѣлѣ котораго они находились, а не тому князю, которому принадлежали на правѣ частной собственности. Впрочемъ, и это правило допускало исключеніе: иногда села князя, находившіяся въ чужомъ удѣлѣ, данью тянули къ мѣстному территоріальному владѣльцу, а по суду зависѣли отъ своего князя—собственника. Итакъ, *каждый удѣльный князь былъ независимъ владѣльцемъ своего удѣла.*

Но легко понять, что удѣльные князья извѣстной княжеской линіи не могли стать вполнѣ чуждыми другъ другу. Это родство устанавливало между князьями извѣстныя связи. Обыкновенно это были родные или двоюродные братья или дяди съ племянниками. Обыкновенно въ договорныхъ грамотахъ они обязывались «быть всѣмъ за одинъ до живота»; младшіе удѣльные князья обязывались чтить старшаго вмѣсто отца; старшій обязывался держать младшихъ братьевъ въ братствѣ безъ обиды, и заботиться о дѣтяхъ ихъ, когда они осиротѣютъ. Но легко видѣть, что все это родственныя, а не владѣльческія отношенія; при томъ, это скорѣе нравственныя обѣщанія, чѣмъ политическія обязательства. Существовали ли какія-либо обязательныя отношенія по владѣнію, т. е. политическія связи? По договорнымъ грамотамъ мы видимъ, что старшій, великій князь не имѣлъ постояннаго обязательнаго политическаго авторитета для младшихъ своихъ родичей. Притомъ, тогда не было уже на Руси и единаго великаго князя; съ развитіемъ удѣльнаго порядка владѣнія раздѣлилось и великокняжеское достоинство. Князья владѣтели тогдашней сѣверной Руси, принадлежали къ различнымъ княжескимъ линіямъ, большая часть которыхъ шла отъ Всеволода III Суздальскаго. Каждая обособившаяся княжеская линія имѣла своего великаго князя. Такъ у князей тверскихъ былъ свой великій князь, свой у ростовскихъ, ярославскихъ, рязанскихъ и другихъ линій. Правда, первымъ изъ этихъ великихъ князей можно было считать великаго князя московскаго, потому что съ Ивана Калиты онъ владѣлъ и великокняжеской владимирской областью, которая въ XIII в. было общимъ достояніемъ Всеволодова племени, и которою поочереди владѣли старшіе изъ Всеволодовичей. Но въ XIV в. подъ вліяніемъ началъ, на которыхъ былъ построенъ удѣльный порядокъ владѣнія, и владимирское великое княжество утратило свой прежній характеръ общаго достоянія всѣхъ князей. Въ духовной своей 1389 г. великій князь Димитрій Донской включилъ владимирскую область въ составъ своей наслѣдственной вотчины. Такъ исчезъ послѣдній остатокъ прежняго нераздѣльнаго княжескаго владѣнія.

Постоянныхъ владѣльческихъ связей между князьями старшими и младшими въ каждой линіи не существовало судя по договорнымъ московскимъ грамотамъ; завязывались лишь связи временныя. Эти временныя связи вытекали либо изъ потребностей внѣшней обороны, либо изъ отношеній къ Ордѣ. Въ интересахъ внѣшней безопасности князья—родственники обыкновенно составляли наступательный и обо-

ронительный союзъ другъ съ другомъ. Въ договорныхъ грамотахъ младшіе удѣльные князья говорили своему старшему: «быти тебѣ съ нами, а намъ съ тобой». Великій князь обязывался не заключать договоровъ безъ вѣдома младшихъ и наоборотъ. Великій князь и младшіе его родичи обязывались имѣть общихъ друзей и общихъ враговъ. Старшій говорилъ въ грамотѣ младшимъ: «сяду я на коня (пойду въ походъ), и вамъ садиться на коней, когда я самъ не пойду, а васъ пошлю, вамъ итти безъ ослушанія». Но это были временныя условія, какія заключаются между вполнѣ независимыми владѣтелями по международному праву; при томъ, условія эти измѣнялись съ каждымъ поколѣніемъ князей, даже съ каждой перемѣной въ наличномъ составѣ князей. Благодаря этой измѣнчивости договорныхъ отношеній, до насъ и сохранилось отъ тѣхъ вѣковъ такое множество договорныхъ грамотъ. Великій князь Василій Темный только съ двоюродными братьями своими, удѣльными князьями можайскими, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами, заключилъ въ продолженіе своего княженія 17 договоръ; еще болѣе договоровъ пришлось заключить тому же великому князю съ своимъ дядей Юріемъ Галицкимъ и его сыновьями, Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Краснымъ (Шемякой).

Другой рядъ владѣльческихъ отношеній между князьями завязывался подъ вліяніемъ ихъ зависимости отъ Орды. Ханъ сначала собиралъ дань съ Русской земли посредствомъ своихъ агентовъ; потомъ нашелъ болѣе удобнымъ поручить сборъ этой дани великимъ князьямъ русскимъ. Каждый великій князь собиралъ татарскую дань, или *выходъ*, съ удѣльныхъ князей своей линіи доставлялъ въ Орду. Этимъ преимуществомъ, которое давало великимъ князьямъ возможность держать въ зависимости князей удѣльныхъ, первые очень дорожили, старались не допускать младшихъ родичей до непосредственныхъ сношеній съ Ордой. Это стремленіе выражалось въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ словами великаго князя, обращенными къ удѣльнымъ: «мнѣ знати Орду, а тебѣ Орды не знать». Финансовая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго современемъ могла превратиться въ зависимость политическую; но князья очень хорошо помнили, что эта связь навязана извнѣ, и стояли на той мысли, что она должна исчезнуть съ исчезновеніемъ этой сторонней силы. Вотъ почему въ упомянутомъ договорѣ Дмитрія Донского съ серпуховскимъ удѣльнымъ княземъ мы встрѣчаемъ условія: «оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ Орды, ино мнѣ два жеребья дани, а тобѣ треть», т. е. я, великій князь, буду удерживать свои двѣ трети ордынской дани въ своихъ, рукахъ а ты свою одну треть въ своихъ. Значитъ, московскіе князья предполагали, что какъ скоро спадетъ татарское иго, должна исчезнуть и финансовая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго. Такимъ образомъ *разсматривая договорныя грамоты XIV и XV вв., мы не находимъ никакой постоянной политической связи, которая бы подчиняла удѣльныхъ князей великому въ извѣстной линіи.* При такихъ отношеніяхъ какимъ же способомъ могла завязаться политическая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго? Вотъ вопросъ, разрѣшеніемъ котораго вскрывается процессъ образованія верховной государственной власти въ московскомъ княжествѣ.

3. Значеніе старшаго наслѣдника. Для изучающаго взаимныя отношенія московскихъ князей XIV и XV вв. ихъ договор-

ныя грамоты довольно коварный источникъ. Изложенныя мною условія ихъ уже не соотвѣтствовали современной имъ дѣйствительности. Съ этой стороны московскія договорныя грамоты представляютъ историческій анахронизмъ; онѣ воспроизводятъ княжескія отношенія, несомнѣнно дѣйствовавшія нѣкогда, именно, лишь въ первую пору удѣльнаго порядка, въ XIII и развѣ въ началѣ XIV в., не позднѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ Москва начала пріобрѣтать рѣшительный перевѣсъ надъ другими княжествами, эти устарѣлыя условія повторялись въ договорныхъ грамотахъ, какъ затверженныя формулы, по старой памяти, вслѣдствіе обычнаго консерватизма канцелярій, ихъ неумѣнья поспѣвать за жизнью. Вотъ опасность, которая грозитъ изслѣдователю договорныхъ грамотъ.

Дѣйствительныя отношенія московскихъ князей съ Дмитрія Донского, или даже его ближайшихъ предшественниковъ, становились уже на другія основанія; младшіе князья все болѣе превращались въ подручниковъ великаго князя московскаго. Любопытно, что это преобладаніе старшаго великаго князя, разрушившее потомъ удѣльный порядокъ, создавалось изъ условій этого же самаго порядка. Мы видѣли изъ Московскихъ духовныхъ грамотъ, что порядокъ наслѣдованія въ средѣ московскихъ князей опредѣлялся исключительно личной волей завѣщателя. Но эти завѣщатели постепенно выработали и усвоили себѣ извѣстныя постоянныя правила, которыми они руководились въ раздѣлѣ своей вотчины между наслѣдниками. Такъ, уже съ первой московской духовной грамоты, написанной Иваномъ Калитой, мы замѣчаемъ стремленіе московскихъ завѣщателей дѣлить вотчины на неравныя части. Размѣры каждой части соотвѣтствовали степени старшинства получавшаго ее наслѣдника; чѣмъ старше былъ наслѣдникъ, тѣмъ большая доля наслѣдства доставалась ему. Въ этомъ неравенствѣ раздѣла, очевидно, сказывалась смутная мысль о нѣкогда дѣйствовавшемъ между князьями порядкѣ владѣнія по очереди старшинства.

Благодаря этому обычаю, усвоенному московскими завѣщателями, старшій наслѣдникъ, обыкновенно старшій сынъ завѣщателя, получалъ изъ отцовскаго наслѣдства большую долю сравнительно съ младшими братьями—сонаслѣдниками. Этотъ излишекъ давался ему на «старѣйшій путь», т. е. по праву старшинства. Сначала этотъ излишекъ очень мало замѣтенъ, состоитъ въ нѣсколькихъ лишнихъ селахъ, въ нѣсколькихъ лишнихъ доходахъ: но съ завѣщанія Дмитрія Донского прибавка на «старшій путь» становится болѣе значительною. Это видно изъ неодинаковой доходности удѣловъ, полученныхъ отъ отца дѣтьми Донского. По духовной Дмитрія Донского владѣнія его были раздѣлены между пятью его сыновьями; въ духовной опредѣляется и доходность каждаго удѣла. Завѣщатель указываетъ, сколько долженъ вносить каждый изъ сонаслѣдниковъ въ составъ каждой тысячи рублей ордынской дани. Очевидно, доля каждаго наслѣдника соразмѣрялась съ доходностью его удѣла. Старшій сынъ, великій князь Василій, долженъ былъ вносить въ составъ каждой тысячи руб. ордынской дани не пятую часть, а 342 руб. т. е. больше одной трети всей суммы.

Послѣ Дмитрія Донского съ каждымъ поколѣніемъ излишекъ старшаго наслѣдника «на старѣйшій путь» растетъ все болѣе. Возьмемъ духовную великаго князя Василія Темнаго, составленную въ 1462 г. Василій также раздѣлилъ свою вотчину между пятью сыновьями.

Старшему, великому князю Ивану, онъ далъ одному 16 городовъ съ уѣздами, при томъ самыхъ значительныхъ, а остальнымъ сыновьямъ всѣмъ вмѣстѣ столько же.

Чтобы еще яснѣе представить себѣ этотъ процессъ, мы перейдемъ за предѣлы изучаемаго періода и перелистуемъ духовную грамоту великаго князя Ивана III, составленную около 1504 г. Здѣсь неравенство раздѣла въ пользу старшаго становится уже громаднымъ. Старшему изъ наслѣдниковъ, великому князю Василію, онъ отказалъ одному 90 городовъ съ уѣздами, а остальнымъ четыремъ вмѣстѣ 26. И этотъ великій князь опредѣляетъ долю каждаго наслѣдника въ составѣ каждой тысячи руб. на ордынскіе расходы. Великій князь, старшій наслѣдникъ, одинъ долженъ былъ вносить въ каждую тысячу 717 руб., т. е. около $^3/_4$ всей суммы. почти втрое больше, чѣмъ всѣ младшіе князья вмѣстѣ. Къ такому результату привелъ рано усвоенный московскими завѣщателями обычай нарушать равенство раздѣла вотчины между наслѣдниками въ пользу старшаго изъ нихъ.

Излишекъ на старѣйшій путь, сначала столь мало замѣтный, къ началу XVI в. достигъ такихъ размѣровъ, которые давали старшему наслѣднику рѣшительное матеріальное преобладаніе надъ младшими. Князья-завѣщатели не давали старшимъ сыновьямъ никакихъ лишнихъ политическихъ правъ, не ставили младшихъ ихъ братьевъ въ прямую политическую отъ нихъ зависимость; но они постепенно сосредоточивали въ рукахъ старшаго наслѣдника такую массу владѣльческихъ средствъ, которая давала имъ возможность подчинить себѣ младшихъ удѣльныхъ родичей и безъ лишнихъ политическихъ правъ и средствъ. *Такимъ, чисто матеріяльнымъ, имущественнымъ преобладаніемъ и создана была политическая власть московскаго великаго князя.* Посредствомъ такого вотчиннаго преобладанія, а не политическаго преимущества этотъ великій князь и превратился въ государя не только для простыхъ обывателей московскихъ удѣловъ, но и для самихъ удѣльныхъ князей. Значитъ, политическая власть великаго московскаго князя, уничтожившая потомъ удѣльный порядокъ владѣнія, создалась изъ условій того же самаго порядка, при помощи права князей—завѣщателей располагать своими вотчинами по личному усмотрѣнію.

Но какъ скоро изъ среды младшихъ князей сталъ подниматься одинъ старшій великій князь, около него начали сосредоточиваться политическія стремленія и національные интересы всего сѣверно-русскаго населенія. Населеніе это съ духовенствомъ во главѣ старалось такъ высоко поднять старшаго московскаго князя надъ удѣльными, что онъ превратился въ государя съ національно-политическимъ значеніемъ. Извѣстна шумная усобица, завязавшаяся между московскими князьями по смерти великаго князя Василія Димитріевича. Эта усобица произошла вслѣдствіе притязанія Юрія Димитріевича Галицкаго, дяди великаго князя Василія, занять великокняжескій столъ, помимо старшаго племянника. Эта усобица, взволновала все русское общество. Когда затѣмъ сынъ Юрія, Димитрій Шемяка, по смерти отца наслѣдника его притязаній, нарушилъ свой уговоръ съ Василіемъ, послѣдній отдалъ дѣло на судъ духовенства. Духовенство обратилось къ нарушителю договора съ грознымъ посланіемъ, въ которомъ высказало свой взглядъ на политическій порядокъ. Здѣсь духовенство рѣшительно возстало противъ притязаній Шемякина отца на великокняжескій

столъ, признавая преимущество за племянникомъ, старшимъ сыномъ предшествовавшаго великаго князя. Итакъ, духовенство считало единственно правильнымъ порядокъ наслѣдованія въ нисходящей линіи, а не по очереди старшинства и даже наперекоръ исторіи, признавало его «земской пошлиной», т. е. стариннымъ обычаемъ Русской земли. Этотъ новый порядокъ неизбѣжно долженъ былъ привести къ установленію единовластія.

Такъ мы изучили два процесса, которыми создано было политическое и національное значеніе московскаго княжества и его старшаго князя. Одинъ процессъ расширилъ территорію и внѣшнее могущество этого княжества, другой собиралъ элементы верховной власти въ лицѣ старшаго изъ московскихъ князей. Оба процесса начались личными или фамильными стремленіями московскихъ князей, но тотчасъ были поддержаны всѣмъ населеніемъ сѣверной Руси съ духовенствомъ во главѣ. Всѣ національныя политическія стремленія великорусскаго племени, дотолѣ безуспѣшно искавшія прочнаго пункта прикрѣпленія, тогда встрѣтились съ частными вотчинными стремленіями московскаго князя и вознесли его на высоту національнаго государя. Такъ можно обозначить политическій процессъ роста московскаго княжества.

Значеніе московскихъ князей въ исторіи московскаго княжества.

Часто даютъ преобладающее значеніе въ ходѣ политическаго и національнаго возвышенія Москвы личнымъ качествомъ ея князей. Окончивъ обзоръ политическаго роста Москвы, мы можемъ оцѣнить и значеніе этихъ качествъ въ ея исторіи. Нѣтъ надобности преувеличивать это значеніе, считать политическое и національное могущество московскаго княжества исключительно дѣломъ его князей, слѣдствіемъ ихъ личнаго творчества, ихъ талантовъ. Историческіе памятники XIV и XV вв. не даютъ намъ возможности живо воспроизвести обликъ каждаго изъ этихъ князей. Московскіе великіе князья являются въ этихъ памятникахъ блѣдными фигурами, смѣнявшимися на великокняжескомъ столѣ подъ именами Ивана, Семена, другого Ивана, Дмитрія, Василія, другого Василія. Всматриваясь въ нихъ, легко замѣтить, что передъ нами проходятъ не своеобразныя личности, а однообразныя повторенія одного и того же фамильнаго типа. Всѣ московскіе князья до Ивана III, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга, такъ что наблюдатель иногда затрудняется рѣшить, кто изъ нихъ Иванъ, а кто Василій. Нѣкоторыя индивидуальныя особенности въ ихъ дѣятельности объясняются различіемъ возраста и исключительными внѣшними обстоятельствами, въ которыя попадали иные изъ этихъ князей; но эти особенности не идутъ далѣе того, насколько измѣняется дѣятельность одного и того же лица отъ такихъ условій. Наблюдая преемственную смѣну московскихъ князей, мы можемъ уловить въ ихъ обликахъ только фамильныя типическія черты. Изслѣдователю они представляются не новыми лицами, даже не портретами, а скорѣе манекенами; онъ разсматриваетъ въ каждомъ его позу, костюмъ, но лица ихъ мало что говорятъ наблюдателю.

Прежде всего всѣ московскіе Даниловичи отличаются посред-

ственностью. Все племя Всеволода Большого-Гнѣзда, вообще, не блеститъ талантами, за исключеніемъ развѣ одного Александра Невскаго. Даниловичи даже среди этого племени не идутъ въ первомъ ряду по личнымъ качествамъ. Это князья безъ всякаго блеска, на которыхъ не замѣтно ни героическаго, ни нравственнаго величія. Прежде всего это очень мирные люди; они неохотно вступаютъ въ битвы, а вступая въ нихъ обыкновенно проигрываютъ ихъ; они умѣютъ отсиживаться отъ непріятеля за дубовыми стѣнами московскаго кремля, но еще охотнѣе при нападеніи врага уѣзжаютъ въ Переяславль или куда-нибудь подальше собирать полки, оставляя въ Москвѣ для ея защиты владыку-митрополита, да жену съ дѣтьми.

Не отличаясь крупными талантами, эти князья не отличались даже крупными недостатками и страстями. Это дѣлало ихъ во многихъ отношеніяхъ образцами умѣренности и аккуратности. Эти «средніе люди», древней Руси—болѣе хронологическіе знаки, чѣмъ историческія лица; даже ихъ наклонность выпить лишнее за обѣдомъ не возвышалась до столь извѣстной страсти древне-русскаго человѣка, высказанной устами Владимира Святого. Лучшей ихъ характеристикой могутъ служить черты, какими характеризуетъ великаго князя Симеона Гордаго одинъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ: «великій князь Симеонъ былъ прозванъ Гордымъ, потому что не любилъ неправды и крамолы и всѣхъ виновныхъ самъ наказывалъ, пилъ медъ и вино, не напивался до пьяна и терпѣть не могъ пьяныхъ, не любилъ войны, но войско держалъ на готовѣ». Въ самомъ видномъ изъ московскихъ князей XIV в., Димитріѣ Донскомъ, біографъ-современникъ могъ отмѣтить лишь семейныя и полуиноческія добродѣтели. Вообще, художнику высокаго стиля нечего дѣлать съ московскими князьями.

Но не блистая крупными талантами, эти князья совмѣщали въ себѣ много менѣе дорогихъ, но болѣе доходныхъ качествъ, отличались обиліемъ тѣхъ дарованій, которыми отличаются обыкновенно недаровитые люди. Прежде всего эти князья дружно живутъ другъ съ другомъ; они крѣпко держатся завѣта отцовъ: «жити за одинъ». Въ продолженіи четырехъ поколѣній до смерти Василія Димитріевича московское княжество было единственнымъ въ сѣверной Руси, не страдавшимъ отъ усобицъ собственныхъ князей. Потомъ, московскіе князья очень почтительные сыновья; они глубоко чтутъ память родителей. Поэтому среди нихъ рано складывается наслѣдственный кругъ понятій, привычекъ и пріемовъ княженія, образуется фамильный обычай, отцовское и дѣдовское преданіе, которое замѣняло имъ личный разумъ, какъ намъ школьная выучка замѣняетъ самодѣятельность мысли. Отсюда твердость поступи у московскихъ князей, ровность движенія, послѣдовательность дѣйствій; они дѣйствуютъ болѣе по памяти, по завѣту отцовъ, и потому дѣйствуютъ безъ перерывовъ и съ успѣхомъ, какъ недаровитому ученику крѣпкая память позволяетъ лучше отвѣчать урокъ сравнительно съ бойкимъ мальчикомъ, привыкшимъ говорить «своими словами». Работа у московскихъ князей идетъ ровной и непрерывной нитью; сынъ цѣпко хватается за дѣло отца и по мѣрѣ силъ ведетъ его дальше. Уваженіе къ отцовскому завѣту въ ихъ холодныхъ грамотахъ порой согрѣвается до степени теплаго набожнаго чувства. «А пишу вамъ се слово», такъ Симеонъ Гордый заканчиваетъ

свою духовную: «того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ, и свѣча бы не погасла».

Въ чемъ же состояло это фамильное преданіе, эта наслѣдственная политика московскихъ князей? Они — скопидомы по мелочамъ, понемногу. Недаромъ первый изъ нихъ, добившійся успѣха въ невзрачной съ нравственной стороны борьбѣ, перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ Калиты—денежнаго кошеля. Готовясь предстать предъ престоломъ Всевышняго Судіи и диктуя дьяку духовную грамоту, какъ эти князья внимательны ко всѣмъ мелочамъ своего хозяйства, какъ хорошо помнятъ всякій вздоръ въ немъ, не забудутъ ни шубки, ни пояса золотого, ни коробки сердоликовой; все запишутъ, всему найдутъ мѣсто и наслѣдника. Сберечь отцовское стяжаніе и прибавить къ нему что-нибудь новое, «новую шубку построить», новое сельцо прикупить—вотъ на что, повидимому, были обращены ихъ правительственные помыслы, какъ они обозначаются въ ихъ духовныхъ грамотахъ. Въ этомъ и заключается причина политическихъ успѣховъ московскихъ князей. У каждаго времени свои герои, а XIII и XVI вв. были временемъ всеобщаго упадка на Руси, временемъ мелкихъ интересовъ и узкихъ чувствъ, мелкихъ, ничтожныхъ характеровъ. Среди внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій люди становились малодушны и робки, впадали въ уныніе, покидали высокіе помыслы и стремленія. Въ лѣтописи XIII—XIV вв, не услышимъ прежнихъ рѣчей о Русской землѣ, о необходимости оберегать ее отъ поганыхъ, о томъ, что не сходило съ языка южно-русскихъ князей. Люди замыкались въ кругу своихъ частныхъ интересовъ и выходили оттуда только для того, чтобы попользоваться на счетъ другихъ. Когда въ обществѣ падаютъ общіе интересы, то положеніемъ дѣлъ обыкновенно овладѣваютъ тѣ, которые энергичнѣе другихъ дѣйствуютъ во имя интересовъ личныхъ, а такими чаще всего бываютъ не наиболѣе даровитые, а наиболѣе угрожаемые—тѣ, кому наиболѣе грозитъ это паденіе. Московскіе князья были въ такомъ положеніи: по своему генеалогическому значенію это были наиболѣе безправные, приниженные князья, а условія ихъ экономическаго положенія давали имъ обильныя средства дѣйствовать во имя личной выгоды. Потому они лучше другихъ умѣли приноровиться къ условіямъ своего времени. Они дѣйствовали, какъ промышленники, въ которыхъ ремесло и обстоятельства развиваютъ смѣтливость и находчивость на счетъ другихъ высшихъ качествъ и стремленій. Купецъ, чѣмъ исключительнѣе входитъ въ свое дѣло, забывая другіеи нтересы, тѣмъ успѣшнѣе ведетъ его. Я хочу сказать, что *фамильный характеръ московскихъ князей съ ихъ своеобразной наслѣдственной политикой былъ не кореннымъ условіемъ успѣховъ московскаго княжества, а только произведеніемъ тѣхъ же условій: этотъ характеръ и эта политика не создали политическаго и національнаго могущества Москвы, а сами были дѣломъ историческихъ силъ, создавшихъ это могущество.*

Новгородъ Великій.

Мы кончили изученіе удѣльнаго порядка владѣнія и вышедшаго изъ него процесса, которымъ одно изъ удѣльныхъ княжествъ поднялось надъ другими и потомъ поглотило всѣ другія. Мы останавли-

ваемся на половинѣ XV в., на томъ моментѣ въ исторіи московскаго княжества, когда оно готовилось довершить этотъ процессъ поглощеніемъ послѣднихъ княжествъ, оставшихся въ сѣверной Руси. Московское княжество, нѣкогда одно изъ многихъ удѣльныхъ и потомъ вобравшее въ себя всѣ удѣлы, представляло въ XV в. политическую форму, которой принадлежало будущее. Но эта форма не была единственной на Руси XV в.; рядомъ съ нею существовали двѣ другія, въ которыхъ общественныя стихіи находились въ совершенно другихъ сочетаніяхъ. Эти другія политическія формы были: 1) казачество, 2) вольныя городскія общины.

Но казачество въ XV в. еще только завязывалось; мы познакомимся съ нимъ, когда оно достигнетъ достаточнаго развитія. Другая политическая форма, вольная городская община, напротивъ, уже доживала свой вѣкъ XV ст. Для полноты изученія русскаго общества въ удѣльные вѣка мы теперь бѣгло познакомимся съ этой отжившей политической формой.

Такихъ городскихъ обществъ въ сѣверной Руси удѣльнаго времени было три: Новгородъ Великій, его «младшій братъ» Псковъ и его колонія Вятка. Мы познакомимся съ ними по исторіи перваго изъ нихъ. Новгородъ Великій былъ типическимъ представителемъ и родоначальникомъ остальныхъ двухъ городовъ.

Топографія Новгорода и его территорія.

Политическое устройство Новгорода Великаго было тѣсно связано съ топографіей города. Новгородъ Великій расположенъ былъ по обѣимъ сторонамъ Волхова, недалеко отъ истока его изъ озера Ильменя. Первоначально Новгородъ состоялъ изъ отдѣльныхъ слободъ или поселковъ. Эти слободы или поселки составляли самостоятельныя общества, а потомъ соединились въ одну большую городскую общину. Слѣды этого отдѣльнаго существованія составныхъ частей Новгорода сохранились въ раздѣленіи его на концы. Рѣка Волховъ дѣлитъ Новгородъ на двѣ половины: на правую восточную сторону, называвшуюся Торговой, и на лѣвую западную, носившую названіе Софійской. Послѣдняя стала такъ называться съ той поры, какъ Ярославъ, сынъ Владиміра, построилъ здѣсь соборный храмъ святой Софіи. Торговая сторона называлась такъ потому, что здѣсь недалеко отъ волховскаго моста, соединявшаго обѣ половины города, находился главный городской рынокъ, «торгъ». Къ этому торгу примыкала площадь, носившая названіе Ярославова двора, ибо нѣкогда на этомъ мѣстѣ находилось подворье Ярослава, когда онъ правилъ Новгородомъ при жизни отца. На этой площади возвышалась «степень»—помостъ, съ котораго новгородскіе старшины обращались съ рѣчами къ собиравшемуся на вѣче народу. Близь степени стояла башня, на которой висѣлъ вѣчевой колоколъ, и внизу которой помѣщалась вѣчевая канцелярія.

Торговая сторона дѣлилась на два конца: Плотницкій сѣвернѣе и Славенскій—южнѣе. Торгъ и Ярославовъ дворъ находились въ Славенскомъ концѣ. Названіе его произошло отъ древнѣйшаго новгородскаго поселка—Славна (вотъ почему и Новгородъ въ древней лѣтописи, наз. Славенскимъ). На западной Софійской сторонѣ, тотчасъ

по переходѣ черезъ мостъ, находился «*Дѣтинецъ*»—кремль, которымъ окруженъ былъ Софійскій соборъ. Этотъ дѣтинецъ былъ церковнымъ и правительственнымъ средоточіемъ города. Западная сторона дѣлилась на три конца: Неревскій къ сѣверу, Загородскій къ западу и Гончарскій или Людинъ къ югу, къ Ильменю. Названіе концовъ Плотницкаго и Гончарскаго указываетъ на ремесленный характеръ древнихъ слободъ, изъ которыхъ образовались новгородскіе концы. Припомнимъ, что еще въ началѣ XI вѣка кіевляне бранили новгородцевъ презрительной кличкой «плотниковъ».

Новгородъ со своими пятью концами былъ политическимъ центромъ обширной территоріи, къ нему тянувшей. Эта территорія состояла изъ земель двухъ разрядовъ: изъ *пятинъ и волостей*; совокупность тѣхъ и другихъ составляла область или земли св. Софіи. Пятины были слѣдующія: къ сѣверо-западу, между Волховомъ и Лугой шла по направленію къ Ладожскому озеру и Финскому заливу пятина Вотьская, получившая свое названіе отъ финскаго племени води или воти, здѣсь обитавшаго; къ сѣверо-востоку, вправо отъ Волхова, тянулась къ Бѣлому морю, по обѣ стороны Онежскаго озера, пятина Обонежская; къ юго-востоку, между Мстой и Ловатью, простиралась пятина Деревская; къ юго-западу, между Лугой и Ловатью, по обѣ стороны Шелони, шла пятина Шелонская: на отлетѣ къ юго-востоку за пятиной Деревской и Обонежской простиралась пятина Бѣжецкая, получившая свое названіе отъ селенія Бѣжичей, одного изъ главныхъ ея административныхъ средоточій (въ нынѣшней Тверской губ.) *). Особенностью пятинъ было то, что всѣ онѣ, за исключеніемъ Бѣжецкой, начинались близь самаго Новгорода и на подобіе расширяющихся радіусовъ бѣжали отъ него въ различныя стороны (можетъ быть, нѣкогда и Бѣжецкая пятина начиналась ближе къ Новгороду, чѣмъ потомъ). Такъ напр., одинъ погостъ Обонежской пятины, Деревянинскій, находился въ двухъ верстахъ отъ Новгорода, а другой Спасскій, на Выго—озерѣ, въ 700 верстахъ. Такъ точно Вотьская пятина начиналась почти у самаго Новгорода, а ея дальные погосты разсѣяны были по Невѣ и Финскому заливу. Такъ точно и Шелонская пятина начиналась близъ Новгорода и шла на югъ по сѣверо-западному берегу Ильменя. Только въ Бѣжецкой пятины, по книгамъ XVI в., ближній погостъ находился въ 100 верстахъ отъ Новгорода.

Значитъ, въ составъ пятинъ первоначально входили древнѣйшія и ближайшія къ городу владѣнія Новгорода. Земли, владѣнія позднѣйшія и болѣе отдаленныя не вошли въ пятинное дѣленіе и составили особыя волости или земли. Такъ Волокъ-Ламскій и Торжокъ со своими округами не принадлежали ни къ какой пятинѣ. На востокъ за Обонежской и Бѣжецкой пятиной простиралось обширное Заволочье, или Двинская земля. Эта волость называлась, Заволочьемъ потому, что находилась «за Волокомъ», за обширнымъ водораздѣломъ, отдѣляющимъ бассейнъ Сѣверной Двины и Онеги отъ бассейна Волги. За Двинской землей простиралась волость Печора по обѣимъ сторонамъ рѣки того же имени. Рѣкой Вычегдой опредѣлялось положеніе Пермской земли. По сѣверному берегу Бѣлаго моря была принадлежащая Нов-

*) Эта пятина захватывала сѣверную часть нынѣшней Тверской губ., западную Ярославской и юго-восточный уголъ Новгородской губ.

городу земля Тре или Терскій берегъ. По ту сторону сѣвернаго Уральскаго хребта находилась Югра.

Вотъ главныя Новгородскія волости, не вошедшія въ пятинное дѣленіе его территоріи. Эти отдѣльныя волости рано пріобрѣтены были городомъ; уже въ XI в. новгородцы хаживали за данью на Двину, на Печору, а въ XIII в. собирали дань на Терскомъ берегу. Новгородская территорія расширялась преимущественно путемъ военно-промышленной колонизаціи. Въ Новгородѣ составлялись компаніи вооруженныхъ промышленниковъ, которыя направлялись, преимущественно рѣками, въ разныя стороны отъ Новгорода, больше всего на финскій сѣверо-востокъ, основывали поселенія, облагали данью покоренныхъ туземцевъ и заводили лѣсные и другіе промыслы.

Условія и ходъ развитія Новгородской вольности.

Новгородская земля въ первые вѣка нашей исторіи по устройству своему является совершенно похожей на области другихъ старшихъ городовъ Русской земли. Точно также и отношенія Новгорода къ князьямъ мало отличались отъ тѣхъ, въ какихъ стояли старшіе города остальныхъ русскихъ волостей. Съ тѣхъ поръ, какъ первые князья покинули Новгородъ для Кіева, Новгородъ обязанъ былъ платить кіевскому князю опредѣленную дань. Послѣ Ярослава Новгородская земля присоединена была къ великому княжеству кіевскому, и великій князь, обыкновенно, посылалъ туда для управленія своего сына или ближайшаго родственника, назначая въ помощники ему посадника. Еще въ началѣ XII в., при Владимірѣ Мономахѣ, новгородцы вызывались въ Кіевъ на судъ тамошняго князя; въ Кіевѣ митрополитъ, съ соборомъ епископовъ, выбиралъ и рукополагалъ епископа на новгородскую каѳедру. Словомъ, не замѣтно въ бытѣ Новгорода никакихъ политическихъ особенностей, которыя выдѣляли бы его изъ ряда другихъ городовыхъ областей Русской земли. Но со второй четверти XII в., со смерти Владиміра Мономаха, эти особенности развиваются все успѣшнѣе. Въ успѣхахъ этого политическаго обособленія Новгородской земли принимали участіе разныя условія. Эти условія нигдѣ не встрѣчались въ такомъ сочетаніи, въ какомъ они дѣйствовали въ судьбѣ Новгорода Великаго. Одни изъ этихъ условій связаны были съ географическимъ положеніемъ края, другія выходили изъ той исторической обстановки, среди которой жилъ Новгородъ.

Географическія условія были таковы. 1) Новгородъ былъ земскимъ средоточіемъ края, занимавшаго отдѣльный сѣверо-западный уголъ тогдашней Руси. Это отдаленное положеніе выдѣлило Новгородъ изъ круга земель, гдѣ преимущественно сосредоточивались княжескія отношенія, изъ круга земель, которыя были главной сценой дѣятельности князей. Это избавляло Новгородъ отъ непосредственнаго давленія со стороны князей и ихъ боевыхъ дружинъ, позволяло новгородскому быту развиваться на большемъ просторѣ. 2) Новгородъ находился въ краѣ, наполненномъ лѣсами и болотами, гдѣ хлѣбопашество никогда не было основаніемъ народнаго хозяйства. Это не позволяло установиться здѣсь тѣмъ простымъ общественнымъ отношеніямъ, основаніемъ которыхъ въ другихъ областяхъ Руси было

господство земледѣльческаго хозяйства. Наконецъ, 3) Новгородъ лежалъ близко ко всѣмъ главнымъ рѣчнымъ бассейнамъ нашей равнины, къ Волгѣ, Днѣпру и Западной Двинѣ, а Волховъ соединялъ его воднымъ путемъ съ Финскимъ заливомъ. Находясь среди этихъ большихъ торговыхъ дорогъ, Новгородъ рано втянулся въ разносторонніе торговые обороты. Благодаря этому, основаніемъ его хозяйства стала торговля.

Историческія обстоятельства, которыя помогли развиться новгородской вольности, были таковы. Въ XII ст. усобицы князей уронили княжескую власть. Благодаря этому, мѣстные земскіе міры получили возможность свободнѣе опредѣлять свои отношенія къ князьямъ. Этой выгодой всѣхъ шире воспользовался Новгородъ. Стоя на краю Руси, съ нѣсколькихъ сторонъ окруженный враждебными инородцами и притомъ занимаясь преимущественно внѣшней торговлей, Новгородъ всегда нуждался въ князѣ и его боевой дружинѣ для обороны своихъ границъ и торговыхъ путей. Но именно въ XII в., когда запутавшіеся княжескіе счеты уронили авторитетъ князя, Новгородъ нуждался въ князѣ и его дружинѣ менѣе, чѣмъ нуждался прежде и чѣмъ сталъ нуждаться потомъ. Потомъ на границахъ Новгородской земли стали два опасные врага: Ливонскій орденъ и объединенная Литва. Въ XII ст. еще не существовало ни того, ни другого врага: Ливонскій орденъ основался въ самомъ началѣ XIII ст., а Литва стала объединяться съ конца этого вѣка. Совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ условій опредѣлились и отношенія Новгорода къ князьямъ, и устройство его управленія, и общественный складъ его, и, наконецъ, характеръ его политической жизни. Съ этихъ сторонъ мы и изучимъ его исторію.

Въ X ст. князья еще мало дорожили Новгородской землей; ихъ интересы привязаны были къ южной Руси. Когда Святославъ, собираясь во второй разъ въ Болгарію, сталъ дѣлить землю Русскую между своими сыновьями, новгородцы пришли просить князя. Святославъ, по лѣтописи, сказалъ имъ: «Да пойдетъ-ли кто къ вамъ?» Послѣдующіе князья болѣе дорожили Новгородской землей, выгодою, какую доставляло управленіе этимъ богатымъ краемъ. Но новгородцы тотчасъ же послѣ смерти Мономаха, какъ только упала его тяжелая рука, начали добиваться важныхъ политическихъ льготъ. Княжескія усобицы сопровождались частыми смѣнами князей на новгородскомъ столѣ. Весь XII вѣкъ наполненъ былъ борьбою двухъ главныхъ линій Ярославова племени, Мономаховичей и Ольговичей. Эта борьба давала возможность новгородцамъ дѣлать выборъ между князьями-соперниками и налагать на выбраннаго князя извѣстныя обязательства, которыя стѣсняли его власть. Притомъ, частыя смѣны князей въ Новгородѣ сопровождались и перемѣнами въ личномъ составѣ высшей новгородской администраціи. Князь правилъ Новгородомъ при содѣйствіи назначаемыхъ имъ, или великимъ княземъ кіевскимъ, помощниковъ, посадника и тысяцкаго. Когда его выгоняли изъ Новгорода, съ нимъ вмѣстѣ, обыкновенно, долженъ былъ уходить и назначаемый имъ посадникъ. Когда князь добровольно покидалъ Новгородъ, назначаемый имъ посадникъ, оставаясь въ городѣ, терялъ свою должность, потому что новый князь, обыкновенно поддерживаемый другой партіей въ городѣ, назначалъ новаго посадника. Но въ промежуткахъ между

двумя князьями, когда городъ оставался безъ высшаго правительства, онъ пріучался выбирать временнаго посадника и требовалъ отъ новаго князя утвержденія его въ должности.

Такъ, самимъ ходомъ дѣла завелся въ Новгородѣ обычай выбирать посадника. Этотъ обычай обнаруживается въ разсказѣ мѣстной лѣтописи тотчасъ по смерти Мономаха, когда новгородцы дали посадничество одному изъ своихъ согражданъ (1126 г.). Послѣ выборъ посадника превратился въ постоянное право, которымъ очень дорожили новгородцы. Понятна перемѣна въ самомъ характерѣ этой правительственной должности, происшедшая вслѣдствіе того, что она давалась на вѣчѣ, а не на княжескомъ дворѣ: изъ представителя и блюстителя интересовъ князя предъ новгородцами, выборный посадникъ долженъ былъ стать представителемъ интересовъ Новгорода передъ княземъ. Послѣ и другая важная должность—тысяцкаго стала также выборной. Важное значеніе въ новгородскомъ управленіи имѣлъ мѣстный епископъ. До половины XII в. его назначалъ и рукополагалъ русскій митрополитъ съ соборомъ епископовъ въ Кіевѣ, слѣдовательно, подъ вліяніемъ великаго князя. Но со второй половины XII в. новгородцы стали выбирать изъ мѣстнаго духовенства и своего владыку, собираясь «всѣмъ городомъ» на вѣчѣ и посылая его въ Кіевъ къ митрополиту для рукоположенія. Первымъ новгородскимъ епископомъ, выбраннымъ всѣмъ городомъ, какъ мірянами, такъ и мѣстнымъ духовенствомъ, сталъ (съ 1156 г.) одинъ изъ новгородскихъ игуменовъ, Аркадій. Съ тѣхъ поръ за кіевскимъ митрополитомъ осталось лишь право рукополагать присланнаго изъ Новгорода кандидата. Такъ, *высшая новгородская администрація во второй и третьей четверти XII вѣка стала выборной.*

Вмѣстѣ съ этимъ, новгородцы стали точнѣе опредѣлять и свои отношенія къ князьямъ. Приглашая къ себѣ князя, городъ заключалъ съ нимъ «рядъ»—договоръ; на договорномъ правѣ и основывалось участіе князя въ новгородскомъ управленіи. Слѣды этихъ рядовъ появляются уже въ первой половинѣ XII в. Мстиславъ Мономаховичъ, ставши великимъ княземъ, посадилъ въ Новгородѣ своего сына Всеволода. Этотъ Всеволодъ, по смерти отца, вызванъ былъ въ 1132 г. его преемникомъ и братомъ Ярополкомъ на югъ, въ надеждѣ занять кіевскій столъ послѣ дяди. Вскорѣ потерпѣвши неудачу, онъ вернулся въ Новгородъ. Но новгородцы не приняли его, потому что уходомъ на югъ онъ нарушилъ свое крестоцѣлованіе къ Новгороду, поступилъ несогласно съ принятыми на себя обязательствами. Всеволодъ III Суздальскій, сдѣлавшись великимъ княземъ, распоряжался въ Новгородѣ самовольно, не уважалъ новгородской старины, вызывалъ новгородцевъ на судъ въ Суздальскую землю, посадивъ въ Новгородѣ своего посадника. Но въ 1203 г. новгородцы оказали ему услуги въ борьбѣ съ черниговскими и рязанскими князьями. Въ награду за это суздальскій князь сказалъ новгородцамъ: «Любите, кто вамъ добръ, и казните злыхъ». При этомъ,—добавляетъ лѣтописецъ,—Всеволодъ далъ новгородцамъ «всю волю и уставы князей, чего хотѣли новгородцы». Итакъ, Всеволодъ уже возстановилъ какіе-то старые уставы князей и предоставилъ городу судебную власть въ извѣстныхъ дѣлахъ. Въ 1218 г. изъ Новгорода ушелъ правившій тамъ знаменитый Мстиславъ Удалой. Мѣсто его занялъ его смоленскій родичъ Святославъ Мсти-

славичъ. Этотъ князь потребовалъ смѣны выборнаго новгородскаго посадника Твердислава. «А за что?—спросили новгородцы,—какая его вина?»—«Такъ, безъ вины»,—отвѣтилъ князь.—Твердиславъ возразилъ, обращаясь къ вѣчу: «Радъ я, братья, что нѣтъ на мнѣ вины, а вы и въ посадникахъ и въ князьяхъ вольны». Тогда вѣче сказало князю: «Вотъ ты лишаешь мужа должности, а ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа должности не лишать». Итакъ, уже въ началѣ XIII ст. князья крестнымъ цѣлованіемъ обезпечивали извѣстныя права новгородцевъ. Условіе не лишать должности новгородскаго сановника безъ вины. т. е. безъ суда, является однимъ изъ главныхъ обезпеченій новгородской вольности въ позднѣйшихъ договорахъ съ князьями.

Отношенія Новгорода къ князьямъ.

Политическія льготы, которыхъ добились новгородцы, излагались въ договорныхъ грамотахъ. Первыя такія грамоты, до насъ дошедшія, не раньше второй половины XIII в. Ихъ три, онѣ излагаютъ условія, на которыхъ правилъ Новгородской землей Ярославъ тверской. Двѣ изъ нихъ написаны въ 1265 г., и одна въ 1270 г. Позднѣйшія договорныя грамоты повторяютъ лишь условія, изложенныя въ этихъ грамотахъ Ярослава. Изучая ихъ, видимъ основанія политическаго устройства Новгорода. Новгородцы обязывали князей цѣловать крестъ, на чемъ цѣловали ихъ отцы и дѣды. Главная общая обязанность, падавшая на князя, состояла въ томъ, чтобы онъ правилъ, «держалъ Новгородъ въ старинѣ по пошлинамъ», т. е. по старымъ обычаямъ. Значитъ, условія, изложенныя въ грамотахъ Ярослава, были не нововведеніемъ, а завѣтомъ старины. Договоры опредѣляли: 1) судебно-административныя отношенія князя къ городу, 2) финансовыя отношенія города къ князю, 3) отношенія князя къ новгородской торговлѣ.

Князь былъ въ Новгородѣ высшей судебной и правительственной властью. Но всѣ судебно-административныя дѣйствія онъ совершалъ не одинъ и не по личному усмотрѣнію, а въ присутствіи и съ согласія выборнаго новгородскаго посадника. На низшія должности, замѣщаемыя не по выбору, а по княжескому назначенію, князь избиралъ людей изъ новгородскаго общества, а не изъ своей дружины. Всѣ такія должности раздавалъ онъ съ согласія посадника. Князь не могъ отнять безъ суда должности у выборнаго или назначеннаго чиновника. Притомъ всѣ судебно правительственныя дѣйствія совершалъ онъ лично въ Новгородѣ и ничѣмъ не могъ распоряжаться, живя въ своемъ удѣлѣ: «А изъ Суздальской ти земли, читаемъ въ договорѣ, Новагорода не рядити, ни волостій (должностей) ти не раздавати». Точно также безъ посадника князь не могъ судить, никому не могъ выдавать грамотъ. Такъ вся судебно-правительственная дѣятельность князя контролировалась представителемъ Новгорода.

Съ мелочной подозрительностью опредѣляли новгородцы свои финансовыя отношенія къ князю, его доходы. Князь получалъ «даръ» съ Новгородской земли, ѣдучи въ Новгородъ, и не могъ брать его, ѣдучи изъ Новгородской земли. Дань получалась княземъ только съ Заволочья, покореннаго края, не входившаго въ пятинное дѣленіе Нов-

городской области; да и эту дань князь обыкновенно отдавалъ на откупъ новгородцамъ же. Если онъ самъ собиралъ ее, то посылалъ въ Заволочье двухъ сборщиковъ, которые собранную дань не могли везти прямо въ удѣлъ князя, а завозили сначала въ Новгородъ, откуда она и передавалась князю. Со времени татарскаго нашествія и на Новгородъ наложенъ былъ ордынскій *выходъ*, дань. Татары потомъ поручили сборъ этого выхода, названнаго *чернымъ боромъ*, т. е. повальнымъ, поголовнымъ налогомъ, великому князю владимирскому. Новгородцы сами собирали черный боръ и передавали его своему князю, который доставлялъ его въ Орду. Кромѣ того, князь пользовался въ Новгородской землѣ извѣстными угодьями, рыбными ловлями, бортями, звѣриными гонами; но всѣми этими угодьями онъ пользовался по точно опредѣленнымъ правиламъ, въ урочное время и въ условныхъ размѣрахъ. Новгородцы всего больше старались помѣшать князю завязать какія-либо личныя хозяйственныя связи въ Новгородской землѣ, пустить здѣсь крѣпкіе корни. Въ договорныхъ грамотахъ князю вмѣстѣ съ княгиней, боярами и дворянами запрещалось пріобрѣтать села въ собственность и принимать людей въ закладъ (личную кабальную зависимость).

Съ такою же точностью были опредѣлены отношенія князя и къ новгородской торговлѣ. Торговля, преимущественно внѣшняя, была жизненнымъ нервомъ города. Князь нуженъ былъ Новгороду не только для обороны границъ, но и для обезпеченія торговыхъ интересовъ; онъ долженъ былъ давать въ своемъ княжествѣ свободный и безопасный путь новгородскимъ купцамъ. Было точно опредѣлено, какія пошлины взимать князю съ каждой торговой новгородской ладьи или съ торговаго воза, являющихся въ его княжествѣ. Въ Новгородѣ рано основались нѣмецкіе купцы. Въ XIV в. было въ Новгородѣ два двора заморскихъ купцовъ: одинъ принадлежалъ ганзейскимъ городамъ, другой готскій—купцамъ съ острова Готланда. При этихъ дворахъ находились даже двѣ католическія церкви. Князь могъ участвовать въ торговлѣ города съ заморскими купцами только черезъ новгородскихъ посредниковъ; онъ не могъ затворять дворовъ иноземныхъ купцовъ, ставить къ нимъ своихъ приставовъ. Такъ была ограждена внѣшняя торговля Новгорода отъ произвола со стороны князя.

Связанный такими обязательствами, князь получалъ за свои боевыя и правительственныя услуги городу опредѣленный кормъ. *Припомнимъ, значеніе князя, вождя дружины въ старинныхъ торговыхъ городахъ Руси IX в.: это былъ наемный военный сторожъ города и его торговли. Точно такое же значеніе имѣлъ и новгородскій князь удѣльнаго времени*. Такое значеніе князя въ вольномъ городѣ выражено псковскою лѣтописью, которая одного псковскаго князя XV в. называетъ воеводой псковичей, княземъ кормленнымъ, «о комъ было имъ стояти и боронитися». Значеніе князя, какъ наемника, Новгородъ старался поддерживать договорами до конца своей вольности. Такъ опредѣлены были отношенія Новгорода къ князьямъ по договорамъ.

Управленіе въ Новгородѣ.

1. Вѣче. Мы видѣли, что отношенія Новгорода къ князю съ большой точностью опредѣлялись договорами. Но мы знаемъ также, что договоры еще съ XII в. опредѣляли отношенія князя и къ другимъ главнымъ городамъ областей. Итакъ, Новгородъ въ удѣльные вѣка лишь продолжалъ развивать тотъ порядокъ отношеній, какой сталъ завязываться гораздо раньше. Теперь посмотримъ, какъ было устроено новгородское управленіе. Договорами были разорваны всѣ органическія связи князя съ мѣстнымъ обществомъ. Онъ явился здѣсь наемнымъ, временнымъ сторожемъ, который съ своей дружиной входитъ лишь механически въ составъ мѣстнаго общества. Благодаря этому, политическій центръ тяжести долженъ былъ перемѣститься въ Новгородѣ съ княжескаго двора на вѣчевую площадь, въ среду мѣстнаго общества. Вотъ почему, несмотря на присутствіе князя, Новгородъ въ удѣльные вѣка былъ собственно городской республикой.

Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ въ Новгородѣ то же военное устройство, какое было усвоено главными городами областей еще до князей. Городъ составлялъ тысячу, военный полкъ, подъ командой тысяцкаго. Тысяча эта подраздѣлялась на военныя части, городскія сотни. Каждая сотня съ своимъ выборнымъ сотскимъ представляла особое общество, пользовавшееся извѣстной долей самоуправленія. Въ военное время это былъ рекрутскій округъ, въ мирное – округъ полицейскій. Но сотня не была самой мелкой административной частью города; она подраздѣлялась на улицы. Каждая улица съ своимъ выборнымъ «улицкимъ» старостой составляла также особый мѣстный міръ, пользовавшійся самоуправленіемъ. Съ другой стороны, сотни соединялись въ болѣе крупные союзы, называвшіеся концами. Каждый конецъ состоялъ изъ двухъ сотенъ и управлялся своимъ выборнымъ «кончанскимъ» старостою. Послѣдній, впрочемъ, дѣйствовалъ не одинъ; рядомъ съ нимъ видимъ коллегію знатныхъ мѣстныхъ обывателей, которая составляла кончанскую управу. Это—исполнительное учрежденіе по текущимъ дѣламъ конца. Оно дѣйствовало подъ надзоромъ кончанскаго схода или вѣча, имѣвшаго распорядительную власть. Союзъ концовъ и составлялъ общину Великаго Новгорода. Такимъ образомъ, Новгородъ состоялъ изъ многостепеннаго соединенія мѣстныхъ міровъ, мелкихъ и крупныхъ, изъ которыхъ послѣдніе составлялись посредствомъ сложенія первыхъ. Совокупная воля этихъ союзныхъ міровъ выражалась въ городскомъ вѣчѣ.

Вѣче Новгорода Великаго по происхожденію своему было учрежденіемъ совершенно однороднымъ съ вѣчами другихъ главныхъ областныхъ городовъ; только въ удѣльные вѣка благопріятныя обстоятельства и большой политическій просторъ помогли новгородскому вѣчу облечься въ нѣсколько болѣе опредѣленныя формы. Впрочемъ, въ устройствѣ вѣча до конца новгородской вольности оставались важные пробѣлы. Вѣче созывалъ иногда князь, чаще главный городской сановникъ, посадникъ, либо тысяцкій; иногда вѣче созывалъ какой-либо мѣстный агитаторъ, пользуясь тревожнымъ слухомъ. Оно не было постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, созывалось, когда являлось въ немъ надобность. Никогда не было установлено постояннаго срока для созыва.

Граждане собирались по звону висѣвшаго на вѣчевой башнѣ колокола. Звукъ этого колокола новгородское ухо хорошо отличало отъ звона церковныхъ колоколовъ. Обычнымъ мѣстомъ собраній вѣча былъ Ярославовъ дворъ, т. е. описанная мною площадь близь главнаго городского рынка. Вѣче по составу своему не было учрежденіемъ представительнымъ и не состояло изъ депутатовъ; на вѣчевую площадь бѣжалъ всякій, считавшій себя полноправнымъ гражданиномъ. Вѣче состояло изъ однихъ новгородцевъ; на такой составъ городскихъ вѣчъ указываетъ уже лѣтописецъ XII в., который, замѣчая о сходкахъ, главныхъ областныхъ городовъ. говоритъ: «на чемъ старшіе (т. е. граждане старшихъ городовъ) положатъ, на томъ и пригороды станутъ». Изрѣдка на новгородскомъ вѣчѣ появлялись и пригорожане, впрочемъ, только изъ двухъ пригородовъ, Ладоги и Пскова; но это участіе было чисто случайное: возникалъ вопросъ, касавшійся пригородовъ и новгородцы звали случившихся у нихъ на ту пору пригорожанъ на вѣче. Вопросъ, подлежавшій обсужденію вѣча. предлагался ему со «степени», съ погоста, степеннымъ посадникомъ или тысяцкимъ.

Вопросы, подлежавшіе рѣшенію вѣча, были законодательные и учредительные: оно постановляло новые законы, приглашало князя, или изгоняло его, выбирало и судило высшихъ городскихъ сановниковъ, разбирало споры князя или его намѣстника съ представителями города, посадникомъ и тысяцкимъ, рѣшало вопросъ о войнѣ и мирѣ и т. п. Разумѣется, на вѣчѣ по самому составу его не могло быть ни правильнаго обсужденія вопроса, ни правильнаго голосованія. Рѣшеніе составлялось на глазомѣръ, лучше сказать на слухъ, скорѣе по силѣ криковъ, чѣмъ по большинству голосовъ. Когда вѣче раздѣлялось, большинство вырабатывалось иногда насильственнымъ путемъ, помощью драки: осилившая сторона и была большинствомъ. Иногда весь городъ раздѣлялся и тогда созывалось два вѣча, одно на обычномъ мѣстѣ, на Торговой сторонѣ, другое на Софійской, близь соборнаго храма. Такой споръ разрѣшался обыкновенно тѣмъ, что оба вѣча сходились на волховскомъ мосту и вступали въ драку, если духовенство не поспѣвало во время разнять противниковъ. Это значеніе волховскаго моста выразилось въ поэтической формѣ въ легендѣ, которую записалъ одинъ иностранецъ XVI в., баронъ Герберштейнъ. Онъ говоритъ, что когда при Владимірѣ Святомъ новгородцы сбросили въ Волховъ идола Перуна, послѣдній доплывъ до моста, выкинулъ на него палку со словами: «вотъ вамъ новгородцы отъ меня на память». Съ тѣхъ поръ въ урочное время сходятся новгородцы на волховскомъ мосту и начинаютъ драться, словно бѣшеные.

2. Посадникъ и тысяцкій. Исполнительными органами вѣча были два главныхъ выборныхъ городскихъ сановниковъ, между которыми дѣлалось веденіе текущихъ дѣлъ. Это были посадникъ и тысяцкій (въ XV в. въ Псковѣ—два посадника безъ тысяцкаго). Пока они занимали свои должности, они назывались «степенными», т. е. стоящими на степени. а по оставленіи должности вступали въ разрядъ «посадниковъ и тысяцкихъ старыхъ». Трудно разграничить вѣдомство каждаго изъ нихъ. Посадникъ, кажется. былъ гражданскимъ управителемъ города, тысяцкій—управителемъ преимущественно военнымъ и полицейскимъ. Вотъ почему нѣмцы въ удѣльные вѣка называли посадника бургграфомъ, а тысяцкаго герцогомъ. Каждый изъ нихъ за

свой административный трудъ пользовался извѣстнымъ вознагражденіемъ. Доходъ посадника назывался поральемъ,—знакъ, что это былъ спеціальный налогъ, падавшій на сохи или рала, т. е. на извѣстныя участки земли. Посадскій и тысяцкій получали полномочіе отъ вѣча на неопредѣленное время: иные правили по одному году, другіе меньше, иные по нѣскольку лѣтъ; въ XIII в. одинъ посадникъ занималъ свою должность 13 лѣтъ. Только въ XV в., повидимому, установленъ былъ опредѣленный срокъ для высшихъ городскихъ управителей. По крайней мѣрѣ, одинъ французскій путешественникъ, Ланнуа, посѣтившій Новгородъ въ началѣ XV в., замѣчаетъ о посадникѣ и тысяцкомъ, что они смѣнялись ежегодно. Посадники и тысяцкій дѣйствовали съ помощью цѣлаго штата подчиненныхъ имъ низшихъ агентовъ.

3. Совѣтъ господъ. Вѣче имѣло учредительное и законодательное значеніе; выборное городское управленіе—значеніе судебное, административное. Легко замѣтить пробѣлъ, оставшійся между вѣчемъ и его исполнительными органами. Вѣче не могло правильно обсудить предлагаемые вопросы. Вопросы эти должны были быть предварительно разработаны особымъ учрежденіемъ, которое могло предложить готовый проектъ закона вѣчу. Такимъ подготовительнымъ и распорядительнымъ учрежденіемъ былъ новгородскій «совѣтъ господъ», или «господа», какъ называли въ Псковѣ. «Господа» вольнаго города развились изъ древней боярской думы князя съ участіемъ городскихъ старѣйшинъ. Такую думу мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ при Владимирѣ Святомъ. Въ XII ст., когда Новгородъ только что началъ завоевывать свою вольность, мѣстные князья о важныхъ вопросахъ совѣтывались съ своими боярами и новгородскими сотскими и старостами. По мѣрѣ того, какъ падалъ авторитетъ мѣстнаго князя, онъ съ своими боярами былъ вытѣсненъ изъ мѣстнаго совѣта. Послѣдній остался подъ руководствомъ мѣстнаго владыки-архіепископа, который сталъ постояннымъ предсѣдателемъ правительственнаго сената. Самый совѣтъ состоялъ изъ княжескаго намѣстника и главныхъ городскихъ властей, степенныхъ посадника и тысяцкаго, изъ кончанскихъ старостъ и сотскихъ съ нѣкоторыми «бирючами», т. е. приставами правительственнаго совѣта. Но въ составъ этого совѣта вошли не однѣ городскія власти,—высшія должностныя лица, посадники «старые», также получали мѣста въ совѣтѣ рядомъ со степенными. Частыя смѣны высшихъ сановниковъ подъ вліяніемъ борьбы партій были причиною того, что въ совѣтѣ господъ всегда было много старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Въ XV ст., наканунѣ паденія новгородской вольности, новгородскій совѣтъ господъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 50 лицъ.

Совѣтъ господъ, сказали мы, былъ учрежденіемъ, подготовлявшимъ вопросы ко внесенію на вѣче. Онъ составлялъ проектъ закона вполнѣ готовый, на который вѣче могло сказать только «да» или «нѣтъ» но, такъ какъ новгородскій совѣтъ по характеру мѣстнаго строя состоялъ изъ людей высшаго класса, пользовавшихся огромнымъ экономическимъ вліяніемъ на весь городъ, то онъ, пользуясь этимъ вліяніемъ и своею распорядительною властью, часто и предрѣшалъ вопросы, проводя на вѣчѣ подготовленные имъ самимъ отвѣты. Въ исторіи новгородской политической жизни совѣтъ бояръ имѣлъ болѣе важное значеніе, чѣмъ вѣче, бывшее обыкновенно послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ.

4. Областное управленіе; пятины и пригороды. Таково было устройство центральнаго новгородскаго управленія въ главномъ городѣ. Но къ этому городу тянула обширная территорія. Эта территорія дѣлилась, какъ мы видѣли, на пятины и волости. Областное управленіе вольныхъ городовъ было связано съ ихъ дѣленіемъ на концы; каждая новгородская пятина зависѣла въ управленіи отъ городского конца, къ которому была приписана. Такую связь указываетъ въ неясномъ, впрочемъ, извѣстіи упомянутый мною Герберштейнъ. Смыслъ его свидѣтельства таковъ. Нѣкогда, во времена своей вольности, городъ имѣлъ обширную область, раздѣленную на пять частей; каждая изъ этихъ частей не только относилась во всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ къ начальству своей части, но и сдѣлки съ другими согражданами каждый могъ совершать только въ своей части города, и никому не позволялось обращаться съ чѣмъ-либо къ другому начальству того же города. Герберштейнъ хотѣлъ сказать, или ему говорили, что каждая территоріальная часть, т. е. пятина новгородской земли во всѣхъ дѣлахъ обращалась къ своей городской части. Точно такой же порядокъ управленія существовалъ и въ Псковѣ. Изъ мѣстной лѣтописи узнаемъ, что всѣ старые пригороды издавна были здѣсь распредѣлены по городскимъ концамъ. Въ 1468 г., когда накопилось много новыхъ пригородовъ, на вѣчѣ рѣшено было также раздѣлить ихъ по жребію между концами, по два пригорода на каждый конецъ.

Имѣемъ въ актахъ указаніе на такую административную связь пятинъ съ концами. Въ началѣ XV ст. преподобный Савва основалъ монастырь на рѣкѣ Вишерѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода. Онъ обратился въ Новгородъ съ просьбой дать ему землю, на которой возникла обитель. Земля дана была новгородскимъ вѣчемъ, т. е. совѣтомъ бояръ съ доклада вѣчу. Монастырь Саввы Вишерскаго возникъ въ Обонежской пятинѣ, которая была приписана къ Славенскому концу. По смерти основателя понадобилось подтвердить жалованный актъ и отмежевать землю монастыря отъ земли сосѣдей. Съ просьбой объ этомъ монастырь обратился въ Славенскій конецъ, который и исполнилъ ходатайство обители въ двухъ актахъ. Одна грамота дана посадниками великаго конца, боярами, житыми людьми и всѣмъ «господиномъ великимъ концомъ Славенскимъ». Эта грамота подтвердила право монастыря на данную ему землю. Другой актъ былъ исполненіемъ перваго; здѣсь монастырская земля отмежевывалась отъ земли сосѣдей. Вторая эта грамота дана посадниками Славенскаго конца, которыхъ названо восемь. Итакъ, первый актъ былъ данъ на кончанскомъ вѣчѣ, составленномъ изъ всѣхъ обывателей конца, второй— кончанской управою, составленной изъ знатныхъ обывателей конца. Эти обыватели были старые посадники, которые, по мѣсту жительства, выбирались преимущественно въ члены кончанскихъ управъ. Пятина, завися отъ городскихъ концовъ, не имѣла своего мѣстнаго административнаго средоточія. Каждая пятина дѣлилась на особые округа называвшіеся уѣздами. Такъ, Вотьская пятина дѣлилась на уѣзды Новгородскій и Ладожскій съ Орѣховскимъ. Каждый уѣздъ имѣлъ административное средоточіе въ извѣстномъ пригородѣ, такъ что кончанское управленіе было единственной связью, соединявшей пятину въ одно административное цѣлое.

Пригородъ съ своимъ уѣздомъ былъ такой же мѣстный самоуправляющійся міръ, какимъ были новгородскія сотни или концы. Въ каждомъ пригородѣ собирались отъ времени до времени свои мѣстныя вѣча. Впрочемъ, этими вѣчами руководилъ пригородскій посадникъ, присылаемый изъ старшаго города. Псковъ былъ новгородскимъ пригородомъ до половины XIV в. По договору съ Новгородомъ въ 1347 г. Псковъ разорвалъ свою политическую зависимость отъ старшаго города. Новгородъ отказался отъ права посылать въ Псковъ посадника, какъ и вызывать псковичей на судъ гражданскій или церковный. Однако, эта политическая зависимость пригородовъ, кажется, всегда была очень слаба; пригороды иногда, отказывались принимать посадника, присланнаго изъ Новгорода. Естественно, что и вѣче пригородовъ оказывало свое давленіе на присылаемаго изъ Новгорода посадника. Другая форма, въ которой выражалась политическая зависимость пригорода отъ главнаго города были поборы, какіе взималъ главный городъ съ пригородовъ. Мы, впрочемъ, знаемъ лишь, что пригороды что-то платили въ казну города, но не знаемъ ни вида этихъ налоговъ, ни даже того, были ли они постоянны.

Вообще въ областномъ устройствѣ Новгородской земли можно замѣтить рѣшительный перевѣсъ центробѣжнаго стремленія, парализовавшаго дѣло политической централизаціи. Причиною этой слабой централизаціи былъ общественный строй Новгородской земли. Припоминая всѣ правительственные органы Новгородской земли, можно видѣть основной принципъ, на которомъ строилось новгородское управленіе. Этотъ принципъ былъ самостоятельность мѣстныхъ мелкихъ и крупныхъ міровъ, изъ которыхъ каждый пользовался значительной долей самоуправленія.

Классы новгородскаго общества.

Переходимъ къ изученію новгородскаго общества. Здѣсь надо различать классы городскіе и сельскіе. Населеніе главнаго города состояло изъ *бояръ, житьихъ людей, купцовъ и черныхъ людей.*

Во главѣ новгородскаго общества стояло мѣстное *боярство.* Какъ мы знаемъ, боярство въ древнихъ областяхъ Русской земли имѣло своимъ источникомъ княжескую службу. Въ Новгородѣ князь и его дружина, какъ мы видѣли, были случайнымъ, пришлымъ элементомъ, органически не входившимъ въ составъ мѣстнаго общества. Какъ же могло возникнуть боярство въ Новгородѣ, когда здѣсь, повидимому, не было самого источника, изъ котораго развивалось боярство въ другихъ областяхъ Русской земли? Отвѣчая на поставленный вопросъ, припомнимъ, что еще до князей главные города областей управлялись военно-промышленной старшиной, выходившей изъ руководящаго класса мѣстнаго общества. Новгородское боярство образовалось изъ такого же класса. По разнымъ обстоятельствамъ военная старшина, вытѣсненная въ другихъ городахъ изъ управленія княжеской дружиной, въ Новгородѣ сохранила за собой правительственное значеніе. Новгородскіе князья уже въ XI в. назначали на мѣстныя правительственныя должности людей изъ мѣстнаго общества. Изъ этихъ туземныхъ сановниковъ къ XII в. сложился въ Новгородѣ вліятельный классъ или кругъ

фамилій, имѣвшій двоякое руководящее значеніе въ мѣстномъ обществѣ: члены его занимали правительственныя должности по назначенію князя, а въ столкновеніяхъ города съ послѣднимъ становились во главѣ согражданъ противъ князя. Занимая по назначенію князя должности, которыя въ другихъ областяхъ давались боярамъ, люди этого класса и въ Новгородѣ получили значеніе и званіе бояръ. Вотъ почему уже въ началѣ XII ст. членовъ этого класса мѣстный лѣтописецъ зоветъ боярами. Въ церковномъ уставѣ Мономахова внука Всеволода сотскихъ городовъ, приглашенныхъ на совѣтъ князя, послѣдній называетъ «своими мужами», т. е. приравниваетъ къ своимъ боярамъ. Званіе бояръ мѣстная правительственная знать удержала и послѣ, когда она стала получать свои правительственныя полномочія отъ мѣстнаго вѣча, а не отъ князя.

Второй классъ, слѣдовавшій за боярами, назывался *житыми* или *житьими людьми*. Этотъ классъ выступаетъ не такъ ясно въ новгородскихъ памятникахъ. Онъ повидимому стоялъ ближе къ мѣстному боярству, чѣмъ къ низшему слою населенія; по крайней мѣрѣ, житьи люди являются въ управленіи часто рядомъ съ боярами. Значеніе ихъ объясняется въ связи съ экономическимъ значеніемъ боярства. Новгородское боярство, правившее городомъ, занимавшее высшія правительственныя должности по выбору вѣча, вмѣстѣ съ тѣмъ руководило народнымъ хозяйствомъ въ Новгородской землѣ; это былъ классъ крупныхъ капиталистовъ. Сами они не участвовали прямо въ торговыхъ оборотахъ, но ссужали своими капиталами мѣстныхъ торговцевъ. Въ новгородскихъ памятникахъ и преданіяхъ мѣстный бояринъ всегда является съ физіономіей капиталиста-ростовщика. Онъ кредитуетъ настоящихъ купцовъ или ведетъ торговые обороты помощью агентовъ изъ класса купцовъ. Житьи люди были повидимому капиталисты средней руки.

Классомъ настоящихъ торговыхъ людей были *купцы*. Это—либо торговцы, которые вели дѣла съ помощью боярскихъ капиталовъ, либо ихъ торговые агенты. Купцы уже принадлежали къ городскому простонародью слабо отдѣлялись отъ городской массы чернаго люда. *Черные люди*—это мелкіе ремесленники и рабочіе, которые брали работу или деньги для работы у высшихъ классовъ—бояръ и житьихъ людей.

Въ глубинѣ сельскаго населенія Новгородской земли мы встрѣчаемъ *холоповъ*. Новгородскіе бояре были крупные землевладѣльцы; впрочемъ, эти землевладѣльцы не были похожи на вотчинниковъ другихъ областей Руси. Новгородское землевладѣніе тѣсно связано было съ промышленнымъ бытомъ края; основаніемъ его было не столько хлѣбопашество, сколько промышленная разработка угодій. Крупные капиталисты пріобрѣтали себѣ обширныя вотчины, въ которыхъ эксплоатировали богатства лѣса или воды. Есть извѣстія о крупныхъ новгородскихъ вотчинникахъ, владѣвшихъ землями на сотни верстъ въ длину. Эти боярскія вотчины населены были преимущественно холопами.

Масса свободныхъ крестьянъ разсѣяна была по частнымъ и государственнымъ землямъ. Крестьяне, жившіе на этихъ государственныхъ земляхъ, носили старинное названіе *смердовъ*. Крестьяне снимавшія въ аренду земли частныхъ владѣльцевъ, назывались «половниками».

Половники—терминъ, происшедшій отъ древне-русскаго обычнаго условія земельной аренды обрабатывать землю «исполу», изъ половины дохода. Впрочемъ, въ XV в. половники арендовали чужія земли и на болѣе льготныхъ условіяхъ, изъ третьяго или четвертаго снопа. Въ Новгородской землѣ смерды и половники являются въ болѣе приниженномъ положеніи, чѣмъ въ другихъ областяхъ Руси. Половники даже приближались къ крѣпостнымъ, къ холопамъ. Такъ, въ договорахъ съ князьями видимъ условіе «холопа и половника безъ господина не судить». Въ то время какъ въ низовыхъ княжествахъ удѣльнаго времени вольные крестьяне пользовались правомъ перехода изъ княжества въ княжество, такіе переходы запрещались въ Новгородской землѣ. По договору съ тверскимъ княземъ Михаиломъ въ 1308 г. новгородцы обязали князя выдать обратно бѣглыхъ новгородскихъ холоповъ и половниковъ. Въ этомъ отношеніи Псковская земля рѣзко отличалась отъ Новгородской. Здѣсь половники, или «изорники» оставались совершенно свободными крестьянами, вольными арендаторами чужой земли: не только для нихъ не былъ запрещенъ переходъ отъ одного владѣльца къ другому, но даже долговое обязательство не привязывало изорника къ вотчиннику. Мы знаемъ, что по Русской Правдѣ закупъ, бѣжавшій отъ хозяина безъ расплаты, становился полнымъ его холопомъ. По Псковской Правдѣ, памятнику, получившему окончательный видъ въ XV в., изорникъ не наказывался лишеніемъ свободы за побѣгъ отъ вотчинника, хотя бы онъ оставался долженъ послѣднему; хозяинъ бѣжавшаго могъ только при участіи мѣстной власти продать имущество бѣглаго и вырученными деньгами вознаградить себя. Итакъ, въ вольной Новгородской землѣ низшее сельское населеніе, крестьяне, жившіе на господскихъ земляхъ, были поставлены въ большую зависимость отъ землевладѣльцевъ, чѣмъ гдѣ-либо въ тогдашней Руси.

Другою особенностью новгородскаго землевладѣнія былъ классъ крестьянъ-собственниковъ. Нигдѣ въ другихъ областяхъ на всемъ пространствѣ древней Руси мы не встрѣчаемъ землевладѣльцевъ, которые бы обрабатывали свои собственныя земли; всѣ они сидѣли либо на государственныхъ, либо на господскихъ земляхъ. Въ Новгородской землѣ встрѣчаемъ сельскій классъ, *земцевъ* или *своеземцевъ*. Классъ этотъ былъ довольно многочисленъ, сколько можно судить о томъ по дошедшимъ поземельнымъ новгородскимъ книгамъ. Къ сѣверу отъ Новгорода, въ уѣздахъ Новгородскомъ, Ладожскомъ и въ части Орѣховскаго, по книгамъ 1500 г. насчитывается безъ малаго 400 своеземцевъ, на земляхъ которыхъ обозначено болѣе 600 дворовъ своеземскихъ и крестьянскихъ. Эти своеземцы и жившіе на ихъ земляхъ крестьяне засѣвали немного болѣе 4700 четвертей озимой ржи (книги не упоминаютъ о яровомъ посѣвѣ); на каждый дворъ приходилось круглымъ числомъ по 7,4 четвертей ржи (четверть ржи соотвѣтствуетъ половинѣ десятины), а на каждаго своеземца около 12 четвертей, или 6 десятинъ озимаго ржаного посѣва съ соразмѣрнымъ количествомъ сѣнокоса. Вообще, это очень не крупные землевладѣльцы съ небольшими хозяйствами; у большей части изъ нихъ озимой пашни даже меньше указаннаго средняго размѣра. Но встрѣчаются и болѣе крупныя своеземскія хозяйства: въ одномъ имѣніи, принадлежавшемъ двумъ братьямъ съ племянникомъ по описи 1500 года, было 22 крестьян-

скихъ двора, и запахивалось подъ озимое до 120 десятинъ. Такому имѣнію позавидовалъ бы хорошій провинціальный дворянинъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. Но землевладѣніе новгородскихъ своеземцевъ отличалось нѣкоторыми особенностями отъ служилаго дворянскаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ. Прежде всего, своеземцы рѣдко владѣютъ землей въ одиночку; обыкновенно они сидятъ родственными кучками, по два по три человѣка и болѣе въ одномъ имѣніи. Иногда это не родственники, повидимому, а чужіе другъ другу люди. Значитъ, это были землевладѣльческія товарищества, связанныя договоромъ, часто еще кромѣ договора и родствомъ. Своеземцы или сами пашутъ свои земли, или сдаютъ ихъ крестьянамъ, половникамъ, или же часть пашутъ сами, а остальное сдаютъ крестьянамъ. По роду занятій и размѣрамъ хозяйства, большая часть своеземцевъ тѣ же крестьяне, хотя они и отличались отъ крестьянъ по своему соціальному положенію.

Столь же разнообразны и способы владѣнія у своеземцевъ товарищей. Одни жили на одномъ дворѣ, пахали и владѣли нераздѣльно; другіе селились рядомъ, отдѣльными дворами, образуя одну деревню и обрабатывая отдѣльные участки; третьи, наконецъ, размѣщались поодаль другъ отъ друга, особыми однодворными деревнями. Эти, столь похожіе на крестьянъ, землевладѣльцы владѣли землей на правѣ полной собственности, даже болѣе свободной, сравнительно съ вотчинами московскихъ служилыхъ дворянъ. По книгамъ видно, что они продавали и закладывали свои земли, давали въ приданое за дочерьми, выкупали у своихъ родичей; даже женщины, вдовы и сестры являются владѣльцами и совладѣльцами такихъ земель; но не видно, чтобы во времена новгородской вольности и на своеземцахъ лежала какая-либо обязательная постоянная служба. Наконецъ, псковская лѣтопись прямо называетъ землю своеземцевъ ихъ вотчинами. Она говоритъ, что на третій годъ послѣ взятія Пскова московскій государь взялъ съ собою въ походъ подъ Смоленскъ и псковскихъ земцевъ, которые «тогда еще не были сведены со своихъ вотчинъ». Какимъ образомъ возникъ въ Новгородской и Псковской землѣ этотъ своеобразный классъ земельныхъ собственниковъ? Мы знакомимся съ этимъ классомъ преимущественно по новгородскимъ переписнымъ книгамъ, составленнымъ московскими писцами уже послѣ паденія новгородской вольности, въ послѣдніе годы XV ст.; однако и здѣсь замѣтны слѣды происхожденія этого класса. Въ городѣ Орѣшкѣ рядомъ съ горожанами обсзначено и 29 дворовъ своеземцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые названы «лучшими людьми». Эти своеземцы составляли особый классъ городского общества, отличавшійся даже отъ «лучшихъ людей городчанъ», хотя они вмѣстѣ съ другими горожанами тянули городское тягло. Почти у всѣхъ своеземцевъ города Орѣшка находимъ по книгамъ земли въ Орѣховскомъ и другихъ ближнихъ уѣздахъ. Иные изъ этихъ своеземцевъ жили въ городѣ, сдавая свои деревни въ аренду крестьянамъ, другіе числились въ городскомъ обществѣ, но жили въ своихъ деревняхъ, сдавая въ наймы городскіе дворы «дворникамъ» (постояльцамъ), которые за нихъ и тянули городское тягло вмѣстѣ съ горожанами. Любопытно то, что въ одномъ разрядѣ съ землями своеземцевъ переписныя книги перечисляютъ и земли «купецкія». Въ числѣ своеземцевъ являются изрѣдка и поповичи, отцы которыхъ служили при городскихъ церквахъ. Итакъ,

своеземцы—городскіе обыватели по происхожденію. Право земельной собственности въ другихъ областяхъ Руси подъ вліяніемъ княжеской службы стало привилегіей служилыхъ людей. Въ Новгородѣ боярство, образовавшееся такъ же путемъ княжеской службы, съ теченіемъ времени утратило свой служебный характеръ, сдѣлавшись руководящимъ классомъ мѣстнаго общества, и потому не могло сдѣлать вотчинное землевладѣніе своей сословной привилегіей; право земельной собственности было здѣсь усвоено и другими классами городского общества. Характеръ края содѣйствовалъ этому. Обиліе угодій, разработка которыхъ могла доставать матеріалъ для городской промышленности и торговли, обратило усиліе и капиталы мелкихъ городскихъ промышленниковъ на землю: они стали пріобрѣтать мелкіе участки въ собственность съ цѣлью не только земледѣльческой, но и промышленной ихъ эксплоатаціи, разводя ленъ, хмѣль, огороды и лѣсные борти, ловя рыбу, птицу и звѣря. Изъ такихъ горожанъ, ставшихъ землевладѣльцами, и образовался классъ своеземцевъ. Этимъ объясняется и самое разселеніе своеземцевъ родственными обществами или землевладѣльческими товариществами; люди небогатые, они складывались для покупки извѣстнаго участка земли. До насъ дошелъ длинный рядъ купчихъ новгородскихъ на земли и воды, пріобрѣтеннныя такими товариществами. Члены этихъ товариществъ, «компанейщики»—землевладѣльцы носили въ Новгородской и Псковской землѣ спеціальное юридическое названіе «сябровъ». Въ древней Повѣсти о псковскомъ Печерскомъ монастырѣ разсказывается, какъ въ XV в. одна компанія «земцевъ городскихъ и сельскихъ» купила на вѣчѣ у всѣхъ псковичей участокъ государственной земли псковской съ лѣсомъ, и потомъ этотъ участокъ раздѣлила между пайщиками на жеребьи; каждый жеребій принадлежалъ своему владѣльцу на правахъ полной собственности. Одинъ изъ этихъ владѣльцевъ пожертвовалъ свою долю участка въ Печерскій монастырь. Такъ городской торговый капиталъ, главный рычагъ народнаго хозяйства въ Новгородской землѣ, создалъ здѣсь особый своеобразный классъ земельныхъ собственниковъ, не встрѣчавшійся въ другихъ частяхъ Руси.

Таковы были классы новгородскаго общества, городскіе и сельскіе. Всматриваясь въ ихъ положеніе и взаимныя отношенія, легко замѣтить основаніе, на которомъ они создались. По характеру новгородскаго устройства здѣсь не было сословій, отличавшихся другъ отъ друга политическими правами; формы новгородскаго политическаго быта были демократическія: на вѣчѣ всѣ голоса были равны. Но общественный строй Новгородской земли созидался не на почвѣ демократическаго равенства. Здѣсь строителемъ общества былъ капиталъ, и дѣйствительное политическое значеніе лица или класса опредѣлялось отношеніемъ его къ этому двигателю новгородскаго хозяйства. Потому, классы новгородскаго общества по характеру своему были собственно промышленные разряды, торговыя гильдіи, и политическій вѣсъ каждаго класса опредѣляется его торговымъ вѣсомъ. На верху общества стоялъ слой капиталистовъ-дисконтеровъ, бояръ, которые руководили торговыми оборотами, не принимая въ нихъ непосредственнаго торговаго участія, снабжая своими капиталами настоящихъ торговцевъ. Къ боярамъ примыкали и житьи люди, капиталисты средней руки. Ниже тѣхъ и другихъ стояли купцы, торговцы, которые вели свои дѣла съ

помощью боярскихъ капиталовъ, либо служили лишь агентами боярскихъ торговыхъ фирмъ. Низъ городского общества составляли черные люди, ремесленники и рабочіе, зависѣвшіе экономически отъ высшихъ классовъ, у нихъ бравшіе работу и деньги для работы. Еще менѣе послѣднихъ имѣли значеніе въ политической жизни вольнаго города сельскіе классы, дальше городскихъ стоявшіе отъ главнаго источника богатствъ и политическаго вліянія, отъ торговли, кромѣ развѣ земцевъ, которые по своему происхожденію принадлежали къ городскому обществу. Мы видѣли, что половники въ Новгородской землѣ являются уже съ признаками полусвободныхъ крестьянъ, приближавшихся къ холопамъ.

Таково было основаніе, на которомъ строилось новгородское общество. Политическое значеніе каждаго класса опредѣлялось его значеніемъ экономическимъ.

Характеръ политической жизни Новгорода.

Мы видѣли, какъ своеобразное сочетаніе географическихъ и историческихъ условій, въ которой жилъ Новгородъ, отразилось и на его политическомъ строѣ, и на его экономическомъ бытѣ. Но то же самое сочетаніе сообщило своеобразный характеръ и политической жизни Новгорода, какъ оно же подготовило и паденіе его вольности.

Разсматривая политическое и общественное устройство Новгорода, мы видѣли, что оно держалось на двухъ основаніяхъ: 1) на политической самостоятельности мелкихъ и крупныхъ мѣстныхъ міровъ, изъ которыхъ состояла Новгородская земля, 2) на тѣсной связи политическаго значенія общественныхъ классовъ съ ихъ значеніемъ экономическимъ. Легко замѣтить, что между этими основаніями существовало нѣкоторое противорѣчіе. По своему политическому устройству Новгородъ былъ мозаическимъ соединеніемъ многочисленныхъ мелкихъ и крупныхъ автономныхъ обществъ, и на общественныхъ собраніяхъ люди разныхъ классовъ должны были становиться рядомъ, съ одинаковымъ голосомъ, какъ равноправные граждане. Это сообщало демократическую наружность новгородскому устройству. Но съ другой стороны, тѣсная связь политическаго вѣса общественныхъ классовъ съ ихъ значеніемъ въ мѣстномъ народномъ хозяйствѣ давала одному изъ этихъ классовъ рѣшительное господство надъ всѣми остальными. Этотъ классъ былъ тотъ, который всегда ближе стоялъ къ источнику народнаго богатства, владѣлъ торговымъ городскимъ капиталомъ. Отсюда подъ демократическими формами устройства въ Новгородѣ развился чрезвычайно аристократическій характеръ управленія. Встрѣча столь различныхъ основаній, на которыхъ созидался политическій бытъ Новгорода, вызывала необыкновенный шумъ и движеніе въ политической жизни города. Съ самыхъ раннихъ поръ въ Новгородѣ идетъ оживленная борьба политическихъ партій. Но съ теченіемъ времени характеръ этихъ партій измѣняется. Сообразно съ этимъ измѣненіемъ можно раздѣлить и внутреннюю политическую жизнь города на 2 періода.

До XIV ст. въ Новгородѣ часто смѣняются князья, и князья эти часто соперничаютъ другъ съ другомъ, принадлежа къ враждебнымъ

княжескимъ линіямъ. Подъ вліяніемъ этой частой смѣны образуются въ Новгородѣ мѣстные политическіе кружки, которые стоятъ за разныхъ князей, и которыми руководятъ представители богатѣйшихъ боярскихъ фамилій Новгорода. Такимъ образомъ, первый періодъ въ исторіи новгородской вольности ознаменованъ борьбой княжескихъ партій. Но не князья сами по себѣ были причиной этой борьбы: ими прикрывались важные мѣстные интересы, для которыхъ князья служили только орудіями. Князь нуженъ былъ Новгороду не только для внѣшней обороны, но и для усиленія и обезпеченія торговыхъ оборотовъ. Князь открывалъ новгородскимъ купцамъ свободный путь въ свое княжество. Это и раздѣляло новгородскихъ капиталистовъ, бояръ и купцовъ, на враждебныя партіи: торговые дома, имѣвшіе дѣла преимущественно съ Смоленскимъ или Суздальскимъ краемъ, стояли за смоленскаго или суздальскаго Мономаховича, а черниговскій Ольговичъ нуженъ былъ домамъ, которые вели дѣла съ Черниговскимъ краемъ или съ Кіевской землей. Значитъ, *въ борьбѣ княжескихъ партій, наполнившей смутами новгородскую исторію до XIV в., надо видѣть собственно борьбу новгородскихъ торговыхъ домовъ.*

Съ XIV ст. прекращаются частыя смѣны князей на новгородскомъ столѣ; вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и характеръ политической жизни въ Новгородѣ. Одно наблюденіе подтверждаетъ это. Мѣстная лѣтопись описываетъ до двѣнадцати смутъ въ Новгородѣ со смерти Ярослава I до нашествія татаръ; изъ этихъ смутъ только двѣ не были связаны съ княжескими смѣнами, не были вызваны борьбой новгородскихъ политическихъ кружковъ за того или другого князя. Съ татарскаго нашествія и до вступленія Ивана III на великокняжескій столъ въ мѣстной лѣтописи описано болѣе 20 смутъ. Изъ нихъ всего 4 вышли изъ-за борьбы новгородскихъ партій за князей; всѣ остальныя имѣли совсѣмъ другой источникъ. Этимъ источникомъ новгородскихъ смутъ, всего яснѣе обозначающимся съ XIV в., была соціальная борьба бѣдныхъ съ богатыми. Новгородское общество дѣлится на два враждебныхъ лагеря, изъ которыхъ въ одномъ стоятъ «лучшіе» или «вячшіе» люди, какъ называютъ ихъ лѣтописи, а въ другомъ «меньшіе» или «молодшіе» люди. Итакъ, съ XIV в. *борьба торговыхъ фирмъ превращается въ борьбу общественныхъ классовъ.* Эта борьба вышла также изъ политическаго и хозяйственнаго строя города. Рѣзкое имущественное неравенство между гражданами—очень обычное явленіе въ большихъ торговыхъ городахъ съ республиканскими формами устройства. Въ Новгородѣ, при демократическихъ формахъ устройства, при политическомъ равноправіи, это имущественное неравенство получало особенно острый характеръ, и производило раздражающее дѣйствіе на низшіе классы. Равноправные съ боярами граждане на вѣчѣ, «меньшіе» новгородцы тѣмъ съ большею горечью чувствовали свою экономическую зависимость отъ немногихъ богатыхъ боярскихъ фамилій. Отсюда и развилась ожесточенная борьба новгородскихъ черныхъ людей съ высшими классами мѣстнаго общества. Въ этой борьбѣ вождями обѣихъ сторонъ являются бояре; «молодшіе» люди также дѣйствуютъ подъ знаменемъ нѣсколькихъ боярскихъ фамилій, которыя держатъ сторону новгородскаго простонародья противъ своей братіи.

Такъ богатое новгородское боярство остается руководителемъ

мѣстной политической жизни во все продолженіе исторіи вольнаго города. Благодаря этому, все мѣстное управленіе съ теченіемъ времени попало въ руки немногихъ знатныхъ домовъ. Изъ нихъ новгородское вѣче выбирало посадниковъ и тысяцкихъ; ихъ члены наполняли новгородскій правительственный совѣтъ, который, собственно, и давалъ направленіе новгородской политической жизни. Легко замѣтить это господство боярской аристократіи въ Новгородѣ, читая сухую мѣстную лѣтопись. Здѣсь новгородское боярство является даже съ признаками замкнутой правительственной олигархіи. Въ продолженіи XIII ст. 15 бояръ преемственно смѣнились на должности посадника, и этихъ смѣнъ было 23, такъ какъ нѣкоторые по нѣсколько разъ избирались на эту должность. Десятеро изъ нихъ вышли изъ двухъ боярскихъ фамилій, изъ которыхъ одна имѣла родоначальникомъ новгородскаго боярина Михалку Степанича, а другая шла отъ другого новгородскаго боярина, Мирошки Нездинича; тотъ и другой были посадниками въ Новгородѣ, въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Обѣ эти фамиліи были враждебны другъ другу, стояли во главѣ боровшихся между собою партій: Михаличи были вождями Софійской стороны, гдѣ преимущественно сосредоточивалось новгородское боярство. Нездничи, напротивъ, были вождями демократической Торговой стороны, гдѣ обыкновенно поднимались возстанія новгородскихъ младшихъ людей противъ боярства. Изъ фамилій Михалчичей, представителей новгородской аристократіи, въ продолженіи двухъ вѣковъ, съ конца XII и до конца XIV, вышло 12 однихъ посадниковъ, не говоря о другихъ должностяхъ, на которыя избирались члены той же фамиліи.

Такъ встрѣча двухъ противоположныхъ основаній, на которыхъ держался политическій строй Новгорода, повела къ тому, что этотъ вольный городъ при демократическихъ формахъ своего устройства сталъ аристократической республикой, и новгородское общество, вѣчно неспокойное и недовѣрчивое къ знати, все время своей исторіи оставалось въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій, богатыхъ капиталистовъ.

Причины паденія новгородской вольности.

Въ связи съ этимъ противорѣчіемъ формъ и характера политической жизни Новгорода, изъ того же сочетанія внѣшнихъ и внутреннихъ условій, которымъ создана была политическая вольность Новгорода, вышли и причины подготовившія легкое паденіе этой вольности во второй половинѣ XV в. Отмѣтимъ четыре главныхъ причины.

Первою изъ нихъ былъ *недостатокъ внутренняго общественнаго единенія въ Новгородѣ.* Экономическій бытъ и политическій строй торговаго города создали въ немъ господство боярской олигархіи капиталистовъ, и развили рѣзкій антогонизмъ между имущими и неимущими классами. Въ глубинѣ борьбы новгородскихъ партій, наполнившей смутами исторію вольнаго города въ продолженіи вѣковъ, легко замѣтить сильную соціальную рознь, непримиримую антипатію низшаго чернаго населенія къ богатымъ фамиліямъ, которыя, захвативъ въ свои руки управленіе городомъ и страной, одни пользовались этими благами вольности, давая чувствовать низшимъ классамъ только ея тяжести и неудобства.

Этимъ новгородское боярство пріучило управляемую имъ массу не дорожить вольностью города и съ сочувствіемъ и надеждою обращаться къ князю, у него искать суда и управы противъ своекорыстной и самовластной знати.

Второю причиною былъ *недостатокъ земскаго единства и правительственной централизаціи Новгородской области.* Мы видѣли, что составныя части новгородской земли, мелкіе и крупные міры, очень слабо были связаны съ центромъ. Съ чрезвычайной точностью опредѣливъ свои внѣшнія отношенія къ князьямъ, Новгородъ не внесъ такой же опредѣленности въ свою внутреннюю политическую жизнь. Во внутреннихъ земскихъ отношеніяхъ его господствовали путаница и рознь; части новгородской земли, подобно классамъ новгородскаго общества, были разъединены взаимнымъ антагонизмомъ или равнодушіемъ, и Новгородъ не обнаруживалъ ни усилій, ни умѣнія связать ихъ съ центромъ и другъ съ другомъ ни крѣпкими правительственными нитями, ни прочными общими интересами. Крупныя области новгородской земли издавна стремились отколоться отъ центра: псковичи уже въ XIV в. пріобрѣли себѣ полную независимость отъ Новгорода; его отдаленная колонія—Вятка съ первыхъ шаговъ своей жизни стала въ независимое отношеніе къ метрополіи; Двинская земля также пыталась оторваться отъ Новгорода. Въ минуту послѣдней рѣшительной борьбы Новгорода за свою вольность не только Псковъ и Вятка, но и Двинская земля не оказали метрополіи никакой поддержки или даже послали свои полки противъ нея на помощь Москвѣ.

Третья слабая сторона въ положеніи Новгорода была его *экономическая зависимость отъ княжеской Руси.* Ставъ политическимъ центромъ обширнаго лѣсистаго и болотистаго края, богатѣя помощью внѣшней торговли, Новгородъ всегда нуждался въ привозномъ хлѣбѣ съ низа. Это ставило въ необходимость поддерживать постоянно дружескія отношенія съ низовой, княжеской Русью. Суздальскіе князья, враждуя съ Новгородомъ, легко вынуждали у него покорность, остановивъ въ Торжкѣ обозы съ хлѣбомъ, направлявшіеся въ Новгородъ. Новгородцы не могли быть долго во враждѣ съ князьями; по замѣчанію лѣтописца, тогда, «ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣ же»; въ Новгородѣ начиналась дороговизна голодъ, простонародье въ городѣ поднималось и заставляло своихъ бояръ итти на мирную съ княземъ. Но нуждаясь въ дружбѣ съ низовыми князьями, Новгородъ не могъ пріобрѣсти себѣ искреннихъ друзей ни среди ихъ, ни въ самомъ низовомъ населеніи. Никто изъ князей не считалъ Новгородъ своей вотчиной; всѣ они относились къ нему, какъ къ чужому и притомъ богатому городу, на счетъ котораго можно поживиться. Новгородъ, богатѣя, всегда манилъ князей къ себѣ, какъ лакомый кусокъ, возбуждавшій ихъ аппетитъ, а новгородское устройство для нихъ было досаднымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ имъ воспользоваться этимъ кускомъ. Съ другой стороны, разнообразныя причины рано развили въ населеніи княжеской Руси очень враждебныя отношенія къ Новгороду. Эти причины были: своеобразный бытъ Новгорода, его тѣсныя торговыя и культурныя связи съ нѣмецкимъ Западомъ, наконецъ, частые разбойничьи походы на низовые города новгородскихъ молодцовъ, «ушкуйниковъ», которые большими шайками плавали по Волгѣ, разоряя встрѣчные города. Вотъ чѣмъ объясняется радость, съ кото-

рой низовая Русь встрѣтила разгромъ Новгорода при Иванѣ III. На новгородцевъ здѣсь привыкли смотрѣть, какъ на крамольниковъ и вѣроотступниковъ, вознесшихся гордостью. Для низоваго лѣтописца новгородцы хуже невѣрныхъ. «Невѣрные, по его словамъ, искони не знаютъ Бога; а эти новгородцы долго были христіанами, а подъ конецъ стали отступать къ латинству; великій князь Иванъ пошелъ на нихъ, не какъ на христіанъ, а какъ на иноплеменниковъ и вѣроотступниковъ». Во время Иванова похода въ низовыхъ областяхъ народъ добровольно собирался толпами и ходилъ на новгородскую землю за добычей, благодаря чему край былъ опустошенъ, по замѣчанію лѣтописца, «до самого моря».

Наконецъ, четвертымъ, важнымъ недостаткомъ въ устройствѣ Новгорода была *слабая военная организація его*. Всѣ усилія въ продолженіи вѣковъ городъ обращалъ на развитіе и обезпеченіе торговыхъ интересовъ. Но при своихъ широкихъ промышленныхъ сношеніяхъ городъ, стоя въ сѣверо-западномъ углу Руси, вблизи внѣшнихъ враговъ, всегда нуждался въ князѣ и его боевой дружинѣ. Пока было много соперничавшихъ другъ съ другомъ князей, онъ легко находилъ среди нихъ защитниковъ. Но съ XIV в. этихъ князей становится все меньше, а между тѣмъ Новгородъ не воспользовался продолжительнымъ досугомъ, какой ему доставляли княжескія усобицы для развитія собственной военной силы, достаточной для внѣшней обороны края. Въ XV в. ни одинъ уже изъ русскихъ князей не могъ оказать Новгороду помощи при столкновеніи съ великимъ княземъ московскимъ. Оставалось искать помощи у сосѣда, великаго князя литовскаго; но союзъ съ нимъ казался измѣной родной землѣ не только въ глазахъ остальной Руси, но и въ глазахъ низшихъ классовъ новгородскаго общества. Лѣтописецъ, разсказывая о походѣ Ивана на Новгородъ, вскрываетъ этотъ важный недостатокъ новгородскаго быта. Въ 1471 г., когда Иванъ пошелъ на вольный городъ, послѣдній наскоро двинулъ противъ него 40 тысячъ всякаго сброда, гончаровъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, которые даже не умѣли хорошенько сидѣть на коняхъ и вызвали дружный смѣхъ въ московскихъ полкахъ при первой встрѣчѣ съ ними. Четырехъ тысячъ съ небольшимъ московской рати достаточно было, чтобы разбить на голову этотъ сбродъ и положить на мѣстѣ тысячъ двѣнадцать.

Всѣ эти слабыя стороны въ устройствѣ и положеніи Новгорода достаточно объясняютъ ту легкость, съ какою была разрушена Москвой его вольность. Въ значительной степени всѣ эти недостатки имѣлъ и младшій братъ Новгорода—Псковъ, павшій безъ всякаго усилія со стороны Москвы въ 1510 г., какъ и отдаленная колонія Новгорода — Вятка, завоеванная Москвою вслѣдъ за Новгородомъ въ 1485 году.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

(1462—1613).

Русь Московская, или великорусское государство *).

Обратимся къ изученію третьяго періода нашей исторіи. Этотъ періодъ начинается съ половины XV в., точнѣе говоря, со вступленія Ивана III на великокняжескій столъ въ 1462 г. и продолжается до начала XVII в. (1613 г.), когда на московскомъ престолѣ является новая династія. Я назвалъ этотъ періодъ временемъ Московской Руси, или Великорусскаго государства. Обозначу напередъ главныя явленія этого періода.

Сѣверная Русь, дотолѣ разбитая на самостоятельные мѣстные міры, объединяется подъ одною государственною властью. Этой политически объединенной Русью правитъ московскій государь, но онъ правитъ при содѣйствіи новаго класса, вокругъ него образовавшагося, бояръ. Основой народнаго хозяйства въ этомъ государствѣ остается попрежнему земледѣльческій трудъ вольнаго крестьянина, работающаго на государственной или частной землѣ; но государственная земля все болѣе переходитъ въ руки новаго военнаго класса, создаваемаго государствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе стѣсняется свобода крестьянскаго труда, замѣняясь личной зависимостью крестьянина отъ служилаго землевладѣльца. Таковы главныя явленія, которыя въ этомъ періодѣ намъ предстоитъ изучить.

Основной фактъ періода.

Прежде всего попытаемся вывести основной фактъ, послужившій исходной точкой явленій, наполняющихъ этотъ періодъ нашей исторіи. Что даетъ намъ право положить на половинѣ XV в. грань новаго періода? Въ событіяхъ этого времени дѣйствуетъ, какъ вождь московскаго общества, московскій государь, правящій Московскимъ государствомъ. Мы часто представляемъ себѣ эти явленія, московскаго государя съ государствомъ, фактами какъ будто уже готовыми въ самомъ началѣ періода, которые выросли какъ то незамѣтно, сами собою. Но эти явленія съ многоразличными отношеніями и понятіями, которыя съ ними связаны, не были еще готовы въ половинѣ XV ст., явились результатомъ медленнаго и труднаго процесса.

---

*) Учебн. кн. Русск. Ист. С. Соловьева гл. XXV—XXVIII.

При вступленіи на великокняжескій столъ Ивана III, во главѣ сѣверной Руси не стоялъ еще московскій государь и не было Московскаго государства въ настоящемъ политическомъ значеніи этого слова. Среди многихъ удѣльныхъ и великихъ князей былъ великій князь московскій, но пока—лишь хозяинъ богатѣйшей вотчины, который возвышался надъ остальными князьями не качествомъ, а количествомъ матеріальныхъ вотчинныхъ средствъ. Въ памятникахъ, правда, являвшихся съ половины XV в., мы встрѣчаемъ все прежнія удѣльныя явленія, знакомыя намъ формы удѣльныхъ княжескихъ отношеній. Въ договорахъ великаго князя съ удѣльными, младшими его родичами, послѣдніе обязываются держать великаго князя своимъ старшимъ братомъ «въ отца мѣсто», а великій князь обязывается держать младшихъ «въ братствѣ, безъ обиды». Въ договорныхъ и духовныхъ грамотахъ московскихъ князей встрѣчаются не только прежнія опредѣленія, но и прежній удѣльный языкъ. Точно также и въ исторіи Сѣверной Руси продолжаются прежніе процессы. Мы видѣли, что въ Московскомъ княжествѣ удѣльныхъ вѣковъ параллельно развиваются два факта: постепенное собираніе Руси Москвою и постоянное вотчинное усиленіе старшаго изъ московскихъ князей. Ни тотъ, ни другой процессъ далеко не былъ еще доведенъ до конца, когда Иванъ III занялъ мѣсто своего отца. Московское собираніе Руси еще далеко не уничтожило всѣхъ самостоятельныхъ русскихъ міровъ, вольныхъ городовъ и княжествъ. Московскій великій князь еще не достигъ такого перевѣса силъ надъ князьями удѣльными, который бы превращалъ послѣднихъ въ подручниковъ перваго, его подданныхъ. Итакъ, на поверхности жизни продолжаются пока еще прежнія явленія.

Замѣтны, впрочемъ, въ дальнѣйшемъ процессѣ собиранія Руси нѣкт. новыя черты. До Ивана III земельныя пріобрѣтенія московскихъ князей носили характеръ либо захватовъ, либо денежныхъ сдѣлокъ. Теперь, въ дѣло этого собиранія вмѣшиваются новыя, незамѣтныя прежде условія которыя могущественно содѣйствуютъ его успѣху, сообщаютъ ему ускоренный ходъ и новый характеръ. Теперь мѣстныя общества сами начинаютъ все болѣе тяготѣть къ Москвѣ. Въ вольныхъ городахъ низшіе классы становятся на сторону Москвы въ борьбѣ съ мѣстною аристократіей. Это сочувствіе новгородскаго простонародія Москвѣ много помогло Ивану III въ борьбѣ съ Новгородомъ. Совсѣмъ другое явленіе мы замѣчаемъ въ другихъ великихъ княжествахъ Сѣверной Руси, оставшихся еще независимыми въ началѣ Иванова княженія; здѣсь, напротивъ, верхніе слои общества, бояре и служилые люди, тяготѣютъ къ Москвѣ. Такъ изъ Твери, еще задолго до послѣдняго удара, нанесеннаго ей Москвой, мѣстные бояре и дѣти боярскіе стали толпами переходить на московскую службу. Когда Иванъ только еще собирался въ походъ на Тверь въ 1485 г., многіе тверскіе бояре и дѣти боярскіе покинули своего князя и ушли служить въ Москву. Когда Иванъ осадилъ Тверь, новая толпа тверскихъ бояръ и удѣльныхъ князей явилась въ московскій лагерь на службу къ Ивану. Мѣстный тверской лѣтописецъ называетъ этихъ перелетовъ крамольниками и считаетъ ихъ главными виновниками паденія Твери. Тоже самое явленіе встрѣчаемъ и въ другомъ великомъ княжествѣ—Рязанскомъ. Это княжество было присоединено къ Москвѣ уже при Ивановѣ сынѣ въ 1517 г. Но задолго до этого Московскій князь имѣлъ тамъ опору

въ главномъ рязанскомъ бояринѣ, Коровьинѣ, который и подготовилъ низложеніе своего великаго князя. Наконецъ, любопытное движеніе, выгодное для Москвы, обнаруживается въ мелкихъ русскихъ княжествахъ, зависѣвшихъ отъ великаго князя литовскаго. Во второй половинѣ XV в. здѣсь русское общество возстаетъ противъ католической пропаганды, которая начала дѣйствовать подъ покровительствомъ польско—литовскаго короля, Казиміра. Вслѣдъ за русскимъ православнымъ обществомъ идутъ и мелкіе князья: подъ давленіемъ религіозныхъ интересовъ они одинъ за другимъ переходятъ со своими вотчинами на службу къ московскому государю, добровольно отказываясь отъ самостоятельности, какой пользовались подъ рукою польско—литовскаго короля. Такимъ образомъ, *разные классы общества въ вольныхъ городахъ и княжествахъ вмѣстѣ съ самими князьями начинаютъ тяготѣть къ Москвѣ.* До сихъ поръ земельныя пріобрѣтенія Москвы имѣли характеръ захватовъ или выгодныхъ финансовыхъ сдѣлокъ съ другими князьями; теперь, когда сами мѣстныя общества стали тяготѣть къ Москвѣ, какъ къ своему религіозно-политическому центру, *московское собираніе Руси теряетъ характеръ мелкихъ вотчинныхъ промысловъ и становится движеніемъ національно-религіознымъ.* Вмѣшательство этого новаго условія въ московское собираніе Руси сообщаетъ ему ускоренный ходъ.

Когда Иванъ III садился на отцовскій столъ, на Руси существовало еще очень много самостоятельныхъ или полунезависимыхъ тѣлъ. Ихъ можно раздѣлить на два разряда по характеру ихъ политическаго устройства; то были или вольные города, или княжества. Эти княжества принадлежали князьямъ двухъ линій: Всеволода III и стараго Святослава Черниговскаго. Къ племени Всеволода принадлежали велакіе князья тверскіе, ярославскіе и ростовскіе; потомству Святослава Черниговскаго принадлежало великое княжество Рязанское и многія другія мелкія удѣльныя княжества (Одоевское, Воротынское, Новосильское, Бѣлевское и др.). Съ половины XV ст. и вольные города съ ихъ областями и эти великія и удѣльныя княжества входятъ въ составъ московской территоріи. Довольно сухого перечня этихъ новыхъ крупныхъ пріобрѣтеній Москвы, чтобы видѣть какимъ ускореннымъ ходомъ пошло собираніе Руси. Въ 1463 г. всѣ князья ярославскіе, великіе и удѣльные, били Ивану челомъ службѣ и добровольно отказались отъ своей самостоятельности. Въ 1470 годахъ покоренъ былъ Новгородъ со своей обширной областью на сѣверѣ Руси. Въ 1474 г. князья ростовскіе продали Ивану принадлежавшую имъ половину Ростовскаго княжества; другая его половина раньше, до Ивана, была куплена Москвой. Эта продажа сопровождалась вступленіемъ ростовскихъ князей въ число московскихъ князей. Въ 1472 г. покорена была Пермь, въ 1485 г.—Тверь, въ 1489 г.—Вятка и московскіе полки впервые перешли за Уралъ въ Сибирь. Въ 1490—1492 гг. цѣлый рядъ мелкихъ князей черниговской линіи покинулъ льготную литовскую зависимость и перешелъ на московскую службу. При Ивановѣ преемникѣ къ московскимъ владѣніямъ присоединены были: вольный Псковъ со своею областью, Смоленское княжество, даже еще при Витовтѣ завоеванное Литвою, и княжество Рязанское; изъ черниговскихъ княжествъ признали власть московскаго государя княжества: новгородъ—сѣверское и стародубское. Остановимся на этомъ, чтобы видѣть,

какъ расширялась территорія Московскаго княжества въ эти два княженія (мы не будемъ говорить объ обширныхъ завоеваніяхъ, сдѣланныхъ на югѣ и на востокѣ Иваномъ III). При вступленіи Ивана III на столъ отца вся московская территорія заключала въ себѣ не болѣе 15000 кв. миль. Пріобрѣтенія, сдѣланныя Иваномъ III и его сыномъ, увеличивали эту территорію, по меньшей мѣрѣ, тысячъ на 40 кв. миль.

Ближайшія послѣдствія этого факта. Таковъ важный фактъ въ исторіи Московскаго княжества съ половины XV в.—Это необыкновенно быстрое расширеніе московской территоріи. Повидимому, этотъ фактъ внѣшній, географическій. Однако, легко замѣтить, что онъ глубоко измѣняетъ значеніе московскаго великаго князя и положеніе его княжества. Если вы представите себѣ новыя границы этого княжества, созданныя перечисленными пріобрѣтеніями, вы замѣтите, что въ нихъ вошла цѣлая народность. Въ удѣльные вѣка путемъ колонизаціи центральной и сѣверной Руси сложилась новая отрасль русскаго племени, новая народность—великорусская. Эта народность была готова въ половинѣ XV в., но она до сихъ поръ оставалась фактомъ этнографическимъ, а не политическимъ; національное единство не выражалось въ единствѣ государственномъ; части народности разбиты были на независимыя политическія тѣла. Теперь эта народность впервые является подъ одной политической властью, покрывается вся одной политической формой. Это измѣняетъ значеніе Московскаго княжества: до сихъ поро оно было однимъ изъ нѣсколькихъ великихъ княжествъ сѣверной Руси, теперь оно становится здѣсь единственнымъ и національнымъ: его границы совпадаютъ съ предѣлами великорусской народности. Благодаря этому, внѣшняя территоріальная перемѣна сопровождается рядомъ важныхъ политическихъ послѣдствій, и когда мы представимъ себѣ всю исторію Московскаго княжества въ XVI вѣкѣ, то поймемъ, что его внѣшнее и внутреннее положеніе въ это время слагается изъ совокупности этихъ послѣдствій, вышедшихъ изъ территоріальнаго расширенія Московскаго княжества.

Московское великое княжество становится государствомъ великорусскимъ. Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, измѣняется внѣшняя политика Московскаго государства. До сихъ поръ оно почти со всѣхъ сторонъ было прикрыто отъ внѣшнихъ враговъ другими русскими княжествами, великими и удѣльными: на сѣверо-востокѣ и востокѣ Ярославскимъ, и до конца XVI в. Нижегородскимъ, на югѣ Рязанскимъ и цѣлымъ рядомъ Черниговскихъ княжествъ, на западѣ Смоленскимъ (до завоеванія его Литвою). Теперь всѣ эти прикрытія исчезаютъ, и Московское княжество становится глазъ на глазъ съ государствами, которыя не принадлежатъ къ семьѣ русскихъ княжествъ. Благодаря этой перемѣнѣ во внѣшнемъ положеніи княжества, измѣняется политика московскихъ князей. Они усваиваютъ себѣ новыя задачи, не похожія на тѣ, которыя стояли передъ московскими князьями удѣльнаго періода. Тогда внѣшнія отношенія московскихъ князей почти ограничивались тѣснымъ кругомъ своей же братіи, другихъ русскихъ великихъ и удѣльныхъ князей. Теперь внѣшняя политика московскаго правительства выходитъ на болѣе широкую дорогу; завязываются сложныя дипломатическія сношенія все съ иноземными государствами, Шведами и Литвой—на западѣ, съ татарами—на югѣ и востокѣ.

Въ удѣльные вѣка, подъ вліяніемъ политическаго раздробленія Руси, въ умахъ исчезло представленіе о единствѣ Русской земли; теперь, когда Великороссія объединяется подъ одной государственной властью, это *забытое понятіе о земскомъ единствѣ возрождается*. Замѣчательно, что мысль о Русской землѣ вырабатывается прежде всего въ правительственной средѣ путемъ внѣшнихъ сношеній и столкновеній, и уже изъ правительственной среды проникаетъ въ общество. Первой провозвѣстницей этой мысли является московская дипломатія Иванова времени: прежде всего эту мысль встрѣчаемъ въ московскихъ дипломатическихъ бумагахъ. Приведу вамъ изъ нихъ нѣсколько, можетъ быть, не самыхъ выразительныхъ чертъ. Вслѣдствіе возобновившагося перехода русскихъ князей изъ литовскаго подданства на московскую службу, Иванъ III вступилъ вторично въ борьбу со своимъ зятемъ, литовскимъ княземъ Александромъ. Тогда (1501 г.) явился посредникомъ между враждующими сторонами посолъ отъ папы и венгерскаго короля Владислава (брата Александра). Этотъ посолъ упрекалъ московское правительство за то, что оно захватываетъ у сосѣдей чужія вотчины, земли, на которыя не имѣетъ никакого права. На это московское правительство возразило ему: «Короли Владиславъ и Александръ объявляютъ, что хотятъ стоять противъ насъ за свою вотчину; но что они называютъ вотчиной? Не тѣ ли города и волости, съ которыми русскіе князья пришли къ намъ служить, или которые наши люди у Литвы побрали? Папѣ, надѣемся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ вотчичи Польскаго королевства да Литовской земли отъ своихъ предковъ, а русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наши вотчины. Папа положилъ бы себѣ то на разумъ, гораздо ли короли поступаютъ, что не за свою вотчину съ нами воевать хотятъ». Итакъ, вся русская земля, а не великорусская ея половина только, объявлена была вотчиной московскаго государя. То же самое заявленіе встрѣчаемъ по заключенію перемирія съ Александромъ въ 1503 г. Литовскій государь жаловался Ивану, что тотъ не отдаетъ ему захваченныхъ у Литвы земель, что ему, Александру, жаль своей вотчины. «А мнѣ», возражалъ Иванъ, «развѣ не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, Кіева, Смоленска и другихъ городовъ?». Эта мысль развилась въ политическое притязаніе, которое московское правительство спѣшило заявить во всѣ стороны, какъ свое неотъемлемое право. Послѣ заключенія перемирія съ Литвою, посланъ былъ въ Крымъ посолъ разъяснить значеніе этого событія усердному московскому союзнику, хану Менгли-Гирею. Московскій посолъ долженъ былъ говорить татарамъ: «у государя московскаго съ литовскимъ прочнаго мира нѣтъ: литовскій хочетъ у московскаго городовъ и земель, которые у него взяты, а московскій хочетъ у литовскаго своей вотчины, всей Русской земли; перемиріе теперь заключено только для того, чтобы люди поотдохнули, да взятые города за собою укрѣпить».

Таковы были ближайшія послѣдствія, вышедшія изъ территоріальнаго расширенія Московскаго княжества съ половины XV в. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ внѣшняго положенія княжества измѣнилось и значеніе его князя и программа его внѣшней политики. Московское княжество получило значеніе національнаго государства; владѣтели великорусской земли, правители этого государства, поставили на очередь

вопросъ о политическомъ объединенiи всей Русской земли и изъ этого вопроса, поставленнаго необыкновенно ясно и твердо, произошла вѣковая борьба двухъ сосѣднихъ славянскихъ государствъ, составляющая главное содержанiе московской внѣшней политики съ половины XV вѣка.

Внутреннiе успѣхи власти московскаго князя.

Мы обратились къ изученiю третьяго перiода нашей исторiи, начинающагося съ половины XV ст.; мы прежде всего встрѣтились съ чрезвычайно быстрымъ расширенiемъ территорiи московскаго княжества. Но это явленiе не было только перемѣною въ политической географiи; оно сопровождалось цѣлымъ рядомъ послѣдствiй, отразившихся какъ во внѣшнемъ положенiи Московскаго государства, такъ и въ его внутреннемъ складѣ. Прежде всего, этотъ географическiй фактъ придалъ рацiональное значенiе удѣльному Московскому княжеству; новыя границы послѣдняго совпадали съ предѣлами велико-русской народности. Московскiй князь, прежде лишь одинъ изъ удѣльныхъ, теперь получилъ значенiе государя нацiональнаго-великорусскаго. Далѣе, совпаденiе это измѣнило внѣшнее положенiе Московскаго княжества, сдѣлавъ его непосредственнымъ сосѣдомъ съ внѣшними врагами: шведами, поляками, татарами, отъ которыхъ оно дотолѣ было прикрыто другими, также русскими княжествами: Тверскимъ, Нижегородскимъ, Рязанскимъ, Смоленскимъ, Новгородской и Псковской землей. Политическое объединенiе великой Руси пробудило въ московскомъ правительствѣ мысль о политическомъ соединенiи всей Русской земли, сообщило новую, болѣе широкую программу внѣшней московской политикѣ.

Таковы были первыя послѣдствiя изучаемаго факта, о которомъ я уже говорилъ. Теперь я перечислю рядъ другихъ и прежде всего укажу на то дѣйствiе, какое этотъ фактъ оказалъ на политическое сознанiе московскаго государя. Нигдѣ въ памятникахъ времени мы не встрѣчаемъ прямого и яснаго выраженiя новыхъ политическихъ понятiй, какiя тогда слагались въ правительственныхъ умахъ. Тогдашнiе государственные дѣльцы не любили ни начинать съ отвлеченныхъ понятiй, ни быстро переходить отъ новыхъ фактовъ къ новымъ идеямъ. Но, почувствовавъ себя въ новомъ положенiи, верховная власть тогда ощупью искала себѣ дома и на чужой сторонѣ, формъ, которыя бы отвѣчали этому положенiю, и уже посредствомъ этихъ формъ старались уяснить себѣ свое новое положенiе. Съ этой стороны получили нѣкоторое значенiе придворный церемонiалъ и дипломатическiя подробности появившiяся въ княженiе Ивана III.

Иванъ III былъ женатъ въ первый разъ на дочери своего сосѣда, князя тверского. Овдовѣвъ, онъ сталъ искать себѣ новую жену. Въ Римѣ жила тогда бѣглая племянница послѣдняго византiйскаго императора—Софiя Ѳоминишна. Несмотря на то, что со времени Флорентiйской унiи греки сильно уронили себя въ глазахъ православныхъ, что Софья жила такъ близко къ ненавистному папѣ, московскiй государь выписалъ себѣ византiйскую царевну и женился на ней (1472 г.). Эта царевна получила важное значенiе при московскомъ дворѣ. Бояре

XV в. приписывали ей всѣ непріятныя имъ нововведенія, какія съ того времени завелись при московскомъ дворѣ. Австрійскій посолъ—Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ при преемникѣ Ивана III, пишетъ, что эта великая княгиня сдѣлала многое. Разсказываютъ даже, что по ея внушенію Иванъ III рѣшился сбросить татарское иго. Царевна цѣнилась въ Москвѣ, и сама себя цѣнила не столько, какъ великая княгиня, сколько какъ византійская принцесса. Въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ хранится шитая шелковая пелена собственнаго рукодѣлія Софіи; она была вышита въ 1498 г. Въ 26 лѣтъ замужества Софьи, кажется, пора было забыть про свое дѣвичество, — однако въ подписи на пеленѣ она все еще величаетъ себя царевной цареградской, а не великою княгинею московской. Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи, да еще съ такой важной женой, Иванъ III нашелъ некрасивой и тѣсной прежнюю кремлевскую обстановку, въ какой жили его предки. Вслѣдъ за Софьей выписаны были изъ Италіи мастера, построившіе новый каменный дворецъ на мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ хоромъ и новый Успенскій соборъ. Съ того времени сталъ заводиться при дворѣ тотъ сложный и строгій церемоніалъ, который сообщалъ такую натянутость придворнымъ московскимъ отношеніямъ.

Точно такъ же, какъ дома, въ кремлѣ, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ Иванъ сталъ выступать болѣе торжественнымъ шагомъ. Въ дипломатической перепискѣ его времени мы встрѣчаемъ новую, болѣе пышную терминологію. Теперь въ сношеніяхъ съ литовско-польскимъ правительствомъ великій князь московскій впервые отважился показать титулъ государя всея Руси, который прежде служилъ лишь только для домашняго обихода, употребляясь въ актахъ внутренняго управленія. Почувствовавъ себя и по женѣ и по православному христіанству преемникомъ византійскихъ императоровъ, Иванъ нашелъ неприличнымъ именоваться просто по русски «Иваномъ, государемъ, великимъ княземъ»; теперь онъ пишется—«Іоаннъ, Божіею милостію государь и великій князь всея Руси», и къ этому титулу привѣшивается длинный рядъ эпитетовъ: «князь Владимирскій, Московскій, Псковскій, Тверской, Пермскій, Югорскій, Болгарскій и иныхъ». Въ сношеніяхъ съ неважными иностранными дворами впервые и появляется титулъ «царь всея Руси»; этотъ терминъ, какъ извѣстно, есть русская сокращенная форма «цесаря»; имъ звались прежде у насъ лишь ханъ Золотой Орды, да императоръ византійскій. Съ титуломъ «царь» въ актахъ внутренняго управденія появляется и сходный съ нимъ по значенію титулъ «самодержецъ» (книжный переводъ извѣстнаго византійскаго термина). Этотъ терминъ выражалъ понятіе не о государѣ съ неограниченной властью, а о государѣ независимомъ, никому не платящимъ дани. Самодержецъ на политическомъ языкѣ того времени противополагался тому, кого мы называемъ вассаломъ. Новая жена пробудила также мысль о связи русскихъ государей съ павшимъ византійскимъ дворомъ. Какъ наглядное выраженіе преемственной связи обѣихъ династій, принятъ былъ въ Москвѣ и византійскій гербъ, двуглавый орелъ. Гербъ этотъ появился впервые въ одномъ договорѣ Ивана III съ сыновьями удѣльнаго брата Бориса Волоцкаго (1497), т. е. 25 лѣтъ спустя послѣ женитьбы на Софьѣ.

Такъ медленно и осторожно сказывалась во внѣшнихъ формахъ мысль о новомъ значеніи монархической власти. Въ оффиціальной

литературѣ находимъ слѣды той же усиленной работы политической мысли, того же стремленія верховной власти уяснить себѣ новое свое значеніе помощью формъ, заимствованныхъ со стороны. Тогда же въ нашихъ лѣтописяхъ появляется сказаніе о происхожденіи перваго князя Рюрика отъ перваго римскаго цезаря Августа, и даже высчитанъ былъ рядъ колѣнъ, отдѣлявшій русскаго потомка отъ этого предка. Всѣ эти подробности любопытны, какъ признаки успѣховъ политическаго самосознанія государственной власти, развивавшагося подъ дѣйствіемъ новаго положенія государства.

Работа политической мысли, нагромождая вокругъ государя и даже вокругъ его титула такое количество новыхъ украшеній, углубляясь даже въ самое существо верховной власти. Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи, московскій государь считалъ уже недостаточнымъ прежній источникъ своей власти. Этимъ источникомъ была вотчина и дѣдина, преемство отъ отца и дѣда. Теперь стараются поставить власть на болѣе возвышенное основаніе, дать ей божественное происхожденіе. Въ 1486 г. нѣмецкій рыцарь Поппель, странствуя по малоизвѣстнымъ, отдаленнымъ странамъ, попалъ какимъ-то образомъ въ Москву. Онъ, повидимому, и не подозрѣвалъ прежде существованія этой столицы, ни страны, для которой она служила политическимъ центромъ. На Западѣ знали преимущественно Русь Польско-Литовскую, и многіе не подозрѣвали существованія Руси Московской. Видъ этой новой Руси былъ для рыцаря вполнѣ открытіемъ политическимъ и этнографическимъ. Воротясь домой, онъ разсказывалъ, что за Польской Русью есть еще другая Русь Московская, независимая отъ татаръ, отъ Польши, государь, который будетъ, пожалуй, побогаче и посильнѣе самого короля польскаго. Германскій императоръ рѣшился завести сношенія съ этой новооткрытой страной и послалъ Поппеля въ Москву просить у Ивана руки одной изъ его дочерей для своего племянника и въ вознагражденіе за это предложилъ титулъ короля.— Въ Москвѣ благодарили за любезное предложеніе, но въ отвѣтъ великій князь велѣлъ сказать послу: «а что ты намъ говоришь о королевствѣ, то мы Божіей милостію, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы. Просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ быть такъ, какъ мы теперь государи на своей землѣ; а поставленія, какъ и прежде ни отъ кого не хотѣли, такъ не хотимъ и теперь».

Мысль о власти самобытной и самостоятельной заставляла думать и о назначеніи этой власти, и о ея задачахъ. Увидавъ себя государемъ цѣлаго православнаго народа, московскій государь сталъ смутно угадывать и тѣ новыя политическія обязанности, какія ложились на него, какъ охранителя народныхъ интересовъ. Неясное выраженіе этой мысли встрѣчается въ одномъ дошедшемъ до насъ *въ позднѣйшей* редакціи разсказѣ изъ временъ Ивана III. Въ 1491 г., согласно съ договоромъ, Иванъ велѣлъ своимъ удѣльнымъ братьямъ послать ихъ полки на помощь союзнику своему крымскому хану. Князь углицкій, Андрей Большой, не послушался. Въ Москвѣ на первое время смолчали и дождались пріѣзда удѣльнаго князя въ столицу. Андрея ласково приняли во дворцѣ, но потомъ неожиданно схватили и посадили въ тюрьму. Митрополитъ ходатайствовалъ передъ великимъ кня-

земъ за арестованнаго, но Иванъ отказался освободить его, говоря, что ужъ и прежде нѣсколько разъ этотъ князь злоумышлялъ противъ него. «Да это было бы еще ничего, прибавилъ Иванъ, но, когда я, умру, онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если даже не будетъ самъ, то смутитъ дѣтей моихъ—и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а татары будутъ русскую землю бить, жечь и плѣнять, и дань опять наложатъ, и кровь христіанская польется попрежнему, и всѣ мои труды останутся напрасными: вы попрежнему будете рабами татаръ». Можетъ быть, Иванъ и не выражалъ своихъ мыслей въ такой торжественной формѣ, но присутствіе въ немъ подобныхъ мыслей очень вѣроятно.

Стремленіе создать себѣ поступь, соотвѣтствующую новому взгляду на себя, вызвало и новый государственный обрядъ, въ которомъ всего нагляднѣе выразились успѣхи политическаго сознанія, достигнутые московскимъ государемъ. Предшественники Ивана, великіе князья московскіе, просто садились на великокняжескій столъ отцовъ и дѣдовъ. Иванъ нашелъ этотъ обычай слишкомъ простымъ, несоотвѣтствующимъ новому значенію московскаго государя. Онъ завелъ обычай вѣнчать преемника на великое княженіе торжественнымъ церковнымъ обрядомъ. Еще при жизни своей Иванъ III объявилъ наслѣдникомъ старшаго сына Ивана, но послѣдній умеръ еще при жизни отца; послѣ него остался его сынъ Дмитрій. Этого внука, помимо своего второго сына Василія, Иванъ въ 1498 г. вѣнчалъ на царство. Въ Успенскомъ соборѣ великій князь-дѣдъ возложилъ на великаго князя-внука шапку и бармы Мономаха. Подлинность этихъ украшеній остается на совѣсти тогдашней московской археологіи. Во время вѣнчанія митрополитъ, обращаясь къ дѣду, назвалъ его «Преславнымъ Царемъ Самодержцемъ». Торжественный случай вызвалъ въ потомкѣ Калиты потребность оглянуться назадъ и призвать исторію въ свидѣтели новаго порядка престолонаслѣдія (въ прямой нисходящей линіи), какой устанавливалъ Иванъ вопреки исторіи. Обратясь къ митрополиту, Иванъ сказалъ: «Отецъ-митрополитъ, Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей—великихъ князей—старина оттолѣ и до сихъ мѣстъ отцы наши, великіе князья, сыновьямъ своимъ старшимъ давали княженіе великое, и я было своего перваго сына Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ, но Божіею волею сынъ мой Иванъ умеръ; у него остался сынъ первый Дмитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ». Впослѣдствіи дѣдъ разжаловалъ внука и назначилъ преемникомъ своего сына Василія. Но и надъ этимъ новымъ наслѣдникомъ онъ повторилъ торжественный обрядъ вѣнчанія. Вотъ почему Василій первый назывался «Помазанникомъ Божіимъ».

Таковъ рядъ новыхъ явленій, которыя мы встрѣчаемъ уже при Иванѣ III въ придворной жизни, въ дипломатіи и въ государственномъ церемоніалѣ. Такими внѣшними украшеніями носители верховной власти старались уяснить себѣ и другимъ новый взглядъ на свои права и обязанности. Въ духовной Ивана III находимъ рядъ новыхъ явленій болѣе важнаго характера; изъ нея мы видимъ, что успѣхи политическаго сознанія верховной власти не ограничивались церемоніаломъ, обрядомъ, но дѣйствовали и на государственное право. Давно уже

московскіе князья въ распредѣленіи своихъ владѣній между наслѣдниками оказывали рѣшительное предпочтеніе старшему сыну. Такое предпочтеніе оказалъ и Иванъ III въ своемъ завѣщаніи старшему сыну Василію. Мы уже замѣтили, въ какой степени Василій превышалъ остальныхъ князей, своихъ братьевъ, количествомъ владѣній. Отецъ завѣщалъ ему одному 90 городовъ съ областями, тогда какъ четыре его брата, всѣ вмѣстѣ, получили не болѣе 26. Доходъ Василія съ его владѣній—болѣе, чѣмъ въ два съ половиною раза превышалъ доходъ всѣхъ его удѣльныхъ младшихъ братьевъ, сколько можно судить по долѣ, какую вносилъ великій князь въ составъ каждой тысячи рублей на Ордынскіе расходы (717 руб.).

Но духовная Ивана III не ограничилась только матеріальнымъ хозяйственнымъ преобладаніемъ старшаго наслѣдника. Она даетъ ему важныя политическія преимущества надъ младшими братьями. Эти преимущества слѣдующія: 1) Прежде братья-сонаслѣдники совмѣстно владѣли городомъ. По духовной Ивана столицей владѣетъ и правитъ и всѣ пошлины собираетъ съ нея одинъ великій князь, только изъ собранныхъ доходовъ онъ выдѣляетъ князьямъ удѣльнымъ по 100 р. въ годъ. 2) Прежде подмосковные станы, вмѣстѣ съ самой столицей, дѣлились на участки между наслѣдниками, и каждый изъ наслѣдниковъ творилъ судъ и расправу въ доставшейся ему части столицы и подмосковныхъ станахъ; здѣсь господствовала чрезполосная юрисдикція; по духовной Ивана III судъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ въ Москвѣ и въ подмосковныхъ станахъ, доставшихся въ удѣлъ братьямъ, принадлежалъ исключительно одному великому князю. 3) Прежде каждый князь, великій или удѣльный, билъ свою монету, и въ нашихъ нумизматическихъ кабинетахъ осталось много образцовъ этой удѣльной монеты XIV и XV вв.; по духовной Ивана III право бить монету предоставлено было исключительно великому князю московскому. Наконецъ, 4) Прежде удѣльные князья пользовались полной свободой располагать судьбой своей вотчины по смерти, путемъ завѣщанія; великій князь Дмитрій Донской впервые стѣснилъ это право въ одномъ частномъ случаѣ: удѣльные князья, умирая безсыновными, не имѣли права никому завѣшать свой удѣлъ, который по смерти его дѣлился между оставшимися братьями. Иванъ III исправилъ это ограниченіе въ пользу великаго князя; выморочный удѣлъ переходилъ безъ раздѣленія къ послѣднему. Доля удѣла, отданная княгинѣ-вдовѣ на прожитокъ, оставалась въ ея пользованіи только до смерти, «до живота», а потомъ также отходила къ великому князю.

Такимъ образомъ, великій князь московскій поднялся надъ удѣльными не однимъ количествомъ своихъ владѣній, не перевѣсомъ только силъ, но и превосходствомъ политическихъ правъ. Старшій сынъ Ивана III могъ впервые назвать себя государемъ въ политическомъ, а не въ прежнемъ, вотчинномъ только значеніи этого слова. Прибавимъ къ этому, что Иванъ III договорами съ своими братьями первый добился права исключительно вести внѣшнія сношенія. Удѣльный князь могъ сноситься съ иностранными государями только съ вѣдома и согласія великаго князя.

Таковы были политическіе успѣхи, достигнутые московскимъ государемъ, когда власть его начала дѣйствовать въ новыхъ націо-

нальныхъ предѣлахъ его государства. Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ политическое преобладаніе великаго князя повело къ уничтоженію самихъ удѣловъ. Иванъ VI въ 1572 г. отказалъ все царство Русское своему старшему сыну Ивану, но выдѣлилъ удѣлъ для младшаго сына Ѳеодора. Однако, удѣлъ въ его духовной не является особымъ, самостоятельнымъ владѣніемъ; удѣльный князь—зависимый государь; онъ во всемъ подчиненъ царю—великому князю; да и самый удѣлъ его принадлежитъ ему же, царю и великому князю, «къ его великому государству», т. е. составлялъ нераздѣльную часть всего Русскаго царства. Здѣсь рѣшительно было выражено въ нашемъ государственномъ правѣ понятіе объ удѣльномъ князѣ, какъ о простомъ слугѣ великаго.

Перемѣна въ отношеніи общества къ государю.

Территоріальные успѣхи Московскаго государства, внесшіе столько новаго въ политическое сознаніе государя, измѣнили глубоко и политическое настроеніе московскаго общества, перемѣнили его отношеніе къ верховной власти. До конца XV ст. господствовали еще старыя простыя отношенія общества къ государю; въ этихъ отношеніяхъ мы не встрѣчаемъ еще слѣдовъ того культа благоговѣнія, съ которымъ впослѣдствіи московское общество обращалось къ своему государю; подданные обращались къ великому князю еще запросто. Въ 1480 г. Иванъ, постоявъ противъ хана на Угрѣ, уѣхалъ въ Москву. Столица была въ смятеніи, опасаясь татарскаго нашествія; горожане сносили пожитки въ Кремль, ожидая осады. Увидавъ возвращающагося великаго князя, они подступили къ нему съ упреками и говорили ему, по словамъ лѣтописи: «когда, государь, княжишь надъ нами въ мирное время, тогда насъ много безъ толку обременяешь поборами, а теперь, самъ разсердивъ хана, не заплативъ выхода, насъ же выдаешь татарамъ». Престарѣлый Ростовскій архіепископъ Вассіанъ, встрѣтилъ великаго князя съ еще болѣе сильными упреками, началъ зло говорить ему, называя его «бѣгуномъ», «трусомъ» и грозя, что на немъ взыщется кровь христіанская, которая прольется. Приведемъ еще эпизодъ изъ княженія Иванова преемника. Здѣсь встрѣчаемъ тѣ же простыя отношенія подданныхъ къ государю. Въ Москвѣ заподозрили по доносу въ зломъ умыслѣ удѣльнаго Дмитровскаго князя Юрія и задумали арестовать его, когда онъ явится въ столицу. Услышавъ про это, Юрій обратился къ игумену Волоколамскаго монастыря, преподобному Іосифу, жалуясь, что въ Москвѣ слушаютъ клеветниковъ, и прося игумена ходатайствовать за него предъ великимъ княземъ. Іосифъ уговаривалъ не противиться великому князю: «преклони главу твою предъ помазанникомъ Божіимъ и покорись ему». Юрій отвѣчалъ на это: «будь мнѣ вмѣсто отца родного; я по твоему наставленію не буду противъ государя, готовъ все терпѣть отъ него, даже самую смерть, только съѣзди къ нему». Іосифъ послалъ къ великому князю двухъ старцевъ своего монастыря. Василій грозно встрѣтилъ посланныхъ и строго спросилъ ихъ: «зачѣмъ пришли, какое вамъ до меня дѣло?» Тогда одинъ изъ старцевъ началъ говорить великому князю, что государю не подобаетъ такъ спрашивать, не разузнавъ въ чемъ дѣло, а подобаетъ

разспросить ихъ прежде съ кротостью и смиреніемъ. Великій князь смутился, всталъ и, улыбаясь, сказалъ: «простите, старцы, я пошутилъ». Затѣмъ, снявъ шапку, поклонился и спросилъ о здоровьѣ игумена. Тогда уже пошла рѣчь о дѣлѣ, и великій князь уважилъ ходатайство Іосифа. Такъ еще въ началѣ XVI ст. мы не встрѣчаемъ тѣхъ отношеній къ верховной власти, которыя потомъ установились въ московскомъ обществѣ. Но ходъ дѣла быстро измѣнилъ эти отношенія.

Уже въ первой половинѣ XVI в. московскаго государя начали окружать ореоломъ, рѣзко отдѣлявшимъ его отъ всего остального общества. Наблюдательные иностранцы отмѣтили эту черту. Австрійскій посолъ Герберштейнъ, бывшій тогда въ Москвѣ, замѣчаетъ, что великій князь Василій докончилъ то, что началъ его отецъ, а своею властью надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ на свѣтѣ. Онъ добавляетъ, что въ Москвѣ говорятъ про великаго князя: «Воля государева—Божья воля, государь—исполнитель воли Божіей». Когда москвичи спрашиваютъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ дѣлѣ, то они повторяютъ съ дѣтства затверженное выраженіе: «мы того не знаемъ, знаетъ то Богъ, да государь знаетъ все» и т. д. Они даже величаютъ своего государя «Божіимъ ключникомъ и постельничьимъ», прилагая къ политической теологіи языкъ московскаго двора. Такъ уже ко времени царствованія Грознаго является готовымъ тотъ кодексъ политическихъ понятій, которымъ такъ долго жила потомъ Московская Русь.

Перемѣна въ составѣ и политическомъ настроеніи московскаго боярства.

До сихъ поръ мы разсматривали послѣдствія основного факта третьяго періода, обнаруживающіяся въ области политическихъ идей и стремленій. Но этотъ фактъ подѣйствовалъ на политическій складъ общества въ Московскомъ государствѣ, вызвалъ рядъ новыхъ политическихъ отношеній. Территоріальное расширеніе Московскаго государства сопровождалось глубокими перемѣнами въ устройствѣ и взаимныхъ отношеніяхъ классовъ московскаго общества; оно прежде всего именно измѣнило составъ верхняго слоя правительственнаго класса боярства, и его отношеніе къ великому князю. Москва притянула къ себѣ многочисленное и блестящее боярство, какого не было ни при какомъ другомъ княжескомъ дворѣ сѣверной Руси. Съ конца XIII ст. на берега Москвы идутъ со всѣхъ сторонъ знатные слуги и изъ сѣверныхъ сосѣднихъ княжествъ, и съ далекаго русскаго юга, изъ Чернигова, Кіева, даже съ Волыни, наконецъ, изъ-за границы,—изъ нѣмецкихъ странъ, изъ Крыма и изъ самой Орды. Этотъ приливъ боярства въ Москву былъ лишь отраженіемъ того движенія, какое влекло русское населеніе со всѣхъ сторонъ къ центральному междурѣчью, въ область Оки и верхней Волги. Благодаря этому приливу, уже въ половинѣ XV в. московскій великій князь былъ окруженъ густой стѣной знатныхъ боярскихъ фамилій. По старымъ московскимъ родословнымъ ихъ можно уже было насчитать до 40. Важнѣйшими изъ этихъ фамилій были: Кошкины, Коврины, Головины, Бутурлины, Вельяминовы,

Сабуровы (съ младшей вѣтвью Годуновыхъ), Морозовы и другіе. Боярство это въ отношеніяхъ своихъ къ великому князю сохранило тотъ же характеръ случайныхъ, вольныхъ совѣтниковъ и старшихъ слугъ князя.

Съ половины XV ст. составъ московскаго боярства глубоко измѣняется. Старинныя московскія родословныя указываютъ на эту перемѣну. Въ концѣ XVI в. по этимъ родословнымъ, дѣйствовало на московской службѣ до 200 фамилій. Высчитавъ изъ этихъ фамилій тѣ, которыя служили еще до Ивана III, найдемъ, что болѣе 150 новыхъ фамилій вошло въ составъ московскаго боярства только съ половины XV ст. Рѣшительное большинство среди нихъ принадлежало фамиліямъ титулованнымъ, княжескимъ. Съ Ивана III одинъ за другимъ вступаютъ на службу московскую самостоятельные прежде князья, покидая великіе, либо удѣльные княжескіе столы. Вотъ почему теперь всюду въ московскомъ управленіи, въ Думѣ, въ Приказахъ, въ полкахъ воеводами и въ городахъ намѣстниками являются все князья и князья. Княжье если не давило, то совсѣмъ закрывало собою старый слой московскаго нетитулованнаго боярства. Въ походъ на Ведрошу противъ Литвы (1500 году) было послано 16 воеводъ, изъ нихъ 11 князей.

Какія отношенія установились между столь пестрыми и сбродными элементами, изъ какихъ слагалось московское общество? Составили ли они цѣльную, единообразную массу, или раздѣлились на іерархическіе разряды? Замѣчаемъ, что пришельцы размѣщались на московской службѣ по своему достоинству. Это служебное достоинство опредѣлялось различными условіями. 1) Въ Москвѣ восторжествовала мысль, что служилый князь, потому что онъ князь, долженъ стать выше нетитулованнаго боярина, хотя бы первый былъ вчерашнимъ слугою московскаго князя, а второй имѣлъ бы цѣлый рядъ предковъ, служившихъ этому государю. Само правительство Ивана III признавало это преимущество служилыхъ князей передъ боярами некняжескаго происхожденія. Такъ въ пользу генеалогической знатности въ Москвѣ стали жертвовать давностью службы. 2) Не всѣ князья стали на одной линіи, вступивъ на московскую службу. Выше стали потомки великихъ князей, ниже—потомки князей удѣльныхъ. Князья Пѣнковы Ярославскіе всегда стояли выше родичей, князей Курбскихъ и Прозоровскихъ, потому что Пѣнковы шли отъ великихъ князей ярославскихъ, а Курбскіе съ Прозоровскими отъ ярославскихъ князей удѣльныхъ. Значитъ положеніе новаго слуги въ Москвѣ опредѣлялось его положеніемъ въ минуту перехода на московскую службу. Послѣдовательное примѣненіе этого второго правила приводило къ одному исключенію изъ перваго, т. е. ставило иныхъ князей ниже простыхъ бояръ. Многіе удѣльные князья потеряли свои удѣлы ранѣе перехода на московскую службу. Они переходили въ Москву уже со службы при какомъ-либо другомъ дворѣ, великокняжескомъ или удѣльномъ. Поэтому, какъ бояре младшихъ или удѣльныхъ князей, они въ Москвѣ должны были стать ниже старыхъ московскихъ бояръ, служившихъ старшему изъ великихъ князей.

Благодаря такому распорядку, московское боярство въ его новомъ составѣ стало замѣтно дѣлиться на нѣсколько іерархическихъ ступеней. Первый его слой образовали бояре, предки которыхъ были великими князьями, либо пришли изъ Литвы, были потомками вели-

каго князя литовскаго Гедимина. На верху боярства мы встрѣчаемъ князей Пѣнковыхъ Ярославскихъ, князей Шуйскихъ, Нижегородскихъ, князей Ростовскихъ, князей Патрикѣевыхъ, Гедиминовичей, отъ которыхъ потомъ пошли фамиліи Голицыныхъ и Куракиныхъ; въ этомъ первомъ ряду московской знати почти не осталось никого изъ старыхъ нетитулованныхъ бояръ, за исключеніемъ Захарьевыхъ, вѣтви старой московской фамиліи боярской XIV в. Второй слой образовали старинныя фамиліи московскаго боярства: Бутурлины, Челядины, Вельяминовы, Воронцовы и проч. Къ нимъ примкнули и потомки значительныхъ удѣльныхъ князей Курбскіе, Оболенскіе и нѣкоторые другіе. Но оба эти верхніе слоя, какъ и другіе, лежащіе подъ ними, не раздѣлялись другъ отъ друга рѣзкими чертами. Такому раздѣленію мѣшалъ особенный порядокъ отношеній, установившійся между боярскими фамиліями и извѣстный подъ названіемъ «мѣстничества».

Прежде чѣмъ объяснить происхожденіе и значеніе мѣстничества, я укажу на настроеніе, какимъ стало проникаться московское боярство при своемъ новомъ составѣ. Первостепенная знать, ставшая наверху этого боярства, шла большею частью отъ прежнихъ великихъ и удѣльныхъ князей. Не думайте, что съ успѣхомъ политическаго объединенія Руси, съ исчезновеніемъ прежнихъ великихъ и удѣльныхъ княжествъ, тотчасъ исчезъ безъ слѣда весь удѣльный порядокъ, существовавшій въ сѣверной Руси. Этотъ порядокъ долго еще сохранялъ свою силу и подъ властью московскаго государя. Политическое объединеніе Московской Руси долго выражалось лишь въ единствѣ верховной власти, но не сопровождалось перестройкой мѣстнаго управленія, въ которомъ долго хранились остатки удѣльнаго порядка. Бывшіе удѣльные князья, переставая быть самостоятельными владѣльцами, оставались большею частью простыми вотчинниками-землевладѣльцами въ своихъ бывшихъ удѣлахъ, иногда очень крупными, и даже продолжали пользоваться здѣсь долей своей прежней правительственной власти. Такъ, князья Тарусскіе стали слугами московскими еще со времени великаго князя Василія Дмитріевича, слѣдовательно съ конца XIV ст. Однако, еще въ концѣ XV ст. мы встрѣчаемъ намѣстника княгини Тарусской; значитъ эта княгиня, 100 лѣтъ спустя послѣ упраздненія самостоятельнаго Тарусскаго княжества, продолжала пользоваться долей прежней правительственной власти въ вотчинѣ своего мужа. Благодаря этому, переходъ служилаго князя съ удѣльнаго стола на московскую службу не былъ для него крутымъ переворотомъ, потерей всего, что имѣлъ онъ прежде. При дворѣ московскаго государя этотъ служилый князь видѣлъ себя въ новой обстановкѣ, къ какой не привыкли его предки, но дома, на своемъ подворьѣ, въ кругу своего вотчиннаго хозяйства, этотъ князь оставался среди прежнихъ отношеній, поддерживалъ прежнія понятія и привычки. Благодаря этому, московское боярство въ новомъ своемъ составѣ должно было усвоить взглядъ на себя, какого не имѣли старые нетитулованные бояре. Оно теперь заняло всѣ высшія правительственныя должности командовало московскими полками, правило областями московскаго государства. Очень часто бывшій удѣльный князь продолжалъ править своимъ удѣломъ въ качествѣ московскаго намѣстника, даже законодательствовалъ въ своемъ прежнемъ удѣлѣ. Теперь, руководя всѣмъ въ объединенной Московской Руси, потомки бывшихъ великихъ и удѣльныхъ

князей стали смотрѣть на себя, какъ на властителей Русской земли; только ихъ предки правили русской землей по частямъ и въ одиночку. а теперь потомки, собравшись въ Москвѣ, стали править всею землею и всѣ вмѣстѣ. Въ XVI ст. среди бояръ, особенно титулованныхъ развивается взглядъ, на свое правительственное значеніе не какъ на пожалованіе московскаго государя, а какъ на политическое право, унаслѣдованное отъ предковъ независимо отъ этого государя. Самъ московскій великій князь поддерживалъ въ титулованныхъ боярахъ этотъ взглядъ, часто прямо признавая удѣльныя преданія. Почувствовавъ себя въ сборѣ вокругъ московскаго кремля, новое титулованное боярство взглянуло на себя какъ на собраніе наслѣдственныхъ привычныхъ властителей Русской земли, а на Москву, какъ на сборный пунктъ изъ котораго оно будетъ попрежнему править Русской землей, только не въ одиночку, а вмѣстѣ. Значитъ преданіе власти въ этомъ боярствѣ, шедшее изъ удѣльныхъ вѣковъ, не прервалось, а только преобразилось. Эта власть изъ одиночной, личной и мѣстной, теперь, когда бывшее удѣльное княжье сосредоточилось въ Москвѣ, превратилось въ собирательную, сословную и всеземскую. Этимъ настроеніемъ, замѣтно обнаружившимся съ начала XVI в., объясняются тѣ отношенія, въ какія старалось стать московское боярство при Иванѣ III и его преемникахъ.

Такъ при новомъ своемъ составѣ московская боярская знать присвоила себѣ и новое политическое значеніе, какого не имѣло боярство удѣльныхъ вѣковъ. Это политическое значеніе боярства было закрѣплено своеобразнымъ порядкомъ служебныхъ отношеній между самими боярами, установившимся въ половинѣ XVI вѣка,—мѣстничествомъ.

Мѣстничество.

Правительственный складъ московскаго боярства при его новомъ составѣ облекся въ особую систему отношеній, которыя назывались мѣстничествомъ. Этотъ терминъ обозначаетъ сложившійся въ XV и XVI вв. порядокъ служебныхъ отношеній между боярскими и вообще служилыми фамиліями и отдѣльными лицами. Порядокъ этотъ основанъ былъ на извѣстномъ служебномъ старшинствѣ, но не личномъ, а фамильномъ, на такъ назыв. «отечествѣ». «Отечество»—это унаслѣдованное отъ предковъ фамильное отношеніе одного служилаго лица по службѣ къ другимъ, своимъ родичамъ или чужеродцамъ. Отечество каждаго усчитывалось, т. е. опредѣлялось посредствомъ счета мѣстъ. Отсюда и названіе мѣстничествъ. *Мѣста* были двоякія: *служебныя* и *генеалогическія*, говоря проще, это были *должности* и *лица*. Первоначальное понятіе о мѣстѣ, какъ о должности, сложилось за княжескимъ столомъ, гдѣ садились бояре въ извѣстномъ порядкѣ, но потомъ это понятіе о мѣстѣ перенесено было на всѣ правительственныя должности. Каждая сфера правительственныхъ отношеній, должности полковыя, какъ и административныя, распредѣлены были въ извѣстномъ порядкѣ старшинства, составляли лѣствицу.

Представимъ для примѣра порядокъ, въ какомъ слѣдовали она за другой должности полковыхъ воеводъ. Московская армія, большая

или малая всегда дѣлилась на 5 полковъ, или корпусовъ; это были: большой полкъ, правая рука, сторожевой и передній полки, т. е. авангардъ и аріергардъ, и лѣвая рука. Во главѣ каждаго полка, или корпуса, стояли одинъ или нѣсколько воеводъ, смотря по величинѣ полковъ. Это были: воевода первый, воевода второй и т. д. Должности этихъ воеводъ по старшинству слѣдовали въ такомъ порядкѣ: первое мѣсто принадлежало первому воеводѣ большого полка, который и былъ главнокомандующимъ; второе принадлежало первому воеводѣ правой руки; третье—первымъ воеводамъ сторожевого и передового полковъ, которые были такимъ образомъ равны между собою; четвертое принадлежало воеводѣ лѣвой руки; пятое—второму воеводѣ большого полка; шестое—второму воеводѣ правой руки и т. д.

Другую лѣствицу мѣстъ составляли лица: члены каждой фамиліи размѣщались на службѣ, какъ и за обѣденнымъ столомъ, въ такомъ порядкѣ, отецъ—первое мѣсто; второе и третье принадлежало его двумъ младшимъ братьямъ; четвертое—его старшему сыну,—слѣдовательно, если былъ у отца еще третій братъ, то онъ стоялъ наравнѣ съ старшимъ племянникомъ.

Вотъ простая схема фамильной лѣствицы лицъ. Счетъ мѣстъ былъ двоякій: простой и двойной, считали и по «родословцу» и по «разрядамъ». «Родословецъ»—это поколѣнная роспись фамилій, начиная отъ ея родоначальника. «Разряды»—это погодныя приказныя книги, въ которыхъ изъ года въ годъ записывались служебныя назначенія, какія давались высшимъ служилымъ лицамъ. Мѣста высчитывались помощью особой мѣстнической ариѳметики. Вотъ ея главныя правила: счетъ простой употреблялся между членами одной или нѣсколькихъ родственныхъ фамилій при ихъ встрѣчѣ на службѣ. Этотъ счетъ былъ такой: согласно съ схемой фамильной лѣствицы между отцомъ и сыномъ должно быть два пустыхъ мѣста, оставленныхъ для старшихъ дядей; поэтому старшій сынъ занималъ отъ своего отца четвертое мѣсто. Каждый слѣдующій братъ однимъ мѣстомъ ниже предшествующаго старшаго,—значитъ братья сидѣли рядомъ. Дѣти же не садились рядомъ съ отцомъ. Такъ какъ старшій сынъ занималъ четвертое мѣсто, то на одномъ съ нимъ мѣстѣ могъ явиться третій дядя, если онъ былъ. Отсюда старшій племянникъ четвертому дядѣ (считая тутъ же и отца) «въ версту» (т. е. считался ему сверстникомъ). Отсюда же пятый изъ братьевъ моложе старшаго племянника, сына старшаго изъ нихъ. Теперь вы легко разрѣшите такой частный вопросъ: что значитъ, что князь Андрей Сицкій ниже отца своего «семью мѣсты»; это значитъ, что у отца своего онъ пятый сынъ. Теперь представимъ, что встрѣтились на службѣ старшій братъ съ племянникомъ отъ третьяго брата. Старшій братъ назначенъ первымъ воеводой большого полка; отношеніе по родословцу высчитывалось такъ: находили общаго родоначальника; въ нашемъ случаѣ—это былъ отецъ старшаго брата; старшій сынъ отъ отца своего—четвертое мѣсто, второй—пятое, третій—шестое; старшій сынъ этого третьяго отъ своего отца—четвертое; слѣдовательно, между ними два пустыхъ; слѣдовательно, отъ общаго родоначальника—девятое мѣсто, а отъ старшаго дяди главнокомандующаго—шестое. Если старшій братъ назначенъ главнокомандующимъ, то его племянникъ отъ другого, второго, младшаго брата, долженъ стать ниже его на пять мѣстъ, занять шестое. Шестое мѣсто въ пол-

ковой администраціи принадлежало второму воеводѣ правой руки. Итакъ, наши родственники, встрѣчаясь на службѣ могли служить на разстояніи указаннаго количества мѣстъ. Дядя обидится, если его племянника назначали выше второго воеводы правой руки. Такое назначеніе было бы «не по отечеству» и «служить дядѣ такъ не вмѣстно», въ такомъ случаѣ онъ потерпитъ «поруху» въ своемъ отечествѣ.

Гораздо сложнѣе былъ счетъ между членами чужихъ другъ другу фамилій. Для объясненія его возьмемъ такой примѣръ. Положимъ, встрѣтились на службѣ очень родовитый бояринъ, князь Пѣнковъ Ярославскій, и простой бояринъ Челядинъ изъ второстепенной знати. Князь Пѣнковъ назначенъ первымъ воеводой большого полка, бояринъ Челядинъ первымъ воеводой лѣвой руки. Челядинъ, заподозрилъ правильность своего назначенія и такъ его провѣряетъ. Для удобства обозначимъ Пѣнкова буквой А, а Челядина буквой В. В взглянулъ на А, какъ на своего совмѣстника, т. е. соперника, съ которымъ ему быть не «вмѣстно», съ которымъ онъ хочетъ спорить. Чтобы провѣрить свое назначеніе, В беретъ разряды и ищетъ въ нихъ «случая» т. е, такого назначенія изъ прошлыхъ лѣтъ, гдѣ бы встрѣтились вмѣстѣ предокъ В съ предкомъ А. В нашелъ, что дѣдъ А нѣкогда былъ посланъ въ походъ съ отцомъ В, и оба эти предка занимали тѣ же должности, на какія назначены теперь А и В. Нашедши такой случай, т. е. опредѣливъ отношенія между фамиліями, В беретъ «родословецъ», обращается къ другому счету. Онъ высчитываетъ разстояніе отъ предковъ своего совмѣстника и свое. Нашъ А есть внукъ старшаго князя Пѣнкова въ прямой нисходящей линіи,— слѣдовательно, седьмое мѣсто (а отъ своего отца четвертое, а отецъ его отъ дѣда тоже четвертое). В есть сынъ четвертаго Челядина, но второй,—слѣдовательно, отъ отца своего пятое мѣсто; А и В по родословцу представляютъ величины не равныя предкамъ. А выше по разряду, но ниже по родословцу. Согласно съ измѣненіемъ отношенія по родословцу должны измѣниться и отношенія по разрядамъ. Если бы В былъ седьмое мѣсто отъ своего отца, онъ пошелъ бы въ походъ воеводой лѣвой руки; но онъ на два мѣста выше А по родословцу. Высчитавъ такъ свое мѣстническое отношеніе къ А, В бьетъ челомъ, что быть ему такъ съ А не «вмѣстно», что отечество потерпитъ «поруху», что онъ «потеряетъ» въ разрядѣ, тогда какъ А безъ права «найдетъ» въ разрядѣ. Такова система мѣстническаго счета въ ея простѣйшемъ видѣ.

Легко видѣть цѣль, къ которой стремилось боярство, опредѣляя такъ отношеніе своихъ членовъ или фамилій. Всѣ дальнѣйшія поколѣнія бояръ на службѣ государя, какъ и за столомъ, должны были размѣщаться въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ сидѣли первыя поколѣнія. Отношенія между фамиліями не должны измѣняться. Какъ нѣкогда стояли на службѣ родители, такъ вѣчно пусть стоятъ и потомки. Вотъ идея мѣстничества. Очевидно, *мѣстничество устанавливало не наслѣдственность должностей, а наслѣдственность служебныхъ отношеній между фамиліями.* Отношеніе фамилій—главное основаніе мѣстничества; должности сами по себѣ ничего въ немъ не значили. Князь Пѣнковъ готовъ былъ занять какую угодно должность, лишь бы Челядинъ съ нимъ вмѣстѣ стоялъ на должности еще ниже. Это совершенно обратное отношеніе лица къ должности сравнительно съ существующими теперь. Теперь правительственное значеніе лица опредѣляется его долж-

ностью, т. е. степенью власти и отвѣтственности, съ нею сопряженной; нынѣ мѣсто краситъ человѣка, а въ мѣстничествѣ человѣкъ красилъ мѣсто; нынѣ значенiе лица опредѣляется должностью, имъ занимаемою, а тогда значенiемъ лица опредѣлялась должность, какую оно занимало. Вотъ почему иногда родовитый человѣкъ XVI в. послѣдовательно занималъ все низшiя должности. Князь Воротынскiй ходилъ воеводой большого полка, потомъ является воеводой правой, а далѣе смѣщается въ воеводы лѣвой руки. Это не пониженiе по службѣ. Въ первый разъ онъ былъ самымъ родовитымъ изъ назначенныхъ съ нимъ въ походъ, но потомъ его послали съ Одоевскимъ и, наконецъ, съ Шуйскимъ, а до Одоевскаго и Шуйскаго князю Воротынскому далеко; рукой не достать.

Легко замѣтить, когда и какимъ образомъ могла сложиться въ Москвѣ такая система служебныхъ отношенiй. Мѣстами стали считаться, очевидно, когда стало тѣсно сидѣть. Бояре стали испытывать такую тѣсноту со времени Ивана III; поэтому линiи предковъ, служебное отношенiе которыхъ принималось потомками за основанiе своего фамильнаго старшинства, въ мѣстническихъ спорахъ не восходили обыкновенно раньше этого князя. Впрочемъ, само собой понятно, что мѣстническое отношенiе большей части самыхъ знатныхъ фамилiй и не могло установиться раньше этого государя, потому что эти фамилiи до Ивана III еще не служили въ Москвѣ. Двѣ причины заставили этихъ бояръ такъ разстановиться и уложить свои взаимныя отношенiя по службѣ въ такую систему.

1) Приливъ въ Москву служилыхъ людей, различныхъ по происхожденiю и значенiю. Приливъ этотъ цѣлыми массами съ половины XV ст. вызвалъ потребность стройнаго, для всѣхъ однообразнаго распорядка отношенiй,—независимо отъ личныхъ и случайныхъ соглашенiй государя съ тѣмъ или другимъ новымъ слугою. 2) Невыгода покинуть московскую службу, за отсутствiемъ другого двора, равнаго московскому по служебнымъ выгодамъ, побуждала бояръ сдѣлать разъ установившiйся служебный распорядокъ постояннымъ, наслѣдственнымъ; отдѣльный случай превратить въ постоянное основанiе фамильнаго отношенiя, т. е. настоящаго и будущаго отношенiя фамилiй. Обѣ эти причины начали дѣйствовать съ половины XV в. и мѣстничество могло установиться не раньше этого времени.

Разбирая эту служебную систему, легко замѣтить ея политическое значенiе для служилаго класса. Мѣстничество ставило отношенiя лицъ и фамилiй въ зависимость отъ служебныхъ отношенiй предковъ, т. е. политическое положенiе лица или фамилiи оно дѣлало независимымъ ни отъ каприза государя, ни даже отъ личныхъ заслугъ и качествъ служилыхъ лицъ. Какъ стояли предки, такъ должны стоять и потомки, и ни государева воля, ни государственныя заслуги не должны путать этого распорядка. Эта наслѣдственность положенiй и была тѣмъ, что заставляло бояръ такъ дорожить мѣстничествомъ, ставить его выше своей жизни. «За мѣста», говорили бояре XVII в., «наши отцы помирали». Боярина можно было избить, прогнать со службы, ограбить, но нельзя было заставить служить ниже своего «отечества». Такимъ образомъ мѣстничество имѣло оборонительный характеръ. Имъ классъ защищался отъ произвола сверху, и отъ случайныхъ интригъ снизу, со стороны служилыхъ лицъ. Мѣстничество сооообщило

боярству характеръ политическій корпораціи, характеръ политической аристократіи. Сама верховная власть признала за нимъ такое значеніе. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, гдѣ вскрывается такой взглядъ на мѣстничество. Въ 1616 г. князь Волконскій, неродовитый, но много служившій бояринъ билъ челомъ боярамъ, что ему по своей службѣ обидно быть ниже боярина Головина. Бояре разобрали дѣло и послали князя въ тюрьму за то, что онъ «своимъ бездѣльнымъ челобитьемъ» обезчестилъ Головина, человѣка родовитаго, до котораго ему далеко по отечеству, а что касается до службы Волконскаго то «за службу государь жалуетъ деньгами и помѣстьемъ, а не отечествомъ». Итакъ, государь можетъ сдѣлать служилаго человѣка богатымъ, но не можетъ сдѣлать его знатнымъ, потому что знатность идетъ отъ предковъ, а покойныхъ предковъ нельзя сдѣлать болѣе или менѣе знатными, чѣмъ они были. Итакъ, когда московское боярство стало складываться изъ пестрыхъ, сбродныхъ элементовъ въ цѣлый правительственный классъ, этотъ складъ вышелъ аристократическимъ.

Отношеніе новаго боярства къ государю.

Благодаря такому складу и настроенію, измѣнилось отношеніе бояръ къ своему государю. Эта перемѣна была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ самого процесса, какимъ создались какъ государева власть, такъ и само боярство. Политическія обстоятельства, съ одной стороны, поставили московскаго князя на высоту національныхъ государей съ широкою властью, а съ другой—навязали ему правительственный классъ съ широкими политическими притязаніями. Въ одно и то же время и власть московскаго государя, и власть московскаго боярства расширялась; слѣдствіемъ этого было разрушеніе единства интересовъ между обѣими политическими силами, а уничтоженіе единства интересовъ разрушило гармонію отношеній. Московское боярство XIV в. приходило служить въ Москву, ища здѣсь служебныхъ выгодъ; эти выгоды росли для служилаго человѣка вмѣстѣ съ успѣхами московскаго государя. Отсюда единство интересовъ между обѣими сторонами. Московскіе бояре XIV в. дружно помогали своему государю въ его внѣшнихъ дѣлахъ и усердно содѣйствовали ему во внутреннемъ устройствѣ. По памятникамъ XIV в. проходитъ яркою нитью тѣсная связь, задушевныя симпатіи между московскими великими князьями и ихъ боярами. «Слушали бы вы», пишетъ Семеонъ въ своей духовной младшимъ братьямъ, «во всемъ отца нашего владыку Алексѣя, да старыхъ бояръ, которые отцамъ нашимъ и намъ добра хотѣли». Еще задушевнѣе выступаютъ эти отношенія въ біографіи великаго князя Дмитрія Донского, составленной современникомъ. Біографъ заставляетъ говорить умирающаго великаго князя дѣтямъ: «бояръ своихъ любите, честь имъ достойно воздавайте по ихъ службѣ, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте». Обратившись затѣмъ къ боярамъ, великій князь въ сочувственныхъ словахъ напомнилъ имъ, какъ они работали вмѣстѣ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, какъ стали страшны для недруговъ русской земли. Между прочимъ, великій князь сказалъ своимъ сотрудникамъ: «я всѣхъ васъ любилъ и въ чести держалъ, веселился съ

вами и скорбѣлъ, и вы назывались у меня не боярами, а князьями земли моей».

Съ половины XV ст. должно было измѣниться отношеніе между двумя политическими силами. Новые бояре шли въ Москву въ большинствѣ случаевъ не затѣмъ, чтобы найти новыя выгоды, а съ горькимъ сожалѣніемъ о потерянныхъ выгодахъ удѣльной самостоятельности. Чувства и стремленія обѣихъ сторонъ разошлись, хотя шли изъ одинаковаго источника. Почувствовавъ себя въ сборѣ вокругъ московскаго кремля, потомки великихъ и удѣльныхъ князей стали болѣе притязательными сравнительно со старыми московскими боярами. Почувствовавъ себя во главѣ объединенной Великой Руси, московскій государь съ трудомъ выносилъ и прежнія отношенія свои къ боярамъ и не могъ ужиться съ новыми притязаніями.—Отсюда произошелъ рядъ столкновеній между московскимъ государемъ и его боярами. Эти столкновенія часто обозначаются громкимъ названіемъ политической борьбы московскаго государя съ непокорной московской аристократіей. Но это была очень своеобразная борьба какъ по формамъ, въ которыхъ она выражалась, такъ и по побужденіямъ. Борьба, завязавшаяся между московскимъ государемъ и его боярствомъ, проходитъ рѣзкой чертой по исторіи Московскаго государства съ княженія Ивана III. Она сообщила этой исторіи много живости, драматическаго движенія, но она выразилась въ формахъ, какія рѣдко принимала борьба политическая въ другихъ странахъ. Бояре, отстаивая свои притязанія, не поднимались открыто противъ государя, не брали въ руки оружія, не вели даже наслѣдственной оппозиціи противъ него. Чаще всего эта борьба выражалась въ придворныхъ смутахъ и интригахъ, которыя иногда чрезвычайно трудно разсматривать. Въ продолженіе полутора вѣка, она съ особенной силой возобновлялась два раза и каждый разъ вызывалась случайнымъ и спеціальнымъ вопросомъ о престолонаслѣдіи. Иванъ III, какъ извѣстно, сперва назначилъ своимъ преемникомъ внука своего Дмитрія, вѣнчалъ его на великое княженіе, а потомъ развѣнчалъ его и объявилъ наслѣдникомъ своимъ своего сына отъ второй жены, Софьи,—Василія. Знатнѣйшее московское боярство въ этомъ семейномъ столкновеніи стало на сторонѣ внука и противодѣйствовало сыну, не сочувствуя его матери и принесеннымъ ею политическимъ понятіямъ и внушеніямъ. Это глухое столкновеніе, кажется, доходило до сильнаго раздраженія, вызвало сильные ссоры при дворѣ, рѣзкія выходки со стороны бояръ; по крайней мѣрѣ, послѣ сынъ Василія, царь Иванъ, жаловался, что бояре на отца его вмѣстѣ съ внукомъ дѣда—Дмитріемъ «многія пагубныя смерти умышляли и самому государю-дѣду, многія поносныя и укоризненныя слова говорили». Значитъ, эта оппозиція бояръ Ивану III доходила даже до крамолы, до заговоровъ; не даромъ черезъ годъ послѣ вѣнчанія Дмитрія пострадали важнѣйшіе бояре за свое противодѣйствіе Василію. Боярину князю Семену Ряполовскому—Стародубскому отрубили голову, а его друзей, князя Ивана Патрикѣева съ сыномъ Василіемъ, знаменитымъ впослѣдствіи старцемъ Вассіаномъ Косымъ, насильно постригли въ монашество.

Та же глухая борьба шла и въ княженіе Иванова преемника—Василія. Послѣдній недовѣрчиво относился къ боярамъ, какъ государь, котораго они не хотѣли видѣть на престолѣ и съ трудомъ его на

немъ терпѣли; и въ это время борьба обнаружилась лишь въ опалахъ, постигавшихъ нѣкоторыхъ изъ знати. Такъ, первостепеннаго боярина-князя Василія Холмскаго за что-то посадили въ тюрьму, а второстепенному думному человѣку—Берсеню-Беклемишеву отрѣзали языкъ за неподобныя рѣчи о великомъ князѣ и его матери.

Но съ особенной силой борьба между обѣими партіями обнаружилась при царѣ Иванѣ и опять по вопросу о престолонаслѣдіи. Вскорѣ по завоеваніи Рязанскаго царства въ 1553 г. Иванъ опасно заболѣлъ и велѣлъ боярамъ присягнуть новорожденному сыну своему царевичу Дмитрію. Многіе изъ первостепенной знати отказались отъ присяги, или принесли ее неохотно, объявивъ, что не хотятъ служить малымъ помимо стараго, т. е. хотятъ служить двоюродному брату царя, удѣльному князю Владиміру Андреевичу Старицкому. Пробужденное этимъ столкновеніемъ недовѣріе царя къ боярамъ нѣсколько лѣтъ спустя произвело разрывъ между обѣими сторонами, повело къ учрежденію опричины и вызвало цѣлый рядъ жестокихъ опалъ и казней, упавшихъ на боярскія фамиліи.

Но во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ въ продолженіи трехъ царствованій не обозначаются ясно побужденія, которыми руководились боровшіяся стороны. Изъ-за чего шла борьба, какіе непримиримые интересы ее питали—этого обѣ стороны не высказываютъ прямо. Иванъ III глухо жаловался на неуступчивость, строптивость своихъ бояръ; отправляя пословъ въ Польшу послѣ дѣла о наслѣдникѣ, онъ давалъ имъ въ инструкціи, между прочимъ такое наставленіе: «чтобы во всемъ между вами гладко было, пили бы бережно, не до пьяна, и во всемъ бы себя берегли, а не поступали бы такъ, какъ князь Семенъ Ряполовскій, высокоумничалъ съ княземъ Василіемъ, сыномъ Ивана Юрьевича (Патрикѣева)».

Немного яснѣе обозначаются чувства и стремленія оппозиціонной боярской стороны въ княженіе Василія. Отъ этого времени уцѣлѣлъ памятникъ, который вскрываетъ настроеніе боярской оппозиціи. Это отрывокъ слѣдственнаго дѣла объ упомянутомъ выше думномъ человѣкѣ—Иванѣ Никитичѣ Берсенѣ-Беклемишевѣ (1525 г.). Беклемишевъ, далеко не принадлежавшій къ боярской первостепенной знати, былъ человѣкъ строптивый, неуступчивый. Въ то время въ Москвѣ проживалъ вызванный съ Аѳона исправитель и переводчикъ богослужебныхъ книгъ—ученый монахъ Максимъ Грекъ, человѣкъ бывалый, знакомый съ католическимъ Западомъ. Максимъ привлекъ къ себѣ любознательныхъ людей изъ московской знати, которые приходили въ его келью бесѣдовать о «книгахъ и о цареградскихъ обычаяхъ», такъ что его келья въ Симоновомъ монастырѣ сдѣлалась похожа на ученый клубъ. Любопытно, что наиболѣе обычными гостями Максима были люди изъ оппозиціонной знати; къ нимъ принадлежали и племянникъ упомянутаго выше опальнаго боярина Холмскаго, и сынъ грубившаго Ивану III боярина Тучкова. Но самымъ близкимъ собесѣдникомъ Максима былъ Иванъ Никитичъ Берсень-Беклемишевъ. Онъ былъ тогда въ опалѣ; оправдывая свое «колючее» прозвище (берсень—крыжовникъ), онъ въ Думѣ что-то рѣзко возразилъ государю при обсужденіи вопроса о Смоленскѣ. Тотъ разсердился и выгналъ его изъ совѣта, сказавъ: «пошелъ вонъ, смердъ, ты мнѣ не надобенъ». Берсень въ бесѣдахъ съ Максимомъ и высказывалъ свои огорченныя чувства, въ которыхъ можно

видѣть отраженіе политическихъ думъ тогдашняго общества. Берсень ничѣмъ не доволенъ въ Московскомъ государствѣ, ни людьми, ни порядками; всего болѣе недоволенъ онъ самимъ государемъ. Недовольство это совершенно консервативнаго направленія; старые московскіе порядки съ недавняго времени стали измѣняться, и на это жалуется Берсень; онъ относится еще снисходительно къ Васильеву отцу; Иванъ III, по его мнѣнію, былъ добръ и до людей ласковъ и потому Богъ помогалъ ему во всемъ; онъ любилъ «встрѣчу» (возраженіе противъ себя), а нынѣшній государь не таковъ, людей мало жалуетъ, упрямъ и не любитъ встрѣчи противъ себя и опаляется на тѣхъ, кто ему встрѣчу говоритъ. Берсень высказываетъ цѣлую философію консерватизма. «Самъ ты знаешь», говоритъ онъ Максиму, «да и мы слыхали отъ разумныхъ людей, что какая земля перемѣняетъ свои старые обычаи, та земля недолго стоитъ; а у насъ нынѣшній великій князь старые обычаи перемѣнилъ; такъ отъ насъ какого добра ждать». Когда Максимъ возразилъ, что государи перемѣняютъ «царскіе и земскіе обычаи», соображаясь съ государственными интересами, Берсень отвѣчалъ: «а все-таки лучше старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать и стариковъ почитать, а нынѣ государь нашъ, запершись самъ третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ». Этой перемѣной обычаевъ Берсень объясняетъ безпорядки и тревоги, испытываемые Русской землей. Первой виновницей этой измѣны старымъ обычаямъ, родной старинѣ, Берсень считаетъ мать великаго князя: «какъ пришли сюда греки», говоритъ Берсень, «такъ земля наша и замѣшалась; а до тѣхъ поръ земля наша русская въ мирѣ и тишинѣ жила. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софія, съ вашими греками, такъ и пошли нестроенія великія, подобныя вашимъ цареградскимъ».—Максимъ Грекъ счелъ долгомъ заступиться за землячку и возразилъ: «великая княгиня Софья съ обѣихъ сторонъ была роду великаго: по отцу—царскаго роду, цареградскаго, а по матери великаго дуксуса Феррарійскаго Италійскія страны».—«Какова бы она ни была», отвѣчалъ Берсень, «да къ нашему нестроенію пришла». За всѣ эти лишнія рѣчи, вскрывшіяся на слѣдствіи, Берсеню и отрѣзали языкъ. Значитъ, боярство при Василіи жаловалось на нарушеніе установленныхъ обычаемъ правительственныхъ порядковъ, на недовѣріе государя къ боярамъ и на то, что рядомъ съ Боярской думой онъ создалъ интимный кабинетъ изъ немногихъ довѣренныхъ лицъ, съ которыми предварительно обсуждалъ государственные вопросы, потомъ вносившіеся въ Думу. Берсень не требуетъ никакихъ новыхъ правъ для боярства, онъ только отстаиваетъ старыя права, нарушаемыя государемъ. Онъ — оппозиціонный консерваторъ, противникъ государя, потому что стоитъ противъ нововведеній.

По смерти Василія, въ малолѣтство его преемника, власть попала въ руки бояръ. Теперь они могли распорядиться государствомъ по своему, осуществить свои политическіе идеалы, согласно съ ними перестроить государственный порядокъ, но они не пытались строить никакого новаго порядка. Въ продолженіе десяти лѣтъ, раздѣлившись на партіи, они вели усобицы другъ съ другомъ изъ-за личныхъ или фамильныхъ интересовъ, а не изъ-за государственнаго порядка. Эта борьба боярскихъ партій, наполнившая государство смутами, не только прошла

безплодной для политическаго значенія боярства, но и уронила политическій авторитетъ класса въ глазахъ общества.

Въ царствованіе Грознаго, когда возобновилась борьба, обѣ стороны высказались откровеннѣе. Въ 1564 г. князь А. М. Курбскій, сверстникъ и любимецъ царя, командуя полками въ Ливонской войнѣ, проигралъ битву, и опасаясь опалы, бѣжалъ къ польскому королю. Но, бѣглый бояринъ не захотѣлъ молча разстаться съ царемъ Иваномъ; изъ своего убѣжища онъ написалъ Грозному рѣзкое обличительное посланіе, въ которомъ упрекалъ царя за жестокость въ обращеніи съ боярствомъ. Царь не стерпѣлъ обиды и отвѣчалъ боярину-бѣглецу длиннымъ посланіемъ. Такъ завязалась любопытная переписка, продолжавшаяся въ 60 и 70 гг. Кромѣ того Курбскій написалъ въ Литвѣ полемическую исторію Грознаго, гдѣ также высказалъ политическія воззрѣнія своей братіи. Такъ обѣ стороны исповѣдывались другъ другу и могли вполнѣ высказать, изъ-за чего шла борьба между ними. Однако и въ этой полемикѣ, веденной обѣими сторонами съ большимъ жаромъ и талантомъ, не находимъ прямого отвѣта на вопросъ о причинахъ вражды, раздѣлявшей обѣ стороны. Письма Курбскаго наполнены личными упреками. Въ исторіи Ивана онъ высказываетъ нѣсколько общихъ политическихъ сужденій. Онъ считаетъ правильнымъ такой государственный порядокъ, который основанъ не на произволѣ государя, а на участіи синклита въ управленіи; чтобы вести дѣла правильно и успѣшно, государю необходимо совѣтоваться съ боярами. Впрочемъ, не съ однимъ синклитомъ государь долженъ дѣлить власть: Курбскій допускаетъ и народное представительство въ управленіи, стоитъ за необходимость Земскаго собора. Въ своей исторіи царя Ивана онъ высказываетъ такой возвышенный политическій девизъ: «если царь и почтенъ царствомъ, но не получилъ отъ Бога какихъ-либо дарованій, онъ долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у своихъ совѣтниковъ, но и у простыхъ людей, потому что даръ духа является не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной». Но ни правильное значеніе боярскаго совѣта, ни участіе Земскаго собора не были въ то время только идеалами, политическими мечтами; и боярскій совѣтъ, и Земскій соборъ были политическими фактами; первый—фактомъ очень старымъ, второй—явленіемъ недавнимъ, появившимся именно въ царствованіе Грознаго, который впервые созвалъ Земскій соборъ въ 1550 г. Ни Иванъ, ни его предшественники не пытались прямо и открыто уничтожить правительственное значеніе боярскаго совѣта въ управленіи, важныя дѣла обсуждали и рѣшали вмѣстѣ съ боярами. Итакъ, Курбскій отстаивалъ дѣйствовавшіе факты; его политическая программа не идетъ за предѣлы существовавшаго порядка, онъ не требуетъ перестройки дѣйствительности, ни новыхъ правъ для боярства, ни новыхъ обезпеченій для старыхъ правъ.

Послушаемъ другую сторону. Политическіе идеалы царя Ивана всѣ сводятся къ одной идеѣ, къ мысли о самодержавной власти; самодержавіе для Ивана не только нормальный, свыше установленный порядокъ государственный,—оно для него исконный фактъ нашей исторіи, непрерывно идущій изъ глубины отдаленныхъ вѣковъ. «Самодержавство нашего начало отъ святого Владиміра; мы родились на престолѣ, а не чужое похитили; русскіе самодержцы изначала сами вла-

дѣютъ своимъ царствомъ, а не бояре и вельможи». Этому самодержавію царь даетъ божественное происхожденіе и указываетъ ему не только политическое, но и высокое религіозно-нравственное значеніе; «тщюсь со усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго, истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога имъ даннаго государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, которыми царство растлѣвается; ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся». Сущность этого самодержавія Иванъ выражаетъ въ такой простѣйшей формѣ: «жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ вольны же». — Вотъ и вся политическая программа царя Ивана. Столь рѣзко выраженная идея самодержавной власти у царя не развивается въ опредѣленный политическій порядокъ, изъ нея не извлекаются никакія практическія послѣдствія.

Царь нигдѣ не говоритъ, согласенъ ли его идеалъ съ существующимъ государственнымъ устройствомъ, или требуетъ новаго; можетъ ли, напримѣръ, его самодержавная власть дѣйствовать съ наличнымъ боярствомъ, или должна создать другія орудія управленія. Но противъ самодержавія, какъ его понимали тогда въ Москвѣ, не возставало и боярство. Бояре признавали власть московскаго государя, какъ его создала исторія; они только настаивали на необходимости и пользѣ участія въ управленіи другой политической силы, созданной тою же исторіею,—боярства; даже въ помощь этой силѣ призывали еще третью—земское представительство. Изъ-за чего вышелъ споръ, и даже лилась кровь? Обѣ стороны отстаивали существующее. Чувствуется, что онѣ какъ будто не вполнѣ понимали другъ друга: каждая защищала учрежденіе или обычай, на который не нападала противная сторона. Вотъ своеобразный характеръ политической борьбы, о которой идетъ рѣчь—видимое отсутствіе политической причины для борьбы. Обѣ стороны, кажется, не могли удержаться отъ нея, но какъ будто не умѣли достаточно объяснить ее, сказать изъ-за чего они борятся. Это потому, что причиной борьбы были не противоположныя политическія стремленія обѣихъ сторонъ, а противорѣчія въ самомъ политическомъ строѣ Московскаго государства. Государь и боярство не разошлись другъ съ другомъ въ политическихъ идеалахъ, а только почувствовали это противорѣчіе, созданное исторіей Московскаго государства, и не знали, какъ съ нимъ справиться. Что такое было Московское государство въ XVI вѣкѣ? Это абсолютная монархія, но съ аристократическимъ управленіемъ. Значитъ характеръ верховной власти въ этомъ государствѣ не соотвѣтствовалъ свойству правительственныхъ органовъ, черезъ которые она должна была дѣйствовать. Правительственная практика не соотвѣтствовала политическимъ понятіямъ общества: въ первой государь является не такимъ, какимъ представляло его второе. Благодаря этому, обѣ политическія силы, руководившія государствомъ, чувствовали себя въ чрезвычайно неловкомъ положеніи и не знали, какъ изъ него выйти. Ни боярство не умѣло устроить государственный порядокъ безъ государственной власти, какой она была тогда, ни государь не зналъ, какъ управиться безъ боярскаго содѣйствія съ своимъ царствомъ въ его предѣлахъ: ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужиться одной съ другой, какъ обойтись другъ безъ друга. Не умѣя ни разстаться, ни помириться, онѣ

попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Такимъ выходомъ изъ затрудненія и была опричина.

Происхожденіе и значеніе опричины.

Царь Иванъ, столь успѣшно начавшій править государствомъ со своими боярами, потомъ разошелся съ ними. Вражда росла десять лѣтъ со времени извѣстныхъ событій 1553 г. и, наконецъ, разразилась полнымъ разрывомъ. Въ концѣ 1564 г. царь неожиданно собрался въ дорогу со всей семьей и нѣкоторыми придворными, захватилъ утварь, иконы и кресты, платье и всю казну и уѣхалъ въ Александровскую слободу. Черезъ мѣсяцъ онъ прислалъ въ столицу двѣ грамоты. Въ одной онъ клалъ свой государевъ гнѣвъ на все духовенство, бояръ и на служилыхъ и приказныхъ людей, поголовно обвиняя ихъ, что они о государствѣ, государѣ и обо всемъ православномъ христіанствѣ не радѣли, отъ враговъ ихъ не обороняли, напротивъ, сами притѣсняли христіанъ, расхищали казну и земли государевы, а духовенство покрывало виновныхъ, защищало ихъ. «И вотъ царь», гласила грамота,—«въ великой жалости сердца не стерпѣлъ всѣхъ этихъ измѣнъ, покинулъ свое царство и пошелъ поселиться, гдѣ-нибудь, гдѣ Богъ укажетъ». Московскому простонародію, купцамъ и всѣмъ тяглымъ людямъ царь прислалъ другую грамоту, гдѣ писалъ, «чтобы они сомнѣнія не держали, что опалы и гнѣва на нихъ нѣтъ». Тогда Москва завопила въ смятеніи, прося митрополита съ боярами ѣхать къ царю и уговорить его вернуться на царство. При этомъ горожане кричали, чтобы царь вернулся на царство оборонять ихъ отъ волковъ и сильныхъ людей, что за государскихъ измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ. Царь принялъ челобитную отъ явившейся къ нему въ слободу депутаціи духовенства и бояръ, согласился вернуться на царство, но съ условіемъ, чтобы ему на своихъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалу класть, а иныхъ казнить, имущество же брать на себя, чтобы духовенство и бояре и приказные люди все это положили на его государевой волѣ, чтобы ему въ томъ не мѣшали. Для казни и опалы учреждена была тогда царемъ опричина.

Опричина—это новый дворъ, какой создалъ себѣ царь, съ особыми боярами-дворецкими и всѣмъ придворнымъ штатомъ. Изъ числа служилыхъ людей въ Москвѣ въ этотъ дворъ взяты 1000 человѣкъ, которымъ въ столицѣ отведены были особыя улицы и слободы, для чего перевели прежнихъ обывателей на новыя мѣста. Для содержанія этого двора изъ состава государства выдѣлено было 20 городовъ съ уѣздами, гдѣ земли розданы были опричникамъ, а прежніе владѣльцы переведены были въ другія области. Весь этотъ выдѣленный изъ государства міръ получилъ свое особое управленіе. Все остальное государство подъ именемъ земщины оставлено было подъ управленіемъ думныхъ бояръ, не взятыхъ въ опричину и получившихъ названіе земскихъ. Всѣ учрежденія центральныя, какъ и областныя должны были дѣйствовать попрежнему, обращаясь съ вопросами и всѣми земскими дѣлами въ думу земскихъ бояръ, которая правила землею, докладывая государю только важнѣйшія военныя и земскія дѣла. Такимъ образомъ, государство раздѣлилось на двѣ неравныя части—*опричину*

и земщину. Во главѣ первой сталъ самъ царь. За выѣздъ изъ Москвы царь взялъ съ земщины штрафъ въ 100.000 руб. (около 2 милліоновъ на наши деньги). Учредивъ опричину, написавъ уставъ для нея, царь принялся казнить измѣнниковъ и ослушниковъ, начиная съ ближайшихъ сторонниковъ князя Курбскаго, послѣ побѣга котораго вскорѣ и учреждена была опричина.

Съ перваго взгляда это учрежденіе представляется лишеннымъ всякаго политическаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, царь, заподозривъ бояръ въ измѣнѣ, оставлялъ землю подъ управленіемъ этихъ самыхъ измѣнниковъ. Но, опричина становится понятна въ связи съ политическимъ столкновеніемъ, которымъ она была вызвана. Прежде всего въ опричинѣ надо различать ея политическую форму и ея политическую цѣль. Политическая форма, въ какую облечено это учрежденіе, была заимствована изъ преданій и обычаевъ старины; это былъ удѣлъ.

Самый терминъ «опричина» взятъ изъ удѣльнаго языка: въ княжескихъ грамотахъ XIV в. опричинами назывались тѣ владѣнія, какія выдѣлялись въ полную собственность княгинямъ—вдовамъ. Самъ Иванъ смотрѣлъ на это учрежденіе, какъ на особое свое владѣніе, какъ на удѣлъ, который онъ выдѣлилъ изъ состава земщины, государства. Въ 1574 г. онъ вѣнчалъ на царство крещенаго Касимовскаго хана Симеона и далъ ему титулъ «государя, великаго князя Симеона всея Руси». Переводя этотъ титулъ на простой языкъ, царь Иванъ назначилъ Симеона предсѣдателемъ Думы земскихъ бояръ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ царствовалъ этотъ Симеонъ, потомъ онъ былъ сосланъ въ Тверь. Правительственные указы издавались отъ имени Симеона, какъ «государя», великаго князя всея Руси», а Иванъ довольствовался титуломъ государя—князя московскаго (даже не великаго), и въ челобитной къ Симеону онъ называлъ себя княземъ московскимъ «Иванцомъ Васильевымъ». Итакъ, Иванъ противопоставлялъ себя, какъ князя московскаго удѣла, государя всея Руси, который предсѣдательствовалъ въ Думѣ земскихъ бояръ. Послѣ онъ переименовалъ опричину на дворъ, опричныхъ бояръ и служилыхъ людей въ дворовыхъ. Не думайте, однако, что Иванъ хотѣлъ только реставрировать старую удѣльную форму. Учрежденіе опричины является слѣдствіемъ разрыва съ боярами. Въ опричину царь убѣжалъ, спасаясь отъ боярства. Такъ въ духовной своей, написанной въ 1572 г., царь пресерьезно считаетъ себя изгнанникомъ, скитальцемъ, и пишетъ: «по множеству беззаконій моихъ распростерся на меня гнѣвъ Божій, изгнанъ я боярами ради ихъ самовольства изъ своего достоянія и скитаюсь по странамъ».

Но опричина, служа убѣжищемъ гонимому царю, получила новую политическую задачу, для которой не было особеннаго учрежденія въ существовавшемъ государственномъ устройствѣ. Отжившая удѣльная форма воскрешена была, чтобы вывести боярскую крамолу изъ Русской земли. Такимъ образомъ опричина была высшей полиціей по дѣламъ государственной измѣны. Отрядъ въ тысячу человѣкъ, зачисленный въ опричину и потомъ увеличенный, становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы. Малюта Скуратовъ былъ шефомъ этого корпуса, а царь выпросилъ себѣ у духовенства, бояръ и всей земли полицейскую диктатуру для борьбы съ этой крамолой. Какъ полицейскій отрядъ, опричина получила особый мундиръ—со-

бачью голову и метлу, знакъ ихъ должности, состоявшей въ томъ, чтобы выслѣживать, вынюхивать и выметать измѣну.

Таково было происхожденіе и значеніе опричины. Легко видѣть, однако, что это учрежденіе не отвѣчало на политическій вопросъ, тогда стоявшій на очереди, не разрѣшало столкновенія, которымъ было вызвано. Столкновеніе было вызвано однимъ противорѣчіемъ въ московскомъ политическомъ строѣ. Противорѣчіе это состояло въ томъ, что Московское государство вышло изъ событій XV и XVI вв. аристократическо-абсолютной монархіей. По мѣрѣ упраздненія удѣловъ, московскій государь все болѣе и болѣе чувствовалъ себя полнымъ властителемъ Русской земли. По мѣрѣ того же упраздненія удѣловъ, вокругъ него становились потомки упраздненныхъ великихъ и удѣльныхъ князей, собиралась аристократія, составившая верхній слой правительственнаго класса, съ которымъ царь долженъ былъ править. Значеніе власти государя росло вмѣстѣ, рука объ руку, съ другой политической силой, ее ограничивавшей. Отсюда и произошло столкновеніе, и обѣ стороны не могли ужиться другъ съ другомъ. Царь, заподозрилъ въ измѣнѣ бояръ, бросился на заподозрѣнныхъ, вызывая ихъ поодиночкѣ. но оставилъ боярство во главѣ земскаго управленія. Не имѣя возможности сокрушить неудобный для него порядокъ, онъ сталъ истреблять ненавистныя ему лица. Столкновеніе было вызвано порядкомъ, а не лицами, а опричина была направлена противъ лицъ, а не противъ порядка. Вотъ почему она и не устранила возникшаго затрудненія, не разрѣшила стоявшіе на очереди политическіе вопросы. Почему, однако, такой неожиданный исходъ данъ былъ политической борьбѣ? Въ этомъ большое значеніе имѣетъ личный характеръ царя. Онъ былъ виноватъ въ томъ, что затрудненіе не было устранено, а только устранены нѣкоторыя непріятныя его послѣдствія. Благодаря этому, личный характеръ царя Ивана получилъ нѣкоторое значеніе въ нашей государственной исторіи.

Характеръ и значеніе Ивана Грознаго.

Иванъ очень рано, на четвертомъ году, потерялъ отца, а на восьмомъ остался круглымъ сиротой. Отъ природы получилъ онъ умъ бойкій, гибкій и немного насмѣшливый, настоящій московскій, великорусскій умъ. Но обстоятельства, среди которыхъ прошло его дѣтство, испортили его, дали ему неестественное, болѣзненное развитіе. Онъ росъ среди явленій боярскаго самоуправства. Придворныя интриги, сцены насилія и произвола, какими ознаменовалась борьба боярскихъ партій, были первыми впечатлѣніями Ивана. Попавъ среди боровшихся людей, которымъ до малаго государя мало было дѣла, Иванъ росъ безъ призора. «Родственники мои не заботились обо мнѣ», говорилъ онъ въ 1555 г. митрополиту на Красной площади передъ всѣмъ народомъ. Судя по его воспоминаніямъ о своемъ дѣтствѣ, въ немъ рано и глубоко врѣзалось и всегда живо сохранилось чувство сиротства, одиночества, безпомошности. Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Къ тому же онъ былъ напуганъ въ дѣтствѣ. Разъ въ 1542 г. старый князь Шуйскій напалъ ночью на стоявшаго за его противниковъ митрополита Іоасафа; владыка скрылся во дворцѣ

князя. Мятежники разбили окна, бросились за нимъ и вломились съ шумомъ въ спальню великаго князя, разбудили и напугали его. Такія тревоги развили въ Иванѣ пугливость, способность преувеличивать опасность, развили въ немъ страхъ съ необыкновенно великими глазами. Молодой князь съ дѣтства видѣлъ себя среди чужихъ. Люди, выросшіе между чужими, рано пріобрѣтаютъ особенную привычку ходить оглядываясь, заглядывать въ глаза окружающимъ, чтобы заранѣе угадывать, не готовится ли нападеніе. Эти привычки подсматривать и подслушивать за другими развили въ Иванѣ чрезвычайную подозрительность, которая съ лѣтами и опытомъ превратилась въ глубокое недовѣріе къ людямъ. Недаромъ въ своей духовной онъ даетъ дѣтямъ наставленіе, какъ людей любить и жаловать, и какъ отъ нихъ беречься. Обстоятельства дѣтства въ изобиліи снабжали Ивана раздражающими впечатлѣніями. Онъ не разъ и горько чувствовалъ равнодушіе къ себѣ со стороны окружающихъ. Онъ говорилъ потомъ, что его съ братомъ Юріемъ въ дѣтствѣ стѣсняли во всемъ, держали какъ убогихъ людей, плохо кормили и одѣвали, ни въ чемъ воли не давали, все заставляли дѣлать насильно и не по возрасту. Въ торжественные, церемоніальные случаи, при выходѣ, или пріемѣ пословъ, его окружали царственной пышностью, становились вокругъ него съ раболѣпнымъ смиреніемъ, а въ будни тѣ же люди не церемонились съ нимъ, порой баловали, порой дразнили. Играютъ они бывало съ братомъ Юріемъ въ спальнѣ покойнаго отца, а князь Шуйскій развалится передъ ними на лавкѣ, обопрется локтемъ о постель отца и ногу на нее положитъ, не обращая никакого вниманія на дѣтей. Горечь, съ какою Иванъ вспомнилъ черезъ 25 лѣтъ объ этомъ, показываетъ, какъ сильно и часто его сердили. Но въ обстановкѣ, въ какой шло его дѣтство, онъ не всегда могъ тотчасъ обнаружить чувство досады или злости. Частое раздраженіе, при томъ сдержанное, постепенно превратилось въ постоянное; минутныя вспышки стали постояннымъ свойствомъ, обычнымъ настроеніемъ. Отсюда непомѣрная щекотливость въ Иванѣ, болѣзненность, чувство собственной кожи, не выносившей малѣйшаго непріятнаго прикосновенія. Иванъ вышелъ психологически недотрогой. Пугливый и подозрительный, Иванъ рано привыкъ думать, что онъ окруженъ врагами, и получилъ печальную наклонность высматривать, какъ плетутся вокругъ него безконечныя нити козней, которыми, чудилось ему, окружающіе старались его опутать со всѣхъ сторонъ. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что вотъ—вотъ изъ-за угла покажется недругъ, стала обычнымъ, ежедневнымъ настроеніемъ его души. Всего сильнѣе работалъ въ немъ инстинктъ самосохраненія. Всѣ усилія его бойкаго ума потрачены были на развитіе этого грубаго чувства. Какъ всѣ люди, рано понявшіе борьбу за существованіе, Иванъ рано выросъ, получилъ преждевременную зрѣлость. Въ 17—20 лѣтъ онъ уже поражалъ окружающихъ необыкновеннымъ количествомъ передуманныхъ мыслей, до которыхъ его предки не додумывались и въ зрѣлый возрастъ. Въ 1546 г., когда онъ заговорилъ съ окружающими о женитьбѣ и вѣнчаніи на царство, то бояре и митрополитъ, по словамъ лѣтописи, расплакались отъ умиленія и радости, что царь такъ молодъ, а уже такъ много передумалъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, отъ всѣхъ утаившись.

Этой опасной въ молодости привычкой къ уединенному раздумью,

наклонностью подумать о многомъ въ тихомолку, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, онъ надорвалъ свои нравственныя силы, нарушивъ ихъ равновѣсіе. Постоянное напряженіе, въ какомъ онъ жилъ, породило въ немъ необыкновенную возбуждаемость, наклонность искусственно возбуждать себя. Въ работу ума онъ рано привыкъ вводить дѣйствіе чувства. О чемъ бы онъ ни размышлялъ, онъ постоянно подзадоривалъ свои мысли страстью. Подъ вліяніемъ страсти онъ могъ разгорячить голову до отважныхъ и широкихъ помысловъ, свою рѣчь до высокаго краснорѣчія, и тогда отъ его словъ летѣли, какъ отъ раскаленнаго желѣза подъ молотомъ кузнеца, искры остроумія, насмѣшки и пикантныя выраженія. Въ сочиненіяхъ своихъ Иванъ является однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей XVI в. Въ его сочиненіяхъ, написанныхъ подъ диктовку страсти и раздраженія, онъ поражаетъ насъ и гибкостью ума, изворотливостью діалектики, блескомъ мысли; но это фосфорическій блескъ, лишенный теплоты; это не вдохновеніе, а горячка головы, нервическая прыть, слѣдствіе искусственнаго возбужденія. Минуты такого умственнаго напряженія сопровождались полнымъ упадкомъ духовныхъ силъ, и тогда отъ его остроумія не оставалось и простого здраваго смысла. Въ эти минуты онъ способенъ былъ на затѣи, лишенныя всякой сообразительности. Въ письмахъ къ Курбскому, Иванъ поражаетъ насъ смѣной самыхъ разнообразныхъ чувствъ. Порывы великодушія и раскаянія, проблески задушевнаго лиризма чередуются съ грубой шуткой, жестокимъ озлобленіемъ, холоднымъ презрѣніемъ къ людямъ. Нервное, напряженное состояніе, какое переживалъ Иванъ, сдѣлало его однимъ изъ тѣхъ людей, которые въ добрыя минуты, кажется, не живутъ, а горятъ яркимъ пламенемъ; но, какъ скоро это пламя гаснетъ, отъ него остается одна копоть. Усиленная работа ума и чувства смѣняется полнымъ упадкомъ нравственныхъ силъ, и жизнь становится простымъ физіологическимъ процессомъ. Обыкновенно такіе люди современемъ, когда ослабнетъ въ нихъ возбуждаемость, прибѣгаютъ къ искусственному средству—къ вину, и Иванъ не чуждался этого средства. Такой печальный запасъ впечатлѣній, чувствъ вынесъ Иванъ изъ дѣтства.

Онъ совершилъ много хорошаго и рядомъ съ этимъ еще больше поступковъ, которые сдѣлали его предметомъ ужаса и отвращенія для современниковъ и послѣдующихъ поколѣній: разгромъ Новгорода (1570 г.), московскія казни и убійство митрополита Филиппа, и безобразія съ опричниками въ Александровской слободѣ. Читая обо всемъ этомъ, подумаешь, что это былъ звѣрь отъ природы. Но онъ вовсе не былъ такимъ. Когда онъ освобождался отъ внѣшнихъ раздражающихъ впечатлѣній, оставался наединѣ съ самимъ собою, съ своими задушевными думами, имъ овладѣвала грусть, къ которой способны только люди, испытавшіе много нравственныхъ потрясеній. Кажется, ничего не могло быть формальнѣе, пошлѣе духовной грамоты московскаго князя, Иванъ и въ этомъ канцелярскомъ актѣ выдержалъ свой лирическій характеръ. Духовную свою 1572 г. онъ начинаетъ религіознымъ размышленіемъ и продолжаетъ такими задушевными словами: «тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, раны душевныя и тѣлесныя умножились, и нѣтъ врача, который бы исцѣлилъ меня. Ждалъ я, кто бы поскорбѣлъ со мною, и никого не явилось; утѣшающихъ я не нашелъ, заплатили мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь». Бѣдный стра-

далецъ нѣсколько времени тому назадъ, по одному подозрѣнію въ измѣнѣ, разгромилъ городъ съ цѣлой областью, ни въ чемъ невиноватой...

Сами по себѣ описанныя свойства Ивана могли бы послужить только любопытнымъ матеріаломъ для психолога, или лучше для психіатра. Къ сожалѣнію, одно обстоятельство сообщило имъ значеніе гораздо болѣе важное, чѣмъ какое имѣетъ обыкновенно психологическіе курьезы, появляющіеся въ частной жизни, особенно въ такой обильной всякими душевными курьезами, какъ русская—Иванъ былъ царь. Черты личнаго характера его дали особое направленіе его политическому образу мыслей, а политическій образъ мыслей оказалъ сильное, хотя и отрицательное дѣйствіе на его политическій образъ дѣйствій, т. е. испортилъ его.

Иванъ очень рано и много, раньше и больше, чѣмъ слѣдовало, сталъ думать своей нервной мыслью о томъ, что онъ государь московскій и всея Руси. Событія боярскаго правленія постоянно поддерживали въ немъ эту думу, сообщали ей тревожный характеръ. Его сердили и обижали, выталкивали изъ дворца и грозили убить людей, къ которымъ онъ привязывался, пренебрегая его просьбами и слезами; у него на глазахъ выказывали непочтеніе къ памяти его отца, можетъ быть дурно отзывались о покойномъ въ присутствіи сына. Но этого сына всѣ признавали государемъ; ни отъ кого не слыхалъ онъ и намека на то, что его царственное право можетъ подвергнуться сомнѣнію, спору. Каждый изъ окружающихъ, обращаясь къ Ивану, называлъ его великимъ государемъ; каждый случай, его тревожившій или раздражавшій, заставлялъ его вспоминать о томъ же и съ любовью останавливаться на мысли о своемъ царственномъ достоинствѣ.

Легко догадаться, какъ и чему учили Ивана. Учили его по старорусски, заставляя безконечно повторять зады, твердить Часословъ и Псалтырь. Изрѣченія изъ этихъ книгъ затверживались мехенически и на всю жизнь врѣзывались въ память. Кажется, дѣтская мысль Ивана рано начала проникать въ это механическое зубреніе Часослова и Псалтыря съ указкою въ рукѣ. Здѣсь онъ встрѣчалъ строки о царѣ и царствѣ, о помазанникѣ Божіемъ, о нечестивыхъ совѣтникахъ, о блаженномъ мужѣ, который не ходитъ на совѣтъ ихъ и т. д. Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ Иванъ понимать свое сиротское положеніе и думать объ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ, эти строки должны были живо затрагивать его вниманіе. Онъ понималъ эти библейскіе афоризмы по-своему, прилагая ихъ къ себѣ, къ своему положенію. Они давали ему прямые и желательные отвѣты на вопросы. Какіе быстрые успѣхи въ изученіи и толкованіи писанія долженъ былъ сдѣлать Иванъ, примѣняя къ своей экзегезѣ нервный и себялюбивый методъ, изучая и толкуя слово Божіе подъ диктовку раздраженнаго и капризнаго чувства! Съ тѣхъ поръ книги должны были стать любимымъ предметомъ его занятій. Отъ псалтыря онъ охотно перешелъ къ другимъ книгамъ Писанія, перечиталъ много, что могъ достать изъ тогдашняго книжнаго запаса. Это былъ начитаннѣйшій москвичъ XVI ст. Не даромъ современники называли его «словесной мудрости ритором». Все, что онъ читалъ, было духовнаго содержанія; вездѣ находилъ онъ и отмѣчалъ одни и тѣ же мысли и образы, которые близко подходили къ его настроенію, вторили его собственнымъ думамъ. Онъ читалъ и

перечитывалъ любимыя мѣста, и они неизгладимо врѣзывались въ его память. Не менѣе нынѣшнихъ записныхъ ученыхъ Иванъ любилъ пестрить свои сочиненія цитатами кстати и некстати и не менѣе ихъ грѣшилъ въ этихъ цитатахъ. На каждомъ шагу онъ вставлялъ въ свою рѣчь отдѣльныя строки изъ Писанія, иногда выписывалъ подрядъ цѣлыя главы изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ или апостольскихъ посланій и очень часто искажалъ ихъ текстъ безъ всякой нужды. Но это происходило не отъ небрежности въ списываніи, но отъ того, что Иванъ, очевидно, выписывалъ изъ своихъ источниковъ наизустъ.

Такъ завязалось въ головѣ Ивана политическое размышленіе,— занятіе, котораго не знали его предки ни среди дѣтскихъ игръ, ни въ хозяйственныхъ заботахъ зрѣлаго возраста. Это занятіе, надо думать, началось еще въ учебной комнатѣ на глазахъ дьяка учителя и бояръ надзирателей, когда великій князь только что получилъ возможность покинуть указку и читать толкомъ, т. е. не по складамъ. Но, несомнѣнно, что это занятіе и потомъ продолжалось, уже втихомолку, тайкомъ отъ окружающихъ, которые, какъ могъ думать Иванъ, не одобрили бы такого направленія его мыслей. Недаромъ уже въ 1546 г., когда Ивану едва минуло 17 лѣтъ, онъ поразилъ бояръ неожиданностью своихъ мыслей, заговоривъ съ ними о томъ, что надо жениться, но что прежде женитьбы онъ хочетъ «поискать прародительскихъ порядковъ, какъ прародители его, цари и великіе князья и сродникъ его Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садились». Первымъ помысломъ Ивана, при выходѣ изъ правительственной опеки бояръ, было принять титулъ царя и вѣнчаться на царство торжественнымъ обрядомъ, какъ былъ вѣнчанъ его отецъ. Бояре удивились, что «царь такъ молодъ, а уже прародительскихъ обрядовъ поискалъ». Политическія его думы вырабатывались тихонько отъ бояръ, какъ тихонько складывался и его нравственный характеръ.

По позднѣйшимъ сочиненіямъ царя можно съ нѣкоторою точностью возстановить всю нить его политическихъ размышленій, которыя онъ вынашивалъ и вынянчивалъ въ своей головѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Его посланія къ князю Курбскому—наполовину политическіе трактаты о царской власти и государственномъ порядкѣ и наполовину обличительные памфлеты противъ боярства. Попробуйте бѣгло перелистывать эти длинныя, предлинныя посланія: васъ поразитъ безпорядочность, съ какою излагаются здѣсь мысли и необыкновенная пестрота, разнообразіе книжнаго матеріала, который авторъ щедрою рукою разсыпалъ по своимъ страницамъ. Чего тутъ нѣтъ, какихъ именъ, текстовъ и примѣровъ. Длинныя и короткія выписки изъ Григорія Назіанзина, Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ церкви—строки и цѣлыя страницы изъ пророка Исаіи, книгъ Моисеевыхъ и другихъ частей Библіи; образы изъ греческой миѳологіи—(Зевсъ, Аполлонъ, Діонисъ), герои Иліады, Антиной и Эней, взятые изъ распространеннаго въ древнерусской письменности сказанія о плѣненіи Трои; библійскія имена Гедеона, Авимелеха, Іефѳая, безсвязные эпизоды изъ исторіи евреевъ, римской и византійской имперій и даже западныхъ народовъ со средневѣковыми именами—Зинзириха Вандальскаго, готовъ, савроматовъ, французовъ, словомъ, все то, что можно было вычитать изъ древнерусскихъ учебниковъ всеобщей исторіи (хронографовъ), и, наконецъ, порой мимоходомъ брошенная черта изъ русскихъ лѣтописей,—

и все это перепутанное, переполненное анахронизмами, выплываетъ въ посланіяхъ у Ивана, повинуясь капризному движенію его мысли, и вся эта ученая каша сдобрена философскими и политическими афоризмами и посолена жестокимъ и иногда удачнымъ сарказмомъ или ироніей. Какая хаотическая память, набитая сбродомъ всякой всячины!—подумаешь, перелистывая эти посланія. Недаромъ князь Курбскій называетъ его письма бабьей болтовней, гдѣ изрѣченія св. Писанія чередуются съ рѣчами о женскихъ тѣлогрѣяхъ и постеляхъ.

Но, всматриваясь ближе въ этотъ пѣнящійся потокъ воспоминаній, чувствъ и мыслей, вы безъ труда поймете основную мысль, которая тонкой, но всегда замѣтной нитью проходитъ по этимъ, повидимому, столь нестройнымъ страницамъ. Затверженные авторомъ съ дѣтства любимые тексты Писанія всѣ одинаковаго содержанія. Всѣ они говорятъ о царской власти, о ея божественномъ происхожденіи, объ отношеніяхъ къ ней совѣтниковъ и всѣхъ подданныхъ, о гибельныхъ послѣдствіяхъ безначалія, разновластія и т. д. Вотъ какъ читаетъ онъ свои любимые тексты: «всякая душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется, никакая же бо владычества, аще не отъ Бога учинена есть; тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противиться. Раби послушайте господей своихъ. Горе дому, имъ же домомъ жена обладаетъ; горе граду, имъ же мнози обладаютъ». Вчитываясь въ Писаніе, царь Иванъ создавалъ себѣ изъ ветхозавѣтныхъ образовъ особый идеальный міръ, въ который уходилъ, спасаясь отъ житейскихъ тревогъ и волненій; онъ съ любовью созерцалъ эти ветхозавѣтные образы помазанниковъ Божіихъ—Давида, Соломона. Но въ этихъ образахъ онъ созерцалъ самого себя, старался найти отраженіе своей собственной царской особы; и въ такомъ отраженіи его собственная фигура представлялась ему въ такомъ блескѣ и величіи, какого и не чудилось его предкамъ, простымъ московскимъ князьямъ.

Иванъ былъ первый русскій государь, который узрѣлъ въ себѣ царя въ настоящемъ смыслѣ слова, въ смыслѣ помазанника Божія. Это было открытіемъ для Ивана и онъ залюбовался своей собственной фигурой, какъ она отразилась чрезъ призму Писанія. Свое царственное «я» сдѣлалось для него предметомъ поклоненія, онъ самъ для себя сталъ святыней и создалъ себѣ цѣлое богословіе царской власти. Тономъ вдохновенія свыше и вмѣстѣ съ тонкой ироніей пишетъ онъ своему врагу Стефану Баторію во время перегоровъ о мірѣ, коля ему глаза его избирательною властью. «Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому мнѣнію». Но изъ всѣхъ этихъ усилій мысли и воображенія царь вынесъ простую, голую мысль о царской власти безъ всякой обдуманной политической программы. Увлеченный борьбою, онъ упустилъ изъ виду текущіе интересы государственной жизни и усиленной работой развивалъ въ себѣ отвлеченную мысль о личной власти, не умѣя приладить ее къ окружающей дѣйствительности. Потому, стоявшіе на очереди практическіе вопросы государственнаго порядка остались у него неразрѣшенными. Вопросъ шелъ о важномъ противорѣчіи въ государственномъ устройствѣ. Противорѣчіе это состояло въ томъ, что московскій государь, почувствовавъ себя абсолютнымъ, долженъ былъ править посредствомъ аристократическаго класса. Слѣдовательно, требовалось точнѣе опредѣлить поли-

тическія отношенія между столь несходными силами. Иванъ приступилъ къ этому вопросу съ своей нервной возбудительностью. Разрѣшеніе этого противорѣчія неизбѣжно вызывало столкновеніе между ними, обоюдныя недоразумѣнія. Царь, столкнувшись съ боярами, по обычаю, преувеличилъ опасность, испугался, отдался чувству, которое всегда легко возбуждалось въ немъ и овладѣвало имъ—чувству страха. Тогда политическій вопросъ превратился для него въ вопросъ о своей личной безопасности; политическія задачи стали личными тревогами, политическія затрудненія преобразовались въ личные страхи, и онъ, какъ не въ мѣру испугавшійся человѣкъ, закрывши глаза, началъ бить направо и налѣво, не разбирая враговъ и друзей. Онъ началъ казнить бояръ; казненныхъ заносилъ онъ въ синодики и посылалъ поминать ихъ души по монастырямъ. Стоитъ посмотрѣть эти любопытныя синодики. Князь Курбскій, пересчитывая жертвы Ивана, насчитываетъ ихъ свыше четырехъ сотъ; по нѣкоторымъ синодикамъ число ихъ возвышается до 4.000, но боярскихъ именъ въ этихъ спискахъ сравнительно очень немного, за то въ поминаніе заносились перебитые массами и неповинные въ боярской крамолѣ дворовые люди, подъячіе, псари, монахи, монахини, «скончавшіеся христіане мужскаго, женскаго и дѣтскаго чина, имена коихъ Ты самъ, Господи, вѣси», какъ причитаетъ синодикъ, послѣ каждой группы избитыхъ массами.

Итакъ, вслѣдствіе характера царя не былъ разрѣшенъ вопросъ, какой слѣдовало разрѣшить, но были затронуты вопросы, не требовавшіе разрѣшенія. Вотъ гдѣ источникъ опричины. Предпринявъ борьбу съ неудобнымъ государственнымъ порядкомъ, навязаннымъ исторіей, царь Иванъ превратилъ ее въ борьбу съ лицами вмѣсто того, чтобы опредѣлить свои отношенія къ нимъ. Опричина ничего не разрѣшала, ничего не устраняла изъ существующихъ политическихъ затрудненій. Такимъ образомъ, значеніе Ивана въ исторіи нашего государства вовсе не такъ велико, какъ можно было думать, судя по шуму, какой производила его дѣятельность. Грозный царь сильнѣе подѣйствовалъ на воображеніе и нервы современниковъ, чѣмъ на современный государственный порядокъ. Жизнь Московскаго государства несомнѣнно и безъ Ивана пошла бы такъ, какъ она шла послѣ Ивана, но нѣкоторые вопросы разрѣшены были бы безъ тѣхъ политическихъ потрясеній, какіе произошли послѣ Ивана и были имъ подготовлены. Иванъ былъ замѣчательный писатель, если угодно, бойкій политическій мыслитель, но онъ не былъ политическій дѣлецъ. Ему предстояло завершить начатое его предшественниками устройство государства въ его новыхъ границахъ, а онъ, вслѣдствіе испуга, поднялъ шумную борьбу, для огражденія личной безопасности государя, такую борьбу, которою поколебалъ самое основаніе государства и сыноубійствомъ подготовилъ гибель своей династіи. Его можно сравнить съ ветхозавѣтнымъ слѣпымъ богатыремъ, который, чтобы погубить враговъ, обрушилъ на самого себя зданіе, на крышѣ котораго эти враги сидѣли. Таково было значеніе Ивана въ исторіи Московскаго государства XVI в. Онъ подготовилъ смуту, наступившую по смерти сына его, царя Ѳеодора.

Мы кончили изученіе перемѣны, какая произошла въ высшемъ правительственномъ классѣ московскаго общества. Но этотъ классъ былъ лишь вершиной въ длинной лѣстницѣ общественныхъ классовъ, какіе стали обозначаться въ московскомъ обществѣ XV и XVI вв.

Теперь мы обратимся къ изученію этихъ низшихъ слоевъ общества, лежавшихъ подъ боярствомъ.

Устройство служилаго класса. Его элементы.

Боярство было лишь верхнимъ слоемъ многочисленной служилой массы, сформированной Московскимъ государствомъ въ продолженіе XV и XVI вв. Эта масса состояла изъ чрезвычайно разнообразныхъ элементовъ. Я перечислю кратко главные изъ нихъ. Въ основаніе этихъ классовъ легъ старый удѣльный дворъ московскаго великаго князя. Уже до половины XV в. этотъ дворъ былъ многочисленнѣе дворовъ другихъ великихъ князей, существовавшихъ на Руси. Уже до Ивана III въ составѣ московскаго боярства можно насчитать до 40 знатныхъ фамилій, не говоря о фамиліяхъ среднихъ и низшихъ служилыхъ людей. Но съ половины XVI в. московскій дворъ осложняется цѣлымъ рядомъ вошедшихъ въ него новыхъ элементовъ. Элементы эти были: 1) князья удѣльные и великосведенные, или сошедшіе со своихъ столовъ, 2) бояре этихъ князей, вмѣстѣ съ бывшими своими господами перешедшіе на московскую службу, 3) низшіе служилые люди, какіе были у великихъ и удѣльныхъ князей.

Кромѣ этихъ элементовъ, которые можно назвать служилыми, т. е. военными по происхожденію, въ составъ московскаго служилаго класса вошло много людей неслужилаго происхожденія, 1) При прежнихъ великихъ и удѣльныхъ князьяхъ, кромѣ слугъ военныхъ, были слуги и невоенные: дворцовые, разные мастеровые и ремесленники, служившіе для хозяйственныхъ надобностей князя. Таковы были дьяки съ подъячими, псари и конюхи и т. д. Въ XV и XVI вв. эти люди стали получать помѣстья, наравнѣ съ военными слугами, и вошли въ составъ военнаго класса. 2) У прежнихъ удѣльныхъ бояръ были свои вооруженные дворовые люди, „послужильцы", какъ ихъ называли. Съ Ивана III этихъ дворовыхъ послужильцевъ московскій государь сталъ отбивать у бояръ, давая имъ земли наравнѣ съ прочими служилыми людьми и, такимъ образомъ, зачисляя ихъ въ составъ военнаго класса. 3) Не служилое, т. е. земское или тяглое общество, и даже духовенство дали свои значительные вклады въ составъ служилаго общества.

Эти тяглые люди вмѣстѣ съ поповичами проникли въ служилый классъ различными путями. 1) Само правительство, завоевывая новые города, переводило оттуда землевладѣльцевъ горожанъ въ центральные, низовые уѣзды государства, давая имъ помѣстья и вотчины и превращая горожанъ въ военныхъ людей. 2) Съ усложненіемъ приказной администраціи умножался классъ дьяковъ и подъячихъ. Въ нихъ брали преимущественно людей изъ духовнаго званія и тяглаго простонародья или, какъ говоритъ Курбскій, „изъ поповичей и простого всенародства". Поповичи и люди изъ простонародья становились дьяками и подъячими, пріобрѣтали вотчины и помѣстья и съ нихъ отбывали ратную повинность. Дѣти ихъ становились настоящими дворянами. 3) Правительство, нуждаясь въ ратныхъ силахъ для внѣшней обороны, само требовало людей изъ тяглыхъ классовъ, городскихъ и сельскихъ. Подъячій половины XVII в. Котошихинъ говоритъ, что во время прежнихъ войнъ правительство брало ратныхъ людей изъ всѣхъ классовъ. Многіе изъ нихъ за службу и за „полонное терпѣніе" освобождались не только отъ крестьянства, но и отъ холопства, получали отъ пра-

вительства мелкія вотчины и помѣстья и такимъ образомъ становились военно-служилыми людьми. Наконецъ, въ продолженіе XV, XVI и XVII вв. не прекращался приливъ ратныхъ слугъ изъ-за границы— Польши, Литвы, Германіи, изъ разныхъ татрскихъ ордъ; крещенные татары часто цѣлыми гнѣздами „испомѣщились“ въ московскихъ областяхъ. Довольно трудно опредѣлить количественное отношеніе между столь различными элементами, вошедшими въ составъ служилаго класса, который въ XVIII в. сложился въ цѣльное сословіе, подъ именемъ дворянства. Въ концѣ XVII в. по родословной книгѣ значилось до 930 фамилій, которыя, впрочемъ, не захватывали собою всего тогдашняго служилаго люда. Разбирая эти фамиліи по ихъ національному происхожденію, можно такъ приблизительно опредѣлить ихъ численное отношеніе другъ къ другу: фамилій русскаго происхожденія 33%, польско-литовскаго, т. е. въ большинствѣ то же русскаго 24%, западно-европейскаго 25%, татарскаго и вообще восточнаго 17% и 1% остается неизвѣстнымъ.

Мы перечислили общественные элементы, изъ которыхъ въ XV и XVI вв. слагался служилый классъ въ Московскомъ государствѣ. Разнообразіе этихъ элементовъ сообщило необыкновенную пестроту служилой московской массѣ. Съ теченіемъ времени столь разнообразные элементы сольются помощью одинаковыхъ правъ и обязанностей въ одно сословіе; сословныя права и обязанности, вмѣстѣ съ одинаковымъ воспитаніемъ, одинаковыми правами и понятіями, образуютъ изъ него плотный, однообразный слой, который подъ именемъ дворянства надолго станетъ во главѣ русскаго общества и оставитъ въ немъ глубокіе слѣды своего вліянія. Но въ XVI в. нѣтъ ничего подобнаго; говоря о томъ времени, нельзя заводить рѣчи о служиломъ сословіи въ точномъ смыслѣ этого слова. Это разнообразіе составныхъ элементовъ служилаго класса отразилось въ служебной іерархіи, по степенямъ которой разстановились разные слои его. Весь многочисленный служилый людъ раздѣлялся на нѣсколько разрядовъ, или чиновъ; то были, считая сверху: 1) чины думные — бояре, окольничьи, и думные дворяне: 2) чины Московскіе—стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы; наконецъ, 3) чины низшіе, или провинціальные— городовые дворяне и дѣти боярскіе. Эта лѣствица старыхъ московскихъ чиновъ была похожа на позднѣйшую табель о рангахъ, но отличалась отъ нея тѣмъ, что служебные чины нашего времени пріобрѣтаются только личной службой, а старые чины пріобрѣтались личной службой и отечествомъ, или службою отцевъ и дѣдовъ, т. е. были въ нѣкоторой степени наслѣдственны. Люди знатнѣйшихъ родовъ начинали свою службу прямо въ чинѣ дворянъ московскихъ или стольниковъ, поднимаясь потомъ выше до боярства. Городовой дворянинъ иногда дослуживался до чина жильца или даже дворянина московскаго, но очень рѣдко поднимался выше; значитъ родовитый человѣкъ начиналъ съ того, чѣмъ кончалъ неродовитый.

Наборъ и устройство этого многочисленнаго класса сопровождались глубокими перемѣнами во всемъ общественномъ складѣ. Перемѣны вышли изъ того же источника, откуда вытекали уже изученные политическіе факты этого періода, т. е. изъ территоріальнаго расширенія границъ московскаго княжества. Новыя границы его поставили его въ непосредственное сосѣдство съ врагами иноплеменными,—шве-

дами, поляками, татарами. Это сосѣдство создало для Московскаго государства положеніе, которое можно назвать вооруженнымъ миромъ; то была почти постоянная борьба, на западѣ изрѣдка прерывавшаяся ненадежными перемиріями, а на югѣ-востокѣ не прерывавшаяся никогда. Борьба эта въ XVI в. стала уже нормальнымъ состояніемъ государства. Англійскій посолъ, Флетчеръ, жившій въ Москвѣ въ концѣ XVI в. пишетъ, что война съ татарами, крымскими, ногаями, черемисами и другими восточными инородцами бываетъ у Москвы каждый годъ. Крымскіе татары дѣлаютъ набѣги на Русскую землю разъ или дважды въ годъ, иногда около Троицына дня, чаще во время жатвы; они налетаютъ изъ степей на Русь внезапно отдѣльными стаями, кружась около границъ, подобно дикимъ гусямъ, бросаясь туда, гдѣ чуютъ добычу, захватывая и опустошая все на пути. Плѣнные—главная добыча, которой они ищутъ, особенно мальчики и дѣвушки, которыхъ продаютъ въ Турцію и другія страны. Въ XVI в. по берегамъ Чернаго и Средиземнаго морей вездѣ можно было встрѣтить русскихъ рабовъ и рабынь. Для этой добычи татары отправлялись въ походъ, увѣшенные корзинами; пограничные обыватели, привыкнувъ къ этимъ ежегоднымъ нападеніямъ, держали очень мало скота; только свиньи гуляли въ степи на просторѣ, охраняемыя Магометовымъ закономъ. Такъ, въ XVI в. на южной границѣ Московскаго государства повторялись печальныя явленія, какія описываетъ древняя кіевская лѣтопись XI—XII вв., разсказывая о печенѣгахъ и половцахъ. Разрядныя книги XVI в. живо рисуютъ тревожную жизнь на опасныхъ московскихъ границахъ. Ранней весной въ Разрядномъ приказѣ (военномъ министерствѣ) закипала работа. Въ разные уѣзды посылались повѣстки съ приказомъ мобилизовать дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ назначались сборные пункты. Служилые люди поднимались «конны, людны и оружны» и собирались въ указанныхъ пунктахъ, гдѣ ихъ осматривали, соединяя въ полки, а полки въ цѣлыя арміи, изъ которыхъ одну ставили по Окѣ, подъ Коломной или выше, другую на Клязьмѣ у Владимира или подъ Нижнимъ, третью на рѣкѣ Угрѣ или въ другомъ мѣстѣ по границѣ съ Литвой. Оградившись такимъ образомъ съ опасныхъ сторонъ, въ Москвѣ ждали извѣстія о движеніи враговъ и иногда полки стояли до глубокой осени, пока распутица или морозъ не являлись имъ на смѣну сторожить Московское государство отъ внѣшнихъ враговъ. Огромныя массы вооруженнаго люда ежегодно поднимались на ноги для этой сторожевой службы. Эти непрерывыя опасности заставляли московское правительство съ половины XV в. усиленно вербовать ратныхъ людей.

По мѣрѣ успѣха этой вербовки возникалъ и все настоятельнѣе требовалъ разрѣшенія вопросъ, какъ и чѣмъ содержать эту огромную военную силу. Содержаніе многочисленнаго служилаго класса въ Московскомъ княжествѣ удѣльныхъ вѣковъ обезпечивалось тремя главными источниками; то были: 1) вотчины, пріобрѣтенію которыхъ служилыми людьми содѣйствовали сами князья; 2) кормленіе, т. е. доходы съ извѣстныхъ правительственныхъ должностей, на которыя назначались служилые люди и 3) денежное жалованье, слѣды котораго замѣтны, по крайней мѣрѣ, еще въ XIII в. Теперь эти три источника были бы недостаточны для содержанія разроставшагося служилаго класса. Являлась настоятельная потребность въ новыхъ эко-

номическихъ средствахъ, но съ объединеніемъ сѣверной Руси подъ властью московскаго государя экономическія средства народа не увеличились. Промышленность и торговля не сдѣлали замѣтныхъ успѣховъ. Московскій государь-хозяинъ путемъ собиранія Русской земли пріобрѣлъ одинъ новый капиталъ: то были обширныя пространства земли пустой или жилой, т. е. населенной крестьянами. Этотъ капиталъ онъ и могъ пустить въ оборотъ для обезпеченія содержанія служилыхъ людей. Такъ земля стала въ Московскомъ государствѣ средствомъ для экономическаго обезпеченія содержанія государственной службы. Изъ этого соединенія службы съ землевладѣніемъ и развилась помѣстная система.

Происхожденіе и развитіе помѣстной системы.

Помѣстной системой называемъ мы порядокъ служилаго землевладѣнія, установившійся въ Московскомъ государствѣ XV и XVI вв. Въ основаніи этого порядка лежало помѣстье. Помѣстьемъ въ Московской Руси назывался участокъ государственной земли, данный государемъ во владѣніе служилому человѣку, какъ награда за службу и вмѣстѣ какъ средство для службы. Подобно самой службѣ, это владѣніе было временнымъ, обыкновенно пожизненнымъ. Условнымъ, личнымъ и временнымъ характеромъ своимъ помѣстное владѣніе отличалось отъ вотчины, составлявшей полную наслѣдственную земельную собственность своего владѣльца.

Какъ и все въ Московскомъ государствѣ, помѣстное владѣніе землей возникло еще въ удѣльное время; оно имѣло свой первоначальный источникъ въ поземельномъ хозяйствѣ удѣльнаго московскаго князя. Въ сохранившихся памятникахъ русскаго права XVI в. не замѣчаемъ слѣдовъ такого землевладѣнія; въ XVII в., напротивъ, оно является господствующимъ видомъ землевладѣнія въ Московской Руси и даже сообщаетъ свой характеръ землевладѣнію вотчинному, такъ что въ началѣ XVIII в. оба вида землевладѣнія смѣшиваются и слово—помѣщикъ сдѣлалось синонимомъ частнаго землевладѣльца. Вообще, чтобы объяснить происхожденіе помѣстнаго владѣнія, надобно вспомнить, что удѣльный князь былъ прежде всего хозяиномъ землевладѣльцемъ своего удѣла. Князь считалъ себя собственникомъ всей территоріи своего княжества, но только территоріи съ ея хозяйственными угодьями. Люди, т. е. свободныя лица, юридически не входили въ составъ этой собственности. Свободный человѣкъ приходилъ въ княжество, работалъ и уходилъ, былъ въ немъ экономической случайностью. Всѣ права князя, судебныя, финансовыя и другія, простиравшіяся на свободныхъ обывателей княжества, вытекали изъ одного общаго источника,—изъ права собственности на землю, составлявшую территорію княжества. Всѣ отношенія удѣльнаго князя къ обывателямъ, сидѣвшимъ на его землѣ, по происхожденію своему были поземельными, т. е. выходили изъ того, что обыватель пользовался землей князя; какъ скоро прекращалось это пользованіе, тотчасъ разрывались и всѣ связи, соединявшія обывателя съ владѣльцемъ удѣла. Такъ крестьянинъ, живя на землѣ князя или частнаго владѣльца въ предѣлахъ его княжества, платилъ ему дань, подчинялся его судебной власти, пока жилъ и работалъ въ предѣлахъ его княжества; но крестьянинъ могъ покинуть это княжество и перейти въ другое; тогда онъ переставалъ принадлежать прежнему князю, не платилъ ему дани

и освобождался отъ его юрисдикціи. Значитъ, крестьянинъ былъ не подданнымъ удѣльнаго князя, а только свободнымъ и временнымъ арендаторомъ княжеской сельской земли, какъ горожанинъ былъ вольнымъ арендаторомъ городской земли.

Таково первоначальное и простое основаніе, на которомъ держались отношенія обывателей удѣла къ его князю. Въ каждомъ удѣлѣ могли быть земли, принадлежавшія частнымъ свѣтскимъ владѣльцамъ и церковнымъ учрежденіямъ. Появленіе такихъ земель значило, что князь уступалъ частному лицу или учрежденію свое право собственности на нѣкоторыя земли въ своемъ княжествѣ. Остальныя права, тогда связанныя съ княжескимъ землевладѣніемъ, право суда и дани, князь или удерживалъ за сабой, или въ извѣстномъ размѣрѣ предоставлялъ вмѣстѣ съ правомъ собственности на землю частному ея пріобрѣтателю.

Мы знаемъ, что свѣтскія лица, владѣвшія землями въ княжествахъ XVI в., обыкновенно были вольными слугами того или другого князя, входили въ составъ его дружины; но кромѣ слугъ вольныхъ, военныхъ, у князей удѣльныхъ были еще слуги невоенные, состоявшіе при дворцѣ князя для его хозяйственныхъ надобностей, подъ управленіемъ дворецкаго. Это были дьяки съ подъячими, псари, конюхи, ключники, бортники и разные другіе ремесленные люди. Одни изъ нихъ были свободные люди, другіе принадлежали къ холопамъ князя, тѣ и другіе одинаково не имѣли поземельной собственности. Но тѣмъ и другимъ удѣльные князья за ихъ службу, или для обезпеченія ея исправнаго отбыванія, давали участки земли въ пользованіе. Отношеніе такихъ слугъ къ князю довольно ясно изображено въ духовной грамотѣ удѣльнаго князя серпуховскаго Владимира 1410 года. Князь-завѣщатель говоритъ здѣсь о своихъ дворовыхъ людяхъ, которымъ были розданы земли въ пользованіе: «а кто изъ бортниковъ или садовниковъ, или псарей и т. п. не захочетъ жить на тѣхъ земляхъ, или земли лишенъ, поди прочь, а сыну моему, князю Ивану, не надобны, на котораго грамоты полной не будетъ (т. е. которые изъ этихъ людей лично свободны, не холопы полные)». Значитъ, пользованіе княжеской землей для этихъ слугъ было неразрывно соединено со службой по дворцовому хозяйству князя. Въ земельныхъ дачахъ этихъ дворцовыхъ слугъ удѣльнаго князя и надобно видѣть юридическій первообразъ помѣстья. Послѣ роды княжеской службы смѣшались, различіе между слугами вольными и дворовыми людьми сгладилось, тѣ и другіе одинаково стали служилыми людьми московскаго государя и получили отъ него земли въ пользованіе на томъ же правѣ, какъ получали ихъ дворцовые люди князя XVI в., свободные и несвободные. Итакъ, юридическимъ родоначальникомъ помѣщика въ Московскомъ государствѣ XVI в. былъ псарь удѣльнаго князя XIV в. Помѣстное владѣніе, какъ особый юридическій видъ землевладѣнія, завязалось еще въ удѣльное время, имѣло своимъ источникомъ поземельное хозяйство удѣльнаго князя XVI в.

Помѣстная система, какъ стройный и сложный порядокъ служилаго землевладѣнія, развилась изъ помѣстнаго владѣнія удѣльнаго времени только съ половины XV в. Съ того времени стали вырабатываться точныя правила раздачи земель въ помѣстное владѣніе. Эти правила стали необходимы, когда правительство усиленнымъ наборомъ создавъ многочисленную вооруженную массу, начало обезпечивать ея

содержаніе земельными дачами. Слѣды усиленной раздачи казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе появляются уже во второй половинѣ XV в. До насъ дошла переписная книга Вотьской пятины Новгородской земли, составленная въ 1500 г. Въ 2 уѣздахъ этой пятины, Ладожскомъ и Орѣховскомъ, по этой книгѣ встрѣчаемъ уже 106 московскихъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ находилось около 3000 домовъ съ 4000 жившихъ въ нихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Эти цифры показываютъ, какъ торопливо шло «испомѣщеніе» служилыхъ людей, и какого достигло развитія московское помѣстное владѣніе на сѣверо-западной окраинѣ государства, въ Новгородской землѣ, въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ по завоеваніи Новгорода. Въ указанныхъ уѣздахъ Вотьской пятины, по переписной книгѣ 1500 года едва ли не больше половины всей пахатной земли было во владѣніи помѣщиковъ. Слѣды такого же, очень усиленнаго, помѣстнаго развитія встрѣчаемъ и въ центральныхъ уѣздахъ государства. Отъ первыхъ годовъ XVI в. сохранилось нѣсколько межевыхъ грамотъ, разграничивающихъ Московскій и ближайшіе къ нему уѣзды другъ отъ друга. По границамъ этихъ уѣздовъ грамоты указываютъ рядомъ съ вотчинниками множество мелкихъ помѣщиковъ. Это были дьяки, псари, конюхи, словомъ, тѣ дворовые люди, которымъ въ XIV вѣкѣ князья давали землю въ пользованіе за службу. Въ XVI в. служилые люди иногда испомѣщались цѣлыми массами. Наиболѣе извѣстный случай такого испомѣщенія относится къ 1550 году. Для разныхъ службъ при дворѣ правительство тогда набрало изъ разныхъ уѣздовъ 1000 служилыхъ людей, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Служилымъ людямъ, которыхъ служба привязывала къ столицѣ нужны были для хозяйственныхъ потребностей подмосковныя вотчины или помѣстья. Тысячѣ набранныхъ по уѣздамъ для столичной службы служилыхъ людей правительство и раздавало помѣстья въ Московскомъ и ближайшихъ уѣздахъ, присоединивъ къ этой массѣ нѣсколько высшихъ чиновъ, бояръ и окольничьихъ. Размѣры помѣстныхъ участковъ были неодинаковы, соотвѣтствовали чинамъ помѣщиковъ: бояре и окольничьи получили по 200 четвертей въ полѣ (300 десятинъ въ трехъ поляхъ); дѣти боярскіе, раздѣленные на нѣсколько статей или разрядовъ, получили по 200—100 четвертей въ полѣ. Такимъ образомъ, 1078 служилымъ людямъ разныхъ чиновъ въ томъ году роздано было заразъ 176.775 десятинъ въ трехъ поляхъ.

Вскорѣ послѣ завоеванія Казани правительство привело въ порядокъ мѣстное владѣніе и по окладамъ денежнаго жалованья, какое съ того же времени стали получать служилые люди въ прибавку къ поземельнымъ своимъ доходамъ. До насъ дошли отрывки этихъ списковъ, составленныхъ не раньше 1556 г. Здѣсь при имени каждаго служилаго лица обозначено, сколько у него вотчины и помѣстья, съ какимъ числомъ дворовыхъ людей обязанъ онъ являться на службу и въ какомъ вооруженіи, и какъ великъ назначенный ему окладъ денежнаго жалованья. Съ этого времени помѣстное владѣніе и является стройной и сложной системой, основанной на точно опредѣленныхъ и постоянныхъ правилахъ. Вотъ главныя черты этой системы.

Я изложу главныя черты помѣстной системы въ ея окончательномъ видѣ, какой она получила въ половинѣ XVII ст. Всѣми поземельными отношеніями служилыхъ людей завѣдывало особое централь-

ное учрежденіе—Помѣстный приказъ, какъ Разрядный приказъ завѣдывалъ собственно ихъ служебно - военными отношеніями. Служилые люди владѣли землей по мѣсту службы, какъ и служили по мѣсту, гдѣ владѣли землей, отсюда и самое названіе помѣстья. Служба привязывала служилыхъ людей либо къ столицѣ, либо къ извѣстной области. Поэтому и служилые люди раздѣлялись на два разряда: къ 1-му принадлежали московскіе чины, составлявшіе московскій списокъ; ко второму—чины уѣздные, или городовые дворяне и дѣти боярскіе. Московскіе чины кромѣ помѣстій и вотчинъ въ дальнихъ уѣздахъ обыкновенно имѣли помѣстья тамъ, гдѣ служили, т. е. гдѣ должны были защищать государство, образуя мѣстную землевладѣльческую милицію. Служебныя обязанности служилаго человѣка падали не только на его помѣстья, но и на вотчину. Въ половинѣ XVI в. въ первый разъ была опредѣлена точно самая норма службы съ земли, т. е. количество ратной повинности, падавшей на служилаго человѣка по его землѣ. По закону, состоявшемуся въ царствованіе Грознаго въ 1550-хъ годахъ, съ каждыхъ 100 четвертей, т. е. съ 150 десятинъ доброй земли долженъ являться одинъ ратникъ „на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ“, по выраженію указа, а въ дальній походъ съ двумя конями. Землевладѣльцы имѣвшіе вотчины или помѣстья, заключавшія болѣе 100 четвертей земли, соотвѣтственно этому выводили въ походъ извѣстное количество вооруженныхъ дворовыхъ людей. Помѣстные оклады были чрезвычайно разнообразны, измѣнялись по чинамъ и вотчинамъ. Они были прямо пропорціональны первымъ и обратно пропорціональны вторымъ. Чѣмъ выше чинъ, тѣмъ больше окладъ, чѣмъ больше вотчина у служилаго человѣка, тѣмъ меньше его помѣстный окладъ, ибо помѣстье собственно было подспорьемъ къ вотчинѣ. Люди высшихъ чиновъ — бояре, окольничьи и думные дворяне получали помѣстья по 1000 четвертей потомъ за службу окладъ этотъ увеличивался. Думные люди иногда имѣли помѣстья въ 1500 — 2000 и болѣе десятинъ въ трехъ поляхъ. Провинціальные дворяне и дѣти боярскіе получали окладъ чаще всего отъ 300 до 500; впрочемъ, бывали оклады больше и меньше этого. Съ помѣстнымъ окладомъ съ половины XV в. соединялся денежный въ извѣстной, измѣнявшейся пропорціи. Приказный человѣкъ половины XVII в., Котошихинъ, говоритъ что денежный окладъ назначался по 1 рублю на каждыя 5 четей, т. е. 7½ десятинъ помѣстнаго оклада. Впрочемъ, по книгамъ видно, что эта пропорція часто нарушалась.

Помѣщики, служившіе съ помѣстій и вотчинъ, если таковыя были, держали на своей землѣ до возраста и готовили къ службѣ своихъ сыновей. Дворянинъ XVI в. начиналъ службу обыкновенно съ 15 лѣтъ. До этого времени онъ числился въ «н е д о р о с л я х ъ»,—поспѣвалъ на службу. Съ 15 лѣтъ, онъ «н о в и к ъ»,—поспѣлъ на службу. Его тогда верстаютъ помѣстьемъ и денежнымъ окладомъ «н о в и ч н ы м ъ», къ которому потомъ бывали прибавки за службу. Верстаніе было двоякое; старшихъ сыновей, поспѣвшихъ на службу, когда еще имѣлъ силу служить отецъ, верстали въ «о т в о д ъ», давали особыя помѣстья; младшихъ сыновей, которые поспѣвали на службу, когда отецъ уже дряхлѣлъ, «п р и п у с к а л и» къ нему въ помѣстье съ тѣмъ, чтобы по смерти отца они вмѣстѣ съ землей наслѣдовали и его служебныя обязанности. При этомъ верстаніи правительство вообще на-

блюдало, чтобы на двоихъ служилыхъ людей, отца съ сыномъ или двухъ братьевъ, приходилось помѣстья не болѣе 500 четей. Если у отца поспѣвало на службу болѣе трехъ сыновей, то одного изъ нихъ при помѣстьи въ 500 четей припускали къ отцу, а остальныхъ двухъ верстали въ отводъ. Таковы были главныя правила помѣстнаго верстанія. Съ теченіемъ времени выработались правила обезпеченія семействъ, оставшихся послѣ служилыхъ людей. Если умиралъ служилый человѣкъ, то изъ его помѣстья выдѣлялась извѣстная доля «на прожитокъ» женѣ и дочерямъ, женѣ до смерти или второго замужеества, дочерямъ до 15 лѣтъ, когда онѣ могли выйти замужъ. По достиженіи 15 лѣтъ, дочь, выходила ли замужъ или нѣтъ, лишалась своей прожиточной части. Величина прожитка зависѣла отъ того, какъ умиралъ помѣщикъ. Если онъ умиралъ дома, своею смертью, вдовѣ его выдѣлялосъ 10% изъ его помѣстья, дочерямъ по 5%; если онъ былъ убитъ въ походѣ, эти оклады удвоялись.

Послѣдствія помѣстной системы.

Таковы основанія помѣстной системы. Установленіе этого порядка землевладѣнія сопровождалось важными послѣдствіями для государственнаго быта и народнаго хозяйства. Въ нашей исторіи не много фактовъ, которые своими послѣдствіями производили бы болѣе глубокій переворотъ въ политическомъ и хозяйственномъ складѣ общества. Я изложу только ближайшія изъ этихъ послѣдствій, успѣвшія обнаружиться уже къ концу XVI столѣтія.

1. Первымъ изъ этихъ послѣдствій была *перемѣна въ государственномъ положеніи значительной части земель.* Прежде, въ удѣльные вѣка земля платила, тянула тягло, лица служили; теперь служебныя обязанности съ лицъ распространены были и на землю, т. е. разложены на лица по землѣ. Такимъ образомъ, рядомъ съ землей тяглой, платящей, появилась земля служащая, точнѣе говоря, земля, оставаясь тяглой, сдѣлалась вмѣстѣ и служащей. Этимъ объясняется, почему съ XVI в. мы не встрѣчаемъ уже въ гражданскомъ обществѣ не служилыхъ землевладѣльцевъ, какіе существовали въ разныхъ княжествахъ прежде. Теперь всѣ не служилые землевладѣльцы стали служить или перестали быть землевладѣльцами.

2. Перенесеніе служебныхъ обязанностей на землю вызвало и з м ѣ н е н і е ю р и д и ч е с к а г о х а р а к т е р а д р е в н е - р у с с к а г о в о т ч и н н а г о з е м л е в л а д ѣ н і я. Въ удѣльные вѣка землевладѣніе служилыхъ людей достигло нѣкоторыхъ успѣховъ развитія. По разнымъ княжествамъ мы встрѣчаемъ бояръ, владѣвшихъ крупными вотчинами. Вотчина служилаго человѣка до XVI в. его была полною частною собственностью, независѣвшей отъ служебнаго положенія своего владѣльца: служебныя обязанности землевладѣльца не падали на его землю. Вотъ почему служилый человѣкъ могъ служить въ одномъ уѣздѣ и владѣть землей въ другомъ, покинуть одинъ удѣлъ и сохранить право собственности на землю въ покинутомъ княжествѣ. Съ XVI столѣтія такой юридическій характеръ боярской вотчины началъ измѣняться. Изъ собственности на гражданскомъ правѣ оно постепенно превратилось въ собственность на правѣ государственномъ.

Прежде всего объединеніе сѣверной Руси подъ московской властью стѣснило древній обычай бояръ переходить отъ князя къ князю. Теперь въ Московсковскомъ государствѣ служилый человѣкъ терялъ уже возможность покинуть дворъ московскаго государя и сохранить право собственности въ Московскомъ государствѣ. Такимъ образомъ служба связана съ землевладѣніемъ. Отраженіе этой перемѣны находимъ въ договорной грамотѣ Ивана III съ удѣльнымъ его братомъ Борисомъ Волоцкимъ (1473 г.). Здѣсь читаемъ условіе: «Князей служебныхъ съ вотчинами не принимать». Такимъ образомъ, стѣсненіе свободы службы и землевладѣнія началось именно со служилыхъ князей. Въ духовной Ивана III это стѣсненіе распространено на простыхъ бояръ и вольныхъ слугъ. Съ тѣхъ поръ служилый не могъ покинуть службы московскому государю, вмѣстѣ съ тѣмъ не лишившись и земельной собственности въ покинутомъ государствѣ. Другое обстоятельство, которое заключалось въ исторіи нашего землевладѣнія содѣйствовало укрѣпленію той же связи земли со службой. Вмѣстѣ съ объединеніемъ сѣверной Руси подъ московскою властью въ землевладѣніи произошли важныя перемѣны. Земли стали быстро переходить изъ рукъ въ руки. Приливъ въ Москву новыхъ слугѣ изъ другихъ княжествъ, особенно изъ-за границы, повидимому, содѣйствовалъ этой быстротѣ, съ какой земли мѣняли своихъ владѣльцевъ. Огромное количество государственныхъ земель роздано было въ вотчины этимъ пришлымъ слугамъ, многіе изъ которыхъ приходили служить безъ всего. Другіе, особенно бывшіе великіе князья, при переходѣ на московскую службу, теряли часть своихъ прежнихъ удѣльныхъ вотчинъ. Тогда во множествѣ исчезли вотчины старинныя, унаслѣдованныя отъ отцовъ и дѣдовъ, и во множествѣ появились вотчины новыя, благопріобрѣтенныя, чаще всего пожалованныя государемъ. Въ этомъ земельномъ вихрѣ и стало мутиться прежде столь ясное юридическое понятіе о вотчинѣ, какъ полной земельной собственности. Но это только подготовляло перемѣну въ юридическомъ характерѣ земельной собственности.

Перемѣна въ юридическомъ характерѣ земельной собственности произведена была премущественно новымъ принципомъ, который все болѣе торжествовалъ съ конца XV в. Этимъ принципомъ была мысль, что земля, находящаяся въ частномъ владѣніи, должна служить, что тяжелыя ратныя повинности должны быть разверстаны на служилыя лица на землѣ. На этомъ принципѣ была основана помѣстная система, онъ проникъ и въ вотчинное землевладѣніе, подчинивъ его повинностямъ, какія падали на помѣстья, стѣснивъ вотчинниковъ въ правѣ распоряженія своими вотчинами. Выраженіе этой перемѣны мы находимъ въ двухъ указахъ 1562 и 1572 г. Первый указъ касается вотчинъ служилыхъ князей, второй вотчинъ простыхъ бояръ и другихъ служилыхъ людей. Оба эти указа стѣсняютъ право отчужденія вотчинъ, какъ и право распоряженія ими въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Князьямъ и боярамъ вообще запрещено было продавать, мѣнять и какимъ-либо образомъ отчуждать свои старинныя вотчины. Право отчужденія въ дозволенныхъ случаяхъ другимъ указомъ стѣснено было точно выраженными правилами выкупа родовыхъ вотчинъ Родовая вотчина могла быть отчуждена только временно, и отчужденіе ея обусловливалось возможностью выкупа родичами прежняго владѣльца.

Право завѣщанія стѣснено было еще больше. Вотчинники могли отказывать свои вотчины родственникамъ, прямымъ или боковымъ наслѣдникамъ, но не далѣе внучатъ. При томъ, завѣщаніе въ пользу боковыхъ родственниковъ въ указанномъ колѣнѣ получало силу лишь съ утвержденіемъ его правительствомъ. Женѣ вотчинникъ могъ завѣщать лишь часть крупной вотчины и то на прожитокъ въ пожизненное пользованіе безъ права дальнѣйшаго распоряженія. Наконецъ, было совершенно запрещено отказывать вотчины „по душѣ“ въ монастыри. Всѣ эти стѣсненія постепенно приблизили вотчины къ помѣстьямъ, такъ что на дѣлѣ оставалось мало различія между тѣмъ и другимъ видомъ землевладѣнія. Всѣ эти перемѣны въ правѣ земельной собственности вытекали, главнымъ образомъ, изъ того принципа, въ силу котораго положена была служба на землю. Указы XVI в., ограничивая право распоряженія вотчинами, объясняютъ это стѣсненіе тою цѣлью, чтобы въ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не выходила. Таково было другое послѣдствіе помѣстной системы, обнаруживающееся въ юридическомъ значеніи земельной собственности.

3. Развитіе помѣстнаго землевладѣнія создало мѣстныя общества, мѣстныя землевладѣльческія корпораціи. Напрасно образованіе этихъ дворянскихъ мѣстныхъ обществъ обыкновеннно относятъ къ XVIII вѣку, къ учрежденіямъ Екатерины II по преимуществу. Эти дворянскія общества, только съ болѣе строгими обязанностями, существовали уже въ XVI вѣкѣ. Всѣ служилые люди уѣзда были связаны другъ съ другомъ порукой. За каждаго служилаго человѣка поручались въ исправномъ отбываніи имъ службы его сосѣди, за которыхъ, въ свою очередь, ручались ихъ сосѣди и т. д. Порука распространялась на весь уѣздъ. Это была не круговая, а такъ сказать, цѣпная порука. Эта связь, поручительство выражалось въ томъ, что дворяне уѣзда собирались и выбирали изъ своей среды отвѣтственныхъ присяжныхъ, «окладчиковъ», по 8, по 10 или болѣе человѣкъ на уѣздъ. Когда изъ столицы пріѣзжалъ въ уѣздъ бояринъ «разборщикъ», т. е. ревизоръ, смотрѣть дворянъ и верстать новиковъ помѣстьями, присяжные окладчики показывали ему, сколько дворянъ въ уѣздѣ, сколько за кѣмъ изъ нихъ земли, сколько у кого изъ нихъ дѣтей, и какъ кто служитъ, т. е. является ли въ походъ съ полнымъ количествомъ ратныхъ людей и въ указанномъ вооруженіи. Такимъ образомъ, и соединенное съ нею служилое землевладѣніе были связями, которыми держались дворянскія уѣздныя общества. Ими же вызывались и періодическіе съѣзды уѣзднаго дворянства, слѣды которыхъ появляются уже въ княженіе Ивана Грознаго.

4. Помѣстное владѣніе стало средствомъ искусственнаго развитія частнаго землевладѣнія на Руси. Огромное количество земли роздано было въ руки служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. Нельзя при настоящей обработкѣ поземельныхъ книгъ и актовъ опредѣлить количественное отношеніе помѣстныхъ земель къ вотчиннымъ ни въ XVI, ни XVII ст.; по свидѣтельству Котошихина, въ распоряженіи дворца оставалось немного земли съ крестьянами; остальное было роздано въ частное владѣніе. Именно, Котошихинъ говоритъ, что въ его время имѣлось только 30000 крестьянскихъ дворовъ, приписанныхъ ко дворцу. Еще менѣе осталось

земель вольныхъ или черныхъ крестьянъ, соотвѣтствующихъ позднѣйшимъ государственнымъ крестьянамъ. Во время Котошихина ихъ считалось всего около 20.000 дворовъ; церковныя власти, патріархъ съ епископами, владѣли всего 35.000 дворовъ; монастыри имѣли около 90.000 дворовъ. Но въ 1686 году только за думными и ближними людьми, т. е. людьми высшихъ чиновъ, числилось около 100.000 крестьянскихъ дворовъ. По этому можно судить о количествѣ населенной земли, бывшей во владѣніи всего служилаго класса. Самъ Котошихинъ отказывается даже приблизительно опредѣлить, сколько было крестьянъ за всѣми служилыми людьми. Онъ только говоритъ, что за иными боярами было по десяти, пятнадцати тысячъ дворовъ и даже болѣе. Всѣ помѣстья съ теченіемъ времени слились съ вотчинными, стали собственностью владѣльцевъ. Значитъ, еслибы не было помѣстной системы въ государствѣ русскомъ, путемъ естественнаго движенія капиталовъ никогда не образовалось бы столько частныхъ земельныхъ собственниковъ, сколько ихъ было въ XVIII ст. Помѣстная система въ этомъ отношеніи имѣла то же дѣйствіе, какое въ другомъ классѣ имѣло или имѣетъ Положеніе 19 февраля, которымъ искусственно, при содѣйствіи государства, создано крестьянское землевладѣніе, т. е. огромное количество земли на правахъ собственности передано крестьянскимъ обществамъ.

5. Развитіе помѣстнаго землевладѣнія чрезвычайно подорвало русскіе города, городскую промышленность. Помѣстная система, увлекая массу служилыхъ людей изъ города въ деревню, такимъ образомъ лишала городскую промышленность главныхъ и наиболѣе доходныхъ потребителей. Землевладѣльцы, живя въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, старались завести своихъ дворовыхъ ремесленниковъ, чтобы все получать на мѣстѣ, не обращаясь въ городъ. Такимъ образомъ у городскихъ рабочихъ и ремесленниковъ исчезъ цѣлый классъ заказчиковъ и потребителей. Вотъ чѣмъ, между прочимъ, объясняется необыкновенно тугой ростъ нашей промышленности въ XVI а XVII вѣкахъ.

6. Наконецъ быстрое развитіе помѣстнаго землевладѣнія создало въ служилой средѣ слой, прежде незамѣтный, которому можно дать названіе служилый земледѣльческій пролетаріатъ. Чѣмъ болѣе размножался служилый классъ, тѣмъ болѣе истощались земельныя средства московскаго правительства. Къ началу XVII столѣтія оно уже чувствовало недостатокъ удобной земли для «испомѣщенія» служилыхъ людей. Поэтому оно все болѣе сокращало земельные оклады; къ XVI в. мы встрѣчаемъ чрезвычайно мелкихъ помѣщиковъ, которыхъ оклады приближались къ крестьянскимъ участкамъ. Были помѣщики съ 10, 15, даже 5 четями пахотной земли. Образовалась масса бѣдныхъ провинціальныхъ дворянъ. Списки уѣзднаго дворянства XVI в. съ отмѣтками ревизоровъ даютъ много краснорѣчивыхъ указаній на успѣхъ, съ какимъ развивался этотъ земледѣльческій пролетаріятъ. Многіе помѣщики на землѣ своей не имѣли ни одного крестьянскаго двора, жили одними своими дворами «однодворками» (отсюда и названіе—однодворцы). Въ спискахъ мы встрѣчаемъ такія заявленія окладчиковъ: «Такой-то сынъ боярскій отъ службы отбылъ, на службу ходилъ пѣшъ по бѣдности»; другой—«собою худъ (бѣдно вооруженъ), не служитъ, служить нечѣмъ; живетъ въ городѣ у церкви,

стоитъ дьячкомъ наклиросѣ»; третій—«худъ, не служитъ, жилъ во крестьянахъ, за другимъ помѣщикомъ», четвертый—«бѣденъ, не служитъ, живетъ у другого помѣщика въ дворникахъ «портной мастеришк»; пятый—«худъ, не служитъ, волочится межъ дворянъ, питаясь христовымъ именемъ; бояре приговорили изъ службы вычкинуть вонъ».

Крестьяне въ XVI вѣкѣ.

Въ одно время съ устройствомъ служилаго класса и служилаго землевладѣнія измѣнилось положеніе земледѣльческаго класса крестьянъ. По поземельнымъ описямъ и актамъ XVI в. крестьянскія поселенія въ Московскомъ государствѣ представляются въ такомъ видѣ: вокругъ села съ церковью, въ которомъ находилось 4 или 5 крестьянскихъ дворовъ, рѣдко больше, разбросаны во всѣ стороны десятки деревень, которыя тянули къ этому селу, какъ къ церковному и хозяйственно-административному своему центру. Деревня, возникшая на „нови“, на поднятомъ впервые участкѣ, называлась „починкомъ“. Обыкновенно починокъ состоялъ изъ одного двора крестьянскаго; съ теченіемъ времени, превратившись въ деревню, онъ расширялся, въ немъ появились два, три двора, рѣдко больше. У каждаго двора былъ свой пахотный участокъ, непремѣнно огороженный; участки эти были разработанными островами среди обширныхъ, нетронутыхъ или заброшенныхъ пустошей. Въ XVI в. на земляхъ частныхъ владѣльцевъ изъ 100 десятинъ обыкновенно находилось подъ пашней менѣе десяти десятинъ, на болѣе разработанныхъ церковныхъ земляхъ менѣе 20 десятинъ; но среди жилыхъ находились слѣды деревень покинутыхъ, какъ и въ селахъ среди жилыхъ дворовъ находились дворы пустые. Такой внѣшній видъ крестьянскихъ поселеній XVI в. говоритъ вопервыхъ о чрезвычайной разбросанности крестьянскаго населенія, вовторыхъ, о его подвижности, бродяжничествѣ.

Земли, на которыхъ находились эти поселенія, были трехъ разрядовъ. Церковныя, служилыя, принадлежавшія служилымъ вотчиникамъ и помѣщикамъ, и государевы. Послѣднія подраздѣлялись на два разряда: на государевы — дворцовыя, приписанныя ко двору и государевы-черныя, т. е. государственныя. Впрочемъ, юридическое различіе между обоими этими видами государевыхъ земель было незначительно. Они переходили изъ одного разряда въ другой и въ XVII в. смѣшались, соединясь подъ однимъ дворцовымъ управленіемъ. Итакъ, въ Московскомъ государствѣ XVI в. было три рода землевладѣльцевъ: государь, церковныя учрежденія и служилые люди. Тяглые люди не были въ XVI в. землевладѣльцами собственниками на всемъ пространствѣ государства; не было поэтому и крестьянъ собственниковъ. Крестьянинъ жилъ на чужой землѣ, на церковной служилой, либо государевой, даже на земляхъ черныхъ. Крестьянинъ хорошо сознавалъ, что эти земли ему не принадлежатъ, что онъ ими только пользуется. Объ этой землѣ крестьяне XVI в. говорили: „та земля великаго князя, и моего владѣнія; та земля Божія, да государева, а роспаши и ржи наши“. Значитъ, крестьянинъ хорошо отличалъ право собственности отъ права пользованія. По своему поземельному поло-

женію крестьянинъ XVI в. юридически былъ безземельнымъ землевладѣльцемъ, живущимъ на чужой землѣ. Изъ этого положенія вытекалъ рядъ важныхъ послѣдствій юридическихъ, политическихъ и экономическихъ.

1. Разсмотримъ юридическія отношенія крестьянъ, т. е. ихъ отношеніе къ землевладѣльцаму. Крестьянинъ былъ вполнѣ хлѣбопашецъ, сидѣвшій на чужой землѣ; его свобода выражалась въ правѣ свободнаго „выхода“, т. е. въ правѣ покинуть одинъ участокъ и переходить на другой, отъ одного землевладѣльца къ другому. Первоначально право это не было стѣснено закономъ, но самое свойство земледѣльческаго труда налагало нѣкоторое ограниченіе на это право крестьянина, какъ и на произволъ землевладѣльца въ отношеніи къ крестьянамъ: землевладѣлецъ, напр. не могъ согнать крестьянина съ земли передъ жатвой, какъ и крестьянинъ не имѣлъ побужденія покинуть участокъ свой, не сжавъ посѣяннаго имъ хлѣба. Изъ этихъ естественныхъ отношиній сельскаго хозяйства вытекла необходимость постояннаго, закономъ опредѣленнаго срока для крестьянскаго перехода, когда бы обѣ стороны могли разсчитаться другъ съ другомъ. Судебникъ Ивана III установилъ для этого одинъ обязательный срокъ— двѣ недѣли, слѣдующіе за осеннимъ Юрьевымъ днемъ (26 ноября). Впрочемъ, въ Псковской землѣ въ XV в. существовалъ другой законный срокъ для крестьянскго выхода, именно время филиппова заговѣнья (14 ноября). Значитъ, крестьянинъ могъ покинуть участокъ, когда кончались всѣ полевыя работы, и обѣ стороны могли свести взаимный счетъ.

Свобода крестьянъ выражалась также въ томъ, что, садясь на чужую землю, онъ заключилъ съ землевладѣльцемъ поземельный договоръ. Условія этого договора мы находимъ въ „порядныхъ грамотахъ“. Крестьянинъ договаривался съ землевладѣльцемъ, какъ свободное, юридически равноправное съ нимъ лицо. Онъ бралъ у хозяина большой или малый участокъ земли, сообразуясь со своими рабочими средствами. Участки эти были чрезвычайно разнообразны. Крестьянинъ бралъ обрабатывать извѣстную долю „обжи или выти“. Обжа и выть—поземельныя единицы, изъ которыхъ первая—опредѣляла количество пахатной землн на сѣверѣ, а вторая—въ центральныхъ областяхъ. Обжа вообще участокъ отъ 10-15 десятинъ въ трехъ поляхъ. Выть была единицей нѣсколько болѣе значительной, при томъ чрезвычайно измѣнчивой, смотря по качеству почвы, чаще всего выть доброй земли заключала въ себѣ 18 десятинъ, выть худой—24 десятины. Впрочемъ, встрѣчаемъ выти и большихъ и меньшихъ размѣровъ. Крестьянинъ бралъ у землевладѣльца извѣстную долю выти или обжи и въ порядной грамотѣ налагалъ условія, на которыхъ снималъ землю. Условія эти касались платежей и повинностей, какія долженъ былъ нести крестьянинъ за пользованіе чужой землей. Въ иныхъ имѣніяхъ всѣ повинности соединялись въ извѣстномъ денежномъ оброкѣ, въ другихъ вмѣсто денежныхъ и натуральныхъ платежей крестьянинъ обязывался работать на землевладѣльца. Но чаще встрѣчаемъ смѣшанныя условія: сверхъ оброка деньгами или хлѣбомъ крестьянинъ обязывался еще нести въ пользу землевладѣльца «барщину», которая называлась «издѣліемъ или боярскимъ дѣломъ». Совмѣщеніе оброка и барщины объясняется тѣмъ, что они выходили изъ разныхъ источ-

никовъ: денежный и хлѣбный оброкъ въ древней Руси былъ собственно рентой, платой за пользованіе чужой землей. «Издѣліе» имѣло совсѣмъ другое происхожденіе. Крестьянинъ, садясь на чужой землѣ, обыкновенно бралъ у хозяина ссуду, или «подмогу». За это вмѣсто платежа процентовъ, крестьянинъ обязывался работать на хозяина, чаще всего пахать извѣстное количество земли. Итакъ, барщина древней Руси вышла изъ соединенія поземельнаго найма съ денежнымъ или другимъ займомъ.

И размѣръ, и виды оброка были чрезвычайно разнообразны, но кажется это разнообразіе лишь видимое. Одинъ и тотъ же монастырь, Троице-Сергіевскій, въ 1580 г. положилъ на крестьянъ одного своего села одинъ оброкъ по три рубля съ выти, а въ 1590 г. онъ назначилъ крестьянамъ другого села вмѣсто всего оброка пахать на монастырь по 2 съ половиной дес. съ выти озимыхъ и яровыхъ. Опредѣливъ отношенія тогдашнихъ денегъ къ нынѣнимъ и нынѣшнюю стоимость земли, находимъ, что тяжесть, положенная монастыремъ на крестьянъ обоихъ селъ, была почти одинакова. По цѣнамъ хлѣба московскій рубль конца XVI в. равнялся приблизительно 20-22 нынѣшнимъ. Итакъ, крестьяне одного монастырскаго села платили съ выти 60-66 рублей; почти то же стоитъ и теперь обработка 2 съ половиной дес. озимыхъ и 2 съ половиной яровыхъ. Значитъ, плата за пользованіе землей въ XVI в. была довольно высока. Въ одной дворцовой волости Тверскаго уѣзда крестьяне платили къ концу XVI ст. съ выти 24 десятинъ худой земли—оброкъ, равняющійся 3 рублямъ съ небольшимъ нынѣшнихъ денегъ. Въ имѣніяхъ монастыря Троицкаго, Углицкаго уѣзда въ то же время крестьяне платили монастырю съ нѣсколько большей выти худой земли такой оброкъ, что на каждую десятину приходилось даже по четыре рубля съ лишкомъ, Нынѣ едва ли существуютъ въ тѣхъ мѣстахъ такія высокія арендныя цѣны.

Итакъ, крестьяне XVI вѣка по отношеніямъ своимъ къ землевладѣльцамъ были вольными и перехожими арендаторами чужой земли,—государевой, церковной или служилой. Кромѣ того, крестьяне подчинялись юрисдикціи землевладѣльца въ извѣстныхъ дѣлахъ и за то платили ему «судныя пошлины», какъ платили пошлины «продажныя» совершая куплю-продажу въ предѣлахъ его вотчины.

2) Теперь разсмотримъ политическое положеніе крестьянъ, т. е. ихъ отношеніе къ государству. Государство начинало знать хозяина, какъ хлѣбопашца и своего плательщика лишь съ той минуты когда онъ, сѣвши на чью-либо землю, начиналъ ее обрабатывать. Поэтому, крестьянинъ начиналъ платить государству только тогда, когда бросалъ сѣмена во вспаханный имъ участокъ. Раньше того, не сидя на тягломъ участкѣ, крестьянинъ и не платилъ государству. Поэтому въ иныхъ актахъ мы встрѣчаемъ условіе, въ силу котораго крестьянинъ, садясь на тяглый участокъ съ озимымъ хлѣбомъ, посѣяннымъ его предшественникомъ, обязуется платить въ первый годъ подать только съ ярового, который онъ посѣялъ весной. Значитъ, крестьянская подать въ древней Руси не была собственно ни поземельнымъ налогомъ, ни налогомъ на трудъ, а падала на приложеніе крестьянскаго труда къ землѣ. Государственная подать, падавшая на крестьянъ, служила обезпеченіемъ ихъ общественнаго устройства.

Съ этимъ устройствомъ тѣсно связанъ и вопросъ о порядкѣ крестьянскаго землевладѣнія древней Руси, т. е. вопросъ о томъ, было ли это владѣніе общинное, или какое иное. Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, надо опредѣлить существенные признаки общиннаго землевладѣнія, какъ оно исторически выработалось у насъ. Такъ какъ крестьянинъ нигдѣ не былъ собственникомъ земли, то не можетъ быть и рѣчи объ общинной земельной собственности. Значитъ, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи у насъ есть вопросъ объ общинномъ пользованіи землею. Общинное пользованіе землей характеризуется тремя существенными чертами, выработавшимися ко времени освобожденія крестьянъ: 1. Земля, владѣемая извѣстнымъ сельскимъ обществомъ на общинномъ правѣ, должна принадлежать одному собственнику, т. е. членами извѣстнаго сельскаго общества непремѣнно, должны быть крестьяне, водворенные на землѣ одного владѣльца. 2. Земли, владѣемыя на общинномъ правѣ, не дѣлятся на постоянные, наслѣдственные участки, а періодически передѣляются между всѣми членами общества. 3. Съ общинной земли идетъ государству подать, уплата которой обезпечивается круговой порукой, всѣми членами общества другъ за друга. Вотъ три существенныя черты общественнаго пользованія землею, выразившіяся въ исторіи русскаго крестьянскаго землевладѣнія: единство собственника, періодическіе передѣлы и круговая порука въ уплатѣ государственныхъ податей.

Правительство соединило разбросанныя сельскія крестьянскія поселенія въ администритивные округа, называвшіеся станами, или волостями. Эти административные сельскіе округа и были связаны круговой порукой въ уплатѣ государственныхъ податей. Но въ большинствѣ такихъ округовъ встрѣчаемъ земли разныхъ владѣльцевъ, дворцовыя, церковныя, служилыя. Итакъ, въ отношеніи древне-русскихъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ не могло быть перваго признака общиннаго землевладѣнія—единства собственника. Далѣе, нигдѣ не замѣчаемъ слѣдовъ періодическаго передѣленія земли. Каждый крестьянинъ, вступая въ составъ извѣстнаго сельскаго общества, бралъ себѣ извѣстный участокъ земли, расширялъ или сокращалъ свою запашку по своему усмотрѣнію, т. е. сообразуясь со своими средствами. Точно также по личному усмотрѣнію передавалъ этотъ участокъ дѣтямъ, даже стороннему крестьянину, наконецъ, покидалъ этотъ участокъ и переходилъ на другой въ предѣлахъ того же общества или сосѣдняго. Значитъ, крестьянское землевладѣніе въ древней Руси приближалось по характеру своему къ тому, какое утвердилось и существуетъ въ малороссійскихъ губерніяхъ; это было землевладѣніе участковое и подворное. Наконецъ, всѣ обыватели древне-русской волости были связаны круговой порукой. При отдѣльномъ участковомъ владѣніи, что могло быть предметомъ этой поруки? Ею обезпечивалась уплата казенныхъ податей за несостоятельныхъ членовъ общины. Правительство назначало по описи опредѣленную постоянную сумму налоговъ на все сельское общество, предоставляя ему разверстывать ее между отдѣльными своими членами. Разверстка совершалась по участкамъ отдѣльныхъ домохозяевъ, но изъ наличныхъ крестьянъ нѣкоторые могли оказаться безсильными платить падавшую на нихъ долю податей, и въ такомъ случаѣ за нихъ платило общество; а другой крестьянинъ покидалъ свой участокъ, и за него должна была платить то же община, до новой

поземельной описи. Это и составляло предметъ круговой поруки въ древне-русскомъ сельскомъ обществѣ. Податью и создано было крестьянское общественное управленіе. Волость выбирала старосту и окладчиковъ, которые разверстывали подать между ея членами или, выражаясь языкомъ актовъ, «сидѣли на мірскомъ разметѣ». Староста съ окладчиками и всѣми крестьянами распоряжался землею волости, раздавалъ участки новымъ поселенцамъ, давалъ имъ льготы, защищалъ эту землю отъ стороннихъ захватовъ и т. д. Но всѣ эти распоряженія вытекали изъ круговой поруки въ уплатѣ податей, а не изъ общиннаго пользованія землей.

Значитъ, связью, на которой держалось древне-русское сельское общество, служила собственно государственная подать, а не земля; то былъ союзъ финансовый, а не поземельный, основанный на общинномъ владѣніи землей; то было сельское общество, но непоземельная община. Иначе говоря, *въ древней Руси существовало мірское распредѣленіе земель для уплаты податей, но не было общиннаго пользованія землей.* Послѣднее завязалось позднѣе XVI в. подъ вліяніемъ поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ и было закрѣплено введеніемъ подушной подати. Таково было отношеніе крестьянъ къ государству.

3) Теперь войдемъ въ экономическое положеніе крестьянъ, разсмотримъ, какъ они жили въ тѣсномъ кругу своего хозяйства. Крестьянинъ былъ вольный и перехожій наниматель чужой земли, свобода котораго обезпечивалась правомъ «выхода», т. е. перехода. Таково было положеніе крестьянина по праву, но уже въ XVI в. оно было не таково на дѣлѣ. Вольный и перехожій наниматель-крестьянинъ приходилъ на чужую землю съ пустыми руками т. е. безъ капитала, безъ земледѣльческаго инвентаря; селясь на чужой землѣ, онъ обыкновенно нуждался въ ссудѣ, въ подмогѣ со стороны землевладѣльца. Эта подмога была почти общимъ явленіемъ при заключеніи договора крестьянина съ землевладѣльцемъ. Чрезвычайно рѣдко крестьянинъ садился на чужую землю безъ барской подмоги. Она выражалась въ различныхъ видахъ. Крестьянинъ получалъ отъ землевладѣльца готовый дворъ или лѣсъ для его постройки. Далѣе, землевладѣлецъ ссужалъ его хлѣбомъ на прокормленіе до первой жатвы; давалъ также деньги и въ иныхъ случаяхъ скотъ. Всѣ эти виды подмоги носили общее названіе «боярскаго серебра», а получившій ее назывался «серебренникомъ». Вольный арендаторъ земли становился должникомъ землевладѣльца. Кромѣ прямой подмоги была еше косвенная; именно, землевладѣлецъ, давалъ своему крестьянину на извѣстное количество лѣтъ льготу не только отъ вотчинныхъ оброковъ и повинностей, но и отъ государственныхъ податей. Послѣ онъ долженъ былъ вознаградить землевладѣльца за эту льготу. Каждый крестьянинъ, покидая участокъ земли, который онъ обрабатывалъ, долженъ былъ разсчитаться съ хозяиномъ, 1) заплатить ему ссуду — «серебро», 2) вознаградить его за льготы и 3) заплатить за пользованіе барскимъ дворомъ, уплатить «пожилое», т. е. за всѣ прожитые годы. По Судебнику 1497 г. пожилое это опредѣлено было въ размѣрѣ одного рубля за четыре года въ полевыхъ мѣстахъ, гдѣ не было строевого лѣса, и въ размѣрѣ рубля въ мѣстахъ лѣсныхъ, такъ что за каждый годъ приходилось отъ одной четверти до одной осьмой рубля. Судебникъ 1550 года увеличилъ пожилое, набавивши два алтына.

Если разсчитать всю эту тяжесть для крестьянина при уходѣ отъ владѣльца, особенно если онъ долго жилъ на его землѣ, то можно легко понять, что *въ большинствѣ случаевъ вольный и переходный землепашецъ, сохраняя свое право перехода, не имѣлъ возможности покинуть насиженный участокъ*, расплатиться съ землевладѣльцемъ. Такимъ образомъ экономическое положеніе крестьянъ ставило ихъ въ противорѣчіе съ ихъ положеніемъ юридическимъ. Это противорѣчіе и было причиной важной перемѣны въ положеніи крестьянъ, обнаруживающейся во второй половинѣ XVI вѣка.

Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ XVI вѣкѣ.

Перемѣну происшедшую въ положеніи крестьянъ въ XVI ст. обыкновенно изображаютъ такими чертами. До конца XVI ст. крестьяне были вольными хлѣбопашцами, пользовавшимися правомъ свободнаго перехода съ земли на землю. Но изъ этого права вышли большія неудобства, какъ для общественнаго порядка, такъ для государственной казны и особенно для мелкихъ служилыхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ богатые вотчинники сманивали крестьянъ, оставляя ихъ безъ рабочихъ рукъ, слѣдовательно, безъ средствъ исправно отбывать государственную службу. Вслѣдствіе этихъ затрудненій правительство царя Өеодора прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, отмѣнивъ право крестьянскаго перехода. Печальные результаты крѣпостного права, обнаружившіеся впослѣдствіи, вышли изъ этого поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ. Такъ какъ первый указъ, отмѣнявшій право крестьянскаго выхода, былъ изданъ, когда государствомъ правилъ Борисъ Годуновъ, то на этого правитеая падаетъ вся отвѣтственность на эти послѣдствія. Онъ есть первый виновникъ крѣпостного права, крѣпостникъ-учредитель.

Итакъ, въ концѣ XVI ст. правительство одной общей мѣрой измѣнило поземельное положеніе крестьянъ. Въ такомъ изображеніи дѣла много неяснаго и неточнаго. Прежде всего невѣроятенъ самъ законъ, отмѣнившій право крестьянскаго выхода. Московское правительство не любило такихъ общихъ рѣшительныхъ мѣръ, привыкнувъ вводить крупныя перемѣны постепенно, мѣрами мелкими, частными. Во вторыхъ, не только не сохранилось общаго указа, отмѣнившаго крестьянскій выходъ, но въ уцѣлѣвшихъ актахъ нѣтъ и намека на то, чтобы такой указъ когда-либо былъ изданъ. Первымъ актомъ, въ которомъ видятъ указаніе на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, какъ на общую мѣру, считаютъ указъ 24 ноября 1597 г. Но этотъ указъ содержаніемъ своимъ не оправдываетъ сказанія объ общемъ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ XVI ст. Изъ этого акта узнаемъ только, что если крестьянинъ убѣжалъ отъ землевладѣльца не раньше 5 лѣтъ до изданія указа, и землевладѣлецъ учинилъ искъ о немъ, то по суду и иску такого крестьянина должно возвратить къ прежнему землевладѣльцу съ семьей и имуществомъ, «съ женой, дѣтьми и со всѣми животы». Если же крестьянинъ убѣжалъ раньше 5 лѣтъ, и землевладѣлецъ не вчинилъ объ немъ иска, то такого крестьянина назадъ не возвращать, и исковъ, и челобитныхъ о немъ не принимать. Болѣе ничего не говорится въ указѣ 24 ноября. Изъ него, однако, заключили, что за 5 лѣтъ до него былъ изданъ законъ, запрещавшій кре-

стьянскіе переходы, прикрѣплявшій крестьянъ къ землѣ. Уже Погодинъ, а за нимъ и Бѣляевъ основательно замѣчали, что указъ 1597 г. не даетъ права предполагать, будто за 5 лѣтъ до него состоялось общее распоряженіе, прикрѣплявшее крестьянъ къ землѣ. Этотъ указъ только устанавливаетъ 5-лѣтнюю давность для сыска бѣглыхъ.

Впрочемъ и Бѣляевъ думалъ, что если не въ 1592 году, то не раньше 1590 г. должно было состояться распоряженіе, отмѣнявшее крестьянскій выходъ, потому что отъ 1590 г. сохранился актъ, въ которомъ еще признается за крестьянами право выхода, и можно надѣяться, что со временемъ этотъ указъ будетъ найденъ въ архивахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что никогда не найдутъ ни того, ни другого указа, ни 1590, ни 1592 г., потому что ни тотъ ни другой не былъ изданъ.

До насъ дошло значительное количество порядныхъ грамотъ, въ которыхъ крестьяне уговариваются съ землевладѣльцами, садясь на ихъ землю. Эти порядныя идутъ съ половины XVI вѣка до половины XVII и даже далѣе. Если вы, читая эти порядныя, забудете легенду о прикрѣпленіи крестьянъ при царѣ Θеодорѣ, то порядныя не напомнятъ вамъ о ней. Крестьяне договаривались съ землевладѣльцами въ первой половинѣ XVII в. совершенно такъ же, какъ они договаривались во второй половинѣ XVI в. Въ этихъ порядныхъ опредѣляются условія земельной аренды, величина оброка и барщины, обязательства крестьянина, въ случаѣ его ухода, заплатить землевладѣльцу пожилое, ссуду и вознаградить его за льготы. Возможность ухода всегда предполагается въ порядной, какъ возможность вполнѣ законная. Предположеніе, что въ концѣ XVI в. крестьяне лишены были права перехода, дѣлаетъ непонятнымъ цѣлый рядъ грамотъ, составленныхъ по указанной формѣ. Такъ одинъ монастырь въ 1599 г., переводя своихъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, заключаетъ съ ними новую порядную грамоту, какъ съ вольными арендаторами. Другой актъ того же года разсказываетъ, что монастырь долго искалъ одного своего бѣглаго крестьянина, наконецъ, отыскавши его въ вотчинѣ одного служилаго землевладѣльца, потребовалъ назадъ. Вдова землевладѣльца выдала крестьянина. Во время Русской Правды, крестьянинъ обратился бы за такой побѣгъ въ полнаго холопа. Теперь, послѣ предполагаемаго прикрѣпленія, монастырь не только не наказываетъ своего бѣглаго, но заключаетъ новый договоръ, и даже даетъ на обзаведеніе льготы и ссуды. Контрактъ заключается съ крестьяниномъ, какъ съ совершенно свободной стороной гражданской. Итакъ, по порядным грамотамъ не замѣтно прикрѣпленія крестьянъ и въ первой половинѣ XVII в. Съ другой стороны, нѣкоторые крестьяне являются прикрѣпленными къ землѣ, лишенными права выхода, уже задолго до предполагаемаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ. Въ 1552 г. дана была грамота чернымъ крестьянамъ Важскаго уѣзда. Эта грамота представляетъ сельскимъ обществамъ право возвращать своихъ старыхъ тяглецовъ, убѣжавшихъ на землю монастырскую, и сажать на прежніе участки. Это распоряженіе касается черныхъ, государственныхъ крестьянъ, но и всѣ тяглые крестьяне являются тогда же какъ бы прикрѣпленными къ землѣ. Въ 1560-хъ годахъ богатымъ солеваромъ Строгановымъ отданы были обширныя пустоши на Камѣ и Чусовой съ правомъ населять ихъ новоприходными, призывая послѣднихъ со всѣхъ

сторонъ. Строгановы не могли призывать къ себѣ только тяглыхъ крестьянъ и письменныхъ, т. е. посаженныхъ на тягло и записанныхъ въ книгахъ: такихъ тяглыхъ поселенцевъ Строгановы обязаны были выдавать съ семьями и имуществомъ по требованію мѣстныхъ начальствъ. Итакъ, предположеніе объ указѣ, прикрѣпившемъ крестьянъ въ концѣ XVI в., не оправдывается ни съ той, ни съ другой стороны, ни предшествующими, ни послѣдующими явленіями.

Далѣе, читая указы XVI и XVII ст. о крестьянахъ, мы находимъ, что крестьяне уже до предполагаемаго указа царя Θеодора не пользовались правомъ выхода. Судебникъ 1550 г. опредѣляетъ точно правила и условія крестьянскаго выхода. Но крестьяне во второй половинѣ XVI в. сами почти не переходили съ участка на участокъ. Порядныя грамоты, какъ ихъ ни много,—исключительныя явленія: большею частью это договоры тѣхъ рѣдкихъ въ своей средѣ крестьянъ, которые не задолжали прежнимъ землевладѣльцамъ, или вольныхъ людей, которые въ первый разъ поряжаются въ крестьяне. Масса крестьянъ потеряла уже возможность пользоваться правомъ перехода. Право это выродилось въ два другія явленія: крестьянскій союзъ и крестьянскій побѣгъ. Крестьяне сами не переходили отъ землевладѣльца къ землевладѣльцу, но одинъ землевладѣлецъ перевозилъ ихъ отъ другого. Право крестьянскаго перехода превратилось въ право землевладѣльца перевозить крестьянъ, и законодательство конца XVI и начала XVII в. не говоритъ уже о переходѣ, а только опредѣляетъ условія своза. Это измѣненіе крестьянскаго права сопровождалось важными затрудненіями для государства и вносило чрезвычайный безпорядокъ въ сельскія отношенія. Благодаря ему, въ XVI в. возникла ожесточенная борьба землевладѣльцевъ за рабочія руки крестьянъ. Время около 26 ноября, Юрьева дня осенняго, было временемъ удивительныхъ сценъ, разыгрывавшихся на всемъ пространствѣ государства. Прикащикъ богатаго землевладѣльца отправлялся въ село черныхъ крестьянъ или мелкихъ помѣщиковъ и начиналъ «отказывать» крестьянъ, т. е. подговаривать крестьянъ къ переселенію, платилъ за нихъ ссуду и пожилое и свозилъ ихъ на землю своего господина. Крестьянскія общества, или мелкіе землевладѣльцы, лишаясь *рабочихъ рукъ, старались силою удержать ихъ, насчитывая* на крестьянъ лишнее, а если не имѣли на это возможности, то собирали своихъ людей и встрѣчали откащика съ кольями. Жалобы мелкихъ помѣщиковъ и государственныхъ крестьянъ ярко рисуютъ намъ эти ноябрьскія сцены. Далѣе, крупные землевладѣльцы, пользуясь крестьянскими переходами, имѣли возможность сманивать на свою землю крестьянъ изъ черныхъ обществъ и у мелкихъ помѣщиковъ. Но съ своей земли они не выпускали крестьянъ. Какъ мы сказали, крестьяне рѣдко садились на землю безъ ссуды со стороны землевладѣльца, т. е. становясь нанимателями земли, превращаясь въ должниковъ своего господина. Долгъ росъ по мѣрѣ того, какъ крестьянинъ заживался на арендованномъ участкѣ, становился старожильцемъ. Пожилое и ссуда оплачивались при отказѣ. Между тѣмъ, благодаря льготамъ, какими располагали крупные землевладѣльцы, у нихъ крестьяне были зажиточнѣе, сравнительно со своею братіею, жившей на другой землѣ. Такимъ образомъ крестьянинъ терялъ возможность и охоту покидать наемный участокъ у богатаго землевладѣльца. Онъ становился должникомъ ему, а съ другой

стороны, слишкомъ хорошо обстраивался и обживался, чтобы имѣть побужденіе переходить къ другому землевладѣльцу. Вотъ почему въ XVI в. крестьяне крупныхъ землевладѣльцевъ, бояръ и церковныхъ учрежденій, въ большинствѣ не пользовались правомъ перехода: они были личные должники своихъ господъ, а личный долгъ ставилъ должника въ положеніе холопа. Этотъ кабальный холопъ могъ даже по закону превратиться въ полнаго. Судебникъ 1497 г., говоря о крестьянскомъ выходѣ, опредѣляетъ его срокъ — и только. Судебникъ 1550 г. дѣлаетъ важное добавленіе. Крестьянинъ могъ отказаться отъ своей земли въ одинъ срокъ въ году: но, если онъ съ пашни продавался въ полное холопство своему или чужому господину, то это онъ могъ сдѣлать безъ всякаго срока и не платя пожилого. Такимъ образомъ вольный и перехожій, но лишенный землевладѣльческаго инвентаря крестьянинъ, благодаря противорѣчію между его экономическимъ и юридическимъ положеніемъ, становился въ положеніе кабальнаго холопа и подвергался опасности превратиться въ полнаго холопа. Но полный холопъ переставалъ быть плательщикомъ государственныхъ податей. Значитъ, крестьянскій выходъ, переставши быть правомъ крестьянъ, превратился въ одностороннюю привилегію крупныхъ землевладѣльцевъ и подвергалъ государство опасности потерять своихъ плательщиковъ. Итакъ, крестьяне потеряли право перехода раньше, чѣмъ оно было отмѣнено. Законодательство XVI и начала XVII вѣковъ только регулировало этотъ свозъ крестьянъ землевладѣльцами другъ у друга.

Далѣе, крестьяне, не имѣя возможности расплатиться съ землевладѣльцемъ, т. е. воспользоваться своимъ правомъ перехода, съ половины XVI ст. начинаютъ усиленно бѣгать, покидать участки безъ расплаты. Побѣги крестьянъ—яркое явленіе въ крестьянскомъ быту, обнаруживающееся съ половины XVI в. Легко замѣтить причину ихъ усиленій. Историческія обстоятельства загнали нѣкогда массу русскаго населенія на верхне-волжскій суглинокъ. Здѣсь населеніе удерживалось въ продолженіи вѣковъ; но съ половины XV в. засоренныя кочевниками степи начали прочищаться. Взятіе Казани съ Астраханью, т. е. завоеваніе всего средняго и нижняго Поволжья, военные успѣхи Московскаго государства за Окой и появленіе цѣлаго ряда укрѣпленныхъ городовъ, углубившихся въ степь,—Тулы, Орла, Курска, Кромъ, Бѣлгорода и т. д., все это открыло крестьянамъ возможность воротиться на нѣкогда покинутыя прадѣдами пепелища. Крестьяне начали бѣгать на заокскій черноземъ, подвергая государство страшному кризису. Но вся система государственныхъ налоговъ, какъ и хозяйственное положеніе служилыхъ людей, держалось на крестьянскихъ пашняхъ верхневолжскаго суглинка. Теперь государство подвергалось опасности остаться съ суглинкомъ безъ крестьянъ, а Москвѣ представлялась опасность превратиться въ столицу пустыни. Объ этихъ побѣгахъ крестьянъ говоритъ рядъ свидѣтельствъ второй половины XVI вѣка. Всюду и по поземельнымъ описямъ, и по извѣстіямъ пріѣзжающихъ въ Россію иностранцевъ, между жилыми селами разсѣяны были во множествѣ села и деревни пустыя. Поссевинъ говоритъ, что во многихъ краяхъ государства на пространствѣ 300 миль путешественникъ не встрѣчаетъ ни одного жителя, хотя и находитъ пустыя деревни. Флетчеръ, ѣдучи въ 1588 году по самой бойкой дорогѣ, изъ Вологды въ

Москву, говоритъ, что онъ встрѣтилъ много большихъ селъ, въ которыхъ были цѣлы избы, но не было ни одного крестьянина; то же, добавляетъ путешественникъ, можно видѣть и во многихъ другихъ мѣстахъ государства, по разсказамъ людей, тамъ путешествовавшихъ.

Эти побѣги крестьянъ и заставили правительство принять мѣры съ цѣлью удержать крестьянскія руки на старыхъ участкахъ, на которыхъ они были записаны по книгамъ. Законы конца XVI и начала XVII вв., регулируя крестьянскій союзъ землевладѣльцами, принимаютъ мѣры и противъ крестьянскихъ побѣговъ. Царь Борисъ въ 1601 году издалъ указъ, въ силу котораго могли свозить другъ у друга крестьянъ только мелкіе землевладѣльцы низшихъ чиновъ, и при томъ свозить не болѣе двухъ крестьянъ заразъ. Землевладѣльцы Московскаго уѣзда совсѣмъ лишены были права перевоза на свои земли чужихъ крестьянъ. Указъ этотъ изданъ былъ, какъ мѣра, облегчавшая положеніе крестьянъ. Онъ говоритъ, что государь позволяетъ вывозить крестьянъ по причинѣ налоговъ и продажъ, которыми землевладѣльцы ихъ обременяли. Въ 1602 году указъ этотъ былъ повторенъ; право своза здѣсь ограничено съ цѣлью предотвратить бои и грабежи, какими сопровождался перевозъ крестьянъ землевладѣльцами другъ у друга. Перевозить крестьянъ могли только мелкіе землевладѣльцы, при томъ не иначе, какъ съ согласія самихъ крестьянъ. Въ царствованіе перваго самозванца въ 1606 г. былъ изданъ третій указъ. Здѣсь допускался переходъ крестьянъ отъ землевладѣльца къ землевладѣльцу по нуждѣ: если крестьянинъ бѣжалъ отъ землевладѣльца на голодные года, не имѣя чѣмъ прокормиться, его не возвращали. Если крестьянинъ во время голода отдавался въ холопство другому владѣльцу, его также запрещено было возвращать прежнему; если же онъ отдавался въ холопство безъ нужды, то его возвращали къ прежнему владѣльцу въ крестьянство. Значитъ, указы царя Бориса и его преемника не предполагаютъ крестьянъ прикрѣпленными къ землѣ по закону, а только принимаютъ мѣры противъ незаконныхъ побѣговъ и опредѣляютъ условія перевоза крестьянъ землевладѣльцами другъ у друга. О крестьянскомъ правѣ выхода всѣ три указа не говорятъ ни слова, ибо этотъ выходъ сталъ уже давно воспоминаніемъ. Сохранилось даже современное иностранное извѣстіе, показывающее, что Борисъ Годуновъ не только не отнималъ у крестьянъ свободы перехода, но пытался защищать ихъ отъ произвола землевладѣльцевъ. Это извѣстіе говоритъ, что жалуя крестьянъ, которыхъ прежде землевладѣльцы считали крѣпостными, царь Борисъ точно опредѣлилъ, сколько обязаны крестьяне платить своимъ господамъ и работать на нихъ. Наконецъ, Уложеніе прямо свидѣтельствуетъ, что до него не было издано закона, прикрѣплявшаго крестьянъ къ землѣ, а только устанавливался порядокъ иска. Въ главѣ XI, ст. 3, гдѣ говорится о порядкѣ иска и возвращенія бѣглыхъ крестьянъ, мы читаемъ: «до нынѣшняго указа не было государевой заповѣди (запрета), чтобы никому крестьянъ за себя не принимать, а только были указаны бѣглымъ крестьянамъ урочные годы, », т. е. сроки давности для сыска бѣглыхъ.

Таковы перемѣны, обнаруживающіяся въ положеніи крестьянъ съ половины XVI в. Эти перемѣны можно обозначить слѣдующими чертами: 1) Право крестьянскаго выхода никогда не было отмѣнено, ибо этотъ выходъ исчезъ самъ собою безъ законодательной отмѣны еще

раньше конца XVI в. 2) Большая часть крестьянъ на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ попала въ крѣпостное состоянiе путемъ долговыхъ обязательствъ, но то было прикрѣпленiе не поземельное, а личное. 3) Законодательство съ половины XVI в. не отмѣняло крестьянскаго выхода, а только съ одной стороны регулировало порядокъ своза крестьянъ однимъ землевладѣльцомъ у другого, съ другой— принимало мѣры къ пресѣченiю крестьянскихъ побѣговъ. 4) При Борисѣ Годуновѣ возникла мысль, еще неясная, о поземельномъ прикрѣпленiи крестьянъ съ точнымъ опредѣленiемъ податей и повинностей; но, это было не источникомъ крѣпостного права, а мѣрой противъ личнаго прикрѣпленiя, грозившаго государству потерей податныхъ плательщиковъ.

Управленiе въ Московскомъ государствѣ XVI в.

1. Управленiе въ московскомъ княжествѣ удѣльнаго времени. Изучивъ устройство общества въ Московскомъ государствѣ теперь сдѣлаемъ краткiй очеркъ правительственныхъ формъ, въ какiя облеклось послѣднее въ XV и XVI вв. Управленiе его все развилось изъ удѣльнаго. Чтобы понять послѣднее, надобно припомнить характеръ и строй княжествъ удѣльнаго времени. Какъ мы знаемъ, удѣльное княжество было собственно не государство, а хозяйство князя; иначе говоря, государство было въ то время ни что иное, какъ княжеское хозяйство. Поэтому управленiе удѣльнаго времени было собственно эксплуатацiею различныхъ статей этого хозяйства. Населенiе уѣзда было для князя не обществомъ, не союзомъ подданныхъ для достиженiя извѣстной цѣли, для общаго блага; оно было лишь орудiемъ хозяйственной эксплуатацiи княжества. Правительственныя дѣйствiя, имѣющiя цѣлью общее благо, поддержанiе общественнаго порядка, тогда разсматривались какъ доходныя статьи княжескаго хозяйства и были сопряжены съ извѣстными пошлинами въ пользу правительства и его агентовъ. Такъ произошли всѣ тѣ пошлины судебныя, торговыя, свадебныя и другiя, какiя поступали въ княжескую казну удѣльнаго времени. На такомъ строѣ удѣльныхъ княжествъ развилась и держалась удѣльная администрацiя. Часть земель княжества эксплуатировалась непосредственно самимъ княземъ, приписывалась къ его дворцу на содержанiе послѣдняго. Это область дворцоваго управленiя. Различныя части дворцоваго хозяйства поручались въ управленiе отдѣльнымъ боярамъ и слугамъ князя, иногда даже его холопамъ. Дворцовые слуги и земля управлялись дворецкимъ. Различныя угодiя на княжескихъ земляхъ, напр., промыслы бортный, рыбный, звѣриный, вѣдались особыми дворцовыми сановниками, — чашникомъ, стольникомъ, ловчимъ и т. д. Такъ при дворцѣ сложилась цѣлая система административныхъ вѣдомствъ, которыя всѣ имѣли хозяйственное происхожденiе и назначенiе. Люди, которымъ поручались эти вѣдомства, назывались въ актахъ удѣльнаго времени «боярами введенными». Эти бояре, главные управители дворцовыхъ или центральныхъ вѣдомствъ,—тоже самое, что ministoriales palatii domini regis при средневѣковыхъ короляхъ. Особенно важныя дѣла, которыя не могли быть рѣшены отдѣльными боярами введенными, или которые касались

не одного, а нѣсколькихъ вѣдомствъ, восходили къ самому князю и рѣшались имъ вмѣстѣ съ тѣми боярами, вѣдомства которыхъ они касались. Это и есть княжеская дума удѣльнаго времени, совѣтъ бояръ при князѣ. Таково было устройство центральнаго правительства въ удѣльное время, состоявшаго изъ отдѣльныхъ дворцовыхъ вѣдомствъ и изъ боярскаго совѣта, измѣнчиваго по составу, составлявшагося особо для каждаго дѣла изъ двухъ, трехъ или болѣе бояръ.

Всѣ земли, не приписанныя къ княжеству дворцу, т. е. земли частныхъ владѣльцевъ и черныхъ крестьянъ, предоставлены были мѣстной администраціи. Областное управленіе сосредоточивали въ своихъ рукахъ намѣстники и волостели. Значительныя княжества дѣлились на административные округа, назвав. уѣздами. Уѣздъ не былъ административнымъ округомъ въ нашемъ смыслѣ слова подчиненнымъ одной власти съ ея орудіями. Волостели, управлявшіе сельскими волостями, не были такими административными орудіями намѣстника, кк. начальники всего уѣзда. Уѣздъ состоялъ собственно изъ города и сельскихъ обществъ, которыя назывались волостями. Намѣстникъ правилъ городомъ и ближайшими къ нему округами сельскими, которые въ отличіе отъ прочихъ волостей назывались станами. Станъ, также сельская волость, только пригородная и потому приписанная къ округу намѣстника. Каждая сельская волость, входившая въ составъ уѣзда, управлялась своимъ волостелемъ, который обыкновенно ни въ чемъ не зависѣлъ отъ городского намѣстника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣднему принадлежала лишь высшая юрисдикція по уголовнымъ дѣламъ, совершавшимся въ волостяхъ уѣзда. Намѣстники и волостели правили съ помощью подчиненныхъ имъ орудій, тіуновъ, творившихъ судъ подъ именемъ доводчиковъ и праветчиковъ, которые вызывали тяжущихся на судъ, правили съ нихъ пени и пошлины, отдавали ихъ на поруки и т. п. Тіуны, доводчики и праветчики не были государственными чиновниками; обыкновенно они были дворовые люди или холопы намѣстниковъ и волостелей. Намѣстникъ, кк. и волостель былъ по характеру своему собственно правительственнымъ арендаторомъ князя; онъ снималъ на извѣстныхъ условіяхъ доходы княжества въ извѣстномъ административномъ округѣ. Даже самыя условія этой правительственной аренды напоминаютъ условія поземельныхъ контрактовъ того времени. Въ старину земля отдавалась въ аренду обыкновенно «исполу», т. е. изъ половины урожая, почему крестьянинъ древней Руси на сѣверѣ и назывался половникомъ даже тогда, когда по условіямъ аренды платилъ менѣе 50% волового дохода. И областной управитель удѣльнаго времени снималъ у князя округъ «исполу», изъ половины доходовъ; на это прямо указываетъ духовная великаго князя московскаго Симеона, гдѣ мы читаемъ, что если кто изъ бояръ князя станетъ служить его княгинѣ и будетъ волости вѣдать, тотъ даетъ княгинѣ половину прибытка, правительственнаго дохода.

Каждый правительственный актъ намѣстника и волостеля сопряженъ былъ съ извѣстнымъ доходомъ, такъ что правительственныя отправленія имѣли значеніе не столько дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію порядка или закона, сколько дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію порядка или закона, сколько дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью извлеченіе доходовъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ должность областнаго управителя называлась кормленіемъ: послѣдній кормился въ

буквальномъ значенiи этого слова. Содержанiе его составлялось изъ кормовъ и изъ пошлинъ, какими оплачивались извѣстные правительственные акты. Кормы были 1) въѣзжiй, 2) ежегодные постоянные, именно рождественскiй (къ Рождеству) и петровскiй (къ Петрову дню). Въѣзжiй кормъ собирался при въѣздѣ управителя на кормленiе, при самомъ вступленiи его въ должность; управляемые давали управителю на въѣздъ—«кто что принесетъ». Рождественскiй и петровскiй кормы были рано опредѣлены съ большой точностью. Въ удѣльное время кормы вообще взимались натурою; такъ рождественскiй кормъ намѣстника состоялъ изъ полти мяса (половины говяжаго стяга), 10 хлѣбовъ, бочки овса и воза сѣна съ каждой сохи *). Итакъ, каждая соха платила намѣстнику опредѣленные поборы натурой. Это кормы въ собственномъ смыслѣ. Затѣмъ, намѣстникъ съ своими помощниками получалъ извѣстныя пошлины съ правительственныхъ актовъ, напр., судебныя пошлины, т. е. извѣстный процентъ съ суммы иска, или противень противъ истцова (иска), т. е. пеню, равнявшуюся суммѣ иска; далѣе, въ пользу намѣстника шли торговыя пошлины, налоги на продаваемые товары, пошлины свадебныя, взимавшiяся при выдачѣ замужъ обывательницы въ предѣлахъ округа или за его границы: въ первомъ случаѣ намѣстникъ бралъ свадебный убрусъ (платокъ), во второмъ выводную куницу (мѣхъ).

2) Перемѣна въ центральномъ управленiи съ половины XV вѣка. Таково было устройство центральнаго и областного управленiя въ удѣльное время. Съ расширенiемъ Московскаго княжества, съ превращенiемъ его въ Великорусское государство, усложнившiяся задачи администрацiи должны были измѣнить удѣльное управленiе какъ въ центрѣ, такъ и въ провинцiи.

Въ центрѣ старинныя вѣдомства, по которымъ были распредѣлены разныя части дворцоваго хозяйства превратились въ учрежденiя, назыв. приказами. Вѣдомства удѣльнаго времени были единичными порученiями, управлялись тѣмъ или другимъ лицомъ, которому князь «приказывалъ» извѣстную отрасль дворцовой администрацiи. Теперь эти единоличныя порученiя замѣнялись Приказами, поставленными сложными присутственными мѣстами. Такъ совершился переходъ отъ управленiя посредствомъ лицъ къ управленiю посредствомъ постоянныхъ учрежденiй. Появленiе Приказовъ не было рѣзкимъ переходомъ управленiя отъ одного порядка къ другому. Приказы были постепеннымъ развитiемъ, осложненiемъ дворцовыхъ вѣдомствъ, единоличнымъ порученiй удѣльнаго времени. Въ началѣ XIV в., при несложномъ княжескомъ хозяйствѣ, для управленiя извѣстною его отраслью достаточно было одного лица. Съ расширенiемъ Московскаго княжества, съ усложненiемъ письменнаго производства, тому и другому боярину введенному сталъ нуженъ дьякъ съ подъячили, иногда товарищъ для совмѣстнаго рѣшенiя дѣлъ. Какъ скоро при бояринѣ

*) Соха—платежная единица удѣльнаго времени, перешедшая въ Московское государство; подъ нею разумѣлось въ городѣ извѣстное количество жилыхъ дворовъ, въ извѣстное пространство тяглой земли. И та, и другая соха разнообразились по мѣсту и по времени, равно какъ и по качеству земли и городскихъ дворовъ. Впослѣдствiи въ Московскомъ государствѣ сельская соха всего чаще содержала въ себѣ 1200 дес. доброй земли, 1500 дес. средней и 1800 дес. худой.

введенномъ являлась цѣлая канцелярія, съ этой минуты являлся и Приказъ какъ постоянное правительственное мѣсто.

Одновременно съ превращеніемъ дворцовыхъ удѣльныхъ вѣдомствъ въ Приказы возникло большое количество Приказовъ, для которыхъ въ удѣльное время не существовало соотвѣтствующихъ вѣдомствъ. Эти Приказы всѣ были вызваны усложненіемъ государственной администраціи, появленіемъ такихъ правительственныхъ задачъ, которыя не укладывались въ тѣсныя рамки дворцоваго хозяйства. Эти Приказы, одинъ за другимъ, возникли по мѣрѣ накопленія такихъ задачъ въ XV—XVI вв. Высшая уголовная юрисдикція изъята была постепенно изъ вѣдомства областныхъ управителей, и для нея создано было и особое центральное учрежденіе «разбойный Приказъ». Точно также намѣстники и волостели были лишены права вершать дѣла о холопствѣ, для которыхъ учрежденъ былъ особый холопскій Приказъ. Уже до конца XIV ст. въ актахъ мы можемъ собрать извѣстія болѣе чѣмъ о 30 Приказахъ.

Такъ какъ вѣдомства Приказовъ опредѣлялись случайно, по требованію минуты, то они были распредѣлены чрезвычайно запутано и неправильно на нашъ административный взглядъ, привыкшій къ строгой регкаментаціи и точному опредѣленію дѣла по существу. Благодаря такому распредѣленію административныхъ дѣлъ, очень трудно сгруппировать Приказы въ какіе-либо разряды. Можно лишь сказать, что одни изъ нихъ дѣлали извѣстнаго рода дѣла на пространствѣ всего государства, другіе всякія, точнѣе—разныя дѣла, но только въ извѣстной области. Къ первому разряду относятсо важнѣйшіе изъ Приказовъ: посольскій, вѣдавшій иностранныя дѣла; разрядный, вѣдавшій всѣ воинскія дѣла, слѣдовательно, управлявшіи служилымъ классомъ; помѣстный, управляющій вотчинами и помѣстьями, служилыми землями; разбойный; холопій и другіе. Къ Приказамъ мѣстнаго характера можно отнести казанскій дворецъ, управляющій бывшимъ Казанскимъ царствомъ и другими близкими къ нему землями на востокѣ, сибирскій приказъ. Впрочемъ, судные областные Приказы, какими были Московскій, Владимирскій, Рязанскій, вѣдали преимущественно судъ по вотчиннымъ и по мѣстнымъ дѣламъ дворянства въ извѣстныхъ областяхъ, т. е. соединяли въ себѣ черты того и другого разряда Приказовъ.

Итакъ съ образованіемъ государства усложнилось центральное управленіе. Вмѣстѣ съ этимъ долженъ былъ измѣниться строй и характеръ высшаго правительственнаго учрежденія, руководившаго отдѣльными вѣдомствами—государевой боярской думы. Дума, составлявшаяся въ удѣльное время изъ тѣхъ или другихъ бояръ введенныхъ, теперь также стала сложнымъ и постояннымъ учрежденіемъ съ опредѣленнымъ вѣдомствомъ и составомъ. Она теперь утратила даже свой прежній, исключительно боярскій характеръ. Въ XVI в. въ нее вошли рядомъ съ людьми высшихъ боярскихъ чиновъ, боярами и окольничьими, также представители небоярскаго класса дворянъ, такъ назыв. думные дворяне, не принадлежавшіе обыкновенно къ первостепенной знати. Эти думные дворяне, или дѣти боярскіе, «что въ Думѣ живутъ», появляются въ ней впервые, насколько можно судить по сохранившимся извѣстіямъ, въ правленіе великой княгини Елены. въ малолѣтство Грознаго. Кромѣ того, въ Думѣ присутствовали дум-

ные дьяки, государственные секретари и докладчики. Дума состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ: но большинство членовъ, являвшихся на ея ежедневныя засѣданія, обыкновенно состояло изъ начальниковъ отдѣльныхъ Приказовъ. Самые думные дьяки не были спеціальными секретарями Думы, а управляли каждый извѣстнымъ Приказомъ; чаще всего это были главные дьяки приказовъ Посольскаго, Помѣстнаго, и Разряднаго, иногда также Казанскаго Дворца, такъ что думныхъ дьяковъ было трое или четверо. Такъ какъ дьяки были государственными секретарями и докладчиками, то ихъ Приказы имѣли значеніе отдѣльной канцеляріи государевой Думы. Вотъ почему у послѣдней не было особой канцеляріи: ея приговоры записывались дьяками, присутствовавшими въ Думѣ и черезъ нихъ сообщались подчиненнымъ учрежденіямъ. Все это сообщало Боярской Думѣ характеръ Совѣта министровъ.

Дума имѣла очень обширный кругъ дѣлъ судебныхъ и административныхъ, но преимущественно это было законодательное учрежденіе. Каждый новый законъ исходилъ изъ Думы съ обыной помѣтой: «Государь приказалъ и бояре приговорили». Это законодательное значеніе Думы указано въ Судебникѣ 1550 г., одна статья которая гласитъ: „А которыя будутъ дѣла новыя, а въ семъ Судебникѣ не писаны и какъ тѣ дѣла съ государева докладу (или указу) и со всѣхъ бояръ приговору вершаться и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати". Всѣ дополнительные къ Судебнику указы собственно были приговорами Думы. Далѣе, Дума имѣла контроль надъ областнымъ управленіемъ, равно какъ и руководила дѣйствіями Приказовъ. Она же рѣшала въ качествѣ высшей инстанціи множество судебныхъ дѣлъ. Члены Думы собирались на засѣданіе во дворцѣ рано по утрамъ. Государь часто самъ предсѣдательствовалъ на совѣтѣ бояръ; но если бояре, засѣдая безъ государя, находили возможнымъ рѣшить предложенный имъ законодательный вопросъ, то ихъ приговоръ обыкновенно получалъ силу закона, не восходя къ государю на утвержденіе. Иногда, въ особо важныхъ случаяхъ, обыкновенный составъ Думы расширялся, и въ нее входилъ правительственный элементъ сторонній—глава церковной іерархіи съ высшимъ духовенствомъ. Такія засѣданія Думы назывались соборами, которые слѣдуетъ отличать отъ Земскихъ соборовъ. Такъ измѣнилось центральное управленіе въ Московскомъ государствѣ.

3. Перемѣны въ областномъ управленіи съ половины XV в. Какъ центральное управленіе въ Московскомъ государствѣ постепенно вышло изъ тѣсной сферы княжескаго дворцоваго хозяйства, такъ и управленіе областное постепенно теряло характеръ правительственной аренды, или кормленія. Въ этомъ состояла перемѣна, совершившаяся въ продолженіе XV и XVI вв. въ областной администраціи. Мы можемъ отмѣтить три момента въ ходѣ этого переустройства.

Первымъ моментомъ было *точное опредѣленіе правъ и отвѣтственности областныхъ управителей.* Со второй половины XV ст. центральное правительство начинаетъ прежде всего точнѣе опредѣлять порядокъ кормленія и, опредѣливъ его, ограничиваетъ произволъ кормленщиковъ. Это началось переложеніемъ натуральныхъ поборовъ на денежные. Именно, въ уставныхъ грамотахъ второй половины XV в., какія давались отдѣльнымъ округамъ, намѣстничьи и волостелины

кормы уже положены на деньги. Такъ за рождественскій кормъ намѣстникъ получалъ теперь вмѣсто десяти хлѣбовъ — десять денегъ, вмѣсто воза сѣна—два алтына и т. д. Далѣе, запрещено было теперь намѣстникамъ и волостелямъ съ ихъ людьми самимъ собирать свои кормы; это поручено было выборнымъ отъ обществъ, сотскимъ въ городахъ и станахъ, старостамъ — въ прочихъ сельскихъ волостяхъ. Намѣстнику указывалось, сколько онъ долженъ держать тіуновъ и доводчиковъ, и какъ они должны кормиться. Съ теченіемъ времени стали опредѣленными и самые сроки кормленія. Въ XVI ст. московское правительство стремилось, повидимому, сокращать ихъ; такъ по Судебнику 1550 г. кормленщикъ занимаетъ должность не долѣе года, хотя, впрочемъ, встрѣчаются случаи кормленія двухлѣтнихъ и трехлѣтнихъ. Наконецъ, опредѣленъ былъ порядокъ принесенія жалобъ на намѣстниковъ и волостелей съ ихъ правительственными помощниками. По Судебникамъ обыватели сами назначаютъ срокъ, въ который намѣстникъ или его человѣкъ долженъ стать на судъ передъ великимъ княземъ, т. е. отвѣчать на обвиненіе передъ государевой Думой. Этотъ срокъ долженъ быть назначенъ, когда намѣстникъ съѣдетъ уже съ кормленія.

Вторымъ моментомъ указаннаго процесса было *подчиненіе областного управителя извѣстному надзору и вмѣстѣ стѣсненіе сферы его власти*, изъятіе его дѣлъ изъ его компетенціи. Это стѣсненіе вводилось путемъ двойного контроля, сверху и снизу. Контроль сверху выражался въ докладѣ. Такъ называлось перенесеніе дѣла изъ низшаго учреженія въ высшее для его окончательнаго рѣшенія—вершенія, говоря языкомъ того времени. Въ низшемъ областномъ учрежденіи только вчинялось дѣло, но окончательный приговоръ произносился высшимъ центральнымъ учрежденіемъ, при чемъ, разумѣется, пересматривалось и все дѣло, какъ его велъ областной управитель. Въ продолженіе XV и XVI вв. все большее количество дѣлъ идетъ отъ областныхъ кормленщиковъ въ центральныя учрежденія на докладъ. Во второй половинѣ XV ст. по первому Судебнику, ограничена была власть лишь нѣкоторыхъ изъ областныхъ управителей. Они обязаны были посылать на докладъ нѣкоторыя дѣла о холопствѣ и важнѣйшія уголовныя дѣла о разбоѣ, татьбѣ, душегубствѣ. По второму Судебнику это ограниченіе распространено было на всѣхъ намѣстниковъ и волостелей. Точно также уже съ половины XV в. едва ли не большая часть поземельныхъ дѣлъ рѣшается въ центрѣ, а не въ провинціи.

Съ другой стороны судебныя дѣйствія намѣстниковъ и волостелей подчинены были надзору представителей мѣстныхъ обществъ. Сохранившіеся акты удѣльнаго времени изображаютъ дѣятельность лишь органовъ княжеской власти, какими были въ мѣстномъ управленіи намѣстники и волостели. Но едва замѣтно мелькаетъ въ грамотахъ другой рядъ мѣстныхъ учрежденій, въ которыхъ выражалась самодѣятельность мѣстныхъ обществъ. Города и пригородные станы выбирали своихъ сотскихъ, сельскія волости—своихъ старостъ. По уцѣлѣвшимъ актамъ удѣльнаго времени трудно сказать, каково было значеніе этихъ земскихъ властей, но онѣ, повидимому, существовали всюду. Вѣроятно имъ были предоставлены мѣстныя хозяйственныя дѣла обществъ. Въ концѣ XV ст. имъ уже принадлежала раскладка казенныхъ

податей. Уставныя грамоты этого времени возлагаютъ на нихъ сборъ намѣстничьихъ и волостелевыхъ кормовъ. При старостахъ являются выборные окладчики, которые сидѣли «у земскаго размета», раскладывали подати и повинности. Но, повидимому, до конца XV в. они не имѣли никакого судебнаго значенія, ниособой юрисдикціи, ни даже участія въ судѣ областныхъ управителей. Съ конца XV ст. земскія учрежденія постепенно развиваются и принимаютъ все болѣе дѣятельное участіе въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Прежде всего выборныя земскія власти вводятся въ судъ намѣстниковъ и волостелей. По первому Судебнику и Уставнымъ грамотамъ того времени намѣстникамъ и волостелямъ запрещено было судить безъ сотскихъ, старостъ и „добрыхъ людей". Участіе этихъ земскихъ представителей въ судѣ первоначально было страдательноне; они только присутствовали на судѣ, какъ его свидѣтели. Если дѣло шло на докладъ въ высшую инстанцію, и одна сторона оспаривала правильность «суднаго списка» (судебнаго протокола), то старосты и добрые люди призывались засвидѣтельствовать, такъ ли шелъ судъ, какъ то записано въ спискѣ. Добрые люди выбирались особо для каждаго дѣла, какъ понятые. Въ XVI ст. они превращаются въ постоянное учрежденіе, первоначально въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, потомъ и повсюду; по Судебнику 1550 г. въ судѣ областныхъ управителей присутствуютъ обязательно выборные земскіе старосты съ постоянными засѣдателями цѣловальниками. Теперь и значеніе ихъ расширилось, они стали принимать болѣе дѣятельное участіе въ судѣ. Когда доводчики отдавали обвиняемаго на поруки и при этомъ не находили поручителей, то они не могли ковать его въ желѣзо, не явивъ старостамъ и цѣловальникамъ; въ противномъ случаѣ послѣдніе могли освободить арестованнаго. Итакъ теперь мѣстныя власти являются въ областномъ судѣ не простыми ассистентами при намѣстникѣ или волостелѣ, но и земскими поручителями, Такъ съ двухъ сторонъ подвергалась надзору и стѣсненію власть удѣльныхъ кормленій.

4. Земскія учрежденія въ царствованіе Іоанна Грознаго. Уже въ первой половинѣ XVI ст. обозначается *третій моментъ въ переустройствѣ областного управленія*; *онъ состоялъ въ попыткѣ замѣнить власть кормленщиковъ выборными земскими властями.* Эта замѣна также совершалась постепенно, и изъ нея развилась цѣлая система земскаго самоуправленія. Прежде всего была сдѣлана попытка предоставить земскимъ обществамъ земскую полицію. До Ивана IV намѣстники и волостели вѣдали и уголовныя дѣла, сначала безъ доклада, потомъ перенося важнѣйшія изъ нихъ на докладъ въ центральныя учрежденія. Наиболѣе тяжкія уголовныя преступленія, «лихія дѣла». татьба съ поличнымъ, разбой и душегубство, были для намѣстника самою доходною судебною статьею, и потому личный интересъ областнаго управителя побуждалъ его преслѣдовать такія преступленія. Но, карая за нихъ, областной кормленщикъ не имѣлъ ни средствъ, ни побужденія предупреждать ихъ, лишая себя тѣмъ самымъ дохода. Между тѣмъ успѣхи государственнаго порядка возбуждали потребность въ предупредительной полиціи. Намѣстники и волостели не годились для этого. Правительство посылало сначала въ области сыщиковъ для преслѣдованія „лихихъ людей"; но эти сыщики, дѣйствуя съ помощью мѣстныхъ обществъ,

ложились на нихъ новымъ бременемъ, притѣсняли обывателей. Потому правительство пришло къ мысли поручить уголовную полицію самимъ мѣстнымъ обществамъ. Въ малолѣтство Грознаго, во время правленія Шуйскаго, съ 1539 г. правительство начало давать городскимъ и сельскимъ обществамъ такъ назыв. «губныя грамоты», предоставлявшія имъ преслѣдованіе, поимку и даже казнь лихихъ людей—душегубцевъ, разбойниковъ и татей. Сначала это преслѣдованіе поручалось прежнимъ земскимъ властямъ—старостамъ и сотскимъ; потомъ общества стали выбирать особыхъ губныхъ старостъ съ цѣловальниками. Каждый округъ дѣлился на полицейскіе участки, съ подраздѣленіями на полусотни и десятки съ выборными полицейскими чинами,—сотскими, полусотскими и десятскими. Это были исполнительныя орудія губного старосты съ его цѣловальниками Въ XVII в. выработался одинъ губной староста на весь уѣздъ. Поимка и преслѣдованіе лихихъ людей, возлагалась на общества, какъ обязанность; общества не только выбирали губныхъ старостъ, но и отвѣчали за нихъ. Если въ округѣ совершалось лихое дѣло, то за него отвѣчали всѣ обыватели, уплачивая иски пострадавшихъ людей вдвое, безъ суда. Такъ мѣстные міры признаны были содѣйствовать правительству въ огражденіи общественной тишины и безопасности.

Наконецъ, около половины XVI в. правительство сдѣлало еще болѣе смѣлую попытку—замѣнить намѣстниковъ и волостелей выборными общественными властями, поручить самимъ обществамъ не только уголовную полицію, но весь уѣздъ и все управленіе. Почти извѣстно въ точности, съ какого времени началась эта полная замѣна. До насъ дошелъ указъ отъ 20-го сентября 1555 г. Здѣсь мы читаемъ, что государь для устраненія неудобства, какія обнаружились въ управленіи намѣстниковъ и волостелей, поручилъ общественныя дѣла излюбленнымъ старостамъ, а за прежніе намѣстничьи походы на города и волости указалъ положить оброки, которые должны итти на жалованіе отставнымъ областнымъ управителямъ. Жалованье выдавалось по «отечеству» и „дородству“ городовымъ (провинціальнымъ) дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ въ четвертый годъ, другимъ (высшимъ) чинамъ въ третій годъ. Съ этого именно времени служилые люди, въ дополненіе къ мѣстнымъ окладамъ, стали получать жалованье, которое было бы вознагражденіемъ служилыхъ людей за потерю княженій. Въ грамотѣ, данной волостямъ въ томъ же году (1555), замѣна намѣстниковъ и волостелей выборными властями земскими является уже общею мѣрою. Царь говорилъ, что онъ, „жалуя все крестьянство“ велѣлъ городамъ и волостямъ вмѣсто намѣстниковъ и волостей выбрать излюбленныхъ старостъ, «которыхъ себѣ крестьяне межъ собою излюбятъ и выберутъ всею землею, которые умѣли бы и разсудить въ правду безпосульно и безволокитно, и собирали бы оброкъ для доставленія въ государеву казну». По отдѣльнымъ актамъ видно, что земскіе старосты вводились по мѣстамъ еще ранѣе 1555 года.

Замѣна намѣстниковъ и волостелей земскими старостами совершалась по просьбѣ самихъ обществъ, и далеко не всѣ общества воспользовались новымъ правомъ, которое покупалось новою повинностью, оброкомъ на жалованіе отставнымъ служилымъ людямъ. Вотъ почему земское самоуправленіе въ то время получило названіе откупа, жалованныя грамоты на самоуправленіе—названіе откупныхъ. Зем-

скіе старосты съ выборными присяжными помощниками вели всѣ земскія дѣла подъ личною отвѣтственностью и мірской порукой; недобросовѣстное исполненіе обязанностей преслѣдовалось смертной казнью и конфискаціею имущества, которое шло пострадавшимъ отъ недобросовѣстности истцамъ и тѣмъ, кто на нихъ «доведетъ». Весь міръ, выбиравшій старосту и цѣловальниковъ, отвѣчалъ за ихъ дѣятельность, за добросовѣстный судъ и исправный сборъ повинностей. Въ 1556 г. въ Новгородской области сборъ государственныхъ повинностей порученъ былъ самому земству. Для этого велѣно было всѣмъ сословіямъ въ каждой пятинѣ выбрать по одному сыну боярскому и по три—четыре человѣка лучшихъ людей, да въ каждомъ погостѣ по одному человѣку, и эти выборные старосты должны были подъ личною и общественною отвѣтственностью собирать и доставлять новгородскимъ дьякамъ казенныя подати. Дьяки отвѣчали за сборъ передъ центральнымъ правительствомъ, а выборные—передъ дьяками. Отсюда можно понять политическое значеніе этого самоуправленія.

Разсматривая кругъ дѣлъ земскихъ старостъ, мы видимъ, что эти дѣла не мѣстныя земскія, а чисто государственныя, которыя прежде вѣдались мѣстными органами центральнаго правительства. Сущность земскаго самоуправленія состояла не столько въ правѣ обществъ вѣдать свои мѣстныя земскія дѣла, сколько въ обязанности исполнять извѣстныя общегосударственныя приказныя дѣла, выбирать изъ своей среды людей къ «государеву дѣлу». Это былъ новый видъ государственной службы; земское самоуправленіе являлось лишь орудіемъ центральной администраціи. Всего лучше этотъ характеръ самоуправленія, какъ новой земской повинности, выражается въ участіи, предоставленномъ обществамъ, въ финансовомъ управленіи. Различныя казенныя статьи—таможни, кабаки, казенныя рыбныя ловли,—отдавались «на вѣру»; для этого общества выбирали вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ, которымъ правительство довѣряло подъ присягой сборъ доходовъ съ этихъ статей, обезпечивая себѣ исправность этихъ сборовъ отвѣтственностью личною или всего общества. Если голова или цѣловальникъ не добиралъ положенной суммы казеннаго сбора, онъ долженъ былъ доплатить недоборъ изъ собственныхъ средствъ; при его несостоятельности за него платили его избиратели.

Итакъ, земское самоуправленіе было слѣдствіемъ обнаруживавшейся при новыхъ государственныхъ задачахъ недостаточности или невыгодности прежнихъ правительственныхъ учрежденій для исполненія этихъ задачъ. На помощь центральному правительству призвано было земство, которое дѣйствовало, связанное круговымъ поручительствомъ. Если мы сопоставимъ такой характеръ земскаго самоуправленія съ изученнымъ уже нами устройствомъ общественныхъ классовъ, то найдется тѣсное соотвѣтствіе между административными и общественными перемѣнами, совершившимися въ XV—XVI вв. Правительство распредѣлило государственныя службы и повинности между различными классами общества, и по характеру этихъ службъ каждый классъ общества получалъ свое участіе въ мѣстномъ управленіи на основаніи круговой поруку, которая шла снизу, съ самыхъ мелкихъ обществъ, до верху управленія. Эта разверстка государственныхъ службъ между классами завершилась въ половинѣ XVI в. Въ этомъ надобно искать объясненія того явленія, почему именно съ половины

XVI ст. правительство созываетъ Земскіе соборы. Первый изъ нихъ былъ созванъ изъ представителей всѣхъ чиновъ государства, т. е. всѣхъ его служилыхъ разрядовъ въ 20-ый годъ жизни Ивана Грознаго, слѣдовательно, въ 1549-50 году. Вѣроятно это былъ соборъ, которому прочитанъ былъ новый Судебникъ. Земскій соборъ составлялся изъ тѣхъ чиновъ государства, на которые положены были разныя государственныя службы и повинности. Отсюда мы можемъ понять значеніе Земскаго собора. Чины, участвовавшіе въ несеніи государственныхъ тягостей, призывались центральнымъ правительствомъ, чтобы обсудить общегосударственное дѣло, и принявъ извѣстное рѣшеніе, обязаться нести налагаемыя имъ тягости. Это лишь высшая форма всенародной круговой поруки, на которой было основано все управленіе въ московскомъ государствѣ.

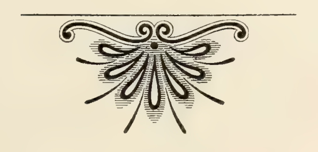
Этимъ я заканчиваю обзоръ устройства Московскаго государства въ томъ видѣ, какъ оно сложилось къ концу XVI в. Это государство складывалось медленно и трудно и въ томъ видѣ, какой оно приняло къ концу XVI ст., ему нельзя отказать въ нѣкоторой своеобразности. Когда мы приступаемъ въ оцѣнкѣ государственнаго порядка, мы прежде всего спрашиваемъ, есть ли это централизація, или порядокъ, основанный на мѣстномъ самоуправленіи. Московское государство XVI в. не подходило ни подъ то, ни подъ другое опредѣленіе. Въ немъ видимъ и строгую централизацію, и самодѣятельность мѣстныхъ обществъ съ обширнымъ кругомъ дѣлъ; но эта мѣстная самодѣятельность была только орудіемъ централизаціи.

Конецъ первой части.

Русская

Исторія

ТОМЪ II.



1907 г.

ОГЛАЛЕНІЕ II части.

Четвертый періодъ.

Введеніе.

1.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ

(1613 — 1855 г.)

Я остановился на концѣ XVI столѣтія, изобразивъ устройство Московскаго государства, какъ оно сложилось къ концу этого столѣтія. Я напомню вамъ общія черты этого устройства. Политическія формы въ нашей исторіи складывались въ тѣсной связи съ географическимъ размѣщеніемъ населенія. Московское государство было создано великорусскимъ населеніемъ, сосредоточившимся въ самой срединѣ нашей равнины, въ гидрографическомъ ея узлѣ, на верхней Волгѣ. Въ этомъ Московскомъ государствѣ соединилось подъ властью московскаго государя, одного изъ прежнихъ удѣльныхъ князей, великорусское племя, сложившееся путемъ колонизаціи къ половинѣ XV ст. Но московскій государь не правилъ своимъ государствомъ неограничено. Въ силу обычая, онъ дѣлилъ власть со своимъ боярствомъ, составившимся изъ бывшихъ князей удѣльныхъ и ихъ бояръ. Государственный порядокъ основанъ былъ на принудительной разверсткѣ государственныхъ повинностей между всѣми классами русскаго общества. Однако при этой разверсткѣ крестьянскій трудъ, бывшій главной экономической силой страны, оставался, по закону, еще свободнымъ, хотя на дѣлѣ, путемъ гражданскихъ сдѣлокъ, значительная часть этого труда попала въ кабальную зависимость отъ владѣльцевъ. Вотъ основные факты, какими обозначилось къ концу XVI ст. образованіе Московскаго или тогдашняго великорусскаго государства.

Съ начала XVII ст. до начала царствованія Александра II развивается въ нашей исторіи послѣдовательный рядъ новыхъ фактовъ, которые замѣтно отличаютъ это пространство времени отъ предшествующаго періода. Во первыхъ, на московскомъ престолѣ является новая династія. Потомъ, государственная территорія, прежде обнимавшая собою великорусское племя, теперь распространяется далеко за его предѣлы и въ большей части достигаетъ своихъ географическихъ границъ. Она вмѣщаетъ въ себѣ всю русскую равнину отъ Урала до береговъ Бѣлаго, Балтійскаго и Чернаго морей, и даже распространяется на югъ за Кавказъ, а на востокъ — далеко за Уралъ.

Во внутреннемъ устройствѣ государства измѣняется правительственный классъ, дѣйствовавшій при государѣ. Старое боярство раз-

сыпается, растворяется въ массѣ средняго дворянства, и съ нимъ вмѣстѣ исчезаютъ тѣ политическія отношенія, какія прежде, въ силу обычая или положительнаго закона, связывали верховную власть. На мѣсто боярства, во главѣ общества становится новый классъ—дворянство, составившееся большею частью изъ прежнихъ правительственныхъ служилыхъ людей. Въ XVII в. правительство начинаетъ уже править посредствомъ этого дворянства. Въ XVIII ст. это дворянство само правитъ обществомъ посредствомъ правительства. При этомъ, къ концу царствованія Петра Великаго достигаетъ наибольшаго напряженія принудительная разсверстка государственныхъ обязанностей между классами общества. При этомъ напряженіи окончательно гибнетъ и свобода крестьянскаго труда; трудъ этотъ становится крѣпостнымъ. Но, стѣсненный политически, онъ расширяется экономически; къ прежней сельскохозяйственной эксплоатаціи страны теперь присоединяется и промышленная ея разработка, къ земледѣлію присоединяется и промышленность обрабатывающая, заводскофабричная.

Таковы главные факты, характеризующіе періодъ, который предстоитъ намъ изучить. Эти факты: новая династія, новая государственная территорія, новый правительственный классъ, новый складъ экономической жизни страны. Въ этихъ фактахъ вы легко замѣтите два параллельныхъ движенія: территоріальное расширеніе идетъ въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ внутренней свободѣ; политическое положеніе народнаго труда опредѣляется въ образно-пропорціональномъ отношеніи къ его экономической производительности. Около этихъ двухъ параллельныхъ движеній очевидно, имѣющихъ между собою внутреннюю связь, и сосредоточиваются всѣ главныя историческія явленія, которыя намъ придется изучить. Новая династія появляется въ началѣ XVII ст.; другіе новые факты перемѣнъ становится замѣтнымъ позднѣе иные съ половины вѣка, другіе съ конца его. Но ихъ завязку можно наблюдать съ самаго начала дѣятельности новой династіи. Итакъ, этотъ новый періодъ нашей исторіи мы можемъ начать съ 1613 года, когда собравшіеся въ Москвѣ земскіе чины выбрали на московскій престолъ царя Михаила Θеодоровича.

Обзоръ событій смутнаго времени.

Прежде чѣмъ вступилъ на престолъ первый царь новой династіи, наше Московское государство испытало громадное потрясеніе, поколебавшее самыя прочныя его оснсванія. Это потрясеніе совершилось въ первыя годы XVII в. и извѣстно въ нашей исторіи подъ именемъ смутнаго времени. Современники называли его «великой разрухой» Московскаго госрдарства. Причины этой разрухи стали обнаруживаться тотчасъ послѣ смерти послѣдняго царя старой династіи, Θеодора Ивановича. Значитъ, смутнымъ временемъ можно назвать время отъ 1598 по 1613 годъ. Прежде чѣмъ перейти къ изученію дальнѣйшаго періода, мы должны остановиться на происхожденіи и значеніи этой смуты, откуда произошла эта смута, или эта «московская трагедія», какъ выражались о ней современники-иностранцы.

Вотъ фабула этой московской трагедіи. Въ 1581 г. царь Иванъ Васильевичъ Грозный въ одну изъ дурныхъ минутъ, какія тогда ча-

сто на него находили, прибилъ свою сноху за то, что она, находясь въ болѣзненномъ состояніи, при входѣ его не поднялась съ должной расторопностью. Мужъ ея и наслѣдникъ престола, Иванъ, вступился за жену, и вспылившій отецъ удачнымъ ударомъ желѣзнаго костыля положилъ сына на мѣстѣ. Царь Иванъ Грозный потомъ чуть было не помѣшался съ горя по сынѣ, но вслѣдствіе этого несчастнаго случая, преемникомъ его сталъ второй сынъ, царевичъ — Өеодоръ Ивановичъ.

Царь Өеодоръ.

Любопытное явленіе въ исторіи московской династіи представляетъ этотъ царь Өеодоръ Ивановичъ. Калитино племя, состроившее Московское государство, всегда отличаясь удивительнымъ умѣніемъ обрабатывать свои житейскія дѣла, страдало фамильнымъ излишкомъ заботливости о земномъ, и это самое племя блеснуло наканунѣ своей смерти полнымъ отрѣшеніемъ отъ всего земнаго, вымерло царемъ Өеодоромъ Ивановичемъ, который, по выраженію современниковъ «всю жизнь избывалъ мірской суеты и докуки; заботясь только о небесномъ». (Мороз. лѣт. Карамз. X, 155). Польскій посолъ Сапѣга такъ описываетъ намъ царя Өеодора Ивановича: «царь малъ ростомъ, довольно худощавъ, съ тихимъ, даже подобострастнымъ голосомъ, съ простодушнымъ лицомъ;умъ имѣетъ скудный или, какъ я слышалъ и замѣтилъ самъ, не имѣетъ никакого, ибо сидя на престолѣ, онъ не переставалъ улыбаться, любуясь то на свой скипетръ, то на державу». Другой современникъ, шведъ Петрей, въ своемъ описаніи Московскаго государства также замѣчаетъ, что царь Өеодоръ Ивановичъ отъ природы былъ почти лишенъ разсудка, находилъ удовольствіе только въ духовныхъ предметахъ, часто бѣгалъ по церквамъ, трезвонилъ въ колокола и слушалъ обѣдни. Отецъ горько упрекалъ его за это, говоря, что онъ похожъ не столько на царскаго, сколько на пономарскаго сына. Передъ смертью царь Иванъ Грозный торжественно призналъ этого наслѣдника неспособнымъ къ управленію государствомъ и назначилъ ему въ помощники коммиссію изъ нѣсколькихъ знатныхъ бояръ. Царь Өеодоръ Ивановичъ былъ «блаженный» на престолѣ, одинъ изъ тѣхъ нищихъ духомъ, которымъ подобаетъ царство небесное, а не земное, которыхъ церковь такъ любила заносить въ свои святцы, въ укоръ грязнымъ и матеріальнымъ помысламъ русскаго человѣка. Пользуясь такимъ свойствомъ царя, Борисъ Годуновъ, шуринъ царя, постепенно оттѣснилъ отъ царя назначенныхъ Грознымъ опекуновъ и сталъ править государствомъ «именемъ царя».

Онъ правилъ умно и осторожно, и царствованіе Өеодора Ивановича было отдыхомъ отъ погромовъ опричины. Но въ Москвѣ во время правленія Годунова ходили самые тревожные слухи. Послѣ царя Ивана Грознаго остался младшій сынъ Дмитрій, которому отецъ, по старинному московскому обычаю, далъ маленькій удѣлъ Угличъ. Въ Москвѣ разсказывали, что этотъ семилѣтній царевичъ Дмитрій—сынъ пятой вѣнчанной жены Ивана Грознаго (не говоря уже о невѣнчанныхъ), слѣдовательно царевичъ сомнительной законности, выйдетъ весь въ батюшку временъ опричины, и что этому царевичу грозитъ большая опасность со стороны тѣхъ людей, которые сами мѣтятъ на престолъ,

въ очень вѣроятномъ случаѣ безсыновной смерти царя Θеодора Ивановича.

Въ 1591 году въ Москвѣ разнеслась вѣсть, что удѣльный князь Дмитрій зарѣзанъ въ Угличѣ среди бѣлаго дня, и что граждане тотчасъ перебили убійцъ, вслѣдствіе чего стало невозможнымъ снять съ нихъ показанія. Слѣдственная коммиссія, посланная въ Угличъ изъ Москвы, постаралась, прежде всего, увѣрить себя и другихъ, что царевичъ не зарѣзанъ, но зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни. Поэтому жители Углича были строго наказаны за самоувольную расправу съ мнимыми убійцами. Патріархъ Іовъ, пріятель Годунова, имъ и возведенный два года назадъ въ санъ патріарха, объявилъ соборнѣ, что смерть царевича приключилась «волей Божій»,—и тѣмъ дѣло кончилось. Въ 1598 году умеръ царь Θеодоръ Ивановичъ. Послѣ него не осталось никого изъ прежней династіи. Итакъ, династія вымерла на, чисто, не своей смертью. Земскій соборъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха Іова, избралъ на царство бывшаго правителя, Бориса Годунова.

Борисъ Годуновъ.

Борисъ Годуновъ и на перестолѣ правилъ умно и осторожно, какъ прежде, при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ. Онъ принадлежалъ по своему происхожденію къ большому, хотя и не первостепенному боярству. Годуновы—младшая вѣтвь стариннаго и важнаго московскаго рода Сабуровыхъ, но они поднялись собственно, недавно, въ царствованіе Грознаго, и опричина, кажется, очень помогла ихъ возвышенію. Борисъ Годуновъ былъ посаженнымъ отцомъ на одной изъ многочисленныхъ свадебъ царя Ивана Грознаго во время опричины; притомъ онъ сталъ зятемъ Малюты Скуратова, такъ сказать, оберъ-полицеймейстера опричины.

Годуновъ вызвалъ своими дѣйствіями на престолѣ, въ первые годы царствованія, всеобщее одобреніе. Современные витіи кудревато писали о немъ, что онъ политикой своей, внутренней и внѣшней «зѣло преразсудительное къ народамъ мудроправство показа». Они съ восторгомъ отзывались о личныхъ качествахъ царя, земскаго избраника. Они говорили, что онъ наружностью и умомъ «всѣхъ людей превосходилъ, много похвальнаго учинилъ въ государствѣ, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ, хоть и не искусенъ въ военномъ дѣлѣ, цвѣлъ добродѣтелями, и, если бы зависть и злоба не омрачали этихъ добродѣтелей, могъ бы древнимъ царямъ уподобиться». Дѣятельность его направлена была, главнымъ образомъ, на устройство внутренняго порядка въ государствѣ. Не считая себя способнымъ къ войнѣ, царь Борисъ Годуновъ велъ нерѣшительную внѣшнюю политику. За то въ исторіи внутренняго государственнаго порядка имѣлъ удивительную отвагу. Я имѣлъ случай въ прошломъ году показать, что мысль объ установленіи крѣпостного права Борисомъ Годуновымъ есть одна изъ нашихъ историческихъ сказокъ. Напротивъ, царь Борисъ Годуновъ рѣшился на мѣру, имѣвшую упрочить благосостояніе государства, издалъ, или готовилъ указъ, который бы точно опредѣлилъ повинности и оброки крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Это —

законъ, на который не рѣшалось русское правительство въ продолженіе XVII и XVIII столѣтій.

Такъ правилъ Борисъ Годуновъ. Но съ самаго начала его царствованія въ обществѣ пошли распространяемые незримыми силами неблагопріятные толки. Говорили, что новый царь не безъ грѣха въ Углицкомъ дѣлѣ, что это онъ подослалъ убійцъ къ царевичу. До сихъ поръ не найдено никакихъ уликъ, которыя могли бы обнаружить прямое участіе Бориса Годунова въ этомъ темномъ дѣлѣ. Всего вѣроятнѣе, оно совершено безъ его вѣдома, устроено было какой-нибудь черезчуръ услужливой рукой, которая хотѣла сдѣлать угодное Борису Годунову. Потомъ стали ходить слухи, что избраніе Годунова на царство было нечисто, достигнуто полицейскими хитростями: пристава сгоняли народъ къ Новодѣвичьему монастырю, заставляя со слезами просить Годунова на престолъ, и многіе себѣ глаза слюнями мазали, чтобы имѣть видъ усердно плачущихъ и тѣмъ угодить начальству (Карамз. X, 197).

Въ 1604 году въ Москвѣ распространился слухъ, что агенты Годунова промахнулись въ Угличѣ, зарѣзавъ подставного ребенка, а настоящій царевичъ живъ и идетъ добывать родительскій престолъ. Замутились при этихъ слухахъ умы русскихъ людей, и началась смута. Царь Борисъ Годуновъ погибъ, вслѣдствіе появленія перваго самозванца, который былъ вскорѣ низвергнутъ. Его замѣнилъ Василій Шуйскій, котораго низложили дворяне съ Захаромъ Ляпуновымъ, а затѣмъ началась борьба многочисленныхъ кандидатовъ, добивавшихся московскаго престола.

Таковы событія, которыми началась Смута. Какъ видите, она вызвана была двумя внѣшними причинами: насильственнымъ и таинственнымъ прекращеніемъ старой династіи, и потомъ искусственнымъ ея возстановленіемъ съ помощью самозванцевъ. Насильственное и таинственное прекращеніе династіи было первымъ толчкомъ къ Смутѣ. Пресѣченіе династіи есть, конечно, несчастіе въ исторіи государства; нигдѣ, однако, оно не сопровождалось такими разрушительными послѣдствіями, какъ у насъ. Пресѣчется династія, выберутъ другую, и возстановится прежній порядокъ; при этомъ не появляются самозванцы, или на появившихся не обращаютъ вниманія, и они исчезаютъ сами собой. А у насъ съ легкой руки Лжедмитрія, самозванство стало хронической болѣзнью государства. Съ тѣхъ поръ чуть не до конца XVII ст. рѣдкое царствованіе проходило безъ самозванца, а въ царствоваіе Петра, за недостаткомъ таковаго, народная молва настоящаго царя превратила въ самозванца. Итакъ, ни прекращеніе династіи, ни появленіе самозванцевъ не могли бы сами по себѣ послужить причиной смуты, если бы не примѣшались сюда другія условія, которыя сообщили этимъ обстоятельствамъ такую разрушительную силу.

Происхожденіе смутнаго времени.

Чтобы объяснить происхожденіе и значеніе смутнаго времени надобно принять во вниманіе нѣкоторыя особенности, какими отличалось Московское государство въ XVI ст. Исторія западно-европейскаго государственнаго права представляетъ намъ два различныхъ типа

государства; современное европейское и средне-вѣковое. Строй, который стремиться установить себѣ первый типъ, можно обозначить такими основными чертами: одинокое и свободное лицо, участвующее въ управленіи въ мѣру тяжестей, которыя оно несетъ въ пользу государства, и несущее государственныя тяжести въ мѣру своей потребности въ тѣхъ личныхъ и имущественныхъ обезпеченіяхъ, которыя даетъ госудерство. Отсюда—всеобщая воинская повинность, подоходный налогъ, равенство личныхъ правъ, личное представительство, разверстанное по числу правоспособныхъ душъ и количеству платимыхъ ими налоговъ, при этомъ всеобщее голосованіе — таковы основныя черты современнаго европейскаго государства. Другой типъ представляетъ намъ государство средне-вѣковое. Тамъ лицо не одиноко, оно свободно и полноправно только въ составѣ свободной сословной корпораціи; каждая корпорація пользуется сословнымъ самоуправленіемъ и участвуетъ въ общемъ управленіи въ мѣру той цѣны, какую имѣютъ несомыя ею въ данное время государственныя обязанности. Отсюда — сословныя права и сословныя обязанности, сословное самоуправленіе и сословное участіе въ общемъ управленіи безъ свободы лица внѣ сословія—таковы черты средневѣковаго государства. Оба эти типа имѣютъ одну общую черту, извѣстное соотвѣтствіе между политическими правами и обязанностями личными или сословными.

Московское государство XVI ст. представляетъ иной типъ непохожій на оба указанные, и въ этомъ отношеніи есть новое явленіе въ исторіи европейскаго государственнаго права. Здѣсь нѣтъ ни свободныхъ лицъ, ни свободныхъ сословій, однако, общество не представляетъ безразличной массы рабовъ, какъ въ восточныхъ деспотіяхъ; государственный порядокъ основанъ на принудительной раскладкѣ государственныхъ повинностей между разными слоями общества; поэтому общество расчленено, дѣлится на нѣсколько классовъ, которые различаются между собою свойствами отбываемыхъ ими государственныхъ повинностей. Это не сословія, а служебные разряды; которые на старомъ московскомъ языкѣ назывались „чинами". Государственная служба, падавшая на тотъ или другой классъ, не была для всѣхъ одинакова; одна служба давала большую или меньшую власть одному классу распоряжаться другими, а другая служба оставляла извѣстному классу только обязанность повиноваться, исполнять. На одномъ классѣ лежала обязанность править, на другіе падала ратная служба, третьи несли разныя податныя обязанности. Отъ неравенства государственнаго служенія происходило неравенство общественнаго положенія разныхъ классовъ. Низшіе слои, на которыхъ лежали верхніе, разумѣется, несли на себѣ наибольшую тяжесть, и—конечно, тяготились ею; но и высшій правительственный классъ, которому государственная служба давала возможность распоряжаться другими, не видѣлъ прямого законодательнаго обезпеченія своихъ преимуществъ или выгодъ, вытекавшихъ изъ рода его службы. Высшій правительственный классъ правилъ обществомъ не въ силу своихъ правъ, а въ силу древняго обычая. Государственное право не формулировало и не обезпечивало прямымъ закономъ ничьихъ правъ, ничьего государственнаго положенія. Принудительная разверстка государственныхъ обязанностей оставляла слишкомъ мало мѣста частнымъ интересамъ, личнымъ или мѣстнымъ, принося ихъ въ жертву интересамъ государства. Значитъ, въ

Московскомъ государствѣ не было соотвѣтствія между политическими правами и обязанностями лицъ или классовъ. Такова одна особенность въ строѣ Московскаго государства XVI вѣка, соціально экономическая.

Царствованіе Ивана Грознаго съ особенной силой дало почувствовать обществу этотъ недостатокъ въ государственномъ строѣ. Произволъ Грознаго, безпричинныя казни ничѣмъ не оправдываемыя конфискаціи частныхъ имуществъ въ эпоху опричины пробудили ропотъ не только въ высшихъ слояхъ, но и въ массѣ; и въ обществѣ пробудилась смутная потребность въ законномъ обезпеченіи лица и имущества отъ произвола и капризовъ власти. Но эта потребность, вмѣстѣ съ общимъ чувствомъ тяжести государственнаго порядка, не могла бы сама по себѣ привести къ общему потрясенію государства, если бы не случилось событіе, разрушительно подѣйствовавшее на государственный порядокъ, если бы не пресѣклась династія, этотъ порядокъ установившая.

Такое разрушительное значеніе сообщила этой случайности другая особенность въ строѣ Московскаго государства—династическая. Она заключалась въ томъ своеобразномъ значеніи, какое имѣлъ въ государствѣ государь старой-династіи. Значеніе это унаслѣдовано было московскимъ государемъ XVI в. еще отъ удѣльной страны. Національное великорусское государство образовалось изъ прежняго московскаго удѣла; но такой національный характеръ сообщало ему не его политическое устройство, даже не политическое сознаніе его государей и общества, а только его новыя границы, достигнутыя посредствомъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, какія совершали Иванъ III, его сынъ и его внукъ. Политическій порядокъ и политическія понятія «государь» и «общество» въ XVI в. хранили еще въ себѣ свѣжіе слѣды удѣльнаго времени. Въ удѣльное время московскіе государи смотрѣли на принадлежавшую имъ часть русской земли, какъ на свою частную собственность; въ обывателяхъ своего удѣла видѣли не подданныхъ, не общество, интересы котораго они призваны были охранять, а только хозяйственныя статьи, которыя они должны эксплоатировать: въ служилыхъ людяхъ они видѣли военныхъ и административныхъ наемниковъ, а въ людяхъ тяглыхъ, городскихъ и сельскихъ,—арендаторовъ своей земли. Служилые и тяглые люди, съ своей стороны, видѣли въ удѣльномъ князѣ не государя, а хозяина, съ которымъ они связаны не узами подданства, не постоянными интересами общаго народнаго блага, а временными условіями частнаго договора. Значитъ, общественный порядокъ въ княжествѣ былъ построенъ болѣе на гражданскомъ, нежели на государственномъ прав удѣлъ былъ не столько политическимъ союзомъ, сколько гр скимъ обществомъ. Это гражданское право оставалось и въ основан московскаго государственнаго порядка XVI в., когда вся Великоросс собралась подъ властью московскаго государя. На объединенную под его властью великорусскую народность государь еще продолжал смотрѣть, какъ на свою частную собственность, лишь смутно начи ная понимать свои задачи, какъ блюстителя народныхъ интересовъ а она, эта великорусская народность, еще не перестала видѣть въ немъ своего хозяина, съ которымъ разныя части общества связаны не столько политическими, сколько экономическими отношеніями. Узломъ, связывавшимъ всѣ политическія отношенія, была не мысль объ

общемъ народномъ благѣ, а лицо извѣстной династіи. Въ московскихъ людяхъ XVI в. еще крѣпко держалось удѣльное воззрѣніе, что государство, въ которомъ они живутъ, есть государство московскаго царя, а не великорусскаго народа. Когда подданные, связанные съ государемъ идеей общаго блага, становятся недовольны правящей ими властью, они возстаютъ противъ нея. Когда прислуга, связанная съ хозяиномъ условіями найма, недовольна этимъ хозяиномъ, она уходитъ изъ его дома. Одна черта въ исторіи Московскаго государства сближаетъ его скорѣе съ этимъ частнымъ, домашнимъ, чѣмъ съ политическимъ союзомъ. Жители Московскаго государства до конца XV в. переживали тяжелыя минуты по винѣ своего правительства, много терпѣли отъ небрежности или произвола его орудій, но пока жила старая династія, народное недовольство ни разу не доходило до возстанія противъ правительства. Московскій народъ выработалъ особую форму политическаго протеста: люди, которые не могли ужиться съ существующими порядками, не возстали, а «брели розно», бѣжали изъ государства. Московскіе люди чувствовали себя въ своемъ государствѣ какъ будто пришельцами, случайными гостями въ чужомъ домѣ, единственнымъ хозяиномъ котораго былъ государь. Когда имъ становилось тяжело, они считали возможнымъ бѣжать отъ хозяина, но не могли освоиться съ мыслью о возможности возстать противъ него. Для нихъ были нераздѣльными понятіями не государство и государь извѣстной династіи; они могли легче представить себѣ государство безъ народа, чѣмъ государство безъ этого государя.

Пресѣченіе династіи разрывало узелъ, которымъ сдерживались всѣ политическія отношенія; что прежде переносили терпѣливо, покоряясь волѣ привычнаго хозяина, то теперь казалось невыносимымъ, когда хозяина не стало. Тогда всѣ классы общества поднялись съ своими особыми нуждами и стремленіями, стараясь облегчить и обезпечить свое положеніе въ государствѣ. Но, такъ какъ эти нужды и стремленія были до того различны и такъ противоположны одни другимъ, что было невозможно согласить ихъ между собою, то явились попытки искусственно воскресить погибшую династію. Самозванство было удобнѣйшимъ выходомъ изъ борьбы непримиримыхъ интересовъ: оно насильственно соединило подъ привычной, хотя и поддѣльной властью элементы готоваго распасться общества, между которыми стало невозможно добровольное соглашеніе.

Достаточно довольно бѣглаго обзора событій смутнаго времени, чтобы видѣть этотъ ихъ двойной источникъ, скрывавшійся въ самомъ складѣ Московскаго государства—источникъ соціально-политическій и династическій. Въ этой смутѣ послѣдовательно выступаютъ различные классы русскаго общества въ томъ порядкѣ, какъ они расположены на московской лѣстницѣ.

Выше всѣхъ классовъ стояло боярство; оно и затѣяло смуту, Годуновъ законнымъ путемъ всенароднаго избранія вступилъ на престолъ, и могъ стать основателемъ новой династіи, какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по своимъ политическимъ заслугамъ. Но, бояре, много потерпѣвшіе при Грозномъ, теперь при новомъ царѣ изъ своего круга, не хотѣли удовольствоваться простымъ обычаемъ на которомъ держалось ихъ политическое значеніе при прежней династіи и ждали отъ Бориса Годунова формальнаго обезпеченія

этого значенія, т. е. ограниченія его власти формальнымъ актомъ. Борисъ Годуновъ хорошо понималъ это, и вся затѣянная имъ комедія отказа отъ предлагаемой власти была не что иное, какъ уловка съ цѣлью уклониться отъ такого акта. Бояре молчали, ожидая, что Борисъ Ѳедоровичъ заговоритъ съ ними объ условіяхъ; Борисъ молчалъ, ожидая, что земскій соборъ выберетъ его безъ условій, Борисъ Ѳедоровичъ перемолчалъ бояръ и былъ выбранъ безъ всякихъ условій. Когда бояре увидали, что надежды ихъ обмануты, что новый царь правитъ такъ же самовластно, какъ и Иванъ Грозный, они рѣшили дѣйствовать противъ него. Борисъ Годуновъ, чуя глухой ропотъ бояръ, принялъ мѣры, чтобы охранить себя отъ ихъ козней: была сплетена сложная сѣть тайнаго полицейскаго надзора, въ которой важную роль играли холопы, доносившіе на своихъ господъ. Доносы сопровождались пытками и казнями. Эти мѣры еще болюе раздражали противъ него бояръ. Первый самозванецъ былъ ихъ произведеніемъ, и таковое его происхожденіе не было тайной для многихъ въ Москвѣ того времени, а Борисъ Ѳеодоровичъ, какъ только услыхалъ о появленіи самозванца, прямо сказалъ боярамъ, что это ихъ дѣло, что они подставили самозванца.

Первый самозванецъ правилъ умно и дѣятельно, но не усидѣлъ на престолѣ потому, что не оправдалъ боярскихъ ожиданій. Онъ дѣйствовалъ слишкомъ самостоятельно, развивалъ свои особые политическіе планы, часто трунилъ надъ боярами, и, что всего важнѣе, приближалъ къ себѣ не знатныхъ людей и иностранцевъ. Въ его царствованіе былъ отправленъ изъ Москвы въ Польшу посломъ Безобразовъ. Справивъ по чину посольство передъ королемъ и панами, онъ мигнулъ канцлеру въ знакъ того, что онъ желаетъ съ нимъ поговорить наединѣ, и подъ секретомъ сообщилъ панамъ слѣдующее: князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Василій Ивановичъ Шуйскій и другіе бояре приказали—де вамъ кланяться и сказать, что вы ихъ жестоко обманули, что у васъ просили приличнаго царя‘ а вы послали имъ человѣка низкаго и легкомысленнаго, недостойнаго занимать московскій престолъ, непристойно обращающагося съ боярами; что они не знаютъ какъ бы отдѣлаться отъ него и уже лучше желаютъ признать царемъ царевича Владислава. Первый самозванецъ, вслѣдствіе боярскаго заговора, руководителями котораго были князь Шуйскій съ братьями. князь Голицынъ, князь Куракинъ (все самыя родовитыя имена въ тогдашнемъ боярствѣ). погибъ 17-го мая 1606 года.

Наканунѣ возстанія заговорщики условились что кто изъ нихъ будетъ царемъ, тотъ долженъ править «по общему совѣту» съ боярами, не мстя за прежнія распри. На этомъ же собраніи, душой котораго былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, онъ открыто заявилъ, что призналъ Лжедимитрія царемъ только потому, чтобъ избавиться отъ Бориса. Впрочемъ, и раньше самозванство Лжедимитрія не было тайной для бояръ, и его даже не скрывали. Такъ самый близкій къ самозванцу бояринъ Басмановъ, признавался иностранцамъ, что царь— не сынъ Ивана Грознаго, но что его признаютъ царемъ потому что присягали ему и потому, что лучшаго царя теперь нельзя найти.

По низложеніи Лжедимитрія былъ избранъ на престолъ Шуйскій, но не какъ Годуновъ: безъ Земскаго собора, только большимъ боярствомъ, преданной ему толпой москвичей, которыхъ онъ поднялъ про-

тивъ Самозванца и поляковъ. Вступая на престолъ, онъ ограничилъ свою власть, и условія этого ограниченія оффиціально изложилъ въ разосланной по областямъ окружной грамотѣ, извѣщавшей объ избраніи его на царство. Грамота эта есть новый, дотолѣ небывалый актъ въ московскомъ государственномъ правѣ: она представляетъ первый опытъ построенія государственнаго порядка, основаннаго на формальномъ ограниченіи верховной власти. Впрочемъ, условія ограниченія, какъ они изложены въ грамотѣ, очень несложны: царь обязывается никого не казнить, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими; опалы виновныхъ не простирать на родню и семейства послѣднихъ, имущество ихъ не отбирать на государя. если они не участвовали въ преступленіи; доносовъ не слушать, дѣла рѣшать по розыску, ложныхъ доносчиковъ наказывать. Вотъ весь скудный запасъ политическихъ обезпеченій, выговаренной боярами у царя Василія. Изъ этой грамоты легко замѣтить политическое настроеніе этого класса при этомъ первомъ опытѣ построенія государственнаго порядка на законѣ вмѣсто прежде дѣйствовавшаго обычая. Всѣ обязательства, принятыя царемъ Василіемъ Ивановичемъ, направлены были исключительно къ ограниченію личной и имущественной безопасности подданныхъ отъ произволя сверху и, не касаясь общихъ основаній государственнаго порядка, не измѣняли, и даже не опредѣляли точнаго значенія и дѣятельности высшихъ правительственныхъ учрежденій. Царская власть ограничивалась совѣтомъ бояръ, вмѣстѣ съ которыми она дѣйствовала и прежде, но это ограниченіе связывало царя лишь по отношенію къ частнымъ лицамъ. Въ то время высшему боярству только это и нужно было. Какъ правительственный классъ, оно дѣлило власть съ государемъ въ продолженіи всего XVI в., но отдѣльныя лица его много потерпѣли отъ произвола при царѣ Иванѣ Грозномъ; теперь, пользуясь случаемъ, оно спѣшило оградить себя отъ повторенія испытанныхъ бѣдствій, будучи увѣрено, что правительственная власть и впредь останется въ его рукахъ.

Я началъ обзоръ событій смутнаго времени чтобы показать. что самымъ глубокимъ и важнѣйшимъ въ немъ движеніемъ была борьба общественныхъ классовъ. Эти классы выступаютъ въ Смутѣ послѣдовательно, начиная съ общественной вершины. Ближе всѣхъ къ престолу стояло боярство, оно и начало Смуту; оно же и подняло вопросъ о новомъ государственномъ устройствѣ. Его политическіе идеалы нашли себѣ выраженіе въ условіяхъ, какими была ограничена власть царя Василія Шуйскаго. Этотъ первый опытъ построенія государственнаго порядка на политическомъ договорѣ былъ направленъ лишь къ рѣшенію нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ. Онъ обезпечивалъ личную и имущественную безопасность подданныхъ, не касаясь всѣхъ основаній государственнаго порядка.

Но боярство, какъ правительственный классъ, въ продолженіе Смуты распалось на два слоя: отъ первостепенной знати отдѣлилось среднее боярство, къ которому примкнуло высшее московское дворянство и приказные дѣльцы—дьяки. Этотъ второй слой московскаго общества выработалъ другой, болѣе широкій, планъ государственнаго порядка, основаннаго на законѣ. Планъ этотъ отличался большей выработанностью и шире захватывалъ государственныя отношенія. Онъ былъ выраженъ въ томъ договорѣ, на какомъ Салтыковъ и его

тушинскіе товарищи согласились признать московскимъ царемъ королевича Владислава. Договоръ Салтыкова заключенъ былъ 4-го февраля 1610 г. подъ Смоленскомъ. Этотъ договоръ во-первыхъ, формулируетъ права всего московскаго народа и его отдѣльныхъ классовъ, во вторыхъ, устанавливаетъ порядокъ управленія. Впервые въ московскомъ государственномъ правѣ здѣсь обезпечиваются права подданныхъ, преимущественно высшихъ классовъ. Договоръ устанавливаетъ неприкосновенность православной вѣры, также личныхъ и имущественныхъ правъ всякаго званія людей; всѣ судятся по закону. и виновные наказываются только по суду; всѣ возвышаются по заслугамъ, а не по одной знатности происхожденія; всѣ имѣютъ право выѣзда за границу для науки. Власть царя ограничивается двумя высшими правительственными учрежденіями: Земскимъ соборомъ и Боярской думой. Земскій соборъ, составляющійся изъ представителей «всѣхъ чиновъ государства», имѣетъ учредительное значеніе; онъ вмѣстѣ съ государемъ устанавливаетъ новые основные законы, измѣняетъ старые. Боярская дума имѣетъ значеніе законодательное; съ ней вмѣстѣ государь рѣшаетъ вопросы текущаго законодательства, вопросы о налогахъ, о помѣстныхъ и вотчинныхъ дачахъ, о службѣ ратныхъ людей и т. д. Боярская дума есть и высшее судебное учрежденіе; государь вмѣстѣ съ ней рѣшаетъ всѣ важнѣйшія судебныя дѣла, напр. дѣла о политическихъ преступленіяхъ какъ и о спорныхъ наслѣдствахъ, вообще ничего не дѣлается безъ думы и приговора бояръ. Виновность преступника не падаетъ на его родню и семейство, не влечетъ за собою конфискаціи имущества у послѣднихъ, имущество преступниковъ отдается ихъ законнымъ наслѣдникамъ. Этихъ условій мы не встрѣчаемъ даже въ обязательствахъ, наложенныхъ на царя Василія Ивановича.

Черезъ нѣсколько времени по низверженіи Шуйскаго (17 августа 1610 года), договоръ Салтыкова былъ принятъ и московской знатью, съ нѣкоторыми поправками. Первостепенные бояре вычеркнули статью о возвышеніи незнатныхъ людей по заслугамъ, замѣнивъ ее новымъ условіемъ, чтобы «московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ въ чести не стѣснять и не понижать». Высшее боярство зачеркнуло бы и самую статью о правѣ московскихъ людей выѣзжать въ чужія христіанскія государства для науки: московская знать дѣйствовала консервативнѣе средняго боярства. Таковы были политическія стремленія, воспитанныя обстоятельствами и положеніемъ дѣлъ въ среднемъ служиломъ классѣ.

Вслѣдъ за боярствомъ поднялось и дворянство, высшее—столичное и низшее—провинціальное. Это дворянство, вмѣстѣ съ духовенствомъ, выбрало на престолъ Годунова на зло боярской знати. Оно очень радѣло этому царю изъ бояръ, но не за бояръ, и дружно возстало противъ Василія Шуйскаго, царя чисто боярскаго. Починъ въ возстаніи принадлежалъ, такъ называемымъ, заокскимъ городамъ, т. е., южнымъ уѣздамъ, смежнымъ со степью. Опасности окраинской жизни воспитали въ здѣшнемъ дворянствѣ боевой, отважный духъ. Движеніе поднято было дворянами Тулы, Каширы, Венева, Рязани. Послѣдняя поднялась подъ предводительствомъ потомковъ старыхъ бояръ, а теперь простыхъ провинціальныхъ дворянъ: Ляпуновыхъ и Сумбуловыхъ. Прокопій Ляпуновъ былъ истиннымъ представителемъ этого

полустепного рязанскаго дворянства. Сумбуловъ въ 1609 г. уже поднялъ возстаніе въ самой Москвѣ; мятежники кричали на старика царя, обзывая его негоднымъ человѣкомъ, блудникомъ, глупцомъ, пьяницей; они говорили, что возстали за свою братію за дворянъ и дѣтей боярскихъ, которыхъ, будто царь Василій «съ потаковниками своими, большими боярами въ воду сажаетъ и до смерти побиваетъ». Въ іюлѣ 1610 г. братъ Прокопія Ляпунова, Захаръ, съ толпою приверженцевъ, все неважныхъ дворянъ, свелъ Василія съ престола, причемъ противъ этого было духовенство и большіе бояре. Политическая программа этого провинціальнаго боярства недостаточно ясна, но, кажется, въ главныхъ пунктахъ она сходилась съ договоромъ Салтыкова.

Вслѣдъ за дворянствомъ поднялись и низшіе классы московскаго общества, черное, тяглое и нетяглое, гулящее населеніе, которое въ своемъ обращеніи къ царю обыкновенно называло себя «сиротами», какъ люди служилые въ челобитныхъ на государево имя называли себя „холопами". И этотъ „сирота" народъ принималъ живое и дѣятельное участіе въ смутѣ и участіе вполнѣ анархическое. Благодаря ему преимущественно, Смута была такъ продолжительна и сопровождалась такими разрушительными послѣдствіями. Первый поднялъ возстаніе противъ царя Василія путивльскій воевода князь Шаховской, но онъ опирался на различный сбродъ, какой находился тогда на сѣверной окраинѣ. Рядомъ съ Шаховскимъ, дѣйствовалъ бѣглый холопъ Болотниковъ вербовавшій свою шайку изъ бѣглыхъ посадскихъ людей, крестьянъ и холоповъ, и вообще изъ соціальныхъ элементовъ, лежавшихъ въ самомъ низу общественнаго склада. Сначала дѣйствуя рука объ руку съ дворянствомъ, эти слои потомъ отдѣляются отъ него и дѣйствуютъ одинаково враждебно, какъ противъ боярства, такъ и противъ дворянъ. Самая кандидатура поляка Владислава имѣла нѣкоторый успѣхъ, благодаря этому участію, принятому въ смутѣ низшими классами; это участіе измѣнило и характеръ Смуты: до тѣхъ поръ это была борьба политическая, споръ за образъ правленія, за государственное устройство; когда же поднялись и низшіе классы, смута превратилась въ соціальную борьбу, въ истребленіе высшихъ классовъ низшими. Не даромъ польскіе паны въ 1610 г. говорили на королевскомъ совѣтѣ, что теперь въ Московскомъ государствѣ простой народъ поднялся, сталъ на бояръ, что чуть не всю власть въ въ рукахъ своихъ держитъ. Всюду тогда обнаруживалось рѣзкое соціальное раздвоеніе, всякій значительный городъ сталъ ареной борьбы между низомъ и верхомъ общества; всюду лучшіе, зажиточные граждане говорили, по свидѣтельству современника, что «лучше уже служить королевичу, чѣмъ быть побитому отъ своихъ, или въ вѣчной работѣ у холопей мучиться», а низшіе люди по городамъ, вмѣстѣ съ крестьянами, бѣжали къ Тушинскому вору, «чая отъ него избавленія отъ всѣхъ бѣдъ своихъ».

Наконецъ, была еще форма, въ которой выражалось участіе простого народа, тяглаго и нетяглаго. Всего болѣе зла надѣлали въ смутѣ зазаки, которые толпами нахлынули вмѣстѣ съ польскими отрядами. Но казаки, приходившіе съ Заруцкимъ, Лисовскимъ, Сапѣгой съ береговъ Днѣпра и Дона, не принадлежали къ старому, домовитому казачеству; это были новые гости степи, бѣглые посадскіе, крестьяне и холопы изъ Московскаго государства, плоть отъ плоти и кость отъ

костей—сироты народа. Политическіе идеалы этого слоя совершенно неясны; всѣ добиваются въ Смутѣ не новаго государственнаго порядка, а выхода изъ прежняго тяжелаго положенія, всѣ добиваются личныхъ выгодъ, а не сословныхъ обезпеченій. Холопы поднимались, чтобы выйти изъ холопства; крестьяне,—чтобы освободиться отъ обязанностей, связывающихъ ихъ съ господами; посадскіе люди,—чтобы избавиться отъ посадскаго тягла и поступить въ служилые или приказные люди. Болотниковъ, собирая свою шайку, призывалъ всѣхъ, кто хотѣлъ добиться воли, богатства и чести.

Такова внутренняя связь явленій Смутнаго времени. Смута вышла изъ двойного недостатка, какимъ отличался старый—московскій государственный порядокъ, изъ недостатка соціально-политическаго и династическаго. Онъ состоялъ, во-первыхъ, въ тяжелой и неравномѣрной разверсткѣ государственныхъ тяжестей между классами общества, въ такой разверсткѣ, которая не оставляя мѣста личнымъ или сословнымъ правамъ, приносила въ жертву государству всѣ частные интересы. Во-вторыхъ, этотъ недостатокъ состоялъ въ слишкомъ тѣсной связи этого государственнаго порядка съ личностью царя извѣстной династіи. Смута вызвана была событіемъ династическимъ, прекращеніемъ династіи; но въ развитіи своемъ она стала соціально-политической борьбой, возстаніемъ однихъ общественныхъ классовъ противъ другихъ. Силы, стоявшія за царями, которые такъ быстро смѣнялись, и за кандидатами, которые боролись за царство, были — различные слои московскаго общества. Каждый классъ искалъ своего царя, или ставилъ своего кандидата на царство; эти цари и эти кандидаты были только знаменами, подъ которыми шли другъ на друга разные классы русскаго общества. Смута началась аристократическими происками боярства. Ее продолжали политическія стремленія средняго боярства и высшаго, московскаго дворянства, которые вооружались противъ олигархическихъ затѣй первостепенной знати. За среднимъ боярствомъ поднялись провинціальные дворяне, которые увлекли за собою низшіе классы, поднявшіеся во имя личныхъ льготъ. Смута завершилась вмѣшательствомъ казаковъ, которые пошли какъ противъ боярства и дворянства, такъ и противъ тяглаго и нетяглаго населенія государства. Въ первое время боярство попыталось соединить классы готоваго распасться общества во имя новаго государственнаго порядка, но этотъ порядокъ не удовлетворялъ стремленіямъ всѣхъ классовъ. Тогда явились попытки соединить ихъ во имя лица, воскресивъ искусственно старую династію, которая прежде одна сдерживала непримиримые интересы разныхъ классовъ общества. Самозванство было выходомъ изъ борьбы этихъ непримиримыхъ интересовъ. Когда не удались и эти попытки, не оставалось никакой политической связи, которой можно было бы предотвратить распаденіе общества. Но общество не распалось, расшатался лишь государственный порядокъ. Оставались еще связи національныя и религіозныя, очень крѣпкія; онѣ и спасли общество. Вмѣшательство казаковъ съ польскими отрядами заставило враждующіе классы общества соединиться не во имя государственнаго порядка, а во имя національной и религіозной безопасности. Значитъ, Смута, начавшаяся столкновеніемъ враждебныхъ другъ другу классовъ государственнаго общества, окончилась столкновеніемъ ихъ съ элементомъ противогосударственнымъ, казацкимъ. Таковъ былъ смыслъ событій этого времени.

Слѣдствія Смуты.

Изучивъ тяжелыя потрясенія, черезъ которыя прошло московское общество отъ старой династіи къ новой, обратимся теперь къ изученію дальнѣйшаго періода нашей исторіи. Въ началѣ 1613 года собравшіеся на соборъ «всѣ чины всего государства» избрали на престолъ государя Михаила Ѳедоровича, члена старой московской боярской фамиліи. Избраніе Михаила Ѳедоровича удалось потому, что на немъ сошлись всѣ враждовавшіе дотолѣ классы общества. Это соглашеніе, можетъ быть объяснено двумя побужденіами. Прежде всего, царь Михаилъ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ фамиліи самой популярной въ московскомъ боярствѣ того времени. Романовы — недавно отдѣлившаяся вѣтвь стараго московскаго боярскаго рода Кошкиныхъ, блиставшаго уже при великихъ князьяхъ московскихъ. Въ XVI столѣтіи, со времени женитьбы царя Ивана на Натальѣ Романовой, эта фамилія стала наиболѣе любимой изо всѣхъ боярскихъ родовъ. Любопытно, что дѣдъ новаго царя, бояринъ Никита,—единственный изъ бояръ XVI в., оставившій по себѣ добрую память въ народной былинѣ. Съ другой стороны, успѣху кандидатуры Михаила Ѳедоровича помогли родственныя связи Романовыхъ. Московское общество хотѣло теперь династіи, хотя связанной со старой погибшей; а Романовы были въ свойствѣ съ московскими государями XVI вѣка. Наконецъ, боярство высшее, которое руководило выборами, клонилось на сторону Михаила Ѳеодоровича еще по одному особому побужденію: личныя качества царя, притомъ слишкомъ молодого, имѣвшаго не болѣе 16 лѣтъ, ручались боярамъ, что въ новое царствованіе не повторятся испытанія, какія ими пережиты при Грозномъ и Годуновѣ.

Изучая явленія, которыми сопровождалось воцареніе новой династіи, легко замѣтить, что они идутъ отъ двухъ главныхъ послѣдствій Смуты, отъ того двойного коренного недостатка стараго московскаго государства, который создалъ самую Смуту. Эти послѣдствія были таковы: во первыхъ, благодаря Смутѣ, прервалось старое московское политическое преданіе, на которомъ держался государственный порядокъ, во вторыхъ, Смута поставила Московское государство въ необходимость еще болѣе прежняго напрягать силы народныя для внѣшней борьбы, при меньшихъ внутреннихъ средствахъ. Изъ совокупнаго дѣйствія этихъ двухъ послѣдствій вышелъ и рядъ новыхъ политическихъ понятій, рядъ новыхъ политическихъ фактовъ, которые составляютъ содержаніе нашей исторіи въ XVII вѣкѣ. Мы должны изучить и эти новыя понятія, и эти новые политическіе факты.

Новыя политическія понятія.

Прежде всего московское общество вышло изъ смуты съ обильнымъ запасомъ новыхъ, незнакомыхъ ему прежде, политическихъ понятій. Эти понятія существенно измѣнили взглядъ общества на государя и государство. Государь, по народнымъ понятіямъ, былъ не блюститель общихъ народныхъ интересовъ государства, а хозяинъ его; государство было для него не обществомъ, а частнымъ хозяйствомъ;

единственная движущая пружина государственнаго порядка заключалась въ государевой волѣ. Но прекращеніе династіи заставило раздѣлить слитныя прежде понятія о государѣ и государствѣ. Государство много лѣтъ оставалось безъ государя, предоставленное самому себѣ. Общество было не одинъ разъ призываемо выбирать новаго государя. Такимъ образомъ, событія смутнаго времени пріучили московское общество дѣйствовать безъ государя. Среди событій смутнаго времени стала вырабатываться мысль, что граждане не пришельцы въ государствѣ, не гости въ чужомъ домѣ, не политическая случайность, какъ чувствовали себя московскіе люди XVI вѣка, но что политическая случайность есть династія. Не одинъ разъ повторявшіеся выборы царя вызвали новую мысль о народной волѣ, которая стала рядомъ, или на мѣсто прежней воли государевой. Мысль о государѣ-хозяинѣ стала отходить на задній планъ, уступая мысли о царѣ-избранникѣ народа.

Легко понять, какими важными послѣдствіями должна была сопровождаться эта глубокая перемѣна въ политическомъ міросозерцаніи общества. Уже въ продолженіи смуты встрѣчаются явленія, въ которыхъ обнаруживается этотъ переворотъ политическихъ понятій общества. Когда въ 1609 году Сумбуловъ на московской площади потребовалъ низложеніе царя, толпа гражданъ возражала, что «безъ большихъ бояръ и всего народнаго собранія, царя съ престола свести невозможно». Ту же мысль высказывалъ мятежникамъ и царь Василій Шуйскій: «зачѣмъ, вы, клятвопреступники, ворвались ко мнѣ съ такой наглостью? Если хотите убить меня, вы можете: но не можете согнать меня съ престола безъ бояръ, большихъ дворянъ, безъ совѣта всей земли». (Солов. III, стр. 240). Какъ скоро народная воля стала считаться основной пружиной государственнаго порядка, тотчасъ должны были измѣниться отношенія общества къ верховной власти: общество не только избираетъ царя, но въ иныхъ случаяхъ въ правѣ и судить его. По воцареніи Василія Шуйскаго въ Польшу поѣхалъ посломъ князь Григорій Волконскій съ дьякомъ Андреемъ Ивановымъ, чтобы оправдать передъ польскимъ правительствомъ истребленіе перваго самозванца. По оффиціальному наказу посолъ говорилъ, что московскіе люди въ правѣ были, осудя истиннымъ судомъ. наказать за злыя и богомерзскія дѣла такого царя, каковъ былъ Лжедимитрій. Посолъ сдѣлалъ еще болѣе смѣлый шагъ, развивая свои политическія воззрѣнія. Князь Григорій заявилъ, что хотя бы явился прямой, прирожденный государь, царевичъ Дмитрій, но «если его на государствѣ не похотятъ, то ему силой на государствѣ быть невозможно». У самаго князя Андрея Михайловича Курбскаго, политическаго либерала XVI в., встали бы дыбомъ волосы, если бы онъ услышалъ такую политическую ересь.

Успѣху новыхъ политическихъ понятій содѣйствовали много и перемѣны въ соціальномъ составѣ высшаго правительственнаго класса. Старые московскіе государи XVI вѣка правили съ помощью плотнаго класса боярства, привычнаго къ власти и имѣвшаго аристократическую организацію, какую ему сообщало мѣстничество. Но событія временъ опричины и Смуты разбили этотъ плотный классъ; въ XVII вѣкѣ въ рядахъ его мы видимъ много опустѣлыхъ мѣстъ. Новая династія начала свою дѣятельность съ жалкими остатками стариннаго боярства, того боярства, политическое значеніе котораго такъ хорошо выра-

зилъ родовитый его представитель, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій въ переговорахъ съ польскими комиссарами (въ началѣ царствованія Михаила); «бывали на насъ опалы отъ прежнихъ государей, но правительства съ насъ не снимали; во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ, а худыми людьми насъ не безчестили». На опустѣлыя мѣста съ начала Смуты вторгаются въ ряды боярства все новые люди, не привыкшіе къ власти, безъ политическихъ и фамильныхъ преданій. Подъ рукой новаго царя нѣтъ знатныхъ титулованныхъ фамилій, князей Пѣнковыхъ, Шуйскихъ, Холмскихъ, Микулинскихъ, нѣтъ старыхъ столбовыхъ боярскихъ фамилій Челядиныхъ, Годуновыхъ, Тучковыхъ и т. д. Вмѣсто нихъ являются лица новыхъ фамилій, непривычныхъ къ власти, о которыхъ и не знали въ XVI в., князей Черкасскихъ, Прозоровскихъ, Урусовыхъ, боярскихъ фамилій Языковыхъ, Нарышкиныхъ, Милославскихъ, Стрѣшневыхъ и т. д.

Эта перемѣна въ составѣ правительственнаго класса замѣтна была и со стороны, какъ и дома. Въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича остатокъ первостепеннаго боярства жаловался, что въ Смутное время всплыло на верхъ много самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ и молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ, «т. е. провинціальныхъ дворянъ, которымъ случайные цари и искатели царства щедро раздавали высокія званія окольничьихъ, казначеевъ и думныхъ дьяковъ». Въ 1615 году не даромъ польскіе комиссары кололи глаза московскимъ боярамъ, что «теперь по грѣхамъ на Москвѣ повелось, простые мужики, поповскіе дѣти, и мясники негодные, мимо многихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, не по пригожу, къ великимъ государственнымъ и земскимъ дѣламъ припускаются», (Солов. т. IX стр. 51). Съ перваго царствованія новой династіи эти политическіе «новики» еще успѣшнѣе пробираются наверхъ и смѣло вторгаются даже въ думу. Въ XVI вѣкѣ государь правитъ съ помощью аристократическаго класса крѣпко сплоченнаго, въ XVII вѣкѣ орудіями его власти является не классъ, а одинокія лица, предвѣстники случайныхъ людей XVIII вѣка. Эти новые люди стали живыми носителями и проповѣдниками описаннаго новаго политическаго міровоззрѣнія.

Законодательство.

Перемѣна въ политическихъ понятіяхъ сопровождалась перемѣной направленія московскаго законодательства. Прежде московское законодательство давало отвѣты только на частные текущіе вопросы, которые ставились въ государствѣ правительственной практикой, но не касались основаній государственнаго порядка; замѣной закона въ этомъ отношеніи служилъ старый, всѣмъ знакомый и всѣми признанный политическій обычай. Когда же государственныя отношенія сбились съ колеи преданія, тогда возникла потребность опредѣлить ихъ Уложеніемъ, закономъ. Въ XVII столѣтіи законодательство не ограничивается разработкою частныхъ случаевъ, но проникаетъ глубоко въ основанія государственнаго права XVII вѣка. Съ разныхъ сторонъ идутъ свидѣтельства, что первый царь новой династіи вступилъ на престолъ съ ограниченной властью, принявъ на себя нѣкоторыя политическія обязательства. Во первыхъ, одинъ современникъ-псковитя-

нинъ, составившій прекрасную повѣсть о Смутномъ времени, говоря о воцареніи Михаила Ѳеодоровича, замѣчаетъ съ прискорбіемъ, какъ „при этомъ царѣ бояре всей Русской землей обладали, царя ни во что не ставили и не боялись“. Повѣствователь прибавляетъ, что при избраніи царя Михаила Ѳеодоровича они заставили его цѣловать крестъ на томъ, чтобы никого изъ людей вельможескихъ и боярскихъ родовъ не казнить смертью за преступленія, а только ссылать въ заточеніе. Другое свидѣтельство мы получаемъ изъ вторыхъ рукъ. Извѣстный русскій историкъ прошлаго вѣка, Татищевъ, пользовавшійся историческими документами, теперь исчезнувшими, замѣчаетъ, что, хотя «избраніе царя Михаила Ѳеодоровича было произведено всенародно, однако, съ такой же записью, какая взята была съ царя Шуйскаго, черезъ что самъ онъ ничего учинить не могъ, но радъ былъ покою». Неизвѣстенъ источникъ, откуда получилъ Татищевъ эти свѣдѣнія. Третье свидѣтельство идетъ отъ человѣка, близкаго къ тому времени, притомъ близко стоявшаго къ правительственнымъ дѣламъ, отъ извѣстнаго подъячаго Посольскаго приказа, Григорія Котошихина, который бѣжалъ изъ Московскаго государства въ 1664 году, т. е. спустя 19 лѣтъ по смерти перваго царя новой династіи. Котошихинъ въ своемъ описаніи Московскаго государства, составленномъ за границею, ставитъ царя Михаила Ѳеодоровича въ ряду тѣхъ царей, которые прежде избирались на престолъ съ ограниченіемъ власти. Ограниченіе это—подобно тому, какому подвергались прежде цари, избиравшіеся на престолъ по прекращеніи прежней династіи; оно состояло, по словамъ Котошихина, въ томъ, чтобы „безъ суда и безъ вины не казнить никаго ни за что, и мыслить о всякихъ дѣлахъ съ боярами и съ думными людьми сообща, а безъ вѣдома ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать“. О томъ же царѣ Михаилѣ онъ замѣчаетъ, что, хотя онъ и „самодержцемъ писался, однако, безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлать ничего“. Къ этимъ тремъ туземнымъ свидѣтельствамъ можно прибавить одно стороннее. При Петрѣ I жилъ въ Россіи взятый въ плѣнъ подъ Полтавой шведъ, Стралленбергъ. Въ своемъ описаніи Россіи, составленномъ позднѣе, онъ пользовался воспоминаніями о XVII вѣкѣ, еще ходившими въ русскомъ обществѣ. Отсюда онъ узналъ, что царь Михаилъ, вступая на престолъ, долженъ былъ дать слѣдующія письменныя обязательства: блюсти и охранять православную вѣру, забыть прежніе фамильные счеты и недружбы, по собственному усмотрѣнію не издавать новыхъ законовъ и не измѣнять старыхъ, также не объявлять войны и не заключать мира, важныя судныя дѣла вершить по закону“ установленнымъ порядкомъ, наконецъ, свои вотчины отдать родственникамъ, либо присоединить къ коронnымъ землямъ.

Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ мы узнаемъ, что верховная власть новаго царя была ограничена боярскимъ совѣтомъ. Подлинный актъ этого ограниченія, на которомъ крестъ цѣловалъ Михаилъ, не дошелъ до насъ, исчезъ, повидимому, еще въ XVII столѣтіи, и причина этого понятна: правительственный классъ имѣлъ много побужденій отрыть этотъ договоръ; общество, испытавшее столько неудачъ въ выборахъ прежнихъ царей, относилось потомъ несочувственно къ подобнымъ актамъ. Но въ царствованіе Михаила Боярская дума не является единственнымъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ.

Это царствованіе было временемъ усиленной дѣятельности правительства совмѣстно съ Земскимъ соборомъ, и созывъ народныхъ представителей повторяется въ это время чаще, чѣмъ когда либо прежде и послѣ. Каждый важный вопросъ внѣшней и внутренней политики заставляетъ правительство обращаться къ земству, созывать представителей «всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства». По сохранившимся документамъ намъ извѣстно до десяти Земскихъ соборовъ бывшихъ въ это царствованіе, но есть неясные слѣды, указывающіе, что ихъ было больше. Земскій соборъ въ это царствованіе является съ компетенціею болѣе широкою, какой онъ не имѣлъ прежде и какой не давалъ ему договоръ Салтыкова, Земскій соборъ рѣшаетъ не только вопросы учредительнаго законодательства, но и текущіе дѣла государственнаго хозяйства, напр., о новыхъ налогахъ, что, по указанному договору, есть дѣло царя и думы. Сообразно съ приведенными извѣстіями, можно думать, что власть Михаила была ограничена на основаніи договора, ограничивавшаго власть царя Шуйскаго, т. е. законодательство и руководство управленіемъ было предоставлено Боярской думѣ; но теперь, послѣ общей разрухи, дума чувствовала себя вынужденной на каждомъ шагу обращаться къ содѣйствію земства даже по такимъ дѣламъ, которыя прежде рѣшались безъ него. Такъ подъ вліяніемъ новыхъ политическихъ понятій, вынесенныхъ изъ Смуты, въ первое царствованіе новой династіи опредѣлены были положительнымъ закономъ авторитетъ и отношенія лицъ, составлявшихъ правительство, какъ они не были опредѣлены прежде.

Царь Михаилъ съ думой и Земскимъ соборомъ дѣятельно работалъ надъ устроеніемъ государства, расшатаннаго смутой. Множество затрудненій должно было устранить правительству. Нужно было вновь строить государство, такъ какъ его основанія были поколеблены смутой. Одинъ современникъ, авторъ упомянутой повѣсти о Смутномъ времени, прямо говоритъ, что „послѣ Смуты царство вновь строиться начало“. Вотъ почему это царствованіе было временемъ и оживленной законодательной дѣятельности. Къ началу царствованія Михаилова преемника накопился уже обильный запасъ новыхъ законовъ, и почувствовалась потребность привести его въ порядокъ. Такъ явилось Уложеніе царя Алексѣя. Разберемъ бѣгло этотъ памятникъ, который пытался закрѣпить московскій государственный строй, какъ онъ сложился къ половинѣ XVII вѣка.

Мысль о составленіи Уложенія и самый починъ въ дѣлѣ принадлежитъ царю и тѣсному правительственному собору, не земскому, а состоявшему изъ Боярской думы съ участіемъ высшаго духовенства, патріарха со священнымъ соборомъ. Въ іюлѣ 1648 года здѣсь было приговорено выбрать статьи изъ правилъ св. Апостоловъ и св. отцовъ Церкви, изъ законовъ греческихъ царей, изъ московскихъ прежнихъ Судебниковъ, изъ указовъ прежнихъ государей и боярскихъ приговоровъ, а по вопросамъ, на которые не отвѣчало прежнее законодательство, составить новыя опредѣленія „по общему совѣту“. Эти послѣднія слова не означаютъ, что правительство хотѣло непосредственно обратиться къ народному представительству и вмѣстѣ съ нимъ составить Уложеніе. Составленіе проекта Уложенія поручено было не Земскому собору, а кодификаціонной комиссіи изъ пяти человѣкъ: двухъ бояръ, князей Одоевскаго и Прозровскаго, одного окольничаго, князя Вол-

конскаго, и двухъ дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова. Слѣдовательно, комиссія эта была комиссіей Боярской думы. Комиссія эта выбирала статьи изъ указанныхъ ей въ приговорѣ источниковъ, и составляла новыя. Тѣ и другія писались въ докладахъ и приносились государю, т. е. представлялись на разсмотрѣніе думы. Въ то время, какъ шла эта кодификаціонная работа, созваны были въ Москву выборные отъ всѣхъ чиновъ государства, какъ служилые, такъ и тяглые, по два и по три депутата отъ каждаго чина каждаго уѣзда. Въ октябрѣ того же 1648 года царь съ духовенствомъ и думными людьми выслушалъ и утвердилъ составленный комиссіей проектъ Уложенія, послѣ чего было велѣно прочитать его всѣмъ выборнымъ людямъ „чтобы все то Уложеніе было прочно и неподвижно“. Затѣмъ государь указалъ высшему духовенству, думнымъ и выборнымъ людямъ „приложить свои руки къ Уложенію“, скрѣпить списокъ своими подписями, послѣ чего въ началѣ 1649 года Уложеніе, составленное комиссіей, просмотрѣнное государемъ съ думою и подписанное думными и выборными людьми, было напечатано и разослано по Приказамъ и по городамъ въ воеводскія канцеляріи для того, „чтобы всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію“.

Такъ составилось Уложеніе 1649 года. Ему очевидно, нельзя приписывать вполнѣ земскаго происхожденія. Какъ и все московское законодательство, оно вышло изъ думы, было разсмотрѣно и утверждено государемъ съ думными людьми и съ высшимъ духовенствомъ, оно было сообщено выборнымъ людямъ только къ свѣдѣнію и для подписи. Ни откуда не видно, чтобы Уложеніе вызвало на соборѣ пренія, чтобы статьи его дебатировались земскими представителями, какъ бы мы теперь сказали. Однако, земское представительство не оставалось лишь страдательнымъ слушателемъ проекта, заготовленнаго безъ его вѣдома; оно принимало и дѣятельное участіе въ составленіи Уложенія, не обсуждая проекта комиссіи, оно значительно его пополнило. Какъ только собрался Земскій соборъ, депутаты обратились къ правительству съ цѣлымъ рядомъ челобитныхъ по вопросамъ, ихъ занимавшимъ и неразрѣшеннымъ въ проектѣ комиссіи. Эти челобитныя они вносили въ комиссію, которая представляла эти земскія ходатайства на разсмотрѣніе государю и думѣ. По земскимъ ходатайствамъ государь и дума «приговорили», т.-е. постановляли новые законы, которые потомъ внесены были въ Уложеніе. До сихъ поръ ученая разработка этого памятника не вскрыла всего, что въ него вошло изъ земскаго источника. Однако, изъ 963 статей, раздѣленныхъ на 25 главъ, 88 статей, несомнѣнно, внушены были челобитными, представленными отъ земскихъ выборныхъ. Такъ напр., въ XIX гл. Уложенія (о посадскихъ людяхъ, т. е. городскомъ тягломъ классѣ) 17 статей опредѣляютъ составъ посадскаго общества и его отношенія къ нетяглымъ людямъ, промышляющихъ въ городѣ. Эти 17 статей цѣликомъ заимствованы изъ земскихъ челобитныхъ. Точно также въ XVII гл. (о вотчинахъ), мы читаемъ статью 42-ую, которая запрещаетъ церковнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать вотчины. Это запрещеніе, какъ сказано въ названной статьѣ, состоялось по приговору государя съ духовенствомъ, съ думными и выборными служилыми людьми. Таково участіе земства въ составленіи Уложенія.

По мысли, положенной въ его основаніе, Уложеніе должно было

стать сводомъ прежняго московскаго права, но оно было важнымъ шагомъ впередъ въ ходѣ нашего законодательства, сравнительно со старыми Судебниками. Эти послѣднiе—простыя практическiя руководства для суда и управленiя—опредѣляютъ, главнымъ образомъ, подробности судопроизводства. Уложенiе гораздо шире охватываетъ сферу законодательства. Судебники не вскрываютъ основанiй государственнаго порядка, не указываютъ положенiя и взаимныхъ отношенiй различныхъ классовъ общества; словомъ ихъ реальное политическое и юридическое содержанiе чрезвычайно скудно. Правда, и въ Уложенiи самая большая глава (X-ая), опредѣляетъ порядокъ и подробности судопроизводства; но, не выражая прямо основанiй государственнаго порядка, оно уже даетъ ихъ видѣть, указывая дальнѣйшiя послѣдствiя, изъ нихъ вытекающiя; оно опредѣляетъ съ нѣкоторыхъ сторонъ значенiе верховной власти; положенiе и взаимныя отношенiя различныхъ классовъ общества и т. п. Уложенiе нельзя назвать кодексомъ основныхъ законовъ государства, но въ немъ мы находимъ картину государственнаго порядка въ дѣйствiи. Съ другой стороны, Уложенiе нельзя назвать и послѣднимъ словомъ стараго московскаго законодательства; въ немъ замѣтно уже присутствiе преобразовательныхъ стремленiй, оно пытается ввести въ государственное право и устройство начала, незнакомыя прежнему законодательству.

Завершая собою прежнiя законодательныя работы. Уложенiе въ то же время послужило точкой отправленiя для дальнѣйшей законодательной дѣятельности. Эта важная законодательная дѣятельность выразилась въ длинномъ рядѣ новоуказанныхъ статей и различныхъ наказовъ, которые слѣдовали за изданiемъ Уложенiя. Эти статьи и указы—не отдѣльныя законоположенiя, а часто очень развитыя спецiальныя уложенiя, или кодексы. Таковы многочисленныя статьи о помѣстномъ и вотчинномъ владѣнiи, о порядкѣ наслѣдованiя, объ уголовномъ производствѣ, объ укрѣпленiи правъ на недвижимое имущество. Скажемъ только, что это самый лучшiй и обильный матерiалъ для изученiя московскаго права въ ту эпоху, когда оно сходило со старыхъ основанiй.

Таковы два важнѣйшихъ послѣдствiя, вышедшiя изъ перерыва политическаго преданiя: перерывъ этотъ вызвалъ въ обществѣ новыя политическiя понятiя и съ помощью ихъ сообщилъ новое направленiе московскому законодательству, которое теперь уже не ограничивалось разработкой частныхъ случаевъ, подошло ближе къ основнымъ вопросамъ права и порядка, коснулось самыхъ началъ государственнаго устройства, пытаясь замѣнить пошатнувшiйся обычай положительнымъ закономъ.

Внѣшняя политика.

Мы изучали одно послѣдствiе смутнаго времени. Мы видѣли, что московское общество вышло изъ Смуты съ большимъ запасомъ новыхъ политическихъ понятiй. Въ этомъ отношенiи испытанiя, пережитыя въ Смуту, были значительнымъ успѣхомъ въ политическомъ сознанiи общества московскаго. Совсѣмъ иными послѣдствiями сопровождалась Смута для международнаго и экономическаго положенiя государства.

Внѣшнее, международное, его положеніе послѣ Смуты существенно измѣнилось, стало тяжелѣе. При царяхъ старой династіи Московское государство въ продолженіи полутора вѣка дѣйствовало наступательно— медленно, но постепенно расширяя свою территорію, собирая разсыпанныя части русской земли. Съ воцареніемъ новой династіи оно не только должно было надолго отказаться отъ дальнѣйшаго собиранія, но не могло сберечь и своихъ прежнихъ владѣній. Новая династія дурно начала: она не только должна была отказаться отъ національнаго дѣла прежнихъ царей, но растеряла многое изъ того, что отъ нихъ унаслѣдовала. Шведы оторвали у Московскаго государства важную приморскую область, старинную Водскую пятину Новгорода Великаго, съ городами Ямомъ, Копорьемъ, Орѣшкомъ и Иванъ-городомъ, а поляки отняли у Московскаго государства двѣ старинныя и коренныя русскія области, Смоленскую и Сѣверскую. Обѣ эти области были уступлены сосѣдямъ первымъ царемъ новой династіи по договорамъ Столбовскому и Деулинскому въ 1617—18 годахъ. Внѣшнее, международное, положеніе государства ухудшилось еще болѣе пренебреженіемъ, съ которымъ стали относиться къ нему сосѣди со времени Смуты. Московскіе бояре, правившіе государствомъ по низложеніи Шуйскаго, въ 1612 году писали въ своей окружной грамотѣ по городамъ: со всѣхъ сторонъ Московское государство непріятели рвутъ; у всѣхъ окрестныхъ государей мы въ позоръ и укоризну стали. Итакъ, новая династія должна была еще болѣе прежняго напрягать народныя силы, чтобы возвратить потерянное. Съ перваго царствованія она ведетъ рядъ войнъ, имѣвшихъ цѣлью отстоять то, чѣмъ она владѣла или возвратить то, что было утрачено. Но эти войны, первоначально оборонительныя, въ силу естественнаго сцѣпленія событій, незамѣтно превратились въ наступательныя.

Въ 1664 году Малороссія, возставшая противъ Польши, отдалась подъ защиту московскаго государя. Это вовлекло государство въ новую борьбу съ Польшей. Такъ возникъ новый вопросъ, малороссійскій, еще болѣе усложнившій старые счеты Москвы съ Рѣчью Посполитой. Малороссійскій вопросъ родилъ еще два столь же важныхъ, или столь же тяжелыхъ вопроса. На польской территоріи московская политика столкнулась со Швеціей. Изъ этого столкновенія вышла мысль о необходимости воротить не только старинную русскую Водскую пятину, но и завоевать Ливонію. Этотъ вопросъ о восточномъ балтійскомъ побережьи, поднимавшійся уже въ XVI вѣкѣ, а теперь возобновленный, надолго занялъ вниманіе правительства, не менѣе вопроса малороссійскаго.

Съ другой стороны, малороссійскія отношенія впервые вовлекли Московское государство въ непосредственное столкновеніе съ другой, восточной державой—Турціей, съ тѣхъ поръ какъ гетманъ Дорошенко передался на турецкую сторону. Это непосредственное столкновеніе съ Турціею тотчасъ возбудило многовѣковый вопросъ восточный, и его уже въ то время подняли тѣ же непримиримые интересы этихъ двухъ государствъ, какіе питали ожесточенную вражду между ними въ продолженіи XVIII вѣка, какіе питаютъ ее и до нашихъ дней. Въ XVI столѣтіи Московское государство покорило два магометанскихъ царства, Казанское и Астраханское. Но покоренные магометане съ надеждой и мольбой обращались къ преемнику калифовъ, къ султану турецкому, призывая его освободитъ ихъ отъ христіанскаго, москов-

скаго ига. Напротивъ, подъ властью турецкаго султана жило многочисленное населеніе, единовѣрное и единоплеменное съ московскимъ народомъ. Оно въ свою очередь съ надеждой и мольбой обращалось къ московскому государю призывая его освободить славянъ отъ магометанскаго ига. Краснорѣчивымъ выразителемъ этихъ надеждъ угнетенныхъ христіанъ и славянскихъ народовъ явился хорватъ-католикъ. Юрій Крижаничъ, который въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича пріѣхалъ въ Москву, въ столицу единственнаго славянскаго государства, которое онъ считалъ способнымъ освободить славянъ отъ внѣшняго ига. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, написанныхъ въ Россіи, Юрій Крижаничъ съ такими воодушевленными словами обращается къ царю Алексѣю Михайловичу: «тебѣ пречестный царь, выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ славянскомъ. Ты, какъ отецъ, долженъ позаботиться о собраніи разсыпанныхъ чадъ своихъ, ты царь одинъ намъ отъ Богъ, чтобы пособить задунайцамъ, чехамъ и ляхамъ, чтобы они познали свое угнетеніе отъ чужихъ, свой позоръ, чтобы начали промышлять о своемъ просвѣщеніи и сбрасывать съ шеи нѣмецкое ярмо». Тѣ же чувства и ожиданія встрѣчали московскіе дипломаты и среди христіанскаго населенія Турціи. По договору съ Польшей въ 1572 году московскіе послы поѣхали въ Константинополь отговорить султана отъ войны съ Рѣчью Посполитой. Знаменательныя вещи привезли они изъ Турціи. Проѣзжая по Молдавіи и Валахіи, они слышали такіе толки въ народѣ: «далъ бы Богъ хотя малую побѣду одержать надъ Турціей христіанамъ, и мы тотчасъ стали бы промышлять надъ невѣрными». Но въ Константинополѣ сказали московскимъ посламъ, что недавно приходили сюда послы отъ казанскихъ и астраханскихъ татаръ, и отъ башкиръ, которые просили султана принять въ свое подданство Казанское и Астраханское царство, жалуясь, что «московскіе люди, ненавидя ихъ басурманскую вѣру, многихъ изъ нихъ бьютъ до смерти и раззоряютъ безпрестанно». Султанъ велѣлъ татарамъ потерпѣть еще немного и пожаловалъ челобитчиковъ халатами.

Такимъ образомъ XVIII-й вѣкъ поставилъ московскому правительству три новыхъ вопроса: малороссійскій, балтійскій и восточный. Эти вопросы привели государство къ столкновенію съ тремя сосѣдями Польшей, Швеціей и Турціей. Благодаря имъ, съ каждымъ шагомъ усложнялась внѣшняя политика Московскаго государства. Правительство завязывало вновь и возстановляло прерванныя связи съ обширнымъ кругомъ державъ, которыя ему были нужны по его отношеніямъ къ ближайшимъ сосѣдямъ. Послы изъ Москвы ѣздили даже въ Голландію, Англію, Францію, Испанію, Персію. Съ другой стороны, теряя на западной границѣ, Московское государство пріорѣтало обширныя владѣнія на востокѣ, русская колонизація, еще въ XVI вѣкѣ перевалившая за Уралъ, въ продолженіе XVII вѣка уходитъ далѣе въ глубь Азіи и достигаетъ китайской границы, расширяя московскую территорію, уже въ половинѣ XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ, тысячъ на 70 квадратныхъ миль. Эти успѣхи колонизаціи на Востокѣ привели Московское государство къ столкновенію съ Китаемъ.

Такъ усложнялись и затруднялись внѣшнія отношенія государства. Это усложненіе внѣшней политики вызвало длинный рядъ войнъ веденныхъ государствомъ при первыхъ трехъ царяхъ новой династіи. Достаточно краткаго перечня этихъ войнъ, чтобы видѣть степень напря-

женія народныхъ силъ для внѣшней борьбы. При царѣ Михаилѣ шли двѣ войны съ Польшей и одна съ Швеціей, всѣ три кончились неудачно. Въ царствованіе Михаилова преемника шли опять двѣ войны съ Польшей, вызванныя подданствомъ Малороссіи, и одна война со Швеціей, двѣ изъ нихъ кончились опять неудачно. При царѣ Ѳеодорѣ шла тяжелая война съ Турціей, начавшаяся при его отцѣ въ 1673 году и кончившаяся безполезнымъ перемиріемъ 1681 года: западная заднѣпровская Украйна отдана была туркамъ. Если вы разсчитаете продолжительность этихъ войнъ, то увидите, что на какія-нибудь 70 лѣтъ (1613—1682) приходится до тридцати лѣтъ войны, иногда—одновременно съ нѣсколькими непріятелями.

Внутреннее состояніе государства.

Между тѣмъ болѣе тяжелыя задачи внѣшней политики новая династія должна была разрѣшать съ уменьшенными внутренними средствами. Смутное время, давшее московскому обществу такой богатый запасъ новыхъ политическихъ понятій, оставило глубокіе слѣды въ экономическомъ положеніи народа и государства. Государство было страшно раззорено, весь гражданскій порядокъ разстроился, всѣ людскія отношенія перепутались. Иностранцы, посѣщавшіе Московію, нѣсколько лѣтъ спустя, по воцаренію Михаила Ѳеодоровича, рисуютъ страшную картину опустѣлыхъ селъ и деревень, заброшенныхъ избъ, которыя наполнены были неубранными трупами. Много лѣтъ правительство должно было потратить на то, чтобы возстановить порядокъ, собрать разбѣжавшихся людей и усадить ихъ по мѣстамъ. Особенно ярко изображается экономическое положеніе народа въ поземельныхъ описяхъ (писцовыхъ книгахъ) Михаилова времени. Провинціальное дворянство составляло главную боевую силу государства; оно обороняло страну, получая необходимыя для того средства изъ своихъ вотчинъ и помѣстій. Боевая способность этого класса стояла въ прямой зависимости отъ хозяйственнаго положенія помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ. Поземельныя описи, составлявшіяся въ первой половинѣ XVII в., изображаютъ намъ бѣдственное положеніе провинціальнаго дворянства. У немногихъ провинціальныхъ дворянъ были вотчины; большинство жило доходами отъ помѣстій.

Помѣстья вообще были очень мелки; средній размѣръ помѣстья колебался около ста десятинъ (въ иныхъ уѣздахъ было нѣсколько болѣе, въ другихъ значительно менѣе). Еще нагляднѣе представится хозяйство помѣщика, когда увидимъ населенность помѣстья. Среднимъ числомъ на каждое стодесятинное помѣстье приходилось два крестьянина и бобыля, т. е. на каждаго крестьянина и бобыля приходилось около 50 десятинъ земли. Но не думайте, что весь этотъ участокъ обрабатывался крестьянами. Пахалась незначительная его доля, по одной, по двѣ, иногда по три десятины на каждаго работника за очень рѣдкимъ исключеніемъ. Сравнивая положеніе помѣстій и вотчинъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ съ состояніемъ служилаго землевладѣнія въ концѣ XVI вѣка, замѣчаемъ громадную разницу. Вообще населенность служилыхъ земель уменьшилась вдвое, въ другихъ мѣстностяхъ

гораздо болѣе. По мѣрѣ сокращенія хлѣбопашества, во всѣхъ уѣздахъ увеличивается количество порожнихъ, брошенныхъ земель.

И другую перемѣну легко замѣтить при изученіи земельныхъ описей Михаилова времени. Въ XVI вѣкѣ крестьянское населеніе распалось на два класса по имущественной собственности: на крестьянъ собственно и на бобылей, т. е. крестьянъ «маломочныхъ», пахавшихъ меньше земли или совсѣмъ безпашенныхъ. Въ XVI столѣтіи крестьянство преобладало надъ бобыльствомъ; въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича по писцовымъ книгамъ бобыли почти всюду составляютъ преобладающій численно элементъ въ составѣ сельскаго населенія. Значитъ, вслѣдствіе Смуты, вмѣстѣ съ сокращеніемъ запашки, множество крестьянъ перешло въ положеніе маломочныхъ бобылей.

Внутреннія затрудненія правительства усилились еще перемѣной, происшедшей въ нравственномъ настроеніи народа. Новая династія должна была имѣть дѣло съ инымъ обществомъ, непохожимъ на то, какимъ правили прежніе цари. Смутное время оставило глубокіе слѣды и въ нравственномъ настроеніе народа. Тревоги Смутнаго времени разрушительно подѣйствовали на политическую выправку общества; съ воцареніемъ новой династіи и въ продолженіе всего XVII вѣка всѣ общественные классы немолчно жалуются на свои бѣдствія, на злоупотребленія властей; жалуются даже на то, отъ чего страдали и прежде, но о чемъ прежде молчали. Недовольство становится господствующимъ настроеніемъ народной массы въ продолженіе всего вѣка. Изъ Смутнаго времени народъ вышелъ, повидимому, гораздо впечатлительнѣе и раздражительнѣе, чѣмъ былъ прежде, утратилъ ту политическую выносливость, какой отличался въ XVI столѣтіи, былъ далеко не прежнимъ гибкимъ и послушнымъ орудіемъ правительства. Эта перемѣна въ народномъ настроеніи выразилась въ явленіи, какого мы не видѣли въ исторіи Московскаго государства прежде. XVII вѣкъ былъ въ нашей исторіи вѣкомъ народныхъ мятежей. Это явленіе тѣмъ неожиданнѣе, что оно обнаруживается при царяхъ, которые своими личными качествами и образомъ дѣйствій, повидимому, всего менѣе могли вызвать его. Царь Алексѣй Михайловичъ по своимъ личнымъ качествамъ рѣшительно лучшій изъ нашихъ царей до XIX столѣтія, но ни въ одно царствованіе не было столько народныхъ возстаній, мелкихъ и крупныхъ, какъ въ это.

Устройство управленія.

Одновременно съ усложненіемъ внѣшнихъ задачъ, уменьшились внутреннія средства, матеріальныя и нравственныя, какими располагало правительство. Какъ оно будетъ дѣйствовать чтобы выйти изъ этого противорѣчія между средствами и задачами, чтобы собрать истощенныя силы народныя для внѣшней борьбы? Для этого прежде всего ему необходимо было пріобрѣсти единство воли и больше энергіи въ дѣйствіяхъ; отсюда—замѣтное усиленіе централизаціи въ управленіи Московскаго государства XVII вѣка. Вотъ первое явленіе, вытекшее изъ изучаемаго нами послѣдствія Смуты. Правительство стягиваетъ администрацію, централизуетъ управленіе. Стремленіе это проводится съ одинаковой силой и въ центральномъ, и въ областномъ управленіи.

Развитіе государственныхъ потребностей накопило громадную кучу центральныхъ правительственныхъ учрежденій, Приказовъ, съ неточно разграниченнымъ вѣдомствомъ, съ неопредѣленными взаимными отношеніями; къ половинѣ XVII вѣка такихъ Приказовъ насчитывалось больше 40. Правительство начало стягивать столь раздробленное центральное управленіе, или подчиняя одному Приказу нѣсколько другихъ, или ставя одного начальника во главѣ нѣсколькихъ сродныхъ по вѣдомствамъ Приказовъ. Такъ въ XVII вѣкѣ Посольскій приказъ, вѣдавшій иностранныя дѣла, завѣдывалъ еще девятью другими Приказами. Такимъ образомъ изъ многихъ мелкихъ центральныхъ учрежденій уже въ XVII вѣкѣ стали складываться крупныя вѣдомства, которыя потомъ, при Петрѣ Великомъ, преобразованы были въ коллегіи. Это сосредоточеніе центральной администраціи имѣло цѣлью усилить контроль надъ управленіемъ, который былъ труденъ при излишне дробномъ управленіи. Стремленіе это высказалось особенно ясно въ одномъ новомъ и важномъ учрежденіи царя Алексѣя Михайловича, въ Приказѣ счетныхъ дѣлъ, соотвѣтствующемъ нашему государственному контролю. Приказъ этотъ считалъ государственные доходы и расходы и стягивалъ къ себѣ всѣ денежныя суммы, какія оставались отъ текущихъ расходовъ въ разныхъ учрежденіяхъ, центральныхъ и областныхъ.

То же стремленіе централизировать администрацію и подчинить ее болѣе строгому надзору проводилось и въ областномъ управленіи. Старая династія оставила областное управленіе въ состояніи крайняго дробленія. Съ введеніемъ земскихъ учрежденій XVI вѣка, каждый уѣздъ распался на нѣсколько отдѣльныхъ міровъ, городскихъ и волостныхъ, т. е. сельскихъ. Во главѣ каждаго городского и сельскаго міра стоялъ выборный земскій староста съ выборными же помощниками. Каждый земскій староста творилъ судъ въ предѣлахъ своего міра, собиралъ государственныя подати и отвѣчалъ за исправность сбора, онъ имѣлъ непосредственное отношеніе и къ центральнымъ учрежденіямъ. Такимъ образомъ, съ введеніемъ земскихъ старостъ, уѣздъ представлялъ изъ себя еще менѣе цѣльную административную единицу, чѣмъ какой онъ былъ при старыхъ намѣстникахъ и волостеляхъ. Только въ пограничныхъ городахъ, гдѣ требовалась сильная военная власть, были воеводы, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ власть надъ всѣмъ уѣздомъ, какъ по гражданскимъ, такъ и по военнымъ дѣламъ.

Въ смутное время почти всѣ области подвергались опасности нападенія отъ внѣшнихъ непріятелей; такимъ образомъ, съ этого времени воеводы появляются и во внутреннихъ уѣздахъ. Съ воцареніемъ новой династіи воеводство становится повсемѣстнымъ учрежденіемъ. Изъ одного документа мы узнаемъ, что при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ введены были воеводы въ 33 внутреннихъ городахъ. Подъ руководствомъ воеводы, какъ высшаго представителя центральной власти въ уѣздѣ, соединяются всѣ уѣздные земскіе міры. Воеводы отличались отъ старыхъ намѣстниковъ и характеромъ своей власти, и ея пространствомъ. Намѣстникъ собственно былъ откупщикомъ государственныхъ доходовъ въ уѣздѣ, потому и назывался онъ «кормленщикомъ». Онъ вѣдалъ уѣздъ, и то не весь, а только городъ съ пригородными ближайшими волостями, вѣдалъ на себя, а не на государя.

Воевода былъ представителемъ центральной государственной власти, поэтому онъ правилъ на государя, а не на себя, вотъ почему, съ введеніемъ воеводъ, государство старалось отмѣнить и «кормы». Съ другой стороны, воеводѣ былъ подчиненъ весь уѣздъ, власть его простиралась, какъ на городъ, такъ и на сельскія общества, какъ на дѣла финансовыя и судебныя, такъ на полицейскія и военныя. Воевода судилъ и рядилъ въ съѣзжей избѣ, или въ приказной палатѣ, въ этомъ, какъ бы мы теперь сказали, губернскомъ правленіи, которое находилось въ городѣ, т. е. въ кремлѣ.

Рядомъ съ нимъ стоялъ другой административный органъ центральной власти съ специальнымъ значеніемъ—губной староста, это—высшая полицейская власть въ уѣздѣ. Губной староста вѣдалъ губныя дѣла, т. е. важнѣйшія уголовныя преступленія. Въ XVI вѣкѣ губными дѣлами назывались дѣла о татьбѣ, убійствѣ и разбоѣ. Въ XVII столѣтіи кругъ губной юрисдикціи расширяется; къ прежнимъ губнымъ дѣламъ присоединяются дѣла объ отпаденіи отъ православія, о поджогѣ, сводничествѣ, объ оскорбленіи родительской власти, о тяжкомъ оскорбленіи женщинъ. Власть губного старосты—смѣшаннаго приказно-земскаго характера; онъ, представитель центральнаго правительства въ уѣздѣ, вѣдалъ дѣла общегосударственныя—приказныя, поддерживалъ порядокъ въ области и не могъ быть смѣщенъ безъ согласія правительства, но по происхожденію своему его власть была земская: губной староста выбирался всѣми классами мѣстнаго общества, только непремѣнно изъ дворянъ. Этотъ смѣшанный характеръ власти приближалъ губного старосту къ воеводѣ, во многихъ уѣздахъ даже не было воеводъ, а всѣ дѣла ихъ сосредоточивались въ рукахъ губныхъ старостъ.

Появленіе воеводъ не уничтожило прежняго земскаго управленія, только оно стѣснило послѣднее, сузило кругъ его дѣлъ. Главнымъ органомъ этого земскаго управленія по прежнему служилъ земскій староста съ своими выборными помощниками, присяжными цѣловальниками. Земскій староста велъ свои дѣла въ земской избѣ, всегда находившейся на посадѣ, за стѣнами кремля; это—городская и уѣздная управа. Земскій староста велъ дѣла при содѣйствіи „совѣтныхъ людей“, выборныхъ представителей посадскаго, а въ иныхъ мѣстахъ и крестьянскаго населенія уѣзда. Участіе послѣдняго въ управленіи земскаго старосты имѣло мѣсто не во всѣхъ уѣздахъ, а только тамъ, гдѣ уцѣлѣло въ XVII в. вольное крестьянство, т. е. преимущественно въ сѣверныхъ, такъ называемыхъ, поморскихъ уѣздахъ, гдѣ мало было развито вотчинное и помѣстное землевладѣніе, поглотившее въ другихъ уѣздахъ все черное, т. е. государственное крестьянство. Черные крестьяне уѣзда, обыкновенно, соединялись съ посадскимъ населеніемъ уѣзднаго города въ одинъ земскій «все-уѣздный» міръ, и ихъ общій руководитель, староста, назывался тогда—земскимъ городовымъ и всеуѣзднымъ старостой. Дѣла въ земской избѣ были двоякаго рода: общія государственныя и мѣстныя земскія.

Государственныя дѣла, которыя въ XVII вѣкѣ подлежали земскому управленію, были всѣ казеннаго, финансоваго характера, судебная власть отошла отъ земскихъ старостъ къ воеводамъ. Эти финансовыя дѣла состояли въ раскладкѣ, сборѣ и доставкѣ воеводамъ государственныхъ податей, а также въ сборѣ разныхъ казенныхъ пош-

линъ (косвенныхъ налоговъ). Къ каждому изъ этихъ казенныхъ сборовъ міръ выбиралъ изъ своей среды «вѣрнаго» (присяжнаго) голову съ „вѣрными“ цѣловальниками—помощниками, которые должны были эксплоатировать казенныя статьи и доставлять полученные съ нихъ доходы. Эти казенные сборы были кружечный, т. е. питейный, таможенный, т. е. торговый, пятенный—съ продажи лошадей, банный, мостовой и многіе другіе. Выбранный къ такому сбору голова съ цѣловальниками велъ свое дѣло безвозмездно, отвѣчая своимъ имуществомъ за недоборъ, а въ случаѣ его несостоятельности за него отвѣчалъ выбравшій его міръ, вотъ почему служба по разнымъ казеннымъ сборамъ была для посадскихъ людей сдва ли не самой тяжелой государственной повинностью.

Мѣстныя земскія дѣла состояли въ разныхъ выборныхъ дѣлахъ и сборахъ на мѣстныя нужды, въ распоряженіяхъ о мірской землѣ и вообще по мірскому хозяйству. Міры городскіе или сельскіе выбирали своихъ земскихъ старостъ и вѣрныхъ головъ съ цѣловальниками, выбирали сотскихъ, пятидесятниковъ, десятскихъ по губной полиціи, мірскихъ посылщиковъ для сношенія съ воеводой, земскихъ раскладчиковъ для раскладки государственныхъ податей между своими членами, земскихъ приставовъ, или ходатаевъ за міръ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, земскаго дьяка, т. е. писаря, наконецъ, приходскаго священника съ причтомъ. Для покрытія разныхъ земскихъ расходовъ міры облагались особыми земскими сборами, которыми завѣдывалъ земскій староста. Собранныя суммы, староста хранилъ въ земской кассѣ, „всеземской коробкѣ“. Самой тяжелой статьей земскаго расхода было кормленіе воеводъ и дьяковъ на земскія деньги. Кормленіе не соотвѣтствовало характеру власти и правительственному назначенію воеводъ, но воеводъ въ XVII вѣкѣ удерживали обычаи, заведенные при старыхъ намѣстникахъ. Несмотря на многократныя запрещенія правительства, воеводы содержались, по прежнему, на земскій счетъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что воеводы за свою административную службу не получали жалованья. Земскій староста велъ особую расходную книгу, въ которую записывалъ все, на что тратились земскія деньги. Эти книги старосты очень любопытны для характеристики воеводскаго управленія въ XVII вѣкѣ. Изо дчя въ день земскій староста, обязанный разсчетомъ „совѣстнымъ людямъ“, съ величайшей аккуратностью записывалъ, что тратилось на воеводу и на приказныхъ людей. Каждый день онъ носилъ на воеводскій дворъ мясо, рыбу, пироги, свѣчи, бумагу, чернила—словомъ, все, что нужно для домашняго и правительственнаго обихода воеводы съ его канцеляріей. Въ праздники или въ именины тотъ же земскій староста ходилъ поздравлять воеводу и приносилъ подарки, пироги или деньги «въ бумажкѣ», какъ ему самому, такъ и женѣ его, дѣтямъ ихъ, приказнымъ слугамъ, приживалкамъ, даже юродивому, проживавшему у воеводы.

Расходныя книги земскихъ старостъ всего нагляднѣе показываютъ, какое значеніе имѣло земское самоуправленіе въ XVII вѣкѣ при воеводахъ. Староста со всѣми цѣловальниками—лишь послушное орудіе приказной администраціи. На него возложена вся черная административная работа, въ которой не хотѣлъ марать рукъ воевода съ дьякомъ и подъячими. Земство вело всѣ свои дѣла подъ наблюденіемъ воеводы, земскіе старосты вѣчно на посылкахъ у воеводы и

лишь изрѣдка рѣшаются вступиться за міръ, идутъ на воеводскій дворъ «лаятъ воеводу». Изъ такого отношенія земскаго управленія къ приказному развились чрезвычайныя злоупотребленія. Воеводскія кормленія часто превращались въ средства разоренія земскихъ міровъ. Правительство, не прибѣгая къ радикальнымъ мѣропріятіямъ, старалось по возможности устранить эти злоупотребленія, изыскивая къ тому разныя средства. Такъ при царѣ Алексеѣ Михайловичѣ запрещено было назначать кого-либо изъ дворянъ воеводой въ тотъ именно уѣздъ, гдѣ назначенное лицо владѣло вотчинами или помѣстьями. Далѣе дозволено было тяжущемуся заявлять подозрѣніе на своего воеводу, и въ такомъ случаѣ дѣло переносилось къ воеводѣ слѣдующаго уѣзда. Наконецъ, запрещаемы были не разъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и его преемникѣ всякіе натуральные и денежные кормы воеводъ, подъ угрозой взыскать взятое вдвое.

Итакъ, централизація управленія не уничтожила земскихъ учрежденій XVI в. но уронила ихъ, исказила ихъ первоначальный характеръ, лишила ихъ самостоятельности, не уменьшивъ ихъ обязанностей, превратила ихъ въ послушное орудіе приказнаго управленія. Значитъ, государственныя потребности вызванныя смутнымъ временемъ, привели прежде всего къ паденію самостоятельности земскаго самоуправленія.

Устройство сословій.

Другой, параллельный этому фактъ вызванъ былъ перемѣнами въ устройствѣ общественныхъ классовъ. Московское общество изъ устроительной дѣятельности старой династіи вышло столь дробнымъ, какъ и мѣстное управленіе. Въ составѣ этого общества мы можемъ различить три основныхъ класса, каждый изъ которыхъ несъ свою государственную службу. Эти классы были 1) служилый, 2) тяглый городской, или посадскій, 3) тяглый сельскій или крестьянскій.

Каждый изъ этихъ классовъ въ свою очередь подраздѣлялся на нѣсколько мелкихъ разрядовъ, также различавшихся извѣстнымъ спеціальнымъ родомъ государственной службы. Посадскій классъ раздѣлялся на лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей, различавшихся состоятельностью и размѣромъ лежавшаго на нихъ государственнаго тягла. Точно также различно было положеніе крестьянъ дворовыхъ, черныхъ или государственныхъ, и крестьянъ владѣльческихъ. Различныя службы несли дворяне московскіе и дворяне городовые съ дѣтьми боярскими.

Эта дробность увеличилась еще присутствіемъ промежуточныхъ, переходныхъ слоевъ, лежавшихъ между основными классами. Такъ, между тяглыми сельскими крестьянами и тяглымъ посадскимъ населеніемъ существовалъ многочисленный слой вольныхъ, или гулящихъ людей, которые, живя въ селѣ, не приписаны были къ тяглу, не платили поземельной подати, а, промышляя въ городѣ, не несли посадскаго тягла. Этотъ слой состоялъ изъ неприписанныхъ къ тяглу родственниковъ тяглецовъ, ихъ братьевъ, дѣтей, племянниковъ, также многочисленныхъ «захребетниковъ и задворныхъ людей», которые не имѣли своего хозяйства, но работали при чужомъ. Съ другой стороны, между посадскимъ населеніемъ и служилымъ классомъ находился многочисленный слой низшихъ служебныхъ людей. То были стрѣльцы, пушкари, казенные плотники и кузнецы, слуги боярскіе,

монастырскіе служки и т. п. Эти люди частью принадлежали къ служилому классу, несли ратную службу (напр. боярскіе люди отправляли ратную службу вмѣстѣ со своими господами); но эти низшіе служилые люди близко становились и къ населенію посадскому, обыкновенно жили по городамъ и занимались городскою промышленностью, только не тянули городскаго тягла. Наконецъ, въ самомъ служиломъ классѣ былъ подвижной, переходный слой, состоявшій изъ мелкопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ дворянъ. Многіе изъ такихъ дворянъ то отбывали государеву ратную службу со своихъ помѣстій, то поступали во дворы къ боярамъ и другимъ служилымъ людямъ высшихъ чиновъ, становились ихъ дворовыми людьми, холопами.

Правительство XVII столѣтія направляло свои усилія на упрощеніе общественнаго состава, уничтожая эти промежуточные слои, малополезные или совсѣмъ безполезные для казны и службы, и стягивая все общество въ немногіе крупные классы. Его соціальныя стремленія имѣли, такимъ образомъ, одинаковое направленіе съ указанными административными мѣрами; какъ послѣднія стягивали управленіе, такъ первыя имѣли цѣлью ввести больше сосредоточенности въ слишкомъ дробный составъ общества.

Прежде всего правительство постаралось обособить служилый классъ. Еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, по челобитной провинціальныхъ дворянъ 1641 года, служилыхъ людей, которые имѣли помѣстья или вотчины и поступали въ боярскіе дворы холопами, велѣно было взять изъ боярскихъ дворовъ обратно на государеву службу; на дворовой службѣ у бояръ оставлены были лишь безпомѣстныя и безвотчинныя дѣти боярскія, которыя еще не были поверстаны на государеву службу; впредь запрещено было всѣмъ служилымъ людямъ отдаваться въ холопы. Законъ этотъ былъ внесенъ въ уложеніе 1649 года. Такимъ образомъ всѣ служилые люди были прикрѣплены къ государевой службѣ, которая была ихъ сословной повинностью.

Вмѣстѣ съ этимъ служилый классъ получилъ новыя права. До тѣхъ поръ многіе боярскіе люди и монастырскіе служки имѣли свои вотчины, по уложенію 1649 года запрещено было монастырскимъ служкамъ и боярскимъ слугамъ покупать и брать въ закладъ вотчины. Вотчинное землевладѣніе стало сословной привилегіей служилаго класса. Другая привилегія облегчала хозяйственное положеніе служилыхъ людей. Въ XVI вѣкѣ дворяне обрабатывали часть своихъ земель сами, посредствомъ своихъ дворовыхъ слугъ, а остальныя земли отдавали на извѣстный оброкъ крестьянамъ и бобылямъ. Отсюда образовалось въ господскихъ имѣніяхъ различіе между пашней барской и крестьянской. Но поземельный налогъ падалъ въ XVI вѣкѣ на всѣ пахатныя земли, слѣдовательно, замлевладѣлецъ платилъ его и со своей барской пашни. Въ договорѣ Салтыкова съ польскимъ королемъ 1610 года мы встрѣчаемъ условіе, по которому податному обложенію подлежали только земли заселенныя т. е. крестьянскія пашни. При царѣ Михаилѣ землевладѣльцы, дѣйствительно, уже не платили подати съ земель, которыя они обрабатывали на себя посредствомъ своихъ дворовыхъ людей; поземельный налогъ падалъ лишь на пашни бобылей и крестьянъ. Такимъ образомъ, первоначальное хозяйственное различіе между барской и крестьянской пашней теперь усиленно было еще различіемъ политическимъ, податной привилегіей. Своею

ратною повинностью и соединенными съ ней привилегіями служилый классъ и былъ стянутъ въ одно цѣлое и обособленъ рѣзко отъ другихъ общественныхъ классовъ.

Такому же обособленію подвергся и посадскій классъ. До Уложенія 1649 года на посадахъ или около нихъ, рядомъ съ городскими тяглыми людьми, во многихъ мѣстахъ находились частныя владѣльческія слободы, церковныя и боярскія, населенныя кабальными холопами, „закладчиками“ церковныхъ учрежденій и служилыхъ людей. Обыватели этихъ слободъ не тянули городского тягла, однако, занимались на посадахъ городской промышленностью и торговлей въ подрывъ тяглымъ посадскимъ людямъ. Посадскіе люди давно жаловались на вредъ, какой причиняли нетяглые слободскіе промышленники. Правительство долго оставляло эти жалобы безъ вниманія; наконецъ, въ Уложеніи, по новому ходатайству посадскихъ представителей на соборѣ 1648—49 гг., всѣ такія слободы были приписаны къ посадамъ. Если слободы были выстроены на посадской землѣ безъ указа, онѣ отбирались у владѣльцевъ со всѣми жившими въ нихъ людьми. Въ слободахъ, находившихся на смежныхъ съ посадами вотчинныхъ или помѣстныхъ земляхъ, обывателей, прежде бывшихъ посадскими людьми, велѣно записать въ городскія тяглыя сотни (цехи), а тѣхъ, которые прежде были пашенными крестьянами или дворовыми людьми у владѣльцевъ слободъ, вывести изъ слободъ въ другія вотчины и помѣстья владѣльцевъ. Наконецъ, посадскіе люди были прикрѣплены къ городскому тяглу, имъ запрещено было переходить изъ города въ городъ, какъ и изъ городского тягла въ другое состояніе; за такой переходъ, по закону 1658 г., положена была смертная казнь.

Рядомъ съ этими сословными обязанностями городское населеніе получило и сословныя права. Тяглые посадскіе дворы запрещено было покупать нетяглымъ людямъ, „бѣломѣстцамъ“, нетяглые люди теряли право торговать въ городѣ. Посадскіе тяглые люди, поступившіе съ тягла въ стрѣльцы, пушкари, казаки и т. п., должны были воротиться въ городское тягло. Точно также пашенные крестьяне не могли держать лавокъ и промышленныхъ заведеній въ городахъ; по Уложенію, они должны были продать ихъ посадскимъ людямъ. Уѣздные крестьяне могли пріѣзжать въ городъ и продавать привезенный товаръ только съ возовъ, на гостинномъ дворѣ, но не имѣли права держать въ городѣ свои лавки и склады. Значитъ, городская промышленность и торговля стала исключительнымъ правомъ городского тяглаго населенія. Такъ обособились другъ отъ друга высшіе классы, служилый и посадскій промышленный. Это обособленіе сопровождалось проведеніемъ болѣе рѣзкой черты, отдѣлявшей оба эти класса отъ населенія сельского, крестьянскаго.

Обращаемся къ устройству, какое получило сельское, крестьянское населеніе. Описывая выше устройство Московскаго государства въ XVI вѣкѣ, я имѣлъ случай показать, что ни при царѣ Ѳеодорѣ, ни при его преемникѣ, крестьяне не были прикрѣплены къ землѣ какимъ-либо общимъ закономъ. Право крестьянъ переходить съ участка на участокъ, отъ одного землевладѣльца къ другому, не было отмѣнено; но крестьяне въ рѣдкомъ случаѣ могли пользоваться этимъ правомъ, потому что немногіе изъ нихъ въ состояніи были расчитаться съ землевладѣльцами при переходѣ. Огромное большин-

ство хрестьянъ находилось въ долговыхъ обязательствахъ къ землевладѣльцамъ и путемъ этихъ обязательствъ попадало въ личную зависимость отъ нихъ. Право перехода, благодаря экномическому положенію крестьянъ, выродилось въ обычай землевладѣльцевъ свозить крестьянъ другъ отъ друга и въ обычай крестьянъ бѣгать отъ землевладѣльцевъ безъ расплаты. Противъ насильственныхъ свозовъ крестьянъ землевладѣльцами и противъ незаконныхъ побѣговъ крестьянъ отъ землевладѣльцевъ безъ расплаты и было направлено московское законодательство конца XVI в. и начала XVII в. Впрочемъ, правительство должно было косвенно признать и свозы крестьянъ землевладѣльцами, и крестьянскіе побѣги. Признаніе это выразилось въ установленіи срока давности для сыска и возврата выведенныхъ и бѣглыхъ крестьянъ. Первоначально этотъ срокъ былъ пятилѣтній. Въ царствованіе Михаила онъ былъ удвоенъ: землевладѣлецъ, у котораго вывезли крестьянъ или отъ котораго онъ бѣжалъ, могъ его искать въ продолженіе десяти лѣтъ. Мелкіе землевладѣльцы тяготились этимъ срокомъ давности, благодаря которому они не были обезпечены въ своихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ доходахъ; крупный землевладѣлецъ легко могъ укрывать у себя вывезеннаго или бѣглаго крестьянина въ продолженіе десяти лѣтъ, а потомъ пользовался имъ на законномъ основаніи. Вотъ почему въ договорѣ Салтыкова съ королемъ польскимъ въ 1610 г., въ которомъ выразились политическія стремленія среднихъ и низшихъ служилыхъ классовъ, мы встрѣчаемъ условіе запретить крестьянскіе переходы въ Московскомъ государствѣ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодовича провинціальные дворяне нѣсколько разъ обращались къ правительству съ просьбой отмѣнить срокъ давности для сыска бѣглыхъ и вывозныхъ крестьянъ, позволить потерявшимъ ихъ владѣльцамъ отыскивать ихъ безъ срочныхъ лѣтъ. Просьба эта, заявленная правительству дворянствомъ въ 1641 г., была отклонена правительствомъ. Она возобновлена была въ началѣ слѣдующаго царствованія, въ 1645 г. Правительство опять не приняло рѣшительной мѣры, но надѣялось удовлетворить желаніе дворянъ, остановившись на полудорогѣ. Для крестьянъ, прежде бѣжавшихъ или вывезенныхъ, оно оставило въ силѣ прежній срокъ давности; въ 1647 году увеличивало его еще пятью годами, но на будущее время для крестьянъ, которые побѣгутъ или будутъ вывезены, оно отмѣнило срокъ давности.

Законъ 1646 года впервые высказалъ мысль о поземельномъ прикрѣпленіи крестьянъ, какъ общеобязательномъ порядкѣ. Всякій крестьянинъ долженъ сидѣть на своемъ участкѣ. Кто же убѣжитъ или будетъ свезенъ съ этого участка, отыскивается вѣчно, и отысканный возвращается на прежнее мѣсто жительства. Эти предварительныя узаконенія были подтверждены и обобщены въ Уложеніи 1649 гуду. Уложеніе сообщило окончательное устройство сельскому крестьянскому населенію. Вотъ, содержаніе его статей, касающихся крестьянства. Во первыхъ, землевладѣлецъ теряетъ безусловно право принимать къ себѣ чужого крестьянина. Принявшій бѣглаго или свезшій крестьянина у другого землевладѣльца выдаетъ его обратно и платитъ по 10 рублей за каждый годъ владѣнія чужимъ крестьяниномъ, „за государевы подати и за помѣщиковы доходы“. Далѣе, крестьяне прикрѣпляются къ тѣмъ участкамъ, на которыхъ они записаны въ писцо-

выхъ книгахъ послѣ 1626 года. Прикрѣпленіе это простирается не на однихъ домохозяевъ, но и на ихъ семейства и живущихъ вмѣстѣ съ ними родственниковъ, дѣтей, братьевъ и племянниковъ. Такимъ образомъ, поземельное прикрѣпленіе становится полнымъ, а не касается однихъ тяглецовъ-домохозяевъ. Въ третьихъ, такое рѣшительное и безусловное прикрѣпленіе крестьянъ само Уложеніе признаетъ новой мѣрой, впервые имъ принимаемой. Оно, именно, говоритъ, что до настоящаго государева указа, государевой заповѣди не было, чтобы никому не принимать крестьянъ, а только для бѣглыхъ крестьянъ были установлены урочные годы,—это значитъ, что, по мнѣнію правительства царя Алексѣя Михайловича, прежде, т. е. въ прежнія царствованія, крестьяне не были еще прикрѣплены къ землѣ по закону, который опредѣлялъ только срокъ давности для сыска бѣглыхъ крестьянъ.

Итакъ, крестьянское населеніе было окончательно прикрѣплено по Уложенію къ землѣ, къ тѣмъ участкамъ, на которыхъ застали крестьянъ писцовыя книги послѣ 1626 года. Отсюда слѣдуетъ, что крестьяне не были прикрѣплены къ землевладѣльцамъ, Уложеніе не установило личной крѣпости. Мысль эта ясно высказана въ Уложеніи. Такъ, въ немъ находимъ статью, по которой землевладѣльцы не могутъ брать съ крестьянъ и ихъ дѣтей обоего пола кабальныхъ записей на холопство. Этимъ отмѣнялась статья Судебника 1550 года, въ силу которой каждый крестьянинъ могъ продать себя съ пашней въ холопство. Теперь крестьяне были подчинены общему закону, въ силу котораго никакой служилый и тяглый человѣкъ, подъ угрозой наказанія кнутомъ и ссылки въ Сибирь, не имѣлъ права продавать свою свободу. Итакъ, землевладѣлецъ не могъ оторвать крестьянина отъ земли.

Однако, въ Уложеніи не находимъ послѣдовательно проведеннаго начала поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ. Законъ въ иныхъ случаяхъ какъ будто смѣшиваетъ поземельное прикрѣпленіе съ личной крѣпостью. Такъ, по Уложенію, крестьянинъ прикрѣплялся къ тому участку, на которомъ онъ записанъ въ писцовыхъ книгахъ; но въ томъ же Уложеніи читаемъ статьи, по которымъ землевладѣлецъ, мѣняя жилую землю, т. е. населенную крестьянами, на землю пустую, вотчинную или помѣстную, могъ ставить въ актѣ условіе свести крестьянъ съ отчуждаемой земли на другую свою землю. Значитъ, законъ, въ случаѣ мѣны, дозволялъ отрывать крестьянъ отъ земли, къ которой они прежде были приписаны. Далѣе, законъ запрещаетъ помѣщикамъ отпускать крестьянъ на волю. Помѣстья ихъ не были частной собственностью; это государственныя земли, отданныя помѣщикамъ во временное пользованіе. Но вотчинникъ имѣлъ право отпустить крестьянина изъ своей вотчины на волю, т. е. могъ оторвать его отъ земли. Поземельное прикрѣпленіе по смыслу закона не должно было ставить крестьянина въ личную зависимость отъ землевладѣльца однако, законъ признавалъ нѣкоторыя послѣдствія этой личной зависимости, не установленной прямо. Такъ, землевладѣльцу предоставлено было судить своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій, разбоя, убійства и татьбы съ поличнымъ; такъ по Уложенію, землевладѣльцы сами искали и отвѣчали за своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ тѣхъ же уголовныхъ

преступленій. Землевладѣльцы по закону отвѣчали и за казенные платежи своихъ крестьянъ. Уже во времена Уложенія, какъ мы видимъ изъ актовъ, казна взыскиваетъ крестьянскіе платежи не съ однихъ крестьянъ или крестьянскихъ общинъ, какъ было прежде, но и съ землевладѣльцевъ.

Такая неясность въ проведеніи границы между поземельнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ и личной крѣпостью и была источникомъ, изъ котораго съ половины XVII вѣка стало развиваться крѣпостное право, т. е. превращеніе поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ въ личную крѣпость. Уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича землевладѣльцы распоряжаются крестьянами независимо отъ земли, мѣняются ими, продаютъ ихъ безъ земли, вмѣстѣ съ холопами, передаютъ въ приданое или по завѣщаніямъ. Къ концу XVII вѣка крестьяне (на дѣлѣ, а не по закону) мало отличаются отъ крѣпостныхъ людей въ собственномъ смыслѣ, т. е. отъ холоповъ старинныхъ или кабальныхъ, временныхъ. Въ такомъ положеніи засталъ крестьянство и Петръ Великій, который только узаконилъ это положеніе, признавъ злоупотребленія, какія развились въ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ со времени Уложенія. Поземельное прикрѣпленіе и развившаяся изъ него личная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ обособили сельское крестьянское населеніе отъ остальныхъ классовъ русскаго общества.

Мы изложили перемѣны, происшедшія въ складѣ московскаго общества при новой династіи. Эта династія направила свои усилія на то, чтобы стянуть слишкомъ раздробленное общество въ крупные общественные классы. Прежде общество дѣлилось на множество мелкихъ служилыхъ и тяглыхъ разрядовъ; теперь всѣ эти разряды были стянуты въ три класса, которые различаются своимъ положеніемъ въ государствѣ, своими правами и обязанностями. Это были классы, служилый, тяглый посадскій и тяглый крестьянскій. Къ нимъ примыкаетъ и четвертый классъ, холопей, на которыхъ не простиралось непосредственное дѣйствіе государства, потому что они стояли въ личной зависимости отъ людей другихъ классовъ. Это сосредоточеніе общества повело къ образованію сословій, только эти крупные классы, какъ они были обособлены законодательствомъ XVII вѣка мы и можемъ назвать сословіями. Сословія эти такъ различались другъ отъ друга: служилое сословіе обязательно несло воинскую повинность, пользовалось исключительнымъ правомъ личнаго землевладѣнія и не платило податей съ дворовой (барской пашни). Тяглое посадское сословіе обязательно несло городское тягло, отбывало государевы казенныя службы и пользовалось исключительнымъ правомъ городской торговли и промышленности. Наконецъ, сельское крестьянское сословіе, независимо отъ того, на чьихъ земляхъ оно работало, было прикрѣплено къ землѣ, несло поземельное тягло и поставлено подъ надзоръ землевладѣльцевъ, которые явились финансовымъ и судебнымъ орудіемъ правительства по отношенію къ жившимъ на ихъ земляхъ крестьянамъ. Это распредѣленіе общества на крупные классы совершено было съ цѣлью болѣе точной сословной разверстки государственныхъ повинностей.

Такое преобразованіе общества сопровождалось одной важной

перемѣной въ политической жизни народа; благодаря ему, печальная судьба постигла учрежденіе, родившееся въ XV вѣкѣ—Земскій соборъ.

Паденіе Земскихъ Соборовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Московскомъ государствѣ все общество распалось на мелкіе служебные разряды, между которыми распредѣлены были разныя государственныя повинности, эти общественные разряды правительство стало привлекать къ участію въ государственномъ управленіи. Участіе это выразилось въ дѣятельности Земскихъ соборовъ. Земскіе соборы, которые начали созываться съ 1550 года, выражали тѣ же начала, которыя проведены были въ земскихъ учрежденіяхъ XVI в. Какъ мѣстныя правительственныя дѣла поручены были выборнымъ мѣстныхъ земскихъ міровъ, такъ и дѣла общегосударственныя правительство стало вести при содѣйствіи представителей тѣхъ же земскихъ міровъ. Въ XVII столѣтіи, особенно въ царствованіи Михаила Ѳеодоровича, мы видимъ усиленную дѣятельность Земскихъ соборовъ, тогда же они получили окончательное устройство. Изображу его въ главнѣйшихъ чертахъ.

Земскій соборъ Московскаго государства составлялся изъ представителей «всѣхъ чиновъ людей государства», говоря языкомъ соборныхъ актовъ. Въ составѣ Земскаго собора надо различать два главные элемента, изъ которыхъ одинъ былъ выборный, другой невыборный. Послѣдній элементъ представляли два высшихъ правительственныхъ учрежденія, въ полномъ составѣ являвшіеся на Земскій соборъ; то были 1) Боярская дума съ государемъ во главѣ, высшее государственное учрежденіе, 2) Освященный соборъ, высшее учрежденіе церковное, состоявшее изъ патріарха, митрополита епископовъ и другихъ духовныхъ властей. Впрочемъ, низшія духовныя власти, архимандриты, игумены и священники, иногда приглашались на соборъ патріархомъ, а иногда выбирались земскими мірами вмѣстѣ съ прочими представителями. Выборные представители шли на Земскій соборъ отъ разныхъ служилыхъ и тяглыхъ чиновъ, причемъ представительство распредѣлялось по чинамъ и по уѣздамъ. Высшіе служилые чины, слѣдовавшіе за думными, стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне московскіе, составляли высшій военный слой (гвардію); они не входили въ составъ мѣстныхъ земскихъ міровъ, а были привязаны службой къ столицѣ, ко дворцу. Отъ каждаго изъ этихъ чиновъ шло на соборъ по одному или по нѣсколько представителей. Точно также высшіе разряды купечества, гости, гостинная и суконная сотня; были мѣстными, т. е. всѣ сосредоточивались въ столицѣ. Каждый изъ этихъ разрядовъ посылалъ на соборъ по одному или по нѣсколько представителей. За этими промышленными и служилыми столичными чинами слѣдовали чины служилые и тяглые провинціальные. То были городовые дворяне съ дѣтьми боярскими, городовые стрѣльцы, тяглые посадскіе люди; каждый изъ этихъ чиновъ посылалъ на соборъ по одному или по нѣсколько представителей. Посадское населеніе столицы дѣлилось на «черныя слободы и сотни» (нѣчто вродѣ цеховъ). Каждая черная слобода и сотня представлялась на соборѣ однимъ или нѣсколькими депутатами. Принимало ли участіе въ земскомъ представительствѣ тяглое

крестьянство? Довольно трудно рѣшить этотъ вопросъ по соборнымъ актамъ: нигдѣ не находимъ прямыхъ указаній на участіе этого многочисленнаго класса общества въ дѣятельности соборовъ. Только избирательный соборъ 1613 года, по прямому указанію соборнаго акта, имѣлъ въ своемъ составѣ рядомъ съ посадскими людьми и людей «уѣздныхъ», подъ которыми надо разумѣть крестьянъ. Вѣроятно, что на другихъ соборахъ не было представителей отъ крестьянъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, въ большей части центральныхъ и южныхъ уѣздахъ ко времени воцаренія новой династіи почти не оставалось черныхъ или государственныхъ крестьянъ; всѣ они, т. е. земли, на которыхъ они сидѣли, были розданы въ частное владѣніе; но крестянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, представляли передъ правительствомъ ихъ землевладѣльцы. Въ сѣверныхъ и восточныхъ уѣздахъ, гдѣ было слабо развито служилое землевладѣніе, уцѣлѣли и государственные крестьяне, но тамъ они составляли въ каждомъ уѣздѣ одинъ земскій міръ съ посадскими людьми своего уѣзднаго города; представители посадскихъ представляли и крестьянъ своего уѣзда. Таковъ былъ составъ Земскаго собора. Отъ каждаго класса, сказали мы, шло на соборъ по одному или по нѣсколько представителей, по два, по три, иногда и болѣе; число представителей не имѣло значенія. Благодаря такому порядку представительства, Земскій соборъ имѣлъ иногда очень многочисленный составъ. Такъ, соборъ, созванный въ 1648 году для выслушиванія и подписи Уложенія, состоялъ изъ представителей уѣзднаго дворянства 73 уѣздовъ, въ числѣ 143 человѣкъ, изъ представителей посадскаго населенія 77 уѣздныхъ городовъ, въ числѣ 98 человѣкъ, вмѣстѣ съ депутатами черныхъ московскихъ сотенъ и слободъ. Къ этому надо присоединить Боярскую думу, тогда состоявшую изъ 50 человѣкъ, и нѣсколько десятковъ духовныхъ сановниковъ, членовъ Освященннаго собора. Значитъ, на соборѣ присутствовали болѣе 300 человѣкъ.

Порядокъ обсужденія дѣлъ и заявленія мнѣній на соборѣ никогда не былъ опредѣленъ съ точностью. Обыкновенно соборъ открывался государемъ, при которомъ думный дьякъ читалъ всѣмъ вслухъ рѣчь или „письмо“, т. е. правительственное предложеніе, которое собору предстояло обсудить. Письмо это раздавалось потомъ выборнымъ, которые „накрѣпко помысливъ о томъ дѣлѣ“, должны были мысли свои привести государю на письмѣ. Мнѣнія заявлялись всегда письменно. Для этого всѣ выборные дѣлились на чиновныя или сословныя группы, изъ которыхъ каждой давался дьякъ, чтобы формулировать ея мнѣнія. Мнѣнія высказывались различно, или каждая группа подавала особую записку, или цѣлый классъ заявлялъ свое мнѣніе, или представители разныхъ классовъ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ соединялись въ одномъ заявленіи, наконецъ и отдѣльныя лица могли представлять на соборѣ особыя мнѣнія. Правильнаго поголовнаго голосованія не существовало на Земскомъ соборѣ.

Какой политическій авторитетъ имѣлъ Земскій соборъ? Порядокъ веденія дѣлъ на Земскихъ соборахъ даетъ довольно ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мнѣнія заявленыя выборными, правительствомъ принимались къ свѣдѣнію: иногда эти мнѣнія вызывали засѣданія государя съ думой, которая ставила приговоръ. Этотъ приговоръ и считался закономъ. Мнѣнія, заявленныя въ соборѣ, не имѣли сами по себѣ

силы закона, соборъ имѣлъ только совѣщательное значеніе. Законодательный авторитетъ принадлежалъ думѣ. Исключеніемъ были лишь соборы избирательные, которые являются съ учредительнымъ авторитетомъ. Таково было устройство Земскихъ соборовъ въ первой половинѣ XVII столѣтія, во второй его половинѣ это учрежденіе постигаетъ печальная судьба, вслѣдствіе перемѣнъ происшедшихъ въ устройствѣ общества.

Обособленіе сословій съ болѣе точной разверсткой государственныхъ повинностей сопровождалось разрушеніемъ Земскихъ соборовъ. Легко прослѣдить по актамъ соборовъ ходъ этого разрушенія. Прежде всего, рядомъ съ общими Земскими соборами мы видимъ соборы частные специальные, на которыхъ являются для совѣщанія съ правительствомъ представители не всѣхъ, а нѣкоторыхъ классовъ которыхъ касался возбужденный вопросъ. Такъ, въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича англійское правительство обратилось къ московскому съ нѣкоторыми предложеніями о торговлѣ. Боярская дума отвѣчала на эти предложенія, что теперь «такого дѣла рѣшить безъ совѣта всего государства нельзя ни по одной статьѣ». Но совѣтъ всего государства ограничивался всего вопросомъ однихъ торговыхъ людей города Москвы. Даже на общемъ Земскомъ соборѣ иные вопросы, специально касавшіеся лишь нѣкоторыхъ классовъ, разрѣшались правительствомъ по совѣщанію только съ ихъ представителями. Такъ, вопросъ о пріобрѣтеніи вотчинъ церковными учрежденіями затрогивалъ интересы духовенства и служилыхъ людей, и въ Уложеніи запрещеніе церкви пріобрѣтать недвижимыя имущества является закономъ который былъ поставленъ государемъ во время собора 1648—49 года по совѣту съ духовенствомъ и служилыми людьми, безъ участія представителей другихъ классовъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ общими Земскими соборами видимъ соборы специальные, рядомъ съ совокупнымъ совѣщаніемъ всѣхъ чиновъ государства на общемъ соборѣ, видимъ специальныя особыя совѣщанія только съ нѣкоторыми чинами.

Чтобы объяснить происхожденіе такихъ специальныхъ собраній и особыхъ совѣщаній, слѣдуетъ обратить вниманіе на форму и порядокъ подачи мнѣнія представителями на общемъ соборѣ. Соборные акты даютъ намъ въ этомъ отношеніи любопытныя указанія. Послѣ того, какъ думный дьякъ прочитывалъ на соборѣ предложеніе правительства, чины выборные и невыборные совѣщались по группамъ или по классамъ и подавали свои записки. Духовенство на вопросъ о войнѣ заявляло, что «на то дѣло ратное разсмотрѣніе его царскаго величества и его государевыхъ бояръ и думныхъ людей, а имъ государевымъ богомольцамъ, все то не за обычаи; если государь по настоящему времени изволитъ рать строить, то они государевы богомольцы, ратнымъ людямъ рады помогать, сколько силы ихъ будетъ». Служилые люди, обыкновенно на такой вопросъ заявляли: «воевать или нѣтъ, въ томъ воленъ государь и его государевы бояре, а денежную казну въ случаѣ войны, и всякіе запасы взять, гдѣ государь укажетъ, и его бояре, мы же, если Государь укажетъ на его государеву службу готовы, кому въ мочь». Представители высшихъ торговыхъ и тяглыхъ посадскихъ людей также отклоняли вопросъ о войнѣ, предоставляя рѣшеніе государю съ боярами, а только заявляли о своей готовности или неспособности нести сопряженныя съ вой-

ной финансовыя тяжести, прибавляя „а о ратныхъ людяхъ и запасахъ, о томъ какъ тебѣ, государю, Богъ извѣститъ, то дѣло служилыхъ людей". Представители того или другого класса на соборѣ не обсуждали вопроса во всѣхъ отношеніяхъ, а разбирали его только съ той стороны, которою онъ касался представляемаго класса. Ратные люди говорили, что рѣшать вопросъ о войнѣ не ихъ дѣло,—ихъ дѣло сообразить готовы ли они, могутъ ли они итти въ походъ. Высшіе торговые и тяглые посадскіе люди обсуждали только вопросъ о новыхъ налогахъ, какихъ потребуетъ война. Читая мнѣнія земскихъ представителей можно замѣтить, что у этихъ представителей нѣтъ общихъ дѣлъ и интересовъ, и поэтому невозможна совмѣстная дѣятельность различныхъ классовъ, каждый классъ думаетъ особо отъ другихъ и только о вопросахъ его касающихся. Очевидно, обособленіе сословій и сопровождавшая его сословная разверстка государственныхъ повинностей разорвали общіе интересы, дотолѣ связывавшіе другъ съ другомъ различные классы общества. А какъ скоро не стало этихъ общихъ интересовъ расторглась и совокупная дѣятельность общественныхъ элементовъ Земскаго собора. Вотъ почему въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Земскіе соборы въ прежнемъ составѣ уже не созываются. Въ 1681 году возбужденъ былъ вопросъ о преобразованіяхъ въ военномъ устройствѣ; на соборъ созваны были только представители служилыхъ чиновъ. Въ томъ же году для устраненія недоимокъ задумали измѣнить систему прямыхъ налоговъ; для совѣщанія объ этомъ созваны были представители только отъ тяглыхъ посадскихъ людей. И такъ, Земскіе соборы пали сами собою, потому что обособленіе сословій разрушило совокупную ихъ дѣятельность, уничтоживъ общіе интересы, которые ихъ прежде соединяли.

Припомнимъ теперь фактъ, которымъ сопровождались предпринятыя въ XVII вѣкѣ преобразованія въ управленіи: усиленіе централизаціи повело къ уничтоженію или искаженію земскаго самоуправленія. Подобнымъ этому фактомъ сопровождались и сословныя преобразованія. Какъ реформы административныя вели къ стѣсненію самодѣятельности земскихъ міровъ, такъ и реформы сословныя вели къ разрушенію Земскихъ соборовъ, въ которыхъ выражалась совокупная дѣятельность этихъ земскихъ міровъ.

Легко видѣть общій источникъ, изъ котораго вышли оба эти важные факты. Положеніе, въ которомъ очутилось государство послѣ Смутнаго времени требовало отъ него напряженія всѣхъ народныхъ силъ для внѣшней борьбы. Для этой борьбы нужны были усиленныя средства; чтобы добыть ихъ правительство централизуетъ управленіе и стягиваетъ общество. Централизація управленія убиваетъ мѣстное земское самоуправленіе, стягиваніе общества убиваетъ Земскій соборъ, который былъ лишь высшей формой участія земства въ управленіи. Итакъ, административныя и сословныя реформы, нами изученныя, вытекали собственно изъ финансовыхъ нуждъ государства. Вопросъ о финансахъ былъ скрытой пружиной, которая направляла преобразовательную дѣятельность правительства въ области административной, какъ и въ соціальной, въ устроеніи управленія, какъ и вы устроеніи общества. Отсюда тѣсная внутренняя связь административныхъ и сословныхъ преобразованій съ состояніемъ государственнаго хозяйства.

Государственное хозяйство.

Государственное хозяйство было самымъ больнымъ мѣстомъ въ политикѣ Московскаго государства при новой династіи. Правительство рѣшительно не знало, гдѣ ему найти средствъ для удовлетворенія его новыхъ нуждъ. Исторія финансовой политики Московскаго Правительства въ XVII вѣкѣ, и особенно исторія налоговъ, представляетъ самую трудную и темную, но, можетъ быть, и самую любопытную сторону въ нашей исторіи того времени. Я ограничусь обзоромъ лишь болѣе крупныхъ явленій въ этой сферѣ государственной жизни. Чтобы добыть необходимыя средства, правительство развивало два стремленія: 1) оно возвышало старые налоги и вводило новые, 2) старалось увеличить количество плательщиковъ, привлекая къ тяглу вольныхъ, гулящихъ людей.

Количество налоговъ умножалось обыкновенно посредствомъ превращенія временныхъ налоговъ въ постоянные. Почти каждая новая война въ XVI и XVII вѣкахъ, каждая новая военная потребность вела къ установленію новаго налога; нѣкоторые изъ такихъ налоговъ являлись съ обозначеніемъ временныхъ. но потомъ превращались въ постоянные. Такъ, въ XVI столѣтіи при постоянной борьбѣ съ татарами правительство отъ времени до времени собирало съ тяглыхъ людей деньги на выкупъ плѣнныхъ (налогъ этотъ назывался «полоняничными деньгами»). Въ XVII вѣкѣ этотъ, прежде только временный, налогъ сталъ уже постояннымъ. Въ XVII вѣкѣ чрезвычайные волостные расходы покрывались временными налогами, которые падали какъ на торговыхъ посадскихъ людей, такъ и на крестьянъ: для первыхъ они представляли извѣстный процентъ съ объявленнаго промысловаго оборота (крестьяне платили опредѣленную однообразную сумму, напр., по полтинѣ со двора). Такъ во время первой Польской войны, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, собиралось двадцатая деньга, т. е. 5% съ промысловаго оборота, чрезъ нѣсколько времени назначенъ сборъ десятой, а въ 1662—63 годахъ десятая деньга превратилась въ пятую (20%). Точно также въ царствованіе Михаила Θеодоровича во время Турецкой войны, собиралась сначала 15-я деньга, а потомъ 10-ая. Но каждая изъ этихъ денегъ взималась по нѣсколько лѣтъ сряду, такъ что эти налоги можно было назвать временно-постоянными.

Прежде существовавшіе прямые налоги возвышались посредствомъ измѣненія податной единицы, т. е. единицы обложенія. До конца XVI в. прямой налогъ, падавшій на крестьянъ, имѣлъ поземельный характеръ, взимался съ пашни, т. е. размѣръ его опредѣлялся для каждаго плательщика величиной тяглаго участка, какой пахалъ послѣдній: извѣстный податной окладъ падалъ на выть, земельную мѣру, принимавшуюся за единицу обложенія (отъ 18 до 30 десятинъ, смотря по качеству земли), и каждый платилъ съ своего участка соотвѣтствующую долю этого оклада. Уже къ концу XVI вѣка поземельный налогъ возросъ до тяжелыхъ размѣровъ; онъ вызывалъ противодѣйствіе со стороны тяглаго населенія, что сопровождалось невыгодными послѣдствіями для государственнаго и народнаго хозяйства: чтобы платить меньше, крестьянинъ старался меньше пахать. Сокращеніе крестьянской пашни—явленіе, которое замѣтно усили-

вается въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ. Значитъ, система подобнаго обложенія подкапывала самый источникъ государственнаго дохода. Въ XVII столѣтіи крестьянскіе участки вообще, за немногими исключеніями, были несравненно меньше нынѣшнихъ. Чтобы остановить сокращеніе пашни и казеннаго дохода, правительство измѣнило основаніе обложенія. Съ царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича въ писцовыхъ книгахъ налоги распредѣляются уже не по пахатнымъ участкамъ, а по крестьянскимъ и бобыльнымъ дворамъ; подать падаетъ не на выть, а на крестьянскій дворъ, какъ на податную единицу. Этимъ правительство косвенно побуждало крестьянъ увеличивать пашни, потому что увеличеніе ея не сопровождалось возвышеніемъ казенныхъ платежей. Подворная подать XVII вѣка значительно тяжелѣе поземельной XVI столѣтія. Такимъ путемъ правительство скоро дошло до такого обложенія, которое увеличивать было невозможно, какъ показывали все возраставшія недоимки. Тогда оно обратилось къ другому средству, стало хлопотать о привлеченіи къ тяглу нетяглыхъ людей.

Прежде тягло падало на ограниченный классъ тяглыхъ домохозяевъ, за которыми, обыкновенно, жило и работало нѣсколько вольныхъ, нетяглыхъ людей. Чтобы привести въ извѣстность платежныя силы народа, правительство съ начала царствованія Михаила Ѳеодоровича принимается описывать тяглое городское и сельское населеніе, составляетъ писцовыя книги. Отъ царствованія Михаила Ѳеодоровича такихъ книгъ сохранилось болѣе 500, представляющихъ описи цѣлыхъ уѣздовъ, или отдѣльныхъ селъ и волостей; въ царствованіе Алексѣя Михайловича ихъ составлено было еще болѣе. Писцовая книга подробно пересчитываетъ въ каждомъ поселеніи тяглые дворы съ находящимися въ нихъ взрослыми работниками, обозначаетъ пространство принадлежащей селенію земли пахатной, пустопорожней, сѣнокосной и лѣсной и, наконецъ, размѣръ тягла, падающаго на все имѣніе или общество. Въ связи съ этими описями тяглаго населенія правительство прикрѣпляло посадскихъ людей къ городскому тяглу, крестьянъ—къ поземельнымъ участкамъ. Но и эти мѣры далеко не захватили всѣхъ рабочихъ силъ, которыя надобно было привлечь къ тяглу, податная статистика была еще такъ несовершенна, что множество способныхъ къ тяглу работниковъ оставалось въ «избылыхъ» или въ «пробылыхъ».

Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича правительство придумало оригинальную мѣру съ цѣлью привлечь къ государственному тяглу всѣхъ избылыхъ, оно задумало замѣнить прямые налоги косвенными. Съ этой цѣлью была возвышена и безъ того тяжелая соляная пошлина, посредствомъ которой государственными плательщиками становились всѣ, кому нужна была соль. Пудъ соли до 1646 года оплачивался пошлиной въ 10 денегъ. Теперь, наложена была пошлина вчетверо больше прежней, 40 денегъ или 2 гривны, вслѣдствіе чего рыночная цѣна соли, прежде продававшейся по 30 денегъ пудъ, теперь, съ прибавкой 30 денегъ къ прежней пошлинѣ, удвоилась. На наши деньги эта новая цѣна соли равнялась приблизительно 3 руб. пудъ, т. е. по меньшей мѣрѣ вдесятеро превышала нынѣшнюю цѣну соли. Правительство говорило при этомъ, что если соляная пошлина вполнѣ соберется, то будутъ сложены нѣкоторые

значительные прямые налоги. Тогда же введена была казенная продажа табаку, за которой прежде, какъ за проклятое и богоненавистное зелье, рѣзали носы. Возвышеніе соляной пошлины повело къ тому, что сгнили сотни тысячъ пудовъ рыбы, которой промышленники не могли посолить вслѣдствіе дороговизны соли. Возникшія затрудненія заставили правительство отмѣнить новую пошлину въ 1648 г. Когда началась Польская война, правительство придумало другое, столь же своеобразное средство для покрытія военныхъ расходовъ. Оно рѣшилось воспользоваться государственнымъ кредитомъ и стало выпускать мѣдныя деньги съ курсомъ серебрянныхъ, т. е. мѣдныя ассигнаціи. Это средство давало правительству возможность извернуться на первое время, чтобы покрыть военныя издержки. Но новое дѣло велось неумѣло, и операція не удалась. Во первыхъ, человѣкъ которому было поручено дѣло это, царскій тесть бояринъ Милославскій, выпустилъ отъ себя множество мѣдныхъ денегъ. Во вторыхъ, на рынкѣ появилось множество мѣдной поддѣльной монеты. Это уронило ихъ курсъ. Операція была предпринята въ 1656 г.; уже въ 1659 г. на мѣдныя деньги образовался значительный лажъ, а ъв 1663 г. 12 руб. мѣдныхъ денегъ равнялось одному рублю серебра, т. е. ассигнаціи подешевѣли въ 12 разъ. Это значитъ, что всѣ товары вздорожали въ 12 разъ, по крайней мѣрѣ «для служилыхъ людей, получавшихъ жалованіе мѣдными ассигнаціями. Страшный ропотъ разразился Московскимъ бунтомъ въ 1662 г., что заставило правительство въ слѣдующемъ году изъять изъ обращенія мѣдныя деньги. Таковы были наиболѣе крупныя финансовыя мѣры московскаго правительства. Ихъ достаточно, чтобы видѣть, какъ правительство старалось извернуться въ нуждѣ, чтобы достать необходимыя средства для удовлетворенія своихъ новыхъ потребностей Лишь только московское правительство стало устронять государство послѣ смуты, онъ съ каждымъ шагомъ все сильнѣе стало чувствовать нужду въ новыхъ источникахъ доходовъ и съ каждымъ шагомъ убѣждалось, что у него подъ рукою нѣтъ средствъ открыть такіе источники. Сознаніе этого безсилія и есть важный моментъ во внутренней исторіи XVII вѣка. Какъ только почувствовалось это безсиліе, въ настроеніи правительства и общества, произошла важная перемѣна.

Недовольство положеніемъ дѣлъ въ государствѣ.

Я изложилъ рядъ преобразовательныхъ попытокъ московскаго правительства, касавшихся устройства государственнаго управленія, сословныхъ отношеній, государственнаго хозяйства Всѣ эти попытки были мелки и робки, не вытекали изъ какого-либо общаго, широко задуманнаго и хорошо обдуманнаго плана, внушались потребностью текущей минуты; всѣ онѣ вытекали прямо или косвенно изъ одного источника, изъ финансовыхъ нуждъ правительства, и всѣ имѣли одинаково печальный исходъ, всѣ были неудачны. Туго стянутая, строго централизованная администрація не лучше прежняго обезпечивала казенные интересы. Точнѣе разверстанныя между сословіями государственныя повинности увеличивали общую тягость положенія, не дѣлая отбыванія всѣхъ этихъ повинностей болѣе исправнымъ для

казны. Увеличеніе налоговъ лишь умножило недоимки, не увеличивъ значительно государственныхъ доходовъ. Общей причиной этихъ неудачъ былъ коренной недостатокъ, которымъ страдала финансовая политика правительства; политика эта была основана на простой эксплоатаціи народнаго труда въ пользу казны. Увеличивая налоги, правительство не принимало мѣръ къ развитію промышленныхъ средствъ страны; требуя съ народнаго труда больше, оно не старалось сдѣлать его болѣе доходнымъ, вооружать его лучшими пріемами техническими и направить его на новыя болѣе доходныя производства. Этотъ недостатокъ финансовой политики выразился въ XVII вѣкѣ во всеобщемъ недовольствѣ положеніемъ дѣлъ. Недовольство это постепенно охватило все общество сверху до низу, только оно различно выразилось въ разныхъ слояхъ общества. Внизу оно сопровождалось длиннымъ рядомъ мятежой народныхъ, которыми ознаменовано царствованіе Алексѣя Михайловича. Наверху оно сказалось усиленной критикой существующаго порядка.

Въ переднихъ рядахъ этихъ критиковъ идетъ самая рѣзкая фигура въ нашей исторіи XVII вѣка—патріархъ Никонъ. Въ письмѣ къ царю 1661 года, писанномъ уже во время размолвки, Никонъ высказываетъ недовольство Монастырскимъ приказомъ, учрежденнымъ для суда надъ духовенствомъ по недуховнымъ дѣламъ. Никонъ недоволенъ Приказомъ потому, что въ немъ не было засѣдателей отъ духовенства, всѣмъ правили одни приказные государевы люди. Характеризуя дѣятельность этого Приказа, Никонъ пишетъ царю: «Судятъ и насилуютъ мірскіе судьи и сего ради собралъ ты на себя въ день судный великъ соборъ вопіющихъ о неправдахъ твоихъ. Ты всѣмъ проповѣдуешь поститься, а теперь и невѣдомо кто не постится, ради скудости хлѣбной; во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего. Нѣтъ никого, кто бы былъ помилованъ: нищіе, слѣпые, хромые, вдовы, чернецы и черницы—всѣ данями обложены тяжкими; вездѣ плачъ и сокрушеніе; нѣтъ никого веселящагося въ дни сіи". Такое же строгое отношеніе къ дѣйствительности встрѣчаемъ и въ письмѣ Никона къ восточнымъ патріархамъ 1665 года. Въ этомъ письмѣ, перехваченномъ московскимъ правительствомъ, жалуясь на захваты со стороны царя церковныхъ имуществъ, патріархъ пишетъ: «берутъ людей на службу, хлѣбъ, деньги берутъ немилостиво; весь родъ христіанскій царь отягчилъ данями сугубо, трегубо и больше—и все безполезно". Правда, Никонъ писалъ оба письма подъ вліяніемъ раздраженія, вызваннаго чувствомъ оскорбленнаго самолюбія; но любопытны краски которыми раздраженный патріархъ воспользовался, чтобы нарисовать картину современнаго положенія дѣлъ: всѣ онѣ заимствованы изъ экономическаго положенія государства и народа.

Другимъ обличителемъ, недовольнымъ жизнью, является бѣжавшій изъ отечества подъячій Посольскаго приказа, Григорій Котошихинъ. Его критика московскихъ порядковъ просвѣтлена возможностью сравнить ихъ съ тѣмъ, что онъ видѣлъ за границей. У Котошихина всюду сквозитъ пренебрежительное отношеніе къ покинутому отечеству; онъ всѣмъ недоволенъ въ Московскомъ государствѣ; порядками людьми и ихъ понятіями. Въ москвичахъ онъ видитъ «небогобоязненную натуру, спѣсь, особенно невѣжество. Русскіе люди необычайно (непривычны) ко всякому дѣлу, понежѣ въ государствѣ своемъ уче-

нія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ. Бояре многіе грамотѣ неученые и не «студированные; для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того». Итакъ, спасеніе для москвичей, по мнѣнію московскаго бѣглаго подъячаго, въ наукѣ, процвѣтавшей за границей.

Спасеніе въ той же наукѣ видитъ и попавшій въ Москву «сербенинъ» точнѣе хорватъ и католическій священникъ, Юрій Крижаничъ. Юрій Крижаничъ—славянскій патріотъ, первый изъ извѣстныхъ намъ панславистовъ, несмотря на свое католичество и на свое духовное званіе. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича онъ пріѣхалъ въ Москву, въ которой видѣлъ или, лучше сказать предвидѣлъ спасительницу славянства отъ угрожающихъ ему опасностей. По мнѣнію Крижанича, главное бѣдствіе славянства—это лежащее на его шеѣ ярмо нѣмецкое и его «чужебѣсіе», наклонность къ подражанію. Но присмотрѣвшись къ жизни всеславянскихъ спасителей Крижаничъ былъ неожиданно пораженъ множествомъ укоренившихся здѣсь недостатковъ. Эти недостатки онъ ясно изобразилъ въ своемъ политическомъ памфлетѣ, озаглавленномъ; «Политичныя думы». Памфлетъ этотъ особенно потому имѣетъ для насъ большую цѣну, что какъ видно изъ помѣтки на одномъ спискѣ, его читали и во дворѣ «на верху».

Юрій Крижаничъ прежде всего возстаетъ противъ національнаго самомнѣнія русскихъ, противъ излишняго пристрастія ихъ къ своимъ обычаямъ. Но болѣе всего поразила его экономическая несостоятельность Русскаго государства и народа, его бѣдность сравнительно съ западными государствами. Тамъ, на Западѣ, пишетъ Крижаничъ „разумы у народа хитры: есть гавани, торговля морская, ремесла, земледѣліе». Этого нѣтъ въ Россіи; «здѣсь умы у народа тупы и косны, нѣтъ умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; купцы не учатся даже ариѳметикѣ. Русскій человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ: онъ лѣнивъ, непромышленъ, самъ себѣ добра не хочетъ дѣлать, если его не принудятъ къ тому силою. Книгъ у него нѣтъ никакихъ, ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ“. Юрія Крижанича поражаютъ и недостатки въ нравственной жизни русскаго народа, особенно пьянство, отсутствіе природной бодрости, благородной гордости, стыдливости, слабое развитіе чувства правды, неумѣнье ни въ чемъ мѣры держать, среднимъ путемъ ходить, а все по окраинамъ да пропастямъ“. Пораженный этими недостатками, Юрій Крижаничъ даже готовъ отдать предпочтеніе передъ русскими туркамъ и татарамъ; онъ у нихъ совѣтуетъ русскимъ учиться храбрости, трезвости, правосудію и даже стыдливости. И московскому правительству также не мало досталось отъ славянскаго патріота. То у насъ правительство въ конецъ распущено, то черезъ чуръ жестоко и свирѣпо; во всемъ свѣтѣ нѣтъ безнаряднаго и распутнаго государства, какъ въ Польшѣ, и такого крутого правительства, какъ въ Москвѣ». Таковы главные недостатки русской жизни, отмѣченные Крижаничемъ. Какъ видно онъ не закрывалъ глазъ передъ этой жизнью; обличеніе ея недостатковъ у него даже слишкомъ рѣзко, переступаетъ границы. Перелистывая его книгу, думаешь иногда, что читаешь передовую статью въ современной русской газетѣ. И Крижаничъ, какъ чистый славя-

нинъ, очевидно, не умѣетъ «мѣру держать, среднимъ путемъ ходить», въ чемъ онъ упрекаетъ русскихъ. Въ его сочиненіяхъ болѣе чувства, чѣмъ продуманныхъ мыслей; отсюда у него можно замѣтить множество противорѣчій.

Гдѣ же средства спасенія, по мнѣнію Крижанича? Ихъ четыре 1) просвѣщеніе, наука, книги—мертвые, но мудрые и правдивые совѣтники, особенно необходимые для правительства; болѣе всего настаиваетъ Крижаничъ на необходимости образованія техническаго, ведущаго прямо къ народному обогащенію: 2) Дѣйствіе сверху, правительственная регламентація. Въ Россіи полное самодержавіе: повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное. Напр., не знаетъ купецъ грамоты и цифры—указомъ закрыть его лавку, пока не научится; 3) Развитіе общественной свободы. При самодержавіи не должно быть излишней жестокости въ управленіи, „людодерства», обременяющаго народъ непосильными поборами и взятками. Для этого необходимы сословныя «слободины», извѣстныя политическія права, сословное самоуправленіе. Необходимо предоставить купцамъ избирать себѣ старостъ съ сословной юрисдикціей, необходимо устроить ремесленниковъ въ цехи, предоставить промышленнымъ людямъ право ходатайствовать о своихъ нуждахъ предъ правительствомъ. 4) Переводъ полезныхъ иностранныхъ книгъ на русскій языхъ. Возставая противъ нѣмцевъ, которые вмѣстѣ съ греками и жидами сидятъ, по мнѣнію Крижанича, на славянской шеѣ, онъ находитъ для ремесленнаго и промышленнаго образованія народа необходимымъ перевести иностранныя сочиненія по этой части и вызвать иностранныхъ, т. е. нѣмецкихъ же мастеровъ для обученія ремесламъ русскихъ людей.

Такова сложная и нестройная программа Юрія Крижанича. Трудно сказать, какъ онъ мирилъ ея различныя до-противорѣчія части. Разсматривая ее, вы невольно воскликнете: „да это программа Петра Великаго, даже со всѣми ея недостатками и противорѣчіями, съ ея идиллической вѣрой достигнуть всего указами, ввести широкую торговлю съ помощью переводной книжки о торговлѣ. Такое сходство понятій у лицъ, столь различныхъ по общественному положенію и раздѣленныхъ другъ отъ друга почти цѣлымъ полувѣкомъ, свидѣтельствуетъ не о политической прозорливости славянскаго патріота, а о той силѣ, съ какой, народная жизнь подсказывала правительству свои нужды.

Иноземное вліяніе въ XVII в., военныя и другія „новшества“.

Такъ выразилось въ литературѣ недовольство положеніемъ дѣлъ. Недовольство это чрезвычайно важный поворотный элементъ въ нашей исторіи; оно сопровождалось неисчислимыми послѣдствіями, которыя составляютъ все содержаніе нашей дальнѣйшей исторіи. Недовольство раздѣлило дотолѣ однородное по правамъ и понятіямъ русское общество на два враждебныхъ лагеря, на поклонниковъ старины и приверженцевъ новизны. Однихъ оно сбило съ привычной дороги, выбило изъ созданнаго дѣдами и отцами круга понятій а другихъ заставило еще тѣснѣе замкнуться въ этомъ кругу. Затрудненіе, въ ко-

торомъ очутилось московское правительство новой династіи, не было новостью, которая не имѣла бы мѣста при прежнихъ государяхъ. Затрудненіе это состояло въ невозможности удовлетворить насущнымъ потребностямъ государства наличными средствами, какія давалъ существующій порядокъ, т. е. въ невозможности обойтись безъ новой коренной перестройки государственнаго порядка. Необходимость такой перестройки возникала теперь не впервые въ Московскомъ государствѣ, только раньше она не приходила къ тому, что случилось теперь.

Съ половины XV вѣка московское правительство, объединяя Великороссію, постепенно чувствовало все живѣе невозможность справиться при старыхъ удѣльныхъ средствахъ съ новыми задачами. Оно и принялось тогда устраивать новый государственный порядокъ. Оно строило его по своему разумѣнію изъ элементовъ, какія давала народная жизнь, руководствуясь опытомъ и уроками своей исторіи. Эта перестройка только укрѣпляла авторитетъ, старины, поддерживала вѣру въ народныя силы, питала національную самоувѣренность.

Теперь было не то. Несостоятельность существующаго порядка привела къ мысли о негодности самихъ элементовъ этого порядка, заставила думать, что истощился запасъ собственнаго разумѣнія, что у старины нечему больше учиться. Тогда совершился поворотъ въ умахъ: московскіе правительственные люди съ половины XVII вѣка теряютъ національную самоувѣренность и начинаютъ искать указаній и уроковъ у чужихъ людей, все болѣе убѣждаясь въ превосходствѣ другихъ и въ своей собственной отсталости. Они теряютъ вѣру въ творческую силу родной старины, на мѣсто этой вѣры являются уныніе, отчаяніе въ своихъ силахъ. Съ этой минуты и развивается въ нашей исторіи цѣлый рядъ новыхъ явленій, которыя имѣли одинъ общій источникъ. Источникомъ этимъ было иноземное вліяніе, которое росло съ каждымъ поколѣніемъ.

Трудно сказать, отчего произошла эта разница въ ходѣ явленій XVI и XVII вѣковъ, почему теперь московское правительство потеряло вѣру въ то, во что вѣрило и съ помощью чего дѣйствовало прежде. Можетъ быть это произошло оттого, что люди XVII вѣка были слабѣе своихъ дѣдовъ въ XVI вѣкѣ; можетъ быть, неудача самобытнаго построенія государства въ XVI вѣкѣ научила государственныхъ людей не вѣрить въ свои національныя силы: вѣрнѣе всего, причина заключалась въ перемѣнѣ нашихъ отношеній къ западно-европейскому міру.

Въ XVI и XVII вѣкахъ на развалинахъ феодальнаго порядка создались новыя централизованныя государства: одновременно съ этимъ, народный трудъ вышелъ изъ тѣсной сферы феодальнаго землевладѣнія, гдѣ онъ былъ насильственно заключенъ прежде. Съ географическими открытіями ему открылся широкій просторъ для дѣятельности, и онъ началъ усиленно работать на новыхъ поприщахъ и новымъ капиталомъ, городскимъ и торгово-промышленнымъ, который вступилъ въ успѣшное состязаніе съ капиталомъ феодальнымъ, землевладѣльческимъ. Оба эти факта вели за собою значительные успѣхи съ одной стороны, въ развитіи административной, финансовой и военной техники, а съ другой развитіи техники промышленной. Россія не участвовала во всѣхъ этихъ успѣхахъ: потому въ XVII столѣтіи она

оказалась болѣе отсталой отъ Запада, чѣмъ была въ началѣ XVI вѣка. Эта отсталость грозила ей важными внѣшними опасностями.

Больше всего отсталость Московскаго государства чувствовалась въ той сферѣ, недостатки которой всего замѣтнѣй отзывались на положеніи государства, въ устройствѣ военныхъ силъ, въ организаціи внѣшней обороны страны. Какъ мы знаемъ, Московское государство охранялось огромной военной силой, состоявшей изъ дворянской конницы и стрѣлецкой пѣхоты, возникшей еще при отцѣ Грознаго. Въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ та и другая оказывались несостоятельными; московскія арміи терпѣли неоднократныя пораженія съ польской и шведской стороны. Уже къ концу XVI вѣка въ московскомъ правительствѣ явилась мысль призвать на помощь къ своимъ ратямъ боевыя силы Запада. Съ царствованія Θеодора Ивановича правительство начало нанимать иноземные отряды на московскую службу. Готовясь ко второй Польской войнѣ, правительство царя Михаила наняло цѣлый корпусъ охочихъ нѣмцевъ въ 7,000 человѣкъ. Ненадежность этой наемной рати заставила правительство думать объ устройствѣ собственной регулярной арміи. Съ царствованія Михаила Θеодоровича идетъ усиленная забота правительства объ этомъ. Изъ безпомѣстныхъ и мелкопомѣствыхъ дворянъ и изъ охочихъ людей другихъ классовъ составляли полки конные и пѣшіе, которые отдавали на обученіе иноземнымъ офицерамъ и вооружали по иноземному образцу. Такъ возникли московскіе регулярные полки, конные (рейтарскіе) и пѣшіе (солдатскіе). При царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ эти полки составляли едва ли уже не большую половину московской арміи: было на лицо 63 полка (пѣшихъ и конныхъ) по 1,000—1,700 человѣкъ въ каждомъ. Уже при царѣ Михаилѣ былъ составленъ уставъ для обученія войска иноземному строю, который и былъ напечатанъ при царѣ Алексѣѣ въ 1647 году подъ заглавіемъ: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей».

Созданіе регулярныхъ полковъ вызвало потребность въ устройствѣ снабженія арміи. Сначала выписывали боевые снаряды изъ-за границы по дорогой цѣнѣ; потомъ въ интересахъ казны задумали устроить собственные заводы. Обратились за помощью къ иностраннымъ мастерамъ и капиталистамъ, приглашая ихъ на выгодныхъ условіяхъ. Въ 1630-годахъ голландскій капиталистъ Викіусъ получилъ привиллегію на устройство желѣзнаго завода съ обязательствомъ ставить въ казну извѣстное число пушекъ и ядеръ и т. п. Такъ возникли Тульскіе заводы. Въ 1670 году составилась компанія подъ руководствомъ гамбургскаго капиталиста Марселиса и голландскаго — Аккема, которая получила такую же привилегію на устройство заводовъ желѣзныхъ по рѣкамъ Шекснѣ, Костромѣ и Вагѣ. Вслѣдъ за этими заводами возникаетъ нѣсколько другихъ: кожевенныхъ, стеклянныхъ и пр.; приглашаются во множествѣ иноземные «рудознатцы» и мастера часового, пушечнаго, колокольнаго, поташечнаго и другихъ дѣлъ. Всѣхъ этихъ мастеровъ обязывали обучать русскихъ людей безъ утайки. Заботы о развитіи военныхъ силъ и объ устройствѣ ихъ снабженія вызвали мысль о развитіи народнаго хозяйства, какъ источника средствъ на покрытіе новыхъ военныхъ расходовъ. Этой мысли долго не могло усвоить себѣ московское правительство XVII вѣка; долго оно не могло понять, что возвышенію налоговъ вызван-

ному новыми государственными потребностями, должно предшествовать поднятіе уровня народнаго благосостоянія посредствомъ усиленія производительности народнаго труда.

Народное хозяйство на Западѣ питалось широкой морской торговлей, которая велась многочисленными торговыми флотами. Мысли о флотѣ, о гаваняхъ, о морской торговлѣ начали сильно занимать московское правительство уже съ половины XVII вѣка. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлана была попытка завести флотъ на Окѣ, въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Дѣдновѣ построили для Каспійскаго моря корабль «Орелъ», вызвавъ для того голландскаго мастера, капитана Бутлера. Корабль обошелся 9,000 рублей (около 100,000 руб. на наши деньги) и былъ спущенъ въ Астрахани. Но этотъ родоначальникъ русскаго флота, какъ извѣстно, былъ сожженъ Разинымъ въ 1670 году. Въ Московскомъ государствѣ были гавани на Бѣломъ морѣ, но слишкомъ отдаленныя отъ Москвы и отъ рынковъ западной Европы (отъ Балтійскаго моря мы были отрѣзаны шведами), у правительства является оригинальная мысль взять въ прокатъ для будущаго московскаго флота чужія гавани. Въ 1662 году московскій посолъ, проѣздомъ въ Англію, много говорилъ съ курляндскимъ канцлеромъ, нельзя ли какъ-нибудь завести московскіе корабли въ курляндскихъ гаваняхъ. Курляндскій канцлеръ отвѣтилъ, что «великому государю пристойнѣе заводить корабли у своего города Архангельска».

Такъ московское правительство почувствовало настоятельную потребность въ военной и промышленной техникѣ; ничего болѣе, кромѣ этой техники, не требовали въ первое время насущныя нужды государства. Эта потребность привлекла въ Москву массу иноземныхъ техниковъ, ратныхъ людей, мастеровъ, заводчиковъ. Возникшая еще въ XVI вѣкѣ иноземная слобода, почти исчезнувшая въ Смутное время, была въ XVII вѣкѣ отстроена вновь и заселена. Уже около половины XVII вѣка, по свидѣтельству Олеарія, въ Москвѣ считалось до тысячи однихъ только протестантскихъ семействъ. Эта иноземная или нѣмецкая слобода и стала проводникомъ западно-европейской культуры въ такихъ сферахъ московской жизни, гдѣ она не требовалась насущными нуждами государства. Внѣшнія опасности заставляли государство призвать на помощь иноземныхъ офицеровъ и мастеровъ, вмѣстѣ съ военной и промышленной техникой западной Европы, они приносили въ Москву и западно-европейскій комфортъ, западныя увеселенія и украшенія жизни. Этотъ комфортъ, былъ роскошью для Московскаго общества, не вызывался его текущими насущными нуждами; но любопытно слѣдить за тѣмъ, какъ оно наивно и жадно набрасывается на эту роскошь, на эти привозныя приманки, даже въ ущербъ своимъ насущнымъ потребностямъ. Царь и бояре съ половины XVII вѣка начинаютъ щеголять въ иноземныхъ каретахъ, заводить у себя домашнюю обстановку на западный ладъ, украшая комнаты часами, картинами, заводить музыку на пирахъ; во дворцѣ у царя во время вечерняго стола «въ органы играетъ нѣмчинъ, въ трубу трубятъ и по литаврамъ бьютъ». При царскомъ дворѣ и въ высшемъ кругу развивается вкусъ къ иноземной потѣхѣ, къ театральнымъ зрѣлищамъ. Царь заводитъ во дворцѣ «комедійныя дѣйства»—спектакли, гдѣ играли мистеріи, и возвышались даже до балета. На заговѣнье въ 1674 г. царь съ женой, дѣтьми

и боярами смотрѣли въ Преображенскомъ комедію, «какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана»: при этомъ нѣмцы и дворовые люди Матвѣева «играли на органахъ, на фіолахъ и на страментахъ и танцовали». Въ то время, когда только помышляли о школахъ для первоначальнаго образованія, поспѣшили завести театральную школу. Въ 1673 году нѣсколько десятковъ мѣщанскихъ дѣтей и подъячихъ отданы были на выучку директору школы при лютеранской церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ, руководителю иноземной драматической труппы, магистру Іоганну Готфриду Грегори. Но бояринъ Матвѣевъ изъ своихъ дворовыхъ образовалъ другую труппу. Эта житейская роскошь не вызывалась насущными потребностями государства, но она въ свою очередь рождала и воспитывала новые, болѣе утонченные понятія и вкусы, сравнительно съ тѣми, какими жила древняя Русь. Житейскій комфортъ, житейскія удобства, изящныя украшенія жизни на Западѣ были обязаны своими успѣхами не одному счастливому экономическому положенію богатыхъ классовъ, не одной прихоти ихъ избалованнаго вкуса. Тамъ въ созданіи этихъ житейскихъ удобствъ участвовали продолжительныя духовнонравственныя усилія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ. Эти удобства развивались на Западѣ параллельно съ успѣхами науки и искусства. И у насъ, какъ только познакомились съ этими удобствами, начали смутно чувствовать тѣ духовные интересы, изъ которыхъ они развились и съ которыми вмѣстѣ рослина Западѣ.

Въ одно время съ заимствованіемъ военныхъ хитростей, потѣшныхъ увеселительныхъ вымысловъ, въ высшихъ московскихъ кругахъ начинаетъ пробуждаться интересъ къ умственному образованію, любознательность, охота къ размышленію о такихъ предметахъ, которые не входятъ въ кругъ повседневныхъ насущныхъ работъ общества. При дворѣ является рядъ жаркихъ поклонниковъ иностраннаго: бояринъ Никита Романовъ, бояринъ Морозовъ, оба любители западной науки, западной музыки, западныхъ обычаевъ.

Кто же станетъ посредникомъ между западной Европой и Москвою, проводникомъ знаній, понятій, вкусовъ первой въ московскомъ обществѣ? Между московской Русью и западной Европой лежала страна славянская, но католическая—Польша; эта страна церковнымъ единствомъ и географическимъ сосѣдствомъ была связана съ романо-германскимъ міромъ. Раннее развитіе крѣпостнаго права въ Польшѣ сдѣлало польское дворянство праздной и воспріимчивой почвой для западно-европейской культуры, а мѣстныя условія страны и національный характеръ сообщили мѣстный національный пошибъ этой заимствованной культурѣ. Впрочемъ, первоначально не настоящая Польша могла стать проводникомъ западно-европейскаго образованія въ московскую Русь. Съ польскимъ государствомъ политически была связана часть православной Руси. Религіозные и національные интересы давно уже возбудили ожесточенную борьбу этой Руси съ Польскимъ государствомъ и римскимъ католичествомъ. Борьба эта заставила западно-русское общество обратиться къ тому самому оружію, какимъ сильна была противная сторона, къ школѣ, литературѣ, латинскому языку. Во всемъ этомъ западная Русь давно опередила восточную. Западно-русскій православный монахъ—образованный въ школѣ латинской или устроенной по латинскому образцу, и былъ первымъ проводникомъ западной науки въ московскую Русь. Само

правительство въ половинѣ XVII вѣка призвало изъ Кіева, изъ тамошней Могилянской академіи, нѣсколько такихъ монаховъ для удовлетворенія церковныхъ нуждъ, для перевода и изданія Библіи. Но эти западно-русскіе ученые съ Епифаніемъ Славинецкимъ и Сатановскимъ во главѣ, кромѣ исполненія заказаннаго имъ дѣла, спѣшатъ удовлетворить и другимъ потребностямъ московскаго общества. Они составляютъ и переводятъ множество книгъ, сборниковъ, непохожихъ на прежніе самодѣльные патерики, цвѣтники и др. сборники. Они издаютъ географіи, космографіи и т. п. книги, вмѣстѣ съ лексиконами латинскими, греческими и польскими. Всѣ эти книги стали бойко спрашиваться московскимъ читающимъ обществомъ, прежде всего искали въ нихъ практической пользы. Въ старыхъ описяхъ дѣлъ московскаго—Посольскаго приказа попалась мнѣ одна мелкая, но любопытная замѣтка, относящаяся къ 1622 году. Въ этомъ году служилый голландецъ Фандергинъ представилъ въ приказъ какую-то переводную статью объ «алхимисской мудрости (алхимической) и объ иныхъ дѣлахъ». Не удовольствовавшись тѣмъ, онъ въ 1626 г. подалъ записку «о высшей философской алхиміи». Очевидно, въ Москвѣ съ большимъ любопытствомъ собирали свѣдѣнія о таинственной и соблазнительной наукѣ, съ помощью которой надѣялись узнать искусство дѣлать золото.

Такъ чувствовалась въ Москвѣ потребность въ книжномъ научномъ образованіи. Потребность эта прежде сильнѣе всего ощущалась въ двухъ сферахъ московской жизни, церковной и приказно-административной. Появленіе ересей и неисправность богослужебныхъ книгъ заставило умнѣйшихъ изъ духовенства заняться изученіемъ наукъ словесныхъ. Исправители Требника при царѣ Михаилѣ, архимандритъ св. Троице-Сергіевской Лавры Діонисій съ своимъ ученымъ кружкомъ, уже немолчно проповѣдуютъ о необходимости для духовенства знать грамматику, риторику; является мысль и о «священной фисософіи», Діонисій и его друзья жестоко возстаютъ противъ невѣжества современнаго духовенства московскаго, упрекаютъ духовныхъ невѣждъ въ томъ, что они «не знаютъ ни православія, ни кривословія, точію «Божественныя Писанія по чернилу проходятъ, (т. е. читаютъ только написанныя строки), разума же сихъ не нудятся свѣдѣти». Подъ вліяніемъ почувствованной потребности возникаетъ въ Москвѣ цѣлый рядъ школъ, устраиваемыхъ и правительствомъ, и частными людьми. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ при Чудовомъ монастырѣ была устроена школа обученія желающихъ латинскому и греческому языкамъ. Эта школа поручена была надзору пріѣхавшаго грека, старца Арсенія, бывшаго справщикомъ печатнаго двора и впослѣдствіи сосланнаго въ Соловки. Патріархъ Никонъ потомъ поручилъ эту школу Епифанію Славинецкому (послѣ ссылки Арсенія). Въ шестидесятыхъ годахъ учитель царскихъ дѣтей, Симеонъ Полоцкій, западно-русскій монахъ, устроилъ въ Москвѣ казенную Спасскую школу для обученія латинскому языку подъячихъ Посольскаго приказа. При царѣ Өеодорѣ составленъ былъ проектъ знаменитой впослѣдствіи Славяно-Греко-Латинской Академіи, открытой уже въ правленіи царевны Софьи. Частныя лица соперничали съ правительствомъ въ дѣлѣ просвѣщенія. Впрочемъ, и эти ревнители просвѣщенія были люди правительственнаго класса.

Самымъ жаркимъ ревнителемъ является близкій человѣкъ къ царю Алексѣю, его постельничій и потомъ окольничій—Өеодоръ Ми-

хайловичъ Ртищевъ. Онъ устроилъ подъ Москвою Свято-Андреевскій монастырь и на свой счетъ выписалъ изъ Кіева до 30-ти ученыхъ русскихъ монаховъ. Эти ученые должны были переводить иностранныя книги и обучать желающихъ грамматикѣ славянской, латинской и греческой, риторикѣ, философіи и другимъ словеснымъ наукамъ. Выписанные монахи, съ ихъ покровителемъ во главѣ, составили ученый кружокъ. Ртищевъ ночи проводилъ бесѣдуя съ ними и разсуждая объ ученыхъ предметахъ, и даже самъ учился греческому языку. Къ пріѣзжимъ кіевскимъ старцамъ примыкали нѣкоторые изъ ученыхъ московскихъ монаховъ. Такъ возникло ученое общество въ Москвѣ, вольная академія наукъ. Пользуясь своимъ правительственнымъ значеніемъ, Ртищевъ заставляетъ нѣсколькихъ молодыхъ людей ходить къ кіевскимъ старцамъ въ Андреевскій монастырь учиться у нихъ по латыни и гречески.

Въ семидесятыхъ годахъ, по просьбѣ прихожанъ московской церкви Іоанна Богослова, патріархъ Іосафъ благословилъ устроить при ихъ приходѣ гимнасіонъ, гдѣ бы „спудеи (студенты) предавались изученію грамматической хитрости ради изощренія разумовъ отъ благоискуссныхъ дидаскаловъ». Такъ гласитъ благословенная грамота патріарха. Толки о необходимости просвѣщенія распространяли въ обществѣ извѣстный кругъ знаній и еще больше потребность въ немъ. О необходимости образованія немолчно проповѣдуютъ пріѣзжіе западно-русскіе ученые, Симеонъ Полоцкій въ словѣ, сказанномъ на праздникъ Рождества Христова, отъ имени пріѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патріарховъ, колетъ москвичамъ глаза за ихъ пренебреженіе къ наукѣ, говоря, что „премудрость въ Россіи не имѣетъ, гдѣ главу приклонити», онъ указываетъ на примѣръ Запада, который «держитъ греческій языкъ, яко свѣтильникъ и созидаетъ училище для изученія его». По его словамъ, русскіе «ученія чуждаются, мудрость предстоящую Богу, презираютъ». Онъ совѣтуетъ царю «училища греческія, славянскія и иныя созидать, спудеевъ умножать».

Высшій классъ, слѣдуя примѣру царя, хотя не отдаетъ дѣтей въ школы, но беретъ въ дома пріѣзжихъ учителей, сначала западно-русскихъ монаховъ, а потомъ и католиковъ-поляковъ. Царь Алексѣй не удовлетворяется выучкой, какая дана была его сыновьямъ московскимъ подъячимъ, онъ училъ ихъ иноземнымъ языкамъ, латинскому и польскому, для довершенія образованія царевича Ѳеодора призываетъ западно-русскаго ученаго Симеона Ситіоковича (полоцкаго), воспитанника польскихъ школъ и Кіевской академіи. Симеонъ пріятный учитель, онъ облекаетъ науку въ привлекательныя формы, подслащаетъ ее, излагаетъ ее въ стихахъ, въ виршахъ. Въ этихъ виршахъ онъ касается и политическихъ предметовъ, старается развить политическое сознаніе царственнаго питомца, внушаетъ ему, „какъ гражданство гражданствующимъ (правителямъ) знати подобаетъ“. Онъ рисуетъ своему ученику такой политическій идеалъ, по которому царь долженъ носить бремена подданныхъ относиться къ нимъ строго, но разборчиво «не презирати, не за псы имѣте, паче любити, яко свои дѣти». Интересъ къ переводнымъ или даже польскимъ книжкамъ проникаетъ въ московскій царскій дворецъ, и въ среду московскаго боярства. Старшіе сыновья Алексѣя Михайловича, царевичи Алексѣй и Ѳеодоръ, знали языки польскій и латинскій; царевичъ Ѳеодоръ обу-

ченъ былъ даже искусству слагать вирши и былъ сотрудникомъ Симеона Полоцкаго по стихотворному переложенію Псалтыря, именно переложилъ два псалма. Старшая царевна Софья, также обучалась польскому языку, читала польскія книги, и въ ея русскихъ письмахъ, иногда встрѣчаются латинскія буквы. По свидѣтельству Лазаря Барановича, архіепископа Черниговскаго, учителя Симеона Полоцкаго въ его время «царскій синклитъ польскаго языка не гнушался, но читалъ книги и исторіи ляцкія въ сладость».

Бояре стремились къ знанію тѣмъ усерднѣе, что оно стало считаться необходимымъ для успѣха на службѣ. Бояринъ Матвѣевъ училъ своего сына латинскому и греческому языкамъ; предшественникъ его по управленію Посольскимъ приказомъ, бояринъ Ордынъ-Нащокинъ; окружилъ своего сына плѣнными поляками, которые развили въ немъ такую любовь къ Западу, что заставили молодого человѣка бѣжать за границу. Первый русскій резидентъ въ Польшѣ, Тяпкинъ, отдалъ своего сына въ польскую школу въ 1675 году; посылая его въ Москву съ дипломатическимъ порученіемъ, отецъ представилъ его во Львовѣ королю польскому Яну Собѣсскому. Молодой человѣкъ произнесъ передъ королемъ рѣчь, въ которой благодарилъ его «за хлѣбъ и соль за науку школьную». Рѣчь эта была сказана на тогдашнемъ школьномъ полупольскомъ и полу-латинскомъ жаргонѣ, причемъ, по донесенію отца, «сынокъ такъ явственно и изобразительно свою орацію предложилъ, что ни въ одномъ словѣ не запнулся». Король пожаловалъ оратора сотней золотыхъ и пятнадцатью аршинами краснаго бархата.

И такъ, почувствовалась въ Москвѣ потребность въ европейскомъ комфортѣ и искусствѣ, въ научномъ образованіи, въ школѣ латыно-польской или устроенной по ея образцу. Иноземное вліяніе, вызванное насущными нуждами государства, вмѣстѣ съ необходимымъ заставила заимствовать и то, чего не требовали ближайшія нужды государства.

Начало реакціи противъ новшествъ.

Потребность въ новой наукѣ, принесенной съ Запада, встрѣтилась съ укоренившеюся вѣками въ московскомъ обществѣ неодолимой апатіей и подозрительностью ко всему, что шло съ католическаго или протестанскаго Запада. Какъ только московское общество стало вкушать плоды западной науки, имъ начинаетъ овладѣвать тяжелое раздумье, точно ли полезна эта наука, не грозитъ ли она опасностью вѣрѣ. Это раздумье—моментъ въ настроеніи московскихъ умовъ, сопровождавшійся важными послѣдствіями.

До насъ дошелъ обрывокъ одного слѣдственнаго дѣла 1650 года, любопытный для характеристики этого момента. Въ дѣлѣ выступаетъ московская учащаяся молодежь, люди большей частью приказнаго происхожденія, отданные въ науку. То были Лучка Голосовъ (въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича думный дьякъ, а потомъ думный дворянинъ—Лукьянъ Тимофѣевичъ; онъ прошелъ искусъ сомнѣній въ пользѣ наукъ и достигъ важнаго правительственнаго поста и одного изъ высшихъ чиновныхъ званій), Степанъ Олябьевъ, Иванъ Засѣцкій

и дьячекъ придворнаго Благовѣщенскаго собора Костька Ивановъ. Это былъ тѣсный кружокъ друзей, занятый одинаковыми интересами и думами. С. Олябьевъ говорилъ на слѣдствіи, что когда жилъ въ Москвѣ старецъ Арсеній греченинъ, который сосланъ былъ потомъ на Соловки, и онъ, Степанъ, хотѣлъ у него поучиться по латыни, а какъ того старца сослали на Соловки, и онъ—де, Степанъ, учиться пересталъ и азбуку изодралъ, потому что учили ему говорить родимцы его и Лучка Голосовъ и Ивашка Засѣцкій „перестань-де учиться по-латыни, дурно-де, а какое дурно, того не сказали“. Самъ Лучка Голосовъ, по властному приглашенію Ртищева, учится въ св. Андреевскомъ монастырѣ у кіевскихъ старцевъ; но онъ противъ ихъ науки, видитъ въ ней одну бѣду для вѣры. Онъ говоритъ дьячку Костькѣ Иванову: «извѣсти протопопу Благовѣщенскаго собора, о. Вонифатьеву, духовнику царя, что я у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочу, старцы они недобрые, я въ нихъ добра не призналъ, и добраго ученія у нихъ нѣтъ; теперь я пока маню (угождаю) Өеодору Михайловичу Ртищеву, боясь его, а впредь учиться не хочу». Около того же времени и при содѣйствіи того же Ртищева поѣхали въ Кіевъ Зеркальниковъ и Озеровъ (также молодые люди) доучиваться у старцевъ кіевскихъ полатыни. Дьячекъ Костька съ собесѣдниками боялись, что какъ эти молодые люди выучатся да воротятся въ Москву, надѣлаютъ здѣсь они большихъ хлопотъ; хорошо бы ихъ до Кіева не допустить и назадъ воротить; и безъ того они всѣхъ укоряютъ и ни во что не ставятъ благочестивыхъ протопоповъ, говоря про нихъ: «враки де они вракуютъ, слушать у нихъ нечего, и себѣ имени (чести) не дѣлаютъ, учатъ де просто, сами ничего не знаютъ, чему учатъ». Тѣ же ревнители благочестія говорили тихонько про боярина Морозова, что «бояринъ де Борисъ Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а кіевлянъ началъ жаловать—значитъ туда же уклонился, къ ихъ же ересямъ».

Итакъ, знакомство съ новой наукой уже тогда развило въ молодежи самомнѣніе и рѣзкую критику признанныхъ доморощенныхъ авторитетовъ. Знакомство съ западной наукой тотчасъ вызвало въ московскомъ обществѣ тяжелый вопросъ: безопасна ли эта наука для православной вѣры? Вопросъ этотъ былъ вызванъ въ ту минуту, какъ проводниками науки явились западно-русскіе православные же монахи. Понятно, что когда учителями стали иностранцы, протестанты и католики, этотъ вопросъ долженъ былъ обостриться. Тогда онъ привелъ къ важному явленію нашей церкви, къ расколу. По тѣсной связи этого явленія съ умственнымъ и нравственнымъ движеніемъ въ московскомъ обществѣ XVII вѣка, я долженъ остановить ваше вниманіе на происхожденіе церковнаго, русскаго раскола.

Происхожденіе раскола въ русской церкви.

Сомнѣніе въ нравственно-религіозной безопасности новой науки, пробудившееся около половины XVII вѣка, повело къ церковному расколу. Расколомъ мы называемъ отдѣленіе значительной части русскаго общества православнаго отъ господствующей русской православной церкви, отдѣленіе, совершившееся въ царствованіе Алексѣя, при

патріархѣ Никонѣ, и продолжающееся до селѣ. Раскольники считаютъ себя такими же православными христіанами, какими считаемъ себя мы; они не расходятся съ нами ни въ одномъ догматѣ вѣры, ни въ одномъ изъ основаній вѣрсученія. Но они откололись отъ нашей церкви, не признаютъ авторитета нашего церковнаго правительства во имя «старой вѣры», будто бы покинутой этимъ правительствомъ со временъ Никона; потому мы и зовемъ ихъ не еретиками, а только раскольниками, и потому они насъ зовутъ церковниками или никоніянами, а себя старообрядцами или старовѣрами, держащимися дониконовскаго древняго благочестія. Если старообрядцы не отличаются отъ насъ ни въ одномъ догматѣ вѣры, то спрашивается, отчего же произошло это раздѣленіе, отчего значительная часть русскаго общества оказалась за оградой господствующей церкви? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ различныхъ старообрядческихъ и православныхъ сочиненіяхъ мы прочтемъ слѣдующую повѣсть. До патріарха Никона русскій православный народъ былъ единымъ церковнымъ стадомъ съ единымъ высшимъ церковнымъ пастыремъ. Но въ немъ изстари утвердились нѣкоторые церковные обычаи и мнѣнія, не существовавшіе въ церкви греческой, отъ которой Русь приняла христіанство. Сюда относится двуперстное крестное знаменіе, написаніе „Ісусъ" вмѣсто Іисусъ, сугубая аллилуія, служеніе литургіи на семи, а не на пяти просфорахъ, хожденіе по солонь въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ, разночтенія въ текстѣ Символа вѣры и богослужебныхъ книгъ, небритіе бороды и усовъ и др. Эти обычаи и мнѣнія изъ среды общества и духовенства, изъ житейской и церковной практики, проникали въ церковныя книги и наоборотъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были признаны русской іерархіей на соборѣ 1551 года, и такимъ образомъ получили законодательное освѣщеніе со стороны высшей церковной власти. Между тѣмъ, съ начала XVI вѣка важной заботой нашего церковнаго правительства становится исправленіе текста богослужебныхъ книгъ въ который закрались ошибки и разнорѣчія вслѣдствіе рукописнаго способа распространенія книгъ въ древней Руси. Эти корректурныя попытки только облегчили уканнымъ мнѣніямъ и обрядамъ доступъ въ церковныя книги; исправляя ихъ, справщики вносили въ нихъ тѣ обрядовыя особенности и текстуальные варіанты, которыхъ сами держались. Когда, со второй половины XVI вѣка, у насъ въ Москвѣ стали печатать церковныя книги, эти справки изъ рукописныхъ экземпляровъ переносились и въ печатныя изданія и вмѣстѣ съ послѣдними расходились по церквамъ всей Руси. Такимъ образомъ, печатный станокъ придалъ новую цѣну, общее значеніе мѣстнымъ обрядовымъ разногласіямъ и сообщилъ ускоренный ходъ ихъ распространенію. Много такихъ особенностей внести въ свой трудъ корректоры и издатели церковныхъ книгъ, вышедшихъ при патріархѣ Іосифѣ въ 1642—52 годахъ.

Преемникъ Іосифа, патріархъ Никонъ, съ самаго начала своего правленія ревностно принялся за исправленіе церковныхъ книгъ. Онъ собралъ въ своихъ палатахъ церковный соборъ въ 1654 году и на немъ провелъ постановленіе переиздать книги предварительно исправивъ по первымъ текстамъ. Съ греческаго Востока и изъ разныхъ угловъ Россіи въ Москву свезены были цѣлыя горы рукописей греческихъ и церковно-славянскихъ; отпечатанныя ис-

правленныя изданія разосланы были по русскимъ церквамъ съ приказаніемъ отобрать и истребить книги старопечатныя и старописьменныя какъ неисправныя. Ужаснулись русскіе православные люди, заглянувши въ эти новоисправленныя книги и не нашедши въ нихъ ни двуперстія, ни сугубой аллилуіи, ни другихъ освященныхъ временемъ обрядовъ; они усмотрѣли въ новыхъ книгахъ новую вѣру, по которой не спасались древніе святые отцы, сложили эти книги въ чуланы и прокляли ихъ, какъ еретическія, продолжая совершать служенія и молиться по старымъ книгамъ. Московскій церковный соборъ 1664—66 гг. на которомъ присутствовали два восточныхъ патріарха, проклялъ непокорныхъ за противленіе церковной власти и отлучилъ ихъ отъ православной церкви, а преданные проклятію перестали признавать отлучившую ихъ іерархію своей церковной властью. Съ той поры и раскололось русское церковное общество, и этотъ расколъ продолжается и доселѣ.

Вотъ въ немногихъ словахъ повѣсть о началѣ раскола, какую вы прочтете въ старообрядческихъ и православныхъ сочиненіяхъ. Согласныя между собою въ изображеніи событій обѣ стороны не одинаково объясняютъ ихъ смыслъ и происхожденіе. Отчего произошелъ расколъ? Старообрядцы отвѣчаютъ: оттого, что Никонъ со своими справщиками, исправляя богослужебныя книги, самовольно отмѣнилъ двуперстіе, сугубую аллилуію и другіе обычаи, составляющіе святоотческое древнеправославное преданіе, безъ котораго невозможно спастись, и когда люди древняго благочестія стали за это преданіе, русская іерархія отлучила ихъ отъ своей испорченной церкви. Мы однако чувствуемъ, что въ этомъ объясненіи далеко не все сказано. А какимъ же образомъ двоеперстіе или сугубая аллилуія сдѣлались для старообрядцевъ святоотческимъ преданіемъ, безъ котораго спастись невозможно, а у ихъ противниковъ получили значеніе непримиримой ереси? Какимъ образомъ простой церковный обычай, богослужебный обрядъ, могъ пріобрѣсти такую каноническую важность, стать неприкосновенной святыней? Именно то, что придало такое значеніе обряду и варіанту церковно-книжнаго текста, очевидно, и слѣдуетъ считать истинной причиной, дѣйствительнымъ источникомъ раскола. Замѣчая эту недомолвку, православные историки даютъ на вопросъ иной отвѣтъ: расколъ произошелъ отъ невѣжества раскольниковъ, отъ узкаго пониманія ими религіи христіанской, оттого, что они не умѣли отличать существеннаго отъ формальнаго, обряда отъ содержанія. Однообразіе и неподвижность русской жизни способствовали тому, что церковный обрядъ и буква писанія получили преувеличенное значеніе въ глазахъ массы народа. Этотъ отвѣтъ глубокомысленнѣе старообрядческаго, что совершенно понятно: старообрядческіе повѣствователи—доморощенные, самодѣльные историки, а не доктора богословія или исторіи. Но и этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ всего вопроса. Если извѣстные обряды, освященные преданіемъ, стариной, получили неподобающее имъ значеніе догматовъ, то вѣдь и авторитетъ іерархіи освященъ стариной, и его признаніе необходимо для спасенія, св. отцы безъ него не спасались точно также, какъ и безъ сугубой аллилуіи. Какимъ образомъ старообрядцы рѣшились пожертвовать однимъ церковнымъ установленіемъ, чтобы отстоять другое? Какъ они отважились надѣяться на спасеніе безъ руководства духов-

ной законной іерархіи, ими отвергнутой? Далѣе, остается неяснымъ и другое обстоятельство: обряды и мнѣнія, за которые стали раскольники, не пользовались общимъ признаніемъ на Руси до Никона, имѣли только мѣстное значеніе. Самъ Никонъ, до возбужденія вопроса объ исправленіи книгъ, крестился двумя перстами, и даже послѣ исправленія допускалъ въ Успенскомъ соборѣ пѣніе сугубой аллилуіи. Но и до него многіе крестились тремя перстами, какъ онъ указывалъ креститься впослѣдствіи. Въ рукописномъ житіи соловецкихъ чудотворцевъ съ миніатюрами, написанномъ въ 1629 году, передъ гробницей святого изображенъ на рисункѣ человѣкъ, крестящійся двумя перстами, а преподобный Александръ Свирскій (XVI в.) крестился тремя перстами. Аллилуія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ троили въ XV в., а великій князь Василій Ивановичъ передъ смертью сугубилъ ее. Почему тогда не обращали особаго вниманія на эти разнообразія? Почему тогда изъ-за нихъ не вышло раскола? Для объясненія этихъ вопросовъ я долженъ ввести васъ въ такую сферу древне-русской жизни, куда мы до сихъ поръ не заглядывали. Я изображалъ происхожденіе и развитіе государственныхъ учрежденій и общественныхъ отношеній, передалъ факты политическіе и экономическіе, но не входилъ въ область чувствъ и понятій, нравственнаго порядка древне-русскаго общества. Коснемся теперь этой сферы жизни для объясненія занимающаго насъ вопроса.

До XV вѣка русская церковь была послушной дочерью своей митрополіи, церкви византійской: отъ нея принимала митрополитовъ и епископовъ, церковные законы, весь чинъ церковной жизни. Авторитетъ греческаго православія стоялъ у насъ многіе годы непоколебимо. Древняя Русь видѣла въ византійской церкви свой церковный образецъ. Но съ половины XV вѣка, даже нѣсколько ранѣе, авторитетъ Византіи началъ колебаться во мнѣніи русскаго православнаго общества. Во-первыхъ, московскіе великіе князья, почувствовавъ свою силу, свое всероссійское значеніе, начали переносить это и въ кругъ церковныхъ отношеній,—не хотѣли болѣе зависѣть и въ церковныхъ дѣлахъ отъ сторонней власти, ни отъ византійскаго императора, ни отъ патріарха. Уже въ XIV вѣкѣ въ Москвѣ завелся обычай избирать кандидата на митрополію у себя дома, а въ XV вѣкѣ и самое посвященіе митрополита стало совершаться въ Москвѣ, соборомъ русскихъ епискиповъ. Провести такую перемѣну было тѣмъ легче, что греческіе іерархи не пользовались на Руси никогда особымъ личнымъ авторитетомъ и вліяніемъ; высоко стоялъ въ глазахъ Руси авторитетъ греческой церкви, но не самихъ грековъ; слово—«грекъ» и «плутъ» издревне «были у насъ синонимами: «былъ онъ льстивъ, потому что былъ грекъ», говорить лѣтопись XII вѣка объ одномъ епископѣ. Вдобавокъ греческая іерархія въ XV вѣкѣ страшно уронила себя въ глазахъ русскихъ. Византійскую церковь такъ чтили у насъ, за нее такъ крѣпко держались въ борьбѣ съ латинствомъ—а она, ища на Западѣ помощи противъ напирающихъ на нее турокъ, сама отдалась папѣ, головою выдала Риму восточное православіе, насаженное апостолами, утвержденное св. отцами и семью вселенскими соборами. Такъ смотрѣли русскіе люди на Флорентійскую унію. У насъ до сихъ поръ такъ вѣрили грекамъ во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, такъ ухаживали за греками, какъ за хранителями и учителями православія,—а те-

перь они подослали въ Москву «злокозненнаго врага», сатанина сына—Исидора съ латинскимъ «крыжемъ», и если бы великій князь Василій Васильевичъ не уличилъ «дьявольскаго прелестника», то облатинилъ бы онъ русскую церковь и исказилъ бы древнее благочестіе, насажденное св. Владиміромъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя палъ Царьградъ, и въ этомъ несчастіи, въ паденіи стѣнъ Византіи передъ «безбожными Агарянами», на Руси увидѣли кару Божію за отступленіе грековъ отъ православія. Уже и прежде, когда греки стали «шататься» подъ давленіемъ печальныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, на Руси привыкли смотрѣть на нихъ свысока и подозрительно. Митрополитъ Іона, первый избранный и посвященный въ этотъ санъ въ Москвѣ своими епископами, пишетъ въ своей окружной грамотѣ 1448 г., что русскіе князья принимали благочестіе и митрополитовъ изъ Царьграда пока тамъ твердо стояло православіе. Теперь въ паденіи Царьграда передъ безбожными Агарянами на Руси увидѣли знакъ окончательнаго паденія православія греческаго. Послушайте, съ какой самоувѣренностью объясняетъ связь міровыхъ событій своего времени московскій митрополитъ Филиппъ. Онъ пишетъ въ 1471 году къ возмутившимся новгородцамъ: «И о томъ, дѣти, подумайте: Царьградъ непоколебимо стоялъ, пока въ немъ какъ солнце, сіяло благочестіе; а какъ скоро покинулъ онъ истину, да соединился съ Латиной, такъ и попалъ въ руки поганныхъ». Померкъ тогда въ глазахъ православной Руси авторитетъ православнаго Востока. «Какъ палъ древній первый Римъ отъ ересей и отъ гордости, такъ теперь палъ и второй Римъ—Царьградъ отъ непостоянства и безбожныхъ сыроядцевъ». Это событіе произвело на Руси глубокое, потрясающее впечатлѣніе, но не безотрадное. Старыя свѣтила православія померкли, свѣтъ восточнаго благочестія подернулся мракомъ; одиноко чувствовала себя тогда православная Русь во всемъ мірѣ. Устремляя свой тревожный взглядъ на судьбы міра, набожные русскіе книжки XV и XVI вѣковъ усматривали въ нихъ дѣйствіе мановенія Божественнаго перста. Псковскій инокъ Филофей пишетъ въ началѣ XVI вѣка, возставая противъ астрологическихъ бредней современниковъ: «Судьбы царствъ и народовъ нѣтъ, не отъ звѣздъ зависятъ онѣ. Какія звѣзды тому виною, что всѣ православныя царства у невѣрныхъ въ рукахъ? Но одно православное царство не въ ихъ рукахъ—Москва: она свергла агарянское иго, какъ разъ тогда, когда другіе надѣвали на себя ярмо тѣхъ Агарянъ. Если другія царства пали за свою измѣну православію, то Москва будетъ стоять пепоколебимо, пока останется вѣрна ему. Она есть послѣдній Римъ, послѣднее и единственное убѣжище въ мірѣ православной вѣры, истиннаго благочестія. Міръ совершенно погибнетъ, погрузитсся въ безысходный мракъ, когда погаснетъ свѣтъ благочестія въ Москвѣ». Эти помыслы возвышали и расширяли историческій взглядъ русскихъ мыслителей XVI вѣка и наполняли ихъ трепетомъ и тревожными думами на счетъ Россіи. Отечество получило тогда въ ихъ глазахъ новое значеніе. Тотъ же Филофей пишетъ къ великому князю Василію Ивановичу: «внимай тому, благочестивый царь, два Рима пали,—третій Москва стоитъ, а четвертому не бывать. Соборная церковь наша въ твоемъ державномъ царствѣ одна теперь паче солнца сіяетъ благочестіемъ во

всей поднебесной: всѣ православныя царства собрались въ одномъ, ты христіанскій царь».

«Подобаетъ все это держать со страхомъ Божіемъ. Вѣра православная въ Царьградѣ испроказилась Махметовой прелестью безбожныхъ Агарянъ, а у насъ на Руси паче просіяла св. Отецъ ученіемъ». Такъ писали наши книжники XV вѣка, и этс воззрѣніе стало вѣрованіемъ высшихъ круговъ русскаго общества даже проникло въ народныя массы и вызвало въ XV—XVI вѣкахъ цѣлый рядъ легендъ о бѣгствѣ святынь изъ обоихъ Римовъ въ новый, третій Римъ—Московское государство. Таковы легенды о чудесномъ переселеніи на Русь бѣлаго клобука и чудотворной Тихвинской иконы пр. Богородицы, о приплытіи Антонія Римлянича со святынями изъ Рима въ Новгородъ на камнѣ.

Вдобавокъ ко всему этому, пріѣзжавшіе въ Москву съ Востока люди, искавшіе на Руси милостыни или пріюта, укрѣпляли въ русскихъ это національное убѣжденіе. Въ XV в. жизнеописатель пр. Сергія Радонежскаго, пришлый съ Аѳона сербъ Пахомій, въ своей много читавшеся на Руси повѣсти съ риторическимъ восторгомъ спрашиваетъ: «Откуда возсіялъ такой свѣтильникъ, не изъ Іерусалима ли? не съ Синая ли? Нѣтъ, изъ Русской земли, которая недавно вышла изъ мрака идолослуженія, а превзошла уже благочестіемъ многія страны издавна, пріявшія просвѣщеніе». Въ царствованіе Ѳеодора Ивановича пріѣхалъ въ Москву за милостынею царьградскій патріархъ Іеремія, который благословилъ нашего митрополита Іова въ санъ патріарха, чѣмъ окончательно закрѣпилъ обособленіе русской церкви отъ константинопольскаго патріарха. Какъ будто этотъ пріѣзжій іерархъ подслушалъ помыслы русскихъ людей XVI вѣка, такъ близки къ изложеннымъ мыслямъ Филофея его слова, обращенныя къ царю: «Воистину въ тебѣ, благочестивый царь, Духъ Святый пребываетъ, и отъ Бога внушена такая мысль тебѣ: ветхій Римъ палъ отъ ересей; вторымъ Римомъ, Константинополемъ, завладѣли Агарянскіе внуки, безбожные турки; твое же великое Россійское царство, третій Римъ, всѣхъ превзошло благочестіемъ; ты одинъ во всей вселенной именуешься христіанскимъ царемъ». Всѣ эти явленія очень своеобразно настроили церковное русское общество. Къ началу XVII вѣка оно прониклось религіозной самоувѣренностью, которая, однако, воспитана была не религіозными, а политическими успѣхами православной Руси, и политическими несчастіями православнаго Востока. Основнымъ мотивомъ этой самоувѣренности была мысль, что православная Русь осталась единственной въ мірѣ обладательницей христіанской истины, чистаго православія. Изъ этой мысли посредствомъ нѣкоторой перестановки понятій надменное національно-религіозное чувство вывело убѣжденіе, что христіанство, которымъ обладаетъ Русь, со всѣми его мѣстными особенностями и даже съ туземной степенью его пониманія, есть единственное истинное въ мірѣ христіанство, что другого чистаго православія нѣтъ и быть не можетъ. Такимъ образомъ, національно-религіозное сознаніе было признано мѣриломъ христіанской истины, идеи вселенской церкви замкнулась въ тѣсные географическіе предѣлы одной изъ помѣстныхъ церквей. Изъ этого убѣжденія вышли тѣсно связанныя другъ съ другомъ послѣдствія, два воззрѣнія, которыя и легли въ основаніе религіознаго міросозерцанія нашего старовѣрства.

То были: 1) взглядъ русскаго церковнаго общества XVII вѣка на участіе разума, мысли по вопросамъ вѣры, 2) взглядъ его на значеніе научнаго знанія въ житейскихъ дѣлахъ, не касающихся вѣры.

Дѣятельность мысли въ вопросахъ вѣры усиливается по мѣрѣ умственнаго возрастанія народа. Но, какъ скоро русскимъ церковнымъ обществомъ было признано, что подобаетъ молиться и вѣровать, какъ молились и вѣровали отцы и дѣды, внукамъ ничего не оставалось болѣе, какъ хранить безъ размышленія преданіе отцовъ и дѣдовъ.

Христіанская истина облечена въ извѣстныя формы, выражается въ извѣстныхъ обрядахъ, формулируется въ текстахъ и осуществляется въ церковныхъ правилахъ. Практика обрядовъ и правилъ, какъ и пониманіе текстовъ, измѣняется съ успѣхами религіознаго сознанія. Въ этомъ отношеніи христіанская истина допускаетъ извѣстное развитіе, даже извѣстное творчество. Помощью обрядовъ, текстовъ и правилъ религіозная мысль углубляется въ тайны вѣроученія, постепенно ихъ себѣ уясняя. Эта дѣятельность мысли выражатся въ успѣхахъ богословской науки, какъ и религіозной жизни. Повѣркой этихъ успѣховъ, коррективомъ пониманія христіанской истины для каждаго мѣстнаго церковнаго общества служитъ религіозное сознаніе вселенской церкви. Но, какъ скоро православная Русь признала себя единственной обладательницей и хранительницей христіанской истины, усилія ея религіозной мысли должны были направиться не къ тому, чтобы чрезъ переданные обряды, тексты и правила проникнуть въ тайны христіанскаго ученія, усвоить себѣ возможно полнѣе вселенское религіозное сознаніе, а къ тому единственно, чтобы сберечь и оградить эти обряды, тексты и правила отъ нечистаго прикосновенія со стороны. Какъ скоро русскіе православные умы стали на эту точку зрѣнія, въ нихъ укоренилась мысль, что русская помѣстная церковь обладаетъ всей полнотой христіанскаго вселенскаго сознанія, что русское церковное общество уже восприняло все, что нужно для спасенія вѣрующаго, и ему нечему больше учиться, нечего и не у кого больше заимствовать въ дѣлахъ вѣры, а остается только бережно хранить воспринятое сокровище. Отсюда развилось въ немъ съ одной стороны, подозрительное и боязливое отношеніе къ участію личнаго разума въ вопросахъ вѣры, съ другой—недовѣрчивое надменное отношеніе къ знанію, вообще къ мірской наукѣ, процвѣтающей въ другихъ христіанскихъ обществахъ: эта наука не спасла же общество отъ ересей, свѣтъ разума не помѣшалъ тамъ померкнуть вѣрѣ. Уже князь Курбскій жаловался, что въ его время «безумные учителя» строго запрещали любознательнымъ юношамъ читать много книгъ, говоря, что «тотъ отъ книгъ ума изступилъ, тотъ въ книгахъ зашелся (зачитался), а тотъ въ ересь впалъ». Смутно помня, что корни мірской науки кроются въ языческой греко-римской древности, у насъ брезгливо помышляли, что эта наука все еще питается нечистыми, нехристіанскими соками такой дурной почвы. Поэтому гадливое или боязливое чувство овладѣвало древне-русскимъ человѣкомъ при мысли о риторической или философской эллинской мудрости: все это дѣло грѣшняго ума, не руководимаго откровеніемъ и предоставленнаго самому себѣ. Въ одномъ древне-русскомъ поученіи читаемъ: «богомерстенъ передъ Богомъ всякъ любяй геометрію... за душевній грѣси учитися астрономіи и Эллинскимъ книгамъ... проклинаю прелесть тѣхъ,

иже зритъ на кругъ небесный, своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя: люби простыню (простоту) паче мудрости; высочайшаго себя не изыскуй и глубочайшаго себя не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи». Въ школьныхъ прописяхъ помѣщалось наставленіе «Братіе, не высокоумствуйте. Аще кто ти речетъ: вѣси свою философію? и ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ. Риторскихъ астрономовъ не читахъ ни съ мудрыми философами не бывахъ, философію ниже очами видѣхъ, учуся книгамъ благодатнаго закона даже со моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ». Такой взглядъ питалъ самоувѣренность незнанію «аще не ученъ словомъ, но не разумомъ: не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ".

Сочетаніе такихъ особенностей религіознаго міросозерцанія древней Руси съ общимъ уровнемъ ея умственнаго и нравственнаго развитія сообщило и древне-русскому христіанству особый характеръ, дало особое направленіе развитію. Христіанство, какъ извѣстно, не было воспринято во всей полнотѣ своего содержанія. Изъ него, какъ изъ неисчерпаемаго источника, каждое общество черпало лишь струи, какія ему было по силамъ, усвояло и съ особеннымъ успѣхомъ развивало тѣ или другіе элементы христіанской жизни. Такъ, римско-католическая церковь, при помощи античныхъ римскихъ преданій, развила съ особенной силою двѣ стороны религіозной жизни: церковную организацію и церковное искусство. Греческая церковь, напротивъ, отличалась усиленнымъ и одностороннимъ развитіемъ богословской мысли, создала стройную систему догматики. Древне-русская церковь усвоила и преимущественно развила другую сторону христіанской вѣры, для нея христіанство было не столько доктриной (какъ у грековъ), сколько дисциплиной, направляла религіозную мысль не на догматическое содержаніе вѣроученія, а на практическіе вопросы христіанской жизни, она принимала догматъ, какъ готовое ученіе, которое оставалось только хранить неприкосновенно, безъ разсужденія, зато на церковномъ уставѣ старались построить не только церковную жизнь въ собственномъ смыслѣ, но въ значительной степени и бытъ домашній, общественный и даже политическій.

Въ такихъ воззрѣніяхъ укрѣпилось общество къ началѣ XVII вѣка, когда, съ воцареніемъ новой династіи, предприняты были новшества, сначала государственныя, а потомъ церковныя. Во множествѣ стали призывать на Русь иноземцевъ со значеніемъ учителей. Правда, ихъ призывали для дѣлъ, не касавшихся церкви—для обученія солдатъ, литья пушекъ и т. п., но древнерусскій человѣкъ плохо различалъ сферы жизни, не умѣлъ и не хотѣлъ отдѣлять одной ея стороны отъ другой; если нѣмецъ командуетъ надъ русскими ратными людьми и учитъ ихъ своей ратной хитрости, стало быть, надо и одѣваться, и бороду брить по-нѣмецки, и вѣру принять нѣмецкую, табакъ курить, и молоко ѣсть по средамъ и пятницамъ, а свое древнее благочестіе покинуть. Совѣсть русскаго человѣка въ раздумьи стала между родной стариной и нѣмецкой свободой.

Новшества вводились въ церковной средѣ при двухъ обстоятельствахъ, сообщавшихъ имъ особенно тревожный для русскаго общества характеръ. Во-первыхъ, проводниками этихъ новшествъ были южно-русскіе, кіевскіе ученые, близко соприкасавшіеся съ польско-латин-

скими школами, съ польскимъ католическимъ міромъ; во-вторыхъ, введеніе этихъ новшествъ сопровождалось постоянными попреками, направленными со стороны пріѣзжихъ малороссовъ противъ великороссовъ. Кіевскій монахъ, «хохолъ», «нехай», на каждомъ шагу кололъ глаза русскому великорусскому обществу, особенно духовенству, указывая на его невѣжество, безъ умолку твердилъ о его незнакомствѣ съ грамматикой, риторикой и т. д. Симеонъ Полоцкій торжественно, съ церковной кафедры, говорилъ въ Москвѣ о невѣждахъ, которые смѣютъ зваться учителями, не бывъ никогда и нигдѣ учениками: поистинѣ это не учители, а мучители». Подъ этими невѣждами онъ разумѣлъ великорусскихъ священниковъ. Московскіе ученики этихъ пріѣзжихъ ученыхъ вторили своимъ учителямъ. Въ хранителяхъ древне-русскаго благочестія эти попреки возбуждали вопросъ, точно ли они, такъ невѣжественны да и школьныя науки въ самомъ ли дѣлѣ такъ необходимы для храненія ввѣреннаго Русской церкви сокровища? Общество и безъ того было настроено тревожно и подозрительно благодаря наплыву иноземцевъ, военныхъ и другихъ мастеровъ, прибавилось еще раздраженіе, чувство національнаго достоинства, оскорбленнаго своей же православной братіей. Уже въ 1648 году, когда царь собирался жениться, въ Москвѣ ходили толки, что скоро придетъ конецъ древнему благочестію, будутъ введены новые иноземные обычаи. При такомъ настроеніи, перемѣны въ обрядахъ богослуженія, въ текстѣ священныхъ книгъ должны были показаться великорусскому обществу посягательствомъ на самую вѣру. А Никонъ, ставъ партіархомъ въ 1652 году, тотчасъ принялся вводить такія неслыханныя новшества и вводилъ ихъ такъ, что довелъ это настроеніе до крайней степени напряженности. Онъ велѣлъ писать иконы благообразно, въ строго греческомъ стилѣ, объявивъ тогдашнюю русскую иконопись никуда негодною; на мѣсто древняго унисоннаго пѣнія завелъ новое „партесное“, кіевское; вмѣсто старой привычки пѣть и читать въ церкви въ три и четыре голоса заразъ, онъ установилъ единогласное чтеніе и пѣніе, наконецъ, при помощи тѣхъ же кіевскихъ ученыхъ, онъ началъ открывать школы и завелъ небывалый обычай произносить въ церкви проповѣди. Древняя Русь подозрительно отнеслась къ священникамъ, которые произносили въ церкви свои проповѣди, а не читали поученія древнихъ отцевъ; въ такихъ проповѣдяхъ видѣли самомнѣніе проповѣдника и опасность для слушателей. Теперь пріѣзжіе кіевляне, по внушенію Никона, говорятъ по церквамъ свои проповѣди, и имъ подражаютъ нѣкоторые московскіе священники. Что еще хуже, всѣ эти новшества патріархъ вводилъ порывисто и съ необычайнымъ шумомъ, не подготовляя къ нимъ общество и сопровождая ихъ жестокими мѣрами противъ ослушниковъ.

Наконецъ, русскіе и восточные іерархи въ 1667 году, соборне осудивъ двуперстіе и другіе обряды, признанные Стоглавымъ соборомъ въ 1551 г., торжественно объявили, что «отцы этого собора мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно, т. е. осудили русскую церковную старину. Легко понять смущеніе, въ какое при этомъ должны были впасть православные русскіе умы, воспитанные въ описанномъ религіозномъ міросозерцаніи и такъ тревожно настроенные. Это смущеніе повели къ расколу.

Довольно заглянуть въ самыя раннія произведенія старообряд-

ческой литературы, чтобы видѣть, что именно, какія впечатлѣнія и чувства руководили первыми борцами раскола и ихъ послѣдсвателями. Новые издатели богослужебныхъ книгъ при Никонѣ кололи глаза прежнимъ справщикамъ ихъ незнаніемъ грамматики и риторики. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ первыхъ писателей старообрядческаго направленія, чернецъ Савватій, въ мірѣ «государевъ дьячишко Сенька Васильевъ», въ своей челобитной 1662 г. пишетъ царю объ исправителяхъ книгъ: «Ей, государь, смутились и книги портятъ, а учали такъ плутать недавно: свела ихъ съ ума несовершенная имъ грамматика, да пріѣзжіе нехаи».

Церковныя нововведенія старались оправдать греческимъ авторитетомъ, одобреніемъ восточныхъ патріарховъ; но греки давно уже возбуждали въ русскомъ обществѣ подозрѣніе насчетъ чистоты своего православія, и въ отвѣтъ на обращеніе къ ихъ авторитету, Соловецкая челобитная 1667 г. замѣчаетъ, что «греческіе учителя сами лба перекрестить по подобію не умѣютъ и безъ крестовъ ходятъ; имъ слѣдовало бы учиться и самимъ благочестію у московскихъ людей, а не учить послѣднихъ». Въ отвѣтъ на нововведенія въ церковныхъ обрядахъ, въ чинѣ церковной жизни, тотъ же памятникъ говоритъ: «Нынѣ новые вѣроучители учатъ насъ новой и неслыханной вѣрѣ, точно мы Мордва или Черемисы, Бога не знающіе. Пожалуй намъ придется вторично креститься, а угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ вонъ изъ церкви выбросить; итакъ иноземцы смѣются надъ нами, говоря, что мы и христіанской вѣры по сіе время не знали». Очевидно церковныя нововведенія затрагивали самую чувствительную струну въ настроеніи русскаго церковнаго общества, его національно-церковную самоувѣренность. Протопопъ Аввакумъ самый жаркій боецъ за расколъ, является самымъ вѣрнымъ истолкователемъ его основной точки зрѣнія. Въ его образѣ дѣйствій и его сочиненіяхъ выражается вся сущность древне-русскаго міровоззрѣнія какъ оно сложилось къ изучаемому времени. Онъ видитъ всѣ бѣды для Руси въ новыхъ обычаяхъ и въ новыхъ книгахъ: „Охъ бѣдная Русь, что это захотѣлось тебѣ латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступковъ?» восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. По его мнѣнію, восточные церковные учители, которые призваны были научить и наставить Русь въ ея церковныхъ недоумѣніяхъ, сами нуждались въ наученіи и наставленіи и, именно, со стороны Руси. Въ своей автобіографіи онъ рисуетъ безподобную сцену, происходившую на судившемъ его церковномъ соборѣ 1666—67 гг., именно, свое поведеніе въ присутствіи вселенскихъ патріарховъ. Послѣдніе говорятъ ему. «Ты упрямъ, протопопъ. Вся наша Палестина, и сербы и албанцы и римляне и ляхи, всѣ тремя перстами крестятся, одинъ ты упорно стоишь на своемъ и крестишься двумя перстами. Такъ не подобаетъ». Аввакумъ возразилъ. Вселенскіе учители. Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца были враги христіанамъ; да и у васъ православіе пестро, отъ насилія Турецкаго Магомета немощны вы стали, и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божіею благодатію самодержество, до Никона отступника православіе было чисто и непорочно, и церковь не мятежна». Сказавъ это, подсудимый отошелъ къ дверямъ палаты. «да на бокъ и повалился», приговаривая. «посидите вы, а я полежу». Нѣкоторые засмѣялись, говоря «дуракъ протопопъ, и патріар-

ховъ не почитаетъ», онъ возразилъ. «мы уроды Христа ради; вы славны, мы же безчестны; вы сильны, мы же немощны».

Основную мысль, какая руководила первыми вождями раскола, Аввакумъ выразилъ такъ: «Хотя я и несмысленный, не очень поученный человѣкъ, да то знаю, что все отъ св. отецъ церкви преданное, свято и непорочно; держу до смерти, якоже прiяхъ, не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ, до насъ положено—лежи оно такъ во вѣки вѣковъ». Всѣ эти черты древне-русскаго мiросозерцанiя, которому событiя XVII в. сообщили чрезвычайно болѣзненное возбужденiе и одностороннее направленiе, цѣликомъ перешли въ расколъ, легли въ основанiе его религiознаго мiросозерцанiя. Съ какого момента расколъ изъ религiозно-патологическаго настроенiя превратился въ церковно-историческiй фактъ? — Окончательно это превращенiе совершилось въ ту минуту, когда русскiе iерархи съ восточнымъ патрiархомъ на соборѣ 1666 — 67 гг. отлучили старообрядцевъ отъ православной церкви, положили на нихъ клятву (анафему), за ихъ противленiе церковно-канонической власти церковныхъ пастырей. Съ того времени расколъ получилъ свое бытiе, не только какъ извѣстное религiозное настроенiе или извѣстный кругъ церковныхъ понятiй и обычаевъ, но и какъ особое церковное общество, отдѣлившееся отъ господствующей церкви.

Теперь мы можемъ отдать отчетъ въ происхожденiи раскола. Въ этомъ происхожденiо надо различать три послѣдовательные момента, которые всѣ развились изъ древне-русскаго мiросозерцанiя, сложившагося къ началу XVII вѣка. Первый моментъ былъ народно-психологическiй; онъ выражался въ томъ преувеличенномъ значенiи, какое древняя Русь, благодаря своему нравственно-религiозному развитiю, придавала церковному обряду и буквѣ Писанiя. Второй моментъ былъ нацiонально-политическiй; онъ состоялъ въ религiозной самоувѣренности, какая воспитана была въ древне-русскомъ обществѣ политическими успѣхами Московскаго государства и политическими несчастiями православнаго Востока. Третiй и послѣднiй моментъ былъ церковно-каноническiй; это было возстанiе паствы противъ пастырей за ихъ предполагаемую привязанность къ латинскимъ новшествамъ, за что пастыри отлучили пасомыхъ отъ церкви, какъ противящихся ихъ церковно-канонической власти. Церковныя нововведенiя XVII вѣка встревожили религiозное мiросозерцанiе древне-русскаго общества до такой степени что часть этого общества рѣшилась пожертвовать авторитетомъ церковной iерархiи во имя церковной старины, и отклонилась отъ церкви. Таковъ результатъ, къ которому привело противодѣйствiе, вызванное въ русскомъ обществѣ XVII вѣка государственнымъ и церковнымъ новшествомъ.

Предшественники Петра Великаго.

1. Царь Алексѣй Михайловичъ.

Мы изучили два противоположныхъ теченiя, какiя раздѣляли русское общество XVII вѣка, и изъ которыхъ одно привязывало его къ старинѣ, а другое направляло его впередъ, въ темную даль будущаго. Прежде чѣмъ обратиться къ изученiю того, къ чему при-

вели оба эти теченія, я хочу остановить ваше вниманіе на нѣкоторыхъ московскихъ людяхъ, воспитанныхъ подъ вліяніемъ этихъ общихъ теченій. Знакомство съ этими людьми будетъ вдвойнѣ полезно. Это были лучшіе и послѣдніе люди древней Руси; смотря на нихъ, мы получимъ еще разъ возможность возобновить и провѣрить общее впечатлѣніе, вынесенное изъ изученія древне-русской жизни. Кромѣ того, знакомство съ этими людьми поможетъ намъ объяснить и дальнѣйшій ходъ событій; вѣдь это были люди, создавшіе ту атмосферу, какой дышалъ впослѣдствіе Преобразователь Россіи

Между этими людьми первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, отцу Преобразователя, царю Алексѣю Михайловичу. Фигура его для насъ очень любопытна, потому что позволяетъ намъ видѣть древне-русскаго человѣка въ такой позѣ, въ какой мы едва ли можемъ наблюдать его по какому-либо другому лицу нашей древней исторіи; царь Алексѣй одной ногой стоитъ въ древне-православной русской старинѣ, а другою уже занесъ за черту ея, да такъ и остался въ этомъ нерѣшительномъ положеніи. Онъ родился на семнадцатомъ году царствованія своего отца, въ то время, когда не успѣли изгладиться всѣ слѣды «великой разрухи», государства отъ самозванщины; онъ выросъ вмѣстѣ съ поколѣніемъ, которое нужда впервые заставила тревожно и заботливо посматривать на еретическій Западъ, въ чаяніи найти тамъ средства для выхода изъ своихъ домашнихъ затрудненій, не отрекаясь отъ завѣтныхъ понятій, вѣрованій и привычекъ благочестивой старины. Сверстники царя Алексѣя были въ нашей исторіи единственнымъ поколѣніемъ, которое думало, что можно пользоваться Западомъ, оставаясь въ то же время вѣрнымъ всему завѣщанному родной стариной. Такъ не думали прежде, не думали и послѣ. Царь Алексѣй и люди, которые обзаводились семьями около половины XVII вѣка, не менѣе предковъ дорожили стариною; но нѣкоторое время они были увѣрены, что можно щеголять въ нѣмецкомъ кафтанѣ, ѣздить въ нѣмецкой каретѣ, смотрѣть на иноземную потѣху, и сохранить неприкосновенными тѣ чувства и понятія, какія необходимы, чтобы съ набожнымъ страхомъ и каноническимъ отвращеніемъ выплевывать молоко, случайно попавшее въ ротъ въ среду или пятницу. Если бы намъ понадобилось для психологическихъ наблюденій найти русскій характеръ XVII вѣка, въ которомъ мирно и уютно укладывались бы и влеченіе къ грѣшному и еретическому Западу и благоговѣніе передъ русской православной стариной, то едва ли отыщемъ лучшаго представителя этого типа, чѣмъ царь Алексѣй, этотъ первый изъ русскихъ грѣховодниковъ, начавшій шалить съ западной цивилизаціей, любившій тѣшиться ея плодами, и послѣдній цѣльный нетронутый расколомъ подвижникъ древне-русскаго благочестія.

Царь Алексѣй родился въ 1629 году. На шестомъ году его посадили за букварь, затѣмъ онъ прошелъ послѣдовательно Часовникъ, Псалтырь, Дѣянія апостоловъ, обучился письму, церковному пѣнію по крюковымъ нотамъ. Лѣтъ десяти царевичъ былъ совершенно готовъ, прошелъ весь курсъ древне-русскаго общаго образованія; онъ могъ безъ грѣха прочитать въ церкви часы и не безъ успѣха тянутъ съ дьячкомъ на клиросѣ по Октоиху «Всемірную Славу, отъ человѣка прозябшую». Царевичъ прежняго времени, вѣроятно, на этомъ бы и остановился, но Алексѣй воспитывался въ иное время. У людей этой

эпохи уже смутно стучалась въ голову смутная потребность ступить дальше, въ таинственную область эллинской, даже латинской, премудрости, мимо которой боязливо, чураясь и крестясь, пробѣгалъ благочестивый грамотѣй прежнихъ вѣковъ. Нѣмецъ со своими нововымышленными хитростями, уже забравшійся въ ряды русскихъ ратныхъ людей, забрался и въ дѣтскую государева дворца. Въ рукахъ ребенка, потомъ ставшаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, были и дѣтская потѣха—конь нѣмецкой работы, и карты нѣмецкія, купленныя въ Овощномъ ряду за 3 алтына 4 деньги (т. е. за 1 р. 75 коп., на наши деньги) и даже дѣтскія латы, сдѣланныя для царевича нѣмчиномъ Петромъ Шальтомъ. Когда царевичу было 11—12 лѣтъ, у него составилась (преимущественно изъ подарковъ дѣда, дядекъ и учителя) маленькая библіотека томовъ изъ 13-ти, здѣсь, рядомъ съ книгами изъ св. Писанія, стояла уже и грамматика, печатанная въ Литвѣ и космографія, и какой-то лексиконъ, изданный также въ Литвѣ. Къ тому же старшимъ воспитателемъ царевича былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, едва ли не первый изъ русскихъ бояръ сильно пристрастившійся къ иноземному, западно-европейскому. Онъ ввелъ въ учебную программу царевича пріемъ нагляднаго обученія, знакомилъ его съ нѣкоторыми предметами посредствомъ нѣмецкихъ гравированныхъ картинокъ. Онъ же ввелъ другую, болѣе смѣлую новинку въ московскій государевъ дворецъ. Одѣлъ царевича Алексѣя и его младшаго брата вмѣстѣ съ дѣтьми, которые съ ними воспитывались, въ нѣмецкое платье. Царевичъ Алексѣй рано сталъ самостоятельнымъ человѣкомъ, вступивъ на престолъ шестнадцати лѣтъ, и эта ранняя самостоятельность должна была устроить развитіе его небѣдныхъ способностей, а бурныя событія его царствованія, удачные походы, сопровождавшіеся неожиданными случайностями, мятежи въ разныхъ частяхъ государства, задали его сообобностямъ большую и тревожную работу.

Въ зрѣлые годы царь Алексѣй возбуждаетъ къ себѣ всеобщую любовь, представляя изъ себя въ высшей степени привлекательное сочетаніе добрыхъ свойствъ вѣрнаго старинѣ древне-русскаго человѣка съ наклонностью къ полезнымъ и пріятнымъ новшествамъ. Онъ былъ образцомъ набожности того чиннаго, строго размѣреннаго и хорошо разученнаго благочестія, надъ которымъ такъ много и долго работало религіозное чувство древней Руси. Съ любымъ инокомъ могъ онъ поспорить въ искусствѣ молиться и поститься. Великимъ и Успенскимъ постомъ по воскресеніямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, царь кушалъ разъ въ день, и кушанье его состояло изъ капусты, груздей и ягодъ—все безъ масла. По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ во всѣ посты, царь не ѣлъ и не пилъ ничего. Въ церкви онъ иногда стоялъ по 5—6 час., сряду, клалъ по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а въ большіе праздники и по полторы тысячи. Словомъ, это былъ строгій русскій богомолецъ, цѣльно и стройно соединявшій въ подвигѣ душевнаго спасенія трудъ тѣлесный съ высокимъ напряженіемъ религіознаго чувства. Сильно возбужденное религіозное чувство питало набожную кротость, смиреніе, которое было господствующей чертой въ характерѣ Алексѣя. «Лучше слезами и усердствомъ и низостью передъ Богомъ промыслъ чинить, писалъ онъ одному изъ своихъ воеводъ, а не силой и славой». Это набожное смиреніе сглаживало неровности въ характерѣ царя. Отъ природы мягкій и добрый, но жи-

вой, впечатлительный и подвижной, царь Алексѣй страдалъ излишней вспыльчивостью (въ чемъ сказывается его родство съ Петромъ), легко терялъ самообладаніе и давалъ излишнюю волю языку и рукамъ. Но эта вспыльчивость сдерживалась набожностью и смиреніемъ царя, не была у него проявленіемъ капризнаго самодурства, возбуждалась въ немъ встрѣчей съ нравственнымъ безобразіемъ. съ недобросовѣстностью, непослушаніемъ, всего чаще съ поступками, въ которыхъ обнаруживались хвастовство и надменность. Въ 1661 г., князь Хованскій былъ разбитъ въ Литвѣ, потерявъ почти всю свою 20-тысячную армію. Царь спрашивалъ въ думѣ бояръ, что дѣлать. Бояринъ Милославскій, тесть царя, заявилъ, что если государь пожалуетъ дать ему начальство надъ войскомъ, то онъ скоро приведетъ плѣнникомъ самого польскаго короля. „Ахъ ты такой сякой", закричалъ на него царь, „какъ ты смѣешь срамникъ, худой человѣчишко, хвастаться своимъ искусствомъ въ ратномъ дѣлѣ? Когда ты ходилъ съ поляками, какія ты показывалъ побѣды надъ непріятелями"? Говоря это царь, возмущенный безстыднымъ хвастовствомъ тестя, вскочилъ, далъ старику пощечину, надралъ ему бороду и пинками вышвырнулъ изъ палаты, сильно захлопнувъ за нимъ дверь. На хвастуна или озорника царь вспылитъ, подчасъ, пожалуй, приколотитъ, и ужъ непремѣнно обругаетъ вволю; царь Алексѣй былъ великій мастеръ ругаться той художественной, вдохновенной бранью, какой умѣетъ браниться только негодующее и незлопамятное русское добродушіе. Разъ казначей любимаго царемъ Савина-Сторожевскаго монастыря (близъ Звенигорода), о. Никита, выпивши, подрался со стрѣльцами, стоявшими въ монастырѣ, прибилъ ихъ десятника и велѣлъ выбросить за монастырскій дворъ стрѣлецкое оружіе и платье. Царь возмутился этимъ поступкомъ монаха «до слезъ ему стало, во мглѣ ходилъ» по его собственному признанію. Онъ не утерпѣлъ и написалъ грозное посланіе буйному старцу, дышащее негодованіемъ, съ такимъ энергическимъ адресомъ: «Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси врагу Божію и богоненавистнику, христопродавцу и разорителю чудотворцева дома, единомышленнику сатанину, врагу проклятому, неподобному испытню и злому, пронырливому злодѣю, казначею Микитѣ». Но приливъ царственнаго гнѣва разбивался о его смиреніе, а мысль, никогда не покидавшую царя, что на землѣ никто не безгрѣшенъ передъ Богомъ, что на Его судѣ всѣ равны, и цари и подданные. Въ минуту сильнѣйшаго раздраженія царь Алексѣй и ни въ себѣ, ни въ виноватомъ подданномъ не забывалъ человѣка. Онъ исправляетъ провинившагося казначея собственнымъ царскимъ смиреніемъ. «Да и то себѣ вѣдай, сатанинъ ангелъ, пишетъ онъ ему далѣе, что одному тебѣ да отцу твоему, діаволу, годна и дорога твоя здѣшняя честь, а мнѣ грѣшному, здѣшняя честь—аки прахъ, и дороги ли мы передъ Богомъ съ тобой, и дороги ли наши высоко-сердечныя мысли, доколѣ Бога не боимся»? Самодержавный государь, который могъ стереть отца Никиту съ лица земли, какъ пылинку, признается далѣе, что онъ со слезами будетъ просить милости у чудотворца (пр. Саввы), чтобы онъ оборонилъ его, царя, отъ злонравнаго казначея, „на ономъ свѣтѣ разсудитъ насъ Богъ съ тобой, а опричь того—мнѣ не чѣмъ отъ тебя оборониться". При добротѣ и мягкости характера, это уваженіе къ человѣческому достоинству въ подданномъ сообщало неотра-

зимую прелесть обращенію царя съ окружающими, которое производило обаятельное дѣйствіе на своихъ и на чужихъ и заслужило Алексѣю Михайловичу прозвище „тишайшаго“ царя. Иностранцы не могли надивиться тому, что этотъ царь, при безпредѣльной власти своей надъ народомъ, привыкшимъ къ полному рабству, не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь (отзывъ цесарскаго посла Мейерберга). Дурные поступки другихъ тяжело дѣйствовали на него всего болѣе потому, что возлагали на него противную ему обязанность наказывать за нихъ. Гнѣвъ его былъ отходчивъ, проходилъ минутной вспышкой, не простирался далѣе угрозъ и пинковъ, и царь первый шелъ на встрѣчу къ потерпѣвшему съ прощеніемъ и примиреніемъ, стараясь приласкать его, чтобы обиженный не сердился. Однажды, царь, страдавшій тучностью позвалъ нѣмецкаго „дохтура“ пустить себѣ кровь. Почувствовавъ облегченіе, онъ предложилъ и своимъ вельможамъ сдѣлать эту операцію. На это не согласился одинъ бояринъ, Стрѣшневъ, родственникъ царя по матери, ссылаясь на свою старость. Царь вышелъ изъ себя и прибилъ старика, приговаривая „твоя кровь дороже что ли моей? Или ты считаешь себя лучше всѣхъ“? Но скоро царь и не зналъ, какъ задобрить обиженнаго, какіе подарки послать ему, чтобы смягчить размолвку, чтобы тотъ не сердился, забылъ обиду. Царь Алексѣй любилъ, чтобы всѣ вокругъ него были веселы и довольны. Всего невыносимѣе ему была мысль, что онъ кого-нибудь стѣсняетъ. Онъ первый началъ ослаблять строгость заведеннаго при дворѣ этикета чопорнаго, дѣлавшаго столь тяжелыми и натянутыми придворныя отношенія, онъ нисходилъ до шутки съ придворными, ѣздилъ къ нимъ запросто въ гости приглашалъ ихъ къ себѣ на вечернія пирушки и поилъ ихъ до пьяна, близко входилъ въ ихъ домашнія дѣла. Эта простота и ласковость обращенія, соединенная съ шутливостью, рѣзко отличала Алексѣя Михайловича отъ прежнихъ царей. Къ нему первому стали подходить безъ страха. Умѣнье входитъ въ положеніе другихъ, понимать и принимать къ сердцу ихъ горе и радость было одной изъ лучшихъ чертъ въ характерѣ царя. Надобно читать его утѣшительныя посланія къ Ордыну-Нащокину, по поводу побѣга его сына за границу, и къ князю Одоевскому, по случаю смерти его сына, надобно читать эти прекрасныя письма, чтобы понять на какую высоту чувствъ и помысловъ поднимала царя Алексѣя эта способность проникаться чужимъ горемъ. Онъ пишетъ къ князю Одоевскому: «Я черезъ мѣру не скорбѣлъ, а нельзя чтобы не поскорбѣть и не прослезить, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать».

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ добрѣйшій человѣкъ, славная русская душа. Я готовъ въ немъ видѣть даже лучшаго человѣка древней Руси, по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ въ ней другого человѣка, который производилъ бы болѣе пріятное впечатлѣніе. Но это былъ чисто пассивный характеръ. Природа или воспитаніе, и скорѣе природа, чѣмъ воспитаніе, была виной тому, что въ немъ съ особенной силой развились тѣ свойства, которыя имѣютъ такую цѣну въ ежедневномъ житейскомъ обиходѣ, вносятъ столько свѣта и тепла въ частныя домашнія отношенія. Но это былъ, если можно выразиться, человѣкъ безъ костей, характеръ безъ желѣза. Онъ любилъ людей и желалъ имъ добра, потому что не желалъ, чтобы они своимъ горемъ и жа-

лобами разстраивали ему тихія личныя радости. Въ немъ было много того нравственнаго сибаритства, которое любитъ добро потому, что оно вызываетъ пріятное ощущеніе. Но онъ былъ мало способенъ что либо отстоять или провести. Въ немъ не было ничего боевого, всего менѣе онъ имѣлъ охоты и способности двигать, толкать впередъ, понукать и направлять людей, хотя и любилъ подчасъ собственноручно «смирить», т. е. отколотить неисправнаго или недобросовѣстнаго слугу. Современники, даже иностранцы, признавали въ немъ блестящія природныя дарованія, воспріимчивость и любознательность помогли ему пріобрѣсти замѣчательную по тому времени начитанность не только въ божественномъ, но и въ мірскомъ писаніи. Духъ времени, потребности минуты, также будили мысль, задавали новые вопросы. Это возбужденіе сказалось въ литературныхъ наклонностяхъ царя Алексѣя. Онъ любилъ писать, и писалъ много больше, чѣмъ кто-либо изъ древне-руссиихъ царей послѣ Грознаго. Онъ покушался изложить исторію своихъ военныхъ походовъ, дѣлалъ даже опыты въ версификаціи. Всего больше оставилъ онъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Въ этихъ письмахъ много простодушія, веселости, подчасъ задушевной грусти. Содержаніе ихъ большею частію общія мѣста или житейскія мелочи, въ нихъ нѣтъ ни смѣлыхъ оборотовъ мысли, ни колкой ироніи, ничего, что ставилось бы ребромъ, и чего такъ много въ посланіяхъ Грознаго. У царя все мило, многорѣчиво, иногда живо и образно, но вообще все прѣсно. Авторъ—человѣкъ порядка, а не идеи или увлеченія, готоваго разстроить порядокъ во имя идеи, онъ увлекался всѣмъ хорошимъ, но ничѣмъ черезъ мѣру, чтобы не разрушить ни въ себѣ, ни вокругъ себя спокойнаго равновѣсія. Это средній человѣкъ древней Руси. Складъ его ума и сердца съ рѣдкой прозрачностью отражался въ его полной, даже нѣсколько тучной фигурѣ, съ бѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ красивой бородой, съ пухлыми румяными щеками, русыми волосами и кроткими голубыми глазами.

И этого человѣка судьба поставила въ водоворотъ самыхъ тревожныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ событій, когда со всѣхъ сторонъ поднимался вопросъ. оставаться ли вѣрнымъ родной старинѣ, или брать уроки у чужихъ, итти по новой дорогъ? Царь Алексѣй рѣшилъ этотъ вопросъ по своему: чтобы не выбирать между стариной и новшествами, онъ не порывалъ связей съ первой и не отворачивался отъ послѣднихъ. Онъ окружилъ себя и стародумами и новаторами, умными и энергичными людьми, которые хотѣли вести дѣла не по завѣту отцовской и дѣдовской старины. Царь и не мѣшалъ этимъ новаторамъ, даже поддерживалъ ихъ, но только до перваго раздумья, до перваго настойчиваго возраженія со стороны стародумовъ. Увлекаемый новымъ движеніемъ, царь во многомъ отступилъ отъ переданнаго стариною чина жизни. Но онъ не могъ стать во главѣ этого новаго движенія и дать ему опредѣленное направленіе, отыскать нужныхъ для того людей и указать имъ пути и пріемы дѣйствій. Онъ былъ не прочь срывать цвѣты иноземной культуры, но не хотѣлъ марать рукъ въ черной работѣ ея посѣва на русской почвѣ.

---

2. Бояринъ А. Л. Ордынъ.-Нащокинъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ при всемъ своемъ пассивномъ характерѣ, при нерѣшительномъ отношенiи къ вопросамъ времени, однако, во многомъ содѣйствовалъ успѣху преобразовательнаго движенiя. Онъ не далъ руководящихъ идей, началъ для реформы, но онъ помогъ выступить первымъ реформаторамъ съ ихъ идеями, и своими случайными, чисто безпорядочными и непослѣдовательными порывами къ новому, открылъ этимъ реформаторамъ дорогу къ дѣятельности.

Наиболѣе полнымъ выразителемъ преобразовательныхъ стремленiй времени былъ едва ли не самый блестящiй изъ его сотрудниковъ, Афанасiй Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ. Афанасiй Лаврентьевичъ былъ сынъ очень скромнаго псковскаго помѣщика. Въ Псковскомъ и Торпецкомъ уѣздахъ жило цѣлое фамильное гнѣздо Нащокиныхъ, которое шло отъ одного служилаго человѣка при московскомъ дворѣ XIV в. Къ этому гнѣзду, захудавшему послѣ своего родоначальника, принадлежалъ и нашъ Афанасiй Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ. Онъ сталъ извѣстенъ еще при царѣ Михаилѣ, его не разъ назначали въ посольскiя комиссiи для размежеванiя границъ со Швецiей. Въ началѣ слѣдующаго царствованiя Ордынъ считался уже на родинѣ виднымъ дѣльцомъ и усерднымъ слугой московскаго правительства. Вотъ почему во время Псковскаго бунта 1650 г. мятежники намѣревались убить его. Во время усмиренiи этого бунта московскими полками Ордынъ-Нащокинъ показалъ много ревности и умѣнья. Съ тѣхъ поръ онъ пошелъ въ гору. Когда открылась война съ Польшей въ 1654 г., ему порученъ былъ чрезвычайно трудный постъ: съ малыми военными силами онъ долженъ былъ сторожить московскую границу со стороны Ливонiи и Литвы. Онъ отлично исполнилъ возложенное на него порученiе. Въ 1656 г. началась война со Швецiей, и самъ царь отправился въ походъ. Когда московскiя войска взяли одинъ изъ ливонскихъ городовъ на Двинѣ, Кокенгаузенъ (принадлежавшiй нѣкогда полоцкимъ князьямъ и называвшiйся по-русски Кукейносомъ)—Нащокинъ былъ назначенъ воеводой этого и другихъ новозавоеванныхъ городовъ. На должности кукейносскаго воеводы Ордынъ-Нащокинъ дѣлаетъ очень важныя дипломатическiя дѣла, сторожитъ границу, завоевываетъ ливонскiе города, ведетъ переписку съ польскими властями; ни одно важное дипломатическое дѣло не дѣлается безъ его участiя. Въ 1665—1666 гг. Ордынъ былъ воеводой во Псковѣ. Наконецъ, онъ сослужилъ самую важную и тяжелую службу московскому правительству: послѣ утомительныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными, онъ заключилъ перемирiе съ Польшей въ Андрусовѣ (1667). Въ этихъ переговорахъ онъ показалъ много проницательности и умѣнья ладить съ иноземцами и вытягалъ у Польши не только уступку Смоленской и Сѣверской земли и восточной Малороссiи, но и Кiева съ его округомъ, по крайней мѣрѣ, на два года. Заключенiе Андрусовскаго перемирiя сдѣлало Афанасiя очень виднымъ человѣкомъ въ московскомъ правительствѣ, составило ему громкую дипломатическую репутацiю. Дѣлая всѣ эти дѣла, Нащокинъ быстро подымался по чиновной лѣстницѣ. Городовой дворянинъ, онъ занимая должность воеводы въ Кукейносѣ, уже въ 1658 г. произведенъ былъ въ думные дворяне, черезъ нѣсколько лѣтъ

въ окольничіе; наконецъ, по заключеніи названнаго перемирія, онъ былъ пожалованъ въ бояре и назначенъ главноуправляющимъ Посольскимъ приказомъ съ громкимъ титуломъ „большой государевой печати великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя", т. е. сталъ государственнымъ канцлеромъ.

Такова была служебная карьера Нащокина. Въ его судьбѣ имѣло нѣкоторое значеніе и мѣсто его рожденія. Родина его, псковскій край, пограничный съ Ливоніей, издавна былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними нѣмцами. Раннее знакомство съ иноземцами и постоянныя сношенія съ ними давали Нащокину возможность внимательно наблюдать и хорошо изучить ближайшія къ Россіи страны западно-европейскаго міра. Въ дѣтствѣ Ордынъ-Нащокинъ получилъ хорошее образованіе, зналъ, говорятъ, математическія науки, языки—латинскій и нѣмецкій; обстоятельства заставили его познакомиться и съ польскимъ языкомъ. Такъ онъ рано и хорошо подготовился къ роли дѣльца въ сношеніяхъ Московскаго государства съ европейскимъ Западомъ. Его товарищи по службѣ говорили про него, что «онъ знаетъ нѣмецкое дѣло и нѣмецкіе обычаи знаетъ же». Внимательное наблюденіе надъ иноземнымъ міромъ постепенно сдѣлало Нащокина усерднымъ поклонникомъ этого міра. Такимъ отношеніемъ къ западной Европѣ опредѣлилось въ значительной степени и его политическое міровоззрѣніе. Онъ первый провозгласилъ правило, что «доброму не стыдно навыкать и со стороны», даже у своихъ враговъ. Съ другой стороны, возможность сравнить свое съ чужимъ сдѣлала его жестокимъ критикомъ перваго. Послѣ него остался рядъ служебныхъ донесеній и писемъ къ царю Алексѣю. Это очень любопытный памятникъ. Письма эти заключаютъ въ себѣ немолчныя, часто очень желчныя жалобы на московскихъ людей и на московскіе порядки. Ордынъ-Нащокинъ вѣчно ворчитъ, всѣмъ недоволенъ: правительственными учрежденіями и обычаями, высшими и низшими сферами московской администраціи, военнымъ устройствомъ. Эта привязанность къ западно-европейскимъ порядкамъ и порицаніе своихъ нравилась иноземцамъ, съ нимъ сближавшимся, они признавали въ немъ «неглупаго подражателя своихъ обычаевъ» (Мейербергъ). Свои и чужіе признавали въ Ордынѣ человѣка остраго ума, но это не мѣшало московскимъ недоброжелателямъ его смѣяться надъ нимъ, называть его «иноземцемъ». Онъ долженъ былъ съ боемъ проходить свою служебную карьеру. Порицаніе своего родного, разумѣется, надѣлало ему много враговъ, преимущественно между знатью. Стараясь найти себѣ опору въ царѣ, Ордынъ прикрывался передъ нимъ отъ своихъ недруговъ своимъ смиреніемъ, доходившимъ до самоуниженія. Онъ постоянно твердилъ въ своихъ письмахъ къ царю, что „ради государева дѣла онъ всѣми ненавидимъ со многими остудился", называлъ себя «облихованнымъ и ненавидимымъ человѣченкомъ», не имѣющимъ гдѣ приклонить «грѣшную голову», при всякомъ столкновеніи съ вліятельными недоброжелателями онъ проситъ царя отставить его отъ службы, какъ неудобнаго и неумѣлаго слугу, отъ котораго можетъ пострадать государственный интересъ. «Государево дѣло ненавидятъ ради меня, холопа твоего», пишетъ онъ царю, онъ проситъ послѣдняго «откинуть отъ дѣла своего омерзѣлаго холопа». Но про смиреніе Афанасія можно сказать, что оно паче гордости: оно не мѣшало ему считать себя прямо человѣ-

комъ не отъ міра сего. «Если бы я отъ міра былъ, міръ своего любилъ бы» писалъ онъ царю, жалуясь на своихъ враговъ. Царь долго и настойчиво поддерживалъ Нащокина, увѣрялъ его что ему нечего бояться, что никому его не выдадутъ, предоставлялъ ему значительный просторъ для дѣятельности. Благодаря этому, Ординъ-Нащокинъ получилъ возможность не только обнаруживать свои административные и дипломатическіе таланты, но развить и частью осуществить свои политическіе планы.

По упрямству и ворчливому характеру Ордына въ его письмахъ къ царю мы встрѣчаемъ больше отрицательнаго, чѣмъ положительнаго содержанія: въ нихъ онъ больше отрицаетъ или полемизируетъ, чѣмъ излагаетъ свою программу. Однако, можно набрать здѣсь значительный запасъ идей, которыя при надлежащей практической разработкѣ могли стать руководящими началами внутренней и внѣшней политики. Первая идея, на которой упорно стоитъ Нащокинъ, заключалась въ томъ, чтобы во всемъ брать примѣръ съ Запада, все дѣлать «съ примѣру чужихъ, стороннихъ земель». Это—исходная точка его преобразовательныхъ плановъ. Далѣе, Нащокинъ не могъ примириться со взглядомъ московской администраціи, дѣятельность которой вся основана была на личныхъ отношеніяхъ, а не на интересѣ государственнаго дѣла, порученнаго тому или другому лицу. У насъ писалъ онъ, любятъ дѣло или ненавидятъ его, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его дѣлаетъ, «меня не любятъ и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ». Когда царь выражалъ Нащокину неудовольствіе по поводу распри съ тѣмъ или другимъ знатнымъ противникомъ Афанасій отвѣчалъ, что личной вражды у него нѣтъ, но «о государевѣ дѣлѣ сердце болитъ и молчать не даетъ, когда вижу въ государевѣ дѣлѣ чье нерадѣніе». Итакъ, дѣло, а не лицо—вотъ второе правило, которымъ руководился Ордынъ. Главнымъ поприщемъ Ордына была дипломатія, и это былъ дипломатъ первой величины. Онъ едва ли не первый изъ московскихъ дипломатовъ заставилъ иностранцевъ уважать себя. Дипломатическое дѣло составляетъ, по его мнѣнію, главную функцію государственнаго управленія. «На государственныя дѣла», пишетъ Нащокинъ, «надобно мысленныя очеса устремлять, безпорочнымъ и избраннымъ людямъ, къ расширенію государства со всѣхъ сторонъ, а это есть дѣло одного Посольскаго приказа». У него были свои дипломатическія планы, свои взгляды на задачи московской политики.

Ординъ-Нащокинъ дѣйствовалъ въ ту минуту, когда съ особенной силой возбуждены были самые щекотливые вопросы, питавшіе непримиримую вражду Московскаго государства съ Польшей и Швеціей, вопросы о Молороссіи и Балтійскомъ краѣ. Обстоятельства поставили Нащокина въ водоворотъ сношеній съ Польшей и Швеціей, вызванныхъ этими вопросами, но у Ордына не закружилась голова въ этомъ водоворотѣ, онъ умѣлъ отдѣлить важные вопросы отъ шумныхъ. Онъ видѣлъ, что при тогдашнихъ средствахъ московскаго государства вопросъ малороссійскій, т. е. вопросъ о возсоединеніи юго-западной Руси съ Великороссіей, былъ неразрѣшимъ для него. Вотъ почему онъ склонялся на сторону союза съ Польшей. Малороссійскій вопросъ въ его глазахъ пока—дѣло второстепенное. «Если черкасы (казаки) измѣняютъ, то стоютъ ли они того, чтобы за нихъ стоять?»

На первомъ планѣ у Нащокина стоялъ другой вопросъ. Все вниманіе московскаго правительства, по его мнѣнію, должно было быть обращено на Швецію, именно на Ливонію, которую слѣдуетъ добыть во что бы то ни стало. Это пріобрѣтеніе принесетъ громадную пользу русской промышленности и казнѣ царя. Царь Алексѣй, увлекаемый идеями своего дѣльца, смотрѣлъ туда же, хлопоталъ о пріобрѣтеніи Нарвы, Орѣшка и всего теченія Невы съ крѣпостью Ніеншанцемъ, на мѣстѣ которой позднѣе возникъ Петербургъ. Но Нащокинъ шире смотрѣлъ на дѣло: онъ доказывалъ царю, что изъ-за мелочей не слѣдуетъ упускать изъ виду главной задачи. Нарва, теченіе Невы, Орѣшекъ—все это неважные пункты: нужно пробраться прямо къ морю, пріобрѣсти Ригу, пристань которой открываетъ прямой ближайшій путь въ западную Европу. Ливонія была главнымъ предметомъ дипломатическихъ помысловъ Нащокина. Петръ Великій цѣликомъ унаслѣдовалъ и осуществилъ эти помыслы министра своего отца.

Впрочемъ, политическій кругозоръ Нащекина не ограничивался вопросами внѣшней политики. Нащокинъ по своему смотрѣлъ и на порядокъ внутренняго управленія въ Московскомъ государствѣ, онъ былъ недоволенъ ходомъ и устройствомъ этого управленія. Прежде всего, онъ былъ противъ безпорядочнаго смѣшенія вѣдомствъ, характеризовавшаго тогдашнюю московскую администрацію, онъ настаивалъ на выдѣленіе дипломатіи изъ массы другихъ внутреннихъ мелочныхъ дѣлъ, какія тогда вѣдались въ московскомъ Посольскомъ приказѣ, напр.; дѣламъ по питейнымъ откупамъ, по таможеннымъ сборамъ. По его словамъ, «не слѣдуетъ посольское дѣло мѣшать съ кабацкими откупами». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ордынъ возставалъ противъ излишествъ регламентаціи, господствовавшей въ московскомъ управленіи. Здѣсь подчиненные органы были слѣпыми орудіями данныхъ имъ сверху наказовъ, здѣсь господствовала самая строгая централизація, опека высшихъ центральныхъ учрежденій надъ отдѣльными исполнителями. Нащокинъ требуетъ извѣстнаго простора для этихъ исполнителей. «Не во всемъ дожидаться государева указа, вездѣ надобно воеводское разсмотрѣніе», т. е. дѣйствіе по собственному соображенію. Онъ указывалъ на примѣръ Запада, гдѣ во главѣ войска ставится знающій полководецъ, самъ разсылающій указы подчиненнымъ начальникамъ, а не требующій указовъ изъ столицы на всякія мелочи. «Гдѣ глаза видятъ, и ухо слышитъ, тутъ и надо промыслъ держать неотложно». Но требуя большей самостоятельности для отдѣльныхъ исполнителей, Нащокинъ возлагаетъ на нихъ и большую отвѣтственность. Не по указу, не по обычаю и рутинѣ, а по соображенію обстоятельствъ минуты должна дѣйствовать администрація; такую дѣятельность, основанную на личной сообразительности исполнителя, Нащокинъ называетъ «промысломъ». Грубая сила имѣетъ второстепенное значеніе. «Лучше всякой силы промыслъ: дѣло въ промыслѣ, а не въ томъ, что людей много. И людей много, да промышленника нѣтъ, такъ ничего не выйдетъ. Вотъ шведъ всѣхъ сосѣднихъ государей безлюднѣе, а промыслами надъ всѣми верхъ беретъ, у него никто не смѣетъ отнять воли у промышленниковъ. Половину рати продать, да купить промышленника—и то будетъ выгоднѣе». Наконецъ, въ административной дѣятельности Ордына-Нащокина мы замѣчаемъ еще одну черту, которая всего болѣе подкупаетъ насъ въ его пользу. Это—безпримѣрная въ московскомъ

управленіи гуманность Ордына въ отношеніи къ подчиненнымъ и управляемымъ, стремленіе щадить ихъ силы, ставить ихъ въ такое положеніе, въ которомъ они съ наименьшимъ напряженіемъ могли бы принесть наибольшую пользу государству. Царь Алексѣй всего болѣе способенъ былъ цѣнить это качество въ своемъ сотрудникѣ. Въ грамотѣ 1658 г., возводя Ордына въ думные дворяне, царь хвалилъ его за то, что онъ «алчныхъ кормитъ, жадныхъ поитъ, нагихъ одѣваетъ, да и ворамъ не спускаетъ».

Таковы общіе взгляды и пріемы Нащокина. Онъ дѣлаетъ нѣсколько попытокъ практическаго примѣненія своихъ идей.

Наблюденія надъ жизнью западной Европы привели его къ мысли, что главный недостатокъ московскаго государственнаго управленія кроется въ томъ, что оно направлено къ простой эксплоатаціи народнаго труда, а не къ развитію промышленныхъ силъ страны. Отсюда проистекали вѣчныя хлопоты Нащокина о развитіи промышленности и торговли въ Московскомъ государствѣ. Но, чтобы промышленный классъ могъ дѣйствовать успѣшнѣе, надо было освободить его отъ давленія приказной администраціи. Правя Псковомъ, Ордынъ попытался здѣсь примѣнить свой проектъ городского самоуправленія. По этому проекту, посадскіе люди города Пскова должны были выбрать на три года, 15 старостъ, изъ которыхъ пятеро по очереди въ продолженіе года вели бы городскія дѣла. Въ рукахъ выборныхъ людей сосредоточивалось городское управленіе и судъ надъ посадскими людьми по всѣмъ торговымъ и исковымъ дѣламъ; только судъ по важнѣйшимъ преступленіямъ, уголовнымъ, оставался въ рукахъ городового воеводы. Впрочемъ, новое устройство дѣйствовало недолго; московская боярская и приказная знать не сочувствовала ему, и оно было отмѣнено, какъ только Нащокинъ покинулъ постъ псковскаго воеводы. Ставъ потомъ во главѣ Посольскаго приказа, Ордынъ составилъ другой, еще болѣе важный проектъ устройства торговаго класса и торговаго оборота въ Московскомъ государствѣ. Планъ этотъ былъ развитъ въ торговомъ уставѣ 1667 г. Это памятникъ, значеніе котораго нельзя преувеличивать. Ордынъ-Нащокинъ видѣлъ главный недостатокъ, которымъ страдала русская промышленность и торговля въ томъ, что «русскіе люди въ торговлѣ слабы другъ передъ другомъ», не привыкли дѣйствовать дружно и зависятъ отъ иностранцевъ. Главная причина этой зависимости—недостатокъ капиталовъ; «маломощные» торговцы брали ссуду у иноземцевъ, и для нихъ же покупали русскіе товары, которые и продавали имъ по низкимъ цѣнамъ, довольствуясь малымъ барышемъ. Этимъ они сильно подрывали промыселъ крупныхъ капиталистовъ. На устраненіе этихъ недостатковъ и былъ направленъ новый торговый уставъ. Главная таможня въ Москвѣ, земскіе избы въ городахъ (городскія управы), должны служить ссудными банками для недостаточныхъ торговцевъ. Послѣдніе соединяются въ компаніи съ крупными капиталистами и дѣйствуютъ подъ ихъ руководствомъ. Нуждающійся въ капиталѣ мелкій торговецъ беретъ ссуду въ таможнѣ, или земской избѣ, покупаетъ товаръ и передаетъ его для продажи за границу крупному капиталисту, къ которому приписанъ въ компанію. Послѣдній продаетъ переданный ему товаръ, вмѣстѣ съ своимъ, иностраннымъ купцамъ и дѣлится со своими маломощными компанейщиками. Такое устройство должно было сосредоточить внѣшніе обо-

роты въ немногихъ крѣпкихъ рукахъ, которыя были бы въ состояніи держать на достаточной высотѣ цѣны туземныхъ товаровъ.

Таковы преобразовательные идеи и опыты Ордына-Нащокина. Можно подивиться широтѣ и новизнѣ его взглядовъ, разнообразію его дѣятельности. Въ какую бы сферу государственнаго управленія ни попалъ Нащокинъ, онъ подвергалъ жестокой критикѣ установившіеся въ ней порядки и давалъ болѣе или менѣе ясный планъ преобразованій. Онъ сдѣлалъ нѣсколько военныхъ опытовъ, увидѣлъ недостатки въ устройствѣ военныхъ силъ и предложилъ проектъ ихъ преобразованія. Неудовлетворительная дворянская конница, по его проекту, должна быть замѣнена правильно устроенной арміей изъ пѣшихъ и конныхъ даточныхъ людей. Какъ мы видимъ, это—неясная мысль о регулярной арміи, комплектуемой рекрутскими наборами изъ всѣхъ сословій Можно пожалѣть, что ему не удалось сдѣлать всего, что онъ могъ сдѣлать. Неуступчивый и строптивый характеръ Ордына-Нащокина положилъ преждевременный конецъ его административной и дипломатической дѣятельности. Въ 1671 году онъ былъ назначенъ полномочнымъ посломъ для новыхъ переговоровъ съ Польшей, а вскорѣ послѣ того мы встрѣчаемъ его инокомъ Антоніемъ въ одномъ изъ псковскихъ монастырей. Вѣроятно, царь не согласился съ планомъ переговоровъ, какой предложилъ Нащокинъ, а послѣдній по своей привычкѣ осердился, «забилъ челомъ» царю объ отставкѣ и ушелъ въ монастырь.

3. Князь В. В. Голицынъ.

Еще дальше отъ дѣйствительности уходили преобразовательные планы князя В. В. Голицына, одного изъ преемниковъ Ордына-Нащокина по управленію иностранными дѣлами. Не смотря на молодость, онъ былъ уже виднымъ лицомъ въ правительственномъ кругу при царѣ Өеодорѣ, и сталъ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ при царевнѣ Софьѣ, когда она была, по смерти старшаго брата, провозглашена правительницей государства. Письма царевны къ Голицыну, въ которыхъ она посылаетъ слишкомъ задушевныя или черезъ чуръ восторженныя рѣчи „свѣту своему, братцу Васенькѣ", не оставляютъ никакого сомнѣнія въ характерѣ ихъ взаимныхъ отношеній. Управляя Посольскимъ приказомъ, Голицынъ показалъ себя жаркимъ поклонникомъ Запада, для котораго онъ умѣлъ разстаться съ самыми дорогими преданіями старины. Въ его обширномъ домѣ (въ Охотномъ ряду), все было устроено на европейскій ладъ; въ огромныхъ залахъ простѣнки заставлены были зеркалами, на потолкѣ была нарисована планетная система, на стѣнахъ висѣли портреты русскихъ и иностранныхъ государей и нѣмецкія географическія карты въ золотыхъ рамахъ. У него была значительная библіотека, на полкѣ которой русскій лѣтописецъ стоялъ рядомъ съ кораномъ, нѣмецкая геометрія рядомъ съ рукописями о строеніи комедій. Любопытно, что въ библіотекѣ Голицына находились между прочимъ, и «Политичныя думы» Крыжанича. Домъ Голицына служилъ пунктомъ соединенія для образованныхъ иностранцевъ, попадавшихъ въ Москву. Подобно Нащокину, Голицынъ, бѣгло говорилъ по-латыни и по-польски. Поклоняясь иноземному, Голицынъ ласкалъ даже іезуитовъ, съ которыми не мог-

ли мириться предшествовавшіе ему любители иноземнаго. Не даромъ, какъ гласитъ театральное преданіе, «Голицынъ былъ въ числѣ придворныхъ кавалеровъ, которые въ комнатахъ царевны Софьи играли въ переводѣ, «Доктора поневолѣ»,—Мольера. Голицынъ еще при царѣ Ѳеодорѣ стоялъ во главѣ комиссіи, которой поручено было составить планъ преобразованія военнаго устройства, и эта комиссія выработала извѣстный проектъ отмѣны мѣстничества. При Софьѣ Голицынъ безъ умолку говоритъ о необходимости для бояръ ѣздить за границу, и отдавать дѣтей въ польскія коллегіи для обученія. Широкіе преобразовательные планы носились въ головѣ Голицына; такъ можно заключить по обрывкамъ этихъ плановъ, которые записалъ, не всегда полно и не всегда умѣлой рукой, иностранецъ, польскій уполномоченный, французъ Невиль, пріѣзжавшій въ Москву не задолго до паденія Софьи и Голицына. Князь, по словамъ Невиля, хотѣлъ заселить пустыни, обогатить нищихъ, превратить дикарей въ людей и т. д. Читая разсказъ этого иноземца, мы готовы дивиться смѣлости преобразовательныхъ помысловъ Голицына. Онъ задумалъ перестроить дворянское ополченіе въ регулярную армію, сохранивъ за нею прежній сословный характеръ, а вмѣсто сбора даточныхъ съ тяглаго сельскаго населенія, обложить крестьянъ поголовною податью; жалованье служилымъ людямъ, выдававшееся на половину мѣхами, уплачивать однѣми деньгами. Средства для этого онъ предполагалъ добыть преобразованіемъ отношеній землевладѣльцевъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ: крестьяне должны выйти на волю, удержавъ за собою тѣ земли, которыя они обрабатывали въ минуту освобожденія. Для вознагражденія землевладѣльцевъ за крестьянъ за уступленную крестьянамъ землю, все земледѣльческое населеніе должно быть обложено оброкомъ, который служилъ бы источникомъ для уплаты возвышеннаго жалованья служилымъ людямъ. Это жалованье и должно было служить землевладѣльцамъ вознагражденіемъ за потерянный доходъ съ крестьянъ, составляя какъ бы непрерывный доходъ съ выкупной суммы, положенной на вѣчныя времена въ государственное казначейство изъ извѣстнаго процента. Таковы были преобразовательные замыслы Голицына. Переданные намъ отрывочно, безъ внутренней связи, они однако, заставляютъ догадываться, что въ основѣ ихъ лежалъ цѣльный, широкій и достаточно разработанный планъ преобразованій, которыя касались не только администраціи и устройства военныхъ силъ, но и соціальнаго строя государства.

И Нащокинъ и Голицынъ во многомъ предупредили Петра, хотя не были похожи одинъ на другого. Нащокинъ—смѣлый, самоувѣренный бюрократъ, знавшій себѣ цѣну, заботливый и доброжелательный къ управляемымъ, съ большимъ и дѣятельнымъ умомъ; всегда и прежде всего имѣлъ онъ въ виду государственный интересъ, общее благо. Онъ не успокаивался на рутинѣ, всюду зорко подмѣчалъ недостатки существующаго порядка, вѣрно соображалъ средства для ихъ устраненія, мѣтко указывалъ цѣли, чутко угадывалъ задачи, стоящія на очереди. Онъ первый высказалъ рядъ идей, которыми потомъ долго руководилось русское правительство. Обладая сильнымъ практическимъ смысломъ, онъ не ставилъ слишкомъ широкихъ задачъ. Онъ умѣлъ найтись въ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, устроить всякое дѣло, пользуясь наличными средствами. Но безъ умолку твердя о не-

достаткахъ дѣйствующаго порядка, онъ не касался его основаній, думалъ поправлять его по частямъ, не хотѣлъ общей ломки, не былъ радикальнымъ новаторомъ. Его преобразовательная программа сводилась къ тремъ основнымъ требованіямъ: улучшенію правительственныхъ учрежденій и нравовъ, выбору добросовѣстныхъ и знающихъ управителей и увеличенію казенной прибыли путемъ развитія народнаго богатства, промышленности и торговли.

Князь Голицынъ былъ человѣкъ другого поколѣнія и шелъ дальше Нащокина. Онъ не обладалъ ни умомъ послѣдняго, ни его правительственными талантами и навыкомъ. Но онъ былъ книжно образованнѣе его, меньше работалъ и больше размышлялъ, имѣя къ тому больше досуга. Мысль князя, менѣе сдерживаемая опытомъ, была смѣлѣе, проникла въ самую глубь существующаго порядка, касалась самыхъ основъ его. Онъ не довольствовался какъ Нащокинъ, административными и экономическими реформами, а думалъ о распространеніи просвѣщенія и вѣротерпимости, о переустройствѣ соціальнаго порядка и нравственнаго быта, о переработкѣ дикарей въ людей. Его планы шире, отважнѣе, но идилличнѣе, чѣмъ у Нащокина. Оба они—родоначальники двухъ поколѣній или двухъ типовъ государственныхъ дѣятелей, выступающихъ у насъ въ XVIII столѣтіи. Всѣ эти дѣятели либо нащокинскаго, либо голицынскаго пошиба. Нащокинъ—родоначальникъ петровскихъ дѣльцовъ, въ Голицынѣ замѣтны уже черты либеральнаго екатерининскаго вельможи.

Мы видѣли рядъ людей, воспитанныхъ подъ новыми вѣяніями XVII в. Судя по нимъ, можно подивиться обилію преобразовательныхъ идей, накопившихся въ московскомъ обществѣ этого мятежнаго вѣка. Каждый изъ этихъ дѣятелей развивалъ какую-нибудь новую мысль, иногда, даже цѣлый рядъ преобразовательныхъ мыслей. Новыя идеи развивались безъ всякой связи, безъ общаго плана, однако, собравъ ихъ вмѣстѣ, мы получимъ цѣльную и довольно разработанную программу преобразованій. Вотъ главнѣйшія части этой программы: 1) созданіе регулярной арміи, 2) пріобрѣтеніе балтійскаго побережья, 3) освобожденіе крестьянъ, 4) замѣна дѣйствующей системы прямыхъ налоговъ подушною и поземельною податью, 5) развитіе внѣшней торговли и внутренней промышленности, 6) новое, болѣе свободное устройство управленія промышленнымъ классомъ, 7) устройство школы съ техническимъ направленіемъ, разсчитаннымъ на нужды государства, а не церкви,—и все это по иноземнымъ образцамъ, и даже съ помощью иноземныхъ руководителей и сотрудниковъ. Легко понять, что такое вся эта совокупность преобразовательныхъ идей XVII вѣка. Это—программа Петра; она вся уже готова до начала его дѣятельности. Таково значеніе людей второй половины XVII вѣка. Они не только создали атмосферу, которою дышалъ Преобразователь, но и начертали ему программу дѣятельности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шедшую даже далѣе того, что исполнилъ Петръ. Обращаясь къ изученію дѣятельности Петра, не слѣдуетъ забывать этого; это, быть можетъ, поможетъ намъ правильно оцѣнить значеніе и характеръ дѣятельности Преобразователя. Изученіе послѣдней начну краткимъ очеркомъ жизни Петра до начала реформъ.

Петръ Великій (1685—1725).

Его біографія.

Петръ родился въ Москвѣ 30 мая 1672 года. Онъ былъ четырнадцатое дитя многосемейнаго царя Алексѣя и первый ребенокъ отъ второй его жены, Натальи Кирилловны Нарышкиной.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ въ своей дѣтской Петръ былъ окруженъ иноземными предметами; все, во что онъ игралъ, напоминало ему нѣмца. Нѣкоторыя изъ этихъ заморскихъ игрушекъ особенно обращаютъ на себя наше вниманіе. Двухлѣтній Петръ имѣлъ уже въ рукахъ музыкальные ящики—«цымбальцы» и большіе цымбалы нѣмецкой работы, даже какой то «клавикордъ», съ мѣдными зелеными струнами. Все это живо напоминаетъ намъ придворное общество царя Алексѣя, столь падкое на художественныя заморскія забавы. Съ лѣтами дѣтская Петра наполняется предметами военнаго дѣла: въ ней появляется цѣлый арсеналъ потѣшнаго оружія, и въ нѣкоторыхъ мелочахъ этого дѣтскаго арсенала сказываются тревожныя заботы взрослыхъ людей того времени. Такъ, мы находимъ здѣсь довольно полно представленную московскую артиллерію, встрѣчаемъ множество деревянныхъ пищалей и пушекъ съ лошадками. Начетвертомъ году Петръ лишился отца. При царѣ Ѳеодорѣ положеніе его матери и ближайшихъ родственниковъ стало очень затруднительнымъ: молодая царица-вдова отошла на второй планъ, стала въ тѣни.

Господствуетъ мнѣніе, что Петръ воспитывался по новому, иначе, лучше, чѣмъ царевичи прежнихъ временъ, иначе и лучше, чѣмъ напр., его отецъ. Въ отвѣтъ на это мнѣніе люди первой половины XVIII вѣка, по свѣжимъ преданіямъ разсказывая о томъ, какъ учили Петра грамотѣ, даютъ намъ понять, что по крайней мѣрѣ до десяти лѣтъ Петръ росъ и воспитывался гораздо болѣе по старому, чѣмъ его старшіе братья, чѣмъ даже его отецъ. По примѣру послѣдняго, его начали учить очень рано, съ пяти лѣтъ, и притомъ вполнѣ по старинному. Крестный отецъ и братъ Петра, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, не разъ говаривалъ царицѣ Наталіи: «Пора, государыня, крестника учить». Царица просила кума найти учителя, кроткаго, смиреннаго Божественное писаніе вѣдующаго. Какъ нарочно выборъ учителя былъ рѣшенъ человѣкомъ, отъ котораго слишкомъ пахло старой Русью, бояриномъ Ѳеодоромъ Прокофьевичемъ Соковнинымъ. Это былъ извѣстный приверженецъ древне-русской благочестивой старины въ концѣ XVII вѣка. Домъ Соковниныхъ былъ убѣжищемъ старой вѣры, они придерживались раскола. Двѣ родныя сестры Соковнина, Ѳедосья Морозова и Авдотья Урусова, еще при царѣ Алексѣѣ запечатлѣли свое древнее благочестіе мученичествомъ: царь подвергъ ихъ суровому заключенію въ Боровскомъ острогѣ за привязанность къ старой вѣрѣ и протопопу Аввакуму. Въ одномъ изъ посланій послѣдняго есть характерное свидѣтельство объ этихъ сестрахъ-подвижницахъ, ободряя себя и другихъ во время гоненія, знаменитый протопопъ, обращаясь къ самому себѣ съ своей неподражаемой рѣчью, говоритъ: «Безумный, ну-ка, воспрянь и исповѣдуй Христа, Сына Божія, громко передъ всѣми. Полно укрываться; другого такого времени не дождешься. Само

царство небесное въ ротъ валится, а ты все откладываешь. Посмотри-ка боярыня Θедосья Прокофьевна Морозова съ сестрой своей Евдокіей какіе столпы великіе; весь міръ ихъ не стоитъ. Дивиться только надо; восемь тысячъ крестьянъ имѣли, одного домового завода тысячъ на двѣсти рублей, а нынѣ, вмѣсто золоченыхъ кроватей, въ землѣ закопаны сидятъ, за православіе мучатся». Въ томъ острогѣ сестры и померли. Другой братъ этихъ бояринь, Алексѣй, впослѣдствіи сложилъ голову на плахѣ за участвіе въ заговорѣ противъ Петра во имя благочестивой старины.

Θеодоръ Соковнинъ указалъ царицѣ на «мужа кроткаго и смиреннаго всѣми добродѣтелями исполненнаго и въ грамотѣ искусснаго». То былъ Никита Моисеевъ, сынъ Зотова, подъячій, впослѣдствіи дьякъ, Приказа большого прихода (по нашему, департамента неокладныхъ сборовъ въ министерствѣ финансовъ).

Разсказъ о томъ, какъ Зотовъ введенъ былъ въ должность придворнаго учителя. дышетъ такой древне-русской правдой, что не оставляетъ сомнѣнія въ характерѣ зотовской педагогіи. Соковнинъ привезъ Зотова къ царю и, оставивъ въ передней, отправился съ докладомъ. Вскорѣ изъ комнатъ царя вышелъ дворянинъ и спросилъ: „кто здѣсь Зотовъ?“ Будущій учитель до того оробѣлъ, что въ безпамятствѣ не могъ сойти съ мѣста, такъ, что дворянинъ долженъ былъ взять его за руку. Зотовъ просилъ его повременить немного, чтобы дать прійти въ себя. Постоявъ нѣсколько, онъ перекрестился и пошелъ къ царю, который пожаловалъ къ рукѣ и проэкзаменовалъ въ присутствіи Симеона Полоцкаго. Ученый воспитатель царя вполнѣ одобрилъ чтеніе и письмо Зотова. Тогда Соковнинъ повелъ опробованнаго учителя къ царицѣ-вдовѣ. Та приняла его, держа за руку Петра, и сказала: «Знаю, что ты хорошей жизни и искусенъ въ писаніи, вручаю тебѣ моего единственнаго сына». Зотовъ залился слезами и, дрожа отъ страха, упалъ къ ногамъ царицы, говоря: «Недостоинъ я, матушка государыня, принять такое сокровище». Царица позвала его къ рукѣ и велѣла на слѣдующее утро начать ученье. На это торжество пришли царь съ патріархомъ. Отслуживши молебенъ съ водосвятіемъ, окропили святой водой новаго учиника и, благословивъ, посадили его за азбуку. Зотовъ поклонился своему ученику въ землю и началъ курсъ своего преподаванія. Прочитавъ этотъ разсказъ, не приходится говорить, что Зотовъ могъ обучить Петра чему-нибудь новому, какимъ нибудь «еллинскимъ или латинскимъ борзостямъ».

По словамъ Котошихина, для обученія царевичей выбирали учительныхъ людей тихихъ и небражниковъ. Что Зотовъ былъ учительный человѣкъ тихій, за это ручается только что приведенный разсказъ; но, говорятъ, онъ не вполнѣ удовлетворялъ второму требованію—любилъ выпить. Я, впрочемъ, не согласенъ съ довольно распространеннымъ мнѣніемъ, будто онъ былъ совсѣмъ плохимъ преподавателемъ и не оказалъ развивающаго, воспитательнаго вліянія на своего ученика. Зотова позвали, вѣдь, не воспитывать, а учить грамотѣ царевича, и онъ, можетъ быть, передалъ своему ученику старинный курсъ древне-русскаго обученія не хуже многихъ предшествовавшихъ придворныхъ преподавателей. Онъ началъ, разумѣется, «со словеснаго ученія», т. е. прошелъ съ Петромъ азбуку, Часословъ, Псалтырь, даже Евангеліе и Апостолъ, причемъ все пройденное взято было, по древне-

русскому педагогическому правилу на зубокъ. Впослѣдствіи Петръ былъ на клиросѣ, какъ дома, пѣлъ и читалъ не хуже любого дьячка; говорятъ даже что онъ могъ прочесть наизусть Евангеліе и Апостолъ. Такъ учился царь Алексѣй, такъ учились его старшіе сыновья; такъ же учился и самъ Петръ. Но этимъ не ограничилось преподаваніе Зотова. Очевидно, новыя вѣянія коснулись и этого импровизированнаго педагога изъ Приказа большого прихода. Подобно воспитателю царя Алексѣя, Зотовъ примѣнялъ къ воспитанію Петра систему нагляднаго обученія. Царевичъ учился бойко и охотно. На досугѣ онъ любилъ слушать разсказы и разсматривать книжки съ «кунштами» (картинками.) Зотовъ сказалъ объ этомъ царицѣ, и та велѣла ему выдать рукописи съ рисунками изъ дворцовой библіотеки и заказала живописнымъ мастерамъ Оружейной палаты нѣсколько новыхъ иллюстрацій. Такъ составилась у Петра коллекція «потѣшныхъ тетрадей, въ которыхъ нарисованы были золотомъ и красками зданія, корабли, солдаты, оружіе, двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные, т. е. астрономическіе рисунки, сраженіе и исторіи въ лицахъ съ прописями, т. е. иллюстрированныя повѣсти и сказки съ текстомъ. Всѣ эти тетради, писанныя лучшимъ мастеромъ, Зотовъ разложилъ въ комнатахъ царевича. Замѣтивъ, что Петръ начинаетъ тяготиться книгой, Зотовъ отрывалъ его отъ чтенія и показывалъ ему иллюстраціи, сопровождая обзоръ ихъ поясненіями. При этихъ поясненіяхъ, говорятъ, онъ касался и русской старины, разсказывалъ царевичу про русскихъ историческихъ людей, говорилъ о дѣяніяхъ царей Михаила и Алексѣя, восходилъ и къ болѣе отдаленнымъ временамъ Димитрія Донского, Александра Невскаго и даже Владимира Святого. Впослѣдствіи Петръ очень мало занимался русской исторіей, обнаруживалъ очень мало интереса къ отечественной старинѣ. Кто знаетъ, быть можетъ, безъ этихъ зотовскихъ бесѣдъ Петръ не зналъ бы о прошломъ Россіи и того, что онъ зналъ. И за это спасибо подъячему!

Едва минуло Петру десять лѣтъ, какъ первоначальное образованіе его окончилось. Петръ силою обстоятельствъ рано былъ предоставленъ самому себѣ; перешелъ изъ учебной комнаты на волю съ 10-ти лѣтъ. Въ это время (27 апрѣля 1682 г.) умеръ царь Өеодоръ, и за его смертью послѣдовали извѣстныя событія; провозглашеніе царемъ Петра помимо старшаго брата Ивана, стрѣлецкій бунтъ 13 мая, установленіе двоевластія и назначеніе Софіи правительницей государства. Петръ бывшій очевидцемъ кровавыхъ сценъ стрѣлецкаго бунта, вызвалъ общее удивленіе твердостью, какую сохранилъ при этомъ. Стоя на красномъ крыльцѣ подлѣ матери, онъ говорятъ не измѣнился въ лицѣ, когда стрѣльцы подхватывали на копья его сторонниковъ. Но майскія сцены 1682 года неизгладимо врѣзались въ его память. Эти событія совершенно вытѣснили царицу-вдову изъ московскаго кремля и заставили ее удалиться въ любимое подмосковское село ея мужа—Преображенское. Здѣсь Петръ и росъ на просторѣ. Мы можемъ себѣ представить, какъ мало занимательнаго было для мальчика въ комнатахъ матери. Онъ видѣлъ вокругъ себя вѣчно печальныя лица, слышалъ постоянныя жалобы на неправду людскую, на падчерицу и ея злыхъ совѣтниковъ. Эта скука, вѣроятно, и выманила его изъ комнатъ матери на дворъ и въ сады Преображенскаго дворца. Съ

1683 года Петръ, никѣмъ не руководимый, началъ продолжительную игру, которую самъ себѣ устроилъ. Игралъ онъ, во что играютъ всѣ дѣти въ мірѣ, въ то, о чемъ думаютъ и говорятъ взрослые. До 1683 года онъ постоянно таскаетъ къ себѣ, преимущественно изъ Оружейной палаты, разнообразныя потѣшныя вещи, главнымъ образомъ, оружіе. То и дѣло выносятъ изъ его комнатъ для починки сломанную пищаль или прорванный барабанъ. Вмѣстѣ съ образомъ Спаса на слоновой кости онъ беретъ себѣ оттуда и часы столовые съ арабомъ, и карабинецъ винтовый нѣмецкій; онъ то и дѣло переноситъ къ себѣ свинецъ, порохъ, бердыши, пистоли и т. п. Кремлевскій арсеналъ постепенно переселяется въ комнаты Преображенскаго дворца. Дворцовые акты даютъ намъ возможность слѣдить за каждымъ шагомъ Петра въ эти годы. Онъ ведетъ очень подвижную жизнь, безпрестанно ѣздитъ по подмосковнымъ дворцовымъ селамъ и монастырямъ; то онъ въ Преображенскомъ, то въ Воробьевѣ, то у Троицы, то въ Коломенскомъ, то у Саввы Сторожевскаго; и за нимъ возятъ его окружную казну. Мы видимъ съ кѣмъ онъ водится въ это время, кѣмъ онъ окруженъ, во что онъ играетъ, не видимъ лишь, садится ли онъ за книгу. Повытаскавъ къ себѣ чуть не всю Оружейную палату. Петръ создаетъ около себя вооруженную толпу; это были преимущественно придворные лакеи, конюхи и т. п. Такъ явились въ Преображенскомъ «потѣшные». Наборъ потѣшныхъ производился канцелярскимъ путемъ. Такъ, въ 1686 г. изъ мастерской царицыной палаты сообщено было Конюшенному приказу требованіе Петра выслать ему въ Преображенское нѣсколько конюховъ для записи въ потѣшные. Въ числѣ этихъ конюховъ былъ и Александръ Даниловичъ Меньшиковъ. сынъ придворнаго конюха. Впрочемъ, стала поступать въ потѣшные и знатная молодежь. Такъ, въ 1688 году съ толпой конюховъ и лакеевъ поступили Ив. Ив. Бутурлинъ и князь М. Голицынъ (будущій фельдмаршалъ), которые записались «въ барабанную науку», какъ говоритъ дворцовая книга.

На упражненіяхъ съ одними потѣшными не могъ остановиться Петръ. По сосѣдству съ Преображенскимъ давно уже образовался своеобразный и заманчивый мірокъ, на который искоса посматривали руководители Московскаго государства. То была нѣмецкая слобода. Царь Алексѣй, особенно, содѣйствовалъ населенію этой слободы. При немъ вызваны были изъ-за границы, вмѣстѣ съ разными мастерами, пара генераловъ, болѣе сотни полковниковъ и безчисленное количество офицеровъ. Сюда обратился Петръ за новыми потѣхами, какихъ онъ не могъ придумать вмѣстѣ со своими доморощенными потѣшными. Въ 1684 году иноземный мастеръ Зоммеръ уже показывалъ ему гранатную стрѣльбу, любимую его потѣху впослѣдствіи. Случай, какъ говорятъ, открылъ въ Петрѣ страсть къ кораблямъ, которая была будто бы неожиданною, вдохновенною искрою, вдругъ озарившею Петра, когда онъ въ амбарѣ своего дѣда, Никиты Ивановича Романова, нашелъ старый англійскій ботъ. «Минута, говоритъ Устряловъ, когда онъ, шестнадцатилѣтній юноша, вперилъ вдохновенный взоръ на полусгнившій ботъ, и въ умѣ его, какъ молнія, мелькнула мысль о русскомъ флотѣ,—принадлежитъ къ самымъ лучезарнымъ минутамъ его жизни». Но Петръ гораздо раньше и проще познакомился съ корабликами. Еще въ 1667 году, за годъ или за два до открытія заваляв-

шагося въ амбарѣ «дѣдушки русскаго флота», онъ таскалъ изъ Оружейной палаты корабли малые, т. е. старыя отцовскія модели кораблей; вспомнимъ, что правительство царя Алексѣя много думало и заботилось объ устройствѣ флота. Это было для Петра наслѣдственное преданіе, хорошо освоившееся въ томъ кругу, въ которомъ онъ росъ.

Впрочемъ, всетаки довольно случайно подготовилась вторичная школа для Петра, незнакомая прежнимъ царевичамъ. Въ 1687 году князь Я. Долгорукій, отправляясь посломъ во Францію, явился къ царицѣ-вдовѣ откланяться. Въ бесѣдѣ съ царевичемъ, очень падкимъ до заморскихъ вещей, князь сказалъ, что у него былъ инструментъ, которымъ можно было брать дистанціи, не доходя до намѣченнаго пункта, да жаль, украли. Петръ просилъ его купить ему эту вещь и Долгорукій въ 1686 году вывезъ для Петра изъ Франціи астролябію. Повозившись съ нею Петръ рѣшилъ выучиться, какъ ею должно пользоваться. Первой мыслью было обратиться къ всевѣдущему нѣмцу, придворному «дохтуру». Дохтуръ сказалъ, что и самъ онъ не знаетъ, но обѣщался отыскать человѣка, который знаетъ, и указалъ на математика изъ нѣмецкой слободы, голландца Тиммермана. Подъ его руководствомъ Петръ принялся учиться ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи. Это было немудреное ученіе; до насъ дошли учебныя тетради съ задачами, рѣшенными имъ и поправленными Тиммерманомъ. Изъ этихъ тетрадей прежде всего мы видимъ, какъ мало былъ Петръ обученъ грамотѣ съ дѣтства. Петръ пишетъ невозможно, не соблюдаетъ никакихъ правилъ тогдашняго правописанія, съ трудомъ выводитъ буквы, не умѣетъ раздѣлять словъ; слово «стрѣлять», напр., онъ пишетъ съ търѣлять. Причиной этого было, можетъ быть, неумѣніе Зотова преподавать, можетъ быть, — не внимательность ученика, а вѣрнѣе всего, преждевременный перерывъ занятій. И Тиммерманъ былъ немудреннымъ математикомъ. Въ учебныхъ тетрадяхъ Петра мы встрѣчаемъ примѣры съ объясненіями, тѣ и другія писаны частью рукою учителя, частью самимъ ученикомъ. Въ задачахъ на умноженіе, писанныхъ рукою Тиммермана, встрѣчается не одна ошибка. Но важнѣе всего то, что эти тетради даютъ намъ видѣть степень охоты, съ которой Петръ принялся за математику и военныя науки. Онъ быстро прошелъ ариѳметику, геометрію, артиллерію и фортификацію, въ тѣхъ же тетрадяхъ мы встрѣчаемъ собственноручныя рѣшенія Петра довольно трудныхъ и сложныхъ геометрическихъ и фортификаціонныхъ задачъ. Съ этимъ Тиммерманомъ Петръ и нашелъ упомянутый уже знаменитый дѣдовскій ботъ, который при напряженномъ интересѣ Петра къ флоту, интересѣ, доставшемся ему по наслѣдству и поддержанномъ найденными въ Оружейной палатѣ моделями кораблей, возбудилъ въ немъ извѣстную страсть къ мореплаванію, повелъ къ постройкѣ флотилій сперва на Переяславскомъ озерѣ, потомъ подъ Архангельскомъ. Такъ прошелъ Петръ вторичную школу, незнакомую прежнимъ царевичамъ. Старшіе сыновья царя Алексѣя Михайловича изъ рукъ подъячихъ, обучавшихъ ихъ грамотѣ, переходили къ воспитателю, который знакомилъ ихъ съ понятіями, шедшими дальше обычнаго стараго московскаго кругозора; старшіе дѣти довершали свое образованіе подъ руководствомъ ученаго монаха Симеона Полоцкаго. Петру не дали такого учителя; мѣсто Симеона Полоцкаго для него заступаетъ гол-

ландскій математикъ Тиммерманъ. Отсюда, разница въ складѣ понятій, которыя выносили, изъ воспитанія прежніе царевичи, и какія вынесъ Петръ. Дѣйствіе этихъ понятій и обнаружилось въ дальнѣйшей дѣятельности Петра, какъ и въ обстановкѣ, какую онъ себѣ создалъ.

Изложенныя мною черты дѣтства и молодости Петра позволяютъ намъ возстановить первые моменты его духовнаго роста. До десяти лѣтъ Петръ проходилъ совершенно древне-русскую выучку мастерству церковной грамоты. Эта выучка, можетъ быть, была не хуже, но во всякомъ случаѣ, и не лучше той, какую проходили его отецъ и старшіе братья. Но эта выучка шла среди безпрестанныхъ толковъ и явленій совершенно не дрѐвне-русскаго характера. Съ десяти лѣтъ кровавыя событія, раздражающія впечатлѣнія, выгнали Петра изъ Кремлевскаго дворца, выбили его изъ установившагося порядка древне-русской жизни, связали для него этотъ порядокъ съ самыми горькими воспоминаніями и дурными чувствами, рано оставили Петра съ заморскими игрушками, взятыми изъ прежней дѣтской. До шестнадцати лѣтъ Петръ тѣшился этими игрушками на волѣ, безъ плана и правильнаго руководства, окруженный въ селѣ Преображенскомъ конюхами и придворными лакеями. Обученіе, начатое подъ руководствомъ Зотова и рано прерванное по обстоятельствамъ, потомъ опять возобновилось, но уже подъ другимъ руководствомъ и въ другомъ направленіи. На мѣсто Зотова сталъ иноземецъ, математикъ Тиммерманъ, зотовская выучка смѣнилась другой; иноземныя забавы привели Петра ко вторичной школѣ вовсе не церковнаго характера, къ изученію ариѳметики, геометріи, артиллеріи, фортификаціи — къ выучкѣ столь же мастеровой, технической, какъ и зотовская, только съ другимъ содержаніемъ. Прежде, при Зотовѣ, была занята преимущественно память; теперь, при Тиммерманѣ, заняты были еще глаза, сноровка, сообразительность. Чувство, сердце оставались праздными попрежнему. Иноземныя забавы и новыя науки расширяли первоначальную компанію Петра, образовавшуюся въ селѣ Преображенскомъ къ конюхамъ и придворнымъ лакеямъ присоединялись бродяги нѣмецкой слободы. Рядомъ съ Алексашкой Меньшиковымъ, сыномъ придворнаго конюха, невѣжественнымъ, но умнымъ и смѣтливымъ гулякой, сѣлъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ, обанкротившійся купчикъ изъ Женевы, невѣжественный не менѣе Меньшикова, но человѣкъ бывалый, веселый болтунъ, герой и добрый товаришъ за бутылкой.

Военные игры и безпорядочное изученіе математическихъ и военныхъ наукъ продолжались до 24 года жизни Петра, сопровождаясь частыми попойками и постоянной бѣготней по подмосковнымъ дворцовымъ селамъ, поѣздками въ Переяславль и въ Архангельскъ. Игры постепенно, вмѣстѣ съ лѣтами Петра, теряли характеръ дѣтскихъ забавъ и становились серіозными дѣлами; это потому, что и въ дѣтствѣ они были похожи на серіозныя дѣла, по которымъ думали старшіе современники Петра. Азовскіе походы 1695—96 гг. впервые сообщили этимъ играмъ серіозный характеръ они же оправдали ихъ, показавъ практическую пользу, какая изъ нихъ можетъ выйти. Азовъ былъ взятъ устроенной въ Преображенскомъ артиллеріей и построенными въ Воронежѣ судами.

Въ 1697 году; имѣя 25 лѣтъ отъ роду, Петръ, наконецъ, увидалъ западную Европу, о которой такъ много толковали ему его

друзья и товарищи изъ нѣмецкой слободы. Онъ ѣхалъ на Западъ, чтобы самому увидѣть чудеса той военной и промышленной техники, съ которой онъ знакомъ былъ по ея плохимъ представителямъ, мастерамъ изъ нѣмецкой слободы. Ему хотѣлось за границей довершить пріобрѣтенныя дома познанія. Вотъ почему, какъ только онъ попалъ за границу, онъ принялся доучиваться военному искусству и другимъ ремесламъ. Опередивъ посольство, въ составѣ котораго онъ ѣхалъ инкогнито, подъ именемъ Петра Михайлова, и прибывъ въ Кенигсбергъ, онъ тотчасъ принялся за изученіе артиллеріи. Его учитель, прусскій подполковникъ, далъ ему аттестатъ, въ которомъ, удивляясь его быстрымъ успѣхамъ въ артиллеріи, свидѣтельствовалъ, что означенный Петръ Михайловъ «вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». Согласно съ этими занятіями и наклонностями, Петръ старался возможно ближе познакомиться съ Голландіей и Англіей, т. е. именно съ тѣми странами западной Европы, въ которыхъ наиболѣе развита была военная морская и промышленная техника, и кажется, кромѣ этой техники онъ ничего не изучалъ въ этихъ странахъ, по крайней мѣрѣ, съ такимъ же вниманіемъ. Въ этомъ отношеніи очень любопытенъ «Журналъ» его заграничнаго путешествія. Въ этомъ «Журналѣ» Петръ носитъ имя десятника, какъ въ артиллерійской службѣ онъ носилъ званіе бомбардира Преображенскаго полка. Шестнадцатаго августа, по журналу, Петръ съ товарищами пріѣхалъ въ Амстердамъ, 17-го были въ «комедіи», 19-го смотрѣли фейерверкъ, для нихъ устроенный, а 20-го перебрались уже за городъ на дворъ Остъ-индской-галландской компаніи, на верфяхъ которой амстердамскій бургомистръ выхлопоталъ Петру разрѣшеніе поработать. Петръ — ежедневно за работой на верфи; но и въ свободное время онъ рѣдко сидитъ дома. Въ журналѣ изрѣдка читаемъ замѣтку: «Были дома и веселились довольно», т. е. пили по-московски въ своемъ домашнемъ кругу. Петръ постоянно въ движеніи, осматриваетъ всевозможныя рѣдкости, госпитали, воспитательные дома, анатомическіе кабинеты, кунсткамеры, фабрики, заводы, взлѣзаетъ на обсерваторію, ѣздитъ къ математикамъ, къ корабельнымъ мастерамъ. Такой же образъ жизни ведетъ онъ и въ Англіи, куда переѣхалъ изъ Голландіи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Лондонѣ, въ Портсмутѣ, въ Буличѣ онъ осматриваетъ кабинеты и рѣдкости, заводы и мастерскія, слѣдитъ за работами на верфяхъ, часто ѣздитъ осматривать военные корабли, причемъ тщательно замѣчаетъ количество пушекъ, ихъ калибръ, вѣсъ ядеръ. Для него устраиваютъ примѣрныя морскія сраженія. Изрѣдка журналъ отмѣчаетъ, что Петръ заходилъ въ ту или другую англійскую церковь, что принималъ у себя епископовъ, которые, посидѣвъ съ полчаса, уѣхали, вѣроятно, за недостаткомъ дѣла. Одинъ разъ были въ парламентѣ. Повидимому, у Петра не было ни охоты, ни досуга всматриваться въ политическій и общественный порядокъ западной Европы, въ отношенія и понятія людей западнаго міра. Попавъ въ западную Европу, онъ прежде всего забѣжалъ въ мастерскую ея цивилизаціи и не хотѣлъ итти никуда дальше, по крайней мѣрѣ оставался разсѣяннымъ, безучастнымъ зрителемъ, когда ему показывали другія стороны западно-еврепейской жизни. Когда онъ въ августѣ

1698 года возвращался въ отечество съ собранными въ полтора года путешествія впечатлѣніями, Западная Европа, должна была представляться ему въ видѣ шумной и дымной мастерской съ ея машинами, молотками, мастерами, кунсткамерами, заводами, фабриками, пушками, кораблями и т. п.

Едва успѣлъ онъ вернуться изъ-за границы, какъ на много дней погрузился опять въ раздражающее занятіе со взбунтовавшимися стрѣльцами. Это напоминало ему впечатлѣнія его дѣтства, события 1682 года. Ненавистный образъ его сестры съ ея родственниками и друзьями, съ Милославскими и Шакловитыми, опять возсталъ передъ нимъ со всѣми ужасами, какихъ онъ ожидалъ съ этой стороны. Недаромъ Петръ былъ внѣ себя во время стрѣлецкаго розыска и, не утерпѣвъ, въ пыточномъ застѣнкѣ самъ рубилъ головы стрѣльцамъ. А затѣмъ Петръ, почти безъ передышки, долженъ былъ приняться за другое дѣло. Черезъ два года по возвращеніи изъ-за границы началась Сѣверная война. Торопливая, лихорадочная дѣятельность, само собой начавшаяся въ ранней молодости, теперь продолжалась по необходимости и не прерывалась почти до конца жизни, до пятидесятилѣтняго возраста. Сѣверная война, съ пораженіями въ первое время и съ побѣдами потомъ, окончательно опредѣлила образъ Петра, сообщила направленіе его преобразовательной дѣятельности. Онъ долженъ былъ жить изо дня въ день поспѣвать за быстро несшимися событіями, спѣшить навстрѣчу возникавшимъ каждый день новымъ государственнымъ нуждамъ и опасностямъ, не имѣя досуга перевести духъ, одуматься, обсудить напередъ планъ дѣйствій. И въ Сѣверной войнѣ Петръ выбралъ себѣ роль, соотвѣтствовавшую привычнымъ его занятіямъ и вкусамъ, усвоеннымъ съ дѣтства. Это не была роль ни государя-управителя, ни боевого генерала-главнокомандующаго. Петръ не сидѣлъ дома, подобно прежнимъ царямъ, разсылая всюду указы, направляя дѣятельность подчиненныхъ; но онъ рѣдко становился и во главѣ своихъ полковъ, чтобъ водить ихъ въ огонь, подобно тому, какъ это дѣлалъ его противникъ, Карлъ XII. Предоставляя дѣйствовать во фронтѣ своимъ генераламъ и адмираламъ, Петръ взялъ на себя менѣе видную техническую часть войны: онъ оставался позади, устраивалъ тылъ арміи, набиралъ рекрутовъ, готовилъ запасы, составлялъ планы военныхъ движеній, строилъ корабли, фабрики и военные заводы, заготовлялъ амуницію, провіантъ, военные снаряды, все запасалъ, всѣхъ ободрялъ, бранился, дрался, вѣшалъ, скакалъ изъ одного конца государства въ другой, былъ чѣмъ то въ родѣ генералъ-фельдцейхмейстера, генералъ-провіантмейстера и корабельнаго оберъ-мастера. Такая безустанная дѣятельность, продолжавшаяся цѣлые десятки лѣтъ, сформировала и укрѣпляла понятія, чувства, вкусы и привычки Петра. Благодаря этой дѣятельности, Петръ отлился односторонне, но рельефно; вышелъ тяжелымъ, грубоватымъ, крѣпкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣчно подвижнымъ, холоднымъ, но способнымъ къ шумнымъ вспышкамъ—точь въ точь, какъ чугунная пушка его петрозаводской отливки.

Характеристика Петра Великаго.

Петръ былъ великанъ, безъ малаго 3-хъ аршинъ ростомъ. Его фигура издали замѣтна была во всякой толпѣ, среди которой ему когда-либо приходилось стоять. Христосуясь на Пасху, онъ постоянно долженъ былъ нагибаться до боли въ спинѣ. Отъ природы онъ былъ силачъ; постоянное обращеніе съ топоромъ и молоткомъ еще болѣе развило его мускульную силу и сноровку, Онъ могъ не только свертѣть въ трубку серебряную тарелку, но и перерѣзать ножемъ кусокъ сукна на лету. Онъ уродился въ мать и особенно былъ похожъ на одного изъ ея братьевъ—Льва Кирилловича. У Нарышкиныхъ нервная живость и бойкость ума были наслѣдственными, фамильными чертами. Одинъ иноземный посолъ, представлявшійся Петру и его брату Ивану, когда первому было 11 лѣтъ, изображаетъ его живымъ, красивымъ и бойкимъ мальчикомъ. Впослѣдствіи это впечатлѣніе портилось признаками сильнаго нервнаго разстройства, причиной котораго были либо попойки, надломившіе здоровье неокрѣпшаго еще организма, либо дѣтскій испугъ, во время кровавыхъ сценъ 1682 года, а всего вѣрнѣе, и то и другое вмѣстѣ. У Петра рано стала трястись голова, и въ минуту раздумья или сильнаго волненія на кругломъ лицѣ его появлялись безобразившія его судороги. Все это, вмѣстѣ съ родинкой на щекѣ и привычкой широко размахивать руками, дѣлало его фигуру всюду очень замѣтной. Въ Саардамской цырульнѣ по примѣтамъ этимъ сразу узнали царя въ простомъ русскомъ плотникѣ, зашедшимъ побриться. Непривычка владѣть собой сообщала его большимъ чернымъ и живымъ глазамъ рѣзкое выраженіе, вызывавшее дрожь въ слабонервныхъ людяхъ.

Петръ рѣдко сидѣлъ дома. Онъ выросъ на дорогѣ или въ работѣ подъ открытымъ небомъ. Лѣтъ подъ 50, оглянувшись на свое прошлое, онъ увидалъ бы, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ себя помнить, онъ вѣчно куда-нибудь ѣхалъ. Въ продолженіе своего царствованія онъ исколесилъ широкую Русь изъ конца, въ конецъ, отъ Невы и отъ Архангельска до Прута, Азова, Астрахани и Дербента. Это многолѣтнее безустанное движеніе развило въ немъ подвижность, потребность въ постоянной перемѣнѣ мѣстъ, въ быстрой смѣнѣ впечатлѣній, торопливость стала его привычкой. Петръ вѣчно во всемъ спѣшилъ; его обычная походка, особенно при размѣрѣ его шага, была такова, что спутникъ едва поспѣвалъ за нимъ бѣгомъ. Ему трудно было долго усидѣть на мѣстѣ; на долгихъ пирахъ онъ часто вскакивалъ со стула, чтобъ пройтись и размяться. Въ молодости эта подвижность дѣлала его охотникомъ до танцевъ; онъ былъ обычнымъ и веселымъ гостемъ на домашнихъ праздникахъ у своихъ вельможъ, купцовъ и простыхъ мастеровъ; много и хорошо танцовалъ, такъ что развѣ одинъ генералъ, прокуроръ Ягужинскій, виртуозъ этого дѣла, превосходилъ его на этомъ поприщѣ. Если Петръ не ѣхалъ, не спалъ, не пировалъ или не осматривалъ чего-нибудь, онъ непремѣнно что-нибудь строилъ. Руки его вѣчно были въ работѣ, и съ нихъ не сходили мозоли. За ручной трудъ онъ брался при всякомъ случаѣ. Въ молодости когда онъ еще многаго не зналъ, осматривая фабрику или заводъ, онъ не могъ утерпѣть, чтобы не взяться за наблюдаемое дѣло,

не попробовать его сдѣлать; всего труднѣе ему было оставаться пассивнымъ зрителемъ чужой работы. незнакомой ему; рука инстинктивно просилась за инструментъ, ему все хотѣлось сработать самому. Привычка къ ремеслу развила въ немъ необыкновенную смѣтливость, сноровку зорко вглядѣвшись въ незнакомую работу, онъ мигомъ усвоялъ ее и скоро становился въ ней мастеромъ. Ранняя наклонность къ ремесленнымъ занятіямъ, къ технической работѣ, со временемъ превратилась въ простую привычку, въ безотчетный позывъ: онъ принимался изучать всякое новое для него мастерство, прежде чѣмъ успѣвалъ подумать, на что оно ему понадобится. Съ лѣтами онъ пріобрѣлъ необъятную массу техническихъ познаній. Уже на 25 году жизни, по свидѣтельству нѣмецкихъ принцессъ, встрѣтившихъ его на пути въ Голландію, онъ зналъ въ совершенствѣ до 14 ремеслъ; впослѣдствіи на любой фабрикѣ, въ какой угодно мастерской онъ былъ какъ у себя дома. Въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходилось жить, онъ оставилъ послѣ себя множество вещей, сработанныхъ имъ собственноручно: шлюпокъ, столовъ, стульевъ, табакерокъ и т. п. Удивляешься, откуда только брался у него досугъ на всѣ эти безчисленныя бездѣлки. Успѣхъ въ «рукомеслѣ» поселилъ въ немъ большую увѣренность въ ловкости своей руки; онъ считалъ себя и опытнымъ хирургомъ и ловкимъ зубнымъ врачемъ. Близкіе къ нему люди, заболѣвши зубной болью или какимъ-либо недугомъ, требовавшимъ хирургической помощи, приходили въ ужасъ при мысли, что Петръ узнаетъ объ этомъ и явится со своими инструментами предложить свои услуги.

Но всего выше ставилъ Петръ мастерство корабельное. Никакое государственное дѣло не могло удержать его когда представлялся случай поработать топоромъ на верфи. Бывая въ Петербургѣ, онъ не пропускалъ дня, чтобы не завернуть часа на два въ Адмиралтейство. И онъ пріобрѣлъ большое искусство въ этомъ дѣлѣ; современники считали его лучшимъ корабельнымъ мастеромъ въ Россіи. Онъ могъ быть не только опытнымъ надзирателемъ и руководителемъ при постройкѣ корабля, но и могъ самъ построить корабль, отъ основанія до мельчайшихъ подробностей отдѣлки. Онъ гордился своимъ искусствомъ въ этомъ мастерствѣ и не жалѣлъ денегъ и усилій, чтобы водворить и упрочить его въ своемъ отечествѣ. Изъ него, уроженца такого континентальнаго города, какъ Москва, вышелъ истый морякъ, которому морской воздухъ нуженъ былъ, какъ вода рыбѣ. Этому воздуху, вмѣстѣ съ постоянной физической дѣятельностью, Петръ самъ приписывалъ возстановляющее дѣйствіе на свое здоровье, безпрестанно разрушаемое безпорядочной жизнью, разгуломъ. Вѣроятно, эти же условія были причиною и его всегда отличнаго, чисто матросскаго аппетита. Петръ готовъ былъ ѣсть всегда и вездѣ, когда бы онъ не пріѣхалъ въ гости, до или послѣ обѣда, онъ готовъ былъ тотчасъ сѣсть за столъ который устанавливали для него холодными кушаньями. Вставая на разсвѣтѣ, онъ обѣдалъ въ 11 часовъ, и по окончаніи послѣдняго блюда уходилъ соснуть; въ этомъ снѣ онъ не отказывалъ себѣ даже въ гостяхъ. Благодаря этому, черезъ нѣсколько часовъ онъ возвращался къ товарищамъ по столу готовымъ ѣсть и пить.

Политическія событія дѣтства заставили Петра порвать всякую связь со старинными обычаями московскаго двора. Пестрое и невзыскательное общество, которымъ онъ себя окружилъ, свойство самыхъ

занятій, заставлявшее его поочередно браться то за топоръ, то за пилу, то за токарный станокъ сдѣлали Петра заклятымъ врагомъ всякаго стѣсненія и формальности. Этотъ человѣкъ, избалованный властью, всюду чувствовавшій себя царемъ, конфузился и терялся среди торжественной обстановки, тяжело дышалъ и краснѣлъ, когда ему приходилось въ парадной формѣ, въ присутствіи двора, подъ балдахиномъ, выслушивать высокопарный вздоръ какого-нибудь иноземнаго посла. Петръ старался устроить свою будничную жизнь возможно проще и дешевле; монарха, котораго считали въ Европѣ самымъ богатымъ и могущественнымъ, часто видали въ стоптанныхъ башмакахъ и въ чулкахъ, заштопанныхъ собственной женой или дочерью. Дома, вставши съ постели, онъ принималъ въ простомъ стареинькомъ халатѣ изъ китайской нанки, и выѣзжалъ въ незатѣйливомъ кафтанѣ, который мѣнялъ только тогда, когда самъ кафтанъ напоминалъ объ этомъ. Лѣтомъ, выходя недалеко, обыкновенно не надѣвалъ шапки, ѣздилъ на плохой парѣ и въ такомъ кабріолетѣ, въ которомъ, по замѣчанію одного иностранца, не всякій купецъ отважился бы выѣзжать. Въ особенныхъ случаяхъ, когда его, напр., приглашали на свадьбу, онъ бралъ кабріолетъ у щеголя, генералъ-прокурора Ягужинскаго на прокатъ. Въ своей домашней обстановкѣ онъ остался вѣренъ древне-русскимъ привычкамъ, не любилъ дворцовъ съ высокими и просторными залами. За границей онъ чувствовалъ себя неловко въ великолѣпныхъ палатахъ и избѣгалъ ихъ. Замѣчательно, что Петръ, выросшій на вольномъ воздухѣ, любившій во всемъ просторъ, не любилъ жить въ комнатѣ съ высокимъ потолкомъ и, когда попадалъ въ такую, приказывалъ себѣ дѣлать низкій потслокъ изъ полотна. Онъ не ужился въ кремлевскихъ хоромахъ отца, непріятныхъ ему по воспоминаніямъ дѣтства. До пріѣзда въ Петербургъ, въ Преображенскомъ Петръ жилъ въ одномъ плохенькомъ деревянномъ домикѣ, который одинъ современникъ иностранецъ цѣнилъ въ 100 талеровъ. Въ Петербургѣ Петръ построилъ небольшіе дворцы: Зимній и Лѣтній, съ тѣсными комнатами. Покинувъ кремлевскія хоромы, Петръ вывелъ и пышную чопорность стараго дворца; во всей Европѣ развѣ только скряга Фридрихъ Великій прусскій могъ поспорить съ Петромъ въ простотѣ придворной жизни. По словамъ Миниха, при Петрѣ не было видно ни камергеровъ, ни камеръ-юнкеровъ, ни пажей, ни дорогой посуды. Расходы по двору, поглощавшіе, при отцѣ Петра, сотни тысячъ рублей, простирались при Петрѣ не свыше 60 тысячъ рублей въ годъ. Обыкновенно прислугу Петра составляли 10—12 молодыхъ дворянъ, большею частью незнатнаго происхожденія, которые назывались «деньщиками», и столько же гвардейскихъ гренадеровъ. Впрочемъ, у второй царицы, въ послѣдніе годы царствованія Петра, дворъ былъ также великолѣпенъ, какъ и въ любой тогдашней Германіи. Тяготясь свѣтскимъ блескомъ, Петръ, можетъ быть хотѣлъ окружить свою вторую жену пышностью, которая заставила бы людей забыть ея происхожденіе, какъ извѣстно, очень «таковское»...

Ту же непринужденность и простоту Петръ вносилъ въ свои отношенія къ людямъ. Въ обращеніи его съ людьми соединялись привычки властнаго старорусскаго барина съ ухватками грубаго и прямого мастерового. Пришедши въ гости, Петръ садился на первое свободное мѣсто; когда ему становилось жарко, онъ безъ церемоніи при

гостяхъ снималъ кафтанъ. Когда его приглашали на свадебный пиръ маршаломъ (распорядителемъ), онъ усердно и аккуратно исполнялъ принятыя на себя обязанности; распорядившись пирушкой, онъ преспокойно ставилъ маршальскій жезлъ въ уголъ и при всѣхъ бралъ жаркое съ блюда прямо руками. Привыкнувши ѣсть безъ ножа и вилки, Петръ поразилъ въ 1697 году нѣмецкихъ принцессъ за ужиномъ, которымъ онѣ его угостили. Петръ вообще ѣлъ неопрятно, не имѣлъ декикатныхъ манеръ. На заведенныхъ имъ въ Петербургѣ ассамблеяхъ, среди тогдашняго русскаго бомонда, царь запросто садился играть въ шахматы съ простыми иноземными матросами, пилъ вино и изъ длинной трубки тянулъ махорку, не обращая вниманія на дамъ, танцовавшихъ въ сосѣдней залѣ.

Привыкнувши поступать прямо и просто, онъ не могъ терпѣть хитрости и уклончивости въ другихъ, а прежде всего требовалъ дѣла. Неплюевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что воротившись изъ-за границы по окончаніи корабельной выучки въ Венеціи, онъ сдавъ экзаменъ самому Петру былъ назначенъ смотрителемъ надъ строившимися въ Петербургѣ кораблями, почему и видался съ Петромъ чуть не ежедневно. Разъ. подгулявши на именинахъ, Неплюевъ проспалъ и явился на работу, когда уже царь былъ тамъ. Въ страхѣ Неплюевъ хотѣлъ бѣжать домой и сказаться больнымъ, но тотчасъ передумалъ и рѣшилъ откровенно признаться царю въ своемъ грѣхѣ. «А я ужъ. мой другъ, здѣсь», сказалъ ему Петръ.—«Виноватъ, вчера въ гостяхъ засидѣлся», робко отвѣчалъ ему Неплюевъ. Ласково взявши Неплюева за плечи, такъ, что тотъ едва устоялъ на ногахъ, Петръ сказалъ ему: «Спасибо, малый, что говоришь правду, Богъ проститъ. Кто Богу не грѣшенъ, кто бабушкѣ не внукъ? А теперь пойдемъ на родины». И онъ повелъ его къ плотнику, у котораго родила жена. Петръ не смотрѣлъ на лица и съ досадившимъ ему человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ, обходился запросто. Любимецъ его, Алексашка Меньшиковъ, на своемъ продолговатомъ лицѣ не разъ испытывалъ силу его кулака. Однажды иноземный офицеръ Бюлау расхвастался въ присутствіи Петра своимъ искусствомъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ. Петръ слушалъ, слушалъ болтуна и не вытерпѣлъ—плюнулъ ему въ лицо и молча отошелъ въ сторону.

Впрочемъ, простота обращенія Петра дѣлала, иногда, его общество тяжелымъ. Онъ любилъ шутить, но шутка его, иногда, шла черезъ край. Онъ былъ хлѣбосольный хозяинъ, но его хлѣбосольство, иногда принимало характеръ демьяновой ухи. Въ праздники въ Лѣтнемъ саду Петръ любилъ разговаривать о разныхъ предметахъ — съ духовными о духовномъ, со свѣтскими о политикѣ. Въ ужасъ приходили современники, когда въ этомъ обществѣ появлялись гвардейцы съ ушатами сивухи. Привыкнувъ пить водку, Петръ требовалъ, чтобы ее пили всѣ, даже дамы. А то, бывало, на придворномъ обѣдѣ подадутъ желе; Петръ возьметъ за голову одного придворнаго, большого охотника до этого сладкаго блюда, велитъ ему раскрыть ротъ во всю ширину и начнетъ ему совать кусокъ за кускомъ при общемъ хохотѣ. Такой юморъ царя сообщалъ тяжелый принужденный характеръ увеселеніямъ двора. Особенно Петръ любилъ веселиться при спускѣ новаго корабля; онъ былъ радъ ему, какъ новорожденному дѣтищу. Въ то время много пили вездѣ въ Европѣ, не меньше, чѣмъ теперь, а въ

высшемъ кругѣ несомнѣнно гораздо больше. Петербургскій дворъ не отставалъ отъ европейскихъ образцовъ. Всегда бережливый, Петръ не жалѣлъ денегъ на попойки, которыми вспрыскивалъ новаго пловца. То были настоящія морскія попойки, отъ которыхъ пошла пословица: «пьяному море по колѣно». Пьютъ, бывало, до тѣхъ поръ, пока старикъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ не начнетъ плакать, жаловаться, что подъ старость остался онъ круглымъ сиротой, безъ отца, безъ матери, а военный министръ, свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, не свалится подъ столъ, и не явится его испуганная княгиня Даша отливать и оттирать бездыханнаго. Вообще развлеченія Петра были грубы до цинизма. Трудно сказать, что было причиной этого, потребность ли въ грязномъ разсѣяніи послѣ черной работы, или непривычка обдумывать свои поступки.

Свой разгулъ Петръ старался даже облечь на канцелярскія формы. Такъ возникла коллегія пьянства или «Сумасброднѣйшій, всешутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ». Онъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ наибольшаго шута «князя папы» или «всешумнѣйшаго и всешутѣйшаго патріарха Московскаго, Кокуйскаго и всея Яузы». При немъ былъ «конклавъ» изъ 12 «кардиналовъ», отъявленныхъ пьяницъ и обжоръ, со штатомъ епископовъ, архимандритовъ и т. д. носившихъ прозвища, которыя никогда не появятся въ печати, при какомъ бы то ни было цензурномъ уставѣ. Петръ былъ протодіакономъ въ этомъ соборѣ и сочинилъ уставъ, который имѣлъ духъ составлять наканунѣ Полтавской битвы. Уставъ этотъ отличается тою же предусмотрительностью, какъ и всѣ уставы Петра. Тамъ до мельчайшихъ подробностей изложенъ чинъ избранія «папы» и рукоположенія въ разныя степени пьяной іерархіи. Должность Петра въ этомъ соборѣ много времени занималъ его учитель—Никита Моисеевъ, сынъ Зотова. У собора, имѣвшаго цѣлью «славить Бахуса питіемъ непомѣрнымъ», были свои молитвы и пѣснопѣнія, свои облаченія, даже свои «всешутѣйшія матери архіерейши и игуменьи». Новаго члена при посвященіи спрашивали вмѣсто «вѣруешь ли» — «піеши ли»? Трезвыхъ грѣшниковъ «отлучали» отъ кабаковъ, и всѣхъ, «како мудрствующихъ еретиковъ-пьяноборцевъ», предавали анафемѣ. Однимъ словомъ, это была богохульнѣйшая пародія церковной іерархіи и богослуженія. Бывало на святкахъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ вся компанія пустится по домамъ «славить», или на первой недѣлѣ Великаго поста «его всешутѣйшество» учинитъ въ назиданіе вѣрующихъ покаянную процессію: выйдетъ съ «конклавомъ» на ослахъ или волахъ, либо въ саняхъ, запряженныхъ свиньями, козлами или медвѣдями, въ вывороченныхъ полушубкахъ. Напрасно видятъ во всѣхъ этихъ безобразіяхъ какую-то политическую цѣль, направленную противъ русской церковной іерархіи или даже самой церкви. Петръ игралъ въ церковную іерархію, какъ въ кораблики. Онъ игралъ даже и въ свою собственную царскую власть. Прочтите его переписку съ кн. Ромодановскимъ, котораго онъ величаетъ королемъ, государемъ, «вашимъ пресвѣтлымъ величествомъ», а себя называетъ «всенижайшимъ холопомъ Питеромъ», либо просто по-русски «Петрушкой Алексѣевымъ».

Не смотря на такой характеръ увеселеній, Петръ не бытъ лишенъ эстетическаго чувства. Онъ потратилъ много усилій и денегъ, чтобы собирать въ Италіи и Германіи статуи и картины, онъ поло-

жилъ основаніе художественной коллекціи, находящейся въ настоящее время въ Петербургскомъ Эрмитажѣ. Петръ особенно любилъ архитектуру; построенный имъ петергофскій увеселительный дворецъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Петръ не былъ поклонникомъ высокаго классическаго стиля, онъ смотрѣлъ на искусство, какъ на средство возбуждать веселое расположеніе духа. Въ его любимомъ домикѣ въ петергофскомъ саду, гдѣ онъ любилъ отдыхать послѣ работы, было много превосходныхъ картинъ фламандской школы, изображавшихъ сельскія и морскія сцены преимущественно забавныя. Петръ, не смотря на свою привычку жить кое-какъ, въ черной работѣ, сберегъ способность быть неравнодушнымъ къ иному ландшафту, особенно съ участіемъ моря, и потратилъ много денегъ на устройство загороднаго дворца съ хитрыми фонтанами, террасами и т. п. Привычка слѣдить за подробностями дѣла, техникой работы, развила въ Петрѣ удивительную наблюдательность, геометрическую мѣткость взгляда, чувство мѣры, формы и симметріи. Ему особенно легко давались пластическія искусства; но онъ самъ признавался нѣмецкимъ принцессамъ, что не любитъ музыки. Здоровое эстетическое чувство въ немъ только развивалось односторонне, поддаваясь направленію всего его характера и жизни. Петръ проводилъ жизнь въ постоянной и напряженной физической дѣятельности, въ постоянныхъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, и потому съ особенной силой развилъ въ себѣ внѣшнюю воспріимчивость, наблюдательность и практическую сноровку, но онъ не былъ охотникомъ до общихъ соображеній. Во всемъ его больше занимали подробности процесса, чѣмъ общій планъ или цѣли, онъ былъ больше дѣлецъ, мастеръ, чѣмъ мыслитель. Такой складъ его ума отразился и на его нравственномъ характерѣ. Петръ былъ честный человѣкъ, строгій и взыскательный къ себѣ, добродушный и справедливый къ другимъ; но онъ больше привыкъ обращаться съ вещами, рабочими орудіями. Онъ зналъ людей, онъ быстро угадывалъ, кто на что годенъ но не умѣлъ входить въ положеніе другихъ, беречь чужія силы, не отличался той нравственной чуткостью, которая составляла такую привлекательную черту въ характерѣ его отца. Петръ зналъ людей, но не умѣлъ понимать ихъ. Этотъ недостатокъ тяжело отразился на его домашней жизни. Великій знатокъ и устроитель своего государства, Петръ очень плохо зналъ только одинъ его уголокъ, свой собственный домъ, свою семью. Петру вообще не удавались тѣ отношенія которыя требовали тонкаго нравственнаго чувства. Онъ не ужился съ первой своей женой и имѣлъ много, очень много причинъ жаловаться на другую; не поладилъ съ сыномъ, чѣмъ подготовилъ преждевременную его смерть, а эта преждевременная смерть подвергла опасности существованіе самой династіи.

Благодаря этимъ нравственнымъ недостаткамъ, Петръ производилъ своею дѣятельностью впечатлѣніе страшной силы, которая давила или увлекала, не допуская ни стѣсненій, ни сопротивленій. Можно было назвать эту силу стихійной, если бы въ его дѣятельности не чувствовалось каждую минуту, что она руководится нравственными побужденіями, сознаніемъ долга или блага государства. Дѣятельность эту обыкновенно называютъ геніальной. Я неохотно принимаю это стертое и изношенное, неопредѣленное названіе; я только хочу сказать, что во всей европейской исторіи я не знаю другого государя,

который бы въ такой степени былъ руководителемъ своего народа, такъ хорошо чувствовалъ и понималъ его насущныя потребности, и такъ много сдѣлалъ для ихъ удовлетворенія.

Итакъ Петръ вышелъ непохожимъ на своихъ предковъ, хотя между послѣдними и имъ можно замѣтить нѣкоторую историческую преемственность. Московскіе государи стараго времени руководили обществомъ, направляя его къ извѣстной цѣли, но не принимая непосредственнаго, прямого участія въ той работѣ, которую ему задавали. Петръ, не переставая руководить своимъ народомъ, самъ, собственными руками, прежде всѣхъ принимался за дѣло, которое заказывалъ своимъ подданнымъ. Предшественники Петра были домосѣдами, хозяевами государства. Изъ Петра вышелъ хозяинъ—чернорабочій, царь—мастеровой.

Внѣшняя политика Петра.

Мы уже видѣли исторію происхожденія преобразовательной дѣятельности Петра, т. е. тѣ историческія условія, которыми она была вызвана и подготовлена. Именно она была вызвана и подготовлена внѣшнимъ положеніемъ и внутренними потребностями Московскаго государства въ XVII в. Она была частью подготовлена предшественниками Петра, которые не только сознали и указали внутреннія нужды, но и начертали программу средствъ, необходимыхъ для ихъ удовлетворенія. Но мы не поймемъ характера и направленія преобразовательной дѣятельности Петра, если забудемъ основной рычагъ, которымъ она двигалась. Этимъ рычагомъ служила война, т. е. точнѣе говоря цѣлый рядъ войнъ, веденныхъ Петромъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ самостоятельно править государствомъ. Эти войны вышли также изъ того положенія, въ какомъ находилось Московское государство въ XVII в. Правительство новой династіи въ продолженіе этихъ войнъ ясно сознало и поставило себѣ цѣлый рядъ задачъ во внѣшнихъ отношеніяхъ. Эти задачи всѣ направлены были къ обезпеченію внѣшней безопасности государства. Одна изъ этихъ задачъ состояла въ завершеніи политическаго объединенія русскаго народа, значительная часть котораго еще оставалась за предѣлами государства. Второй задачей было исправленіе южныхъ и западныхъ границъ государства, которыя были слишкомъ открыты для внѣшнихъ нападеній, не доходили до естественныхъ географическихъ предѣловъ страны.

Вотъ двѣ основныя задачи внѣшней политики, поставленныя въ XVII ст. Одна изъ нихъ была національная, другая—территоріальная. Государство уже въ XVII ст. столкнулось съ тремя сосѣдними государствами—съ Крымомъ и Турціей на югѣ, и со Швеціей на сѣверозападѣ. Разрѣшеніе первой задачи, національной, еще раньше вызвало рядъ войнъ съ четвертымъ и ближайшимъ сосѣдомъ, польско-литовскимъ государствомъ. Но уже отецъ и старшій братъ Петра ясно поняли невозможность одновременнаго разрѣшенія этихъ задачъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича больно сказался недостатокъ средствъ, не позволявшій нести борьбу заразъ на три фронта. Со Швеціей, Польшей и Крымомъ, поддерживаемымъ Турціей. Вотъ почему уже предшественники Петра старались раздѣ-

лить эти задачи, вести дѣло такъ, чтобы бороться съ враждебными сосѣдями одинъ на одинъ. Отсюда происходитъ и колебаніе во внѣшней московской политикѣ XVII в. Государство борется, то съ однимъ Крымомъ, то съ одной Польшей, то со Швеціей. Со времени Андрусовскаго перемирія (1667 г.), когда присоединена была къ Московскому государству восточная Малороссія съ Кіевомъ, даже совсѣмъ была оставлена мысль о политическомъ объединеніи русскаго народа, напротивъ, правительство все болѣе останавливается на мысли о необходимости союза съ Польшей для того, чтобы тѣмъ легче бороться со Швеціей и Турціей. Мысль объ этомъ союзѣ усердно проводилась извѣстнымъ намъ министромъ царя, Ордынъ-Нащекинымъ. Она осуществилась въ правленіе царевны Софіи. Съ Польшей, наконецъ, былъ заключенъ вѣчный миръ, первый въ продолженіе двухъ столѣтій (въ 1686 г.). Вмѣстѣ съ этимъ Московское государство впервые приняло дѣятельное участіе въ европейской политикѣ; оно вступило въ большой священный союзъ съ Польшей, Австріей и Венеціей для борьбы съ Турціей

Петръ усвоилъ себѣ и съ начала царствованія дѣятельно продолжалъ политику сестры. Какъ извѣстно, онъ наслѣдовалъ начатую при ней войну съ Турціей и завладѣлъ Азовомъ. Съ тѣхъ поръ всѣ усилія его были направлены къ исправленію южной границы государства на то, чтобы довести ее до естественнаго предѣла—до береговъ Азовскаго и Чернаго морей. Но различныя обстоятельства, возникшія помимо воли Петра, вышедшія изъ той комбинаціи, какую приняли международныя отношенія сѣверной Европы къ концу XVII в., отклонили Петра отъ Чернаго и Азовскаго морей въ другую сторону. Завладѣвши Азовомъ, устроивши флотъ и гавань на Азовскомъ морѣ, приготовившись къ борьбѣ съ Крымомъ и съ самой Турціей, Петръ долженъ былъ покинуть всѣ эти начинанія и перенести свою дѣятельность съ юго-востока на противоположную сторону, на сѣверо-западъ, чтобы пріобрѣсти восточный берегъ Балтійскаго моря, исправить западную границу государства. Вотъ почему не Азовъ или Таганрогъ, а Петербургъ сталъ новой столицей Россіи.

Такимъ образомъ, Петръ во внѣшней политикѣ руководился указаніями предшественниковъ, но онъ еще болѣе съузилъ ихъ программу изъ двухъ задачъ внѣшней политики онъ усвоилъ себѣ и преслѣдовалъ почти до конца царствованія лишь половину одной изъ нихъ—исправленіе западной границы государства, совсѣмъ отказавшись отъ мысли о довершеніи политическаго объединенія русскаго народа.

Происхожденіе сѣверной войны.

Сѣверная война продолжалась большую часть царствованія Петра; она вышла изъ сложнаго сочетанія различныхъ международныхъ отношеній и условій. При Иванѣ III, со времени завоеванія Новгородской земли, западныя границы Московскаго государства дошли до побережья Финскаго залива. Здѣсь эта граница шла по недлинной полосѣ залива отъ устья Нарвы, теряясь въ пустынѣ сѣвернѣе устья Невы и захватывая западный берегъ Ладожскаго озера. Эта старинная

Водская пятина Новгорода потомъ стала извѣстна подъ именемъ двухъ областей, Ингріи и Кареліи. Здѣсь были русскіе города: Ямъ, Ивангородъ, Копорье, Орѣшекъ при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера и Коксгольмъ сѣвернѣе, на западномъ берегу озера (главный городъ Кареліи). Иванъ IV въ лучшую пору своей дѣятельности задумалъ удлинить эту береговую лиию и завоевать весь восточный берегъ Балтійскаго моря. Онъ предпринялъ войну съ Ливоніей, которой тогда владѣлъ Ливонскій орденъ. Орденъ призвалъ на помощь Польшу, которая и задержала завоевательные успѣхи Ивана Грознаго. Означенная война повела къ распаденію орденскихъ владѣній. Эстонія отдѣлилась и передалась Швеціи; магистръ ордена Кетлеръ отдалъ Ливонію Польшѣ, удовлетворившись титуломъ и властью вассальнаго герцога курляндскаго. Переходъ Эстоніи къ Швеціи заставилъ Ивана IV вступить въ борьбу и съ этимъ государствомъ. Но борьба кончилась въ худшую пору дѣятельности Ивана IV и безъ всякаго успѣха. Онъ не только ни добился ни Риги, ни Ревели, но и потерялъ старинныя свои владѣнія по Финскому заливу — Ямъ, Ивангородъ, Копорье съ Орѣшкомъ. Преемникъ его Ѳеодоръ Іоанновичъ, воротилъ эти владѣнія, но въ Смутное время они снова были потеряны, остались за Швеціей по Столбовскому миру 1617 г. Царь Алексѣй напрасно старался отнять ихъ у Шведовъ, начавши войну 1656 года. Въ царствованіе его преемника, повидимому, покинута была даже мысль о возвратѣ этихъ владѣній.

Но въ сѣверо-восточной Европѣ къ концу XVII ст. сложились благопріятныя для Московскаго государства комбинаціи международныхъ отношеній. Еще до XVI ст. борьба государствъ на западѣ затруднила опасность династическаго соединенія двухъ враждебныхъ сосѣдей: Польши и Швеціи. Припомните, что по смерти послѣдняго Ягеллона, Сигизмунда II, Августа, въ 1572 г. королевская власть въ Польшѣ стала избирательной. По смерти перваго изъ этихъ избирательныхъ королей (мы не считаемъ минутнаго короля Генриха Анжуйскаго) Стефана Баторія, въ 1586 г., кандидатомъ на польскій престолъ явился наслѣдникъ Швеціи — Сигизмундъ, сынъ Іоанна. Іоаннъ, преемникъ Густава Васы, былъ женатъ на родной сестрѣ послѣдняго Ягеллона, ревностной католичкѣ, которая воспитала сына Сигизмунда въ католичествѣ. Сигизмундъ былъ избранъ на польскій престолъ, грозя Москвѣ соединеніемъ ея двухъ враговъ. Но, когда Сигизмундъ, по смерти отца, умершаго въ 1592 году, сталъ шведскимъ королемъ, онъ не поладилъ съ протестантской Швеціей и потерялъ шведскій престолъ, который у него отнялъ его дядя, правитель Швеціи, Карлъ IX. Съ этихъ поръ эти два государства вступили въ ожесточенную борьбу, облегчившую работу Московскому государству на западной границѣ. Преемникъ Карла IX, знаменитый Густавъ Адольфъ, постепенно началъ отнимать у Польши Ливонію. Какъ извѣстно, преемница Густава Адольфа, его дочь Христина, перешедши въ католичество, отреклась отъ престола, вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась династія Вазы на шведскомъ престолѣ.—Власть по распоряженію Христины, перешла къ ея родственнику, нѣмецкому пфальцграфу, вступившему на шведскій престолъ подъ именемъ Карла X въ 1654 г. Но Вазы сидѣли еще на польскомъ престолѣ и второй сынъ Сигизмунда III, Янъ Казимиръ, послѣ отреченія Христины, заявилъ свои претензіи на шведскую ко-

рону. Карлъ X вскорѣ послѣ того, какъ нашъ царь Алексѣй Михайловичъ началъ войну съ Польшей, напалъ на это государство и завоевалъ его. Данія, испуганная успѣхами своего соперника, хотѣла поддержать Польшу. Карлъ напалъ на Данію и почти завоевалъ ее. Данія должна была отказаться почти отъ всѣхъ островов на Балтійскомъ морѣ, кромѣ двухъ, Фіоніи и Зеландіи. Польскій король долженъ былъ навсегда отказаться и отъ притязаній на шведскую корону и отъ Эстоніи съ Ливоніей. Между тѣмъ, послѣ Карла X Швеція начала терять тотъ вѣсъ, какой пріобрѣла въ европейскихъ международныхъ отношеніяхъ со времени Густава Адольфа. Аристократія забрала правленіе въ свои руки въ малолѣтство Карла XI. Карлъ XI, достигши совершеннолѣтія, вступилъ въ борьбу со шведской знатью. Онъ рѣшилъ возвратить расхищенныя аристократіей коронныя земли, и предпринялъ извѣстную редукцію. Редукція распространилась и на Ливонское дворянство. Среди этихъ раздраженныхъ дворянъ явился отчаянная голова—Паткуль—который и рѣшилъ, чтобы спасти остзейское дворянство, отобрать Ливонію отъ Швеціи и отдать ее Москвѣ. Такой ходъ событій сблизилъ два обобранныя Швеціей сѣверо-восточныя государства, Польшу и Данію, въ тѣсный союзъ. Этотъ союзъ и былъ заключенъ, когда по смерти Яна Собѣсскаго на польскій престолъ избранъ былъ, частью при содѣйствіи Россіи, курфюрстъ саксонскій, Августъ II въ 1698 г.

Петръ возвращаясь изъ путешествія по Европѣ, видѣлся по дорогѣ съ Августомъ и высказалъ ему хорошо обдуманный планъ войны со Швеціей. Но тогдашній союзъ Польши съ Даніей еще не былъ готовъ, и Августъ смолчалъ на предложеніе Петра. За то въ 1699 г. самъ Августъ пригласилъ Петра примкнуть къ союзу для борьбы со Швеціей. Петръ поспѣшилъ заключить съ Турціей миръ, и началась Сѣверная война. Таково было происхожденіе этой войны, измѣнившей международныя отношенія въ сѣверо-восточной Европѣ. Война эта вышла изъ естественнаго сближенія трехъ сѣверныхъ государствъ—Москвы, Польши и Даніи, обобранныхъ въ XVII в. Швеціей. Эта тяжелая война, продолжавшаяся 21 годъ (1700—1721), оказала рѣшительное вліяніе на ходъ внутреннихъ преобразованій.

Ходъ и характеръ реформъ Петра Великаго.

При первомъ взглядѣ на реформы Петра, онѣ представляются дѣятельностью безъ всякаго плана, безъ всякой послѣдовательности и программы. Война сообщила этимъ реформамъ чрезвычайно ускоренный ходъ. Преобразовательная дѣятельность Петра стала похожей на продолжительный вихрь, который крутилъ все, что захватилъ на пути. Это затрудняетъ изученіе реформъ Петра; трудно уловить порядокъ, въ какомъ онѣ развивались. Этого порядка не было и на дѣлѣ. Припомнимъ, двѣ основныхъ задачи, къ которымъ сводятся всѣ преобразовательные планы, выработанные предшественниками Петра. Этими задачами было 1) созданіе, т. е. довершеніе созданія регулярной арміи, 2) изысканіе финансовыхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія арміи. Можно думать, что при нормальномъ ходѣ дѣлъ Московское государство начало бы съ разрѣшенія второй изъ указанныхъ задачъ.

Прежде чѣмъ создать новыя, болѣе дорогія военныя силы, необходимо было изыскать нужныя для нихъ финансовыя средства. Но, война, которая была предпринята въ 1700 г. поневолѣ, по настоянію союзниковъ, выдвинула впередъ первую изъ этихъ задачъ, когда ея разработка не была достаточно подготовлена. Эта война заставила Петра привести въ движеніе весь государственный механизмъ, напречь всѣ народныя силы. По мѣрѣ того, какъ государственный механизмъ приходилъ въ непривычное ему ускоренное движеніе, его отдѣльныя колеса все болѣе оказывались негодными. Петръ и долженъ былъ одновременно чинить ихъ всѣ затронуть самыя разнообразныя сферы государственный и народной жизни.

Такимъ образомъ, если въ ходѣ реформъ нельзя уловить внутренней послѣдовательности, постепеннаго осуществленія напередъ обдуманной программы, то можно замѣтить, по крайней мѣрѣ, внѣшнюю историческую связь между отдѣльными реформами. Эти реформы развивались въ томъ порядкѣ, въ какомъ ихъ вызвала война. Чѣмъ извѣстная область государственной и народной жизни ближе стояла къ военнымъ нуждамъ, тѣмъ раньше и сильнѣе она затрагивалась преобразованіемъ. Вотъ почему прежде и усиленнѣе всего Петръ работалъ надъ преобразованіемъ арміи. Армія вызвала потребность въ новыхъ финансовыхъ средствахъ; чтобы добыть ихъ, Петръ долженъ былъ предпринять мѣры къ развитію народной промышленности, къ техническому усовершенствованію производитедьности народнаго труда. Это первый рядъ мѣръ, вынужденныхъ новымъ устройствомъ военныхъ силъ. Далѣе, новое устройство военныхъ силъ измѣнило положеніе и взаимное отношеніе различныхъ классовъ общества—отсюда вышелъ второй рядъ преобразовательныхъ мѣръ, направленныхъ къ переустройству общества. Поставленное на новыя основанія народное хозяйство и измѣненныя соціальныя отношенія потребовали перемѣны государственной администраціи. Всѣ эти мѣры по народному хозяйству, соціальныя перемѣны, какъ и реформы администраціи направлены были къ увеличенію государственныхъ доходовъ, къ улучшенію государственнаго хозяйства.

На такую тѣсную связь реформъ неясно намекаетъ и самъ Петръ въ манифестѣ 1703 г. о вызовѣ иностранцевъ въ Россію. Въ этомъ манифестѣ онъ заявляетъ, что главной цѣлью его съ самаго вступленія на престолъ было поднятіе уровня народнаго благосостоянія для этой цѣли онъ всячески старался оградить внутреннее спокойствіе государства и защитить его отъ внѣшнихъ нападеній, улучшить, распространить торговлю и въ самомъ управленіи произвести нѣкоторыя перемѣны, необходимыя для того, чтобы «подданные наши тѣмъ удобнѣе могли научиться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ дѣлахъ торговыхъ».

Итакъ, первая особенность преобразовательной дѣятельности Петра это одновременность реформъ по всѣмъ отраслямъ государственной и народной жизни. Далѣе, вслѣдствіе быстраго развитія потребностей, которыя вызвала война, Петръ преобразовалъ разныя части государственнаго механизма по готовымъ чужимъ образцамъ. Война не давала досуга изучать заимствуемыя учрежденія и отношенія на мѣстѣ, приноровлять ихъ къ туземнымъ условіямъ. Петръ быстро бралъ чужія учрежденія и отношенія съ готовыхъ формъ и

сажалъ ихъ на туземную почву. Здѣсь эти заимствованныя учрежденія встрѣчались съ интересами и отношеніями, которыя начали заводиться въ XVII ст. Не имѣя времени обдумать и подготовить нововведенія, Петръ насильственно сажалъ заимствованныя учрежденія; но, посаженныя наскоро, они не привились вполнѣ. Изъ нихъ сохранялись лишь готовыя формы подъ которыми продолжали развиваться вышеуказанные туземные интересы и отношенія. Вотъ другая особенность преобразовательной дѣятельности Петра.

Такимъ образомъ, война наложила на преобразовательную дѣятельность Петра глубокій отпечатокъ, сообщавшій этой дѣятельности 1) одновременность по всѣмъ частямъ государственной и народной жизни и 2) соединеніе, чисто механическое заимствованныхъ формъ съ туземными отношеніями.

Итакъ, военныя реформы были исходнымъ пунктомъ преобразовательной дѣятельности Петра; устройство государственнаго хозяйства была ея конечной цѣлью. Въ такомъ порядкѣ мы и будемъ изучать эту дѣятельность. Мы начнемъ съ военныхъ реформъ, потомъ перейдемъ къ мѣрамъ для развитія народныхъ промысловъ и разсмотримъ перемѣны въ полаженіи и взаимныхъ отношеніяхъ общественныхъ классовъ; далѣе разсмотримъ административныя реформы, и закончимъ обзоръ изученіемъ устройства, какое дано было государственному хозяйству.

Военныя реформы.

Я перехожу къ обзору отдѣльныхъ преобразованій Петра, указавъ предварительно общій характеръ и направленіе преобразовательной дѣятельности. Мы видѣли, что исходнымъ пунктомъ этой дѣятельности были военныя реформы, вызванныя почти непрерывными войнами. Конечной ея цѣлью, вызванной необходимостью новыхъ расходовъ на регулярную армію, была финансовая реформа, направленная къ изысканію новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Всѣ остальныя реформы были только подготовленнымъ средствомъ къ достиженію этой финансовой цѣли. Поэтому мы и начнемъ изученіе преобразовательной дѣятельности Петра Великаго съ реформъ военныхъ. Я долженъ остановить ваше вниманіе на подробностяхъ этихъ реформъ, потому что онѣ оказали сильное дѣйстіе не только на общество, но и на строй всего государственнаго управленія при Петрѣ и послѣ него.

Петръ наслѣдовалъ отъ предшественниковъ довольно значительную вооруженную силу, тысячъ въ двѣсти слишкомъ. Эта вооруженная сила была очень пестра по своему составу. Она состояла изъ дворянской конной милиціи, изъ стрѣлецкой пѣхоты и нѣсколькихъ полковъ иноземнаго строя съ прибавленіемъ тысячъ шестидесяти казаковъ, донскихъ и малороссійскихъ. Вся эта сила было сословной, наслѣдственной, но она не была регулярной въ тогдашнемъ европейскомъ смыслѣ этого слова. Ее отличали отъ послѣдней три существенныхъ недостатка, отсутствіе правильнаго устройства 1) въ комплектованіи, 2) въ обученіи и содержаніи или подготовкѣ къ бою и 3) въ устройствѣ команды. Московская армія, съ которой царь Иванъ

завоевалъ Казанское царство, вся комплектовалась изъ одного сословія, личныхъ землевладѣльцевъ, рѣдѣвшіе ряды пополнялись служилыми дворянскими подростками, на которыхъ военная повинность падала поголовно. Итакъ, въ старинномъ военномъ устройствѣ Московскаго государства не было рекрутскихъ наборовъ. Далѣе, каждый ратный человѣкъ содержался въ походѣ и приготовлялся къ походу собственными средствами. Не было правильной подготовки къ бою, ратный человѣкъ не получалъ надлежащей выправки и вооружался, какъ могъ, точно также содержалъ себя въ походѣ, какъ умѣлъ. Государство давало ему землю и передъ походомъ давало денежное жалованье; этимъ ограничивался весь государственный подготовительный къ походу механизмъ. Наконецъ, военная команда устроена была на аристократическихъ основахъ. Какъ вы знаете, западно-европейское построеніе арміи было произведеніемъ демократическихъ монархій и носило на себѣ отпечатокъ этого происхожденія. Въ московской арміи команда, т. е. совокупность командировъ, имѣла чисто аристократическое происхожденіе; полковые воеводы и сотенные головы (по нашему генералы и офицеры), всѣ принадлежали къ высшимъ служилымъ чинамъ: боярамъ, окольничьимъ, московскимъ стольникамъ и т. д., а вы знаете, что эти званія занимались людьми по отечеству или породѣ.

Наконецъ, въ XVII ст., оказался четвертый недостатокъ въ московскомъ военномъ устройствѣ, вызванный особенностью внѣшнихъ отношеній государства. Главная вооруженная сила государства заключалась въ дворянской конной милиціи; эта землевладѣльческая милиція размѣщена была съ наибольшей густотой по тѣмъ окраинамъ государства, которыя наиболѣе подвергались внѣшнимъ опасностямъ. Такими окраинами государства до XVII вѣка, когда совершилось размѣщеніе служилыхъ людей, была южная и западная. Это и были два главные фронта: южный—черноморскій и западный—днѣпровскій, на которыхъ шла усиленная борьба. Но, мы видѣли, что въ XVII вѣкѣ къ этимъ двумъ фронтамъ присоединился третій, сѣверо-западный, или балтійскій, гдѣ происходила борьба со Швеціей. При царѣ Алексѣѣ этотъ фронтъ сталъ самымъ важнымъ, выступилъ впереди двухъ другихъ. Между тѣмъ, наиболѣе густая масса вооруженныхъ силъ, отправлявшихъ службу по мѣсту землевладѣнія, была направлена къ другимъ фронтамъ, и теперь, отступила на задній планъ. Такимъ образомъ, самое территоріальное размѣщеніе служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ съ половины XVII ст. перестало соотвѣтствовать наиболѣе важнымъ фронтамъ борьбы, т. е. направленію народной обороны. Всѣ эти недостатки и обнаружились въ пораженіяхъ, какія понесла московская армія въ XVII ст.

Уже предшественники Петра начали перестраивать вооруженныя силы своего государства. Петръ, вступивши въ управленіе, нашелъ здѣсь не только достаточно выясненныя начала преобразованія но, и готовые опыты примѣненія этихъ началъ къ военному устройству. Предшественники Петра прежде всего измѣнили аристократическое устройство военной команды. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича составлена была большая комиссія изъ выборныхъ отъ всѣхъ служилыхъ чиновъ (начиная съ стольниковъ и ниже) подъ предсѣдательствомъ тогдашняго либеральнаго велможи, князя Вас. Вас. Голицына.

Эта комиссія, составленная въ 1681 г., имѣла задачей измѣнить существующее военное устройство, примѣняясь къ «новымъ въ дѣлѣ ратномъ вымысламъ», какіе показали непріятели въ бывшихъ войнахъ. Что въ прежнемъ московскомъ устроеніи оказывалось невыгоднымъ, то предстояло замѣнить лучшимъ, нововымышленными непріятельскими хитростями; а что въ немъ есть хорошаго, то оставлять безъ перемѣны. Комиссія предлагала расписать всѣхъ ратныхъ людей на роты и назначить въ нихъ офицеровъ (поручиковъ) изъ всѣхъ служилыхъ фамилій «безъ мѣстъ и безъ подбора», т. е. не обращая вниманія на мѣстническія отношенія. Знатный человѣкъ кн. Голицынъ, не долженъ былъ противиться назначенію его въ товарищи къ менѣе знатному офицеру, Бутурлину. Поставивъ такія основанія для реформы, комиссія естественно внесла въ думу предложеніе отмѣнить мѣстничество, и приговоръ государева совѣта 12-го января 1682 г. запретивъ счетъ мѣстами, или порядокъ, въ военныхъ и другихъ адмистративныхъ назначеніяхъ. Такимъ образомъ, военная команда еще до Петра получила демократическій характеръ. Назначеніе на военныя должности должно было опредѣляться исключительно военной годностью назначаемаго, а не его происхожденіемъ.

Далѣе, уже въ XVII ст. армія стала получать разносословный составъ. Военная повинность падала на личныхъ землевладѣльцевъ и разверстывалась по размѣру землевладѣнія, т. е. по пространству пашни или количеству крестьянскихъ дворовъ. Но военную повинность каждый землевладѣлецъ отбывалъ лично, выступалъ въ походъ съ большимъ или меньшимъ количествомъ вооруженныхъ людей, своихъ холоповъ, смотря по количеству записанныхъ за нимъ крестьянскихъ дворовъ. Впрочемъ, всегда было много землевладѣльцевъ, которые не несли и даже не могли нести личной службы. Сюда принадлежали: 1) всѣ землевладѣльцы церковные, т. е. архіерейскія каѳедры и монастыри, 2) тѣ люди высшихъ чиновъ, которые во время похода не получали военнаго назначенія или оставались въ Москвѣ для внутренняго управленія, 3) всѣ землевладѣльцы, за старостью, или увѣчьемъ, получившіе отставку, а также ихъ вдовы, дочери и сыновья—недоросли, непоспѣвшіе къ службѣ. Всѣ эти землевладѣльцы, не отбывавшіе лично военной повинности, обязаны были выставить въ походъ вмѣсто себя даточныхъ. Даточный—это рекрутъ котораго каждый землевладѣлецъ находилъ, гдѣ и какъ умѣлъ. Обыкновенно, даточными людьми у церковныхъ землевладѣльцевъ и землевладѣлицъ свѣтскихъ—ихъ дворовые холопы или безпомѣстные родственники. Но и люди всѣхъ другихъ состояній гражданскаго общества могли поступить въ даточные.

Появленіе полковъ иноземнаго строя расшатало рекрутскую вербовку. Въ полки эти—рейтарскіе, солдатскіе и драгунскіе, т. е. конные, пѣхотные и смѣшанные—вербовались либо безпомѣстные дворяне, либо вольные люди, не имѣвшіе постоянныхъ опредѣленныхъ занятій, либо, наконецъ, люди тяглые. Котошихинъ, описывая военное устройство временъ царя Алексѣя, свидѣтельствуетъ, что въ полки солдатскіе и драгунскіе, кромѣ служилыхъ и военныхъ людей, вербовались еще торговые люди, городскіе люди и крестьяне. Вербовка эта устроена была совершенно похоже на позднѣйшіе рекрутскіе наборы. Напр., въ солдатскіе полки брали съ крестьянина, у котораго было по два или

по три взрослыхъ сына по одному изъ нихъ; у котораго было по три, по четыре—по два.

Такія подготовительныя мѣры дали Петру возможность быстро преобразовать всѣ вооруженныя силы въ регулярную армію. Планъ этого преобразованія какъ мы видѣли, былъ обдуманъ еще сотрудниками царя Алексѣя. Подъ вліяніемъ дошедшихъ до него преданій, Петръ въ молодости, начиная играть въ солдаты, сталъ уже заводить настоящихъ регулярныхъ солдатъ. Постепенно изъ отряда его «потѣшныхъ», которыхъ онъ навербовалъ въ Преображенскомъ, выработались два регулярные полка—Преображенскій и Семеновскій. По ихъ образцу, стали формироваться и другіе полки. Въ первый Азовскій походъ въ 1695 г. Петръ велъ уже 4 регулярныхъ полка. Преображенскій, Семеновскій, Лефортовскій и Бутырскій. Развивая порядокъ, заведенный предшественниками, Петръ установилъ регулярный наборъ со всѣхъ сословій, какъ нормальный порядокъ комплектованія арміи. Готовясь къ Шведской войнѣ, въ 1699 г. онъ произвелъ первый общій рекрутскій наборъ, посредствомъ котораго создана была армія въ 32 тысячи человѣкъ, не считая гвардейцевъ. Но намъ извѣстно, что эта армія почти вся была уничтожена въ 1700 г. подъ Нарвой, Тогда по 1706 г. идетъ усиленная работа Петра по созданію новой арміи. Каждый годъ производились рекрутскіе наборы, иногда по нѣсколько въ одинъ годъ. Такъ, зимою 1705 – 6 гг. было произведено три общихъ рекрутскихъ набора. Эти усиленныя мѣры Петра создали вторую регулярную армію, тысячъ въ 90, съ которой онъ и дрался подъ Полтавой.

Къ концу царствованія въ регулярной арміи считалось всего 210 тысячъ, не считая ста слишкомъ тысячъ иррегулярной конницы, казаковъ. Кромѣ того, была создана новая вооруженная сила, какой не знало Московское государство—флотъ. Къ концу царствованія во флотѣ считалось 48 большихъ линейныхъ кораблей и до 800 мелкихъ судовъ, галеръ съ 28-ю тысячами морскаго экипажа.

Далѣе, превративъ такимъ образомъ прежнюю односословную и наслѣдственную армію во всесословную и постоянную Петръ создалъ сложную военную администрацію и хозяйственный механизмъ для управленія боевой подготовкой, обмундированіемъ и содержаніемъ этой арміи. Петръ взялъ, такимъ образомъ, всю техническую часть войны на счетъ государства. Этотъ механизмъ состоялъ изъ нѣсколькихъ вѣдомствъ, во главѣ которыхъ были: генералъ-провіантмейстеръ, генералъ-коммиссаръ (главный военный судья), генералъ-фельдцейхмейстеръ (начальникъ артиллеріи), съ инженерной и саперной командами и генералитетъ (генеральный штабъ). Вся эта армія была вооружена и одѣта по-европейски. Если вамъ случится перелистывать иллюстрированное изданіе по военной исторіи Россіи, остановите на минуту ваше вниманіе на петровскомъ пѣхотинцѣ, одѣтомъ въ темнозеленный простой кафтанъ нѣмецкаго покроя съ широкими рукавами или обшлагами, покрытаго низенькой приплюснутой треуголкой и вооруженнаго ружьемъ, къ которому привинченъ штыкъ-багинетъ, какъ въ то время говорили.

Мѣры для развитія промышленности.

Снзданіе дорогой регулярной арміи потребовало новыхъ издержекъ. Мы уже знаемъ, что предшественники Петра понимали коренной недостатокъ, которомъ страдала финансовая система Московскаго государства. По мѣрѣ возрастанія государственныхъ нуждъ, эта система обременила народный трудъ новыми тяжестями, увеличивая количество налоговъ, но не дѣлая народный трудъ болѣе производительнымъ, способнымъ выносить эти тяжести. Петръ усвоилъ себѣ эту мысль предшественниковъ и поставилъ своей задачей вооружать народный трудъ лучшими техническими пріемами производства и направить его на новые, болѣе доходные промыслы, коснуться нетронутыхъ богатствъ страны. Поставивши себѣ эту цѣль, Петръ перебралъ всѣ отрасли народнаго труда. Ни одна производительность не осталась при немъ нетронутой; во всѣ онъ внесъ новые пріемы, новыя усовершенствованныя орудія. Но болѣе всего остановилъ онъ свое вниманіе на мануфактурѣ, на промышленности обрабатывающей. Познакомившись съ промышленностью западной Европы, Петръ на всю свою жизнь остался подъ обаяніемъ ея промышленныхъ успѣховъ. Фабрики и заводы главныхъ промышленныхъ центровъ, Лондона, Парижа и Амстердама, были имъ изучены съ особенною тщательностью; всѣ наблюденія онъ записывалъ въ памятную книжку.

Петръ познакомился съ западной Европой въ то время, когда тамъ въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ господствовала такъ называемая меркантильная система. Какъ извѣстно, эта система состояла изъ двухъ основныхъ идей: 1) для того, чтобы не бѣднѣть, каждый народъ долженъ производить самъ все имъ потребляемое, не обращаясь къ помощи чужого труда; 2) чтобы богатѣть, каждый народъ долженъ вывозить возможно болѣе и ввозить возможно менѣе. Усвоивши себѣ этотъ взглядъ, Петръ старался заводить дома всевозможныя производства, не обращая вниманія на то, во что они обойдутся странѣ. Въ своихъ мѣрахъ по народному хозяйству, Петръ руководился двумя соображеніями: 1) мыслью, что Россія не только не уступаетъ, но и превосходитъ другія страны обиліемъ нетронутыхъ природныхъ богатствъ, 2) разработку этихъ богатствъ Государство должно взять на себя и вести ее принудительными средствами. Оба эти соображенія Петръ не разъ высказываетъ въ своихъ указахъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ мы читаемъ: «наше русское государство передъ иными землями преизобилуетъ и потребными металлами, и минералами преблагословенно есть, которые до настоящаго времени безъ всякаго прилежанія исканы». Отысканіе и разработка нетронутыхъ доходовъ страны, чтобы «Божіе благословеніе втунѣ подъ землей не оставалось», по выраженію Петра,—было его главной цѣлью въ развитіи народной промышленности. Петръ коснулся даже такихъ естественныхъ богатствъ, которыя въ продолженіе многихъ поколѣній послѣ него считались излишними и не разрабатывались. Такъ, онъ первый принялся за разработку каменнаго угля, и послѣ него остался значительный заводъ братьевъ Рюминыхъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, разрабатывающій эту статью. Одинъ иностранецъ, фонъ-Армусъ, выпросилъ у него привилегію разрабатывать торфъ, чтобы сберечь лѣсное

топливо, особенно корабельные лѣса, которыми такъ дорожилъ Петръ. Далѣе, Петръ считалъ необходимымъ вести народные промыслы помощью указовъ, соединенныхъ съ угрозами—принудительными средствами. Эта мысль особенно рѣзко выступаетъ въ одномъ указѣ Мануфактуръ—коллегіи, гдѣ онъ отвѣчаетъ на вопросы объ устраненіи препятствій для усиленія народной промышленности, «что мало охотниковъ фабрики и заводы заводить—и то правда. Понеже народъ нашъ, яко дѣти, сами за азбуку никогда не примутся, если мастеромъ приневоливаемы не будутъ, что многимъ досадно кажется, а когда выучатся, сами благодарятъ. Что видно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ. Не все ли неволей сдѣлано? А за многое уже благодарности слышатся, отъ чего уже и плоды произошли». Руководясь всѣми этими соображеніями и меркантильными стремленіями Запада, Петръ изъ своихъ заграничныхъ и туземныхъ наблюденій выработалъ цѣлый рядъ пріемовъ, которые онъ примѣнялъ къ развитію туземной промышленности. Вотъ перечень этихъ пріемовъ.

1. Вызовъ иностранныхъ мастеровъ, учителей изъ за границы. Въ 1698 г. вслѣдъ за Петромъ въ Россію наѣхала огромная толпа всевозможныхъ ремесленниковъ и мастеровъ, нанятыхъ имъ во время заграничнаго путешествія. Изъ одного лишь Амстердама выписано было до тысячи мастеровъ. Впослѣдствіи одной изъ важнѣйшихъ обязанностей русскаго резидента за границей было подыскивать и нанимать иноземныхъ мастеровъ на русскую службу. Въ 1702 г. въ Германіи былъ распубликованъ манифестъ Петра, вызывавшій иноземныхъ капиталистовъ-предпринимателей и мастеровъ въ Россію на очень выгодныхъ условіяхъ. Съ тѣхъ поръ усиливается приливъ изъ за границы въ Россію разнаго мастеровото и фабричнаго люда, который увлекся выгодами, какія обѣщало ему московское правительство, и точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ обѣщаній. Петръ особенно цѣнилъ фабрикантовъ и мастеровъ французскихъ и польскихъ, особенно первыхъ, пріобрѣвшихъ громкую извѣстность со времени Кольбера. Чтобы имѣть понятіе объ условіяхъ, на какихъ Петръ нанималъ заграничныхъ мастеровъ и художниковъ, достаточно сказать, что извѣстный французскій инженеръ Леблонъ, «прямая диковинка», какъ звалъ его Петръ, приглашенъ былъ въ Россію съ обѣщаніемъ 5000 р. ежегоднаго жалованья (45 т. рублей на наши деньги), казенной квартиры на три года и права черезъ пять лѣтъ службы выѣхать за границу со всѣмъ имуществомъ, не платя за него пошлины. Если иноземный наемный мастеръ вдругъ собирался домой, велѣно было производить строжайшее разслѣдованіе, что за причина отъѣзда, не обидѣлъ ли его кто-нибудь; и Петръ строго наказывалъ, если мастеръ уѣзжалъ по неудовольствію на кого-нибудь. Всѣ эти выгоды иноземные мастера получали съ однимъ непремѣннымъ условіемъ—обучать своему мастерству русскихъ людей, безъ всякой скрытности и утайки.

2. Посылка русскихъ людей за границу для обученія мастерствамъ. Во все продолженіе царствованія Петра по всѣмъ промышленнымъ центрамъ Европы разосланы были сотни русскихъ учениковъ, которыхъ Петръ посылалъ за границу учиться мастерствамъ, дорого платя ихъ учителямъ. Русскіе ученики обучались за границей всевозможнымъ ремесламъ и мастерствамъ, начиная отъ художествъ высшаго разряда, до искусства дѣлать печи, обивать комнаты и украшать кровати.

3. Правительственная пропаганда. Петръ во все время своего царствованія неустанно распространялъ устно и черезъ указы ученіе о «честности» торговыхъ и промышленныхъ занятій и объ ихъ государственной пользѣ, внушая, что торговля и мастерство никого не безчестятъ, что промышленныя занятія полезны государству не менѣе науки и государственной службы. Съ того времени стали распространяться въ нашемъ обществѣ, получивши нѣсколько вздутый кредитъ, тѣ идеи западно-европейской буржуазіи, которыя получили позднѣе значеніе основныхъ правилъ политической и общественной мудрости. Эта проповѣдь имѣла цѣлью разрушить предразсудокъ высшихъ классовъ противъ промышленныхъ и торговыхъ занятій и привлечь ихъ къ участію въ разработкѣ естественныхъ богатствъ страны. Благодаря этому, представители бюрократіи и знатныхъ родовъ при Петрѣ становятся фабрикантами и заводчиками наравнѣ съ купцами.

4. Промышленныя льготы и казенныя субсидіи. Это были самыя могущественныя средства къ развитію промышленности. Изучивъ промышленные порядки западной Европы, Петръ старался и туземныхъ капиталистовъ пріучить вести дѣла по западно-европейски, соединять свои капиталы, образовывать торговыя и промышленныя компаніи. Въ этихъ компаніяхъ пайщиками или «интересантами», какъ тогда говорили, являлись и первостепенные вельможи, и капиталисты мужики. Свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, который безпошлинно трясъ за бороду любого богача въ Россіи, былъ членомъ компаніи, учрежденной купцами братьями для ловли моржей и трески на Бѣломъ морѣ. Проповѣдуя пользу промышленныхъ предпріятій, Петръ обязалъ областную администрацію оказывать имъ всякое содѣйствіе. Обыкновенно, задумавши водворить въ странѣ извѣстное новое производство, Петръ на казенный счетъ строилъ фабрику или заводъ, и потомъ сдавалъ ихъ капиталистамъ, иногда по наряду, противъ ихъ воли. Кто самъ заводилъ новую фабрику или заводъ, тотъ получалъ отъ казны значительную ссуду безъ процентовъ. Предприниматели получали и другія льготы. Иногда указомъ Петръ запрещалъ ввозъ извѣстнаго товара изъ-за границы, что избавляло туземное производство отъ иноземной конкуренціи. Промышленнымъ компаніямъ, до учрежденія Мануфактуръ-коллегіи въ 1719 году предоставлялось право гражданскаго суда надъ своими рабочими. Сами предприниматели, ихъ родственники, даже ихъ приказчики и рабочіе, иногда освобождались отъ государственныхъ податей. Въ интересахъ промышленности Петръ нарушалъ даже свои собственные указы. Во все продолженіе царствованія онъ свирѣпствовалъ противъ крестьянскихъ побѣговъ, указывалъ возвращать бѣглыхъ къ прежнимъ владѣльцамъ или на прежнія мѣста; однако 18-го іюля 1722 г. запрещено было выдавать съ фабрикъ и заводовъ рабочихъ, хотя бы это были бѣглые крѣпостные люди. Прибавьте къ этому важное право, предоставленное указомъ 18-го января 1721 г., по которому фабриканты и заводчики, хотя бы они не принадлежали къ дворянскому сословію, могли пріобрѣтать къ фабрикамъ и заводамъ населенныя земли, т. е. недвижимое имущество съ крѣпостными людьми. Все это даетъ возможность понять страшно привилегированное положеніе, въ какое Петръ поставилъ промышленныхъ предпринимателей, фабрикантовъ и заводчиковъ. Ихъ работа цѣнилась наравнѣ съ государственной службой, даже въ иныхъ слу-

чаяхъ выше ея. Фабрикантамъ, купцамъ дана была дворянская привилегія владѣть крѣпостными людьми, даже дано было право, какого не имѣло дворянство, — укрывать на своихъ фабрикахъ и заводахъ бѣглыхъ крѣпостныхъ людей. Такимъ образомъ, фабрики и заводы при Петрѣ являются, какъ бы преемниками древне-русскихъ монастырей, на которыхъ сосредоточены были правительственныя заботы старинныхъ московскихъ правителей, имъ даже пытались сообщить то нравственно-воспитательное значеніе, какое прежде принадлежало монастырямъ. По указу 26-го іюля 1721 г. провинившихся бабъ и дѣвокъ велѣно было для исправленія отдавать на фабрики и заводы.

Благодаря этимъ усиленнымъ мѣрамъ, Петру удалось достигнуть къ концу царствованія значительныхъ успѣховъ, въ развитіи обрабатывающей промышленности. Въ то время въ Россіи считалось 233 фабрики и завода, казенныхъ и частныхъ, не считая кожевенныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нарождается и новый классъ капиталистовъ-предпринимателей; на смѣну стариннаго боярства, рядомъ съ магнатами новой чиновной табели о рангахъ, являются бароны ткацкаго станка и чугунно-плавильной печи.

Мѣры по развитію народной промышленности были однимъ рядомъ нововведеній, вызванныхъ военной реформой. Эта реформа, какъ мы видѣли, создала новую, дорогую вооруженную силу, требовавшую новыхъ расходовъ. Другой рядъ нововведеній, вышедшихъ изъ того же источника, касается положенія и взаимнаго отношенія классовъ общества.

Сословныя реформы.

Эти мѣры съ особенной силой коснулись двухъ основныхъ классовъ тогдашняго общества—землевладѣльческаго и земледѣльческаго, дворянства и крестьянства. Военная реформа оторвала дворянскую службу отъ мѣста, сосредоточивъ ее въ регулярныхъ полкахъ, не имѣвшихъ значенія помѣстной милиціи, дѣйствовавшихъ вдали отъ тѣхъ уѣздовъ, изъ которыхъ они комплектовались. Далѣе, военная реформа возложила военную повинность и на тяглые классы русскаго общества, не снявши ее съ класса нетяглаго, землевладѣльческаго. Этими двумя послѣдствіями реформы и вызвана была перемѣна, какую внесъ Петръ въ положеніе и взаимное отношеніе двухъ названныхъ классовъ.

I. Перемѣны въ положеніи класса землевладѣльческаго.

Мы видѣли, что уже съ половины XVII ст., съ Уложенія разнообразные слои этого класса одинаковыми правами и обязанностями были сомкнуты въ одно сословіе. Но это сословіе въ XVII ст. еще не получило одного общаго названія. При Петрѣ является такое названіе, и, любопытно, оно было взято со стороны, изъ сословій польско-литовскаго общества. Весь классъ личныхъ землевладѣльцевъ, обязанный военной службой, со времени Петра сталъ зваться шляхетствомъ. Впервые, сколько помню, этотъ терминъ встрѣчается въ одномъ указѣ Петра 1712 г.

Военная реформа измѣнила порядокъ и частью самое основанiе обязательной дворянской службы. Мы знаемъ, что это сословiе въ древней Руси имѣло двоякое значенiе: 1) военное и административное, а также 2) экономическое. Дворянство составляло главную вооруженную силу страны, оно же служило, главнымъ административнымъ орудiемъ правительства; наконецъ, оно сосредоточивало въ своихъ рукахъ наибольшую массу основного капитала страны—землю съ прикрѣпленными къ ней обязательными рабочими, крѣпостными крестьянами. Во всѣхъ этихъ отношенiяхъ измѣнилось положенiе дворянства. Оторвавшись отъ мѣста, обязательная военная служба дворянъ сосредоточивалась въ регулярныхъ полкахъ, не имѣвшихъ территорiальнаго характера. Прежде, когда одно дворянство поголовно несло военную службу, составляя массу армiи, руководящее значенiе въ этой массѣ имѣли люди высшихъ чиновъ: бояре, окольничiе, стольники, дворяне московскiе и другiе чины. Теперь когда военная повинность была разложена и на тяглое сословiе, все дворянство получило то руководящее значенiе въ армiи, какое прежде принадлежало только его высшему, столичному слою. Дворянство попрежнему несло поголовно вѣчно-обязательную, т. е. наслѣдственную службу, и Петръ даже строже взыскивалъ эту повинность, чѣмъ она взыскивалась прежде. Для этого Петръ устраивалъ отъ времени до времени смотры, какъ всѣхъ взрослыхъ дворянъ, состоявшихъ или несостоявшихъ на службѣ, такъ и дворянскихъ недорослей, поспѣвавшихъ на службу. Смотры эти имѣли цѣлью распредѣлять дворянъ по полкамъ или школамъ. Такъ, въ 1704 г. самъ царь пересмотрѣлъ въ Москвѣ 8000 созванныхъ сюда дворянскихъ недорослей. Петръ строго преслѣдовалъ за уклоненiе отъ военной службы. По указу 1714 г. «нѣтчики», т. е. неявившiеся на службу наказывались кнутомъ и конфискацiей имущества, которое передавалось донесшимъ о неявкѣ, хотя бы этимъ доносчикомъ былъ крѣпостной человѣкъ неявившагося. Еще строже указъ въ 1722 г. который за уклоненiе отъ службы грозилъ «шельмованiемъ», т. е. политической смертью. Оно состояло въ томъ, что шельмованный лишался всѣхъ правъ состоянiя и объявлялся внѣ закона, всякiй могъ его обидѣть, ограбить и даже убить; имя его, какъ измѣнника, написанное на доскѣ съ барабаннымъ боемъ прибивалось къ висѣлицѣ, а все имущество отбиралось въ казну.

Но ставши руководителемъ, инструкторомъ всесословной регулярной армiи, дворянство подвергалось обязательной военной подготовкѣ, школьной и строевой. Петръ возложилъ на дворянъ, вдобавокъ къ военной повинности, новую обязанность, подготовку къ военной службѣ, полученiе извѣстнаго элементарнаго образованiя. Такъ какъ это образованiе должно было подготовить дворянъ къ обязательной военной службѣ, то была точно установлена самая программа образованiя. По указу 1714 г., каждый дворянинъ долженъ былъ выучиться дома или въ правительственной школѣ «грамотѣ, цифиры, (арифметикѣ) и нѣкоторой части геометрiи». Далѣе, онъ изучалъ «навигатскую науку» (мореплаванiе). Кто не получилъ этого образованiя, тотъ не пользовался всѣми правами взрослаго человѣка. Такъ, по тому же закону дворянинъ, не прошедшiй обязательной школы, не имѣлъ права жениться, никакой священникъ не имѣлъ права обвѣнчать подростка, не представившаго свидѣтельства отъ учителя элементарной школы.

Такъ какъ школа должна была готовить дворянина къ обязательной службѣ, которой требовало государство, то и программа обученія была точно опредѣлена правительствомъ. Дворянинъ учился не тому, чему хотѣлъ, а тому, чего требовала служба. Для этого образованія Петръ завелъ при регулярныхъ гвардейскихъ полкахъ «цыфирныя» начальныя школы. Въ провинціи эти школы заводились при монастырахъ или архіерейскихъ домахъ. Въ нихъ обучали каждаго дворянина грамотѣ, цифири, т. е. арифметикѣ и начальной геометріи. Эти науки были обязательны для всѣхъ дворянъ.

Дворяне тяготились этой военно-учебной повинностью какъ безполезнымъ бременемъ, и старались отъ нея уклониться. Но Петръ жестоко преслѣдовалъ за эти уклоненія. Разъ толпа дворянъ, не желавшихъ поступать въ математическую школу, записалась въ духовное Заиконоспасское училище. Петръ велѣлъ взять любителей богословія въ Петербургъ, въ морскую школу, и, въ наказаніе заставилъ ихъ бить сваи на Мойкѣ. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, вѣрный древне-русскимъ понятіямъ о дворянской чести, обидѣлся за свою братію, и въ наивной формѣ выразилъ свой протестъ противъ распоряженія Петра. Явившись къ дворянамъ, работавшимъ на Мойкѣ, онъ, завидя приближеніе Петра, снялъ съ себя адмиральскій мундиръ съ андреевской лентой, повѣсилъ его на шестъ и принялся усердно вколачивать сваи, вмѣстѣ съ недорослями. Петръ, подошедши, съ удивленіемъ спросилъ: «Какъ, Ѳедоръ Матвѣевичъ, будучи генералъ-адмимираломъ и кавалеромъ, вдругъ самъ вколачиваешь сваи? Апраксинъ иронически отвѣчалъ: «Здѣсь, государь, бьютъ сваи всѣ мои племянничики и внуки (т. е. младшіе братья по мѣстническому счету), а я что за человѣкъ, какое въ родѣ имѣю преимущество»?

Точно опредѣлено было и время обученія, оно не могло продолжаться далѣе извѣстнаго возраста. Дворянинъ учился до 15-ти лѣтъ и потомъ обязывался поступить въ полкъ. По указу 1723 г. дворянамъ запрещено было учиться далѣе 15-ти лѣтняго возраста хотя бы они того пожелали.

Съ 15-ти лѣтъ по окончаніи школьной подготовки, для дворянина начиналась подготовка строевая. Недоросль, ставши «новикомъ», обязывался поступить въ гвардію. Гвардія была военной практической школой для дворянства. Никакой дворянинъ, по указу 1714 года, не могъ быть произведенъ въ офицеры, если не служилъ въ гвардіи и «съ фундамента солдатскаго дѣла не узналъ». Этимъ объясняется аристократическій составъ гвардіи и нѣкоторыхъ другихъ привилегированныхъ полковъ при Петрѣ. Въ драгунскомъ полку кн. Меньшикова считалось 300 рядовыхъ титулованныхъ, т. е. съ княжескими фамиліями. При Петрѣ на караулѣ въ Москвѣ или Петербургѣ часто можно было видѣть кн. Одоевскаго или кн. Голицына съ ружьемъ на плечѣ.

Сверхъ службы въ регулярной сухопутной арміи Петръ заставилъ дворянъ служить и во флотѣ. «Гардемарины» на петровскихъ корабляхъ были всѣ изъ дворянъ, получившихъ спеціальное образованіе за границей. Въ концѣ царствованія Петра, когда вся дворянская масса страны уже вызвана была къ службѣ, и двухъ гвардейскихъ полковъ оказалось недостаточно для помѣщенія всѣхъ дворянскихъ подростковъ,—Петръ установилъ принимать рядовыхъ въ гвар-

дію только изъ высшихъ фамилій, низшіе, небогатые дворяне начинали службу рядовыми въ армейскихъ полкахъ. То была настоящая тяжелая служба, которая падала на дворянъ одинаково, какъ и на простыхъ солдатъ изъ крестьянъ. Державинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, какъ онъ началъ службу при Петрѣ въ Преображенскомъ полку, жилъ въ петербургскихъ казармахъ этого полка вмѣстѣ съ солдатами изъ тяглыхъ людей, ходилъ на работы, чистилъ каналы, возилъ провіантъ и бѣгалъ на посылкахъ у офицеровъ.

Какъ и прежде военная служба дворянъ была постоянной. Благодаря этому, измѣнилась дворянская корпорація. Какъ мы знаемъ, въ древней Руси, когда вся дворянская конница была помѣщена по извѣстнымъ уѣздамъ, уѣздное дворянство составляло территоріальные полки и уѣздныя корпораціи, связанныя общимъ порядкомъ. Теперь, когда дворянская служба была оторвана отъ мѣста, эти территоріальныя общества были замѣнены полковыми корпораціями. Всѣ офицеры полка составляли цѣльное общество, которое пользовалось извѣстными правами. Напр. рядовой дворянинъ могъ получить оберъ-офицерскій чинъ, только по выбору всѣхъ офицеровъ полка; чинъ штабъ-офицера—по выбору всѣхъ офицеровъ и генераловъ дивизіи. Такимъ образомъ, дворянство въ новой военной организаціи получило значеніе постоянныхъ и подготовительныхъ кадровъ гвардіи и армейскихъ полковъ.

Двойная подготовка къ службѣ, школьная и строевая, отдѣлила военную службу дворянъ отъ гражданской. Мы знаемъ, что въ древней Руси оба вида государственной службы смѣшивались. Каждый служилый человѣкъ былъ военнымъ; но въ промежуткахъ между походами его назначали на разныя служебныя и правительственныя должности. Теперь, когда дворянинъ, офицеръ или рядовой, и въ мирное время не могъ быть оторванъ отъ полка, изъ состава дворянъ нужно было выдѣлить часть для занятія правительственныхъ должностей. Такимъ образомъ, отъ военной службы отдѣлилась служба гражданская, Самый этотъ терминъ—служба гражданская или штатская—впервые появляется въ одномъ указѣ 1714 г. Но подобно военной, и гражданская служба требовала подготовки. Для этого при столичныхъ канцеляріяхъ заводились элементарныя школы, подготовлявшія спеціально къ занятію гражданскихъ должностей. Въ 1721 г. назначенному состоять при сенатѣ герольдмейстеру поручено было слѣдить за порядкомъ отбыванія обязательной службы всѣми дворянами и вести списокъ дворянскимъ недорослямъ. Этотъ герольдмейстеръ, замѣняя старый московскій Разрядный приказъ, долженъ былъ заводить элементарныя школы, которыя бы учили экономію и гражданству, т, е. невоеннымъ наукамъ. Но Петръ не предоставилъ дворянамъ выбора того или другого рода службы по своему усмотрѣнію; тогда всѣ бросились бы на менѣе тяжелыя и болѣе доходныя должности. Установлена была извѣстная пропорція службы въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ; изъ каждой фамиліи на гражданскихъ должностяхъ могла состоять лишь $^{1}/_{2}$ наличныхъ ея членовъ, записанныхъ на службу. Петръ мотивировалъ этотъ указъ замѣчаніемъ, что такое отношеніе устанавливается для того, чтобы «служилыхъ на морѣ и на сушѣ не обидѣть«. т. е., чтобы не нарушить равновѣсія государственныхъ тяжестей между службами въ гражданскомъ вѣдомствѣ и вѣдомствахъ военно-морскомъ и сухопутномъ.

Всѣ эти мѣры, касавшіяся военной и гражданской службы дворянъ, измѣнили положеніе этого сословія въ государствѣ, какъ и его отношеніе къ другимъ сословіямъ.

Итакъ, мы видѣли что законодательство Петра раздѣлило два вида дворянской службы, прежде смѣшивавшіеся (служба военная и административно-гражданская). Теперь различныя лица должны были постоянно отбывать ту или другую службу. Но мысль о такомъ раздѣленіи существовала уже въ московскомъ правительствѣ XVII в., хотя и оставалась не вполнѣ осуществленной. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича былъ составленъ любопытный, дошедшій до насъ, проектъ устройства высшаго управленія. Въ этомъ проектѣ высшее правленіе должно раздѣляться на два параллельныхъ, порядка, изъ которыхъ одинъ состоитъ изъ должностей гражданскихъ, а другой—военныхъ. Любопытно, что въ этомъ проектѣ первая высшая должность—именно гражданская. Первымъ сановникомъ по этому проекту является бояринъ «представитель и разсмотритель надъ всѣми судіями царствующаго града Москвы». Это по нашему—министръ юстиціи. Онъ дѣйствуетъ, руководя судопроизводствомъ, съ совѣтомъ, состоящимъ изъ 12-ти думныхъ людей. Второе мѣсто занимаетъ въ проектѣ «бояринъ дворовый воевода» — главнокомандующій войскъ и вмѣстѣ руководитель всего военнаго управленія—военный министръ.

Далѣе, законодательство Петра постановило порядокъ отбыванія дворянской службы на новое основаніе. Въ древней Руси служилый человѣкъ двигался на службѣ „по отечеству“, т. е. по происхожденію, или по роду. Каждый служилой фамиліи, соотвѣтственно ея родовитости, открытъ былъ извѣстный рядъ свужебныхъ чиновъ, и уже въ предѣлахъ этого ряда служебное лицо двигалось съ большей или меньшей быстротой, смотря по своимъ личнымъ качествамъ или заслугамъ. Но личныя качества не помогали незнатному человѣку подыматься выше тѣхъ чиновъ, которые были доступны ему по отечеству. Значитъ, отечество было главнымъ основаніемъ служебнаго движенія древняго служилаго человѣка. Петръ далъ значительный перевѣсъ личной заслугѣ передъ «отечествомъ». По указу 16 января 1721 г. каждый военный человѣкъ, дослужившись до оберъ-офицерскаго чина, становится дворяниномъ. Но съ другой стороны, каждый дворянинъ, начиналъ свою службу рядовымъ въ арміи или гвардіи. Благодаря этому, выработались правила, которыми опредѣлялось служебное движеніе дворянина при Петрѣ. Если каждый дворянинъ, становился офицеромъ, то каждый рядовой, ставши офицеромъ, становился—дворяниномъ. Это и дало рѣшительный перевѣсъ личной заслугѣ передъ происхожденіемъ въ порядкѣ прохожденія дворянской службы. Но мы знаемъ, что это основаніе было положено законодательствомъ еще до Петра и только примѣнено, практически, приложено къ дворянской службѣ Преобразователемъ. Мы знаемъ, что по предложенію комиссіи 1681 г. дума закономъ 12 января 1682 г. постановила назначать служилыхъ людей на военныя мѣста «безъ мѣстъ и безъ подбора», т. е. не обращая вниманія на породу. Эти два обстоятельства совершенно измѣнили служебную іерархію дворянства. Мы знаемъ, что законодательство XVII в. стянуло многочисленные служебные чины, въ одно служебное сословіе. Благодаря этому,

старинные чины, основанные на породѣ, утратили свое значеніе къ началу XVIII ст.

Законодательство Петра съ своими ближайшими слѣдствіями, сейчасъ мною отмѣченными, докончило это разрушеніе старинной чиновной іерархіи. Теперь явилась потребность раздѣлить весь служилый людъ, военный и гражданскій, на новые разряды примѣнительно къ измѣненію порядка прохожденія дворянской службы. Такъ явилась въ 1722 г. извѣстная Табель о рангахъ. Здѣсь всѣ административныя и военныя должности (замѣтьте «должности») раздѣлены были по своему значенію на 14 классовъ, и каждому классу дано было иностранное названіе. Это, идя сверху,—дѣйствительный тайный совѣтникъ, тайный совѣтникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, статскій совѣтникъ и такъ ниже до провинціальнаго регистратора. Далѣе, въ этой табели, или росписи, строго раздѣлены должности военныя и гражданскія, которыя составляютъ два параллельные порядка. Итакъ, очевидно, эта табель была замѣной старинной чиновной іерархіи примѣнительно къ измѣненію порядка отбыванія дворянской службы. Такъ какъ основаніемъ дѣленія принята была должность, а должность замѣщалась по личнымъ качествамъ, или по личной годности, то, благодаря табели, старинная аристократическая іерархія породы замѣнена была бюрократической іерархіей заслуги и выслуги. Преобладающее значеніе заслуги передъ происхожденіемъ рѣзко выражается въ одной изъ дополнительныхъ статей, которыя сопровождали табель. Здѣсь читаемъ: «людямъ знатной породы никакого ранга не дается, пока отечеству и государю заслугъ не покажутъ и за оныя характера не получатъ (характеръ—государственное положеніе)». Сообразно съ этимъ, всѣ служилые русскаго и иноземнаго происхожденія, приписанные по табели къ первымъ восьми классамъ сверху, зачислены были въ старшее столбовое дворянство со всѣми своими нисходящими, безъ различія происхожденія «хотя бы низкой породы были», добавляетъ законъ.

Наконецъ, всѣ изложенныя слѣдствія привели къ тому, что открылся широкій путь къ дворянству, для людей всѣхъ классовъ, попадавшихъ въ военную или гражданскую службу. Намъ довольно трудно теперь опредѣлить, какъ великъ былъ этотъ притокъ въ сословіе элемента—недворянскаго. Можно только по нѣкоторымъ цифрамъ гадать объ этомъ. По книгамъ 1700 года числилось на лицо около 3000 служилыхъ дворянскихъ фамилій, въ составъ которыхъ входило около 1500 землевладѣльцевъ, не считая семействъ. Иноземецъ Фокеродтъ, жившій въ Россіи въ концѣ царствованія Петра, свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, на основаніи полученныхъ имъ справокъ, что по первой ревизіи оказалось дворянства около 500000 наличность душъ обоего пола. 500000 душъ—это около ста тысячъ семей. Но трудно сказать, какое число этихъ семей вошло въ составъ дворянства путемъ новаго порядка полученія этого званія.

Доступъ въ служилые классы людей разнообразнаго происхожденія—не только соціальнаго, но и племенного какъ мы знаемъ, былъ непрерывнымъ явленіемъ, какое проходитъ по всей исторіи служилаго люда въ Московскомъ государствѣ. Значитъ приливъ въ дворяне людей недворянскаго происхожденія при Петрѣ не былъ новостью въ исторіи этого сословія.

Таковы были главныя слѣдствія законодательства Петра о дворянской службѣ. Сводя эти слѣдствія, мы находимъ, что съ дворянства при Петрѣ не было снята обязательная служба, даже не была облегчена; дворяне по прежнему служили поголовно. Но законодательство Петра измѣнило порядокъ отбыванія этой службы, и именно измѣнило въ трехъ отношеніяхъ. Во 1-хъ оно специализировало эту повинность, строго раздѣливъ смѣшивавшіеся прежде виды ея, т. е. службу военную и гражданскую, и прибавивъ къ военной еще обязательную службу во флотѣ; во 2-хъ обязательная служба дворянства, военная и гражданская была осложнена еще новой, небывалой повинностью—обязательной школьной подготовкой къ той и другой службѣ; въ 3-хъ, созданіе регулярной арміи, въ котороpой дворяне получили значеніе инструкторовъ или подготовительныхъ кадровъ, оторвало дворянскую службу отъ мѣста съ которымъ она была прежде связана по мѣстному землевладѣнію. Эта послѣдняя перемѣна и—устранила тотъ недостатокъ въ устройствѣ военныхъ силъ въ Московскомъ государствѣ, какой сталъ чувствоваться въ XVII в. и состоялъ въ томъ, что масса дворянъ, т.-е. дворянская милиція, сосредоточена была не на тѣхъ границахъ, на которыя теперь перешла наиболѣе усиленная внѣшняя борьба. Масса дворянъ сосредоточивалась на южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ съ особенной густотой, а фронтъ внѣшней борьбы съ половины XVII ст. перенесенъ былъ на сѣверозападную границу.

Теперь перейдемъ къ изученію перемѣнъ, происшедшихъ въ экономическомъ положеніи дворянъ, т. е. въ дворянскомъ землевладѣніи.

2. Законъ о «единонаслѣдіи» (1714 г.).

Какъ мы знаемъ, въ древней Руси сложилось два типа служилаго землевладѣнія: вотчинное и помѣстное. Вотчина была полной земельной собственностью владѣльца, которой онъ распоряжался по своему усмотрѣнію; помѣстье было владѣніемъ условнымъ и пожизненнымъ. Но уже задолго до Петра началось обоюдостороннее сближеніе обоихъ этихъ типовъ землевладѣнія; съ одной стороны, въ вотчинное землевладѣніе проникали начала помѣстнаго, а съ другой стороны, помѣстное землевладѣніе усвоивало нѣкоторыя черты вотчиннаго. Этотъ процессъ особенно любопытенъ въ исторіи нашего государственнаго права. Прежде всего, задолго до Петра, въ вотчинномъ владѣніи стали различаться два типа вотчины, съ одной стороны—вотчина родовая, наслѣдственная, а съ другой стороны—вотчина купленная, благопріобрѣтенная. Распоряженіе родовыми вотчинами уже въ XVI ст. стало подвергаться различнымъ стѣсненіямъ. Такъ, владѣлецъ, не могъ передать родовой вотчины чужеродцу помимо родственника, желавшаго купить ее. Отчужденіе родовой вотчины въ чужой родъ могло быть уничтожено родственникомъ, который имѣлъ право выкупить ее въ продолженіе 40 лѣтъ. Далѣе, ограничено было право завѣщанія вотчины извѣстными степенями нисходящихъ. Всѣ эти особенности родовой вотчины съ теченіемъ времени были усвоены и вотчинами пожалованными, выслуженными. Далѣе, ратная повинность слу-

жилыхъ людей одинаково падала на вотчины и на помѣстья. Тяжесть ея разверстки соразмѣряется съ вотчинами и помѣстными землями, какими владѣлъ служилый человѣкъ.

Съ другой стороны и помѣстья задолго до Петра стали усвоивать нѣкоторыя черты вотчинныхъ владѣній. Помѣстье было владѣніемъ, условнымъ, обусловливаемымъ службой, слѣдовательно, могло быть только въ рукахъ способнаго къ оружію. Но мы знаемъ, что уже въ XVI и XVII вѣкахъ выработаны были извѣстныя правила, обезпечивавшія семьи служилыхъ людей. Вдовамъ ихъ и дочерямъ выдавались доли помѣстій отцовъ и мужей во временное владѣніе «на прожитокъ». Но вдова или дочь, подыскавши себѣ жениха, могла «справить» свою долю помѣстья, свой прожитокъ за своимъ женихомъ, и такимъ образомъ, помѣстье переходило, какъ бы въ приданое. Затѣмъ помѣстье не могло переходить по завѣщанію; но порядкомъ отбыванія ратной службы служилымъ человѣкомъ, установленнымъ къ древней Руси, обусловливался фактическій переходъ помѣстій отъ отцовъ къ сыновьямъ. Обыкновенно, еще при жизни отца одинъ изъ его сыновей, чаще всего младшій, когда старшій былъ «поверстанъ въ отходъ», служилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ его помѣстьи, и по смерти отца, вмѣстѣ съ служебными обязанностями послѣдняго получалъ и его помѣстье. Такъ установился фактическій переходъ помѣстій отъ отца къ сыну. Правительству былъ выгоденъ такой переходъ, потому что, оставаясь въ одной фамиліи, помѣстье лучше, устраивалось. Поэтому закономъ 1684 г. была установлена передача помѣстій по смерти отцовъ ихъ дѣтямъ, а за отсутствіемъ способныхъ къ службѣ дѣтей и ближайшимъ родственникамъ, такъ что помѣстье изъ рода не выходило. Наконецъ, помѣстье не могло быть продаваемо и закладываемо; и въ XVII еще столѣтіи наказывали батогами служилаго человѣка, продавшаго свое помѣстье. Но законъ допускалъ формы передачи помѣстій изъ рукъ въ руки, которыя близко подходили къ продажѣ или закладу. Служилый человѣкъ, ставши неспособнымъ къ службѣ отъ старости или увѣчья, могъ, по закону сдать помѣстье сыну, родственнику или даже чужеродцу съ обязательствомъ получать за это содержаніе отъ того, кому сдано помѣстье. Помѣщикъ могъ сдать свое помѣстье чужеродцу даже помимо дѣтей и родственниковъ.

Такъ уже къ концу XVII ст. вотчинное и помѣстное владѣніе приблизилось на замѣтное для насъ юридическое разстояніе. На такомъ положеніи служилаго землевладѣнія и основывалось законодательство Петра. Раздача казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе прекратилось сама собой, какъ скоро дворянская служба, сосредоточившись въ регулярныхъ полкахъ, потеряла территоріальный характеръ. Помѣстная раздача замѣнилась теперь пожалованіемъ населенныхъ или ненаселенныхъ земель въ полную наслѣдственную собственность.

Всѣ частныя распоряженія Петра о дворянскомъ землевладѣніи были сведены въ одинъ законъ, которымъ и опредѣлилось надолго положеніе дворянскаго землевладѣнія. Это былъ законъ 23 марта 1714 года „о единослѣдіи“. Вотъ его содержаніе: землевладѣлецъ, имѣющій сыновей, могъ завѣщать все свое недвижимое имущество одному изъ нихъ, которому хотѣлъ—старшему или младшему, но

непремѣнно одному. Если онъ умиралъ безъ завѣщанія, то недвижимое имущество, по закону, переходило къ одному старшему сыну. Если землевладѣлецъ не имѣлъ сыновей, онъ могъ завѣщать недвижимое имущество кому нибудь изъ своихъ родственниковъ, близкому или дальнему, но непремѣнно одному; въ случаѣ отсутствія завѣщанія, недвижимое имущество, по закону, переходило къ ближайшему родственнику. Въ случаѣ отсутствія сыновей и родственниковъ, когда землевладѣлецъ оказывался послѣднимъ въ родѣ, онъ могъ завѣщать недвижимое имущество одной изъ дочерей, вдовѣ, замужней или дѣвицѣ—которой хотѣлъ, но непремѣнно одной; если онъ умиралъ безъ завѣщанія, недвижимое имущество переходило къ старшей изъ замужнихъ. Но переходъ недвижимаго имущества къ замужней или дѣвицѣ обязывало ея мужа или будущаго жениха принять фамилію послѣдняго владѣльца.

Вотъ сущность содержанія закона. Въ исторіи нашего права господствуетъ мнѣніе, что это есть законъ о майоротѣ, навѣянный западно-европейскимъ феодальнымъ порядкомъ наслѣдованія, гдѣ недвижимое имущество переходило къ майору (старшему сыну), помимо кадетовъ (младшихъ). Это мнѣніе не вполнѣ точно. Правда, Петръ еще въ 1711 г. собиралъ справки о порядкѣ наслѣдованія недвижимыхъ имуществъ въ западной Европѣ. Съ этой цѣлью онъ поручилъ Брюссу достать изъ-за границы книжекъ, изъ которыхъ можно было бы узнать, о порядкѣ наслѣдованія въ Англіи, Франціи и Венеціи; онъ искалъ ихъ даже дома, въ Москвѣ, у служившихъ здѣсь иноземцевъ. Но, разсматривая законъ 23 марта, мы видимъ, что онъ не былъ закономъ о майоратѣ и былъ навѣянъ не заимствованными, а чисто туземными соображеніями. Во 1-хъ, это—законъ о единонаслѣдіи, а не о наслѣдованіи старшаго; наслѣдованіе старшаго было случайностью, которая зависѣла или отъ воли завѣщателя, или отъ отсутствія завѣщанія; завѣщатель могъ передать недвижимое имущество кому угодно изъ своихъ сыновей. Во 2-хъ, законъ былъ внушенъ побужденіями, заимствованными не изъ западной Европы, а изъ условій туземнаго землевладѣнія. Петръ высказываетъ два побужденія, внушившія этотъ законъ: 1) единонаслѣдіе должно прекратить дробленіе недвижимыхъ имуществъ и слѣдствія его—упадокъ фамилій и разореніе крестьянъ; 2) законъ этотъ обдѣлялъ кадетовъ которые могли отъ отца получить только движимое имущество, и такимъ образомъ, служилъ для нихъ косвеннымъ побужденіемъ поступать на государственную службу или искать себѣ житейскаго обезпеченія наукой, торговлей или ремесломъ. Въ одной статьѣ закона, младшій сынъ завѣщателя, не получившій доли въ недвижимомъ имуществѣ, могъ, достигнувши до сорокалѣтняго возраста, заниматься чѣмъ угодно, поступить въ купечество, заниматься промыслами и искусствами, даже поступить въ духовное званіе. Вотъ чѣмъ объясняется, что старинный новгородскій дворянинъ, дѣдъ Суворова, кончилъ жизнь протоіереемъ одного изъ кремлевскихъ соборовъ въ Москвѣ.

Далѣе, разсматривая этотъ законъ, мы находимъ, что онъ только завершаетъ собой то обоюдостороннее сближеніе помѣстій и вотчинъ, которое началось еще въ древней Руси. Съ одной стороны, законъ переноситъ на помѣстья черты вотчиннаго владѣнія. По закону помѣстья наслѣдуются одинаковымъ порядкомъ съ вотчинами—перехо-

дятъ по завѣщанію или по закону къ одному. Мы знаемъ, что въ древней Руси помѣстья ни по закону, ни по завѣщанію не наслѣдуются. Далѣе, при отсутствіи сыновей или родственниковъ, помѣстья могли переходить, по завѣшанію и по закону, и къ дочерямъ; мы знаемъ, что въ древней Руси только доли отцовскаго помѣстья выдѣлялись во временное владѣніе семьѣ. Но, съ другой стороны, закономъ 23 марта, переносятся и на вотчины нѣкоторыя условія помѣстнаго владѣнія. Законъ начинается общимъ запрещеніемъ продавать и закладывать недвижимыя имущества; мы знаемъ, что это было условіе, которому подчинялось помѣстное владѣніе въ древней Руси. Старшій сынъ помѣщика, поступавшій въ службу еще тогда, когда отецъ имѣлъ силы служить, «верстался въ отводъ». Когда отецъ дряхлѣлъ, при немъ оставался только одинъ изъ младшихъ сыновей. Этотъ младшій или средній сынъ, обыкновенно и наслѣдовалъ помѣстье отца, когда умиралъ послѣдній. Это былъ обычный порядокъ перехода помѣстій, къ которому всѣ привыкли въ XVII в. Въ служебныхъ спискахъ провинціальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ мы встрѣчаемъ часто такія отмѣтки ревизоровъ, или разборщиковъ о малолѣтнихъ дѣтяхъ того или другого помѣщика: ,,Старшихъ, когда поспѣютъ къ службѣ, верстать отводъ, а младшему служить съ отцомъ съ одного помѣстья".

Этотъ порядокъ единонаслѣдія помѣстій теперь и обобщенъ былъ Петромъ, будучи распространенъ и на вотчинное землевладѣніе. Такимъ образомъ, мы получаемъ отвѣтъ на вопросъ, что сдѣлалъ законъ 23 марта, превратилъ ли вотчину въ помѣстье, или помѣстье въ вотчину? Люди XVIII ст. и значительная часть современныхъ юристовъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, говоря, что законъ превратилъ помѣстье въ вотчину. Въ прошедшемъ столѣтіи этотъ законъ называли „изяшнѣйшимъ благодѣяніемъ, которымъ Петръ дворянскія помѣстныя дачи въ собственность пожаловалъ". Но ни тотъ, ни другой отвѣтъ не вѣренъ. Законъ не превратилъ ни помѣстье въ вотчину, ни вотчину въ помѣстье, а создалъ новый, небывалый прежде видъ служилаго землевладѣнія. Это землевладѣніе можно характеризовать, назвавши его наслѣдственнымъ, недѣлимымъ и вѣчно обязательнымъ, съ которымъ соединена вѣчно наслѣдственная служба. Всѣ эти признаки—наслѣдственность, недѣлимость и вѣчно обязательная служба,—развились еще въ древне-русскомъ землевладѣніи, но они не всѣ совмѣщались: наслѣдственность была правомъ вотчиннаго владѣнія, недѣлимость была обычнымъ фактомъ помѣстнаго владѣнія, вѣчно обязательная служба падала на то и на другое. Теперь Петръ соединилъ всѣ черты, надѣясь помощью этого соединенія придать дворянской службѣ и служилому землевладѣнію болѣе прочности и единообразія.

3. Перемѣны въ положеніи класса землевладѣльческаго.

Разсматривая перемѣны въ служиломъ и землевладѣльческомъ положеніи дворянъ, я долженъ былъ ввести васъ въ нѣкоторыя юридическія подробности. Еще болѣе мелкія подробности необходимо принять во вниманіе, чтобы понять перемѣны, совершившіяся при Петрѣ въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ.

Надобно прежде всего представить себѣ составъ сельскаго населенія

въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. Въ этомъ населеніи различались 4 класса: 1) холопы; 2) крестьяне владѣльческіе; 3) крестьяне дворцовые и казенные, слитые подъ однимъ управленіемъ и 4) люди вольные, или гулящіе. Холопы были свободны отъ государственныхъ повинностей и находились въ личной зависимости отъ господъ. Крестьяне владѣльческіе несли государственныя тяжести и при этомъ находились въ личной зависимости отъ землевладѣльцевъ. Крестьяне дворцовые и казенные подлежали государственному тяглу, но не состояли въ личной зависимости. Люди вольные или гулящіе ни отъ кого не зависѣли лично и не подлежали тяглу.

Холопство въ древней Руси распадалось на полное (наслѣдственное) и на кабальное (временное, продолжавшееся до смерти господина). Холопство полное возникало изъ продажи лица въ рабство. Холопство кабальное—изъ займа, соединеннаго съ обязательствомъ работать вмѣсто роста. Съ XVII столѣтія было запрещено «крещенымъ людямъ» продаваться въ рабство, и полное холопство перестало пополняться новыми членами. Теперь оставались только полные холопы по происхожденію отъ полныхъ, называвшіеся «старинными». Этотъ классъ, постепенно исчезая, уступалъ мѣсто все разраставшемуся холопству кабальному. Крестьяне дворцовые и казенные, какъ мы видѣли, по Уложенію прикрѣплены были къ землѣ. Крестьяне владѣльческіе въ XVII ст. подпали дѣйствію кабальнаго холопства посредствомъ ссудъ, которыя они получали отъ землевладѣльцевъ, и такимъ образомъ, сдѣлались лично крѣпостными, попали въ личную крѣпостную зависимость отъ землевладѣльца. Эта крѣпостная зависимость, какъ я имѣлъ случай показать, въ XVII в. выразилась условіемъ, распространившимся на всѣ крестьянскіе договоры,—получая ссуду, «работать на землевладѣльца безысходно, вѣчно». Частныя земли были населены, такимъ образомъ, крѣпостными людьми двухъ видовъ: холопами и крестьянами. Различіе между ними состояло только въ государственномъ тяглѣ, которое падало на послѣднихъ, и отъ котораго были свободны первые. Но въ исторіи этихъ двухъ классовъ, мы видимъ повтореніе процесса, какой мы только что изучили въ исторіи землевладѣнія помѣстнаго и вотчиннаго.

Въ продолженіе XVII ст. происходитъ обоюдостороннее сближеніе холоповъ съ владѣльческими крестьянами. Владѣльческіе крестьяне были лично крѣпостными (не прикрѣпленными къ землѣ). Первоначально эта крѣпость не простиралась на ихъ дѣтей; но во 2-ой половинѣ XVII ст. дѣти крестьянъ, родившіеся, когда отцы ихъ были крѣпостными, стали считаться крѣпостными владѣльцевъ своихъ отцовъ. Это условіе проникло и въ крестьянскіе договоры съ землевладѣльцами; во второй половинѣ XVII в. мы встрѣчаемъ обязательственные договоры крестьянъ работать, жить за землевладѣльцемъ съ женой и дѣтьми вѣчно. Въ одной ссудной записи 1688 года договаривающійся крестьянинъ пишетъ: «Жить мнѣ за господиномъ съ женой и дѣтьми, а по мнѣ и внучатамъ моимъ до своей смерти», Итакъ, крестьянинъ подъ дѣйствіемъ принятаго условія закабаливалъ и все свое нисходящее потомство. Положеніе крестьянскихъ дѣтей съ тѣхъ поръ стало устраиваться по распоряженію владѣльца. Обыкновенно, при жизни отца взрослые сыновья отдѣлялись отъ него и, получивши отъ землевладѣльца ссуду, основывали особые тяглые дворы, получали особые

земельные участки. Какъ въ помѣстномъ землевладѣніи такъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ при отцѣ въ минуту его смерти, обыкновенно, оставались его младшіе сыновья или младшій сынъ. Эти младшіе сыновья при отцахъ жили за ихъ тягломъ и по смерти отцовъ, наслѣдовали ихъ участки и дворы съ ихъ обязательствомъ.

Но помѣщики, какъ видно изъ книгъ XVII в. далеко не могли устраивать всѣхъ крестьянскихъ подростковъ, надѣляя ихъ ссудой по достиженіи ими совершеннолѣтія. Такимъ образомъ является чрезвычайно своеобразный слой въ составѣ сельскаго населенія. До тѣхъ поръ крѣпостное сельское населеніе состояло изъ тяглыхъ крестьянъ и нетяглыхъ холоповъ; теперь являются нетяглые крестьянскіе подростки, живущіе за чужимъ тягломъ. Какъ крѣпостные крестьяне, они принадлежали по происхожденію къ тяглому сельскому населенію; какъ нетяглые по положенію они примыкали къ холопамъ.

Отсюда въ XVII ст. съ юридической послѣдовательностью развивались два злоупотребленія: 1) какъ вамъ извѣстно, крестьянство отличалось отъ холопства тѣмъ, что было вѣчнымъ, холопство же продолжалось только до смерти владѣльца, господина. Кабальный холопъ не могъ быть проданъ, но крестьянинъ, съ землей или безъ земли, могъ быть отчуждаемъ. Эта продажа была измѣненной формой стариннаго вывоза, о чемъ мы уже знаемъ. Крестьянскій сынъ, отдѣлившійся отъ отца и сѣвшій на особомъ участкѣ, могъ быть проданъ землевладѣльцемъ другому, теперь, когда явились нетяглые крестьянскія дѣти, ихъ начали продавать по одиночкѣ, дробя крестьянскія семьи; 2) Съ другой стороны, когда эти крестьянскія дѣти стали похожи на нетяглыхъ холоповъ, то землевладѣльцы стали брать ихъ къ себѣ во дворъ, ставя въ положеніе холоповъ. Уложеніемъ 1649 г. строго запрещалось брать въ кабалу нетяглыхъ крестьянскихъ дѣтей; но помѣщики, смотря на нетяглыхъ крестьянскихъ дѣтей, какъ на кабальныхъ холоповъ, стали ихъ брать на дворъ безъ кабалы. Значитъ, совмѣщая въ себѣ особенности двухъ состояній, нетяглыя крестьянскія дѣти подверглись невыгодамъ того и другого состоянія; какъ дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ ихъ продавали въ розницу; какъ нетяглыхъ подростковъ ихъ брали на дворъ. Продажа крестьянъ въ розницу и безъ земли получила къ концу XVII ст. страшное развитіе, которое приводило въ ужасъ самого Петра. Такъ крестьяне приблизились къ холопамъ.

Но съ другой стороны и холопы шли имъ навстрѣчу, усвоя себѣ особенности положенія крестьянъ. Холопы составляли въ XVII в. многочисленный крѣпостной слой, наполнявшій дворы землевладѣльцевъ. Тяготясь ихъ обиліемъ, землевладѣльцы изстари стали разрѣжать свои дворни, сажая нѣкоторыхъ холоповъ на пашню въ своихъ деревняхъ. Поземельное устройство такихъ пашенныхъ холоповъ было различно. Одни жили на господскомъ дворѣ, обрабатывая дворовую пашню, которую землевладѣлецъ не отдавалъ въ аренду крестьянамъ, а пахалъ на себя; это были, такъ называемые, дѣловые люди, т. е. сельскіе крѣпостные рабочіе. Другихъ холоповъ землевладѣльцы обзаводили особымъ хозяйствомъ, отдѣльными дворами и давали имъ отдѣльные участки земли на извѣстныхъ условіяхъ, за оброкъ или за барщину; такіе холопы извѣстны были подъ названіемъ задворныхъ, потому что они селились не на дворѣ, а за дворомъ землевладѣльца. Какъ вы

видите, экономическое положеніе этихъ задворныхъ людей чрезвычайно близко подходило къ положенію крестьянъ. Какъ скоро обозначились эти два слоя въ составѣ холопства, холопы, состоявшіе при домахъ землевладѣльцевъ для ихъ домашнихъ услугъ, получили спеціальное названіе дворовыхъ людей. Итакъ, въ составѣ холопства образовались два слоя холоповъ пашенныхъ. Съ теченіемъ времени, въ продолженіе XVII в., люди дѣловые и задворные стали смѣшиваться между собой. Дѣловые, какъ и задворные, стали получать особые участки въ пользованіе и селиться въ особыхъ дворахъ, такъ что въ актахъ конца XVII ст. трудно становиться различать дѣловыхъ людей отъ задворныхъ.

Какъ скоро явилось значительное холопское населеніе, устроенное совершенно одинаково съ крестьянами, правительство обратило вниманіе на этотъ классъ и стало привлекать его, вмѣстѣ съ крестьянами, къ отбыванію государственныхъ повинностей. При поземельной переписи прежде заносили въ списки только тяглыхъ крестьянъ, на которыхъ падали государственныя повинности, теперь, какъ скоро холопамъ было устроено особое хозяйство, велѣно было и ихъ записывать въ поземельную перепись, въ писцовыя книги. Впервые распоряженіе объ этомъ мы находимъ въ наказѣ—инструкціи, по которой должна была производиться поземельная перепись 1678—79 гг.; всѣхъ холоповъ, жившихъ особыми дворами, велѣно было заносить въ перепись. Въ началѣ царствованія Петра, въ которомъ году—наизвѣстно, впервые государственныя повинности распространены были и на дѣловыхъ и задворныхъ людей. Указомъ 15 февраля 1695 г. Петръ, готовясь къ Азовскому походу, назначилъ новый налогъ, по полтинѣ съ двора, на жалованье ратнымъ людямъ. Этотъ налогъ былъ распространенъ на дѣловыхъ и задворныхъ людей, жившихъ особыми дворами. Указъ 20 февраля 1705 г. распространилъ на нихъ рекрутскую повинность; приказано было взять одного солдата съ каждыхъ 20-ти дворовъ, какъ крестьянскихъ, такъ дѣловыхъ и задворныхъ. Какъ скоро государственныя повинности, податная и рекрутская, распространены были на пашенныхъ холоповъ,—исчезло политическое различіе между ними и крестьянами. Но оставалось различіе юридическое: крестьяне были вѣчно и наслѣдственно обязанными арендаторами земли частныхъ владѣльцевъ; большая часть дѣловыхъ и задворныхъ людей прикрѣплена была къ землѣ кабалой; слѣдовательно, ихъ зависимость продолжалась только до смерти владѣльца, за котораго они закабаливались. Это юридическое различіе между ними было уничтожено указомъ о ревизіи.

4. Первая ревизія.

Первая ревизія произвела важныя юридическія и экономическія перемѣны въ положеніи сельскихъ классовъ. Вотъ какъ произведенъ былъ этотъ важный юридическій актъ. По мѣрѣ того, какъ слабѣло напряженіе внѣшней борьбы, Сѣверной войны, регулярные полки отливая съ границъ, размѣщались по внутреннимъ областямъ на постоянныя квартиры Тогда возникъ для правительства важный вопросъ, какъ устроить содержаніе этой регулярной арміи въ мирное время. Для

разрѣшенія этого вопроса Петръ произвелъ общую перепись всѣхъ тяглыхъ людей. Указомъ 26 ноября 1718 г. предписано было всѣмъ землевладѣльцамъ, свѣтскимъ и церковнымъ, подать точныя «сказки» о томъ, сколько у нихъ въ деревняхъ живетъ душъ «мужскаго пола», не обходя никого, ни стариковъ, ни даже младенцевъ. Насчитано было около $5^{1}/_{2}$ милліоновъ душъ мужскаго пола. Собравши эти справки, предположено было сосчитать штатное количество людей въ регулярной арміи и вычислять, поскольку ревизскихъ душъ, сосчитанныхъ переписью, придется на каждаго штатнаго солдата. Потомъ предположено было сосчитать, во что обходится содержаніе каждаго солдата съ причитающейся на него долей ротнаго и полковаго расхода. Высчитавъ эту стоимость содержанія солдата и сопоставивъ ее съ количествомъ ревизскихъ душъ, на него приходящихся, разсчитали какимъ налогомъ слѣдуетъ обложить каждую ревизскую душу, чтобы покрыть всѣ расходы по содержанію арміи. На этомъ разсчетѣ и основана была подушная подать, положенная на всѣ души, записанныя въ ревизскихъ сказкахъ (на каждую ревизскую душу пришлось 74 к.). Вотъ въ чемъ состояла или къ чему направлены были указы о первой ревизіи.

Прежде всего предстояло опредѣлить кругъ душъ, подлежащихъ записи въ ревизскія сказки. Первоначально, по указу 23 января 1719 г., велѣно было записать въ ревизскія сказки, рядомъ съ крестьянами, только дѣловыхъ и задворныхъ людей, устроенныхъ пашней и живущихъ особыми дворами. Но землевладѣльцы, чтобы показать за собой меньше душъ, начали задворныхъ и дѣловыхъ людей переводить во дворъ. Тогда, цѣлымъ рядомъ указовъ 1720—22 гг., велѣно было заносить въ ревизскія сказки, рядомъ съ крестьянами, всѣхъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, какого бы то ни было званія, если они живутъ въ деревнѣ, исключая барскихъ дворовыхъ людей, жившихъ въ городскихъ домахъ господъ. Вѣроятно, злоупотребленія, направленныя противъ этой мѣры, заставили новымъ указомъ 1723 г. заносить въ списки и городскихъ дворовыхъ людей; притомъ велѣно было записывать дѣтей дьячковъ и пономарей, служившихъ при церквахъ во владѣніяхъ прихожанъ. Наконецъ, ревизія была распространена и на вольныхъ гулящихъ людей. Вольные гулящіе люди, какъ мы знаемъ, составляли довольно многочисленный классъ, несмотря на условія правительства XVII в. распредѣлить ихъ по тяглымъ состояніямъ. Этотъ классъ, чрезвычайно измѣнчивый, состоялъ въ большинствѣ изъ вольноотпущенниковъ, крестьянъ и холоповъ, особенно холоповъ кабальныхъ, которые по смерти господина, по закону, выходили на волю. Это былъ безпокойный классъ людей, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій и опредѣленнаго мѣста жительства. Петръ въ началѣ царствованія отозвался о нихъ: «Отъ таковыхъ, кои шатаются безъ службы государственной пользы надѣяться не можно, но только умножаютъ воровство». Этимъ гулящимъ людямъ однимъ указомъ 1722 г. велѣно было зачисляться въ военную службу, въ случаѣ, годности, либо отыскать себѣ господъ, которые бы согласились принять ихъ въ дворовую службу, т. е. въ крѣпостное состояніе. Цѣлью указа было прекратить бродяжничество этого класса, чтобы «безъ службъ никто не шатался». Если оказавшіеся негодными къ службѣ вольные люди—«вольница», какъ тогда говорили—не находили господъ, которые бы ихъ записали за собою, они ссылались на галеры.

Такъ была произведена первая ревизія; она и опредѣлила надолго юридическое и экономическое положеніе сельскаго населенія. Мы послѣ увидимъ ея финансовыя слѣдствія, говоря о финансахъ въ царствованіе Петра. Насъ теперь занимаетъ юридическое государственное положеніе сельскихъ классовъ. Легко замѣтить перемѣны, какія внесла ревизія въ ихъ положеніе. Перемѣнѣ эти были юридическая и экономическая.

1. Расширено было само крѣпостное право. Это расширеніе было произведено новымъ способомъ прикрѣпленія, не имѣвшимъ мѣста до того времени. Прежде люди укрѣплялись путемъ договора, добровольно отказываясь отъ своей свободы, или посредствомъ происхожденія отъ такихъ несвободныхъ лицъ. Теперь по указу о ревизіи, лица укрѣплялись за владѣльцами по ихъ сказкамъ. Достаточно было землевладѣльцу записать въ ревизскую сказку извѣстное свободное лицо, работавшее на его землѣ, и оно за нимъ укрѣплялось. Послѣ запрещены были жалобы такихъ лицъ на неправильное укрѣпленіе. Благодаря такому способу укрѣпленія, всѣ кабальные холопы, дѣловые и задворные, записаны были въ крѣпостные, на ряду съ крестьянами. Крестьянская крѣпость была наслѣдственной; такой крѣпости подчинились и кабальные холопы. Такимъ образомъ, ревизія отмѣнила состояніе временнаго, кабальнаго холопства. Теперь и бывшіе кабальные холопы, наравнѣ съ полными и наравнѣ съ крестьянами, стали вѣчно крѣпостными. Такъ усилено было крѣпостное право на кабальныхъ холопахъ.

Далѣе, расширено было крѣпостное состояніе, т. е. въ крѣпость введены были лица, прежде ей не подлежавшія. 1) Всѣ гулящія люди принуждены были въ случаѣ негодности къ военной службѣ, записываться за какими-нибудь господами. Такъ отмѣнено было состояніе гулящихъ, или вольныхъ людей. 2) Дѣти приходскаго духовенства, не пріискавшія себѣ опредѣленныхъ занятій до ревизіи, также попали въ крѣпость по мѣстамъ жительства своихъ отцовъ. Значитъ, первая ревизія расширила предѣлы крѣпостного состоянія, усложнивши его составъ новыми элементами, прежде свободными. Вотъ и вся юридическая перемѣна, какая внесена была первой ревизіей въ положеніе сельскихъ классовъ. Она распространила вѣчную крѣпость на часть холопства и на нѣкоторыя свободныя состоянія; но она нисколько не измѣнила юридическаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ. Теперь въ составѣ сельскаго населенія, жившаго на владѣльческихъ земляхъ, не оставалось никакихъ различій. Все это населеніе стало одинаково крѣпостнымъ, подлежащимъ вѣчной крѣпости.

2. Сельскіе классы на владѣльческихъ земляхъ стали различаться только экономически; одни пахали, другіе жили на господскихъ дворахъ въ домашнемъ услуженіи. За то гораздо важнѣе были экономическія слѣдствія ревизіи. Теперь на всѣ ревизскія души положена была одинаковая подушная подать, подать, значитъ, была перенесена съ двора на душу, на единицу болѣе мелкую, на физическое лицо. Прежде, когда подать была поземельной и размѣръ ея опредѣлялся размѣромъ тяглой пашни, крестьяне стали стремиться сокращать пашню, чтобы платить меньше. Въ XVII ст. подать переносится съ земли на дворъ. Но крестьяне стали расширять дворы, сосредоточивая большое количество работниковъ, чтобы платить меньше.

Петръ, чтобы устранить происшедшую отсюда неудачу, перенесъ подать съ двора на душу. Такъ какъ отъ увеличенія пашни подать теперь не увеличивалась, то крестьяне начали пахать возможно больше. Такъ подушная въ продолженіи XVIII ст. содѣйствовала расширенію землевладѣльческаго хозяйства. Въ этомъ была громадная экономическая польза, ею принесенная. Статистика даетъ намъ живое представленіе о размѣрѣ этой пользы. Въ концѣ царствованія Петра, въ тѣ же годы, когда происходила первая ревизія, русскій политико-экономъ и публицистъ изъ крестьянъ, Посошковъ мечтаетъ, какъ объ идеальномъ порядкѣ, о шестидесятинномъ надѣлѣ на крестьянскій дворъ; обыкновенно, крестьянскій дворъ пахалъ гораздо менѣе шести десятинъ, немного болѣе одной десятины на душу. Въ концѣ XVIII ст. шестидесятинный надѣлъ на дворъ, который былъ идеальнымъ для Посошкова, является уже сравнительно мелкимъ; крестьянскій дворъ на землевладѣльческихъ земляхъ пашетъ десятинъ десять и больше. Такимъ образомъ, прямой поземельный налогъ древней Руси падалъ на землю, отрывая крестьянскій трудъ отъ земли; со времени Петра прямой налогъ, оторванный отъ земли (подушная подать), началъ привязывать крестьянскій трудъ къ землѣ. Вотъ въ чемъ состоитъ важное экономическое значеніе первой ревизіи.

Я изложилъ перемѣны, внесенныя законодательствомъ Петра въ положеніе двухъ основныхъ классовъ русскаго общества—дворянства и крестьянства. Менѣе важныя перемѣны въ сословномъ устройствѣ городскихъ классовъ я изложу въ очеркѣ административныхъ реформъ, съ которыми они были тѣсно связаны. Теперь надобно отдать отчетъ въ характерѣ и ближайшихъ слѣдствіяхъ сословныхъ реформъ Петра.

Характеръ сословныхъ реформъ и ихъ слѣдствія.

Характеръ сословныхъ реформъ Петра становится ясенъ при ихъ сопоставленія—съ прежнимъ складомъ общества, установившимся въ московскомъ государствѣ. Какъ мы видѣли, законодательство XVII в. сосредоточило старинные мелкіе чины въ нѣсколько крупныхъ сословныхъ группъ, различавшихся между собою своими правами и обязанностями. Законодательство Петра не коснулось сословныхъ правъ, не расширило ихъ, но оно измѣнило государственныя обязанности, лежавшія на сословіяхъ. Въ Московскомъ государствѣ эти сословія различались обязанностями, изъ которыхъ ни одна не была общей, связывавшей всѣ сословія. Теперь Петръ, измѣнивши устройство военныхъ силъ, создалъ такую обязанность, подавшую на всѣ сословія государственнаго общества. Эта общая повинность была военная. Низшіе классы должны были поставить массу въ армейскіе полки и во флотъ; дворянство прежде единственное сословіе, обязанное военной повинностью, теперь, продолжая служить поголовно, получило значеніе руководителя этихъ армейскихъ полковъ и флотскаго экипажа и, вмѣстѣ, подготовительныхъ для нихъ кадровъ. Сверхъ того, попрежнему оставшись административнымъ орудіемъ правительства дворянство теперь иначе стало отбывать и гражданскую службу. Прежде одни и тѣ же люди несли службу и военную и гражданскую,—теперь изъ состава дво-

рянства выдѣлилась часть для спеціальнаго несенія гражданской службы. Далѣе, дворянство сохранило прежнее исключительное право личнаго землевладѣнія, но теперь указами о единонаслѣдіи и о ревизіи оно сдѣлано было обязаннымъ управителемъ своихъ недвижимыхъ имуществъ, отвѣтственнымъ передъ казною за податную исправность своихъ крестьянъ и за полицейскій порядокъ въ своихъ селахъ. Такимъ образомъ дворянство получило значеніе отвѣтственнаго приказчика по сельскому хозяйству государства. Къ прежнимъ повинностямъ дворянства еще прибавилась третья—обязательная школьная подготовка къ службѣ военной и гражданской.

Далѣе, въ составѣ земледѣльческихъ классовъ произошло сліяніе раздѣленныхъ прежде обязанностями слоевъ. Теперь холопы, прежде свободные отъ податной и рекрутской повинности, слились съ тяглыми крестьянами. Указъ о подушной подати, возбуждая сельское населеніе къ усиленной разработкѣ земли, сдѣлалъ все это населеніе обязаннымъ рабочимъ орудіемъ въ сельскомъ хозяйствѣ государства. Точно также, увидимъ мы, и на городское населеніе возложена была спеціальная задача; оно обязано было служить орудіемъ въ развитіи промышленности и торговли. Городское населеніе стало обязательными фабрикантами, торговцами и ремесленниками.

Итакъ, при Петрѣ не произошло законодательной перемѣны ни въ совокупности сословныхъ правъ, ни въ количествѣ сословныхъ государственныхъ повинностей. Но эти послѣднія были иначе распредѣлены. Одна повинность, прежде падавшая на одно сословіе, стала всесословной; сверхъ нея, на всѣ сословія пали еще спеціальныя государственныя обязанности. Далѣе, сверхъ этого новаго распредѣленія государственныхъ повинностей, Петръ установилъ новый, болѣе отвѣтственный порядокъ ихъ отбыванія. Итакъ, всѣ сословныя перемѣны состояли не въ измѣненіи началъ, на которыхъ построено было общество, а въ новомъ распредѣленіи, въ иномъ сочетаніи этихъ началъ. Такимъ образомъ, сословныя реформы имѣютъ характеръ техническій, а не политическій.

Ближайшими слѣдствіями сословныхъ реформъ явились слѣдующіе два факта. 1. Завершеніе сословнаго склада общества. Изложенныя реформы прежде всего измѣнили положеніе русскаго дворянства въ составѣ общества. Московское законодательство XVII в., распредѣляя все общество на классы по сословнымъ правамъ и обязанностямъ, не успѣло ввести духовенство въ этотъ распорядокъ. Духовенство оставалось въ сторонѣ отъ государственнаго общества. Оно до Петра многообразными понятіями было связано съ гражданскимъ обществомъ. Духовенство судило мірянъ по многимъ и не церковнымъ дѣламъ; на службѣ у церковныхъ учрежденій состояло множество мірянъ,—дворянъ, дѣтей боярскихъ, епископскихъ и монастырскихъ слугъ; наконецъ, въ рукахъ духовныхъ собственниковъ, церковныхъ учрежденій, сосредоточивалось огромное количество населенной крестьянской земли, которой церковь владѣла на вотчинныхъ правахъ. Въ концѣ царствованія Петра на церковныхъ земляхъ числилось до 150-ти тысячъ крестьянскихъ дворовъ, что, по счету Святѣйшаго синода въ 1732 году, составляло пятую часть всего крестьянскаго населенія государства.

Петръ постепенно разорвалъ всѣ эти многообразныя нити связывавшія духовенство съ мірскимъ обществомъ. Во 1-хъ, онъ огра-

ничилъ юрисдикцію духовенства чисто духовными дѣлами; въ 2-хъ, всѣхъ мірянъ, служившихъ церкви, дворянъ—дѣтей боярскихъ, слугъ, онъ забралъ на государственную службу; наконецъ, въ 3-хъ, для управленія церковными землями и земельными приходами церкви онъ въ 1701 г. возстановилъ учрежденный его отцомъ и потомъ закрытый въ 1671 г. его старшимъ братомъ, царемъ Θеодоромъ, Монастырскій приказъ. Этотъ приказъ входилъ въ систему государственныхъ Приказовъ, имѣя во главѣ своей назначеннаго царемъ боярина, и слѣдствіемъ передачи церковныхъ земель въ вѣдѣніе этого приказа была замаскированная секуляризація церковныхъ имуществъ. Послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ духовенство осталось при одной своей спеціально-сословной задачѣ—руководить церковно-нравственной жизнью русскаго общества.

До Петра духовенство со сложнымъ составомъ завѣдуемаго имъ общества составляло не сословіе, а особенное церковное общество, параллельное государственному, во которомъ было нѣсколько такихъ же классовъ, изъ какихъ состоялъ общество государственное (напр., церковные дворяне), и которые завѣдывали множествомъ такихъ же дѣлъ, какія подлежали вѣдѣнію государственныхъ учрежденій. Благодаря реформамъ Петра, духовенство введено было въ соціальный составъ государства и получило свое особое мѣсто среди другихъ сословій, со своими особыми, спеціально сословными задачами. Повторяю еще разъ, въ древней Руси духовенство было не сословіемъ, а цѣлымъ обществомъ, параллельнымъ государственному. Съ Петра оно стало однимъ изъ сословій.

2. Новое направленіе народного образованія. Древне-русское общество считало одни и тѣ же знанія обязательными и полезными для всѣхъ. То были преимущественно знанія, касавшіяся церковнаго порядка и душевнаго спасенія. Поэтому всѣ педагогическія средства, которыми располагала древняя Русь, частныя и общественныя школы, направлены были къ усвоенію этого нравственно-церковнаго образованія. Спеціальныя повинности, какія были положены законодательствомъ Петра и его предшественникомъ на разныя сословія русскаго общества, заставили измѣнить устройство и направленіе народнаго образованія. Согласно съ этими спеціально сословными повинностями и школы, которыя должны были подготовить сословія къ отбыванію всѣхъ этихъ повинностей, получили сословно-техническій характеръ.

Мысль о такомъ устройствѣ народнаго образованія мелькаетъ уже въ немногихъ школахъ, заведенныхъ при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. Въ иныхъ изъ этихъ школъ получали образованіе преимущественно люди, предназначавшіеся къ приказной службѣ, напр., въ школѣ Симеона Полоцкаго, или же люди, готовившіеся къ духовному званію, напр. въ Чудовой школѣ. Правда, эта мысль очень слабо проводится въ московскихъ школахъ XVII в., и учебное заведеніе, которымъ завершились педагогическія усилія московскаго правительства XVI в.—Славяно-Греко-Латинская Академія—имѣла церковно-богословскую программу и предназначалась для людей высшихъ классовъ безъ различія. Въ умѣ Петра еще въ началѣ царствованія мелькаетъ уже мысль о болѣе настойчивомъ проведеніи сословно-техническаго направленія въ народное образованіе. Въ сохранившихся бесѣдахъ Петра съ послѣднимъ патріархомъ Андріаномъ, Петръ высказываетъ нужду

въ такихъ школахъ, изъ которыхъ бы «во всякія потребы люди происходили въ службу военную и гражданскую, знать строеніе и докторское врачебное искусство».

Я лишь ограничусь сухимъ перечнемъ учебныхъ заведеній, устроенныхъ Петромъ, чтобы видѣть, какъ онъ проводилъ это новое направленіе въ народное образованіе. Служилые люди, какъ мы знаемъ, по закону обязаны были получить элементарное образованіе. Для этого устроены были элементарныя низшія школы въ Москвѣ и въ провинціи, преимущественно при архіерейскихъ домахъ. Дворяне и приказные люди, какъ и дѣти духовныхъ, должны были изучать въ этихъ школахъ грамоту, начало математики (т. е. ариѳметику) и часть геометріи. Здѣсь еще не видно сословнаго характера школъ.

Надъ этими низшими школами построены были школы, которыя можно назвать средними учебными заведеніями того времени. По составу своихъ программъ, именно, по господствующимъ предметамъ, школы были греческія и латинскія, предназначавшіяся, преимущественно для дѣтей духовенства, математическія, нѣмецкія и французскія— преимущественно для дворянъ и приказныхъ людей. Въ этомъ второмъ ряду школъ гораздо уже замѣтнѣе сословный ихъ характеръ, хотя и нѣтъ еще строго разграниченныхъ сословій.

Надъ этими тогдашними гимназіями, какъ бы мы сказали, Петръ построилъ нѣсколько высшихъ, спеціальныхъ школъ. Здѣсь и сословныя и техническія задачи народнаго образованія были проведены уже яснѣе. При московскомъ госпиталѣ, возникшемъ въ 1706 г., Петръ велѣлъ учредить медицинскую школу, взявши для этого нѣсколько молодыхъ людей изъ вѣдомства Монастырскаго приказа, преимущественно духовнаго сословія. Эти молодые люди отданы были въ медицинскую школу учиться «докторскому искусству». Еще въ 1701 г. въ Москвѣ возникла такъ называемыя «навигатская школа», помѣщавшаяся на Сухаревой башнѣ. Здѣсь должны были изучать математику и морское дѣло, преимущественно дѣти дворянъ. Впослѣдствіи въ новой столицѣ, Петербургѣ, возникли двѣ другихъ спеціальныхъ школы: морская академія и инженерная школа. Далѣе, въ 1721 г. герольдмейстеру, который велъ списокъ дворянъ, велѣно было учредить особую школу для дворянскихъ дѣтей, гдѣ бы они учились «экономіи и гражданству». Это выраженіе неопредѣленно намекаетъ на программу, которая имѣлась ввиду Петромъ для этой школы. Въ томъ же 1721 г. велѣно было учредить особую школу для подъячихъ, гдѣ бы приказные люди учились калиграфіи, книговодству, ариѳметикѣ и другимъ наукамъ, необходимымъ въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ. Такимъ образомъ, въ высшемъ слоѣ школъ мы встрѣчаемъ уже и болѣе рѣзко проведенное раздѣленіе сословій, и яснѣе выраженныя техническія задачи.

Теперь перейдемъ къ изученію одной изъ самыхъ сложныхъ частей преобразовательной программы Петра, именно, къ его реформамъ административнымъ.

Административныя реформы.

Реформы военныя, экономическія и сословныя усилили и усложнили обязательный трудъ сословій на пользу государства. Благодаря этимъ реформамъ, различнымъ сословіямъ задана была усиленная и ускоренная работа. Это должно было ускорить и усложнить дѣйствія администраціи. Старый московскій административный механизмъ, сложившійся при другихъ задачахъ и потребностяхъ, не былъ годенъ для такой спѣшной и усиленной работы. Вотъ почему Петръ съ самаго начала царствованія принужденъ былъ перестраивать его, приноравливать къ новымъ потребностямъ, измѣнившимъ положеніе дѣлъ. Надобно обозначить направленіе, въ какомъ шла эта перемѣна. Чтобы понять это направленіе, прошу припомнить, что можно представить себѣ два типа администраціи: во 1-хъ, типъ сословный, гдѣ управленіе ведется людьми извѣстнаго общественнаго класса, по выбору послѣдняго; во 2-хъ, типъ бюрократическій, гдѣ управленіе ведется людьми, знающими дѣло или считаемыми за знатоковъ, по назначенію верховной власти, безъ различія происхожденія. Легко замѣтить, что первый типъ болѣе удобенъ къ проведенію и обезпеченію сословныхъ интересовъ; а второй къ проведенію и обезпеченію интересовъ государственныхъ.

Старая московская администрація XVI и XVII вв. отличалась смѣшаннымъ характеромъ. По своему строю и по пріемамъ дѣйствій, какъ и по своему отношенію къ верховному управителю, государю, и управляемому обществу, эта администрація была бюрократической. Она руководила управленіемъ канцелярскимъ порядкомъ, по назначенію верховной власти, безъ участія или при очень слабомъ участіи управляемаго общества. Мы знаемъ уже, какъ въ XVII в. постепенно замирала дѣятельность земскихъ учрежденій снизу до самаго верху, отъ волостныхъ старостъ до Земскихъ соборовъ. Но по личному своему составу московская администрація имѣла сословный, именно, сословно-аристократическій характеръ. Всѣ органы управленія дѣйствовали при помощи людей одного сословія, прежде всего—родовой знати, и при этомъ уполномоченные приказные люди, дьяки съ подъячими, элементъ собственно бюрократическій, имѣли значеніе дѣлопроизводителей, а выборные представители тяглаго общества, старосты и другіе, носили характеръ лишь исполнителей по порученію высшей власти. Итакъ, старую московскую администрацію можно назвать сословно-бюрократической.

Петръ произвелъ перемѣну въ устройствѣ этой администраціи, и, замѣчу напередъ, перемѣну не политическую, а техническую. Эта перемѣна объясняется въ связи съ тѣми двумя главными задачами, которыя онъ поставилъ для своей дѣятельности. Одной изъ этихъ задачъ было развитіе и устройство военныхъ силъ страны и финансовыхъ средствъ государства, другой—развитіе и устройство народнаго хозяйства, какъ источника финансовыхъ средствъ страны.

Сообразно съ этими двумя задачами, Петръ и перестроилъ старую администрацію; онъ не уничтожилъ ея началъ, но онъ уничтожилъ ея двойственный характеръ, раздѣливъ ея начала и каждому указалъ особое мѣсто въ администраціи. Именно, устройство воен-

ныхъ силъ и финансовыхъ средствъ государства онъ возложилъ на центральное управленіе. Для этихъ государственныхъ цѣлей—военной и финансовой—необходимо было подготовить дѣльцовъ, людей навыка, а не людей извѣстнаго соціальнаго происхожденія. Вотъ почему центральное управленіе при немъ получило чисто бюрократическій характеръ.

Развитіе и устройство народнаго хозяйства, какъ источника финансовыхъ средствъ государства, Петръ возложилъ на областное управленіе, подчиненное общему надзору центральныхъ учрежденій. Въ дѣлѣ народнаго хозяйства еще до Петра получили особое значеніе два сословія, изъ которыхъ одно сосредоточивало въ своихъ рукахъ земельные капиталы страны, а другое—капиталы торгово-промышленные. Сословія, владѣвшія этими двумя основными рычагами народнаго хозяйства, и получили особое значеніе въ областномъ управленіи. Петръ усилилъ участіе этихъ двухъ сословій, дворянства и купечества, въ областной администраціи. Благодаря этому, областная администрація при немъ получила сословный характеръ.

Вотъ въ чемъ состоитъ общая перемѣна, произведенная Петромъ въ устройствѣ управленія. Какъ вы видите, эта перемѣна состояла не во внесеніи новыхъ началъ, а въ новой комбинаціи старыхъ. Начала прежде слитыя, теперь раздѣлились, и каждое получило мѣсто въ особой сферѣ администраціи. Вотъ почему и административныя реформы я характеризовалъ названіемъ не политическихъ, а техническихъ; онѣ измѣнили не отношеніе власти къ обшеству, а только порядкомъ дѣйствій власти. Чтобы яснѣе видѣть эти перемѣны, мы сдѣлаемъ краткій обзоръ перемѣнъ, которыя произведены были въ устройствѣ центральныхъ и областныхъ учрежденій.

1. Сенатъ.

До 1711 г. руководство всѣмъ управленіемъ въ Московскомъ государствѣ сосредоточивалось въ Боярской думѣ. Но дума уже до Петра утратила свой прежній характеръ и была не годна, неудобна при измѣнившихся задачахъ управленія. Прежде всего старая Боярская дума была учрежденіемъ съ сословно-аристократическимъ характеромъ. Но впродолженіе XVII ст. старинное московское боярство разбилось; въ его ряды проникло много разночинцевъ. Такимъ образомъ, Боярская дума въ XVII вѣкѣ по своему составу перестала быть боярской. Далѣе, Боярская дума привыкла дѣйствовать вмѣстѣ съ государемъ, была неразлучнымъ съ нимъ государственнымъ совѣтомъ; теперь государь былъ вѣчно въ отлучкѣ. Наконецъ, привыкнувъ дѣйствовать вмѣстѣ съ государемъ, старая Боярская дума не была отвѣтственна за свои дѣйствія даже тогда, когда дѣйствовала безъ государя. Теперь государь, находясь почти всегда внѣ столицы, взялъ въ свои руки веденіе текущихъ дѣлъ, военныхъ и дипломатическихъ, и принужденъ былъ передать руководство текущими внутренними дѣлами высшему правительственному учрежденію. Это вызвало необходимость строгой отвѣтственности высшаго правительственнаго учрежденія передъ верховною властью. Всѣми этими условіями и вызванъ былъ сенатъ.

Сенатъ возникъ на мѣсто Боярской думы по указу 22 февраля

1711 года. Петръ учредилъ сенатъ, собираясь въ походъ противъ Турціи. Причина, вызвавшая его, была прямо высказана въ указѣ 22 февраля: „Опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ“, такъ гласитъ указъ. Согласно съ своимъ происхожденіемъ и назначеніемъ, сенатъ получилъ обширныя полномочія. Въ отсутствіе государя онъ замѣнялъ его; всѣ учрежденія и лица обязаны были повиноваться ему, какъ государю, подъ страхомъ смертной казни за ослушаніе. До возвращенія государя никто не имѣлъ права жаловаться даже на незаконныя дѣйствія сената. Согласно съ такими широкими полномочіями, сенату указано было обширное вѣдомство. Онъ былъ высшимъ контролеромъ и руководителемъ управленія и суда имѣлъ ближайшій надзоръ за судопроизводствомъ, образуя высшую судебную инстанцію; судилъ подчиненныхъ ему судебныхъ чиновниковъ и наказывалъ ихъ лишеніемъ чести и имущества; смотрѣлъ за государственными доходами и расходами, заботясь объ умноженіи первыхъ и сокращеніями послѣднихъ; наблюдалъ за исправностью отбыванія военной повинности дворянами; наконецъ, имѣлъ общій надзоръ за ходомъ народнаго хозяйства, промышленности и торговли.

Согласно съ такими задачами, требующими знаній, сенатъ получилъ чисто бюрократическій составъ. Въ первое время онъ составлялся изъ девяти человѣкъ. Это были все административные и судебные дѣльцы, безъ различія знатности и незнатности происхожденія; большая часть ихъ занимала важныя правительственныя мѣста и внѣ сената, преимущессвенно по военно-хозяйственному управленію. Такъ напримѣръ, одинъ изъ первыхъ сенаторовъ, т. е. одинъ изъ сенаторовъ перваго состава, былъ военнымъ казначеемъ, другой завѣдовалъ казенными Тульскими заводами, третій былъ генералъ-квартирмейстеромъ.

Получивъ значеніе высшаго контроля и руководителя управленія, сенатъ долженъ былъ создать сложную систему подчиненныхъ органовъ, посредствомъ которыхъ онъ наблюдалъ за ходомъ администраціи и суда. Одинъ рядъ учрежденій въ этой системѣ составляли фискалы. Сенатъ долженъ былъ выбрать оберъ-фискала, человѣка добраго и умнаго, не обращая вниманія на его происхожденіе. Оберъ-фискалъ обязанъ былъ тайно надсматривать за управленіемъ, преимущественно за злоупотреленіями по сбору государственныхъ податей. Оберъ-фискалъ звалъ заподозрѣннаго чиновника къ отвѣтственности передъ сенатомъ, и если доказывалъ свое обвиненіе, пользовался половиной денежнаго штрафа съ виновнаго; но и недоказанное обвиненіе фискала не ставили ему въ вину по закону. Оберъ-фискалъ дѣйствовалъ при помощи сложной сѣти подчиненныхъ ему высшихъ и низкихъ фискаловъ. При каждомъ центральномъ вѣдомствѣ, какъ и въ каждой провинціи, былъ назначаемъ особый главный фискалъ, подчиненный оберъ-фискалу съ нѣсколькими зависящими отъ него низшими фискалами. Такъ напримѣръ былъ особый фискалъ въ вѣдомствѣ юстиціи, во флотѣ и т. п.

Дальнѣйшія перемѣны въ составѣ сената были связаны съ преобразованіемъ подчиненныхъ ему центральныхъ учрежденій. Я сейчасъ скажу объ этомъ преобразованіи, замѣнившемъ старые Приказы коллегіями. Когда въ 1718 г. были открыты коллегіи, въ сенатъ были введены, какъ члены, президенты ихъ. Такъ какъ коллегіи имѣли зна-

ченіе нынѣшнихъ министерствъ, то сенатъ, состоя изъ президентовъ коллегіи, получилъ значеніе комитета министровъ. Такой составъ былъ частью воспроизведеніемъ состава старой Боярской думы, въ которой большинство постоянныхъ членовъ также состояло изъ начальниковъ Приказовъ. Но потомъ Петръ измѣнилъ такой составъ сената, замѣтивши его неудобство. Сенатская контрольная дѣятельность подчиняла ему коллегій, слѣдовательно, президенты коллегіи, какъ президенты, отвѣтственны были передъ сенатомъ, а какъ члены сената, должны были требовать отчета отъ самихъ себя. Въ одномъ указѣ 1722 г. Петръ открыто признается о новомъ составѣ сената, что „сіе не осмотря учинено". Указомъ 12 февраля 1722 г. президенты коллегій были выведены изъ сената, который съ тѣхъ поръ составлялся изъ дѣйствительныхъ тайныхъ и тайныхъ совѣтниковъ. Только президенты трехъ важнѣйшихъ коллегій, Иностранныхъ дѣлъ, Военной и Адмиралтейской, призывались въ сенатъ въ особыхъ случаяхъ (когда, напр., въ немъ предсѣдательствовалъ самъ государь).

Предметомъ усиленныхъ заботъ Петра было устройство контроля надъ дѣйствіями сената. Нужда въ этомъ контролѣ становилась тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ шире были полномочія сената. Петръ перепробовалъ разнообразныя средства этого надзора. При самомъ учрежденіи сената было узаконено, чтобы всѣ дѣла въ сенатѣ рѣшались единогласно, и чтобы каждое рѣшеніе подписывалось всѣми членами. Протестъ одного сенатора уничтожалъ рѣшеніе остальныхъ его товарищей; но протестующій обязанъ былъ изложить свое мнѣніе письменно за собственноручной подписью. Далѣе, сенату вмѣнено было въ обязанность вести протоколы засѣданій, чего не было въ старой думѣ; протоколы давали средство слѣдить за дѣйствіями сената. Въ 1715 г. при сенатѣ учреждена была должность «генеральнаго ревизора, или надзирателя приказовъ». Первый занялъ эту должность сынъ извѣстнаго намъ Никиты Моисеева Зотова. Генеральный ревизоръ долженъ былъ сидѣть въ сенатѣ за особымъ столикомъ, записывать сенатскіе указы и смотрѣть за ихъ исполненіемъ; привлекать виновныхъ въ неисправности къ отвѣтственности, слѣдить за правильностью дѣйствій и самого сената. Черезъ нѣсколько времени Петромъ устроенъ былъ энергическій способъ надзора за дѣйствіями сената. Назначались очередные штабъ-офицеры гвардіи помѣсячно присутствовать въ сенатѣ. Очередной штабъ-офицеръ долженъ былъ смотрѣть за дѣятельностью сената, какъ и за исполненіемъ сенатскихъ указовъ; долженъ былъ наблюдать, чтобы всѣ сенаторы дѣйствовали согласно съ данной ими присягой; могъ даже арестовать и посадить въ крѣпость неприлично ведущаго себя сенатора, только съ обязательствомъ донести о томъ государю. Но все это были предварительныя пробныя мѣры.

Когда окончилась Сѣверная война, Петръ устроилъ болѣе дѣйствительный и постоянный контроль надъ дѣйствіями сената. Съ этой цѣлью учреждена была должность генералъ-прокурора. Генералъ-прокуроръ по словамъ указа, «яко око наше». Его обязанность смотрѣть, чтобы сенатъ «во всемъ должность свою хранилъ и всѣ дѣла, которыя сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени, по регламентамъ и указамъ рѣшалъ». Прежде всего генералъ-прокуроръ долженъ былъ смотрѣть, чтобы въ сенатѣ «дѣла не на столѣ только вершались, но и

самымъ дѣломъ исполнялись». Генералъ прокуроръ присутствовалъ въ сенатѣ, не принимая прямого участія въ рѣшеніи дѣлъ; но никакое рѣшеніе сената не имѣло силы безъ согласія и подписи генералъ-прокурора. Въ случаѣ разногласія, генералъ-прокурору давалось 8 дней сроку для обсужденія спорнаго вопроса. Если и послѣ срока генералъ-прокуроръ оставался при своемъ мнѣніи, дѣло докладывалось государю. Генералъ прокуроръ наблюдалъ за порядкомъ и правильностью дѣйствій сената; онъ былъ управителемъ сенатской канцеляріи. Подъ его руководствомъ состоялъ особый контрольный механизмъ прокурора. При сенатѣ, какъ и при другихъ центральныхъ и областныхъ учрежденіяхъ, явились зависимые отъ генералъ-прокурора прокуроры, которые обязаны были смотрѣть за исполненіемъ законовъ. Съ другой стороны, генералъ-прокуроръ управлядъ фискалами. Такимъ образомъ, въ его рукахъ сосредоточивались два контрольныхъ прибора, тайный и явный (фискальство и прокуратура). Первый контроль состоялъ при финансахъ, второй—при судахъ; первый смотрѣлъ за исправностью сбора государственныхъ податей, второй наблюдалъ за исполненіемъ законовъ. Какъ руководитель этого дѣйствительнаго надзора за администраціей и представитель верховной власти въ сенатѣ, генералъ-прокуроръ имѣлъ и законодательную инициіативу; онъ вносилъ въ сенатъ предложенія о новыхъ дѣлахъ, требовавшихъ обсужденія, предлагалъ проекты законовъ. Если сенатъ въ общемъ строѣ административнаго механизма имѣлъ значеніе маховаго колеса, то генералъ-прокуроръ былъ для него приводнымъ ремнемъ.

2. Коллегіи.

Подъ руководствомъ сената дѣйствовало два ряда учрежденій, изъ которыхъ одни сосредоточивались въ столицѣ, а другія были разсѣяны по провинціи. Отдѣльныя отрасли центральнаго управленія въ старомъ Московскомъ государствѣ, какъ мы знаемъ, были разбиты на Приказы. Это были, большею частью, очень мелкія учрежденія съ неправильно и случайно разграниченными вѣдомствами. По мѣрѣ того, какъ ускорялся ходъ администраціи и усложнялись ея задачи, все живѣе чувствовалась потребность стянуть эти Приказы въ небольшое количество крупныхъ вѣдомствъ. Эта потребность. какъ извѣстно, уже въ XVII в. повела къ нѣкоторымъ перемѣнамъ въ приказной системѣ. Приказы стали стягиваться въ обширныя вѣдомства, или сливаясь, или становясь подъ руководство одного главнаго управителя.

Петръ, продолжая попытки предшественниковъ. постепенно замѣнилъ Приказы новыми учрежденіями, получившими названіе коллегій. Эти коллегіи были всѣ устроены по заграничному образцу, были копіями съ коллегій какія тогда существовали въ Швеціи и Германіи. Учредить коллегіи совѣтовалъ Петру знаменитый тогдашній философъ и публицистъ Лейбницъ, находившійся въ перепискѣ съ государемъ. Въ одномъ письмѣ Лейбницъ самымъ понятнымъ для Петра образомъ выражаетъ ему выгоды коллегіальнаго устройства. «Какъ въ часахъ, пишетъ философъ, одно колесо приводитъ въ движеніе другое, такъ и въ большой государственной машинѣ одна коллегія возбуждаетъ къ дѣятельности другую, и когда все будетъ находиться въ надлежащей

соразмѣрности и тѣсной гармоніи, тогда стрѣлка мудрости будетъ указывать странѣ часы благоденствія». Эта до смѣшного мудреная фраза особенно должна была понравиться Петру, охотнику до всякаго механизма. Петръ въ 1711 году поручилъ генералу Вейде собрать точныя справки объ устройствѣ заграничныхъ коллегій и пригласить на русскую службу иностранныхъ юристовъ. Съ большими усиліями и издержками набрали за границей нѣсколько чиновниковъ, секретарей и писцовъ, которые бы могли наладить дѣло въ новыхъ учрежденіяхъ.

Къ началу 1718 г. готовъ общій планъ коллегій. Въ первое время ихъ было устроено девять. Это были коллегія чужестранныхъ дѣлъ, замѣнившая прежній Посольскій Приказъ; юстицъ-коллегія; далѣе 2 военныхъ; воинская и адмиралтейская (вѣдомство флота); 3 коллегіи финансовыхъ; камеръ-коллегія (вѣдомство государственныхъ доходовъ), штатсъ-конторъ-коллегія (вѣдомство государственныхъ расходовъ), ревизіонъ-коллегія (прежній счетный приказъ), въ которой сосредоточивался финансовый контроль, т. е. производился счетъ доходовъ и расходовъ; наконецъ, 2 коллегіи промышленныхъ; коммерцъ-коллегія, мануфактуръ и бергъ-коллегія (вѣдомство фабричной и горнозаводской промышленности). Старые Приказы или слиты были съ этими коллегіями, или, сохраняя свое существованіе, поставлены были отъ нихъ въ зависимость. Вскорѣ мануфактуръ и бергъ-коллегія раздѣлены была на двѣ: мануфактуръ-коллегію и бергъ-коллегію. Ревизіонъ-коллегія была слита съ сенатомъ, а изъ бывшаго Посольскаго Приказа была образована вотчинная коллегія. Такимъ образомъ, къ концу царствованія Петра всѣхъ коллегій было десять.

Всѣ эти коллегіи получили однообразное устройство. Присутствіе коллегій состояло изъ президента, вице-президента, четырехъ совѣтниковъ и четырехъ асессоровъ; во главѣ канцеляріи коллегій стояли два коллежскихъ секретаря. Перечисляю, чтобы показать происхожденіе извѣстныхъ нынѣ названій чиновъ. Сверхъ того, въ каждую коллегію назначался изъ иностранцевъ либо одинъ совѣтникъ, либо одинъ асессоръ, такъ что полное присутствіе коллегіи состояло изъ нечетнаго числа 11-ти человѣкъ. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Техническія задачи, которыя были указаны коллегіямъ, всего нагляднѣе выражаются въ составѣ ихъ присутствія. Было постановлено назначать въ каждую коллегію президента изъ русскихъ, а вице-президента—изъ знающихъ дѣло иностранцевъ. Напр., въ военной коллегіи президентомъ былъ генералъ-губернаторъ ингерманладскій, кн. Меньщиковъ, а вице-президентъ—генералъ Вейде; въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ президентомъ—канцлеръ графъ Головкинъ, вице-президентомъ—баронъ Шафировъ (крещенный еврей) и т. п. Только въ одной мануфактуръ и бергъ-коллегіи, требовавшей отъ своихъ управителей особыхъ техническихъ познаній. президентомъ былъ назначенъ иностранецъ—техникъ и артиллеристъ Брюсъ. Коллегіи были подчинены сенату, къ которому обращались съ дѣлами, превышавшими ихъ компетенцію, или съ дѣлами по жалобамъ на нихъ частныхъ лицъ.

Коллегіи отличались отъ прежнихъ Приказовъ въ двухъ отношеніяхъ: въ распредѣленіи дѣлъ и въ порядкѣ ихъ веденія. Коллегіи были вѣдомствами болѣе крупными, сравнительно съ Приказами; дѣла

въ нихъ были распредѣлены гораздо правильнѣе, по своему существу. Большая часть Приказовъ имѣла территоріальный характеръ, т. е. завѣдывали преимущественно, или исключительно дѣлами извѣстной части государства, нѣсколькими уѣздами; коллегіи не имѣли такого территоріальнаго характера. Вовторыхъ, коллегіи вели дѣла нѣсколько иначе, чѣмъ прежніе приказы: здѣсь дѣла обсуждались всѣми членами, рѣшались большинствомъ голосовъ, коллегіальнымъ порядкомъ. На присутствіе падала и вся отвѣтственность; Приказы были болѣе единоличнымъ присутствіемъ, что сближало ихъ съ нынѣшними министерствами. Правда, и у начальниковъ Приказовъ были товарищи и главные дьяки, съ которыми они вели дѣла; но коллегіальное начало въ старыхъ Приказахъ не было проведено послѣдовательно и выражено точно; такъ незамѣтно обычая или правила рѣшать дѣла по большинству голосовъ.

3. Областное управленіе.

Другой рядъ учрежденій, подчиненныхъ сенату, былъ разсѣянъ по провинціи. Старое Московское государство имѣло очень дробное областное дѣленіе; оно состояло изъ многочисленныхъ уѣздовъ, въ большинствѣ случаевъ очень мелкихъ. Около половины XVII столѣтія такихъ уѣздовъ считалось почти 150.

Петръ стянулъ эти мелкіе округи въ болѣе крупные. Въ 1708 г. онъ ввелъ новое областное дѣленіе, раздѣливъ все государство на 8 губерній. Губерніи временъ Петра—крупныя провинціи, совмѣщавшія въ себѣ по нѣсколько нынѣшнихъ губерній. Такъ Московская губернія вмѣщала въ себѣ нынѣшнія: Московскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Владимірскую, Костромскую и часть Ярославской. Губернія раздѣлялась на уѣзды. Такая обширность губерній произвела несоотвѣтствіе между губерніей и ея подраздѣленіями. Губернія была слишкомъ обширнымъ дѣленіемъ, уѣздъ—слишкомъ мелкимъ; явилась потребность въ средней областной единицѣ. Съ 1711 г. уѣзды стали соединяться въ провинціи, такъ что губернія дѣлилась на провинціи, а провинціи подраздѣлялись на уѣзды. Въ 1719 г. введено было новое областное дѣленія, которое захватило и пріобрѣтенныя войной земли; огда всѣхъ губерній явилось 12.

Каждая губернія получила однообразное административное устройство. Во главѣ ея стоялъ представитель центральной власти—генералъ-губернаторъ въ пограничныхъ губерніяхъ и губернаторъ во внутреннихъ; помощникомъ его былъ вице-губернаторъ. Впрочемъ, нѣкоторыми губерніями управляли вице-губернаторы. Но губернаторъ дѣйствовалъ въ губерніи не одинъ, а съ цѣлымъ совѣтомъ. Совѣтъ этотъ состоялъ изъ выборныхъ одного сословія губернскаго общества, шляхетства. Это участіе мѣстнаго дворянства въ управленіи было прямымъ продолженіемъ порядка, установившагося до Петра. Тогда во многихъ уѣздахъ должность воеводъ замѣнили губные старосты, а эти старосты были выборные мѣстнаго уѣзднаго общества изъ дворянъ. Мысль объ участіи дворянъ въ мѣстномъ управленіи Петръ высказалъ еще въ началѣ царствованія. Въ указѣ 1702 г. было указано воеводамъ править уѣздами вмѣстѣ съ совѣтомъ выборныхъ отъ мѣстныхъ служилыхъ людей. Когда введено было губернское управле-

ніе, это участіе въ немъ дворянъ перенесено было изъ уѣзда въ созданную надъ нимъ болѣе крупную областную единицу. По указу 1713 г. мѣстное дворянство каждой губерніи, собираясь по провинціямъ, выбирало изъ своей среды нѣсколько депутатовъ по 8—10 и 12. Совѣтъ этихъ депутатовъ получившихъ иноземное названіе ландратовъ, долженъ былъ дѣйствовать при губернаторѣ, раздѣлять съ нимъ власть. Губернаторъ былъ только президентомъ коллегіи этихъ ландратовъ, и никакое дѣло не могло рѣшаться безъ ихъ согласія; онъ пользовался только двумя голосами. Губернаторъ среди ландратовъ, по выраженію одного указа, не «яко властитель, но яко президентъ». Ландраты были не только его совѣтниками, но и дѣлили съ нимъ труды администраціи. Въ 1715 г. введено было новое податное дѣленіе губерній, не устранявшее прежняго; губернія дѣлилась по количеству тяглыхъ дворовъ на доли или участки по $5^1/_3$ тысячъ дворовъ въ каждомъ. Каждая такая доля, соотвѣтствуя въ большинствѣ уѣзду (или нѣсколько долей) управлялась однимъ ландратомъ. Главною обязанностью этого ландрата былъ сборъ государственныхъ податей. Ландратъ дѣйствовалъ въ своей долѣ съ помощью земскаго комиссара, выборнаго отъ уѣздныхъ дворянъ. Въ концѣ года всѣ ландраты съѣзжались къ губернатору и отдавали отчетъ въ своемъ управленіи «долями», рѣшали вмѣстѣ съ нимъ всякія дѣла.

Въ 1719 г., когда введено было новое губернское дѣленіе, ландраты были упразднены, но дворяне продолжали участвовать въ губернскомъ управленіи посредствомъ земскихъ комиссаровъ. Ежегодно уѣздные дворяне собирались, чтобы выбрать изъ своей среды земскаго комиссара. Земскій комиссаръ имѣлъ своей главной обязанностью сборъ подушной подати и передачу ея въ полки, на содержаніе которыхъ она была назначена. Но кромѣ того этой главной обязанности, на земскаго комиссара возложено было много полицейскихъ функцій. Онъ долженъ былъ переписывать дворы и земли, смотрѣть за откупщиками казенныхъ доходовъ, за постоялыми дворами, за устройствомъ и безопасностью путей сообщенія, за исправностью отбыванія рекрутской повинности, за нравственностью обывателей уѣзда; долженъ былъ наблюдать, чтобы «всѣ подданные страху Божію и добродѣтели научены были» и, наконецъ, помогать правосудію давать справки о крестьянахъ, ловить ихъ и ставить на судъ, исполнять судебные приговоры. Земскій комиссаръ отвѣтственъ былъ передъ своими избирателями; дворянское уѣздное собираніе, по истеченіи года, учитывало прежняго комиссара прежде чѣмъ избрать новаго, могло судить и наказывать его. Только въ случаѣ преступленія, подвергавшаго преступника смертной казни, собраніе препровождало виновнаго комиссара въ губернскій надворный судъ. Если вы соедините всѣ эти полицейскія функціи земскаго комиссара съ сословнымъ происхожденіемъ его власти, то легко увидите въ немъ прямого предшественника капитанъ-исправника.

Такъ было устроено областное управленіе Петромъ I. Какъ видите, это управленіе простирало свое прямое дѣйствіе не на все губернское населеніе, а только на два его класса, которые были привязаны къ селу, на землевладѣльческое дворянство и земледѣльческое крестьянство. Городское населеніе было выдѣлено изъ губернскаго управленія, и для него созданъ былъ рядъ совершенно особыхъ учрежденій.

4. Устройство городского управленія.

Мы знаемъ, что государственные люди XVII вѣка помышляли много о возстановленіи земскихъ учрежденій царя Ивана. Возстановленіе городского самоуправленія они считали однимъ изъ главныхъ средствъ къ поддержанію городской промышленности и торговли. Петръ унаслѣдовалъ эти помыслы и осуществилъ ихъ. Январскимъ указомъ 1699 г. было позволено торгово-промышленному населенію столицы Москвы выбрать изъ своей среды бурмистровъ, «людей добрыхъ и правдивыхъ сколько захотятъ», чтобы эти бурмистры вѣдали торгово-промышленныхъ людей во всѣхъ частныхъ гражданскихъ и торговыхъ дѣлахъ ихъ и собирали бы съ нихъ казенныя подати. Коллегія этихъ бурмистровъ составляла Бурмистерскую палату, въ которой предсѣдательствовалъ каждый изъ бурмистровъ поочередно (помѣсячно). Такое же право предоставлено было и другимъ городамъ вмѣстѣ съ обществами государственныхъ крестьянъ. Города и эти общества могли «буде похотятъ», ходатайствовать предъ правительствомъ объ освобожденіи ихъ отъ воеводъ и приказныхъ людей и о позволеніи имъ управляться выборными мірскими людьми въ «земскихъ избахъ». Этимъ правомъ, кажется, воспользовались только города, и не воспользовались сельскія общества государственныхъ крестьянъ. Крестьянамъ владѣльческимъ, которые управлялись своими владѣльцами, не предоставлено было этаго права.

Легко замѣтить сходство городскихъ учрежденій Петра съ земскимъ самоуправленіемъ XVI в.: какъ тѣ такъ и другія учрежденія являются не по обязательному закону, а по желанію самостоятельныхъ мѣстныхъ обществъ, «буде похотятъ», какъ тѣ, такъ и другія оплачивались возвышеннымъ государственнымъ налогомъ. Указъ 1699 г. прибавлялъ, что города, которые воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ, обязывались платить удвоенный окладъ государственныхъ податей. Но были и нѣкоторые особенности, которые отличали земское самуправленіе, введенное Петромъ. Во 1-ыхъ, какъ я сказалъ, предоставленнымъ новымъ правомъ при Петрѣ воспользовались только городскія общества. Во 2-хъ, земское управленіе XVI в. разбивало провинцію, уѣздъ, на независимые городскіе и сельскіе міры, которые не объединились однимъ высшимъ, земскимъ же учрежденіемъ; административнымъ средоточіемъ для земскихъ учрежденій служили центральные московскіе Приказы. Городское самоуправленіе, введенное Петромъ, получило свое средоточіе въ высшемъ учрежденіи земскаго же характера; такимъ учрежденіемъ стала Бурмистерская палата города Москвы. Она вѣдала всѣ областныя земскія избы, или ратуши, какъ онѣ стали называться. Она служила высшей инстанціей для этихъ ратушъ по судебнымъ дѣламъ и стягивала всѣ городскіе сборы, шедшіе съ городского населенія. Бурмистерская палата Москвы не подчинялась Приказамъ, а имѣла непосредственное отношеніе къ государю. Такимъ образомъ, эта палата получила значеніе высшаго учрежденія по городскому управленію, стала чѣмъ то въ родѣ министерства городовъ и городскихъ сборовъ.

Развиваясь и измѣняясь, Бурмистерская палата и городскія ратуши преобразовались потомъ въ магистраты.

Первый магистратъ, петербургскій, учрежденъ былъ по указу 1720 года. Въ слѣдующемъ году этотъ столичный магистратъ получилъ значеніе главнаго, сталъ руководить городскими областными магистратами. По инструкціи, данной главному магистрату, онъ обязанъ былъ устраивать магистраты въ прочихъ городахъ и руководить ихъ дѣйствіями.

При введеніи этихъ учрежденій и городскому классу данъ былъ новый складъ. Все городское торгово-промышленное населеніе раздѣлено было на три разряда. Высшій слой этого населенія, купечество, раздѣлено было на двѣ гильдіи. Къ первой гильдіи принадлежали оптовые торговцы, фабриканты и мастера высшихъ ремеслъ; ко второй были отнесены мелкіе розничные торговцы, низсшіе ремесленники. Наконецъ, третій разрядъ составляли городскіе чернорабочіе, подлые люди. Каждая религія выбирала своихъ старостъ и десятскихъ. Гильдейское гражданство получило значеніе высшаго руководящаго класса въ составѣ городского населенія.

Магистраты обязаны были въ важнѣйшихъ дѣлахъ совѣтоваться съ гильдейскими старшинами и старостами, тогда какъ старосты чернорабочихъ могли только ходатайствовать передъ магистратомъ о своихъ нуждахъ. На такое положеніе городского чернорабочаго населенія указываетъ и регламентъ, который гласитъ, что «хотя чернорабочіе къ гражданамъ причисляются, но къ знатнымъ и регулярнымъ гражданамъ не принадлежатъ». Магистратъ состоялъ изъ бургомистра-предсѣдателя, двухъ бургомистровъ—его помощниковъ и четырехъ ратмановъ.

По своему устройству и значенію магистраты во многомъ отличались отъ прежнихъ ратушъ, или бурмистерскихъ палатъ. Прежде всего магистратамъ дана была болѣе широкая компетенція. Имъ принадлежала юрисдикція не только по гражданскимъ, но и по уголовнымъ дѣламъ. Магистратъ могъ даже приговорить къ смертной казни; только такой приговоръ исполнялся съ утвержденія Петербургскаго Главнаго магистрата. Сверхъ того, магистрату порученъ былъ полицейскій надзоръ за городомъ, какъ и веденіе его хозяйства. Съ другой стороны, магистратъ рѣзко отличался отъ ратуши и по своему отношенію къ городскому населенію. Прежнія ратуши возникли для защиты городскихъ интересовъ и городского населенія отъ гнета приказной администраціи. Главной цѣлью, какая была поставлена магистратамъ, было развитіе городской промышленности и торговли. Согласно съ этимъ, въ городскомъ управленіи дано было преобладающее значеніе высшему классу капиталистовъ, крупнымъ торговцамъ и фабрикантамъ, какъ руководителямъ городской промышленности и торговли. Въ регламентѣ 1724 г. члены магистрата поэтому названы были прямо «дѣйствительными начальниками гражданъ». Значитъ, ратуша была сословно—представительнымъ учрежденіемъ, магистратъ—учрежденіемъ, болѣе бюрократическимъ. Согласно съ этимъ, и члены магистрата получили иное значеніе. Прежніе бурмистры выбирались на годъ; члены магистрата—безсрочно, были безсмѣнны. Прежніе бурмистры не занимали никакого опредѣленнаго мѣста въ служилой чиновной іерархіи; членамъ магистрата давался извѣстный чинъ по табели о рангахъ (они могли даже за службу быть возводимы въ дворянство).

Такимъ образомъ, Петръ возстановляя городское самоуправленіе, началъ учрежденіемъ земскимъ, сословнымъ,—окончилъ учрежденіемъ съ бюрократическимъ характеромъ. Эта перемѣна въ ходѣ городского самоуправленія объясняется различіемъ цѣлей, которыя ставилъ себѣ Петръ въ началѣ и въ концѣ царствованія. Въ 1699 г. онъ имѣлъ въ виду преимущественно огражденіе городскихъ классовъ отъ приказной администраціи; въ 1720 г. его занимаютъ болѣе всего техническіе успѣхи городской промышленности. Этихъ успѣховъ онъ надѣялся добиться посредствомъ болѣе стройной организаціи городского населенія и помощью болѣе властнаго, энергическаго городского управленія, которое было бы въ состояніи, выражаясь языкомъ закона 1720 г., «россійскаго купечества разсыпанную храмину паки собрать».

Значеніе административныхъ реформъ.

Я изложилъ кратко всѣ перемѣны, произведенныя Петромъ въ устройствѣ управленія. Теперь попытаемся уловить основныя идеи, которыми руководился Преобразователь въ перестройкѣ управленія. Мы видѣли три ряда учрежденій, черезъ которыя дѣйствовалъ сенатъ: 1) коллегіи, 2) губернскія учрежденія и 3) учрежденія городскія. Особенностью всѣхъ этихъ учрежденій было то, что они не составляли различныхъ, одна другой подчиненныхъ, административныхъ инстанцій; это были скорѣе параллельные ряды учрежденій. Учрежденія губернскія и городскія не были подчинены центральнымъ коллегіямъ, а совершенно одинаково съ ними имѣли непосредственное отношеніе къ высшему административному руководителю—сенату. Напомню кстати, что рядомъ съ этими тремя порядками учрежденій созданъ былъ Петромъ еще четвертый—учрежденія духовнаго вѣдомства. Возникшій въ 1721 г. Святѣйшій синодъ, дѣйствовавшій съ помощью епархіальныхъ архіереевъ и консисторій при нихъ, имѣлъ такое же непосредственное отношеніе къ верховной власти, какъ и перечисленные мною ряды учрежденій. Такого порядка не существовало въ старой московской администраціи.

Въ этомъ раздѣленіи учрежденій и сказались тѣ двѣ основныя задачи, какія поставилъ себѣ Петръ, преобразуя управленіе. Мы видѣли, что на центральное управленіе онъ возложилъ заботы объ общегосударственныхъ интересахъ, дѣлахъ военныхъ и финансовыхъ; ближайшее руководство народнымъ хозяйствомъ онъ поручилъ областной администраціи. Въ народномъ хозяйствѣ руководящее значеніе имѣли два класса общества, землевладѣльческій и торгово-промышленный. Петръ сообщилъ центральному управленію бюрократическій характеръ, поручивъ его подготовленнымъ дѣльцамъ (разночинцамъ), и усилилъ въ областномъ управленіи участіе двухъ классовъ мѣстнаго общества, дворянства и гильдейскаго гражданства. Дворянинъ въ селѣ и гильдейскій гражданинъ въ городѣ—вотъ двѣ политическія силы, въ распоряжоніе которыхъ Петръ отдалъ мѣстное общество. Такимъ образомъ, рядомъ съ центральнымъ управленіемъ бюрократическаго характера, создано было управленіе областное съ характеромъ сословнымъ, земскимъ. Но оба эти руководящіе класса стояли въ мѣстномъ управ-

леніи рядомъ, назависимо. Вотъ почему городскія учрежденія не были поставлены въ прямую зависимость отъ губернатора, какъ и губернаторъ не зависѣлъ отъ коллегій. Губернаторъ имѣлъ непосредственное отношеніе къ сенату, гдѣ и присутствовала особая комиссія для передачи сенатскихъ распоряженій губернаторомъ.

Но мы знаемъ, что уже въ XVII ст. обособились, какъ руководящіе классы, землевладѣльческое дворянство, привилегіей котораго стало владѣніе землей съ крѣпостными людьми и городское купечество, въ рукахъ котораго находились торгово-промышленные капиталы. На этихъ основныхъ капиталахъ страны, земельномъ и торгово-промышленномъ, держалось все народное хозяйство въ московскомъ государствѣ; ихъ работой питалось и хозяйство государственное. Стремясь къ расширенію источниковъ послѣдняго, Петръ естественно долженъ былъ дать руководящее значеніе этимъ двумъ главнымъ классамъ. Значитъ, областными учрежденіями Петръ съ одной стороны завершилъ начавшееся прежде обособленіе сословій, а съ другой, вызвалъ къ усиленной дѣятельности тѣ классы мѣстнаго общества, которые руководили народнымъ хозяйствомъ.

Финансы.

Конечной цѣлью всѣхъ изученныхъ нами реформъ было новое устройство государственнаго хозяйства, новая система государственныхъ налоговъ. Вопросъ о государственныхъ доходахъ съ самаго начала Сѣверной войны сталъ самымъ тяжелымъ и жгучимъ. Вопросъ этотъ состоялъ въ устраненіи огромнаго дефицита, какой обнаруживался въ государственномъ бюджетѣ. Въ 1710 г. правительство впервые точно сосчитало свои доходы и расходы. Бюджетъ доходовъ давалъ цифру въ 3.051,004. Почти вся эта сумма поглощалась военными силами на содержаніе новой арміи и флота расходовалось 3.010,000 р. Такимъ образомъ, на всѣ остальные государственные расходы оставалось всего 41,000 р. по смѣтѣ же на покрытіе этихъ расходовъ требовалось 823,000 р., слѣдовательно, не хватало еще 782,000 р. (тогдашній рубль, замѣтьте, относится къ нынѣшнему, какъ 9:1) Итакъ бюджетъ расходовъ представлялъ сумму въ 3.833,000 р. бюджетъ доходовъ—3.051,000 р., дефицитъ—782,000 р., т. е. болѣе $1/4$ всего бюджета доходовъ. Современный министръ финансовъ, располагающій слишкомъ семьсотмилліоннымъ бюджетомъ доходовъ, приходить въ большее смущеніе, когда предстоитъ дефицитъ въ 50 милліоновъ, а дефицитъ, какой терпѣлъ Петръ, равнялся бы по разсчету нашему дефициту слишкомъ въ 200 милліоновъ, такъ какъ современный бюджетъ доходовъ въ Россіи равенъ почти 800 милліоновъ.

Съ этимъ затрудненіемъ и долженъ былъ бороться Петръ, ведя Сѣверную войну. Онъ боролся съ нимъ двумя средствами: 1) постепеннымъ возвышеніемъ и умноженіемъ косвенныхъ налоговъ; 2) переустройствомъ системы налоговъ прямыхъ. Съ 1699 г. когда введенъ былъ гербовый сборъ, т. е. когда всѣ извѣстнаго рода акты должны были обязательно совершаться на «орленой» бумагѣ (на бумагѣ съ клеймомъ, изображавшимъ орла), выпущенной правительствомъ,—идетъ длинный рядъ все увеличивающихся косвенныхъ налоговъ. Постепенно

самыя разнообразныя статьи народно-хозяйственнаго оборота подвергались обложенію. Я не буду перечислять эти новые косвенные налоги, замѣчу только, что они падали на съѣстные припасы, помолъ отдачу домовъ внаймы, на бани и т. п И религіозныя вѣрованія подвергались обложенію. Особенному косвенному налогу подлежало право носить бороду; точно также двойному окладу подвергалась заявленная принадлежность къ расколу. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось число казенныхъ монополій. Къ старымъ монополіямъ, соляной и питейной, прибавилось двѣ новыхъ — табачная и «гробовая». Древне-русскіе люди, обезпечивши свои дѣла, старались о томъ, чтобы быть похороненными по смерти въ возможно прочной домовинѣ; этими домовинами служили дубовые горбы. Въ 1750 г. всѣ дубовые гробы были отобраны въ казну, и ихъ стали продавать вчетверо дороже ихъ дѣйствительной стоимости.

Точно также съ начала Сѣверной войны умножились прямые налоги. Ихъ накопилось къ 1719 г. до 13-ти названій. Но самой важной перемѣной въ системѣ прямыхъ налоговъ было введеніе подушной подати. Мы, знаемъ, что по указу 26 ноября 1718 года, предпринята была первая ревизія. Эта ревизія насчитала безъ малаго 6 милліоновъ тяглыхъ людей или ревизскихъ душъ. Изъ нихъ очень незначительная доля приходилась на городское тяглое промышленное населеніе; этого населенія насчитано было 172,000 душъ, что составляло приблизительно $^1/_{34}$ всего тяглаго населенія. Каждая ревизская душа обложена была однообразнымъ налогомъ въ 74 к. Сверхъ того, государственные крестьяне, которые не платили оброка владѣльцамъ, взамѣнъ того облагались дополнительнымъ податнымъ сборомъ въ 40 копѣекъ. Тяглые городскіе обыватели обязаны были платить по 1 р. 20 к. Такимъ образомъ, было три податныхъ нормы—74 к. 1 р. 14 к. и 1 р. 20 к.

Всего труднѣе разсчитать отношеніе подушной подати къ прежнему подворному налогу. Затрудненіе объясняется невозможностью сравненія такихъ различныхъ податныхъ единицъ, какъ крестьянскій дворъ и ревизская душа. Что такое ревизская душа? Надъ этимъ словомъ очень много острили въ нашей литературѣ. Можетъ быть, дѣйствительно неудаченъ терминъ, но институтъ подъ нимъ скрывающійся, вполнѣ понятенъ и довольно серіозенъ. Правительство XVII в. долго искало болѣе удобной единицы податнаго обложенія. Сначала такой единицей былъ поземельный участокъ, потомъ ею сталъ тяглый дворъ. Теперъ наконецъ за единицу обложенія принята была ревизская душа. Подъ ревизской душой разумѣется извѣстная нормальная мѣра тяглаго труда, обращеннаго на земледѣліе или на какой нибудь промыселъ. Эта воображаемая нормальная мѣра и принята была за основаніе обложенія. Поземельный участокъ, тяглый дворъ — единицы хозяйственныя, и очень измѣнчивыя; ревизская душа, конечно, есть не психологическое понятіе—это есть физическое лицо, способное къ труду и къ казенныму платежу за трудъ. Казна, облагая участокъ или дворъ, облагала собственно не участокъ и дворъ, но то количество, тяглаго труда, какое прилагалось къ участку или сосредоточивалось во дворѣ. Теперь казна приняла болѣе простую и устойчивую единицу—рабочую силу, прилагающую свой трудъ къ земледѣлію или другому промыслу. Такое простое значеніе «ревизской души» разска-

жетъ всякій крестьянинъ. Онъ скажетъ вамъ, что подъ ревизской душой должно именно разумѣть извѣстное количество тяглаго труда, прилагаемаго къ землѣ или промыслу. Вотъ почему крестьянинъ спокойно говоритъ о половинѣ души, о четверти, объ осьмухѣ, вовсе не думая ссориться съ психологіей.

Но несмотря на указанное несоотвѣтстіе между прежней единицей обложенія крестьянскимъ дворомъ и новой единицей—подушной податью, есть нѣкоторая возможность опредѣлить сравнительную тяжесть послѣдней. До насъ дошла финансовая роспись за время царствованія Петра отъ начала Сѣверной войны до того времени, когда введена была подушная подать. По этой росписи мы видимъ, что крестьяне разныхъ вѣдомствъ обложены были не въ одинаковой мѣрѣ. Крестьяне церковные платили вообще подворнаго налога около 3 р. 50 к. со двора. Крестьяне дворцовые—около 2 р., крестьяне помѣщичьи нѣсколько менѣе. Эта подать, разсчитанная на дворы, была продолженіемъ подворнаго налога, существовавшаго до Петра. Есть возможность разсчитать норму двора въ концѣ царствованія Петра, потому что одинъ иностранецъ оставилъ намъ общую сумму тяглыхъ дворовъ, насчитанныхъ первой ревизіей. Эта сумма—811000. Раздѣляя общее количество ревизскихъ душъ (6.000,000) на количество тяглыхъ дворовъ (811,000), получаемъ по 7 съ небольшимъ ревизскихъ душъ на дворъ. Подушная подать въ 74 к. съ души, такимъ образомъ, равнялась налогу на дворъ почти въ 6 руб. (74×8), Значитъ подушная подать для однихъ крестьянъ увеличила тяжесть почти въ $1^{1}/_{2}$ раза, а для другихъ въ 3 раза слишкомъ; круглымъ же числомъ—вдвое слишкомъ. Этотъ выводъ оправдывается и извѣстіемъ одного изъ младшихъ современниковъ Петра, который послѣ себя оставилъ свидѣтельство, что подушная подать вообще вдвое увеличила тяжесть прямого налога.

Есть возможность также опредѣлить отношеніе подушной подати, введенной Петромъ, къ подушной подати, теперь отмѣненной. Я сказалъ, что русскій рубль временъ Петра относится къ нашему, какъ 9 : 1. Слѣдовательно, налогъ въ 74 к. равняется $6^{1}/_{2}$ нынѣшнимъ рублямъ. Въ послѣднее время существованія подушной подати средній ея окладъ равняется 2-мъ рублямъ. Итакъ, подушная подать временъ Петра превышала втрое современную.

Результатъ перемѣнъ въ государственномъ хозяйствѣ обнаружился въ бюджетѣ, выведенномъ въ 1725 г. Государство получило тогда доходу 10.000,000 р., т. е. слишкомъ втрое больше, чѣмъ 12 лѣтъ назадъ, причемъ это увеличеніе государственнаго дохода надо отнести преимущественно на счетъ подушной подати, которая составляла половину всего дохода—(4.656,000 руб.).

Изложеніемъ перемѣнъ въ государственномъ хозяйствѣ я заканчиваю перечисленіе реформъ Петра. Теперь попробуемъ отдать краткій отчетъ въ изложенномъ.

Значеніе и характеръ реформъ Петра Великаго.

Я не буду излагать значенія и характера преобразовательной дѣятельности Петра съ такой точностью, какъ того требовалъ бы предметъ. Я выскажу общіе выводы нашего изученія, имѣя въ виду, что

значеніе этой дѣятельности намъ еще предстоитъ оцѣнивать, изучая время, слѣдовавшее за смертью Преобразователя. Оцѣнку дѣятельности Петра надобно основать на разборѣ не его преобразовательной программы, которая вся была составлена его предшественниками, а на изученіи плана, результатовъ и пріемовъ реформъ. Поэтому прежде всего воспроизведемъ планъ реформъ.

Планъ реформъ.

Планъ этотъ не былъ начертанъ Петромъ; онъ самъ собою установился ходомъ дѣлъ. Движущимъ рычагомъ реформъ была война. Поэтому исходнымъ пунктомъ ихъ стало устройство регулярной арміи и флота, а конечной цѣлью—открытіе необходимыхъ для содержанія вооруженной силы источниковъ, государственныхъ доходовъ. Въ этомъ исходномъ пунктѣ брали свое начало и къ этой конечной цѣли вели три ряда преобразовательныхъ мѣръ.

Одни возвышали качество народнаго тяглаго труда, подлежавшаго государственному тяглу; подъ этимъ качествомъ я разумѣю его производительность. Другія мѣры увеличивали количество этого труда, т. е. массу подлежавшаго государственному тяглу трудящагося населенія. Наконецъ, третій рядъ мѣръ направленъ былъ къ поддержанію боевой годности преобразованной вооруженной силы.

Къ первому ряду мѣръ относятся всѣ распоряженія Петра направленныя къ развитію обработывающей промышленности и торговли. Реформы въ складѣ общества составляютъ второй и третій ряды преобразовательныхъ мѣръ. Петръ создалъ одну обще-государственную, всесословную повинность — военную, которая въ одинаковой мѣрѣ падала на всѣ классы общества (за исключеніемъ духовенства).

Къ этой же цѣли, т. е. къ поддержанію боевой способности войска, направлены были и спеціальныя перемѣны въ положеніи дворянства. Обязательная служба дворянства осталась, какъ была прежде, поголовной и наслѣдственной; но она теперь, съ созданіемъ регулярной арміи, стала еще и постоянной. Этотъ новый характеръ обязательной военной службы заставилъ отдѣлить ее отъ службы гражданской. Наконецъ, въ порядкѣ прохожденія той или другой службы дворянствомъ данъ былъ рѣшительный перевѣсъ личной заслугѣ передъ «отечествомъ», происхожденіемъ.

Перемѣны въ положеніи сельскаго населенія направлены были къ увеличенію количества тяглаго труда. Это было достигнуто введеніемъ въ составъ тяглаго населенія классовъ, прежде ускользнувшихъ отъ тягла. Именно, къ тяглу сначала причислены были всѣ холопы, весь прежній классъ вольныхъ, гулящихъ людей, т. е. людей безъ опредѣленнаго рода жизни. Наконецъ, всѣ міряне, состоявшіе на церковной службѣ, взяты были на государственную службу. Такимъ образомъ, первая ревизія, которая ввела эти классы въ составъ тяглаго населенія, увеличила количество подлежащаго тяглу труда. Такъ сами собой обозначались въ дѣятельности Петра—цѣли основныя и мѣры второстепенныя, подготовительныя. Основнымъ предметомъ дѣятельности стало поддержаніе созданнаго военнаго устройства и открытіе

новыхъ финансовыхъ источниковъ, необходимыхъ для обезпеченія этой военной силы.

На различіи этихъ двухъ порядковъ преобразовательныхъ цѣлей, основныхъ и подготовительныхъ, было основано и преобразованное Петромъ управленіе. Цѣли основныя были сдѣланы преимущественно предметомъ центральнаго управленія, цѣли подготовительныя, народохозяйственныя, состоявшія въ развитіи производительности и количества народнаго труда,—сдѣланы были преимущественно предметомъ управленія областного, сословного. Такъ подготовилось достиженіе конечной цѣли реформъ — развитіе новаго устройства государственнаго хозяйства. Успѣхъ, съ какимъ была достигнута эта цѣль, обнаружился въ увеличеніи государственныхъ доходовъ къ концу царствованія Петра.

Въ связи съ этимъ планомъ реформъ стоитъ и внѣшняя политика Петра. Мы видѣли, что Петру завѣщаны были три задачи внѣшней дѣятельности, которыя выразились въ трехъ очередныхъ вопросахъ внѣшней политики: черноморскомъ, юго-западномъ и балтійскомъ. Эти вопросы различались по своему существу. Вопросъ черноморскій (исправленіе южной границы), былъ вопросомъ внѣшней безопасности государства; вопросъ юго-западный (возсоединеніе юго-западной Руси) былъ, сверхъ того, еще и вопросомъ національнымъ; вопросъ балтійскій имѣлъ по преимуществу экономическій характеръ, ибо разрѣшеніе его было главнымъ средствомъ развитія внутренней промышленности и внѣшней торговли. Петръ, преслѣдуя народно-хозяйственныя и финансовыя цѣли, естественно покинулъ два первые вопроса и обратилъ всѣ свои усилія на разрѣшеніе третьяго—экономическаго, ставши твердо на восточномъ берегу Балтійскаго моря. Такимъ образомъ, не случайно вниманіе Петра отвлечено было въ началѣ царствованія отъ Азовскаго моря къ Балтійскому.

Результаты реформъ.

Теперь перечислимъ основные результаты реформъ. Эти результаты объясняются сопоставленіемъ дѣятельности Петра съ преобразовательными идеями его предшественниковъ. Я раньше перечислилъ эти идеи. Я замѣтилъ, что они представляютъ два разряда задачъ существенно различныхъ. Однѣ изъ нихъ были техническія, военно-промышленныя, другія соціально-политическія. Однѣ направлены были къ устройству военныхъ силъ и экономическихъ средствъ въ народѣ и государствѣ, другія — къ преобразованію общественнаго склада и къ усиленію общественнаго участія въ управленіи. Къ послѣднему разряду задачъ относится поставленный до Петра вопросъ о развитіи земскаго самоуправленія и объ освобожденіи крестьянъ.

Петръ разрѣшилъ всѣ военно-техническія задачи, о которыхъ думали его предшественники. Но онъ неполно осуществилъ задачи соціально-политическія. Правда, онъ далъ самоуправленіе городамъ, но къ концу царствованія это самоуправленіе получило бюрократическій и техническій характеръ. Оно обезпечивало интересы высшаго гильдейскаго гражданства, но не всего городского населенія. Петръ совсѣмъ не думалъ о разрѣшеніи второго вопроса, объ освобожденіи крестьянъ.

Правда, его занимало печальное положеніе крестьянъ, особенно быстрое развитіе обычая продавать крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли въ розницу, но Петръ уже потерялъ надежду на возможность улучшенія положенія этого класса. Въ указѣ 1721 г., данномъ сенату, онъ возсталъ противъ продажи людей въ рабство, «какъ скотовъ», «оную продажу людямъ пресѣчь, а ежели невозможно будетъ вовсе того пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями, или семьями, а не порознь.» Впрочемъ, издавая подобные указы Петръ самъ мало надѣялся прекратить розничную продажу людей. Веберъ Брауншвейгскій, бывшій въ Россіи въ 1714 до 1719 года, оставилъ намъ любопытное извѣстіе, будто Петру неоднократно совѣтовали ободрить подданныхъ, давши имъ умѣренную свободу, именно, освободить крестьянъ. Но убѣжденный, что безъ принужденія ничего не добьешься, Петръ отклонилъ этотъ совѣтъ. Крѣпостное право при Петрѣ не измѣнилось въ юридической сущности, только развилось количественно, вобравши въ себя сельскіе классы, прежде остававшіеся свободными. Итакъ, преобразовательная дѣятельность Петра, сосредоточивалась на вопросахъ техническихъ, военно-промышленныхъ, и почти не касалась отношеній соціально политическихъ.

Пріемы Реформъ.

Теперь обозначимъ пріемы реформъ. Реформы Петра объясняются отношеніемъ его къ существовавшему тогда обществу и политическому порядку, его отношеніемъ къ сотрудникамъ и орудіямъ и его отношеніемъ къ народному быту. Въ существовавшій государственный и общественный порядокъ Петръ не вносилъ никакихъ новыхъ началъ; но существующія отношенія онъ приводилъ въ новыя сочетанія, и путемъ этихъ сочетаній создавалъ новый порядокъ. Такимъ образомъ, реформы были дѣломъ политической техники болѣе, чѣмъ дѣломъ государственнаго права.

Далѣе, Петръ въ отношеніи къ своимъ орудіямъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, среди которыхъ шла его дѣятельность. Война оказала рѣшительное и вредное вліяніе на ускоренный ходъ реформъ, она была причиной торопливости преобразовательныхъ предпріятій, ихъ недостаточной обдуманности. Петръ, поспѣвая за выдвигаемыми войной потребностями, не имѣлъ досуга достаточно обдумать свои предпріятія, соображать условія ихъ успѣха, ихъ исполнимость, ихъ послѣдовательность и внутреннюю связь. Отсюда его требованія часто путали его исполнителей. Это чувство сказалось въ одномъ письмѣ усерднѣйшаго сотрудника Петра, генералъ-адмирала Апраксина, кабинетъ-секретарю Макарову «истинно во всѣхъ дѣлахъ точно слѣпые ходимъ и не знаемъ, что дѣлать; во всемъ пошли великіе растрои, и куда прибѣгнуть и что впредь дѣлать,—не знамъ; денегъ не возятъ ни откуда, всѣ дѣла почитай останавливаются». Это письмо относится къ 1716 году. Исполнители Петра, которыхъ онъ самъ непосредственно училъ каждому дѣлу, никогда не знали ясно общаго плана этого дѣла, и имъ не указаны были лучшія средства для его исполненія.

Наконецъ, рядъ условій, особенно неблагопріятно вліявшихъ на

успѣхъ реформъ, выходилъ изъ отношеній Петра къ народному быту. Эти отношенія опредѣлялись политическимъ воспитаніемъ Преобразователя. Политическое чувство Петра воспитывалось среди смутъ, которыя вызваны были борьбой двухъ направленій въ древне-русскомъ обществѣ. Приверженцы нововведеній, искавшіе уроковъ и помощи на Западѣ, столкнулись съ политическими и религіозными старовѣрами. Эти старовѣры, дѣйствуя противъ нововведеній во имя старины, выставляли знаменами нѣкоторыя наружныя особенности, отличавшія русскаго человѣка отъ западно-европейскаго: бороду, прическу, покрой платья и т. п. Петръ, которому эти знамена были извѣстны съ дѣтства въ рукахъ государственныхъ мятежниковъ, со всей энергіей вступилъ въ борьбу съ этими внѣшними мелочами, придавая имъ преувеличенное значеніе. Тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы, въ 1698 г. онъ принялся стричь бороды и усы у подданныхъ; цѣлымъ рядомъ указовъ вводилъ новые, и все иноземные, покрои платья. Въ первый разъ русское законодательство низошло до такихъ скромныхъ предметовъ, вмѣшалось въ сферу парикмахера и портного. Сколько усилій и раздраженія потратилъ Петръ на борьбу съ этими мелочами и сколько горькихъ чувствъ и помѣхъ своей дѣятельности вызвалъ онъ въ обществѣ.

Эти пріемы реформъ и объясняютъ недостаточность ихъ успѣховъ, что увидимъ, изучая время, слѣдовавшее за смертію Петра. Этимъ объясняется и общій характеръ, какой получила реформа въ своемъ развитіи. Скромная по происхожденію, ограничивавшаяся вопросами военной и промышленной техники, эта реформа получила характеръ крупнаго переворота. Введенная верховной властью, привычной руководительницей русскаго общества, она усвоила характеръ насильственнаго переворота—революціи. Она дѣйствительно была революціей, только не по задачамъ и результатамъ, а по пріемамъ и впечатлѣніямъ, какія произвела на общество. Эти впечатлѣнія всего живѣе сказываются въ отношеніи народа къ реформѣ.

Отношеніе народа къ Петру и его реформамъ.

Во все продолженіе царствованія народъ не могъ себѣ уяснить, что дѣлается на Руси; ни причины, ни цѣли реформы, все время не были ему ясны. Пониманію реформъ мѣшало то обстоятельство, что они обращены были къ народу двумя самыми непривлекательными своими сторонами. Во первыхъ, они до крайности напрягали народный трудъ; во вторыхъ, онѣ представлялись народу непонятной ломкой вѣковыхъ обычаевъ, стараго порядка жизни. На этихъ оссбенностяхъ и сосредоточивалась работа народнаго ума, пытавшагося объяснить себѣ, что дѣлается на Руси.

Работѣ этой особое направленіе дали еще два впечатлѣнія, вынесенныя народомъ изъ событій XVII в. Въ XVII в. русскій народъ видѣлъ очень много странныхъ вещей; видѣлъ рядъ самозванцевъ, незаконныхъ государей, которые дѣйствовали по старому, и видѣлъ рядъ законныхъ правителей, которые дѣйствовали совсѣмъ не по старому, разрушали религіозный и политическій порядокъ и вводили въ Русь антихриста. Подъ вліяніемъ этихъ обоихъ впечатлѣній и скла-

дывался взглядъ на реформы Петра. Отсюда развиваются въ продолженіе его царствованія двѣ легенты про него. Одна легенда гласитъ, что Петръ—самозванецъ, другая что онъ—антихристъ.

Развитіе этихъ обоихъ легендъ можно прослѣдить по уцѣлѣвшимъ бумагамъ Преображенскаго приказа—тайной полиціи, учрежденной въ селѣ Преображенскомъ съ тѣхъ поръ, какъ стали обнаруживаться проявленія глухой народной оппозиціи. Впослѣдствіи Преображенскій приказъ замѣненъ былъ Тайной канцеляріей въ Петербургѣ. Эти бумаги представляютъ драгоцѣнный источникъ для изучанія народнаго настроенія въ царствованіе Петра. Основную мысль легендъ подсказали наблюденія, поразившія народъ съ самаго начала царствованія Петра. Петръ далъ почувствовать народу плоды своей дѣятельности прежде всего увеличеніемъ государственныхъ тягостей. Тягости не были новостью для московскаго общества, онѣ чувствовались и въ XVII в., но тогда отвѣтственность за нихъ падала не на царя, а на его сотрудниковъ. Царь сидѣлъ гдѣ то далеко и высоко, окруженъ былъ неземнымъ величіемъ; во всемъ винили средостѣніе, стоявшее между народомъ и царемъ—боярское правительство. Петръ спустился съ этой заоблачной высоты, вошелъ въ непосредственное сношеніе съ народомъ, и народу, которому всегда нужно живое лицо, живая власть теперь стало уже не на кого сваливать отвѣтственаость за тягости, какія чувствовались.

Петръ явился передъ народомъ, какъ былъ, простымъ земнымъ царемъ. Онъ былъ странный царь, являлся съ непривычной физіономіей, какой никогда не видалъ народъ въ старыхъ царяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ явился съ топоромъ въ рукѣ и съ трубкой въ зубахъ, работалъ какъ матросъ, одѣвался и курилъ какъ нѣмецъ и ругался и дрался, какъ гвардейскій офицеръ, пилъ, какъ солдатъ. Эта необычная физіономія царя и задала народному уму работу. Работа эта направлена была на разрѣшеніе вопроса,—да подлинный ли это царь? Бумаги Преображенскаго приказа даютъ возможность слѣдить, какъ изъ народныхъ жалобъ складывалось сказаніе о самозванствѣ Петра. Крестьяне говорили: «какъ Богъ его намъ на царство послалъ, такъ мы свѣтлыхъ дней и не видѣли, тяготы на міръ, рубли да полтины, да подводы, отдыха нашей братіи, крестьянству, нѣту.» Сынъ боярскій вторилъ крестьянину: «какой онъ царь, всю нашу братію на службу выволокъ, а людей нашихъ и крестьянъ въ даточные побралъ. Никуда отъ него не уйдешь, всѣ на плотахъ (морскихъ работахъ) распропали. И какъ это не убьютъ его? Какъ бы убили, такъ бы служба миновалась и черни стало бы легче». Въ то же вреля на портомойнѣ солдатскія жены развивали свою политическую философію. «Какой онъ царь? Мужей нашихъ въ солдаты побралъ, всѣхъ крестьянъ съ домами разорилъ, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ вѣкъ плакать». Холопъ подхватывалъ и вторилъ: «Какой онъ царь? Онъ врагъ, оморокъ мірской. Однако, сколько ему по Москвѣ не скакать, а быть ему безъ головы». Образъ дѣйствій царя повелъ работу народнаго творчества къ отвѣту на вопросъ, подлинный ли онъ царь. Царь поѣхалъ за границу, а какъ пріѣхалъ—сталъ снимать колокала съ церквей, да переливать въ пушки; стрѣльцовъ переказнилъ за ихъ преданность старинѣ. Люди, задумываясь надъ причинами совершившагося, обратили вниманіе на то, что царь все возится съ иноземм-

цами. Такимъ образомъ, первымъ фазисомъ въ развитіи легенды является мысль, что нѣмцы царя испортили. «Часъ добрый найдетъ— все хорошо; а въ иной часъ—такъ рветъ и мечетъ. Вотъ уже и на Бога наступилъ: съ церкви колокола снимаетъ».

Поѣздка Петра за границу указала дальнѣйшій путь развитію легенды, вызвала второй фазисъ въ ея развитіи. Всѣ новшества пошли съ возвращенія Петра изъ за границы: онъ началъ брить бороду и усы, ходить въ нѣмецкомъ платьѣ, курить табакъ; царь измѣнилъ даже православный календарь, развелся съ царицей Авдотьей и взялъ нѣмку дѣвку Монсъ. Въ обществѣ, вѣроятно слыхали, что молодой Карлъ XII отправляясь въ 1700 г. для борьбы со своими врагами, оставилъ на родинѣ сестру свою, Ульрику Элеонору, которая сдѣлалась его преемницей, вѣроятно слыхали и о непріяностяхъ, какія потерпѣлъ Петръ въ Ригѣ. Соединяя по своему событія времени, народное воображеніе и составило такую легенду. Петръ не настоящій царь, не сынъ Наталіи Кирилловны, «онъ сынъ нѣмки», говорили одни, «да Лефорта», прибавляли другіе. «Какъ царица Наталія Кирилловна, отходила, и въ то число говорила ему: ты, де, не сынъ мой, ты подкидышъ. Вотъ велитъ носить нѣмецкое платье; знатно, что отъ нѣмки родился». Такой разсказъ разъ подслушала полиція на портомойнѣ.

Въ обществѣ стали говорить: «за границу поѣхалъ Петръ—это вѣрно; да, Петръ ли точно оттуда воротился?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сложилась такая легенда, ходившая по различнымъ классамъ общества. „Какъ государь съ ближними людьми былъ за моремъ, ходилъ онъ по нѣмецкимъ землямъ и пришелъ въ Стекольное царство (Стокгольмъ), а то Стекольное царство въ нѣмецкой землѣ держитъ дѣвица, та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковородку, да, снявъ съ той сковороды велѣла бросить въ темницу. И была та дѣвица именинница; стали ей говорить ея князья и бояре: пожалуй, государыня, ради такого дня выпусти его, государыня. Она имъ сказала: пойдите, посмотрите—коль онъ живъ, валяется, я его для васъ выпущу». Тѣ, посмотря, ей сказали: томенъ, государыня.—Ну, коли томенъ, такъ вы его выньте. И они его, вынувъ, отпустили. Пришелъ онъ къ нашимъ боярамъ, и они, перекрестясь, сдѣлали бочку, набили въ ней гвоздья, да въ ту бочку хотѣли его, государя, положить. Увѣдалъ про это стрѣлецъ и, прибѣжавъ къ государю, сказалъ: царь-государь, изволь встать и выйти; ничего ты не вѣдаешь, что надъ тобой чинится. И онъ, государь, всталъ и вышелъ, а стрѣлецъ легъ на его мѣсто. Пришли бояре, да того стрѣльца, съ постели схватя, положили въ ту бочку и выкинули въ море». Легента въ первое время не имѣла конца, не знаю, что сталось дальше съ государемъ; но потомъ придѣланъ былъ и конецъ. «Нашъ государь въ нѣмцахъ; теперь царствуетъ нѣмчинъ, а нашъ государь за моремъ—въ бочку положенъ и въ море пущенъ». По смерти Петра легенда измѣнилась. Петра похоронили при жизни и воскресили по смерти. По этой новой редакціи, Петръ освободился изъ плѣна: именно, его освободилъ обманомъ русскій купецъ, бывшій въ Стокгольмѣ. Разсказчикъ легенды удивлялся—„какъ это о сю пору государь не объявится въ своемъ государствѣ".

Очевидно, легенда о самозванствѣ Петра выработалась въ тяглой

средѣ. Легенда о Петрѣ-антихристѣ развилась въ церковномъ обществѣ. Какъ мы видѣли, это общество было взволновано въ XVII в. болѣзнію, которую можно назвать латыно-боязнью. Оно стало привыкать къ печальной мысли что государственное и церковное правительство теперь уже болѣе не охраняетъ стариннаго русскаго обычнаго порядка, и теперь самому обществу нужно было заботиться объ этомъ порядкѣ. При Петрѣ и развилась въ церковномъ обществѣ, вѣрномъ старинѣ, упорная наклонность къ самопожертвованію за старину. Есть мелкій, но характерный случай, указывающій на это. Въ 1703 г. одинъ нижегородецъ, посадскій человѣкъ Андрей Ивановъ, пришелъ въ Москву сообщилъ государю, что «онъ, государь, вѣру православную разрушаетъ, велитъ бороду брить, платье нѣмецкое носить, табакъ тянуть; такъ обличить его, государя, во всемъ этомъ и пришелъ онъ Андрей Ивановъ.» И только—больше ничего. Разумѣется, съ нимъ было поступлено по закону. Въ 1700 г. Петръ измѣнилъ лѣтосчисленіе: велѣно было считать отъ рождества Христова, а не отъ сотворенія міра. Это уже прямо затрогивало старинный церковный порядокъ. Люди болѣе серіознаго образа мыслей не довольствовались сказаніемъ о самозванствѣ Петра, а искали болѣе глубокаго источника неслыханныхъ и непонятныхъ новшествъ. Изъ этого источника возникла легенда о Петрѣ-антихристѣ. Легенда эта создалась на поонежскомъ сѣверѣ, особенно тронутомъ расколомъ, куда бѣжали многіе подвижники древняго благочестія. Мы ее и встрѣчаемъ уже въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ, относящемся къ 1704 г. Въ одномъ изъ поонежскихъ погостовъ священникъ и дьячекъ, вышедши изъ церкви послѣ литургіи, разговорились о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Дьячекъ сказалъ: «вотъ нынѣ велятъ лѣтопись вести съ Рождества Христова». Священникъ прибавилъ: «да, и я слышалъ въ волости, что у Великаго поста недѣли убавлены, а послѣ Ѳоминой учнутъ въ середы и пятки весь годъ молоко и мясо ѣсть». На сѣверѣ развилась еще до Петра страшная форма борьбы съ новшествами---самосожигательство. Дьячекъ, имѣя въ виду это послѣднее средство спасенія, сказалъ: «какъ пришлютъ эти указы къ намъ въ погосты, и будутъ люди по лѣсамъ жить и горѣть, пойду и я съ ними въ лѣса жить и горѣть».---Возьми и меня съ собой: знать, что нынѣ житье къ концу приходитъ,—добавилъ священникъ. Въ томъ же году одинъ ладожскій стрѣлецъ, возвращаясь домой изъ Новгорода, повстрѣчалъ старца невѣдомаго, съ которымъ разговорился о событіяхъ времени: «Нонѣ какое христіанство», говорилъ старецъ, «нонѣ вѣра все по новому. У меня есть книги старыя, а нонѣ эти книги жгутъ». Когда зашла рѣчь про государя, старецъ продолжалъ: «какой онъ намъ, христіанамъ, государь? Онъ не государь, а латышъ: поста не соблюдаетъ; онъ льстецъ, антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы. Что онъ головой запрометываетъ и ногой запинается и то его нечистый духъ ломаетъ (намекъ на нервныя конвульсіи Петра.) Онъ и стрѣльцовъ переказнилъ за то, что они его еретичество знали, а стрѣльцы прямые христіане были, не басурмане. Вотъ солдаты тамъ всѣ басурмане: поста не почитаютъ». Стрѣлецъ заступился за государя, говоря, что онъ царскаго племени. Старецъ возразилъ: «у него мать была какая царица? Она еретица была, все дѣвокъ рожала». Старецъ признался стрѣльцу, что, онъ подвижникъ древняго благочестія. Когда стрѣлецъ спросилъ его

гдѣ онъ живетъ, старецъ отвѣчалъ: «я живу въ Заонежьи, въ лѣсахъ; ко мнѣ лѣтомъ дороги нѣтъ, есть только зимняя, да и то на лыжахъ».

Эти черты народнаго настроенія, взятыя прямо изъ дѣлъ полицейскаго учрежденія, всего лучше вскрываютъ намъ, какъ мало сочувствія встрѣтилъ Петръ въ народной массѣ, благодаря торопливости, принудительности и неясности программы своей преобразовательной дѣятельности. Дальнѣйшія явленія нашей исторіи покажутъ намъ скрытое дѣйствіе этой оппозиціи, которую встрѣтили реформы въ народной массѣ. Помыслы Петра о народномъ благѣ, объ обезпеченіи внѣшняго значенія и внутренняго благосостоянія, не отразились въ этихъ дѣлахъ Преображенскаго приказа ни одной чертой.

Реформы пронеслись надъ народомъ, какъ тяжелый миражъ, всѣхъ испугавшій и никому не понятный.

Составъ русскаго общества въ 1723 и 1867 гг.

Чтобы видѣть направленіе, въ какомъ вели жизнь новыя, обнаружившіяся въ ней по смерти Петра, теченія, достаточно сравнить сосоставъ русскаго общества по окончаніи первой ревизіи, въ исходѣ царствованія Петра, съ тѣмъ составомъ, какой оно приняло спустя полтора вѣка.

Какъ извѣстно, старый московскій государственный порядокъ основанъ былъ на принудительной разверсткѣ государственныхъ повинностей между классами русскаго общества. Петръ, совершивъ болѣе точную разверстку этихъ повинностей, задавши каждому крупному классу, кромѣ общихъ государственныхъ обязанностей, особыя спеціальныя задачи, довелъ это старое политическое начало до высшей степени напряженія. Такой характеръ его дѣятельности обнаруживается и въ строѣ народнаго хозяйства, имъ созданнаго или довершеннаго.

Петръ ввелъ государство въ новыя, болѣе широкія границы, которыя на сѣверо-западѣ, послѣ Ништатскаго мира (1721 г.), почти совпадали съ естественными географическими предѣлами страны. Этой границей служилъ здѣсь восточный берегъ Балтійскаго моря, и тогда въ Финляндіи пограничная черта шла на сѣверъ отъ финскаго залива подъ Выборгъ. Въ этихъ границахъ государство получило новыя, болѣе обильныя матеріальныя средства. Народонаселеніе государства въ новыхъ предѣлахъ достигло приблизительной цифры въ 15 милліоновъ. За то народное хозяйство получило одностороннее, искусственное направленіе. Вслѣдъ за арміей, народный трудъ, если можно такъ выразиться, повернутъ былъ фронтомъ къ сѣверо-западу. Вся экономическая работа страны направилась къ новой столицѣ здѣсь возникшей.

Въ началѣ царствованія, какъ намъ извѣстно, Петръ для укрѣпленія связей съ западной Европой, думалъ направить народный трудъ въ другую сторону,—къ Черному морю, чтобы сноситься съ Европой черезъ Босфоръ. Какъ извѣстно, на Азовскомъ берегу была начата или задумана постройка гаваней. Петръ думалъ соединить съ Чернымъ моремъ внутренніе водные пути двумя каналами. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ связать Донъ съ Волгой, черезъ рѣки Камы-

шенку (притокъ Волги) и Иловлю (притокъ Дона). Второй долженъ былъ соединить рѣку Оку съ Дономъ, посредствомъ притока первой Упы (на которой стоитъ Тула).

Неудача, понесенная Петромъ на Прутѣ, вмѣстѣ съ начавшейся ранѣе Сѣверной войной, обратили дѣятельность Петра въ другую сторону. Всѣ промышленныя, какъ и вооруженныя, силы страны направлены были на сѣверо-западный уголъ равнины. Центральные водные пути были соединены съ Балтійскимъ моремъ, Вышневолоцкой системой посредствомъ очень остроумнаго подбора многочисленныхъ рѣкъ и озеръ, которымъ Волга черезъ Тверцу соединена была съ Волховомъ черезъ Мсту. Петръ задумалъ соединить Волгу съ Онежскимъ озеромъ, устроивъ каналъ между притокомъ озера Вытегрой и притокомъ Бѣлаго озера—Ковжей. Этотъ планъ осуществленъ быль впослѣдствіи и образовалъ извѣстную Маріинскую систему. Вмѣсто неудобной и извилистой дороги между Петербургомъ и Москвой, пролегавшей на 750 верстъ, Петръ составилъ планъ прямой грунтовой дороги, которая сокращала разстояніе между столицами на 150 верстъ. Онъ построилъ 120 верстъ этой дороги отъ Петербурга, но потомъ бросилъ дѣло, встрѣтивъ неодолимыя препятствія въ новгородскихъ лѣсахъ и болотахъ. Такимъ образомъ, искусственными, какъ и естественными путями сообщенія снабжена была сѣверная, наименѣе производительная половина Европейской Россіи, и скуднѣе снабжена была ими половина южная, гдѣ народный трудъ находилъ наиболѣе производительное приложеніе. Несмотря на эту искусственность направленія, сообщеннаго народному хозяйству, Петръ успѣлъ добиться значительныхъ успѣховъ въ развитіи промышленности и торговли. Гогда черезъ два послѣ его смерти Россія вывозила за границу на 3.400.000 рублей, а ввозила на 1.600.000 руб.; разница 300.000 руб. оставалось въ пользу народнаго труда. Чтобы понять значеніе этихъ цифръ, не мѣшаетъ замѣтить, что рубль временъ Петра равнялся 9-ти нынѣшнимъ. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе 150 лѣтъ, русскій вывозъ рѣшительно преобладаетъ надъ ввозомъ, и даже въ настоящее время иногда беретъ верхъ. По оффиціальнымъ даннымъ, заграничный вывозъ въ 1883 г. составлялъ 53% всего оборота нашей внѣшней торговли; какъ вы видите, при Петрѣ онъ сотавлялъ 60 проц.

Чтобы видѣть направленіе, въ какомъ стала измѣняться русская жизнь и особенно народное хозяйство, достаточно сопоставить составъ общества въ концѣ царствованія Петра съ тѣмъ, какой оно имѣетъ въ настоящее время. Я вамъ сейчасъ изображу эту сравнительную табличку. Статистическія данныя—наиболѣе осязательныя, понятныя формы историческихъ фактовъ, и поэтому необходимо ихъ изученіе, какъ скоро историческіе источники даютъ къ тому возможность.

Въ послѣдніе годы царствованія Петра жилъ въ Россіи, занимая должность секретаря прусскаго посольства, иноземецъ Фокеродтъ. Въ 30-хъ годахъ, лѣтъ 15 спуста по смерти Преобразователя, Фокеродтъ сдѣлалъ описаніе состава Россіи въ царствованіе Петра. Фокеродтъ, кажется, руководился статистическими данными, какія добыты были первой ревизіей и перечислилъ различные классы русскаго общества. По его свидѣтельству, дворянъ въ коренныхъ областяхъ Россіи, не считая областей новопріобрѣтенныхъ, т. е. остзейскихъ про-

винцій съ частью Финляндіи, числилось во время первой ревизіи около полумилліона лицъ обоего пола. Разумѣется, цифра эта и слѣдующія— всѣ приблизительныя. Приказныхъ людей числилось до 200 тысячъ; духовенства, бѣлаго и чернаго, съ семьями перваго—300 тысячъ, городскихъ состояній, купечества и торгово-промышленнаго населенія— 345 т. Эта цифра добыта первой ревизіей и извѣстна намъ и безъ Фокеродта. Сельскаго населенія крестьянъ, насчитывалось около 11.590.000; эта цифра находится черезъ умноженіе на 2 суммы тяглыхъ городскихъ обывателей, сосчитанныхъ первой ревизіей. И того населенія оказывается 12.935.000. Остальною частью населенія были обыватели остзейскихъ провинцій съ частью Финляндіи, далѣе, казаки и различные восточные инородцы, сибирскіе и приуральскіе. Эти три части населенія и не вошли въ счетъ. Всего ихъ считалось во время Фокеродта около 2.200.000. Итакъ, общее количество населенія по окончаніи первой ревизіи, т. е. послѣ 1721 г. можно считать въ 15 милліоновъ съ чѣмъ нибудь—приблизительно въ 15.135.000. Выводимъ процентное отношеніе различныхъ классовъ общества въ коренныхъ внутреннихъ областяхъ. Дворянъ оказывается 3,8 проц., приказныхъ людей—1,5 проц., духовенства—2,3 проц., городскихъ состояній— 2,6 проц., сельскаго населенія—89,6 проц. Остальныя области съ инородцами и казаками составляютъ около 14 проц. всей суммы населенія. Соціальный составъ этого населенія, только что вошедшаго въ предѣлы имперіи, насъ не касается.

Теперь беремъ населеніе Великороссіи, Малороссіи, литовскихъ, остзейскихъ и новороссійскихъ губерній (безъ Кавказа, безъ Финляндіи, безъ Царства Польскаго), по даннымъ 1867 г., и посмотримъ, въ какомъ отношеніи измѣнился общественный составъ. Вся масса населенія—63 мил., мы беремъ, разумѣется, приблизительную цифру (на самомъ дѣлѣ населенія было 63.658.000). Дворянъ потомственныхъ числилось 533.000; личныхъ дворянъ (прежнихъ приказныхъ служилыхъ людей)—303.000; духовенства—624.000; городскихъ сословій— 5,743,000; сельскихъ состояній—52½ мил. Сюда слѣдуетъ прибавить военное сословіе, т. е. служащихъ въ постоянной арміи, съ ихъ семействами, не считая военныхъ лицъ, по положенію принадлежащихъ къ другимъ классамъ, числилось его съ небольшимъ 3½ милліона. Трудно сказать, въ общемъ счетѣ Фокеродта принята ли была военная армія. Это составляетъ значительную долю въ общемъ составѣ населенія—5,7 проц.

Сравнительная таблица.

Сословія.	Въ 1723 году.		Въ 1867 году.	
Дворянство . .	500.000	3,8 проц.	533.000	0,8 проц.
люди. (личн. дворяне)	200.000	1,5 »	303.000	0,48 »
Духовенство .	300.000	2,3 »	624.000	0,98 »
Городскія сосл.	345.000	2,6 »	5.743.000	9 »
Сельское сосл.	11.590.000	89,6 »	52.500.000	82 »
Военное сосл. .			3.500.000	5,7 »

Если сравните составъ общества въ 1723 г. и спустя 150 лѣтъ, вы увидите направленіе, въ какомъ измѣнилось наше общество, и вы можете уловить, такимъ образомъ, основной фактъ нашей исторіи въ теченіе второй половины четвертаго періода. Прежде всего общественный составъ въ 1867 г. немного сложнѣе того, какой имѣло общество 150 лѣтъ назадъ. Но не считая иностранцевъ и лицъ не принадлежащихъ къ означеннымъ сословіямъ, которыхъ въ 1867 г. считалось около полумилліона, мы увидимъ что основные классы общества тогда, какъ и теперь, почти одни и тѣ же, но глубоко измѣнилось ихъ количественное отношеніе другъ къ другу. Внутри общества шла усиленная работа. Стало быть русскому обществу оказалось не подъ силу содержать три сословія въ томъ количественномъ составѣ, какой они имѣли въ началѣ XVIII в.; дворянъ потомственныхъ, приказныхъ людей и духовенства стало теперь, спустя 150 лѣтъ послѣ смерти Петра, гораздо меньше, чѣмъ было прежде. Число дворянъ, напр., уменьшилось въ отношеніи къ другимъ классамъ почти въ 5 разъ, духовенства—въ $2^1/_2$ раза. За то увеличилось вчетверо процентное отношеніе городскихъ состояній, торгово-промышленныхъ классовъ. Это и указываетъ на направленіе, въ какомъ измѣнился составъ общества. Дворянство, приказные люди и духовенство—это классы, вызванные нуждами государства или нуждами церкви, находящіеся подъ покровительствомъ государства. Напротивъ. городскія состоянія развивались вслѣдствіе естественнаго движенія народнаго труда, т. е. по мѣрѣ увеличенія народнаго, оборотнаго капитала, составляющаго осадокъ отъ народнаго труда. Значитъ, общество 150 лѣтъ назадъ было составлено болѣе искусственно, чѣмъ теперь. Остановясь на этомъ наблюденіи, мы и получимъ возможность наглядно представить себѣ направленіе, въ какомъ шла наша народная жизнь.

Составъ, какой имѣло русское общество во время первой ревизіи, былъ плодомъ принудительной сословной разверстки спеціальныхъ государственныхъ повинностей, которая прикрѣпила людей къ извѣстнымъ государственнымъ состояніямъ. Перемѣны, происшедшія въ этомъ составѣ въ продолженіи полутора вѣка, показываютъ что общественнымъ силамъ и интересамъ предоставлено было болѣе простора для свободнаго, естественнаго развитія. Въ этомъ и состоитъ коренной фактъ, сообщившій второй половинѣ четвертаго періода нашей исторіи особый характеръ, которымъ она отличается отъ предшествующей половины.

Принудительное направленіе народнаго труда, доведенное до высшей степени въ царствованіе Петра, далѣе стало слабѣть, и общественныя силы получили возможность болѣе свободнаго развитія. Этотъ фактъ повелъ къ постепенному осообожденію сословій отъ спеціальныхъ государственныхъ повинностей, или къ государственному раскрѣпленію сословій. Движеніе это началось сверху общества, съ дворянства. Со смерти Петра это сословіе, обязательно несшее поголовную воинскую повинность, постепенно освобождается отъ своихъ обязанностей, но удерживаетъ свои прежнія права, и даже пріобрѣтаетъ новыя. Этимъ дворянство открыло дорогу къ освобожденію отъ спеціальныхъ повинностей и другимъ низшимъ классамъ нашего общества. Вмѣстѣ съ этимъ политическимъ раскрѣпленіемъ въ дворянство проникаютъ съ Запада новыя политическія понятія, выработанныя

западно-европейской государственной жизнью и незнакомыя старой московской Руси. Итакъ, раскрѣпленіе сословій, освобожденіе ихъ отъ спеціальныхъ сословныхъ повинностей и, вмѣстѣ съ этимъ, болѣе свободное развитіе общественныхъ силъ и интересовъ, начавшееся съ того времени—вотъ основной фактъ нашей исторіи во второй половинѣ четвертаго періода. Явленія, въ которыхъ онъ обнаружился, условія, которыя его вызвали, и послѣдствія, къ которымъ онъ привелъ, и составятъ предметъ нашего изученія.

Происхожденіе этого факта будетъ понятно при взглядѣ на то положеніе, въ какомъ очутился высшій правительственный классъ по смерти Петра.

Составъ и характеръ высшаго правительственнаго класса по смерти Петра.

Мы видѣли въ какомъ настроеніи застала смерть Петра народную массу. Народъ не понималъ ни происхожденія, ни хода, ни цѣли реформъ. Рефора коснулась его только своими наиболѣе тяжелыми послѣдствіями. Гораздо шире захватила она высшій правительственный классъ, т. е. тотъ классъ, который служилъ ближайшимъ орудіемъ правительства. Этотъ классъ многообразными нитями былъ связанъ съ западной Европой. Реформа Петра ввела Россію въ число дѣятельныхъ членовъ европейской международной семьи, вовлекла Россію въ сложныя дипломатическія сношенія съ Европой и дала ей вліятельный голосъ въ международной политикѣ. Эти сложныя связи и заставили высшій правительственный классъ и по смерти Преобразователя поневолѣ поддерживать сношенія съ западной Европой.

Къ тому же составъ этого класса содѣйствовалъ поддерживанію этихъ связей. Наверху общества, близко къ престолу, по смерти Петра уцѣлѣло немного людей старинной знати, московскаго боярства; нѣсколько князей Голицыныхъ, да князей Долгорукихъ, князь Рѣпнинъ, Борисъ Шереметьевъ—вотъ почти и всѣ представители старинной московской аристократіи, бывшіе видными государственными дѣльцами въ царствованіе Петра.

Гораздо больше элементовъ вошло въ составъ правительственнаго класса, сформировавшагося при Петрѣ изъ средняго дворянства и даже изъ низшихъ слоевъ его. Таковъ былъ свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, неважный дворянинъ по происхожденію, дворцовый конюхъ по отцу; далѣе канцлеръ Головкинъ, самъ Головинъ, Толстой, генералъ-адмиралъ Апраксинъ—всѣ эти видные дѣльцы, сотрудники Петра, были членами дворянскихъ фамилій очень скромнаго генеалогическаго значенія. Рядомъ съ этими государственными новиками, недавно всплывшими наверхъ, при Петрѣ стало множество «чужаковъ», иноземцевъ, привлеченныхъ Петромъ къ работѣ за свои личныя качества. Таковъ былъ первый генералъ-прокуроръ сената, Ягужинскій, сынъ органиста при лютеранской церкви, въ молодости, какъ говорили про него, пасшій свиней; таковъ былъ вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, крещенный еврей, сидѣвшій въ молодости мальчикомъ въ лавочкѣ и, какъ разсказывали нѣкоторые, бывшій даже дворовымъ человѣкомъ у одного барина въ Москвѣ. Таковы были даже самые видные дѣльцы временъ

Петра—баронъ Остерманъ, сынъ вестфальскаго пастора, генералъ-полицмейстеръ Петръ Девіеръ, который мальчишкой пріѣхалъ въ Петербургъ на португальскомъ кораблѣ. Всѣ эти люди столь пестраго происхожденія, представлявшіе своею совокупностью чуть не всю западную Европу, разумѣется, не имѣли побужденія разрывать связей съ покинутыми своими отечествами. Притомъ, въ этомъ кругу пустили уже корни и начатки западно-европейскаго образованія, которые привлекали къ западной Европѣ и умственное, и нравственное сочувствіе этихъ людей.

Петръ хотѣлъ сдѣлать дворянство проводникомъ техническаго образованія, военно-промышленной техники. Съ этой цѣлью онъ массами посылалъ дворянъ за границу учиться артиллеріи, мореплаванію, инженерному искусству. Всѣ эти техническія науки очень туго прививались къ русскому дворянству; русскій дворянинъ съ трудомъ умѣлъ становиться инженеромъ или капитаномъ корабля. Но, если послѣ Петра обнаруживался и все усиливался упадокъ техническихъ познаній въ дворянствѣ, то знакомство съ западной Европой не проходило для него безслѣдно; многіе, живя за границей, присматривались къ тамошнимъ порядкамъ. Обязательное обученіе грамотѣ и цифрѣ, установленное Петромъ, давало дворянству очень скудный запасъ научныхъ свѣдѣній, но зато оно пріучало къ процессу выучки и пробуждало хотя нѣкоторый вкусъ къ знанію. Дворянинъ за границей плохо учился тому, за чѣмъ его посылали, но вообще онъ пріучался къ чему-нибудь и часто научался тому, за чѣмъ его не посылали.

Самъ Петръ поддерживалъ въ дворянскомъ сословіи вкусъ къ знанію и книжно-литературному образованію. Съ 1703 г. по его указу, стало издаваться періодическое изданіе—«куранты, или вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и иныхъ странахъ». Въ 1701 г. въ Москвѣ на Красной площади, по указу Петра, построена была деревянная «комедійная храмина»,—общедоступный театръ, въ которомъ выписанная изъ-за границы труппа представляла различныя переводныя пьесы; въ числѣ ихъ появился и Мольеровъ «Докторъ Принужденный». Въ 1703 г. Петръ назначилъ воспитателемъ своего старшаго сына, царевича Алексѣя, питомца Лейпцигскаго унивирситета Нейгебауера, а въ 1715 г. онъ приставилъ къ своимъ старшимъ дочерямъ, царевнамъ Аннѣ и Елизаветѣ, француза Рамбура, для обученія ихъ французскому и нѣмецкому языкамъ. Извѣстно, что Петръ хлопоталъ объ устройствѣ обученія дворянства «гражданству и экономіи», чтобы приготовить часть этого сословія къ гражданской службѣ.

Рядомъ съ правительственными школами, военными и техническими, въ которыхъ дворяне получали обязательное образованіе, возникаютъ и частныя учебныя заведенія не съ техническимъ характеромъ. Взявъ Маріенбургъ въ Ливоніи, Петръ плѣнилъ здѣсь нѣкоего пастора Глюка, у котораго въ услуженіи жила будущая императрица Екатерина. Этотъ пасторъ Глюкъ былъ самый обыкновенный сельскій пасторъ, но онъ имѣлъ въ глазахъ Петра большой педагогическій авторитетъ, и царь не разъ обращался къ нему за совѣтами по школьному дѣлу. Въ 1703 году этотъ Глюкъ съ казенной субсидіей учредилъ любопытную школу для обученія русскаго, преимущественно дворянскаго, юношества. Глюкъ принялся за обученіе очень

просто; для русскаго православнаго юношества онъ паревелъ нѣмецкую грамматику, катехизисъ Лютера, перевелъ лютеранскіе церковные гимны плохими русскими стихами, а для преподаванія Закона Божія выписалъ нѣмецкихъ студентовъ богословія. Онъ съ большой помпой и самоувѣренностью публиковалъ программу своего заведенія, обѣщая учить въ немъ русскихъ молодыхъ людей „яко мягкую и всякому изображенію угодную глину, географіи, физикѣ, политикѣ, латынской риторикѣ съ ораторскими упражненіями, языкамъ французскому, нѣмецкому, латынскому, греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, танцовальному искусству и поступи французскихъ и и нѣмецкихъ учтивствъ, рыцарской ѣздѣ и берейторскому обученію на лошадяхъ». Впослѣдствіи школа Глюка не оправдала ожиданій, которыя возлагалъ на нее Петръ, и казенная субсидія отнята была у пастора-педагога. Вотъ почему мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ этой школы.

Дѣлая дворянство проводникомъ техническаго образованія въ Россіи, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ старался сдѣлать его орудіемъ для распространенія свѣтскости, приличія и манеръ въ русскомъ обществѣ. Съ 1708 г. у насъ начали печататься книжки новымъ гражданскимъ шрифтомъ; приближеннымъ по характеру начертаній къ латинскому алфавиту. Легко понять, какая была первая книга, напечатанная по распоряженію правительства, новымъ гражданскимъ шрифтомъ; это была «Геометрія, славенски землемѣріе». Но еще любопытнѣе вторая книга, изданная тѣмъ же шрифтомъ; это былъ письмовникъ, или «Приклады, како пишутся комплименты разные». Во второй половинѣ царствованія Петра, по его указу, издана была другая переводная книга подъ заглавіемъ «Юности честное зерцало». Эта книга, выдержала послѣ нѣсколько изданій, самый обыкновенный букварь, сопровождающійся наставленіями, какъ благородному молодому человѣку слѣдуетъ себя держать въ обществѣ и особенно при дворѣ; это— учебное руководство великосвѣтскихъ манеръ и приличія. Воспитаніе по этому руководству должно было выработать вполнѣ свѣтскаго человѣка, съ нетвердыми правилами нравственности, это правда, но хорошо знающаго, какъ держать себя въ свѣтѣ, гдѣ и у кого чего искать. Онъ долженъ былъ знать, какъ вести себя со старшими или съ ровней, на какой дистанціи отъ встрѣтившагося дѣлать поклонъ, какъ снимать и на какой сторонѣ держать шляпу и т. д. Такимъ образомъ, дворянство еще при Петрѣ получило по оффиціальному порученію очень много гражданскихъ назначеній. Для распространенія элементарныхъ свѣдѣній объ общественности и правѣ среди дворянъ, Петръ въ 1724 г. поручилъ Святѣйшему синоду перевести и издать трактактъ извѣстнаго публициста того времени Пуффендорфа «О должностяхъ человѣка и гражданина». Итакъ, гвардейскій солдатъ и гардемаринъ во флотѣ дворянинъ, долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, пересаживать и культивировать въ Россіи ловкость, свѣтскія манеры и политическія и гражданскія понятія. Со времени Петра всего болѣе обогащается преимущественно историко-политическая литература, которая, какъ намъ извѣстно, занимала очень скромное мѣсто въ составѣ древне-русской письменности.

Верхній слой дворянства, правительственный классъ, по смерти Петра немногимъ лучше народной массы понималъ его дѣятельность,

происхожденіе, смыслъ и цѣль реформъ. Въ этомъ классѣ замѣтно обнаружился недостатокъ руководящихъ идей, ясныхъ опредѣленныхъ политическихъ стремленій. Причиной этого былъ характеръ этого класса, лучше сказать подборъ его. Всѣ эти люди были похожи на своего вождя; то были все мастера, спеціалисты какого-нибудь дѣла. Они вступили на указанный имъ Преобразователемъ путь безъ всякой предварительной подготовки, учились дѣлу, ведя его. Какъ и ихъ великій вождь, они, знатоки и мастера деталей, не любили вдумываться въ общій планъ своихъ дѣйствій, обдумывать ихъ дальнѣйшія послѣдствія. Притомъ, эти люди среди тревогъ преобразовательной дѣятельности Петра сами не замѣтили, какъ они вышли изъ стариннаго чапорнаго, но строгаго чина жизни, созданнаго древней Русью, и, выйдя изъ него даже не замѣтили, какъ они его разрушили. Это было большимъ несчастіемъ, потому что старинная натянутость и чапорность была хороша тѣмъ, что сдерживала страсти и дурныя привычки. Теперь эти люди, ближайшіе сотрудники Петра, почувствовали себя на полной свободѣ; они не только послѣ смерти Преобразователя, но и при его жизни обнаруживали безпримѣрную разнузданность, отвагу не останавливающуюся ни передъ чѣмъ Почти не было ни однаго виднаго сотрудника у Петра, который бы не побывалъ подъ судомъ за недобросовѣстное веденіе дѣла. Казнокрадство, нечистота на руку, стали хронической болѣзнью, за которую нѣкоторые и сложили свои головы на плахѣ. Самый даровитый изъ сотрудниковъ, свѣтлѣйшій Меньшиковъ, и здѣсь шелъ впереди товарищей. Петръ часто выходилъ изъ себя отъ недобросовѣстности своего даровитаго любимца, котораго много разъ спасала отъ царскаго гнѣва только императрица, столь много обязанная свѣтлѣйшему. Разъ Петръ въ раздраженіи на Меньшикова сказалъ императрицѣ, за него ходатайствовавшей: «Меньшиковъ въ беззаконіи зачатъ, и во грѣхахъ родила его мать, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой; и если не исправится—быть ему безъ головы». Не даромъ сынъ мелкаго придворнаго конюха составилъ состояніе въ сто тысячъ душъ. Разъ Петръ, слушая доклады, все по дѣламъ о недобросовѣстности чиновниковъ, пришелъ въ такое раздраженіе, что тотчасъ велѣлъ издать именной указъ, который гласилъ бы, что кто украдетъ хоть на столько, на сколько можно купить веревку, долженъ быть повѣшенъ. Око государя, блюститель закона и права въ сенатѣ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій, возразилъ Петру на это:—Ваше Величество, можетъ быть хотите царствовать одинъ, безъ слугъ и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ; только одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой.—Петръ разсмѣялся и оставилъ дѣло безъ послѣдствій. Впрочемъ въ послѣдній годъ царствованія онъ сталъ внимательнѣе слѣдить за всѣми дѣлами по управленію и преимущественно за дѣлами о недобросовѣстности служащихъ. Оберъ-фискалъ Мининъ, докладывая ему эти дѣла, разъ по свидѣтельству названнаго нами Фокеродта, будто бы спросилъ: «Обрубать ли одни сучья или положить топоръ на самые корни?»—«Рубить все до тла», отвѣчалъ ему Петръ. «Такъ что, добавляетъ Фокеродтъ, если бы Петръ прожилъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, міръ услыхалъ бы о многихъ и великихъ казняхъ».

По смерти Петра этотъ правительственный кружокъ, дѣловой, хотя и мало образованный, лучшимъ представителемъ котораго былъ

мастеръ на всѣ руки кн. Меньшиковъ, съ трудомъ выводившій свою фамилію чертами, которыя только при извѣстномъ напряженіи воображенія можно было принять за буквы,—почувствовалъ себя на полномъ просторѣ. Этотъ кружокъ, по мысли Преобразователя, долженъ былъ и послѣ него руководить той тяжелой и сложной работой, которую Преобразователь задалъ народу. Но мы видѣли, что народъ сталъ въ такое отношеніе къ реформѣ, которое помѣшало ему дѣйствовать послѣ Преобразователя въ указанномъ имъ направленіи. Точно также и руководство этой работой, которое лежало на правительственномъ классѣ, требовало большихъ техническихъ познаній. Но правительственный классъ, оставшійся послѣ Петра и обновленный новыми членами, не имѣлъ охоты поддерживать въ своей средѣ это техническое образованіе на должной высотѣ. Послѣ Петра люди высшаго класса начали помышлять не столько о техническихъ познаніяхъ, сколько о государственныхъ вопросахъ. Въ немъ становилось все меньше мастеровъ и все больше политиковъ, которые думали больше о перестройкѣ государственнаго порядка согласно со вкусами извѣстныхъ лицъ или общественныхъ классовъ.

Благодаря этому положенію и настроенію руководящаго класса, въ нашей жизни со смерти Петра и обнаруживается проникновеніе началъ, которыя прежде не были замѣтны. Отсюда первымъ слѣдствіемъ такого характера и состава руководяшаго класса было, если не прекращеніе, то ослабленіе преобразовательной дѣятельности, начатой Петромъ. Народная масса не имѣла охоты продолжать эту работу, высшій классъ, кромѣ того, не имѣлъ достаточно средствъ для этого. Если низшіе классы не могли и не хотѣли вести преобразовательную работу съ прежней энергіей и въ прежнемъ направленіи, то вершина общества могла, но не хотѣла продолжать ее. Такимъ образомъ, у реформы Петра внизу общества не было опоры, а на верху не было способныхъ руководителей. Вотъ почему преобразоватвльная дѣятельность не завершилась послѣ Петра. То, что совершилось послѣ его смерти, вовсе не есть продолженіе начатаго при немъ; «недостроенная храмина», какъ называлъ Меньшиковъ Россію, по смерти Петра достроилась, но по другому плану. Вотъ эту, непредвидѣнную Преобразователемъ и несогласную съ его направленіемъ, достройку начатаго имъ зданія, мы и должны прослѣдить, изучая явленія, слѣдовавшія за смертью Преобразователя. Прежде всего, могущественное дѣйствіе на ходъ дѣлъ по смерти Петра оказала судьба опустѣвшаго съ его смертью престола.

Эпоха дворцовыхъ переворотовъ (1725—1762 гг.).

Я отмѣтилъ основное новое явленіе, которымъ отличается изучаемая нами вторая половина четвертаго періода нашей исторіи. Это новое явленіе пробивается среди старыхъ основныхъ фактовъ періода, мы его назвали стремленіемъ къ государственному раскрѣпленію сословій, т. е. къ освобожденію ихъ отъ спеціальныхъ государственныхъ повинностей, которыя были разверстаны между сословіями въ древней Руси. Сравнимъ составъ общества послѣ ревизіи въ 1767 г.; я указалъ источникъ, изъ котораго развивалось это новое явленіе. Мы

видѣли, что современи первой ревизіи замѣтно упало количественное отношеніе къ общей массѣ населенія тѣхъ сословій, которыя были вызваны и подготовлены государственными нуждами. Напротивъ, значительно возросло процентное отношеніе классовъ, которые создались движеніемъ частныхъ интересовъ—именно, накопленіемъ и работой народнаго капитала, сбереженій народнаго труда. Процентное отношеніе дворянства, служилаго класса и духовенства къ общей массѣ населенія уменьшилось; процентное отношеніе городского, торгово-промышленнаго класса увеличивалось. Значитъ, со смерти Петра стало слабѣть дѣйствіе государственныхъ потребностей, которыя вели къ принудительной разверсткѣ государственныхъ повинностей между классами общества; напротивъ, увеличилось сбереженіе народнаго труда, оставшееся за удовлетвореніемъ государственныхъ нуждъ. Государственное раскрѣпленіе сословій началось сверху общества, съ дворянства; мы начали изучать развитіе этого явленія и замѣтили, что подготовка его началась еще въ царствованіе Петра, въ эпоху самаго сильнаго напряженія принудительной работы народа въ пользу государства. Реформа впервые стала водворять среди дворянства рядъ понятій и чувствъ, которыя не согласны были съ прежнимъ строемъ политическихъ понятій московскаго общества.

Со смерти Петра рядъ событій продолжалъ эту подготовку. Въ этомъ ряду первое мѣсто занимаетъ судьба русскаго престола. Эта судьба русскаго престола со смертію Петра оказала могущественное дѣйствіе на политическое настроеніе дворянства, и дѣйствіе, несогласное съ духомъ и программой реформы Петра. Не думайте, что это дѣйствіе исходило изъ какого-либо особеннаго качества лицъ, занимавшихъ русскій престолъ со смерти Петра. Въ этомъ дѣйствіи главное значеніе имѣли не личныя свойства преемниковъ Петра, а тотъ политическій путь, которымъ они достигали престола. Припомнимъ рядъ этихъ преемниковъ съ 1725 г. по 1762 г., т. е. со смерти Преобразователя до воцаренія Екатерины II. То были вдова Преобразователя, его молодой внукъ, его племянница Анна, сынъ племянницы этой Анны—ребенокъ Іоаннъ, дочь Преобразователя Елизавета и другой его внукъ—племянникъ Елизаветы—Петръ. Это были люди взрослые или малолѣтніе, умные или очень посредственные; но важнѣе всего то, что всѣ эти лица совершенно случайно попадали на престолъ, безъ всякой подготовки къ государственной дѣятельности, иногда даже безъ способности вести ее, какъ, напримѣръ, ребенокъ Іоаннъ.

Причиной такой случайности царствованій, слѣдовавшихъ за смертью Преобразователя, частью былъ самъ Преобразователь. Въ древней Руси установилось при смѣнѣ преемниковъ два порядка престолонаслѣдія. При старой династіи господствовало завѣщаніе: сынъ наслѣдовалъ престолъ отца по духовной грамотѣ послѣдняго; въ XVII ст., при новой династіи, начинаетъ господствовать соборное избраніе. За исключеніемъ одного царствованія, всѣ прочія въ XVII в. были избирательныя. Избранъ былъ на престолъ царь Михаилъ; его преемникъ царь Алексѣй, если не былъ прямо избранъ соборомъ, то вступленіе его на престолъ было утверждено соборомъ. Царь Алексѣй воротился къ прежнему порядку, еще при своей жизни назначивъ себѣ преемникомъ старшаго сына Феодора; но Петръ былъ избранъ соборомъ точно также, какъ и царствовавшій вмѣстѣ съ нимъ его старшій

братъ Іоаннъ. Такимъ образомъ, въ древней Руси не было закона о престолонаслѣдіи, но дѣйствовалъ или обычай завѣщанія, или соборное избраніе. Петръ уничтожилъ и обычай и самое избраніе; февральскимъ закономъ 1721 года онъ установилъ, что царствующій государь назначаетъ себѣ преемникомъ, кого хочетъ и въ правѣ отрѣшить назначеннаго отъ престола, если онъ окажется не способнымъ. Такимъ образомъ, вмѣсто завѣщанія и избранія установлено было личное назначеніе. Этотъ законъ, бывшій слѣдствіемъ семейныхъ неурядицъ, отдалъ русскій престолъ на волю случая и сдѣлалъ его лишь игрушкой послѣдняго. Съ тѣхъ поръ ни одна смѣна на престолѣ не обходилась безъ замѣшательства; каждому воцаренію предшествовала смута, интрига. Благодаря этому, время со смерти Петра и до воцаренія Екатерины II можно назвать эпохой дворцовыхъ переворотовъ въ нашей исторіи. Я не раздѣляю того пренебреженія, съ которымъ въ нашей литературѣ относятся къ этимъ дворцовымъ переворотамъ прошлаго вѣка. Они имѣли очень важное политическое значеніе, и ихъ дѣйствіе простиралось далеко за предѣлы дворцовой сферы, проникало въ самыя основанія государственнаго порядка.

Всѣ эти дворцовые перевороты отличались одною особенностью, которая и сообщила имъ такое важное политическое значеніе: во всѣхъ ихъ дѣятельное участіе принимала гвардія, привилегированная часть русской арміи, состоявшая изъ двухъ полковъ—Преображенскаго и Семеновскаго, къ которымъ въ царствованіе Анны прибавилось два другихъ, пѣхотный Измайловскій и Конногвардейскій. Каждое правительство со смерти Петра утверждалось гвардіей. Можно сказать, что гвардія во весь обозначенный тридцати-восьмилѣтній промежутокъ времени дѣлала каждое правительство. Довольно бѣглаго обзора событій, слѣдовавшихъ за смертью Петра, чтобы замѣтить это участіе гвардіи въ смѣнахъ на престолѣ.

28 января 1725 г., когда умиралъ Преобразователь, въ другой залѣ собрался сенатъ, чтобы рѣшить дѣло о престолонаслѣдіи. Преобразователь умиралъ безъ языка, не успѣвъ воспользоваться закономъ 1721 г. Когда сенаторы разсуждали объ этомъ важномъ вопросѣ, въ углу залы какимъ то образомъ очутились офицеры гвардіи, неизвѣстно зачѣмъ сюда явившіеся. Подобно хору въ античной драмѣ, они не принимали прямого участія въ преніяхъ сената, но до неучтивости открыто и энергично высказывали свое сужденіе о нихъ, довольно громко заявляя, что голову разобьютъ боярамъ, которые будутъ противиться воцаренію императрицы. Къ тому же подъ окнами залы вдругъ раздался барабанный бой; то были гвардейскіе полки, собранные по распоряженію ихъ командировъ. Президентъ военной коллегіи кн. Рѣпнинъ, принадлежавшій къ партіи, враждебной Екатеринѣ, съ сердцемъ спросилъ: «кто смѣлъ безъ моего вѣдома собрать полки? развѣ я не фельдмаршалъ?» Подполковникъ одного изъ этихъ полковъ, Бутурлинъ, возразилъ на это, что полки собралъ онъ по волѣ императрицы, которой всѣ обязаны повиноваться, «не исключая и тебя», добавилъ Бутурлинъ. Сенатъ раздѣлился на двѣ стороны. Остатки старой знати—кн. Рѣпнинъ, Князья Голицыны, Долгорукіе, требовали возведенія на престолъ внука Преобразователя, царевича Петра Алексѣевича, люди новые, ближайшіе сотрудники Преобразователя—Меньшиковъ, Толстой, Остерманъ, тѣ самые люди, которые осудили

на смерть отца этого внука, разумѣется стояли за императрицу—вдову. Вмѣшательство гвардіи, неожиданно явившейся передъ дворцомъ по командѣ своихъ подполковниковъ, князя Меньшикова и Бутурлина, и рѣшило вопросъ въ пользу вдовы.

Въ царствованіе Екатерины I правительство заботливо ухаживало за гвардіей. Въ оффиціальной газетѣ часто появлялись заявленія о томъ, какъ правительство заботится объ офицерахъ гвардіи. На смотрахъ императрица изъ собственныхъ рукъ подчивала виномъ гвардейскихъ офицеровъ въ своей палаткѣ. Когда въ 1727 г. императрица опасно занемогла, по вопросу о престолонаслѣдіи собрались члены высшихъ правительственныхъ учрежденій: Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, синода и президенты коллегій. Среди сановниковъ явились и маіоры гвардіи, какъ будто гвардейскіе офицеры составляли особую политическую корпорацію, безъ участія которой не можетъ быть рѣшенъ такой важный вопросъ.

Когда въ 1730 году преемникъ Екатерины Петръ II простудился и опасно занемогъ, временщики князья Долгорукіе, Алексѣй съ сыномъ Иваномъ, любимцемъ молодого императора, созвали фамильный совѣтъ, чтобы рѣшить вопросъ о преемникѣ. Дочь князя Алексѣя, княжна Екатерина, была помолвлена за императора, и отецъ желалъ возвести невѣсту на престолъ, составивъ подложное духовное завѣщаніе въ пользу ея отъ имени умирающаго жениха. Одинъ изъ князей Долгорукихъ, фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ возсталъ противъ этого нелѣпаго и неисполнимаго замысла; кн. Алексѣй, напротивъ, былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ его и оправдывалъ эту увѣренность словами: «ты, князь Василій, въ Преображенскомъ—подполковникъ, кн. Иванъ (т. е. сынъ говорившаго)—маіоръ, и въ Семеновскомъ противъ того никто спорить не станетъ».

Итакъ, въ придворной средѣ привыкли думать, что никакое важное политическое дѣло не удается безъ содѣйствія гвардіи, и, напротивъ, успѣхъ всякаго политическаго замысла обезпеченъ, какъ скоро его поддержитъ гвардія. Нѣсколько позже я разскажу о принятіи власти императрицей Анной, избранной на престолъ по смерти Петра II. Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ опять вмѣшательствомъ гвардіи. Гвардейскіе офицеры съ нѣкоторыми дворянами явились къ императрицѣ и, упавъ передъ нею на колѣни, сказали: «мы вѣрные слуги Вашего Величества, вѣрно служили прежнимъ великимъ государямъ и сложимъ головы свои на службѣ Вашего Величества, но мы не потерпимъ, чтобы васъ притѣсняли, прикажете и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ злодѣевъ». Ободренная этимъ энергичнымъ заявленіемъ, императрица Анна и разорвала актъ объ ограниченіи, не задолго передъ тѣмъ скрѣпленный ея собственноручною подписью. По смерти Анны, въ октябрѣ 1740 г. императоромъ провозглашенъ былъ ребенокъ Іоаннъ Антоновичъ, сынъ Антона Брауншвейгскаго, родившійся отъ племянницы Анны, Анны Леопольдовны Мекленбургской. Регентомъ государства былъ провозглашенъ Биронъ. Черезъ нѣсколько времени фельдмаршалъ Минихъ свергъ регента ночнымъ нападеніемъ съ одной ротой Преображенскаго полка 25 ноября 1741 г. дочь Петра, Елизавета, свергла правительство Анны Леопольдовны съ ея сыномъ, также ставши во главѣ гренадерской роты Преображенскаго полка. Наконецъ, въ іюнѣ 1762 г. императрица Екатерина II свергла Петра

III, ставши во главѣ тѣхъ же гвардейскихъ полковъ. Такимъ образомъ, почти всѣ правительства, смѣнившіяся со смерти Петра въ продолженіе 38 лѣтъ были дѣломъ гвардіи.

Это участіе гвардіи въ политическихъ событіяхъ имѣло очень важныя послѣдствія для государства и общественнаго порядка. Гвардія была тогда не привилегированной только частью регулярной русской арміи,—она имѣла важное соціальное значеніе, была представительницей цѣлаго сословія, изъ котораго почти исключительно комплектовалась. Въ гвардейскихъ полкахъ служилъ цвѣтъ того класса, который со времени Петра получилъ общее названіе шляхетства. Участіе въ дворцовыхъ переворотахъ оказало могущественное дѣйствіе на политическое настроеніе гвардіи. Сначала она была пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ вожаковъ—Меньшикова, Бутурлина и пр., но потомъ стала принимать въ государственныхъ событіяхъ участіе по собственному почину. Дворцовые перевороты были для него подготовительной политической школой. Благодаря участію въ дворцовыхъ переворотахъ въ гвардіи развиваются извѣстные политическіе вкусы, извѣстный политическій образъ мыслей и стремленій. По тѣсной связи гвардіи съ цѣлымъ сословіемъ, эти политическіе вкусы и этотъ политическій образъ мыслей сообщились и шляхетству. Люди первой половины XVIII в. чрезвычайно живо чувствовали эту политическую связь гвардіи съ сословіемъ и тѣ опасныя послѣдствія, которыя отсюда могли выйти. Когда, по смерти Анны, обнаружился сильный ропотъ въ петербургскомъ обществѣ, вызванный назначеніемъ Бирона регентомъ, этотъ регентъ видѣлъ корень зла въ сословномъ составѣ арміи. Онъ говорилъ: «Зачѣмъ рядовые въ гвардіи изъ дворянъ? Дворянъ можно перевести офицерами въ армейскіе полки, а на ихъ мѣсто набрать въ гвардію солдатъ изъ простыхъ людей». Вотъ источникъ дворцовыхъ переворотовъ по смерти Петра. Теперь изучимъ ихъ послѣдствія-

Политическое настроеніе знати и дворянства по смерти Петра.

Подъ вліяніемъ важной роли, какую усвоила себѣ гвардія въ государственныхъ дѣлахъ со смерти Петра, развиваются два параллельныхъ факта: 1) въ дворянствѣ, тѣсно связанномъ съ гвардіей, устанавливается извѣстный политическій образъ мыслей, извѣстный взглядъ на свое значеніе въ государствѣ; 2) подъ вліяніемъ той же роли измѣняется положеніе этого сословія въ государствѣ, его отношеніе къ другимъ классамъ общества. Мы сначала разсмотримъ первое послѣдствіе, то политическое настроеніе, которое проникло въ дворянство, или тотъ взглядъ на положеніе дворянскаго сословія въ государствѣ, какой оно себѣ усвоило.

Преобразовательная дѣятельность Петра вызвала усиленную работу политической мысли въ нашемъ обществѣ. Общество это пережило столь невиданныя явленія, столь много неиспытанныхъ ощущеній, что поневолѣ стало задумываться надъ тѣмъ, что совершалось въ государствѣ. Это возбужденіе проникло даже въ народную массу, что мы замѣтили, изучая народные толки о Петрѣ. Но непрерывныя происшествія совершались въ государствѣ и по смерти Преобразова-

теля, поддерживая это политическое возбужденіе. Древняя Русь никогда не видала женщины на престолѣ, а по смерти Петра на престолъ сѣла женщина. Это невиданное явленіе вызвало цѣлый рядъ недоразумѣній, частью печальныхъ, частью забавныхъ. Когда стали приводить къ присягѣ новой императрицѣ, нѣкоторые простодушные политиканы отказались присягать, говоря: „если женщина стала царемъ, пусть ей женщины и крестъ цѣлуютъ“.

Политическое возбужденіе прежде и сильнѣе всего обнаружилось въ верхнемъ классѣ общества, который служилъ ближайшемъ орудіемъ управленія, въ шляхетствѣ. Но и здѣсь это возбужденіе проявлялось неодинаково и приводило не къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Сильнѣе и опредѣленнѣе оно выразилось въ верхнемъ слоѣ шляхетства, въ средѣ правительственныхъ сановниковъ составлявшихъ знать. Въ составѣ этого класса очень немного оставалось старинной родовой знати, но и здѣсь еще живы были политическія преданія, шедшія изъ XVII ст., а мы знаемъ, что въ XVII ст. московскіе бояре сдѣлали нѣсколько опытовъ построить государственный порядокъ, основанный на законѣ, на договорѣ съ верховной властью. Въ концѣ XVII ст. при московскомъ дворѣ произошло негласное событіе, оставшееся незамѣтнымъ для общества и только теперь съ трудомъ нами вскрываемое по нѣкоторымъ документамъ.

Въ 1681 г., когда составилась комиссія, которая подала предлогъ кн. Голицыну выработать проектъ отмѣны мѣстничества, въ боярской средѣ составился планъ новаго устройства центральнаго и областного управленія. Одинъ разсказъ повѣствуетъ, что „палатскіе бояре“ предложили царю Ѳеодору раздѣлить все государство на нѣсколько крупныхъ намѣстничествъ, соотвѣтствующихъ прежнимъ политическимъ удѣламъ, вошедшимъ въ составъ Московскаго государства. Такъ предложено было образоватъ намѣстничества Новгорода Великаго, Пскова, бывшаго Казанскаго царства и т. д. Намѣстниками должны быть назначаемы «великородные бояре, которые бы правили тѣми областями вѣчно, нося титулы тѣхъ царствъ, гдѣ кто будетъ». Итакъ, проектъ предлагаетъ образованіе безсмѣнныхъ и, можетъ быть, наслѣдственныхъ намѣстничествъ, замѣщаемыхъ людьми знатныхъ фамилій. Это былъ проектъ феодализма съ польскимъ пошибомъ. Царь далъ согласіе на проектъ, но препроводилъ его предварительно на разсмотрѣніе патріарха Іоакима. Патріархъ разгадалъ его смыслъ и много трудовъ понесъ, чтобы провалить его.

Произволъ Петра въ обращеніи съ людьми поддерживалъ въ уцѣлѣвшей знати политическія воспоминанія о XVII в., а обширныя правительственныя полномочія, которыя даны были Петромъ сенату, давали людямъ высшаго класса значительную практику власти. Произволъ заставилъ жалѣть объ исчезнувшихъ отношеніяхъ, въ какихъ стояло къ государю старое московское боярство, а практика власти внушила надежду на возможность возстановленія этихъ отношеній. Разумѣется свою долю дѣйствія на успѣхъ политическаго самосознанія въ высшемъ классѣ имѣло и болѣе близкое его знакомство съ политическими порядками западной Европы, хотя я думаю, что это условіе имѣло очень второстепенное значеніе въ развитіи этого самосознанія. Всѣ эти стремленія къ большему простору въ правительственной боярской средѣ уже замѣтны были въ царствованіе Екате-

рины I. Уполномоченный французскаго двора, Кампредонъ, депеши котораго недавно изданы у насъ, доносилъ тогда, что большая часть вельможъ Россіи стремится умѣрить деспотическую власть императрицы; они ждутъ, пока придетъ въ возрастъ цесаревичъ Петръ, внукъ Преобразователя, и тогда, возведя его на престолъ, они надѣются получить большее участіе въ управленіи, устроивъ его по образцу англійскаго.

Въ то же царствованіе знать успѣла даже частью осуществить свои стремленія. Отсюда возникло новое высшее правительственное учрежденіе — Верховный Тайный Совѣтъ. Это учрежденіе было установлено февральскимъ закономъ 1726 г. Вотъ случай, по которому онъ возникъ. Въ концѣ 1725 г. Минихъ, которому поручено было окончаніе Ладожскаго канала, обратился къ сенату съ просьбой вызвать для работъ 15,000 солдатъ. Въ сенатѣ поднялись пренія; одни изъ сенаторовъ соглашались на предложеніе Миниха, какъ на самое дешевое и скорое средство окончить каналъ, другіе были противъ. Вдругъ, среди преній, кн. Меньшиковъ всталъ и заявилъ, что какъ бы сенатъ не рѣшилъ, но по волѣ императрицы въ нынѣшнемъ году ни одинъ солдатъ не будетъ посланъ на каналъ. Сенаторы обидѣлись, говоря, что Меньшиковъ одинъ пользуется привилегіей знать волю императрицы, и почему онъ ранѣе не сказалъ объ этомъ, заставивъ ихъ понапрасну проспорить столько времени. Нѣкоторые объявили, что перестанутъ ѣздить въ сенатъ. По городу пошли слухи, что недовольные думаютъ возвести на престолъ малолѣтняго Петра, внука Преобразователя, ограничивъ его власть. Меньшиковъ и Толстой испугались и уговорили императрицу пойти на сдѣлку. Слѣдствіемъ этой сдѣлки и явился Верховный Тайный Совѣтъ, которымъ удовлетворялось оскорбленное чувство старой знати. Верховный Тайный Совѣтъ состоялъ изъ 6 членовъ. Большинство ихъ принадлежало къ ближайшимъ сотрудникамъ Петра; то были Меньшиковъ, Толстой, Остерманъ. Но въ Верховномъ Совѣтѣ состоялъ и самый видный представитель стариннаго боярства, кн. Дмитрій Голицынъ. Въ Совѣтѣ обсуждались и рѣшались подъ предсѣдательствомъ императрицы всѣ особо важныя дѣла внутренней и внѣшней политики, требовавшія новыхъ законовъ. Сенатъ и коллегіи дѣйствовали на основаніи существующихъ установленій. Никакое дѣло не могло быть доложено императрицѣ помимо Совѣта, никакое повелѣніе сената не могло быть издано прежде обсужденія и рѣшенія дѣла въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Такимъ образомъ, надъ сенатомъ поднялось новое, высшее учрежденіе съ законодательною властью.

Гораздо яснѣе высказались политическія стремленія боярской знати въ дѣлѣ объ ограниченіи верховной власти императрицы Анны (1730 г.).

Дѣло 1730 года важно потому, что въ немъ впервые ясно обозначились самыя политическія формы, въ которыя родовая знать хотѣла облечь свои политическія стремленія, свои политическія идеалы. Дѣло началось тѣмъ, что по смерти молодого императора Петра II, Верховный Тайный Совѣтъ собрался, чтобы рѣшить обычный вопросъ о престолонаслѣдіи, возникавшій послѣ каждаго царствованія. На этомъ совѣщаніи Верховный Совѣтъ неожиданно для всѣхъ избралъ на престолъ вдовствующую герцогиню курляндскую Анну, племянницу Петра помимо дочери Петра, Елизаветы, двоюродной сестры Анны, помимо

даже родной ея сестры герцогини Мекленбургской, Екатерины. Мысль этого избранія принадлежала упомянутому мною члену Верховнаго совѣта кн. Дмитрію Михайловичу Голицыну. Голицынъ былъ очень умный и очень образованый человѣкъ, большой любитель и знатокъ русской старины, собиравшій памятники ея исторіи, но это былъ чрезвычайно упрямый и ограниченный политикъ. Петръ не любилъ его за упрямство, и при немъ кн. Голицынъ едва успѣлъ добраться до сенаторства. Со временъ Петра кн. Голицынъ вынесъ самый мрачный взглядъ на ходъ дѣлъ. Все ему здѣсь казалось нарушеніемъ старины, порядка и даже приличія.

Верховный Совѣтъ въ 1730 году состоялъ изъ восьми членовъ; изъ нихъ шестеро принадлежало къ двумъ родовитымъ фамиліямъ, князей Голицыныхъ и Долгорукихъ. Остальные были—канцлеръ графъ Головкинъ и Остерманъ. На засѣданіи Совѣта Голицынъ произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что дочери Петра, Анна Голштинская и Елизавета, не имѣютъ права на престолъ, какъ незаконныя, родившіяся до вступленія ихъ отца въ бракъ съ ихъ матерью, а что завѣщаніе императрицы Екатерины, по которому преемницей Петра II, въ случаѣ его бездѣтной смерти должна быть одна изъ ея дочерей,— и само по себѣ не имѣетъ силы, потому что эта императрица, будучи низкаго происхожденія, сама не имѣла никакого права на престолъ и не могла имъ распоряжаться. Кн. Голицынъ предложилъ избрать на престолъ дочь царя Ивана вдовствующую герцогиню курляндскую Анну. Но сдѣлавши это предложеніе, Голицынъ еще неожиданнѣе прибавилъ: «ваша воля, кого изволите; только надобно и себя полегчить». «Какъ это себя полегчить»?—спросилъ канцлеръ Головкинъ. «А такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить»,—пояснилъ Голицынъ. «Хоть и зачнемъ, да не удержимъ того»,—возразилъ одинъ изъ Долгорукихъ. «Право удержимъ»,—увѣрялъ кн. Голицынъ. Совѣтъ принялъ его предложеніе о герцогинѣ курляндской, но умолчалъ на предложеніе о прибавкѣ воли. Тогда Голицынъ продолжалъ:—«будь ваша воля, только надобно, написавъ, послать ея Величеству пункты».

Голицынъ составилъ и представилъ въ совѣтъ эти пункты или кондиціи, ограничивавшія верховную власть избранной императрицы. Вотъ содержаніе этихъ пунктовъ, какъ они изложены были въ письмѣ, тогда же составленномъ и отправленномъ въ Митаву. Императрица вдова всю жизнь не выходитъ замужъ и не назначаетъ себѣ преемника. Она правитъ вмѣстѣ съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, состоящимъ изъ восьми персонъ. Безъ согласія Совѣта она не начинаетъ войны и не заключаетъ мира, не вводитъ новыхъ налоговъ, не жалуетъ въ чины выше полковника. Команда гвардіей и всей арміей принадлежитъ одному Верховному Совѣту. Императрица обязуется никого изъ шляхетства безъ суда не лишать чести, жизни и имущества, никому не давать вотчинъ, деревень и не расходовать государственныхъ суммъ безъ согласія Совѣта. Пункты заключались слѣдующими словами отъ имени императрицы: «а буде чего по сему обѣщанію не исполнено, буду лишена короны Россійской». Эти пункты какъ только стали извѣстны московскому обществу (совѣтъ засѣдалъ въ Москвѣ) вызвали въ немъ необычайное движеніе. Этому содѣйствовало стеченіе неожиданныхъ обстоятельствъ, императоръ Петръ II умеръ въ тотъ самый день, 19 января, на который была назначена его свадьба съ

Екатериной. Въ Москву съѣхалось много провинціальныхъ дворянъ, чтобы присутствовать при совершеніи брака. Собравшись на свадьбу и попавъ на похороны, дворяне очутились въ страшномъ водоворотѣ политической борьбы. Эту борьбу живо рисуетъ намъ одинъ современникъ, зорко слѣдившій за событіями и самъ принимавшій въ нихъ живое участіе. То былъ знаменитый сотрудникъ Петра, архіепископъ Новгородскій и первый членъ Святѣйшаго синода, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ своихъ запискахъ онъ замѣчаетъ: «зѣло жалостное видѣніе и слышаніе вездѣ по городу стало, куда ни придешь, къ какому собранію ни пристанешь, только и слышишь горестныя нарѣканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ. Всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычайное ихъ дерзновеніе, неносытное лакомство и властолюбіе». Съѣхавшіеся въ Москву дворяне, возстали противъ плановъ Верховнаго совѣта. Они раздѣлились на кружки, собирались по ночамъ и толковали.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что дворяне возставали противъ самой идеи, предложенной Верховнымъ совѣтомъ, во имя абсолютизма. Иностранные дипломаты, наблюдавшіе за ходомъ дѣлъ, говорятъ другое. Прусскій посланникъ Мардефельдтъ, депеши котораго теперь изданы, пишетъ въ одной изъ нихъ, что всѣ русскіе вообще желаютъ свободы, только не могутъ согласиться насчетъ ея размѣровъ и качества, насчетъ того, до какой степени ограничить самодержавіе. То же говоритъ и французскій уполномоченный Маньякъ въ своей депешѣ изъ Москвы: «здѣсь, на улицахъ и въ домахъ только и слышны рѣчи объ англійской конституціи и о правахъ парламента». Шляхетство возстало противъ плана верховниковъ за то, что они вздумали измѣнить государственное устройство одни, втихомолку, безъ соглашенія съ другими сословіями. Оно возстало противъ этого плана, какъ противъ олигархической попытки, которая грозила замѣнить власть одного произволомъ столькихъ тирановъ, сколько членовъ въ Верховномъ Совѣтѣ. Дворянство сочувствовало идеѣ ограниченія, какъ средству, обезпечивавшему сословіе отъ произвола временщиковъ, который оно испытало такъ недавно, но оно возстало противъ замысла верховниковъ, потому что этотъ планъ не давалъ дворянству вѣрнаго обезпеченія отъ произвола новыхъ временщиковъ. Такимъ образомъ, шляхетство сочувствовало идеѣ, не сочувствуя формѣ, въ какую она была облечена. Эту мысль выражаетъ прямо одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей тогдашняго шляхетства, младшій сотрудникъ Петра, Артемій Петровичъ Волынскій, бывшій тогда губернаторомъ въ Казани. Отвѣчая на присланныя ему изъ Москвы вѣсти. Волынскій пишетъ въ одномъ письмѣ: «Слышно здѣсь, что дѣлается у насъ или уже сдѣлано, чтобы у насъ быть республикѣ. Я зѣло въ этомъ сумнителенъ. Сохрани Богъ, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій. И тогда мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклоничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать то будетъ трудно». То же самое отношеніе шляхетства къ плану верховниковъ, еще яснѣе отражается въ поведеніи другого сотрудника Преобразователя, бывшаго генералъ-прокурора, Ягужинскаго. Когда Верховный Совѣтъ обсуждалъ вопросъ о престолонаслѣдіи, и Голицынъ предложилъ свой планъ ограниченія верховной власти, Ягу-

жинскій среди собравшихся сановниковъ въ другой залѣ развивалъ совершенно голицынскій образъ мыслей. Онъ говорилъ: «долго ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ? Теперь время, чтобы самодержавію не быть». Когда двери залы Совѣта растворились, и верховники вышли объявить собравшимся сенату, синоду и генералитету объ избраніи императрицы Анны, Ягужинскій подлетѣлъ къ одному изъ верховниковъ и завопилъ: «батюшки мои, прибавьте намъ, какъ можно больше воли!». Когда же онъ узналъ, что замыслилъ Верховный совѣтъ, то сдѣлался ожесточеннымъ противникомъ этого плана.

До насъ дошелъ рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о тогдашнемъ настроеніи шляхетства. Это—12 проектовъ и мнѣній поданныхъ или приготовленныхъ къ подачѣ въ Совѣтъ различными шляхетскими кружками. Подъ ними значится около тысячи подписей. Нѣкоторые дворяне подписались подъ нѣсколькими проектами, близкими одинъ къ другому по содержанію. Во всѣхъ этихъ проектахъ мысли изложенны наскоро планы государственныхъ реформъ не подверглись достаточной обработкѣ. Значитъ, въ этихъ проектахъ мы встрѣчаемъ самое искреннее выраженіе политическихъ воззрѣній тогдашняго дворянства. Всѣ эти проекты построены на одномъ всѣ исходятъ изъ того мнѣнія, что образъ правленія долженъ быть измѣненъ, и въ этомъ измѣненіи должно было принять участіе все шляхетство. Шляхетство должно собраться, обсудить и разсмотрѣть государственныя нужды и на основаніи этого установить новый образъ правленія. Одни проекты радикальнѣе другихъ, ломаютъ больше, а другіе меньше. Одни требуютъ упраздненія Верховнаго Тайнаго Совѣта другіе ставятъ его во главѣ управленія. По однимъ проектамъ, во главѣ управленія долженъ стоять сенатъ изъ тридцати членовъ, по выбору общества, т. е. шляхетства, съ участіемъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ—генералитета. Этотъ сенатъ правитъ подъ предсѣдательствомъ императрицы, которая имѣетъ только три голоса при рѣшеніи вопросовъ. Перемѣны въ управленіи, новые законы издаются сеймомъ; впрочемъ, проекты не объясняютъ, какъ долженъ составляться этотъ сеймъ. Такимъ образомъ, шляхетскіе проекты всѣ вводятъ сословіе въ высшее управленіе, оправдывая замѣчанія наблюдателей о политическихъ стремленіяхъ дворянъ. Шляхетство возстаетъ противъ плановъ верховниковъ не по сочувствію къ старому порядку, а по несочувствію къ новому, ими предложенному, какъ олигархическому, который не даетъ дворянству достаточно положительныхъ обезпеченій.

Живая оппозиція дворянства заставила Верховный совѣтъ пойти на сдѣлку. Первоначальныя кондиціи ограниченій были измѣнены, и составленъ былъ новый планъ, примѣрявшій стремленія верховниковъ съ желаніями дворянства. Вотъ его основныя черты. Государствомъ правитъ верховный совѣтъ изъ 10 или 12 членовъ знатныхъ фамилій. Но рядомъ съ этимъ высшимъ учрежденіемъ дѣйствуютъ три другія: 1) сенатъ изъ 36-ти членовъ, который обсуждаетъ всѣ дѣла, окончательно рѣшаемыя Верховнымъ совѣтомъ; 2) Дворянская камера, т. е. палата изъ двухсотъ членовъ, по выбору шляхетства, которая оберегаетъ интересы сословія отъ посягательствъ со стороны Верховнаго Тайнаго Совѣта; 3) Палата городскихъ представителей, которая завѣдуетъ всѣми торговыми и промышленными дѣлами и охраняетъ

права простого народа. Передѣланный планъ Голицына также не былъ принятъ.

Вмѣшательство гвардейскихъ полковъ покончило дѣло. Но дворяне, обратившіеся къ императрицѣ съ просьбой возстановить единое начало, устроивъ его по примѣру предыдущихъ царствованій, не отказались отъ всякаго участія въ управленіи. Въ той же самой просьбѣ они всеподданнѣйше ходатайствовали, чтобы была установлена постоянная и твердая форма правленія, чтобы дѣлами государства руководилъ сенатъ, чтобы члены этого сената, вмѣстѣ съ президентами всѣхъ коллегій и губернаторами, избирались ляхетствомъ по баллотировкѣ. Императрица исполнила первое желаніе шляхетства и велѣвши подать себѣ подписанный ею актъ ограниченія, передъ всѣми собственноручно разорвала его 25 февраля 1730 г. Въ такомъ разорванномъ видѣ актъ этотъ хранитсл и до настояшаго времени; чья то заботливая археологическая рука только булавочкой скрѣпила разорванныя части. Но второе желаніе, заявленное по просьбѣ шляхетства, осталось безъ послѣдствій. Легко замѣтить причины его неудачи; ихъ было двѣ. Во первыхъ, родовая знать не могла согласиться въ своихъ стремленіяхъ съ шляхетствомъ; во вторыхъ, само шляхетство не было достаточно подготовлено къ дѣлу, не было проникнуто однородными стремленіями, разбивалось на отдѣльные кружки и не умѣло выработать однообразнаго и стройнаго плана реформъ. На эту неподготовленность руководящаго класса, какъ на причину неуспѣха дѣла, и указываетъ кн. Голицынъ въ словахъ, которыми онъ самъ отпѣлъ свой проэктъ. Когда возстановлено было самодержавіе, Голицынъ сказалъ: «пиръ былъ готовъ, но званые оказались недостойными его. Я знаю, что паду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ и быть—пострадаю за отечество, мнѣ уже немного остается жить. Но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать больше моего».

Политическое возбужденіе не погасло и послѣ 30-го года. Напротивъ, царствованіе Анны прибавило много новаго горючаго матеріала къ тѣмъ элементамъ броженія, которые прежде питали это возбужденіе въ обществѣ. Шляхетство думало объ огражденіи себя отъ произвола временщиковъ, отъ которыхъ оно страдало въ недавнее время. Эти временщики (кн. Меньшиковъ и другіе) были, говоря языкомъ того времени, большей частью люди «худородные», но по крайней мѣрѣ, то были русскіе люди, и нѣкоторые не безъ заслугъ. Въ царствованіе Анны временщиками явились тоже люди «худородные». Левенвольдъ, Биронъ и др., но то были, кромѣ того, иноземцы и безъ всякихъ заслугъ. Въ царствованіе Анны развивается глухой ропотъ общества противъ иноземнаго ига, упавшаго на Россію. Но императрица, дочь стараго царя, своимъ личнымъ авторитетомъ еще сдерживала этотъ ропотъ. Онъ рѣзко обнаружился теперь, тотчасъ по смерти Анны, когда императоромъ былъ превозглашенъ малолѣтній сынъ ея племянницы, и правителемъ государства, помимо отца и матери этого ребенка, объявленъ былъ Биронъ.

Трудно себѣ вообразить весь шумъ и толки, какіе поднялись въ гвардейскихъ кружкахъ въ концѣ 1740 года. Гвардейскіе офицеры на улицахъ сходились съ солдатами и громко выражали свое недовольство по поводу того, что Биронъ провозглашенъ регентомъ. Офицеры поощряли солдатъ начинать дѣло, солдаты жаловались на офи-

церовъ, что они относятся равнодушно къ событіямъ. Такія сходки образовались каждый день открыто на улицахъ, и правительственные люди ничего не могли сдѣлать съ этимъ движеніемъ. Особенно любопытна попытка подполковника Пустошкина, который обратился къ канцлеру кн. Черкасскому съ заявленіемъ, что нація не хочетъ имѣть Бирона регентомъ, и со многими говорилъ о необходимости подать просьбу отъ имени всего россійскаго шляхетства о томъ, чтобы управленіе передано было изъ рукъ Бирона отцу императора. Въ этомъ возбужденіи, вмѣстѣ съ прежними политическими тенденціями шляхетства, пробивается новое стремленіе—оскорбленное чувство національнаго достоинства, вызванное властью темныхъ нѣмцевъ. Одинъ капралъ, проходя съ товарищами недалеко отъ дворца, гдѣ жила царевна Елизавета, остановился и кивнувъ на дворецъ сказалъ:—«А не обидно ли? Вотъ чего императоръ Петръ I въ россійской имперіи заслужилъ: коронованнаго отца дочь, государыня цесаревна, отставлена». Значитъ, національное возбужденіе поворотило умы въ сторону ближайшей наслѣдницы Петра. Изъ гвардейскихъ круговъ столицы это возбужденіе сообщилось и классамъ съ ними соприкасавшимися, какъ высшимъ, такъ и низшимъ. Много забавныхъ сценъ вызвано было манифестомъ о регентствѣ Бирона, но эти сцены показываютъ, какъ широко распространялось изъ гвардіи политическое возбужденіе. Въ самыхъ скромныхъ общественныхъ слояхъ люди начали дѣлиться на партіи, политиканить. Манифестъ пришелъ между прочимъ и въ Шлиссельбургъ въ канцерлярію Ладожскаго канала. Писарь этой канцеляріи оказался на веселѣ. Окружавшіе совѣтовали ему привести себя въ порядокъ для присяги, тотъ равнодушно отвѣтилъ: «не хочу, я вѣрую Елизаветѣ Петровнѣ».

Это политическое возбужденіе завершилось ноябрскимъ переворотомъ 1741 года, возведшимъ дочь Петра на престолъ. Переворотъ этотъ, совершенный гренадерской ротой Преображенскаго полка подъ личнымъ предводительствомъ самой царевны, сопровождался бурными сценами, проявленіемъ національнаго чувства, оскорбленнаго нѣмцами. Гвардейцы, несмотря на усиленныя просьбы Елизаветы не дѣлать насилій, жестоко избили Миниха и Остермана; досталось и простымъ нѣмцамъ. Гвардейцы обратились къ новой императрицѣ съ просьбой избавить ихъ отъ нѣмецкаго ига. Елизавета оставила нѣкоторыхъ изъ нѣмцевъ, но гвардія осталась этимъ недовольна, требуя изгнанія всѣхъ нѣмцевъ изъ Россіи. Въ то время шла война со Швеціей, и подъ Выборгомъ стояла русская армія, въ которой послѣ переворота 25 ноября поднялся открытый бунтъ противъ нѣмецкихъ офицеровъ, погашенный лишь благодаря энергіи генерала Кайта.

Такое дѣйствіе оказали дворцовые перевороты на настроеніе и политическій образъ мыслей шляхетства. Въ развитіи этого настроенія сами собой обозначаются нѣсколько моментовъ. Движеніе началось тенденціями боярской олигархіи; эти тенденціи смѣняются конституціонными стремленіями всего шляхетства, взглянувшаго теперь на себя, какъ на правительственный классъ, безъ участія котораго не можетъ быть рѣшенъ вопросъ о государственномъ устройствѣ. И олигархическія тенденціи, и дворянскія конституціонныя стремленія не удались. Тѣ и другія смѣняются чрезвычайно сильнымъ національнымъ стремленіемъ, соединеннымъ съ чувствомъ дворянской гвардейской чести.

Это былъ одинъ фактъ, вышедшій изъ дворцовыхъ переворотовъ. Одновременно съ нимъ и подъ его прямымъ дѣйствіемъ развивается и другой фактъ, измѣнившій самое положеніе дворянства въ государствѣ, его отношеніе къ другимъ классамъ общества. Этотъ другой, параллельно развивавшійся фактъ и имѣетъ для насъ особенную цѣну; имъ и начинается то государственное раскрѣпленіе сословій, которое составляетъ характерное явленіе изучаемаго нами времени. Это раскрѣпленіе, начавшееся съ дворянства, вышло какъ неизбѣжное послѣдствіе тѣхъ новыхъ политическихъ понятій, которыя были усвоены дворянами. Дворцовые перевороты возбудили въ дворянскихъ умахъ, при посредствѣ гвардіи, новый рядъ политическихъ понятій, изъ совокупности которыхъ выработался взглядъ дворянства на свое сословіе, какъ на руководящую въ государствѣ силу, а изъ этого взгляда вышелъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, закрѣпившихъ такое руководящее положеніе сословія въ государствѣ, снявшихъ съ него спеціальныя дворянскія государственныя повинности и давшихъ ему новыя сословныя права. Намъ предстоитъ изучить этотъ второй фактъ.

2) Переѣмны въ землевладѣльческомъ и служебномъ положеніи дворянства.

Легко замѣтить, что эти перемѣны развивались въ тѣсной связи съ тѣмъ же политическимъ настроеніямъ дворянства, какое въ немъ складывалось подъ вліяніемъ политическихъ событій, совершившихся при участіи этого сословія. Такъ какъ эти перемѣны и составляютъ начало государственнаго раскрѣпленія сословій, то я попрошу вашего вниманія къ нѣкоторымъ подробностямъ, которыя покажутъ процессъ развитія этого важнаго факта.

Намъ извѣстно, что Петръ опредѣлилъ точно (точнѣе, чѣмъ было опредѣлено прежде) двоякое значеніе сословія военное и землевладѣльческое. Онъ усложнилъ двоякое это значеніе еще новымъ значеніемъ дворянства, состоявшимъ въ томъ, чтобы сословіе служило проводникомъ образованія въ русскомъ обществѣ. Для Петра всего важнѣе было военно-служебное значеніе дворянства; онъ обратилъ вниманіе на его хозяйственное положеніе только какъ на источникъ средствъ для исправнаго отбыванія служебныхъ повинностей дворянства. Внѣшнее положеніе государства по смерти Петра позволило правительству стать въ иное отношеніе къ сословіямъ. Благодаря мирной политикѣ, правительству теперь меньше стала нужна военная служба дворянства; напротивъ, съ каждымъ годомъ все больше росло значеніе дворянства, какъ класса, сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ основной капиталъ страны—землевладѣніе. Интересы самого сословія заставляли его больше думать о своемъ хозяйствѣ, а политическое значеніе, пріобрѣтенное дворянствомъ, побудило и само правительство поддерживать дворянство въ его хозяйственныхъ заботахъ.

Подъ совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ условій, со смерти Петра, и начало измѣняться положеніе дворянства, какъ землевладѣльческое, такъ и служебное. Прежде всего остановимся на перемѣнахъ въ хозяйственномъ, землевладѣльческомъ положеніи класса. Съ

минуты смерти Петра самой тревожной заботой правительства становится вопросъ о народномъ хозяйствѣ. Лихорадочная дѣятельность Петра до нѣкоторыхъ поръ прикрыла истощенность народныхъ силъ, причиной которой были непомѣрныя тягости, возлагаемыя государствомъ на народный трудъ. Надежда Петра на успѣшное развитіе торговли и промышленности не оправдалась послѣ его смерти. Промышленность росла туго; налогъ прямой (подушная подать) оставался попрежнему главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. По смерти Петра съ каждымъ годомъ все яснѣе начали сказываться послѣдствія той страшо напряженной работы, какую задалъ Преобразователь народному труду. Петръ едва закрылъ глаза, а уже его лучшій сотрудникъ началъ говорить о возможности гибели государства. Въ 1725 г. блюститель закона, генералъ-прокуроръ Ягужинскій, подалъ въ сенатъ записку, въ которой писалъ: «Всякое государство держится на двухъ подпорахъ, на земледѣліи и торговлѣ, но послѣдняя теперь въ чрезвычайно слабомъ состояніи». Свой очеркъ хозяйственнаго разстройства народа генералъ-прокуроръ заключилъ такими словами: «и ежели впредь такъ продолжать, то всякому россійскаго отечества сыну соболѣзнуя разсуждать надлежитъ, дабы столь славнаго государства нерадивымъ смотрѣніемъ не привести въ конечную гибель и бѣдство».

Опасеніе генералъ-прокурора оправдывалось явленіями въ народномъ хозяйствѣ, ему современными и слѣдовавшими немного позже. За 1724 г. не добрано было подушнаго сбора одинъ милліонъ, т. е. четверть всей суммы, ожидавшейся изъ этого источника. Въ 1725 г., какъ мы знаемъ, по смѣтѣ, оказалось государственнаго дохода слишкомъ десять милліоновъ рублей, а въ 1740 г., государство могло выбрать изъ народа всего 8.360,000 руб., изъ нихъ подушнаго сбора числилось 4 милліона, да одинъ милліонъ сбора питейнаго. Наблюдатель положенія дѣлъ въ Россіи, французскій агентъ де-ла-Шетарди, въ своихъ запискахъ писалъ, что теперь промышленность и торговля въ Россіи находятся въ столь плохомъ состояніи, что не найдется двухъ негоціантовъ ни изъ русскихъ, ни изъ иностранныхъ, которые были бы въ состояніи ссудить правительству впередъ 100,000 рублей.

У насъ есть и другое доказательство плохого успѣха народной производительности по смерти Петра. Мы видѣли, что успѣхъ народнаго труда, накопленіе сбереженій выражается въ приростѣ классовъ, работающихъ сбереженіями труда классовъ торгово-промышленныхъ. По первой ревизіи (1722 г.) торгово-промышленнаго класса приходилось 172,000 душъ почти на 6 милліоновъ всего податнаго населенія, что составляетъ 2,9%. Въ 1742—47 гг. была произведена вторая ревизія, по даннымъ этой ревизіи, въ великорусскихъ губерніяхъ (безъ остзейскаго края, безъ губерній Кіевской и Сибирской) оказалось на 6,400,000 душъ, положенныхъ въ подушный окладъ, купцовъ и цеховыхъ, т. е. городскихъ классовъ—195,000 душъ; это составляетъ 3%. Такимъ образомъ, ростъ городскихъ классовъ въ продолженіе почти цѣлаго поколѣнія оказывается незамѣтнымъ.

Такое положеніе дѣлъ заставило правительство обратить вниманіе на народное хозяйство и преимущественно на хозяйственное положеніе крестьянъ, трудами которыхъ всего болѣе питалось государство. Какъ только учрежденъ былъ въ 1726 г. Верховный Тайный

Совѣтъ, въ немъ поднялись оживленные толки о средствахъ, необходимыхъ для улучшенія положенія крестьянъ. Члены Верховнаго Совѣта представили императрицѣ свои мнѣнія объ этомъ. Изъ этихъ мнѣній особенно любопытна записка, подписанная кн. Меньшиковымъ, Остерманомъ и другими. Въ этой запискѣ читаемъ: «Если армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, то и о крестьянахъ надобно имѣть попеченіе, потому что солдатъ съ крестьяниномъ связаны, какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, то не будетъ и солдата». Императрица, соединивши всѣ представленныя ей мнѣнія, издала указъ 9 января 1727 г., въ которомъ перечисляются подробно всѣ вопросы, подлежавшіе обсужденію Верховнаго Совѣта; всѣ эти вопросы сосредоточиваются около одного пункта— улучшенія положенія крестьянъ. Плохое состояніе этого класса населенія является въ указѣ кореннымъ источникомъ всѣхъ неустройствъ.

Указъ любопытенъ откровеннымъ признаніемъ, что едва ли не всѣ дѣла въ государствѣ, какъ духовныя, такъ и свѣтскія «находятся въ дурномъ порядкѣ и скорѣйшаго поправленія требуютъ». Столь живо поставленный вопросъ о положеніи крестьянъ разрѣшился законодательными мѣрами, глубоко измѣнившими хозяйственное положеніе дворянства.

Со времени указа 1714 г. о единонаслѣдіи, дворянство стало въ другое отношеніе къ своимъ имѣніямъ, непохожее на то, въ какомъ стояло это сословіе въ XVII в. Помѣщикъ и вотчиникъ XVII в. былъ гостемъ въ своемъ имѣніи; огромное большинство служилаго класса лишь содержалось помѣстьями, которыя не считались собственностью владѣльца. Указъ 1714 г., вмѣстѣ съ распоряженіемъ о первой ревизіи, сообщилъ дворянству больше владѣльческой осѣдлости и больше власти. Сословіе, какъ мы знаемъ, взглянуло на этотъ указъ, какъ на превращеніе помѣстій въ полную собственность дворянъ и только тяготилось правиломъ единонаслѣдія, т. е. обязательнаго порядка наслѣдованія недвижимыхъ имуществъ. Этотъ непривычный порядокъ сословіе старалось обходить всѣми возможными средствами, которыя, впрочемъ, всѣ только разстраивали его хозяйственное положеніе. Не располагая значительнымъ движеніемъ капиталовъ и желая обезпечить участь кадетовъ (младшихъ сыновей), которые лишены были права на наслѣдованіе недвижимости, отцы еще при жизни продавали часть своихъ имѣній, иногда писали въ завѣщаніи на себя мнимые долги, обязывая наслѣдниковъ (старшихъ сыновей) выплатить ихъ младшимъ братьямъ и сестрамъ. Наслѣдники, получивши вотчины или помѣстья отцовъ, продавали часть ихъ, чтобы расплатиться съ братьями и сестрами, или заводили тяжбы, доказывая фиктивность долга. Отсюда выходили безконечныя ссоры и тяжбы семейныя. Наконецъ, наивно считая хлѣбъ и скотъ движимымъ имуществомъ, завѣщатель отказывалъ имѣніе старшему сыну, а инвентарь дѣлилъ между младшими сыновьями и сестрами. Такимъ образомъ, старшій наслѣдникъ не могъ ничего сдѣлать съ имѣніемъ безъ инвентаря, а младшіе наслѣдники не знали, что дѣлать съ инвентаремъ безъ земли. Все это и заставило правительство императрицы Анны измѣнить дѣйствовавшій порядокъ наслѣдованія недвижимыхъ имуществъ. Правительство Анны было обязано родовому шляхетству, которое поддерживало его противъ верховниковъ; исполняя данныя

ему обѣщанія, императрица 9 декабря 1730 года утвердила докладъ сената, предлагавшій отмѣнить законъ о единонаслѣдіи. Этотъ докладъ былъ облеченъ въ законъ 17 марта 1730 г., которымъ повелѣвалось всѣ имѣнія (какъ вотчины, такъ и помѣстья), именовать одинаково недвижимыми имуществами—вотчинами, и предоставлялось владѣльцамъ право дѣлить ихъ между сыновьями поровну и отдавать за дочерьми въ приданое. Такимъ образомъ, законодательство дало основаніе установившемуся въ дворянствѣ взгляду на юридическое смѣшеніе вотчины помѣстій, какъ на превращеніе помѣстій въ вотчины.

Съ тѣхъ поръ и начался отливъ дворянъ изъ столицы въ деревню, гдѣ сословіе, въ большинствѣ владѣвшее помѣстьями, получило твердую точку опоры. Этотъ отливъ становится замѣтнѣе съ каждымъ десятилѣтіемъ, правительство поддерживало его, надѣясь воспользоваться дворянствомъ для своихъ экономическихъ цѣлей. Дворянскія имѣнія находились въ плохомъ состояніи, потому что владѣльцы въ большинствѣ не жили въ нихъ, отбывая обязательную службу. Крестьяне предоставлены были на произволъ управителей, приказчиковъ или старостъ. Эти приказчики и старосты плохо защищали крестьянъ и отъ стороннихъ захватовъ. Всего болѣе терпѣли крестьяне отъ сборщиковъ подушной подати. Петръ устроилъ наиболѣе по его времени удобный порядокъ сбора подушной подати; размѣстивъ всѣ полки по уѣздамъ на вѣчныя квартиры, онъ поручилъ сборъ подушной подати съ уѣзда, назначенной на содержаніе этого полка, полковнику съ офицерами полка. Съ значеніемъ подчиненныхъ орудій для полка явились выборные отъ уѣзднаго дворянства—земскіе комиссары, которые съ военными командами въ извѣстное время года и обходили всѣ деревни уѣзда, собирая подушную подать. Этотъ обходъ земскихъ комиссаровъ съ военными командами былъ для крестьянъ разорительнѣе самой подушной подати. По смерти Петра, въ Верховномъ Совѣтѣ возникъ вопросъ о преобразованіи порядка сбора: Генералъ-адмиралъ Апраксинъ предложилъ вывести солдатъ изъ деревень и поселить въ городахъ особенными слободами, а сборъ подушной подати поручить мѣстнымъ гражданскимъ властямъ. Февральскимъ закономъ 1727 г. правительство устранило полковниковъ и офицеровъ отъ сбора подушной подати, возложивъ это дѣло въ провинціяхъ на воеводъ, а въ губерніяхъ на губернаторовъ, которые должны были смотрѣть за дѣйствіями провинціальныхъ воеводъ. Тогда, вмѣсто военныхъ командъ, налетѣли въ деревни команды приказныхъ, руководимыхъ воеводой. Оказалось, что новые сборщики не лучше старыхъ. Правительство Анны придумало новую мѣру. Оно устранило отъ сбора подушной и полковниковъ съ офицерами, и губернаторовъ съ воеводами; по регламенту 1731 г. сборъ подушной подати возложенъ былъ на самихъ помѣщиковъ или ихъ приказчиковъ со старостами. Они должны были собирать подать въ извѣстный срокъ безъ повѣстки отъ властей и доставлять собранную сумму воеводѣ; только въ случаѣ неисправной доставки, воеводы и полковники должны были наряжать военныя команды для экзекуціи въ тѣ деревни, владѣльцы которыхъ не доставили подати во время. Такимъ образомъ, владѣльцы сдѣлались отвѣтственнымъ орудіемъ податной исправности своихъ крестьянъ передъ правительствомъ,—служили тѣмъ, чѣмъ служатъ въ настоящее время становые пристава.

Такъ завершилось древнее стремленіе правительства, начавшееся еще въ XVII ст.—сдѣлать землевладѣльцевъ отвѣтственными сборщиками податей съ ихъ крестьянъ. Скоро къ этой отвѣтственности присоединилась и другая. 1733-ій годъ былъ неурожайный, и помѣщичьи крестьяне толпами наполняли города, собирая милостыню. Въ апрѣлѣ 1734 г. изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ дворянамъ кормить своихъ крестьянъ въ голодные годы и ссужать ихъ хлѣбомъ на обсѣмененіе полей, чтобы, „земля праздной не лежала". Въ дополненіе къ указу, изданному въ томъ же году, правительство грозило за неисполненіе этой новой обязанности „жестокимъ истязаніемъ и конечнымъ разореніемъ". Такимъ образомъ, землевладѣльцы, отвѣтственные сборщики казенной подати, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались отвѣтственными опекунами крестьянскаго хозяйства.

Для того, чтобы облегчить дворянству несеніе этихъ повинностей правительство Елизаветы въ 1754 г. открыло ему государственный кредитъ. Чтобы избавить помѣщиковъ отъ необходимости платить высокіе проценты, учрежденъ былъ дворянскій банкъ, гдѣ дворяне подъ залоги недвижимыхъ имѣній могли брать въ ссуды до 10,000 руб., что на наши деньги равняется почти 90,000 руб. Назначенъ былъ чрезвычайно умѣренный по тогдашнему времени процентъ. Таково было новое хозяйственное положеніе, въ которое поставлено было дворянство.

Въ связи съ этой перемѣной измѣнилось и служебное положеніе дворянства. Чѣмъ болѣе увеличивались обязанности дворянъ по землевладѣлію, тѣмъ болѣе чувствовалась необходимость снять съ дворянства его обязанности по службѣ. Если дворянинъ былъ отвѣтственнымъ сборщикомъ казенной подати, отвѣтственнымъ опекуномъ въ деревнѣ, ему нужно было предоставить досугъ работать въ деревнѣ. Благодаря этому, постепенно стали ослаблять служебныя обязанности сословія. Началось съ того, что правительство Екатерины I и Петра II стало все чаще отпускать дворянъ со службы домой на побывку. Въ 1730 г. шляхетство въ борьбѣ съ верховниками высказало желаніе, чтобы было отмѣнено единонаслѣдіе и облегчена была служебная повинность дворянства. Всего тяжелѣе была для дворянства обязанность начинать военную службу рядовыми въ гвардіи, а иногда даже и въ армейскихъ полкахъ, наравнѣ съ рекрутами изъ крестьянъ.

Въ 1730 г. Верховный Совѣтъ, желая поладить съ шляхетствомъ далъ обѣщаніе, чтобы «впредь въ солдаты, матросы и въ прочіе подлые чины неволей изъ шляхетства не опредѣлять». Правительство Анны чувствовало необходимость исполнить это обѣщаніе Верховнаго Совѣта, и закономъ 29 іюля 1731 г. учредило для дворянства первый шляхетскій кадетскій корпусъ, изъ котораго молодые дворянскіе подростки, получивши надлежащее образованіе выходили бы въ армію прямо офецерами, не проходя низшихъ военныхъ чиновъ. Кадетскій корпусъ, по проекту Миниха разсчитанный сначала на 200 воспитанниковъ, долженъ былъ давать молодымъ дворянамъ не специальное военное, но и общее образованіе, такъ чтобы изъ него могли выходить дворяне и на гражданскую службу. Вотъ программа по какой шло обученіе. Военныя упражненія занимаютъ лишь одинъ день въ недѣлю, чтобы „препятствіемъ прочимъ наукамъ не быть". Кадеты должны были обучаться наукамъ математическимъ и военнымъ (ариѳметикѣ, геометріи,

фортификаціи, артиллеріи). Точно также дворяне обучались и наукамъ обще-образовательнымъ, какъ-то: грамматикѣ, стилистикѣ, риторикѣ, геральдикѣ, морали, географіи и исторіи. Преподавалась, впрочемъ, только „исторія универсальная“ и исторія нѣмецкаго народа; исторія народа русскаго уже и тогда была въ немилости. Въ царствованіе Елизаветы къ этому кадетскому корпусу присоединены были два другихъ—морской и артиллерійскій.

Еще въ 1730 г. было выражено дворянствомъ желаніе ограничить обязательную службу сословія извѣстнымъ срокомъ, дворяне до тѣхъ поръ служили «вѣчно», т. е. до дряхлой старости, увѣчья или смерти. Законъ 31 декабря 1736 г. исполнилъ и это желаніе дворянъ. Дворянству назначалась обязательная служба съ 20 лѣтъ въ двадцатипятилѣтній срокъ; по достиженіи 45-ти лѣтняго возраста служащій дворянинъ выходилъ въ отставку. До 20-ти лѣтъ дворянинъ обязывался готовиться къ службѣ, получить дворянское образованіе или въ правительственной школѣ, или дома. Если недоросль воспитывался дома, онъ долженъ былъ обучиться грамматикѣ, ариѳметикѣ, части геометріи и закону Божію. Онъ два раза подвергался экзамену (12-ти и 16-ти лѣтъ). Если онъ не выдерживалъ этихъ двухъ экзаменовъ, его отдавали въ матросы безъ заслуги. Притомъ, если въ семействѣ было два или болѣе сыновей, то отецъ могъ оставить одного при себѣ для хозяйства, только и этотъ сынъ былъ обязанъ получить образованіе, которое бы дѣлало его способнымъ къ гражданской службѣ. Въ то время шла война съ Турціей, окончившаяся въ 1739 г. Какъ только былъ заключенъ миръ, больше половины офицеровъ въ гвардейскихъ полкахъ вышли въ отставку. Правительство должно было пріостановить дѣйствіе закона 31 декабря; законъ возстановленъ былъ лишь при Елизаветѣ. Въ царствованіе Елизаветы государственными дѣлами руководили люди все провинціальнаго и средняго дворянства, не раздѣлявшіе олигархическихъ затѣй Верховнаго Совѣта. Эти люди, соблюдая интересы своего класса приготовляя постепенно наслѣдника Императрицы къ мысли о полномъ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы. Великій князь Петръ и воспитывался въ этой мысли съ которой вступилъ на престолъ. Отецъ его любимца, гр. Романъ Воронцовъ, по словамъ своихъ современниковъ, немолчно «вытверживалъ» ему о необходимости даровать вольность дворянству. Это «вытверживаніе» повело къ изданію знаменитаго манифеста 18 февраля 1762 г. „о вольности и свободѣ россійскаго дворянства“, какъ стало теперь зваться это сословіе.

Вотъ содержаніе важнаго въ исторіи нашего общества закона. Дворяне, состоящіе на службѣ, какъ военной, такъ и гражданской, продолжаютъ или прекращаютъ ее по своей волѣ; дворянинъ могъ вступать на службу къ инымъ государямъ. Правительство удерживало право призывать дворянъ на службу отечеству лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Впрочемъ, законъ оставлялъ косвенное побужденіе служить, приказывая нигдѣ неслужащихъ „яко нерадивыхъ о добрѣ общемъ, всѣмъ истиннымъ сынамъ отечества презирать и уничтожать, ко двору не принимать и въ публичныхъ собраніяхъ не терпѣть“. Удержаны были и нѣкоторыя обязательства дворянъ по воспитанію дѣтей. Своихъ дѣтей дворянинъ долженъ отдавать или въ правительственную школу, или воспитывать дома, «дабы никто безъ обученія

пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать не могъ».

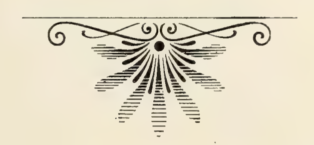
Такъ спала съ дворянства вѣковая государственная повинность. Понятно впечатлѣніе, какое произвелъ на дворянъ этотъ манифестъ. Современникъ Болотовъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества; всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя благословляли ту минуту, въ которую ему угодно было подписать указъ сей». Одинъ изъ поэтовъ того времени, Ржевскій, написалъ по этому случаю оду, въ которой возгласилъ императора Петра III, который „Россіи вольность далъ и далъ ей благоденство“.

Таковы были перемѣны въ государственномъ положеніи дворянства, землевладѣльческомъ и служебномъ. Онѣ состояли, во первыхъ, въ томъ, что съ сословія постепенно спадали обязанности по службѣ и во вторыхъ, въ томъ, что постепенно усложнялись обязанности по землевладѣнію. Первая перемѣна была наградой сословію за поддержку, оказываемую имъ тому или другому правительству; вторая вытекала изъ настоятельной потребности для правительства сдѣлать дворянство отвѣтственнымъ орудіемъ казенныхъ сборовъ и отвѣтственнымъ опекуномъ крестьянскаго труда и хозяйства.

Конецъ второй части.

Русская Исторія

ТОМЪ III.



1907 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Очеркъ Русской Исторіи XVII и первой половины XVIII в.

Очеркъ русской исторіи XVII и первой половины XVIII вѣка. Елизавета и Петръ III.

Я изложу событія нашей исторіи половины XVII ст. Изложеніе это будетъ продолженіемъ курса прошлаго года, остановившагося на моментѣ, который не былъ поворотомъ въ ходѣ нашей исторіи. Этотъ моментъ —смерть императрицы Елизаветы въ 1761 г. Событія, слѣдовавшія за нимъ, вытекали не изъ какихъ-либо новыхъ причинъ, начавшихъ дѣйствовать съ этого времени, а служили прямымъ продолженіемъ явленій, которыя возникали со смерти Петра. Вотъ почему изложеніе этихъ событій можетъ показаться неяснымъ, если не припомнимъ предшествовавшихъ событій. Я хочу сдѣлать краткій очеркъ нашей исторіи съ начала XVII ст., чтобы указать связь явленій нашей исторіи, обнаружившихся со смерти Елизаветы, съ тѣми, которыхъ она служила продолженіемъ. События нашей исторіи XVII и XVIII ст. всѣ развиваются изъ того положенія, въ какомъ очутилось Московское государство послѣ Смутнаго времени при новой династіи. Смутное время поставило государство въ тяжелое внѣшнее положеніе; внѣшніе непріятели оборвали границы государства, сдѣлали ихъ открытыми, легкими для нападенія. Шведы отбили государство отъ балтійскаго берега; татары давно отбивали его отъ Чернаго моря и затрудняли связи съ Каспійскимъ. Потери уступленныхъ полякамъ областей, Смоленской и Сѣверской, приближаетъ внѣшнихъ враговъ къ самому центру государства. Для того, чтобы обезопасить себя, государство должно было достигнуть границъ, которыя облегчали ихъ защиту; отсюда является въ правительствѣ XVII в., особенно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, мысль о необходимости пріобрѣсти морскіе берега. Эта мысль вызывала другую—пріобрѣтеніе морского берега возможно было путемъ упорной борбьы на нѣсколько фронтовъ. Для этой борьбы нужно было хорошо приготовленное войско. Правительство XVII в., не разъ испытавши негодность стариннаго русскаго ополченія, начало перестраивать свои боевыя силы, вводя западную военную технику, однимъ словомъ, подготовляя созданіе регулярной арміи. Все это чрезвычайно увеличило государственные расходы. Между тѣмъ народное хозяйство—источникъ государственнаго дохода—послѣ Смуты было чрезвычайно разстроено, не могло давать правительству и тѣхъ средствъ, какія оно давало государямъ старой династіи. Правительство увеличивало налоги, напрягало народный трудъ, но трудъ этотъ въ XVII в. не былъ болѣе производителенъ, чѣмъ прежде; напротивъ, онъ сталъ бѣднѣе, располагалъ меньшимъ капиталомъ. Послѣ разгрома, какой потерпѣлъ на-

родъ въ эпоху самозванцевъ, трудъ этотъ былъ почти исключительно земледѣльческимъ; чтобы сдѣлать его болѣе производительнымъ, надо было расширить сферу этого труда, обратить его на новыя производства, кромѣ земледѣлія. Страна была богата нетронутыми средствами; чтобы ихъ тронуть, необходима была промышленная техника, незнакомая старо-русскому народному хозяйству. Для примѣненія этой техники къ народному труду, нуженъ былъ опытный руководитель—иноземный мастеръ, фабрикантъ, заводчикъ, ремесленникъ. Такъ, внѣшнее положеніе государства, вызвавъ мысль о морскихъ берегахъ, повело къ другой мысли о промышленной эксплуатаціи страны, о разработкѣ ея нетронутыхъ богатствъ. Обѣ эти мысли уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ заставили правительство обратиться къ помощи иноземной военной и промышленной техники и для того вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ западнымъ міромъ. Морской берегъ и для него хорошо выученный и вооруженный солдатъ, а для этого солдата—фабрика и ремесло—вотъ постоянная забота, которая занимаетъ нашихъ государственныхъ людей во вторую половину XVII в.

Эти заботы и составляютъ содержаніе внѣшней и внутренней политики Петра Великаго. Программа внѣшней и внутренней дѣятельности его взята имъ цѣликомъ у предшественниковъ. Морской берегъ—содержаніе его внѣшней политики. Созданіе регулярной арміи и развитіе промышленности въ фискальныхъ интересахъ, съ цѣлью обогащенія казны—задача его внутренней преобразовательной дѣятельности; всѣ остальныя реформы, административныя, соціальныя, имѣли второстепенное значеніе, были средствомъ для достиженія этихъ главныхъ цѣлей. Отсюда одностороннее направленіе дѣятельности Петра Великаго; эта дѣятельность имѣла цѣлью направлять всѣ народныя силы на служеніе государству, жертвуя ему частными интересами. Задачи государства въ это время были обращены къ границѣ и къ развитію военныхъ и матеріальныхъ средствъ государства. Отсюда матеріальный характеръ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Вся она въ сущности обращена на солдата и ремесло и немного дѣлала для развитія или удовлетворенія духовныхъ нуждъ общества. Сдѣлать народъ богатымъ, чтобы брать съ него больше на вооруженіе солдата—вотъ основная мысль преобразовательной дѣятельности Петра I. Такое одностороннее направленіе реформы и такой матеріальный ея характеръ тѣсно связанъ съ положеніемъ и характеромъ стараго Московскаго государства. Припомните, что весь государственный порядокъ московскій держался на принудительной работѣ всѣхъ классовъ общества въ пользу государства и оставлялъ мало мѣста частнымъ, духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ лицъ. Петръ унаслѣдовалъ и только довелъ до послѣдней степени развитія это служеніе государству съ пожертвованіемъ матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ лицъ. Такъ, по направленію своей дѣятельности Петръ былъ послѣдовательнымъ, только страшно-усиленнымъ продолжателемъ дѣятельности его предшественниковъ. Онъ не вводилъ ни новыхъ началъ, ни новыхъ понятій; онъ только вводилъ новые пріемы служенію государственнымъ интересамъ. Точно также и характеръ этой дѣятельности весь опредѣлялся положеніемъ стараго Московскаго государства; насущной его потребностью было огражденіе внѣшней

безопасности. Вся работа государства при Петрѣ Великомъ, кк. и при его предшественникахъ, направлена была къ этой цѣли, требовавшей усиленной и грубой работы народа. Этимъ опредѣлялись результаты дѣятельности Петра. Она дала скудные политическіе успѣхи. Политическій успѣхъ состоитъ въ развитіи свободы, свобода общества и частнаго лица не развилась, благодаря дѣятельности Петра Великаго, не сдѣлала никакихъ новыхъ пріобрѣтеній. Лицо, кк. и общество, при Петрѣ было такъ же, если не больше, стѣснено и принесено въ жертву государству, кк. это было прежде; политическое сознаніе, мысль объ отношеніи къ власти, мысль о задачахъ политическаго существованія не стала ни яснѣе, ни шире послѣ Петра, чѣмъ она была до него. Этимъ же характеромъ и направленіемъ дѣятельности Петра Великаго объясняется и скудость нравственныхъ успѣховъ. Нравственныя понятія и частныя людскія отношенія въ обществѣ при Петрѣ не выработались, не опредѣлились точнѣе, не сдѣлались мягче. Правда, въ общество, въ высшіе его слои преимущественно, былъ наплывъ цѣлаго міра новыхъ понятій, вслѣдствіе болѣе тѣсныхъ сношеній съ западнымъ міромъ. Новыя явленія, обычаи, которые встрѣтилъ русскій человѣкъ за границей, привлекли его вниманіе къ себѣ. Но весь этотъ новый запасъ понятій не имѣлъ серьезнаго значенія, онъ принесенъ былъ больше вслѣдствіе любопытства, чѣмъ вслѣдствіе почувствованной потребности въ немъ. Измѣнилась въ высшихъ слояхъ обстановка жизни, вошли новыя отношенія общежитія, новые пріемы, привычки, кк. новые костюмы; но все это были больше вкусы и украшенія, чѣмъ серьезныя завоеванія мысли и чувства. Подъ лучше одѣтымъ, причесаннымъ и пріученнымъ къ приличному обращенію придворнымъ времени Петра скрывался, можетъ быть, большій варваръ, въ сравненіи съ прежнимъ бояриномъ царя Алексѣя Михайловича. Итакъ, *реформы Петра подняли уровень государственнаго благосостоянія, усилили производительность народнаго труда, но принесли очень скудные плоды въ области политическаго сознанія и нравственнаго развитія общества.*

После Петра Великаго совершился рядъ событій, которыя произвели замѣтный поворотъ въ направленіи нашей государственной жизни. Петръ Великій направилъ дѣятельность народа, преимущественно высшихъ его классовъ, къ цѣлямъ военнымъ и экономическимъ, сообщивъ народному образованію военно-техническое направленіе. Эта односторонняя и матеріальная, но выгодная программа забывается и падаетъ по смерти Петра Великаго, потому что въ обществѣ не стало работниковъ, которые во главѣ съ Петромъ прежде направляли народъ въ эту сторону; работники, оставшіеся послѣ Петра Великаго, измѣнились; по смерти Петра наступила реакція; напряженная служба, сопровождавшаяся такой усиленной гонкой при Петрѣ, утомила людей, и когда они перестали чувствовать на себѣ гнавшую руку, они поспѣшили отдохнуть. Послѣ Петра падаетъ и военное и техническо-промышленное образованіе, разстраивается и армія и фабричная промышленность; внѣшняя торговля переходитъ въ руки иностранныхъ капиталистовъ, кк. она была въ ихъ рукахъ и до Петра. Трудное дѣло, которое велъ Петръ Великій, оказалось не подъ силу его преемникамъ. Но въ умахъ, которые тогда считались образован-

ными, рядомъ съ заимствованными вкусами гнѣздились уже новыя политическія и общественныя понятія; они выражали собой потребность свободы личной и общественной. Еще одно обстоятельство помогло успѣху этого порыва къ свободѣ. Обстоятельство это заключалось въ томъ значеніи, какое далъ Петръ дворянству въ областномъ управленіи. До Перта I дворянство было послушнымъ орудіемъ въ рукахъ центральнаго правительства и исполняло его всевозможныя операціи, военныя и административныя. При Петрѣ завершено было и признано закономъ крѣпостное право, по крайней мѣрѣ въ своей сущности, если не во всѣхъ послѣдствіяхъ, какія развились потомъ. Благодаря этому, огромное большинство мѣстнаго населенія очутилось въ личной зависимости отъ дворянства; городское населеніе, какъ и другіе классы общества, въ каждой провинціи составляло ничтожный процентъ, было элементомъ, который не могъ оказать замѣтнаго дѣйствія на общественную жизнь. Значитъ, областной міръ состоялъ изъ господъ и крѣпостныхъ. Отсюда вышло то значеніе, какое Петръ далъ дворянству въ областномъ управленіи. Выборные отъ дворянъ составляли совѣтъ при губернаторѣ, который не могъ безъ нихъ ничего сдѣлать. На выборныхъ отъ дворянъ ландратовъ и потомъ земскихъ комиссаровъ возложено было множество правительственныхъ дѣлъ. Дворянство стало править областнымъ обществомъ, и его прямая власть не простиралась развѣ только на городское населеніе немногихъ небогатыхъ городовъ. Политическіе вкусы, заимствованные со стороны, нашли теперь готовую почву въ этомъ правительственномъ значеніи дворянъ; къ тому же рядъ событій вовлекъ дворянство и въ политическія дѣла государственнаго центра. По извѣстнымъ намъ причинамъ послѣ Петра Великаго русскій престолъ сталъ игрушкой для искателей приключеній, для случайныхъ людей, часто неожиданно для самихъ себя вступавшихъ на него. Игра изъ-за престола нѣсколько разъ рѣшалась при участіи гвардейскихъ полковъ, составлявшихъ лучшую часть созданной Петромъ арміи. Но гвардейскіе полки въ то время были не простыя военныя части, а имѣли еще сословное значеніе. Гвардія тогда была цвѣтомъ дворянства; ея участіе въ придворныхъ переворотахъ было участіемъ дворянства въ рѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ. Это участіе внесло въ дворянскую среду новый рядъ политическихъ понятій и измѣнило самое положеніе дворянства. Дворянство поневолѣ должно было путемъ интригъ и переворотовъ близко стать къ важнѣйшимъ политическимъ интересамъ, близко принимать ихъ къ сердцу; поэтому оно почувствовало свою политическую силу; посредствомъ гвардіи оно дѣлало правительство и стало забыватъ, чѣмъ оно было при Петрѣ Великомъ. Тогда оно было первымъ наиболѣе обремененнымъ орудіемъ правительства, вѣчно на посылкахъ, теперь оно почувствовало себя политической силой; тогда имъ управляло правительство, теперь оно хотѣло править правительствомъ. Эти политическіе успѣхи, достигнутые дворянствомъ, измѣнили его земледѣльческое и служилое положеніе. Дворянство сосредоточивало въ своихъ рукахъ частное землевладѣніе, и за то обязательно несло военную службу. Теперь для государства, съ прекращеніемъ тяжелой войны, дворянинъ былъ болѣе нуженъ, какъ землевладѣлецъ, чѣмъ какъ гвардейскій рядовой или армейскій офицеръ. Одновременно дворянство, благодаря своему новому назначенію, освобождается отъ обя-

зательной службы и пріобрѣтаетъ осѣдлость въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Это высвобожденіе кончилось полной эмансипаціей дворянства отъ военной повинности, по закону 18-го февраля 1762 г. Мы видѣли, что до Петра государственная жизнь направляла общество къ безропотному служенію государству, къ пожертвованію общественными и личными интересами. По смерти Петра проснулись инстинкты свободы, пророки пробудились и были удовлетворены въ дворянскомъ сословіи. Этимъ создалось довольно странное политическое положеніе дворянства къ половинѣ XVIII ст.; оно было носителемъ свободы и образованія въ русскомъ обществѣ; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ, освободившись отъ повинностей, сохраняло за собой всѣ права, которыя прежде основывались на этихъ повинностяхъ. Такимъ образомъ дворянство своимъ значеніемъ нарушило основное начало стараго государственнаго порядка. Прежде общественные классы въ этомъ порядкѣ несли каждый свою государственную службу и пользовались за то извѣстными правами; соотвѣтствіе этихъ правъ и повинностей устанавливало извѣстное политическое равенство въ обществѣ; не было мѣста для свободы, но порядокъ держался на извѣстномъ равенствѣ. Со смерти Петра проснулись стремленія къ свободѣ, и они страннымъ образомъ нарушили начало равенства; чѣмъ болѣе русское общество становилось свободнымъ, тѣмъ меньше было равенства; дворянство XVII в. было страшно обременено сравнительно съ своимъ потомствомъ XVIII-го в., но это дворянство XVII в. далеко не пользовалось такою властью надъ обществомъ, какую имѣло его потомство XVIII-го в. Значитъ, дворянство одновременно было и носителемъ лучшихъ стремленій общества и опорой всѣхъ практическихъ противорѣчій въ немъ. Это положеніе дворянства и опредѣлило во многомъ ходъ нашей политической жизни съ половины XVII стол. Какъ господствующій классъ, дворянство внесло въ эту жизнь ту же двойственность, тѣ же противорѣчія. какія характеризовали его сословное положеніе. Такова была связь явленій нашей исторіи въ продолженіе столѣтія, предшествовавшаго вступленію на престолъ преемника Елизаветы—императора Петра III.

Припомнивъ явленія этого времени, можно замѣтить особенность, какою отличался ходъ нашей жизни при новой династіи. Ходъ этотъ былъ чрезвычайно не новъ; промежутки, когда жизнь, повидимому, текла вяло и медленно, прерывались припадками усиленной дѣятельности; ровное теченіе жизни прерывалось какими-то историческими пароксизмами. На пространствѣ времени съ начала XVII в. такихъ пароксизмовъ было два. Государственный порядокъ, установившійся въ XV, XVI в.в. заключалъ въ себѣ много противорѣчій, ихъ и не старались устранить цари старой династіи; но, вдругъ событія сложились такъ что для устраненія ихъ произошелъ страшный переполохъ въ эпоху самозванцевъ. Первые цари новой династіи, чувствуя тяжелое внѣшнее и внутреннее положеніе, медленно и понемногу старались устранить окружавшія ихъ затрудненія, но при этомъ больше думали, чѣмъ дѣлали. И вдругъ одинъ изъ преемниковъ этихъ царей такъ усиленно принялся за работу, взбудоражилъ все общество, сдвинулъ его какъ бы будто со старой колеи; а затѣмъ жизнь пошла опять тихо и ровно, прерываясь только дворцовыми переворотами, которые въ общемъ теченіи русской жизни были не болѣе, какъ бурями въ стаканѣ воды.

Теперь обращаемся къ изученію того, какъ устроилась и текла русская государственная и общественная жизнь подъ руководствомъ ея правящаго класса—дворянства—во вторую половину XVIII ст., со смерти императрицы Елизаветы.

Елизавета царствовала 20 лѣтъ (1741—61 г.), и царствованіе ея было не безъ славы. Это была веселая и набожная царица: отъ вечерни ѣздила на балъ, и съ бала къ заутрени. Любя и глубоко чтя святыню русской церкви, она любила и все пріятное, что можно заимствовать изъ католическаго и протестантскаго Запада. Вѣчно вздыхая по иноческой жизни, она оставила послѣ себя гардеробъ въ нѣсколько тысячъ платьевъ. Она имѣла огромное вліяніе на судьбу западной Европы, и до конца жизни была увѣрена, что въ Англію можно проѣхать сухимъ путемъ. Она побѣждала самого Фридриха Великаго, брала Берлинъ и усердно поила своихъ министровъ мадерой, которая водилась не при каждомъ европейскомъ дворѣ. Воспитаннная французомъ Рамбуромъ, по принужденію царствуя въ національномъ духѣ, она до старости любила французовъ, и до тонкости знала таинства русской кухни, не имѣла соперницъ въ изготовленіи русскихъ блюдъ. Даже невѣжественныхъ современниковъ своихъ она поражала недостаточностью образованія, и основала первый университетъ въ Россіи (Московскій). Она била по щекамъ своихъ фрейлинъ, и во все царствованіе не отрубила головы ни одному преступнику. Дочь великаго отца, она наслѣдовала его энергію: въ 24 часа строила дворцы, въ двое сутокъ проѣзжала отъ Москвы до Петербурга, платя исправно за каждую павшую лошадь. Однимъ словомъ, это была добрая и капризная русская барыня XIII ст., которую по русскому обычаю много бранили при жизни, по которой, тоже по русскому обычаю, много плакали по смерти. Нѣкоторое пятно на ея памяти оставилъ ея преемникъ; преемникъ этотъ былъ ея племянникъ, сынъ старшей ея сестры Анны Петровны, которая умерла въ Голштиніи отъ скуки или отъ чахотки; отъ скуки—не умѣя примириться съ недалекимъ мужемъ, отъ чахотки — не умѣя отстать отъ русскаго обычая, когда жарко, стать на сквозномъ вѣтру.

Петръ Ѳеодоровичъ, преемникъ Елизаветы, извѣстенъ въ нашей исторіи подъ именемъ Петра III. Этотъ герцогъ маленькой Голштиніи, так. образ., въ лицѣ своемъ совмѣщалъ двухъ великихъ враговъ XVIII в.; онъ былъ внукъ сестры Карла XII и сынъ дочери Петра Великаго. Такое капризное происхожденіе грозило ему опасностью со временемъ сѣсть заразъ на двухъ престолахъ: на шведскомъ и на русскомъ. Сначала его готовили къ первому, и для этого заставляли усердно учить латинскую грамматику, шведскій языкъ и лютеранскій катехизисъ. Но императрица Елизавета Петровна, желая во что бы то ни стало укрѣпить русскій престолъ за линіей своего отца, послала въ Голштинію штеттинскаго полицейместера Корфа, съ тѣмъ, чтобы онъ непремѣнно вывезъ племянника изъ Киля въ Петербургъ. Корфъ исполнилъ исправно свое порученіе, и герцогъ голштинскій—ненавистное лицо для императрицы Анны—«Голштинскій чертушка», кк. онъ назывался тогда въ Петербургѣ,—явился наслѣдникомъ своей тетки. Въ Петербургѣ онъ бросилъ латинскую грамматику и лютеранскій катехизисъ, и началъ прилежно учиться русскому языку и православному катехизису. Отъ природы онъ былъ слабосиленъ, къ

тому же въ Голштиніи его такъ дурно воспитывали, что не помѣшали пріобрѣсти ему привычку—пить. Перемѣна системы воспитанія и внѣшней обстановки разрушительно подѣйствовала на его отъ природы небойкія способности. Его учили столькимъ разнообразнымъ предметамъ, внушали ему столько различныхъ понятій, что онъ кончилъ тѣмъ, что не научился ничему и не пріобрѣлъ никакихъ твердыхъ понятій. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ оставался тѣмъ же, какимъ былъ въ дѣтствѣ, на серьезныя вещи онъ смотрѣлъ глазами дитяти, а дѣтскія забавы принималъ за серьезныя вещи. Вся его природа отзывалась чѣмъ то удивительно недодуманнымъ и недодѣланнымъ; онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, казался ребенкомъ, но своимъ образомъ дѣйствій и мнѣніями онъ производилъ впечатлѣніе ребенка, вообразившаго себя взрослымъ. На самомъ дѣлѣ это былъ взрослый, оставшійся ребенкомъ, позабывшій вырости. Выросши и воспитываясь въ Голштиніи, вблизи Пруссіи, Петръ III рано подчинился обаятельному дѣйствію военнаго и политическаго идеала, который тогда многимъ кружилъ головы въ Европѣ—Фридриха II. Но въ миніатюрномъ умѣ Петра это поклоненіе выражалось въ мелочахъ, въ комическомъ вздорѣ. Военная слава Фридриха въ Петрѣ III вырождается въ игру въ солдатики; но для такого человѣка былъ слишкомъ крупенъ и неудобенъ живой солдатъ, который все-таки не можетъ стать гутаперчевымъ орудіемъ. Онъ велѣлъ надѣлать себѣ армейскихъ солдатиковъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, деревянныхъ, которыхъ разставилъ въ кабинетѣ на столахъ обитыхъ мѣдью, съ протянутами шнурками. Въ табельные дни великій князь облекался въ полный мундиръ, сзывалъ въ кабинетъ свою дворню; дергая за шнурки, онъ производилъ звуки, которые ему показались похожими на батальный ружейный огонь. Это праздничный парадъ. Усердно занимаясь военнымъ дѣломъ, великій князь—наслѣдникъ былъ и глубокимъ военнымъ законовѣдомъ. Разъ жена, вошедши въ кабинетъ, застала его за страннымъ занятіемъ: въ кабинетѣ Петра стояла бисквитная крѣпость съ сахарными солдатиками; крыса ночью подкралась и одного изъ нихъ съѣла; ее поймали и привели на судъ. Великій князь сидѣлъ среди массы указовъ, въ которыхъ онъ искалъ основанія для суда надъ крысой; основаніе было найдено и крыса—повѣшена. Не разъ Петръ вводилъ въ краску свою жену, когда вошедшій сановникъ заставалъ его за куклами, прежде чѣмъ жена успѣвала спрятать ихъ подъ кровать. Великій князь привезенъ былъ изъ Голштиніи въ совершенно невѣдомый ему міръ, и онъ боялся этого міра. Его миніатюрный природный разумъ не могъ расшириться въ мѣру географической широты новой имперіи. Притомъ у него было развито до тонкости одно чувство, которое, впрочемъ, всегда легко развивается до совершенства; это—трусость: онъ всего и всѣхъ боялся въ Россіи и не разъ высказывалъ убѣжденіе, что здѣсь онъ погибнетъ. Не довѣряя туземцамъ, онъ старался окружить себя надежными иностранцами, и составилъ свою знаменитую голштинскую гвардію; въ нее онъ набиралъ всякій сбродъ, людей разныхъ вѣръ и народностей; большею частью это были капралы и сержанты нѣмецкой службы. Поклонникъ Фридриха II, Петръ хотѣлъ подражать ему во всемъ и стать настоящимъ военнымъ человѣкомъ. Прусскій военный человѣкъ курилъ трубку и пилъ пиво, и Петръ сталъ выкуривать огромное количество табаку и вытягивать

непосильное количество бутылокъ пива, безъ чего онъ считалъ невозможнымъ сдѣлаться настоящимъ, бравымъ офицеромъ; будучи еще великимъ княземъ и потомъ на престолѣ Петръ рѣдко умѣлъ доживать до вечера въ трезвомъ состояніи. Во дворцѣ часто бывали пирушки, разумѣется, по смерти тетки; къ голштинскимъ гвардейцамъ на пирушкѣ присоединялись итальянскія актрисы и пѣвцы, и среди этого общества Петръ за столомъ, по выраженію очевидца Болотова, «говорилъ такой вздоръ и нескладицу, что сердцѣ обливалось кровью». Часто пирушка переносилась въ чужой домъ: Петръ навязывался къ кому-нибудь въ гости, и тогда вся компанія отправлялась, сопровождаемая корзинками, которыя наполнены были голландскими трубками и картузами кнастера. Въ чужомъ домѣ зажигали нѣсколько десятковъ трубокъ, наполняли комнаты дымомъ, и Петръ съ наслажденіемъ похаживалъ въ табачномъ дымѣ, какъ будто онъ вращался въ настоящей своей сферѣ. Попойки эти, даже въ гостяхъ, оканчивались неприличными потѣхами. Разъ Петръ, оканчивая обѣдъ у одного иностранца, вскочилъ изъ-за стола и, выбѣжавъ въ садъ, началъ скакать на одной ногѣ; всѣ сановники послѣдовали за нимъ и принялись дѣлать то же; тайные совѣтники въ лентахъ и со звѣздами, толкая другъ друга сзади согнутыми колѣнками, сбивали другъ друга съ ногъ при громѣ хохота. Петръ имѣлъ, нѣкоторыя эстетическія наклонности: игралъ на скрипкѣ и считалъ себя великимъ виртуозомъ и комикомъ. Комическій талантъ его высказывался въ ловкости, съ какой онъ умѣлъ передразнивать другихъ; онъ пародировалъ священниковъ въ церкви, высовывалъ языкъ дьякону, выходившему изъ алтаря съ евангеліемъ, но особенно хорошо передразнивалъ престарѣлыхъ дамъ, которыя не могли привыкнуть ко введенному Петромъ, вмѣсто стараго русскаго поклона, нѣмецкому присѣданію. Однимъ словомъ, Петръ могъ быть чѣмъ угодно, только не императоромъ. Много чудесъ перебывало на русскомъ престолѣ по смерти Петра Великаго: бывали на немъ и пожилые, и престарѣлые люди, и женщины, и малые и великіе люди, и бездѣтныя вдовы, и незамужнія матери семействъ, но еще не было скомороха; вѣроятно, игра случая направлена была къ тому, чтобы дополнить этотъ пробѣлъ нашей исторіи.

Съ такими понятіями и привычками Петръ вступилъ на престолъ и образомъ своихъ дѣйствій тотчасъ вызвалъ въ обществѣ сильный ропотъ. Можно удивляться мастерству, съ какимъ онъ возбудилъ негодованіе противъ себя во всѣхъ классахъ общества, какъ будто онъ нарочно къ этой цѣли направлялъ всѣ свои поступки и правительственныя распоряженія. Прежде всего онъ вооружилъ противъ себя духовенство. Не зная самъ, какой онъ религіи, онъ задумалъ ввести больше раціонализма въ православіе; для этаго онъ приказалъ вліятельному члену святѣйшаго Синода, митрополиту Новгородскому Дмитрію Сѣченову, очистить русскую церковь отъ лишняго сора, т. е. отъ иконъ, оставивъ лишь мѣстныя иконы Спасителя и Божьей Матери; потомъ онъ приказалъ митрополиту принудить русскихъ священниковъ брить бороды и ходить въ короткомъ платьѣ, похожемъ на костюмъ протестантскаго пастора. Эти мѣры Дмитрій не спѣшилъ привести въ исполненіе, думая, что объ нихъ забылъ Петръ. Но всего болѣе раздраженія вызвалъ противъ себя Петръ въ духовенствѣ секуляризаціей церковныхъ имуществъ. Уже его предшественникъ, Петръ

Великій, подумывалъ обратить обширныя земельныя церковныя имущества на служеніе государству и подчинить прямому государственному контролю управленіе ими. Маленькій его потомокъ привелъ эту мѣру въ исполненіе, поручивъ описать и взять въ распоряженіе государства всѣ церковныя земли. Такимъ образомъ, важные экономическіе интересы духовенства были затронуты. Вслѣдъ за духовенствомъ вооружена была и гвардія, эта самоувѣренная, нѣсколько избалованная и, слѣдовательно, щекотливая часть русскаго общества. Поклонникъ Фридриха II Петръ не скрывалъ своего поклоненія: тотчасъ по вступленіи на престолъ облекся въ прусскій мундиръ, носилъ только прусскіе ордена и часто въ присутствіи придворныхъ лобызалъ стоявшій на каминѣ бюстъ Фридриха, онъ задумалъ облечь въ прусскій мундиръ и русскую армію; гвардія должна была снять свой привычный и любимый зеленый мундиръ, который ей былъ данъ Петромъ Великимъ, а облечься въ узенькій и разноцвѣтный мундиръ прусскій. Сколько проклятій досталось этому мундиру отъ гвардейскаго офицера и солдата. Петръ не любилъ гвардіи, какъ не любили ее и прежде его правившіе Россіей нѣмцы. Пробуя ввести прусскую дисциплину, Петръ, ежедневно производилъ ученіе, чрезвычайно обременительное для нѣсколько распущенныхъ полковъ, и къ тому же, по новымъ прусскимъ правиламъ, ни санъ, ни возрастъ не избавлялъ никого отъ обязанности участвовать въ этихъ ежедневныхъ прусскихъ экзерциціяхъ. Престарѣлые полковники и капитаны, давно забывшіе о плацъ-парадѣ, теперь должны были шагать вмѣстѣ съ рядовыми. Бывшій генералъ-прокуроръ императрицы Елизаветы и фельдмаршалъ, князь Никита Трубецкой въ качествѣ подполковника гвардейскаго полка долженъ былъ шагать по улицамъ Петербурга вмѣстѣ со своимъ полкомъ. Современникъ, мною названный Болотовъ, не могъ надивиться, что дѣлалось въ Петербургѣ. «Вотъ какъ времена перемѣнились: нынче и большіе и небольшіе, и старички сами должны маршировать вмѣстѣ съ солдатами и хорошенько топтать и мѣсить грязь вмѣстѣ съ ними». Даже гетманъ Малороссіи, графъ Кириллъ Разумовскій, въ качествѣ подполковника Измайловскаго гвардейскаго полка, принужденъ былъ выучить всѣ новые артикулы; по хохлацкой своей неповоротливости, онъ не могъ поднять ноги и, чтобы усвоить себѣ это мудреное искусство, долженъ былъ взять себѣ офицера-учителя. Къ тому же гвардія была оскорблена предпочтеніемъ, какое всюду оказывалось голштинцамъ. Петръ грозилъ гвардіи распущеніемъ и гвардейскіе офицеры и солдаты боялись, что ихъ раскассируютъ по армейскимъ полкамъ, какъ это задумывалъ сдѣлать еще раньше Биронъ. Итакъ, теперь передъ встревоженнымъ русскимъ военнымъ и не-военнымъ обществомъ опять сталъ призракъ ненавистнаго нѣмца, отъ котораго такъ много потерпѣло высшее общество въ минувшее время, до Елизаветы. Къ тому же всѣ замѣчали безпорядочность въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ, «шаткость и капризность» по выраженію Болотова. Вся государственная машина стала разстраиваться: дѣла запутывались ввиду отсутствія общей руководящей нити. Но что нанесло самый чувствительный ударъ оскорбленной національности, это была внѣшняя политика Петра. Елизавета, какъ извѣстно, приняла участіе въ Семилѣтней войнѣ, поддерживая враговъ Фридриха. Русскія войска помѣрялись съ арміей великаго полководца и вышли

изъ этого испытанія не безъ славы; Кунерсдорфская битва составила блестящую страницу въ военной исторіи Россіи прошедшаго вѣка. Восточная Пруссія съ Берлиномъ были завоеваны, и самъ Фридрихъ былъ доведенъ до отчаянія. Онъ старался всячески сблизиться съ Россіей, отдавъ ей всю восточную Пруссію. Петръ III, вступивъ на престолъ, заключилъ миръ, уступивъ ему всѣ завоеванія и даже къ его арміи присоединилъ всѣ войска, направивъ ихъ противъ своихъ недавнихъ союзниковъ. Это возмутило всѣхъ, сверху до низу. Пожертвована была, наконецъ, и военная слава, и политическіе интересы, и самая внѣшняя безопасность имперіи. Все это довело народный ропотъ до высшей степени напряженія; на улицахъ Петербурга собирались кучки гражданъ и открыто говорили вещи, которыхъ здѣсь никогда не было слышно. Этотъ ропотъ, постоянно развиваясь и крѣпчая, повелъ къ заговору, который и оправдалъ высказанное Петромъ предчувствіе о своей судьбѣ въ Россіи.

Низложеніе Петра III и вступленіе на престолъ Екатерины II.

Заговоръ, низвергнувшій императора Петра III, образовался самъ собою безъ особеннаго труда. Мысль устранить Петра отъ власти была распространена въ высшихъ кругахъ еще прежде, чѣмъ онъ сталъ императоромъ, при жизни его тетки. Тогда уже близкіе къ императрицѣ Елизаветѣ люди, познакомившись съ характеромъ племянника, думали, одни выслать его за границу съ женой, провозгласивъ преемникомъ Елизаветы маленькаго его сына; другіе выслать одного Петра, провозгласивъ преемникомъ Павла, а регентство до его совершеннолѣтія передать его матери; было даже намѣреніе предложить этотъ планъ самой Елизаветѣ. Образъ дѣйствія Петра по вступленіи на престолъ сдѣлалъ болѣе распространеннымъ этотъ планъ. Заговоръ составился въ привычной къ заговору средѣ—гвардейскихъ казармахъ. Гвардію не было нужды подготовлять къ перевороту: къ подобнымъ переворотамъ она была давно подготовлена предшествовавшими дворцовыми переворотами. Своимъ отношеніемъ къ войску, особенной антипатіей къ цвѣту его, полкамъ гвардейскимъ, Петръ самъ превосходно подготовилъ ихъ къ предпріятію. Нужны были только вожди, которые бы въ удобную минуту подняли гвардію во имя популярнаго лица. Ропотъ среди гвардейцевъ противъ императора выражался даже открыто на улицахъ, такъ что наблюдатели уже весною 1762 года опасались «кк. бы не случился бунтъ», по выраженію Болотова. Эти вожди скоро явились: то была гвардейская офицерская молодежъ, среди которой чрезвычайно популярна императрица. Самыми видными дѣльцами переворота были офицеры гвардейскихъ полковъ: Преображенскаго—Пассекъ и Бредихинъ; Измайловскаго—братья Рославлевы и Ласунскій; офицеръ конной гвардіи 22-лѣтній Хитрово и 17-лѣтній унтеръ-офицеръ Потемкинъ. Это были дѣльцы переворота въ отдѣльныхъ полкахъ. Но душой предпріятія были братья Орловы, это цѣлое гнѣздо—ихъ было пятеро. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ былъ второй—Григорій, артиллерійскій офицеръ. Участвуя въ Семилѣтней войнѣ, молодой, красивый и сильный, кк. и всѣ Орловы, онъ былъ

герой при попойкахъ и дракахъ. Орловы были любимцы во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ; въ рукахъ ихъ и сосредоточивались нити всего предпріятія. Григорій вдохновлялъ, братъ его Алексѣй, богатырь того времени, которому ничего не стоило потомъ поднять карету съ императрицей на своихъ плечахъ, былъ рабочимъ въ предпріятіи. То были дѣльцы заговора. Они къ іюню уже успѣли настолько его организовать, что могли разсчитывать на огромную вооруженную массу, сочувствовавшую дѣлу. Если вѣрить самой Екатеринѣ, въ іюнѣ она располагала 40 офицерами и 10-ю тысячами гвардейскихъ солдатъ. Всѣ сочувствовавшіе дѣлу были раздѣлены на группы, на отдѣлы. Руководители отдѣловъ сходились для совѣщаній, но посредниками между составленнымъ тайнымъ обществомъ и лицомъ, во имя котораго затѣвалось предпріятіе, служили братья Орловы. Григорій, которому тогда было 27 лѣтъ, давно былъ въ сношеніяхъ съ императрицей; только эти сношенія искусно скрывались. Екатерина относилась къ дѣлу сначала безучастно, т. е. осторожно. Друзья уже въ минуту смерти Елизаветы обращались къ ней съ предложеніемъ, внушали, что можно начать дѣйствовать, но она отклонила эти предложенія. Повидимому, ее и не хотѣли слишкомъ замѣшивать въ дѣло изъ предосторожности. Даже подозрительный надзоръ, руководителемъ котораго былъ не Петръ, а прусскій посланникъ Гольцъ, не могъ уловить нити, посредствомъ которой Екатерина управляла дѣломъ, т. е. уловить ея сношенія съ главами заговора. Толчекъ къ движенію, заставившій императрицу дѣятельно вмѣшаться въ заговоръ, обратить большее вниманіе на внушеніе друзей, данъ былъ самимъ Петромъ по случаю празднованія позорнаго мира съ Фридрихомъ Прусскимъ въ маѣ 1762 г. По случаю этого мира во дворцѣ былъ парадный обѣдъ. Петръ провозгласилъ тостъ за императорскую фамилію. Екатерина выпила не вставши. Петръ спросилъ, почему она не встала. Екатерина отвѣчала, что не считала это нужнымъ, т. к. императорская фамилія состоитъ изъ императора, ея самой и ихъ сына. «А мой дядя?» закричалъ сердито Петръ. Сказавши это, онъ приказалъ адъютанту Гудовичу подойти къ императрицѣ и сказать ей, что она дура. Но боясь, что Гудовичъ точно не передастъ это мудреное слово, онъ самъ закричалъ его въ присутствіи сановниковъ и другихъ лицъ. Императрица расплакалась, но потомъ, овладѣвъ собой, обратилась къ стоявшему у нея за стуломъ шутнику и остряку Строгонову, попросила его начать какой-нибудь забавный разговоръ, что Строгановъ исправно и сдѣлалъ. Въ тотъ же вечеръ данъ былъ приказъ арестовать императрицу. Исполнитель приказа, адъютантъ князь Барятинскій, участникъ заговора, не зная, что дѣлать, бросился къ дядѣ императора, принцу Георгу Голштинскому, фельдмаршалу и командиру Конногвардейскаго полка, извѣстнаго тогда въ Петербургѣ просто подъ именемъ принца Жоржа. Принцъ Жоржъ отговорилъ племянника. Это приключеніе, если вѣрить Екатеринѣ, впервые открыло ей глаза на грозившую ей опасность, и она внимательнѣе стала относиться къ предложеніямъ своихъ друзей, т. е. дѣятельнѣе вмѣшивалась въ заговоръ. Заключивъ миръ съ Пруссіей, отдавъ Фридриху всѣ завоеванія, пожертвовавъ всѣми, пріобрѣтенными выгодами, Петръ съ шумомъ начинаетъ войну съ Даніей за свои голштинскіе интересы, которые у него всегда стояли на первомъ планѣ. Онъ готовился самъ

отправиться въ армію, дѣйствовавшую противъ Фридриха до смерти Елизаветы и теперь изъ Пруссіи готовившуюся въ походъ на Данію. Заговорщики рѣшились дождаться отъѣзда императора, чтобы начать дѣйствовать.

Такъ устроенъ былъ заговоръ. Не думайте, однако, что онъ былъ исключительно дѣломъ гвардейской молодежи: ему сочувствовали и высшія правительственныя сферы, которыя только не хотѣли принимать прямого участія въ заговорѣ; даже въ средѣ близкой къ императору были такія сочувствовавшія лица. Важнѣе всего для заговорщиковъ былъ гетманъ Кириллъ Разумовскій. чрезвычайно популярный человѣкъ въ Преображенскомъ полку, которымъ онъ командовалъ. Популярность эту онъ пріобрѣлъ своей безпримѣрной щедростью; онъ сорилъ деньгами въ полку, благодаря своему огромному богатству. Ласунскій, его домашній человѣкъ, былъ посредникомъ между нимъ и офицерами. Но Разумовскій не разрывалъ своихъ близкихъ сношеній съ императоромъ. Важное значеніе для заговорщиковъ имѣлъ Никита Панинъ; это первостепенный дипломатъ, тогда бывшій при дѣлахъ, хотя занималъ онъ должность воспитателя великаго князя наслѣдника Павла. При Елизаветѣ онъ былъ посломъ въ Швеціи и на посту этомъ прекрасно представлялъ интересы русскаго кабинета. Панинъ—лѣнтяй, для котораго тяжка была всякая работа, тихонько и оставаясь въ тѣни, подготовлялъ дѣло. Но, такъ кк. у него были свои политическіе планы, далеко расходившіеся съ видами императрицы, то онъ не высказывался и не вмѣшивался дѣятельно въ самый заговоръ. Панинъ не желалъ просто передать власть отъ одного лица къ другому; онъ думалъ, что съ этимъ переворотомъ надо связать вопросъ объ образѣ правленія въ Россіи, чтобы свести дѣла съ той колеи, по которой шли они, освободить ихъ отъ вліянія случая. Послѣ мы познакомимся съ его политическими планами. Если не вліятельную и полезную, то видную и шумную роль играла въ дѣлѣ еще одна молодая дама, имѣвшая 18 лѣтъ отъ роду—княгиня Екатерина Романовна Дашкова, которая въ запискахъ своихъ разсказываетъ объ этомъ переворотѣ. Впрочемъ, не надо вѣрить этому разсказу: онъ передаетъ дѣло въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ; по разсказу ея, никакого заговора не было, а все она сдѣлала; всѣхъ она уговорила, всѣхъ вывела на улицу, и совершила революцію. Это потому, что она много хлопотала и не замѣтила заговора, т. е. вожди заговора не сообщили ей ничего. Екатерина Романовна, племянница тогдашняго великаго канцлера Воронцова и родная сестра фаворитки императора, Елизаветы Романовны,—еще до царствованія Петра сблизилась съ великой княгиней Екатериной. Первоначально ихъ сблизили общіе интересы—литературные; обѣ онѣ были поклонницами французской литературы и въ петербургскомъ высшемъ обществѣ считали себя единственными образованными дамами. Тотчасъ по смерти Елизаветы, Дашкова хлопочетъ объ избавленіи Екатерины отъ грозившей ей опасности, приступаетъ съ просьбой указать ей планъ дѣйствій. Екатерина отвѣчаетъ уклончиво, что она готова встрѣтить терпѣливо все, что ее ожидаетъ, т. е. что она не хочетъ довѣриться такому молодому лицу. Дашкова хлопочетъ привлечь къ предпріятію Никиту Панина, когда Никита Панинъ уже давно сдѣлалъ больше ея. У мужа ея, молодого человѣка, собирались гвардейскіе офицеры. Она ихъ уго-

варивала примкнуть къ дѣлу; а это были все давнишніе заговорщики, устроившіе дѣло и руководившіе имъ. Они молчаливо соглашались съ молодой княгиней, но не посвящали ее въ свое дѣло. Дашкова всюду хлопотала, суетилась больше всѣхъ, считала себя устроительницей предпріятія и до конца его не замѣтила, что предпріятіе устроилось помимо ея, и вожди дѣла не хотѣли посвятить ее въ тайну. Фридрихъ не даромъ называлъ Дашкову «хлопотливой мухой съ повозкой».

Вожди заговора старались ускорить ходъ дѣла, и для того стали распространять слухи объ опасности, угрожавшей императрицѣ. Слухи эти имѣли основаніе въ приказѣ объ арестѣ, который былъ изданъ императоромъ. Весь Петербургъ былъ убѣжденъ, что въ недалекомъ будущемъ Екатеринѣ предстоитъ разводъ и заключеніе въ монастырь. Мѣсто ея предполагали замѣнить Елизаветой Воронцовой. Теперь, когда она вмѣшалась въ заговоръ, можно было разсчитывать на участь еще болѣе печальную, чѣмъ монастырь, хотя и монастырь былъ тяжелой долей для поклонницы Вольтера. Собираясь въ армію, императоръ велъ за собою и гвардію; гвардіи горько было разставаться со столицей, особенно для такой смѣшной войны, которая тогда затѣвалась.

Какъ при вступленіи Елизаветы, такъ и теперь дѣло рѣшено было сдѣлать до выступленія гвардіи. Солдаты съ часу на часъ ждали бѣды надъ любимой императрицей. 17-го іюня къ Пассеку прибѣгаетъ внѣ себя гвардейскій солдатъ и говоритъ, что императрица навѣрно погибла. Пассекъ сталъ увѣрять его, что это вздоръ, и отпустилъ солдата отъ себя. Не угомонившись, солдатъ бросился къ другому офицеру съ той же тревогой. Но этотъ офицеръ не принадлежалъ къ обществу и, смекнувъ, что Пассекъ не арестовалъ солдата, сообразилъ, что дѣло нечисто; онъ донесъ по начальству, и послѣднее приказало арестовать Пассека. Это и подняло на ноги весь Преображенскій полкъ и другихъ заговорщиковъ. У Дашковой сидѣлъ Панинъ въ то время, когда прискакалъ гр. Орловъ съ извѣстіемъ объ арестѣ. Дашкова подумала, что Григорій спѣшилъ сообщить это извѣстіе ей, кк. главѣ заговора; гр. Орловъ собственно искалъ Панина, съ которымъ ему нужно было переговорить. Встревоженная этимъ Дашкова сдѣлала распоряженіе, чтобы тотчасъ отправились въ Петергофъ, гдѣ жила императрица, и привезли ее въ Петербургъ, пославъ для этого даже карету изъ Петербурга. Но Орловъ уже сдѣлалъ распоряженіе. Рано по утру 28-го іюня Алексѣй Орловъ скакалъ къ Петергофу и прямо безъ доклада вошелъ въ спальню къ императрицѣ: «пора вставать! Все готово къ вашему провозглашенію». «Какъ, что?» перебила Екатерина, «Пассекъ арестованъ». Екатерина болѣе не спрашивала, дѣло было понятно: арестованный Пассекъ могъ подвергнуться пыткѣ и выдать всѣхъ. Алексѣй Орловъ усадилъ императрицу въ карету, въ которой пріѣхалъ, и повезъ ее прямо въ Измайловскіе казармы, гдѣ солдаты были уже приготовлены къ встрѣчѣ Григоріемъ Орловымъ и другими офицерами. Солдаты съ шумомъ выбѣжали изъ казармъ, бросились цѣловать руки, ноги, платье императрицы; притащили подъ руки священника съ крестомъ и начали присягать. Присягнувъ, они съ тѣмъ же священникомъ во главѣ пошли въ казармы Семеновскаго полка, гдѣ повторились тѣ же самыя сцены. Во главѣ двухъ полковъ Екатерина двинулась къ Казанскому собору, и здѣсь былъ отслуженъ Дмитріемъ Сѣченовымъ молебенъ. Екатерина

провозглашена была самодержавной императрицей. Не возбуждали вопроса о законности переворота. Изъ Казанскаго собора отправились къ Зимнему дворцу, нынѣшнему Большому. Тамъ былъ въ сборѣ сенатъ и синодъ; оба учрежденія и не возбуждали вопроса о законности начатаго Екатериной дѣла. Наскоро здѣсь составленъ былъ манифестъ безсвязно, безграмотно, что объяснялось поспѣшностью его изготовленія. Манифестъ этотъ гласилъ, что Екатерина вступилась за православную вѣру, попранную императоромъ, за военную славу Россіи, опозоренную миромъ съ Пруссіей, и, наконецъ, за цѣлость внутреннихъ государственныхъ порядковъ, которые совсѣмъ ниспровержены дѣйствіями Петра.

Надо было обезпечить за собой важнѣйшіе стратегическіе пункты, прежде всего, флотъ и Кронштадтъ. Туда отправленъ былъ адмиралъ Талызинъ съ приказаніемъ принять начальство надъ крѣпостью и флотомъ. Къ вечеру предпринятъ былъ походъ въ Петергофъ. Екатерина съ Дашковой, обѣ верхомъ и обѣ въ гвардейскихъ мундирахъ, съ распущенными волосами подъ шляпами, украшенными дубовыми вѣтками, стали во главѣ значительнаго отряда гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, всего тысячъ до 14; вечеромъ выступили изъ Петербурга и, отдохнувъ короткое время на полу-дорогѣ, утромъ 29-го подошли къ Петергофу. Императоръ жилъ въ Ораніенбаумѣ. 29-го іюня (день его имянинъ) предполагалось наканунѣ со всѣмъ дворомъ переѣхать въ Петергофъ и на другой день отпраздновать имянины баломъ, для чего Екатеринѣ приказано было приготовить бальное платье. Послѣ обѣда императоръ двинулся въ Петергофъ, пославъ напередъ Гудовича приготовить помѣщеніе. Гудовичъ воротился въ страшномъ испугѣ, объявивъ, что императрицы нѣтъ. Петръ встревожился, выскочилъ изъ кареты, пробѣжалъ черезъ садъ въ домикъ, гдѣ жила Екатерина, въ Монплезирѣ, обшарилъ всѣ углы въ домѣ, перетряхнулъ даже бальное платье, чтобы узнать, нѣтъ ли ея тамъ, и внѣ себя выбѣжавъ къ обществу, сказалъ: «Я, вѣдь, говорилъ, что она на все способна». Тогда онъ бросился искать ее по саду, пока ему не сообщили о томъ, что случилось въ Петербургѣ. Петръ совершенно растерялся; его визгливые крики смѣшались съ плачемъ и говоромъ, поднявшимся въ его свитѣ. Одинъ Минихъ предлагалъ ему опредѣленный планъ дѣйствія. Онъ сказалъ, что надо спѣшить въ Кронштадтъ, захватить крѣпость и уничтожить движеніе. Но для этого плана нуженъ былъ смѣлый человѣкъ. Все общество поплыло къ Кронштадту. Кронштадтъ былъ уже въ рукахъ Талызина, который далъ знать приближающимся, что если они не удалятся, то онъ будетъ стрѣлять изъ крѣпости. Минихъ говорилъ императору, чтобы онъ не обращалъ вниманія на эту угрозу, а вмѣстѣ съ нимъ, Минихомъ, спрыгнулъ на берегъ, и тогда все будетъ устроено. Но Петръ забился въ самый уголъ барки и тамъ съ оханьемъ жаловался на свою судьбу. Общество воротилось назадъ. Екатерина приближалась къ Петергофу, Петръ послалъ ей предложеніе раздѣлить власть; предложеніе осталось безъ отвѣта. Тогда онъ ей предложилъ отречься отъ престола; Екатерина приняла это предложеніе, но съ условіемъ подписать тотъ актъ отреченія, который она составитъ. Петръ подписалъ этотъ актъ отреченія, въ которомъ самъ себя обвинялъ въ неспособности управленія. Между тѣмъ занятъ былъ Петергофъ, и Петра привезли изъ Ораніенбаума; съ трудомъ можно

было спасти его отъ остервенѣвшихъ солдатъ. Петръ не сохранилъ никакого достоинства; увидавшись съ Панинымъ, бросился цѣловать его руки. Воронцова упала на колѣни и просила не разлучать ее съ Петромъ. Петръ просилъ, удаляясь съ престола, оставить ему 4 любимые предмета: Воронцову, негра, собаку и скрипку. Этотъ случайный, минутный гость русскаго престола, кк. началъ, такъ и кончилъ скоморохомъ. Его тотчасъ перевезли въ Ропшу, загородный дворецъ въ 27 верстахъ отъ Петергофа. Его предназначили для другой крѣпости, и приказано было приготовить для него помѣщеніе въ Шлиссельбургѣ. Такъ совершился переворотъ.

Устроивъ все, 30-го Екатерина имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ. День былъ ясный и жаркій, и Петербургъ встрѣтилъ императрицу съ неописаннымъ восторгомъ. Это была самая веселая изъ извѣстныхъ намъ революцій; въ продолженіе ея не было пролито ни капли крови; но безкровная, она не была безвинная: вина было выпито много. Солдатамъ были открыты погреба, кабаки и трактиры. У виноторговцевъ брали напитки безъ позволенія хозяевъ. Солдаты и солдатки въ ушаты и боченки сливали водку, вино, пиво, шампанское, и все это выпивали. Пиръ былъ на весь міръ. Въ 1785 г. еще шло въ сенатѣ дѣло виноторговцевъ о вознагражденіи ихъ за растащенное солдатами и другими людьми вино, суммой въ 24 т. 31 р., выпитое при благополучномъ Ея Императорскаго Величества восшествіи на россійскій престолъ. Однако переворотъ имѣлъ и свой печальный эпизодъ: 6-го іюля, среди хлопотъ новой императрицы, она получила извѣстіе о смерти Петра въ Ропшѣ. Смерть эта была насильственная, о ней позаботились Орловы, безъ согласія на то Екатерины. Дашкова навѣстила ее въ самую минуту этой вѣсти; Екатерина была убита событіемъ; она сказала Дашковой: «эта смерть приводитъ меня въ ужасъ, ударъ этотъ сокрушилъ меня». Въ самомъ дѣлѣ, такой эпизодъ бросаетъ очень мрачную тѣнь на безкровную революцію. Виновникомъ дѣла былъ Алексѣй Орловъ; это теперь несомнѣнно; это онъ засвидѣтельствовалъ въ письмѣ къ Екатеринѣ. Онъ писалъ это письмо наскоро и, кажется, не совсѣмъ трезвымъ; очевидно, для ободренія потребовались крѣпкіе напитки. Алексѣй Орловъ просилъ въ письмѣ прощеніе за совершившееся. По смерти Екатерины, Безбородко передалъ императору Павлу шкатулку, въ которой бережно хранились нѣкоторыя бумаги; въ числѣ этихъ бумагъ было и письмо Алексѣя Орлова, тогда еще живого. Павелъ, прочитавъ письмо, говорятъ, воскликнулъ: «Слава Богу, теперь разсѣяны всѣ сомнѣнія, которыя я имѣлъ насчетъ отношеній моей матери къ смерти отца».

Такъ на престолъ вступила императрица, получившая власть безъ всякихъ обязательствъ; кк. самодержавная государыня. Теперь мы должны познакомиться съ этимъ лицомъ, его біографіей и характеромъ.

Екатерина II. Ея біографія.

Императрица Екатерина была такою же политической случайностью, какихъ много бывало на русскомъ престолѣ въ XVIII в. По происхожденію своему она соединяла въ себѣ два мелкихъ княжества сѣверной Германіи: по матери она была связана съ домомъ Голштин-

скимъ, а отецъ ея былъ мелкій принцъ, владѣвшій княжествомъ Ангальтъ-Цербтскимъ. Этотъ отецъ, владѣтельный принцъ, состоялъ на прусской службѣ сначала былъ комендантомъ, а потомъ губернаторомъ Штеттина, неудачно баллотировался въ герцоги курляндскіе и кончилъ жизнь прусскимъ фельдмаршаломъ. Въ Штеттинѣ и родилась 2-го мая 1722 г. его дочь Софья-Августа, наша Екатерина II. Такимъ образомъ, Екатерина вышла изъ міра мелкихъ князей сѣверной Германіи. Это былъ любопытный уголокъ Европы, имѣвшій нѣкоторое значеніе въ ея политической исторіи. Эти мелкіе князья играли, однако, видную роль въ исторіи крупныхъ державъ, благодаря своимъ широкимъ родственнымъ связямъ; здѣсь все были наслѣдники и наслѣдницы, ждавшіе чужого престола; здѣсь всегда былъ неистощимый запасъ мелкихъ жениховъ, которые высматривали крупныхъ невѣстъ, и мелкихъ невѣстъ, которыя мѣтили на крупныхъ жениховъ. Европейскій міръ привыкъ видѣть въ этомъ углу Европы коллекцію царскихъ головъ, не имѣвшихъ своей короны, но дожидавшихся коронъ, которыя оставались безъ головъ. Голштинскій домъ шелъ впереди своихъ сосѣдей въ этомъ исканіи чужихъ коронъ и престоловъ, или, по крайней мѣрѣ, выгодныхъ должностей на чужой службѣ. Благодаря тому, что одна изъ дочерей Петра вышла за герцога Голштинскаго, домъ этотъ получилъ нѣкоторое значеніе и въ нашей исторіи XVIII ст. Екатерина была тѣсно связана съ этимъ домомъ по родству со стороны матери. Недаромъ еще въ дѣтствѣ одинъ каноникъ въ Брауншвейгѣ предсказалъ ей блестящую будущность. «На лбу вашей дочери», сказалъ онъ ея матери, «я вижу три короны».

Екатерина воспитывалась въ суровой обстановкѣ. Отецъ ея былъ усердный служака Фридриха II-го, и въ дѣлахъ дома подчинялся командѣ своей жены; а эта жена была удивительная дама, непосѣдливая и неуживчивая, вѣчно со всѣми ссорившаяся—живая интрига, воплощенное приключеніе. Въ жизни своей она исколесила всю Европу, участвовала во всякихъ закулисныхъ дипломатическихъ интригахъ, служила Фридриху II по такимъ дипломатическимъ дѣламъ, за которыя стыдились взяться настоящіе дипломаты и этимъ заслужила его расположеніе; она скончалась незадолго до вступленія на престолъ дочери, въ Парижѣ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ воспитаніи дѣтей она держалась самыхъ простыхъ правилъ; Екатерина сама послѣ признавалась, что за каждую неловкость ждала себѣ отъ матери пощечины.

Встрѣча счастливыхъ случайностей вывела Екатерину изъ ея скромной доли. Одинъ изъ ея многочисленныхъ дядей, герцогъ голштинскій, нѣкоторое время считался женихомъ нашей Елизаветы, когда она была еще великой княжной; несмотря на преждевременную смерть принца, Елизавета всегда сохраняла самое нѣжное о немъ воспоминаніе и потому жаловала его племянницу съ матерью. Разъ даже подарила имъ портретъ своего бывшаго жениха, украшенный брилліантами. Портретъ могъ остаться фамильнымъ украшеніемъ, а брилліанты были очень нужны бѣдной семьѣ штеттинскаго коменданта. Въ то время Елизавета озабочена была отыскиваніемъ удобной невѣсты для своего племянника, наслѣдника престола. Близкіе люди уговаривали взять невѣсту поскромнѣе, безъ вліятельнаго родства, потому что такая невѣста будетъ особенно почтительна къ императрицѣ и къ

наслѣднику. Въ пользу Екатерины хлопоталъ тѣсный кружокъ, тогда ворочавшій всѣми дѣлами при русскомъ дворѣ. Этотъ кружокъ состоялъ изъ воспитателя наслѣдника голштинскаго агента Брюмера, дипломатическаго французскаго агента маркиза де-ля Шетарди, пріѣхавшаго хлопотать о союзѣ Россіи съ Франціей, наперекоръ Бестужеву-Рюмину, который держался австрійскаго союза; изъ Лестока одного изъ дѣятелей переворота 1741 г. получившаго пенсію отъ Франціи за свои французскія услуги при русскомъ дворѣ; наконецъ, изъ нѣсколькихъ приверженныхъ русскихъ, близкихъ къ Елизаветѣ, большею частью личныхъ враговъ канцлера Бестужева-Рюмина. Эти люди и уговаривали Елизавету отдать предпочтеніе передъ всѣми невѣстами Екатеринѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя доводилась троюродной сестрой своему будущему мужу. Въ 1744 г. въ глубокой тайнѣ мать съ дочерью отправились въ Петербургъ и явились неожиданно для всего дипломатическаго міра, который не ожидалъ такого страннаго выбора. Тайная рука, устроившая это дѣло, принадлежала прусскому королю Фридриху II. Онъ самъ впослѣдствіи признавался, что бракъ дочери его штеттинскаго коменданта съ наслѣдникомъ русскаго престола необходимъ былъ для обезпеченія прусскихъ интересовъ, и что Екатерина была для него самымъ удобнымъ орудіемъ для обезпеченія этихъ интересовъ. Екатерина явилась въ Петербургъ очень бѣдной невѣстой. она привезла туда, по ея словамъ, всего дюжину сорочекъ и 3—4 платья, да и тѣ сдѣланныя на вексель. Такого гардероба было мало для русскаго двора, при которомъ разъ во время пожара сгорѣло 4000 стоявшихъ на очереди платьевъ.

Екатерина попала при русскомъ дворѣ въ пестрое суетливое общество, которое было въ хлопотахъ съ утра до вечера. Хлопоты эти преимущественно сосредоточивались вокругъ карточнаго стола. Карточная игра свирѣпствовала въ тѣ годы, когда императрица была еще здорова. Въ первое время положеніе Екатерины при дворѣ было очень шатко. Достаточно одного случая, чтобы понять всю щекотливость ея положенія. Разъ, еще невѣстой, сидитъ она на окнѣ съ женихомъ и смѣется; вдругъ изъ комнаты императрицы вылетаетъ Лестокъ и говоритъ: «скоро кончится ваше блаженство», затѣмъ, обращаясь къ Екатеринѣ, прибавляетъ: «извольте укладываться, вы скоро уѣдете домой». Мать поссорилась со всѣми при дворѣ и съ императрицей, которая едва не выслала ее съ дочерью домой. Впослѣдствіи принцесса Ангальтъ-Цербтская была выслана, но безъ дочери. Значитъ, Екатеринѣ нужно было держаться вѣчно насторожѣ. Она впрочемъ, хорошо была подготовлена ко всякимъ житейскимъ невзгодамъ. Фамильнымъ преданіемъ Голштинскихъ, Ангальтъ-Цербтскихъ и др. выходцевъ было жить на чужой сторонѣ, на чужой службѣ. Эту фамильную привычку унаслѣдовала и Екатерина, которая какъ всѣ бездомные люди всюду чувствовала себя дома. Въ молодости она много видѣла: она воспитывалась въ Штеттинѣ, часто была въ Брауншвейгѣ, Гамбургѣ, Килѣ; ее возили даже въ Берлинъ, гдѣ она видала дворъ прусскаго короля. Такая подвижная жизнь много помогла раннему развитію наблюдательности и житейской опытности. Екатерина, вообще, развилась рано; въ 14 лѣтъ она поражала всѣхъ своимъ ростомъ и своею развитостью. Воспитаніе также обогащало запасъ ея житей-

ской опытности; чего-нибудь да стоилъ одинъ личный составъ ея воспитателей. Въ то время сѣверная Германія была наводнена гугенотами, бѣжавшими изъ Франціи, вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта; гугеноты эти большею частью принадлежали къ французскому мѣщанству; они скоро завладѣли торговлею и промышленностью сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ и начали уже овладѣвать школой и воспитаніемъ. Екатерина училась у паписта, католическаго патера Перара, у лютеранскаго пастора Вагнера, который ненавидѣлъ папу, у кальвиниста Лорана, который ненавидѣлъ и папу и Лютера; а попавъ въ Россію, училась закону Божію у архимандрита Симона Тодорскаго, который ненавидѣлъ и папу, и Лютера, и Кальвина. Можно понять, какой разнообразный и богатый запасъ религіозныхъ свѣдѣній должна была получить Екатерина отъ такихъ воспитателей, рѣдко соединяющихся для одного общаго дѣла. Вышедши замужъ, она не долго ужилась съ мужемъ. Это понятно, довольно трудно представить себѣ двухъ людей, которые бы такъ мало шли другъ къ другу, какъ императоръ Петръ и Екатерина. Черезъ нѣсколько времени они разошлись ко взаимному удовольствію. Петръ былъ очень радъ, что избавился отъ общества жены; жена была очень рада, что избавилась отъ общества мужа; это открыло ей обширный досугъ. Въ шутливой эпитафіи, какую Екатерина сама написала себѣ въ 1773 г., она признается, что въ 18 лѣтъ скуки и уединенія она поневолѣ прочла много книгъ; этими книгами были сначала романы, но потомъ ей попалась въ руки книжка Вольтера, и она прочла ее съ восторгомъ; съ тѣхъ поръ, по ея словамъ, она не читала ничего, что не было такъ хорошо написано, и изъ чего нельзя было извлечь такой же пользы. Разборчивость въ выборѣ матеріала для чтенія впослѣдствіи помогла ей обогатиться самыми разнообразными знаніями. При русскомъ дворѣ этими знаніями, этой развитостью, которую она пріобрѣла воспитаніемъ, она старалась воспользоваться для достиженія трудныхъ задачъ, ей здѣсь предстоящихъ. Ей нужно было здѣсь упрочить свое положеніе, которое лишилось одной изъ главныхъ опоръ со времени охлажденія между нею и Петромъ. Прежде всего Екатерина поставила себѣ задачей внимательно изучить русскіе обряды; она часто молилась и постилась особенно при людяхъ. Прислуга нерѣдко заставала ее въ спальнѣ передъ иконами съ молитвенникомъ въ рукахъ. Разъ Елизавета велѣла ей говѣть на первой нелѣлѣ поста; Екатерина попросила у нея позволенія поститься весь постъ. Второй ея заботой было изученіе русскаго языка. Часто по ночамъ она вставала, чтобы заучить мудреныя русскія слова. Эти безвременныя занятія разъ даже причинили ей опасную болѣзнь. Оба эти занятія служили средствомъ для изученія среды, въ которую она попала. Среда эта была мудреная, не совсѣмъ привычная для Екатерины; она пользовалась различными средствами для ея изученія. Она разспрашивала прислугу, даже не чуждалась подслушиванія; разъ больная притворилась спящей; присутствовавшія дамы говорили о такихъ вещахъ, о которыхъ онѣ безъ этой хитрости не сказали бы ей. Такимъ образомъ, Екатерина довольно близко вошла въ жизнь и въ отношенія общества, среди котораго ей приходилось вращаться. Она описываетъ намъ тактику, какой она держалась; она говоритъ, что старалась пріобрѣсти любовь всѣхъ большихъ и малыхъ, и взяла себѣ за правило думать что

нуждается во всѣхъ; не держалась никакихъ партій, ни во что не вмѣшивалась, была со всѣми ласкова, никому не отдавая предпочтенія, старалась казаться веселой, оказывала безпрекословное повиновеніе матери, которой не терпѣла, глубокое уваженіе императрицѣ, надъ которой смѣялась, и глубокое почтеніе къ мужу, котораго презирала; однимъ словомъ, всѣми средствами старалась заслужить любовь въ публикѣ. У ней была опредѣленная цѣль, къ которой она направляла эту хорошо разсчитанную тактику; цѣлью этой былъ русскій престолъ. По ея признанію, она охотно бы разсталась съ мужемъ; въ запискахъ своихъ она передаетъ свое раздумье наканунѣ свадьбы. Будущее не обѣщало ей ничего прочнаго. «Одно честолюбіе», говоритъ она, «меня поддерживаетъ; во мнѣ есть, я не знаю, что такое, что ни на минуту не оставляетъ во мнѣ сомнѣнія, что рано или поздно я добьюсь своей цѣли, сдѣлаюсь самодержавной императрицей». Этой цѣли принесены были тѣ нравственныя жертвы, о которыхъ она разсказываетъ. Ей пришлось пережить много огорченій, особенно выходившихъ изъ ея отношеній къ мужу; мужъ обращался съ ней при людяхъ презрительно; она должна была скрывать страданія, которыя испытывала, чтобы не быть жертвой состраданія другихъ. Наплакавшись наединѣ, она быстро стирала слезы и выходила къ фрейлинамъ всегда смѣющаяся и спокойная. Это умѣнье уступать обстоятельствамъ, примиряться съ ролью брошенной жены, было вознаграждено ея успѣхомъ при дворѣ. Она взяла свое положеніе съ бою и уже при Елизаветѣ успѣла упрочить его, хотя этому много помогъ и ея мужъ. Елизавета, ближе узнавъ племянника, выходила изъ себя при одной мысли о немъ. Екатерина передаетъ въ своихъ запискахъ тѣ ужасные эпитеты, которыми тетка честила своего племянника; чѣмъ больше охладѣвала императрица къ Петру, тѣмъ больше она научалась цѣнить его жену. Уже лѣтъ за 5 до смерти Елизаветы, наблюдатели свидѣтельствуютъ о томъ вліяніи, какое она получила при дворѣ. Въ началѣ Семилѣтней войны, въ 1756 г., англійскій посланникъ Вильямсъ пишетъ о великой княгинѣ въ своемъ донесеніи правительству: «съ самаго прибытія своего въ Петербургъ великая княгиня всѣми средствами старалась пріобрѣсти всеобщую любовь, но теперь ее не только любятъ, но и боятся. Многіе, которые стоятъ въ лучшихъ отношеніяхъ къ императрицѣ, не пропускаютъ случая угодить подъ рукой великой княгинѣ».

Все это перемѣнилось со смерти Елизаветы. Разрывъ между мужемъ и женой сталъ теперь открытѣе. Екатерина должна была испытать пренебрежительное отношеніе еще въ большей степени. Сторонній наблюдатель, французскій посолъ, Брейтель, въ своихъ запискахъ изображаетъ намъ какъ бы лѣтопись невзгодъ, какія постигаютъ брошенную императрицу. Въ началѣ царствованія Петра Брейтель пишетъ, что «великая княгиня старается вооружиться философіей, что, впрочемъ, противорѣчитъ ея характеру;» философія была необходимымъ оружіемъ при томъ положеніи въ какое стала императрица. Въ другой депешѣ посолъ пишетъ: «Говорятъ императрицу узнать нельзя; она чахнетъ и скоро сойдетъ въ могилу». Но, императрица не сошла въ могилу, а твердой стопой шла по избранному пути. Она публично показывала глубокое благоговѣніе къ русскимъ обрядамъ; особенно

была замѣтна при гробѣ Елизаветы; между тѣмъ какъ новый императоръ при этомъ гробѣ вертѣлся, высовывалъ языкъ церковно-служителямъ, императрица исполняла все, что требовалось въ этомъ случаѣ; часто являлась въ церковь, усердно молилась и постилась, чѣмъ заслужила, по словамъ посла, особенную благодарность со стороны духовенства и народа. И плоды ея заботъ скоро сказались; этотъ же посолъ пишетъ, что «императрица показываетъ мужество и твердость, ее любятъ и уважаютъ въ такой же степени, въ какой презираютъ императора». Такимъ тернистымъ путемъ дошла Екатерина до той минуты, когда образовался заговоръ въ ея пользу. Теперь подъ впечатлѣніемъ, ею пережитыми, благодаря опытности, какую ей доставила жизнь, Екатерина выработала въ себѣ особый образъ дѣйствій, даже особый образъ мыслей, словомъ, характеръ любопытный во многихъ отношеніяхъ. Мы познакомимся съ этимъ характеромъ въ слѣдующей главѣ.

Характеристика Екатерины.

Программа ея царствованія.

О царствованіи императрицы Екатерины, о ея дѣятельности много говорили современники, и не меньше люди дальнѣйшихъ поколѣній. Думаю, можно сказать, что образъ Екатерины въ исторіи нашей XVIII-го ст. даже нѣсколько заслоняетъ собою фигуру Петра; изъ-за первой мы, вспоминая нашу исторію прошедшаго столѣтія, иногда забываемъ о послѣднемъ и даже часто то, что принадлежало Петру, готовы приписать Екатеринѣ, по крайней мѣрѣ, считая ее болѣе удачной продолжительницей того, что началъ Петръ. Въ такомъ представленіи много неправильнаго; даже думаю, что это представленіе вполнѣ ложно. Политическая дѣятельность Екатерины во многомъ объясняется ея судьбой и усвоеннымъ ею подъ вліяніемъ житейскаго опыта и обстоятельствъ образомъ дѣйствій. Екатерина родилась и долго вращалась въ очень скромной долѣ, рано испытала лишенія и тревоги, съ какимъ обыкновенно сопряжено необезпеченное положеніе. Но изъ родной обстановки, бѣдной и скудной, судьба въ молодости бросила ее на широкія, шумныя историческія сцены, гдѣ она видѣла очень много славы и власти, много блеска и богатства, встрѣчала людей, которые всѣмъ рисковали для пріобрѣтенія этихъ благъ, подобно прусскому Фридриху II, встрѣчала и такихъ людей, которые успѣшно пріобрѣтали всѣ эти блага помощью риска, подобно нашей императрицѣ Елизаветѣ. Всѣ эти видѣнные Екатериной примѣры соблазнили ее, возбудили и раздражали аппетитъ честолюбія; а Екатерина отъ природы не была лишена тѣхъ качествъ, которыя необходимы для успѣха на такомъ рискованномъ пути. Такъ, Екатерина росла мыслью, что ей самой надобно прокладывать себѣ дорогу, дѣлать карьеру, т. е. надо выработать тѣ качества, которыя необходимы для этого; и судьба пришла ей на помощь: неудачное замужество доставило ей обширную и благодарную практику для развитія этихъ качествъ, не только указало цѣль ея честолюбію, но и сдѣлало достиженіе этой цѣли вопро-

сомъ личной безопасности. Неутомимое преслѣдованіе намѣченной цѣли, тяжелыя испытанія, ею пройденныя при этомъ, сообщили ей удивительную выправку, тотъ закалъ души, говоря ея словами, которымъ она всегда гордилась, и помогли ей выработать основное житейское правило, которымъ она всегда руководилась и которому была столько обязана. Это правило она сама выразила въ одномъ любопытномъ документѣ. Когда пріѣхала въ Россію герцогиня голштинская, невѣста великаго князя наслѣдника Павла, у насъ извѣстная подъ именемъ Натальи Алексѣевны,—Екатерина сама составила для нея инструкцію, которой она должна была руководиться въ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ. Въ инструкціи этой мы читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Я всегда была убѣждена, что лучше обладать сердцами всѣхъ, чѣмъ немногихъ; и этому обдуманному образу дѣйствій я обязана достиженіемъ той ступени, на которой вся Европа стала меня видѣть». Для Екатерины жить—рано стало значить—работать. А такъ какъ вся ея работа состояла въ томъ, чтобы въ незнакомой странѣ, среди чужихъ людей, уговорить встрѣчныхъ вывести ее на дорогу къ намѣченной цѣли, то главной ея задачей стало искусство обрабатывать людей. Но, по самому свойству этихъ занятій, Екатерина въ другихъ нуждалась больше, чѣмъ другіе нуждались въ ней; притомъ она долго вращалась среди людей менѣе ея сильныхъ, но болѣе дальновидныхъ, которые вспоминали объ ней лишь тогда, когда она имъ на что-нибудь понадобилась. Поэтому вторымъ ея житейскимъ правиломъ стала мысль пользоваться обстоятельствами и людьми, такъ чтобы до времени плыть по теченію первыхъ и служить видимымъ, послушнымъ, но не слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ. Она часто отдавалась въ руки другихъ, но только для того, чтобы эти другіе ее, какъ игрушку, могли донести до мѣста, до котораго она не могла сама дойти своими ногами. Въ этихъ основныхъ правилахъ ея дѣятельности заключались и слабыя и сильныя стороны ея характера. Екатерина получила отъ природы и судьбы обильныя средства для дѣйствій: внѣшнія и внутреннія, и внѣшнихъ больше, чѣмъ внутреннихъ. Она была способна къ напряженному, къ усиленному и часто непосильному труду; поэтому она себѣ и другимъ казалась выше себя самой; она очень много работала надъ собой, но она больше работала надъ своими манерами, чѣмъ надъ своими чувствами и мыслями, а отсюда происходило изящество первыхъ и часто прорывавшаяся грубость вторыхъ. Въ умѣ ея было больше гибкости, и воспріимчивости, чѣмъ глубины, вдумчивости; больше выправки, снаровки, чѣмъ силы творчества, какъ и вообще во всей ея натурѣ было больше живости, блеска, чѣмъ чувства. Въ этомъ отношеніи представляютъ нѣкоторый историческій интересъ ея литературныя произведенія; она писала много и объ очень разнообразныхъ предметахъ: автобіографіи, записки, комедіи, и особенно письма. Произведенія ея, дошедшія до насъ на русскомъ языкѣ, конечно прошли уже черезъ руки туземнаго корректора. Екатерина никакъ не могла сладить съ русскимъ языкомъ и писала на немъ невѣроятнымъ образомъ. Точно такъ же не могла побѣдить и русской орѳографіи; въ запискахъ и указахъ, вышедшихъ прямо изъ подъ ея пера, мы встрѣчаемъ большія погрѣшности въ этомъ отношеніи, она умѣла въ русскомъ словѣ, состоящемъ изъ трехъ буквъ, сдѣлать 4 ошибки; вмѣсто «еще» писала «исчо». Но этихъ неудобствъ,

для изучающихъ, не предсталяютъ ея творенія на любимомъ ею французскомъ языкѣ. Екатерина, какъ мы видѣли, очень много читала, читала и старо-русскія лѣтописи, и модныя книжки новѣйшихъ французскихъ философовъ. Припоминая, какъ она много училась и размышляла, мы удивимся сухости и безцвѣтности ея изложенія бѣдности ея воображенія, сдержанности, даже скудости, ея мыслей и чувствъ. Въ ея сочиненіяхъ не найдете ничего, что бы поражало, что бы врѣзалось въ память. Здѣсь нѣтъ ни смѣлыхъ оборотовъ мысли, ни даже удачныхъ фразъ. Всего меньше найдете вы у ней простоты, непринужденности чувства; даже въ самыхъ дружескихъ письмахъ, напр., въ перепискѣ ея съ ея заграничнымъ агентомъ и пріятелемъ барономъ Гриммомъ, она напрасно старается изысканнѣйшею шутливостью, дѣланнымъ остроуміемъ прикрыть пустоту содержанія, скудость мысли и чувства. Екатерина говоритъ тамъ о всевозможныхъ предметахъ, начиная отъ несчастной порчи желудка у ея корреспондента и кончая таинствомъ Евхаристіи, и надъ всѣмъ она смѣется одинаково сухо, такъ что, читая эту переписку, бросишь книгу и скажешь: „что за неопрятная голова, что за невыработанныя чувства“. Гдѣ бы она не появилась, за что бы она ни принималась, она какъ будто бы чувствовала себя на сценѣ, какъ будто играла для кого-то. Обстановка и впечатлѣнія дѣла были для нея всегда важнѣе самаго дѣла и его послѣдствій; оттого ея образъ дѣйствій лучше тѣхъ побужденій которыми онъ вызывался. Дѣйствуя, она больше заботилась о томъ, что скажутъ современники, чѣмъ о томъ, что подумаетъ потомство; поэтому первые цѣнили ее выше, чѣмъ цѣнитъ и будетъ цѣнить послѣднее. Она больше думала о популярности, чѣмъ о пользѣ; ея энергія поддерживалась не интересомъ дѣла, а вниманіемъ другихъ, и падала, какъ скоро это вниманіе ослабѣвало. Вообще, въ ея дѣятельности было больше блеска, эффекта, чѣмъ силы творчества; она лучше умѣла разыграть дѣло, чѣмъ создать его и провести; самое ее будутъ больше помнить, чѣмъ ея дѣла.

Повидимому, что общаго между ею и ея мужемъ, императоромъ Петромъ III? Но у нихъ больше сходства другъ съ другомъ, чѣмъ можно подумать при первомъ взглядѣ на ихъ физіономіи. Оба они были политическими случайностями въ нашей исторіи, и что еще неожиданнѣе, оба они пришли, чтобы послужить слѣпыми орудіями фактовъ, начавшихся до нихъ и развившихся противъ ихъ воли и при ихъ содѣйствіи. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, появился на нашемъ горизонтѣ такой минутный метеоръ, такая блуждающая комета, какой былъ Петръ? Повидимому, онъ совершенная случайность въ нашей исторіи, онъ пришелъ, чтобы довершить одинъ крупный фактъ въ нашей исторіи. Онъ всегда боялся русскаго дворянства, ждалъ отъ него самой большой опасности, ненавидѣлъ его, а между тѣмъ завершилъ процессъ освобожденія дворянъ отъ обязательной службы, процессъ, который поставилъ дворянство во главѣ нашего общества; этому императору принадлежитъ законъ о вольности дворянства 18-го февраля 1762 г. Этотъ ненавистникъ русскаго дворянства призванъ былъ на Русь судьбою, чтобы подписать свое имя подъ этимъ закономъ и исчезнуть, погрузиться въ ту тьму, изъ которой онъ вышелъ. Совершенно такое же значеніе имѣетъ въ нашей исторіи и царствованіе Екатерины, болѣе важное только потому, что оно было болѣе продол-

жительно. Екатерина была тростью книжника-скорописца и призвана была въ нашу страну, чтобы подписаться подъ нѣсколькими законами, подобными указу 18 февраля.

Теперь обратимся мы къ изученію ея дѣятельности и прежде всего разберемъ тѣ вліянія, въ среду которыхъ она стала тотчасъ по вступленіи на престолъ путемъ революціи, захвата власти не по закону, не по установленному обычаю, несогласно съ народными понятіями (власть принадлежала ея сыну). Вліятельныя лица петербургскаго руководящаго общества были того же мнѣнія, что Екатерина имѣетъ право только на регентство до совершеннолѣтія ея сына. Революціонный путь, какимъ Екатерина достигла престола, опредѣлилъ характеръ ея царствованія, указалъ ей даже программу, которой она должна была слѣдовать. Екатерина вступила на престолъ, низвергнувъ правительство своего мужа; это правительство глубоко оскорбило національное русское чувство своимъ пренебреженіемъ къ русскимъ людямъ, интересамъ, русскимъ обычаямъ и даже вѣрованіямъ. Екатерина вступила на престолъ потому, что предшествовавшее царствованіе было очень непопулярно; слѣдовательно, обстоятельства заставляли ее дѣйствовать популярно. Далѣе, она вступила на престолъ, чтобы поправить ошибки прошлаго царствованія въ политикѣ внѣшней и внутренней. Эта политика уронила внѣшнее значеніе Россіи, подвергла риску нѣкоторые существенные ея интересы: слѣдовательно Екатерина обязана была возстановить прежній кредитъ Россіи за границей, освободить отъ опасности, угрожающей ея интересамъ. Безцѣльный произволъ предшествовавшаго царствованія; распоряженія, которыхъ смыслъ никто не могъ понять въ обществѣ, возобновили, какъ на верху, такъ и внизу общества, политическое возбужденіе, вызванное предшествовавшими событіями, т. е. дворцовыми переворотами. Мы знаемъ, что еще въ 1730 г. рѣзко высказались нѣкоторыя политическія тенденціи русскаго дворянства, направленныя къ ограниченію произвола верховной власти. Въ мирное царствованіе императрицы Елизаветы эти политическіе помыслы людей 30 г. затихли по ненадобности, но произволъ Петра III опять вызвалъ наружу то, что затаилось было при Елизаветѣ; опять наверху общества стали подумывать о политическомъ обезпеченіи. Наканунѣ іюньскаго переворота 1762 г. въ разговорѣ съ Дашковой дядя ея, Никита Панинъ, вліятельный человѣкъ при дворѣ, воспитатель великаго князя Павла, говорилъ племянницѣ, что, совершивъ переворотъ, необходимо устроить «образъ правленія въ Россіи на основаніи Шведской монархіи», т. е. устроить конституціонную аристократическую монархію. То же политическое возбужденіе, благодаря дѣятельности Петра, распространилось и въ массѣ общества; образъ дѣйствій правительства и здѣсь заставилъ людей сдѣлаться политиканами. До насъ дошли съ разныхъ сторонъ свидѣтельства объ этомъ возбужденіи умовъ въ массѣ. Прежде всего, современникъ и очевидецъ изучаемаго нами событія, Бологовъ, въ запискахъ своихъ говоритъ, что при Петрѣ III на улицѣ всѣ открыто говорили, рядили и судили о всѣхъ поступкахъ государя. Екатерина въ манифестѣ 6 іюля, извѣщавшемъ русское общество о ея вступленіи на престолъ, признается, что «никого не оставалось въ народѣ, кто бы въ голосъ, безъ трепета, не злословилъ государя». Въ одной своей запискѣ о первыхъ 5 годахъ царствованія она также признается, что въ первые

дни по вступленіи на престолъ еще всюду замѣтны были признаки великаго ропота въ народѣ, вызваннаго образомъ правленія послѣднихъ минувшихъ лѣтъ, т. е. предшествовавшаго царствованія. Итакъ, разумно либеральный образъ дѣйствій Екатерины долженъ былъ изгладить впечатлѣнія испытаннаго самовластія и распространить въ обществѣ убѣжденіе, что пережитый произволъ не повторится болѣе. Далѣе, Екатерина была возведена на престолъ гвардіей, а гвардія и въ то время представляла собой интересы русскаго дворянства; русское же дворянство, какъ мы знаемъ, къ тому времени сдѣлало уже значительные успѣхи въ своихъ стремленіяхъ получить вліяніе на управленіе страной. Итакъ, Екатерина должна была дѣйствовать также въ сословныхъ интересахъ дворянства.

Такова была сложная программа, которую продиктовали Екатеринѣ II обстоятельства ея вступленія на престолъ. Она должна была въ первое время дѣйствовать популярно, въ интересахъ или, по крайней мѣрѣ, въ вкусахъ всего народа, дѣйствовать либерально, согласно съ тѣми политическими идеями, которыя тогда со стороны проникли въ русское общество, и, наконецъ, она должна была дѣйствовать также въ интересахъ сословія, цвѣту котораго обязана была вступленіемъ на престолъ. Памятники, въ которыхъ можно видѣть точное отраженіе ея положенія и мыслей въ первые дни царствованія, указываютъ на эту самую программу, столъ сложную и трудную. Мы сейчасъ увидимъ, какъ эта программа развилась въ первыхъ актахъ ея царствованія.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерина обнародовала манифестъ (въ 1767 г.), въ которомъ подробно изложила обстоятельства совершившагося переворота и обозначала главныя черты программы, которою новое правительство хотѣло руководиться въ своей дѣятельности. Это былъ очень откровенный, т. е. неосторожный манифестъ, и потому правительство впослѣдствіи старалось стѣснить его распространеніе. Здѣсь императрица объявила свое нелицемѣрное и искреннее желаніе быть достойной любви своего народа, для котораго и признавала возведенной себя на престолъ. Екатерина признавала себя призванной на престолъ «для соблюденія православнаго закона, укрѣпленія и защиты отчества, сохраненія правосудія, искорененія зла и всякихъ неправдъ и тѣсненій». Она рѣшительно высказывается въ манифестѣ противъ самовластія, изображаетъ недостатки предшествовавшаго царствованія. «Самовластіе», читаемъ мы въ манифестѣ, «не сдерживаемое въ государѣ, царствующемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ послѣдствіямъ непосредственно бываетъ причиной». Для предупрежденія этихъ послѣдствій Екатерина торжественно обѣщала своимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя постановленія, по которымъ бы «правительство въ своей силѣ и въ принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобы и въ потомствѣ каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка»; Ясна мысль которая выражается въ этомъ недостаточно обработанномъ выраженіи. Самовластіе предшествовавшаго царствованія было возможно потому, что въ основаніи государственныхъ установленій не было точныхъ и твердыхъ законовъ, что государственныя мѣста не имѣли точно

обозначенныхъ предѣловъ своей власти и дѣятельности. Екатерина обѣщала царствовать не только популярно, но и либерально, не только успокоить встревоженное и оскорбленное національное чувство, но и поставить дѣятельность государственныхъ учрежденій въ законныя границы, которыя сдерживали бы капризы власти. О спеціально-сословныхъ интересахъ, то есть объ интересахъ дворянства, неудобно было распространяться въ манифестѣ, однако, въ немъ замѣчено, что предшествовавшее царствованіе особенно раздражило гвардейскіе полки, которымъ императоръ далъ «развращенные и иностранные виды» (намекъ на неуклюжіе прусскіе мундиры, введенные Петромъ III)

Такова программа, какую при самомъ началѣ царствованія торжественно и всенародно объявило новое правительство. Легко замѣтить разногласіе между частями внутренней программы; отдѣльныя части ея не только не имѣли внутренней связи между собой, но и замѣтно противорѣчили одна другой. Дѣйствовать популярно, т. е. въ интересахъ всего народа, при тогдашнихъ обстоятельствахъ было довольно трудно, если правительство думало дѣйствовать вмѣстѣ съ тѣмъ и въ интересахъ сословныхъ. т. е. дворянскихъ. Мы уже видѣли, описывая положеніе этого сословія въ государствѣ около половины XVIII ст. что его частные сословные интересы далеко не вполѣ совпадали съ интересами обще-народными. Съ другой стороны, обѣщая дѣйствовать популярно, т. е. установить новыя государственныя учрежденія, которыя бы сдерживали самовластіе, Екатерина неминуемо должна была прійти въ столкновеніе не только съ русскими правительственными обычаями, но и съ привычками, понятіями русскаго народа. Легко понять, что это за государственныя постановленія, дѣйствовавшія на основаніи точныхъ законовъ; это конституціонное государственное устройство. Такому устройству мало сочувствовала масса тогдашняго русскаго общества. Итакъ, дѣйствуя либерально, нельзя было въ то же время дѣйствовать и популярно. Политическія мечтанія, которыя носились въ головѣ Никиты Панина и его единомышленниковъ, пришлись бы очень не по вкусу большинству русскаго общества, потому что они установляли аристократическій порядокъ, тотъ самый порядокъ, противъ котораго такъ энергично возставало даже либеральное дворянство въ 1730 г. Съ другой стороны, дѣйствуя въ интересахъ дворянства, Екатерина должна была жертвовать интересами огромной крестьянской массы, не населявшей дворянскія земли. Значитъ, необходимо было сдѣлать выборъ, дѣйствовать либо либерально, но не популярно; либо популярно, но не въ интересахъ дворянства. Итакъ, программа, развитая въ манифестѣ 6 іюня, построена была на противорѣчіи, состояла изъ цѣлей, которыхъ нельзя было примирить между собой. Надо было либо дѣйствовать въ общемъ интересѣ, но пожертвовать при этомъ частными интересами дворянства, либо дѣйствовать въ интересахъ послѣдняго, но принести ему въ жертву интересы общенародные. Вопросъ объ отношеніяхъ дворянъ и крестьянъ, т. е. вопросъ о крѣпостномъ правѣ, вотъ что болѣе всего ставило интересы одной стороны во враждебное отношеніе къ интересамъ другой.

Какъ выйдетъ или надѣется выйти изъ этого противорѣчія правительство Екатерины? Способъ, который оно нашло для этого рѣшенія характеризуетъ кк. личность Екатерины, такъ и ея царствованіе.

Она не отказывалась отъ какой-либо цѣли, поставленной въ программѣ въ пользу другой, но она ихъ разобщила; различныя цѣли, она старалась проводить ихъ въ различныхъ сферахъ своей дѣятельности. Народному интересу, популярнымъ стремленіямъ данъ былъ широкій просторъ во внѣшней политикѣ. Здѣсь усилія правительства направлялись въ тѣ стороны, на которыя уже давно было обращено народное вниманіе. Въ устройствѣ и дѣятельности высшаго центральнаго правительства Екатерина оставалась вѣрна тѣмъ политическимъ понятіямъ, которыя господствовали въ массѣ общества. Авторитетъ и дѣятельность правительства остались нетронутыми въ своихъ основаніяхъ,— такими, какими ихъ создала наша исторія, т. е. кк. привыкъ смотрѣть на нихъ весь народъ. Здѣсь, сохранивъ всѣ права самодержавной власти, Екатерина дѣйствовала согласно съ народными понятіями, т. е. популярно. Напротивъ, въ устройствѣ областного управленія, кк. и въ сословныхъ отношеніяхъ, она развивала и защищала интересы дворянства, отдавъ ему въ руки все мѣстное общество. Наконецъ, либеральныя идеи вѣка, которыя тогда со стороны все болѣе проникали въ общество, были признаны правительствомъ, но не для правительственной практики, а больше для украшенія правительственной дѣятельности и общественной жизни. Эти либеральныя идеи проводились въ предисловіи къ законамъ, въ литературныхъ произведеніяхъ, даже въ частныхъ бесѣдахъ императрицы, но не далѣе; практическое законодательство только развивало и закрѣпляло факты, завязавшіеся задолго до Екатерины. Таковъ былъ ходъ дѣйствія, который помогъ Екатеринѣ выйти изъ противорѣчій объявленной ею программы. Пропоганда въ обществѣ идей вѣка и законодательное развитіе и укрѣпленіе фактовъ, не имѣвшихъ съ ними ничего общаго,—вотъ основная мысль политической программы Екатерины. Для ясности укажу на одну подробность этой программы. Почти въ продолженіи всего царствованія Екатерина проводила въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ освободительныя идеи французскихъ литераторовъ и въ продолженіи всего царствованія постепенно затягивала узлы крѣпостного права.

Внѣшняя политика Екатерины II.

Теперь обратимся къ изученію дѣятельности Екатерины II и прежде всего ея внѣшней политики. Внѣшняя политика Екатерины—самая блестящая сторона ея дѣятельности. Когда кто хочетъ сказать хорошее объ этомъ царствованіи, онъ прежде всего укажетъ на внѣшнюю политику, и на блестящіе успѣхи, на завоеванія и побѣды, одержанныя на югѣ и на западѣ, надъ турками и поляками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣшняя политика служила для Екатерины лучшимъ средствомъ пріобрѣсти то расположеніе общества, котораго она искала, заставить забыть послѣднее, о незаконномъ пріобрѣтеніи власти. Наконецъ, вопросы внѣшней политики прежде всего и настойчивѣе требовали себѣ разрѣшенія съ первыхъ минутъ ея царствованія. Дѣятельность Петра Великаго вовлекла Россію въ многочисленныя политическія отношенія съ западной Европой, гдѣ голосъ русскаго кабинета съ 1721 г. съ Ништадтскаго мира, получилъ вѣское значеніе. Но прямые текущіе

интересы крѣпко связали насъ только съ тремя европейскими государственными: Швеціей, Польшей и Турціей; со всѣми остальными государствами мы не имѣли непосредственныхъ соприкосновеній, ни географическихъ, ни политическихъ.

Впрочемъ, и названныя три державы не всѣ имѣли одинаково близкое отношеніе къ интересамъ Россіи. Всѣхъ ближе съ царствованія Петра стояла къ намъ въ нашей дипломатіи Швеція; но съ другой стороны покончены были наиболѣе острые вопросы, Восточный балтійскій берегъ съ частью Финляндіи были завоеваны, а это составляло главную причину раздора со Швеціей до тѣхъ поръ. Мысль объ отмѣсткѣ, съ которой нѣкоторое время носились въ Стокгольмѣ, желаніе оторвать опять у Россіи Ливонію и финское побережье постепенно отходили въ шведской политикѣ на задній планъ, благодаря все яснѣе открывавшейся невозможности оторвать ее. Такъ мы развязались со Швеціей. Но въ то время, какъ Швеція отходила для насъ на задній планъ, Польша еще не успѣла выступить впередъ. Много глубокихъ и непримиримыхъ интересовъ раздѣляло этихъ двухъ сосѣдокъ. Главнымъ вопросомъ, издавна питавшимъ вражду между ними, былъ вопросъ о православныхъ русскихъ, входившихъ въ составъ Польскаго государства. Но до второй половины XVIII в. этотъ вопросъ еще не былъ затронутъ во всей полнотѣ, не получилъ жгучаго развитія. Дѣло въ томъ, что Россія и Польша нуждались другъ въ другѣ. Ихъ нѣсколько сближало одинаковое враждебное отношеніе обоихъ этихъ государствъ къ Турціи. Так. образ., и Польша имѣла второстепенное значеніе въ нашей дипломатіи до половины XVIII в., она не столько являлась для Россіи соперницей, сколько нужна была ей, какъ союзница. Оставалась на дипломатической сценѣ одна Турція. Съ этой стороны на очереди стояли вопросы первостепенной важности. Надобно было продолжать и докончить начатую въ прошедшемъ ст., при первыхъ царяхъ новой династіи, борьбу съ Турціей. Но эта борьба казалась опасной въ одиночку, поэтому искали союзниковъ. Всѣхъ ближе къ Турціи стояла географически и политически Австрія. У ней также были непримиримые, запутанные счеты съ Турціей; естественно, поэтому, было сближеніе Австріи съ Россіей для общей дѣятельности въ этомъ направленіи. Уже при Петрѣ русская дипломатія хлопотала о тѣсномъ наступательномъ союзѣ съ Австріей. Вскорѣ по смерти Петра, въ 1726 г., въ царствованіе Екатерины I этотъ союзъ былъ, наконецъ, заключенъ. Съ тѣхъ поръ политика австрійскаго союза стала руководящимъ принципомъ русскаго кабинета. Эта политика на тогдашнемъ дипломатическомъ языкѣ извѣстна была подъ именемъ, «системы Петра Великаго». Русское правительство послѣдовательно и съ энергіей дѣйствовало въ этомъ направленіи. Несмотря на дворянскіе перевороты, на смѣну правительствъ, въ царствованіе Анны эту политику съ успѣхомъ и не безъ силы проводилъ знаменитый канцлеръ, баронъ Остерманъ. Въ царствованіе Елизаветы въ томъ же направленіи дѣйствовалъ личный врагъ и дипломатическій послѣдователь Остермана—канцлеръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Онъ только внесъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ новую ноту въ эту политику, ожесточенную вражду, несвободную отъ нѣкотораго страха къ прусскому королю, къ новой звѣздѣ, которая тогда явилась на европейскомъ горизонтѣ. Канцлеръ

Бестужевъ немолчно твердилъ Елизаветѣ объ опасностяхъ, какія грозили Россіи съ прусской стороны, болѣе всего отъ захватчиваго, возмутительнаго характера прусскаго короля. Эта политика противодѣйствія Пруссіи, въ содѣйствіи съ Австріей, въ концѣ войны за австрійское наслѣдство склонила Россію стать на сторонѣ Австріи. Въ Семилѣтней войнѣ Россія энергично поддерживала Марію Терезію. Эта политика была совершенно естественна и разумна. Въ 1740 г. на Австрію бросилась огромная европейская коалиція, съ цѣлью раздробить владѣнія Маріи Терезіи. Паденіе Австріи лишало Россію ея единственной союзницы по отношенію къ Турціи; слѣдов. надо было поддержать ее противъ враговъ. Правда, эта политика противъ союза имѣла свои неудобства: было трудно итти рука объ руку съ правительствомъ, которое жило, какъ и теперь, день за днемъ, идя по первому попутному вѣтру, не составляя плановъ на завтрашній день. Уже тогда этотъ союзъ принесъ Россіи мало плодовъ, но причинилъ много хлопотъ. Вся Турецкая война въ царствованіе Екатерины была испорчена для Россіи союзомъ съ Австріей; и Бѣлградскій миръ 1739 г., благодаря пораженію, которое понесли австрійцы, принесъ намъ только довольно обширный клокъ южной степи. Однако, когда на очереди стояла борьба съ Турціей, необходимо было держаться Австріи. Только около половины XVIII в. въ Польшѣ стало волноваться русское православное населеніе, вынуждая русское правительство вмѣшаться во внутреннія дѣла Польскаго государства.

Итакъ, вотъ два очередные вопроса, разрѣшеніе которыхъ должно было стать первой заботой правительства, это вопросъ турецкій и, едва затрагивавшійся, вопросъ польскій. Сущность обоихъ вопросовъ была очень проста. Крымскіе татары, сами не пользуясь плодородной почвой южной Россіи, не позволяли пользоваться ею и русскому населенію, вырывали эти обширныя и плодородныя степи изъ хозяйственнаго европейскаго оборота. Надо было оторвать у нихъ и оградить эти степи. Но крымскіе татары находили себѣ поддержку въ Константинополѣ; слѣд., хозяйственное пріобрѣтеніе южно-русскихъ степей могло быть достигнуто только борьбою съ Турціей. Вотъ въ чемъ состоялъ турецкій вопросъ для правительства XVIII в.; и тогда онъ не могъ состоять ни въ чемъ болѣе. Съ другой стороны, подъ давленіемъ польскаго и католическаго правительства жило огромное русское населеніе, которое издавна стремилось къ возсоединенію съ коренной Россіей. Во имя религіознаго и національнаго родства надобно было поддержать стремленіе этого населенія и освободить его отъ власти какъ чужеземнаго государства, такъ и чужеземной церкви. Вотъ въ чемъ состоялъ тогда польскій вопросъ,—и ни въ чемъ болѣе.

Теперь мы разсмотримъ главныя явленія внѣшней политики Екатерины, чтобы видѣть, кк. и какимъ образомъ разрѣшила она эти вопросы, стоявшіе на очереди. Разрѣшеніе перваго вопроса необходимо было для успѣха русскаго народнаго хозяйства. Масса русскаго населенія, нѣкогда скученная на неплодородномъ верхне-волжскомъ суглинкѣ, должна была перенести свой трудъ на южный плодородный черноземъ, обработка котораго невозможна была при господствѣ татаръ на югѣ Руси. Второй вопросъ должно было разрѣшить правительство по требованію національнаго и религіознаго чувства, точнѣе

говоря, необходимо было разрѣшить для обезпеченія національной безопасности и для удовлетворенія религіознаго чувства. Значитъ, первый вопросъ былъ въ сущности экономическій; второй—національнаго-религіозный. Наша исторія чрезвычайно ясно и прямо поставила оба эти вопроса, и направленіе, въ какомъ слѣдовало ихъ разрѣшить, указано было также ясно, и просто старинными наивными нашими политиками XV и XVI вв. Они уже хорошо знали, въ чемъ дѣло; въ продолженіи столѣтій они страшно напрягали народныя силы для того, чтобы оградить и отодвинуть къ югу южно-русскую границу, ввести въ народно-хозяйственный оборотъ пустовавшія южно-русскія степи. Еще Иванъ III прямо говорилъ, что у него будетъ вѣчная борьба съ Польшей, что онъ не положитъ оружія, пока не получитъ всю свою вотчину-русскую землю, находящуюся во власти Польши, что эта вѣчная борьба у него будетъ прерываться лишь кратковременными перемиріями, чтобы дать отдохнуть людямъ. Точно также смотрѣлъ и его внукъ, Иванъ Грозный. Когда послѣдній Ягеллонъ на польскомъ престолѣ, Сигизмундъ Августъ предложилъ царю Ивану вѣчный миръ, царь отвѣчалъ отказомъ и объяснилъ свой отказъ такими откровенными словами: «за королемъ польскимъ наша вотчина извѣчная: Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и иные многіе города русскіе, такъ пригоже ли съ польскимъ королемъ вѣчный миръ заключать? Если теперь вѣчный миръ заключить, то впередъ черезъ крестное цѣлованіе вотчины искать своей будетъ ужъ нельзя, а крестнаго цѣлованія я нарушить не хочу».

Въ распоряженіе правительства Екатерины было много средствъ для успѣшнаго разрѣшенія того и другого вопроса. Эти средства были не только внутреннія, заключавшіяся въ военныхъ силахъ и финансовыхъ источникахъ, но и внѣшнія. Послѣднія заключались и въ томъ положеніи, въ какомъ очутилась и Россія и западная Европа по окончаніи Семилѣтней войны. Участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ далеко не истомило всѣ ея средства. Напротивъ, западно-европейскія государства, въ ней учаетвовавшія, вышли изъ этой борьбы истощенными. По заключеніи Губертсбургскаго мира (1763 г.) ни одинъ изъ западныхъ участниковъ войны не имѣлъ ни средствъ, ни охоты возобновлять ее. Притомъ, для разрѣшенія, въ частности вопроса польскаго Екатерина располагала нѣкоторыми мѣстными благопріятными ей обстоятельствами. Во первыхъ, въ 1764 г. на польскій престолъ былъ избранъ королемъ Станиславъ Понятовскій—креатура Россіи, слѣд., послушное орудіе въ ея рукахъ при искусномъ направленіи. Во вторыхъ, Россіи держалась самая могущественная политическая партія въ Польшѣ, руководимая родственниками новаго короля, князьями чарторыжскими. Наконецъ, Россія опиралась въ польскихъ своихъ сношеніяхъ на преданную ей православно-русскую массу; въ предѣлахъ Польскаго государства этой массѣ не нужно было подавать даже сигнала изъ Петербурга, чтобы въ случаѣ надобности поднять ее противъ Польской республики. Теперь посмотримъ кк. правительство Екатерины воспользовалось этими средствами, разрѣшая стоявшіе на очереди вопросы внѣшней политики. Чтобы успѣшно разрѣшить ихъ, надобно было строго выдержать два условія: вопервыхъ, разрѣшить тотъ и другой вопросъ безъ вмѣшательства состороны, не допуская этимъ вопросамъ мѣстнымъ (рус-

ско-турецкому или русско-польскому) превратиться въ вопросы обще-европейскіе, во вторыхъ, надобно было разрѣшить каждый изъ этихъ вопросовъ порознь, а не вмѣстѣ.

Чтобы видѣть, какъ они разрѣшились на самомъ дѣлѣ, я долженъ сдѣлать краткій обзоръ внѣшнихъ событій царствованія Екатерины. Въ первую минуту послѣ іюньскаго переворота у насъ и за границей были убѣждены, что внѣшняя политика Россіи совершенно перемѣнится. Предшествовавшее правительство хотѣло дѣйствовать въ тѣсномъ союзѣ съ Фридрихомъ Прусскимъ; теперь надѣялись, что Екатерина разорветъ этотъ союзъ и воротится къ прежней системѣ—союзу съ Австріей. Но необезпеченное положеніе Екатерины послѣ переворота, неувѣренность въ прочности пріобрѣтенной революціоннымъ путемъ власти, заставили Екатерину отказаться не только отъ разрыва съ Фридрихомъ, но и вообще отъ энергичной внѣшней политики. Правительство Екатерины сохранило въ сношеніяхъ съ западными дипломатами твердый, самоувѣренный тонъ; на это въ особенности жалуется французскій уполномоченный, Брейтель. Онъ не доволенъ, что Екатерина, уступчивая въ дѣлахъ внутреннихъ, во внѣшней политикѣ сохраняетъ твердый самоувѣренный тонъ; онъ объясняетъ это, во первыхъ тѣмъ, что такой тонъ нравится ея подданнымъ, и во вторыхъ, что твердость во внѣшней политикѣ не грозитъ ей личной опасностью. Брейтель съ удареніемъ пишетъ, что во время разговора съ Екатериной послѣдняя по крайней мѣрѣ разъ 30 повторила ему «столь великая и могущественная имперія, какъ моя». Но Екатерина призналась французскому послу, что ей нужно по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ мира для возстановленія внутренняго порядка: «а пока», добавила она, «я буду вести себя съ государями Европы, какъ искустная кокетка», т. е. и не отталкивая и не давая слишкомъ обязующихъ обѣщаній.

Но внѣшнія событія съ начала царствованія пошли ускореннымъ ходомъ. Въ 1762 г. умеръ польскій король и курфюрстъ саксонскій, Августъ III. Началась избирательная агитація. Въ Польшѣ боролись 2 партіи: саксонская, желавшая возвести на престолъ сына умершаго короля, и патріотическая, руководимая Чарторыжскими, настаивавшаяя на передачѣ короны природному поляку. Партія князей Чарторыжскихъ обратилась за помощью къ Россіи. Россія не хотѣла дѣлать въ Польшѣ дѣла одна и вошла въ союзъ съ Пруссіей. Цѣною оборонительнаго союза Фридрихъ обѣщалъ Россіи свое содѣйствіе, и русскія войска, посланныя въ Польшу, помогли избранію племянника Чарторыжскихъ, стараго знакомаго и пріятеля Екатерины, Станислава Понятовскаго. Но тотчасъ за избраніемъ поднялся въ Польшѣ старый и жгучій вопросъ о диссидентахъ. Диссидентамивъ Польшѣ называли непринадлежавшихъ къ католическому исповѣданію граждане даже Польской республики; огромное ихъ большинство состояло изъ православныхъ русскихъ. Къ половинѣ XVIII в. диссиденты, т. е. православные русскіе, были лишены въ Польшѣ не только политическихъ правъ, но и религіозной свободы. Они не имѣли мѣста въ польскомъ сенатѣ, лишены были права посылать депутатовъ на сеймъ, должны были платить поборы въ пользу католическаго духовенства, лишены были многихъ православныхъ церквей своихъ и епархій, переведенныхъ въ унію. Теперь диссиденты стали волноваться, требуя возврата отнятыхъ у нихъ правъ, преимущественно свободы исповѣданія. Представителемъ

ихъ явился передъ русскимъ правительствомъ епископъ бѣлорусскій Георгій Конисскій. Въ Москвѣ во время коронованія Екатерины, онъ явился съ просьбой отъ всѣхъ православныхъ защитить ихъ и въ рѣчи Екатеринѣ прямо назвалъ себя и свою паству «вѣрными подданными Ея Величества». Русское общество съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ отнеслось къ этому вопросу о диссидентахъ, слѣд. не давало Екатеринѣ возможности откладывать дѣло. Екатерина должна была поднять въ Польшѣ агитацію въ пользу диссидентовъ. Польскій сеймъ 1766 г. съ неописаннымъ неистовствомъ встрѣтилъ этотъ вопросъ, обѣщая изрубить всякаго, кто заговоритъ о немъ. Но въ Польшѣ было средство, дававшее возможность вмѣшательства. Это средство заключалось въ правѣ конфедераціи. Недовольные правительствомъ граждане іюльской республики могли составить общество и силою оружія добиваться у правительства своего. Въ Польшѣ дѣйствовало право вооруженнаго возстанія противъ правительства, т. е. не только противъ короля съ его министрами, но противъ самого сейма. Россія, встрѣтивъ отказъ со стороны Чарторыжскихъ содѣйствовать ей, обратилась къ противной партіи и образовала изъ нея въ Радомѣ конфедерацію. Сами поляки католики поставили на сеймѣ вопросъ о диссидентахъ. Русскій посланникъ Рѣпнинъ арестовалъ особенно вліятельныхъ противниковъ вопроса о диссидентахъ и ввелъ русскіе полки въ Варшаву. Это дѣлалось въ Варшавѣ и прежде. Польскій сеймъ 1768 г., благоразумно подобранный и подстроенный, призналъ уравненіе православной шляхты съ католической въ политическихъ правахъ, т. е. православно-русская шляхта (дворянство) теперь могла посылать депутатовъ на сеймъ, и ея представители, имѣвшіе на то право по происхожденію, могли занять мѣсто въ аристократическомъ сенатѣ. Но, добившись для православныхъ диссидентовъ политическаго уравненія, русское правительство не опредѣлило точно ихъ положенія церковнаго. Постановленіе сейма сохранило за католическою церковью господствующее положеніе. Король въ Польшѣ долженъ былъ принадлежать непремѣнно къ католической церкви. Вопросъ о возвращеніи отнятыхъ церквей и епархій у православныхъ вопросъ о безпрепятсвенномъ переходѣ вынужденныхъ уніатовъ въ православіе не были разрѣшены и даже возбуждены на сеймѣ. Россія, по настоянію Фридриха, заключила съ Польшею договоръ, по которому гарантировала польскія владѣнія и обязалась не допускать никакихъ перемѣнъ въ польскомъ государственномъ устройствѣ. Такое рѣшеніе вопроса вызвало католическую реакцію въ странѣ. Образовалась конфедерація въ Варѣ съ цѣлью добиться отмѣны договора. 1768 г. Россія должна была вести открытую войну съ конфедераціей, главная квартира которой находилась по сосѣдству съ Венгріей. Борьба съ конфедераціей, разумѣется, окончилась бы въ пользу русскихъ; конфедерація не могла противостоять регулярнымъ русскимъ войскамъ. Но Франція и Австрія, поддерживавшія Польшу противъ Россіи, которая соединилась съ Пруссіей, желая спасти Польшу, втянули Турцію въ войну съ Россіей; они воспользовались ничтожнымъ нарушеніемъ турецкой границы, сдѣланнымъ возставшими въ Польшѣ гайдамаками, т. е. крѣпостными русскими крестьянами польскихъ пановъ, считавшими себя потомками вольныхъ казаковъ. Гайдамаки эти возстали, какъ только образовалась Барская

конфедерація, мстя полякамъ за политическія и религіозныя обиды. Такъ съ польскимъ вопросомъ соединился и вопросъ турецкій.

Дѣйствуя по внушенію Франціи и Австріи, Турція объявила войну въ 1769 г. Русскіе въ 3 г. одержали рядъ блестящихъ побѣдъ; въ 1769 при Хотинѣ, въ 1770 г. при рѣкѣ Ларгѣ и при Кагулѣ; въ томъ же году одержаны были двѣ морскія побѣды русскимъ флотомъ подъ общимъ руководствомъ графа Алексѣя Орлова (въ Хіосскомъ заливѣ и Чесменской бухтѣ). Россія заняла оба берега нижняго Дуная; завоеванъ былъ и Крымъ. Оставалось закрѣпить обѣ эти побѣды, такъ какъ Турція не имѣла средствъ бороться съ Россіей. Но Россія была въ союзѣ съ Пруссіей, и Фридрихъ вмѣшался въ рѣшеніе турецкаго вопроса. Онъ предложилъ такой проектъ. Такъ какъ для Австріи было бы непріятно, если бы Россія много взяла у Турціи, то нужно уладить дѣло инымъ путемъ, Россія завоевала тогда почти всю Польшу, борясь съ конфедератами; пусть Россія вознаградитъ себя нѣсколькими польскими провинціями, а другія отойдутъ къ друзьямъ Россіи, т. е, къ Австріи и Пруссіи; так. образ., и великія державы будутъ удовлетворены, и Турція—спасена. Такъ изъ Берлина пошелъ вопросъ о раздѣлѣ Польши. При этомъ Фридрихъ, опираясь на Австрію, грозилъ Россіи, въ случаѣ ея несогласія на этотъ проектъ, не только отказомъ въ поддержкѣ, но и разрывомъ. Россія приняла этотъ проектъ, и въ 1773 году произошелъ первый раздѣлъ Польши. Россія, завоевавшая Польшу и значительную часть турецкихъ владѣній, получила Бѣлоруссію; Пруссія и Австрія, не завоевавшія никакихъ владѣній; получили, первая Померанію и часть Русской великой Польши по р. Вагѣ, а вторая—Галицію. Послѣ перваго раздѣла скоро кончилась война съ Турціей миромъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ въ 1774 г. Турція очень мало потерпѣла: она только отказалась отъ власти надъ Крымомъ, который былъ объявленъ свободнымъ; кромѣ того, Россіи были уступлены—Азовъ и Керчь съ Еникале на восточномъ берегу Крыма. Значитъ, южно-русская граница Кайнарджійскимъ договоромъ не была доведена до береговой черноморской линіи. Так. образ., Польша поплатилась за турецкія неудачи.

Такъ кончилась первая эпоха двухсторонней борьбы Россіи съ Турціей и Польшей. Вторая эпоха началась присоединеніемъ Крыма въ 1783 г. Крымъ не могъ быть свободнымъ; тамъ началась послѣ Кайнарджійскаго договора борьба своихъ партій, изъ которыхъ одну поддерживала Россія. Рѣшено было присоединить Крымъ, но для того, чтобы это сдѣлать, надобно было воевать съ турками; чтобы воевать съ турками, надо было заручиться содѣйствіемъ Австріи, ибо плоды побѣды въ прошлую войну были испорчены угрозами послѣдней; но чтобы соединиться съ Австріей надо было отказаться отъ формальнаго союза съ Пруссіей. Въ 1779 г. былъ заключенъ союзъ съ Австріей для совокупнаго дѣйствія противъ Турціи. Австрійскій императоръ Іосифъ II, большой поклонникъ Екатерины, охотно присталъ къ этому союзу, объявивъ, что онъ въ 24 часа исполнитъ все, чего пожелаетъ Ея Величество. Послѣ присоединенія Крыма, Франція заставила Турцію объявить вторую войну Россіи, начавшуюся въ 1787 г. Война эта веденная въ союзѣ съ Австріей, была менѣе первой удачна, только Суворовъ поддержалъ славу русскаго оружія блестяшими побѣдами 1791 г. При Фокшанахъ, на Рымникѣ и при штурмѣ крѣпости Изма-

ила. Какъ только началась вторая Турецкая война, опять возобновился вопросъ польскій. Польскимъ патріотамъ было выгодно связывать оба эти вопроса. Поляки заключили союзъ съ Пруссіей въ виду того, что Россія дѣйствовала съ Австріей. Партія, прежде державшася Россіи, теперь отстала отъ нея, потому что Россія отказалась содѣйствовать въ устройствѣ ея политическаго управленія. По договору 1768 г. Россія обязалась не допускать перемѣны въ польской конституціи. Эта польская конституція страдала недостатками, которые были причиной вѣчной неурядицы въ Польшѣ. Польская республика была избирательная: законодательная власть принадлежала сейму, состоявшему изъ сената и палаты «пословъ», выборныхъ депутатовъ. Дѣла рѣшались единогласіемъ; одинъ депутатъ могъ уничтожить рѣшеніе всего сейма, закричавъ только: «nie poswalam». Это называлось въ польскомъ государственномъ правѣ «свободное не дозволю» (liberum veto). Наконецъ, извѣстная часть гражданъ, недовольная правительствомъ или сеймомъ, могла по закону поднять вооруженное возстаніе противъ того или другого,—это право конфедераціи. Польскіе патріоты, партія Чарторыжскихъ и добивались отмѣны этихъ основныхъ польскихъ законовъ. Россія, по настоянію Пруссіи обязавшись не допускать перемѣнъ въ польскомъ устройствѣ, должна была противодѣйствовать преобразовательной партіи. Теперь поляки, воспользовавшись нашими затрудненіями съ Турціей, въ союзѣ съ Пруссіей 3-го мая 1791 г. произвели переворотъ, слѣдствіемъ котораго было преобразованіе государственнаго устройства. По конституціи 3-го мая 1791 г. Польша была провозглашена наслѣдственной монархіей. Liberum vero упразднено и замѣнено большинствомъ голосовъ; право конфедераціи было также упразднено.

Въ 1791 г. Россія кончила войну миромъ въ Яссахъ. Результатъ войны состоялъ въ удержаніи Крыма и пріобрѣтеніи сѣвернаго берега Чернаго моря съ Очаковомъ. Развязавшись съ Турціей, Россія опять ввела войска въ Польшу, чтобы уничтожить конституцію 3-го мая. Польша была опять завоевана, но въ этомъ завоеваніи приняли участіе и ея западные сосѣди. Въ 1793 г. произведенъ былъ второй раздѣлъ Польши между Россіей и Пруссіей. Пруссія взяла остальную часть великороссской Польши: Данцигъ, Торнъ, Калишъ и др., а Россія взяла Волынь и Подолію. Польша снизошла на степень зависимаго государства. Такъ, Станиславъ не имѣлъ права безъ согласія Россіи объявлять войну и держать войска болѣе 15 тысячъ. Поляки, разумѣется, возстали въ слѣдующемъ же году (1794). Тогда Екатерина должна была въ третій разъ завоевать Польшу, и, по настоянію преемника Фридриха Вильгельма II, уничтожить ея политическое бытіе. Въ 1794—95 г.г. произошелъ послѣдній раздѣлъ Польши. Завоевательница Польши взяла себѣ Литву; Пруссія и Австрія, не завоевавшія ея, взяли, первая Мазовію съ Варшавой, поставивъ, такимъ образомъ, свою границу на Вислу, вторая—южныя польскія области, какъ то: Краковъ, Люблинъ, Сандоміръ. Такъ какъ Курляндія была вассальнымъ герцогствомъ Польши, то, съ политическимъ уничтоженіемъ Польши, Курляндія была присоединена къ Россіи. Таковъ ходъ внѣшней политики Екатерины. Теперь мы попытаемся разсмотрѣть ея пріемы и результаты.

Изложеніе краткаго хода внѣшней политики показало, что Екатеринѣ не удалось выполнить ни одного изъ условій успѣшнаго разрѣшенія предстоявшихъ ей задачъ. Ей не удалось ни избѣгнуть сторонняго участія, ни разрѣшить каждый изъ вопросовъ порознь. Причиной этого были двѣ коренныя ошибки, ею сдѣланныя. Первая изъ этихъ ошибокъ заключалась въ перемѣнѣ основанія, на которомъ стояла внѣшняя политика. До сихъ поръ во внѣшнихъ отношеніяхъ русскій кабинетъ руководствовался системой Петра Великаго, т. е. системой русско-австрійскаго союза. Екатерина приняла сначала другую систему; проводникомъ ея былъ дипломатъ елизаветинскаго времени ученикъ и политическій противникъ Бестужева-Рюмина, графъ Никита Панинъ. Панинъ—любопытное лицо въ толпѣ екатерининскихъ сотрудниковъ; онъ очень симпатиченъ по политическимъ убѣжденіямъ, но, какъ дипломатъ, имѣлъ важные недостатки. Екатерина оченъ цѣнила его дипломатическіе таланты и соображенія, и онъ въ первую половину царствованія былъ ея правой рукой во внѣшней политикѣ, хотя и занималъ только должность воспитателя великаго князя наслѣдника. Но именно, какъ дипломатъ, онъ не заслуживалъ такого довѣрія. Человѣкъ умный, очень образованный, онъ былъ великій лѣнтяй, онъ терпѣть не могъ изучать дѣло, входить въ подробности. Онъ былъ болѣе наклоненъ къ общимъ идеямъ, къ широкимъ построеніямъ, труднымъ комбинаціямъ, но такъ какъ этимъ комбинаціямъ и идеямъ не доставало практической разработки, то при ихъ осуществленіи они превращались въ политическіе софизмы, или, что еще хуже, въ дипломатическія идилліи. Добрый, честолюбивый и неподвижный Панинъ въ дипломатіи былъ бѣлоручка-сибаритъ. Изъ этого сибаритства и вышла его политическая идиллія, получившая названіе «сѣверной системы». Извольте видѣть, европейскому равновѣсію грозилъ союзъ, для противодѣйствія этому союзу необходимо было составить союзъ изъ сѣверныхъ протестантскихъ государствъ. Въ этомъ союзѣ великія державы должны были защищать мелкія отъ австро-французскаго захвата. Это и называлось сѣверной системой. Такимъ образомъ, сѣверная система была построена на евангельской заповѣди о любви къ ближнему и на обязанности сильнаго защищать слабаго. Съ евангельской же точки зрѣнія средневѣковыхъ рыцарей, сѣверная система была идилліей: встрѣтившіяся въ союзѣ государства были слишкомъ различно устроены, чтобы дѣйствовать дружно. Товарищами явились и абсолютно монархическая Россія, и довольно абсолютная Пруссія, и очень конституціонныя Англія и Швеція, и совсѣмъ анархическая Польша. При томъ у союзниковъ не было достаточно общихъ интересовъ. Россія должна была дѣйствовать объ руку съ Польшей, у которой она хотѣла отнять западную Русь; Пруссія должна была дѣйствовать объ руку съ Саксоніей, которую она должна была завоевать; Англія должна была дѣйствовать съ Россіей, которую хотѣла обмануть въ торговлѣ; а Швеція должна была дѣйствовать съ Россіей, у которой она хотѣла воротить отнятыя провинціи. Однимъ словомъ, сѣверная система была смѣлой попыткой запречь въ одну телегу лебедя, щуку и рака. Но она имѣла еще то неудобство, что совершенно поссорила насъ съ Австріей и Франціей, а эти государства были намъ очень нужны по нашимъ отношеніямъ съ Турціей. Итакъ, изъ-за цѣли провести въ

политикѣ евангельское и рыцарское начало, мы должны были рисковать успѣхомъ въ достиженіи ближайшей цѣли, т. е. доведенія нашей южной границы до Чернаго моря.

Второй ошибкой былъ особый союзъ, заключенный съ Пруссіей. Для успѣха въ польскихъ дѣлахъ Россія сама пригласила Фридриха содѣйствовать ей, за это обязавшись оборонительнымъ союзомъ. Союзъ этотъ былъ заключенъ 31 марта 1764 г. въ договоръ внесли условіе сообща не допускать никакихъ перемѣнъ въ политическомъ устройствѣ Польши. Этотъ союзъ сопровождался цѣлымъ рядомъ невыгодныхъ послѣдствій для Екатерины: 1) онъ былъ ненуженъ: не Россія нуждалась въ содѣйствіи Пруссіи, а, наоборотъ, Фридрихъ вышелъ изъ сѣверной борьбы съ чувствомъ одиночества, очень для него опаснаго; онъ не могъ выдержать новой борьбы и особенно боялся Россіи. Онъ ждалъ случая призвать ее содѣйствовать ему, а Россія сама позвала его на помощь въ польскихъ дѣлахъ. Изъ записокъ Фридриха видно, какъ онъ былъ радъ этому предложенію, развязывавшему ему руки. Заручившись союзомъ съ Россіей, которой одной онъ и боялся, Фридрихъ началъ теперь развязно повертываться направо и налѣво. 2) Этотъ союзъ поставилъ Екатерину въ противорѣчіе съ самой собой: она заключила союзъ съ тѣмъ государемъ, который въ іюльскомъ манифестѣ обозначался злѣйшимъ врагомъ Россіи; так. образом.; она не выдержала собственнаго торжественнаго слова. 3) У насъ въ Польшѣ были совсѣмъ иные интересы, чѣмъ какіе преслѣдовалъ Фридрихъ. Фридрихъ всего болѣе боялся преобразованія польскаго устройства. Эти преобразованія должны были сообщить Польшѣ больше внѣшней независимости и внутренней крѣпости, а Фридриху была опасна Польша независимая, хорошо внутри организованная. Эта опасность не грозила со стороны Польши Россіи; у насъ была въ Польшѣ опора, которая дѣлала неопаснымъ всякое преобразованіе въ этой странѣ: огромное количество православно-русскаго населенія, при какомъ бы то ни было государственномъ устройствѣ, ручалось за успѣхъ борьбы Россіи съ Польшей. При томъ, вожди партій, которыя добивались этихъ реформъ, по характеру своему не могли ихъ исполнить быстро. Во главѣ этой преобразовательной партіи стоялъ новый польскій король; характеръ его имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи этого вопроса. Станиславъ Понятовскій—любопытное явленіе въ исторіи Польши, явленіе, которымъ и закончилось ея политическое существованіе. Польша, такъ сказать, политически вымирала въ лицѣ своего государя. Любопытно, что именно тогда, когда по сосѣдству съ Польшей на престолахъ сидѣли мужественныя женщины, именно, Марія Терезія, которую венгерцы называли королемъ, и Екатерина II, которую величали на Западѣ Catherine le Grand,—въ то время на польскомъ престолѣ усѣлся женственный мужчина. Станиславъ Понятовскій былъ образованный полякъ, имѣвшій тѣсную связь съ тогдашнимъ философскимъ міромъ Франціи; онъ состоялъ въ перепискѣ съ извѣстной дамой этого міра, M me Жофренъ, которую называлъ не иначе, какъ «maman». На польскій престолъ онъ вступилъ съ самыми смѣлыми преобразовательными планами. Какъ умный полякъ, онъ хорошо видѣлъ недостатки польскаго устройства, не видѣлъ только одного: своей собственной неспособности устранить эти недостатки. Онъ

самъ признавалъ въ себѣ темпераментъ меланхолическій и крайне чувствительный; при каждомъ затрудненіи у него кружилась голова и изъ глазъ его лились потоки слезъ. Онъ во все царствованіе не придумалъ ни одной практической мѣры. Какъ на престолъ онъ вступилъ, веденный рукой Екатерины, такъ и сошелъ съ него при томъ же самомъ содѣйствіи. Когда во главѣ партіи стоялъ такой вождь, можно было вѣрно разсчитывать, что эти планы не удадутся. Намъ собственно не было дѣла до внутреннихъ преобразованій польскихъ, даже было бы выгоднѣе, чтобы Польша лучше устроилась и могла давать болѣе сильный отпоръ западнымъ сосѣдямъ. На очереди для Россіи стоялъ вопросъ о присоединеніи западной Руси, и для разрѣшенія этого вопроса были средства, независящія отъ польскаго государственнаго устройства. Теперь, по внушенію Фридриха обязавшись не допускать перемѣнъ въ Польшѣ, Россія вооружила противъ себя всю преобразовательную партію, и даже самъ Станиславъ Понятовскій сталъ на дыбы. Вопросъ о возсоединеніи западной Руси сталъ вопросомъ о государственномъ устройствѣ Польши, т. е. опять ближайшая цѣль отдалилась и стала позади дальнѣйшей и даже совершенно намъ чуждой. Съ другой стороны, союзъ Россіи съ Пруссіей въ польскихъ дѣлахъ встревожилъ Австрію и Францію, а также и Турцію. Первыя увидѣли намѣреніе раздробить Польшу, и чтобы помѣшать этому, толкнули послѣднюю на войну съ Россіей. Благодаря этому, польскій вопросъ стало невозможно покончить безъ турецкаго.

Таковы были двѣ ошибки, сдѣланныя Екатериной во внѣшней политикѣ. Первая ошибка поставила на очередь отдаленныя или мельчайшія цѣли, отодвинувъ назадъ цѣли ближайшія; вторая ошибка связала руки Россіи, сдѣлала необходимымъ рѣшеніе внѣшнихъ вопросовъ при стороннемъ участіи, и изъ вопросовъ турецкаго и польскаго, т. е. мѣстныхъ, сдѣлала вопросы общеевропейскіе. Послѣдствія второй ошибки должны быть приписаны Фридриху; ему принадлежала честь союза, намъ ненужнаго, но заключеннаго по нашей просьбѣ. Это потому, что Фридрихъ былъ дипломатъ, совершенно противоположный Панину и Екатеринѣ. У него не было ни тѣни идилліи; у него все было взвѣшано и разсчитано, всѣ шансы и обстоятельства; трезвость его взгляда на дѣло доходила до цинизма. Характеристику его, какъ дипломата, сдѣлалъ его соперникъ, политическій противникъ и нашъ союзникъ, императоръ Австрійскій Іосифъ II. Послѣ свиданія съ Фридрихомъ въ 1769 г. онъ пишетъ объ этомъ королѣ, обобравшемъ его мать: «Это геній; говоритъ онъ чудесно, но въ каждомъ словѣ его проглядываетъ плутовство».

Послѣдствія обѣихъ указанныхъ ошибокъ испортили разрѣшеніе обоихъ вопросовъ русской политики, стоявшихъ на очереди. Прежде остановимся на турецкихъ отношеніяхъ. Ближайшая цѣль съ этой стороны состояла въ доведеніи русской границы до Чернаго моря. Начавъ первую турецкую войну, Екатерина поставила цѣлью освобожденіе балканскихъ христіанъ. Она сама писала съ чувствомъ самодовольства: «я подпалила Турцію съ четырехъ сторонъ: съ Дуная, Крыма, Морея и даже съ Грузіи». На Балканскомъ полуостровѣ возбуждена была сильная агитація въ христіанскомъ населеніи. Снаряжена была особая эскадра подъ руководствомъ Алексѣя Орлова, которая въ 1769—70 г. проникла мимо западной и южной Европы въ Архипе-

лагъ. Алексѣй Орловъ поднялъ въ Мореѣ возстаніе грековъ. Но это смѣлое предпріятіе, поднявшее христіанское населеніе Турціи, не было достаточно подготовлено; флотъ оказался очень неисправенъ, такъ что даже у крѣпкаго на нервы Алексѣя Орлова сердце обливалось кровью при видѣ его. Если мы истребили турецкій флотъ въ Хіосскомъ заливѣ и Чесменской бухтѣ, то это показываетъ не то, что русскій флотъ былъ хорошъ, а то, что турецкій былъ плохъ. Поднявъ возстаніе грековъ, Алексѣй Орловъ удивился, что у него даже нѣтъ греческаго переводчика и нѣтъ даже войска, которое могло бы поддерживать возстаніе. Какъ скоро турки вступили въ Морею, Алексѣй Орловъ бросилъ грековъ на произволъ судьбы, и Екатерина одобрила его поступокъ. Эскадра Орлова плыла вокругъ Европы, заявляя, что воротится домой черезъ Дарданеллы. Послѣ побѣды, истребивъ турецкій флотъ, Орловъ занялся завоеваніемъ Архипелага. Дарданеллы были не вооружены, и тотчасъ послѣ Чесменской битвы можно было пройти черезъ нихъ въ Константинополь. Между тѣмъ французскіе инженеры укрѣпили Дарданеллы и, когда Орловъ приблизился сюда, пройти черезъ заливъ оказалось невозможнымъ. Такой образъ дѣйствій свелъ результаты первой Турецкой войны къ очень скромнымъ пріобрѣтеніямъ. Союзъ съ Фридрихомъ заставилъ насъ принять планъ раздѣленія Польши, а блестящія побѣды, одержанныя надъ турками, повели лишь къ тому, что Крымъ былъ объявленъ свободнымъ отъ турокъ. Самъ Фридрихъ признавался втихомолку, что по всѣмъ военнымъ правиламъ Крымъ долженъ быть присоединенъ къ Россіи. Точно также шла и вторая турецкая война. Цѣлью было отстоять присоединенный къ Россіи Крымъ и овладѣть сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря. Екатерина поставила цѣлью, начиная эту войну—знаменитый «греческій проектъ»—т. е. возстановленіе Византійской имперіи. Зачѣмъ понадобилась эта имперія, давно отошедшая въ область исторической археологіи, рѣшить трудно. Но мысль о возстановленіи Византійской имперіи свелась на условіяхъ Ясскаго договора, который только подтверждалъ присоединеніе Крыма и, наконецъ, довелъ русскую границу до сѣвернаго берега Чернаго моря. Изъ-за Крыма, который не стоитъ ни одной войны воевали два раза, и вторая война, дорогая и не вполнѣ удачная, стоила громадныхъ финансовыхъ жертвъ.

Такъ же шло разрѣшеніе и польскаго вопроса. Вопросъ состоялъ въ возсоединеніи западной Руси; но сначала его поставили иначе; добивались отъ Польши исправленія западно-русской границы, т. е. проведенія пограничной линіи отъ Полоцка на Днѣпръ къ Оршѣ, иначе говоря, присоединенія двухъ губерн., Витебской и Могилевской, значитъ, національный вопросъ былъ сведенъ къ простому территоріальному. Потомъ онъ былъ расширенъ. Вопросъ состоялъ въ возсоединеніи западной Руси; но его тотчасъ поставили иначе, потребовали у польскаго правительства уравненія православной шляхты съ католической. Уравненіе это могло быть двоякое, политическое и религіозное, т. е. надо было воротить православнымъ или политическія, или религіозныя права. Само православное населеніе требовало только уравненія религіознаго; русское правительство настаивало только на уравненіи политическомъ. Православное населеніе получило право имѣть представителей въ сенатѣ и палатѣ пословъ; оказалось, что у него нѣтъ такихъ представителей; почти все русское православное

дворянство давно перешло въ составъ польской шляхты, ополячилось и окатоличилось, такъ что не изъ кого было выбрать депутатовъ въ сеймъ. Рѣпнинъ доносилъ Екатеринѣ, что сами дворяне пашутъ землю, слѣд., могутъ не поддержать своихъ избирателей, а только насмѣшить сеймъ. Во всемъ православномъ обществѣ не было ни одного лица, которое по польскимъ законамъ могло бы сѣсть въ сенатѣ. Въ сенатѣ сидѣли, между прочимъ, высшіе іерархи, которые въ католической польской церкви были всѣ изъ знати; напротивъ, православный русскій епископъ, Георгій Конисскій, не могъ войти въ сенатъ, потому что былъ не шляхетскаго происхожденія. Сама Екатерина должна была хлопотать въ Польшѣ о томъ, чтобы православные диссиденты сами отказались отъ правъ политическихъ, которыя имъ выхлопотали, потому что они не могли ими пользоваться. Слѣдовало бы прежде всего хлопотать объ уравненіи правъ религіозныхъ, но русская дипломатія рѣшила этому воспротивиться, и прежде всего воспротивился самъ Панинъ. Любопытна точка зрѣнія, на котор. онъ стоялъ. Если уравнять православныхъ русскихъ съ католиками въ Польшѣ, то православные крѣпостные крестьяне съ раскольниками еще въ большемъ количествѣ побѣгутъ изъ Россіи въ Польшу, привлекаемые свободой вѣры, соединенной съ выгодами народными. Великій религіозно-національный вопросъ сведенъ былъ къ вопросу полицейскому, хотѣли такъ устроить православное населеніе въ Польшѣ, чтобы свои крѣпостные крестьяне не бѣгали вмѣстѣ съ раскольниками. Значитъ, изъ православнаго населенія въ Польшѣ хотѣли сдѣлать только политическую партію, преданную Россіи, не хлопоча не только о политическомъ, но и религіозномъ его освобожденіи.

Такое извращеніе прямой задачи, поставленной исторіей, должно было испортить ея рѣшеніе. Православный міръ въ Польскомъ государствѣ, при такой измѣнчивости и неопредѣленности русской программы, долго не могъ себѣ уяснить, чего собственно хочетъ Россія, что она желаетъ для нихъ сдѣлать: желаетъ ли она освободить ихъ, какъ православныхъ христіанъ и русскихъ, или, поднимая гайдамаковъ, она желаетъ освободить ихъ и какъ крѣпостныхъ крестьянъ польскихъ пановъ. Западная Русь долго не могла рѣшить, хотятъ ли ее освободить отъ ксендза и только, или, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ польскаго пана. Вотъ почему сочувствіе, съ какимъ отзывалось православно-русское общество на призывъ русскаго правительства, потомъ стало охладѣвать и гаснуть, благодаря такой неопредѣленной постановкѣ вопроса. Русское правительство, очевидно, должно было усвоить себѣ ту постановку, которую давалъ добрый сосѣдъ; а Фридрихъ II всегда ставилъ вопросы рѣзко и съ математической опредѣленностью. Вмѣсто возсоединенія западной Руси, должны были принять планъ раздѣленія Польши. Мысль о раздѣлѣ Польши старая; ее внушали даже старымъ московскимъ государямъ, но они всегда были противъ нея, говорили, что не хотятъ дѣлить Польшу, а хотятъ отдѣлить отъ Польши западную Русь. Такой неожиданный исходъ яснаго и просто разрѣшаемаго вопроса былъ дѣломъ допущеннаго сторонняго вмѣшательства. Раздѣлъ Польши былъ выгоденъ ея западнымъ сосѣдямъ, а не восточному сосѣду. Ни въ какомъ случаѣ русское правительство не должно было допускать до раздѣла Польши. Нужно было отдѣлить отъ Польши западную

Русь, спасти ее отъ ополяченія, а не отдавать Польшу на онѣмеченіе; иначе говоря, нужно было сдѣлать Польшу настоящей Польшей, ввести ее въ настоящую этнографію, и въ этихъ этнографическихъ границахъ она была менѣе для насъ опасна, сохраняя свою самостоятельность, чѣмъ въ видѣ нѣсколькихъ провинцій Пруссіи и Австріи. Можно сказать, что Польша безъ западной Руси, сохраняя политическую самостоятельность, не примирилась бы съ Россіей; но примирилась же Швеція, лишившись своихъ восточныхъ провинцій; а съ другой стороны, уничтоженіе Польскаго государства не избавило насъ отъ борьбы съ польской націей. Въ 1812, 1830—31 и 63 гг. мы воевали съ ней и, можетъ быть, будемъ воевать еще. Можетъ быть, для того, чтобы избѣгнуть необходимой борьбы съ націей, нужно бы сохранить государство. Итакъ, польскіе раздѣлы я считаю рѣшительной ошибкой, даже съ обще-славянской точки зрѣнія. Когда исчезла Польша, однимъ славяскимъ государствомъ стало менѣе, славянскаго полку, слѣд., убыло.

Таковы были послѣдствія, вытекшія изъ сдѣланной Екатериной ошибкой. Русская дипломатія, собственно, поработала въ чужую руку. Въ свое время глаза ея были отуманены видимыми успѣхами, огромными завоеваніями: но, собственно, съ нѣкоторымъ успѣхомъ былъ разрѣшенъ только вопросъ турецкій. Рѣшеніе польскаго вопроса сопровождалось невыгодами, которыя заставляютъ спросить, окупились ли онѣ пріобрѣтеніями? Главный недостатокъ внѣшней политики Екатерины заключался во впечатлѣніи, производимомъ ею на Европу. Когда русская эскадра въ 1769—70 г. пропарадировала мимо западной Европы, тамошніе добродушные зрители серьезно подумали, что она идетъ разгромить Турцію, рано или поздно разгромитъ Европу. Такъ пошла западно-европейская легенда о неудержимомъ стремленіи Россіи противъ безопасности и политической независимости западной Европы. Изъ Петербурга поддержали эту политическую сказку; авторомъ блестящаго проекта о возстановленіи Византійской имперіи былъ Потемкинъ, одинъ изъ характерныхъ сотрудниковъ Екатерины. Послѣдній фаворитъ, Платонъ Зубовъ, не хотѣлъ отстать отъ своего предшественника и въ концѣ царствованія представилъ на французскомъ языкѣ роспись будущей Европы, какою сдѣлаетъ ее Россія. Въ этой росписи мы не находимъ слѣдующихъ государствъ, куда то дѣвавшихся: Швеціи, Даніи, Пруссіи и Австріи. Русская имперія заключаетъ въ себѣ шесть столицъ: Петербургъ, Москву, Астрахань, Берлинъ, Вѣну и Константинополь; въ Россійской имперіи шесть дворовъ, но верховная власть одна. Вся эта роспись носила названіе «Общихъ политическихъ соображеній».

Вторая невыгода, созданная дипломатіей Екатерины, заключалась въ тѣхъ испытаніяхъ, какимъ она подвергла надѣявшееся на Русь христіанское населеніе Балканскаго полуострова.

Такъ непроизводительны были многія средства, доставшіяся Екатеринѣ отъ ея предшественниковъ. Русская дипломатія поставила цѣлый рядъ блестящихъ, симпатичныхъ, но недостижимыхъ и не достигнутыхъ цѣлей, упустивъ изъ вида цѣли ближайшія и достижимыя; и все это потому, что боялась дѣйствовать одиноко безъ прусской поддержки. Значитъ, искусная кокетка попалась въ руки прусскаго солдата. Вотъ почему Фридрихъ едва ли бы сог-

ласился съ Екатериной, которая, начиная первую Турецкую войну, говорила: «событія покажутъ, что мы ни у кого въ хвостѣ не тащимся». Изъ переписки Екатерины съ ея заграничнымъ пріятелемъ, барономъ Гриммомъ, 1778 г. мы узнаемъ, что въ Голландіи послѣ перваго раздѣла Польши выбили каррикатурную медаль. На медали этой изображены были Екатерина и Марія Терезія въ коляскѣ, а на козлахъ Фридрихъ II-ой. Пассажирокъ спрашиваютъ, куда онѣ ѣдутъ? Тѣ отвѣчаютъ: «куда будетъ угодно кучеру». Екатерина, получивъ отъ Гримма извѣстіе объ этой каррикатурѣ, замѣтила, что «все это забавно, но не достаетъ только истины и музыки изъ комической оперы: первое было бы зло, а второе пошло».. Екатерина сама виновата, что каррикатура вышла злою, а не пошлою.

Внутренняя политика Екатерины II.

Особенности, которыми отличалась внѣшняя политика правительства Екатерины, не чужды были и его внутренней дѣятельности. Вотъ почему я думаю не лишне будетъ еще разъ возстановить особенности этой внѣшней дѣятельности. Нѣтъ надобности уменьшать значеніе результатовъ, достигнутыхъ Екатериной во внѣшней политикѣ. Одинъ изъ двухъ основныхъ вопросовъ, ей предстоявшихъ, разрѣшенъ былъ довольно удовлетворительно, хотя и могъ бы быть разрѣшенъ съ меньшими жертвами. Огромный экономическій капиталъ, какой представляли южно-русскія степи, открытъ былъ народному труду, благодаря двумъ войнамъ съ Турціей, которыя закрѣпили за Россіей сѣверный берегъ Чернаго моря, съ тѣхъ поръ кк. пріобрѣтены были Крымъ и Очаковъ. Далѣе, менѣе удовлетворительно разрѣшенъ былъ вопросъ польскій: но и здѣсь сдѣланы важныя пріобрѣтенія; возсоединены были Бѣлоруссія и Волынь съ Подоліей, присоединена была даже инородческая страна Литва; за то должно было отказаться отъ чисто русской Галиціи, хотя этотъ отказъ стоилъ Екатеринѣ слезъ. Населеніе Руси въ 1762 г. опредѣлялось милліоновъ въ 20; въ послѣдніе годы царствованія, въ 1796 г., его считали 32 милл. Большую часть этихъ лишнихъ 12 милл. надобно отнести на счетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ это царствованіе. Внѣшняя политика Екатерины, кромѣ этихъ матеріальныхъ пріобрѣтеній, производитъ впечатлѣніе и другой своей стороной, нравственной. Какъ литературный памятникъ, дипломатическая переписка петербургскаго двора въ это время безукоризненна; въ этомъ отношеніи она поднималась высоко надъ дипломатіей другихъ дворовъ. Среди тогдашнихъ дипломатическихъ интригъ и безсовѣстной борьбы за право силы, русская дипломатія была единственной сохранившей нѣкоторую политическую стыдливость. Въ ней толькс можно встрѣтить слова, которыхъ терпѣть не могла дипломатія того времени: добросовѣстность, чистосердечность, гуманность и т. п.; только Панинъ во все время доказывалъ, что нечестно мѣшать полякамъ выйти изъ хаоса и варварства, въ какое погрузило ихъ политическое устройство; только Панинъ хлопоталъ о такой политической комбинаціи, о такомъ союзѣ, въ которомъ сильныя государства должны были защищать слабыя. Такимъ образомъ внѣшняя политика Екатерины выдѣлялась въ тогдашнемъ

политическомъ мірѣ присутствіемъ нравственнаго начала. Бѣда въ томъ, что эти нравственныя начала не оставили почти никакого слѣда въ тогдашней европейской жизни. За то недостатки ея сказывались очень тяжелыми послѣдствіями въ жизни Россіи. Екатерининская дипломатія отличалась широтою плана, сложностью настроенія, возвышенностью цѣлей, какія она себѣ ставила. Но рядомъ съ этими качествами въ ней было недостаточно практическаго пониманія своихъ задачъ, умѣнья пользоваться наличными средствами, настойчивости въ доведеніи до конца того, что начато, и вниманія къ ближайшимъ, достижимымъ цѣлямъ. Въ этой дипломатіи замѣтна охота поиграть въ высокіе принципы; но она вообще при этой игрѣ плохо держала карты, что было очень дурно въ тогдашнемъ дипломатическомъ мірѣ, любившемъ заглядывать въ карты. Въ ней много стремленій, но мало практической разработки; много идей, но не достаточно техники, трудолюбія; много принциповъ, осуществленіе которыхъ желательно въ будущемъ, но мало не только знанія прошедшаго, но и трезваго пониманія настоящаго положенія дѣла. Оттого ей недоставало вѣрнаго историческаго глазомѣра.

Тѣ же самыя особенности встрѣчаемъ мы и во внутренней дѣятельности Екатерины. Теперь можно указать и главные источники этихъ особенностей, т. е. недостатковъ. Такимъ источникомъ было, во первыхъ, самое происхожденіе власти Екатерины, т. е. путь, которымъ эта власть была достигнута; надо было заставить забыть объ іюньскомъ переворотѣ, оправдать захватъ власти. Для этого нужно было сдѣлать много шумнаго, если не великаго, нужно было поднять шумъ, ставя отдаленныя цѣли, широкія планы. Но при этомъ упускались изъ виду цѣли ближайшія, болѣе скромныя и практически достижимыя. Такимъ образомъ, самое положеніе создавало этотъ недостатокъ въ дѣятельности Екатерины.

Съ другой стороны, къ тому же вела и обстановка, въ какой себя чувствовала Екатерина въ первое время царствованія. Въ первую минуту послѣ переворота она не могла скрыть своего восторга, была въ чаду отъ успѣха, какимъ сопровождалось ея предпріятіе. Но это обаяніе достигнутой власти отравлялось безпокойствомъ, какое внушалось мыслью о непрочности этой власти. Екатерина скоро почувствовала, что труднѣе удержать власть, чѣмъ ее пріобрѣсти. Вотъ почему она иногда проговаривалась въ бесѣдахъ съ иностранными посланниками, что еще не вполнѣ счастлива, что все ей что-то не по себѣ. Мелкія, но тревожныя событія поддерживали эту боязнь быть низвергнутой. Успѣхъ іюньскаго переворота многимъ кружилъ головы; смотря на то, какъ сотрудники переворота поднялись, многіе изъ гвардіи хотѣли попробовать успѣха, тѣмъ болѣе, что былъ вопросъ, за который можно было уцѣпиться. Въ Шлиссельбургской крѣпости еще жилъ старый узникъ Іоаннъ Антоновичъ, минутный императоръ. Теперь онъ былъ уже не ребенокъ по лѣтамъ, но продолжительное заключеніе, въ которомъ онъ и сталъ впервые сознавать себя, посаженный въ крѣпость еще ребенкомъ, подѣйствовало на его умственныя способности, онъ вышелъ совсѣмъ негоднымъ, юродивымъ. Панину поручено было охранять этого узника. Приставленнымъ къ нему офицерамъ Панинъ велѣлъ склонять узника къ монашеству; Іоаннъ Антоновичъ

только заспорилъ со своими стражами объ имени (ему рекомендовали имя Геласія, а ему хотѣлось Ѳеодосія); да при томъ онъ припоминалъ, какъ онъ будетъ монахомъ, если онъ безплотный. Въ первое время послѣ переворота Екатеринѣ совѣтовали упрочить власть замужествомъ съ этимъ императоромъ. Екатерина видѣлась съ нимъ, посмотрѣла на него и съ грустью должна была отказаться отъ этого средства упрочить власть. Затѣмъ, въ гвардіи поговаривали, что послѣ іюньскаго переворота слѣдовало бы короновать ея сына наслѣдника. Гвардейскіе офицеры братья Гурьевы начали даже составлять заговоръ во имя Шлиссельбургскаго заточника, при чемъ говорили и о правахъ великаго князя Павла. Заговоръ открылся, виновные были наказаны; но слѣдствіе показало, что агитаторы не церемонились въ своихъ отзывахъ объ Екатеринѣ и даже склоняли солдатъ въ пользу своего предпріятія. При такихъ обстоятельствахъ Екатерина должна была чувствовать себя на угольяхъ. За границей вообще не вѣрили, что она долго усидитъ на престолѣ. Казалось невѣроятнымъ укрѣпиться на немъ иностранкѣ, случайно попавшей въ Россію, ничѣмъ съ ней не связанной, за которой не было даже и памяти великаго отца, какъ за ея предшественницей, Елизаветой. Екатерина хорошо чувствовала свое положеніе; вотъ почему она въ первое время и дѣйствуетъ, какъ чиновникъ, ежедневно ждущій отставки. Она всѣхъ выслушиваетъ, принимаетъ разнообразныя мнѣнія, боится кого-нибудь оскорбить рѣзкимъ отказомъ. Отсюда ея уступчивость и тревожное настроеніе, не покидавшее ее даже въ большомъ обществѣ, несмотря на ея умѣнье владѣть собой и держаться. Она часто на вечернихъ собраніяхъ вдругъ впадала въ раздумье, становилась разсѣянной; когда ее спрашивали о причинѣ, она признавалась, что она не совсѣмъ довольна своимъ положеніемъ. Она должна была постоянно напрягаться, быть настороже, дѣлать усилія, чтобы не потерять завоеванной популярности. Чтобы упрочить свое положеніе, ей надобно было опредѣлить свои отношенія къ окружающимъ и потомъ угодить всему обществу, исполнивъ его первыя желанія.

Екатерину окружали въ первое время послѣ переворота люди двухъ родовъ: общество ея состояло изъ старыхъ придворныхъ, доставшихся ей отъ елизаветинскаго времени, старыхъ и опытныхъ знатоковъ искусства жить при дворѣ, и, потомъ, изъ новыхъ избранниковъ судьбы, которые выдвинулись помощью переворота и старались подражать старымъ, усвоить искусство жить при дворѣ. Къ первому кругу принадлежали елизаветинскіе дѣльцы: бывшій канцлеръ, Бестужевъ-Рюминъ, бывшій посланникъ, Никита Панинъ, бывшій генералъ-прокуроръ, князь Трубецкой. Во главѣ новаго круга людей стояли многочисленные братья Орловы съ другими дѣльцами іюньскаго переворота Дашковой, Ласунскимъ и т. д. Орловы заняли самое видное мѣсто при дворѣ. Во время коронаціи, которая была въ сентябрѣ, три старшихъ брата возведены были въ графское достоинство. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ великаго происшествія, какъ они величали іюньское дѣло, и они были возбуждены, и они были въ чаду. Иностранцамъ они казались вообще ниже Екатерины по уму и образованію: еще любопытнѣе, что они казались ниже по уму, образованію и талантамъ даже елизаветинскихъ дѣльцовъ. Иноземцы вообще отда-

вали преимущество въ людскости, въ выправкѣ и познаніяхъ старикамъ, Бестужеву, Панину и др., передъ этими Ласунскими и Орловыми и т. п. Теперь восторжествовала казарма надъ прежней канцеляріей министерства иностранныхъ дѣлъ и новый слой дѣльцовъ настолько же и въ томъ же отставалъ отъ стараго, насколько и въ чемъ казарма отставала отъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ.

Эти лица спѣшили пожинать плоды своего дѣла. Они не довольствовались наградами, полученными за участіе въ переворотѣ, хотя эти награды были довольно значительны (имъ роздано было 18 тысячъ крестьянъ и болѣе 180 тысячъ р. въ видѣ наградъ, не считая постоянной пенсіи въ 5 тысячъ р., не ниже*). Теперь, воспользовавшись положеніемъ Екатерины, они осаждали ее, старались навязывать ей свои мнѣнія, даже просто безъ церемоніи просили денегъ. Сама Екатерина въ разговорѣ съ однимъ иноземнымъ посломъ сравнила себя съ зайцемъ, котораго поднимаютъ и гонятъ со всѣхъ сторонъ. Она чувствовала себя обязанной этимъ людямъ и потому не могла имъ рѣзко отказывать. Въ письмѣ къ Понятовскому, писанномъ въ первые дни царствованія, мы читаемъ между прочимъ такія слова: «я знаю, меня заставятъ сдѣлать тысячи странностей. Если я исполню, меня будутъ обожать, если нѣтъ, я не знаю, что и случится». Она послѣ только могла убѣдиться въ томъ, что даже при болѣе твердомъ образѣ дѣйствій съ ней бы ничего не случилось. Но теперь она должна была уступать; отсюда ея нерѣшительность и робость даже въ каждомъ мелочномъ внутреннемъ дѣлѣ, которое откуда-нибудь вызывало возраженіе. Это замѣтили даже иностранцы. Пользуясь боязливостью Екатерины, ей при каждомъ рѣшительномъ шагѣ ея пѣли со всѣхъ сторонъ въ уши, что извѣстная мѣра вызоветъ ропотъ въ народѣ; а ей всего горше было потерять любовь народа.

Трудность ея положенія увеличивалась и безцеремонностью обращенія съ ней окружающихъ. Она вообще въ первое время не умѣла заставлять относиться къ ней съ почтительностью. При Елизаветѣ, когда она была великой княгиней, съ ней всѣ придворные обращались фамильярно; теперь ближайшие ея сотрудники по перевороту не могли отвыкнуть отъ простого обращенія, усвоеннаго конспираціей. На такое простое обращеніе указываетъ одна маленькая записка, адресованная къ ней Бецкимъ, послѣднимъ по своему значенію въ этомъ приближенномъ кругу. Бецкій даже въ 1767 г. не могъ отстать отъ конспиративныхъ привычекъ въ обращеніи съ Екатериной; записочка эта вызвана соперничествомъ Бецкаго съ Панинымъ: «вижу, что Никита великъ сталъ у Вашего Величества; ѣду къ нему поклониться, да и другимъ посовѣтую». Но Екатерина умѣла ладить съ этими людьми; они были не столько опасны, сколько тяжелы. Теперь ей нужно было пустить въ оборотъ свое непобѣдимое терпѣніе въ выслушиваніи этихъ людей, неизмѣнную любезность въ отвѣтахъ и уступчивость, когда того требовали обстоятельства. Въ запискахъ Дашковой есть одинъ выразительный разсказецъ, который показываетъ, что съ этими людьми легко было ладить, хотя и не было пріятно быть въ ихъ обществѣ. На четвертый день переворота обѣ дамы сидятъ вдвоемъ и бесѣдуютъ

---

*) Такія пятитысячныя пенсіи получали, напр., гетманъ Разумовскій, Никита Панинъ и др.

о послѣдствіяхъ событія. Вдругъ къ нимъ вторгается Иванъ Ивановичъ Бецкій и обращается къ Екатеринѣ съ неожиданнымъ вопросомъ: «Скажите, кому вы обязаны вашимъ возвышеніемъ?» — «Богу и избранію моихъ подданныхъ», отвѣчаетъ Екатерина.—«Такъ я несчастный человѣкъ», восклицаетъ Бецкій въ слезахъ; стоя на колѣняхъ, онъ снимаетъ съ себя алексѣевскую ленту и кладетъ къ ногамъ Екатерины. «Что это значитъ?» спрашиваетъ Екатерина. «Я несчастнѣйшій человѣкъ, если вы не признаете меня единственнымъ виновникомъ воцаренія. Развѣ я не подстроилъ умы гвардіи, развѣ я не бросалъ деньги въ народъ?». Екатерина сначала была смущена этой неожиданностью, но потомъ сообразила и отвѣтила: «Я признаю васъ единственнымъ виновникомъ воцаренія, и такъ какъ вамъ одному обязана своимъ коронованіемъ, то кому же, какъ не вамъ, поручить изготовленіе коронаціи и всего, во что я буду одѣта во время коронаціи». И онъ, дѣйствительно, былъ церемоніймейстеромъ во время коронаціи.

Гораздо труднѣе было дать почувствовать пользу новаго правительства всему русскому обществу. Екатерина плохо знала это общество, какъ и вообще положеніе дѣлъ въ Россіи, вопросы, стоявшіе на очереди. Житейская опытность дала ей мало средствъ, чтобы знать его. Она вращалась до тѣхъ поръ въ тѣсномъ кругу петербургскаго двора, а послѣдній былъ слишкомъ далекъ отъ русскаго народа и географически и нравственно, можетъ быть, еще дальше, чѣмъ географически. Вотъ почему Екатерина принялась усердно изучать положеніе страны; она стала чаще посѣщать засѣданія сената, была внимательной слушательницей сенатскихъ преній, сама прочитывала сенатскія дѣла, распрашивала обо всемъ всѣхъ и каждаго. Отъ первыхъ лѣтъ ея царствованія до насъ дошелъ рядъ откровенныхъ записочекъ и замѣтокъ, въ которыхъ она излагала результаты своихъ прилежныхъ наблюденій. Любопытно узнать изъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ, въ какомъ видѣ представлялось ей положеніе дѣлъ по этимъ наблюденіямъ.

Русская армія, стоявшая въ Пруссіи, восемь мѣсяцевъ не получала жалованья. Русской внѣшней торговлей совсѣмъ завладѣли иностранцы. Главныя статьи русскаго производства превратились въ частную монополію. Русскій кредитъ совсѣмъ палъ. Елизавета во время Семилѣтней войны никакъ не могла вымолить у голландскаго банка 2 милл. рублей подъ высокіе проценты. Управленіе было въ конецъ разстроено. Сенатъ рѣшалъ дѣла необыкновенно медленно; цѣлыя шесть недѣль онъ слушалъ доклады только о выгонѣ города Мосальска и подгородныхъ лугахъ. Областные управители (губернаторы и воеводы) не получали жалованья, кормились отъ дѣлъ по старому, т. е. брали взятки, несмотря на строгіе указы, ихъ запрещавшіе. Сенатъ назначалъ областныхъ управителей, а межлу тѣмъ сенаторы не знали, сколько провинцій въ Россійской имперіи; атласа Русскаго государства въ сенатѣ не бывало съ самаго его основанія. Въ сенатѣ не было даже списка русскихъ городовъ, въ которые онъ назначалъ управителей, которыхъ онъ былъ обязанъ контролировать. Когда на одномъ засѣданіи Екатерина попросила такой списокъ, его не оказалось; она попросила навести справку о городахъ по атласу,—атласа не оказалось; она вынула 5 р., послала секретаря купить атласъ и подарила его сенату. Государственныхъ доходовъ значилось по вѣдомостямъ

16 милл. р. въ годъ. Екатерина сосчитала ежегодные доходы; по счету оказалось, что ихъ 23 милл. р., 12 милл. куда то дѣвались между пальцами. Въ 1765 г. Екатерина назначила смотръ балтійскому флоту. Флотъ, любимое дѣтище Петра, предсталъ передъ ея глазами въ самомъ жалкомъ видѣ: корабли наѣзжали другъ на друга, ломали снасти; не могли выстроиться въ линію, никакъ не могли при стрѣльбѣ попасть въ цѣль. Екатерина, кончивши смотръ, сказала, что этотъ флотъ годится развѣ только для ловли сельдей.

Въ такомъ видѣ представилось ей положеніе дѣлъ. Чтобы войти глубже въ общество, чтобы наблюдать его не свысока, не изъ Петербурга, она предприняла въ первые годы рядъ путешествій. Такъ, въ 1763 г. она ѣздила въ Ярославль и Ростовъ; въ 1764 г. объѣхала прибалтійскія губ.; весной 1767 г. предприняла поѣздку въ Азію, т. е. рѣшилась проплыть по Волгѣ. Она отправилась съ многочисленной свитой въ двѣ тысячи человѣкъ и со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ; въ Твери сѣла на барку и спустилась до Симбирска.

Это путешествіе было для нея въ высшей степени назидательно. Она боялась переворота, не знала, достанетъ ли у нея средствъ упрочить народную любовь, успѣетъ ли она сладить съ общественнымъ мнѣніемъ. Поѣздка показала ей, какой гибкій матеріалъ находится въ ея рукахъ, какъ мало нужно сдѣлать для этого народа, чтобы вызвать съ его стороны самую искреннюю преданность; когда еше не было ничего сдѣлано, а много обѣщано, Екатерину всюду встрѣчали съ неописаннымъ восторгомъ. Далѣе, Екатерина отмѣчаетъ въ своихъ путевыхъ письмахъ, что по дорогѣ она всюду встрѣчала города «прекрасные по ситуаціи и мерзкіе по постройкѣ». Особенно поразило ее разнообразное населеніе Казани. «Это особое царство» писала она съ дороги, «какое множество объектовъ, достойныхъ вниманія, а идей на 10 лѣтъ набрать здѣсь можно». Съ такимъ собраніемъ свѣдѣній, наблюденій, Екатерина и предприняла рядъ внутреннихъ преобразованій, которыя должны были, согласно съ обѣщаніемъ іюльскаго манифеста 1762 г., сдѣлать счастливыми ея подданныхъ.

Законодательная дѣятельность Екатерины II.

Путешествія, наблюденія и разспросы помогли Екатеринѣ нѣсколько войти въ положеніе дѣлъ, и какъ только она начала входить въ него, представились главные недостатки, которыми страдалъ государственный порядокъ. Недостатки эти состояли, прежде всего, въ безпорядочности законодательства. Въ самомъ дѣлѣ, старый кодексъ, составленный еще при царѣ Алексѣѣ (Уложеніе 1649 г.), давно устарѣлъ; накопился огромный новый законодательный запасъ. Еще при Петрѣ сдѣлана была попытка привести въ порядокъ этотъ запасъ и составлена въ 1700 г. комиссія, которая должна была разобрать изданные законы, сличить ихъ съ Уложеніемъ и составить новый кодексъ. Съ тѣхъ поръ эта кодификаціонная работа нѣсколько разъ возобновилась и все неудачно. Въ потокѣ новыхъ законовъ, при томъ часто выходившихъ изъ противоположныхъ источниковъ, при постоянныхъ смѣнахъ правителей, невозможно было составить порядочное уложеніе. Недостатки эти обратили Екатерину къ мысли, что при-

вести въ порядокъ законодательство—ея первая обязанность. Съ тѣхъ поръ начинается ея работа, которую она шутливо въ письмѣ къ Гримму назвала своимъ «законобѣсіемъ».

Приближенные указывали ей на необходимость привести въ порядокъ дѣйствующее русское законодательство, въ которомъ рядомъ лежали различные законы, изданные въ разное время съ разныхъ точекъ зрѣнія, ставившихъ различныя цѣли. Нужно было, такимъ образомъ, собрать и расположить въ порядкѣ весь этотъ законодательный хаосъ, пополнить его пробѣлы, устранить противорѣчія. Это была скучная, черная, продолжительная, но полезная работа. Екатерина уклонилась отъ нея; вникнувъ въ изученіе дѣйствующаго законодательства, она прямо рѣшила, что все оно никуда не годится. Въ ея письмѣ есть житейскіе отзывы о русскомъ законодательствѣ; она говоритъ, что законы эти извели множество народа, что, благодаря имъ, народное благосостояніе все падало, а не поднималось,—что было даже не совсѣмъ справедливо.

Осудивъ такъ рѣзко дѣйствующее законодательство, Екатерина остановилась на блестящей цѣли—составить совершенно новое уложеніе, которое бы не имѣло ничего общаго съ дѣйствующимъ законодательствомъ и было бы построено на иныхъ началахъ. Мы можемъ удивляться, почему Екатерина рѣшила такъ, и почему выбрала себѣ такую далекую цѣль, которая была еще труднѣе достижима, чѣмъ первая, т. е. простое собраніе и приведеніе въ порядокъ дѣйствующихъ законовъ. Но это объясняется ея положеніемъ. Чтобы привести въ порядокъ дѣйствующее законодательство, нужно знать его и знать также подробности времени, чтобы съ ихъ помощью пополнить пробѣлы, оставшіеся въ законодательствѣ; но, Екатерина многаго не знала, она даже совсѣмъ не знала дѣйствующаго русскаго законодательства. Чтобы пополнить пробѣлы въ этомъ послѣднемъ и устранить противорѣчія, нужно было коснуться очень многихъ щекотливыхъ интересовъ современнаго общества: такъ, напримѣръ, при изученіи дѣйствующаго законодательства оказалось бы, что оно не касалось самыхъ основъ крѣпостного права, что послѣднее развилось больше, какъ фактъ, а не какъ законъ. Устраняя пробѣлы, нужно было, такимъ образомъ, точно опредѣлить отношенія, господствовавшія въ сельскомъ мірѣ. Мы знаемъ, насколько этотъ щекотливый вопросъ затронулъ бы лицъ, опираясь на которыхъ Екатерина взошла на престолъ. Итакъ, она многаго не знала, но и изъ того, что знала, она многаго не могла коснуться, потому что слишкомъ тѣсно была связана съ людьми, интересы которыхъ этимъ затрогивались.

Такимъ образомъ, Екатерина постепенно была сбита въ своей законодательной работѣ съ почвы практическихъ интересовъ, насущныхъ потребностей. Что ей оставалось? Ей оставалось открытой одна возвышенная сфера общихъ идей и благожеланій. Ей и самой пріятно было вращаться въ этой возвышенной области: туда влекли ее понятія и вкусы, ею усвоенные. Мы знаемъ, что еще дома, въ Германіи, она получила чисто французское воспитаніе. Въ Россіи она познакомилась съ тогдашней политической и философской литературой Франціи и увлеклась этой литературой; она перечла не только Белля, но и Вольтера, и Монтескье, и другихъ современныхъ французскихъ публицистовъ. Изъ этого прилежнаго чтенія она вынесла тотъ гуманный

либерализмъ, какимъ вообще отличались всѣ поклонники тогдашней французской политической литературы. Этотъ либерализмъ она выражала и въ своихъ литературныхъ трудахъ, и въ бесѣдахъ съ окружающими. Бесѣды эти, вмѣстѣ съ отрывочными записочками, позволяютъ намъ войти въ кругъ ея политическихъ понятій и симпатій. Такъ, она называла себя «рыцаремъ свободы и законности», она считала себя призванной на престолъ «на благо общества, чтобы обезпечить народу свободу, честь и собственность». Она прочитала разъ дѣло Артемія Волынскаго, осужденнаго и казненнаго, какъ намъ извѣстно, въ угоду Бирону; несправедливостью процесса, жестокостью кары это дѣло поразило Екатерину, и она сгоряча, подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, даетъ такой завѣтъ сыну и всѣмъ потомкамъ въ запискѣ 1765 г. «всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены; изволь мѣриться на этотъ аршинъ». Екатерина не пророчила счастія ни одному изъ своихъ преемниковъ, кто забудетъ этотъ завѣтъ. Въ числѣ записанныхъ ею мыслей въ первые лѣта царствованія мы читаемъ: «противно христіанской религіи обращать въ рабство людей, которые родились свободными; свобода—душа всѣхъ вещей; безъ нея все мертво: я хочу, чтобы повиновались законамъ, но не хочу рабовъ. Не знаю, мнѣ кажется, я всю жизнь буду чувствовать презрѣніе къ суднымъ комиссіямъ. Снисхожденіе, примирительный духъ государя сдѣлаетъ больше, чѣмъ милліоны законовъ, а политическая свобода даетъ душу всему».

Это, конечно, были «экспессы», говоря языкомъ того времени; но такой неопредѣленный, сантиментальный либерализмъ чрезвычайно вторилъ политическому настроенію, какимъ тогда проникли́сь и петербургскіе либералы. Они также жадно усвоили себѣ новыя политическія идеи, но въ такомъ общемъ видѣ, такъ неопредѣленно, что эти идеи не могли имѣть практическаго приложенія,—дѣйствовали лишь на нервы, создавали настроеніе, но не отражались въ ежедневныхъ поступкахъ этихъ людей.

Въ такомъ настроеніи Екатерина и принялась за преобразовательную дѣятельность. Согласно съ общимъ характеромъ этихъ усвоенныхъ ею политическихъ идей, новые законы она хотѣла создать при содѣйствіи общества. Безъ содѣйствія общества не могъ обойтись тогдашній либерализмъ. Новый кодексъ долженъ былъ выйти не изъ канцеляріи, а изъ рукъ самого народа.

Въ концѣ 1766 г. Екатерина обнародовала манифестъ, которымъ созывала представителей разныхъ классовъ русскаго общества въ «комиссію для составленія проекта новаго русскаго уложенія». Само русское общество должно было создать себѣ законы; но Екатерина не хотѣла оставить этихъ составителей безъ руководства; она хотѣла изложить имъ основныя начала, которыя должны были лечь въ основу новаго русскаго кодекса. Такое руководство она предложила комиссіи въ своемъ Наказѣ.

I. Н а к а з ъ—первый актъ преобразовательной дѣятельности Екатерины, съ которымъ мы должны познакомиться. Она сама довольно подробно разсказываетъ о томъ, какъ составлялся этотъ Наказъ. Въ одной изъ ея записокъ, писанныхъ около 1779 г., мы читаемъ: «усматривая въ первые три года, что всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ, изъ сего вывела

я у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самые гражданскіе законы не могутъ получить направленіе иначе, какъ установленіемъ полезнымъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы и счастья имперіи; преуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи всякому по его способностямъ; болѣе одного или двухъ листовъ не показывала вдругъ». Наконецъ, заготовила она манифестъ о союзѣ депутатовъ, помѣченный 14 декабря 1766 г. Въ одномъ письмѣ къ своей парижской писательницѣ m-me Жофренъ, отъ 22 марта 1765 г., она пишетъ, что ежедневно встаетъ рано и часа два—три посвящаетъ работѣ надъ составленіемъ законодательнаго руководства, т. е. надъ Наказомъ. Работа эта продолжается-де у нея уже два мѣсяца. Къ началу 1766 г. Наказъ былъ готовъ, т. е. онъ писался съ начала 1765 г. и до конца 1766 гола.

Когда въ 1767 году стали съѣзжаться въ Москву депутаты, Екатерина выбрала изъ нихъ нѣкоторыхъ персонъ «весьма - разномыслящихъ» и дала имъ прочитать свой Наказъ. Какъ прежде того люди, которымъ она показывала по одному или по два листа, такъ и эти депутаты были поражены тѣмъ, что прочитали въ Наказѣ. Екатерина начала истреблять неодобренныя читателями части Наказа. Она пишетъ къ Жофренъ, что еще послѣ предварительной секретной цензуры, которой она подвергла свое произведеніе, она изорвала или сожгла болѣе половины писаннаго. Теперь наступила вторичная цензура со стороны избранныхъ депутатовъ. Екатерина предоставила имъ чернить и марать, что имъ захочется и они зачеркнули болѣе половины того, что прочитали. Уцѣлѣвшія статьи и были напечатаны лѣтомъ 1767 года, ко дню открытія комиссіи. Значитъ, то, что мы читаемъ въ отпечатанномъ Наказѣ, есть не болѣе четверти того, что было написано Екатериной. Такая строгая двойная цензура объясняется характеромъ и содержаніемъ Наказа. Наказъ былъ написанъ въ пору того увлеченія французскими политическими идеями, какое мы видѣли по нѣкоторымъ признаніямъ и записочкамъ Екатерины. Не думайте что Наказъ—практическая инструкція, которой должны были руководиться депутаты въ ихъ сложной и трудной работѣ. Нѣтъ, это философско-политическій трактактъ; такой его характеръ объясняется источниками. Источниками его послужили тѣ книги, которыми Екатерина тогда увлекалась. Прежде и шире всего она воспользовалась книгой Монтескье «О духѣ законовъ». Собираясь послать экземпляръ составленнаго Наказа къ одному изъ энциклопедистовъ де Аламберу, она пишетъ мм. Жофренъ: «я скоро пришлю ему тетрадь, изъ которой онъ увидитъ, къ чему могутъ намъ служить геніальные люди, когда хотятъ дѣлать изъ нихъ употребленіе». Книгу Монтескье она сама называла «молитвенникомъ государей», у котораго «уцѣлѣлъ здравый смыслъ». «Это—мой молитвенникъ», нѣсколько разъ повторяетъ она въ письмѣ къ де Аламберу: она пишетъ ему въ половинѣ 1765 г.: «Вы увидите изъ Наказа, какъ для пользы своей имперіи я обобрала президента Монтескье, не называя его; надѣюсь, что если

онъ съ того свѣта увидитъ мою работу, то проститъ мнѣ этотъ литературный грабежъ для блага 20 милліоновъ людей, какое изъ того должно послѣдовать». Наказъ состоялъ изъ 20 главъ, раздѣленныхъ каждая на статьи или отдѣльныя краткія положенія. Такихъ статей въ немъ 526; 250 изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, прямо заимствованы изъ «Духа законовъ». Екатерина не упоминаетъ и другого философа криминалиста, ею обобраннаго; то былъ итальянскій философъ по уголовному праву, Беккарій, который только недавно (въ 1764 году) издалъ свою книгу «О преступленіи и наказаніи»; книга эта тогда же была переведена на французскій и нѣмецкій языки и надѣлала много шуму въ Европѣ. Книга эта была протестомъ противъ средневѣковаго права и всѣхъ его формъ; она вооружалась противъ пытки и другихъ судебныхъ доказательствъ средневѣковаго процесса, настаивая на необходимости взвѣшивать степень вмѣняемости, нравственнаго побужденія въ преступленіи и т. д. Екатерина широкими руками воспользовалась и книгой Беккарія. Самая обширная глава Наказа, десятая, трактуетъ объ уголовномъ правѣ или объ обрядѣ криминальнаго суда; болѣе 100 статей этой главы, т. е. почти вся она заимствована изъ книги Беккарія. Процессъ составленія Наказа легко открывается изъ сличенія его съ источниками. Читая «Духъ законовъ» и «О преступленіи и наказаніи», Екатерина отмѣчала карандашемъ наиболѣе рѣзко, афористически формулированныя положенія ихъ авторовъ; потомъ, приводя эти мѣста въ нѣкоторый порядокъ, она излагала ихъ или въ дословномъ переводѣ, или въ легкой перифразѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, и изрѣдка вставляла свою статью, свою строчку, даже свое одно слово. Такъ составился Наказъ. Екатерина въ письмахъ къ людямъ, отъ которыхъ нельзя было скрыть такого авторства, открыто признавалась въ немъ. Такъ, посылая экземпляръ Наказа Фридриху II, своему политическому союзнику, она пишетъ: «Вы увидите, что я здѣсь, какъ ворона въ баснѣ, нарядилась въ павлиньи перья; въ этомъ сочиненіи мнѣ принадлежитъ только расположеніе матеріала, да развѣ по мѣстамъ одна строчка, одно слово». Она сама думала, что всего оригинальнаго, ею написаннаго, «не наберется въ Наказѣ и двухъ листовъ». Вотъ почему странно, что Екатерина впослѣдствіи перевела Наказъ на разные языки и въ отлично переплетенныхъ экземплярахъ любила дарить знатнымъ путешественникамъ, пріѣзжавшимъ изъ Франціи, Германіи другихъ странъ. Какое назиданіе могли извлечь изъ Наказа эти люди, давно читавшіе подлинники?

Содержаніе Наказа очень разнообразно, обнимаетъ почти всѣ стороны законодательства; въ 20 главахъ его мы читаемъ о естественномъ положеніи государства, объ образѣ правленія, объ учрежденіяхъ, о судопроизводствѣ, объ общественныхъ классахъ; о размноженіи народа, о торговлѣ и ремеслахъ, о воспитаніи, о порядкѣ наслѣдованія, о составленіи и слогѣ законодательства, т. е. о правилахъ кодификаціи и, наконецъ, о разныхъ статьяхъ, требующихъ особеннаго изъясненія, какъ-то, о преступленіи по оскорбленію Величества, о чрезвычайныхъ судахъ, учрежденныхъ особо для извѣстныхъ преступленій, о вѣротерпимости, и, наконецъ, находимъ отвѣтъ на вопросъ, какъ можно узнать, что государство приближается къ паденію и къ конечному разрушенію? Послѣ, въ 1763 г., къ 20 главамъ

Наказа прибавлены были 2 новыя—о полиціи и о государственномъ хозяйствѣ.

Таково содержаніе Наказа въ общихъ чертахъ. Изложенъ онъ, какъ я сказалъ, афористически, отдѣльными и краткими статьями. Наказъ построенъ на довольно тонко соображенномъ силлогизмѣ. Во вступленіи мы читаемъ: «Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро. Желаніе каждаго честнаго человѣка — видѣть свое отечество на высшей ступени благополучія, а своихъ согражданъ—подъ охраною закона; чтобы скорѣй осуществить это общее желаніе, надо войти въ естественное положеніе сего государства, потому что наиболѣе естественные законы — это тѣ, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ расположенію народа, для котораго они составлены. Законы должны быть основаны на условіяхъ народной жизни». Въ 1-ой и 2-ой главѣ изложены условія жизни русскаго народа. Этихъ условій, впрочемъ, указано только два: 1) Россія есть европейская держава, 2) Россія есть государство, управляемое самодержавной властью. Что Россія есть европейская держава, доказывается успѣхомъ Петра во введеніи европейскихъ обычаевъ и нравовъ, успѣхомъ, который объясняется несоотвѣтствіемъ древне-русскихъ обычаевъ и нравовъ съ климатомъ страны. Древне-русскіе обычаи и нравы принесены къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніемъ разныхъ областей; значитъ, древне-русскіе нравы были неестественны, искусственно созданы. Вотъ почему Петръ, вводя обычаи и нравы европейскіе, нашелъ такое удобство, какого и самъ не ожидалъ. Необходимость для Руси самодержавнаго образа правленія доказывается 1) тѣмъ, что лучше повиноваться одному господину, нежели угождать многимъ, 2) тѣмъ, что государство это по самой обширности пространства своего предполагаетъ необходимость самодержавной власти. Надлежитъ, чтобы дѣла рѣшались настолько скорѣе, насколько медленно текутъ они къ центру по обширнымъ разстояніямъ государства. Значитъ, предполагаемая самодержавная власть есть условіе наиболѣе быстраго рѣшенія дѣлъ.

Разбирая этотъ рядъ мыслей, легко извлечь изъ него слѣдующіе силлогизмы: законы для каждаго народа должны соотвѣтствовать его положенію. Россія по своему положенію есть государство Европы; слѣдовательно, законы, предназначенные для русскаго народа, должны имѣть обще-европейскія основы. Эти основы и предлагаются въ Наказѣ въ видѣ идей, извлеченныхъ изъ западно-европейской литературы и представлявшихъ послѣднее слово западно-европейской политической мысли. Какъ мы видимъ, силлогизмъ съ логической стороны построенъ довольно искусно. Въ комиссіи для составленія проекта уложенія могло возникнуть такое недоумѣніе: насъ созвали составить русскій кодексъ, а въ руководствѣ предлагаютъ Монтескье и Беккарія; зачѣмъ это? Наказъ отвѣчаетъ: ваши законы должны соотвѣтствовать вашему положенію; вы по своему положенію европейскій народъ; слѣд., ваши законы должны быть основаны на тѣхъ же началахъ, какія лежатъ въ основаніи западно - европейскихъ законовъ. Но не лишенная искусности въ логическомъ построеніи, основная мысль Наказа грѣшитъ одной исторической ошибкой. Совершенно вѣрно, что русское законодательство въ то время должно было развивать начала обще-европейскаго права, которое есть, между про-

чимъ, и право христіанское, но то право, которое развивалось въ книгахъ Монтескье и Беккарія не лежало въ основѣ ни одного европейскаго законодательства. То былъ законодательный идеалъ, а не законодательный фактъ; его еще нужно было путемъ долгой борьбы вводить въ европейское право. Какимъ же образомъ въ основу русскаго права могъ лечь тотъ идеалъ, который не лежалъ въ основѣ ни одного европейскаго права, и могъ лечь потому, что русскій народъ есть народъ европейскій? Эта историческая ошибка, которая замѣчается въ построеніи Наказа, и опредѣлила значеніе этого памятника въ исторіи нашего законодательства.

Далѣе, Наказъ, независимо отъ этой исторической погрѣшности, былъ неудобенъ, какъ руководство въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, по самому изложенію—онъ состоитъ изъ афоризмовъ, вырванныхъ изъ разныхъ мѣстъ указанныхъ книгъ. Между этими афоризмами разорвалась та связь, въ какой отвлеченныя мысли стояли въ подлинникѣ; отсюда темнота Наказа, трудность его усвоенія, безсвязность мыслей, поставленныхъ рядомъ. Мы не говоримъ объ изложеніи Наказа, тяжеломъ, не всегда точно передающемъ подлинникъ; конечно, опытная рука Казицкаго или другого литератора того времени, безъ сомнѣнія, прошлась по тому тексту, который мы читаемъ. Второе неудобство Наказа заключалось въ его «эксцессѣ». Наказъ, даже въ томъ урѣзанномъ видѣ, какъ мы его читаемъ, долженъ былъ поразить русское общество рядомъ отважныхъ мыслей, которыя до тѣхъ поръ не рѣшались высказывать въ слухъ, онъ долженъ былъ поразить и массой предметовъ, до тѣхъ поръ не подвергавшихся гласному обсужденію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Наказѣ мы встрѣчаемъ опредѣленіе равенства, опредѣленіе политической свободы, рѣзкія статьи противъ пытки, какъ установленія, противорѣчащаго здравому разсудку, не менѣе рѣзкія статьи противъ привычки подвергать карамъ за слова противъ правительства. «Тотъ все опровергаетъ и разрушаетъ», читаемъ мы въ Наказѣ, «кто изъ словъ дѣлаетъ преступленіе смертной казни достойное». Рѣзко высказывается Екатерина противъ нетерпимости въ дѣлахъ вѣры: «Гоненіе людскіе умы раздражаетъ, а дозволеніе каждому вѣровать по своему закону умягчаетъ и жестоковыйныя сердца». Прочитавъ за высочайшею подписью рядъ такихъ смѣлыхъ идей, какъ долженъ былъ поступить депутатъ, пріѣхавшій изъ какого-нибудь отдаленнаго города? въ какія точныя законодательныя формулы могъ онъ облечь эти мысли, шедшія въ разрѣзъ не только съ его понятіями, но и со всѣми государственными и политическими стремленіями Россіи? Очевидно, нужно было много подготовительныхъ усилій надъ русскими умами, чтобы эти мысли можно было облечь въ законы. Вотъ почему, вѣроятно, депутаты при чтеніи каждой статьи поднимали жаркія пренія и выкинули болѣе половины того, что прочитали. Даже либеральный Никита Панинъ, поклонникъ аристократической шведской конституціи, прочитавъ Наказъ, шутливо замѣтилъ Екатеринѣ: «о, эти аксіомы способны опрокинуть стѣны». Чтобы оцѣнить значеніе Наказа въ нашемъ законодательствѣ, т. е. его значеніе не какъ памятника литературы, а какъ памятника права, его надобно изучать въ связи съ дѣятельностью той комиссіи, которой онъ данъ былъ въ руководство. Поэтому мы и обратимся къ составу и работамъ этой комиссіи.

2. Комиссія 67 г. Ея составъ. Сознавъ необходимость привести въ порядокъ русское законодательство и начертавъ руководство для этой работы, Екатерина издала манифестъ, которымъ созывалась въ Москву комиссія, долженствовавшая составить проектъ новаго уложенія; манифестъ былъ помѣченъ 14 декабря 1766 г. Комиссія должна была собраться въ Москвѣ лѣтомъ слѣдующаго года. Эта комиссія для составленія проекта новаго уложенія вызвала въ свое время большой шумъ, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи. О ней много говорили, еще больше отъ нея ждали. Далекій отзвукъ этихъ толковъ можно услышать и теперь; и теперь комиссія 1767 г. остается чуть ли не самой яркой точкой въ нашей политической исторіи XVIII в., едва ли не самымъ шумнымъ событіемъ царствованія Екатерины. Вотъ почему, думаю я, событіе это заслуживаетъ болѣе внимательнаго изученія, сравнительно съ другими явленіями времени.

Составъ комиссіи былъ чрезвычайно сложенъ: она состояла изъ депутатовъ отъ правительственныхъ учрежденій, отъ сословій и городовъ, даже отъ племенъ, населявшихъ Россію. Именно, въ комиссіи должно было явиться по одному депутату отъ правительственнаго сената, отъ святѣйшаго синода и отъ центральныхъ коллегій и канцелярій. Областныя учрежденія не были представлены въ комиссіи. Далѣе, сословія должны были послать въ комиссію своихъ депутатовъ, а именно, дворянство отъ каждаго уѣзда по одному, города также по одному. По тогдашнему областному дѣленію губернія—большой округъ подраздѣлялась на провинціи, соотвѣтствующія современнымъ губерніямъ, а провинціи раздѣлялись на уѣзды, также соотвѣтствующіе нашимъ уѣздамъ. Слѣдовательно, губернія того времени похожа была на генералъ-губернаторство. Отъ каждой провинціи посылали депутата государственные или черносошные крестьяне, жившіе не на частновладѣльческой, а на государственной землѣ, однодворцы и разные мелкіе служилые землевладѣльцы, пахотные солдаты, помѣщенные давно уже на южной и частью западной окраинѣ государства — это остатки старинныхъ мелкихъ помѣщиковъ, которые густыми массами помѣщены были на границахъ для ихъ обороны. Они теперь, эти однодворцы, пахотные солдаты и разные разряды лицъ, несшихъ пограничную милиціонную службу, составляли переходный классъ между податными крестьянами и дворянами. Они несли подушную подать вмѣстѣ съ крестьянами, но вмѣстѣ съ дворянами пользовались правомъ личнаго землевладѣнія и правомъ владѣть крѣпостными. Наконецъ, каждое инородческое племя, какой бы религіи оно ни было, только осѣдлое, не кочевое, посылало по депутату отъ каждой провинціи, въ которой оно жило. Такъ, напр., черемисы, разсѣянные по провинціямъ Казанской и Нижегородской, посылали по одному депутату отъ каждой изъ этихъ провинцій. Число депутатовъ отъ казаковъ донскихъ и днѣпровскихъ не было опредѣлено: это число, какъ и порядокъ ихъ выбора, предоставлено было опредѣлить ихъ казачьимъ командирамъ-атаманамъ. Такимъ образомъ, представительство въ комиссіи построено было на очень разнообразныхъ основаніяхъ. Это не было представительство сословное: какъ мы видѣли, въ ней присутствовали и депутаты отъ высшихъ центральныхъ учрежденій, представлены были также мѣста жительства, а не общественные классы. Такъ, каждый городъ посылалъ по депутату, которыхъ выбирали всѣ городскіе обыватели, но это не

были депутаты средняго и купеческаго сословія, ибо въ городахъ нашихъ домовладѣльцами бываютъ люди разныхъ классовъ. Значитъ, городской депутатъ представлялъ не классъ, а мѣсто жительства. Наконецъ, и племенное дѣленіе Руси легло въ основаніе представительства въ комиссіи; депутаты пришли и отъ разныхъ осѣдлыхъ инородцевъ, входившихъ въ составъ населенія Россійской имперіи безъ различія вѣры. Мы не знаемъ представительнаго собранія, въ которомъ представительство было столь сложно. Учрежденія, сословія, мѣста жительства, племена, родъ оружія—казачество не сословіе, а родъ оружія—это должно было сообщить комиссіи необыкновенно пестрый составъ. Пестрота состава можетъ навести на мысль, что, организуя выборы, правительство хотѣло дать голосъ всѣмъ элементамъ русскихъ сословій. Однако, вы легко замѣтите, что нѣсколько классовъ совсѣмъ не были представлены, именно, не было депутатовъ отъ дворцовыхъ крестьянъ, не было депутатовъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ, далѣе, отъ крестьянъ даже не крѣпостныхъ, а свободныхъ, такъ называемыхъ экономическихъ *).

Еще болѣе странный пробѣлъ замѣчаемъ мы въ ея составѣ: мусульманскіе и языческіе инородцы были представлены въ комиссіи, а православное духовенство нѣтъ, выборные депутаты отъ приходскаго духовенства не были призваны. Разсматривая происхожденіе столь замѣтнаго пробѣла въ составѣ комиссіи, мы находимъ, что тогда руководствовались особымъ взглядомъ на народное представительство. По нашему мнѣнію, каждый общественный элементъ, имѣющій значеніе въ народной жизни, долженъ быть представленъ голосами изъ его среды. Очевидно, тогда считали достаточнымъ, если въ комиссіи будутъ депутаты не отъ самого общественнаго элемента или класса, а отъ такого учрежденія, которое имъ управляло. Вотъ почему экономическіе крестьяне не были призваны въ комиссію, здѣсь присутствовалъ членъ отъ коллегіи экономіи. Вотъ почему не было представителей отъ приходскаго духовенства: въ комиссіи засѣдалъ членъ отъ святѣйшаго синода, управлявшаго всѣмъ духовенствомъ. Вотъ почему не было представителей дворовыхъ, крѣпостныхъ крестьянъ: первыхъ представлялъ депутатъ отъ дворцоваго управленія, вторыхъ помѣщикъ, ибо помѣщикъ замѣнялъ собою мѣстное управленіе, былъ чиновникомъ управителемъ. Такимъ образомъ количество голосовъ, вышедшихъ изъ общества, имѣло второстепенное значеніе. Хотѣли не спросить мнѣніе того или другого класса, хотѣли имѣть лицо, у котораго можно было бы навести справку о томъ или другомъ классѣ.

---

*) Незадолго передъ тѣмъ Екатерина осуществила попытку мужа секуляризировать обширныя церковныя земли съ поселенными на нихъ крестьянами. Въ началѣ царствованія Екатерины окончена была опись этихъ церковныхъ крестьянъ; они были отобраны у церковныхъ учрежденій, ими владѣвшихъ, значитъ, получали характеръ государственныхъ крестьянъ. Управляло ими особое государственное учрежденіе, такъ назыв. коллегія экономіи, почему эти бывшіе церковные крестьяне и получили названіе экономическихъ. Въ 1767 г. секуляризація церковныхъ недвижимыхъ имуществъ была уже окончена, однако, экономическіе крестьяне не были представлены въ комиссіи.

Такое же второстепенное значеніе числа депутатовъ открываемъ мы и изъ разбора численныхъ отношеній депутатовъ разныхъ элементовъ. Разумѣется, въ составѣ общества важнѣйшее значеніе принадлежало дворянству, между тѣмъ количество дворянскихъ депутатовъ вовсе не было самымъ большимъ въ составѣ комиссіи. Комиссія состояла изъ 594 депутатовъ; въ томъ числѣ депутатовъ отъ дворянъ было 30%, депутатовъ отъ городовъ 39% (огромное большинство депутатовъ отъ городовъ, разумѣется, принадлежало къ купеческому и мѣщанскому сословію, такъ какъ эти сословія составляли большинство городскихъ домовладѣльцевъ); значитъ, классы, далеко не первостепенные, въ комиссіи были представлены большимъ числомъ голосовъ, чѣмъ сословіе господствующее. Черносошныхъ крестьянъ, вмѣстѣ съ однодворцами, въ составѣ комиссіи было 14%. Остальное число депутатовъ принадлежало остальнымъ элементамъ, призваннымъ въ составъ комиссіи (племенамъ, депутатамъ отъ учрежденій, которыхъ всего было 30 человѣкъ). Таковъ былъ этотъ сложный, пестрый до нельзя составъ комиссіи.

Теперь спросимъ, что это такое, на что это похоже изъ извѣстныхъ намъ государственныхъ учрежденій? Надъ этимъ вопросомъ думали повѣствователи разсказовъ о дѣятельности этой комиссіи. Разрѣшить его довольно трудно; иные говорятъ, что это собраніе походило на представительное собраніе западное, напр., генеральные штаты Франціи, если не на англійскій парламентъ. Англійскій парламентъ учрежденіе постоянное; такимъ собраніемъ не была русская комиссія 1767 г.; но постояннымъ учрежденіемъ не были и генеральные штаты Франціи, однако, послѣдніе имѣютъ очень мало общаго съ русской комиссіей 1767 г. Генеральные штаты Франціи составлялись только изъ депутатовъ трехъ крупныхъ политическихъ корпорацій или сословій: духовенства, дворянства и tiers etat. Въ нашей комиссіи, какъ вы видите, представлены были далеко не одни сословія, но и учрежденія, и мѣста жительства, и племена, и даже нѣкоторыя части вооруженныхъ силъ страны (казаки). Итакъ, наша комиссія не генеральные штаты. Но, говорятъ другіе повѣствователи, стало быть это старинный московскій Земскій соборъ. Сравнивая оба собранія (древне-русскій Земскій соборъ и комиссію 1767 г.) находимъ также мало сходства между ними. Древне-русскій Земскій соборъ былъ представительствомъ чиновъ, а не сословій, т. е. онъ представлялъ собой тѣ различные служилые разряды, на которые раздѣлено было русское общество по роду государственнаго служенія и по свойству государственныхъ повинностей, на нихъ падавшихъ. Въ древнемъ Земскомъ соборѣ были представители отъ чиновъ: стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дворянъ провинціальныхъ; все это былъ одинъ служебный классъ, раздѣленный на разные разряды или чины, и каждый чинъ посылалъ по одному или нѣсколько депутатовъ на Земскій соборъ. Но на древнемъ Земскомъ соборѣ не было представителей отъ учрежденій; правда, на немъ являлось два учрежденія, но цѣликомъ въ полномъ своемъ составѣ, а не изъ представителей; именно, на Земскомъ соборѣ, какъ руководящія силы, являлись патріархъ со своимъ церковнымъ освященнымъ соборомъ, епископами, архимандритами и т. д. и Боярская дума съ государемъ во главѣ, но не было представителей отъ учрежденій, напр., Приказовъ, соотвѣтствовавшихъ

коллегіямъ XVIII в. Далѣе, въ комиссіи 1767 г. представлены вовсе не чины, т. е. разные служилые разряды, на которые распадалось общество, потому что уже теперь не было и этихъ разрядовъ, а все русское общество стянуто было въ нѣсколько крупныхъ сословій: дворянство, купечество съ другими городскими классами, крестьяне и духовенство. Мы видѣли, что въ комиссіи, кромѣ дворянъ, собственно не было представителей ни одного сословія, потому что купцы и мѣщане представляли города, а не сословія. Депутаты отъ сельскаго населенія представляли только одинъ слой въ составѣ крестьянъ, именно крестьянъ черносошныхъ. Духовенство, какъ сословіе, вовсе не было представлено, а скрывалось за депутатами отъ учрежденія, отъ Синода. Итакъ, комиссія 1767 г. не была похожа ни на генеральные штаты Запада, ни на наши Земскіе соборы.

Откуда же взялась столь пестрая форма? Происхожденіе этой формы мало замѣтно. Она постепенно выработалась въ той самой сферѣ государственной дѣятельности, которая послужила задачей комиссіи 1767 г., т. е. выработалась изъ исторіи нашей кодификаціи. Работа надъ приведеніемъ въ порядокъ русскаго законодательства начата была въ царствованіе Петра, когда оказалось уже устарѣлымъ старое Уложеніе царя Алексѣя 1649 г. Петръ для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ, изданныхъ со времени Уложенія, составилъ комиссію въ 1700 г. Комиссія эта состояла изъ членовъ, назначенныхъ правительствомъ, именно, изъ 12 членовъ Боярской думы (бояръ, окольничьихъ и думныхъ дворянъ съ думными дьяками), изъ 28 стольниковъ, высшаго слоя служилаго класса, какой слѣдовалъ за думными чинами (въ арміи это были полковники), двухъ московскихъ дворянъ (столичныхъ, не провинціальныхъ) и 6 простыхъ дьяковъ, секретарей разныхъ Приказовъ. Эта комиссія не была представительнымъ учрежденіемъ: здѣсь всѣ члены были назначенные правительствомъ, а не выборные; но эти члены были либо чиновники, дѣйствовавшіе въ центральныхъ учрежденіяхъ, либо люди изъ высшихъ слоевъ общества. Напр., бояре, окольничьи, стольники, дворяне московскіе — это были высшіе разряды русскаго дворянства. Комиссіи этой поручено было собрать и привести въ порядокъ изданные послѣ Уложенія указы и сличить ихъ съ шведскимъ уложеніемъ, чтобы такимъ образомъ составить уложеніе новое, болѣе полное, чѣмъ уложеніе 1649 г. Комиссія эта проработала все царствованіе Петра и ничего не сдѣлала, несмотря на строгія предписанія Петра. Работа оказалась не подъ силу этому 48-ми членному собранію. Но она продолжалась послѣ Петра. Далѣе эта кодификаціонная комиссія начала получать новый составъ. Такъ, при Екатеринѣ, комиссія эта была составлена изъ сенатскихъ оберъ-секретарей, къ которымъ, однако, рѣшили присоединить представителей общества, только не выборныхъ, а назначенныхъ сенатомъ, а именно, оберъ-секретари должны были выработать черновой проектъ Уложенія, а для окончательнаго редактированія его велѣно было назначить сенату по двѣ «персоны» изъ духовныхъ и гражданскихъ людей и отъ магистрата, т. е. главнаго городового учрежденія, дѣйствовавшаго въ Петербургѣ и руководившаго магистратами всѣхъ другихъ городовъ. При Петрѣ II представительство общества было расширено; велѣно было для окончательной выработки

новаго уложенія пригласить депутатовъ отъ офицеровъ и депутатовъ отъ дворянства каждой провинціи, по выбору сословія, въ количествѣ 5 человѣкъ отъ провинціи, «людей добрыхъ и знатныхъ», какъ гласилъ указъ. Когда эти «добрые и знатные» представители дворянства явились въ Петербургъ, здѣсь увидѣли, что они никуда не годятся: то были отставные, старые и увѣчные дворяне, служившие въ полкахъ и вышедшие за негодностью въ отставку. Мѣстное дворянство, щадя свои силы, послало этихъ инвалидовъ законодательствовать. Предписано было выслать новыхъ, по два изъ провинціи, но уже—«людей добрыхъ и знающихъ». Когда вступила на престолъ императрица Анна, эти депутаты были вызваны въ Петербургъ, но они не помогли дѣлу. Выхваченные изъ дворянской среды, «двѣ персоны добрыя и знающія» не знали, что дѣлать, ибо въ первый разъ имъ представлялся вопросъ о русскомъ законодательствѣ: они служили, но не законодательствовали и не кодифицировали. Съ царствованія Елизаветы порядокъ веденія дѣла измѣняется. Нашли, что представители отъ общества ни въ чемъ не помогутъ чиновникамъ, которымъ поручена работа. Тогда рѣшили расширить комиссію чиновниковъ, именно, составить ее изъ представителей разныхъ учрежденій, занимающихъ разныя правительственныя должности. Потомъ велѣно было по вопросамъ, касающимся коллегіи юстиціи и вотчинной, приглашать эти коллегіи въ полномъ составѣ. Значитъ, соединенная работа представителей канцеляріи и общества, оказавшаяся неудачной, теперь замѣнена была работой болѣе однообразной комиссіи, состоявшей изъ знатоковъ правительственнаго дѣла, изъ представителей разныхъ административныхъ вѣдомствъ. Только по окончаніи работъ, для выслушиванія новаго уложенія велѣно было призвать депутатовъ отъ дворянства и купечества. Эти депутаты и были созваны при Елизаветѣ, но не успѣли дослушать уложенія, ибо оно еще и не было приготовлено.

Такъ шло дѣло кодификаціи русскихъ законовъ съ начала XVIII в., съ послѣдняго года XVII в. и до царствованія Екатерины. Очевидно, правительство пробовало разныя средства для успѣшнаго окончанія дѣла, разнообразя составъ работавшей надъ нимъ комиссіи. Легко видѣть эти формы, онѣ были или простыя, или смѣшанныя. Сначала надѣялись достигнуть цѣли съ помощью смѣшанной комиссіи; затѣмъ сообщили комиссіи болѣе однообразный составъ, какой она имѣла при Петрѣ, т. е. составили ее изъ однихъ представителей учрежденій. Эта форма кодификаціонной комиссіи, развивавшаяся въ продолженіе столѣтія, и послужила руководствомъ правительству Екатерины II при составленіи комиссіи 1767 г. Эта комиссія отличалась двойственностью состава: она состояла изъ представителей учрежденій и изъ представителей разныхъ классовъ общества,—но не сословій, а либо городскихъ обществъ, либо племенъ, которыя по своимъ этнографическимъ особенностямъ составляли особые классы населенія, но не племенъ въ цѣломъ ихъ составѣ, а разрѣзанныхъ по провинціямъ. Итакъ, форма Екатерининской комиссіи 1767 г. по составу не была заимствована ни изъ-за границы, ни изъ русской политической старины; она была составлена по образцу кодификаціонныхъ комиссій, дѣйствовавшихъ съ Петра и до Екатерины. Теперь перейдемъ къ изображенію дѣятельности комиссіи 1767 года.

3. Дѣятельность комиссіи. Причины ея неудачи. Для чего собственно созвана была комиссія? Манифестъ гласитъ, что депутаты призывались заявить нужды и желанія населенія. Но къ этому было прибавлено, что они будутъ допущены и въ комиссію, которой поручено составить проектъ новаго уложенія. Изъ этого неяснаго выраженія видно, что депутаты не только имѣли быть приглашены въ комиссію, но и составляли ее. Комиссіи указана была двойная цѣль: заявить нужды и желанія населенія и потомъ принять участіе въ кодификаціонной работѣ, въ составленіи уложенія. Но манифестъ не указывалъ точно взаимнаго отношенія этихъ задачъ, не говорилъ, которая изъ нихъ главная, которая второстепенная, и одинаково ли обязательны для комиссіи обѣ поставленныя ей цѣли.

Комиссія получила чрезвычайно сложное устройство, соотвѣтствовавшее ея пестрому составу; она была раздѣлена на множество частныхъ комиссій. Эти комиссіи были двухъ родовъ: однѣ распорядительныя, а другія собственно законодательныя или кодификаціонныя, какъ бы лучше сказать. Распорядительныя комиссіи должны были руководить дѣйствіемъ общаго собранія и его частей; комиссіи законодательныя или кодификаціонныя должны были вырабатывать части уложенія.

Распорядительными комиссіями были: дирекціонная, экспедиціонная и подготовительная. Дирекціонная комиссія собственно направляла кодификаціонную работу; она предлагала общему собранію составить ту или другую частную комиссію для выработки какой-нибудь части уложенія; общее собраніе, по предложенію дирекціонной комиссіи, выбирало изъ своей среды по 5 членовъ; далѣе, дирекціонная комиссія направляла дѣятельность этихъ частныхъ комиссій, просматривала составленные ими проекты частей уложенія, смотрѣла, нѣтъ ли въ этихъ проектахъ противорѣчія, несогласія съ Наказомъ; далѣе, просмотрѣнные проекты она вносила на обсужденіе общаго собранія. Экспедиціонная комиссія скорѣе могла бы быть названа редакціонной: она должна была устранять въ проектѣ мѣста «неудобовразумительныя» и выраженія двусмысленныя; обязанность ея состояла въ просмотрѣ выработаннаго проекта со стороны слога и языка. Подготовительная комиссія имѣла другую задачу. Каждый депутатъ являлся въ комиссію съ наказомъ отъ своихъ избирателей: въ этихъ наказахъ избиратели должны были изложить свои нужды и желанія. Это нѣчто въ родѣ «cahiers» французскихъ депутатовъ собранія 1789 г. Подготовительная комиссія должна была разсмотрѣть эти наказы, сдѣлать изъ нихъ извлеченія и извлеченія эти передать въ общее собраніе, какъ руководство для работъ. Значитъ, она должна была выработать сводъ депутатскихъ наказовъ.

Для выработки разныхъ частей уложенія образовано было 16 частныхъ комиссій по разнымъ отраслямъ законодательства. Задачи нѣкоторыхъ комиссій касались очень спеціальныхъ частей уложенія. Такъ, напримѣръ, была образована комиссія «о разборѣ родовъ государственныхъ жителей» (о сословіяхъ по нашему), но рядомъ съ ней дѣйствовала комиссія «о среднемъ родѣ людей», т. е. среднемъ сословіи. Первая должна была выработать проектъ положеній обо всѣхъ сословіяхъ въ Россіи; вторая спеціальный проектъ уложенія о среднемъ или городскомъ сословіи. Точно также существовала частная

комиссія, которая должна была выработать торговый уставъ. Но рядомъ съ этимъ было нѣсколько частныхъ комиссій, разрабатывающихъ спеціальныя отрасли хозяйства, напр., комиссія о рудокопахъ или горномъ дѣлѣ; комиссія о размноженіи народа, земледѣліи, домостроительствѣ, орошеніи и сбереженіи лѣсовъ и пр. Благодаря этой дробной организаціи комиссіи, въ ней установилось очень сложное и медленное дѣлопроизводство. Каждый вопросъ предварительно обсуждался въ общемъ собраніи; затѣмъ, для его разработки формировалась особая частная комиссія; эта комиссія, получая указанія отъ дирекціонной, вырабатывала проектъ возложенной на нее части уложенія; выработанный проектъ дирекціонная комиссія провѣряла, а затѣмъ возвращала въ комиссію; разсмотрѣвъ и провѣривъ проектъ съ законодательной стороны, дирекціонная комиссія передавала его въ экспедиціонную для выправки изложенія, для приведенія проекта въ приличный внѣшній видъ; сдѣлавъ свое дѣло, экспедиціонная комиссія возвращала проектъ въ дирекціонную, которая уже вносила его въ общее собраніе, а послѣднее разсматривало, дебатировало его рядомъ преній. Сколько степеней, иногда повторительныхъ, долженъ былъ проходить въ своей разработкѣ каждый законодательный вопросъ. Этимъ объясняется необыкновенная медленность, съ какой вела комиссія свои работы. Я передамъ въ краткомъ очеркѣ ходъ этой работы.

Комиссія созвана была къ 30 іюля 1767 г. и 31 іюля открыла свои дѣйствія въ Москвѣ въ Грановитой палатѣ.

Первыя 8 засѣданій посвящены были предварительнымъ работамъ. Прежде всего читался Наказъ. Комиссія открылась при нѣсколько возбужденномъ состояніи правительства и общества. Это понятно: совершилось на Руси небывалое дѣло; встрѣтились въ одной работѣ люди, которые ни въ чемъ и никогда не встрѣчались прежде. Это возбужденное настроеніе выразилось и въ ходѣ первыхъ занятій въ комиссіи. Наказъ былъ выслушанъ съ неописаннымъ восхищеніемъ; это настроеніе еще усилилось, когда прочли 520 статью, которая гласила: «все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены; однако мы думаемъ и за славу вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для народа, ибо Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ болѣе справедливъ и, слѣдовательно, болѣе просвѣщенъ; намѣреніе законодательства было бы не исполнено»... Все собраніе зарыдало. Затѣмъ комиссія начала устраиваться, избрала маршала или предводителя комиссіи. Президентомъ оказался въ числѣ выборныхъ гр. Григорій Орловъ, но онъ это отклонилъ отъ себя, и утвержденъ былъ въ качествѣ маршала представитель костромскаго дворянства — Алексѣй Ивановичь Бибиковъ, впослѣдствіи дѣйствовавшій при усмиреніи Пугачева. Затѣмъ стали читать наказы депутатовъ, и начали съ наказовъ крестьянскихъ, государственныхъ, черносошныхъ крестьянъ. Первымъ былъ читанъ наказъ отъ крестьянъ каргопольскихъ. Этотъ наказъ вызвалъ 24 рѣчи со стороны дворянскихъ депутатовъ; рѣчи эти произносились въ трехъ засѣданіяхъ. Въ продолженіе 14 засѣданій прочитали незначительное число наказовъ, именно 12. Этихъ наказовъ было слишкомъ 500. Не окончивъ чтенія наказовъ, комиссія занялась разработкой вопроса о правахъ высшаго сословія, дворянъ. Начали читать изданные прежде

законы о дворянствѣ; эти разновременные законы оказались очень запутанными и неясными. Не докончивъ чтенія и передавъ ихъ въ частную комиссію «о разборѣ родовъ государственныхъ жителей», которой переданъ былъ вопросъ о дворянствѣ, перешли къ чтенію вопроса о купечествѣ. Обсужденіе правъ дворянства заняло десять засѣданій, чтеніе законовъ о купечествѣ — 37 засѣданій. Не кончивъ чтенія изданныхъ законовъ о купечествѣ, перешли къ чтенію привилегій эстляндскихъ, лифляндскихъ, вообще остзейскихъ провинцій; впрочемъ, по временамъ возвращались къ обсужденію и правъ купечества, хотя маршалъ и заявилъ, что пренія по этому предмету окончены. Такъ продолжались работы въ Москвѣ до конца года. Когда комиссія перешла въ Петербургъ и открыла свои занятія 18 февраля, въ продолженіе 5 мѣсяцевъ читались законы о юстиціи, и возвратились къ обсужденію правъ дворянства, такъ какъ въ это время частная комиссія «о разборѣ родовъ государственныхъ жителей» внесла проектъ «правъ благородныхъ»; не кончили обсужденія этого проекта, и перешли къ обсужденію изданныхъ законовъ о дворянскомъ землевладѣніи, о вотчинахъ и помѣстьяхъ. Это было предметомъ послѣдующихъ засѣданій комиссіи. 17 декабря 1768 г. общее собраніе комиссіи было закрыто на неопредѣленное время. Эти засѣданія уже не возобновились. Въ началѣ 1769 г., по случаю открывшейся первой войны съ Турціей, многіе депутаты должны были ѣхать въ полки, гдѣ они служили. Но, по прекращеніи засѣданій общаго собранія, остались нѣкоторыя частныя комиссіи, которыя и продолжали свою работу до 1774 г. Вся комиссія работала $1^1/_2$ г. и имѣла 203 засѣданія. Такъ кончилась дѣятельность этого собранія. Возложенная на комиссію задача не была исполнена; она не составила новаго уложенія, она даже окончательно не выработала и не обсудила ни одного частнаго проекта, который бы касался той или другой отрасли законодательства, который могъ бы послужить готовой главой въ составѣ будущаго уложенія.

Переходимъ къ вопросу о причинахъ неудачнаго исхода работъ комиссіи 1767 г. Причинъ этихъ было нѣсколько. Прежде всего неудача обусловливалась самимъ составомъ комиссіи. Комиссія состояла изъ 564 депутатовъ; никогда такимъ многочисленнымъ собраніемъ не вырабатывались проекты уложенія, требующіе извѣстныхъ знаній, технической подготовки, юридическаго знанія, извѣстнаго кодификаціоннаго умѣнья, не говоря уже о знаніи дѣйствующаго законодательства. Огромное большинство комиссіи состояло изъ людей, не имѣвшихъ ни подготовки, ни этихъ знаній; при томъ, что это за пестрый людъ собрался въ комиссіи. Мы не можемъ представить себѣ собранія болѣе пестраго; въ наше время такого пестраго собранія не бываетъ даже въ частномъ общежитіи; такое собраніе не можетъ составиться даже для частныхъ увеселеній. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ его сіятельствомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ сидѣлъ какой-нибудь крестьянинъ, депутатъ черносошныхъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда. Какъ они могли сойтись въ совокупной дружности? Рядомъ съ его высокопреосвященствомъ, депутатомъ отъ синода, митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, владыкой Дмитріемъ, сидѣлъ мулла Мансуръ Ибрагимъ, депутатъ отъ казанскихъ татаръ, который долженъ былъ основы-

ваться на книгѣ Монтескье и Беккарія. Здѣсь являлись представителями люди, стоявшіе на самомъ низу европейской культуры, съ уровнемъ, ниже котораго не стояли люди нигдѣ въ Европѣ, а новое русское законодательство должно было создаться на вершинѣ западноевропейской мысли, столь недосягаемой, что ни одно изъ дѣйствовавшихъ законодательствъ западной Европы не могло и помышлять объ этомъ уровнѣ. Итакъ, составъ комиссіи былъ слишкомъ пестръ, чтобы люди, которые должны были составить законодательную работу, могли сойтись въ своихъ понятіяхъ, нуждахъ и желаніяхъ.

Далѣе, причиной неуспѣха была и самая задача, возложенная на комиссію, такъ какъ эта задача была двойственная, а двойственность задачи въ такомъ дѣлѣ всегда—условіе неуспѣха. Комиссія должна была выразить нужды и желанія населенія и въ то же время исполнять трудную законодательную работу, составить проектъ уложенія. Чѣмъ она должна была руководствоваться въ этой работѣ? Ей указано было три основанія: 1) она должна была руководиться Наказомъ императрицы, излагавшимъ самыя послѣднія мысли западно-европейской политической литературы, 2) она должна была руководствоваться русскимъ законодательствомъ, котораго большинство членовъ комиссіи не знало, 3) она должна была руководиться въ работѣ нуждами и желаніями населенія. Такъ депутаты попали между 3-хъ огней, должны были вращаться въ кругу идей и стремленій троякаго рода, которыя никакъ нельзя было помирить, даже приблизить одни къ другимъ. Наказъ развивалъ одинъ порядокъ законодательныхъ идей; дѣйствующее русское законодательство представляло другой порядокъ, а нужды и желанія населенія—третій, несогласный съ двумя первыми. Значитъ, законодательство, основанное на Наказѣ, было бы несогласно ни съ дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ, ни, можетъ быть, съ нуждами и желаніями населенія; проектъ, составленный на основаніи русскаго дѣйствующаго законодательства, не былъ бы согласенъ ни съ Наказомъ и нуждами населенія, а проектъ, построенный на послѣднемъ основаніи, не былъ бы согласенъ ни съ первымъ, ни со вторымъ основаніемъ. По самому свойству задачи, она была неисполнима, и въ ходѣ преній депутатовъ до очевидности выразилась эта неисполнимость. Я не буду передавать хода этихъ преній; большая часть ихъ напечатана. Пока не были изданы бумаги комиссіи, въ нихъ подозрѣвали чудеса, надѣялись найти полную картину политическаго, общественнаго и экономическаго быта Россіи, встрѣтить полное выраженіе нуждъ и желаній населенія, слѣдоват., заглянуть въ самые умы депутатовъ. Теперь эти бумаги издаются и уже изданы въ значительномъ количествѣ. Были произнесены любопытныя рѣчи, особенно депутатомъ ярославскаго дворянства—Щербатовымъ и нѣкоторыми депутатами изъ дворянъ, говорившихъ о положеніи крестьянъ. Нѣкоторыя рѣчи живо затронули правительство и укололи императрицу. Но въ этихъ преніяхъ выразилась вся нескладица того, что тогда называли нуждами и желаніями населенія и особенно вся непримиримость ихъ съ Наказомъ. Наказъ провозглашалъ принципъ равенства; въ комиссіи, которая должна была согласоваться съ Наказомъ, дворяне требовали расширенія крѣпостного права; купечество потребовало себѣ 1) дворянской привилегіи владѣть крѣпостными и 2) носить шпагу на патріотиче-

скомъ бедрѣ. Однимъ словомъ, разные классы далеко разнились въ своихъ нуждахъ и желаніяхъ; въ то время, какъ одни требовали расширенія крѣпостного права, представители провинціальнаго дворянства и даже нѣкоторые депутаты учрежденій заявили о невозможности положенія крестьянъ и необходимости законовъ, которые бы опредѣлили точно ихъ отношеніе къ господамъ. Такимъ образомъ, по свойству самой задачи комиссіи, послѣдняя не могла совершить порученной ей работы.

Затрудненія, представившіяся комиссіи, увеличились неясностью отношеній къ Наказу императрицы. Депутаты, которые послѣ перваго прочтенія Наказа должны были повторять его чтеніе каждый мѣсяцъ, никакъ не могли уяснить себѣ, что значитъ для нихъ Наказъ: есть ли это обязательный руководящій законъ, или что-нибудь другое, напримѣръ, частный совѣтъ депутатамъ. Сама императрица опредѣлила это отношеніе совершенно неясно; она въ одной изъ своихъ записокъ замѣчаетъ: «Я запретила на оный инако взирать, какъ единственно онъ есть, т. е. правило, на которомъ основать можно мнѣніе и для того по дѣламъ не выписывать, яко законъ, но мнѣніе основать на немъ дозволяю». Итакъ, Наказъ излагалъ, повидимому, лишь основаніе, на которомъ могло держаться мнѣніе депутатовъ, но Наказъ не имѣлъ обязательной силы. Однако, дирекціонная комиссія возвратила обратно тѣ проекты, въ которыхъ замѣчалось несогласіе съ Наказомъ; слѣдовательно, Наказъ имѣлъ въ дѣлопроизводствѣ комиссіи обязательную силу. Благодаря этому, Наказъ, волновавшій депутатовъ, лишавшій ихъ самообладанія, только затруднялъ и спутывалъ работы комиссіи. Вотъ главная причина, почему не удалась эта работа. И невозможно было ожидать успѣшнаго ея окончанія. Небольшого запаса практической опытности достаточно было, чтобы видѣть эту неисполнимость. 60 слишкомъ лѣтъ правительство работало надъ выработкой новаго проекта уложенія, поручая это дѣло оберъ-секретарямъ и другимъ опытнымъ «персонамъ», и работа не удалась; а пестрое общество, созванное изъ разныхъ концовъ Россіи въ Грановитую палату, разныхъ вѣръ, понятій, національностей, съ разными чувствами и интересами, считалось способнымъ составить проектъ. Впослѣдствіи обширный, ловкій, изворотливый умъ Сперанскаго, съ его обширнымъ образованіемъ, съ трудомъ могъ составить сводъ законовъ, дѣйствуя съ помощью огромной канцеляріи; а сбродъ считался способнымъ исполнить такую работу въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Однако работы комиссіи не пропали даромъ, не остались совершенно безплодны. Нѣкоторыя части законодательства были подготовлены, по крайней мѣрѣ, вчернѣ, и послужили основаніемъ изданныхъ потомъ Екатериной законовъ. Такъ, мы увидимъ, что областное, управленіе, какъ оно устроено было Екатериной, и губернскія учрежденія 1775 г. въ значительной степени основаны были на работахъ комиссіи. Далѣе, изданныя потомъ городовыя положенія, какъ и дворянская грамота 1785 г. суть лишь передѣлка проекта, выработаннаго частными комиссіями «о среднемъ родѣ людей» и «о дворянствѣ».

4. Значеніе комиссіи и Наказа. Какъ я сказалъ, работы комиссіи 1767 г. не прошли безслѣдно въ развитіи нашего законодательства; комиссія не выработала полнаго уложенія, но ра-

боты ея послужили основанiемъ нѣкоторыхъ законовъ. Кромѣ того, она имѣетъ большое историческое значенiе. Бумаги комиссiи, рѣчи, въ ней произнесенныя, мнѣнiя, поданныя разными депутатами, хотя и не оправдали слишкомъ напряженнаго ожиданiя, все-же остаются любопытнымъ матерiаломъ для характеристики политическаго настроенiя русскаго общества, разныхъ его классовъ. При томъ комиссiя эта дала большой запасъ назидательныхъ уроковъ Екатеринѣ. Передъ Екатериной явились представители всѣхъ частей русскаго общества, и она еще болѣе, чѣмъ во время своего путешествiя, могла убѣдиться въ нуждахъ и желанiяхъ своего народа, а также и въ его свойствахъ и въ томъ, какой это удобный матерiалъ для управленiя.

Дѣятельностью комиссiи опредѣляется значенiе Наказа, даннаго ей въ руководство. Этотъ Наказъ построенъ на хорошо обдуманномъ силлогизмѣ, который однако съ исторической стороны есть только законодательный софизмъ. Софизмъ этотъ выражался такъ: законы должны быть согласованы съ положенiемъ народа, русскiй народъ—европейскiй, слѣдовательно, его законы должны быть построены на европейскихъ основанiяхъ. Основанiями этими были указанные послѣднiе выводы политики Запада, которые не лежали въ основанiи ни одного западно-европейскаго кодекса. Намъ понятно значенiе этого софизма. Призвана была комиссiя для составленiя новаго свода, нужно было дать руководство, но не зная ни дѣйствующихъ русскихъ законовъ, ни условiй, въ которыхъ находилась страна, Екатерина могла дать въ руководство рядъ мыслей, заимствованныхъ изъ книгъ. Значитъ, указанный софизмъ былъ средствомъ, съ помощью котораго Екатерина выходила изъ великаго затрудненiя, въ какое она становилась передъ лицомъ комиссiи. Наказъ былъ политической исповѣдью Екатерины; она сама писала, что она здѣсь «все сказала и больше во всю жизнь ничего не сказала». Наказъ исполненъ тѣхъ общихъ мыслей, которыя тогда были пущены въ оборотъ французской политической литературой. Мы видимъ, что нѣкоторыя мысли не лишены были рѣзкости, радикализма. Но Наказъ имѣетъ очень скромное значенiе и въ нашей литературѣ, и въ нашемъ законодательствѣ. Какъ памятникъ литературы, онъ есть первая изъ русскихъ компиляцiй, срывавшихъ верхушки западно-европейской цивилизацiи, затмившихъ цѣли западно-европейской мысли. Онъ завелъ дурную привычку, отъ которой мы не можемъ излѣчиться,—привычку на каждый жгучiй вопросъ, поставленный русской дѣйствительностью, искать готоваго отвѣта, выработаннаго чужими мыслями. Вмѣсто того, чтобы на вопросъ о законахъ дать отвѣтъ изъ исторiи русскаго законодательства, вмѣсто этого данъ былъ отвѣтъ, заимствованный изъ книгъ, которыя нигдѣ не дѣйствовали, и начала которыхъ нигдѣ не были испытаны, даже на Западѣ. Наказъ могъ бы имѣть нѣкоторое воспитательное значенiе, какъ памятникъ литературы, но вскорѣ послѣ составленiя Наказа приняты были мѣры, которыя прiостановили его распространенiе въ обществѣ, отложивъ до болѣе благопрiятнаго времени созданiе кодекса; чтобы любопытные чиновники не могли читать его, сенатъ приказалъ въ канцелярiяхъ и комиссiяхъ держать Наказъ подъ замкомъ. Еще скромнѣе значенiе Наказа въ ходѣ нашего законодательства. Наказъ былъ признанъ запретнымъ плодомъ,—законодательству Наказъ не далъ ничего новаго. Вотъ по-

чему Наказъ есть не историческій, а патологическій моментъ въ исторіи нашего законодательства. То, что было сдѣлано законодательствомъ Екатерины, было развитіемъ не идей Наказа, а фактомъ жизни. Словомъ, Наказъ не есть фактъ въ исторіи нашего законодательства, а черта изъ біографіи Екатерины. Онъ выразилъ собою разъ почувствованное верховной властью сознаніе негодности порядка и необходимости его исправленія.

Губернскія учрежденія 1775 г. и ихъ значеніе.

Комиссія 1767 г. не исполнила дѣла, для котораго была созвана. Мы видѣли, что она не могла исполнить этого дѣла по составу и самому существу возложенной на нее работы. Но она не прошла безплоднымъ и безслѣднымъ явленіемъ въ исторіи нашего государства. Она дала нѣкоторый матеріалъ и даже указала частью направленіе преобразовательной дѣятельности Екатерины; благодаря ей, вскрылись нужды и желанія населенія, потребности времени, средства, какими правительство располагало для удовлетворенія этихъ потребностей. Такое значеніе комиссіи понимала и сама Екатерина. Въ одной изъ ея записокъ, написанной по распущеніи комиссіи, мы читаемъ: «комиссія эта подала намъ совѣтъ и свѣдѣнія о томъ, съ съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно». Практическое примѣненіе наблюденій, какія собрала Екатерина, и тѣхъ попеченій, какія она считала обязанностью для себя, мы находимъ въ обнародованныхъ ею губернскихъ учрежденіяхъ 1775 г. Это очень важный памятникъ въ исторіи русскаго государственнаго устройства и потому заслуживаетъ внимательнаго разбора.

Чтобы понять значеніе перемѣнъ, внесенныхъ Екатериной въ областное управленіе, надо припомнить нѣкоторыя явленія въ исторіи русскаго государственнnaго устройства прежняго времени; надо прежде всего припомнить, какую администрацію наслѣдовалъ Петръ отъ своихъ предшественниковъ и какъ ее переустроилъ. Государственное управленіе, какое досталось Петру отъ стараго Московскаго государства, отличалось довольно своеобразнымъ характеромъ по свойству дѣятельности, по своимъ отношеніямъ къ верховной власти и къ управляемому обществу. Московская администрація была бюрократической, т. е. ея орудія дѣйствовали, какъ назначенные правительствомъ чиновники, безъ участія общества или съ участіемъ очень слабымъ. Это было приказно-канцелярское управленіе, не земское; но по личному составу правительственныхъ учрежденій это управленіе было сословное. Чиновники, дѣйствовавшіе въ учрежденіяхъ по назначенію правительства, не были разночинцами, случайными людьми, они всѣ выходили изъ одного класса, именно, служилаго, который мы можемъ назвать—дворянствомъ. Въ этихъ учрежденіяхъ попадались и люди другихъ классовъ (изъ купечества, поповичей) въ качествѣ приказныхъ дьяковъ; но, попавъ въ эти учрежденія, они становились служилыми людьми, получали значеніе и права дворянъ. Итакъ, старая московская администрація по характеру своей дѣятельности была бюрократической, а по происхожденію личнаго ея состава—сословной, слѣдо-

вательно,—аристократической; поэтому ее можно назвать сословно-бюрократической.

Такой двойственный характеръ администраціи измѣнился при Петрѣ. Перемѣна состояла въ томъ, что Петръ раздѣлилъ прежде слитыя ея свойства, сословный и бюрократическій ея характеръ; и тому и другому свойству онъ указалъ мѣсто въ особыхъ, различныхъ сферахъ управленія. Вы сейчасъ увидите, какъ совершено было это раздѣленіе. Центральному управленію Петръ указалъ задачей—огражденіе и развитіе государственнаго казеннаго интереса. Для этой цѣли не нужны были люди породы, а требовались люди навыка, знанія, подготовки; этихъ людей знанія, административнаго мастерства онъ и призвалъ въ центральныя учрежденія. Такимъ образомъ, центральное управленіе, преобразованное Петромъ, съ его сенатомъ и коллегіями, получило исключительно бюрократическій характеръ, въ которомъ не замѣтно сословнаго элемента. Изъ какихъ классовъ не набиралъ онъ дѣятелей въ центральныя учрежденія. Въ нихъ рядомъ съ княземъ Голицынымъ сидѣлъ и Меньшиковъ (послѣдній, хотя и былъ пожалованъ въ князья, но, вѣдь, онъ былъ сыномъ придворнаго конюха). Напротивъ управленію областному Петръ указалъ задачей развитіе народнаго хозяйства. Здѣсь предметомъ заботливости правительства были элементы двухъ классовъ, получившихъ при Петрѣ особое значеніе въ народномъ хозяйствѣ, землевладѣльческаго дворянства и промышленнаго купечества. Интересы этихъ двухъ классовъ и должно было ограждать и развивать областное управленіе. Поэтому, Петръ открылъ широкій просторъ для дѣятельности представителей обоихъ этихъ классовъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Значитъ, областное управленіе при Петрѣ получило преимущественно сословный характеръ. (Мы уже знаемъ, въ чемъ выразилось участіе обоихъ этихъ классовъ въ мѣстномъ управленіи при Петрѣ). Таковы были перемѣны, произведенныя Петромъ въ управленіи. Въ старомъ московскомъ государствѣ все управленіе по характеру своему было сословно-бюрократическимъ; при Петрѣ центральное управленіе стало бюрократическимъ, а областное—сословнымъ.

Преемники и преемницы Петра во многомъ измѣнили созданный имъ правительственный механизмъ. Они находили этотъ механизмъ слишкомъ сложнымъ и дорогимъ, находили вѣдомства слишкомъ раздробленными и начали стягивать администрацію, сокращать штаты, отмѣнять учрежденія, какія имъ казались лишними. Такъ, напримѣръ, Петръ хлопоталъ объ отдѣленіи суда отъ администраціи; преемники и преемницы начали опять сливать оба эти вѣдомства, судебное и административно-полицейское. Петръ учредилъ во главѣ губернскихъ городовъ надворные суды, дѣйствовавшіе независимо отъ губернатора; при Екатеринѣ I надворные суды были упразднены, а весь судъ и расправа поручены административнымъ чиновникамъ, губернаторамъ и воеводамъ. Петръ очень хлопоталъ о развитіи самоуправленія дворянскаго и городского, но уже къ концу царствованія онъ самъ началъ стѣснять дворянское самоуправленіе. Такъ, прежде дворяне губерній выбирали изъ своей среды коллегію при губернаторахъ не съ совѣщательнымъ только, но и рѣшающимъ голосомъ, это были ландраты. Въ 1719 г. ландраты были упразднены; на мѣстѣ ландратовъ остались лишь выборные представители уѣзднаго дворянства, земскіе ко-

миссары, только по полицейскимъ дѣламъ. Преемники Петра начали стѣснять и городское самоуправленіе, это выражалось въ системѣ городскихъ магистратовъ съ выборными членами и Главнымъ магистратомъ во главѣ. При Екатеринѣ I городскіе магистраты были подчинены губернскимъ, отъ которыхъ они прежде не зависѣли, а при Петрѣ II закрытъ былъ Главный магистратъ въ Петербургѣ, который руководилъ всѣми губернскими. Значитъ, при преемникахъ и преемницахъ Петра былъ ослабленъ сословный элементъ въ областномъ управленіи участіемъ господствовавшихъ классовъ мѣстнаго общества въ правительственныхъ дѣлахъ.

Совсѣмъ другая перемѣна замѣчается въ судьбѣ центральнаго управленія при Петрѣ. Преобразователь, какъ сказано, сообщилъ ему бюрократическій, дѣловой, мастеровой характеръ. При Петрѣ старое московское боярство, уже раньше начавшее разрушаться, окончательно разстроилось; отъ него уцѣлѣли только нѣкоторыя генеалогическія развалины въ видѣ немногихъ сохранившихъ свой блескъ фамилій, какихъ-нибудь кн. Голицыныхъ, Шереметьевыхъ и т. п. Но при Петрѣ изъ этихъ развалинъ и изъ новыхъ слоевъ, выдвинутыхъ Преобразователемъ, сложился новый пестрый чиновничій классъ государственныхъ дѣльцовъ. Этотъ пестрый по происхожденію классъ былъ собственно чиновничій, не составлялъ плотнаго сословія. Но частью уцѣлѣвшія преданія о старомъ политическомъ значеніи дворянства, частью знакомство съ Европой, помогли этому классу усвоить себѣ мысль, что онъ есть плотное сословіе, долженствующее стоять во главѣ общества, что онъ — политическая сила, которая должна руководить русскимъ обществомъ. Вотъ когда зародилась идея, что петровская чиновная бюрократія есть аристократія; это—недоразумѣніе, но недоразумѣніе, продолжающееся и доселѣ; и доселѣ этотъ міръ не въ шутку считаетъ себя аристократіей.

Этотъ чиновный міръ оказалъ рѣшительное вліяніе на перестройку центральнаго управленія, созданнаго Петромъ. При Петрѣ во главѣ управленія стоялъ чисто бюрократическій сенатъ. Сенатъ этотъ былъ составленъ изъ разночинцевъ, вовсе не похожъ по своему составу на старую аристократическую думу. Чиновная аристократія, пользуясь открывшимся ей при преемникахъ Петра просторомъ, не стѣсняется сенатомъ, какъ учрежденіемъ бюрократическимъ, начинаетъ надстраивать надъ сенатомъ рядъ учрежденій съ аристократическимъ пошибомъ. Такъ, при Екатеринѣ I надъ сенатомъ сталъ Верховный тайный совѣтъ, составившійся изъ знатнѣйшихъ сановниковъ. При Аннѣ, вмѣсто этого Верховнаго совѣта, такъ скомпрометировавшаго себя въ 1730 г., воздвигнутъ кабинетъ министровъ. При Елизаветѣ на мѣсто упраздненнаго кабинета министровъ явилась конференція, по выбору императрицы, съ такимъ же характеромъ. Въ короткое царствованіе Петра III дѣйствуетъ съ законодательнымъ авторитетомъ такое же чиновно-аристократическое учрежденіе, девятичленный Совѣтъ. Эти учрежденія, возвышавшіяся надъ сенатомъ и старавшіяся усвоить себя руководящее законодательное значеніе, всѣ вызывались стремленіемъ новосозданной чиновной аристократіи открыть себѣ особое и самостоятельоое поприще государственной дѣятельности. Тѣ же политическія притязанія этого новаго чиновничества обнаружились и въ преобразованіи другого ряда учрежденій. Въ высшихъ учрежде-

ніяхъ Петра представителями государя, блюстителями законовъ поставлены были прокуроры, генералъ-прокуроръ съ оберъ-прокурорами при сенатѣ (и простые прокуроры при коллегіяхъ и нѣкоторыхъ губернскихъ учрежденіяхъ). Обязанность прокурора—ограждать государственные интересы: значитъ, прокуратура была учрежденіемъ, въ которомъ съ особенной силой сказывался бюрократическій характеръ центральной администраціи. Это учрежденіе, очевидно, должно было стѣснять новое высшее чиновничество, которое стало смотрѣть на себя, какъ на политическую аристократію. И что же случилось? То, что рѣдко бываетъ въ исторіи учрежденій. Въ 1730 г. вдругъ, ни для кого не замѣтно, оказалось, что нѣтъ прокуроровъ; они дѣвались куда-то; сама императрица Анна въ манифестѣ, которымъ она установила прокуратуру, откровенно признается, что, «когда оный чинъ по кончинѣ дяди отставленъ и кѣмъ отрѣшенъ»?—ей неизвѣстно. Прокуроры были провалены подъ вліяніемъ политическихъ притязаній стѣсняемой ими чиновной аристократіи. Анна Іоанновна возстановила прокуратуру. Послѣ нея правительство Анны Леопольдовны опять отмѣнило ее; и любопытно, кто настоялъ на этой отмѣнѣ: гр. Остерманъ, который носилъ названіе генералъ-адмирала, а занимался особенно иностранными дѣлами Россіи, былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Какое, повидимому, дѣло ему, моряку и дипломату, до прокурора? Какъ скоро было ослаблено участіе господствующихъ сословій въ областномъ управленіи, ходъ администраціи измѣнился. Итакъ, по смерти Петра центральная администрація стремилась стать сословно-аристократической, а областную хотѣли сдѣлать бюрократической, канцелярской. Избавившись отъ надзора со стороны господствующихъ сословій въ мѣстномъ управленіи и завоевавъ себѣ поле дѣятельности въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ, новая чиновная аристократія развила такой несдерживаемый личный произволъ, который спуталъ теченіе правительственныхъ дѣлъ, поставилъ все въ зависимость не отъ закона, а отъ личнаго каприза. Правительственныя учрежденія утратили свои основанія; забыли назначить имъ закономъ границы дѣйствія; водворился полный хаосъ. Этой хаотичностью высшаго и областного управленія отличается время императрицъ до переворота 1762 года.

Екатерина чувствовала недостатки управленія, ей доставшагося. Въ секретной инструкціи генералъ-прокурору, князю Вяземскому, она пишетъ, что «всѣ правительственныя мѣста и самый сенатъ вышли изъ своихъ основаній», т. е. сбились съ своей законной колеи. Причиной этого Екатерина выставляетъ частью нерадѣнія къ дѣламъ со стороны ея предшественницъ, а частью пристрастіе случайныхъ при нихъ лицъ, т. е. капризы могущественныхъ временщиковъ. Въ іюльскомъ манифестѣ 1762 г., излагая свою правительственную программу, Екатерина торжественно обѣщала поставить правительственныя учрежденія на твердыя основанія и указать имъ точныя границы дѣйствія для поддержки добраго во всемъ порядка; а близкій человѣкъ къ Екатеринѣ гр. Никита Ивановичъ Панинъ былъ тутъ какъ тутъ съ проектомъ одного изъ такихъ поставленныхъ на твердыхъ основаніяхъ и съ точными границами дѣйствія учрежденій, съ проектомъ постояннаго императорскаго совѣта. Основная мысль этого проекта очень любопытна. По мнѣнію Панина, для того, чтобы государь могъ

дѣйствовать съ пользою, его власть должна быть раздѣлена между «нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому персонъ», т. е. около государя, въ качествѣ участника верховной власти, долженъ явиться совѣтъ, составленный изъ особо избранныхъ къ тому лицъ. Гр. Никита указывалъ слѣдующіе главные недостатки въ дѣйствовавшемъ центральномъ управленіи: прежде всего, отсутствіе твердо установленнаго порядка дѣятельности учрежденій; а потомъ отсутствіе твердаго закона. «Все зависитъ», писалъ онъ, «отъ силы персоны, а не отъ государственныхъ учрежденій»; говоря проще, Панинъ видѣлъ недостатки въ отсутствіи твердыхъ основныхъ законовъ, которые бы сдерживали силу «персонъ». Никита Панинъ былъ вельможа не чуждый аристократическихъ преданій 1730 г., т. е. политическихъ притязаній верховной шведской аристократіи. Сенатъ былъ для него идеаломъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Этотъ идеалъ онъ и хотѣлъ осуществить въ проектѣ постояннаго императорскаго совѣта. Легко понять значеніе этого учрежденія. Оно становилось во главѣ управленія съ обязательнымъ для императора поручительствомъ, потому что авторитетъ его былъ признанъ закономъ. Этотъ совѣтъ долженъ былъ получить характеръ высшаго законодательнаго учрежденія, которое связывало руки верховной власти. Екатерина приняла было проектъ постояннаго императорскаго совѣта и даже имѣла неосторожность подписать манифестъ объ этомъ, назначила уже членовъ совѣта. Но кто-то растолковалъ ей, куда ведетъ ее Панинъ, и она попридержала подписанный ею манифестъ, который такъ и не былъ никогда обнародованъ. Такимъ образомъ, центральное управленіе при Екатеринѣ осталось безъ перемѣны, въ прежнемъ хаотическомъ состояніи. Опять, слѣдовательно, должна была возобновиться «сила персонъ».

Итакъ, Екатеринѣ оставалось, какъ поприще преобразовательной дѣятельности, сфера управленія областного. Она и обратила всѣ свои преобразовательныя усилія въ эту сторону. Въ инструкціи губернаторамъ, разосланной ею въ 1774 г., она пишетъ, что «губерніи суть такія части государства, которыя наиболѣе поправленія требуютъ». Такимъ образомъ, областная администрація была объявлена наиболѣе нуждающеюся въ переустройствѣ. Разныя причины побуждали Екатерину обратить вниманіе на эту низшую сферу дѣятельности и ею ограничить свою преобразовательную дѣятельность. Во первыхъ, вскорѣ послѣ распущенія кодификаціонной комиссіи, въ 1773 и 1774 гг. разгорѣлся громадный народный бунтъ, Пугачевскій, и дѣйствовавшее тогда областное управленіе не сумѣло ни предупредить этого мятежа, ни пресѣчь его во время. Итакъ, интересы государственной безопасности заставили подумать объ устройствѣ болѣе совершеннаго областного органа управленія. Во вторыхъ, если бы Екатерина попыталась примѣнить свою политическую теорію къ центральному управленію, это могло бы связать ей руки, а она и въ Наказѣ выражала мысль о необходимости полнаго самодержавія въ Россіи; напротивъ, преобразованіе областного управленія въ новомъ книжномъ французскомъ духѣ не грозило никакой опасностью, даже никакимъ стѣсненіемъ; неудобно въ столицѣ поставить конституціонный совѣтъ, но по губерніямъ это—возможно. Въ третьихъ, только на переустройствѣ областного управленія настаивали дворянскіе депутаты 1767 г., а Екате-

рина слушала внимательно заявленія этихъ дворянскихъ депутатовъ. Таковы были три побужденія, заставившія Екатерину перестроить областное управленіе. Составивъ проектъ этого управленія, Екатерина обнародовала его манифестомъ 7 ноября 1775 г. Это—извѣстное учрежденіе для управленія губерній. Я сейчасъ изложу его содержаніе.

При Петрѣ государство было раздѣлено на 12 крупныхъ областей, каждая изъ которыхъ вмѣщала въ себѣ нѣсколько нынѣшнихъ губерній. Эта петровская губернія подраздѣлялась на провинціи, которыя въ свою очередь раздѣлялись на уѣзды. Послѣ этого раздѣленія, когда государство сдѣлало значительныя территоріальныя пріобрѣтенія (по окончаніи сѣверной и дальнѣйшихъ войнъ), всѣхъ губерній стало 20, Екатерина въ манифестѣ 7-го ноября 1775 г. отмѣтила три главные недостатка дѣйствующаго областного управленія: 1) областные, административные округи губерніи слишкомъ крупны, 2) эти губерніи снабжены недостаточнымъ количествомъ учрежденій, а учрежденія—недостаточнымъ количествомъ личнаго состава чиновниковъ, наконецъ, 3) въ этихъ учрежденіяхъ смѣшались различныя вѣдомства; одно и то же мѣсто вѣдало и администрацію съ полиціей, и судъ, и финансы. Учрежденіе 1775 г. устраняло всѣ эти недостатки.

Прежде всего Екатерина ввела новое областное дѣленіе. Границы прежней крупной губерніи опредѣлялись частью географически, свойствами мѣстности, частью исторически. Екатерина приняла единственнымъ основаніемъ новаго губернскаго дѣленія статистику, количество населенія. Губернія Екатерины—округъ съ населеніемъ въ 300 или 400 тыс. жителей. Онѣ подраздѣлялись на уѣзды съ населеніемъ въ 20 или 30 тыс. жителей. Новыхъ губерній созданныхъ такимъ дѣленіемъ, вышло 50. Онѣ и до сихъ поръ остались почти въ тѣхъ же границахъ, какія были проведены Екатериной. Каждая губернія получила однообразное правительственное устройство, въ которомъ строго раздѣлены были разныя вѣдомства, административное, судебное и финансовое.

Во главѣ административныхъ учрежденій поставлено было губернское правленіе. Это учрежденіе исполнительное, полицейское и распорядительное, во главѣ его стоитъ губернаторъ. Губернское правленіе передаетъ мѣстнымъ учрежденіямъ законы и указы высшаго центральнаго правленія, наблюдаетъ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ губернскихъ управахъ, поощряетъ ихъ къ исполненію своихъ обязанностей, смотритъ за порядкомъ и тишиной въ губерніи. Губернское правленіе руководитъ также исполнительными, полицейскими, уѣздными учрежденіями, называвшимися нижними земскими судами. Во главѣ нижнихъ земскихъ судовъ въ уѣздахъ стоитъ исправникъ или капитанъ. Капитанъ—исправникъ—блюститель полицейскаго порядка въ уѣздѣ; онъ принимаетъ мѣры противъ заразы, заботится, по выраженію положенія, „о сохраненіи и излѣченіи рода человѣческаго“, наблюдаетъ за безопасностью и политической благонадежностью обывателей уѣзда, предупреждаетъ и пресѣкаетъ преступленія, помогаетъ суду, т. е. производитъ предварительное слѣдствіе и т. д. Все это, по положенію, исправникъ долженъ дѣлать «усердно», съ доброхотствомъ, осторожною строгостью и человѣколюбіемъ къ народу». Финансовое управленіе вела губернская казенная палата; она

завѣдывала казенными сборами, постройками и подрядами, отъ нея зависѣли казначейства, губернскія и уѣздныя, которыя собирали и хранили казенные доходы. Такъ устроена была администрація полицейская и финансовая.

Особенно сложную организацію получилъ судъ. Уголовныя дѣла вѣдала палата уголовныхъ дѣлъ, дѣла гражданскія—палата гражданскихъ дѣлъ. Обѣ палаты составляли верхній слой судебныхъ учрежденій; подъ нимъ лежалъ второй слой судебныхъ учрежденій. Въ первомъ слоѣ строго раздѣлены были дѣла по существу; во второмъ слоѣ они смѣшаны были по существу, но раздѣлены были по сословіямъ. Это былъ верхній земскій судъ—по дѣламъ дворянъ, губернскій магистратъ по дѣламъ купечества и мѣщанъ и верхняя земская расправа—по дѣламъ земскихъ хлѣбопашцевъ, очень пестраго состава, изъ однодворцевъ, крестьянъ дворцовыхъ, государственныхъ и экономическихъ, т. е. бывшихъ церковныхъ, и изъ всѣхъ занимавшихся хлѣбопашествомъ вольныхъ людей. Эти оба слоя судебныхъ мѣстъ сосредоточивались въ одинъ низшій слой губернскихъ учрежденій, также съ сословнымъ характеромъ. Это были уѣздный судъ—по дѣламъ дворянства, городовой магистратъ (въ отличіе отъ губернскаго)—по дѣламъ купечества и мѣщанъ, нижняя земская расправа—по дѣламъ вольныхъ хлѣбопашцевъ. Какъ при губернскихъ, такъ и при уѣздныхъ судебныхъ мѣстахъ, образованы были еще учрежденія спеціальнаго характера. Такъ, въ губернскихъ городахъ устроенъ былъ совѣстный судъ; онъ вѣдалъ, какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла, но особаго характера. Изъ уголовныхъ дѣлъ его вѣдѣнію подлежали такія, гдѣ источникомъ преступленія была не сознательная воля преступника, а несчастіе, печальныя стеченія обстоятельствъ, малолѣтство, безуміе, суевѣріе, фанатизмъ и т. д. Всѣ такія уголовныя дѣла вѣдалъ совѣстный судъ. Изъ дѣлъ гражданскихъ его вѣдѣнію подлежали дѣла, вѣдаемыя теперь мировыми учрежденіями, именно, дѣла гражданскія, по которымъ сами тяжущіеся обращались къ совѣстному суду, если хотѣли; въ этихъ дѣлахъ совѣстный судъ прежде всего долженъ былъ мирить обѣ стороны.

Далѣе, рядомъ съ судебными дворянскими учрежденіями возникаетъ представительство мѣстнаго дворянства. Для выбора депутатовъ въ комиссію 1767 г. уѣздному дворянству велѣно было предварительно выбрать руководителя на выборахъ, который получилъ названіе уѣзднаго предводителя дворянства. По окончаніи выборовъ уѣздные предводители не сложили съ себя должности, а остались руководителями мѣстнаго дворянства. Точно такое же право и по тому же случаю дано было и городскому населенію, выбиравшему городскихъ головъ. Теперь при сословныхъ судебныхъ учрежденіяхъ возникаютъ опекунскія учрежденія; именно, при уѣздномъ судѣ въ уѣздѣ—дворянская опека съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства во главѣ; при городовомъ магистратѣ—сиротскій судъ съ городскимъ головой во главѣ. Дворянская опека вѣдала дѣла по опекѣ вдовъ и дѣтей дворянскихъ; сиротскій судъ—дѣла по опекѣ вдовъ и сиротъ купечества и мѣщанъ. Въ губернскомъ городѣ для завѣдыванія школами, сиротскими домами и другими благотворительными учрежденіями возникъ приказъ общественнаго призрѣ-

нія, составленный изъ депутатовъ двухъ сословій, дворянства и городского населенія.

Таковъ былъ сложный административно-судебный механизмъ, созданный положеніями 1775 г. Разберемъ составныя части этого механизма. Какими началами руководилось правительство, создавая его? Легко замѣтить, прежде всего, что составителями проекта руководило начало раздѣленія вѣдомства, строгое разграниченіе дѣлъ административно-полицейскихъ, судебныхъ и финансовыхъ. Начало этого раздѣленія въ тогдашней французской литературѣ было модной идеей, пущенной въ ходъ извѣстной книгой Монтескье; тогда не мыслили правильнаго государственнаго устройства безъ строгаго раздѣленія власти законодательной, судебной и административной. Очевидно, въ губернскихъ учрежденіяхъ 1775 г. составители заплатили щедрую дань этой идеѣ. Но совершенно не согласно было съ этой идеей, какъ и вообще съ политическими воззрѣніями тогдашней французской литературы, устройство сословныхъ судебныхъ учрежденій; отъ этого устройства пахло чѣмъ то феодальнымъ, средне-вѣковымъ, когда, какъ извѣстно, каждое сословіе имѣло свой сословный судъ, т. е. не были всѣ подчинены одинаковому закону; а тогда подъ равенствомъ, именно, понимали подчиненіе всѣхъ гражданъ одинаковому суду и одинаковому закону. Откуда явилось въ губернскихъ учрежденіяхъ это неожиданное противорѣчіе? Очевидно, источникъ его надо искать не въ административныхъ воззрѣніяхъ самой Екатерины, воспитанной на французской политической литературѣ; источникъ этого противорѣчія надо искать дома. Онъ открывается, когда мы станемъ разсматривать наказы и заявленія дворянскихъ депутатовъ комиссіи 1767 г. Эти депутаты настойчиво требовали отъ правительства, чтобы оно устроило дворянство въ мѣстныя корпораціи и предоставило ему дѣятельное участіе въ мѣстномъ управленіи, дворяне многихъ уѣздовъ даже требовали, чтобы дворянству предоставленъ былъ выборъ уѣздныхъ правителей, воеводъ. Въ наказѣ Боровскаго дворянства мы встрѣчаемъ желаніе, чтобы дворяне уѣздовъ собирались каждые два года для разсмотрѣнія, все ли въ уѣздѣ чинится въ порядкѣ и по закону, а также для выбора предводителей съ помощниками. Уѣздное дворянство должно выбирать л а н д р а т а и на помощь къ нему отъ каждаго стана д и с т р и к т н а г о к о м и с с а р а. Выбранный дворянствомъ ландратъ долженъ чинить судъ и расправу по дѣламъ; дистриктный комиссаръ помогаетъ ему въ отправленіи судебныхъ дѣлъ, т. е. производитъ предварительное слѣдствіе. Эти заявленныя дворянствомъ желанія и были проведены въ губернскихъ учрежденіяхъ. Очевидно, капитанъ-исправникъ—это ландратъ, котораго требовали дворяне, капитанъ-исправникъ избирался мѣстнымъ дворянствомъ и руководилъ нижними земскими судами; дистриктный комиссаръ былъ отсроченъ пока, чтобы потомъ, въ царствованіе Николая, явиться въ видѣ станового пристава. Итакъ, вотъ гдѣ источникъ противорѣчія въ учрежденіяхъ 1775 г.; практическія стремленія дворянъ столкнулись съ политическими воззрѣніями императрицы, и оба начала помѣстились рядомъ въ губернскихъ учрежденіяхъ 1775 г., несмотря на взаимное несогласіе. Теперь посмотримъ, какъ были проведены въ учрежденіяхъ другія желанія, выраженныя дворянствомъ. Это видно изъ устройства не только судебныхъ, но и другихъ губернскихъ учрежденій. Какъ мы видѣли,

верхній слой учрежденій въ губерніи составляли губернское правленіе и палаты: уголовная, гражданская и казенная. Эти учрежденія не сословныя; весь ихъ личный составъ назначался правительствомъ. Второй слой состоялъ изъ сословныхъ судебныхъ учрежденій. Предсѣдателей въ верхнемъ земскомъ судѣ, въ губернскомъ магистратѣ, въ верхней земской расправѣ назначало правительство, засѣдателей или товарищей, членовъ коллегіи, назначали сословія (въ верхнемъ земскомъ судѣ—дворяне, въ губернскомъ магистратѣ—купцы съ мѣщанами и т. д.). Повидимому, здѣсь въ этомъ второмъ слоѣ судебныхъ учрежденій равномѣрно проведено было сословное представительство. Третій уѣздный слой судебныхъ мѣстъ также состоялъ изъ сословныхъ учрежденій. Здѣсь всѣ члены (и предсѣдатели, и засѣдатели) были выборные отъ разныхъ сословій. Но полицейское учрежденіе—нижній земскій судъ—вѣдалъ въ полицейскомъ отношеніи все населеніе уѣзда, за исключеніемъ уѣзднаго города, гдѣ мѣсто капитанъ-исправника занималъ городничій или капитанъ, а капитанъ-исправникъ и засѣдатели нижняго земскаго суда выбирались одними дворянами. Правда въ дѣлахъ, касавшихся вольныхъ хлѣбопашцевъ, съ дворянскими уполномоченными дѣйствовали и выборные отъ этого класса, но только тамъ, гдѣ была нижняя земская расправа, а нижнія земскія расправы были далеко не во всѣхъ уѣздахъ, потому что не во всѣхъ уѣздахъ было достаточное число вольныхъ хлѣбопашцевъ. Значитъ, черезъ нижній земскій судъ съ исправникомъ во главѣ дворяне простирали свою власть на все населеніе, безъ раздѣленія сословій. Такимъ образомъ въ уѣздѣ дворянство получило рѣшительное преобладаніе надъ остальными классами общества.

Далѣе, высшія губернскія учрежденія, судебныя и административныя, были учрежденіями коронными, а не земскими. Всѣ члены ихъ назначались правительствомъ; личный составъ этихъ учрежденій выходилъ по назначенію правительства изъ того же дворянства, которое выбирало засѣдателей и предсѣдателей въ сословныя дворянскія учрежденія. Какъ въ центрѣ, такъ и въ губернскихъ органахъ центральнаго управленія, не имѣвшихъ сословнаго характера, дѣйствуетъ все то же дворянство, которое замѣщало по выборамъ должности сословныхъ учрежденій. Значитъ, все управленіе губерній, прямо или косвенно, отдано было въ руки дворянства; его правительственное значеніе здѣсь выражалось въ двоякой формѣ, въ замѣщеніи выборныхъ должностей въ дворянскихъ судебныхъ учрежденіяхъ и, потомъ, въ личномъ составѣ высшихъ губернскихъ учрежденій, не сословныхъ. Значитъ, губернскія учрежденія 1775 г. поставили дворянство во главѣ губернскихъ обществъ съ руководящимъ значеніемъ, по выборамъ и по назначенію отъ правительства. Такъ, окончательно опредѣлилось положеніе этого сословія въ государствѣ при Екатеринѣ. Оно стало правящимъ классомъ русскаго общества, только не изъ столицы, а по губерніямъ, въ сферѣ областного управленія; оно не руководило государствомъ по закону, но оно и по закону, и на дѣлѣ руководило мѣстными обществами.

Черезъ нѣсколько времени устройство областного управленія завершено было двумя жалованными сословными грамотами, данными дворянству и городамъ. Обѣ эти грамоты были подписаны въ одинъ день, 21 апрѣля 1785 г. Вотъ главныя черты того и другого акта.

Въ «жалованной грамотѣ», данной дворянству, завершено было корпоративное устройство этого сословія. Сверхъ уѣздныхъ дворянскихъ собраній, собранныхъ впервые для выбора депутатовъ въ комисію 1767 г., теперь возникли губернскія дворянскія собранія съ губернскими предводителями во главѣ. Въ этой же грамотѣ окончательно опредѣлены права дворянина. Дворянинъ пользуется своимъ недвижимымъ имуществомъ и крестьянами на правахъ полной собственности. Онъ передаетъ свое званіе женѣ и дѣтямъ и лишается этого званія не иначе, какъ по суду, за извѣстныя преступленія, при чемъ приговоръ о преступленіи дворянина получаетъ силу только по утвержденіи верховной властью. Кромѣ того, дворянинъ свободенъ и отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей, отъ рекрутской повинности. Дворянскія собранія имѣютъ право ходатайствовать передъ правительствомъ о своихъ сословныхъ нуждахъ. Точно также получили окончательное устройство и городскіе классы общества. Какъ мы видѣли, положеніе 1775 г. установило только судебныя сословныя учрежденія для купечества съ мѣщанами, городовые магистраты въ уѣздахъ и губернскіе магистраты въ губернскихъ городахъ. Въ 1785 г. по «жалованной грамотѣ городамъ Россійской имперіи» рядомъ съ магистратами, какъ судебными учрежденіями, возникаютъ городскія полицейско-хозяйственныя учрежденія. Именно, городское населеніе было раздѣлено на 6 состояній: 1) именитыхъ гражданъ; 2) настоящихъ обывателей, т. е. имѣющихъ въ городѣ дома и землю; 3) купцовъ гильдейскихъ; 4) цеховыхъ ремесленниковъ; 5) иностранныхъ и иногородныхъ гостей; и, наконецъ, 6) посадскихъ, которые промышляютъ черной работой или ремесломъ не имѣя недвижимой собственности въ городѣ. Кромѣ того, купцы еще были подраздѣлены на 3 гильдіи, по размѣру капитала. Именно, торгующіе капиталомъ не менѣе 10 тыс. составляли первую гильдію, купецъ съ капиталомъ отъ 1—10 тыс. —вторую гильдію, съ капиталомъ отъ 500—1000 руб.—третью; торговцы и промышленники, имѣвшіе капиталъ менѣе 500 р., причислялись къ мѣщанамъ и распредѣлялись по ремесленнымъ цехамъ. Городское хозяйство и управленіе вели двѣ думы, общая и шестигласная (оба учрежденія—выборныя). Общая дума имѣла распорядительное значеніе по городскому хозяйству. Шестигласная состояла изъ 6 гласныхъ, выборныхъ отъ шести разрядовъ, и собиралась лишь отъ времени до времени, какъ наши земскія собранія; она имѣла исполнительное значеніе, подобно нашимъ земскимъ управамъ, и дѣйствовала постоянно. Но городское самоуправленіе дѣйствовало при Екатеринѣ вяло и развивалось туго; причиной этого была тяжелая рука губернаторовъ. Напротивъ, съ большимъ успѣхомъ развивалось самоуправленіе дворянское.

Постараемся теперь объяснить, почему только дворянское самоуправленіе успѣшно развивалось, хотя, повидимому, одинаковыя начала были положены и въ основу самоуправленія другихъ двухъ классовъ, городского и вольныхъ хлѣбопашцевъ. Рѣшеніе этого вопроса и приведетъ насъ къ оцѣнкѣ того значенія, какое губернскія учрежденія имѣютъ въ исторіи нашего государственнаго устройства. Для этого прежде всего сдѣлаемъ краткій обзоръ исторіи дворянскаго самоуправленія до Екатерины.

Въ нашей литературѣ господствуетъ мнѣніе, что мѣстныя дворянскія общества имѣютъ недавній возрастъ, начали возникать не

раньше областныхъ учрежденій Петра I; что въ старой московской Руси служилые люди, изъ которыхъ потомъ образовалось дворянство, связаны были по своей службѣ исключительно съ центромъ, со столицей, и потому не имѣли связи съ мѣстными обществами, не участвовали въ мѣстномъ управленіи, и сами не были сложены въ мѣстныя корпораціи. Мысль эта совершенно не оправдывается общественными явленіями старой московской Руси. Прежде всего, мы встрѣчаемъ слабое, правда, но важное по своему значенію участіе служилыхъ людей, дворянъ, въ мѣстномъ правительствѣ и общественной дѣятельности. Дворянство, вмѣстѣ съ другими классами общества, и до Петра выбирало главнаго блюстителя общественнаго порядка въ провинціи, губного старосту, который преслѣдовалъ разбойниковъ, воровъ, вообще, нарушителей общественнаго порядка. Этотъ уѣздный полицеймейстеръ выбирался всѣми классами общества, но обыкновенно, по закону, изъ служилыхъ людей. Значитъ, дворянству предоставлено было главное участіе черезъ своего собрата, губного старосту, въ поддержаніи общественной безопасности. Далѣе, служилые люди уѣзда, какъ и люди посадскіе, и мѣстное духовенство собирались, чтобы избирать депутатовъ на земскій соборъ, созывавшійся въ XVII в. отъ времени до времени. Итакъ, у дворянства, кромѣ его государственной службы, привязывавшей сословіе къ центру, были дѣла и на мѣстѣ. Затѣмъ, дворяне уже до Петра являются сложенными въ довольно прочно организованныя сословныя корпораціи. Связью, которая соединяла дворянъ въ такія мѣстныя корпораціи, были отношенія служебно-землевладѣльческія. Для устройства правильнаго отбыванія службы и правильнаго размѣщенія служилыхъ людей, они по уѣздамъ выбирали изъ своей среды служилыхъ окладчиковъ, показаніями которыхъ руководилось центральное правительство въ устроеніи служебнаго землевладѣнія по каждому уѣзду. Коллегіи этихъ окладчиковъ, обыкновенно вступавшихъ въ должность съ принесеніемъ присяги, были предшественниками послѣдующихъ дворянскихъ собраній съ ихъ уѣздными и губернскими предводителями. Впрочемъ, всякій разъ, когда являлся въ уѣздъ столичный «разборщикъ», производившій смотръ уѣздному дворянству, съѣзжались въ уѣздный городъ не только выборные окладчики, но и всѣ дворяне для дачи показаній ревизору о томъ, какъ они служатъ, сколько у нихъ крестьянъ, земли, сколько дѣтей, недорослей и взрослыхъ, служатъ ли послѣдніе и т. д. Если вы представите себѣ серьезныя обязанности, которыя лежали на дворянскихъ обществахъ и ихъ выборныхъ окладчикахъ, серьезные интересы, которые устроялись на этихъ дворянскихъ съѣздахъ въ присутствіи столичнаго ревизора, то вы поймете, что древне-русскія дворянскія корпораціи были гораздо почтеннѣе по своему составу и серьезнѣе, чѣмъ дворянскія собранія XVIII в., съ ихъ обѣдами и сладкими рѣчами. Итакъ, уже до Петра служилые дворяне по уѣздамъ не только участвовали въ мѣстномъ управленіи, но связаны были въ мѣстные союзы, ничуть не менѣе крѣпкіе сравнительно съ союзами городскими и крестьянскими.

Съ Петра эти мѣстные союзы измѣнились, ослабли, потому что рядомъ съ ними возникли другіе. Служба и земля служилыхъ людей въ древней Руси устроены были по мѣстности: каждый провинціальный дворянинъ служилъ обыкновенно въ томъ уѣздѣ, въ которомъ нахо-

дились его вотчины и помѣстья. Созданіе регулярной арміи оторвало дворянъ отъ мѣста. Прежде дворяне уѣзда при нападеніи непріятеля составляли гарнизонъ уѣзднаго города въ дальній походъ шли съ уѣзднымъ, территоріальнымъ полкомъ. Регулярные полки не имѣли такого различія ихъ мѣстъ жительства, дѣйствовали на одной границѣ, на которой шла продолжительная война, вдали отъ уѣзда, гдѣ находились ихъ имѣнія. Взамѣнъ прежнихъ мѣстныхъ союзовъ образовались союзы полковые; офицеры полка составляли извѣстный союзъ, которому предоставлены были нѣкоторыя права. Такимъ образомъ, рядомъ съ прежними мѣстными землевладѣльческими союзами теперь, съ образованіемъ регулярной арміи, явились союзы военные. Но и прежніе, мѣстные, не были разрушены; Петръ, напротивъ, поддерживалъ ихъ. При немъ, какъ мы знаемъ получило важное значеніе въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ дворянское, землевладѣльческое населеніе. Жившіе на дворянской землѣ крестьяне составляли главную массу податныхъ плательщиковъ. Землевладѣльцы были финансовыми и полицейскими орудіями высшаго правительства по отношенію къ этимъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, дворяне, по службѣ оторванные отъ мѣста, по землевладѣнію оставались къ нему привязанными. Это мѣстное значеніе дворянъ выразилось въ той роли, какую Петръ предоставилъ имъ въ губернскомъ управленіи. Мы видѣли, что дворяне выбирали изъ своей среды ландратовъ, совѣтниковъ при губернаторѣ, который велъ дѣла по совѣщанію съ ними, коллегіальнымъ порядкомъ; мы видѣли, что полицейскій надзоръ по указу 1719 г. порученъ былъ также уѣздному дворянству, которое изъ своей среды выбирало полицейскаго чиновника, уѣзднаго земскаго комиссара.

Послѣ Петра начинаютъ падать образованные имъ военные союзы; это разрушеніе ихъ объясняется постепеннымъ ходомъ освобожденія дворянства отъ обязательной службы. Дворяне съ каждымъ почти царствованіемъ получали новыя льготы по службѣ; сначала отпускались на побывку, потомъ былъ ограниченъ срокъ обязательной службы, наконецъ, закономъ 1762 г. оно было совсѣмъ уволено отъ службы, Такимъ образомъ, дворянство становится все болѣе осѣдлымъ. Далѣе, огромное количество земли принадлежало служилымъ людямъ до Петра на помѣстномъ правѣ, которое дѣлало ихъ временными владѣльцами этихъ земель. Петръ, какъ извѣстно, установилъ одинъ порядокъ наслѣдованія для вотчинъ и помѣстій, стѣснилъ право дворянъ располагать ими по завѣщанію (законъ 1714 г.). Императрица Анна по вступленіи на престолъ, въ благодарность дворянству, поддерживавшему ее противъ притязаній верховниковъ, указомъ 1731 г. отмѣнила этотъ стѣснительный порядокъ и, признавъ однородными всѣ дворянскія имѣнія (помѣстья и вотчины), обратила ихъ въ полную наслѣдственную собственность дворянъ. Этотъ законъ окончательно сдѣлалъ дворянство осѣдлымъ классомъ, а не временнымъ владѣльцемъ своихъ земель. Все это отрывало дворянство отъ центра и привязывало къ уѣзду, къ мѣстному міру, къ землевладѣнію. Прежде дворянинъ былъ больше служилый человѣкъ, чѣмъ землевладѣлецъ; теперь онъ сталъ землевладѣльцемъ, переставъ быть служилымъ человѣкомъ.

Сообразно съ этими измѣненіями государственнаго положенія измѣнились и политическіе вкусы сословія. Припомните, что дворянство послѣ Петра черезъ свою гвардію неоднократно дѣлало прави-

тельства. Вмѣстѣ съ обязательной военной службой, эта политическая роль, пріобрѣтенная дворянствомъ въ дворцовыхъ переворотахъ, развила въ немъ желаніе принимать участіе въ дѣлахъ высшаго центральнаго правительства. Посмотрите, напр., чего желало дворянство, которое уничтожило ограниченіе власти императрицы Анны. Вы думаете, что сословіе стоитъ за полный абсолютизмъ? Ничуть. Оно уничтожило условія ограниченія верховной власти, навязанныя верховниками; но оно желало принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ высшаго правительства. Въ петиціи, въ которой дворянство просило императрицу принять власть, оно выражало желаніе избирать изъ своей среды членовъ сената и Верховнаго тайнаго совѣта, а также и президентовъ коллегій, т. е. выражало желаніе, чтобы центральное управленіе устроилось съ участіемъ дворянства; очевидно, мѣстныя отношенія, провинціальные интересы его нисколько не занимали *). Переходимъ къ комиссіи 1767 г. и здѣсь мы встрѣчаемъ выраженіе совсѣмъ иныхъ политическихъ стремленій сословія. Дворянскіе депутаты ничего не говорили о своемъ отношеніи къ центральному правительству, не вмѣшивались въ его дѣла. Самые горячіе защитники дворянскихъ интересовъ, находившіе, что дворянство по самому своему государственному значенію должно быть правящимъ классомъ общества (какъ, напр., кн. Щербатовъ) не промолвили ничего объ участіи дворянъ въ центральномъ управленіи; всѣ ихъ политическія стремленія связаны съ уѣздомъ. «Дайте намъ въ руки уѣзды», вотъ что требовало дворянство въ комиссіи; «и давъ намъ въ руки уѣздъ, правьте, какъ знаете, столицею». Дворянскіе депутаты выразили также желаніе устроиться въ мѣстныя, уѣздныя общества, выбирать изъ своей среды уѣзднаго блюстителя общественнаго порядка, даже выбирать изъ своей среды уѣзднаго управителя, воеводу. Такъ измѣнились политическіе вкусы сословія; очевидно, эта перемѣна произошла вслѣдствіе измѣненія въ положеніи дворянства; оно теперь стало свободно отъ службы, теперь оно усѣлось въ своихъ имѣніяхъ и желало руководить мѣстнымъ управленіемъ.

Легко замѣтить, какіе интересы удовлетворялись губернскими учрежденіями 1775 г. съ дополнительной къ нимъ дворянской жалованной грамотой. Эти губернскія учрежденія признали и закрѣпили стремленіе дворянства руководить мѣстнымъ управленіемъ и нисколько не опредѣляли отношенія сословія къ центральному правительству, къ верховной власти. Губернскія учрежденія исполнили то, чего желало сословіе, облекли въ учрежденія эти заявленныя дворянствомъ стремленія. Значитъ, губернскія учрежденія были завершеніемъ того мѣстнаго устройства дворянства, къ какому оно стремилось издавна. Чтобы запомнить всѣ моменты въ этомъ ходѣ развитія мѣстнаго значенія сословія, я изложу его въ такихъ краткихъ формулахъ.

До Петра дворянство служило, не правило; служило въ центрѣ и въ провинціи. При Петрѣ дворянство служило въ центрѣ и начинало править въ провинціи. Съ изданіемъ губернскихъ учрежденій 1775 г. дворянство не служило ни въ центрѣ, ни въ провинціи,

---

*) Сравн. изложеніе этого факта у Иловайскаго, Рождественскаго и К°.
Примѣчаніе издателя.

но правило провинціей. Эти формулы и помогутъ намъ запомнить главные моменты въ развитіи мѣстнаго, правительственнаго значенія дворянства. Запомнить эти моменты необходимо, потому что правительственное значеніе дворянства, какъ руководящаго класса въ мѣстномъ обществѣ— одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ въ нашей политической и общественной исторіи послѣднихъ столѣтій.

При чемъ же были въ губернскихъ учрежденіяхъ 1775 г. политическія идеи Екатерины? Эти идеи закрѣпили: старый и важный фактъ нашей исторіи, когда не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ не было помину объ этихъ идеяхъ. Что принадлежитъ этимъ идеямъ, т. е. политическимъ учебникамъ Екатерины, въ учрежденіяхъ 1775 г.? Одна техника, выработка административныхъ и судебныхъ формъ со строгимъ раздѣленіемъ вѣдомствъ, съ учрежденіемъ разныхъ судебныхъ инстанцій и т. д. Техника, формы—вотъ что принадлежитъ законодательницѣ. Политическое содержаніе тѣхъ отношеній, которыя скрывались за этими формами, были въ нихъ выражены и скрѣплены, нисколько не принадлежало книжкамъ, которыми руководилась создательница законовъ. Здѣсь встрѣчаемъ тотъ же ходъ, тѣ же пріемы дѣятельности, какіе мы видѣли въ другихъ предпріятіяхъ Екатерины. Въ устройствѣ мѣстнаго управленія, какъ и во всемъ, впереди шла идея, заимствованная со стороны, чуждая русскому обществу, но привлекательная для его вершинъ, а подъ покровительствомъ этой идеи развивался и закрѣплялся старый, очень старый фактъ нашей исторіи, не имѣвшій съ этими идеями ничего общаго. Таково значеніе этихъ учрежденій по отношенію ихъ къ управляемому обществу.

Какое значеніе имѣли эти учрежденія въ исторіи нашего управленія, административно-судебнаго механизма? Развитая техника этого механизма, тонко очерченныя сложныя формы его не были большимъ шагомъ впередъ въ исторіи нашихъ учрежденій по многимъ своимъ особенностямъ. Во первыхъ, управленіе хорошо тогда, когда оно во всѣхъ своихъ частяхъ (въ центрѣ, какъ и въ провинціи) построено на однихъ и тѣхъ же началахъ. Губернскія учрежденія 1775 г. усилили, если не ввели, противорѣчіе началъ центральнаго и областного управленія. Центральное управленіе при Екатеринѣ оставалось, какъ прежде, чисто бюрократическимъ, дѣйствовало безъ всякаго признаннаго закономъ участія общества; напротивъ, областное управленіе стало болѣе прежняго сословнымъ, шло при дѣятельномъ участіи двухъ высшихъ классовъ общества, впрочемъ, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ одного изъ нихъ, дворянства. Во вторыхъ, губернскія учрежденія 1775 г. установили несоотвѣтствіе между правами классовъ и ихъ обязанностями. Прежде дворянство обязательно служило и пользовалось за то нѣкоторыми правами; теперь оно перестало служить, но стало пользоваться большими правами, стало править мѣстнымъ обществомъ тогда, когда перестало служить государству. Такъ, нарушено было основное требованіе политической правды, равновѣсіе между правомъ и обязанностью. Въ третьихъ, губернскія учрежденія стали въ противорѣчіе съ признанными Екатериной началами; сословно-судебныя учрежденія, ею устроенныя, противорѣчили ее же соб-

ственному Наказу, въ которомъ выражалось желаніе, чтобы люди всѣхъ состояній судились и управлялись себѣ равными: мы видѣли, что мѣстное общество судилось и управлялось людьми одного класса— дворянствомъ. Наконецъ, губернскія учрежденія, благодаря ихъ техническимъ особенностямъ, ввели необыкновенную сложность въ мѣстное управленіе. Вы видите, сколько построено было разныхъ административныхъ, финансовыхъ и судебныхъ мѣстъ. Тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало 10—15 чиновниковъ, теперь явилась сотня; гдѣ дѣйствовало одно учрежденіе, теперь ихъ явилось 10. Это увеличивало дороговизну администраціи, а дороговизна администраціи сама по себѣ, независимо отъ исправнаго ея дѣйствія, есть уже вѣрный недостатокъ.

Таково значеніе этихъ учрежденій. Теперь отъ административныхъ преобразованій мы перейдемъ къ изученію общества, какъ оно было устроено законодательствомъ Екатерины, сдѣлавъ предварительно краткій очеркъ исторіи крѣпостного права.

Историческій очеркъ развитія крѣпостного права.

Важнѣйшіе интересы государства были связаны съ двумя классами общества, дворянствомъ и крестьянствомъ. Съ изученія положенія этихъ двухъ классовъ мы и начнемъ изученіе положенія общества въ царствованіе Екатерины. Правительственная роль, указанная дворянству въ мѣстномъ управленіи учрежденіями 1775 г., основывалась на землевладѣльческомъ значеніи дворянства, на положеніи его въ селѣ. Огромное большинство подушныхъ плательщиковъ состояло изъ крестьянъ, жившихъ на дворянскихъ земляхъ. Большинство мѣстныхъ уѣздныхъ обывателей связаны были съ дворянами-землевладѣльцами частными поземельными отношеніями, независимо отъ правительственнаго значенія дворянства. Дворянство потому и стало руководить мѣстнымъ управленіемъ, что въ его рукахъ находилось наибольшее количество мѣстнаго населенія.

Отношенія, существовавшія между дворянами землевладѣльцами и жившими на ихъ земляхъ крестьянами, выражались въ одномъ терминѣ: к р ѣ п о с т н о е п р а в о. На исторіи его я и остановлю ваше вниманіе. Имъ опредѣляется государственное положеніе и взаимныя отношенія обоихъ классовъ, дворянства и крестьянства. Мы знаемъ, какая перемѣна произошла въ положеніи крестьянъ со времени первой ревизіи; холопы были привлечены къ государственной повинности вмѣстѣ съ крестьянами; это—одна перемѣна, внесенная или закрѣпленная указомъ первой ревизіи. Въ отношеніи, какъ холоповъ, такъ и крестьянъ къ землевладѣльцамъ теперь стало вмѣшиваться правительство, тогда какъ прежде, опредѣляя положеніе податныхъ крестьянъ, правительство не вмѣшивалось въ отношенія холоповъ къ господамъ, потому что холопы составляли ихъ частную собственность. Такимъ образомъ, перемѣна, происшедшая въ положеніи сельскихъ классовъ, холоповъ и крестьянъ, состояла въ извѣстномъ сочетаніи юридическихъ особенностей, какими отличались оба класса, въ извѣстномъ обмѣнѣ юридическихъ признаковъ. Крестьяне прежде были податными плательщиками, но не были лично крѣпостными; холопы были лично крѣпостными людьми, но не были податными пла-

тельщиками. Теперь подушная подать съ крестьянъ была распространена и на холоповъ; за то личная крѣпость холопей распространена была на крестьянъ. Изъ соединенія этихъ особенностей и образовалось новое юридическое состояніе, которое и обозначается терминомъ «крѣпостныя души». Крѣпостное право послѣ Петра, со времени первой ревизіи, развивается въ двухъ направленіяхъ: количественно и качественно, т. е. постепенно все большее количество людей становится въ положеніе крѣпостныхъ и въ то же время усиливается власть господина надъ крѣпостными людьми. Мы прослѣдимъ оба эти процесса.

Крѣпостное населеніе размножалось двумя юридическими способами, припиской и пожалованіемъ. Путемъ приписки въ крѣпостное состояніе зачислялись постепенно мелкіе общественные слои, которыхъ не захватила перепись первой ревизіи. Въ дальнѣйшихъ ревизіяхъ, которыя обыкновенно производились черезъ 20 лѣтъ, всѣ люди, не имѣвшіе опредѣленнаго занятія, постояннаго мѣста жительства, постепенно записывались за учрежденіями или лицами и попадали въ крѣпостную зависимость. Такъ, указомъ дальнѣйшихъ ревизій велѣно было записывать за кѣмъ-либо, кто пожелаетъ, непомнящихъ родства и бродягъ, вольноотпущенныхъ, т. е. бывшихъ холопей, нищихъ, незаконнорожденныхъ, плѣнныхъ инородцевъ, солдатскихъ дѣтей и т. п., даже малолѣтнія дѣти вольноотпущенныхъ, оставшіяся безъ родителей, записывались въ крѣпостное состояніе за тѣмъ, кто пожелаетъ ихъ принять, если они не старше 10 лѣтъ и не могли сказать, кому служили ихъ родители. Значитъ, правительство стремилось записывать за учрежденіями или лицами всѣхъ, кого въ древней Руси называли гулящими людьми, кто не пристроился къ какому-либо общественному состоянію. Легко понять, какое обширное поле для злоупотребленій открываетъ это распоряженіе правительства, какъ много лицъ попадало въ крѣпостные, какое множество дѣтей заштатныхъ священно-служителей было записано за помѣщиками. Сенатъ, руководитель управленія, смотрѣлъ сквозь пальцы на эти злоупотребленія, дѣйствуя въ интересахъ того сословія, къ которому принадлежали его члены; такъ, напр., когда появилось много жалобъ на незаконную приписку послѣ второй ревизіи, производившейся въ царствованіе Елизаветы, сенатъ постановилъ оставить всѣ эти жалобы безъ послѣдствій и запретилъ всѣмъ записаннымъ въ ревизскія сказки жаловаться на незаконность приписки. Такимъ образомъ, множество лицъ и семействъ, которыя по своему общественному положенію не принадлежали къ крѣпостнымъ, попали въ крѣпостное состояніе. Этимъ правительство XVIII вѣка продолжало старую работу московскаго правительства XVII ст., работу очистки общества, уничтоженіе переходныхъ слоевъ, которые оставались въ промежуткахъ между главными классами. Правительство хотѣло стянуть общество въ три замкнутые класса, не говоря о духовенствѣ, — въ дворянство, городское состояніе и крѣпостное крестьянство.

Еще болѣе содѣйствовало количественному развитію крѣпостного состоянія пожалованіе, т. е. дача земель съ прикрѣпленными къ нимъ людьми въ частную собственность. Обыкновенно обширныя дворцовыя земли съ крестьянами служили источникомъ этой раздачи. Пожалованіе было продолженіемъ старыхъ помѣстныхъ дачъ. Прежде

служилые люди получали отъ правительства земли въ собственность. Что означали тогда эти дачи, какъ онѣ назывались, т. е. что давалось во владѣніе? Прежде, когда крестьяне не были еще прикрѣплены къ землѣ, землевладѣльцу давали только землю; когда съ Уложеніемъ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, владѣлецъ, получившій помѣстную дачу, получалъ собственно поземельный оброкъ съ прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ. Когда поземельное прикрѣпленіе превратилось въ крѣпостную личную зависимость, пожалованіе получило другой характеръ. Помѣстная раздача прекратилась съ Петра, такъ какъ помѣстья и вотчины смѣшались въ одинъ родъ землевладѣнія. Теперь, слѣдовательно, человѣкъ, получившій населенную землю, получалъ во владѣніе рабочія руки вмѣстѣ съ землей, на которой онѣ работали.

Эти пожалованія совершались по различнымъ побужденіямъ. Земли съ крестьянами жаловались за государственныя заслуги, даже просто за службу, на ряду съ денежнымъ жалованьемъ или какъ пополненіе жалованья. Такъ, напримѣръ, по указу 1737 года правительство, желая прикрѣпить къ службѣ на горныхъ казенныхъ заводахъ офицеровъ техниковъ, назначило офицерамъ изъ дворянъ, въ пополненіе къ денежному жалованію, по 10 крестьянскихъ дворовъ, что равнялось приблизительно тогдашнимъ 40 душамъ; офицерамъ изъ разночинцевъ, не дворянамъ вполовину меньше, но съ тѣмъ, чтобы эти офицеры и ихъ дѣти оставались всегда на заводахъ служить. Такимъ образомъ, и служба при заводѣ, какъ и владѣніе пожалованными дворами, становилась наслѣдственной. Далѣе, земли съ крестьянами раздавались по разнымъ менѣе уважительнымъ причинамъ; напримѣръ, на крестъ, или «на зубокъ новорожденному», «для увеселенія», какъ выражалась грамота гр. Румянцеву, на столъ и т. п. Каждая война сопровождалась раздачей населенныхъ земель массами; каждая побѣда обходилась русскому обществу въ извѣстное количество крѣпостныхъ душъ. Но особенно часты и значительны были пожалованія по фавору, по случаю, т. е. любимцамъ. Эти любимцы, случайные люди, часто очень бѣдные, получали обширныя земли съ множествомъ крестьянскихъ душъ; крупнѣйшія состоянія XVIII вѣка образовались путемъ такихъ пожалованій. Въ царствованіе Петра роздано болѣе 177 тысячъ крестьянъ, и это было сравнительно немного съ позднѣйшими пожалованіями; кн. Меньшиковъ, сынъ дворцоваго конюха, завершилъ свою государственную службу землевладѣльцемъ, имѣвшимъ до 100 тысячъ крестьянъ; извѣстный Разумовскій, простой казакъ, сдѣлался крупнымъ землевладѣльцемъ путемъ пожалованій; онъ также владѣлъ сотнею тысячъ душъ. Даже казаки, женившіеся на сестрахъ Разумовскаго, на дочеряхъ извѣстнаго въ Малороссіи Разумовскаго, содержателя питейнаго заведенія, сдѣлались землевладѣльцами. Зятьями Разумихи были: ткачъ Будлянскій, портной Закревскій; у сына Будлянскаго въ царствованіе Екатерины было три тысячи душъ крестьянъ, пріобрѣтенныхъ путемъ пожалованія отцу. Каждое вступленіе на престолъ, обыкновенно соединенное съ переворотомъ, также сопровождалось щедрыми раздачами населенныхъ имѣній. Вступленіе Екатерины II на престолъ стоило государству 18 тысячъ душъ, розданныхъ разнымъ сподвижникамъ дѣла. Вступленіе на престолъ императора Павла сопровождалось раздачей

до 100 милліоновъ десятинъ земли съ 100 тысячами крестьянъ; вотъ во что обошелся одинъ день 5 апрѣля 1797 года, когда короновался Павелъ. Особенно щедро раздавала землю Екатерина своимъ фаворитамъ, офицерамъ и не офицерамъ. Потемкинъ, бѣдный смоленскій дворянинъ, который въ молодости мечталъ составить карьеру путемъ монашества, говорятъ, имѣлъ въ концѣ своей дѣятельности до 200 тысячъ душъ, пріобрѣтенныхъ преимущественно путемъ пожалованія. Теперь приведены въ извѣстность неполныя цифры крестьянъ, розданныхъ Екатериной въ частное владѣніе, преимущественно, изъ дворцовыхъ; цифра эта достигаетъ 400 тысячъ ревизскихъ душъ, слѣдовательно, до милліона людей всѣхъ возрастовъ. Нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы сосчитать, въ какой степени увеличилось крѣпостное населеніе въ государствѣ путемъ обоихъ указанныхъ средствъ, приписки и пожалованья. Но несомнѣнно, что къ концу XVIII вѣкѣ Россія была несравненно болѣе крѣпостной, чѣмъ какой она была въ началѣ столѣтія.

Теперь обратимся ко второму процессу—къ качественному развитію права, т. е. къ ходу усиленія помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми. Это очень трудный историко - юридическій вопросъ. Что такое крѣпостное право и какъ оно сложилось? Какъ возникла и опредѣлилась власть помѣщика надъ крѣпостными людьми?. Отвѣтить на это довольно трудно по извѣстнымъ намъ даннымъ. Если бы спросить объ этомъ людей XVIII вѣка, знающихъ законы и отечественную исторію, они были бы затруднены не менѣе насъ. Законъ нигдѣ не поставлялъ прямо какую власть имѣетъ землевладѣлецъ надъ крѣпостными людьми. Слѣдовательно, надо брать фактическія явленія, чтобы составить себѣ понятіе о крѣпостномъ правѣ. Власть помѣщика, по закону, слагалась изъ двухъ элементовъ, согласно съ двоякимъ значеніемъ дворянъ землевладѣльцевъ. Дворяне землевладѣльцы по отношенію къ своимъ крестьянамъ были: 1) отвѣтственными полицейскими финансовыми управителями, обязательно наблюдающими за порядкомъ между крестьянами и собирающими съ нихъ казенныя подати; 2) землевладѣльцами, которые облагали жившихъ на ихъ земляхъ крестьянъ оброкомъ за землю, которой тѣ пользовались. Оба эти значенія землевладѣльцевъ-дворянъ можно опредѣлить по закону. Но къ этимъ двумъ элементамъ власти, элементу полицейско-правительственному и элементу землевладѣльческому, присоединялись и нѣкоторые другіе. Такъ, напримѣръ, землевладѣлецъ, какъ полицейскій надзиратель, судилъ своихъ крестьянъ и наказывалъ за проступки; это былъ старинный обычай, признанный древне-русскимъ законодательствомъ, что съ землевладѣніемъ соединялась извѣстная юрисдикція, право суда надъ крестьянами, обрабатывавшими землю; здѣсь землевладѣлецъ являлся судебнымъ органомъ правительства. Но въ XVII ст. помѣщичья юрисдикція ограничивалась собственно крестьянскими дѣлами гражданскаго характера, не простиралась на дѣла уголовныя; при томъ, крестьяне могли жаловаться на незаконное обращеніе землевладѣльцевъ съ ними; о правѣ жалобы говоритъ прямо подъячій XVII в., Котошихинъ надобно думать, хорошо знавшій правительственные судебные порядки. Далѣе, крестьяне, по Уложенію, были прикрѣплены къ землѣ, и такъ какъ множество земли не принадлежало помѣщику на правѣ полной собственности, то ясно, законъ не отдавалъ и жившихъ

на этихъ земляхъ крестьянъ въ частную собственность землевладѣльцу. Но мы видѣли, что вскорѣ послѣ Уложенія начались уклоненія отъ установленнаго порядка отношеній землевладѣльца къ крестьянамъ. И само Уложеніе часто оправдывало это уклоненіе; какъ мы знаемъ, оно непослѣдовательно проводило принципъ поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ. Въ интересахъ казны законъ запрещалъ отрывать крестьянъ отъ земли, переводить изъ помѣстья въ вотчину, многіе землевладѣльцы всѣхъ бы крестьянъ своихъ перетаскали съ своихъ временныхъ владѣній на свои наслѣдственныя земли. Но обратнаго перехода крестьянъ Уложеніе не запрещало, какъ и не запрещало отпускать вотчинныхъ крестьянъ на волю, запрещая только отпускать на волю крестьянъ помѣстныхъ. Ужъ если прикрѣплялся крестьянинъ къ землѣ, то, слѣдовательно, прикрѣплялся какъ къ помѣстью, такъ и къ вотчинѣ. Такимъ образомъ вотчинники получали право обезземеливать крестьянъ, отпуская ихъ на волю; въ XVII вѣкѣ это было хозяйственной трудностью, но въ XVIII вѣкѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Съ другой стороны, какъ-то незамѣтно и трудно даже прослѣдить по актамъ, какъ вскорѣ послѣ Уложенія крестьянъ стали мѣнять, продавать безъ земли, какъ будто законъ и не прикрѣплялъ ихъ къ землѣ, какъ будто они были лично крѣпостными холопами. Правительство даже стало признавать такую незаконную продажу, и Петръ засталъ такое положеніе дѣлъ въ селѣ, что даже не нашелъ возможнымъ прекратить продажу крестьянъ не только безъ земли, но и въ разбивку съ семействомъ. Въ инструкціи сенату въ 1721 году Петръ внушалъ сенаторамъ, чтобы они при составленіи новаго Уложенія приняли мѣры пресѣченія этихъ продажъ безъ земли, «буде же это невозможно, то запретить, по крайней мѣрѣ, продажу въ розницу, какъ продаютъ скотъ», т. е. Петръ выразилъ только свое отчаяніе поправить положеніе дѣлъ, ибо, несмотря на свое значеніе, какъ законодателя, онъ совѣтовалъ, а не приказывалъ. Да и самъ Петръ не задолго передъ тѣмъ косвенно поддержалъ торговлю крестьянами безъ земли; въ 1720 г. указомъ онъ разрѣшилъ купечеству и другимъ вольнымъ людямъ не изъ шляхетства вмѣсто себя ставить въ военную службу подставныхъ рекрутовъ, для того покупая людей. Дворянство, особенно мелкопомѣстное, пользуясь этимъ указомъ, устроило настоящую торговлю рекрутами, которая стала очень выгодной операціей ихъ сельскаго хозяйства. Въ такомъ положеніи оставилъ дѣло Петръ. Ревизія его не опредѣлила точнѣе отношеніе обоихъ классовъ; въ указѣ о ревизіи обезпечивались казенные интересы, т. е. опредѣлялись только тѣ отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, которыя касались этихъ интересовъ, юридическая сторона дѣла не занимала Петра. Вотъ почему въ указѣ мы не находимъ опредѣленія ни границъ власти помѣщика надъ крестьянами, ни тяжести повинностей послѣднихъ по отношенію къ первымъ. Но въ указѣ, который Петръ формулировалъ вообще на спѣхъ, неточно, встрѣчаемъ выраженія, которыя могли подать поводъ къ широкимъ притязаніямъ помѣщиковъ. Указы о ревизіи не отдавали крестьянъ въ собственность владѣльцамъ, не дѣлали ихъ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ послѣднихъ, наравнѣ со скотомъ, рабочими орудіями и т. д., однако указъ гласилъ, что всѣмъ попавшимъ въ ревизскія сказки «быть вѣчно за тѣмъ, за кѣмъ записаны», что «владѣльцамъ владѣть

ими вѣчно». На основанiи этихъ неопредѣленныхъ указовъ первой ревизiи и развивается мирная власть землевладѣльцевъ надъ крестьянами. Она развивается въ двухъ направленiяхъ: 1) постепенно усиливается власть помѣщика надъ личностью крѣпостного; 2) постепенно расширяется право землевладѣльца на хозяйственныя сбереженiя крѣпостныхъ.

Намъ предстоитъ теперь прослѣдить ходъ того и другого процесса съ начала первой ревизiи до Екатерины II, а потомъ въ царствованiе послѣдней.

Разберемъ первый процессъ. Какъ мы знаемъ, еще въ XVII в. землевладѣлецъ имѣлъ право судить и наказывать крестьянъ. Со введенiемъ подушной подати къ этому присоединилось и право полицейскаго надзора надъ крестьянами. Законодательство XVII в. не опредѣляло точно границы власти помѣщика надъ личностью крестьянина, но законодательство XVIII в. также не заботилось объ этомъ опредѣленiи предѣловъ помѣщичьей юрисдикцiи. Легко видѣть основанiе, на которомъ держалась судебно-полицейская власть помѣщика: этимъ основанiемъ было правительственное порученiе. Правительство нашло удобнѣйшимъ сдѣлать помѣщика судьей и полицейскимъ наблюдателемъ надъ крестьянами и только. Разумѣется, это порученiе по смыслу своему не отдавало крестьянъ въ собственность землевладѣльца, не уничтожало личныхъ правъ ихъ, какъ судья въ наше время не уничтожаетъ нашихъ личныхъ правъ. Вотъ почему еще въ концѣ XVII в., какъ и въ началѣ XVIII, крестьянинъ признавался лично свободнымъ, имѣющимъ право собственности, распоряжающимся ею по своему усмотрѣнiю. При Петрѣ, какъ и его ближайшихъ предшественникахъ, крестьянинъ имѣлъ право наниматься на работу къ чужому землевладѣльцу, занимать деньги подъ обезпеченiе своего имущества, брать на себя казенные подряды; все это было бы невозможно, если бы за крестьяниномъ не признавалось право собственности на его имущество.

Но требованiя полицейскаго порядка рано стали стѣснять право крестьянъ распоряжаться своимъ трудомъ и имуществомъ. Свободный уходъ крестьянина для работы на сторону могъ иногда принимать видъ бѣгства, если онъ совершался безъ согласiя землевладѣльца. Этотъ побѣгъ могъ лишить и казну плательщика, если бы послѣднiй скрылся невѣдомо куда. Вотъ почему правительство уже въ XVIII в. стало требовать, чтобы крестьяне уходили отъ землевладѣльца на работу на сторону съ какимъ-нибудь свидѣтельствомъ, съ отпускными билетами, такъ, чтобы наниматель ихъ не былъ «прiемщикомъ бѣглыхъ», т. е. не принялъ бы бѣглаго крестьянина на свою работу. При царѣ Θеодорѣ и послѣ стали требовать, чтобы крестьяне, уходя на сторону, брали съ собой либо поручныя записи, въ которыхъ было засвидѣтельствовано, что они не бѣжали, а уходили на работу и воротятся на родину, либо кормежныя памяти, какъ назывались отпускные билеты, выдаваемые помѣщиками крестьянамъ. „Кормежная память“— своего рода паспортъ, въ которомъ значилось, что крестьяне уходятъ работать на сторону, чтобы кормиться. При Петрѣ постановлено было, чтобы всякiй крестьянинъ, отлучившiйся изъ вотчины или помѣстья, бралъ съ собой выданный землевладѣльцемъ паспортъ.

Далѣе, помѣщикъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ семейную

жизнь крестьянина; но семейныя отношенія крестьянъ были тѣсно связаны съ ихъ хозяйственнымъ положеніемъ, а хозяйственное положеніе близко касалось землевладѣльца, на землѣ котораго жили крестьяне. Сынъ крестьянина уже достигалъ возраста, когда онъ могъ жить своимъ особымъ хозяйствомъ, былъ особой платежной единицей, но онъ не хотѣлъ жениться, обзавестись семьей, помѣщикъ въ такомъ случаѣ понуждалъ его стать семьяниномъ и основать особый дворъ. Это было выгодно и казнѣ, которая въ отдѣлившейся силѣ получала новую податную единицу, при господствовавшемъ подворномъ обложеніи. Отсюда понемногу утвердился обычай, въ силу котораго семейная жизнь крестьянъ становилась подъ надзоръ помѣщика вмѣстѣ съ жизнью хозяйственной. Въ XVIII вѣкѣ помѣщики присвоиваютъ себѣ право женить своихъ крестьянъ; жениться послѣднимъ не полагалось совершенно безъ разрѣшенія землевладѣльца. Дѣвица, выходя замужъ за крестьянина другого помѣстья или вотчины, должна была получить увольнительное свидѣтельство отъ своего прежняго владѣльца, который за это бралъ деньги.

Дальше, судебная и политическая власть помѣщика не дѣлала крестьянина его собственностью, не давала ему права располагать имъ, какъ другими статьями своего хозяйства, напр., земледѣльческими орудіями, рабочимъ скотомъ; но законъ позволялъ помѣщику за его крестьянина, убитаго крестьяниномъ другого помѣщика, брать съ послѣдняго въ видѣ вознагражденія либо убійцу, либо другого крестьянина. Это было формой вознагражденія имущественнаго вреда, нанесеннаго владѣльцу, но легко понять, что здѣсь крестьянинъ становился въ положеніе рабочаго скота, и законъ давалъ поводъ смотрѣть на него, какъ на собственность. Благодаря этому смѣшенію различныхъ отношеній, т. е. смѣшенію правъ собственника землевладѣльца и правъ правительственнаго судебно-полицейскаго агента, въ XVIII в. и развились широкія притязанія землевладѣльца на личность крестьянина. До Петра, какъ прямо говоритъ законъ, помѣщикъ судилъ крестьянъ только въ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ, и не имѣлъ права судить и наказывать ихъ, напр., въ дѣлахъ уголовныхъ. По Уложенію, если помѣщикъ убивалъ своего крестьянина, совершившаго разбой, не представивъ его въ губной судъ, онъ лишался помѣстья и платилъ вознагражденіе за вредъ, причиненный разбойникомъ: если это совершалъ служилый человѣкъ, безпомѣстный, то его, по закону, били кнутомъ и изъ имущества также вознаграждали потерпѣвшихъ отъ разбоя. Въ XVIII в. землевладѣльцы, какъ правительственные уполномоченные, начинаютъ присваивать себѣ и уголовную юрисдикцію надъ крестьянами, примѣняя широкое право наказывать крестьянъ за ихъ проступки и преступленія. Въ 1727 г. отмѣнено было важное право дворовыхъ людей поступать въ военную службу, не спрашиваясь у своихъ господъ; теперь дворовый человѣкъ не могъ безъ позволенія господина записаться въ военную службу; кто просилъ объ этомъ безъ разрѣшенія господина, того велѣно жестоко наказывать и возвращать владѣльцу. При Елизаветѣ расширено право помѣщиковъ наказывать крестьянъ: по указу 1760 г., помѣщикъ могъ за «продерзостные проступки» сослать своего крѣпостного на поселеніе въ Сибирь. Это право выходило, впрочемъ, изъ

казеннаго соображенія: этимъ путемъ хотѣли усилить колонизацію Сибири. Законъ прямо говорилъ, что «этого и государственные интересы требуютъ, понеже въ Сибири есть многія хлѣбопашеству и поселенію удобныя мѣста». Это право, впрочемъ, обставлено было извѣстными условіями. Такъ, помѣщикъ получалъ за ссылаемаго рекрутскую квитанцію, т. е. ссыльный являлся, какъ рекрутъ, исполняющій невольно государственную повинность: ссылать можно было на поселеніе здоровыхъ работниковъ не старше 54 лѣтъ, иначе бы помѣщикъ всѣхъ старыхъ отправлялъ въ Сибирь и получалъ бы за нихъ рекрутскія квитанціи. Далѣе, по церковному закону, жена была неразлучна съ мужемъ и должна была слѣдовать за нимъ въ Сибирь; но малолѣтнія, не отдѣлившіяся дѣти могли быть оставлены помѣщикомъ, разлучены съ родителями. Если помѣщикъ отпускалъ ихъ съ ссыльными, онъ получалъ за это вознагражденіе по установленной таксѣ, которая, очевидно, должна была служить косвеннымъ побужденіемъ для помѣщика отпускать и малолѣтнихъ дѣтей. Выгода, представляемая этимъ закономъ помѣщику, была не особенно велика; онъ лишался рабочей семьи. Далѣе, ссыльный въ Сибирь становился свободнымъ и не могъ быть возвращенъ изъ ссылки господиномъ. Вотъ все, что находимъ въ законодательствѣ XVIII в. о власти помѣщика на личность крестьянина.

Теперь разсмотримъ право землевладѣльца распоряжаться крестьянскимъ трудомъ. По Уложенію, крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ, содержитъ своего землевладѣльца, обязаннаго къ постоянной государственной службѣ, къ военной повинности, но Уложеніе уже допускаетъ случаи, когда крестьянинъ могъ быть оторванъ отъ земли. Благодаря этой нетвердости закона уже до Петра развилось широкое право свода и продажи крестьянъ, т. е. право переселять крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое и отчуждать ихъ отдѣльно отъ земли посредствомъ мѣны, продажи, завѣщанія. Въ концѣ XVII в. крестьянина перевозятъ уже безъ всякаго стѣсненія со стороны правительства. При Петрѣ свозъ былъ обставленъ стѣснительными условіями, вызванными казенными интересами. Такъ, желавшій переселять крестьянъ подавалъ о томъ прошеніе въ камеръ-коллегію, въ вѣдомство государственныхъ доходовъ; коллегія разрѣшала перевозъ, но съ условіемъ, чтобы помѣщикъ за свезенныхъ платилъ подушную подать до новой ревизіи по старому ихъ мѣстожительству.

Эти стѣсненія были уничтожены при Петрѣ III сенатскимъ указомъ 1762 г. «Избирая къ удовольствію владѣльцевъ легчайшій способъ», сенатъ предоставилъ имъ право перевозить крестьянъ, подавая о томъ лишь простое заявленіе въ мѣстныя учрежденія, не обращаясь къ центральной камеръ-коллегіи.

Наиболѣе противный характеръ крѣпостному праву сообщало право продажи крестьянъ безъ земли, въ розницу; этотъ обычай всего болѣе дѣлалъ крѣпостныхъ похожими на рабовъ. Право это или, скорѣе, обычай было широко развитъ до Петра, и какъ онъ развился, какіе интересы его вызвали и укоренили, сказать довольно трудно. Петръ считалъ себя безсильнымъ искоренить этотъ обычай и, какъ я уже выше замѣтилъ, въ инструкціи сенату 1721 г. только совѣтывалъ ввести въ новое уложеніе постановленіе, которое бы стѣснило право продавать крестьянъ безъ земли въ розницу, дѣтей отдѣльно

отъ родителей. Послѣ Петра вплоть до Екатерины не видимъ ни одного указанія, которое было бы направлено противъ этого обычая. Крестьянъ продаютъ безъ земли, разбивая семейства, безъ всякаго возраженія со стороны правительства.

Мы видѣли, что еще при Петрѣ крестьянинъ признавался собственникомъ своего имущества, которымъ онъ могъ располагать независимо отъ владѣльца. Послѣ Петра это право крестьянина на свое имущество практически стѣсняется владѣльцемъ, но не опредѣляется законодательствомъ. Самовольное распоряженіе имуществомъ, напр., сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ, могло часто затрагивать интересы землевладѣльца, который поэтому вмѣшивался въ нѣкоторыя хозяйственныя операціи крестьянъ. Но законодательство не опредѣляло границы, на которой можно было остановить это вмѣшательство землевладѣльца въ хозяйственныя дѣла крестьянъ. Точно также не было никогда опредѣлено закономъ, какое количество крестьянскаго труда можетъ землевладѣлецъ требовать съ крестьянина въ свою пользу за землю, которую обрабатывалъ крестьянинъ. До Петра это было предоставлено борьбѣ спроса и предложенія; крестьянинъ предлагаетъ свой трудъ, землевладѣлецъ предлагаетъ землю. Обоюднымъ соглашеніемъ и опредѣлялось количество повинностей и платежей, какіе падали на крестьянина за пользованіе чужой землей. Такъ какъ землевладѣльцы нуждались въ рабочихъ рукахъ, то во многихъ мѣстахъ складывались очень льготныя для крестьянъ хозяйственныя отношенія къ землевладѣльцу. Если землевладѣлецъ былъ слишкомъ требователенъ, то крестьяне бѣжали; у правительства было слишкомъ мало полицейскихъ средствъ мѣшать этимъ побѣгамъ. Всѣмъ этимъ устанавливались сносныя отношенія между обѣими сторонами.

Въ XVIII в. положеніе дѣлъ измѣняется. Теперь нужно было болѣе точно опредѣленное помѣщичье право на крестьянскій трудъ, особенно послѣ измѣненія системы прямыхъ налоговъ, т. е. съ введеніемъ подушной подати. Однако ни при Петрѣ, ни послѣ законодательство даже не ставило вопроса о томъ, сколько платить или работать долженъ крестьянинъ на помѣщика за его землю; какъ мы видимъ, въ первый разъ правительство попыталось опредѣлить эти отношенія лишь въ царствованіе Павла. Точно также законодательство XVIII в., какъ и законодательство XVII в., ничего не говоритъ объ обязательномъ земельномъ обезпеченіи крестьянъ землевладѣльцемъ, не было закона, который бы указывалъ, какой участокъ земли и угодій обязанъ землевладѣлецъ отводить крестьянамъ.

Въ старой Руси не было нужды въ такомъ опредѣленіи; помѣщикъ, какъ и правительство, былъ бы радъ, если бы крестьянинъ попросилъ у него больше земли для обработки; но крестьяне, которые платили прежде съ земли, старались обрабатывать какъ можно меньше пашни, чтобы платить меньше налоговъ. Правительство, зная, что ни у него, ни у помѣщика нѣтъ средствъ заставить крестьянина пахать много, не вмѣшивалось въ это дѣло. Крестьянинъ бралъ себѣ участокъ по силамъ, обрабатывалъ его и пользовался обширными угодьями, лѣсными и луговыми, которыми мало дорожилъ землевладѣлецъ. Такой порядокъ дѣлъ намъ будетъ совершенно понятенъ, если мы припомнимъ, что въ огромномъ большинствѣ частныхъ имѣній XVI и XVII в. развѣ одна десятая доля земли обрабатывалась;

встрѣчались имѣнія, въ которыхъ обрабатывалась меньшая доля, напримѣръ, одна двадцатая; встрѣчалось множество имѣній, въ которыхъ не обрабатывалась ни одна десятина. Но во XVIII в. была принята важная мѣра, служившая косвеннымъ побужденіемъ для крестьянъ пахать больше,—подушная подать, которая, оставаясь однообразною для крестьянъ (все равно много ли, или мало они пахали), разумѣется, заставляла ихъ пахать больше. Итакъ, вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ землею даже не возникалъ въ продолженіе XVIII в.

Разсмотрѣвъ существенныя стороны отношеній землевладѣльца къ крестьянамъ, мы находимъ, что законодательство игнорировало ихъ, не ставило для нихъ точныхъ опредѣленій. Законодательство опредѣляло лишь одну сторону этихъ отношеній—ту, которой крестьяне были обращены къ казначейству. Оно старалось опредѣлить отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ настолько, чтобы этимъ опредѣленіемъ обезпечивался казенный интересъ, чтобы исправно собиралась подушная подать съ крѣпостныхъ людей. Поэтому въ законодательствѣ Петра, какъ и его преемниковъ до Екатерины II, встрѣчаются частныя указанія разрѣшеній отдѣльныхъ затрудненій, особенно для казны, возникавшихъ изъ отношеній обѣихъ сторонъ сельскаго общества; но правительство не ставило общихъ основаній, не вносило въ сельскія отношенія права. Поэтому, на вопросъ, создано ли было закономъ крѣпостное право, какъ мы его знаемъ, надо отвѣтить: нѣтъ. Законъ не выражалъ прямо всѣхъ тѣхъ правъ землевладѣльца на крестьянъ, которыя входятъ въ составъ крѣпостного права. Законодательство нигдѣ не признавало крестьянъ простою частною собственностью землевладѣльца; оно и не могло признать за нимъ такого значенія, потому что крестьяне были государственными плательщиками. Значить, если бы мы спросили, существовало ли крѣпостное право по закону около половины XVIII в.,—мы должны были бы сказать: нѣтъ. Нельзя собрать въ памятникахъ законодательства достаточнаго основанія для другого отвѣта; законъ нигдѣ прямо не признавалъ землевладѣльцевъ частными собственниками своихъ крестьянъ, хотя и предоставлялъ имъ, какъ правительственнымъ орудіямъ и полицейскимъ наблюдателямъ, широкую власть надъ крестьянами.

Между тѣмъ съ начала царствованія Екатерины мы встрѣчаемъ въ правительственной сферѣ рядъ неожиданностей. Екатерина въ Наказѣ своемъ между прочимъ замѣчаетъ, что «не можетъ земледѣліе тамъ процвѣтать, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго». Екатерина разумѣла крестьянъ, т. е. крестьяне, по ея взгляду, не имѣли права собственности. Какъ это случилось? Когда законъ объявилъ имущество крестьянъ собственностью землевладѣльца? Никогда. А между тѣмъ Екатерина признаетъ фактъ; она хочетъ сказать, что въ ея время имущество крестьянъ принадлежитъ землевладѣльцамъ. Она скорбитъ объ этомъ давно; но отчего она не попытается справиться, на чемъ основанъ такой порядокъ, не пошлетъ порыться въ старыхъ законахъ, гдѣ имущество крестьянъ объявлено было собственностью землевладѣльцевъ? Не сдѣлавъ этой справки, она только старается предотвратить вредныя послѣдствія этого факта. Въ томъ же Наказѣ она же замѣчаетъ, что «законъ можетъ сдѣлать нѣчто полезное и для собственныхъ рабовъ имущества». Она хочетъ сказать, что законъ можетъ нѣсколько оградить право рабовъ надъ имуществомъ;

подъ этими рабами разумѣлись крѣпостные люди, какъ дворовые, такъ и крестьяне. Какимъ образомъ могло случиться, что крестьяне стали называться рабами? Рабъ, по древне-русскому праву,—частная собственность господина и, какъ такая собственность, не несетъ на себѣ никакихъ государственныхъ повинностей; лошадь не платитъ подати, такъ не платитъ ея и рабъ. Но крестьяне платятъ подать, составляютъ массу арміи, защищаютъ государство; какимъ образомъ носительница верховной власти называетъ этихъ государственныхъ дѣятелей рабами? Очевидно, она опять признавала фактъ: рабами считали крестьянъ въ общежитіи. Комиссіи 1767 г. представленъ былъ наказъ отъ юстицъ-коллегіи, въ которомъ выражалось желаніе, чтобы изданъ былъ точный законъ о томъ, какъ поступать съ помѣщикомъ, отъ побоевъ котораго умеръ крестьянинъ. Мы опять съ изумленіемъ спрашиваемъ: развѣ не было такого закона, что вѣдомство юстиціи требуетъ новаго? Въ XVII в., по Уложенію и по другимъ законамъ, за убійство крестьянина землевладѣлецъ наказывался такъ же, какъ за убійство всякаго вольнаго человѣка. Какимъ образомъ могло случиться, что одно и то же преступленіе иначе вмѣнялось землевладѣльцу? Далѣе, одинъ изъ депутатовъ комиссіи, говоря о положеніи крестьянъ, требовалъ между прочимъ, чтобы признано было за крестьянами нѣкоторое право собственности на пріобрѣтаемое ими имущество. Четвертая неожиданность. Еще при Петрѣ крестьянинъ признавался способнымъ брать казенные подряды, т. е. отвѣчать передъ казной собственнымъ имуществомъ. Какимъ образомъ въ законодательномъ собраніи никто не возразилъ, что законъ никогда не отмѣнялъ этого права, что поэтому нѣтъ надобности законодательству признавать крестьянъ правоспособными. Значитъ, на дѣлѣ они давно перестали быть правоспособными.

Таково было положеніе дѣлъ. Когда законодательство, съ начала царствованія Екатерины, стало думать объ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, вдругъ оказалось, что крестьяне составляютъ частную собственность землевладѣльцевъ. Это совершилось безъ дѣйствія правительства, помимо дѣйствующаго закона.

Теперь мы и подошли прямо къ вопросу о томъ, какъ и изъ какого источника развилось крѣпостное право, какъ оно получило тотъ складъ, въ какомъ перешло изъ XVIII в. въ XIX? Я сейчасъ дамъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Повторимъ юридическое опредѣленіе крѣпостного права, какое можно сдѣлать, на основаніи законодательства до половины XVIII в. Это право слагалось изъ двухъ элементовъ: 1) изъ власти помѣщика надъ крестьянами, какую онъ имѣлъ, какъ судебно-правительственный уполномоченный; эта власть не была его собственностью, а была слѣдствіемъ правительственныхъ порученій; 2) оно слагалось изъ права помѣщика, какъ землевладѣльца, на трудъ крестьянина, пользовавшагося его землею, это право было такою же собственностью помѣщика, какъ и самая земля, какъ всякая статья помѣщичьяго хозяйства. Значитъ, личность крестьянина не была по закону собственностью землевладѣльца, потому что всѣ права на эту личность вытекали изъ правительственныхъ порученій, такимъ образомъ, собственностью землевладѣльца оставалась часть крестьянскаго труда,

служившаго землевладѣльцу вознагражденіемъ за землю, какую онъ уступалъ въ пользу крестьянина, но то была лишь часть труда, потому что тотъ же трудъ принадлежалъ и государству, которое съ него получало доходъ въ видѣ подушной подати.

На практикѣ нужно строго различать эти два рода отношеній: отношеніе землевладѣльца къ личности крестьянина и его отношеніе къ труду послѣдняго. Въ общежитіи люди рѣдко различаютъ столь тонко свои отношенія; въ такомъ случаѣ на помощь имъ приходитъ законодательство; законодательство настойчиво обозначаетъ и поддерживаетъ различныя людскія отношенія. Законодательство до половины XVIII в. не давало общежитію никакой помощи, оставляя множество отношеній между обѣими сторонами неопредѣленными, т. е. предоставляя опредѣлить ихъ самимъ этимъ сторонамъ. Легко замѣтить, что сильнѣйшая сторона должна была опредѣлить ихъ въ свою пользу. Отношенія землевладѣльца къ крестьянину опредѣлялись согласно съ привычками и пріемами, какіе выработались древне-русскимъ землевладѣніемъ. Мы знаемъ, что древне-русское землевладѣніе, при существованіи вольнаго крестьянскаго труда, держалось на рабовладѣніи; основаніемъ его были рабы, посаженные на пашню. Это были наиболѣе прочные хлѣбопашцы въ имѣніи древне-русскаго вотчинника. Пріемы и привычки, сложившіеся въ землевладѣльческой средѣ подъ вліяніемъ рабовладѣнія, теперь были перенесены и на крестьянъ, когда они, ходомъ дѣлъ оторванные отъ земли, перестали быть прикрѣплены къ ней. Иныхъ привычекъ и пріемовъ не было у землевладѣльцевъ; иные пріемы должно было бы воспитать законодательство, а законодательство само предоставляло выработку подробностей въ этихъ отношеніяхъ землевладѣльцамъ; понятно, что они, предоставленные самимъ себѣ, не воспитываемые законодательствомъ, старались стать въ такое отношеніе къ крестьянамъ, въ какомъ ихъ предки XV и XVI в. стояли къ рабамъ, своимъ холопамъ.

Отсюда съ начала XVIII в. мы видимъ двоякое движеніе, которое тянуло крестьянъ въ разныя стороны. Съ введеніемъ подушной подати правительство, распространивъ государственныя повинности и на бывшихъ холопей, старалось послѣднихъ приблизить къ крестьянамъ, облагая тѣхъ и другихъ одинаковой подушной податью; съ другой стороны, землевладѣльцы, согласно съ воспитанной въ продолженіе вѣковъ привычкой, старались крестьянина приблизить къ холопу, чтобы распоряжаться одинаково тѣмъ и другимъ, какъ своею собственностью; правительство тянуло сельское населеніе въ одну сторону, землевладѣльцы—въ другую.

Теперь ясна задача, какую предстояло разрѣшить Екатеринѣ. Она должна была прекратить эту вредную борьбу двухъ силъ, которыя тягались между собой за сельское населеніе; она должна была точно опредѣлить, на какой границѣ останавливаются права землевладѣльца и гдѣ начинаются права государственныя. Повидимому, приближенные къ Екатеринѣ люди настойчиво указывали ей на необходимость дать законодательству такое направленіе, и она сама сочувствовала этимъ внушеніямъ. Въ первые годы царствованія ее занимала мысль о лучшемъ устройствѣ сельскаго населенія. Когда въ комиссіи 1767 года послышались рабовладѣльческія притязанія, когда нѣкоторые депутаты потребовали права владѣть крѣпостными для

духовенства, для казачества, для купечества, эти требованія выводили Екатерину изъ себя; она была возмущена этими рабовладѣльческими поползновеніями, ее раздражала мысль о томъ, какъ трудно будетъ дать правильное разрѣшеніе крѣпостному вопросу. Отъ того времени сохранилась маленькая ея записочка въ такихъ приблизительно лаконическихъ выраженіяхъ: «Если крѣпостного нельзя персоною считать, слѣдовательно, онъ не человѣкъ; ну, такъ скотомъ извольте его называть, что къ немалой славѣ и человѣколюбію намъ приписано будетъ». Очевидно, эта записка вырвалась въ одну изъ тѣхъ патетическихъ минутъ, какія не разъ находили на Екатерину.

Вліятельные люди, стоявшіе близко къ Екатеринѣ, съ первыхъ лѣтъ ея царствованія настаивали на необходимости внести точное законодательное опредѣленіе въ отношенія землевладѣльца къ крѣпостнымъ людямъ. Генералъ Петръ Панинъ, братъ извѣстнаго намъ Никиты Панина, въ 1763 г. представилъ Екатеринѣ записку, гдѣ говорилось о томъ, что помѣщики обременяютъ крестьянъ непосильными сборами и работами, что правительство должно точно опредѣлить количество платежей и повинностей крестьянина въ пользу землевладѣльца. Панинъ даже предложилъ и норму этихъ платежей и повинностей; по его мнѣнію, надо выработать проектъ положенія о крестьянахъ, по которому помѣщикъ могъ требовать съ крестьянина работы не больше 4-хъ дней въ недѣлю или же оброка въ размѣрѣ 2-хъ руб. съ ревизской души. Панинъ только боялся, какъ бы обнародованіе этого положенія не взволновало крестьянъ несбыточной надеждой; поэтому онъ совѣтовалъ такой проектъ сообщить по секрету губернаторамъ, которые бы передали его, также по секрету, помѣщикамъ своей губерніи. Другой видный администраторъ того времени, считавшійся образцовымъ и очень цѣнимый Екатериной, новгородскій губернаторъ Сиверсъ, человѣкъ степенный, не легкомысленный либералъ, также представилъ Екатеринѣ записку, въ которой писалъ, что помѣщичьи поборы и работы, которыми землевладѣльцы обременяютъ своихъ крестьянъ, превосходятъ всякое вѣроятіе; власть помѣщика надъ крестьяниномъ неограничена. Произволъ и жестокое обращеніе, по Сиверсу—главная причина чрезвычайнаго развитія крестьянскихъ побѣговъ. Пресѣченіе этихъ побѣговъ и заставило Сиверса, какъ администратора, подать императрицѣ записку. Онъ также требовалъ точнаго законодательнаго опредѣленія крестьянскихъ платежей и повинностей въ пользу помѣщика. Значитъ, Екатерина могла найти опору и въ близкихъ людяхъ, если бы попыталась прійти на помощь запутавшимся отношеніямъ землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Слѣдуетъ сказать, что точное законодательное опредѣленіе этихъ отношеній вызывалось и справедливостью. Когда дворянство несло на себѣ обязательную ратную повинность, власть его надъ крестьянами имѣла нѣкоторое оправданіе; крестьянскія повинности въ пользу помѣщиковъ были для нихъ вознагражденіемъ за государственную, падавшую на нихъ. Манифестъ предшественника Екатерины (28 февраля 1762 г.), даровавъ вольности дворянству, снялъ съ него обязательную военную службу. Такимъ образомъ, крѣпостное право лишилось своего основанія, становилось слѣдствіемъ безъ причины.

Теперь возникаетъ вопросъ, уцѣлѣетъ ли оно или нѣтъ. Прежде

всего, какъ бы ни была широка власть землевладѣльца надъ крестьяниномъ, она была правомъ, вытекавшимъ изъ государственной повинности дворянства; слѣдовательно, крѣпостное право имѣло своимъ основаніемъ государственный интересъ; крестьянинъ былъ обязательнымъ слугой землевладѣльца, какъ землевладѣлецъ былъ обязательнымъ слугой государства. Если крѣпостное право будетъ удержано, оно измѣнитъ свой характеръ; тогда крестьянинъ останется обязательнымъ слугой землевладѣльца, независимо отъ государственнаго интереса, т. е. превратится въ частную собственность помѣщика. Итакъ, одно рѣшеніе вопроса должно было бы отмѣнить или ослабить крѣпостное право; другое рѣшеніе должно было перевести его изъ области права государственнаго въ гражданское, т. е. превратить крестьянина изъ обязательнаго слуги землевладѣльца въ его частную собственность.

Законодательство Екатерины о крѣпостномъ правѣ и его значеніе.

Изъ сдѣланнаго мною историческаго очерка развитія крѣпостного права видно, какія задачи предстояло разрѣшить законодательству Екатерины II въ вопросѣ объ отношеніяхъ крѣпостного населенія къ землевладѣльческому классу. Крѣпостной трудъ крестьянина былъ для дворянства средствомъ нести обязательную военную службу; слѣдовательно, съ прекращеніемъ этой повинности должна была сама собой прекратиться раздача населенныхъ казенныхъ земель въ частное владѣніе. Далѣе, крѣпостной крестьянскій трудъ не весь былъ отданъ дворянамъ въ частное владѣніе, часть этого труда была обложена государственной податью; слѣдовательно, крестьянскій крѣпостной трудъ былъ въ совмѣстномъ владѣніи у помѣщиковъ съ государствомъ. Поэтому законодательству предстояло провести точныя границы между правомъ помѣщика и властью государства.

Какъ разрѣшенъ былъ крестьянскій вопросъ въ царствованіе Екатерины? Она издала нѣсколько распоряженій, которыя устранили мелкія злоупотребленія землевладѣльцевъ; такъ, напримѣръ, она запретила приписывать въ крѣпостную зависимость незаконнорожденныхъ, которые въ прежнія ревизіи обыкновенно записывались за кѣмъ-нибудь въ крѣпость. Однако Екатерина не прекратила раздачи казенныхъ земель съ крестьянами въ частное владѣніе; напротивъ, она стала раздавать ихъ еще болѣе щедрой рукой, чѣмъ ея предшественники. Объ этихъ щедрыхъ раздачахъ подробнѣе говорили мы въ историческомъ очеркѣ развитія крѣпостного права.

Кромѣ всего этого, Екатерина не устояла передъ условіями, которыя заставили ее даже расширить пространство, въ которомъ дѣйствовало крѣпостное право, т. е. ввести его тамъ, гдѣ его не было. На окраинѣ государства крестьяне были въ другомъ положеніи; такъ, въ Малороссіи и на южной границѣ государства, въ такъ называемой тогда Слободской, Украинской губерніи (въ нынѣшнихъ губерніяхъ Харьковской, Курской, Воронежской и Екатеринославской) были тогда поселены мелкіе помѣщики, служилые люди, обязанные защищать границы. Въ Малороссіи населеніе состояло изъ двухъ главныхъ слоевъ,

изъ казачества и посполитаго крестьянства. Казаки были надѣлены землей на правѣ, близкомъ къ нашему помѣстному праву, они несли ратную повинность; по значенію своему они были очень близки къ мелкимъ помѣщикамъ Московскаго государства, превратившимся потомъ въ однодворцевъ. Казаками, какъ военной силой, командовали военноначальники, составляющіе—казацкую старшину. Это были наиболѣе зажиточные изъ казаковъ, которые потому и были способны къ занятію начальническихъ должностей; ихъ можно было бы назвать казацкой знатью. Посполитые крестьяне, населявшіе либо казацкія, либо государственныя земли, находились совершенно въ такомъ же положеніи, въ какомъ были наши крестьяне въ XVI в. до поземельнаго прикрѣпленія. Земли въ Малороссіи или принадлежали государству, или были въ пользованіи казаковъ и казацкихъ старшинъ. Казацкіе старшины рано, еще въ XVII в., стали обнаруживать дворянскія притязанія и старались превратить посполитыхъ своихъ крестьянъ, даже самыхъ своихъ казаковъ, въ крѣпостныхъ людей. Въ XVIII в., когда казацкая служба при регулярной арміи получила второстепенное значеніе въ государствѣ, казаки оставались уже безъ дѣла, не несли прежней ратной повинности. Какъ мелкіе землевладѣльцы, они, подобно нашимъ однодворцамъ, стали близко къ крестьянамъ съ той только разницей, что владѣли землей на правѣ собственности. Русское правительство старалось сдерживать притязанія казацкихъ старшинъ, напримѣръ, запрещало покупать земли у казаковъ, мѣшать переселенію крестьянъ, т. е. поддерживало ихъ право перехода. До половины XVIII ст. крестьяне въ Малороссіи, какъ и на южной окраинѣ Слободской губерніи, пользовались безпрепятственнымъ правомъ перехода. Гетманство Кирилла Разумовскаго, просто казака по происхожденію, во многомъ подготовило поземельное прикрѣпленіе и даже успѣхъ крѣпостного права въ Малороссіи. Онъ, какъ гетманъ, распоряжался полновластно въ Малороссіи и началъ раздавать государственныя земли во владѣніе своимъ родственникамъ и друзьямъ цѣлыми массами, даже не спрашивая разрѣшенія у петербургскаго правительства. Въ XVIII в. возможно было такое совмѣстное полновластіе мѣстнаго управителя съ центральнымъ самодержавіемъ; гетманъ былъ полноправнѣе любого средневѣковаго рыцаря. Благодаря этой свободѣ, земли въ Малороссіи къ концу его гетманства, которое кончилось въ 1764 г., оставалось такъ немного, что не насчитывали двухъ тысячъ дворовъ. Новые землевладѣльцы, разумѣется, стѣсняли крестьянъ правомъ перехода и просили правительство о прекращеніи его. Переходъ крестьянъ создавалъ и затрудненія для казны, т. е. дѣлалъ неисправнымъ платежъ податей. Для обезпеченія казеннаго интереса Екатерина въ 1763 г. издала законъ, въ силу котораго крестьянинъ не могъ перейти къ другому землевладѣльцу, не получивъ письменнаго отпуска отъ прежняго; отпускныя свидѣтельства велѣно было выдавать безъ затрудненія, но легко понять, что землевладѣльцы старались воспользоваться этимъ правомъ, чтобы удержать крестьянъ на своей землѣ. Возникшія отсюда затрудненія повели къ тому, что въ 1783 году изданъ былъ указъ, безусловно запрещавшій переходъ малороссійскихъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Какъ скоро изданъ былъ этотъ указъ, посполитые крестьяне и казаки, успѣвшіе продать свои земли, стали въ

одинаковое положеніе съ великорусскими крѣпостными крестьянами. Потомъ этотъ порядокъ былъ распространенъ на Слободскую Украйну, а далѣе и на Донскую область, гдѣ крестьяне потеряли право перехода по указу Павла въ 1796 г. Такимъ образомъ, при Екатеринѣ весь югъ Россіи, гдѣ еще сохранилось вольное крестьянство, сталъ крѣпостнымъ краемъ; но и въ положеніи великорусскихъ крѣпостныхъ крестьянъ произошли нѣкоторыя перемѣны: эти перемѣны не только не улучшили, но еще ухудшили положеніе крестьянъ.

Теперь переходимъ къ законодательному опредѣленію отношенія крѣпостного населенія къ землевладѣльцамъ. Законодательство Екатерины объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ отличается той же неопредѣленностью и неполнотой, какъ и законодательство ея предшественниковъ. Вообще оно было направлено въ пользу землевладѣльцевъ. Пересмотримъ эти законы и мѣропріятія. Мы видѣли, что Елизавета, въ интересахъ заселенія Сибири, закономъ 1760 г. предоставила помѣщикамъ право «за продерзостные поступки» ссылать крѣпостныхъ здоровыхъ работниковъ въ Сибирь на поселеніе безъ права возврата. Екатерина закономъ 1765 г. превратила это ограниченное право ссылки на поселеніе въ право ссылать крѣпостныхъ на каторгу безъ всякихъ ограниченій, съ возвратомъ сосланнаго, по желанію, къ прежнему владѣльцу, значитъ, въ новомъ законѣ уже исчезъ и тотъ государственный интересъ (заселеніе Сибири), на которомъ построенъ былъ указъ Елизаветы. Теперь ссылка въ каторгу не освобождала ссыльнаго отъ крѣпостной зависимости; при томъ, не были опредѣлены ни возрастъ ссылаемаго, ни случаи, въ которыхъ помѣщикъ могъ прибѣгнуть къ этому виду наказанія; законъ Елизаветы превращенъ былъ въ постановленіе, которое обезпечивало безусловный произволъ землевладѣльца.

Екатерину смущало право продажи крестьянъ безъ земли; въ 1771 г. изданъ былъ для прекращенія неприличной публичной торговли, указъ, запрещавшій продавать крестьянъ за помѣщичьи долги съ публичнаго торга; законъ этотъ остался безъ дѣйствія, и сенатъ не настаивалъ на его исполненіи. Въ 1792 г. новый указъ возстановилъ право продавать крестьянъ безъ земли съ публичнаго торга, но прибавлялъ, что при этомъ не долженъ быть употребленъ молотокъ, т. е. новый указъ сообщалъ только болѣе приличную форму аукціонной продажи.

Далѣе и при Екатеринѣ не были точно опредѣлены границы вотчинной юрисдикціи. Въ указѣ 18 октября 1770 г. было сказано, что помѣщикъ могъ судить крестьянъ только за тѣ проступки, которые по закону не сопровождались лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; но размѣръ наказаній, какими могъ карать за эти преступленія землевладѣлецъ, не былъ указанъ. Пользуясь этимъ, за маловажные проступки землевладѣльцы карали крѣпостныхъ крестьянъ такими наказаніями, которыя полагались только за самыя тяжкія уголовныя преступленія.

Въ Наказѣ Екатерина припомнила, что еще при Петрѣ былъ изданъ указъ, по которому деревни безумныхъ или жестокихъ помѣщиковъ отдавались «подъ смотрѣніе опекуновъ». Екатерина гово-

ритъ, что этотъ указъ исполняется, насколько онъ касался безумныхъ, но его постановленіе о жестокихъ помѣщикахъ не приводилось въ исполненіе, и она выражаетъ недоумѣніе, почему было стѣснено дѣйствіе указа. Однако, она не возстановила его въ прежней полной силѣ.

До тѣхъ поръ важнымъ средствомъ, обезпечивавшимъ крестьянскую личность, служило право жалобы на притѣсненія землевладѣльца. Въ XVII в. правительство принимало жалобы отъ сельскихъ обществъ на землевладѣльцевъ за жестокое ихъ обращеніе, производило слѣдствіе по этимъ жалобамъ и наказывало виновныхъ. Въ царствованіе Петра былъ изданъ рядъ указовъ, запрещавшихъ людямъ всѣхъ состояній обращаться съ просьбами на высочайшее имя помимо правительственныхъ учрежденій; эти указы подтверждались преемниками Петра. Однако правительство продолжало принимать крестьянскія жалобы на помѣщиковъ отъ сельскихъ обществъ. Съ этимъ правомъ жалобы въ царствованіе Екатерины случилась исторія, можетъ быть, наиболѣе характеризующая процессъ развитія крѣпостного права. Въ 1767 г., когда Екатерина отправилась въ путешествіе, на дорогѣ ей подавались иногда крестьянскія челобитья на помѣщиковъ; она передавала эти жалобы сенату. Сенатъ предложилъ Екатеринѣ издать новый законъ, который бы безусловно запрещалъ крестьянамъ жаловаться на помѣщиковъ, и въ основаніе этого запрещенія сенатъ привелъ одну статью Уложенія. Екатерина приняла предложеніе, 22 августа 1767 г. высочайше утвержденъ былъ указъ, который гласилъ, что если кто изъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ впредь отважится подать недозволенное закономъ челобитье на помѣщика, особенно въ собственныя руки Ея И. В., то въ силу 13 ст. 2-ой гл. Уложенія челобитчикъ, а также и составитель челобитья будутъ сосланы въ Нерчинскъ въ каторжныя работы съ зачетомъ землевладѣльцамъ вмѣсто рекрутовъ. Этотъ указъ велѣно было въ продолженіе мѣсяца читать по всѣмъ церквамъ въ воскресные и праздничные дни. Итакъ, законъ, утвержденный съ высочайшаго соизволенія, запрещалъ крестьянамъ жаловаться на землевладѣльцевъ, основываясь на Уложеніи царя Алексѣя.

Раскроемъ это Уложеніе и, читая знаменитую ст. 13-ую, находимъ, что она говоритъ совсѣмъ о другомъ; эта статья излагаетъ мѣры для обереганія государева здоровья, безопасности; ст. 13-ая гласитъ, что «если кто изъ дворовыхъ людей и крестьянъ подаетъ извѣтъ о государевомъ здоровьѣ или о другомъ великомъ государевѣ дѣлѣ (т. е. объ измѣнѣ) на своего помѣщика или вотчинника и извѣта того не докажетъ, такому извѣту не вѣрить, доносчика бить кнутомъ и возвращать владѣльцу; во всѣхъ же другихъ дѣлахъ, кромѣ этого великаго государева дѣла, также извѣтчику не вѣрить». Сенатъ истолковалъ статью эту, какъ запрещавшую крестьянамъ жаловаться на помѣщика. «Извѣтомъ» въ древней Руси называлась особенная форма иска: кто хотѣлъ возстановить свое право помимо обычныхъ судебныхъ инстанцій, тотъ обращался къ правительству, обыкновенно на имя государя; въ такомъ случаѣ дѣло рѣшалось не судебнымъ, а административнымъ порядкомъ. Въ наше время также дѣйствуютъ двѣ эти формы; обыкновенно мы возстановляемъ свое право, обращаясь въ судебныя учрежденія, но есть случаи, когда даже при гла-

сномъ судѣ невозможно установить право обычнымъ установленнымъ порядкомъ; особенно такіе случаи часто бываютъ въ семейной средѣ. Съ царствованія императора Николая предоставлено было въ такихъ исключительныхъ случаяхъ обращаться въ III Отдѣленіе, которое негласно производитъ слѣдствіе. Какъ, напримѣръ, искать отцу на взрослаго сына за нетерпимый поступокъ его, въ которомъ уличить его нельзя? Отцамъ и предоставлена была въ царствованіе Николая помощь III Отдѣленія, которое негласно устраняло опасность. Теперь это, какъ извѣстно, превратилось въ административную процедуру по политическимъ преступленіямъ. Такіе два порядка дѣлопроизводства существовали и въ древней Руси. Можно было искать своего права судомъ и можно было искать его извѣтомъ, т. е. помимо судебныхъ учрежденій; такія дѣла рѣшались, какъ бы сказать, административнымъ порядкомъ, а не судебнымъ. О такомъ извѣтѣ по политическимъ или другимъ тайнымъ дѣламъ и говоритъ 13-ая ст. 2-й гл. Уложенія; извѣтъ—не жалоба, а доносъ, слѣдовательно, 13-ая ст. запрещала не жалобу крестьянъ на помѣщика, а доносъ на своего господина. Люди XVII в., какъ и канцелярскія дѣла, свидѣтельствуютъ намъ, что крестьяне очень часто жаловались на своихъ помѣщиковъ обычнымъ порядкомъ. Такія жалобы принимались даже въ царствованіе Петра. Потомъ прямо говорится, что крестьяне жаловались на помѣщика, ихъ разорившаго, и если слѣдствіе оправдывало челобитчика, землевладѣлецъ подвергался взысканію

Точно также и въ случаяхъ, когда землевладѣлецъ убивалъ своего крестьянина, то по челобитью крестьянина—родственника убитаго или односельчанина—убійца подвергался наказанію по Уложенію, если же не было челобитчика на такого убійцу, то, по словамъ Котошихина, «въ такихъ дѣлахъ за мертвыхъ истецъ самъ государь». Такимъ образомъ, сенатъ, недостаточно знакомый съ терминологіей древне-русскаго права, указомъ уничтожилъ главное юридическое средство, которое оставалось въ распоряженіи крестьянъ противъ произвола помѣщиковъ. Эта филологическая ошибка и сдѣлала крестьянъ послѣ указа 1768 г. полною собственностью землевладѣльцевъ: такъ нужно иногда изученіе филологіи.

Вотъ всѣ важнѣйшія постановленія, какія мы находимъ въ царствованіе Екатерины. Значитъ, крѣпостное право не только сохранено было въ своемъ прежнемъ объемѣ, но получило еще дальнѣйшее развитіе. Такъ относилось законодательство Екатерины къ этому вопросу.

Теперь, указавъ отдѣльныя постановленія Екатерины касательно этого вопроса, отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что сдѣлалось съ этимъ крѣпостнымъ правомъ, какая перемѣна произошла въ немъ подъ вліяніемъ законодательства Екатерины. До нея было собственно два крѣпостныхъ права: одно по закону, другое по обычаю, на дѣлѣ; лучше сказать, рядомъ съ крѣпостнымъ правомъ до половины XVIII ст. дѣйствовалъ еще крѣпостной фактъ, въ составъ котораго входили притязанія землевладѣльцевъ, не признанныя прямо закономъ, а только терпимыя правительствомъ. Законодательство Екатерины сгладило эту разницу между обоими этими правами, законнымъ и обычнымъ, или, говоря другими словами, между крѣпостнымъ правомъ и крѣпостнымъ фактомъ.

Право обычное было признано и закономъ, но не прямо, т. е. законъ не говорилъ прямо, что всѣ притязанія землевладѣльцевъ на личность и труды крестьянина признаются закономъ. Взглядъ землевладѣльца на крестьянина, какъ на свою частную собственность, противорѣчилъ политическому значенію крестьянина, какъ государственнаго плательщика. Этотъ взглядъ и не былъ прямо признанъ закономъ, не былъ нигдѣ въ немъ выраженъ; но законъ признавалъ послѣдствія этого взгляда, то право распоряженія крестьянской личностью и трудомъ, какое вытекло изъ взгляда на крестьянина, какъ на частную собственность землевладѣльца. Можно опредѣлить значеніе законодательства Екатерины въ развитіи крѣпостного права слѣдующимъ образомъ. Екатерина не была виновницей его, не она создала это право, но взглдъ помѣщиковъ на крестьянъ, какъ на свою собственность, держался не на томъ, что говорилъ законъ, а на томъ, о чемъ онъ умалчивалъ, т. е. молчаливо признавалъ. Эти умолчанія и стали законной опорой крѣпостного права со времени законодательства Екатерины.

Въ чемъ была сущность крестьянскаго вопроса? Какъ можно было поставить въ законодательствѣ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и какъ они должны были стоять по требованію нѣкоторыхъ государственныхъ людей того времени? Можно было тремя способами разрѣшить этотъ вопросъ, т. е. вопросъ объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ. Крестьяне были первоначально прикрѣплены къ землѣ, а потомъ очутились прикрѣпленными къ лицамъ. Слѣдовательно, можно было, во первыхъ, откупить крестьянъ отъ помѣщиковъ, не привязавъ ихъ къ землѣ, т. е. дать имъ волю безъ земли. О такомъ освобожденіи мечтали либеральные дворяне временъ Екатерины, но такое освобожденіе едва ли было возможно; оно внесло бы совершенный хаосъ въ народно-хозяйственныя отношенія и, можетъ быть, повело бы къ страшной политической катастрофѣ. Во вторыхъ можно было, открѣпивъ крѣпостныхъ отъ землевладѣльца, прикрѣпить ихъ къ землѣ, т. е., сдѣлавши ихъ независимыми отъ господъ, привязать ихъ къ землѣ, выкупленной казной. Это поставило бы крестьянъ въ положеніе, очень близкое къ тому, какое создало для нихъ 19 февраля 1861 года; оно превратило бы крестьянъ въ крѣпкихъ землѣ государственныхъ плательщиковъ. Въ XVIII в. едва ли возможно было совершить такое освобожденіе, соединенное съ сложной финансовой операціей выкупа земли. Наконецъ, можно было, не откупая крестьянъ отъ лица землевладѣльцевъ, прикрѣпить ихъ къ землѣ, т. е. сохранить извѣстную власть землевладѣльца надъ крестьянами, поставленными въ положеніе прикрѣпленныхъ къ землѣ государственныхъ хлѣбопашцевъ. Это создало бы временно обязательныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ; законодательство въ такомъ случаѣ должно было опредѣлить точно поземельныя и личныя отношенія обѣихъ сторонъ. Такой способъ разверстки отношеній былъ всего удобнѣе, и на немъ именно настаивали близкіе къ Екатеринѣ практическіе люди, хорошо знавшіе положеніе дѣлъ въ селѣ, какъ, напримѣръ, Петръ Панинъ или Сиверсъ.

Екатерина не избрала ни одного изъ тѣхъ способовъ. Можно было привязать крестьянъ къ землевладѣльцамъ, не привязавъ ихъ къ землѣ; это и сдѣлала практика. Крестьяне при Екатеринѣ оказа-

лись прикрѣпленными исключительно къ помѣщикамъ, и не были нисколько опредѣлены отношенія крѣпостныхъ хлѣбопашцевъ къ землѣ, которую они пахали.

Такой видъ и получило крѣпостное право во вторую половину XVШ в. Теперь поземельная связь крестьянина совершенно исчезла, въ немъ перестали видѣть государственнаго плательщика и стали его считать исключительно работникомъ на помѣщика. Это была важная юридическая перемѣна, совершившаяся въ положеніи крестьянина; прежде онъ былъ предметомъ государственнаго права, частью и права частнаго, землевладѣльческаго; теперь онъ очутился только со значеніемъ предмета права частнаго, т. е. крестьянскій вопросъ изъ области государственнаго права перешелъ въ область права гражданскаго, какъ и всякій предметъ владѣнія. Этотъ переходъ совершился, благодаря умолчанію законодательства Екатерины, однако же признавшаго послѣдствія, какія вытекали изъ взгляда на крестьянъ, какъ на частную собственность. До тѣхъ поръ власть помѣщика надъ крестьянами была частью злоупотребленіемъ, которое оправдывалось нѣкоторыми государственными соображеніями, напримѣръ, недостаткомъ полицейскихъ орудій, вмѣсто которыхъ правительство пользовалось самими помѣщиками. Теперь крѣпостное право стало государственнымъ учрежденіемъ, которое отдавало лицо и трудъ крестьянина въ частное владѣніе безъ всякаго оправданія. Въ этомъ состояла ошибка законодательства Екатерины, оно не должно было превращать факта въ право, т. е. должно было, если не хотѣло производить коренной перемѣны въ положеніи крестьянъ, оставить власть помѣщика въ прежнемъ колеблющемся положеніи, не признавать ее закономъ. Однако, исчисляя въ жалованной грамотѣ дворянству (1785 г.) предметы владѣнія, которые принадлежатъ помѣщику на правѣ частной собственности, законъ не выдѣляетъ крестьянъ изъ этого перечня, слѣдовательно, утверждаетъ за помѣщикомъ право на нихъ, какъ на всѣ другія статьи сельскаго хозяйства, какъ на сельско-хозяйственный инвентарь.

Такимъ образомъ крѣпостное право при Екатеринѣ II вступило въ третій фазисъ своего развитія, приняло третью форму. Первой формой этого права была личная зависимость крѣпостныхъ отъ землевладѣльцевъ по частнымъ сдѣлкамъ; такую форму имѣло крѣпостное право до половины XVIII вѣка. По уложенію и законодательству Петра это право превратилось въ потомственную зависимость крѣпостныхъ отъ землевладѣльцевъ, по закону обусловленную обязательной службой землевладѣльцевъ. При Екатеринѣ крѣпостное право получило третью форму, оно превратилось въ полную зависимость крѣпостныхъ, ставшихъ частной собственностью землевладѣльцевъ, обязательная служба была уже снята съ дворянства.

Послѣдствія крѣпостного права.

Теперь изучимъ послѣдствія крѣпостного права въ этой третьей и послѣдней формаціи, имъ усвоенной. Эти послѣдствія были чрезвычайно разнообразны. Крѣпостное право было скрытой пружиной, которая двигала и давала направленіе самымъ различнымъ сферамъ на-

родной жизни. Мы даже не преувеличимъ его значенiе, если скажемъ, что съ половины XVIII ст. вся внутренняя жизнь Россiи есть исторiя крѣпостного права съ его послѣдствiями; крѣпостное право не только опредѣляло политическую и хозяйственную жизнь страны, но также наложило рѣзкую печать на жизнь общественную, умственную и нравственную. Я прежде всего укажу, какое дѣйствiе оказало крѣпостное право на помѣщичье сельское хозяйство.

I. Помѣщичье сельское хозяйство.

Подъ покровомъ крѣпостного права въ помѣщичьемъ селѣ сложились во второй половинѣ XVIII вѣка своеобразныя отношенiя и порядки. Я укажу сперва на способы помѣщичьей эксплуатацiи крѣпостного труда, остановлюсь на двухъ видахъ помѣщичьяго хозяйства, оброчномъ и барщинномъ.

Крѣпостное крестьянство составляло очень значительную часть рабочаго населенiя въ имперiи, т. е. очень важный рычагъ народнаго хозяйства. По четвертой ревизiи, произведенной въ 1782 г., все крѣпостное населенiе имперiи, не считая крестьянъ удѣльныхъ, т. е. бывшихъ дворцовыхъ, представляло массу почти въ семь миллiоновъ (въ 6 мил. 600 слишкомъ тыс.): всего населенiя по этой ревизiи считалось до 28 мил., слѣдовательно, крѣпостное населенiе, даже безъ удѣльныхъ крестьянъ, которые въ сущности были тѣ же крѣпостные, равнялось почти $^1/_4$ всего населенiя. По пятой ревизiи 1796 г., общее населенiе имперiи опредѣлялось въ 36 мил.; крѣпостныхъ крестьянъ въ томъ числѣ считалось 9 мил. съ небольшимъ, т. е. ровно четверть. Отсюда выходитъ, что крѣпостное населенiе пропорцiонально возрастало между 4-ой и 5-ой ревизiей. Но, можетъ быть, это возрастанiе—чисто оптическiй обманъ, происшедшiй отъ неточнаго счета 4-ой ревизiи; во всякомъ случаѣ изъ четырехъ обывателей имперiи въ концѣ XVIII в. одинъ былъ крѣпостной, не считая крестьянъ удѣльныхъ; послѣднихъ считалось въ концѣ XVIII в., впрочемъ, не болѣе полъ-миллiона.

Какъ устроена была въ народномъ хозяйствѣ такая значительная экономическая сила, или такое важное экономическое орудiе? До XVIII в. въ помѣщичьемъ хозяйствѣ господствовала смѣшанная система эксплуатацiи земли и крѣпостного труда. За участокъ земли, предоставленный въ пользованiе крестьянъ, послѣднiе частью обрабатывали землю на помѣщика, частью платили ему оброкъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтiя эта смѣшанная система стала раздѣляться: обязательная служба дворянства не позволяла ему принимать дѣятельное непосредственное участiе въ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ; поэтому нѣкоторые помѣщики, предоставивъ почти всю свою землю крестьянамъ, облагали ихъ за это оброкомъ,—другiе, отдѣливши крестьянамъ часть своей земли, другую обрабатывали посредствомъ барщиннаго труда. Мы не можемъ сказать, въ какой степени распространены были обѣ эти системы—барщинная и оброчная; можно только предположить, что барщинная система была распространена не меньше оброчной. Съ половины XVIII в. дворянство вышло на волю, освободилось отъ службы, оно должно было отбыть изъ сто-

лицы въ деревню, досугъ, какой оно получило со времени манифеста 1762 г. о вольности, повидимому, долженъ былъ обратить большинство дворянъ къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ. Являясь самъ распорядителемъ крестьянскаго труда, дворянинъ долженъ былъ, очевидно, замѣнить оброчное хозяйство барщиной, т. е. извѣстную часть долженъ былъ обрабатывать самъ, помощью крестьянскихъ рукъ, а другую отдавать въ пользованіе крестьянамъ. Надо было думать, что оброчное хозяйство, господствовавшее до половины XVIII в., теперь должно было уступить первое мѣсто хозяйству барщинному. Мы замѣчаемъ совершенно обратное явленіе.

По мѣрѣ того, какъ наши статистическія свѣдѣнія становятся болѣе полными и точными, все яснѣе выступаетъ наружу тотъ фактъ, что оброчное хозяйство рѣшительно господствуетъ въ дворянскихъ имѣніяхъ надъ хозяйствомъ барщиннымъ во второй половинѣ XVIII в., объ этомъ говорятъ и заслуживающіе довѣрія люди того времени, какъ и дошедшія до насъ немногія надежныя статистическія цифры. Въ наказѣ Екатерина жалуется, что «почти всѣ деревни на оброкѣ». Въ концѣ столѣтія то же самое говорятъ агрономъ Рычковъ и статистикъ Шторхъ, который въ концѣ XVIII ст. издалъ обширное статистическое описаніе Россіи. Рычковъ очень горько жалуется на вредъ, какой причиняетъ народному и государственному хозяйству оброчная система въ дворянскихъ имѣніяхъ, онъ признаетъ эту систему господствующей. Нѣкоторые современники объясняли это преобладаніе оброчнаго порядка въ дворянскихъ имѣніяхъ надъ барщиннымъ тѣмъ, что служба военная и гражданская привлекала дворянъ въ города, а довѣрить хозяйство приказчику не всегда было можно; это и заставило дворянъ отдавать почти всю землю въ непосредственное распоряженіе крестьянъ, облагая ихъ оброкомъ. Но такое объясненіе не оправдывается данными, которыя собраны были правительствомъ. Въ 1777 году, по словамъ Екатерины (въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ Сегюромъ), на государственной службѣ состояло всего около 10 тысячъ дворянъ, т. е. незначительная часть этого сословія; рѣшительное большинство дворянъ, даже покинувшихъ службу послѣ указа о вольности, не жило въ своихъ деревняхъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ дворянскіе списки, составленные въ 1777 году. Дворяне сосредоточивались въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, оставаясь по прежнему классомъ городскихъ, а не сельскихъ обывателей. Отчего дворяне, даже послѣ указа о вольности, не переселяются въ деревню? Причиной этого были многочисленныя мѣстныя возстанія крестьянъ, эти возстанія скоро слились въ одинъ громадный Пугачевскій мятежъ. Эти волненія дѣлали деревню опасной для дворянина; тамъ было жутко оставаться, и масса дворянства жалась въ городахъ поближе къ своей властной братіи, губернатору и капитанъ-исправнику. Пугачевскій бунтъ особенно напугалъ сословіе, то привольное житье въ деревняхъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ литературѣ, какъ и въ устныхъ сказаніяхъ, наступило для дворянъ нѣсколько позже.

Такимъ образомъ, одна причина землевладѣльческаго абсентеизма дворянства была политическая. Была также другая причина преобладанія оброчнаго хозяйства надъ барщиннымъ, причина—чисто хозяйственная. Эту причину отмѣчаетъ сама Екатерина; въ Наказѣ мы

читаемъ: «хозяева, не бывшіе вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже по пяти, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ себѣ деньги». Оброчное хозяйство, очевидно, было выгоднѣе для дворянина, чѣмъ барщина. Самъ занимаясь дѣлами, распредѣляя земли въ имѣніи, заставляя крестьянъ нести барщину, помѣщикъ, можетъ быть, и не получилъ бы такихъ доходовъ, какъ назначивъ однообразный оброкъ на душу; можетъ быть, при собственномъ веденіи хозяйства онъ и не получилъ бы по 5 р. съ души. Оброкъ можно было возвышать гораздо значительнѣе, чѣмъ доходность имѣнія при барщинномъ хозяйствѣ. Вотъ въ чемъ сказывалось недостаточное опредѣленіе закономъ нормы крестьянскихъ повинностей въ пользу землевладѣльцевъ, оброкъ можно было налагать, не соображаясь съ хозяйственными средствами крестьянъ.

Помѣщичій оброкъ измѣнился въ продолженіе двухъ съ половиной вѣковъ. Въ 70-хъ годахъ, въ первую половину царствованія Екатерины, чаще всего встрѣчался оброкъ въ 4—5 р.; впрочемъ, въ этомъ отношеніи имѣнія разнообразились до безконечности.

Петръ Панинъ въ своихъ запискахъ о положеніи крестьянъ предлагаетъ назначить однообразный оброкъ въ пользу помѣщика въ 2 р.; это показываетъ, что 2 р. были наиболѣе распространенной нормальной формой подушнаго оброка въ первую половину царствованія Екатерины. Во вторую половину оброкъ всюду возвысился; Екатерина признаетъ сама, что въ 1783 году «всемѣстно оброкъ до 4 р. простирается, большею же частью гораздо сіе число превышаетъ». Около 1794 г., по свидѣтельству Шторха, наиболѣе обычной нормой оброка съ души было 5 р., въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ крестьянскій трудъ обставленъ былъ особенно благопріятно, оброкъ возрасталъ до громадныхъ цифръ 20 или 25 рублей, а въ промышленныхъ селахъ Шереметева во Владимірской губ. этотъ оброкъ съ нѣкоторыхъ торговыхъ крестьянъ простирался до 100 и 200 р. съ души. Чтобы понять экономическую рыночную цѣну этого оклада, надо припомнить, что рубль половины XVIII в. и первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины относился къ нашему рублю, какъ 8 : 1; рубль второй половины царствованія Екатерины съ увеличивающимся все выпускомъ ассигнацій палъ въ цѣнѣ и относился къ нашему рублю какъ 4 : 1, слѣдовательно, крестьянинъ, платя въ концѣ царствованія 5 р. оброка, давалъ помѣщику доходъ, равнявшійся приблизительно нашимъ 20 р. съ души.

Трудно сказать, возвысился ли подушный окладъ оброка въ царствованіе Екатерины сравнительно съ прежнимъ временемъ; мы имѣемъ слишкомъ мало извѣстій объ этомъ, чтобы можно было сравнить оброчную тяжесть за какія нибудь разныя эпохи XVIII в. До насъ дошли хозяйственныя записи извѣстнаго исторіографа Татищева, написанныя въ 1742 г. Татищевъ полагаетъ, не тяжело будетъ крестьянину платить 10 руб. оброка съ тягла, т. е. съ каждаго домохозяина, или съ каждаго семейства, состоящаго изъ мужа и жены съ дѣтьми (какъ мы видѣли, рубль половины XVIII в. въ 8 разъ былъ дороже нашего); слѣдовательно, Татищеву казалось, что не тяжело для крестьянина платить съ рабочаго семейства по 80 руб. Выдѣлившаяся семья, живущая своимъ дворомъ, заключала въ себѣ тогда двѣ съ половиной ревизскихъ души круглымъ числомъ (иногда двѣ, иногда

три души). Татищевъ указывалъ и нормальный поземельный надѣлъ крестьянъ, въ этомъ отношеніи записки его сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ. Земли разверстывались по тягламъ (тягло—это мужъ съ женой, разумѣется, и малолѣтнія дѣти), каждое тягло, по плану Татищева, должно обрабатывать по одной десятинѣ въ полѣ, т. е. три десятины во всѣхъ поляхъ, остальную землю надлежитъ помѣщику всю отдать въ пользу крестьянъ, если только ее останется довольно, иначе всю землю помѣщикъ долженъ раздѣлить пополамъ, одну половину обрабатывать на себя крестьянскими руками, а другую отдать въ пользованіе крестьянъ, но такъ, чтобы на каждое тягло приходилось не меньше трехъ десятинъ во всѣхъ поляхъ, т. е. озимомъ, яровомъ и паровомъ. Вотъ меньшій поземельный надѣлъ, какой считаетъ возможнымъ Татищевъ. Если у помѣщика, за такимъ раздѣломъ земли на двѣ половины, не придется на крестьянское тягло и трехъ десятинъ, такія имѣнія, по его мнѣнію, непремѣнно должны быть на оброкѣ, т. е. помѣщикъ долженъ всю землю отдать въ пользованіе крестьянамъ, обложивши ихъ оброкомъ. Если помѣщику, за отлучкой, самому нельзя наблюдать за хозяйствомъ, полезнѣе всего отдать землю крестьянамъ, нежели назначать старосту или приказчика для руководства барщиной. Разсчитавъ это отношеніе нормальнаго поземельнаго надѣла, по Татищеву, съ тѣмъ оброкомъ, какой онъ считаетъ возможнымъ назначитъ, гдѣ нѣтъ барщины, мы можемъ опредѣлить, сколько, по Татищеву, должна была приносить дохода помѣщику каждая его десятина: при составѣ тягла изъ трехъ ревизскихъ душъ, по Татищеву, каждая душа должна была платить около 3 руб., каждая десятина давать дохода около 2 руб. Отсюда видно, что оброкъ въ первую половину царствованія Екатерины оставался вообще прежнимъ и увеличился лишь къ концу его; впрочемъ, трудно сказать, какъ велико было дѣйствительно его увеличеніе. Дѣло въ томъ, что курсъ бумажнаго рубля началъ падать съ 1780 г., такъ что къ концу царствованія на рынкѣ ассигнаціонный рубль потерялъ болѣе 30%, стоилъ всего 68 к. металла, значитъ, подъемъ оброка былъ собственно не увеличеніемъ оброчной тяжести, а только слѣдствіемъ упадка курса. Можно думать, что во все царствованіе Екатерины тяжесть оброка, если и увеличилась, то въ очень незначительной степени.

Такъ устроено было оброчное хозяйство помѣщика. Но рядомъ съ нимъ во многихъ имѣніяхъ существовало и хозяйство барщинное. Въ этомъ барщинномъ хозяйствѣ особенно наглядно отражаются слѣдствія той новой обстановки, какую получило крѣпостное право въ законодательствѣ при Екатеринѣ II.

Въ 1765 г., по почину нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, съ Григоріемъ Орловымъ во главѣ, въ Петербургѣ было основано Вольное Экономическое Общество, цѣлью этого общества было поощрять земледѣліе, содѣйствовать успѣхамъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Общество поспѣшило собрать свѣдѣнія о положеніи сельскаго хозяйства и разослало по губерніямъ вопросы, на которые мѣстныя власти должны были собрать отвѣты. Всѣ эти вопросы касались положенія крестьянъ и земледѣлія. Въ присланныхъ изъ губерній отвѣтахъ мы встрѣчаемъ указаніе на то, что въ барщинныхъ имѣніяхъ у крестьянъ бралась въ пользу помѣщика половина рабочаго времени. Повидимому, это было довольно справедливое разверстаніе крестьянскаго

труда, но барщина тѣмъ была тяжелѣе для крестьянъ, даже при такихъ условіяхъ, что въ хорошую погоду все время у крестьянина шло на работу помѣщика, вотъ почему земледѣліе, по указаніямъ изъ губерній, противъ прежняго пришло въ упадокъ, по причинѣ непрестанныхъ работъ и большихъ поборовъ господъ. Значитъ, важно не то, что въ пользу помѣщика бралась половина времени, важно то, что въ его пользу бралась лучшая часть этого времени, крестьянинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь время неудобное для работъ. Впрочемъ, три дня въ недѣлю были условіемъ баршины далеко не повсемѣстно, иные помѣщики заставляли работать на себя четыре и пять дней въ недѣлю, иногда работа продолжалась даже по воскресеніямъ и праздничнымъ днямъ. Въ иныхъ барщинныхъ имѣніяхъ мы встрѣчаемъ даже черты, сближавшія ихъ съ сѣверо-американскими плантаціями до отмѣны рабства, иные помѣщики совсѣмъ обезземеливали крестьянъ и превращали ихъ въ простыхъ батраковъ. Извѣстіе о такихъ имѣніяхъ мы находимъ у агронома Рычкова; онъ говоритъ: «есть и такіе строгіе помѣщики, которые своимъ крестьянамъ и одного дня работать не даютъ, а давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляютъ ихъ безъ изъятія на господскія работы повседневно». Значитъ, крестьяне здѣсь превращаются въ простыхъ безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, вполнѣ зависимыхъ отъ землевладѣльца; такой крестьянинъ—даже не крѣпостной. На крѣпостныхъ плантаціяхъ съ безземельнымъ рабочимъ населеніемъ барщина иногда достигала чрезвычайной тяжести; въ упомянутой уже нами запискѣ Петра Панина мы читаемъ: «поборы и работы не только превосходятъ примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько выступаютъ и изъ сности человѣческой».

При такомъ веденіи хозяйства, при такомъ отношеніи къ деревнямъ и къ крестьянамъ помѣщики организовали стройную систему сельской администраціи; ближайшими орудіями этого помѣщичьяго управленія были дворовые люди. Дворня къ концу XVIII ст. развилась чрезвычайно на счетъ рабочаго крестьянства; такъ какъ былъ отмѣненъ законъ, запрещавшій брать крестьянъ съ пашни на дворъ, то землевладѣльцы въ продолженіе XVIII в. все болѣе отрывали рабочія руки для дворовой службы. Въ помѣщичьемъ домѣ того времени наблюдатели встрѣчали втрое или впятеро больше слугъ, чѣмъ въ любомъ помѣщичьемъ нѣмецкомъ домѣ одинаковой зажиточности; въ домѣ вельможи эти дворовые составляли огромный штатъ, которому дивились иноземцы. Одинъ иностранецъ замѣчаетъ: «въ другихъ странахъ такого числа дворовыхъ людей, которое встрѣчаемъ въ русскихъ помѣщичьихъ домахъ, и представить себѣ не могутъ». Посредствомъ дворовыхъ людей помѣщикъ правилъ крестьянами, и управленіе это было организовано на строгихъ началахъ. Помѣщику принадлежала верховная власть въ имѣніи, онъ не только устраивалъ крестьянскій трудъ, онъ регулировалъ и частныя отношенія крестьянъ, помимо ихъ отношеній къ землѣ, онъ имѣлъ полицейскій надзоръ за крестьянами, судилъ ихъ и наказывалъ за проступки и преступленія.

Во вторую половину XVIII в. не было уже и рѣчи о предѣлахъ помѣщичьей юрисдикціи, т. е. не говорилось, въ какихъ дѣлахъ помѣщикъ судитъ крестьянъ и въ какихъ дѣлахъ судъ надъ ними принадлежитъ правительственнымъ учрежденіямъ.

Помѣщикъ вообще обладалъ и уголовной юрисдикціей, за исключеніемъ только самыхъ важныхъ уголовныхъ дѣлъ.

Какъ мы знаемъ, законодательство предоставляло помѣщику право «за преступленія и продерзостные проступки» ссылать крестьянъ безъ апелляціи въ каторжныя работы; за ссылаемыхъ помѣщикъ получалъ рекрутскія квитанціи. Благодаря небрежности, съ какой власть относилась къ практикѣ этого важнаго права, изъ него развились страшныя злоупотребленія въ царствованіе Екатерины; помѣщики часто ссылали въ Сибирь неспособныхъ къ работѣ крестьянъ, получая за нихъ рекрутскія квитанціи. Эти ссылки переводили крестьянъ массами изъ имѣній за Уралъ. Въ 1773 г. Сиверсъ писалъ, что при послѣднемъ наборѣ, путемъ этихъ ссылокъ, потеряно было арміей до восьми тысячъ солдатъ, т. е. помѣщики сослали въ Сибирь негодныхъ къ работѣ крестьянъ до восьми тысячъ, получивъ за нихъ рекрутскія квитанціи. Сиверсъ сомнѣвается, дошла ли въ Сибирь и четверть этого количества, остальные погибли въ дорогѣ.

Ученый Полласъ, путешествуя около того же времени по Сибири съ научной цѣлью, видѣлъ поселенія этихъ крѣпостныхъ, сосланныхъ въ Сибирь большею частью безъ вины. Эти поселенцы со слезами говорили, какъ они тоскуютъ по родственникамъ, оставшимся въ Европейской Россіи. Разлука съ родными была единственной бѣдой, которая портила ихъ положеніе въ Сибири; безъ того сосланные считали бы себя очень счастливыми, очутившись на волѣ въ Сибири, вдали отъ своихъ помѣщиковъ.

До какой степени неумѣренно пользовались землевладѣльцы этимъ правомъ, видно изъ того, что около 1772 г. въ Тобольской и части Енисейской провинціи такихъ сосланныхъ считалось 20 съ половиной тысячъ обоего пола.

Какъ судилъ и рядилъ помѣщикъ въ своемъ имѣніи? Мы можемъ составить себѣ понятіе объ этомъ по одному памятнику, который относится къ времени нѣсколько раньше царствованія Екатерины. Это наказъ для управленія имѣніями извѣстнаго генерала, героя Екатерининскаго времени, П. А. Румянцева, составленный имъ еще въ 1751 г., въ царствованіе Елизаветы, когда Румянцевъ былъ еще молодымъ офицеромъ. Этотъ наказъ цѣлый кодексъ, на основаніи котораго должны были управляться и жить крестьяне: здѣсь перечислялись виды преступленія, которые судитъ помѣщикъ, и виды наказаній, какимъ подвергаются крестьяне за проступки и преступленія. Помѣщикъ судитъ за воровство и другія уголовныя преступленія, за неисправность, за нерадѣніе къ церкви, за непочтительность къ господамъ и т. п.; наказанія, какія онъ налагаетъ, это штрафы, цѣпи, заключенія въ тюрьму, батоги, розогъ еще нѣтъ, можетъ быть, потому, что батоги были болѣе энергическимъ видомъ тѣлеснаго наказанія. Румянцевъ, очевидно, привыкъ къ военной строгости; за малый проступокъ онъ налагаетъ очень тяжелое наказаніе, за незначительную кражу у крестьянина отбираютъ все имѣніе, а самаго отдаютъ въ солдаты, безъ доклада барину. По Русской Правдѣ, подобное наказаніе носило названіе «потока и разграбленія», но оно назначалось за самыя тяжкія уголовныя преступленія: разбой, поджогъ и конокрадство; помѣщикъ XVIII в. сумѣлъ, такимъ образомъ, быть строже Русской Правды. За непосѣщеніе церкви крестьяниномъ безъ уважительной

причины полагается штрафъ—10 коп. въ пользу церкви, за обиду, нанесенную крестьяниномъ дворянину, по требованію обиженнаго, виновный подвергался батогамъ, «пока тотъ доволенъ будетъ», т. е. безъ опредѣленія границы, при томъ наказываемый долженъ былъ уплатить своему владѣльцу 2 рубля штрафа.

Наказъ Румянцева своему управляющему строгъ, но еще понятенъ. Совсѣмъ не понятенъ порядокъ, какой мы встрѣчаемъ въ одномъ любопытномъ памятникѣ, дошедшемъ отъ первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины, къ сожалѣнію, мы не можемъ назвать его автора, т. е. сказать, въ какомъ имѣніи былъ водворенъ такой строгій порядокъ; это журналъ домоваго управленія, составленный какимъ то помѣщикомъ въ 1763—65 гг. для своихъ крестьянъ. Журналъ этотъ такой же кодексъ, какъ и наказъ Румянцова; здѣсь не только за преступленія, но и за ослушанія налагалось ужасное наказаніе розгами или плетьми, при чемъ установлена была точная пропорція между количествомъ ударовъ розгами и батогами. Господинъ жилъ въ Москвѣ, куда пріѣзжали и его крѣпостные; каждый крестьянинъ или дворовый, явившись въ Москву изъ имѣнія, обязательно долженъ былъ показаться въ господскомъ домѣ. Многіе дворовые люди жили въ столицѣ, обучались ремесламъ, по праздникамъ эти крѣпостные должны были также являться на поклонъ къ помѣщику. За неявку въ первомъ или во второмъ случаѣ назначалось 1000 розогъ.

Если крестьяне или дворовые не причащались безъ уважительной причины, за это назначалось 5000 розогъ; за каждый проступокъ назначались розги тысячами, даже часто переходили за 10,000. Понятно, что высѣченный такъ жестоко долго не могъ быть способенъ къ работѣ, долженъ былъ лежать дома или въ больницѣ. Помѣщикъ боялся, что этимъ будутъ злоупотреблять, крестьяне его будутъ отлеживаться дольше, чѣмъ слѣдуетъ; онъ опредѣлилъ срокъ, сколько долженъ былъ находиться въ больницѣ наказанный: получившій 100 ударовъ плетью на дровняхъ или 17,000 розогъ могъ лежать дома или въ больницѣ не болѣе половины недѣли, получившій больше 100 ударовъ или больше 17,000 розогъ могъ лежать недѣлю. Тѣ и другіе по истеченіи указаннаго срока обязательно должны были приниматься за работу; если они передерживали сроки, то соотвѣтственно у дворовыхъ вычиталось ихъ содержаніе, при чемъ тѣ, которые передержали срокъ въ помѣщичьемъ домѣ, лишались хлѣба. Этотъ журналъ производитъ удручающее впечатлѣніе, можно даже сомнѣваться, въ здравомъ ли умѣ находился его авторъ. Помѣщичьи жестокости были нерѣдкимъ явленіемъ въ то царствованіе.Прежнія законодательства принимали мѣры противъ этого. Такъ, напримѣръ, Петръ издалъ законъ, по которому крестьяне сумасшедшаго или жестокаго помѣщика отдавались въ опеку его родственникамъ.

Екатерина уже не застала дѣйствія этого закона, крестьяне сумасшедшаго еще отдавались въ опеку, но за жестокость опеку не назначали. Впрочемъ, не принявъ мѣръ противъ жестокости, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда эта жестокость выражалась въ вопіющихъ формахъ, Екатерина наказывала иногда церковнымъ покаяніемъ, иногда ссылкой съ лишеніемъ чина, но это были рѣдкіе случаи. Чаще всего жестокому помѣщику дѣлался выговоръ отъ мѣстнаго общества; это было чрезвычайное дѣло, когда извѣстную Салтычиху за чрезмѣр-

ную жестокость подвергли пожизненному заключенію въ одномъ изъ московскихъ монастырей.

Во вторую половину XVIII в. помѣщики совершали всякія хозяйственныя операціи съ крестьянами съ землей, какъ и безъ земли, крестьяне и дворовые были обычнымъ товаромъ на тогдашнемъ рынкѣ; о продажѣ ихъ, мѣнѣ и т. д. публиковали въ газетахъ такъ же, какъ и о продажѣ всякой движимой собственности. Нерѣдко можно было тогда прочитать въ газетѣ: «за отъѣздомъ продается лошадь, двѣ горничныя дѣвушки» и т. п. Вслѣдствіе этого крѣпостная душа имѣла свою цѣну на тогдашнемъ рынкѣ и колебалась вмѣстѣ съ цѣной другихъ товаровъ. Казна, чтобы регулировать это колебаніе, обыкновенно назначала свою казенную цѣну за душу; крѣпостная душа безъ земли въ началѣ царствованія Екатерины стоила чаще всего 10 руб. т. е. 80 нынѣшнихъ; душа съ землей 30 руб., т. е. около 250 руб. Впослѣдствіи эти цѣны возвысились, благодаря учрежденію ссуднаго банка, который возникъ вмѣстѣ съ государственнымъ ассигнаціоннымъ въ 1768 г. Помѣщики могли брать изъ этого банка ссуды подъ залогъ имѣнія, платя по 51%; уплата капитала разсрочивалась на 20 лѣтъ. Благодаря этому, помѣщики могли легко достать деньги на покупку крестьянъ, это оживило торговлю крѣпостными душами, усилило спросъ на нихъ; вотъ почему онѣ вздорожали. По свидѣтельству Сиверса, въ 70 г. уже нельзя было купить крѣпостную душу съ землей за 30 руб., цѣна ея поднялась до 50; въ концѣ царствованія рѣдко можно было купить крѣпостную душу съ землей дешевле 100 р.—это равняется нашимъ 300 рублямъ.

Мы видѣли, какъ было организовано сельское хозяйство помѣщика; его характеръ и основныя черты цѣликомъ опредѣляются крѣпостнымъ правомъ. Но крѣпостное право оказало существенное дѣйствіе и на землевладѣльческое положеніе дворянства. Оно прежде всего создало своеобразныя и ненормальныя отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ. Землевладѣлецъ, освободившись отъ обязанностей государственной службы, долженъ былъ стать сельскимъ хозяиномъ; такъ какъ въ рукахъ дворянства сосредоточилось огромное количество населенной земли, которая была главнымъ источникомъ народнаго богатства, то дворянство должно было сдѣлаться главнымъ рычагомъ народнаго хозяйства. Крѣпостное право помѣшало дворянству сдѣлаться классомъ сельскихъ хозяевъ и руководителями народнаго хозяйства. На что обращена была дѣятельность землевладѣльцевъ при крѣпостномъ правѣ? На эксплуатацію земли, на сельское хозяйство? Совсѣмъ нѣтъ. Землевладѣлецъ совсѣмъ не имѣлъ побужденій стать агрономомъ, заботиться о лучшей обработкѣ земли, о примѣненіи къ ней лучшихъ сельско-хозяйственныхъ орудій и пріемовъ. Земля его населена была крѣпостными и обработана ихъ руками; вся его дѣятельность должна была обратиться на управленіе этими крѣпостными, въ особеннности при ихъ тогдашнемъ неспокойномъ настроеніи. Все сельское хозяйство, слѣдовательно, сводилось къ администраціи крѣпостныхъ душъ. Такъ смотрѣли на себя сами помѣщики второй половины XVIII в. Одинъ изъ нихъ пишетъ, что онъ смотритъ на помѣщиковъ, какъ на наслѣдственныхъ чиновниковъ, которымъ правительство, давъ землю для населенія, «ввѣрило черезъ то попеченіе о людяхъ, на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ слу-

чаяхъ отвѣтственность». Такимъ образомъ, дворянинъ изъ сельскаго хозяина превратился въ полицейскаго управителя, изъ землевладѣльца въ рабовладѣльца, онъ не эксплуатировалъ свою землю помощью крестьянскихъ рукъ, къ ней привязанныхъ, а эксплуатировалъ крестьянскія руки съ помощью земли, къ которой они были привязаны.

Далѣе, крѣпостное право оказало еще одно вредное дѣйствіе на сельское хозяйство дворянина. Сельское хозяйство невозможно безъ оборотнаго капитала, а капиталъ создается бережливостью; крѣпостныя руки замѣняли помѣщику оборотный капиталъ, поэтому отнимали побужденіе дѣлать сбереженія. Крѣпостное право создало ненормальное хозяйственное явленіе, своего рода политико-экономическій софизмъ. Мы обыкновенно строго различаемъ оборотный капиталъ и трудъ въ сельско-хозяйственномъ устройствѣ, а благодаря крѣпостному праву, крестьянскій трудъ замѣнялъ собою для помѣщика оборотный капиталъ.

Всякій разъ, когда въ имѣніи возникала у помѣщика потребность, требовавшая затраты капитала, помѣщикъ налагалъ на крѣпостныхъ новую работу, новую повинность, и тѣмъ кончалось дѣло. Нужно было возвести новую постройку, — крестьянъ наряжали безъ платы; нужно было купить сельско-хозяйственныя орудія,—на крестьянъ налагали новый сборъ; дворяне губерніи рѣшили устроить учебныя заведенія,—для этого налагали на крѣпостныхъ новый налогъ въ пользу учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, готовый даровой трудъ избавлялъ дворянское сословіе отъ необходимости сберегать. Вотъ почему крѣпостное право надо считать главной причиной того затрудненія, въ какомъ очутилось дворянство послѣ эмансипаціи: у него не оказалось оборотнаго капитала, который теперь былъ взятъ у сословія. Въ этомъ вліяніи крѣпостного права люди, наиболѣе знакомые съ дѣломъ, могли видѣть источникъ и другихъ недостатковъ сельскаго хозяйства дворянъ, этимъ объясняютъ они недостатокъ предусмотрительности, оборотливости, предпріимчивости, какъ этимъ же объясняютъ они и равнодушіе землевладѣльцовъ къ техническимъ усовершенствованіямъ въ сельскомъ хозяйствѣ, къ изобрѣтеніямъ, какія появляются въ другихъ странахъ. Помѣщикъ хорошо зналъ, какія улучшенія вводятся въ сельскомъ хозяйствѣ другихъ странъ, но ему эти улучшенія не были нужны при даровомъ трудѣ, машины оставляли бы безъ работы часть его крѣпостныхъ. Это вліяніе крѣпостного права особенно наглядно выражается въ словахъ помѣщика уже нынѣшняго столѣтія. Ему показали привезенную изъ-за границы молотилку, онъ ее одобрилъ, находя, что орудіе это вполнѣ достигаетъ своей цѣли; но помѣщикъ прибавилъ, что такія орудія ему не нужны; орудіе это одно обрабатываетъ столько, сколько дѣлаютъ десятки крѣпостныхъ рукъ, значитъ, эти десятки крѣпостныхъ остаются безъ дѣла; «введу я эту машину», говоритъ помѣщикъ, «а мои бабы что будутъ дѣлать зимою?»

Съ другой стороны, крѣпостное право неблагопріятно подѣйствовало и на хозяйство самихъ крестьянъ. Какъ скоро помѣщикъ превратился въ управителя крѣпостныхъ душъ, при томъ часто не жившаго въ имѣніи, сельское хозяйство въ имѣніи предоставлено было самимъ крестьянамъ. Они должны были эксплуатировать землю, какъ знаютъ; помѣщикъ не пришелъ къ нимъ на помощь со своей наукой или гра-

мотой, съ сельско-хозяйственной книжкой, не вооружалъ крестьянскій трудъ лучшими пріемами производства. Эксплуатація земли, предоставленная крестьянамъ, велась по старому, какъ она велась въ XVI или XVII ст., крѣпостное право помѣшало водворить въ русскомъ земледѣліи новые, лучшіе пріемы производства. Вотъ чѣмъ частью надо объяснить недостатокъ техническихъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и въ крестьянствѣ его наклонность пахать возможно больше и хуже. Это было послѣдствіемъ крѣпостного права, сказавшимся въ тѣсной сравнительно средѣ сельскаго хозяйства.

Итакъ, мы видѣли, что крѣпостное право подѣйствовало одинаково неблагопріятно, какъ на помѣщиковъ, такъ и на крестьянъ. У первыхъ оно отняло возможность, по освобожденіи отъ обязательной службы, сдѣлаться классомъ сельскихъ хозяевъ и въ то же время лишило ихъ самаго энергичнаго побужденія дѣлать сбереженія, копить оборотный капиталъ, вторыхъ—крестьянъ—крѣпостное право лишило техническаго руководства со стороны помѣщиковъ и, при недостаткѣ у послѣднихъ оборотнаго капитала, лишало ихъ также достаточнаго земледѣльческаго инвентаря; помѣщики, не сберегая сами, въ большинствѣ случаевъ не могли снабжать своихъ крѣпостныхъ достаточными земледѣльческими орудіями, вводитъ усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ.

2. Вліяніе крѣпостного права на народное хозяйство.

Крѣпостное право простираетъ свое дѣйствіе далеко за предѣлы сельскаго хозяйства; оно оказало вліяніе на народное хозяйство вообще. Къ изученію этого вліянія мы и переходимъ. Здѣсь мы вступаемъ въ область явленій, которыя становятся осязательными и понятными съ помощью цифръ. Я не безъ страха изложу вамъ рядъ цифръ, боясь напугать ихъ количествомъ. Намъ нужны не эти цифры, а выводы, какіе изъ нихъ можно сдѣлать; намъ нужно имѣть цифры передъ глазами, чтобы сдѣлать выводы; сдѣлавъ послѣдніе и запомнивъ ихъ, мы можемъ безъ грѣха забыть первыя.

Прежде всего крѣпостное право неблагопріятно подѣйствовало на географическое большинство страны. Надо знать, что не крѣпостное право создало неправильное размѣщеніе земледѣльческаго труда въ Россіи. Такое размѣщеніе было дѣломъ нашей исторіи, начатымъ задолго до крѣпостного права. Припомните, что внѣшнія обстоятельства издавна сгоняли массу русскаго населенія въ центральное пространство Европейской Россіи. Внѣшніе враги, въ борьбѣ съ которыми народъ истощилъ свои силы, заставили его подаваться съ окраинъ въ болѣе безопасный центръ, въ то пространство, которое опредѣляется теченіемъ средней и нижней Оки и верхней Волги. Но окраины, съ которыхъ должно было отступать населеніе, большей частью были плодородны, тогда какъ болѣе безопасный центръ представлялъ земледѣльцу мало плодородную почву—суглинокъ. Отсюда и вышло, что земледѣльческій трудъ долженъ былъ покинуть края, гдѣ онъ былъ бы прилагаемъ съ особенной пользой, и обратиться къ почвѣ, сравнительно меньше его вознаграждавшей. Внѣшнія обстоятельства нашей исторіи сложились такъ, что древне русскій земле-

дѣлецъ прилагалъ свой трудъ тамъ, гдѣ онъ могъ быть наименѣе производителенъ.

Вотъ неблагопріятный народно-хозяйственный результатъ, къ которому приведено было населеніе внѣшними обстоятельствами. Въ XVIII столѣтіи покинутые нѣкогда черноземные края Европейской Россіи опять были возвращены для народнаго труда, слѣдовательно, явилась возможность уничтожить ненормальное размѣщеніе земледѣльческаго населенія. Если бы ходъ народнаго хозяйства предоставленъ былъ естественнымъ условіямъ, не былъ ничѣмъ стѣсненъ, достаточно было бы, можетъ быть, двухъ-трехъ поколѣній для того, чтобы возстановить нормальное отношеніе земледѣльческаго труда къ почвѣ, т.-е. перемѣстить излишнее количество земледѣльческаго населенія изъ мало плодородныхъ мѣстностей въ болѣе плодородныя. Это нормальное отношеніе труда къ почвѣ возстановлено было бы само собою путемъ крестьянскихъ переселеній. Крестьяне сами нашли бы болѣе благопріятную для себя почву, какъ они находятъ ее теперь, что имѣло бы мѣсто, если бы передвиженіе крестьянскаго населенія не было ничѣмъ стѣснено.

Возстановилось ли это нормальное отношеніе труда къ почвѣ и въ какой степени возстановилось, по мѣрѣ того, какъ отвоевывалось у внѣшнихъ враговъ черноземное пространство южной и юго-восточной Руси? Отвѣта на этотъ вопросъ мы должны поискать въ цифрахъ статистическихъ данныхъ. Легко замѣтить, что около половины XVIII ст. нѣкоторыя губерніи Россіи неестественно густо населены, другія же, напротивъ, населены столь-же неестественно рѣдко. Напримѣръ, даже по 4-ой ревизіи, произведенной въ 1782 г., оказалось, что въ неплодородной Калужской губ. на каждую душу мужскаго пола приходилось въ губерніи почти 7 десятинъ, считая все пространство губерніи и все населеніе безъ различія классовъ. Напротивъ, въ плодородной Воронежской губ. приходилось 15 дес. на мужскую душу всего населенія губ. Итакъ, плодородная Воронежская губ. ровно вдвое рѣже населена, сравнительно съ Калужской; такъ какъ громадное большинство населенія состояло изъ крестьянъ земледѣльцевъ, то отсюда можно заключить, что на неплодородной калужской почвѣ сидѣло вдвое больше земледѣльческаго населенія, чѣмъ на плодородной воронежской. Въ какихъ явленіяхъ можно видѣть доказательство того, что возстановляются нормальныя отношенія труда къ почвѣ? Если трудъ имѣлъ возможность передвигаться туда, гдѣ онъ могъ быть прилагаемъ съ наибольшею производительностью, то мы должны были бы увидѣть, что земледѣльческое населеніе быстро растетъ въ черноземныхъ губерніяхъ, большая часть которыхъ была пріобрѣтена для государства; напротивъ, населеніе должно было бы убывать въ неплодородныхъ центральныхъ губ. Принявъ во вниманіе разницу въ плодородіи почвы здѣсь и тамъ, мы должны бы ожидать, что умноженіе земледѣльческаго населенія на югѣ должно итти въ усиленной прогрессіи. Обращаясь къ даннымъ, мы встрѣчаемъ явленія, которыя не оправдываютъ этихъ ожиданій. Возьмемъ цифры 3-ей ревизіи, произведенной въ началѣ царствованія Екатерины (1761—67 гг.). Въ Калужской губерніи сельское населеніе, по даннымъ этой ревизіи, составляло 93% всей массы населенія губерніи; на каждую сотню обывателей губ. приходилось 93 сельскихъ жителя, т.-е. крестьянъ и дворовыхъ. Въ

Воронежской губ. сельское населеніе составляло 96°/₀, если только не меньше, т.-е., если только можно положиться на данныя ревизіи. Какая разница въ почвѣ той и другой губерніи и какой незначительный излишекъ въ процентѣ сельскаго населенія для Воронежской губ. сравнительно съ Калужской.

Далѣе, если бы народный трудъ размѣщался свободно, мы бы замѣтили, что въ центральныхъ губ., гдѣ преимущественно развивались городскія ремесла и фабричная промышленность, постепенно и быстро стало бы возрастать населеніе городское на счетъ сельскаго; напротивъ, въ черноземныхъ губерніяхъ, удаленныхъ отъ искусственныхъ, удобныхъ путей сообщеній, какъ и отъ главныхъ мѣстъ сбыта, городское населеніе должно было бы расширяться съ меньшей быстротой, уступать въ этомъ населенію сельскому. Этого надо было ожидать при естественномъ развитіи народнаго хозяйства. Обратимся опять къ даннымъ, чтобы видѣть, оправдываются-ли эти ожиданія; возьмемъ ту же губ. Калужскую и сравнимъ въ ней отношенія городского населенія къ сельскому по 4-ой и 6-ой ревизіи: 4-ая ревизія продолжалась съ 1782 по 1787 гг.; 6-ая ревизія начата была въ 1811 г., наканунѣ нашествія французовъ, и кончена вскорѣ послѣ ихъ изгнанія въ 1813 г.; слѣдовательно, разстояніе между обѣими ревизіями 30 л. По 4-ой ревизіи, въ Калужской губерніи крестьянъ въ 12 разъ больше, чѣмъ городского населенія (купцовъ, мѣщанъ, разночинцевъ, т.-е. свободныхъ обывателей, не платившихъ податей, но не принадлежавшихъ ни къ дворянству, ни къ духовенству). При естественномъ движеніи народнаго хозяйства мы должны были бы ожидать, что во время 6-ой ревизіи эта пропорція уменьшится въ пользу городского населенія, т.-е., что крестьянъ въ Калужской губ. окажется не въ 12 разъ больше горожанъ, а меньше. По 6-й ревизіи узнаемъ, что сельскаго населенія, т.-е. казенныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ, въ 16 разъ больше, чѣмъ горожанъ. На калужскомъ суглинникѣ и песчанникѣ оказалось къ 6-ой ревизіи больше земледѣльцевъ, сравнительно съ горожанами, чѣмъ даже 30 л. назадъ. Это произошло не отъ того, что крестьянъ стало больше, а отъ того, что количество горожанъ уменьшилось. Такое странное явленіе не повторяется во всѣхъ губерніяхъ; въ Московской, напр., видимъ обратное явленіе. Московская губ. тогда была центромъ городского ремесла и фабричной промышленности, здѣсь, надо думать, городъ долженъ былъ успѣшнѣе воевать съ подавленными количественно селами. По 4-ой ревизіи, сельскаго населенія въ Московской губ. въ 15 разъ больше, чѣмъ городского (это много: здѣсь, вѣдь, въ этой губ. находится столица, одинъ изъ самыхъ населенныхъ городовъ), по 6-ой ревизіи сельскаго населенія въ 8 разъ больше, чѣмъ городского; 5°/₀ городъ отвоевалъ у села, и то хорошо.

Теперь обратимся къ черноземнымъ губерніямъ. Тамъ должно быть обратное явленіе; тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе должно было увеличиваться количественное преобладаніе сельского населенія надъ городскимъ. Припомните, что промышленное и торговое движеніе искусственными средствами съ Петра направлено было къ гавани Балтійскаго моря, къ новой столицѣ, выстроенной въ сѣверо-западномъ углу имперіи, притомъ, въ продолженіе большей части царствованія Екатерины Черное море еще не было открыто для русской торговли,

по крайней мѣрѣ, не было вполнѣ безопасно, слѣдовательно, черноземная полоса Россіи еще не имѣла свободной проторенной дороги къ черноморскимъ рынкамъ, а рынки балтійскіе были для нея слишкомъ отдалены. Здѣсь, слѣдовательно, должно было успѣшно развиваться сельское населеніе, отливая отъ центра. Въ Воронежской губ. по 4-ой ревизіи сельскаго населенія въ 24 раза больше чѣмъ городского; по 5-ой ревизіи въ 50 разъ больше; здѣсь черноземъ удачно воюетъ съ городомъ, преимущественно привлекая къ себѣ народный трудъ. Харьковская губ. должна бы представлять еще болѣе крупные результаты этого торжества села надъ городомъ, однако, здѣсь успѣхи его были менѣе значительны; по 4-ой ревизіи сельскаго населенія только въ 14 разъ больше городского, это, какъ мы видимъ, почти московская пропорція. Къ 6-ой ревизіи черноземъ здѣсь сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи, но незначительные, сравнительно съ успѣхами Воронежской, сельскаго населенія здѣсь оказывается въ 19 разъ больше городского. Видите, что народный трудъ стремился размѣститься естественнѣе прежняго, стремился найти себѣ благородную почву, мѣсто, гдѣ онъ могъ быть производительнѣе. Однако, возстановленіе нормальнаго отношенія, какъ вы видите, шло неправильно, неравномѣрно. Въ губерніяхъ, одинаковыхъ по плодородію, земледѣльческій трудъ торжествовалъ надъ городскимъ не съ одинаковымъ успѣхомъ.

Что же мѣшало болѣе равномѣрному и правильному размѣщенію земледѣльческаго труда съ половины XVIII вѣка? Мы поймемъ условія, которыя мѣшали этому, какъ скоро разсмотримъ соціальный составъ населенія въ разныхъ губерніяхъ. Дѣло въ томъ, что крѣпостное право населеніе съ наибольшей густотой сосредоточивалось въ самомъ центрѣ государства, на неплодородномъ суглинкѣ. До новаго раздѣленія Россіи по губерніямъ, по учрежденіямъ 1775 г., Московская губ. представляла область вмѣщавшую въ себѣ нѣсколько позднѣйшихъ губерній, именно, она состояла изъ губ. Московской и сосѣднихъ, кромѣ Тверской и Смоленской, но со включеніемъ Костромской и Ярославской. Въ этой центральной губерніи государства, по 3-ей ревизіи, только въ этой губерніи жило болѣе трети всего крѣпостного населенія имперіи; поэтому и въ Калужской губ. мы встрѣчали огромный процентъ крѣпостного населенія; оно простиралось до 83% всего податнаго населенія губерніи; на 100 ревизскихъ душъ въ этой губерніи приходилось 83 крѣпостныхъ. Совсѣмъ другое явленіе представляла тогда губернія Воронежская, тамъ на 100 ревизскихъ душъ считалось 37 крѣпостныхъ. Далѣе, мы не только не замѣчаемъ убыли крѣпостного населенія въ центральныхъ губерніяхъ по разнымъ ревизіямъ, но даже видимъ, что оно какъ будто растетъ въ нихъ. Напримѣръ, въ Московской и сосѣднихъ губерніяхъ по 2-ой ревизіи, которая была въ началѣ царствованія Елизаветы, крѣпостное населеніе составляло 70% всего податного населенія, по 5-ой ревизіи оно составляло здѣсь уже 74%. Напротивъ, крѣпостное населеніе, сравнительно съ некрѣпостнымъ, въ плодотворныхъ губерніяхъ какъ будто становится еще меньше въ XVIII в. Напримѣръ, въ Орловской и Курской губерніяхъ по 2-ой ревизіи крѣпостного населенія считалось 58%; а по 5-ой всего 56%. Что это значитъ? Плодородныя южно-русскія пустыни начали населяться при Екатеринѣ; но кѣмъ онѣ заселяются? Очевидно, туда преимущественно текло то кресть-

янское или вообще рабочее населенie, которое оставалось внѣ крѣпости, т. е. то были преимущественно государственные крестьяне и всѣ вольные городскie люди. Очевидно, землевладѣлецъ, такъ давно и прочно усѣвшiйся въ центральной губернiи, не выпускалъ крѣпостного на южно-русскiй черноземъ, если только не прiобрѣталъ тамъ имѣнiя. Онъ не могъ забывать о томъ, что на верхне—волжскомъ суглинкѣ крестьянскiй трудъ менѣе производителенъ; вѣдь она самъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, онъ облагалъ души оброкомъ, и предоставлялъ крестьянамъ добывать средства для уплаты этого оброка, какъ знаютъ. Вотъ чѣмъ объясняются и незначительная убыль крѣпостного процента въ Московской губернiи и даже прибыль его въ губернiи Калужской. Обѣ эти нечерноземныя губернiи принадлежали къ числу самыхъ крѣпостныхъ, слѣдовательно, здѣсь масса крѣпостного населенiя наиболѣе задерживалась, не могла передвигаться на южно-русскiй черноземъ.

Эта причина, мѣшавшая возстановленiю нормальнаго отношенiя сельскаго труда къ почвѣ, долго, до послѣднихъ годовъ, сохранила свои дѣйствiя. Возьмите данныя, относящiяся къ первымъ годамъ послѣ крестьянской эмансипацiи, и взгляните на размѣщенie крѣпостного населенiя по разнымъ губернiямъ. Вы увидите, что оно размѣщалось приблизительно такъ же, какъ и въ XVIII вѣкѣ, т. е. безъ всякаго соотвѣтствiя съ качествомъ почвы. Мы должны были бы думать, что чѣмъ выгоднѣе почва, тѣмъ болѣе привлекаетъ она къ себѣ частныхъ капиталистовъ, т. е. тѣмъ болѣе должно было явиться земель въ частномъ дворянскомъ владѣнiи и, слѣдовательно, тѣмъ больше должно было бы быть тамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но мы знаемъ, что дворянское землевладѣнie развивалось не по качеству, а по государственнымъ потребностямъ, что оно было гуще тамъ, гдѣ нуженъ былъ дворянинъ (точнѣе, —его боевыя руки) и рѣже тамъ, гдѣ онъ былъ не нуженъ государству. Въ 1858 г. была кончена послѣдняя ревизiя, слѣдовательно, данныя этой ревизiи представляютъ размѣщенie сельскаго населенiя наканунѣ освобожденiя крестьянъ. Отсюда мы узнаемъ, что въ Воронежской губернiи крѣпостныхъ было тогда 27% всего населенiя губернiи, въ Калужской, напротивъ 62%, въ Смоленской самой скудной по почвѣ, крѣпостного населенiя считалось 69%, а въ Харьковской принадлежащей къ числу самыхъ плодородныхъ, всего 30%. Такимъ образомъ, крѣпостное право задерживало насильственно крѣпостное населенie на старыхъ, менѣе плодородныхъ мѣстахъ, не позволяло ему передвигаться на мѣста болѣе плодородныя съ тѣхъ поръ, какъ эти мѣста были отвоеваны у татаръ. Если бы мы имѣли достаточно точныхъ данныхъ, мы вѣрно увидѣли бы, что и теперь еще чувствуется въ народномъ хозяйствѣ это неблагопрiятное дѣйствie крѣпостного права. Теперь обратимся къ другому послѣдствiю, которое обнаружилось въ развитiи собственно городского населенiя.

Я напередъ обозначу вредное дѣйствie, какое оказало крѣпостное право на городское населенie: оно подорвало ростъ городского населенiя, успѣхи городскихъ ремеслъ и фабричныя производства. Въ началѣ XVIII ст., когда еще заводились новые роды промышленности, городское населенie составляло очень незначительную долю всей массы населенiя въ государствѣ; именно, по первой ревизiи городскихъ тор-

гово-промышленныхъ обывателей (купцовъ, цеховыхъ и мѣщанъ) насчитывалось болѣе 172 тыс. душъ на 6 почти милл. всего податного населенія имперіи; значитъ городской торгово-промышленный классъ составлялъ едва $^1/_{34}$ долю всего податного населенія. Петръ очень много заботился о развитіи городскихъ промышленниковъ и ремесленниковъ, т. е. развитіи городского класса, но дѣло его не было продолжено его преемниками; городское ремесло и фабричное производство падаютъ послѣ него. Петру, помощью казенныхъ субсидій и принужденій, удалось образовать небольшой кружокъ крупныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ; но этотъ кружокъ не разростается послѣ него. Русская промышленность и торговля, о которыхъ такъ хлопоталъ Преобразователь, послѣ него не становится на свои ноги и попадаетъ въ руки иностранныхъ капиталистовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становится замѣтно, что внутренними ремеслами руководятъ иностранныя фирмы. Въ царствованіе Екатерины это господство иноземныхъ капиталовъ становится даже подавляющимъ; всѣ крупные обороты находятся въ рукахъ преимущественно голандскихъ капиталистовъ. Петру удалось создать значительное преобладаніе вывоза надъ ввозомъ, это преобладаніе остается и послѣ него. До конца XVIII ст. Россія вывозила за границу значительно больше товаровъ, чѣмъ привозила, но барышъ, какой происходилъ отъ этого преобладанія, доставался не русскому труду, а шелъ въ руки руководителей иностранцевъ-капиталистовъ. Вотъ почему мы не замѣчаемъ значительнаго роста городского, промышленно - ремесленнаго класса со смерти Петра. Мы видѣли, что этотъ классъ по 1-ой ревизіи составлялъ едва $^1/_{34}$ часть всего податного населенія. Въ 1769 г. насчитано было городскихъ обывателей 228 тыс. ревизскихъ душъ; сравнивая эту цифру съ количествомъ податного населенія въ то время, находимъ, что она составляетъ также едва $^1/_{34}$ долю; городской классъ со смерти Петра въ продолженіе почти полувѣка не дѣлалъ замѣтныхъ успѣховъ.

Екатерина много хлопотала о, такъ называемомъ, «третьемъ сословіи». Это третье сословіе, т. е. городское, промышленно-ремесленное, тогда, какъ извѣстно, было моднымъ словомъ въ западной Европѣ; о немъ много писали въ тѣхъ книжкахъ, которыя читала Екатерина; на третьемъ сословіи покоились всѣ надежды тогдашнихъ либераловъ. Понятны заботы, какія прилагала Екатерина къ развитію этого класса. Слѣды этой заботы встрѣчаются и въ любопытной перепискѣ ея, съ ея французской знакомой М-мъ Жофренъ. Эта дама, пропитанная вся политико-экономическими идеями времени, неотступно просила Екатерину позаботиться о созданіи третьяго сословія въ Россіи. Екатерина ей отвѣчала: «обѣщаю вамъ, М-мъ, еще разъ позаботиться объ этомъ, но какъ же мнѣ трудно будетъ устроить это третье сословіе въ Россіи». Мы не можемъ опредѣлить, на сколько успѣхи, сдѣланные городскимъ классомъ при Екатеринѣ, произошли отъ ея заботъ, насколько имъ была обязана Россія естественному ходу дѣлъ, однако, эти успѣхи становятся замѣтны, только они не оправдываютъ нашихъ ожиданій, какъ не оправдали ожиданій М-мъ Жофренъ. Къ концу царствованія Екатерины городскихъ обывателей считалось до 755 тыс. ревизскихъ душъ, сравнивъ эту цифру съ податнымъ населеніемъ имперіи, считаннымъ 5-ой ревизіей узнаемъ, что

городской классъ составлялъ $^1/_{25}$ всего податного населенія имперіи.

Разсматривая причины такого тугого развитія городского класса, мы должны поставить на первомъ мѣстѣ крѣпостное право; оно имѣло двоякое дѣйствіе на успѣхи городского класса, какъ и городской промышленности. Прежде всего, оно создавало опасныхъ соперниковъ городскому производству; каждый значительный помѣщикъ, основавшійся въ своемъ селѣ или своемъ городскомъ домѣ, спѣшилъ обзавестись всѣми удобствами, пользуясь крѣпостнымъ трудомъ. Изъ крѣпостного населенія онъ создавалъ себѣ всякихъ ремесленниковъ и мастеровъ, начиная отъ кучера и кузнеца и кончая живописцемъ, музыкантомъ, артистомъ и даже учителемъ дѣтей. Такимъ образомъ, крѣпостное село со своимъ дворовымъ ремесломъ явилось соперникомъ города съ его свободнымъ городскимъ ремесломъ. Вслѣдствіе этого у городского промышленнаго труда исчезъ наиболѣе зажиточный и крупный потребитель, какимъ былъ дворянинъ. Дворянину мало нуженъ былъ городской магазинъ, то, что могъ онъ здѣсь получить, большею частью доставляло ему дворовое ремесло; то, что не могло ему доставить послѣднее, доставлялъ иностранецъ. На помѣщика одно дѣлалъ дворовой ремесленникъ, а другое ремесленникъ парижскій; свой русскій, городской ремесленникъ, оставался безъ хорошаго заказчика. Съ другой стороны, чѣмъ больше развивалась власть помѣщика надъ личностью крестьянина, тѣмъ больше стѣснялась свобода послѣдняго въ распоряженіи движимымъ имуществомъ, при чемъ это движимое имущество, благодаря возвышавшимся помѣщичьимъ требованіямъ, становилось все скуднѣе, крестьянинъ все меньше потреблялъ въ городѣ, потому что имѣлъ и меньше свободы для этого, и меньше средствъ. Одновременно съ исчезновеніемъ крупныхъ и зажиточныхъ заказчиковъ у городского труда исчезли и потребители мелкіе, но многочисленные. Вотъ чѣмъ объясняются незначительные успѣхи городского класса и промышленнаго ремесленнаго труда въ продолженіе XVIII ст.

Это вредное вліяніе крѣпостного права живо чувствовали наблюдатели того времени. Одинъ изъ нихъ, нашъ русскій посолъ въ Парижѣ, кн. Дмитрій Голицынъ, много занимавшійся политико-экономическими вопросами, въ письмахъ своихъ замѣчаетъ, что торговля не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ крестьяне лишены права собственности на свое движимое имущество. Онъ ставилъ успѣхъ торговли въ прямую связь съ имущественной свободой крестьянъ; онъ указываетъ и на соперничество ремесла двороваго съ городскимъ народнымъ трудомъ. Онъ говоритъ: „если въ обѣихъ столицахъ исключить барскіе дома съ ихъ дворовыми ремесленниками, сколько останется людей, на которыхъ могъ бы работать ремесленникъ городской? Таковы послѣдствія крѣпостного права, сказавшіяся въ области народнаго хозяйства. Я остановилъ васъ на нихъ, заставивъ выслушать нѣсколько мелкихъ подробностей и статистическихъ данныхъ, такъ какъ считаю очень важнымъ это вліяніе крѣпостного права. Часто въ организмѣ чувствуется какая то неловкость, которую однако же трудно опредѣлить неловкость эта происходитъ отъ скрытаго недуга, который распознать можно только внимательной и тонкой діагнозой; то же самое бываетъ и съ обществами, которыя не даромъ называютъ соціальными организмами. Въ продолженіе XVIII в. не было минуты, когда бы рус-

ское общество чувствовало себя по себѣ, и рѣдко удавалось опредѣлить источникъ этого чувства; очевидно, оно происходило отъ какого-нибудь скрытаго недуга соціальнаго. Этимъ недугомъ было крѣпостное право.

3. Вліяніе крѣпостного права на государственное хозяйство.

Приведенныя мною данныя бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на то, какъ строилось русское общество XVIII в. подъ вліяніемъ восторжествовавшаго крѣпостного права. Мы видѣли, какъ это строеніе было неправильно, какъ оно опредѣлялось старыми искусственными условіями; теперь мы поймемъ и вліяніе крѣпостного права на государственное хозяйство, говоря проще, на финансы.

Государственное хозяйство всегда отражаетъ состояніе хозяйства народнаго; послѣднее относится къ первому, если позволите выразиться, какъ кровообращеніе къ кожѣ: если кровообращеніе правильно, если кровь здорова, это здоровье отражается и въ наружныхъ покровахъ; какъ скоро портится кровь, сейчасъ же то обнаруживается и на кожѣ. То же представляетъ исторія государственнаго хозяйства въ Россіи. Не смотря на значительныя средства, которыми располагало правительство, русскіе финансы XVIII в., какъ и послѣ, всегда составляли самое больное мѣсто государственнаго организма, въ этомъ сказалось неправильное движеніе народнаго хозяйства. При Петрѣ государство, какъ извѣстно, получало свои доходы изъ двухъ главныхъ источниковъ; однимъ служилъ налогъ на трудъ и на капиталъ, независимо отъ оборотовъ послѣдняго, это налогъ личный; другой источникъ—налогъ на оборотъ капитала или, какъ чаще говорятъ политико-экономы, налогъ на потребленіе, независимо отъ личнаго труда и капитала. Первый родъ налоговъ называется прямымъ, второй косвеннымъ. При Петрѣ налоги, прямой и косвенный, были почти одинаково обильными источниками государственныхъ доходовъ. Не имѣя точныхъ данныхъ, мы можемъ приблизительно думать, что послѣ первой ревизіи путемъ прямыхъ налоговъ получили почти столько же, сколько путемъ налоговъ косвенныхъ. Петръ, заботясь о развитіи промышленности и торговли, довольно замѣтно обнаруживалъ стремленіе дать перевѣсъ въ государственномъ хозяйствѣ налогу косвенному, который тогда считался менѣе обременительнымъ, слѣдовательно, болѣе хозяйственнымъ; но онъ не достигъ этой цѣли. Народно-хозяйственные обороты послѣ него развивались туго, если только развивались, а не падали. Довольно осязательнымъ признакомъ этого тугого развитія оборотовъ служитъ исторія прямыхъ налоговъ въ XVIII ст.; не смотря на постоянное увеличеніе государственныхъ расходовъ и даже на упадокъ курса денегъ, прямой налогъ увеличивается чрезвычайно медленно. Какъ мы знаемъ, подушная подать, по первой ревизіи, простиралась до 74 коп. съ души, что равняется нашимъ пяти рублямъ. Послѣ Петра этотъ окладъ былъ нѣсколько уменьшенъ, назначенъ ровно въ 7 гривенъ; этотъ подушный окладъ оставался неизмѣннымъ до 1784 года, когда его возвысили до рубля. Это былъ трудный шагъ, показывавшій, какъ государство стѣснено было въ возра-

станіи прямыхъ налоговъ. Далѣе, кромѣ однообразнаго 7-ми гривеннаго оклада, нѣкоторые плательщики обложены были оброкомъ, замѣнявшимъ доходъ съ крѣпостныхъ въ пользу ихъ владѣльца, это былъ оброкъ съ дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ, какъ и съ городскихъ обывателей, не состоявшихъ въ личной крѣпости. Этотъ оброкъ, по первой ревизіи, былъ опредѣленъ для государственныхъ крестьянъ въ 40 коп., а для городскихъ обывателей, вмѣстѣ съ подушнымъ окладомъ, въ 1 р. 20 к., т. е. оброкъ съ городского обывателя 48 коп. Въ XVIII в. и этотъ добавочный сборъ возвышался очень медленно; только въ 1760 г. увеличили до 1 р. Екатерина въ 1783 г. подняла его до 3 руб. и только.

Очевидно, государство не расчитывало на успѣхъ сбора при болѣе сильномъ возвышеніи. Что стѣсняло его при его увеличивающихся потребностяхъ? Неужели народный трудъ такъ слабо увеличилъ свой оборотъ, такъ мало возрасло его производство, что правительство въ продолженіе 100 лѣтъ не отважилось даже удвоить подушнаго налога? Въ крѣпостномъ правѣ мы находимъ объясненіе этой финансовой робости правительства. Можетъ быть, трудъ сталъ доходнѣе, но изъ этой доходности казна не могла извлечь себѣ выгоды; между народнымъ трудомъ и казной сталъ неудобный посредникъ — душевладѣлецъ дворянинъ; онъ и перехватывалъ у народнаго труда всѣ излишки, какіе оказывались при успѣхѣ народнаго хозяйства; перехватывая ихъ, онъ не давалъ возможности казнѣ пользоваться ими. Мы знаемъ, что помѣщику предоставлено было неограниченное право облагать крѣпостныхъ людей платежами и работами; чѣмъ болѣе крѣпостной трудъ становился производителенъ, тѣмъ болѣе возрастали требованія этого владѣльца. Государственное казначейство не получало отъ народнохозяйственныхъ успѣховъ значительной прибыли. Надо припомнить, что крѣпостное населеніе въ имперіи около половины XVIII в. составляло почти половину всего населенія имперіи (около 50%), и значительно большую половину всего податного населенія (около 60%)

При такой невозможности напрягать народный трудъ путемъ прямыхъ налоговъ, какое оставалось у правительства средство выйти изъ финансоваго затрудненія? Крѣпостное право начало дѣйствовать въ полномъ своемъ развитіи съ половины XVIII в., преимущественно съ царствованія Екатерины. Любопытны два средства, къ которымъ обращалось правительство, чтобы вознаградить себя за невозможность возвышать прогрессивно прямые налоги. Если нельзя было увеличить прямого налога, нужно было обратиться къ косвеннымъ налогамъ; но возвышеніе косвеннаго налога возможно только тогда, когда развивается народный оборотъ, т. е. увеличивается народный капиталъ, и капиталъ этотъ начинаетъ работать живѣе. Ни того, ни другого незамѣтно въ царствованіе Екатерины. Какой же источникъ оставался у государства для удовлетворенія его возраставшихъ потребностей? Средство, которымъ пользовалось правительство Екатерины, въ высшей степени характерно для государственнаго хозяйства того времени.

Въ началѣ царствованія Екатерины подушный налогъ съ оброкомъ составлялъ меньше половины всего государственнаго дохода; такъ, напр., въ 1764 г. изъ этого финансоваго источника казна получила съ небольшимъ 9 мил., весь же ея доходъ простирался до

21 мил. Екатерина ввела новость въ одномъ косвенномъ налогѣ, въ казенной монополіи: продажа вина была отдана на откупъ. Въ началѣ царствованія Екатерины винный откупъ давалъ 5 съ небольшимъ мил. руб., какъ мы видимъ, почти вдвое меньше, сравнительно съ общей суммой прямыхъ налоговъ. Постепенно откупные оклады возвышаются въ царствованіе Екатерины, и винный доходъ растетъ съ ужасной быстротой; довольно нѣсколько цифръ, чтобы видѣть это. Въ 1787 г., какъ видно изъ обнародованныхъ теперь финансовыхъ вѣдомостей за все царствованіе Екатерины, государственный доходъ простирается почти до 43 милл.; подушнаго сбора въ томъ числѣ около 8 милл.; питейный же доходъ давалъ 9 милл. Питейный доходъ переросъ уже подушный сборъ (въ составъ этихъ 2 милл. подушнаго сбора не входитъ добавочный сборъ, т. е. имѣется въ виду только 7-ми гривенный окладъ). Въ 1795 г. государство получало уже 68 милл. Подушный окладъ былъ возвышенъ до 1 руб.; этотъ доходъ давалъ государству съ небольшимъ около 11 милл.; питейный доходъ считался въ 24 милл. Вотъ въ какой пропорціи съ подушнымъ окладомъ растетъ этотъ косвенный налогъ: въ началѣ царствованія даетъ вдвое меньше, чѣмъ подушный сборъ, потомъ нѣсколько больше, чѣмъ послѣдній, а въ концѣ царствованія болѣе, чѣмъ вдвое переросъ подушный сборъ. Таково было одно средство, которымъ пользовалось правительство, чтобы выйти изъ затрудненій. Какъ извѣстно, ростъ питейнаго дохода не можетъ служить знакомъ увеличенія народно-хозяйственнаго оборота; это знакъ страсти или несчастія, а не знакъ развитія народно-хозяйственнаго оборота; не имѣя возможности расширить этотъ послѣдній источникъ, государство съ особенной заботливостью разрабатываетъ источникъ очень опасный—страсть.

Другимъ характернымъ финансовымъ средствомъ былъ государственный кредитъ. Старыя русскія правительства почти не знали этого средства. Разъ царь Алексѣй Михайловичъ попробовалъ это, выпустивъ на время мѣдныя ассигнаціи; но операція сопровождалась такими тревожными послѣдствіями, что правительство, послѣ прекращенія ея, долго къ ней не обращалось. Петръ, не желая знать государственнаго кредита, расплачивался чистыми деньгами, расходуя, сколько было въ казнѣ, или переставая платить, когда въ казнѣ ничего не оказывалось. Въ царствованіе Екатерины, когда политико-экономическія и финансовыя идеи Запада стали сильно распространяться въ Россіи, государство обратилось къ этому средству. Екатерина стала первая занимать. Въ 1768 г., въ началѣ 1-ой турецкой войны, былъ учрежденъ государственный ассигнаціонный банкъ; онъ выпустилъ на 1 милл. рублей бумажныхъ денегъ—ассигнацій. Потребность въ бумажныхъ деньгахъ чувствовалась на рынкѣ: для мелкаго труда была тяжела мелкая монета, ее было полезно замѣнить денежными знаками. Правительство положило въ банкъ фондъ тоже на 1 милл. рублей; значитъ, размѣнъ ассигнацій былъ вполнѣ обезпеченъ. Вотъ почему ассигнаціи ходили на рынкѣ по одной цѣнѣ съ серебряными деньгами; онѣ были даже нѣсколько дороже мѣдныхъ денегъ и давали лажъ. Итакъ, мѣра, предпринятая въ 1768 г., была только выгодна для народнаго оборота. Потомъ выпускъ ассигнацій усилился; въ 1774 г. пущено было въ оборотъ уже 20 милл. бумажныхъ денегъ. Какъ извѣстно, это очень выгодное, но опасное

средство для казначейства; здѣсь легко переполнить мѣру и изъ средства облегченія для народнаго оборота создать средство обремененія для народнаго труда. Начиная 2-ую турецкую войну, правительство, не имѣя наличныхъ средствъ, рѣшило энергически пользоваться кредитомъ и выпустило уже бумажныхъ денегъ на 100 милл. Впрочемъ, въ манифестѣ, сопровождавшемъ этотъ выпускъ, Екатерина давала торжественное обѣщаніе не увеличивать бумажныхъ денегъ ни на 1 коп. Къ концу 2-ой турецкой войны, какъ извѣстно, очень дорогой, на рынкѣ обращалось уже 150 милл. рублей бумажныхъ денегъ; къ концу царствованія это количество было сокращено до 83 милл. Однако, выпущенная масса бумажныхъ денегъ почувствовалась на рынкѣ и сопрождалась упадкомъ бумажнаго рубля. Въ продолженіе турецкой войны бумажный рубль падалъ до 40 коп. Къ концу царствованія Екатерины установился курсъ рубля въ 68 коп., т. е. съ потерей въ 32%; недостающіе проценты должны были возмѣщаться усиленіемъ прямыхъ или косвенныхъ налоговъ.

Такъ при Екатеринѣ создался внутренній долгъ, представленный бумажными деньгами; этотъ долгъ безпроцентный. Но Екатерина должна была обращаться и къ заграничнымъ банкамъ, т. е. дѣлать внѣшніе займы на довольно тяжелыхъ условіяхъ. За границей не питали довѣрія къ русскому государственному хозяйству; во время семилѣтней войны императрица Елизавета напрасно выпрашивала у американскихъ банкировъ 2 мил. денегъ взаймы; ей никто не далъ. Екатеринѣ давали взаймы, но на тяжелыхъ условіяхъ. Къ концу царствованія внѣшняго долга накопилось 44 мил.; на покрытіе процентовъ по этому долгу государство ассигновало ежегодно уже безъ малаго 5 мил. руб. Если мы сосчитаемъ внѣшній и внутренній долгъ, мы опредѣлимъ сумму, которую правительство забрало въ долгъ у будущаго, ибо задолжавшее государство какъ бы забираетъ въ долгъ у дальнѣйшихъ поколѣній часть ихъ имущества. Внѣшній долгъ въ 44 мил., сложенный съ 82 мил. долга внутренняго, составлялъ сумму въ 126 мил., а государство въ концѣ царствованія Екатерины въ послѣдніе годы получало доходъ среднимъ числомъ 65 мил., т. е. Екатерина, оканчивая свое царствованіе, забрала у потомства 2 бюджетныхъ года.

Таковы были два средства, къ которымъ обращалось казначейство при Екатеринѣ; оба средства были тяжелы: одно обременительно для будущаго, другое разорительно для настоящаго, потому что успѣхъ откупного дохода, очевидно, пріобрѣтался не путемъ обремененія народнаго труда, а путемъ усиленнаго расходованія самыхъ производительныхъ силъ народа; чѣмъ больше росъ этотъ доходъ, тѣмъ меньше становилась народная способность къ производительному труду. Очевидно, оба эти опасныя средства необходимы были для правительства за отсутствіемъ другихъ источниковъ дохода, а другіе источники дохода были закрыты крѣпостнымъ правомъ.

Теперь, разсмотрѣвъ вліяніе крѣпостного права на народное и государственное хозяйство, мы должны обратиться къ такимъ сферамъ народной жизни, куда еще не заглядывали, изучая царствованіе Екатерины: именно къ умственной и нравственной жизни общества. Вліяніе крѣпостного права, не только косвенно, но и прямо мы замѣтимъ и въ этихъ интимныхъ сферахъ народной жизни.

Умственная и нравственная жизнь общества.

Намъ остается теперь изучить послѣдствія, какія вышли изъ крѣпостного права для умственной и нравственной жизни тогдашняго общества, мы входимъ въ область наиболѣе сложныхъ и въ то же время наименѣе осязательныхъ явленій. Черты, которыя характеризуютъ умственную и нравственную жизнь тогдашняго общества, при первомъ взглядѣ на нихъ покажутъ очень мало родства съ крѣпостнымъ правомъ; что общаго было, повидимому, между екатерининскимъ вольтеріанствомъ и порядкомъ, заведеннымъ крѣпостнымъ правомъ? А между тѣмъ и крѣпостные нравы и вольтеріанство шли изъ одного и того же источника. Явленія, въ которыхъ сказывалась умственная и нравственная жизнь русскаго общества, были тѣсно связаны съ тѣмъ положеніемъ, какое создано было для дворянства крѣпостнымъ правомъ; это право въ первое время и уединило дворянство и сдѣлало его празднымъ. Въ странѣ, гдѣ господствующій классъ общества сосредоточиваетъ въ себѣ и политическія привилегіи, и экономическія средства, этотъ классъ долженъ быть очень занятъ; политическія привилегіи должны его вовлекать въ политическія дѣла страны, чтобы руководить обществомъ, во главѣ котораго онъ стоитъ; экономическія средства, если это господствующій капиталъ въ странѣ, должны задавать ему большую хозяйственную работу. Въ рукахъ русскаго дворянина второй половины XVIII в. было и то и другое, и привилегія, и господствующій капиталъ страны, т. е. землевладѣніе. Дворянству открыто было широкое участіе въ управленіи государствомъ, именно, въ областномъ, въ то же время, владѣя большею частью доходной земли въ странѣ, оно должно было регулировать народное хозяйство. Но крѣпостное право помѣшало ему стать дѣйствительно занятой силой въ томъ и другомъ порядкѣ отношеній.

Предоставленное дворянству участіе въ мѣстномъ управленіи уже при Екатеринѣ перестало быть серьезнымъ дѣломъ. превратилось въ карикатуру. Это дворянское самоуправленіе вело только къ періодическимъ съѣздамъ дворянъ въ уѣздныя и губернскія собранія, къ празднествамъ и избирательнымъ интригамъ. Само дворянство принимало очень мало участія въ мѣстныхъ дѣлахъ: разъ въ три года оно съѣзжалось, чтобы выбрать мѣстныхъ управителей, засѣдателей, исправниковъ и т. п., и потомъ до слѣдующаго съѣзда складывало руки. Сами эти избираемые представители дворянства вмѣстѣ съ коронымъ, но дворянскимъ губернаторомъ были нужны дворянству не столько для того, чтобы руководить дѣлами общества, сколько для того, чтобы поддерживать порядокъ, сдерживать неспокойныхъ крестьянъ въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ; оно не руководило своими избранными, а выбирало послѣднихъ, чтобы обезпечить себѣ спокойный сонъ. Такимъ образомъ предоставленное дворянству участіе въ мѣстномъ управленіи не задало сословію серьезнаго общественнаго дѣла.

Кромѣ того, крѣпостное право оторвало дворянство отъ окружавшей среды больше прежняго; оно сдѣлало его чуждымъ той средѣ, которою онъ долженъ былъ руководить. Мы уже знаемъ, что крѣпостное право нарушило равновѣсіе между правами и обязанностями дворянства; съ дворянства сняты были его старинныя государственныя обязанности, но удержаны и даже увеличены его старинныя полити-

ческія и экономическія преимущества. Такимъ образомъ общественный порядокъ въ государствѣ очутился на новомъ основаніи. Это основаніе было политической несправедливостью. Чувство перемѣны въ самомъ основаніи государственнаго порядка замѣтно уже при Екатеринѣ даже въ народной массѣ. Низшіе, наиболѣе придавленные классы общества бунтовали нерѣдко какъ въ XVII в. такъ и въ XVIII ст.; оба эти вѣка въ нашей исторіи—эпоха народныхъ мятежей. Есть, однако, большая разница въ побужденіяхъ, какими вызывались бунты того и другого вѣка. Противъ чего возстаютъ народныя массы въ XVII в. при царѣ Алексѣѣ? Противъ низшихъ органовъ управленія, воеводъ и приказныхъ людей, эти мятежи вызывались негодованіемъ на административные порядки и нравы, но не чувствомъ несправедливости общественнаго строя, который въ XVII в., если угодно, былъ недостаточно выработанъ, но и не былъ основанъ на несправедливости. Тогда всѣ классы несли свою службу государству и по свойству этихъ службъ пользовались извѣстными преимуществами или, лучше сказать, за исключеніемъ одного высшаго боярскаго класса, не пользовались никакими. Въ XVIII в. народные мятежи имѣли другую цѣль, развивались подъ другимъ знаменемъ: народная масса не возстаетъ противъ администраціи, но она идетъ противъ дворянства; мятежи получаютъ соціальный характеръ, котораго они не имѣли въ предшествующее столѣтіе. Такъ сказывалось чувство политической несправедливости, на какой держался государственный порядокъ; а эта несправедливость, заключавшаяся въ нарушеніи равновѣсія между обязанностями и правами класса, внесена была въ государственный порядокъ крѣпостнымъ правомъ. Благодаря привилегіямъ, дворянство стало такъ высоко надъ управляемымъ обществомъ, что порвались его историческія связи, которыми оно прежде было соединено съ послѣднимъ.

Далѣе, даровой трудъ, какимъ дворянство пользовалось благодаря крѣпостному праву, снялъ съ него тяжелую обязанность непосредственно заниматься хозяйственными дѣлами. Дворянство, какъ мы знаемъ, теперь на свободѣ стало менѣе сельско-хозяйственной силой страны, чѣмъ прежде, такъ случилось, что классъ, который въ продолженіе вѣковъ работалъ на общество и въ послѣдній вѣкъ сталъ имъ руководить, очутился въ сторонѣ отъ этого общества, чуждымъ ему и безъ дѣла. Это дворянское бездѣлье вмѣстѣ съ общественнымъ уединеніемъ и составляютъ самую важную черту въ жизни нашего общества. Отсюда вышли чрезвычайно разнообразныя послѣдствія, которыми опредѣлился не только характеръ общежитія, но и умственная и нравственная жизнь того времени. Какъ скоро классъ отрывается отъ окружающей его среды, въ немъ начинаетъ складываться искусственная жизнь, чуждая дѣйствительнымъ интересамъ, которыми живутъ другіе, жизнь, наполненная интересами фальшивыми, призрачными; это несчастіе, повторявшееся съ нашимъ обществомъ потомъ, быстро развивалось въ дворянской средѣ съ половины XVIII в., вслѣдствіе общественныхъ уединеній и бездѣлья класса. По мѣрѣ того, какъ дворянство чувствовало досугъ, ему открывшійся, въ обѣихъ столицахъ и большихъ городахъ мы замѣчаемъ быстрые успѣхи общежитія; въ городахъ развивается привычка собираться и толковать, вырабатывается извѣстная манера обращенія, вкусы, приличія, какихъ не знали прежнія, слишкомъ занятыя

поколѣнія. Эти успѣхи общежитія замѣчаются только въ дворянскомъ обществѣ, они дѣйствуютъ и на воспитаніе молодыхъ поколѣній; подростки, вникая въ потребности отцовъ, приготовляются къ той жизни, какую тѣ устанавливали.

Съ царствованія Елизаветы замѣтной становится перемѣна въ системѣ воспитанія. Петръ, какъ извѣстно, водворилъ техническую мастеровую школу, хотѣлъ сдѣлать дворянство проводникомъ техническихъ и военныхъ знаній въ русскомъ обществѣ. По смерти его, это образованіе падаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, паденіе это можно замѣтить по ходу дѣлъ, въ созданныхъ имъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Петръ очень хлопоталъ о развитіи «навигатской науки», для которой онъ учредилъ Навигаціонную школу въ Москвѣ и Морскую академію въ Петербургѣ. Морская академія при его преемницахъ пришла въ очень жалкое состояніе; по донесенію завѣдывавшаго этимъ заведеніемъ адмирала Коллена, въ 50 г. академія не могла набрать полнаго комплекта воспитанниковъ; дворяне не отдавали туда своихъ дѣтей, вообще чуждались морской службы. Въ академію поступали только самые бѣдные дворяне, которымъ некуда было дѣваться. Эти молодые люди рѣдко ходили въ школу, сидѣли дома, не имѣя ни платья, ни сапогъ; академія платила имъ маленькое жалованье, сама считая его недостаточнымъ для приличнаго офицерскаго содержанія; а воспитанникъ морской академіи—это будущій офицеръ. Даже солдаты, по донесенію адмирала Коллена, пользовались лучшимъ содержаніемъ, чѣмъ воспитанники этой школы. Школы спеціальныя, техническія падаютъ, зато развиваются успѣшно другія учебныя заведенія, не имѣющія техническаго характера. Въ царствованіе Елизаветы, въ 1755 г., учрежденъ былъ первый русскій университетъ въ Москвѣ; ему предназначалось сдѣлаться разсадникомъ тѣхъ высшихъ спеціальныхъ знаній, какія требовались государству, ставшему на европейскую ногу. Въ 1755 г. въ этотъ университетъ избрали 100 студентовъ, черезъ 30 лѣтъ, въ царствованіе Екатерины, въ немъ было только 62 студента. Если бы войти въ тогдашнія университетскія аудиторіи, можно было бы подумать, что попалъ въ иностранную колонію; лекціи читались на латинскомъ и, преимущественно, на французскомъ языкѣ; на немъ же велись протоколы совѣта. Но это учебное заведеніе, которое должно было проводить въ русское общество высшее знаніе, также развивалось плохо. Въ 1765 г. въ этомъ университетѣ числился одинъ студентъ на юридическомъ факультетѣ, въ 1767 г.—одинъ студентъ на медицинскомъ.

Во все время царствованія Екатерины только одинъ врачъ выдержалъ въ университетѣ экзаменъ на степень доктора. Зато чрезвычайно успѣшно развивался Шляхетскій кадетскій корпусъ, учрежденный по плану Миниха для дворянъ въ 1731 г., это потому, что шляхетскій военный корпусъ—военно-учебное заведеніе—всего менѣе занимался военными науками; это былъ свѣтскій университетъ, гдѣ преподавалось все, кромѣ того, что нужно офицеру, а воспитанники корпуса выпускались въ большинствѣ случаевъ офицерами. Въ кадетскомъ корпусѣ преподаватели были сначала почти исключительно нѣмцы, потомъ и французы; всего меньше было здѣсь русскихъ учителей. Здѣсь преподавали генеральдику, генеологію, исторію, географію, юриспруденцію, философію, танцы, все, что угодно, только не

военныя науки, военными упражненіями занимались только день въ недѣлю, въ субботу, для того, какъ сказано въ одной инструкціи, чтобы другимъ наукамъ помѣхи не было. Даже законъ Божій, который въ университетской гимназіи иногда вовсе и не преподавался, преподавался въ кадетскомъ корпусѣ, но русскій законъ Божій на нѣмецкомъ языкѣ и нѣмецкимъ учителемъ, лютеранскимъ пасторомъ, докторомъ богословія.

Такимъ образомъ, перемѣна въ образовательныхъ вкусахъ и стремленіяхъ русскаго общества сказалась въ судьбѣ учебныхъ заведеній; общество, очевидно, не хотѣло техники, не хотѣло никакихъ спеціальныхъ знаній; оно хотѣло свѣтскаго образованія. Вотъ почему въ гимназіи, которая состояла при Московскомъ университетѣ, французскій языкъ преподавался 14 часовъ въ недѣлю, а русскій—5 ч. и танцы—6 ч. Само правительство поддерживало такое направленіе образованія; кадеты, изучая общеобразовательные предметы, къ тому же вовлекались въ эстетическія развлеченія, по указу двора. Разъ прислано было въ Петербургскій кадетскій корпусъ приказаніе отъ двора разучить извѣстную драматическую пьесу и поставить ее на сцену. для чего кадеты освобождались отъ школьныхъ занятій, начиная отъ Рождества до Великаго поста; кадеты играли эту пьесу въ присутствіи двора. Преподаваніе сценическаго искусства даже стало однимъ изъ важныхъ предметовъ, вмѣстѣ съ живописью и искусствомъ дѣлать статуи. Такимъ образомъ, правительственная школа отразила въ себѣ новые интересы общества. Общество почувствовало себя празднымъ и старалось наполнить свою жизнь, разумѣется, прежде всего развлеченіями; тутъ зародились тѣ, такъ называемые, образовательные интересы, которыми долго жило общество. Съ этого времени театръ сталъ важнымъ дѣломъ для образованнаго русскаго человѣка; правда, тогда еще не говорили того, что потомъ стали говорить объ образовательномъ значеніи теара, но и тогда цѣнили его не меньше нашего.

По примѣру правительственной школы устраивалось и частное образованіе. Далеко и не все дворянство могло помѣстить дѣтей въ школы, изъ которыхъ иныя, какъ, напр., Московскій университетъ, были никуда негодными; для того, чтобы приготовить дѣтей къ свѣтской жизни, которая могла дать важныя матеріальныя выгоды, старались обзавестись домашними учителями или воспользоваться частными школами. Съ того времени обнаруживается сильный запросъ на учителя гувернера нѣмца и, преимущественно, француза. Переворотъ 1741 г., возведшій Елизавету на престолъ, положилъ предѣлъ нѣмецкому вліянію, съ этого времени начинается вліяніе французское, т. е. вліяніе французскаго языка, французскихъ обычаевъ и французской литературы. Спросъ вызвалъ сильное предложеніе, съ царствованія Елизаветы начинается усиленный транспортъ французскихъ учителей изъ Франціи въ Россію; учителями этими были всѣ, которые не могли найти себѣ подходящаго дѣла дома. Требованія со стороны русскаго общества были таковы, что имъ могли удовлетворять люди съ самымъ элементарнымъ образованіемъ; въ большихъ домахъ гувернерами были французы парикмахеры и другіе ремесленники, даже люди, которые должны были покинуть отечество, не сошедшись въ понятіяхъ съ мѣстной полиціей. Русская сатира второй половины XVIII в. можетъ быть даже слишкомъ ярко нарисовала намъ французскихъ гувернеровъ

того времени, которые вмѣстѣ съ валансьенскими кружевами, апельсинами и др. товарами ежегодно въѣзжали въ Петербургъ въ большомъ количествѣ черезъ Кронштадскую пристань. Само правительство жалуется на дороговизну и невѣжество преподавателей; въ указѣ 12 января 1755 г., которымъ открытъ былъ Московскій университетъ, мы читаемъ: «великое число въ Москвѣ у помѣщиковъ на даровомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ большая часть не только учить наукѣ не можетъ, но и сами къ тому никакого начала не имѣютъ; иные, не сыскавшіе лучшихъ учителей, принимаютъ также тѣхъ, которые парикмахерскимъ ремесломъ всю жизнь препровождали». Указъ созывалъ необходимость замѣнить такихъ невѣжественныхъ воспитателей достойными и свѣдующими въ наукѣ національными людьми, но по судьбѣ Московскаго университета можно судить, какъ мало было тогда достойныхъ національныхъ людей.

Нѣкоторые заграничные педагоги, явившіеся въ Россію, открыли частныя учебныя заведенія. Пансіоны, содержимые иностранцами, зарождаются въ исторіи нашей педагогіи только въ царствованіе Елизаветы; эти пансіоны дѣйствовали даже успѣшнѣе многихъ правительственныхъ школъ, благодаря сильному запросу на свѣтскія знанія. Въ мемуарахъ XVIII в. можете полными горстями брать любопытныя черты воспитанія, какое получало русское юношество въ этихъ пансіонахъ. Вотъ что разсказываетъ о своемъ образованіи смоленскій дворянинъ Энгельгардъ, поступившій въ пансіонъ Эллерта въ 1773 г. слѣдовательно, уже послѣ того, какъ былъ начертанъ Наказъ. Эллертъ былъ недалекъ въ наукахъ, но науки не спрашивались, вся его учебная дѣятельность состояла въ сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ: грамматики, риторики, исторіи, географіи, миѳологіи и т. п. Первымъ предметомъ былъ французскій языкъ, занятія учениковъ почти исключительно состояли въ вытверживаніи французскихъ фразъ, за малѣйшую вину Эллертъ наказывалъ жестоко, словомъ, по выраженію автора: «былъ настоящій тиранъ». Много было въ пансіонѣ изуродованныхъ, но пансіонъ былъ весь полонъ, несмотря на высокую плату въ 100 р., которая равнялась нашимъ 900 или даже 1000 р. Французскій языкъ, разумѣется, преподавался всего успѣшнѣе, потому что подъ страхомъ жестокаго наказанія воспитанникамъ запрещено было говорить на другомъ языкѣ, напримѣръ, здѣсь за каждое русское слово били ремнемъ изъ подошвенной кожи. Изъ самихъ пансіонеровъ была создана іерархія высшаго и низшаго начальства, т. е. большихъ и маленькихъ шпіоновъ. И дворянскія дѣвицы должны были итти за братьями искать новаго образованія, какое требовалось въ свѣтѣ. Съ того времени дворянская дѣвица, воспитанная въ старыхъ русскихъ нравахъ, начала перерабатываться въ мадемуазель. Въ пансіонѣ Эллертъ было отдѣленіе для образованныхъ дѣвицъ, два раза въ недѣлю въ пансіонѣ открывался танцклассъ, на который изъ города и окрестныхъ деревень съѣзжались дворянскія дѣвицы для изученія тамъ минуэта и контрданса; за курсъ танцовъ Эллертъ бралъ 30 руб. (около 300 руб. на наши деньги). Эллертъ держался одинаковой педагогіи, какъ въ образованіи кавалеровъ, такъ и въ образованіи мадемуазелей, т. е. былъ одинаково жестокъ съ съ тѣми и другими; одной взрослой дѣвицѣ онъ при всѣхъ отбилъ руки за непонятливость въ танцахъ. Это свѣтское образованіе дол-

жно было подготовить людей къ успѣху въ свѣтѣ; русскій дворянинъ, гвардейскій солдатъ и армейскій офицеръ при Петрѣ, теперь должны были бросить свой курсъ цифръ и геометріи и приняться за изученіе свѣтскихъ приличій.

Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ вкусовъ, художественныхъ развлеченій, уже къ началу царствованія Екатерины сложилось два типа, которые характеризуютъ тогдашнее дворянское общежитіе. Эти типы— руководители тогдашней свѣтской жизни: —одинъ—свѣтскій щеголь, «петиметръ», другой «свѣтская вертопрашка», «кокетка», такъ назывались эти типы въ то время. Оба они очень любопытны для характеристики тогдашняго русскаго общества, въ обоихъ сказался важный моментъ нашего образованія. Достаточно читать сатирическій журналъ первой половины екатерининскаго царствованія, чтобы получить полное понятіе о томъ и о другомъ. Это люди, воспитанные французскимъ гувернеромъ, во французскихъ обычаяхъ и на французскомъ языкѣ; у щеголя петиметра нѣтъ отечества, т.-е. у него есть отечество, но далеко—Парижъ, къ русской жизни онъ относится съ величайшимъ презрѣніемъ уже потому, что не знаетъ ея, никогда не видѣлъ ея; петиметръ — кавалеръ, для котораго кодексъ свѣтскихъ приличій — святыня; русскій языкъ онъ презираетъ столько-же, сколько и нѣмецкій, тотъ и другой достояніе дѣдовъ, вышедшее изъ моды. Услыхавъ объ Уложеніи царя Алексѣя, онъ говоритъ въ одной изъ комедій Сумарокова: «Уложеніе, это что за звѣрь? Я бы не только не хотѣлъ знать о русскомъ Уложеніи, я бы и русскаго языка знать не хотѣлъ— скаредный языкъ, для чего и родился русскимъ? Какъ одѣться, взять шляпу, я тому формально учился, чтобы могъ тѣмъ отечеству своему услугу оказать». «Экое безобразіе», восклицаетъ арлекинъ наблюдатель, «это, конечно обезьяна, только не здѣшняя, а заморская». Кокетка совершенно подъ пару петиметру; это свѣтская барыня, ей хорошо вездѣ, только не дома, она интересуется всѣмъ, только не семьей, рѣдко видится съ мужемъ и по возможности не видитъ дѣтей. Бабушка петиметра и кокетки еще воспитывались на нѣмецкомъ языкѣ, говорили страннымъ русскимъ языкомъ: «Меинъ» мужъ, «кам»—домой, «штенг» черезъ заборъ, и фіель инз»—грязь. Таковъ былъ нѣмецкій языкъ временъ императрицы Анны. Теперь нравы измѣнились: французскій языкъ далъ новый пошибъ великосвѣтскому жаргону. Люди безъ отечества и убѣжденій, они, выражаясь ихъ языкомъ, «фельетировали модныя книжки безъ всякой дистракціи и выносили оттуда рѣчь растеганную и мысль прыгающую». Если вы будете читать изображеніе великосвѣтской жизни въ Петербургѣ въ царствованіе Екатерины, васъ смутитъ эта изысканность и нѣкоторая растрепанность языка. Въ великосвѣтской жизни грѣшки были всегда. Теперь какъ бы выразилась женщина, приглашая мужчину на свиданіе? «Придите» и т. п.; тогда великосвѣтская дама выражалась такъ: «мужчина» писала она своему полковнику», «притащи себя же мнѣ, я до тебя охоча, ахъ, какая ты сладость, ужесть, ужесть, я отъ тебя падаю». Такъ отражались на новосдѣланной русской почвѣ новые привозные вкусы, которые слишкомъ неожиданно понадобились въ житейскомъ оборотѣ.

Вы поймете, какое опустошеніе эти вкусы должны были произвести въ старо-русскомъ запасѣ идей и нравственныхъ чувствъ. Русскій образованный дворянинъ не только долженъ былъ пройти при-

нятый дома курсъ всякихъ приличій, онъ долженъ былъ для достиженія совершенства побывать за границей.

Съ конца царствованія Елизаветы начинается странствованіе русскихъ людей за границу для довершенія образованія; странствовали почти исключительно дворяне и почти исключительно въ Парижъ. Парижскія улицы, кофейни, рестораны были для русскаго дворянства настоящимъ университетомъ; оттуда возвращался онъ въ Петербургъ, обремененный знаніями и приличіями. Какъ русскіе люди вели себя за границей, какъ они жадно всматривались во все, что видѣли, въ чаяніи, не понадобится ли это въ русскомъ петербургскомъ свѣтѣ, это можно видѣть въ картинѣ русскихъ путешественниковъ, нарисованной уже въ эпоху революціи въ извѣстномъ «Нуво Пари». Что такое русскій дворянинъ за границей? Это человѣкъ вѣчно занятый; онъ все бѣгаетъ, все щупаетъ, не зная, для чего это нужно. Домой онъ возвращается съ какимъ то хаотическимъ запасомъ впечатлѣній, какой, помните, принесъ домой и Петръ, возвращаясь въ 1698 г. Но Петръ приносилъ съ собой впечатлѣнія фабрикъ, кораблей, а русскій дворянинъ, тотъ, котораго Петръ хотѣлъ сдѣлать настоящимъ дѣльцомъ знаній, возвращался въ Петербургъ съ воспоминаніемъ о кофейняхъ, ресторанахъ, увеселительныхъ заведеніяхъ, модахъ, модисткахъ и т. п. Въ «Трутнѣ», сатирическомъ журналѣ, въ одномъ номерѣ 1769 года мы читаемъ юмористическую публикацію, въ которой, къ сожалѣнію, очень много правды. Эта публикація такова: «Молодого поросенка, путешествовавшаго по чужимъ странамъ, чтобы получить образованіе, и возвратившагося совершенной свиньей, можно будетъ видѣть безъ денегъ на всѣхъ улицахъ столицы». Свѣтскіе вкусы содѣйствовали развитію эстетическихъ и литературныхъ развлеченій; это были необходимыя послѣдствія бездѣлія, которое заставляло чѣмъ-нибудь наполнять досугъ. Это поразительное явленіе—жажда эстетическихъ развлеченій въ русскомъ обществѣ въ царствованіе Елизаветы. Вмѣстѣ съ этимъ развился и вкусъ къ чтенію. Сначала читали все безъ разбора, что попадетъ подъ руку; есть записки, которыя можетъ быть лучше другихъ мемуаровъ рисуютъ намъ русское общество второй половины XVIII в. Это обширныя, простодушныя, не умныя, но добрыя записки Болотова. Болотовъ говоритъ, что онъ, начиная читать, сначала взялся за исторію Александра Македонскаго, потомъ читалъ Ангильберта, «Камень вѣры» Стефана Яворскаго, потомъ прочиталъ романъ «Жиль Блазъ», далѣе перешелъ къ Четьямъ—Минеямъ Дмитрія Ростовскаго, наконецъ, попадается ему Сумароковская трагедія «Хоревъ», и онъ выучиваетъ ее наизустъ. Съ конца царствованія Елизаветы пошла въ ходъ модная любовная пѣсенка. Эта пѣсенка и романсы тогда сочинялись во множествѣ стихотворцами, разучивались быстро свѣтскими барынями, барышнями и не сходили съ ихъ языка. Появленіе любви къ такимъ чувствительнымъ пѣсенкамъ отмѣчаетъ намъ Болотовъ въ половинѣ XVIII в. Сначала, читая безъ разбора, безъ цѣли, не обращали вниманія на содержаніе; при Екатеринѣ новыя условія русскаго образованія указали чтенію цѣль, опредѣлили выборъ произведеній; ихъ содержаніе, т.-е., тотъ кругъ идей, который выносило русское общество изъ чтенія—новый любопытный фактъ въ исторіи нашего образованія. До сихъ поръ, до половины царствованія Екатерины, усваивались манеры и пріемы, безъ которыхъ нельзя было обойтись

въ свѣтѣ; съ этого времени стали усваивать идеи и убѣжденія, хотя безъ нихъ не только можно, но и должно было обойтись общество.

Умственная общественная жизнь, мною изложенная, относится къ первому періоду развитія русскаго образованнаго общества со смерти Петра, періодъ этотъ можно назвать Елизаветинскимъ. При помощи моды, новыхъ вкусовъ и моднаго воспитанія, общежитіе получило около половины XVIII в. своеобразный отпечатокъ. Туземные и чужестранные наблюдатели передаютъ намъ черты этого общежитія. Въ столицахъ и главныхъ провинціальныхъ городахъ преимущественно изъ дворянскаго элемента сложилось праздное общество французскаго языка и легкаго романа. Болотовъ точно опредѣляетъ время, съ котораго стали обнаруживаться слѣды успѣховъ общежитія въ дворянскихъ классахъ. Онъ говоритъ, что, именно, съ половины вѣка, «съ средины царствованія Елизаветы, вмѣстѣ съ карточной игрой и вся свѣтская, внѣшняя жизнь получила свое основаніе, и сталъ входить въ народъ тонкій вкусъ во всемъ». Нѣсколько позднѣе, иностранный наблюдатель, французскій посолъ Сегюръ, еще засталъ живые слѣды этого общежитія; онъ подъ внѣшнимъ лоскомъ петербургскаго свѣта подмѣтилъ еще остатки старины, но онъ изумляется успѣхамъ, какихъ достигло высшее общество въ усвоеніи иноземной культуры. Все, что касается до тонкости обращенія и до свѣтскихъ приличій, усвоено петербургскимъ обществомъ въ совершенствѣ. «Сегюръ встрѣчалъ здѣсь модныхъ дамъ и дѣвицъ, которыя говорили на трехъ—четырехъ языкахъ, играли на самыхъ разнообразныхъ инструментахъ и отлично знали произведенія важнѣйшихъ романистовъ Англіи, Франціи и даже Испаніи. Что же осталось отъ этого общежитія, какой прочный осадокъ отложился въ русскомъ обществѣ? Несомнѣнно, что оно сообщило дворянскому «бомонду» нѣкоторую свѣтскую выправку, которая пришла взамѣнъ старой выправки казармъ; въ этомъ общежитіи, стремившемся такъ заботливо пополнить свою пустоту, эстетическія развлеченія рѣшительно преобладали; они подѣйствовали и на нервы. Любопытно наблюдать развитіе эстетической воспріимчивости и чувствительности въ высшемъ свѣтѣ. Казалось, люди высшаго русскаго общества никогда не были такъ слабонервны, какъ въ это время, они плачутъ при каждомъ случаѣ, даже такомъ, который не вызываетъ слезъ. Депутаты комиссіи 1878 г. плачутъ при слушаніи Наказа, который своими отрывистыми и сухими словами вовсе не располагаетъ къ чувствительности. Высокопоставленный гр. Чернышевъ плачетъ отъ умиленія, видя, какъ костромское дворянство прилично (т.-е. не совершивъ никакого скандала) приняло и угостило императрицу; этотъ же Чернышевъ, человѣкъ очень узкаго міросозерцанія, не могъ безъ слезъ вспомнить о Петрѣ и говорилъ, что это «истинный Богъ былъ на землѣ при вашихъ предкахъ». Таково общество, переданное Елизаветой своей преемницѣ.

Въ царствованіе Екатерины въ русское свѣтское общество вошли нѣкоторые новые интересы и вкусы, которые сообщили ему нѣкоторыя новыя черты, это второй періодъ въ развитіи русскаго дворянскаго общежитія XVIII в. Главной заботой свѣтскаго общества въ первый періодъ было украшеніе жизни, наполненіе досуга изящными развлеченіями, плодами чужой культуры, главной заботой общежитія во второй періодъ было украшеніе ума, усвоеніе чужихъ идей. Мы

уже знаемъ, какъ подготовлено было это новое стремленіе. При Елизаветѣ изученіе французскаго языка было модой, требованіемъ приличія, свѣтской благовоспитанности. Вмѣстѣ съ изученіемъ этого языка распространялся и вкусъ къ изящной литературѣ. Эта литература занимала людей не потому, что сообщала полезныя свѣдѣнія и внушала полезныя чувства, а просто потому, что пріятно наполняла досугъ. Однако, знакомство съ французскимъ языкомъ и наклонность къ безпорядочному чтенію послужили важнымъ средствомъ къ распространенію политическихъ и нравственныхъ идей съ половины XVIII в. Прежде читали просто для развлеченія, а теперь для того, чтобы узнать интересныя вещи, о которыхъ пишутъ. Случилось такъ, что для русскаго общества Франція стала образцовой страной вкуса и общежитія, когда ея литература получила общеевропейскій интересъ.

Съ половины XVIII в. въ этой литературѣ появляются произведенія, которыя оказали наиболѣе сильное дѣйствіе на европейскіе умы. Такъ праздный вкусъ встрѣтился съ непразднымъ умственнымъ движеніемъ въ Европѣ. Отсюда идетъ неожиданное могущественное вліяніе французской просвѣтительной литературы на русское общество, вліяніе, какого она не оказала ни въ одной странѣ Европы. Этотъ странный фактъ былъ подготовленъ различными условіями, вліяніе проводилось различными путями, которые всѣ довольно искусны.

Прежде всего французскому вліянію покровительствовало правительство; оно еще при Елизаветѣ завязало непосредственное сношеніе съ корифеями французской литературы. Въ царствованіе Елизаветы Вольтеръ добился званія члена нашей Академіи наукъ и выхлопоталъ черезъ поклонника французской литературы и очень близкаго къ императрицѣ человѣка, куратора Московскаго университета Ивана Ивановича Шувалова, оффиціальное порученіе отъ русскаго правительства написать исторію Петра Великаго. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины эти сношенія продолжались и даже стали тѣснѣе. Екатерина, еще въ молодости много читавшая по-французски, ставшая поклонницей Вольтера, теперь спѣшила завязать знакомство съ французскимъ литературнымъ «бомондомъ». Здѣсь ею руководилъ не одинъ философскій или литературный интересъ и, можетъ быть, этотъ интересъ даже руководилъ ею всего меньше: съ лѣтами ея дѣтскіе вкусы охладѣли. Но Екатериной руководили нѣкоторыя дипломатическія соображенія, хотя для насъ не совсѣмъ понятныя; она почему то придавала необыкновенную цѣну мнѣнію модныхъ французскихъ писателей о Россіи и русскихъ дѣлахъ, слѣдовательно, и объ императрицѣ; она такъ цѣнила это мнѣніе, что иногда даже очень не искусно ухаживала за этими писателями. Екатерина въ Наказѣ своемъ, какъ извѣстно, пыталась даже воспользоваться послѣднимъ словомъ французской публицистики для практическихъ потребностей русскаго законодательства. Какъ не странно, однако одного изъ самыхъ умныхъ представителей французскаго литературнаго движенія и одного изъ самыхъ крайнихъ, д'Аламбера, она приглашала на должность воспитателя своего сына, наслѣдника Павла. Д'Аламберъ, сотрудникъ Дидро по изданію Энциклопедіи имѣлъ тактъ отказаться отъ этого приглашенія, и Екатерина послала ему упрекъ за то, что онъ отказывается «составить счастіе цѣлаго народа». Хорошъ былъ бы наслѣдникъ рус-

скаго престола, воспитанникъ д'Аламбера, хотя въ этомъ не былъ бы виновенъ ни тотъ, ни другой. Послѣ Екатерина приглашала д'Аламбера и его друзей просто къ себѣ въ гости, обѣщая имъ въ Россіи больше «спокойствія и свободы, чѣмъ сколько они пользовались этимъ у себя въ отечествѣ». И Дидро не былъ забытъ ею; узнавъ, что этотъ энциклопедистъ нуждается въ деньгахъ, Екатерина купила его библіотеку, зап тивъ за нее 15 тысячъ ливровъ, и оставила бывшаго владѣльца пожизненнымъ хранителемъ этой библіотеки съ ежегоднымъ жалованьемъ въ тысячу франковъ; весь парижскій литературный міръ тогда аплодировалъ поступку русской императрицы.

Сообразно съ новыми вкусами, которымъ покровительствовали сверху, стало измѣняться и направленіе образованія юношества, какъ въ казенныхъ школахъ, такъ и въ частныхъ. Въ тѣхъ же самыхъ кадетскихъ корпусахъ, въ которыхъ вмѣсто военнаго обученія такъ усердно преподавали при Елизаветѣ танцы, французскій языкъ и сценическое искусство, теперь стали преподавать болѣе возвышенные предметы; о философіи, о политическихъ и нравственныхъ понятіяхъ, какія тогда развивались во французской литературѣ, постоянно и громко говорилось въ этихъ школахъ. Преподаватели здѣсь большею частью оставались французы, только съ новыми взглядами на воспитаніе. Французъ Леклерхъ въ кадетскомъ корпусѣ, открывая курсъ естественной исторіи, физики и химіи вступительной лекціей, разумѣется, на французскомъ языкѣ, говорилъ кадетамъ о философіи и о наступленіи владычества разума. Изъ казенныхъ школъ это направленіе проникло и въ сферу домашняго воспитанія: здѣсь французъ гувернеръ или учитель сохранилъ прежнее преобладаніе; но онъ теперь самъ измѣнился, т. е. теперь стали гораздо разборчивѣе на домашнихъ учителей: лакея или парикмахера, который прежде училъ дѣтей въ вельможныхъ русскихъ домахъ, теперь смѣнилъ учитель вольнодумецъ, философъ. Учителя эти пользовались почетнымъ и выгоднымъ положеніемъ въ вельможныхъ домахъ: русскіе баре щедро платили имъ за педагогическіе труды. Есть любопытное извѣстіе объ этомъ времени Екатерины. У князей Куракиныхъ гувернеромъ состоялъ образованный по-французски Брикнеръ; онъ за свой 15-ти лѣтній педагогическій трудъ получилъ отъ хозяина 35 тысячъ тогдашнихъ русскихъ рублей, которые нужно умножить на 5 или 6, чтобы перевести на нынѣшніе. Другой педагогъ, Граммонъ, чистый французъ, за педагогическую дѣятельность въ домѣ князей Долгорукихъ получилъ 25 тысячъ; иные пріобрѣтали этимъ трудомъ пожизненныя пенсіи или выгодныя должности на русской службѣ, если оставались въ Россіи. Все это былъ, по отзыву знавшихъ ихъ современниковъ, образованный народъ; нѣкоторые изъ пріѣзжихъ педагоговъ были даже очень крайняго образа мыслей, принадлежали къ республиканскимъ демократамъ. Тогда въ вельможныхъ домахъ Петербурга не стѣснялись политическимъ образомъ мыслей и самъ дворъ подавалъ примѣръ этому. Приглашеніе д'Аламбера въ воспитатели Екатерининскаго наслѣдника не удалось, но Екатеринѣ удалось воспитать своихъ старшихъ внуковъ согласно съ своей педагогіей. Въ качествѣ воспитателя великихъ князей Александра и Константина она пригласила швейцарца Лагарпа, который былъ горячимъ поклонникомъ французской политической литературы въ ея послѣднемъ моментѣ развитія и даже не скрывалъ своихъ

республиканскихъ убѣжденій. Придворные старались запастись для своихъ дѣтей гувернерами, которые отличались бы политическими убѣжденіями послѣдняго разбора. Какъ ни странно, а въ одномъ вельможномъ домѣ, у графа Салтыкова, воспитателемъ былъ родной братъ Марата, который, правда, не раздѣлялъ убѣжденій парижскаго демагога, однако, не скрывалъ и своихъ республиканскихъ стремленій. Съ дѣтьми Салтыкова этотъ петербургскій Маратъ являлся ко двору, къ великимъ князьямъ внукамъ. Только, когда казнили Людовика XVI, онъ прежнюю фамилію измѣнилъ. Иностранные путешественники не нахвалятся французскими гувернерами въ русскихъ дворянскихъ домахъ въ царстваніе Екатерины; они считаютъ этихъ гувернеровъ единственными проводниками философіи въ Россіи и единственными пропагандистами знаній и просвѣщенія. Нѣкоторые наблюдатели, впрочемъ, не безъ удивленія замѣчаютъ, что эти гувернеры почти всѣ усердные демократы, что, однако, не мѣшаетъ имъ жить въ барскихъ домахъ окруженными роскошью и вниманіемъ высокихъ хозяевъ и ихъ знакомыхъ.

Благодаря вліянію этихъ домашнихъ учителей, французская философія сдѣлала неожиданные быстрые успѣхи въ высшемъ дворянскомъ обществѣ. Эти успѣхи иногда доходили до виртуозности, колоссальной по своей ненужности. Разъ пріѣхавшій изъ Парижа молодой французъ разговорился съ молодымъ графомъ Бутурлинымъ о Парижѣ, и Бутурлинъ изумилъ француза знаніемъ парижскихъ улицъ, театровъ, ресторановъ, зданій и памятниковъ; изумленіе француза достигло крайней степени, когда Бутурлинъ признался, что никогда не бывалъ въ Парижѣ, а все это знаетъ по книжкамъ. Петербургскій и парижскій литературный міръ долго восхищался анонимной пьесой: «Посланіе къ Нинонѣ»; пьеса эта была написана такими превосходными стихами, что ее рѣшились, наконецъ, приписать самому Вольтеру. И каково же было общее удивленіе, когда узнали, что авторомъ пьесы былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ г. Андрей Петровичъ Шуваловъ, сынъ того Шувалова, который игралъ такую видную роль въ царствованіе Елизаветы, какъ руководитель военныхъ и финансовыхъ дѣлъ. Этотъ Шуваловъ, даже по отзывамъ не любившей его княгини Дашковой, такъ хорошо зналъ французскую литературу, что могъ по пальцамъ перечесть всѣхъ ея поэтовъ XVII и XVIII вв. и даже болѣе раннихъ вѣковъ. Это были успѣхи изученія французской литературы въ высшемъ петербургскомъ обществѣ.

Среднее общество, которое не располагало такими образовательными средствами, какими располагала знать, могло однако питаться столь же обильной трапезой. При Екатеринѣ военная молодежь чаще прежняго стала путешествовать за границу, иногда по правительственной командировкѣ. Это все была молодежь, которая всплыла на верхъ или пробиралась туда послѣ іюньскаго переворота 1762 года. Сама Екатерина покровительствовала этимъ странствованіямъ. Странствованія эти имѣли образовательную цѣль. Паломники направлялись тогда въ первый храмъ наукъ—Ферней Вольтера, который самъ хозяинъ называлъ «постоялымъ дворомъ Европы»; на этомъ постояломъ дворѣ не разъ появлялись и русскіе путешественники. Екатерина въ перепискѣ съ Вольтеромъ старалась увѣрить его, что «русскіе молодые офицеры жаждутъ его видѣть и бесѣды его слы-

шать». Такимъ образомъ, офицеръ-дворянинъ, при Петрѣ ѣздившій за границу для изученія артиллеріи и навигаціонной науки, а при Елизаветѣ для изученія парикмахерскихъ и ресторановъ Парижа, теперь сталъ странствовать туда для изученія таинствъ философіи.

Екатерина офиціально признавала не только безвредность, но и пользу произведеній тогдашней французской литературы. Въ своемъ Наказѣ она даже взяла на себя трудъ пропагандировать идеи этой литературы въ русскомъ обществѣ; эти произведенія безпрепятственно проникали въ Россію, даже здѣсь покровительствовали такимъ изъ нихъ, которыя не держались въ парижскихъ книжныхъ магазинахъ. Какъ извѣстно, самъ Наказъ—слабое отраженіе этой литературы—во французскомъ переводѣ былъ запрещенъ французской цензурой, тамъ была запрещена и Энциклопедія, какъ и дальнѣйшія изданія сочиненій Вольтера. Екатерина пригласила Дидро продолжать изданіе Энциклопедіи въ предѣлахъ Россіи, именно въ Ригѣ; звала также извѣстнаго Бомарше приготовить къ изданію новое полное собраніе сочиненій Вольтера и даже вызывалась поставить на петербургской сценѣ его «Свадьбу Фигаро», которая была запрещена на парижской сценѣ. Екатерина сама участвовала въ переводѣ на русскій языкъ Мармонтелева «Велизарія». (Пьеса была запрещена Парижской Сорбонной, какъ произведеніе вредное для религіи). Послѣ этого русское общество не могло сомнѣваться въ безвредности произведеній французской литературы. Въ Россіи и начали переводить и компилировать эти произведенія. Можно составить значительный каталогъ изъ этихъ переводныхъ произведеній, поступившихъ тогда въ русскія книжныя лавки; мы даже теперь себѣ представить не можемъ, какое огромное количество тогдашнихъ французскихъ сочиненій было переведено при Екатеринѣ на русскій языкъ; ихъ только знаютъ опытные русскіе библіотекари. Въ запискѣ одного изъ малорусскихъ дворянъ, Винскаго, офицера временъ Екатерины, за разныя дѣла потомъ разжалованнаго и сосланнаго въ Оренбургскую губ., мы узнаемъ одну любопытную подробность, которая показываетъ, съ какою жадностью русское читающее общество, не знающее французскаго языка, ловило эти переводныя сочиненія. Въ ссылкѣ Винскій сблизился съ уфимскимъ губернаторомъ. Вращаясь въ Петербургѣ въ кругу военной и штатской молодежи, Винскій имѣлъ случай познакомиться съ произведеніями французскихъ писателей; тогда служба въ гвардіи, по его словамъ, доставляла обильныя средства любознательному человѣку пріобрѣсти литературныя свѣдѣнія. Въ библіотекѣ уфимскаго губернатора Винскій нашелъ произведенія Вольтера, Руссо и другихъ корифеевъ французской литературы; онъ такъ увлекся ими, что началъ изъ нихъ переводить отрывки и сообщилъ своимъ знакомымъ, какъ любопытную новость. Черезъ нѣсколько лѣтъ Винскій имѣлъ удовольствіе видѣть плоды своихъ литературныхъ занятій; ему подъ рукой сообщили, какъ любопытный секретъ, привезенныя изъ Сибири тетрадки, въ которыхъ онъ прочиталъ свои собственные переводы изъ Вольтера, Руссо и др. писателей. Переведенные отрывки такъ быстро распространились посредствомъ переписыванія, что въ короткое время успѣли сходить въ Сибирь и воротиться обратно въ Уфу. «Въ Казани и Сибири произведенія названныхъ писателей», замѣчаетъ Винскій, «были извѣстны весьма многимъ».

Благодаря всѣмъ этимъ средствамъ, въ русское общество въ царствованіе Екатерины проникъ значительный запасъ политическихъ и нравственныхъ идей, которыя тогда съ такою настойчивостью распространились изъ Франціи. Французское вліяніе должно было оказать сильное дѣйствіе на образованные русскіе умы. Одинъ тонкій наблюдатель, состоявшій въ свитѣ великаго князя Александра, какъ учитель математики, французъ Масонъ, передаетъ намъ черты этого вліянія; онъ говоритъ, что молодежь высшаго русскаго общества — самая образованная и самая философская въ Европѣ, что она гораздо образованнѣе многихъ, кто слушаетъ профессоровъ въ нѣмецкихъ университетахъ, что, когда началась революція и французская знать начала эмигрировать изъ Франціи, люди пріѣхавшіе въ Россію, были изумлены, что русскіе молодые люди высшаго общества лучше знаютъ сочиненія Руссо и рѣчи Мирабо, чѣмъ даже знаютъ ихъ во Франціи.

Теперь намъ предстоитъ опредѣлить, что принесло съ собою это французское вліяніе, что оно оставило прочнаго въ русскихъ умахъ... Я вовсе не думаю произносить сужденіе объ общеобразовательномъ значеніи французской просвѣтительной литературы XVIII в.; но разсматривая ея вліяніе на наше общество, надобно отмѣтить въ ней одну черту: по происхожденію своему эта литература имѣла очевидно мѣстное географическое значеніе. Въ одной самой феодальной странѣ Европы, гдѣ весь политическій и общественный порядокъ держался на устарѣломъ преданіи, эта литература была первымъ сильнымъ и беззавѣтнымъ нападеніемъ на преданіе, или старину, во имя разума, т. е. во имя отвлеченныхъ понятій; такимъ образомъ, эта литература имѣла оппозиціонное направленіе. Правда, она изобиловала невѣроятнымъ количествомъ общихъ идей, самыхъ отвлеченныхъ положеній, далекихъ отъ любой исторической почвы; но не въ этихъ общихъ идеяхъ ея сила; сила эта заключалась въ практическомъ развитіи общихъ началъ; а это послѣднее состояло во всесторонней и желчной критикѣ существующаго. Объявлена была война преданію, т. е. дѣйствующему порядку; но для того, чтобы оправдать эту войну, понадобился разумъ, т. е. общія идеи, которыя сами по себѣ не имѣютъ практическаго значенія, а много-много могутъ служить украшеніемъ ума и средствомъ смягченія людскихъ частныхъ отношеній. Такимъ образомъ общія идеи тамъ были теоретическимъ оправданіемъ, логической подкладкой существеннаго и практическаго стремленія, т. е. стремленія пошатнуть и разрушить преданіе. Отдѣленныя отъ практической цѣли, сами по себѣ общія понятія, и гуманныя идеи XVIII в. не могли стать матеріаломъ для постройки какого-либо новаго порядка; но ими пользовались для того, чтобы смягчить шероховатость существующихъ историческихъ порядковъ. Идея равенства никогда осуществлена не будетъ, и она важна не какъ практическое требованіе, а какъ смягчающее средство, которое должно сглаживать бурныя послѣдствія неизбѣжнаго неравенства. Такимъ образомъ, эта просвѣтительная литература, какъ практическое движеніе имѣла чисто мѣстный, французскій, если угодно, западно-европейскій анти-феодальный интересъ, она принесла практическую пользу тамъ, гдѣ дѣйствовалъ феодальный порядокъ. Практическаго дѣла ей не было тамъ, гдѣ не существовалъ этотъ порядокъ, слѣдовательно, нефеодальная восточная

Европа и, особенно, Россія, могли воспользоваться запасомъ просвѣтительныхъ идей не для практическихъ своихъ потребностей, т. е. не для перестройки на новыхъ основаніяхъ существующаго общественнаго и политическаго порядка.

Что могло быть заимствовано и внесено французскимъ вліяніемъ въ наше общество?—То, что мы видимъ. Благодаря ему мы видимъ въ нашемъ обществѣ екатерининскаго времени ужасный наплывъ общихъ идей и стереотипныхъ затверженныхъ чувствъ. То, чѣмъ на Западѣ люди пользовались, чтобы разграничить существующія отношенія, то у насъ затверживалось въ высшихъ кругахъ, какъ хорошее слово, удобная формула, которая можетъ служить пріятною замѣною пустого разговора. Этотъ наплывъ общихъ идей и стереотипныхъ чувствъ, какъ украшеніе ума и свѣтскаго общежитія, и составляетъ характерную черту въ жизни русскаго высшаго общества того времени. Несомнѣнно, что иныя изъ идей и чувствъ не ограничивались оборотомъ великосвѣтскихъ разговоровъ, но и западали въ душу. Практическое примѣненіе изъ этихъ идей, однако, сдѣлать было невозможно, въ дѣйствовавшихъ тогда на Руси порядкахъ не было того, противъ чего направлены были на Западѣ эти идеи, не было устарѣлаго преданія. Всѣ недостатки русской жизни тогдашняго времени происходили оттого, что ничего не было устарѣлаго, т. е. привычнаго, а все создавалось на ходу и какъ все создавшееся на ходу, шло дурно, такимъ образомъ, не было противъ чего возставать, не было врага, котораго нужно было разгромить; здѣсь нужны были не развалины, а соревнованіе на пустомъ полѣ. Иныя изъ заносныхъ идей запали въ глубину души, но посмотрите, въ какихъ дѣтскихъ формахъ выражалось это увлеченіе. Политическій либерализмъ, которымъ проникнута просвѣтительная литература, овладѣвалъ и нѣкоторыми русскими умами. При дворѣ въ концѣ царствованія Екатерины игралъ нѣкоторую роль одинъ изъ секретарей императрицы Соймоновъ. Это былъ хорошо образованный человѣкъ, но, какъ и всѣ тогдашніе хорошо образованные люди, человѣкъ неосторожный на языкъ. Эта неосторожность отличала тогда образованный міръ Петербурга до несчастнаго событія съ Людовикомъ XVI; послѣ этого событія образованный міръ Петербурга прикусилъ языкъ. Вѣроятно, въ обществѣ Соймонова шли оживленные и откровенные разговоры, неистощимый матеріалъ для которыхъ давали тогда французскія дѣла. Лѣтомъ 1789 г. разъ Соймоновъ возвращается ночью домой и находитъ въ комнатахъ своихъ блестящую иллюминацію, онъ спрашиваетъ свою семилѣтнюю дочь Соню: «что это значитъ»? Соня объявила, что это она зажгла иллюминацію на радости. «По какому случаю»? — «Да какъ же не радоваться, папа, сказала она, вѣдь, взята Бастилія, бастильскіе плѣнники вышли на волю». Дальше этого не шелъ политическій либерализмъ того времени, дальше едва ли онъ и могъ итти. Для насъ, важно не то, какое употребленіе могъ сдѣлать изъ усвоенныхъ философскихъ политическихъ идей русскій человѣкъ, а то, въ какое отношеніе къ русской дѣйствительности ставили его эти идеи. Между послѣдними и первою не было ничего общаго. Русская дѣйствительность создавалась безъ всякой связи съ дѣйствительностью западно-европейской; русскія народныя понятія текли не изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ вытекли идеи французской просвѣтительной

литературы. Русскій образованный человѣкъ вращался въ русской дѣйствительности; на его плечахъ тяготѣли факты русскаго прошедшаго, отъ которыхъ онъ никуда не могъ убѣжать, ибо эти факты находились и въ немъ самомъ; а умъ его былъ наполненъ содержаніемъ совсѣмъ другого происхожденія, заимствованнымъ совсѣмъ изъ другого міра. Это очень неестественное положеніе. Обыкновенно общество и отдѣльныя лица, вращаясь среди внѣшнихъ явленій и отношеній, для оцѣнки ихъ имѣютъ и свои понятія и чувства. Но эти понятія и чувства родственны по происхожденію съ окружающими явленіями и отношеніями; это просто осадокъ житейскихъ наблюденій и опытовъ, только вскрытыя начала, на которыхъ держится все окружающее. Значитъ, въ каждомъ правильно сложившимся міросозерцаніи факты и идеи должны имѣть одно происхожденіе и только при такомъ родствѣ могутъ помогать другъ другу; факты умѣряютъ идеи, а идеи регулируютъ факты. Русскій образованный умъ XVIII в. сталъ въ трагикомическое положеніе; онъ зналъ факты одной дѣйствительности и питался идеями другой; начала у него не сходились и не могли сойтись съ концами. Вотъ когда зародилась умственная болѣзнь, или умственный недостатокъ который, если угодно, тяготѣлъ потомъ надъ цѣлымъ рядомъ поколѣній, если мы только не признаемся, что онъ тяготѣетъ надъ нами. Недостатокъ этотъ заключается въ томъ, что наши общія идеи не имѣютъ ничего общаго съ нашими наблюденіями. Идеи обобщенія которыя мы знаемъ, взяты изъ другихъ явленій; мы знаемъ русскіе факты и не русскія идеи. Значитъ этотъ недостатокъ можетъ быть только устраненъ пополненіемъ двухъ пробѣловъ. Идеи, оторванныя отъ почвы, на которой они выросли—безсмысленны, но и факты, которые мы не умѣемъ обобщить, тоже безсмысленны; слѣдовательно мы питаемся двойной безсмыслицею, и чтобы выйти изъ этого непріятнаго положенія, мы должны изучить чужіе факты и выработать свои идеи, и то, и другое прибавить къ тому, чѣмъ владѣли прежде.

Итакъ, русскій образованный человѣкъ сталъ въ неестественное отношеніе къ русской дѣйствительности; прежде всего онъ не могъ понять ея, онъ даже не могъ размышлять о ней, потому что тѣ понятія, которыя онъ усвоилъ, вовсе не подходили къ тѣмъ явленіямъ, которыя онъ наблюдалъ вокругъ себя. Отсюда любопытная черта образованнаго человѣка екатерининской эпохи; въ его головѣ необыкновенная масса общихъ идей, но онъ совсѣмъ не размышляетъ, и умъ его переполненъ готовыми понятіями; зачѣмъ же въ такомъ случаѣ и размышлять о нихъ. Не размышляя, онъ совсѣмъ не понимаетъ того, что его окружаетъ; эта любопытная патологическая черта, отличающая екатерининскихъ людей. Эта черта прежде всего сказалась въ томъ, что идеи и стереотипныя чувства не оказывали никакого дѣйствія на настроеніе и поступки людей; много, много по нервной чувствительности, унаслѣдованной отъ елизаветинскихъ отцовъ, эти идеи потрясали нервы, вызывали слезы, но какъ скоро высыхали онѣ, человѣкъ ничего не измѣнялъ въ своихъ поступкахъ подъ вліяніемъ идей и чувствъ. Въ екатерининскомъ образованномъ человѣкѣ было два яруса: ярусъ идей и ярусъ поступковъ, наверху, въ своемъ умственномъ бельэтажѣ, онъ былъ высоко-образованнымъ европейцемъ, а когда спускался въ нижній этажъ, онъ оправдывалъ острое слово одного француза: «по-

скаблите русскаго, и передъ вами явится татаринъ». Черствость гражданскаго и нравственнаго чувства — печальное явленіе, съ которымъ всюду встрѣчается изучающій общественные нравы того времени.

Этотъ недостатокъ размышленія и пониманія дѣйствительности тяготѣлъ даже надъ литературою, надъ ея самыми даровитыми представителями. Литература екатерининскаго времени любопытна для насъ, потому что она вся чисто дворянская; не встрѣтите ни одного знатнаго имени, котораго вы не нашли бы въ бархатной книгѣ. Самымъ даровитымъ и умнымъ изъ ея дѣльцовъ надобно считать Фонвизина; это былъ не только талантъ, но и замѣчательный умъ, и, однако, онъ понесъ на себѣ всю тяжесть въ этихъ неестественныхъ отношеніяхъ русскаго образованнаго человѣка къ дѣйствительности. Возьмите его лучшія комедіи, эти отвлеченные трактаты о добродѣтеляхъ и порокахъ, трактаты о добродѣтеляхъ у него облечены въ небывалыя фигуры Стародума и Правдина, взятыхъ Богъ знаетъ съ какой общественной почвы. Да и самъ Недоросль, повидимому, схваченный съ дѣйствительности, есть только пріятное драматическое развлеченіе для дѣтей; это такое же небывалое лицо, какъ и Правдинъ; это не образъ изъ дѣйствительности, а драматическая каррикатура, комическій анекдотъ.

Но непониманіе дѣйствительности постепенно развилось въ болѣе горькое чувство, и чѣмъ успѣшнѣе русскій умъ прошедшаго столѣтія усваивалъ себѣ плоды чужихъ идей, тѣмъ скучнѣе и непригляднѣе казалась ему своя дѣйствительность. Она была тамъ похожа на міръ, изъ котораго выросла его идея; онъ никакъ не могъ примириться съ родной обстановкой, и ему ни разу не пришла на умъ мысль, что онъ долженъ улучшить эту обстановку упорнымъ трудомъ, чтобы приблизить ее къ любимымъ идеямъ; что и на Западѣ эти идеи не вычитаны были въ уютномъ кабинетѣ, а выработаны потомъ и политы кровью. Такъ какъ его умственное содержаніе доставалось ему легко, такъ какъ бралъ онъ его просто за деньги, напрокатъ, какъ все бралъ изъ магазина, то онъ не могъ подумать, что идея—это только цвѣтъ, украшеніе, которое является результатомъ продолжительнаго и упорнаго труда поколѣній. Почувствовавъ отвращеніе къ родной дѣйствительности, русскій образованный умъ долженъ былъ почувствовать себя одинокимъ въ мірѣ, у него не стало почвы. Та почва, съ которой онъ срывалъ философскіе цвѣтки, была ему чужда, та почва, на которой онъ стоялъ, совсѣмъ не давала такихъ цвѣтковъ, и образованный человѣкъ того времени не зналъ, куда дѣться. Тогда имъ овладѣла та космополитическая безпредѣльная скорбь, которая потомъ такъ пышно развилась въ образованныхъ людяхъ нашего XIX в. Есть и печальные образчики жертвъ этой скорби, и рядъ ихъ начинается еще въ царствованіе Екатерины.

По отдѣльнымъ лицамъ изъ образованнаго русскаго общества того времени мы можемъ наглядно наблюдать всѣ указанные результаты французскаго вліянія. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ играли роли и въ нашей политической исторіи, другія оставались въ тѣни, но тѣ и другія одинаково любопытны и, если угодно, одинаково трагичны. Въ первомъ ряду надо поставить княгиню Дашкову. Это очень характерная представительница русскаго образованнаго общества того вре-

мени. Она еще въ дѣтствѣ зачитывалась Вольтеромъ, Вейлемъ и др., зачитывалась до головокруженія, до нервнаго разстройства; потомъ какъ извѣстно, за свое знакомство съ французской философіей, она даже была посажена на президентское кресло въ Академіи Наукъ. Когда она разошлась съ Екатериной и удалилась въ частную жизнь, она стала нелюдимой, и поселившись въ Москвѣ, рѣдко съ кѣмъ видалась, еще рѣже съ кѣмъ разговаривала и ничѣмъ не интересовалась. Чтобы наполнить свой досугъ она—президентъ Академіи Наукъ—приручила къ себѣ нѣсколько домашнихъ крысъ, которыя составляли все ея общество. Смерть дѣтей ее трогала мало; но судьба крысъ дѣлала ее на цѣлые дни тревожной. Только высоко образованные люди екатерининскаго времени могли начать Вольтеромъ и кончить ручными крысами.

Гораздо печальнѣе другой представитель екатерининскаго вольнодумства. Это былъ богатый помѣщикъ Николай Еремѣичъ Струйскій. Онъ нѣкогда служилъ губернаторомъ во Владимірѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ огромномъ пензенскомъ имѣніи. Въ этой усадьбѣ онъ построилъ великолѣпный дворецъ, въ которомъ была богато украшенная зала въ два свѣта; кабинетъ свой онъ называлъ Парнасомъ; уже это свидѣтельствуетъ намъ о литературныхъ вкусахъ хозяина. Весь этотъ кабинетъ былъ заваленъ книжками; то были модныя французскія книги и Вольтеръ наверху всѣхъ. Струйскій былъ самъ литераторъ, писалъ стихи и поклонялся политическому таланту Вольтера. До революціи при Екатеринѣ свободно учреждались частныя типографіи, которыя дѣйствовали безъ цензуры, безъ инспекторскаго надзора. Струйскій завелъ у себя въ деревнѣ типографію, которая была чуть ли не лучшей въ Россіи, на которую онъ тратилъ большую часть своего значительнаго дохода. Вся типографія служила литературнымъ усиліямъ хозяина, онъ только въ ней и печатался. Свои стихи онъ любилъ раздавать знакомымъ, или, что гораздо хуже, любилъ ихъ читать своимъ гостямъ. Бывало усадитъ посѣтителя около себя въ креслѣ, возьметъ свое новое произведеніе и начнетъ читать его, и читая, приходитъ постепенно въ восторгъ, все болѣе щиплетъ своего сосѣда во что ни попало. Это былъ единственный поэтъ XVIII в., который умѣлъ своею бездарностью превзойти Третьяковскаго. Но это только забавы и довольно безвредныя, если забыть о синякахъ, съ которыми уходили гости. Но у него были болѣе печальныя наклонности. Онъ былъ высоко образованный юристъ, который въ этомъ не даромъ подражалъ своей императрицѣ. Онъ устроилъ у себя въ деревнѣ настоящій правильно организованный по-европейски судъ надъ крестьянами. Мужиковъ ставили въ кабинетѣ барина, самъ баринъ произносилъ обвинительныя рѣчи по всѣмъ правиламъ западной юриспруденціи; только эпилогъ этихъ судебныхъ засѣданій былъ въ чисто русскомъ вкусѣ, обвиненнаго крестьянина онъ пыталъ по древне-русскому, для чего имѣлся у него въ подпольѣ огромный арсеналъ орудій пытки. Это былъ отвратительнѣйшій цвѣтъ русско-французской цивилизаціи прошлаго столѣтія.

Наконецъ, встрѣчаемъ и одну жертву западно-европейскаго образованія, которая способна на насъ произвести глубокое впечатлѣніе, если только забудемъ, что это была жертва отъ скуки. Въ своемъ ярославскомъ имѣніи проживалъ, зажиточный помѣщикъ Опочининъ;

онъ былъ поклонникъ французской философіи и благодаря этой философіи, сталъ въ непримиримую вражду съ русской дѣйствительностью. Но, повидимому, это былъ не только любознательный читатель, но и чувствительный, честный человѣкъ, онъ не могъ примириться съ этимъ противорѣчіемъ и въ 1793 году застрѣлился. Послѣ себя онъ оставилъ любопытное завѣщаніе, и это завѣщаніе вскрываетъ весь ужасъ послѣдствій, къ которымъ приводило досужее образованіе. «Будущее», говоритъ завѣщатель, «обѣщало мнѣ своевольное и пріятное существованіе». Но жизнь ему опротивѣла своею скоропроходимостью; онъ предпочелъ бытію переходъ въ ничто. «А самое отвращеніе къ нашей русской жизни есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить своевольно свою судьбу». Онъ завѣщаетъ два семейства дворовыхъ отпустить на волю, хлѣбъ раздать крестьянамъ. Составивъ завѣщаніе, съ пистолетомъ въ рукѣ онъ бросилъ взглядъ и на покидаемыя книги, онѣ только растрогали его до глубины души. «Книги мои, любимыя книги не знаю кому завѣщать ихъ, я увѣренъ, что въ здѣшней странѣ онѣ никому не надобны; прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню. Онѣ были первое мое сокровище, онѣ только и питали меня въ моей жизни, онѣ были главнымъ пунктомъ моихъ удовольствій напослѣдокъ; если бы не было ихъ, то моя жизнь текла бы въ безпрерывныхъ огорченіяхъ, и я давно оставилъ бы свѣтъ съ презрѣніемъ». Но какъ Струйскій пораженъ былъ ударомъ, лишь только получилъ вѣсть о смерти Екатерины, не умѣвъ перенести ея, какъ человѣкъ чисто екатерининскаго времени, такъ и Опочининъ даже передъ лицомъ смерти, забывая все, не могъ забыть своихъ пріятныхъ литературныхъ упражненій; за нѣсколько минутъ до смерти, онъ имѣлъ духъ начать переводъ стихотворенія Вольтера: «О, Боже, котораго мы не знаемъ». Далѣе слѣдуютъ точки, поставленныя передъ выстрѣломъ.

Припомните теперь русскаго «петиметра», выведеннаго въ одной изъ комедій Сумарокова, того самаго, который такъ огорчился несчастіемъ быть русскимъ и говорить на русскомъ языкѣ. Сравните этого пустого петиметра съ Опочининымъ, и вы найдете, что они родные братья; они одинаково безполезны для русской жизни, одинаково ея не понимаютъ и относятся къ ней съ одинаковымъ отвращеніемъ. Таковъ былъ послѣдній моментъ того процесса, который совершился въ нашей общественной и умственной жизни въ царствованіе Екатерины. Намъ остается подвести послѣдніе итоги дѣятельности этой императрицы, чтобы перейти къ изученію дальнѣйшаго времени.

Значеніе царствованія Екатерины II.

Мы сдѣлали обзоръ царствованію Екатерины, разсмотрѣли ея внѣшнюю и внутреннюю преобразовательную дѣятельность, въ этой послѣдней пересчитали важнѣйшія перемѣны, происшедшія какъ въ администраціи, въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ такъ и въ соціальныхъ отношеніяхъ, въ связи съ которыми видѣли успѣхи общежитія, развитіе идей и образованія. Теперь намъ остается отмѣтить условія, которыя опредѣляли характеръ дѣятельности Екатерины, а потомъ сдѣлать историческую оцѣнку ея царствованія.

Въ дѣятельности Екатерины мы встрѣчаемъ черты, которыхъ не видѣли въ нашей исторіи до тѣхъ поръ; эти черты, впрочемъ, сообщены были дѣятельности правительства не столько личностью императрицы, сколько происхожденіемъ ея власти и обстоятельствами, среди которыхъ она дѣйствовала. Личность императрицы имѣетъ болѣе драматическій, чѣмъ историческій интересъ; появленіе ея на русскомъ престолѣ само по себѣ не было новымъ явленіемъ, подобнаго которому мы не встрѣчали прежде. XVIII вѣкъ, когда прервалось старое политическое преданіе Московскаго государства, былъ вѣкомъ случайностей во всемъ; тогда у насъ все было случайно, лица, какъ и порядки, факты, какъ и идеи. Екатерина принадлежала къ тому же порядку явленій; она была царственной случайностью; но ея дѣятельность представляетъ новое сочетаніе элементовъ, какое мы не встрѣчали въ нашей исторіи. Мы встрѣчали прежде лицъ, которыя, сидя на престолѣ, дѣйствовали черезъ русскихъ, только не въ національномъ духѣ; встрѣчали руководителей общества, которые дѣйствовали въ національномъ духѣ, не черезъ русскихъ; встрѣчали власть, соединенную въ лицѣ иностраннаго происхожденія, но пріобрѣтенную законнымъ путемъ. Теперь мы встрѣчаемъ новое сочетаніе, которое можно обозначить такъ: лицо иностраннаго происхожденія съ властью добытою революціоннымъ путемъ, стремилось дѣйствовать популярно, въ чисто русскомъ духѣ и черезъ русскихъ. Въ этомъ сочетаніи— источникъ особенностей, которыми отличается дѣятельность Екатерины. Происхожденіемъ ея власти обусловлена была политика, ея образъ дѣйствій; власть, пріобрѣтенная незаконно, заставляла искать оправданій для захвата въ популярномъ образѣ дѣйствій. Впервые на русскомъ престолѣ встрѣчается носительница русской власти, которая болѣе всего заискивала популярности; это новый пріемъ, какой усваиваетъ себѣ верховная власть въ нашей исторіи. Старые московскіе государи до Петра смотрѣли на свою власть, какъ на дѣйствительное достояніе, которое они получили отъ предковъ и безъ котораго они не могли себя представить; они обладали властью, но не въ полной ея мѣрѣ, подобно капиталисту, который не живетъ во всю широту своихъ средствъ; они не напрягали ее, не старались усиленно устраивать общество, какъ могли его устроить, или какъ хотѣли. При Петрѣ характеръ власти измѣняется. Для этого государя она была такимъ же наслѣдственнымъ достояніемъ, какъ и для его предшественниковъ, но онъ довелъ ее до крайняго напряженія; онъ пользовался ею шире, чѣмъ сколько обладалъ ею; хотѣлъ регулировать, или устроить такія отношенія, которыя доступны верховной власти. Въ рукахъ Екатерины власть получила иную физіономію. Обладая ею въ широкихъ размѣрахъ, она какъ будто немного совѣстилась ея, какъ будто старалась оправдать ее; это сообщило ея дѣятельности такія мягкія формы, какихъ верховная власть у насъ не имѣла до тѣхъ поръ. Эти мягкія формы—та сторона, которая наиболѣе подкупаетъ наблюдателей въ исторіи ея царствованія; но за нею скрывается другая.

Екатерина попала въ потокъ исторической жизни совершенно случайно, со стороны, и никогда не могла впослѣдствіи войти въ него. Она много старалась объ изученіи этой жизни, ея прошедшаго и настоящаго; но ей не удалось достигнуть такого пониманія потребно-

стей и вопросовъ этой жизни, какое дается наслѣдственной связью съ нею, родствомъ съ управляемымъ обществомъ. Вотъ почему она не представляла себѣ ясно, что нужно сдѣлать и въ какомъ направленіи дѣйствовать. Ее часто выручали трудолюбивое изученіе русской дѣйствительности, внимательныя наблюденія; но изъ обзора ея царствованія мы видимъ, что ни одинъ изъ вопросовъ, которые она старалась рѣшить, не былъ рѣшенъ и даже поставленъ ею прямо.

Отсюда происходитъ недостаточность отчетливости, ясности въ программѣ ея дѣйствій; происхожденіе власти прибавило къ этому еще нерѣшительность дѣйствій.

Благодаря соединенію этихъ свойствъ, мы наблюдаемъ двойное движеніе въ нашей жизни, которою старалась руководить Екатерина. Не зная хорошо потребностей и очередныхъ вопросовъ Екатерина отдавалась теченію; какъ его направляли ея предшественники; она не хотѣла ни измѣнить этого теченія, ни замѣнить его другимъ, ни отклонить его въ сторону, но она была связана извѣстными обстоятельствами, которыя заставили ее дѣйствовать рука объ руку съ одной силой въ обществѣ, а не руководить интересами различныхъ частей общества, примиряя ихъ. Не имѣя возможности примирить ходъ явленій, она отдавала ихъ направленіе въ руки того класса, которому они были обязаны возникновеніемъ; она давала свое верховное „да“ тому, чего желала эта сила—дворянство. Вотъ почему въ царствованіе Екатерины довершались тѣ же процессы, какіе мы наблюдали въ нашей исторіи раньше, только развитіе прежнихъ фактовъ получаетъ нѣсколько иной характеръ. Всѣ неразрѣшенные вопросы разрѣшаются, но въ интересахъ одного сословія. Верховная власть не думаетъ о примиреніи его интересовъ съ выгодами другихъ классовъ общества; вотъ почему въ нашей исторіи не было царствованія, которое можно было бы назвать въ такой степени дворянскимъ; я даже готовъ утверждать, что это было единственное дворянское царствованіе въ нашей исторіи. Такимъ образомъ, то, что сдѣлано было при Екатеринѣ, сдѣлано была бы и безъ нея рано или поздно; лица въ нашей исторіи всегда значили много, но значеніе ихъ хронологическое, т. е. при извѣстномъ лицѣ дѣлается то же, что сдѣлалось бы и безъ него. Но только оно дѣлается раньше или позже; то, что совершилось при Екатеринѣ, совершилось бы и безъ нея, хотя можетъ быть совершившіеся факты не имѣли бы такого одностороняго сословнаго развитія.

Другая черта сообщена была ходу явленій обстоятельствами, при которыхъ дѣйствовала Екатерина. Разныя причины, намъ уже извѣстныя, связали успѣхъ русскаго образованія и общежитія съ идеями, какія тогда бурнымъ потокомъ шли изъ Франціи. Политическое положеніе, созданное дворянствомъ, развило въ немъ охоту къ этимъ идеямъ; благодаря этому, факты, созданные нашей давней исторіей, въ царствованіе Екатерины и получили иную наружную окраску; они были, такъ сказать, пріодѣты новыми понятіями, которыя въ сущности съ ними не имѣли ничего общаго. Факты, иногда суровые, непривлекательные сами по себѣ, теперь были только принаряжены тѣми словами или идеями, которыми сопровождалось ихъ закрѣпленіе; достаточно указать на одинъ крупный фактъ времени: крѣпостное право завязалось и развилось до Екатерины; но при Екатеринѣ оно закрѣпилось при громѣ хорошихъ словъ о свободѣ, эти слова, по

крайней мѣрѣ, отнимали у факта его наружную горечь, это не было выгодно для успѣха нашего развитія, это смягчало только впечатлѣніе, какое производилъ фактъ того времени. Вотъ, что значило то положеніе, которымъ я началъ изученіе этого царствованія; мы видѣли, что всѣ результаты этого царствованія можно обозначить такъ: царствованіе Екатерины развивало и довершало старые факты нашей исторіи, давая имъ нѣсколько одностороннее направленіе (соблюдая интересы одного дворянскаго сословія); въ то же время оно распространяло въ обществѣ цѣлый рядъ новыхъ идей; и ни тѣ, ни другія не прошли безслѣдно для нашей дальнѣйшей жизни. Но встрѣча такихъ внутреннихъ противорѣчій сообщила особый характеръ нашей жизни; въ ней надо различать историческіе процессы—факты въ простомъ смыслѣ—нравы и понятія. Процессы были старорусскіе, туземные, чисто національные; нравы представляли смѣсь остатковъ старины съ обычаями заимствованными со стороны; идеи, какія развились въ высшемъ обществѣ были всѣ чуждыя, привезенныя, и не имѣли ничего общаго съ туземными фактами.

Указавъ условія, которыми опредѣляется характеръ дѣятельности Екатерины, попытаемся на основаніи результатовъ этой дѣятельности сдѣлать историческую оцѣнку царствованія Екатерины II. Значеніе извѣстной исторической эпохи опредѣляется тѣмъ, насколько увеличились или уменьшились въ эту эпоху, подъ вліяніемъ историческаго дѣятеля, народныя средства. Средства, которыми располагаетъ народъ, бываютъ либо матеріальныя, либо нравственныя. Намъ нужно разрѣшить вопросъ, насколько увеличились или уменьшились матеріальныя и нравственныя средства русскаго государства въ царствованіе Екатерины.

Что касается средствъ матеріальныхъ, то надо сказать, что они увеличились въ громадной пропорціи. Въ царствованіе Екатерины государственная территорія почти достигала своихъ естественныхъ границъ на югѣ и на западѣ. Изъ пріобрѣтеній сдѣланныхъ на югѣ, было образовано три губерніи: Таврическая, Херсонская и Екатеринославская, не считая возникшей тогда же земли войска черноморскаго. Изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ на западѣ, со стороны Польши, было образовано 8 губерній. Итакъ изъ пятидесяти губерній, на которыя была раздѣлена Россія, цѣлыхъ 11 были пріобрѣтены въ царствованіе Екатерины. Эти матеріальные успѣхи являются еще въ болѣе осязательномъ видѣ, если мы сравнимъ населенность страны въ началѣ царствованія и въ концѣ его. Въ началѣ царствованія Екатерины, въ 1762—63 гг., была произведена III ревизія; по разсчету пропорція ревизскихъ душъ къ общему количеству населенія, послѣдняго считалось по 3-ей ревизіи 14—20 милліоновъ. Въ концѣ царствованія Екатерины въ имперіи считалось по 5-ой ревизіи не менѣе 34 мил. Государственныхъ доходовъ въ 1762 г. считалось 16 мил., въ 1796 г. 68 мил. Итакъ населеніе государства въ продолженіе царствованія почти удвоилось; сумма государственныхъ доходовъ слишкомъ учетверилась. Значитъ, не только увеличилось число плательщиковъ, но возвысились и государственные платежи, возвышеніе которыхъ обыкновенно принимается за знакъ усиленія производительности народнаго труда. Итакъ, матеріальныя средства въ царствованіе Екатерины чрезвычайно усилились.

Напротивъ, средства нравственныя стали слабѣе. Нравственныя средства, которыми располагаетъ государство, сводятся къ двумъ порядкамъ отношеній. Во первыхъ, они стоятъ въ единствѣ интересовъ, связывающихъ различныя племенныя и соціальныя части государства другъ съ другомъ, во вторыхъ, въ способности руководящаго класса руководить обществомъ. Въ свою очередь эта способность зависитъ отъ юридической постановки руководящаго класса въ обществѣ, отъ степени пониманія положенія общества и отъ степени политической подготовки руководить имъ. Эти нравственныя средства государства въ царствованіе Екатерины значительно пали. Прежде всего усилилась рознь племенныхъ интересовъ составныхъ частей государства. Въ первый составъ населенія этого государства, польскими раздѣлами введенъ былъ новый, чрезвычайно враждебный элементъ, который не только не усилилъ, не поднялъ, но значительно затруднилъ наличныя силы государства. Прежде на западной окраинѣ существовалъ одинъ элементъ, на который русское общество должно было тратить значительныя усилія, этотъ элементъ состоялъ изъ нѣмецкаго населенія завоеванныхъ Петромъ остзейскихъ провинцій. Теперь къ этому элементу, который съ трудомъ растворялся въ составѣ русскаго населенія, присоединился другой—можетъ быть, столь же неподатливый—польское населеніе провинцій Рѣчи Посполитной. Польскій элементъ въ старинныхъ русскихъ областяхъ не составилъ бы ни малѣйшаго затрудненія для русскаго государства. Онъ исчезъ бы подъ вліяніемъ перваго благопріятнаго вѣтра съ Востока. Но этотъ элементъ сталъ силой благодаря тому, что въ составъ территоріи русскаго государства, кромѣ юго-западныхъ областей, введены были и нѣкоторыя части настоящей Польши. Зато одна изъ важныхъ областей юго-западной Руси, связанная органически съ остальными—Галиція, очутилась за предѣлами русскаго государства, усиливая разладъ, внесенный въ наши западныя международныя отношенія.

Далѣе, усилилась рознь между соціальными составными элементами коренного русскаго общества; это усиленіе розни было слѣдствіемъ тѣхъ отношеній, въ какія поставлены были законодательствомъ Екатерины два основныхъ класса русскаго общества—дворянство и крѣпостное крестьянство. Чтобы объяснить значеніе и происхожденіе этой розни, надобно припомнить ходъ нашей внутренней государственной жизни со времени Петра. Петръ разрѣшилъ одинъ рядъ вопросовъ внутренней политики, которые всѣ сводятся къ одному, къ вопросу объ устройствѣ государственнаго хозяйства въ связи съ поднятіемъ производительности народнаго труда. Вся внутренняя дѣятельность Петра имѣла характеръ экономическій; коренныя основы юридическаго порядка при немъ остались нетронутыми. Но законодательство Петра, устроивъ народную и государственную жизнь, оставило одинъ важный политическій пробѣлъ—этотъ пробѣлъ состоялъ въ уничтоженіи установленнаго обычаемъ стараго порядка престолонаслѣдія. По закону 5 февраля 1722 г. назначеніе наслѣдника было предоставлено личному усмотрѣнію царствующаго государя. Такъ какъ послѣ Петра не осталось обычнаго наслѣдника, то этотъ законъ отдалъ престолъ на волю случая. Съ тѣхъ поръ, благодаря указанному пробѣлу, на нѣсколько десятилѣтій въ государственномъ управленіи водворился произволъ лицъ, господство случая. Среди этой борьбы случайностей разрушался и го-

сударственный порядокъ, завершенный Петромъ. Какъ мы знаемъ, этотъ порядокъ состоялъ въ принудительной разверсткѣ государственныхъ повинностей между всѣми классами общества; и въ государственномъ прикрѣпленіи сословій. Благодаря дѣйствію случая, одно сословіе получило возможность нѣсколько разъ распорядиться престоломъ, и начало превращаться изъ простого правительственнаго орудія въ правящій классъ, сбрасывая съ себя одну за другой прежнія свои государственныя обязанности, но не теряя прежнихъ правъ и даже пріобрѣтая новыя. Такъ одно сословіе достигло государственнаго раскрѣпленія, получило возможность жить для себя, руководясь сословными или личными интересами. Вслѣдъ за этимъ сословіемъ раскрѣпилось и другое, торгово-промышленное. Оба класса составляли незначительную часть всего населенія, но теперь они стали въ исключительное положеніе. Новое положеніе дворянства было признано закономъ, но оно подготовлено было не вполнѣ законнымъ порядкомъ, революціонными средствами. Освобожденіе дворянства отъ обязательной службы не совершилось бы такъ легко и скоро, если бы сословію не пришлось принять дѣятельное участіе въ дворцовыхъ переворотахъ по смерти Петра. Эти дворцовые перевороты и подготовили законодательное освобожденіе дворянства отъ обязательной службы. Точно такимъ же образомъ думало раскрѣпиться и крѣпостное крестьянское населеніе.

Вслѣдъ за дворянствомъ и оно хотѣло достигнуть свободы рядомъ законныхъ возстаній. Таковъ смыслъ многочисленныхъ крестьянскихъ мятежей, которые начались въ царствованіе Екатерины II и которые, постепенно распространяясь, слились въ громадный Пугачевскій бунтъ. Во имя общественнаго порядка не слѣдовало допускать этихъ сословій до такого насильственнаго раскрѣпленія: ихъ положеніе слѣдовало устроить законнымъ путемъ, посредствомъ правомѣрнаго опредѣленія отношеній къ землѣ. Этого правомѣрнаго опредѣленія не сдѣлало правительство Екатерины. Такимъ образомъ, отношенія двухъ основныхъ классовъ русскаго общества къ концу царствованія Екатерины представляли еще менѣе гармоніи, чѣмъ прежде; общественное разъединеніе стало еще рѣзче. Итакъ въ царствованіе Екатерины усилилась рознь какъ въ племенномъ, такъ и въ соціальномъ составѣ государства.

Съ другой стороны понизилась способность руководящаго класса руководить обществомъ. Руководителемъ общества было одно сословіе, дворянство, именно, его верхніе слои; вотъ почему, обращаясь къ изученію дальнѣйшаго времени, намъ нужно еще разъ бросить взглядъ на судьбу дворянскаго сословія и на то, какъ сложилось его общежитіе. Надобно припомнить положеніе сословія въ началѣ вѣка, въ царствованіе Петра. При Петрѣ дворянство еще несло обязательную службу, служба эта требовала мастеровой, военно-морской выучки, которая, впрочемъ, очень часто оставалась безъ примѣненія, потому что лишь незначительная доля дворянства нужна была для военной техники. При преемницахъ Петра дворянство продолжало нести обязательную службу; но теперь уже требовалось свѣтское образованіе, извѣстная салонная выправка, которая не нужна была для интересовъ службы, но составляла важное условіе для успѣха по службѣ. При Екатеринѣ дворянство не несло уже обязательной службы, поэтому отъ него не требовали ни того, что требовалъ Петръ, ни того, что

нужно было при его преемницахъ, ни военно-морской выучки, ни салонной выправки. Но въ сословіи если не выработалась привычка учиться, то оставалась отъ петровскаго времени смутная мысль о необходимости учиться; по крайней мѣрѣ, если дворянину, не нужно было быть навигаторомъ, то необходимо было усвоить минутную галантность и французскую салонную риторику. Это смутное воспоминаніе послужило почвой для дальнѣйшихъ успѣховъ образованія. Съ такой мыслью, или съ такимъ намѣреніемъ, сословіе вступило въ положеніе, созданное закономъ о вольности дворянства и оброчнымъ землевладѣльческимъ хозяйствомъ. Характеръ участія, которое предоставлено было дворянству при Екатеринѣ въ мѣстномъ управленіи, не внушалъ ему мысли о небходимости какого либо административнаго образованія; характеръ сельскаго хозяйства, какъ оно сложилось подъ дѣйствіемъ крѣпостного права, точно также не побуждалъ дворянъ-помѣщиковъ къ пріобрѣтенію какихъ-либо политико-экономическихъ или агрономическихъ свѣдѣній. Но это положеніе давало зажиточной части сословія обширный досугъ, который надо было наполнить всѣми послѣдствіями того положенія, въ какое дворянство стало, благодаря крѣпостному праву. Чувство дворянской чести, обычай, послужить въ молодости, выйти въ отставку при наступленіи зрѣлаго возраста, праздность, соединенная съ властью въ деревнѣ и съ легкостью добываемыхъ средствъ, все это, по отливѣ дворянства изъ столицы, произвело нѣкоторую перемѣну въ умственныхъ и нравственныхъ интересахъ сословія, нѣкоторое осложненіе въ программѣ его образованія. Къ требованію свѣтской галантности стала присоединяться потребность въ нѣкоторомъ литературномъ лоскѣ, интересъ къ чтенію, даже безъ заботы о содержаніи и примѣненіи прочитаннаго такъ просто чтобы занять праздный умъ и много, много пріобрѣсти матеріала для свѣтскихъ разговоровъ. Такимъ образомъ, петровскій дворянинъ, артиллеристъ и навигаторъ, превращается постепенно въ елизаветинскаго петиметра, а петиметръ въ екатерининскаго «homme de lettres», пока изъ послѣдняго не вышелъ дворянинъ философъ, массонъ или вольтерьянецъ; это было послѣднимъ моментомъ въ развитіи дворянскаго образованія.

На этомъ послѣднемъ моментѣ и сложился тотъ типъ, который въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній руководилъ русскимъ обществомъ, давалъ тонъ его понятіямъ и вкусамъ; мы назовемъ этотъ типъ неслужащихъ дворянъ—вольнодумцемъ; мы послѣ увидимъ его важное значеніе, обнаружившееся даже въ цѣломъ рядѣ политическихъ фактовъ; вотъ почему онъ заслуживаетъ вниманія. Положеніе его сплеталось изъ очень противорѣчивыхъ условій; прежде всего, общее положеніе его покоилось на политической несправедливости и вѣнчалось житейскимъ бездѣльемъ. Съ рукъ сельскаго дьячка учителя онъ переходилъ въ руки француза гувернера, довершалъ образованіе въ италіанскомъ театрѣ или французскомъ ресторанѣ, примѣнялъ пріобрѣтенныя познанія въ петербургскомъ салонѣ и доканчивалъ дни въ московскомъ или деревенскомъ кабинетѣ съ книжкой Вольтера въ рукахъ, подобно нашему знакомому Струйскому. Съ этой книжкой въ рукахъ гдѣ нибудь въ Поварской или въ Тульской деревнѣ онъ представлялъ очень странное явленіе; усвоенные имъ манеры, вкусы, привычки, понятія и симпатіи, самый языкъ—все у него было чужое,

привозное; а дома у него не было органической связи съ окружающимъ, никакого серіознаго житейскаго дѣла. Въ его рукахъ было мѣстное управленіе и землевладѣніе, но мѣстныя дѣла онъ предоставлялъ вести своимъ уполномоченнымъ, дворянскому предводителю и выборному исправнику, а хозяйство возлагалъ на крѣпостного приказчика или выписаннаго изъ за границы управляющаго, обыкновенно, нѣмца. Такъ ни идеи, ни практическіе интересы не привязывали его къ родной почвѣ, онъ вѣчно старался стать своимъ между чужими и только становился чужимъ между своими, былъ какимъ то пріемышемъ Европы: въ Европѣ въ насъ видѣли переодѣтаго по-европейски татарина, а въ глазахъ своихъ, онъ казался родившимся въ Россіи французомъ. Въ этомъ положеніи общественнаго межеумка, исторической ненужности было, если угодно, много трагическаго, и мы готовы жалѣть его, полагая, что ему самому становилось не по силамъ. Но случай, какой былъ съ Опочининымъ, былъ вообще рѣдокъ. Въ екатерининскомъ вольтерьянцѣ незамѣтно грусти, грустить онъ начинаетъ при Александрѣ, скучаетъ при Николаѣ I, пока, утомленный тревогами эмансипаціи, не задремалъ въ царствованіе Александра II. При Екатеринѣ онъ только празденъ, весело, бодро празденъ: онъ празднуетъ свой выходъ въ отставку послѣ вѣковой тяжелой службы и подобно кадету, только что выпущенному изъ корпуса, не налюбуется на свой сословный мундиръ, полученный по учрежденіямъ 1775 г. Трезвая работа жизни еще не представляется ему серіозной, онъ еще не успѣлъ вдуматься въ свое положеніе, упоенный медовымъ мѣсяцемъ свободы. Однако, его любимыя идеи, книжки, которыя онъ читалъ на досугѣ съ такимъ восторгомъ должны были, кажется, поставить его въ непримиримую вражду со всѣмъ окружающимъ, въ противорѣчіе съ самимъ собою. Любопытно, что онъ не чувствовалъ этого противорѣчія, ни съ чѣмъ не сталкивался, и въ этомъ его характерная черта, спасавшая его отъ многихъ бѣдъ. Заносныя понятія наполняли его голову, сообщали блескъ его уму, украшали его рѣчь, простирали свое дѣйствіе даже на его нервы; русскій дворянинъ никогда не былъ такъ впечатлителенъ, такъ воспріимчивъ, никогда не увлекался и не плакалъ такъ охотно, какъ въ царствованіе Екатерины; онъ тогда приходилъ въ восторгъ и плакалъ даже отъ хорошихъ словъ, но и только. Слезы, восторженность были только патологическимъ развлеченіемъ, нервнымъ моціономъ, необходимымъ для поддержки душевнаго равновѣсія, и не отражались на волѣ, не переходили въ поступки, не становились дѣломъ. Вольтерьянецъ спокойно читалъ страницы о правахъ человѣческихъ рядомъ съ дѣвичьей, и оставался искреннимъ вольнодумцемъ и гуманистомъ, идя расправляться съ неисправнымъ слугою на конюшню. Новый кругъ идей измѣнилъ настроеніе, но не дѣйствовалъ на порядокъ, смягчалъ чувства, но не отношенія. Это разобщеніе мысли и дѣла—самая глубокая черта, характеризующая дворянское образованное общество временъ Екатерины. Къ такому концу привели искусственные интересы, какими необходимо было наполнить оторванную отъ народа жизнь сословія.

Не думайте, однако, что дворянскій досугъ, созданный крѣпостнымъ правомъ, былъ безплоднымъ бездѣліемъ; умственное содержаніе, усвоенное сословіемъ, было чужое, но это было естественнымъ слѣдствіемъ положенія, какое занимало дворянское сословіе: кто жи-

ветъ чужимъ трудомъ, тотъ непремѣнно со временемъ будетъ жить чужимъ умомъ. Но дворянинъ вольнодумецъ XVIII в. не былъ полной исторической ненужностью, хотя и получилъ свой сословный мундиръ въ то время, когда пересталъ служить; онъ не безплодно увлекался свободолюбивыми книгами, когда получилъ въ полное владѣніе крѣпостныхъ. Самъ по себѣ онъ психологическій куріозъ, который можетъ занять художника, но онъ имѣлъ и нѣкоторое историческое значеніе: онъ—звено въ цѣпи различныхъ моментовъ, какіе были пройдены нашей жизнью, онъ—передаточный пунктъ, посредникъ умственнаго вліянія, который свой умственный запасъ, безплодно въ немъ лежавшій, по крайней мѣрѣ, безплодный для общества передаетъ дальнѣйщему поколѣнію, которое попытается пустить его въ оборотъ, основать на немъ, удачно или нѣтъ, новый порядокъ государственныхъ и общественныхъ отношеній. Передъ нами теперь и стоитъ поколѣніе, которому былъ переданъ этотъ умственный запасъ и которое впервые попыталось пустить его въ оборотъ, измѣнить съ помощью его дѣйствовашій порядокъ. Поколѣніе это постепенно выступаетъ на сцену со смерти Екатерины. Время съ 1796 г. продолжаетъ развитіе фактовъ, какіе мы видѣли въ продолженіе XVIII в. выдвигаетъ рядъ новыхъ явленій, которыя, очевидно, служатъ предвѣстникомъ новаго періода нашей исторіи, имѣющаго наступить рано или поздно. Къ изученію этого времени мы теперь и переходимъ.

ПОСЛѢДНІЙ ОТДѢЛЪ НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(1797—1855).

Основные факты Русской Исторіи въ XIX в.

Мы переходимъ къ послѣднему отдѣлу новой русской исторіи который обнимаетъ конецъ XVIII в., начиная со смерти Екатерины II, и первую половину XIX столѣтія. Перечислимъ предварительно тѣ главныя явленія, которыя характеризуютъ этотъ новый періодъ нашей исторіи; на нихъ мы сосредоточимъ наше вниманіе въ дальнѣйшемъ изложеніи. Эти новые факты мы встрѣчаемъ, какъ во внѣшней политикѣ, такъ и во внутренней дѣятельности правительства, слѣдовавшаго за Екатериной.

Главной цѣлью политики Россіи до конца XVIII в. было національное объединеніе Руси; Русское государство до тѣхъ поръ собирало части русскаго народа, оторванныя отъ него въ разное время. Къ концу XVIII в. оно стало наконецъ, въ своихъ національныхъ предѣлахъ, территорія Россійской имперіи теперь захватила почти всѣ части русскаго народа и всю восточную равнину Европы; только одна Галиція доселѣ остается за предѣлами государства. Но въ то время, какъ территорія государства достигаетъ своихъ естественныхъ границъ, во внѣшней политикѣ Россіи появляется другая цѣль; это та цѣль, которая доселѣ стоитъ передъ нами. Съ тѣхъ поръ, какъ на политической картѣ Европы не стало Польши Россія оставалась единственнымъ государствомъ славянскимъ, православнымъ. Тогда, достигнувъ географической округленности и національнаго объединенія, Россія начинаетъ призывать къ политическому бытію различныя мелкія народности, имѣющія съ ней родство племенное, либо религіозное, либо религіозно-племенное. Эта новая цѣль вызвала рядъ войнъ, которыя вела Россія въ продолженіе XIX в. Такимъ образомъ, политика русско-національная, достигнувъ своей цѣли, превратилась въ политику православно-славянскую.

Новыя факты встрѣчаются и во внутренней дѣятельности правительства; чтобы замѣтить ихъ, надо припомнить строй стараго Московскаго государства, какъ онъ сложился къ концу царствованія Петра. Мы видѣли, что государственный порядокъ держался на принудительной разверсткѣ государственныхъ повинностей между разными классами общества. Каждый изъ этихъ классовъ, неся общегосударственныя тяжести, былъ еще прикрѣпленъ къ извѣстному спеціальному служенію. Въ продолженіе XVIII в., со смерти Петра, начинается новое движеніе въ государственномъ устройствѣ; съ общественныхъ

классовъ снимаются постепенно ихъ спеціальныя крѣпостныя службы, и остаются на нихъ лишь общія государственныя повинности, которыя долженъ внести каждый членъ государства, каждый подданный. Эта постепенная эмансипація сословій, раскрѣпленіе общественныхъ классовъ, начинается сверху, съ дворянства; оно уже въ продолженіе XVIII в. коснулось и положенія другого класса—городского, съ котораго дворянскою жалованною грамотою 1785 г. также сняты были прежнія городскія обязательныя повинности. Теперь очередь оставалась за сельскимъ населеніемъ, эмансипація этого класса, которая должна была завершить переустройство общества, составляетъ важнѣйшій предметъ внутренней дѣятельности правительства. Итакъ, въ продолженіе изучаемаго времени во внутренней нашей жизни завершилось движеніе, начатое со смерти Петра; это движеніе должно привести къ освобожденію всего общества.

Рядомъ съ этимъ совершается постепенно и другой фактъ, который является послѣдствіемъ перваго. Въ старомъ Московскомъ государствѣ XVI в. правительство, нуждаясь въ содѣйствіи общества для государственныхъ цѣлей, призывало всѣ его классы къ совмѣстной дѣятельности, которая и выражалась въ Земскомъ Соборѣ. Въ XVIII ст. болѣе точная разверстка государственныхъ повинностей между общественными классами повела къ обособленію сословій. Какъ скоро на каждый классъ легла своя особая спеціальная повинность, не стало общихъ интересовъ между сословіями; они обособились, замкнулись каждая въ своей тѣсной сферѣ дѣятельности; какъ скоро между сословіями не стало общихъ интересовъ, прекратилась и совмѣстная ихъ дѣятельность, палъ Земскій Соборъ. Земскіе соборы прекращаются въ XVII ст. не по чьему либо капризному желанію, не вслѣдствіе давленія съ какой-нибудь стороны, а вслѣдствіе того, что сословія, обособившись, разошлись другъ съ другомъ, потеряли общую почву утратили общіе интересы; имъ нечего было дѣлать вмѣстѣ. Попытки, сдѣланныя въ XVIII в. чтобы возстановить эту совмѣстную дѣятельность не удалось; въ губернскихъ учрежденіяхъ Екатерины мы встрѣчаемъ нѣсколько присутственныхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчаются выборные отъ разныхъ классовъ общества; такъ напр., былъ соотвѣтственный судъ гдѣ засѣдали выборные дворянства, городского класса, былъ приказъ общественнаго призрѣнія и др. Но эти учрежденія, довольно искусственныя по своему устройству, не воскресили совмѣстной дѣятельности сословій; между которыми попрежнему мало было общихъ интересовъ. Возстановить эту совмѣстную дѣятельность было невозможно уже потому, что одинъ основной классъ общества— крѣпостное крестьянство—былъ отданъ въ личное распоряженіе другого сословія; какъ скоро и съ крѣпостного крестьянина была снята спеціальная государственная повинность, т. е. личная зависимость отъ дворянства, стало возможнѣе возстановленіе совмѣстной дѣятельности всего общества, такъ давно прекратившейся. Земскія учрежденія Александра II и возстановили эту дѣятельность, призвавъ представителей всѣхъ свободныхъ классовъ помогать государству въ извѣстныхъ дѣлахъ. Вотъ три основныхъ факта нашей внутренней исторіи, начиная съ конца XVIII ст.: завершеніе эмансипаціи сословій, раскрѣпленіе крѣпостного крестьянства и возстановленіе совмѣстной дѣятельности сословій уничтоженной благодаря ихъ обособленности въ XVII в. Эти три факта, преимуще-

ственно два послѣднихъ, характеризуютъ нашу внутреннюю жизнь и составляетъ предметъ преимущественнаго нашего изученія.

Новыя стремленія, которыя привели къ такимъ перемѣнамъ, были уже заявлены въ царствованіе, слѣдующее за смертью Екатерины; только этотъ первый приступъ правительства къ новой программѣ былъ не вполнѣ удаченъ; такъ какъ задачей внутренней дѣятельности правительства было уравненіе всѣхъ классовъ передъ закономъ, то понятно, что эта дѣятельность должна была получить какъ мы привыкли выражаться — демократическій характеръ; такъ прежде чѣмъ явилось учрежденіе, призвавшее всѣ свободные классы общества къ совмѣстной дѣятельности, руководство дѣлами должно было принадлежать спеціальнымъ органамъ правительства; дворянство теперь все болѣе теряетъ свое правительственное значеніе и орудіями правительства должны были стать его представители, мастера; вотъ почему изучаемое время, при демократической программѣ правительства, отличалось бюрократическимъ управленіемъ. Управленіе XVIII в. сословное, дворянское; управленіе въ XIX в, получило чиновничій, бюрократическій характеръ. Такимъ образомъ время съ 1796 и по 1855 г. можно назвать въ нашей исторіи эпохой господства бюрократіи.

Укажемъ напередъ послѣдовательность, съ какой развивались выше указанныя явленія нашей внутренней жизни. Въ каждый изъ моментовъ сходныя явленія шли почти въ одинаковомъ порядкѣ. Въ извѣстное царствованіе раздавались робкіе или громкіе голоса противъ существующаго порядка, заявляя новыя желанія, новыя стремленія общества; слѣдующее царствованіе усвоило себѣ заявленныя стремленія и начинало робко или рѣшительно проводить ихъ во внутренней преобразовательной дѣятельности. Но обыкновенно случалось такъ, что какое-нибудь препятствіе, обыкновенно внѣшнее, именно война, останавливало правительство на полудорогѣ въ его преобразовательной работѣ; тогда начавшееся движеніе уходило въ глубь общества и принимало различныя формы. Уже въ концѣ царствованія Екатерины раздавались одинокіе голоса противъ существующаго порядка особенно противъ тѣхъ отношеній, какія установились между основными классами общества, дворянствомъ и крѣпостнымъ крестьянствомъ. Правительства императоровъ Павла и Александра I усвоили себѣ заявленныя стремленія и проводили ихъ, хотя съ неодинаковымъ успѣхомъ. Начавшаяся война остановила Александра I на его пути, который онъ началъ такъ рѣшительно; тогда начавшееся движеніе ушло внутрь общества, усвоено было одною частью, и это повело къ извѣстной катастрофѣ 14 декабря 1825 года. Императоръ Николай I, подавивши это движеніе, однако усвоилъ себѣ нѣкоторыя стремленія, заявленныя людьми 14 декабря 1825 г., и попытался по своему посвятить и рѣшить стоявшіе на очереди вопросы внутренней жизни. Неудача этой попытки усилила въ сороковыхъ годахъ броженіе въ обществѣ, вызвала глухой ропотъ, стремленія заявленныя въ это время, легли въ основу преобразовательной программы слѣдующаго царствованія.

Павелъ I.

Императоръ Павелъ, сынъ Петра III и Екатерины II, родился въ 1754 г. Екатерина недостаточно внимательно вела его воспитаніе, осо-

бенно по вступленіи на престолъ. Павелъ былъ воспитанъ небрежно, и виноватъ въ этомъ всего болѣе человѣкъ, которому поручено было его воспитаніе. Извѣстный намъ графъ Никита Панинъ сообщилъ воспитаннику хорошія дипломатическія и историческія знанія о западной Европѣ; но по своимъ вкусамъ и понятіямъ, по своимъ житейскимъ привычкамъ Панинъ былъ человѣкъ своего времени, т. е. елизаветинскаго. То было время, когда послѣ ломки, испытанной дворянствомъ при Петрѣ, его нравы становились распущенными. Умный человѣкъ, Панинъ, совсѣмъ не понималъ своихъ нравственныхъ обязанностей; развивалъ вкусы, инстинкты и понятія питомца совсѣмъ не по правиламъ педагогіи. Едва начали распускаться чувства князя, Панинъ занималъ его неприличными разсказами или еще менѣе приличнымъ чтеніемъ, какое доставляли тогда французскіе романы. Павелъ довольно рано былъ вытѣсненъ изъ русской придворной сферы, какую окружала себя Екатерина. Мать не любила сына, хотя довольно трудно понять происхожденіе этой нелюбви, рано она стала подозрѣвать въ немъ будущаго мстителя за отца, можетъ быть, это подозрѣніе было причиной того, что подраставшій князь усвоилъ себѣ эту роль. Вслѣдствіе этого недовѣрія Павелъ рано сталъ одинокимъ. Какъ только онъ женился во второй разъ, послѣ перваго кратковременнаго брака, Екатерина подарила ему имѣніе Орлова—Гатчину; снохѣ-же своей подарила другое имѣніе—Павловское, и здѣсь чета должна была вести довольно замкнутую жизнь, имѣя холодныя, формальныя отношенія съ большимъ дворомъ. Екатерина не допускала сына до государственныхъ дѣлъ и разныхъ родовъ оружія, она составила ему для развлеченія миніатюрную армію, которая и расположилась въ Гатчинѣ. Армія эта была отдана въ полное распоряженіе князя со своими маленькими баталіонами, батареями, эскадронами и т. д. Великій князь могъ обучать эту армію, муштровать и одѣвать ее, какъ хотѣлъ, быть въ своемъ гатчинскомъ мірѣ полнымъ государемъ подъ условіемъ не мѣшаться ни во что другое. Здѣсь и прожилъ великій князь болѣе десяти лѣтъ въ удаленіи, но не спокойно: за нимъ былъ устроенъ строгій надзоръ; онъ мало зналъ о томъ, что дѣлалось въ Петербургѣ, но въ Петербургѣ отлично знали, что дѣлалось въ Гатчинѣ. Великій князь чувствовалъ надъ собой этотъ надзоръ, и онъ раздражалъ его; еще болѣе раздражало его обязательное бездѣйствіе, соединенное съ мелкими столкновеніями съ фаворитами. Потемкинъ, вообще человѣкъ безцеремонный, обращался съ великимъ княземъ при рѣдкихъ столкновеніяхъ съ нимъ такъ, что могъ подѣйствовать раздражающимъ образомъ и на болѣе крѣпкіе нервы. Когда началась турецкая война, великій князь тяготясь своимъ бездѣйствіемъ, просился въ турецкую армію; Екатерина отказала, указывая на семейныя препятствія, какія мѣшали великому князю отлучиться изъ Гатчины. Великій князь повторилъ просьбу, сказавъ: «вся Европа знаетъ мое желаніе служить отечеству; что она скажетъ, когда увидитъ, что я не въ арміи»?—«А она скажетъ», отвѣчала Екатерина, «что великій князь — покорный сынъ». Когда началась шведская война, Екатерина съ трудомъ отпустила сына въ армію, дѣйствовавшую въ Финляндіи. Но вся военная дѣятельность великаго князя ограничилась одной рекогносцировкой.

Такимъ образомъ у великаго князя открылся обширный досугъ,

пользуясь которымъ, онъ могъ передумать многое. Легко замѣтить, въ какую сторону должны были направиться его думы; вытѣсненный изъ правительственной сферы, великій князь, разумѣется, на ней и долженъ былъ сосредоточить всѣ свои помыслы. Онъ не былъ лишенъ дарованій. Всѣ знавшіе его въ то время отлично отзывались о его нравственныхъ качествахъ; у него было природное чувство порядка и дисциплины, онъ вынесъ довольно хорошія и разнообразныя свѣдѣнія изъ своей молодости, хотя свѣдѣнія эти были безпорядочны; его преимущественно учили тому, что требовалось тогда для свѣтскаго воспитанія. Родившись довольно неловкимъ и неуклюжимъ, онъ долженъ былъ заниматься танцами и верховой ѣздой; французскій языкъ онъ усвоилъ въ совершенствѣ; и въ остальныхъ областяхъ знанія въ головѣ его было много разнообразныхъ свѣдѣній, но они не были приведены въ систему. Павелъ былъ очень набожный человѣкъ; въ Гатчинѣ потомъ очень долго указывали на мѣсто, гдѣ онъ молился по ночамъ; здѣсь былъ выбитъ паркетъ. Великій князь отличался живостью ума, хотя соединенной съ нѣкоторой нервностью; отличался благородствомъ чувствъ, «но»,—добавляетъ наблюдатель, характеризующій его, французскій посолъ Сегюръ,—«во всѣхъ поступкахъ, и особенно въ словахъ, великій князь, когда рѣчь заходила о настоящемъ и будущемъ его положеніи, обнаруживаетъ какую то чрезвычайную щекотливость»; это просто значитъ, что Павелъ не находилъ себѣ мѣста, постоянно тревожимый отношеніями, какъ и думами. Всѣ усилія его ума обратились на досужую критику того, что дѣлалось въ Россіи. Въ Петербургѣ у него было слишкомъ много личныхъ непріятностей, чтобы онъ могъ оторвать свою нервную мысль отъ столицы. Критикѣ его подвергалось все; какъ внѣшняя, такъ и внутренняя дѣятельность правительства; какъ управленіе, такъ и соціальныя отношенія. Разбирая все это, онъ постепенно развивалъ свой планъ управленія; одинъ за другимъ являлись въ его головѣ преобразовательные проекты, являлись безъ достаточной продуманности, безъ практической подготовки, средствъ для которыхъ не было у великаго князя. Бдагодаря этимъ продолжительнымъ и тревожнымъ помысламъ, Павелъ постепенно впадалъ въ то состояніе, которое можно назвать нравственной лихорадкой, чѣмъ дольше жила мать, тѣмъ сильнѣе росло въ немъ нетерпѣніе замѣнить ее; чѣмъ хуже шли дѣла, тѣмъ сильнѣе желалось ему направить ихъ на новый путь, а дѣятельность правительства въ послѣдніе годы царствованія Екатерины давала обильный матеріалъ для такой безпокойной и желчной критики.

Царствованіе Екатерины кончилось почти банкротствомъ какъ экономическимъ, такъ и нравственнымъ. Мы бы не повѣрили отзывамъ о положенія дѣлъ, если бы они шли отъ великаго князя—сына, но мы можемъ вѣрить, потому что они идутъ отъ великаго князя—внука. Великій князь Александръ въ 1769 г. незадолго до смерти бабушки, въ письмѣ къ Кочубею рисуетъ намъ коротенькую, но яркую картинку положенія дѣлъ. «Въ нашихъ дѣлахъ», пишетъ онъ, «господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управленія дурны; порядокъ изгнанъ отовсюду; императрица стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ». Екатерина передъ смертью задумала большой походъ, рѣшившись вмѣшаться въ европейскія дѣла. Противъ Франціи назначенъ былъ новый наборъ по

10 человѣкъ съ 1000. Для того, чтобы содержать армію при тогдашнихъ разстроенныхъ финансахъ, Екатерина рѣшилась сдѣлать новый выпускъ бумажныхъ денегъ и испортить серебряную монету; именно перечеканить ее съ повышеніемъ номинальнаго курса вдвое; масса серебра уже собрана была для этой цѣли на монетномъ дворѣ.

Наконецъ, Павелъ былъ оскорбленъ даже въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Чѣмъ больше портился его характеръ, тѣмъ больше боялась Екатерина оставить свои дѣла послѣ смерти на плечахъ сына. Въ концѣ ея царствованія созрѣла мысль о назначеніи преемникомъ великаго князя—внука. Екатерина могла сдѣлать такое распоряженіе въ силу закона, точнѣе въ силу отсутствія закона о престолонаслѣдіи; какъ извѣстно по закону 1721 г. каждый царствующій государь имѣлъ право назначить преемника по своему усмотрѣнію. Поэтому Екатерина отбирала у Павла старшихъ сыновей по мѣрѣ того, какъ они рождались, чтобы устроить ихъ воспитаніе по своему, удалить отъ вреднаго гатчинскаго вліянія. Павелъ Петровичъ могъ видѣть своихъ старшихъ дѣтей Александра и Константина лишь въ назначенные дни въ Большомъ Зимнемъ дворцѣ. Теперь намъ станетъ понятно состояніе великаго князя въ минуту, когда ему въ ноябрѣ 1796 г. донесли объ ударѣ, поразившемъ императрицу. Теперь для него открылось широкое поле дѣятельности, ибо онъ узналъ, что актъ, какой задумала Екатерина, не былъ составленъ, а ударъ, лишивъ ее языка, отнялъ у нея возможность устно заявить свою волю.

Великій князь Павелъ вступилъ на престолъ съ обширнымъ запасомъ преобразовательныхъ программъ и съ большимъ запасомъ раздраженнаго чувства. Но ему уже было значительно за 40 лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ; онъ такъ долго дожидался престола, что, вступивъ, подумалъ, что вступилъ уже поздно. Во всемъ, что тогда дѣлалось въ Россіи, онъ видѣлъ одни непорядки и упущенія и предвидѣлъ такъ много дѣла, что не надѣялся съ нимъ справиться. Отсюда главныя особенности, которыми отличается его дѣятельность. Это: 1) противодѣйствіе всему, что дѣлалось прежнимъ правительствомъ и 2) торопливость, вытекавшая изъ мысли, что надо спѣшить, чтобы воспользоваться остаткомъ жизни. Эти двѣ особенности, противодѣйствіе прежней политикѣ и торопливость, и были причиной неудачъ, какія терпѣлъ новый императоръ какъ во внѣшней, такъ и во внутренней дѣятельности. Онѣ и сообщали первому появленію новой правительственной программы такой болѣзненный характеръ, который сдѣлалъ ее безплодной.

Настроеніе, съ какимъ Павелъ вступилъ на престолъ, объясняетъ ту торопливость, съ которой онъ принялся за дѣло въ первыя минуты царствованія. Потокъ его распоряженій идетъ съ того момента, какъ онъ явился изъ Гатчины въ Зимній дворецъ; новое царствованіе началось еще прежде, чѣмъ прекратилось предшествующее. Первыя распоряженія были направлены къ отмѣнѣ того, что было задумано въ предшествовавшее царствованіе. Екатерина, какъ мы видѣли, въ послѣдніе дни рѣшилась выступить на борьбу съ Франціей, откуда шла тогда республиканская и анархистическая пропаганда. Она вступила въ союзъ съ Англіей и Австріей, и мобилизировала большой корпусъ; для того предписано было произвести новый

рекрутскій наборъ по 10 человѣкъ съ 1000, чѣмъ очень было недовольно дворянство. Для того, чтобы достать средства для кампаніи, задуманъ былъ новый выпускъ ассигнацій и перечеканка (порча) серебряной монеты. Великая императрица кончила свое царствованіе, принужденная признать за собой двойное банкротство; прежде всего государство готово было объявить себя несостоятельннымъ. Бумажныхъ денегъ было въ оборотѣ 150 милл., и курсъ ихъ падалъ до 50%; не довольствуясь этимъ, правительство хотѣло сдѣлать новый выпускъ ассигнацій и испортить монету; предложено было перечеканить серебряную съ повышеніемъ нарицательной цѣны вдвое, т. е. всѣ гривенники превратить въ двугривенные и т. д.

Павелъ началъ свое царствованіе манифестомъ, которымъ провозглашалъ мирную политику; онъ отказался отъ борьбы съ Франціей, объявивъ, что имперія, съ начала семилѣтней войны вела непрерывную борьбу, и что подданные нуждаются въ отдыхѣ. Рекрутскій наборъ былъ отмѣненъ; приготовленныя бумажки не были выпущены; перечеканка монеты пріостановлена; Павелъ даже скопилъ и сжегъ 6 милл. старыхъ бумажекъ, что благопріятно подѣйствовало на биржу и на курсъ русскаго рубля. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ объявилъ, что всякій можетъ обращаться непосредственно къ нему со своими нуждами и просьбами. Со времени Петра законодательство все увеличивало разстояніе между верховной властью и подданными, строго запрещая непосредственныя отношенія послѣднихъ съ первой; за подачу прошенія прямо государю грозили строгимъ наказаніемъ. До царя стало далеко, и новый императоръ хотѣлъ уничтожить это разстояніе. Въ зимнемъ дворцѣ назначено было одно окно, въ которое всякій желающій могъ бросать прошеніе на высочайшее имя; ключъ отъ комнаты находился у самаго государя, который аккуратно каждое утро самъ собиралъ поданыя просьбы, читалъ ихъ, клалъ на нихъ резолюцій, которыя потомъ печаталъ въ газетахъ. Эти первыя распоряженія поразили петербургское общество. До него доходили слухи о характерѣ великиго князя, о его отношеніяхъ къ матери и ея политикѣ, и жители Петербурга чуяли бѣду съ начала новаго царствованія, ожидая, что все пойдетъ по новому, и такъ какъ старое было такъ пріятно, то отъ новаго не ожидали ничего хорошаго. Первыя распоряженія новаго императора заставили всѣхъ подумать о томъ, какъ они глубоко въ немъ ошибались. Впрочемъ это пріятное разочарованіе продолжалось не долго: слѣдовалъ рядъ распоряженій, въ которыхъ высказался истинный характеръ новаго правителя. Прежде всего изъ забытой могилы отрытъ былъ императоръ Петръ III, гробъ его поставили во дворцѣ рядомъ съ покойной императрицей, и они похоронены вмѣстѣ. Сопровождать гробъ императора назначили и нашего знакомаго Алексѣя Орлова. Затѣмъ императоръ сталъ послѣдовательно проводить одну мысль въ разныхъ сферахъ управленія и общественной жизни; мысль заключалась въ водвореніи строгаго порядка и дисциплины.

Императоръ вступилъ на престолъ съ цѣлью устранить безчисленныя упущенія и непорядки, какіе онъ видѣлъ всюду въ царствованіе матери; разумѣется, работа началась съ сферы стоявшей къ нему всего ближе,—съ войскъ. Войско, покрывшее себя такими побѣдами при Екатеринѣ, къ концу царствованія дѣйствительно распустилось,

т.-е. распустилось собственно офицерство: не было установлено порядка въ отчетности полковыхъ командировъ; каждый командиръ часто дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію, распоряжался, какъ полный хозяинъ, обучалъ, содержалъ, одѣвалъ свою часть, какъ зналъ, не отдавая отчета въ расходованiи казенныхъ суммъ. Не даромъ командованiе полкомъ при Екатеринѣ равнялось состоянiю въ 40 тысячъ душъ: то и другое давало одинаковый доходъ въ 20 тысячъ тогдашнихъ руб. (жалованье полковой командиръ тогда получалъ 400 руб.). Особенно строго отнесся императоръ къ правительственной и избалованной части армiи, къ гвардейскимъ полкамъ. Какъ извѣстно, у него въ Гатчинѣ, до воцаренiя, была своя армiя, состоявшая изъ двухъ эскадроновъ кавалерiи, изъ баталiона пѣхоты и артиллерiйской роты. Теперь эти ненавистные для Петербургской гвардiи Гатчинцы были включены въ составъ гвардейскихъ полковъ съ повышенiемъ въ чинахъ и наградами, которыя состояли въ 100 и даже 1000 душъ крестьянъ. Настоящiе гвардейцы, въ большинствѣ русскiе дворяне были страшно раздражены этой мѣрой, тѣмъ болѣе, что прiобрѣли въ своихъ новыхъ товарищахъ очень чуткихъ шпiоновъ. До 300 офицеровъ гвардiи тотчасъ подали въ отставку; императоръ нѣсколько встревожился, самъ явился въ казармы, уговаривалъ солдатъ и офицеровъ издалъ указъ, что всѣ, которые подали или захотятъ подать въ отставку, въ 24 часа будутъ удалены изъ Петербурга и водворены на мѣсто жительства. Полицеймейстеръ не зналъ, что дѣлать съ этимъ указомъ: множество, подвергавшихся карѣ офицеровъ имѣло мѣсто жительства въ Петербургѣ; было пояснено, что во всякомъ случаѣ отставныхъ надо удалить изъ Петербурга. Офицеровъ въ однихъ мундирахъ тотчасъ выбрасывали за заставу при жестокомъ морозѣ и предоставляли ихъ собственнымъ силамъ; они долго блуждали по окрестностямъ Петербурга, многiе изъ нихъ замерзали. Въ ночь на 6 ноября, когда императоръ прибылъ въ Зимнiй дворецъ, однимъ изъ самыхъ первыхъ его распоряженiй былъ указъ, въ силу котораго офицеръ не могъ выѣзжать въ закрытомъ экипажѣ, а могъ лишь ѣздить верхомъ или въ саняхъ. Улицы Петербурга на другой день помертвѣли, офицеры и генералы сидѣли дома или робко шли по тротуарамъ.

Въ первый же день императоръ принялся за обученiе своего войска. Онъ нашелъ, что солдаты даже не умѣютъ становиться на караулъ; чтобы обучить ихъ, онъ завелъ на дворцовомъ дворѣ вахтъ-парадъ, который сталъ едва ли не самымъ важнымъ государственнымъ учрежденiемъ, императоръ со старшимъ сыномъ Александромъ или Константинамъ, на три или четыре часа спускался во дворъ въ одномъ мундирѣ и училъ назначенную часть становиться на караулъ, самъ командовалъ ею. Въ своей треуголкѣ, огромныхъ ботфортахъ и сюртукѣ, заложивъ одну руку за спину, а въ другой держа палку, государь при 20-ти градусномъ морозѣ командовалъ: «разъ, два». А мимо него шли тоже въ однихъ мундирахъ генералы, старики съ ревматизмомъ и насморкомъ и другими печальными послѣдствiями слишкомъ строгой, но не современной службы. Съ тѣхъ поръ никакой военный не могъ показываться на улицѣ въ шубѣ. Одинъ офицеръ отправился на вахтъ-парадъ, передавъ своему деньщику саблю, которая ему мѣшала, а самъ, надѣлъ шубу, думая, что при входѣ на дворъ шубу отдастъ деньщику, а шпагу возьметъ себѣ, но императоръ встрѣтилъ

его раньше и денщика произвелъ въ офицеры, а офицера разжаловалъ въ солдаты. Во время вахтъ-парада императоръ издавалъ указы, принималъ рапорты, назначалъ даже аудіенцію; такъ, что вахтъ-парадъ, т.-е. открытый дворъ зимой въ 1796—97 гг., былъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ. Каждое воскресенье назначались большіе парады. Каждая неловкость, каждая невнимательность наказывалась строго; офицеръ, отправившись на парадъ, не былъ увѣренъ, вернется ли онъ домой, не зналъ, гдѣ онъ очутится, въ Петропавловской крѣпости или на дорогѣ въ Сибирь. Иногда цѣлые полки, неловко промаршировавшіе передъ императоромъ, слышали команду: «Направо кругомъ—въ Сибирь». Офицерство каждое утро теряло голову и одна молодая дама, ожидая каждую минуту бѣды, даже на ночь привязывала свою руку къ рукѣ мужа, чтобы знать, когда случится несчастье.

Императоръ занялся и приведеніемъ въ порядокъ наружнаго вида солдатъ. Въ обмундировкѣ при Екатеринѣ существовало большое разнообразіе, благодаря тому, что командиры иногда сами видоизмѣняли мундиры. Императоръ, большой поклонникъ Фридриха Великаго, ввелъ вмѣстѣ съ прусской системой обученія и прусскіе мундиры; велѣно было солдатамъ остричься, затянуться въ узенькій сюртукъ и привязать къ затылку извѣстную косичку, пудриться, носить букли. Возстановлены были старыя принадлежности обмундировки, существовавшія при Петрѣ III и отмѣненныя, когда военной коллегіей завѣдывалъ Потемкинъ. Суворовъ, который тогда командовалъ собиравшимся противъ французовъ корпусомъ, получивъ предписаніе о новой обмундировкѣ и новой прическѣ солдатъ, не утерпѣлъ, чтобы не сострить: «пудра не порохъ, косички не штыки», за что былъ вызванъ въ Петербургъ, отставленъ и отправленъ въ Новгородскую губернію. Дисциплина выразилась въ рядѣ быстро слѣдовавшихъ измѣненій; то предпишутъ одинъ покрой прусскаго мундира, то измѣнятъ его, прибавятъ къ нему какую нибудь новую подробность; форма кивера, шляпы, цвѣтъ плюмажа, форма сапогъ, пряжки, застежки—вотъ предметы, которые разрабатывались въ законодательствѣ тѣхъ дней.

Общество подвергалось той же муштровкѣ, что и войско. Петербургское дворянское общество, какъ и армія, привыкло къ привольной жизни въ предшествовавшее царствованіе; роскошь, легкіе нравы и тяжелыя идеи вотъ его характерныя черты. Теперь его прибрали къ рукамъ. Слѣдуетъ рядъ указовъ, опредѣлявшихъ образъ жизни, выѣзда, даже образъ мыслей. Прежде всего предписано было выѣзжать въ нѣмецкой упряжи и съ кучеромъ, одѣтымъ по-нѣмецки. Съ большимъ горемъ Петербургскіе кучера разстались со своими бородами и еще болѣе длинными кафтанами и никакъ не могли приноровиться къ предписаннымъ имъ косичкамъ; шорники зато получили выгодную работу, потому, что для нововведеній назначенъ былъ короткій срокъ. Въ древней Руси подданные, видя въ государѣ земного Бога, при встрѣчѣ съ нимъ падали на землю. Съ царствованія Феодора Алексѣевича правительство стало запрещать такое поклоненіе; Петръ даже бивалъ слишкомъ усердныхъ поклонниковъ. Теперь было предписано всѣмъ, при встрѣчѣ съ императоромъ или членами царской фамиліи, отдавать имъ извѣстное почтеніе: ѣхавшіе въ экипажахъ должны были выходить изъ нихъ, чтобы дѣлать поклоны, отъ этого не избавлялись и дамы, ѣхавшія въ каретахъ; подробно былъ описанъ обрядъ почтенія:

нужно было, вышедши изъ кареты, спуститься на подножку, опустить съ плеча верхнюю одежду и сдѣлать реверансъ,—какъ я не знаю. Много приключеній, забавныхъ и печальныхъ, слѣдовало за этимъ распоряженіемъ. Затѣмъ предпринята была перемѣна костюма. Неизвѣстно почему императоръ питалъ отвращеніе къ круглымъ шляпамъ, къ шапкамъ; указомъ онѣ были запрещены; полиція, казаки срывали и рвали круглыя шляпы, на комъ бы ихъ не замѣчали. Затѣмъ опала была распространена на высокіе сапоги, на старую прическу, которая сбивала волосы на лобъ: велѣно было зачесывать волосы наверхъ. Въ тогдашнихъ модахъ прокрадывалось революціонное вліяніе; новый императоръ объявилъ войну всѣмъ этимъ революціоннымъ модамъ; постепенно запрещены были фраки, жилеты, застежки на башмакахъ, «кюлотъ», и, наконецъ, всякая трехцвѣтная лента или матерія. Для того, чтобы исправить образъ мыслей, въ которыхъ было слишкомъ много либеральныхъ элементовъ, закравшихся, благодаря французской литературѣ, предписаны были измѣненія въ самомъ русскомъ лексиконѣ. Въ тогдашнемъ ходячемъ разговорѣ и литературномъ языкѣ встрѣчались термины, очевидно, навѣянные французской литературой; рядомъ съ ними были другіе, къ которымъ питали нерасположеніе въ высшихъ сферахъ. Изданъ былъ указъ, запрещавшій цѣлый рядъ словъ и замѣнявшій ихъ другими; напр., запрещено было мѣстоимѣніе «сей»; велѣно замѣнить мѣстоимѣніемъ «этотъ»; далѣе велѣно было замѣнить слова: «врачъ» словомъ «лекарь»; стража—караулъ, отрядъ—деташементъ или команда; отечество—государство; «общество»—не велѣно было вовсе упоминать, оно запрещено было безъ замѣны. Высшее петербургское общество при Екатеринѣ, являясь на придворныя собранія, привыкло вести себя почтительно, но довольно свободно; добродушная императрица желала, чтобы у нея во дворцѣ всѣ веселились, танцовали, разговаривали, какъ умѣли. Новый императоръ предписалъ, чтобы въ его присутствіи всѣ танцующіе пары были обращены къ нему лицомъ, гдѣ бы онъ не стоялъ,

На аудіенціи каждый представляющійся долженъ былъ преклонить колѣно, но такъ, чтобы всѣмъ былъ слышенъ стукъ отсюда происходящій; точно также цѣлуя руку, долженъ былъ сдѣлать это не какъ нибудь, а осязательно для слуха. Князь Голицынъ, не исполнившій предписаннаго обряда, тотчасъ съ аудіенціи былъ отправленъ въ крѣпость. Петербургское общество подъ вліяніемъ этихъ указовъ, какъ будто что-то встряхнуло.

Мысль, руководившая новой политикой, еще осязательнѣе высказывалась въ мѣрахъ болѣе серьезнаго характера; тотчасъ замѣтнымъ стало, что императоръ врагъ сословныхъ привилегій, соціальнаго неравенства. Какъ мы знаемъ, въ предшествовавшее царствованіе во главѣ общества стали два привилегированныхъ класса: дворянство и гильдейское купечество. Права этихъ сословій, какъ и область предоставленнаго имъ самоуправленія точно описаны были въ двухъ жалованныхъ грамотахъ 1795 года. Новый императоръ сталъ отмѣнять эти грамоты статья за статьей. Прежде всего онъ отмѣнилъ право дворянскаго губернскаго общества обращаться къ правительству съ заявленіемъ нуждъ и вообще съ какими либо коллективными просьбами. Далѣе, запрещены были губернскія дворянскія собранія; дворянство могло только собираться по уѣздамъ; даже губернскіе предводители

дворянства выбирались на уѣздныхъ собраніяхъ. Мы знаемъ, что значеніе дворянства въ мѣстномъ управленіи выражалось въ сословныхъ судебныхъ и полицейскихъ учрежденіяхъ, въ верхнемъ земскомъ и уѣздномъ судѣ, точно такъ же какъ участіе купечества въ мѣстномъ управленіи выражалось въ правѣ избирать членовъ губернскихъ и городскихъ магистратовъ, какъ и другихъ учрежденій, гдѣ были открыты мѣста засѣдателямъ отъ городскихъ состояній. Верхній слой сословно-судебныхъ учрежденій былъ упраздненъ указомъ 1797 г., закрыты были верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и верхняя земская управа. Далѣе прежде дворянство выбирало весь личный составъ земскаго суда и главныхъ полицейскихъ учрежденій губерніи; теперь предписано было на убылыя мѣста назначать губернскихъ правителей даже изъ чиновниковъ дворянскаго происхожденія. Точно такимъ же стѣсненіямъ подвергалась и жалованная грамота городамъ. Такимъ образомъ, когда сословное самоуправленіе было разрушено, оставались только личныя и имущественныя привилегіи сословія. Важнѣйшей изъ этихъ привилегій была свобода отъ тѣлесныхъ наказаній; въ началѣ своего царствованія Павелъ распространилъ эту свободу и на приходское духовенство. Въ 1798 г. эта привилегія была уничтожена не посредствомъ отмѣны прежняго закона, а помощью его толкованія; въ указѣ говорили, что дворянинъ за извѣстныя преступленія, по закону, лишается своего дворянскаго званія; дворянинъ освобождается отъ тѣлеснаго наказанія за уголовное преступленіе; а коль скоро званіе съ него снято, то и привилегія его не касается; дворянинъ подвергался двойному наказанію; привилегія была превращена въ нѣчто, совершенно ей противоположное. Это распоряженіе распространено было и на гильдейское гражданство и духовенство, только что почувствовавшее себя свободнымъ отъ тѣлеснаго наказанія. Такъ рѣзко была выражена мысль новаго царствованія уравнять всѣхъ передъ закономъ. Эта идея была проводима и въ мѣрахъ по управленію.

Управленіе, созданное Екатериной, какъ мы видѣли, страдало большими недостатками; надежды, какія она возлагала на новые суды, не оправдались; лихоимство и неурядицы царствовали въ нихъ попрежнему. Новый императоръ поставилъ себѣ главной задачей водворить порядокъ въ управленіи и справедливость въ судахъ; для этого въ каждомъ уѣздномъ городѣ передъ присутственными мѣстами поставлены были висѣлицы, на которыхъ вѣшали за лихоимство... только не чиновниковъ, а ихъ имена. Екатерина распространяла свои губернскія учрежденія и на области, не принадлежащія къ стариннымъ владѣніямъ имперіи, на остзейскія провинціи, на губернія малороссійскія и присоединенныя отъ Польши. Несомнѣнно, это единообразіе управленія должно было содѣйствовать скорѣйшему сліянію новопріобрѣтенныхъ провинцій съ коренными областями. Императрица велѣла возстановить старыя учрежденія и въ бывшихъ польскихъ областяхъ и остзейскихъ провинціяхъ, какъ и въ Малороссіи. Екатерина раздѣлила имперію на 50 намѣстничествъ по количеству населенія; новый императоръ уничтожилъ это раздѣленіе и ввелъ новое, раздѣливъ имперію на 41. Нѣкоторые новые города, возникшіе при Екатеринѣ, носили память о ней; къ числу такихъ городовъ принадлежалъ, напр., городъ, возникшій въ Новороссіи,—Екатеринославъ. Императоръ закрылъ его. Въ управленіи дѣйствовало много лицъ, относившихся съ

благоговѣніемъ къ покойной императрицѣ; эти лица постепенно удалялись отъ должностей; къ концу царствованія Павла насчитывалось до 20 т. отставныхъ офицеровъ и чиновниковъ. Какъ видите, мысль о водвореніи порядка и справедливости въ управленіи, въ судахъ, постепенно перерабатывалась въ другую,—въ уничтоженіе слѣдовъ предшествовавшаго царствованія; очевидно больше хлопотали о томъ, чтобы преобразовать, чѣмъ о томъ, чтобы улучшить; лишь бы все пошло по новому, а не такъ, какъ было прежде. Вотъ что стало задачей внутренней преобразовательной дѣятельности.

Внѣшняя политика страдала той же особенностью, какъ и внутренняя. Во внутренней политикѣ люди не знали, что будетъ завтра, какое начало восторжествуетъ, и долго ли удержится разъ восторжествовавшее; точно также не могли поручиться за другой день и лица, дѣйствовавшія въ управленіи. Генералъ прокуроръ Самойловъ въ первые дни царствованія получилъ знаки неожиданной милости, не смотря на то, что былъ приверженецъ Екатерины; ему подарено было 4000 душъ крестьянъ, сказано нѣсколько ласковыхъ словъ, а черезъ нѣсколько дней онъ былъ отставленъ и заключенъ въ крѣпость. Павелъ, провозгласивъ мирную политику, долженъ былъ, однако, выступить на борьбу съ Франціей въ союзѣ съ Англіей и Австріей. Русская армія, покрытая на поляхъ Италіи побѣдами, вызвала общее удивленіе въ Европѣ своимъ геройскимъ переходомъ черезъ Сенъ-Готардъ. Но черезъ нѣсколько времени Павелъ разорвалъ со своими союзниками, вступилъ въ дружескіе переговоры съ первымъ консуломъ, Бонапарте, и заключилъ тѣсный союзъ съ Франціей, который сопровождался объявленіемъ войны Англіи. Чтобы объяснить этотъ переворотъ во внѣшней политикѣ, петербургскій кабинетъ указывалъ на вѣроломство Австріи, а императоръ разъ сказалъ: «Мнѣ все равно, кто царствуетъ во Франціи, лишь бы кто нибудь царствовалъ». Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, которыя слѣдовали одна за другой, безъ видимой связи, въ высшемъ обществѣ водворилось настроеніе, которое намъ трудно почувствовать; люди сначала испуганные, потомъ стали проникаться той веселостью, которая овладѣваетъ людьми, когда они почувствуютъ, что имъ нечего терять. Современники разсказываютъ, что не только на частныхъ, но и на придворныхъ балахъ никогда такъ не веселились и не дурачились, какъ въ послѣдніе мѣсяца царствованія Павла; всѣ привыкли къ неожиданностямъ, термометръ жизни понизился и люди были очень довольны, что онъ не понижался еще больше.

Какое значеніе имѣетъ описываемое царствованіе въ нашей исторіи, и какъ могло принять такое направленіе политика, въ основѣ которой лежали столь добрыя стремленія? Современники оставили намъ много разсказовъ о тѣхъ немногихъ годахъ; всѣ эти разсказы довольно однообразны; всѣ они—анекдоты; отъ царствованія дошли до насъ только анекдоты и почти не дошли крупные правительственные факты, которые сопровождались бы въ нашей жизни послѣдствіями. Собравъ всѣ эти анекдоты, подумаешь, что все это какая то пестрая и безсвязная сказка; между тѣмъ въ основаніи правительственной политики, внѣшней и внутренней, лежали серіозные помыслы и начала, заслуживающія наше полное сочувствіе. Прежде всего современники отмѣчаютъ много отличныхъ свойствъ въ характерѣ императора.

Одинъ изъ нихъ, долго присматривавшійся къ государю и къ его дѣятельности, пишетъ: «Павелъ былъ человѣкъ доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться въ своихъ ошибкахъ, любитель правды, ненавистникъ лжи и обмана, заботившійся о правосудіи и гоненіи всякихъ злоупотребленій власти, въ особенности лихоимства и взяточничества». У него былъ, если можно сказать, врожденный инстинктъ порядка; ежедневную жизнь свою онъ располагалъ по строгой программѣ, которую выдерживалъ съ рѣдкой точностью. Но у него была одна черта въ характерѣ, которая портила всѣ его добрыя свойства; тотъ же современникъ пишетъ: «къ несчастью всѣ эти добрыя и похвальныя качества становились совершенно безполезными и для него и для государства, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія мѣры, крайней раздражительности, нетерпѣливой требовательности безусловнаго повиновенія». Малѣйшее колебаніе въ исполненіи приказа, малѣйшая несправедливость по службѣ влекли за собой строжайшій выговоръ и даже наказаніе. На Павла не легко было имѣть вліяніе, ибо, считая всегда себя правымъ, онъ всегда упорно держался своего мнѣнія и до того раздражался отъ противорѣчія, что казался часто совершенно внѣ себя. Въ старое время опала, постигшая лицо, простиралась и на всѣхъ его родственниковъ одного имени, а теперь опала, постигшая Иванова, простиралась на всѣхъ Ивановыхъ въ имперіи, хотя бы они были или не были родственниками. Здѣсь мы встрѣчаемся съ послѣдствіями того общежитія, какое установилось въ предшествовавшее царствованіе; такіе характеры не родятся, а воспитываются; императоръ былъ представителемъ того порядка явленій, какія укоренились въ предшествовавшее царствованіе, вѣдь несомнѣнно, что онъ былъ дитя Екатерины и екатерининскаго времени, не знавшаго мѣры и цѣлей, жившаго интересами и впечатлѣніями минуты. Павелъ былъ первый противо-дворянскій царь той эпохи, къ изученію которой мы обратились, а господство дворянства и господство, основанное на несправедливости, было больнымъ мѣстомъ русскаго общежитія во второй половинѣ вѣка. Чувство порядка, дисциплины, равенства было руководящимъ побужденіемъ дѣятельности императора, борьба съ сословной привилегіей—его главной цѣлью; извѣстны его слова уполномоченному шведскому, Стедингу, когда послѣдній заговорилъ о русской знати: «у меня великъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю и пока я съ нимъ говорю».

Такъ какъ господство дворянства создавалось и держалось недостаткомъ основныхъ законовъ, преимущественно закономъ о престолонаслѣдіи, что сдѣлало возможнымъ всѣ дворцовые перевороты, поднявшіе дворянское сословіе,—то Павелъ началъ созданіе такихъ законовъ. Это стремленіе выразилось въ установленіи закона, который стоитъ во главѣ нашего дѣйствующаго кодекса, закона 5 апрѣля 1797 г. о престолонаслѣдіи. Какъ извѣстно, Петръ уничтожилъ прежде дѣйствовавшій обычай престолонаслѣдія закономъ 1721 г., который былъ вызванъ его несчастными семейными отношеніями. Съ тѣхъ поръ судьба русскаго престола предоставлена была на волю политическаго вѣтра; каждый царствующій государь назначалъ себѣ преемника по своему усмотрѣнію. Любопытенъ одинъ разговоръ, который имѣетъ связь съ закономъ 5 апрѣля; законъ этотъ дѣйствующій и доселѣ, опредѣлялъ порядокъ престолонаслѣдія въ нисходящей мужской линіи

и взаимное отношеніе членовъ императорской фамиліи. Легко замѣтить его цѣль: цѣлью его было устранить на будущее время несчастье, которое грозило самому императору; говорятъ, что послѣ Екатерины осталось завѣщаніе, устранявшее Павла отъ престола, но завѣщаніе это во время было выдано канцлеромъ Безбородко, который за то получилъ 30 тысячъ десятинъ земли и 6 тысячъ душъ крестьянъ. Въ 1789 году, когда великій князь находился въ извѣстномъ намъ настроеніи, покинулъ свой постъ при петербургскомъ дворѣ французскій посланникъ Сегюръ, онъ явился въ Гатчину откланяться великому князю. Великій князь разговаривалъ съ нимъ о томъ, что дѣлалось въ Россіи и между прочимъ съ большимъ раздраженіемъ замѣтилъ: «объясните мнѣ, наконецъ, почему это во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ одинъ государь спокойно вступаетъ на престолъ за другимъ, а у насъ въ Россіи».. Тутъ великій князь запнулся. «Причину этого», отвѣчалъ дипломатъ, «указать не трудно: во всѣхъ европейскихъ государствахъ существуетъ законъ о престолонаслѣдіи въ нисходящей мужской линіи; этотъ законъ отличаетъ азіатскія государства отъ европейскихъ, онъ служитъ главной опорой порядка въ обществѣ, а у насъ здѣсь все сомнительно, нѣтъ ничего опредѣленнаго; каждый государь назначаетъ наслѣдника по своему усмотрѣнію, что служитъ источникомъ безпокойныхъ замысловъ, честолюбивыхъ интригъ и даже заговоровъ».—«Это такъ», возразилъ великій князь, «но что же дѣлать, къ этому всѣ привыкли; обычай господствуетъ; измѣнить такой порядокъ можно только съ опасностью для того, кто предприметъ это. Въ Россіи больше любятъ видѣть юбку на престолѣ, чѣмъ мундиръ».—«Но можно», возразилъ Сегюръ, «при какомъ нибудь особенномъ случаѣ измѣнить этотъ порядокъ, напр., воспользоваться днемъ коронаціи, когда общество настроено особенно радостно».—«Да, объ этомъ надо подумать», отвѣчалъ великій князь. Мысль эта выражена въ законѣ 5 апрѣля 1797 г.

Такимъ образомъ самыя существенныя государственныя потребности соединялись у императора съ какими нибудь чисто личными мотивами. Сословное самоуправленіе, губернскія учрежденія и жалованныя грамоты городамъ и дворянству при Екатеринѣ были подавлены преобладаніемъ послѣдняго; Павелъ уничтожилъ самоуправленіе сословій, отмѣнивъ обѣ жалованныя грамоты въ существенныхъ чертахъ и вытѣснивъ дворянство изъ губернскаго управленія короннымъ чиновничествомъ. Власть помѣщика надъ крестьянами развилась непомѣрно, благодаря отсутствію точнаго законодательства, которое опредѣляло бы отношеніе обѣихъ сторонъ. Павелъ чувствовалъ этотъ пробѣлъ и сдѣлалъ первую попытку такого опредѣленія манифестомъ 9 апрѣля 1797 г. Въ этомъ манифестѣ запрещалось принуждать крѣпостныхъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ и предписывалось помѣщику довольствоваться трехдневнымъ трудомъ крестьянина, трехдневной барщиной. Законъ этотъ не былъ развитъ практически и остался безъ дѣйствія, тѣмъ не менѣе онъ фактъ въ исторіи нашего законодательства, потому что впервые выразилъ мысль, которой потомъ долго будетъ руководиться правительство, но выраженіе этой мысли даже въ то царствованіе не было послѣдовательно. Порядокъ раздачи крестьянъ въ частное владѣніе и при Павлѣ сохранился прежнимъ: его вступленіе на престолъ сопровождалось награжденіемъ болѣе чѣмъ

100 лицъ, болѣе чѣмъ 100 тысячами крестьянъ; почти съ милліономъ десятинъ земли. Во все царствованіе каждая милость выражалась въ пожалованіи населеннаго имѣнія и, можетъ быть, при этомъ демократическомъ государѣ, раздачи эти производились щедрѣе, чѣмъ прежде: крестьянами награждали за все, за каждую мелочь, и много гатчинцевъ сдѣлалось крупными землевладѣльцами, благодаря счастливому случаю. Разъ на парадѣ императоръ отдалъ какой то приказъ Каннабиху; Каннабихъ, сломя голову, поскакалъ исполнить приказаніе; налету съ него слетѣла треуголка. «Каннабихъ, шапку потерялъ».— «Зато голова тутъ», отвѣчалъ Каннабихъ, и продолжалъ скакать далѣе.—«Дать ему 1000 крестьянъ».

Я не раздѣляю довольно обычнаго пренебреженія къ значенію кратковременнаго царствованія Павла I. Напрасно считаютъ его исключительнымъ временемъ нашей исторіи, не имѣющимъ внутренней связи съ предшествующимъ временемъ и ничего не давшимъ дальнѣйшему; это царствованіе органически связано съ прошедшимъ, какъ протестъ; съ будущимъ, какъ первая попытка осуществленія той программы, которую диктовалъ ходъ вещей. Чувство порядка, дисциплины и равенства было руководящимъ принципомъ дѣятельности императора; борьба съ сословными привилегіями его главной цѣлью. Но это первое царствованіе, которое должно было развивать начала, составляющія сущность нашей исторіи въ XIX в. не было удачнымъ. Павелъ вступилъ на престолъ съ мыслью придать болѣе единства государственному порядку и установить на болѣе справедливыхъ основаніяхъ сословныя отношенія; между тѣмъ изъ за вражды къ матери онъ отмѣнилъ губернскія учрежденія въ присоединенныхъ къ Россіи остзейскихъ и польскихъ провинціяхъ, чѣмъ ослабилъ дѣйствіе ассимиляціи завоеванныхъ инородцевъ съ кореннымъ населеніемъ. Вступивши съ мыслью опредѣлить закономъ нормальныя отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ и улучшить положеніе послѣднихъ, Павелъ не только не ослабилъ крѣпостное право, но и много содѣйствовалъ его развитію, щедро раздавая населенныя имѣнія во владѣніе частнымъ лицамъ. Гдѣ причина такой неудачи дѣятельности императора Павла?— Дѣятельность его лишена была цѣльности и послѣдовательности, и это происходило оттого, что онъ благодаря обстоятельствамъ, въ какихъ развивался, принесъ на престолъ необдуманную программу, не точное знаніе дѣла и людей, а только значительный запасъ накипѣвшаго чувства, его политика выходила не столько изъ сознанія несправедливости и негодности существующаго порядка, сколько изъ антипатіи къ лицамъ, къ матери и ея сотрудникамъ. Эти послѣдніе принадлежали къ либеральному дворянству, которое отъ скуки и на досугѣ пропиталось либеральными французскими идеями. Павелъ предпринялъ уничтоженіе дворянскихъ привилегій и положилъ опалу на всѣ дворянскія либеральныя идеи, даже на дворянскій либеральный языкъ и костюмы. Это участіе чувства, нервовъ въ государственной дѣятельности сообщило ей характеръ не столько политическій, сколько патологическій; въ ней больше минутныхъ инстинктивныхъ порывовъ, чѣмъ сознательныхъ идей; борьба съ существующимъ порядкомъ превратилась въ безцѣльное гоненіе лицъ, вражда къ ихъ сословнымъ привилегіямъ получила характеръ стѣсненія самыхъ простыхъ человѣческихъ правъ. Вся демократическая программа разбилась на безсвяз-

ныя и капризныя мелочи, переродилась въ припадки жестокаго и великодушнаго каприза, въ простой анекдотъ, и больше анекдота мы ничего не знаемъ объ этомъ царствованіи. Такимъ образомъ первый приступъ къ новой программѣ былъ очень неудаченъ.

11 марта 1801 г. на престолъ вступилъ внукъ императрицы Екатерины—Александръ; это былъ послѣлній переворотъ только завершившійся не на улицѣ. Перемѣна произвела оживляющее дѣйствіе на общество; всѣ точно проснулись отъ сна, въ которомъ что то сильно давило; современники разсказываютъ, что 11-го марта улицы Петербурга имѣли видъ, какой они принимаютъ въ Свѣтлое Воскресенье; люди незнакомые, встрѣчаясь другъ съ другомъ, обнимались и цѣловались, поздравляя съ чѣмъ то другъ друга, точно столица освободилась отъ осады. Новый императоръ иначе приступилъ къ исполненію программы, которую диктовалъ ходъ событій. Мы вступаемъ въ XIX столѣтіе. Прежде чѣмъ приступить къ изученію исторіи этого времени, я долженъ сдѣлать одно предостереженіе. Теперь у насъ на пути будутъ стоять явленія, слишкомъ къ намъ близкія, прямыя причины тѣхъ, которыя волнуютъ или волновали насъ; въ сужденіяхъ объ этихъ явленіяхъ довольно трудно сохранить спокойствіе, съ какимъ мы привыкли относиться къ явленіямъ давно минувшихъ дней, прошедшее—что картина; ее разсматривать лучше на извѣстномъ разстояніи; потому прошу васъ въ моемъ изложеніи слѣдить за связью событій болѣе, чѣмъ за мнѣніями.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я прежде всего сдѣлаю краткій обзоръ хода внѣшней политики, указавъ, какими побужденіями руководилось наше правительство во внѣшнихъ отношеніяхъ, къ какимъ результатамъ приводили многочисленныя войны, веденныя Россіей въ этомъ вѣкѣ. Въ обзорѣ политики внутренней я обращу исключительное вниманіе на разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, а также и тѣхъ второстепенныхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ должно было предшествовать разрѣшенію главнаго вопроса, или сопровождать его. Короткій обзоръ войнъ, веденныхъ Россіей, я предпошлю обзору правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ уравненію и сближенію классовъ русскаго общества.

Внѣшняя политика Россіи въ XIX в.

Царствованіе императора Павла было первымъ неудачнымъ приступомъ къ рѣшенію задачъ, ставшихъ на очередь съ конца XVШ ст. Преемникъ его гораздо обдуманнѣе и послѣдовательнѣе проводилъ новыя начала, какъ во внѣшей, такъ и во внутренный политикѣ. Явленія эти чрезвычайно послѣдовательно развиваются изъ процесса, который совершался въ международныхъ отношеніяхъ Россіи въ продолженіе XVШ в. Явленія эти такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что я сдѣлаю ихъ обзоръ до послѣдняго времени, не различая царствованій.

Въ продолженіе XVШ в. Россія завершаетъ давнее свое стремленіе стать въ естественныя этнографическія и географическія границы. Это стремленіе было завершено въ началѣ текущаго вѣка пріобрѣтеніемъ всего восточнаго берега Балтійскаго моря, по присоеди-

неніи Финляндіи съ Аладскими островами по договору съ Швеціей 1809 г., по присоединеніи Бессарабіи по Бухарестскому договору 1812 г. Но какъ скоро государство стало въ свои естественныя границы, внѣшняя политика Россіи раздвоилась: различныя стремленія преслѣдуетъ она на азіатскомъ востокѣ и на европейскомъ юго-западѣ. Различіе этихъ задачъ, главнымъ образомъ, объясняется неодинаковостью тѣхъ географическихъ условій и той исторической среды, какія встрѣтила Россія, достигнувъ своихъ естественныхъ границъ на востокѣ и на юго-западѣ. Русскія границы на востокѣ не отличались рѣзкой опредѣленностью или замкнутостью, во многихъ мѣстахъ онѣ были открыты, притомъ за этими границами не лежали плотныя политическія общества, которыя бы своею плотностью сдерживали дальнѣйшее распространеніе русской территоріи. Вотъ почему Россія здѣсь скоро должна была перешагнуть за естественныя границы и углубиться въ степи Азіи, частью противъ своей воли. По Бѣлградскому договору 1739 г. владѣнія Россіи на юго-востокѣ дошли до Кубани. На Терекѣ издавна существовали русскія казацкія поселенія. Такимъ образомъ ставши на Кубанѣ и на Терекѣ, Россія очутилась передъ Кавказскимъ хребтомъ. Въ концѣ XVIII ст. русское правительство совсѣмъ не думало переходить этотъ хребетъ, не имѣя ни средствъ къ тому, ни охоты; но за Кавказомъ среди магометанскаго населенія прозябало нѣсколько христіанскихъ княжествъ, стоявшихъ подъ покровительствомъ Турціи. Эти христіанскія княжества, почуявъ близость Русскихъ, начали обращаться къ нимъ за покровительствомъ. Еще въ 1783 г. грузинскій царь Ираклій, тѣснимый Персіей, отдался подъ покровительство Россіи. Екатерина принуждена была послать черезъ Кавказскій хребетъ въ Тифлисъ русскій полкъ. Со смертью ея русскіе ушли изъ Грузіи, куда вторгнулись персіяне, все опустошая. Но императоръ Павелъ принужденъ былъ поддержать грузинъ и въ 1799 г. призналъ царемъ Грузіи преемника Ираклія, Георгія XII. Этотъ Георгій, умирая въ 1800 г., завѣщалъ Грузію русскому императору, и волей-неволей пришлось принять завѣщаніе. Грузины усиленно хлопотали о томъ, чтобы русскій императоръ принялъ ихъ подъ свою власть. Русскіе полки воротившись въ Тифлисъ, очутились въ чрезвычайно тяжеломъ положеніи; сообщеніе съ Россіей возможно было только черезъ Кавказскій хребетъ, населенный дикими горными племенами, а отъ Каспійскаго и Чернаго морей русскіе отряды были оторваны туземными слоями изъ которыхъ одинъ,— различные ханства на востокѣ, — состоялъ подъ покровительствомъ Персіи; — различныя княжества на западѣ, — подъ покровительствомъ Турціи. Нужно было для безопасности пробиться и на востокъ и на западъ. Западныя княжества все были христіанскія, то были: Иммерія, Мингрелія и Гурія по теченію Ріона. Слѣдуя примѣру Грузіи и онѣ одно за другимъ признали подобно ей верховную власть Россіи: Имперія и Мингрелія (при Дадіанѣ) въ 1804 г. Гурія въ 1810. Новыя присоединенія привели Россію въ столкновеніе съ Персіей, отъ которой пришлось отвоевать многочисленныя ханства—Шемахинское, Нухинское, Бакинское, Нахичеванское и др. Это столкновеніе вызвало двѣ войны съ Персіей, кончившіяся Гюлистанскимъ договоромъ 1813 г. и Туркманчайскимъ 1828 г. Но какъ скоро русскіе стали на Каспійскомъ и Черноморскомъ берегахъ Закавказья, онѣ должны были естественно обезпечить свой тылъ завоеваніемъ горскихъ племенъ. Съ мо-

мента присоединенія Грузіи и начинается это продолжительное завоеваніе Кавказа, кончившееся на нашей памяти. Русское правительство искренне и неоднакратно признавалось, что не чувствуетъ никакой потребности и никакой пользы отъ расширенія своихъ юго-восточныхъ границъ. Совершенно также расширялась территорія и за Каспійскимъ моремъ, въ глубинѣ Азіи. Южныя границы западной Сибири издавна безпокоили кочевые киргизы, населявшіе сѣверный Туркестанъ. Въ царствованіе Николая эти киргизы были усмирены, но усмиреніе это привело Россію въ столкновеніе съ различными ханствами: Туркестаномъ, Коканомъ, Бухарой и Хивой. Поддерживаемое своими единоплеменниками, населеніе этихъ ханствъ начало сильнѣе тревожить юго-восточные предѣлы Руси. Рядомъ походовъ 1864 и 65 гг. подъ командой Черняева и Веревкина были почти завоеваны сначала ханство Коканское, потомъ Бухарское. Изъ завоеванныхъ владѣній въ 1867 г. было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство. Рядомъ походовъ, начатыхъ въ 1873 г., завоевана была и Хива. Итакъ, въ продолженіе XIX в. юго-восточныя границы Россіи постепенно отодвигаются за естественные предѣлы неизбѣжнымъ оцѣпленіемъ отношеній и интересовъ.

Совсѣмъ инымъ направленіемъ отличается внѣшняя политика на юго-западныхъ европейскихъ границахъ. Въ XVIII в., въ царствованіе Екатерины еще не понимали религіозно-племенныхъ задачъ внѣшней политики, не стремились къ политическому освобожденію родственныхъ народностей. Во внѣшней политикѣ по отношенію къ Турціи и Польшѣ господствовала одна простая цѣль, которую можно обозначить словами: территоріальное обрѣзываніе враждебнаго сосѣда съ цѣлью округленія собственныхъ границъ. У враговъ просто отнимали смежныя земли, чтобы исправить собственныя границы; исправляя эти границы, наконецъ, дошли на югъ до предѣловъ, далѣе которыхъ нельзя было вести прежнюю политику—именно, нельзя было по двумъ причинамъ: теперь русскія войска остановились передъ такими областями Турціи, которыя либо нельзя было присоединить (по двумъ причинамъ), не возбудивъ тревоги на Западѣ, либо неудобно было присоединить по отсутствію прямыхъ географическихъ связей съ имперіей. Присмотрѣвшись же къ Турціи, увидѣли, что это не цѣльное тѣло, а куча разнохарактерныхъ народностей. Тогда и рѣшили постепенно обособить эти составныя части двоякимъ способомъ: или дѣля ихъ между сильными державами Европы, или возстановляя изъ нихъ государства, нѣкогда существовавшія въ предѣлахъ Турціи. Такъ изъ политики территоріальнаго обрѣзыванія сосѣда развился другой планъ — политика раздробленія сосѣда. Отсюда развивается двойная политика по отношенію къ Турціи—политика раздѣла, подобнаго польскимъ и политика историческихъ реставрацій. Оба эти стремленія были совершенно чужды религіозно-племеннымъ тенденціямъ. Любопытный образецъ этого смѣшенія представляетъ греческій проектъ Екатерины. Готовясь ко второй войнѣ съ Турціей въ 1782 г., Россія заключила союзъ съ Австріей на такихъ условіяхъ: изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи образуется независимое государство Дакійское (терминъ, вычитанный изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ), изъ коренныхъ областей европейской и, если можно, азіатской Турціи образуется возстановленная Византійская имперія; Боснія и Сербія отдаються

Австріи вмѣстѣ съ владѣніями Венеціи на материкѣ, которая въ возмездіе за то получаетъ Морею, Критъ и Кипръ. Нельзя себѣ представить большаго хаоса въ политическихъ комбинаціяхъ; возстановляется несуществовавшая имперія, славянскія земли отдаются нѣмецкой Австріи, православно-греческія области присоединяются къ Венеціи. Подобнымъ хаосомъ отличается и планъ, предложенный въ 1800 г. Растопчинымъ императору Павлу. Считая Турцію неспособной существовать, Растопчинъ думалъ, что лучше всего раздѣлить ее съ Австріей и Франціей. Россія беретъ себѣ Молдавію, Болгарію и Румелію, отдаетъ Австріи Валахію, Сербію и Боснію, а Франціи—Египетъ; Морея съ Архипелагскими островами становится независимой республикой. Въ этомъ планѣ есть все: и раздѣлъ Турціи, и политическая реставрація съ границами, не имѣвшими никакой опоры въ исторіи и пренебреженіе къ религіозно-племеннымъ симпатіямъ. Этотъ хаосъ заставилъ нѣкоторыхъ политиковъ итти противъ всякаго раздѣла Турціи; таковъ былъ нашъ посланникъ въ Константинополѣ гр. Кочубей. Въ 1802 г. онъ писалъ императору, что всего хуже—раздѣлъ Турціи, всего лучше сохраненіе ея; турки самые спокойные сосѣди и потому для блага нашего лучше всего сохранить сихъ естественныхъ нашихъ непріятелей.

Но съ начала XIX в. различныя условія, частью возникавшія въ самой православно-славянской средѣ, частью навѣянныя со стороны, подсказали русской политикѣ начала, которыми она должна была руководствоваться. Всѣ эти явленія выходили изъ одного источника; этимъ источникомъ былъ національный принципъ. Какъ извѣстно, онъ сильно выступаетъ въ европейской жизни съ начала текущаго вѣка; мы безошибочно можемъ сказать, что въ исторіи международныхъ отношеній этотъ вѣкъ останется временемъ борьбы національностей. Національный вопросъ имѣетъ очень сложный источникъ; не мы его подняли, да и не всѣ народности, которыя стремились къ политическому существованію, стали политически существовать; правда, въ этихъ народностяхъ жили нѣкоторыя преданія о политическомъ бытѣ; припомните, что нѣкогда онѣ были самостоятельными государствами. Такъ, напр., за Кавказомъ существовало государство Армянское, потомъ утратившее свою самобытность подъ ударами турокъ и персовъ; до Екатерины дожило царство Грузинское; другія области, Мингрелія, Кахетія, сохранили еще остатки мѣстнаго самоуправленія подъ чужимъ владычествомъ; точно также дунайскія княжества составляли нѣсколько государствъ; Молдавія и Валахія пользовались внутренней самостоятельностью; Болгарія и Сербія составляли обширныя царства, долго грозившія существованію Византійской имперіи; Сербское королевство, какъ извѣстно, пало подъ ударами турокъ въ битвѣ на Коссовомъ полѣ (Коссово поле—поле Дроздово), вскорѣ послѣ того, какъ мы на Куликовскомъ полѣ начали дѣло своего освобожденія отъ татарскаго ига, въ 1386 г. Изъ всѣхъ этихъ православныхъ или славянско-православныхъ племенъ сохранилъ политическое существованіе маленькій осколокъ сербскаго племени — Черногорія, благодаря особенностямъ горной страны, занятой герцоговинцами. Преданія о боевой славѣ и свободѣ жили еще среди румынъ, болгаръ, сербовъ, какъ и грековъ, но ихъ недостаточно было бы, чтобы поднять народныя массы на борьбу съ турецкимъ игомъ; прежде всего эти преданія не были достаточны для того, чтобы распространить живое чувство свободы; это

чувство было пробуждено толчкомъ со стороны; толчекъ этотъ дало самое крупное событіе XVIII в. со своими послѣдствіями, т. е. французская революція.

Французская революція и завоевательная политика, усвоенная ея преемницей имперіей, чрезвычайно сильно подѣйствовали на всю Европу; подѣйствовали они различно на различныя народности, смотря по ихъ положенію. Въ этомъ отношеніи европейскія государства можно раздѣлить на три разряда. Одни изъ нихъ, составляя цѣльныя политическія тѣла, были лишены внутренней свободы; таковы были Испанія, Португалія; другія пользовались внѣшней независимостью и также лишены были внутренней свободы, но при этомъ не имѣли еще политической цѣлости, были раздроблены на нѣсколько мелкихъ самостоятельныхъ государствъ, таковы были Германія, Италія. Наконецъ, третьи лишены были какъ внѣшней независимости, такъ и внутренней свободы; таковы были православно-славянскія земли или славяно-католическія племена Балканскаго полуострова и Австріи. Въ первыхъ народностяхъ французская революція и имперія пробудили стремленіе къ внутренней свободѣ, во-вторыхъ—къ политическому объединенію вмѣстѣ съ свободой внутренней, въ третьихъ—стремленіе къ національно-политическому освобожденію отъ иноземнаго ига. Стремленіе этихъ то послѣднихъ народовъ и подсказало Россіи новыя начала ея внѣшней политики. Не думайте, что такое дѣйствіе французской революціи проникло въ православныя или славянско-православныя общества непосредственно; эти народности жили слишкомъ далеко отъ Франціи и отъ вызваннаго ею круговорота политическихъ идей; даже французскія завоеванія слишкомъ слабо отражались на европейскомъ юго-востокѣ, т. е. славянско-православномъ мірѣ; это завоевательное движеніе тяжело отозвалось только на единственномъ самостоятельномъ славянскомъ государствѣ — на Россіи. Но французскія завоеванія произвели общій хаосъ европейскихъ международныхъ отношеній; старыя политическія системы пали; старыя отношенія государствъ разстроились, дипломатія сбилась съ проторенной колеи; это сопровождалось общимъ ослабленіемъ связи, и, разумѣется, это ослабленіе должно было почувствоваться прежде всего тѣми народами, которыхъ съ особенной болью сжимали эти связи, т. е. народами угнетенными (угнетенное всегда шевелится, когда среди угнетателей водворяется безпокойство). Таково было вліяніе французской революціи на православно-славянскій юго-востокъ. Много коронъ въ Европѣ пало отъ французскаго оружія; много политическихъ силъ и страховъ исчезло.

Потомъ произошли невиданныя явленія: Россія уже болѣе вѣка боролась съ Турціей, и всѣ привыкли къ мысли видѣть въ нихъ непримиримыхъ враговъ, а въ царствованіе Павла, чтобы дать отпоръ французскимъ завоеваніямъ, Россія составила огромную коалицію 1798—99 г. (вторая коалиція). Въ этой коалиціи пошли рука объ руку Неаполь, Англія, Австрія, Россія и Турція, которой тоже грозила французская республика изъ Египта во время египетскаго похода Наполеона. Россія содѣйствовала съ своей стороны этому пробужденію политическихъ надежъ въ православно-славянскомъ мірѣ еще ранѣе, чѣмъ усвоила себѣ новую православно-религіозную программу. Русскія побѣды XVIII в. ослабили тотъ страхъ, какой навела Турецкая имперія на Европу; обаяніе, которымъ запугивались покоренныя племена Бал-

канскаго полуострова, теперь стало понемногу разсѣиваться. Припомните, что были сдѣланы опыты поднять народности Балканскаго полуострова противъ Турціи, даже вооружить противъ нея завоеванныя племена Закавказья. Екатерина хвалилась въ началѣ второй Турецкой войны, какъ она подпалитъ Турцію съ разныхъ сторонъ; она вооружитъ противъ нея закавказскіе народы, грузинъ и армянъ; греки въ Мореѣ были подняты, хотя возстаніе потомъ не было поддержано.

Все это вмѣстѣ составило достаточно сильный горючій матеріалъ, помощью котораго и загорѣлся вопросъ объ угнетенныхъ православно-славянскихъ національностяхъ. Какъ скоро этотъ вопросъ былъ возбужденъ, Россія не могла устраниться отъ его разрѣшенія, потому что съ нимъ связаны было ея значеніе въ Европѣ, ея существенные внѣшніе интересы. Такимъ образомъ ходъ событій вызвалъ россійскую дипломатію на новую дорогу; понятно, что на этомъ новомъ пути она получила новый интересъ, новое значеніе. До сихъ поръ Россія разрѣшала свои мѣстные, особые вопросы; она объединялась въ національное цѣлое, округляла свои границы, сводила старые счеты со своими ближайшими сосѣдями, Польшей, Швеціей; всѣ эти событія оказывали сильное вляніе, еще сильнѣйшее впечатлѣніе на западную Европу, но все это были мѣстныя событія, чисто русскіе вопросы. Теперь Россія выходитъ изъ этой мѣстной національной сферы и начинаетъ призывать къ политическому существованію народности, которыя не входили и никогда не войдутъ въ составъ Русскаго государства. Такимъ образомъ русская политика берется за разрѣшеніе вопросовъ обще-европейскаго характера.

Ужъ съ первыхъ лѣтъ XIX в. различныя племена Балканскаго полуострова начали шевелиться, поднимая возстанія, они обращались за помощью къ Россіи, подсказывая ей свое религіозное или племенное родство. Эти религіозныя и племенныя связи и указали русской политикѣ начала, во имя которыхъ она стала дѣйствовать противъ Турціи. Первое выраженіе этихъ началъ находимъ въ сочиненіи одного славянскаго публициста, вызванномъ возстаніемъ сербовъ. Въ концѣ 1803 г. поднялись сербы восточной Сербіи. Митрополитъ австрійскихъ сербовъ Стратиморовичъ, чтобы помочь единоплеменникамъ, въ 1804 г. прислалъ въ Петербургъ записку или «начертаніе о возстановленіи новаго славяно-сербскаго государства». Въ этой запискѣ онъ указываетъ на сходство религіи, языка и образъ жизни сербовъ съ русскими и ставитъ русскому правительству вопросъ: «нельзя ли и не стоитъ ли труда добрыхъ славяно-русскихъ родичей въ политическое бытіе привести, а со временемъ въ политическое содружество»? Онъ предлагаетъ и форму освобожденія: поднявшаяся часть сербовъ можетъ оставаться подъ верховной властью Турціи, получивши только независимость внутренняго управленія и находясь подъ покровительствомъ Россіи. Эта программа волей-неволей была усвоена русской политикой и повела къ удивительно однообразному процессу освобожденія различныхъ національностей Балканскаго полуострова. Я передамъ только сухой перечень того, что было сдѣлано на этомъ пути съ начала XIX в.

Всѣхъ раньше поднялись на Балканскомъ полуостровѣ сербы, которые имѣли прежде всего больше практики въ вооруженной борьбѣ съ Турціей; благодаря сосѣдству съ Австріей, Сербія обыкновенно слу-

жила театромъ борьбы во время войнъ ея съ Турціей; сербы поднимались, австрійцы поднимали ихъ, образовывали изъ нихъ отрядъ волонтеровъ, который и направляли противъ турокъ. При Іосифѣ II шла у австрійцевъ неудачная война съ Турціей; сербскіе волонтеры по окончаніи ея были отпущены, но Сербію наводнили турецкіе гвардейцы—извѣстные янычары,—которые, плохо повинуясь центральному правительству Стамбула, стали распоряжаться по своему. Волонтеры, еще не успѣвшие бросить оружіе, поднялись и сосредоточившись въ горныхъ лѣсахъ, начали образовывать отряды гайдуковъ (удальцовъ). У нихъ явился вождь, одинъ изъ участниковъ послѣдней турецко-австрійской борьбы, прежде турецкій лакей, а потомъ свиноторговецъ—Кара-Георгій, Георгій Черный. Онъ и поднялъ борьбу съ янычарами не только съ согласія, но и съ поддержкой турецкаго правительства, въ 1803 г.; потомъ, когда янычары были побѣждены, и изъ Стамбула пригласили сербскихъ повстанцевъ сложить оружіе за его ненадобностью, послѣдніе объявили, что они не даромъ работали въ пользу Турціи и потребовали правъ. Порта отказали, и возстаніе изъ борьбы съ янычарами превратилось въ борьбу съ Турціей. Въ 1805 г. Россія поддерживала сербовъ, пославъ имъ Дунаемъ транспортъ оружія; возстаніе выросло въ обширное движеніе. Въ Бухарестскомъ трактатѣ 1812 г. Россія выговорила въ пользу сербовъ внутреннее самоуправленіе, только съ признаніемъ верховной власти султана, что выражалось разъ навсегда опредѣленной данью сербовъ Турціи. Кара Георгій былъ признанъ верховнымъ княземъ Сербіи.

Одновременно съ этимъ и другая національность была призвана къ политическому существованію — Румынія; въ Бухарестскомъ трактатѣ тоже и ей было выхлопотано самоуправленіе. Прежде турки назначали для управленія Молдавіи и Валахіи грековъ изъ стамбульскаго квартала—фанара,— наполненнаго западными греческими купцами (отсюда названіе торговыхъ грековъ—фанаріоты); они назначались на должности губернаторовъ или господарей въ этихъ княжествахъ. По Бухарестскому трактату, господари Молдавіи и Валахіи управляютъ самостоятельно, при содѣйствіи совѣта изъ мѣстныхъ бояръ и не смѣняются безъ согласія Россіи. Такъ начала русская политика свою дѣятельность на новомъ поприщѣ. Въ 1812 г. Россія вовлечена была въ борьбу съ Франціей; борьба съ Франціей была необходимостью, вытекавшей изъ положенія Россіи въ международной политикѣ. Французскія завоеванія вызывали европейскія народности на отпоръ; наиболѣе угнетенныя изъ этихъ народностей были православно-славянскія; Россія не могла уклониться отъ необходимости поддержать эти національности; слѣдовательно, она должна была столкнуться съ завоевательной политикой Франціи. Здѣсь дѣйствовала логика событій, независимая отъ соображеній дипломатовъ извѣстнаго времени. Это было стихійное движеніе, продолжающееся и до сихъ поръ, помимо людскихъ соображеній.

Въ 1812 году поднялись греки; греческое движеніе, также подновлявшееся различными вліяніями, опиралось на Россію; начальствовавшій движеніемъ генералъ русской службы, грекъ Александръ Ипсиланти, собралъ свои отряды въ Бессарабіи, которая была присоединена къ Россіи по Бухарестскому трактату. Вождемъ движенія и устроителемъ освобождавшейся Греціи сталъ графъ Каподистрія,

долго занимавшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ при Александрѣ. Александръ по консервативному положенію, какое онъ занялъ въ международной политикѣ Европы, не могъ поддерживать прямо и рѣшительно греческое движеніе. Греки долго боролись одни со слабой помощью западно-европейскихъ обществъ. Николай, не связанный обязательствомъ своего брата, повелъ дѣло прямо; новая война съ Турціей 1828—29 гг. расширила русскую территорію, включивъ въ нее устье Дуная и вмѣстѣ съ тѣмъ довершила освобожденіе грековъ и сербовъ. Раздавленные въ 1813 и 14 гг. сербы вновь поднялись на этотъ разъ подъ руководствомъ новаго вождя—Милоша Обреновича въ 1815 году. По Адріанопольскому трактату Порта отказалась совершенно отъ власти надъ возставшими греками и уступила еще болѣе самостоятельности Сербскому княжеству. Независимое греческое королевство образовалось и было признано Европой по Лондонскому трактату 1830 г.; вскорѣ послѣ того былъ избранъ первый король Греціи—баварскій принцъ Оттонъ. Въ силу Адріанопольскаго трактата 1829 г. султанъ далъ Сербіи фирманъ, въ которомъ Милошъ Обреновичъ признается верховнымъ княземъ Сербіи, только находящимся въ вассальной зависимости отъ султана. Сербія пользуется полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ; турки, живущіе въ Сербіи, выселяются, остается только гарнизонъ въ сербскихъ крѣпостяхъ. Такимъ образомъ, два новыя политическія тѣла вызваны къ бытію при содѣйствіи Россіи. Въ такое же вассальное отношеніе поставлены были и Дунайскія государства или княжества.

Въ 30 году вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, пріобрѣтенное этими успѣхами, достигло своего высокаго напряженія по очень странному стеченію обстоятельствъ: Турція разваливалась, отдѣльныя части отрывались отъ нея или обнаруживали стремленіе оторваться. Такъ, Греція отдѣлилась совершенно, Сербія, Молдавія и Валахія почти оторвались; въ 1831 г. поднялась противъ Турціи ея далекая провинція на югѣ—Египетъ; Мехмедъ-Али-Паша, губернаторъ Египта, много помогавшій Турціи въ борьбѣ съ греками, теперь поднялъ возстаніе противъ султана въ 1831 году. Располагая хорошимъ войскомъ, его сынъ Ибрагимъ оторвалъ отъ Турціи всю Сирію, дошелъ до Тавра, перешелъ черезъ этотъ хребетъ, разбилъ турокъ при Кандіи въ 1832 году и направился къ Константинополю. У султана не было ни одной арміи; если бы Ибрагимъ перешелъ Босфоръ и занялъ Константинополь, который оставался беззащитнымъ, Турецкая имперія пала бы подъ ударами непріятеля, и господство турокъ замѣнилось бы господствомъ арабовъ, шедшихъ подъ знаменами египетскаго принца. Трудно сказать, что тогда было бы, въ какое сочетаніе пришли бы политическія отношенія на юго-востокѣ, въ какое отношеніе къ этимъ событіямъ должна бы стать Россія. Народности Балканскаго полуострова, освободившіяся или еще ждавшія освобожденія, радовались успѣху Мехмедъ-Али; во всякомъ случаѣ съ паденіемъ власти султана возникъ бы вопросъ объ ихъ освобожденіи, а къ Мехмеду они не стали бы въ такое отношеніе, въ какомъ они стояли къ султану. Казалось бы, Россія должна была спокойно смотрѣть на ходъ дѣла, предоставить египтянамъ окончить ходъ русскаго дѣла. Политика Николая отнеслась къ событію иначе. Николай, припомнивъ правило, которое было высказано въ книгѣ Монтескье, или руководствуясь своими особыми воззрѣніями, рѣшилъ

не допустить сосѣднее слабое государство до разрушенія, ибо слабое государство въ сосѣдствѣ всегда полезно и полезнѣе, чѣмъ отдѣльныя провинціи, на которыя разобьется это государство, хотя бы эти провинціи были присоединены къ сильному сосѣду; онъ рѣшилъ поддержать султана. Севастопольскій флотъ, подъ командой Лазарева, по просьбѣ султана явился въ Босфоръ не громить Константинополь, а защищать его отъ магометанъ. Русская дивизія высадилась на азіатскомъ берегу для того, чтобы загородить египтянамъ путь къ Стамбулу; Ибрагимъ-паша не отважился бороться съ русскими и отступилъ. Таково неожиданное сочетаніе обстоятельствъ; Россія уже болѣе вѣка стремилась добить Турцію, а когда явилась опасность ея паденія, она заступилась за нее первая. Турки были очень испуганы появленіемъ страшныхъ защитниковъ и, кажется, боялись ихъ больше, чѣмъ египтянъ; услуга была вознаграждена договоромъ, заключеннымъ въ мѣстечкѣ Уніатскелеси въ 1838 г.; этотъ договоръ обезпечилъ рѣшительное преобладаніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Россія признана была единственной защитницей православно-славянскаго населенія Турціи съ правомъ вмѣшиваться въ дѣла Порты по этому предмету. Формально Россія и Турція обязались защищать взаимно другъ друга, но въ секретной статьѣ договора было сказано: ни одинъ военный корабль западно-европейскій не пропускать черезъ Дарданеллы, а русскій флотъ имѣлъ ходъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ. Это было временемъ наибольшаго торжества русской дипломатіи на Востокѣ.

Съ этого времени начинается глухое противодѣйствіе западныхъ державъ русскому преобладанію; противодѣйствіе это повело при благопріятныхъ условіяхъ къ Восточной войнѣ 1853—56 гг. Какъ извѣстно, эта борьба, веденная западно-европейской коалиціей въ защиту Турціи, имѣла двоякую цѣль, которая и была достигнута: 1) уничтожить исключительное право Россіи покровительствовать турецкимъ христіанамъ, 2) такъ какъ это право покровительства поддерживалось русскимъ черноморскимъ флотомъ, то уничтожить этотъ флотъ. По Парижскому договору 1856 г. христіане Турціи были объявлены подъ совокупнымъ покровительствомъ великихъ державъ; севастопольскій флотъ былъ уничтоженъ во время войны, и Россія лишилась права возстановить его. Но это было задержкой на новомъ пути; ходъ событій заставилъ русскую политику усвоить себѣ религіозно-національную программу. Территорія Россіи расширяется въ продолженіе XIX ст. до Восточной войны; но этотъ интересъ постепенно отступаетъ на второй планъ, и на первый планъ выдвинута задача—постепенно призвать къ политическому существованію всѣ православно-славянскія народности Турецкой имперіи.

На нашей памяти русская политика сдѣлала еще нѣсколько новыхъ шаговъ въ этомъ направленіи: Дунайскія княжества соединены были въ царствованіе Александра въ одно Румынское государство, которое, наконецъ, освободилось отъ власти султана. Сербское княжество вело еще борьбу съ Турціей и, поддержанное Россіей, также получило полную независимость. Это движеніе вызвало послѣднюю Восточную войну 1787—79 гг. Русская армія уже въ 1829 году на пути къ Константинополю дошла до Адріанополя; въ минувшую войну она проникла далѣе и издали уже видѣла Константинополь, расквартированіе ея въ этомъ городѣ—вопросъ времени. Война эта сопро-

вождалась призваніемъ къ политическому бытію еще другихъ славянскихъ православныхъ племенъ. По Сенъ-Стефанскому договору 78 г. образовано княжество Болгарское по объ стороны Болканскаго хребта; это княжество съ населеніемъ теперь не менѣе 2-хъ мил. поставлено къ Турціи въ такое же положеніе, въ какомъ нѣкогда стояла Сербія; со временемъ она станетъ въ такое же положеніе, въ какомъ теперь стоитъ Сербія; надобно только желать, чтобы она находилась въ такомъ отношеніи къ Россіи, въ какомъ находится эта послѣдняя страна. Задача поставлена такъ прямо, что рѣшеніе ея неоспоримо: рано или поздно всѣ славяно-православныя, а потомъ и славяно-неправославныя племена, среди которыхъ уцѣлѣли зачатки политической самостоятельности, будутъ къ ней призваны при содѣйствіи Россіи. Эта задача осуществится, захочетъ ли Россія или нѣтъ, ибо это дѣло не людей и не обычаевъ, а ходъ событій.

Итакъ, на югозападныхъ границахъ внѣшняя политика Россіи разрѣшала совсѣмъ не такую задачу, какая разрѣшалась ею на границахъ юго-восточныхъ. Эту задачу можно выразить такими словами: призваніе къ политическому бытію славянскихъ и православныхъ племенъ Балканскаго полуострова по мѣрѣ ихъ политическаго пробужденія. Это стремленіе вноситъ новое, вводитъ въ семью европейскихъ государствъ мелкія племена, давая имъ политическое существованіе. Трудно сказать, есть ли это стремленіе дѣйствительно новое международное начало или оно только является первымъ моментомъ того же процесса, какой совершается на Западѣ. Можетъ быть, эти мелкія православно-славянскія государства положатъ начало политическому раздробленію Европы; а можетъ быть, они сами со временемъ сольются въ одну огромную православно-славянскую державу. Это вопросъ, разрѣшеніе котораго лежитъ за предѣлами политическаго кругозора.

Александръ I. Его воспитаніе.

Прежде чѣмъ перейти къ исторіи царствованія Александра I, я скажу нѣсколько подробнѣе о томъ, изъ какихъ отдѣльныхъ вопросовъ и движеній складывался основной фактъ нашей внутренней политики въ XIX в. Я указалъ этотъ главный фактъ, который наполняетъ собой нашу внутреннюю исторію съ начала текущаго вѣка— этотъ фактъ по существу своему соціально-политическій; онъ состоялъ въ постепенномъ уравненіи сословій, сближеніи ихъ и призваніи къ совокупной дѣятельности. Но этотъ фактъ—сложный; онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ движеній, изъ нѣсколькихъ вопросовъ, которые еще не всѣ разрѣшены. Я обозначу эти отдѣльные вопросы. Чтобы устроить общество на новыхъ основаніяхъ, нужно было стройное и достаточно дѣятельное управленіе; чтобы устроить общественный порядокъ, нужно было поставить его на новомъ основаніи, на законѣ, который бы замѣнилъ собою привилегіи однихъ классовъ обязанностями другихъ. Такого, одинаковаго для всѣхъ, стройнаго закона не существовало въ нашемъ государствѣ. Поэтому задачей правительства должно было стать преобразованіе управленія и кодификаціи, т. е. выработка стройнаго,

для всѣхъ одинаковаго закона изъ кучи разновременыхъ и разнохарактерныхъ частныхъ указовъ. Далѣе, перестройка общества, уравненіе сословій требовали прежде всего разрѣшенія крѣпостного, или крестьянскаго вопроса; крѣпостное право, какъ мы знаемъ, и вносило то неравенство во взаимное положеніе и взаимныя отношенія сословій, которое противорѣчило понятію объ одинаковомъ для всѣхъ законѣ. Значитъ, рядомъ съ вопросомъ объ управленіи и кодификаціи долженъ былъ разрѣшаться вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Но вопросъ этотъ, благодаря внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ, не могъ быть первоначально поставленъ прямо, во всемъ своемъ объемѣ; къ нему нужно было подготовить не только отношенія и интересы, но и умы, понятія. Вопросъ разрѣшался не всегда послѣдовательно и непрерывно; правительство иногда какъ будто бы останавливалось на нѣкоторое время, задумываясь даже передъ необходимостью разрѣшенія. Тогда начиналось возбужденіе въ обществѣ, нетерпѣливо требовавшемъ разрѣшенія задачи; но въ то время, какъ одни были недовольны тѣмъ, что слишкомъ медленно вводится новое, другіе были недовольны тѣмъ, что разрушается старое. Отсюда является практическая тревожная задача: устраивая управленіе и общество, подготовлять однихъ къ неминуемому факту, а другихъ сдерживать до поры до времени. Мы назовемъ этотъ вопросъ вопросомъ о полиціи умовъ; полиція умовъ—это явленіе, которое становится рядомъ съ полиціей нравовъ только съ начала XIX ст.; правительство XVIII в. знало полицію нравовъ. Это наблюденіе надъ умами проводилось различными путями, прежде всего литературной цензурой. (Литературная цензура возникла только съ конца прошедшаго столѣтія, царствованія Павла) Но болѣе всего вниманіе правительства въ этомъ направленіи обращено было на подготовку умовъ, т. е. на выработку удобной системы воспитанія. Учебныя системы всѣ были направлены въ эту сторону, т. е. ставили себѣ задачей извѣстнымъ образомъ воспитывать умы, чтобы они не мѣшали правительству въ его движеніи. Вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ состоитъ указанный мною фактъ внутренней жизни. Мы будемъ слѣдить прежде всего за ходомъ работы надъ управленіемъ и надъ кодификаціей, потомъ надъ ходомъ разрѣшенія крѣпостного вопроса и въ связи съ нимъ надъ исторіей полиціи умовъ. Если будетъ время, мы коснемся еще ряда явленій, источникъ которыхъ былъ смѣшанный; эти явленія имѣли связь какъ съ ходомъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ дѣлъ. Внѣшнія войны и внутреннія преобразованія (соціальнаго, а не экономическаго характера) увеличивали государственныя издержки; это ставило вопросъ финансовый.

Первый прямой приступъ къ постановкѣ столь сложной задачи сдѣланъ былъ въ царствованіе Александра. Какъ поставленъ былъ этотъ вопросъ, какъ онъ разрѣшался и къ какимъ привелъ результатамъ—все это много зависѣло отъ личныхъ понятій и характера этого государя; поэтому предварительно мы должны познакомиться съ этимъ лицомъ, имѣвшимъ такое важное значеніе въ исторіи нашего государственнаго порядка и даже движенія нашихъ понятій.

Императоръ Александръ родился 12 декабря 1777 г. Онъ былъ сынъ Павла отъ второго брака съ виртембергской принцессой, Маріей Феодоровной. Я не раздѣляю довольно распространеннаго мнѣнія, что

Александръ, благодаря хлопотамъ бабушки, получилъ хорошее воспитаніе; онъ былъ воспитанъ очень заботливо, но не хорошо и не хорошо именно потому, что слишкомъ заботливо. Вскорѣ послѣ рожденія, бабушка, которая считала себя большой педагогичкой, оторвала внука отъ матери, чтобы воспитать его по правиламъ тогдашней философской педагогіи, т. е. «по законамъ разума и въ принципѣ добродѣтели». Тогда «Эмиль» Руссо считался ходячимъ учебникомъ такой педагогіи; этотъ учебникъ требовалъ, чтобы человѣку давалось воспитаніе крѣпкое, закаливавшее противъ всѣхъ житейскихъ и физическихъ невзгодъ. Согласно съ этимъ, Екатерина помѣстила маленькаго внука въ комнатѣ Зимняго дворца, обращенной окнами къ адмиралтейству, чтобы заранѣе пріучить его ухо къ пушечнымъ выстрѣламъ; но слуховой нервъ дитяти не вынесъ преждевременнаго закала и великій князь на всю жизнь остался тугъ на одно ухо. Когда внукъ сталъ подростать, она составила планъ воспитанія, по обычаю своему довольно полными пригоршнями почерпнувъ правила въ буквальномъ переводѣ изъ сочиненіи Локка. Вмѣстѣ съ тѣмъ образованъ былъ штатъ воспитателей; главнымъ изъ наставниковъ былъ избранъ полковникъ Лагарпъ, швейцарскій республиканецъ, восторженный, но осторожный поклонникъ тогдашнихъ французскихъ идей, ходячая и очень говорливая французская книжка. Учить великаго князя русскому языку призванъ былъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, очень почтенный и образованный человѣкъ и очень недурной писатель въ либерально-комическомъ и сантиментально-дидактическомъ направленіи. Наконецъ, общій надзоръ за воспитаніемъ порученъ былъ графу Салтыкову, одному изъ вельможъ екатерининской школы, который зналъ твердо только одно, какъ жить при дворѣ, дѣлалъ, что скажетъ жена и подписывалъ, что подастъ секретарь; впрочемъ, его партія въ этомъ педагогическомъ оркестрѣ состояла въ томъ, чтобы предохранять великаго князя отъ сквозного вѣтра и засоренія желудка. Лагарпъ, по его собственному признанію, принялся за свою задачу очень серьезно, какъ человѣкъ, сознающій свою обязанность передъ великимъ народомъ. Онъ началъ читать съ великими князьями, Александромъ и Константиномъ, которые были ему поручены, латинскихъ и греческихъ классиковъ—Демосфена, Плутарха, Тацита, англійскихъ и французскихъ историковъ, и философовъ и публицистовъ — Локка, Гиббона, Руссо, Мабли и т. д. Во всемъ, что онъ говорилъ и читалъ питомцамъ, шла рѣчь о человѣческомъ благѣ, о происхожденіи общества, о равенствѣ людей, о справедливости и настойчивости, о свободѣ человѣка, о нелѣпости и вредѣ деспотизма, о гнусности рабства и т. п. Добрый и умный Михаилъ Муравьевъ подливалъ масла въ огонь, читая дитяти свои идилліи о любви къ человѣчеству, о загонѣ мысли, заставляя переводить все тѣхъ же Локка, Гиббона, Руссо и т. д., и замѣтьте,—все это читалось и говорилось будущему самодержцу россійскому въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, т. е. довольно преждевременно. Въ эти годы, когда люди живутъ непосредственно впечатлѣніями и инстинктами, отвлеченныя идеи превращаются у нихъ въ политическіе образы, моральные принципы, чувства. Преподаваніе Лагарпа и Муравьева не давало ни реальныхъ знаній, ни логической дрессировки ума, не вводило въ историческую дѣйствительность и не могло еще серьезно возбуждать и направлять мысли; высокія идеи въ

умѣ двѣнадцатилѣтняго политика и моралиста отлагались, какъ поэтическая и моральная сказка, наполнявшая дѣтское воображенiе не дѣтскими образами и волновавшая его незрѣлое сердце очень зрѣлыми чувствами. Если мы прибавимъ къ этому графа Салтыкова съ его доморощеннымъ курсомъ придворной гигiены и придворныхъ манеръ, то легко замѣтимъ, какой пробѣлъ оказался въ воспитанiи великаго князя. Его учили, какъ чувствовать и какъ держать себя, но не учили, какъ мыслить и дѣйствовать; ему не задавали ни житейскихъ, ни научныхъ вопросовъ, которые бы онъ разрѣшалъ самъ, ошибаясь и поправляясь; ему на все давали готовый отвѣтъ, политическiе и нравственные догматы, непререкаемыя истины, которыхъ ненужно, да и нельзя продумать, а оставалось только прочувствовать да затвердить; его не заставляли ломать голову, его не воспитывали, а какъ сухую губку пропитывали дистиллированной и общечеловѣческой моралью, насыщали лакомствами европейской мысли. Великiй князь не познакомился со школьнымъ трудомъ, съ его миніатюрными горемъ и радостями; онъ не вѣдалъ борьбы школьника съ учебникомъ, не испыталъ побѣдъ на холодныхъ поляхъ ученическихъ тетрадей, тѣхъ побѣдъ и пораженiй, которыя, можетъ быть, однѣ только и даютъ школѣ серьезное воспитательное значенiе. Александръ много читалъ, еще больше слушалъ, но онъ мало учился. Въ запискахъ второстепенныхъ русскихъ учителей великаго князя мы встрѣчаемъ нерѣдко горькiя жалобы на его праздность, медленность и лѣнь, нелюбовь его къ такъ называемымъ упражненiямъ. Когда великiй князь подросъ настолько, чтобы понимать, а не чувствовать возвышенные уроки Лагарпа, онъ искренно привязался къ идеалисту республиканцу и сталъ слушать его съ наслажденiемъ, и только; то былъ художественный моцiонъ, а не умственная работа. Это большое несчастiе, когда между ученикомъ и учителемъ образуются отношенiя зрителя къ артисту, когда урокъ послѣдняго становится эстетическимъ развлеченiемъ и только. Легко понять, какой обильный прiемъ политическихъ и нравственныхъ идиллiй былъ данъ великому князю, благодаря преподованiю Лагарпа и Муравьева. Эти идиллiи подѣйствовали на его вкусы; великiй князь рано сталъ думать о сельскомъ уединенiи, не могъ безъ восторга пройти мимо полевого цвѣтка, крестьянской избы и т. п.; онъ рано привыкъ скользить по житейскимъ явленiямъ легкимъ взглядомъ того человѣка, для котораго жизнь—прiятное препровожденiе времени, а мiръ обширный кабинетъ для эстетическихъ и поэтическихъ наслажденiй.

Съ лѣтами все это измѣняется; мечты смѣнились бы трезвымъ наблюденiемъ, чувства обратились бы въ убѣжденiя. Случилось такъ, что этотъ обширный и полезный процессъ въ Александрѣ былъ прерванъ. Зная по опыту, какъ добродѣтель таетъ подъ палящими лучами страсти, императрица Екатерина поспѣшила застраховать своего внука, женивъ его въ 1798 г., когда ему не исполнилось еще 16 лѣтъ. Для этого была призвана баденская принцесса Елизавета Алексѣевна. Каковъ бы ни былъ взглядъ на бракъ, но правъ фонвизинскiй Недоросль, сказавъ, что «женитьба или замужество—конецъ ученью»; тамъ пойдутъ другiе интересы, начинается другое развитiе, не похожее на прежнее юношество, и если прежнее будетъ прервано преждевременно, это на всю жизнь останется невознаградимой потерей, болѣзненнымъ

переломомъ. Грецiя и Римъ, республика, свобода, равенство... какое же мѣсто, спросите вы, въ этомъ калейдоскопѣ героическихъ образовъ и политическихъ идеаловъ занимаетъ Россiя со своимъ невзрачнымъ прошедшимъ, съ неограниченной монархiей, съ крѣпостнымъ правомъ и подобными особенностями, политическими и соцiальными; какъ въ головѣ великаго князя родная дѣйствительность могла укладываться съ тѣмъ, что проповѣдывалъ гувернеръ-республиканецъ? Очень просто. Ее, эту дѣйствительность, признавали, какъ фактъ низшаго разбора, какъ стихiйное, неразумное явленiе, признавали ее и игнорировали, т. е. ничего объ ней больше знать не хотѣли. Лагарпъ въ этомъ отношенiи поступалъ съ великимъ княземъ, какъ въ былое время поступала гувернантка съ дѣвушкой. Воспитательница, дѣвица не первой молодости, нарисуетъ бывало воспитанницѣ очаровательный мiръ благовоспитанныхъ людскихъ отношенiй, основанныхъ на правилахъ строгой морали, строжайшей вѣжливости, въ которомъ даже показать кончикъ носка изъ подъ платья грѣхъ, и вдругъ обѣ дѣвы тутъ же въ домѣ налетаютъ на натуральную сцену; юная устремитъ на старую изумленный и сконфуженный взглядъ, а та успокоитъ ее и скажетъ: «ничего, иди къ себѣ». Лагарпъ осторожно обходилъ больныя мѣста русскаго государственнаго и общественнаго порядка, а впослѣдствiи онъ совѣтывалъ питомцу и не лѣчить ихъ.

Съ грузомъ античнаго образованiя и самоновѣйшихъ политическихъ идей Александръ вступилъ въ дѣйствительную жизнь. Она встрѣтила его не то, чтобы сурово, а какъ то безсмысленно. Бабушкинъ внукъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сыномъ своего отца и сталъ въ очень неловкое положенiе между отцомъ и бабушкой. То были два двора, два особые мiра; нравственное разстоянiе между ними было несравненно шире географическаго. Каждую пятницу старшiе великiе князья, Александръ и Константинъ, должны были отправляться въ Гатчину; по субботамъ бывалъ парадъ—гатчинскiй вахтъ-парадъ, слѣдовательно, не шутка. Старшiй великiй князь былъ командиромъ второго баталiона, младшiй—третьяго; вечеромъ они возвращались въ Петербургъ. Въ Гатчинѣ Александръ слушалъ жестокую команду, суровыя слова, непрiятные казарменные жесты и размахиванiя, а вечеромъ, возвратясь въ Петербургъ, попадалъ въ салонъ Екатерины, въ тѣ залы Зимняго дворца, которые назывались Эрмитажемъ, уединенiемъ, и гдѣ императрица проводила вечера въ избранномъ обществѣ; здѣсь шли толки о самыхъ важныхъ политическихъ предметахъ, велись самыя остроумныя бесѣды, шутились самыя изящныя шутки, смотрѣлись самыя отборныя французскiя пьесы, а грѣшныя дѣла и чувства облекались въ самыя опрятныя прикрытiя. Вращаясь между двумя столь не похожими дворами, онъ долженъ былъ жить на два ума; держать двѣ парадныя физiономiи, кромѣ ежедневной, домашней, имѣть два разные прибора манеръ, чувствъ, даже словъ. Какая школа для выработки натянутости, осторожности, скрытности, неискренности, и какъ она мало была похожа на школу Лагарпа и Муравьева. Со смерти Екатерины кончилась эта двусмысленная жизнь; она замѣнилась однообразными, но очень суровыми тревогами; эти тревоги происходили изъ старинныхъ отношенiй отца къ сыну, рано отъ него оторванному; сынъ сталъ питать нѣкоторое недовѣрiе къ отцу. Оба они неправы и оба не были виноваты. Съ воцаренiемъ Павла, Александръ назначенъ былъ

на постъ военнаго губернатора въ Петербургѣ и командиромъ расположенныхъ въ округѣ войскъ. Онъ долженъ былъ испытывать ежедневныя тревоги, трепетать вмѣстѣ съ обществомъ передъ новыми замыслами государя. Эти тревоги, среди которыхъ завязалась популярность великаго князя, надолго, надолго набросили тѣнь на его настроеніе. Надо признаться, что Александръ шелъ къ престолу не особенно гладкой и ровной дорогой; съ пеленокъ надъ нимъ перепробовали не мало мудреныхъ и причудливыхъ экспериментовъ: его не-во-время оторвали отъ матери для опытовъ разной естественной педагогіи, изъ недоконченнаго Эмиля преобразовали преждевременно въ политика-философа; едва начавшаго размышлять студента превратили въ незрѣлаго семьянина, а тихая семейная жизнь и недоконченныя занятія прерывались развлеченіями вѣтренаго эрмитажнаго общества, а потомъ казарменными тревогами гатчинской дисциплины. Все это было не во-время или не то, что было нужно. Великому князю нужна была привычка къ дѣльному труду, а болѣе всего знаніе той жизни, которой онъ долженъ былъ руководить со временемъ. Ни въ бабушкиномъ салонѣ, ни на отцовскомъ вахтъ-парадѣ, ни въ лагарповской аудиторіи его не выучили какъ слѣдуетъ родному языку; современники свидѣтельствуютъ, что Александръ до конца жизни не могъ вести по-русски разговора о какомъ-нибудь сложномъ предметѣ.

Такъ воспитывался великій князь и съ такимъ запасомъ понятій, чувствъ и наблюденій онъ вступилъ на престолъ. Давно уже у него сложился политическій идеалъ, который онъ высказывалъ въ бесѣдѣ съ рѣдкими людьми, къ которымъ относился откровенно; къ числу ихъ принадлежалъ молодой образованный полякъ, Адамъ Чарторійскій, котораго приставила къ нему мать. Князь Адамъ Чарторійскій позже уже вспоминалъ эти бесѣды съ великимъ княземъ, отъ которыхъ онъ былъ въ большомъ восторгѣ. Александръ встрѣтилъ въ окружающемъ обществѣ единственнаго человѣка, передъ которымъ онъ могъ открыться, кажется, старался вынести изъ души все, что тамъ лежало. Онъ открыто признавался, что ненавидитъ деспотизмъ, въ какихъ бы формахъ онъ ни проявлялся и слѣдилъ съ живымъ участіемъ за ходомъ французской революціи, зарожденіемъ французской республики и желалъ ей всякаго успѣха; онъ высказывалъ также, что считаетъ наслѣдственную власть нелѣпымъ учрежденіемъ, что выборъ лица, носителя верховной власти, долженъ принадлежать не рожденію, а голосу націи, которая всегда выберетъ лучшаго управителя.

Съ этимъ идеаломъ онъ вступилъ на престолъ; тутъ впервые онъ долженъ встрѣтиться съ русской дѣйствительностью; прежде онъ зналъ либо салонъ, либо казарму. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ почувствовать страшную пропасть между его привычными любимыми идеями и между столь же привычными, хотя и нелюбимыми, фактами русской жизни. Отсюда, изъ такого воспитанія онъ внесъ свой главный недостатокъ—отсутствіе чутья дѣйствительности, практическаго глазомѣра; это чутье и глазомѣръ не даются даромъ, они даются только человѣку, много возившемуся съ непосредственными фактами жизни. Александръ зналъ факты, но искусственные; пробовалъ грязь, но дѣланную; онъ зналъ грязь салона, грязь казармы, но не знакомъ былъ съ той житейской грязью, на которую обрекъ

человѣка самъ Создатель, сказавъ: «въ потѣ лица добывай хлѣбъ свой», онъ не вынесъ ни привычки, ни любви къ процессу труда; отсюда идиллическій взглядъ на ходъ людскихъ дѣлъ; онъ вступилъ на престолъ съ истиннымъ желаніемъ добра всѣмъ людямъ, но онъ былъ увѣренъ, что достаточно пожелать добра, чтобы осчастливить людей, что благоденствіе водворится среди людей какъ то вдругъ, и притомъ не будетъ сопровождаться ни напряженіемъ, ни стѣсненіемъ для личной власти Александра; свобода какъ то водворится безъ всякой потери для власти, власть какъ то устоитъ безъ ущерба для свободы; однимъ словомъ, то была политическая идиллія. Практическій человѣкъ никогда не задаетъ жизни широкихъ задачъ, зная, что не въ силахъ разрѣшить ихъ, но онъ никогда не пугается передъ препятствіями, какія ставитъ жизнь; онъ знаетъ мѣру и силамъ и безсилію жизни. У Александра не было знанія ни того, ни другого; онъ вступилъ въ правительственную дѣятельность съ слишкомъ широкими мечтами, но при встрѣчѣ съ первыми препятствіями пугался, думалъ, что ошибался, онъ не зналъ, ни степени опасности враговъ, ни степени силы препятствій. Его первыя попытки обыкновенно охлаждались; неудачи вызывали въ Александрѣ досаду, но досаду не на себя, а на жизнь и на людей. Нерѣшительность, происходившая отъ испуга передъ препятствіями, сопровождалась уныніемъ, наклонностью опускать руки, легкою утомленностью. Еще прежде, чѣмъ Александръ приступилъ къ серьезному труду, онъ уже пугался затрудненіями, смотрѣлъ уже на конецъ, а если конецъ не былъ близокъ, онъ готовъ былъ себя чувствовать утомленнымъ. Это обычное свойство незнакомыхъ съ жизнью людей. Говорятъ, что женщина всегда смотритъ на результаты и всегда избѣгаетъ процесса труда; я думаю просто, что это свойство всѣхъ людей, которые во-время не познали, какъ жить. Досада, неудачи, преждевременное утомленіе вызывали раздраженіе и Александръ, чѣмъ дальше, тѣмъ нетерпѣливѣе относился къ своимъ неудачамъ и къ возраженіямъ, какія онъ встрѣчалъ въ своихъ сотрудникахъ. Это все вытекало изъ коренного недостатка, я не скажу, природы, а его характера, т. е. того, что сдѣлало воспитаніе. Изобиліе чувства и воображенія при недостаточномъ развитіи воли—все это соединилось въ настроеніе, въ какое попалъ Александръ съ 1815 г. и которое около того же времени получило названіе разочарованія, проще говоря, это—нравственное уныніе, благодаря этому Александръ охладѣлъ къ задачамъ внутренней политики; русская жизнь, которой онъ не зналъ, стала ему представляться неподготовленной. Съ 1815 г. стало даже обнаруживаться чрезвычайно раздражительное, скептическое отношеніе ко всему русскому. Какъ скоро сталъ онъ въ такое отношеніе къ родной дѣйствительности, его идеи должны были переселиться въ Польшу, и даже дальше, за границу.

Во вторую половину Александръ жилъ умомъ и сердцемъ по ту сторону Вислы. Но какъ скоро эти идеалы переселились на другую почву, можетъ быть, ему болѣе родственную по происхожденію, они должны были измѣниться. Первая молодость прошла, силы были утомлены, юношескій порывъ охлажденъ, французское свободомысліе стихло, смѣнившись религіознымъ настроеніемъ, но особаго, также романическаго свойства, безъ той суровой догматики и дисциплины, какую даетъ церковь. Такимъ образомъ прежняя русско-политическая идил-

лія превратилась въ мирно-религіозную; эта то идиллія и выразилась въ фактѣ Священнаго союза, въ попыткѣ построить въ борьбѣ европейскихъ силъ международную политику на заповѣди Евангелія, на правилахъ морали, на тѣхъ правилахъ, одно изъ которыхъ гласитъ: «если кто тебя ударитъ по щекѣ, подставь ему другую». Легко понять, что было бы, если бы это правило было проведено въ жизни одного государства.

Таковъ былъ ходъ идей и чувствъ въ Александрѣ; эти идеи и чувства оказали рѣшительное дѣйствіе на его политику. Александръ былъ прекрасный цвѣтокъ, но тепличный, не успѣвшій акклиматизироваться на русской почвѣ; онъ росъ и цвѣлъ роскошно, пока стояла хорошая погода, наполняя окружающую среду благоуханіемъ; а какъ подула сѣверная буря, какъ настало наше русское осеннее ненастье, этотъ цвѣтокъ завялъ и опустился. Эта исторія внутренней, нравственной жизни повторилась и въ политической дѣятельности Александра. Къ ней мы теперь и обратимся.

Преобразовательные опыты первыхъ лѣтъ.

Вступленіе Александра на престолъ было встрѣчено безумнымъ восторгомъ общества, который легко объясняется патологическимъ состояніемъ его въ предшествовавшее царствованіе. Восторгъ этотъ выражался въ очень комическихъ формахъ: на улицахъ столицы появились запрещенные костюмы, высокіе сапоги съ отворотами, упряжь, экипажи и т. д. Зубовъ на другой вечеръ по смерти императора Павла устроилъ въ своемъ домѣ попойку, на которую явился во всемъ запрещенномъ: во фракѣ, въ жилетѣ изъ трехцвѣтной матеріи и т. п. и началъ метать банкъ, недавно запрещенный. Понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести новый императоръ на столь взволнованное общество; это было нѣчто невиданное въ Россіи. Молодой государь, которому только что пошелъ 24 годъ, явился на улицахъ столицы безъ свиты, не носилъ никакихъ украшеній, даже часовъ, при встрѣчѣ съ подданными довольствовался только поклонами, жилъ очень скромно, впередъ назначая себѣ извѣстную сумму денегъ, и если расходовалъ ее до срока, жилъ въ долгъ.

Съ первыхъ минутъ царствованія Александръ спѣшилъ рѣзко заявить свою программу, направленіе дѣятельности. На это направленіе указывалъ уже манифестъ 12 марта о вступленіи на престолъ. Въ манифестѣ было заявлено, что новый императоръ будетъ управлять порученнымъ Богомъ народомъ «по законамъ и по сердцу своей великой бабки»; а имя Екатерины еще оставалось символомъ либеральныхъ и гуманныхъ идей. Это направленіе заявлено было цѣлымъ потокомъ новыхъ указовъ, полившимся съ первыхъ дней новаго царствованія. Всѣ эти указы были направлены въ одну сторону, всѣ они торопливо подметали слѣды, оставленные прошедшимъ царствованіемъ; каждый изъ нихъ отмѣнялъ какое-нибудь стѣсненіе, заглаживалъ память о какомъ-нибудь насиліи. Трудно даже перечислить рядъ этихъ указовъ, изданныхъ въ первые три-четыре мѣсяца царствованія. Приведу главные изъ нихъ, чтобы показать характеръ новаго правительства. Возстановлена была жалованная грамота дворянству, какъ и

грамота городамъ; возвращены права гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, лишившимся ихъ по приговору военнаго суда и по указу въ минувшее царствованіе (такихъ чиновниковъ, отставленныхъ съ лишеніемъ правъ безъ возможности воротиться на службу, было свыше 10 тысячъ); разрѣшенъ былъ свободный вывозъ русскихъ произведеній за границу, свободный выѣздъ русскихъ людей въ чужіе края, какъ и въѣздъ иностранцевъ въ Россію; открыты частныя типографіи, закрыта тайная экспедиція, т. е. тайная полиція, учрежденная Екатериной; сенату внушено не допускать въ правительственныя вѣдомости печатаніе публикацій о продажѣ крѣпостныхъ безъ земли; наконецъ, строжайше запрещена пытка, которая, несмотря на запрещеніе ея въ прошедшее царствованіе, еще практиковалась въ тогдашнихъ русскихъ судахъ; мелочныя стѣсненія, касавшіяся частныхъ отношеній, домашняго быта пали сами собой, безъ особыхъ указовъ. Въ личныхъ бесѣдахъ, какъ и въ письмахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были тогда же напечатаны, императоръ также ясно выражалъ свою программу или цѣль, какую онъ поставилъ для своей дѣятельности. Цѣль эта состояла въ водвореніи стараго закона на мѣсто царившаго прежде произвола. Эта мысль высказана была довольно рѣзко въ отвѣтъ, какой далъ императоръ на просьбу княгини Голициной о чемъ то недозволенномъ закономъ. Въ просьбѣ было заявлено, что государь выше закона; императоръ отвѣчалъ, что онъ не признаетъ на землѣ никакой власти, которая не вытекаетъ изъ закона.

Согласно съ заявленнымъ направленіемъ, государя окружали люди которые могли вести дѣла въ этомъ направленіи. То были все представители образованнаго дворянства, стоявшіе на высотѣ идей своего времени. Эти люди, давно уже знакомые Александру, разбросанные по разнымъ мѣстамъ въ царствованіе Павла, теперь призваны помогать новому государю; это были Новосильцевъ, графъ Кочубей, графъ Строгановъ и полякъ Адамъ Чарторійскій. Это были сыновья образованныхъ вельможъ, блиставшихъ при дворѣ Екатерины. Кочубей былъ племянникъ Безбородко; Строгановъ—сынъ Строганова, который былъ вліятельнымъ лицомъ при Екатеринѣ, Новосильцевъ—его близкій родственникъ. Все это былъ народъ, воспитанный въ томъ же самомъ духѣ, въ какомъ воспитанъ былъ самъ государь; припомните, что учителемъ Строганова былъ французъ Роксъ, республиканецъ, дѣйствовавшій при Конвентѣ и создавшій извѣстный республиканскій календарь. У этихъ людей былъ одинъ политическій идеалъ—это государственное устройство Англіи, съ которымъ близко познакомиться успѣли Кочубей и Новосильцевъ, живя въ той странѣ. Они и составили тѣсный кружокъ, съ которымъ новый императоръ предпринялъ тяжелую преобразовательную работу. Не занимая сначала никакого офиціальнаго положенія, эти люди собирались по вечерамъ въ кабинетѣ Александра и здѣсь обсуждали преобразовательныя мѣры. Учрежденія и законы, которыми ознаменовались первые годы царствованія, всѣ были выработаны въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, въ этомъ неофиціальномъ комитетѣ, надъ которымъ очень много смѣялись въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ. Самъ государь въ шутку давалъ ему республиканское названіе, звалъ его «Комитетомъ Общественнаго Блага». Благодаря тому, что одинъ изъ членовъ комитета, графъ Строгановъ, велъ протоколы его засѣданія на французскомъ языкѣ,

мы можемъ слѣдить за дѣятельностью этого комитета. Онъ сразу затронулъ самые разнообразные государственные вопросы. Задачей комитета было помогать императору «въ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія управленія имперіей»,—такъ была выражена эта задача въ одномъ протоколѣ. Положено было предварительно изучить настоящее положеніе имперіи, потомъ преобразовать отдѣльныя части администраціи и эти отдѣльныя реформы завершить Уложеніемъ (такъ я перевожу—constitution), установленнымъ на основаніи истиннаго народнаго духа. Такимъ образомъ неофиціальный комитетъ съ поспѣшностью, понятной при тогдашнемъ настроеніи Александра, затронулъ одновременно самые разнообразные политическіе вопросы: о реформахъ управленія, о перестройкѣ соціальныхъ отношеній, о распространеніи просвѣщенія, о составленіи новаго кодекса и т. д.

Прежде всего занялись устройствомъ центральнаго управленія. Какъ мы знаемъ, центральное управленіе осталось нетронутымъ вопросомъ въ царствованіе Екатерины; это царствованіе еще болѣе разстроило; въ центрѣ дѣла вели коллегіи подъ руководствомъ сената—законодательнаго, судебнаго и наблюдающаго учрежденія; при сенатѣ дѣйствовалъ, со значеніемъ блюстителя закона и представителя дѣйствующей власти, генералъ-прокуроръ. Сенатъ и коллегіи постепенно теряли свое первоначальное значеніе въ продолженіе XVIII вѣка, благодаря господству лицъ надъ учрежденіями и законами. Генералъ-губернаторъ велъ всѣ дѣла внутренней политики; за сенатомъ и коллегіями остались текущія дѣла. Всѣ важные вопросы законодательнаго свойства разсматривались въ тѣсномъ кружкѣ, который составился изъ лицъ, призванныхъ къ тому императрицой. Благодаря этому господству лицъ, сенатъ и коллегіи превратились въ послушныя орудія личной воли. Надо было создать стройный механизмъ высшаго центральнаго управленія, основанный на точныхъ твердыхъ законахъ. Такова была первая задача, надъ которой работалъ неофиціальный комитетъ. Слѣдствіемъ этихъ первыхъ работъ была первая попытка устройства перваго центральнаго управленія. Она выразилась прежде всего въ новомъ законодательномъ учрежденіи, какимъ сталъ Непремѣнный Государственный Совѣтъ, ставшій на мѣсто Государственнаго Совѣта, собиравшагося по личному усмотрѣнію Екатерины. Непремѣнный Государственный Совѣтъ, составившійся изъ 12 членовъ, получилъ значеніе высшаго законодательнаго мѣста; каждый новый законъ долженъ былъ здѣсь обсуждаться. Учрежденіе законодательнаго Совѣта должно было измѣнить прежнее значеніе сената; теперь сенатъ былъ преобразованъ; онъ сталъ высшей судебной инстанціей и учрежденіемъ, руководящимъ всѣмъ управленіемъ; сенату принадлежалъ контроль надъ всѣми подчиненными мѣстами и наблюденіе за государственными доходами и расходами.

Отдѣльныя отрасли администраціи распредѣлены были теперь между министерствами, которыя замѣнили старыя коллегіи; этихъ министерствъ указомъ 1802 г. учреждено было 8; между ними мы видимъ новое вѣдомство, которое не существовало въ русской центральной администраціи XVIII вѣка—министерство народнаго просвѣщенія (коллегіи, соотвѣтствовавшей ему прежде, не было). Министерства отличались отъ прежнихъ коллегій болѣе правильнымъ распре-

дѣленіемъ дѣлъ и самымъ своимъ устройствомъ. Какъ вамъ извѣстно, въ коллегіяхъ дѣла велись совѣщательнымъ порядкомъ, вопросы рѣшались большинствомъ голосовъ присутствія, слѣдовательно, и отвѣтственность за веденіе дѣлъ въ коллегіяхъ была коллективная, падала на всѣхъ членовъ совѣта. Министерства были учрежденія единоличныя; управленіе извѣстнымъ вѣдомствомъ сосредоточивалось въ одномъ лицѣ министра, который и несъ на себѣ всю отвѣтственность за веденіе дѣла. Эта отвѣтственность выражалась въ томъ, что каждое министерство должно было представлять отчеты сенату. Такъ было устроено на первое время центральное управленіе.

Неофиціальный комитетъ коснулся и соціальнаго порядка,—положенія о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ сословій. Разумѣется, здѣсь тотчасъ долженъ былъ всплыть вопросъ, составлявшій большое мѣсто въ тогдашнемъ нашемъ общественномъ порядкѣ—вопросъ объ отношеніяхъ крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ. Императоръ вступилъ на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ такъ или иначе развязать это дѣло; на первое время онъ ограничивался мыслью о необходимости опредѣленія закономъ повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльца. Лагарпъ, какъ и практическіе люди тогдашней администраціи, пугались радикальнаго рѣшенія крѣпостного вопроса; самъ Новосильцевъ—старшій изъ названныхъ сотрудниковъ Александра—былъ того мнѣнія, что къ этому дѣлу надо приступать исподволь и вести его съ большой постепенностью, съ большой осторожностью; но другіе сотрудники не раздѣляли такой робости, они думали, что къ этому вопросу надо подступать прямо. Кочубей, напр., на засѣданіи неофиціальнаго комитета высказалъ мнѣніе, что постепенное и медленное веденіе дѣла только распространитъ агитацію въ помѣщичьей средѣ, что всего лучше разомъ развязать узелъ. Чарторійскій и Строгоновъ были того же мнѣнія. Чарторійскій, напр., говорилъ, что крѣпостное право такъ ужасно само по себѣ, что ни передъ чѣмъ не слѣдуетъ останавливаться, чтобы уничтожить его, и эти толки выразились въ цѣломъ рядѣ законовъ, произведшихъ сильное впечатлѣніе на дворянское общество,

12 декабря 1801 г. былъ изданъ указъ, который представлялъ людямъ всѣхъ состояній право пріобрѣтать покупкой земли въ собственность; это право было распространено и на государственныхъ крестьянъ. Это былъ фактъ новый въ исторіи нашего законодательства. До сихъ поръ земельная собственность была привилегіей лишь одного сословія; землей населенною или ненаселенною могли владѣть только дворяне, теперь землевладѣніе стало уже правомъ всѣхъ свободныхъ состояній. 20 февраля 1809 г. послѣдовалъ еще болѣе рѣшительный указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Въ комитетѣ было очень много толковъ, какъ устроить освобожденіе крестьянъ, ввести ли въ это дѣло землевладѣльцевъ, или разрѣшить вопросъ правительственною властью безъ всякаго общественнаго содѣйствія; въ названномъ году одинъ изъ вельможъ графъ Румянцевъ обратился къ правительству съ просьбой разрѣшить ему отпустить на волю крестьянъ одного имѣнія съ землею. Въ первый разъ являлся такой случай въ исторіи крѣпостного права; до тѣхъ поръ помѣщики отпускали на волю отдѣльныхъ лицъ или цѣлыя семейства крѣпостныхъ, но безъ земли. Могъ ли землевладѣлецъ отпустить крестьянъ всего своего имѣнія на

волю съ землею, — этотъ вопросъ не поднимался въ продолженіе XVIII вѣка, не поднимался онъ просто потому, что не бывало случая, который могъ бы его возбудить. Эта просьба Румянцева вызвала новый законъ 20 февраля о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Законъ предоставлялъ землевладѣльцамъ право отпускать на волю своихъ крестьянъ цѣлыми обществами или отдѣльными семействами съ землею на условіяхъ, на которыя согласятся обѣ стороны, т. е. по добровольному соглашенію; вышедши на волю такимъ образомъ, крестьяне не причислялись къ государственнымъ крестьянамъ, но составляли особый классъ вольныхъ хлѣбопашцевъ. Законъ 20 февраля былъ первымъ рѣшительнымъ приступомъ къ разрѣшенію крѣпостного вопроса; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ дворянскому обществу, что разрѣшеніе это недалеко. Понятно, какъ должно было волноваться это общество, такъ неожиданно почуявъ приближеніе развязки, которой оно боялось уже въ XVIII вѣкѣ.

Таковы были преобразовательныя работы первыхъ лѣтъ; онѣ страдали многими недостатками; прежде всего онѣ были торопливы; новыя учрежденія, новые законы недостаточно обдумывались, плохо разрабатывались и очень мало гармонировали между собой. Это понятно, если обратить вниманіе на характеръ вождей этого новаго движенія, на государя и его сотрудниковъ. Все это было люди, вооруженные обильнымъ запасомъ либеральныхъ идей, но обладавшіе слабымъ знакомствомъ съ той дѣйствительностью, въ которую они призваны были внести новыя начала. Новыя учрежденія были довольно плохо устроены и дѣйствовали недостаточно правильно; новыя министерства не имѣли даже устава. Первый уставъ, который послужилъ руководствомъ для администраціи, былъ уставъ, выработанный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ, правившимъ этимъ министерствомъ, но уставъ появился уже два года спустя по открытіи министерства.

Преобразовательныя работы Александра I были прерваны на полудорогѣ внѣшними событіями. Какъ извѣстно, въ 1805—06 г. Александръ долженъ былъ вступить въ коалицію противъ Наполеона. Въ обѣихъ войнахъ, веденныхъ въ союзѣ съ Австріей и Пруссіей, русская армія потерпѣла пораженія. Это были первые практическіе опыты для Александра; они впервые ознакомили его съ дѣйствительностью, какъ она была, въ походахъ. Александръ присмотрѣлся къ людямъ, съ которыми онъ долженъ былъ дѣйствовать и, не встрѣтивъ въ нихъ того, что онъ въ нихъ предполагалъ, онъ быстро въ нихъ разочаровался. По окончаніи войны, сотрудники стали удаляться отъ него: Новосильцевъ, Строгоновъ уѣхали за границу, Кочубей вышелъ изъ министерства, Чарторійскій покинулъ столицу и перенесъ свою дѣятельность на западный край, ставъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Съ удаленіемъ всѣхъ этихъ лицъ кончилось господство англомановъ. При Александрѣ является новое лицо, которое сообщаетъ нѣсколько новый характеръ возобновившейся преобразовательной дѣятельности императора. Этимъ лицомъ былъ Сперанскій.

Сперанскій и его преобразовательный планъ.

Сперанскій—достаточно видное лицо въ исторіи правительственныхъ учрежденій и политическихъ идей, чтобы познакомиться съ его біографіей. Онъ былъ немного старше Александра, онъ родился въ 1772 г. Онъ вышелъ изъ духовенства, былъ сыномъ священника Владимирской губерніи. Получивъ первое образованіе въ мѣстной Суздальской семинаріи, онъ потомъ порешелъ въ главную Александро-Невскую семинарію, вскорѣ преобразованную въ Петербургскую духовную академію. Блестяще окончивъ свой курсъ, онъ остался профессоромъ академіи и преподавалъ самые разнообразные предметы—риторику, философію, физику, иностранные языки, наконецъ, математику; любопытно то, что все это онъ преподавалъ съ большимъ успѣхомъ. Онъ написалъ курсъ высшаго краснорѣчія. Руководство это, составленное, очевидно, изъ его академическихъ лекцій, поражаетъ насъ изяществомъ и выработкою языка, какая рѣдко встрѣчалась въ нашей тогдашней литературѣ, еще не тронутой вліяніемъ Карамзина. Но преподавательская карьера не удовлетворяла Сперанскаго, и случай помогъ ему перейти на гражданскую службу; онъ сдѣлался частнымъ секретаремъ одного изъ вліятельныхъ вельможъ, князя Куракина, и кстати преподавалъ Законъ Божій его дѣтямъ. Пользуясь поддержкой магната, Сперанскій перешелъ на гражданское поприще, перечислился изъ магистра богословія въ 1797 г. въ титулярные совѣтники. Онъ поступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора; эту должность тогда занялъ именно князь Куракинъ. Сперанскій показалъ на гражданской службѣ таланты, которые открыли ему дорогу къ быстрому повышенію. Это былъ чрезвычайно расторопный человѣкъ, способный къ неутомимому труду, умѣвшій понять и отлично изложить мысль начальника, облечь ее въ такія изящныя формы, въ какія не сумѣлъ бы облечь самъ авторъ. Сперанскаго скоро замѣтили, и онъ началъ быстро подниматься по чиновной лѣстницѣ. Съ вступленіемъ на престолъ Александра таланты его, разумѣется, должны были найти еще болѣе широкое приложеніе. Въ новообразованномъ Государственномъ Совѣтѣ онъ сдѣлался статсъ-секретаремъ по гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ. Первые законы новаго царствованія были редактированы Сперанскимъ. Когда закономъ 1802 г. учреждены были министерства, Кочубей, которому было поручено самое важное и обширное по вѣдомству министерство внутреннихъ дѣлъ, перезвалъ Сперанскаго изъ канцеляріи Государственнаго Совѣта и сдѣлалъ его начальникомъ одного изъ департаментовъ своего министерства. Сперанскій сталъ извѣстенъ государю, какъ отличный дѣлопроизводитель и редакторъ указовъ; онъ даже принималъ участіе въ изданіи журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, который былъ основанъ въ 1804 г. Въ этомъ С.-Петербургскомъ журналѣ (какъ называлось изданіе) появлялись отъ времени до времени и статьи самого Сперанскаго. Въ концѣ 1808 г. Кочубей, уже не пользовавшійся прежнимъ довѣріемъ императора, разъ заболѣвъ, послалъ къ нему съ докладомъ вмѣсто себя Сперанскаго. Сперанскій, котораго дотолѣ Александръ зналъ, какъ хорошаго дѣльца, явился здѣсь передъ нимъ съ новыми талантами; онъ такъ отлично прочиталъ докладъ, развивалъ такія прекрасныя мысли, что впечатлительный государь былъ очарованъ. Съ

тѣхъ поръ началось ихъ сближеніе. Въ этомъ году императоръ долженъ былъ ѣхать въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ; онъ взялъ съ собой для доклада по гражданскимъ дѣламъ Сперанскаго. Сперанскій внимательно присматривался на конгрессѣ къ французамъ и къ французскимъ понятіямъ. Разъ Александръ на балу спросилъ его, какъ ему показались чужіе края сравнительно съ отечествомъ, Сперанскій отвѣчалъ: «здѣсь учрежденія, а у насъ люди лучше». «Хорошо», отвѣчалъ государь, «когда мы воротимся домой мы съ тобой много объ этомъ будемъ говорить». Какъ мы видѣли, въ то время уже опустѣлъ кругъ, въ средѣ котораго до тѣхъ поръ работалъ Александръ; для продолженія преобразовательной дѣятельности ему нужны были сотрудники; такимъ сотрудникомъ былъ Сперанскій; по возвращеніи изъ-за границы начались тѣсныя отношенія Александра со Сперанскимъ; они часто и подолгу бесѣдовали, занимались какимъ то важнымъ дѣломъ, которое хранили въ тайнѣ и о которомъ ходили въ Петербургѣ самые смутные толки. Сперанскій въ концѣ 1808 г. былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи.

Такова была карьера Сперанскаго до того времени, когда онъ получилъ политическое значеніе. Со времени возвращенія изъ Эрфурта онъ занимаетъ положеніе главнаго руководителя внутренней политики, самаго довѣреннаго сотрудника императора; о немъ было много толковъ въ свое время, о немъ очень различно судили и впослѣдствіи. Большой свѣтъ столицы трунилъ надъ нимъ, какъ надъ выскочкой; масса дворянства, сначала ему сочувствовавшая, потомъ стала пугаться его смѣлыхъ преобразовательныхъ замысловъ. Во всякомъ случаѣ Сперанскій очень замѣтное явленіе въ нашей политической исторіи: это былъ цвѣтокъ духовно-академическаго воспитанія и цвѣтокъ очень рѣдкій, потому что старая духовная академія не каждый годъ выращивала такія диковинки. Сперанскій былъ идеологъ, какъ говорили въ то время, или теоретикъ, какъ говоримъ мы. Умъ его выросъ на отвлеченныхъ понятіяхъ и привыкъ относиться съ пренебреженіемъ къ простымъ житейскимъ явленіямъ, къ тому, что на философскомъ жаргонѣ называется эмпирическими, конкретными фактами. Философія XVIII в. много породила такихъ умовъ; но у Сперанскаго при этомъ былъ умъ не только философскій, но крѣпкій здоровый умъ, какихъ мало бываетъ во всякое время, а въ этотъ философскій вѣкъ было меньше, чѣмъ когда-нибудь. Я едва ли ошибусь, сказавъ, что въ исторіи нашего управленія съ тѣхъ поръ не появлялось другого такого ума. Въ работѣ надъ отвлеченностями этотъ умъ пріобрѣлъ удивительную гибкость мышленія; самыя трудныя и причудливыя сочетанія идей давались ему такъ же легко, какъ пальцамъ виртуоза даются на клавишахъ самыя трудныя вещи Листа.

Неутомимый чиновникъ, Сперанскій много работалъ надъ собственнымъ образованіемъ и пріобрѣлъ огромный запасъ разнообразныхъ идей и знаній; въ этомъ обильномъ запасѣ было много роскоши, удовлетворявшей самымъ изысканнымъ требованіямъ умственнаго комфорта, было даже много лишняго, хотя и мало того, что нужно было для простыхъ, низменныхъ нуждъ человѣка; въ этомъ Сперанскій походилъ на Александра, и на этомъ они потомъ сошлись другъ съ другомъ. Но министръ отличался отъ государя тѣмъ, что въ головѣ перваго все это было прибрано и стройно разстановлено по мѣ-

стамъ, какъ разставлены дорогія бездѣлушки въ уборной опрятной свѣтской женщины. Сперанскій былъ воплощенная система, онъ удивлялъ умѣніемъ все привести въ порядокъ, всюду дать стройныя формы, все развить послѣдовательно. Если вы прибавите къ этому огромную правовую силу, таившуюся въ этомъ человѣкѣ, его способность къ продолжительному и упорному труду, вы поймете вліяніе, какое онъ могъ пріобрѣсти въ высшихъ административныхъ сферахъ. Ворвавшись со своими крѣпкими мозговыми нервами въ вялое и разслабленное аристократическое общество износившагося отъ дѣлового бездѣлія дворянства, Сперанскій встревожилъ и напугалъ это общество, какъ струя свѣжаго воздуха, прокравшагося въ закупоренную комнату хвораго человѣка, который привыкъ дышать атмосферой, наполненной благовоніями и міазмами. Понятно, какъ такой умъ долженъ былъ отнестись къ русской государствeнной дѣятельности. Привыкши къ отвлеченной логической работѣ, онъ смотрѣлъ на учрежденія, какъ на логическія построенія, на людей, какъ на математическія величины; у него не доставало историческаго чутья, т. е. знакомства съ механизмомъ дѣйствительной жизни; онъ думалъ, что ее можно построить на чисто логическихъ началахъ. Преданіе, прошедшее для него не существовало; онъ бралъ человѣка въ его математической простотѣ, какъ величину, изъ которой можно дѣлать всѣ тѣ различныя сочетанія, какія дѣлаетъ математикъ изъ своей единицы. Вотъ почему существующій русскій порядокъ представлялся ему, какъ совершенная политическая безсмыслица, которую не стоило поправлять, а нужно было просто устранить, замѣнивъ новымъ порядкомъ, построеннымъ по правиламъ логики. Такія начала внесъ Сперанскій въ ту работу, которую онъ велъ съ Александромъ по возвращеніи изъ-за границы. Этой работой былъ грандіозный проектъ преобразованій, который обновлялъ бы весь политическій и соціальный строй Россіи. Проектъ этотъ былъ готовъ къ концу 1809 г.; его не знали современники, къ сожалѣнію, не знаемъ его и мы; до насъ дошли отъ него лишь отрывки, сдѣланные современниками, обнародованные уже по окончаніи царствованія Александра. Проектъ этотъ предназначенъ былъ къ подробной разработкѣ; онъ излагалъ лишь общія начала, на которыхъ долженъ быть построенъ новый государственный порядокъ. Несмотря на то, что проектъ Сперанскаго никогда не былъ осуществленъ, онъ все же представляетъ важное явленіе въ нашей политической исторіи. Онъ, впрочемъ, настолько сложенъ, что его трудно передать въ немногихъ словахъ.

Общій планъ государственнаго устройства, составленный Сперанскимъ, не былъ его исключительнымъ дѣломъ по своему содержанію Александръ, воротясь изъ-за границы, передалъ своему статсъ-секретарю нѣкоторые матеріалы. оставшіеся отъ прежняго неофиціальнаго комитета, сообщилъ ему также нѣкоторыя свои соображенія, такъ что самъ Сперанскій считалъ свой планъ только работой, которая привела въ порядокъ идеи императора; нѣтъ сомнѣнія, что ему принадлежала система этого плана и общія основанія, на которыхъ онъ долженъ былъ его построить. Это даетъ возможность предположить впечатлѣніе, какое произвела на императора положенная на его столъ тетрадь, содержавшая въ себѣ этотъ планъ. Работа эта была совершена въ удивительно короткое время; начатая въ концѣ 1808 г., она

была уже готова въ октябрѣ 1809 г. и въ два слѣдующіе мѣсяца была уже просмотрѣна и исправлена государемъ; послѣдній, кажется, былъ очень дов ленъ этимъ трудомъ. Это понятно: онъ увидѣлъ въ тетрадкѣ свои собственныя идеи, но такъ обработанныя, такъ убранныя, какъ онъ не предполагалъ возможнымъ сдѣлать самъ. Онъ взглянулъ на планъ, какъ чадолюбивая мать смотритъ на свою дочь, убранную ловкимъ парикмахеромъ.

Мнѣ нѣсколько страшно приниматься за изложеніе преобразовательнаго плана Сперанскаго; я больше всего боюсь, что онъ выйдетъ хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Прежде всего, мы знаемъ только извлеченія изъ этого проекта, правда, сдѣланныя очень умнымъ современникомъ Сперанскаго, хотя его и не долюбливавшимъ; то былъ извѣстный писатель, публицистъ своего времени Николай Тургеневъ, участвовавшій въ тайномъ обществѣ, но вышедшій изъ него раньше катастрофы 14 декабря. Уѣхавъ за границу, онъ не возвращался оттуда. Онъ читалъ планъ Сперанскаго и сдѣлалъ изъ него нѣсколько извлеченій, частью буквальныхъ, частью переложеній. Я излагаю содержаніе этого плана только потому, что онъ, никогда не осуществленный, представляетъ поучительный историческій документъ; онъ даетъ намъ возможность наблюдать одно любопытное положеніе, имѣвшее мѣсто въ нашей исторіи. Въ началѣ XIX в. русскій императоръ съ однимъ изъ своихъ статсъ-секретарей, пришедши въ отчаяніе отъ положенія отечества, рѣшилъ водворить въ немъ порядокъ, основанный на законѣ; любопытно видѣть, какъ они хотѣли это сдѣлать. Сперанскій обозначаетъ сущность своего плана такъ: «разумъ, смыслъ сего плана,—писалъ онъ потомъ,—состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить правительственную власть на твердыхъ основаніяхъ и тѣмъ сообщить ея дѣйствіямъ болѣе достойной и истинной силы».

Сперанскій объясняетъ необходимость общаго преобразованія государственнаго устройства; необходимость создана историческими преданіями и практическими условіями; Сперанскій показываетъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ, что уже съ царствованія Алексѣя Михайловича въ Россіи жили и развивались идеи государственнаго порядка, основаннаго на законѣ, проще говоря, конституціонныя идеи; раньше царствованія Алексѣя Михайловича, Сперанскій въ нашемъ темномъ прошедшемъ не ощущалъ подобныхъ идей. Несмотря на уклоненія, Россія, по его мнѣнію, все таки шла къ свободѣ; законный порядокъ необходимъ и по современному положенію Россіи; потому что иначе жить нельзя; въ Россіи всѣ существующіе законы гражданскіе, уголовные—ничего незначущіе призраки, потому что нѣтъ законовъ политическихъ. Къ чему служитъ, напр., законъ, обезпечивающій права собственности, когда самая собственность можетъ быть уничтожена произволомъ лица? Какъ можетъ распространиться просвѣщеніе, когда оно въ Россіи только вредно; зачѣмъ просвѣщать раба, если просвѣщеніе горче дастъ ему почувствовать всю тяжесть его положенія; зачѣмъ всѣ умы находятся въ тягостномъ неспокойствіи? Отчего? Оттого, что сталъ невыносимъ существующій порядокъ, слѣдовательно, существующій порядокъ уже не соотвѣтствуетъ общественному мнѣнію.

Сперанскій излагаетъ даже теоретическія основанія своего проекта и, выслушавъ ихъ, вы тотчасъ догадаетесь, изъ какого источника они

заимствованы. Вотъ общія основы правильнаго законодательнаго государственнаго порядка: всякое правительство законно только тогда, когда основано на волѣ народа, каждое правительство дѣйствуетъ на извѣстныхъ условіяхъ и перестаетъ быть законнымъ, если ихъ не исполняетъ; условія эти изложены въ основныхъ законахъ страны. Отсюда слѣдуетъ: такъ какъ источникъ всякой власти есть воля государства, страны, то основные законы могутъ быть только дѣломъ народа; цѣль основныхъ законовъ — ставить въ извѣстные предѣлы дѣятельность верховной власти. Развивая отсюда подробности государственнаго порядка, Сперанскій говоритъ, что весь народъ не можетъ блюсти за правильностью дѣйствія основныхъ законовъ; долженъ быть особый органъ наблюденія; такимъ органомъ можетъ быть только высшій классъ. Этотъ высшій классъ долженъ быть настолько образованъ, чтобы понимать сущность основныхъ законовъ и условія правильнаго дѣйствія власти; настолько независимъ, чтобы не бояться власти и настолько связанъ интересами съ народомъ, чтобы не покушаться на его свободу. Очевидно, такимъ наблюдающимъ органомъ должна быть политическая аристократія; но эта аристократія пользуется своими полномочіями лишь по довѣренности народа. Сперанскій формулируетъ свои мысли извѣстной фразой Монтескье: «нѣтъ знати, нѣтъ и монарха», т. е. монархъ безъ знати быть не можетъ. Какъ должна быть устроена аристократія, чтобы дѣйствовать правильно? Стоя между властью и народомъ, не потакая первой и не угнетая второго, она должна быть составлена изъ старшихъ сыновей извѣстныхъ фамилій, значеніе которыхъ держится на майоратѣ; кромѣ старшаго всѣ остальные сыновья принадлежатъ народу. Вотъ правильно устроенное общество, какъ оно представлялось Сперанскому: свободный народъ, впереди его дѣйствующая по его довѣренности знать и во главѣ общества связанная основными законами верховная власть. Чтобы возможенъ былъ такой строй общества, должны быть уничтожены существующія сословія. Что такое эти сословія? Классы общества, раздѣленные интересами, слѣдовательно, одинъ другому враждебные; на враждѣ классовъ и выростаетъ произволъ, слѣдовательно, чтобы не было произвола, должно устранить вражду классовъ, т. е. объединить общество: первое условіе правильнаго государственнаго порядка и есть общественное объединеніе, безъ этого условія невозможенъ ни одинъ элементъ правильнаго общественнаго порядка, ни свободный народъ, ни пользующаяся его довѣріемъ аристократія, ни соблюдающая основные законы верховная власть.

Съ высоты такого идеала Сперанскій опускается въ русскую дѣйствительность и съ трудомъ сдерживаетъ въ себѣ презрительное чувство; только чуть слышно звучащая въ немъ патріотическая нотка смягчаетъ горечь изложенія этой части проекта. Въ Россіи нѣтъ ничего; есть законы, но они ничѣмъ не обезпечены, есть сословныя грамоты, но онѣ ничего не значатъ, ибо въ Россіи нѣтъ сословій, а есть два класса рабовъ: одни—рабы верховной власти, а другіе—рабы этихъ рабовъ, т. е. дворяне и крѣпостные. Эти два класса непримиримо разъединены между собою, и на непримиримости ихъ интересовъ держится абсолютная власть. Интересы дворянства—держать въ повиновеніи крестьянъ, интересы крестьянъ — чтобы дворяне были рабами короны; такимъ образомъ, обоюдный интересъ — общее рабство.

Этотъ обоюдный интересъ производитъ общую летаргію, убиваетъ народную энергію; при такомъ порядкѣ народъ въ 1000 л. не сдѣлаетъ шага впередъ. Итакъ, въ Россіи нѣтъ закона, ни народа, нѣтъ и монархіи, ибо абсолютная власть не монархія, а произволъ. «Всего меньше», добавляетъ Сперанскій съ удареніемъ, «въ Россіи истинной монархіи» (подъ монархіей тогда разумѣлось ограниченное единодержавіе).

Съ чего надо начинать преобразованіе государственнаго порядка въ Россіи? Съ коренного источника, изъ котораго вытекаютъ всѣ неправильности существующаго порядка, т. е. съ устраненія общественнаго разъединенія, вражды общественныхъ интересовъ. Эта вражда общественныхъ интересовъ имѣетъ корень въ крѣпостномъ правѣ; поэтому всякая реформа въ Россіи, разсчитанная на успѣхъ и искренняя, должна начаться съ преобразованія соціальныхъ отношеній. Трудно удержаться при этомъ, чтобы не замѣтить, что первый разъ такъ просто и рѣзко поставленъ этотъ вопросъ въ исторіи политическаго сознанія въ Россіи. Прежде конституціи, реформы начинаются сверху, съ преобразованія того, другого, третьяго учрежденія и рѣдко спускаются въ полетѣ своихъ преобразовательныхъ мыслей ниже столицы. Сперанскій первый взглянулъ на дѣло снизу, т. е. съ корней. Итакъ, первая задача преобразователя—устроить правильныя, на законѣ основанныя, изъ началъ равенства передъ закономъ выведенныя отношенія сословій. Довольно трудно сказать, какъ у Сперанскаго построенъ былъ планъ освобожденія крестьянъ; въ томъ, что мы читаемъ, планъ этотъ является очень неудовлетворительнымъ. Освобожденіе крестьянъ должно было совершиться въ два пріема. Прежде всего должны быть точно опредѣлены повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльца; для регулированія отношеній обоихъ классовъ должны быть учреждены особые суды, которые бы разбирали столкновенія крестьянъ съ землевладѣльцами. Потомъ постепенно долженъ быть возстановленъ свободный переходъ крестьянъ, существовавшій въ XVI в. Подробности того и другого пріема не развиты въ доставшемся намъ извлеченіи. Если планъ переданъ полно и вѣрно, то Сперанскій думалъ о безземельномъ освобожденіи крестьянъ; но это освобожденіе представлялось ему возможнымъ только въ далекомъ будущемъ; проектируемый имъ государственный порядокъ долженъ быть водворенъ раньше минуты, когда станетъ возможенъ этотъ фактъ.

Какъ же, спрашивается, конструируетъ Сперанскій общество при крѣпостномъ правѣ? Онъ дѣлитъ общество на три класса, которые довольно трудно согласить съ его общимъ теоретическимъ, соціальнымъ строеніемъ. Русское общество должно состоять изъ трехъ сословій: изъ дворянъ, изъ средняго сословія и рабочаго класса. Дворянство, хотя пользуется своими землевладѣльческими правами на основаніи закона, т. е. продолжаетъ править прикрѣпленными къ землѣ крестьянами, но оно обязано службой. Сперанскій возстановляетъ обязательную службу для дворянства; каждый дворянинъ долженъ служить въ арміи или на гражданскомъ поприщѣ не менѣе 10 лѣтъ. Среднее сословіе состоитъ изъ свободныхъ классовъ, не принадлежащихъ къ дворянству; это купцы, мѣщане и государственные крестьяне; это среднее сословіе можетъ даже проникать въ составъ дворянства, напр., пріобрѣтая земельную собственность. Рабочій классъ состоитъ

изъ несвободныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, слугъ и мелкихъ ремесленниковъ, которые не могутъ пользоваться политическими правами наравнѣ съ двумя высшими классами. Куда же дѣвалась наблюдающая аристократія, и думалъ ли Сперанскій создать ее изъ русскихъ общественныхъ элементовъ? У него есть проектъ созданія такой аристократіи и очень характерный: онъ предлагалъ взять табель о рангахъ, да списать всѣхъ сановниковъ 14 классовъ, затѣмъ провести пальцемъ подъ 4-мъ классомъ и то, что окажется сверху, зачислить въ аристократію; онъ съ горемъ замѣчаетъ, что попадетъ много негодныхъ людей, которые ничего не понимаютъ, ничѣмъ не докажутъ государству своего права на это положеніе, но что дѣлать? Наличное поколѣніе вымретъ, и его смѣнитъ, быть можетъ, болѣе подготовленное къ дѣлу потомство. Много скрытой грусти звучитъ въ этихъ строкахъ Сперанскаго. Эта аристократія первыхъ 4-хъ классовъ осталась какъ то одиноко въ проектѣ Сперанскаго, ни къ чему не пріуроченной; можетъ быть, впрочемъ, это объясняется скорѣе неполнотой извлеченія, чѣмъ неполнотой постройки.

Такимъ расчлененнымъ обществомъ должна была управлять цѣлая сѣть новыхъ учрежденій; всѣ эти учрежденія земскаго характера, избирательныя, они охватываютъ общество сверху донизу, отъ государева кабинета до волостного правленія. Россія раздѣлена на губерніи, уѣзды и волости; въ каждой волости земельные собственники, къ которымъ причислялись и казенные крестьяне, собираются разъ въ три года и составляютъ волостную думу; волостная дума избираетъ изъ своей среды членовъ волостного правленія, повѣряетъ волостные доходы и расходы и избираетъ депутатовъ въ уѣздную думу. Расходясь, дума оставляла послѣ себя постоянно-дѣйствующее волостное правленіе съ исполнительной властью. Итакъ, волостная дума—это волостной сходъ, волостное правленіе—исполнительная управа. Разъ въ три года, слѣдовательно послѣ того, какъ разойдутся волостныя думы, избирается уѣздное земское собраніе: оно состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ волостными думами; оно избираетъ членовъ уѣзднаго правленія, или совѣта, членовъ уѣзднаго суда и, депутатовъ въ губернскую думу. Также устроены губернская дума и губернское собраніе, которое, контролируя расходы и доходы губерніи, выбираетъ членовъ губернскаго совѣта; губернскаго суда и, наконецъ, депутатовъ въ государственную думу. Государственная дума собирается сама собою въ извѣстный срокъ, безъ особаго призыва; она состоитъ изъ депутатовъ губернской думы, число которыхъ опредѣляется закономъ. Государственная дума—законодательное учрежденіе; право предложенія закона въ этой думѣ принадлежитъ министерствамъ, т. е. комитету министерствъ: каждый законъ утверждается государемъ (впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ государственная дума пользуется иниціативой; такъ, она можетъ привлечь къ отвѣтственности министра, нарушающаго законъ). Дума распускается или засѣданія ея отсрочиваются по рѣшенію Государственнаго Совѣта; послѣдній—высшее учрежденіе, хранящее законы; кажется, туда предполагалъ Сперанскій помѣстить аристократическихъ маіоровъ, т. е. старшихъ сыновей; въ такомъ случаѣ Государственный Совѣтъ—палата лордовъ. Во главѣ судебнаго строя, который начинается волостными судами съ характеромъ мировыхъ учрежденій и развивается въ рядъ инстанцій, какими были суды уѣздные и губерн-

скіе, во главѣ этого строя стоитъ сенатъ, блюститель закона, и законнаго порядка въ дѣлопроизводствѣ, т. е. судопроизводствѣ; при немъ въ качествѣ высшаго прокурора стоитъ министръ юстиціи. Такимъ образомъ, во главѣ центральнаго управленія, по плану Сперанскаго, стоятъ три учрежденія; законодательное—государственная дума, исполнительное—министерство и судебное—сенатъ. Вотъ весь планъ Сперанскаго, сколько мы его знаемъ.

Разсмотрѣнный нами планъ Сперанскаго производитъ различное впечатлѣніе, поражаетъ необычной смѣлостью и колоссальностью, мысли встрѣчаемыя въ немъ, даже въ томъ разорванномъ видѣ, въ какомъ мы читаемъ, врѣзываются въ память; мы не ошибемся, если скажемъ, что во весь XVШ и XIX в. всѣми русскими публицистами не было сказано и сотой доли того умнаго, что сказалъ о положеніи Россіи и исторіи ея переустройства проектъ Сперанскаго. Но если не было сказано столько умнаго, зато не было сказано и столько печальнаго. Проектъ Сперанскаго поражаетъ своей умственностью, вотъ почему любопытно имѣть хотя смутное извѣстіе и о томъ впечатлѣніи, которое произвело его чтеніе на Александра; никогда никто не говорилъ такъ прямо и откровенно. Потомъ вчитываясь въ проектъ, мы получаемъ другое впечатлѣніе; мы узнаемъ его элементы, лучше сказать, его источники, которые очень разнообразны. То были: 1) политическія идеи, 2) консульская французская конституція XVIII в., изъ которой взяты многіе черты плана, напр., вся эта іерархія думъ, какъ и строй высшихъ учрежденій; наконецъ, источникомъ была и 3) русская дѣйствительность. Сперанскій сообразовалъ свои отвлеченныя построенія съ существующими отношеніями, и когда представишь себѣ все разнообразіе этихъ источниковъ, то становится жаль Сперанскаго. Его заставили выработать стройный проектъ государственнаго порядка для Россіи, онъ сталъ собирать элементы этого порядка прежде всего дома, а потомъ въ своей головѣ; въ этомъ послѣднемъ музеѣ онъ нашелъ хорошіе элементы, но въ первомъ ничего не нашелъ и вотъ онъ, какъ испуганный, мечется изъ стороны въ сторону, съ тоской ожидая, не найдется ли чего-нибудь годнаго—бросится къ Монтескье, похитить что-нибудь оттуда, заглянетъ въ бумаги Камбасереса, тамъ отмѣтить что нибудь годное, наконецъ, заглянетъ въ прошедшее Россіи,—тамъ не находитъ ничего годнаго, и въ этой тоскѣ, кое чего понабравшись, онъ лѣпитъ изъ своихъ жалкихъ элементовъ планъ, который поражаетъ своею стройностью, въ которомъ всѣ швы замазаны, и въ основаніи котораго лежитъ очень дѣльная мысль, глубокая, можетъ быть, больше, чѣмъ дѣльная. Таково двойственное впечатлѣніе, или, лучше сказать, два впечатлѣнія, которыя послѣдовательно переживаешь, изучая этотъ планъ. Скажемъ нѣсколько словъ объ его общественномъ значеніи.

Что такое изложенный проектъ—политическая мечта или планъ, который могъ стать историческимъ фактомъ? Я не отвѣчу прямо на этотъ вопросъ, а предварительно поставлю другой: какъ могъ сложиться въ головѣ законодателя такой проектъ? Весь этотъ планъ построенъ на одномъ цѣльномъ политическомъ взглядѣ, который даже можно назвать цѣльнымъ политическимъ міросозерцаніемъ. Сущность этого взгляда такова: люди ничего не значатъ въ исторической жизни, они — пассивный матеріалъ; дѣйствующая, движущая сила—учрежденія;

порядокъ будетъ данъ людямъ, правильный законный порядокъ; они будутъ хорошо вести себя; хорошіе люди, вращаясь въ дурномъ порядкѣ, будутъ дурны. Вотъ этотъ политическій взглядъ: порядокъ, а не люди—вотъ что дѣйствуетъ въ исторіи.

Когда начали осуществляться части проекта Сперанскаго, въ русскомъ обществѣ поднялась глухая оппозиція, которая рѣшилась отстаивать старый порядокъ; представителемъ этой оппозиціи явился нашъ тогдашній исторіографъ Карамзинъ съ своей запиской, поданной въ 1811 г. императору. Эта записка («о древней и новой Россіи») намъ извѣстна; это не менѣе проекта Сперанскаго откровенный памятникъ, гдѣ прямо, начистоту высказано все, что тогда имѣлъ сказать противъ дѣятельности Александра русскій консервативный человѣкъ. Есть однако рѣзкая разница между проектомъ Сперанскаго и запиской Карамзина, въ первой только однѣ идеи, во второй—только жалобы и порицанія. Первый очень умное произведеніе и доброжелательное, вторая очень взволнована и очень ожесточена. Карамзинъ стоитъ на противоположномъ взглядѣ, который можно выразить такъ: не порядокъ, не учрежденія ничего не значатъ, все значатъ люди; хороши люди,—они установятъ хорошій порядокъ, хороши порядки,—дурные люди испортятъ ихъ. Вы поймете практическіе результаты; планъ, вытекавшій изъ взглядовъ Сперанскаго, таковъ: чтобы сдѣлать людей хорошими, надо заставить ихъ вращаться въ хорошемъ порядкѣ. Планъ Карамзина иной: не нужно новыхъ порядковъ, нужно сначала сдѣлать новыхъ людей. Правъ-ли былъ Сперанскій? Нѣтъ, проектъ его, если бы осуществился, сталъ бы тысячу первымъ доказательствомъ, какъ превосходные порядки портятся и падаютъ среди неподготовленныхъ людей. Правъ-ли былъ Карамзинъ? Еще меньше; общежитіе состоитъ изъ порядка и изъ людей; хорошіе люди воспитываются порядками: откуда же они появятся, если нѣтъ хорошаго порядка? Народятся сами, какъ счастливая случайность? Карамзинъ говоритъ: «не нужно намъ конституціи, дайте намъ 50 умныхъ и добродѣтельныхъ губернаторовъ, и все пойдетъ хорошо». Правда, умный и добродѣтельный губернаторъ, какъ хлѣбъ насущный: въ иной годъ родится, а въ иной нѣтъ; что же дѣлать, когда будетъ неурожай на умныхъ и добродѣтельныхъ губернаторовъ? Карамзинъ напоминаетъ нѣсколько ту осторожную мать, которая запретила своему сыну влѣзать въ воду, пока онъ не выучится плавать. Итакъ, оба публициста вошли въ безысходный кругъ: правильный, хорошій порядокъ не можетъ дѣйствовать безъ подготовительныхъ и добрыхъ людей, а добрые люди не могутъ явиться безъ правильнаго и законнаго порядка. Какъ же быть? Что должно итти впереди? Что чего старше; люди или порядокъ, кто кого долженъ приготовлять? Никто и никого, ибо порядокъ и люди сверстники, а не находятся въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ.

Намъ нѣтъ надобности разбирать проектъ Сперанскаго со стороны практической, т. е. рѣшать вопросъ, былъ ли онъ осуществимъ? Онъ не былъ осуществленъ, какъ не былъ осуществленъ проектъ 50 добродѣтельныхъ губернаторовъ; дѣло не въ порядкахъ и не въ людяхъ, а дѣло въ томъ, что раньше общества и общественнаго порядка, т. е. въ частныхъ людскихъ отношеніяхъ, не въ чувствахъ и понятіяхъ, а въ отношеніяхъ. Общественныя отношенія могутъ соз-

даваться одинаково при какихъ угодно порядкахъ, и мы 40 разъ наблюдаемъ, что при дурныхъ порядкахъ воспитываются хорошія отношенія, даже при дурныхъ чувствахъ и людяхъ; а при правильныхъ порядкахъ иногда воспитываются тяжелыя и дурныя отношенія. Есть еще третья сила, которая стоитъ сзади политическаго порядка и политической свободы лицъ; эта сила есть просто политика. Сперанскій, какъ и государь, нѣсколько механически смотрѣлъ на учрежденія; они думали, что ихъ надо создать и потомъ надѣть на общество, какъ надѣваютъ сшитый портнымъ костюмъ. Эта—капитальная ошибка, которая воспитана была философскимъ самомнѣніемъ прошедшаго вѣка; порядки ростутъ, не сочиняются и не надѣваются, какъ костюмъ, порядки растутъ, какъ растутъ нервы и жилы человѣческіе. т. е. они растутъ и складываются изъ отношеній; отношенія устанавливаются закономъ, законъ создается верховной властью; хорошій законъ имѣетъ источникомъ доброжелательную волю власти; нѣтъ такой воли,—и не будетъ установлено отношеній. Отношенія устанавливаются постепенно, незамѣтно; они не называются, но подкидываются людямъ, такъ какъ только то прочно, что не называется, а что незамѣтно подкинуто людямъ; въ основаніи прочности этихъ отношеній всегда лежитъ сознаніе этой необходимости; ея не раскроетъ, пусть не берется ни за законодательство, ни за преобразованіе.

Александръ получилъ отъ Сперанскаго подробный планъ порядка, въ которомъ должны были осуществиться реформы. Планъ этотъ былъ очень остороженъ; статсъ-секретарь вводилъ новыя учрежденія, только предварительно вполнѣ ихъ подготовивши; далѣе, вводилъ ихъ постепенно и такъ, чтобы при встрѣчѣ съ неодолимыми препятствіями можно было тотчасъ отступить. Осуществленіе всего плана разсчитано было на два года такъ, чтобы все зданіе было выведено къ осени 1811 г. Нельзя безъ улыбки читать программу; для Сперанскаго историческіе моменты были то же, что линіи въ геометрическомъ треугольникѣ; онъ знаетъ, когда начертить одну линію, когда другую, какой вывести уголъ, тупой или острый, сколько мѣсяцевъ надо на созданіе областного управленія, сколько дней нужно на воспитаніе свободомыслящаго гражданина и т. д. Здѣсь звучитъ то самоувѣренное чувство бюрократа, который отлично зналъ механизмъ канцеляріи, и надо признаться, не зналъ хода органической жизни, или, проще, не зналъ того, какъ люди живутъ. Въ этомъ его коренной недостатокъ: онъ—творческій умъ въ предѣлахъ канцеляріи. Но Александръ отказался отъ плана и осуществилъ только прикладныя подробныя его части. Изъ этого вышла перестройка центральнаго управленія.

Устройство центральнаго управленія по плану Сперанскаго.

Осуществленныя части преобразовательнаго плана Сперанскаго всѣ относятся къ центральному управленію, и осуществленіе ихъ сообщило послѣднему болѣе стройный видъ. Это былъ второй, болѣе рѣшительный приступъ къ устройству новаго государственнаго порядка. Приступу этому предпосланы были двѣ частныя мѣры, имѣвшія внутреннюю связь съ готовившимися реформами; онѣ давали послѣднему

духъ и направленіе этой реформы, указывая какіе дѣльцы требуются для новыхъ правительственныхъ учрежденій. 3 апрѣля 1809 г. изданъ былъ указъ о придворныхъ званіяхъ; при дворѣ въ званіяхъ камергеровъ, камеръ-юнкеровъ состояли знатные люди, которые, не занимая никакихъ дѣйствительныхъ должностей, между тѣмъ пользовались разными правами этой службы (императоръ звалъ этихъ сановниковъ дворцовыми полотерами). Законъ 1809 г., сохранивъ эти званія, лишилъ ихъ сопряженныхъ съ ними преимуществъ, если облеченные ими люди не занимали дѣйствительной должности; придворныя званія остались теперъ почетными отличіями, не дававшими никакихъ правъ, и только. Понятно чувство, съ какимъ отнеслась придворная среда къ Сперанскому, который считался авторомъ закона.

Указъ 6-го августа того же года установилъ порядокъ производства въ гражданскіе чины коллежскаго асессора и статскаго совѣтника. Эти чины, которыми въ значительной степени обусловливалось назначеніе на должности, пріобрѣтались не только заслугой, но и простой выслугой, т. е. установленнымъ срокомъ службы; новый указъ запретилъ производить въ эти чины служащихъ, которые не имѣли свидѣтельства объ окончаніи курса въ одномъ изъ русскихъ университетовъ или не выдержали въ университетѣ экзамена по установленной программѣ, которая и была приложена къ указу. По этой программѣ отъ желающаго получить коллежскаго асессора и статскаго совѣтника требовалось знаніе русскаго языка и одного изъ иностранныхъ, знаніе права естественнаго, римскаго и гражданскаго, государственной экономіи и уголовныхъ законовъ, основательное знакомство съ отечественной исторіей и элементарныя свѣдѣнія въ исторіи всеобщей, въ статистикѣ русскаго государства, въ географіи, даже въ математикѣ и физикѣ. Оба указа произвели тѣмъ большій переполохъ въ придворномъ обществѣ и чиновной средѣ, что были изданы совершенно неожиданно. Оба они были выработаны и составлены Сперанскимъ тайно отъ высшихъ правительственныхъ сферъ. Указы ясно и твердо выражали требованіе, какимъ должны удовлетворять служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ; законъ требовалъ исполнителей «опытомъ и постепеннымъ прохожденіемъ службы приуготовленныхъ, минутными побужденіями не развлекаемыхъ», по выраженію указа 3-го апрѣля,—«исполнителей свѣдущихъ, обладающихъ твердымъ и отечественнымъ образованіемъ», т. е. воспитанныхъ въ національномъ духѣ, возвышающихся не выслугой лѣтъ, а дѣйствительными заслугами и отличными познаніями, какъ гласитъ указъ 6-го августа. Дѣйствительно, требовались новые дѣльцы, чтобы дѣйствовать въ духѣ, тѣхъ началъ, какія старались провести въ правительственныхъ учрежденіяхъ, открытыхъ съ 1810 г. Эти учрежденія назывались скромнымъ именемъ «новыхъ образованій прежнихъ учрежденій», всзникшихъ въ первые годы царствованія. Однако начала и формы, внесенныя въ управленіе этими «новыми образованіями», были такъ новы для Россіи, что преобразованіе сообщило правительственнымъ мѣстамъ характеръ новыхъ учрежденій.

1-го января 1810 г. открытъ былъ преобразованный Государственный Совѣтъ. Это учрежденіе въ основаніяхъ своихъ дѣйствуетъ доселѣ по плану Сперанскаго, настолько своеобразному, что онъ заслуживаетъ вниманія даже въ краткомъ обзорѣ царствованія. Зна-

ченіе его въ системѣ управленія выражено въ манифестѣ 1-го января опредѣленіемъ, что въ немъ всѣ «части управленія въ ихъ главномъ отношеніи къ законодательству сообразуются и черезъ него восходятъ къ верховной власти». Это значитъ, что Государственный Совѣтъ обсуждаетъ всѣ подробности государственнаго устройства, насколько онѣ требуютъ новыхъ законовъ и свои соображенія представляетъ на усмотрѣніе верховной власти. Итакъ, Государственный Совѣтъ не законодательная власть, а только ея орудіе и при томъ единственное которое собираетъ законодательные вопросы по всѣмъ частямъ управленія, обсуждаетъ ихъ и свои заключенія возноситъ на усмотрѣніе государственной власти. Такимъ образомъ, устанавливается твердый порядокъ законодательства. Въ этомъ смыслѣ и опредѣляетъ значеніе Совѣта Сперанскій въ отчетѣ государю о дѣятельности учрежденія за 1810 г., говоря, что Совѣтъ «учрежденъ для того, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разбросанной, дать новое начертаніе постоянства и единообразія». Такое начертаніе, сообщенное законодательству тремя обозначенными въ законѣ чертами, характеризуетъ новыя учрежденія: 1) Совѣтъ разсматриваетъ новые законы по всѣмъ отраслямъ управленія; 2) онъ одинъ ихъ разсматриваетъ и 3) ни одинъ законъ, имъ разсмотрѣнный, не передается къ исполненію безъ утвержденія верховной власти. Этими чертами указывается двоякое значеніе Совѣта—законодательное и объединительное: онъ, во первыхъ, обсуждаетъ возбуждаемые по всѣмъ отраслямъ управленія законодательные вопросы; во вторыхъ, утвержденными верховной властью рѣшеніями онъ объединяетъ дѣятельность всѣхъ этихъ отраслей, сообщая имъ одинаковое направленіе. Но тому и другому значенію поставлены были извѣстные предѣлы. Въ законодательныхъ актахъ слѣдуетъ различать законодательную норму, устанавливающую извѣстныя отношенія въ государствѣ, и законодательный авторитетъ, сообщающій этимъ нормамъ силу закона. Авторитетъ принадлежитъ верховной власти, выработка нормы—есть дѣло Совѣта. Но не раздѣляя законодательнаго авторитета, Совѣтъ, такъ сказать, соприкасается съ нимъ; такимъ соприкосновеніемъ служатъ мнѣнія Совѣта—большинства и меньшинства, какъ и отдѣльныхъ членовъ, представляемыя на разсмотрѣніе верховной власти. Высказанныя разногласія вмѣстѣ съ заключеніями, т. е. проектами, и принимаются верховной властью во вниманіе при окончательномъ рѣшеніи дѣла. Кромѣ того, Совѣтъ нельзя назвать простой машиной для изготовленія законопроектовъ въ заранѣе предназначенномъ смыслѣ; онъ разрѣшаетъ законодательные вопросы не по указанной программѣ, а по собственному разуму, «пользуется всей свободой мнѣній», по выраженію закона. Но, съ другой стороны, его нельзя назвать законодательнымъ учрежденіемъ въ смыслѣ западныхъ законодательныхъ собраній. Когда декретъ, принятый законодательнымъ представительнымъ собраніемъ, отвергается короной, государство остается безъ закона до новаго возбужденія законодательнаго вопроса; въ Россіи верховная власть, признавши рѣшеніе Совѣта не удобнымъ, можетъ предписать ему разсмотрѣть дѣло вновь и выработать новое рѣшеніе, не подсказывая его, а обращая вниманіе Совѣта на упущенныя имъ обстоятельства дѣла. На Западѣ законъ есть политическая сдѣлка двухъ властей—короны и законодательнаго собранія; у насъ онъ есть воля одной

верховной власти, но обыкновенно внушаемая Совѣтомъ, что и выражается въ самой формѣ высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго Совѣта: «внявши мнѣнію Совѣта», «быть по сему». Но западный порядокъ законодательства основанъ на мысли о равенствѣ властей, на не желаніи дать одной изъ нихъ перевѣсъ надъ другой: у насъ въ основаніе этого порядка положена мысль о средствахъ и условіяхъ для наиболѣе правильной и осмотрительной выработки новыхъ законодательныхъ нормъ. Точно также и значеніе Совѣта, законодательное и объединительное, и руководство всѣми частями управленія выражается не въ надзорѣ за подробностями управленія и исполненіемъ законовъ, что есть дѣло сената, а въ соображеніи общихъ условій, обезпечивающихъ правильное исполненіе законовъ; потому Государственному Совѣту принадлежитъ разъясненіе истиннаго смысла законовъ, принятіе общихъ мѣръ къ ихъ успѣшному дѣйствію, распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ; наконецъ, разсмотрѣніе отчетовъ всѣхъ министровъ по управленію ввѣренными частями. Всѣ эти особенности дѣлаютъ организацію Государственнаго Совѣта довольно своеобразнымъ явленіемъ въ государственномъ правѣ. Такому значенію Совѣта соотвѣтствуетъ и данное ему устройство. Въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ самъ государь, назначающій и членовъ Совѣта, которыхъ было положено числомъ 35. Совѣтъ состоялъ изъ общаго собранія и четырехъ департаментовъ—законодательнаго, дѣлъ военныхъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и государственной экономіи. Для веденія дѣлопроизводства Совѣта при немъ учреждена государственная канцелярія съ особымъ отдѣленіемъ для каждаго департамента. Дѣла каждаго отдѣльнаго управленія статсъ-секретарь докладываетъ въ своемъ департаментѣ, а всей канцеляріей руководитъ государственный секретарь, докладывающій дѣла въ общемъ собраніи и представляющій журналъ Совѣта на высочайшее усмотрѣніе. Государственнымъ секретаремъ былъ назначенъ, разумѣется, Сперанскій, главный организаторъ учрежденія, что, при новости дѣла, дало ему значеніе руководителя Совѣта.

Вслѣдъ за Государственнымъ Совѣтомъ преобразованы были, по плану Сперанскаго, министерства, учрежденныя манифестомъ 8-го сентября 1802 года. Сперанскій находилъ двойной недостатокъ въ этихъ министерствахъ: отсутствіе точнаго опредѣленія отвѣтственности министровъ и неправильное распредѣленіе дѣлъ между министерствами. Они были преобразованы двумя актами: манифестомъ 12-го іюля 1810 г. о раздѣленіи дѣлъ на «главныя управленія» и «общія учрежденія министерства» (25 іюня 1811 года). По новому распоряженію, упразднялось одно изъ восьми прежнихъ министерствъ, а именно, коммерціи, дѣла котораго распредѣлялись между министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; зато изъ вѣдѣнія послѣдняго выдѣлены были дѣла о внутренней безопасности, для которыхъ образовалось особое министерство полиціи. Кромѣ того, учреждено было нѣсколько особыхъ вѣдомствъ, подъ названіемъ: «главныхъ управленій» со значеніемъ отдѣльныхъ министерствъ: «главное управленіе ревизіи государственной системы», «главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій» и, наконецъ, еще раньше, въ 1809 г., «главное управленіе путей сообщенія». Такимъ образомъ отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ, между которыми были распредѣлены дѣла въ по-

рядкѣ исполнительномъ, т. е. административномъ, явилось всѣхъ 11 вмѣсто прежнихъ восьми. Въ «общихъ учрежденіяхъ» опредѣлены были составъ и управленіе министерствъ, предоставленное власти министровъ, ихъ отвѣтственность и другія подробности министерскаго управленія. Оба акта, которыми были преобразованы министерства и особыя «общія учрежденія», по стройности плана, логической послѣдовательности его развитія, по своеобразности и точности изложенія доселѣ признаются образцовыми произведеніями нашего законодательства, которыми не безъ основанія гордился самъ авторъ. Административный порядокъ, имъ установленный, даже въ подробностяхъ существуетъ донынѣ.

Предположено было преобразовать и сенатъ. Проектъ преобразованія приготовленъ былъ къ началу 1811 г. и въ іюлѣ внесенъ былъ въ Государственный Совѣтъ. Этотъ проектъ былъ основанъ на строгомъ раздѣленіи дѣлъ административныхъ и судебныхъ, которыя смѣшивались въ прежнемъ устройствѣ сената. Согласно съ этимъ сенатъ преобразовался въ два особыхъ учрежденія, изъ которыхъ одно, названное сенатомъ правительствующимъ и сосредоточивавшее въ себѣ правительственныя дѣла, состоитъ изъ министровъ съ ихъ товарищами и начальниками особыхъ частей управленія; это комитетъ министровъ; другое, подъ названіемъ сената судебнаго, распадается на 4 мѣстныхъ отдѣленія, которыя размѣщены по четыремъ главнымъ округамъ имперіи: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани. Особенностью этого судебнаго сената была двойственность его состава: одни члены его назначались отъ короны, другіе выбирались дворянствомъ. Въ этомъ особенно блеститъ искра тѣхъ идей, на которыхъ построенъ былъ общій преобразовательный планъ Сперанскаго. Этотъ проектъ вызвалъ рѣзкія возраженія въ государственномъ совѣтѣ; сильнѣе всего, разумѣется, нападали на право выборовъ дворянствомъ членовъ сената, видя въ этомъ ограниченіе самодержавной власти. Несмотря на это, при подачѣ голосовъ большая часть членовъ Совѣта высказалась за проектъ, и государь утвердилъ мнѣніе большинства. Но различныя препятствія, внѣшнія и внутреннія, мѣшали осуществленію новой реформы, и самъ Сперанскій совѣтовалъ Государю ее отсрочить. Благодаря этому, сенатъ сохранилъ прежнее смѣшеніе вѣдомствъ, внося нѣкоторую нестройность въ общій складъ центральнаго управленія. Значитъ, изъ трехъ отраслей высшаго управленія, законодательной, исполнительной и судебной, были преобразованы только двѣ первыхъ; третьей не коснулась реформа. Къ преобразованію губернскаго управленія не было и приступлено. Вотъ все, что было приведено въ осуществленіе изъ преобразовательныхъ плановъ Сперанскаго.

Однако планъ 1810 г. не прошелъ безслѣдно для Сперанскаго. Онъ вооружилъ противъ него высшее общество, не самъ собою, а нѣкоторыми частями его, получившими практическое примѣненіе еще раньше 1810 года. Это были названные уже мною указы 2-го апрѣля и 6-го августа (указъ о придворныхъ званіяхъ и о порядкѣ производства въ гражданскіе чины). Они вооружили противъ Сперанскаго придворную и чиновничью среду, двѣ могущественныя силы въ столицѣ. Кромѣ того, самъ государь потерялъ довѣріе къ Сперанскому. Трудно объяснить ходъ перемѣны, происшедшей въ его отношеніяхъ

къ государственному секретарю; ни онъ самъ, ни Сперанскій потомъ никогда не объясняли того, что случилось между ними. Можно составить предположеніе, что Александръ, обдумавъ прочитанный имъ планъ, самъ испугался той минуты, когда онъ пытался его исполнить, а въ такихъ случаяхъ чувство обыкновенно отвлекается и переносится на виновника этого ощущенія. Наконецъ, противъ Сперанскаго возстало общественное мнѣніе, т. е. большое общество, виной чего были его финансовыя мѣры. Сперанскому было поручено устройство финансоваго хозяйства, и онъ долженъ былъ устроить его изъ самыхъ безнадежныхъ элементовъ. Приближалась огромная война, бюджетъ былъ поколебленъ прежними войнами. Положеніе дѣлъ въ 1811 г. было таково: ассигнацій въ обращеніи было 577 мил.; внѣшняго долга было больше 100 мил. На 1812 годъ государственный доходъ вычисленъ былъ въ размѣрѣ 127 мил., а смѣта расходовъ требовала сумму въ 193 милліона значитъ, для покрытія расходовъ не доставало 66 мил. Курсъ рубля былъ 33 к. Сперанскпму было поручено возстановить равновѣсіе въ этомъ бюджетѣ; изъ чего? Онъ предложилъ, что могъ; планъ его былъ основанъ на двухъ началахъ, на совершенномъ прекращеніи выпуска новыхъ ассигнацій и постепенномъ изъятіи изъ обращенія старыхъ; далѣе, на возвышеніи всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ. Законами 2-го февраля 1810 г. и 11 февраля 1812 г. возвышены были всѣ налоги; иные были удвоены, другіе болѣе, чѣмъ удвоены. Такъ, цѣна пуда соли съ 40 к. была поднята до рубля; подушная подать была возвышена съ рубля на два, а потомъ на три; оброкъ съ государственныхъ крестьянъ съ двухъ до трехъ; подушная подать съ мѣщанъ до пяти рублей, сборъ съ купеческаго капитала до трехъ процентовъ. Въ виду расходовъ, какіе потребуетъ предстоящая война, эти налоги были еще временно возвышены. Сперанскому принадлежала мысль о подоходномъ налогѣ, при томъ падающемъ на привилегированное сословіе, на дворянъ. Какъ временная мѣра на 1812 г., введенъ былъ налогъ на дворянскія имѣнія—не на крѣпостныхъ крестьянъ—но на самыя земли; размѣръ этого налога росъ пропорціонально съ доходомъ. Налогу подвергались имѣнія, приносившія не менѣе 500 р.; съ такихъ взимали 1 проц.; имѣнія, которыя приносили доходъ не менѣе 18 тыс., платили 10 проц. Все платящее и возстало на Сперанскаго. Едва ли стоитъ упоминать о тѣхъ слухахъ, которые присоединились къ этому ропоту и которые говорили о какихъ то сношеніяхъ съ французами, о какихъ то бумагахъ, которыя онъ пересылалъ Наполеóну; все это величайшій вздоръ, о которомъ не стоитъ упоминать.

Въ мартѣ 1812 г. Сперанскій, давно не ходившій къ императору, былъ призванъ къ нему. Сдѣлавъ ему свой докладъ, Сперанскій хотѣлъ уходить; императоръ удержалъ его и неожиданно сталъ упрекать его въ своеволіи, съ какимъ онъ бралъ къ себѣ нѣкоторыя государственныя бумаги, въ посягательствѣ на вѣковыя русскія учрежденія, напр., на сенатъ, созданный Петромъ и т. п. Затѣмъ онъ отпустилъ его, замѣтивъ, что онъ передастъ его должность другимъ. Когда Сперанскій воротился домой, онъ встрѣтилъ министра юстиціи Балашева, который приготовилъ ему кибитку, и Сперанскій, не простившись съ дочерью, отправленъ былъ въ Нижній, напутствуемый самой искренней бранью со стороны высшаго общества и глубокой

ненавистью со стороны народа. Потомъ былъ назначенъ въ Пермь, а далѣе губернаторомъ въ Сибирь.

Насталъ новый перерывъ во внутренней преобразовательной дѣятельности Александра. Это былъ рядъ лѣтъ, полныхъ шумныхъ военныхъ и дипломатическихъ событій. Россія подвергалась нашествію врага; прогнавъ его и идя по его стопамъ, принявшись освобождать одно за другимъ разныя государства Европы отъ французскаго ига, русская армія прошла почти до самаго западнаго края Европы, водворила тамъ законный порядокъ, собрала развѣнчанныхъ государей, усадила ихъ на покинутыхъ престолахъ, дала имъ въ руки конституціонныя партіи, и разутая и раздѣтая воротилась домой. Съ 1815 г., когда кончились эти шумныя событія, императоръ воротился изъ за границы, чтобы продолжать прерванныя внутреннія работы; но эти работы получили иное направленіе, такъ какъ государь воротился съ похода совсѣмъ иной, не похожій на того, какимъ онъ началъ свою дѣятельность.

Вторая половина царствованія Александра I.

Внѣшнія дѣла 1812—15 гг. оказали могущественное вліяніе на ходъ дѣлъ внутреннихъ; можно даже сказать, что рѣдко когда внѣшняя политика такъ измѣняла направленіе внутренней жизни въ Россіи; можетъ быть, это произошло отъ того, что Россія рѣдко переживала такія событія, какія испытала въ тѣ годы. Событія эти очень неодинаково дѣйствовали на русское общество и на русское правительство. Въ первомъ они вызвали необыкновенное политическое и нравственное возбужденіе. Русскіе люди, только что пережившіе такія опасности, вышли изъ нихъ съ болѣе живымъ ощущеніемъ своихъ силъ. Возбужденіе это сказывалось и въ литературѣ, даже офиціальной; въ періодическихъ офиціальныхъ изданіяхъ, продолжая прежній тонъ, съ начала царствованія установившійся въ печати, встрѣчались статьи о такихъ вопросахъ, какъ свобода печати и т. п. Еще живѣе сказывалось это возбужденіе въ неофиціальной періодической литературѣ; здѣсь прямо печатались статьи подъ заглавіемъ: «о конституціи», въ которыхъ доказывалась «доброта представительныхъ учрежденій». Попечители учебныхъ округовъ на торжественныхъ актахъ произносили рѣчи о политической свободѣ, называя ее «послѣднимъ и возвышеннѣйшимъ даромъ Бога». Итакъ, высшіе руководители общества, т. е. военно-гражданскіе, расположены были къ самымъ широкимъ ожиданіямъ, надѣялись теперь, что правительство не только продолжитъ, но и расширитъ свою прежнюю программу.

Между тѣмъ правительство относилось уже не попрежнему и къ преобразованіямъ; оно не расположено было проводить и прежней программы. На правительствѣ отразилось то настроеніе, съ которымъ вышелъ изъ пережитыхъ опасностей его глава. Императоръ Александръ очень утомился въ эти годы; быстрая смѣна побѣдъ и пораженій нарушала въ немъ прежнее нравственное равновѣсіе; не даромъ онъ въ 1814 г., возвращаясь изъ-за границы, привезъ домой сѣдые волосы. Пережитыя событія поселили въ правительствѣ чувство утомленія, охлажденія къ энергичной внутренней дѣятельности, даже нѣкоторое

разочарованіе въ прежнихъ политическихъ идеалахъ; къ тому же ходъ внѣшнихъ событій поставилъ его въ упорную борьбу съ послѣдствіями французской революціи, волей или неволей сдѣлалъ его представителемъ консерватизма въ международныхъ отношеніяхъ, возстановителемъ и охранителемъ законнаго порядка, основаннаго на преданіи старины. Это охранительное направленіе изъ внѣшней политики необходимо переносилось и на внутреннюю, нельзя же было въ самомъ дѣлѣ одной рукой за границей поддерживать консервативныя начала, а дома продолжать преобразовательную, революціонную, какъ говорили тогда, дѣятельность. Какъ бы отвѣчая на измѣнившееся положеніе дѣлъ, правительство слабо продолжало дѣятельность прежняго направленія; да и эта ослабленная дѣятельность сосредоточивалась не на коренныхъ областяхъ Россіи, а на окраинахъ, находящихся ближе къ западной Европѣ; очевидно, путь тяготѣнія внутренней политики также перемѣстился ближе къ западной границѣ.

Слабый отблескъ прежняго направленія сказывался во вторую половину царствованія Александра въ тѣхъ мѣрахъ правительства, которая касалась Царства Польскаго и остзейскихъ провинцій *). Образованное Наполеономъ герцогство Варшавское теперь переименовано было въ герцогство Польское съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ частей Польскаго государства, по раздѣлу доставшихся Россіи, именно Литвы. Царство Польское отдано было Россіи безъ всякихъ условій, но самъ Александръ настоялъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, чтобы въ международный актъ конгресса внесено было постановленіе, обязывавшее правительства тѣхъ государствъ, въ предѣлахъ которыхъ находились бывшія польскія провинціи, дать этимъ провинціямъ конституціонное устройство. Это обязательство Александръ принялъ и на себя; по этому обязательству, польскія провинціи, находившіяся въ предѣлахъ Россіи, должны были получить представительство и такія учрежденія, которыя русскій императоръ найдетъ полезнымъ и приличнымъ дать имъ. Въ силу этого была выработана конституція Царства Польскаго, утвержденная императоромъ въ 1815 г. Въ силу этой конституціи въ 1818 г. открытъ былъ первый польскій сеймъ. Польша управлялась подъ руководствомъ намѣстника, которымъ сталъ братъ Александра Константинъ; законодательная власть въ Польшѣ принадлежала сейму, распадавшемуся на двѣ палаты, на сенатъ и палату депутатовъ. Сенатъ состоялъ изъ представителей церковной іерархіи и государственнойадм инистраціи, палата—изъ представителей шляхетства, городской и свободной сельской общины. Первый сеймъ былъ открытъ рѣчью императора, въ которой было объявлено, что представительныя учрежденія были всегда предметомъ заботливыхъ помысловъ государя и что примѣненныя съ добрымъ намѣреніемъ и чистосердечностью они могутъ послужить основаніемъ истиннаго народнаго благоденствія. Такъ случилось, что завоеванная страна получила учрежденія болѣе свободныя, чѣмъ какими управлялась страна завоевательница. Варшав-

*) По опредѣленіямъ Вѣнскаго конгресса, Россія, какъ бы въ награду за все то, что она сдѣлала для освобожденія европейскихъ народовъ отъ французскаго ига, получила герцогство Варшавское. Это Варшавское герцогство, какъ извѣстно, образовано было Наполеономъ послѣ войны съ Пруссіей 1806—7 гг. изъ тѣхъ провинцій бывшей Польской республики, которая по тремъ раздѣламъ отошла къ Пруссіи.

ская рѣчь 1818 г. болѣзненно отозвалась въ сердцахъ русскихъ патріотовъ. Ходили слухи, что и для имперіи вырабатывается новое государственное устройство, проектъ этотъ былъ порученъ будто бы бывшему сотруднику императора Новосильцеву.

Продолженіемъ дѣятельности въ прежнемъ направленіи могло казаться и освобожденіе остзейскихъ крестьянъ. Еще въ 1811 г. эстляндское дворянство предложило правительству освободить своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; тогда была образована особая комиссія для выработки положенія о крестьянахъ, выходившихъ на волю. Въ 1814 г. возобновлена была дѣятельность этой комиссіи, прерванная войною; слѣдствіемъ этой дѣятельности была выработка положенія объ освобожденіи остзейскихъ крестьянъ. Положеніе это было утверждено въ 1816 году. Вопросъ объ освобожденіи возбужденъ былъ также въ Курляндіи и Лифляндіи, выработанныя положенія объ освобожденіи этихъ крестьянъ утверждены въ 1817 и 1819 гг. Всѣ эти положенія построены были на одинаковыхъ началахъ. Остзейскіе крестьяне получили личную свободу, но эта свобода была стѣснена запрещеніемъ переселяться въ другія губерніи и приписываться къ городскимъ обществамъ. Прежде, когда дѣйствовалъ въ остзейскихъ губерніяхъ еще старый шведскій уставъ, крѣпостные остзейскіе крестьяне наслѣдственно пользовались своими участками, которыхъ у нихъ не могъ отнять землевладѣлецъ. Теперь этотъ порядокъ былъ измѣненъ. Извѣстная часть земли у каждаго помѣщика, по положенію, должна была обязательно находиться въ постоянномъ пользованіи крестьянъ; но каждый отдѣльный участокъ помѣщикъ отдавалъ крестьянину на извѣстный срокъ въ аренду, по добровольному соглашенію съ нимъ, т. е. каждый помѣщикъ могъ согнать своего крестьянина съ участка только съ обязательствомъ замѣнить согнаннаго другимъ. Помѣщичья земля была раздѣлена на двѣ половины; одной онъ могъ пользоваться самъ, другую отдавалъ обязательно въ аренду крестьянамъ; но выборъ и условія соглашенія представлялись договаривавшимся сторонамъ, изъ которыхъ перевѣсъ, разумѣется, принадлежалъ сильному, значитъ, остзейскіе крестьяне освобождены были отъ личной зависимости, но безъ земли и въ поземельныхъ отношеніяхъ предоставлены были усмотрѣнію произвола землевладѣльцевъ. Для разбора тяжбъ между крестьянами и землевладѣльцами устроены были особые суды, но предсѣдателями въ нихъ были землевладѣльцы; точно также вотчинная полиція осталась въ рукахъ землевладѣльцевъ. Смыслъ остзейской эмансипаціи былъ таковъ: землевладѣлецъ удерживалъ надъ крестьяниномъ всю прежнюю власть, но по закону освобождался отъ всѣхъ обязанностей по отношенію къ крестьянамъ, это былъ одинъ изъ художественныхъ фактовъ остзейскаго дворянства. Положеніе остзейскихъ крестьянъ тотчасъ ухудшилось.

Понятно, что остзейская эмансипація не могла быть желательнымъ образцомъ для разрѣшенія крѣпостного вопроса въ коренныхъ областяхъ Россіи. Благомыслящіе и знакомые съ положеніемъ дѣла люди думали, что лучше не возбуждать вопроса объ освобожденіи крестьянъ, чѣмъ разрѣшать его по остзейски. Однако вопросъ обсуждался въ правительственныхъ кругахъ. Правительству былъ представленъ цѣлый рядъ проектовъ, большая часть ихъ построена на мысли о безземельномъ освобожденіи крестьянъ; не многіе понимали необходимость

освобожденія съ землей. Любопытно, какъ распредѣлились государственные дѣльцы на стороны, на партіи въ этомъ вопросѣ. Изъ всѣхъ проектовъ особенный интересъ представляютъ два: одинъ изъ нихъ принадлежитъ либеральному и талантливому лицу, адмиралу Мордвинову, другой—нелиберальному и неталантливому дѣльцу—графу Аракчееву, имя котораго тогда уже стало однимъ изъ ненавистныхъ именъ въ Россіи. Какъ бы, вы думали, предполагали освобожденіе крестьянъ эти дѣльцы? Трудно напередъ угадать придуманные ими способы рѣшенія, по качеству своему они обратно пропорціональны умамъ и талантамъ обоихъ дѣльцовъ. Адмиралъ Мордвиновъ находилъ справедливымъ и возможнымъ выкупъ личной свободы, объ освобожденіи съ земельнымъ надѣломъ не было и рѣчи, земля должна была вся остаться во владѣніи помѣщиковъ; но крестьяне получали право выкупить личную свободу, для этого авторъ проекта составилъ таксу, сумма выкупа соотвѣтствуетъ возрасту выкупающагося т. е. его рабочей способности. Напр., дѣти отъ 9—10 лѣтъ платятъ по 100 рублей, чѣмъ старше возрастъ, тѣмъ выше плата, работникъ 30—40 лѣтъ—2000 (на тогдашнемъ рынкѣ это равняется нашимъ 6—7 тысячамъ рублей), работникъ 40—50 лѣтъ платитъ меньше и т. п. по мѣрѣ рабочей силы. Понятно, какіе крестьяне по этому проекту вышли бы на волю, это сельскіе кулаки, которые получили бы возможность накопить необходимый для выкупа капиталъ. Словомъ, трудно было придумать проектъ менѣе практическій и болѣе несправедливый, чѣмъ тотъ, какой развивается въ запискѣ Мордвинова.

Неизвѣстно, кто составилъ проектъ для Аракчеева, которому это было поручено императоромъ, едва ли подписавшійся подъ нимъ былъ его авторомъ; этотъ проектъ отличался нѣкоторыми достоинствами. Аракчеевъ предполагалъ освобожденіе крестьянъ провести подъ руководствомъ правительства; оно покупаетъ постепенно крестьянъ съ землею у помѣщиковъ, по соглашенію съ ними по цѣнамъ данной мѣстности. Для этого оно назначаетъ капиталъ ежегодно, капиталъ этотъ образуется или посредствомъ отчисленія извѣстной суммы изъ питейнаго дохода, или посредствомъ выпуска соотвѣтственнаго количества 5°/₀ облигацій государственнаго казначейства. Крестьяне выпускаются съ землею въ размѣрѣ двухъ десятинъ на душу. Въ проектѣ Аракчеева изложены были выгоды такой операціи для землевладѣльцевъ, о выгодѣ операціи для крестьянъ авторъ благоразумно умолчалъ. Землевладѣльцы, очень пострадавшіе въ войну, посредствомъ такого освобожденія крестьянъ, освобождались отъ долговъ, которые обременяли ихъ имѣнія, получали оборотный капиталъ, котораго у нихъ не было, и не лишались рабочихъ рукъ для той земли, какая оставалась за ними, потому что крестьяне получивъ столь малый надѣлъ, принуждены были брать въ аренду помѣщичьи земли. Много недостатковъ можно указать въ этомъ проектѣ, можетъ быть, въ немъ было мало доброжелательства къ крестьянамъ, но проектъ нельзя назвать непрактичнымъ, въ немъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ безсмыслицы, осуществленіе этого проекта не сопровождалось бы разгромомъ государства, къ которому привелъ бы непремѣнно проектъ Мордвинова. Все это показываетъ только, какъ мало государственные умы были подготовлены къ разрѣшенію этого вопроса, о которомъ, кажется, уже давно пора было подумать.

Самый лучшій проектъ принадлежалъ дѣльцу безъ цвѣта, котораго нельзя было назвать ни либераломъ, ни консерваторомъ; этотъ проектъ былъ составленъ по волѣ государя и въ основѣ своей противорѣчилъ взглядамъ послѣдняго. Авторомъ его былъ Канкринъ, ставшій потомъ министромъ финансовъ. Проектъ былъ построенъ на медленномъ выкупѣ крестьянской земли у помѣщиковъ въ достаточномъ размѣрѣ; вся операція разсчитана была на 60 лѣтъ такъ, что въ 1880 году окончательно разверстывались отношенія между крестьянами и помѣщиками безъ долговъ, т. е. безъ налога на крестьянъ для уплаты процентовъ по казенной выкупной суммѣ, заплаченной за крестьянъ землевладѣльцамъ. Нѣкоторые государственные люди даже пугались самой мысли объ освобожденіи крестьянъ, которая представлялась имъ страшнымъ переворотомъ. Къ такимъ предусмотрительнымъ людямъ принадлежалъ извѣстный въ свое время государственный человѣкъ, считавшійся въ числѣ первыхъ политическихъ головъ, графъ Растопчинъ. Своимъ обычнымъ лаконическимъ языкомъ онъ наглядно описывалъ опасности, которыя произойдутъ по освобожденіи крестьянъ. Россія испытаетъ всѣ бѣдствія, какія перенесла Франція во время революціи и, можетъ быть, худшія—какія перенесла Россія при нашествіи Батыя.

Изъ всѣхъ этихъ проектовъ, толковъ, возбужденныхъ въ правительствѣ, не вышло ничего практическаго; вопросъ былъ оставленъ, какъ оставлены были и другія преобразовательныя предположенія. Въ этомъ имѣли нѣкоторое участіе и внѣшнія событія, которыя преимущественно поглощали вниманіе государя. Основатель политическаго Священнаго союза, т. е. религіозно-политическаго консерватизма въ международной политикѣ, съ каждымъ годомъ все болѣе убѣждался, какъ шатки основанія, на которыхъ тогда держался европейскій политическій порядокъ: то тамъ, то здѣсь прорывались вспышки, народы не хотѣли мирно сидѣть на мѣстахъ, на которыхъ ихъ усадилъ Вѣнскій конгрессъ 1818 г.; германскіе студенты производятъ безпорядки и празднуютъ въ Вартбургѣ 300-лѣтній юбилей реформаціи. Они надѣлали много юношескихъ выходокъ, на что взглянули руководители германской политики чрезвычайно серьезно, т. е. говоря проще, трусливо; для германскихъ университетовъ выработаны были новыя правила, которыя подчиняли надзору не только поведеніе молодежи, но и преподавателей. Въ 20-хъ годахъ произошла революція въ Испаніи, которая отозвалась движеніями на Аппенинскомъ полуостровѣ, въ Неаполѣ, Клермонтѣ. Въ 1827 г. возстали греки противъ турокъ. Зданіе Вѣнскаго конгресса разваливалось съ разныхъ сторонъ.

По мѣрѣ того, какъ усиливались на Западѣ волненія, возникали опасенія подобныхъ явленій въ Россіи. Съ этого времени получаетъ серьезное значеніе политика народнаго просвѣщенія, полиція умовъ становится серьезнымъ вопросомъ; она выразилась въ цѣломъ рядѣ тревожныхъ мѣръ, принятыхъ для того, чтобы дать надлежащее направленіе литературѣ и народному образованію, т. е. школамъ. Какъ извѣстно, при Павлѣ учреждена была цензура преимущественно для книгъ, приходящихъ изъ-за границы, но она скоро прекратила свои дѣйствія, потому что запрещенъ былъ ввозъ книгъ, кромѣ написанныхъ на тунгузскомъ языкѣ. Въ царствованіе Александра изданъ былъ цензурный уставъ 1804 года, очень обдуманный и вообще добро-

желательный къ успѣхамъ россійской словесности; только этотъ уставъ оказался неудовлетворительнымъ, потому что плохо сдерживалъ разгулъ мысли. Создана была новая организація надзора за печатью. Но этотъ надзоръ, по свойству своему, требовалъ опытныхъ и размышляющихъ орудій; смотрѣть за порядкомъ бумагъ гораздо труднѣе, чѣмъ наблюдать за порядкомъ на улицѣ, а орудіями этого надзора были сдѣланы типы не лучше тѣхъ, которые стояли на постахъ на улицахъ. Вмѣсто должнаго направленія въ литературѣ вышелъ рядъ смѣшныхъ или печальныхъ анекдотовъ, которые безпокоили или веселили самыхъ консервативныхъ людей. Шишковъ, министръ просвѣщенія въ концѣ царствованія Александра, представитель консерватизма, самъ разсказываетъ анекдотъ объ одномъ цензорѣ, котораго смутили такіе стихи въ подлежавшей его суду книгѣ: печальный поэтъ жаловался на свою судьбу, говоря: «Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все не мнѣ, и смерть и рокъ царитъ». Цензоръ нашелъ, что доброму христіанину неприлично жаловаться на рокъ, зачеркнулъ слово «рокъ» и отдалъ въ печать вышло: «что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все не мнѣ и смерть царитъ». Шишковъ прибавляетъ, что цензура должна быть не только строга, но и умна. Одинъ писатель назвалъ книгу, само названіе которой, повидимому, освобождало цензора отъ обязанности читать ее, такъ: «Бесѣда о безсмертіи души при гробѣ младенца», книга добрая, назидательная. Министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, нашелъ несогласіе съ христіанскимъ ученіемъ и поднялъ цѣлую бурю, авторъ былъ высланъ за границу, книга была отобрана изъ магазиновъ, а цензоръ получилъ выговоръ, а потомъ отставку отъ должности. При Шишковѣ дѣло это возобновилось. Поручено нѣсколькимъ духознымъ лицамъ вновь просмотрѣть книгу «о безсмертіи души» и священники, разсматривавшіе ее, нашли, что она не только согласна съ христіанскимъ ученіемъ, но даже обнаруживаетъ горячую ревность о вѣрѣ и церкви. Книга была напечатана вновь на казенный счетъ и пущена была въ обращеніе.

Новое направленіе еще тяжелѣе отозвалось на высшей школѣ, которая всегда платилась за грѣхи общества. Въ царствованіе Александра возникло три новыхъ университета: Казанскій, Харьковскій и Петербургскій, первоначально образованныхъ въ видѣ институтовъ для приготовленія учителей въ среднія учебныя заведенія. Среднихъ учебныхъ заведеній въ царствованів Александра было много. При Екатеринѣ еще былъ составленъ проектъ среднихъ и низшихъ школъ, оставленный неосуществленнымъ; въ началѣ царствованія Александра этотъ проектъ былъ приведенъ въ исполненіе съ измѣненіями, возникъ рядъ гимназій и приходскихъ школъ. Для приготовленія учителей въ новыя учебныя заведенія и основанъ былъ въ Петербургѣ главный Педагогическій институтъ, который въ 1819 г. преобразованъ былъ въ университетъ. Впервые теперь было обращено вниманіе на университетъ, но вниманіе это было направлено не на то, чему учили, а на то, какъ мыслили и чувствовали. Для того, чтобы дать должное направленіе школѣ, при министерствѣ народнаго просвѣщенія образовано было главное управленіе училищъ, при главномъ управленіи училищъ учебный комитетъ, который долженъ былъ спеціально слѣдить за учебными руководствами выходящими въ Россіи. Манифестомъ 24 октября 1817 года министерствонароднаго просвѣщенія даже соединено было съ вѣдомствомъ

духовныхъ дѣлъ, т. е. съ вѣдомствомъ Св. Синода; министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ назначенъ былъ кн. Голицынъ. Это соединеніе двухъ вѣдомствъ объяснялось въ манифестѣ такою цѣлью, чтобы «истинно-христіанское благочестіе всегда служило основаніемъ просвѣщенію умовъ». Для учебнаго комитета была составлена инструкція, въ которой указывалось, какое направленіе должно было получить народное образованіе. Послѣднее должно быть направлено къ тому, чтобы «посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ водворить постоянное и спасительное согласіе между вѣрою, вѣдѣніемъ и разумомъ», т. е. между религіознымъ сознаніемъ, между образованіемъ умственнымъ и между порядкомъ политическимъ. Эти добрыя начала, которыя составляютъ идеалъ всякаго образованія, практически были разработаны такъ, что «вѣра, вѣдѣніе и разумъ» почувствовали себя еще большими врагами, чѣмъ прежде.

Въ числѣ бойкихъ сотрудниковъ Сперанскаго во время его дѣятельности въ Государственномъ Совѣтѣ былъ нѣкій Магницкій, кончившій курсъ не безъ успѣха въ Московскомъ университетѣ, а потомъ служившій въ гвардейскомъ Преображенскомъ полку. Магницкій этотъ палъ вмѣстѣ со Сперанскимъ въ 1812 г., но потомъ раскаялся въ своихъ увлеченіяхъ и, занявъ должность сибирскаго губернатора, показалъ большую ревность въ противоположномъ, нелиберальномъ направленіи. Эта ревность не по разуму послужила даже причиной потери губернаторскаго мѣста. Почуявъ перемѣну вѣтра, Магницкій поступилъ на службу по министерству просвѣщенія, и сталъ членомъ Главнаго управленія училищъ. До министра дошли слухи о томъ, что преподаваніе въ Казанскомъ университетѣ идетъ по ложной дорогѣ, назначена была ревизія университета, и ревизоромъ посланъ Магницкій. Онъ налетѣлъ на университетъ, пошаривъ кое-что, пробылъ всего шесть дней въ Казани и, воротившись, доложилъ, что университетъ по всей справедливости и строгости законовъ подлежитъ уничтоженію, при томъ въ видѣ публичнаго его разрушенія. Императоръ положилъ на докладъ резолюцію: „зачѣмъ разрушать, можно исправить". Исправлять университетъ былъ посланъ тотъ же Магницкій, назначенный попечителемъ Казанскаго округа. Для него, при его участіи, составлена была инструкція ректору и директору Казанскаго университета (директоръ соотвѣтствовалъ нынѣшнему инспектору). Инструкція утверждена была въ 1820 г.; она была направлена къ тому, чтобы поставить преподаваніе и студентовъ на прямую дорогу. Главный порокъ, замѣченный Магницкимъ въ преподаваніи, это «духъ вольнодумства и лжемудрія», грозящій разрушеніемъ общественному порядку. Магницкій съ инструкціей въ рукахъ возвратился въ Казань, чтобы поставить преподаваніе, какъ онъ говорилъ, на началахъ священнаго союза.

Инструкція для начальства Казанскаго университета, данная Магницкому, опредѣляла подробно направленіе преподаванія каждаго предмета и бытъ студентовъ, она получаетъ значеніе даже факта въ исторіи нашего просвѣщенія, потому что примѣнена была и къ другимъ университетамъ. Магницкій, разсматривая списки почетныхъ членовъ Казанскаго университета, съ ужасомъ встрѣтилъ имя аббата Грегуара, который, какъ извѣстно, былъ депутатомъ Конвента и подавалъ голосъ за смерть Людовика XVI. По недосмотру университетъ забылъ

зачеркнуть это завалявшееся имя. Магницкій и выставилъ его ребромъ, какъ доказательство маратизма и робеспьерства, овладѣвшаго Казанскимъ университетомъ. Инструкція указывала, какъ и по какимъ руководствамъ должны быть преподаваемы предметы университетскаго курса; напримѣръ, философія должна руководиться болѣе всего Посланіями апостола Павла, началами Моисея, Давида и Соломона, и только въ случаѣ какого недостатка, изъ сочиненій Аристотеля и Платона; преподаватель всеобщей исторіи долженъ былъ меньше говорить о первоначальномъ обществѣ и долженъ былъ показать, какъ отъ одной пары все человѣчество развилось; преподаватель русской исторіи обязанъ былъ показать, что при Владимірѣ Мономахѣ русское государство упреждало всѣ прочія государства на пути просвѣщенія, и онъ долженъ былъ доказать это законодательствомъ Мономаха о народномъ просвѣщеніи, хотя инструкція не указывала, изъ какихъ источниковъ преподаватель долженъ былъ извлечь извѣстіе объ этомъ законодательствѣ. Въ такомъ духѣ направлено было преподаваніе всѣхъ предметовъ. Опредѣленъ былъ точный порядокъ жизни студентовъ, значительная часть которыхъ, по тогдашнему устройству высшихъ заведеній, жила въ самомъ университетѣ. Такъ какъ главная обязанность христіанина состоитъ въ повиновеніи властямъ, то начальство должно было, по инструкціи, являть примѣръ наистрожайшаго подчиненія. Директоръ, наблюдавшій за студентами, подбираетъ штатъ богобоязненныхъ помощниковъ; наводитъ у полиціи справки о домашней жизни студентовъ, жившихъ не въ университетѣ. Казеннокоштные студенты устроены были въ иноческую общину, въ которой должны были господствоватъ столь строгіе нравы, что сравнительно съ ними строго устроенные женскіе институты казались распущенными. Студенты распредѣлялись не по курсамъ, а по степенямъ нравственнаго содержанія; каждый разрядъ жилъ въ особомъ этажѣ университетскаго зданія, обѣдали отдѣльно, чтобы порочные не могли заражать, благонамѣренныхъ; если студентъ провинится, то онъ долженъ вынести извѣстный курсъ нравственнаго исправленія. Онъ назывался не виноватымъ, а грѣшнымъ; его сажали въ особую комнату, называемую «комнатой уединенія» (въ позднѣйшемъ переводѣ эта комната называется карцеромъ); окна и дверь этой комнаты были заставлены желѣзной рѣшеткой; надъ ходомъ виднѣлась надпись Священнаго Писанія; въ самой комнатѣ на одной стѣнѣ висѣло распятіе, на другой картина страшнаго суда, на которой наказываемый долженъ былъ отмѣтить будущее мѣсто свое среди грѣшниковъ. Студента вводили въ комнату въ лаптяхъ, въ крестьянскомъ армякѣ; онъ долженъ былъ находиться въ комнатѣ, пока исправится. Въ продолженіе его заключенія товарищи каждое утро передъ лекціями должны были молиться за него; заключеннаго каждый день посѣщалъ священникъ, который, по окончаніи курса испытанія, исповѣдовалъ и причащалъ его. Теченіе университетской жизни получило духовную монашескую окраску; этой окраской отличались и нѣкоторыя лекціи. На торжественныхъ актахъ пѣлись духовные гимны, читались рѣчи все о нравственномъ совершенствѣ, о согласованіи образованія съ истинами вѣры; эти почтенныя слова поминались на каждомъ шагу. Нѣкоторые преподаватели, входя въ духъ инструкціи, согласно съ нею перестраивали свои

курсы, даже тѣ курсы, которые по содержанію своему имѣли мало отношенія къ вопросамъ вѣры и нравственности. Одинъ преподаватель даже задумалъ построить чистую математику на принципахъ нравственности и въ этомъ направленіи читалъ однажды рѣчь, доказывая, что математика вовсе не содѣйствуетъ развитію вольнодумства, подтверждая высочайшія истины вѣры на примѣрѣ, какъ безъ единицы не можетъ быть числа, такъ и міръ не можетъ быть безъ единаго Творца. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть ничто иное, какъ символъ соединенія земного съ божественнымъ, горняго съ дольнимъ. Доносы входятъ сами собой въ воспитательную програму, какъ дополнительное средство надзора. Профанація святыни сопровождалась развитіемъ лицемѣрія и легкомысленнѣйшаго отношенія къ предметамъ, которыми вообще дорожатъ всѣ. Подобное направленіе проводилось и въ другихъ университетахъ. Въ Петербургскомъ университетѣ, на первыхъ шагахъ его дѣятельности по преобразованіи его въ университетъ, это направленіе вызвало даже соблазнительнѣйшій процессъ четырехъ профессоровъ, который надѣлалъ много шума въ свое время. Процессъ состоялъ въ томъ, что 4 профессора, философіи—Галачъ, всеобщей исторіи—Раукахъ, статистики—Германъ и Арсеньевъ,—заподозрѣны были въ неблагонамѣренномъ направленіи и подверглись суду, столь несправедливому и безпорядочному, что высшее правительство отвергло его рѣшеніе, а въ слѣдующее царствованіе прекращенъ былъ и самый процессъ; впрочемъ, всѣ четыре профессора были уволены, а это были благонамѣреннѣйшіе и консервативнѣйшіе преподователи, отличавшіеся отъ другихъ только тѣмъ, что больше другихъ знали; ихъ благонамѣренность оцѣнилась даже преемникомъ Александра—Николаемъ, который одного изъ преподавателей, Арсеньева, назначилъ преподавателемъ своего старшаго сына.

Такъ хотѣли поставить русское печатное слово, русскую мысль. Тоже направленіе проводилось и въ другихъ сферахъ государственной жизни. Знаменемъ этого новаго направленія былъ извѣстный Аракчеевъ. Съ 1814 года онъ становится близко къ государю, облекается его полнымъ довѣріемъ и дѣлается чѣмъ то въ родѣ перваго министра. Съ 1823 г. онъ является единственнымъ докладчикомъ при государѣ по всѣмъ дѣламъ, даже по вѣдомству Св. Синода; начальники отдѣльныхъ частей управленія являлись съ докладомъ къ Аракчееву, который уже сообщенія ихъ представлялъ государю. Чтобы не входить въ подробности, достаточно обозначить дѣятельность Аракчеева словами одного современника, который сказалъ, что Аракчеевъ хотѣлъ изъ Россіи построить казармы, да еще поставить фельдфебеля къ дверямъ. Слѣдствіемъ всего этого было тягостное настроеніе, которое все болѣе овладѣвало обществомъ. Настроеніе это живо намъ передаютъ люди того времени безъ различія образа мыслей. Можетъ быть, такое настроеніе не было новостью въ исторіи нашего общества, но никогда оно не сопровождалось такими послѣдствіями; оно повело къ печальной катастрофѣ 14 декабря 1825 года.

---

14 Декабря 1825 года.

У насъ доселѣ господствуютъ не совсѣмъ ясныя, не совсѣмъ согласныя сужденія на счетъ событія 14 декабря. Одни видятъ въ немъ политическую эпопею, другіе считаютъ его великимъ несчастіемъ. Для того, чтобы установить правильный взглядъ на это событіе, намъ надо разсмотрѣть ходъ, подготовившій общество къ нему; это возвратитъ насъ къ исторіи общества, т. е. къ исторіи чувствъ и мыслей, господствовавшихъ въ извѣстное время. Движеніе 14 декабря вышло изъ одного сословія, изъ того, которое доселѣ дѣлало нашу исторію— изъ высшаго образованнаго дворянства, Но не весь этотъ классъ принималъ въ немъ прямое участіе; событіе это было частью этого класса, въ которой господствовалъ извѣстный образъ мыслей, извѣстное настроеніе. Но эта часть была собственно извѣстный возрастъ, извѣстное поколѣніе, катастрофа 14 декабря сдѣлана была дворянской образованной молодежью. Это легко замѣтить, просматривая графу о возрастѣ въ спискѣ лицъ, которые судились по дѣлу 14 декабря. Всѣхъ лицъ къ отвѣтственности было привлечено 121; изъ нихъ только 12 имѣли 34 г., значительное большинство остальныхъ не имѣло и 30 лѣтъ.

Мы знаемъ, какое настроеніе утвердилось въ высшемъ образованномъ дворянствѣ, благодаря умственнымъ вліяніямъ, какія проникли въ наше общество съ половины XVIII ст. Сравнивъ послѣднія поколѣнія екаторининскаго времени съ тѣмъ поколѣніемъ, представители котораго подверглись карѣ за дѣло 14 декабря, мы встрѣчаемъ между ними сходство и различіе. Родство между ними было и нравственное и генеалогическое, образъ мыслей, который усвоили себѣ отцы, раздѣляли и дѣти—люди 14 декабря, даже въ буквальномъ смыслѣ—дѣти людей, принадлежавшихъ къ вольнодумцамъ при Екатеринѣ. Но между ними есть одно существенное различіе. Вольнодумство воспитывало въ вольтеріанцахъ холодный раціонализмъ, сухую мысль, вмѣстѣ съ тѣмъ отчужденную отъ окружающей жизни; холодныя идеи въ головѣ оставались безплодными, не обнаруживались въ стремленіяхъ, даже въ нравахъ вольнодумцевъ. Совсѣмъ иной чертой отличалось поколѣніе, изъ котораго вышли люди 14 декабря. Въ нихъ мы замѣчаемъ удивительное обиліе чувства, перевѣсъ его надъ мыслью и вмѣстѣ съ тѣмъ обиліе доброжелательныхъ стремленій даже съ пожертвованіемъ личныхъ интересовъ. Отцы были вольнодумцы, дѣти были свободомыслящіе дѣльцы. Откуда произошла эта разница? Вопросъ этотъ имѣетъ нѣкоторый интересъ въ исторіи нашей общественной физіологіи.

По высшему обществу въ началѣ царствованія Александра пробѣжала эта тѣнь, которую часто забываютъ въ исторіи общества того времени. Мы знаемъ, что въ воспитаніи, которое получало высшее русское дворянство прошедшаго столѣтія, смѣнилось два дѣльца: то были гувернеры двухъ разныхъ привозовъ: первый—ни о чемъ не думавшій гувернеръ, парикмахеръ, второй—вольнодумецъ. Въ концѣ XVIII в. начинается приливъ въ Россію французскихъ эмигрантовъ, которые должны были разстаться со своимъ революціоннымъ отечествомъ. То были все либо аббаты, либо представители французскаго дворянства; значительная часть гувернеровъ вышла изъ аббатовъ. Въ

Россіи они спасались отъ бѣдствій революціи, приносили съ ожесточеніемъ противъ новыхъ политическихъ идей чрезвычайное количество католическихъ чувствъ, которое всплыло въ нихъ послѣ философскаго раціонализма, какъ извѣстно, долго составлявшаго салонную забаву французскаго дворянства. Эти эмигранты, привѣтливо принятые Россіей, съ ужасомъ увидѣли успѣхъ религіознаго и политическаго раціонализма въ русскомъ образованномъ обществѣ. Тогда начинается смѣна воспитателей русской дворянской молодежи. На мѣсто гувернера-вольнодумца, становится аббатъ—консерваторъ и католикъ; это былъ гувернеръ третьяго привоза. При Павлѣ, какъ извѣстно, Мальтійскій орденъ, территорія котораго была завоевана Франціей, выхлопоталъ себѣ покровительство русскаго императора. Рядъ мальтійцевъ явился въ Петербургъ съ тѣми же католическими чувствами: это еще болѣе усилило вліяніе пришельцевъ. Въ XVIII в. подъ вліяніемъ либеральныхъ идей папа Климентъ закрылъ іезуитскій орденъ, но они остались подъ разными предлогами и званіями и стали прокрадываться черезъ Польшу въ Россію. Много такихъ іезуитовъ явилось въ Петербургъ подъ именемъ мальтійцевъ. Католическое, именно іезуитское, вліяніе и становится теперь на смѣну вольтеріанства. Въ числѣ родовитыхъ эмигрантовъ, пріѣхавшихъ въ Россію еще при Екатеринѣ, былъ графъ Шуазель-Буфье. Онъ пріѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ; воспитателемъ при его сынѣ состоялъ нѣкто аббатъ Николь. Шуазель выставлялъ этого домашняго учителя великосвѣтскимъ барынямъ, какъ превосходнаго педагога; барыни стали просить у графа позволенія ихъ сыновьямъ слушать Николя вмѣстѣ съ сыномъ. Постепенно учебная комната Шуазеля младшаго превратилась въ великосвѣтскую аудиторію, которая даже не могла вмѣстить всѣхъ своихъ слушателей. Николь заставилъ основать учебное заведеніе для высшаго дворянства; іезуиты пристроились къ этому дѣлу, разумѣется, подъ чужой вывѣской. Николь сталъ ихъ орудіемъ; онъ пріобрѣлъ домъ рядомъ съ великолѣпнымъ дворцомъ Юсупова, близъ Фонтанки и въ этотъ пансіонъ полила русская дворянская молодежь. Чтобы не пустить сюда разночинцевъ и мелкое дворянство, назначена была безбожная плата за воспитаніе—отъ 11 до 12 тысячъ рублей въ годъ, что равнялось нынѣшнимъ 45 тыс. Списокъ пансіонеровъ блисталъ аристократическими именами; здѣсь видимъ Орловыхъ, Меньшиковыхъ, Волконскихъ, Бекендорфовъ, Голициныхъ, Нарышкиныхъ, Гагариныхъ и т. д. Но и родители не оставались безъ вліянія новыхъ педагоговъ; католическая пропаганда растетъ съ поразительнымъ успѣхомъ. Началось дѣло съ одной печальной вдовы, княгини Голицыной, жены либеральнаго и безбожнаго вельможи екатерининскаго времени, который запретилъ даже произносить имя Бога; овдовѣвъ въ 70 лѣтъ, княгиня искала религіознаго утѣшенія; религіознымъ утѣшеніемъ къ ней явился кавалеръ Догардтъ; это былъ очень ловкій іезуитъ. Утѣшеніе кончилось переходомъ княгини въ католицизмъ, вслѣдъ за нею потянулись ея сестры, и Протасова, и княгиня Вяземская и другія; цѣлая толпа великосвѣтскихъ барынь стала прозелитками католицизма. При Павлѣ на это смотрѣли сквозь пальцы, потому что іезуиты успѣли при дворѣ утвердить мысль, что существенной разницы между католицизмомъ и православіемъ не существуетъ, а что католицизмъ есть исповѣданіе, наиболѣе умѣющее

воспитывать народъ въ консервативныхъ, монархическихъ стремленіяхъ и принципахъ. Случилось такъ, что въ одной болѣзни императору помогъ нѣкто Груберъ; ему была предложена награда, отъ которой онъ отказался, объявивъ, что онъ пользуется своей медициной не для корысти, а для славы имени Бога. Этотъ Груберъ и былъ направителемъ цѣлаго ряда іезуитовъ, ставши воспитателемъ и руководителемъ великосвѣтской молодежи и руководителемъ пансіона Николя. Значительная часть людей, которыхъ мы видѣли въ спискѣ осужденныхъ по дѣлу 14 декабря, вышли изъ этого пансіона или воспитаны были такими гувернерами. Это очень любопытная черта, которой мы не ожидали бы въ людяхъ 14 декабря. Кажется, католическое іезуитское вліяніе, встрѣтившись въ этихъ молодыхъ людяхъ съ вольтеріанскими преданіями отцовъ, смягчило въ нихъ и католическую нетерпимость и холодный философскій раціонализмъ; благодаря этому вліянію, сдѣлалось возможнымъ сліяніе обоихъ вліяній, а изъ этого сліянія вышло теплое патріотическое чувство, т. е. нѣчто такое, чего не ожидали воспитатели. Только при этомъ предположеніи становится возможнымъ прослѣдить нравственный ростъ того поколѣнія, представители котораго вышли на площадь 14 декабря.

Я напомню связь, въ какой мы разсматриваемъ явленія второй половины изучаемаго царствованія. По окончаніи войнъ общество было возбуждено болѣе, чѣмъ въ началѣ царствованія и ждало отъ правительства продолженія начатой имъ внутренней дѣятельности, а правительство было утомлено и не хотѣло ея продолженія. Такъ, общество и правительство разошлись между собою больше, чѣмъ расходились когда-либо, вслѣдствіе этого поднятое движеніе ушло внутрь общества и здѣсь получило революціонное направленіе. Чтобы объяснить такую перемѣну въ общественномъ движеніи, мы начали изучать настроеніе общества, его характеръ въ началѣ XIX ст. и отмѣтили одну новую черту: вліяніе философской французской литературы XVIII ст. теперь стало смѣняться въ образованномъ русскомъ обществѣ католической и іезуитской пропагандой. Эта пропаганда, соединенная съ попытками іезуитовъ овладѣть воспитаніемъ русскаго великосвѣтскаго общества, привела къ результату, который не могъ входить въ цѣли пропагандистовъ—къ пробужденію патріотическихъ чувствъ. Можетъ показаться страннымъ такой результатъ, столь несоотвѣтствующій источнику, изъ котораго онъ выходилъ; но католическо-іезуитская пропаганда могла подготовить его прямо и косвенно. Прежде всего она должна была измѣнить, если можно такъ выразиться, температуру общественнаго настроенія; она въ образованныхъ кругахъ прекратила и ослабила прежнюю великосвѣтскую игру въ либеральныя идеи, замѣнивъ ее фальшиво или искренно настроеннымъ религіознымъ чувствомъ. Молодое поколѣніе, подраставшее въ то время, должно было выносить изъ дѣтства иныя впечатлѣнія, сравнительно со своими отцами; на мѣсто безцѣльно и безтолково вольнодумствующихъ отцовъ и матерей, теперь явились отцы и матери, искавшіе неопредѣленнаго, не то православнаго, не то католическаго Бога. Подрастая далѣе, это поколѣніе, вслѣдствіе успѣховъ іезуитской пропаганды, должно было спросить себя,—долго ли русскій умъ будетъ жертвой чужихъ вліяній? Значитъ, успѣхъ іезуитской пропаганды долженъ былъ пробуждать смутную потребность попробовать,

наконецъ, жить своимъ умомъ. Многіе молодые люди большого свѣта получали воспитаніе подъ руководствомъ іезуитовъ, смѣнившихъ прежнихъ гувернеровъ—вольнодумцевъ. Я думаю, и эта перемѣна учителей могла быть полезной такъ же, какъ перемѣна идеаловъ; и іезуитъ, какъ извѣстно, хорошій учитель во всемъ, что не касается религіозной пропаганды; онъ умѣетъ отлично вызывать и эксплуатировать умственную силу ученика, тогда какъ прежній французъ гувернеръ только напитывалъ своего питомца высокими и ненужными идеями, не возбуждая работы мысли. Я думаю, что люди, выходившіе изъ пансіона Николя, могли быть исковерканные характеры, но болѣе привычные къ мысли, сравнительно съ своими отцами, питомцами Бодри или Лагарповъ.

Такимъ образомъ, поколѣніе, которое вступило въ дѣятельность къ концу царствованія Александра, я думаю, воспитывалось при иномъ настроеніи общества и воспитывалось лучше своихъ отцовъ; правда, и ему воспитаніе давало очень мало знакомства съ дѣйствительностью; просматривая въ спискѣ привлеченныхъ къ отвѣтственности по дѣлу 14 декабря графу о воспитаніи каждаго, мы видимъ, что большинство декабристовъ училось въ кадетскихъ корпусахъ, сухопутныхъ морскихъ, пажескихъ, а кадетскіе корпуса были тогда разсадниками общаго либеральнаго образованія и всего менѣе были похожи на техническія и военно-учебныя заведенія; нѣкоторые воспитывались за границей, въ Лейпцигѣ, въ Парижѣ, другіе въ многочисленныхъ русскихъ пансіонахъ, содержимыхъ иностранцами и въ томъ числѣ и пансіонѣ Николя, изъ послѣдняго вышли, напр., декабристы князь Голицынъ и Давыдовъ. Очень многіе изъ 121 обвиненныхъ учились дома, но тоже подъ руководствомъ иностранцевъ. *)

Но это воспитаніе, такъ мало приближавшее воспитанниковъ къ окружающей дѣйствительности, встрѣтилось съ сильно пробужденнымъ національнымъ движеніемъ, какое продолжалось и послѣ 1815 г. Страна не даромъ испытала нашествіе французовъ; многія иллюзіи, внушенныя французскимъ гувернеромъ или французской литературой, должны были разсѣяться. Эти усилія сбросить съ себя иго французской мысли и книжки выразились, напр., въ стихотвореніи тогда еще молодого Аксакова, автора «Семейной хроники»; стихотвореніе это писано въ 1814 г. Поэтъ разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, что французское нашествіе совсѣмъ освободитъ насъ отъ французскаго рабства, что «испытанныя бѣдствія навѣки поселятъ къ французамъ отвращеніе, что мы подражанія смѣлаго устыдимся и къ обычаю, языку родному обратимся». Авторъ сѣтуетъ, что «русской побѣдой,

---

*) Можетъ быть, не будетъ лишенъ интереса перечень нѣкоторыхъ изъ выдающихся членовъ тайнаго общества съ помѣткой ихъ лѣтъ и замѣчаніемъ объ ихъ воспитаніи. Одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ общества, князь Сергѣй Трубецкой, полковникъ гвардейскаго Преображенскаго полка въ 1825 г. послѣ ареста—34 лѣтъ; учился дома; учителями были иностранцы. Князь Евгеній Оболенскій, поручикъ гвардейскаго Финляндскаго полка, 29 лѣтъ; учился дома подъ руководствомъ гувернеровъ французовъ, которыхъ у него смѣнилось отъ 16 до 18 человѣкъ. Братья Муравьевы-Апостолы, дѣти нашего испанскаго посланника, оба учились въ Парижѣ въ пансіонѣ Гикса. Пановъ, поручикъ Преображенскаго полка, 22 лѣтъ, учился дома, учителями были иностранцы, докончилъ образованіе въ Петербургскомъ пансіонѣ Жакино и т. д., все въ этомъ родѣ.

но въ рабствѣ мы умами, клянемъ французовъ мы французскими словами». Этотъ порывъ къ изученію родной дѣйствительности сказывается тогда наверху, какъ и внизу общества. При томъ надобно припомнить историческое впечатлѣніе, подъ дѣйствіемъ котораго попало молодое поколѣніе, вступивъ въ дѣйствительную жизнь. Многіе изъ этихъ людей помнили еще ту восторженную тревогу, какая овладѣла образованною молодежью при первыхъ шагахъ царствованія; потомъ этимъ людямъ пришлось пережить много испытаній, почти все это были военные, преимущественно гвардейцы. Они сдѣлали походъ 1812—15 гг.; многіе изъ нихъ вернулись ранеными. Они прошли Европу, отъ Москвы и почти до западной ея границы; участвовали въ шумныхъ событіяхъ, которыя рѣшали судьбу западно-европейскихъ народовъ, чувствовали себя освободителями европейскихъ національностей отъ чужеземнаго ига; все это приподнимало ихъ, возбуждало мысль; при этомъ заграничный походъ далъ обильный матеріалъ для наблюденій. Съ возбужденной мыслью, съ сознаніемъ только что испытанныхъ силъ, они увидѣли за границей иные порядки; никогда такая масса молодого поколѣнія не имѣла возможности непосредственно наблюдать иноземные политическіе порядки; но все, что они увидѣли и наблюдали, имѣло для нихъ значеніе не само по себѣ, какъ для ихъ отцовъ, а только по отношеніи къ Россіи. Все, что они видѣли, и все, что они вычитывали изъ иноземныхъ книгъ, они прилагали къ своему отечеству, сравнивали его порядки и преданія съ заграничными. Такимъ образомъ даже непосредственное знакомство съ чужимъ міромъ только поддерживало интересъ къ родному. Измѣнившаяся ли семейная среда, изъ которой они выходили, или свойство пережитыхъ впечатлѣній сообщили имъ особый характеръ, я бы сказалъ, особый отпечатокъ. Большею частью то были добрые и образованные молодые люди, которые желали быть полезными отечеству, проникнуты были самыми чистыми побужденіями и глубоко возмущались при встрѣчѣ съ каждой, даже съ самой привычной несправедливостью, на которую равнодушно смотрѣли ихъ отцы. Очень многіе изъ нихъ оставляли послѣ себя автобіографическія записки; нѣкоторые даже вышли недурными писателями. На всѣхъ произведеніяхъ лежитъ особый отпечатокъ, особый колоритъ, такъ что вы, вчитавшись въ нихъ, даже безъ особыхъ автобіографическихъ справокъ можете угадать, что данное произведеніе писано декабристомъ. Я не знаю, какъ назвать этотъ колоритъ. Это соединеніе мягкой и ровной, совсѣмъ не рѣжущей мысли съ задушевнымъ и опрятнымъ чувствомъ, которое чуть окрашено грустью; у нихъ всего меньше соли и желчи ожесточенія; такъ пишутъ хорошо воспитанные молодые люди, въ которыхъ жизнь еще не опустошила юношескихъ надеждъ, которыхъ первый пылъ сердца зажгли не думы о личномъ счастіи, а стремленіе къ общему благу. Впрочемъ, мнѣ едва ли нужно много говорить объ этомъ типѣ; мы его очень хорошо знаемъ по самому серьезному политическому произведенію русской литературы XVIII в.; этотъ типъ, какъ живой, стоитъ передъ нами въ неугомонной и говорливой, вѣчно негодующей и непобѣдимо бодрой, но при этомъ неустанно мыслящей фигурѣ Чацкаго; декабристъ послужилъ оригиналомъ, съ котораго списанъ Чацкій.

При такомъ личномъ настроеніи, которое явилось результатомъ

лучшаго воспитанія и обстоятельствъ характера чисто политическоаг, интересъ къ окружающей дѣйствительности у людей первой четверти XIX столѣтія долженъ былъ получить особое напряженіе и вести къ особымъ впечатлѣніямъ, какихъ не переживали ихъ отцы. Эти люди все же мало знали окружающее, какъ и ихъ отцы, но у нихъ сложилось иное отношеніе къ дѣйствительности. Отцы не знали этой дѣйствительности и игнорировали ее, т. е. и знать ея не хотѣли, дѣти продолжали не знать ее, но перестали игнорировать. Военныя событія, тяжести похода, заграничныя наблюденія, интересъ къ родной дѣйствительности, все это должно было чрезвычайно возбуждать мысль. Эстетическія стремленія отцовъ должны были превратиться у дѣтей въ болѣе опредѣленное и практическое стремленіе быть полезными. Легко понять, въ какомъ видѣ должна была представиться окружающая дѣйствительность, какъ только эти люди стали вникать въ нее. Она должна была представить имъ самую мрачную картину: рабство, неуваженіе къ правамъ личности, презрѣніе общественныхъ интересовъ—все это должно было удручающимъ образомъ подѣйствовать на молодыхъ наблюдателей, производить на нихъ уныніе; но они были слишкомъ возбуждены, чтобы уныніе могло ихъ заставить складывать руки. Одинъ изъ немногихъ невоенныхъ участниковъ движенія 14 декабря, Кюхельбекеръ, на допросѣ верховной слѣдственной комиссіи откровенно признавался, что главной причиной, заставившей его принять участіе въ тайномъ обществѣ, была скорбь его объ обнаружившейся въ народѣ порчѣ нравовъ, какъ слѣдствіи угнетенія. «Взирая—говоритъ онъ на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ русскій народъ, единственный на свѣтѣ по славѣ и могуществу, по сильному и мощному языку, которому нѣтъ подобнаго въ Европѣ, по радушію, мягкосердечію, я скорбѣлъ душой, что все это задавлено, вянетъ и, быть можетъ, скоро падетъ, не принесши никакого плода въ мірѣ». Это важная перемѣна, совершившаяся въ томъ поколѣніи, которое смѣнило екатерининскихъ вольнодумцевъ, веселая космополитическая сантиментальность отцовъ превратилась теперь въ дѣтяхъ въ патріотическую скорбь. Отцы были русскими, которымъ страстно хотѣлось стать французами, сыновья были по воспитанію французы, которымъ страстно хотѣлось стать русскими. Вотъ и вся разница между отцами и дѣтьми. Настроеніемъ того поколѣнія, которое сдѣлало 14 декабря, и объясняется весь ходъ дѣла.

Исторію тайнаго общества и возбужденнаго имъ мятежа можно передать въ немногихъ словахъ. Масонскія ложи, терпимыя правительствомъ, давно пріучили русское дворянство къ такой формѣ общежитія. При Александрѣ тайныя общества составлялись такъ же легко, какъ теперь акціонерныя компаніи, и даже революціоннаго въ нихъ было не больше, чѣмъ въ послѣднихъ. Члены тайнаго общества собирались на секретныя засѣданія, но сами были всѣмъ извѣстны и прежде всего полиціи. Само правительство предполагало возможнымъ не только для гражданина, но и для чиновника принадлежать къ тайному обществу и не видѣло въ этомъ ничего преступнаго. Только указомъ 1822 года отъ чиновниковъ велѣно было отобрать показанія, не принадлежатъ ли они къ тайному обществу и взять подписку, что впредь они ни къ какому обществу принадлежать не будутъ. Молодые люди, офицеры

во время похода на бивуакахъ привыкли заводить рѣчь о положенiи отечества, за которое они льютъ свою кровь; это было обычнымъ содержанiемъ офицерскихъ бесѣдъ вокругъ походнаго костра. Воротившись домой, они продолжали составлять кружки, похожiе на мелкiе клубы. Основанiемъ этихъ кружковъ обыкновенно былъ общiй столъ; собираясь за общимъ столомъ, они обыкновенно читали по окончанiи обѣда. Иностранный журналъ, иностранная газета были потребностями для образованнаго гвардейскаго офицера, привыкшаго зорко слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось за границей. Чтенiе прерывалось обыкновенно разсужденiями о томъ, что дѣлать, какъ служить. Никогда въ исторiи нашей армiи не встрѣчались и не извѣстно, встрѣтятся ли когда-нибудь такiя явленiя, какiя тогда были обычны въ армiяхъ и гвардейскихъ казармахъ. Собравшись вмѣстѣ, обыкновенно заговаривали о язвахъ Россiи, о закоснѣлости народа, о тягостномъ положенiи русскаго солдата, о равнодушiи общества и т. д. Разговорившись, офицеры вдругъ рѣшатъ не примѣнять къ солдатамъ тѣлеснаго наказанiя, даже браннаго слова, и безъ указа начальства въ полку вдругъ исчезнутъ тѣлесныя наказанiя. Такъ было въ гвардейскихъ полкахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ. По окончанiи похода солдаты здѣсь не подвергались побоямъ; офицеръ остался бы на службѣ не болѣе часа, если бы позволилъ себѣ кулакъ или даже грубое слово по отношенiю къ солдату. Образованный, т. е. гвардейскiй офицеръ исчезъ изъ Петербургскаго общества; въ театрахъ нельзя было встрѣтить семеновца, онъ сидѣлъ въ казармѣ, училъ солдатъ грамотѣ. Семеновскiе офицеры уговорились не курить, потому что шефъ ихъ, государь, не куритъ. Никогда не существовало среди офицерскихъ корпорацiй такихъ строгихъ нравовъ. Офицеры привыкли собираться и разговаривать; эти кружки незамѣтно превратились въ тайныя общества.

Въ 1816 г. въ Петербургѣ образовалось тайное общество изъ нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ генеральнаго штаба подъ руководствомъ Никиты Муравьева, сына извѣстнаго намъ учителя Александра и князя Трубецкого. Общество было названо—«Союзъ спасенiя» или—«истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества»: оно поставило себѣ довольно неопредѣленную цѣль—«содѣйствовать въ благихъ начинанiяхъ правительству въ искорененiи всякаго зла въ управленiи и въ обществѣ». Это общество, расширяясь, выработало въ 1818 г. уставъ, образцомъ котораго послужилъ статутъ извѣстнаго патрiотическаго нѣмецкаго общества Тугенбунда, которое подготовило нацiональное возстанiе противъ французовъ. Общество тогда приняло другое имя—«Союзъ благоденствiя»; задача его опредѣлена была нѣсколько точнѣе. Поставивъ себѣ ту же цѣль—«содѣйствовать благимъ начинанiямъ правительства»,—оно вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшило добиваться конституцiоннаго порядка, какъ удобнѣйшей для этой цѣли формы правленiя. Оно, однако же, не считало себя революцiоннымъ; въ обществѣ долго обдумывалась мысль обратиться съ просьбой о разрѣшенiи къ самому государю, въ увѣренности, что онъ будетъ сочувствовать ихъ цѣлямъ. Расширяясь въ составѣ, общество разнообразилось въ мнѣнiяхъ; появились въ немъ бѣшеныя головы, которыя предлагали безумные насильственные проекты, но надъ этими проектами или улыбались, или отступали въ ужасѣ. Это разнообразiе мнѣнiй повело въ 1821 г. къ распаденiю Союза благоденствiя.

Когда распался Союзъ благоденствія, тогда изъ развалинъ его возникли два новые союза, Сѣверный и Южный. Сѣверный союзъ въ первое время имѣлъ руководителемъ извѣстнаго намъ Никиту Муравьева и офицера генеральнаго штаба, статскаго совѣтника, Николая Тургенева. Онъ былъ въ то время извѣстенъ, какъ авторъ превосходной книжки теоріи налоговъ; онъ много занимался политико-экономическими вопросами; его задушевной мечтой было работать надъ освобожденіемъ крестьянъ. Въ 1823 году въ Сѣверное общество вступилъ Кондратій Рылѣевъ, отставной артиллеристъ, служившій по выборамъ петербургскаго дворянства и, вмѣстѣ, управляющій дѣлами Сѣверо-американской торговой компаніи. Онъ сталъ вождемъ Сѣвернаго общества; здѣсь господствовали конституціонно-монархическія стремленія. Гораздо рѣшительнѣе было Южное общество: оно составилось изъ офицеровъ второй арміи, расположенной въ Кіевской и Подольской губерніяхъ. Главная квартира этой арміи находилась въ Тульчинѣ (Подольской губерніи). Вождемъ Южнаго общества сталъ командиръ пѣхотнаго Вятскаго полка Пестель, сынъ бывшаго Сибирскаго генералъ-губернатора, человѣкъ образованный, умный и съ очень рѣшительнымъ характеромъ; благодаря этому вождю, въ Южномъ обществѣ получили преобладаніе республиканскія стремленія. Впрочемъ, Пестель не создавалъ опредѣленной формы правленія, въ увѣренности, что ее выработаетъ общее земское собраніе; онъ надѣялся быть членомъ этого собранія и готовилъ себѣ программу, обдумывая предметы, о которыхъ будутъ говорить на соборѣ.

Довольно трудно сказать, вышли ли бы общества, Сѣверное и Южное, на улицу подъ революціоннымъ знаменемъ, если бы не одна несчастная случайность. Императоръ Александръ былъ бездѣтенъ; престолъ послѣ него, по закону 5-го апрѣля 1797 г., долженъ былъ перейти къ слѣдующему брату, Константину, а Константинъ также былъ несчастенъ въ семейной жизни, развелся съ первой женой и женился на полькѣ; такъ какъ дѣти отъ этого брака не могли имѣть права на престолъ, то Константинъ сталъ равнодушенъ къ этому праву и въ 1822 г., въ письмѣ къ старшему брату, отказался отъ престола. Старшій братъ принялъ отказъ и манифестомъ 1823 г. назначилъ наслѣдникомъ престола слѣдующаго за Константиномъ брата—Николая. Все это было довольно просто, потому что было необходимо. Но странно, что этотъ манифестъ не былъ обнародованъ и даже доведенъ до свѣдѣнія самого новаго наслѣдника. Въ трехъ экземплярахъ этотъ манифестъ за печатью былъ положенъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ Петербургѣ—въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ съ собственноручной надписью государя: «Вскрыть послѣ моей смерти». Такимъ образомъ, Николай, говорятъ, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній объ ожидавшей его судьбѣ. Кромѣ государя и Константина знали объ этомъ только императрица-вдова, императрица-мать, да князь А. Н. Голицынъ, да еще Филаретъ, митрополитъ московскій, который редактировалъ текстъ манифеста. Ничѣмъ разумнымъ нельзя объяснить таинственность, въ какую облечено было распоряженіе о престолонаслѣдіи; надо прибавить къ этому, что дѣйствовавшее тогда общество никогда не было тайной для Александра. Разсказы о доносчикахъ, которые будто бы выдали секретъ, ничего не значатъ. Александръ все зналъ: главныхъ членовъ обоихъ союзовъ,

ихъ цѣли, читалъ даже нѣкоторые ихъ проекты. Когда Н. Тургеневъ былъ вождемъ Сѣвернаго общества, разъ ему передано было отъ имени императора увѣщаніе, было передано не какъ приказаніе, а какъ «совѣтъ одного христіанина другому». Повинуясь этому доброму совѣту и равнодушный къ формамъ правленія, къ политической программѣ тайнаго общества, занятый только мыслью объ освобожденіи крестьянъ,—Тургеневъ покинулъ Россію и вышелъ изъ общества. Тогда Рылѣевъ сталъ вождемъ Сѣвернаго союза.

Въ 1825 году Александръ поѣхалъ на югъ Россіи провожать свою больную императрицу и 19 ноября умеръ въ Таганрогѣ отъ тифозной горячки. Благодаря таинственности, которой облеченъ былъ вопросъ о престолонаслѣдіи, смерть эта сопровождалась важнымъ замѣшательствомъ: великій князь Николай принесъ присягу Константину, а въ Варшавѣ старшій братъ, Константинъ, принесъ присягу младшему, Николаю. Начались сношенія, при тогдашнихъ дорогахъ, занявшія много времени. Этимъ временемъ междуцарствія и воспользовалось Сѣверное тайное общество. Сами участники говорили, что никогда не было бы 14 декабря, если бы генералъ-губернаторъ Петербурга принялъ предупредительныя мѣры, или манифестъ о престолонаслѣдіи былъ заявленъ заранѣе. Генералъ-губернаторъ Милорадовичъ старался увѣрить себя, что частныя собранія Сѣвернаго союза имѣли только литературную цѣль; онъ хорошо зналъ цѣль этого общества.

Николай согласился принять престолъ и 14 декабря была назначена присяга войскъ и общества. Члены Сѣвернаго общества распространяли въ нѣкоторыхъ казармахъ, гдѣ популярно было имя Константина, слухъ, что Константинъ вовсе не хочетъ отказаться отъ престола, что приготовляется насильственный захватъ власти, и даже, что великій князь арестованъ. Этими слухами и увлечены были нѣкоторые гвардейскіе солдаты; значительная часть Московскаго гвардейскаго полка 14 декабря отказалась дать присягу. Съ распущенными знаменами, въ однихъ сюртукахъ солдаты бросились на Сенатскую площадь и построились здѣсь въ карре; къ нимъ присоединилась часть гвардейскаго гренадерскаго полка и весь гвардейскій морской экипажъ; всего собралось на Сенатской площади тысячи двѣ. Члены тайнаго общества наканунѣ рѣшили дѣйствовать, по настоянію Рылѣева, который, впрочемъ, былъ увѣренъ въ неуспѣхѣ дѣла, но только твердилъ «все-таки надо начать, что-нибудь выйдетъ». Диктаторомъ назначенъ былъ князь С. Трубецкой; но онъ не явился на площадь, и напрасно его искали; всѣмъ распоряжался бывшій въ отставкѣ и носившій простой сюртукъ Пущинъ, частью Рылѣевъ. Впрочемъ, карре мятежниковъ стояло въ бездѣйствіи въ продолженіе значительной части декабрьскаго дня. Великій князь Николай, собиравшій около себя полки, оставшіеся ему вѣрными и расположенные у Зимняго дворца, также оставался въ бездѣйствіи въ продолженіе значительной части дня. Одна рота, приставшая къ мятежникамъ, стремясь на Сенатскую площадь, забѣжала на внутренній дворъ Зимняго дворца, но встрѣтилась съ солдатами, которые остались вѣрными Николаю: тогда они кинулись на площадь; Николай спросилъ, куда они? «Туда», сказали солдаты, и Николай указалъ имъ дорогу, какъ пробраться къ мятежникамъ. У одного мятежника была мысль о томъ, что онъ мо-

жетъ рѣшить дѣло насильственно; положивъ въ оба кармана по заряженному пистолету, онъ помѣстился на Адмиралтейскомъ бульварѣ; мимо него нѣсколько разъ прошелъ Николай, нѣсколько разъ обращался за справкой; офицеръ хорошо зналъ, что въ обоихъ карманахъ лежитъ по пистолету, но у него не хватало духу на насиліе. Такъ, обѣ стороны спорили великодушіемъ. Наконецъ, Николая уговорили въ необходимости кончить дѣло до наступленія ночи, въ противномъ случаѣ, другая декабрьская ночь дастъ мятежникамъ возможность дѣйствовать. Пріѣхавшій только что изъ Варшавы Толь подступилъ къ Николаю. «Государь, прикажите площадь очистить картечью, или откажитесь отъ престола». Дали холостой залпъ, онъ не подѣйствовалъ; выстрѣлили картечью, — карре разсѣялось; второй залпъ увеличилъ число труповъ. Этимъ окончилось движеніе 14 декабря. Вожди были арестованы; на югѣ Муравьевъ-Апостолъ увлекъ за собою кучку солдатъ, но былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ. Верховная слѣдственная комиссія разслѣдовала дѣло, а чрезвычайный судъ произнесъ приговоръ, который былъ смягченъ новымъ государемъ. По этому приговору 5 участниковъ дѣла были наказаны смертью черезъ повѣшеніе, а остальные сосланы были въ Сибирь. Всѣхъ привлеченныхъ къ слѣдствію 131 человѣкъ. Повѣшены были вожди обоихъ союзовъ: Пастель, Рылѣевъ, Коховскій (у котораго хватило духу застрѣлить Милорадовича, когда тотъ, послѣ неудачной попытки уговорить мятежниковъ возвращался къ Николаю), Бестужевъ-Рюминъ (одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ распорядителей на площади 14 декабря) и С. Муравьевъ-Апостолъ, взятый на югѣ, въ Кіевской губерніи, съ оружіемъ въ рукахъ. Такъ кончилось это движеніе, которое, какъ мы видѣли, стало возможнымъ только благодаря стеченію неожиданныхъ обстоятельствъ *).

Событію 14 декабря придавалось значеніе, какого оно не имѣло; приписывались ему послѣдствія, которыя не изъ него вытекали. Чтобы вѣрнѣе оцѣнить его, не слѣдуетъ прежде всего забывать его наружность. По наружности это одинъ изъ тѣхъ дворцовыхъ гвардейскихъ переворотовъ, какіе происходили по смерти Петра въ продолженіе XVIII в. Въ самомъ дѣлѣ, движеніе вышло изъ гвардейскихъ казармъ, руководили имъ почти одни гвардейскіе офицеры, представители коренного, столбового русскаго дворянства. Движеніе было поднято по вопросу о престолонаслѣдіи, какъ поднимались всѣ движенія XVIII в. и на знамени движенія было написано личное имя. Въ движеніи 14 декабря столько сходства съ гвардейскими переворотами XVIII в., что современники, наблюдавшіе это событіе, не могли не вспомнить о гвардейскихъ переворотахъ. Въ любопытнѣйшей запискѣ пріѣхавшаго около того времени въ Петербургъ родственника императрицы-

*) Я изложилъ событіе 14 декабря кратко, имѣя въ виду книгу, къ которой можно обратиться для болѣе близкаго знакомства съ событіемъ: это «Восшествіе императора Николая на престолъ», барона Корфа (сочиненіе, изданное по Высочайшему повелѣнію); книга очень вѣрно воспроизводитъ событія, только не всѣ; подробное изложеніе замѣтки о престолонаслѣдіи; мимоходомъ описывается исторія тайнаго общества, какъ и условія его подготовленія. Книга эта была составлена по желанію покойнаго государя, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, и долго хранилась въ рукописи, потомъ была нѣсколько разъ напечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не выходила изъ стѣнъ дворца, она была обнародована только по вступленіи на престолъ Александра II.

матери принца Евгенія Вюртембергскаго мы находимъ слѣдующій характерный разсказъ. Когда получена была въ Петербургѣ вѣсть о кончинѣ государя, незадолго до 14 декабря, принцъ Евгеній встрѣтилъ во дворцѣ петербургскаго генералъ-губернатора, графа Милорадовича, который, разговорившись о положеніи дѣлъ, выразилъ принцу сомнѣніе въ успѣхѣ дѣла, т. е. въ успѣхѣ присяги великому князю Николаю, такъ какъ гвардія, по словамъ Милорадовича, очень привязана къ Константину. «О какомъ успѣхѣ говорите вы, графъ?» сказалъ Евгеній,—«я жду естественнаго перехода престола къ великому князю Николаю въ случаѣ, если Константинъ будетъ настаивать на отреченіи; при чемъ тутъ гвардія?—«Я съ вами согласенъ», отвѣчалъ Милорадовичъ, «гвардіи, понятно, не слѣдовало мѣшаться въ это, но она уже испоконъ вѣка привыкла къ этому и сроднилась съ такимъ понятіемъ». Итакъ, люди 14 декабря сдѣлали дѣло, какъ не разъ дѣлали его въ продолженіе XVIII в. Теперь въ послѣдній разъ русская дворянская гвардія хотѣла распорядиться престоломъ, а потомъ гвардія перестала быть дворянской.

Несмотря на все сходство движенія 14 декабря съ дворцовыми переворотами XVIII в., оно вмѣстѣ съ тѣмъ существеннно отличается отъ послѣднихъ. Отличіе это заключается не только въ характерѣ вождей движенія, но и въ цѣли. Знамя, на которомъ было написано личное имя Константина, выкинуто было только для солдатъ, которыхъ увѣряли, что они возстаютъ за угнетенныхъ—великаго князя Константина и за его супругу «Конституцію» (великій князь былъ женатъ на полькѣ, а польки-де иногда носятъ очень странныя имена). Вожди движенія были одинаково равнодушны къ обоимъ именамъ: они дѣйствовали не во имя лица, а во имя порядка. Ни одно гвардейское движеніе XVIII в. не имѣло цѣлью новаго государственнаго порядка. Впрочемъ, это было только стремленіе къ новому порядку; самый порядокъ не былъ выработанъ вождями движенія. Выходя на улицу, они не несли за собою опредѣленнаго плана государственнаго устройства; они просто хотѣли воспользоваться замѣшательствомъ при дворѣ для того, чтобы вызвать общество къ дѣятельности. Планъ былъ таковъ: въ случаѣ удачи обратиться къ Государственному Совѣту и сенату съ предложеніемъ образовать временное правительство изъ 5 членовъ; были даже намѣчены эти члены; между ними рядомъ съ Пестелемъ, самой дѣльной головой въ тайномъ обществѣ, долженъ былъ сѣсть и знакомый намъ М. М. Сперанскій. Временное правительство должно было руководить дѣлами до собранія Земской думы, той самой Земской думы, планъ которой проектировалъ Александръ со Сперанскимъ въ преобразовательномъ проектѣ. Земская дума, какъ учредительное собраніе, и должна была разработать новое государственное устройство. Такимъ образомъ вожди движенія поставили себѣ цѣлью новый порядокъ, предоставивъ выработку этого порядка представителямъ земли; значитъ, движеніе было вызвано не опредѣленнымъ планомъ государственнаго устройства, а болѣе накипѣвшими чувствами, которыя побуждали, какъ бы то ни было, направить дѣло по другой колеѣ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ надобности приписывать этому движенію особенно важныя послѣдствія. Одинъ высокопоставленный сановникъ, встрѣтивъ одного изъ арестованныхъ декабристовъ, своего добраго знакомаго, князя Евгенія Оболенскаго, съ ужасомъ воскликнулъ: «Что вы надѣлали, князь? Вы

отодвинули Россію, по крайней мѣрѣ, на 50 лѣтъ назадъ». Это мнѣніе утвердилось впослѣдствіи; событіе 14 декабря считали великимъ несчастьемъ, которое опредѣлило характеръ слѣдующаго царствованія, какъ извѣстно, очень нелиберальнаго. Это—совершенно ложное представленіе; характеръ слѣдующаго царствованія опредѣлился не 14 декабря; это царствованіе имѣло бы тотъ же характеръ и безъ 14 декабря; оно было прямымъ продолженіемъ послѣдняго десятилѣтія царствованія Александра. Еще ранѣе 14 декабря предшественникъ Николая уже рѣшительно вступилъ на ту дорогу, по которой шелъ его преемникъ. При томъ мысль, чтобы мятежъ 14 декабря могъ отодвинуть Россію на 50 лѣтъ назадъ, невѣроятна уже потому, что въ послѣднія 50 лѣтъ она не много сдѣлала шаговъ впередъ; отодвинуться никуда было. Такое значеніе 14 декааря придавали, также помня фразу, которая не разъ срывалась съ языка Николая въ продолженіе его царствованія; при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь досаднымъ проявленіемъ вольнаго духа въ обществѣ онъ иногда говаривалъ: «Ah, ce sont toujours mes amis de quatorse». Но напрасно было придавать этимъ словамъ буквальное значеніе. 14 декабря не было причиной направленія слѣдующаго царствованія, оно само было однимъ изъ послѣдствій той причины, которая сообщила такое направленіе слѣдующему царствованію. Причина эта заключалась въ исходѣ, какой имѣли всѣ преобразовательныя начинанія Александра.

Намъ извѣстны начинанія Александра I; всѣ они были безуспѣшны. Лучшія изъ нихъ тѣ, которыя остались безплодными, другія имѣли худшій результатъ, т. е. ухудшили положеніе дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, мечты о конституціонномъ порядкѣ осуществлены были на западномъ краѣ Россіи, въ Царствѣ Польскомъ. Дѣйствіе этой конституціи причинило неисчислимый вредъ исторіи. Вредъ этотъ имѣлъ случай почувствовать самъ виновникъ польской конституціи. За пожалованную конституцію поляки вскорѣ отплатили упорной оппозиціей на сеймѣ, которая заставила отмѣнить публичность засѣданій и установить въ Польшѣ, помимо конституціи, управленіе въ чисто русскомъ духѣ. Однимъ изъ лучшихъ законовъ первыхъ лѣтъ былъ указъ 3-го марта 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ; на этотъ законъ возлагали большія надежды, думали, что онъ подготовитъ постепенно и мирно освобожденіе крестьянъ. Лѣтъ за 20 со времени изданія закона вышло на волю по добровольному соглашенію съ помѣщиками 30 тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ, т. е. около 0,3% всего крѣпостного населенія имперіи (по 6 ревизій въ 1818 г. его считалось до 10 мил. ревизскихъ душъ). Къ такому микроскопическому результату привелъ законъ, надѣлавшій столько движенія. Даже и административныя реформы, новыя центральныя учрежденія, вовсе не внесли ожидаемаго обновленія въ русскую жизнь, зато усилили очень замѣтно нескладицу въ русскомъ административномъ механизмѣ. До тѣхъ поръ въ центрѣ, какъ и въ провинціи, дѣйствовали, по крайней мѣрѣ по наружности, коллегіальныя учрежденія. Государственный Совѣтъ, сенатъ и комитетъ министровъ—были построены на томъ же коллегіальномъ началѣ, какое проведено было въ губернскихъ учрежденіяхъ Екатерины, а учрежденія, служившія посредниками между тѣми и другими министерствами и главнымъ управленіемъ, были основаны на началѣ единоличной отвѣтственности своихъ управителей; верхъ и

низъ управленія построены были на иномъ началѣ, не на томъ, на какомъ держалась средина управленія; это—система передаточныхъ учрежденій. Вообще, если бы сторонній наблюдатель, который имѣлъ случай ознакомиться съ русскимъ государственнымъ порядкомъ и съ русской общественной жизнью въ концѣ царствованія Екатерины, потомъ воротился бы въ Россію въ концѣ царствованія Александра и внимательно вглядѣлся бы въ русскую жизнь, онъ не замѣтилъ бы, что была эпоха правительственныхъ и соціальныхъ преобразованій; онъ не замѣтилъ бы царствованія Александра.

Въ чемъ заключалась причина этой безуспѣшности этихъ преобразовательныхъ начинаній? Она заключалась въ ихъ внутренней непослѣдовательности, на которую я имѣлъ уже случай указать. Въ этой непослѣдовательности историческая оцѣнка дѣятельности Александра. Новыя правительственныя учрежденія, осуществленныя или только задуманныя, основаны были на началѣ законности, т. е. на идеѣ твердаго и для всѣхъ одинаковаго закона, который долженъ былъ стѣснить произволъ во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни, въ управленіи, какъ и въ обществѣ. Но по молчаливому или гласному признанію дѣйствующаго закона, цѣлая половина населенія имперіи, котораго тогда считалось свыше 40 милліоновъ душъ обоего пола, цѣлая половина этого населенія зависѣла не отъ закона, а отъ личнаго произвола владѣльца; слѣдовательно, частныя гражданскія отношенія не были согласованы съ основаніями новыхъ государственныхъ учрежденій, которыя были введены или задуманы. По требованію исторической логики новыя государственныя учрежденія должны были стать на готовую почву новыхъ согласованныхъ гражданскихъ отношеній, должны были вырастать изъ отношеній, какъ слѣдствіе выростаетъ изъ своихъ причинъ. Императоръ и его сотрудники рѣшились вводить новыя государственныя учрежденія раньше, чѣмъ будутъ созданы согласованныя съ ними гражданскія отношенія, хотѣли построить либеральную конституцію въ обществѣ, половина котораго находилась въ рабствѣ, т. е. они надѣялись добиться послѣдствій раньше причинъ, которыя ихъ производили. Мы знаемъ и источникъ этого заблужденія; онъ заключается въ преувеличенномъ значеніи, какое тогда придавали формамъ правленія. Люди тѣхъ поколѣній были увѣрены, что всѣ части общественныхъ отношеній измѣнятся, всѣ частные вопросы разрѣшатся, новыя права водворятся, какъ только будетъ осуществленъ нарисованный смѣлой рукой планъ государственнаго устройства, т. е. система правительственныхъ учрежденій. Они расположены тѣмъ болѣе были къ такому мнѣнію, что гораздо легче ввести конституцію, чѣмъ вести мелкую работу изученія дѣйствительности, работу преобразовательную. Первую работу можно начертать въ короткое время и пожать славу; результаты второй работы никогда не будутъ оцѣнены, даже замѣчены, современниками и представляютъ очень мало пищи для историческаго честолюбія.

На той же точкѣ зрѣнія, на какой стоялъ Александръ I и его сотрудники, стояли и люди 14 декабря; если они о чемъ размышляли и толковали много, то о тѣхъ формахъ, въ какія долженъ облечься государственный порядокъ, о той же конституціи. Правда, все, что они проектировали опредѣленнаго и практически исполнимаго, все

было уже сказано раньше ихъ въ проектѣ Сперанскаго. Они касались и частныхъ гражданскихъ отношеній, т. е. взаимныхъ отношеній лицъ и сословій, но ихъ мысли касались этого, какъ язвы отечества, не зная, какъ устранить, какимъ строемъ отношеній замѣнить дѣйствующій общественный порядокъ. Какъ сотрудники Александра, такъ и люди 14 декабря, односторонне увлеченные идеей личной и общественной свободы, совсѣмъ не понимали экономическихъ отношеній, которыя служатъ почвой для политическаго порядка. Эта односторонность тѣхъ и другихъ, и воспитателей и воспитанниковъ (ибо декабристы были воспитанниками Александра и Сперанскаго), особенно рѣзко выразилась въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ. Какъ правительство Александра, такъ и декабристы были въ большой увѣренности, что стоитъ дать крестьянамъ личную свободу, чтобы обезпечить ихъ благоденствіе; о матеріальномъ ихъ положеніи, объ отношеніи ихъ къ землѣ, объ обезпеченіи ихъ труда они или не думали, или думали очень мало.

Итакъ, я не приписываю движенію 14 декабря ни того значенія, ни тѣхъ послѣдствій, которыя ему приписываютъ. Но было послѣдствіе одно очень важное въ исторіи одного сословія, именно дворянства; до тѣхъ поръ дворянство было классомъ правящимъ въ русскомъ обществѣ; какъ мы знаемъ, такое политическое положеніе его создано было главнымъ образомъ участіемъ дворянской гвардіи въ дворцовыхъ переворотахъ XVIII в. Движеніе 14 декабря было послѣднимъ гвардейскимъ дворцовымъ переворотомъ; имъ кончается политическая роль русскаго дворянства. Оно еще останется нѣкоторое время паи дѣлахъ, какъ сословіе, будетъ принимать дѣятельное участіе въ областныхъ учрежденіяхъ, но оно уже перестанетъ быть правящимъ классомъ, а превратится въ такое же орудіе правительства, въ такое же вспомогательное средство бюрократическихъ учрежденій, какимъ оно было въ старыя времена, въ XVII ст. Въ этомъ заключается, по моему мнѣнію, самое важное послѣдствіе 14 декабря. Не только по закону, но и по нравственнымъ средствамъ, дворянство должно было потерять послѣ того прежнее значеніе. Послѣ 14 декабря пошли за Уралъ лучшіе люди сословія, послѣ которыхъ осталось много мѣстъ, не занятыхъ въ продолженіе слѣдующаго царствованія. Это была потеря, которую было трудно вознаградить и при болѣе обильномъ запасѣ нравственныхъ силъ сословія. Изъ него выбыло столько дѣльцовъ, которые могли возстановить и усилить политическій авторитетъ сословія, если бы остались въ рядахъ. Въ слѣдующее царствованіе дворянство не могло имѣть прежняго значенія уже потому, что оскудѣло силами послѣ катастрофы 14 декабря. Теперь обратимся къ краткому обзору слѣдующаго царствованія и прежде всего укажемъ тѣ истинные источники, изъ которыхъ вытекло его направленіе.

Царствованіе Николая I.

Я сдѣлаю краткій обзоръ главныхъ явленій въ царствованіе Николая, ограничиваясь, впрочемъ, только событіями жизни правительственной и социальной. Съ этими двумя процессами, измѣненіемъ правительственнаго порядка и перестройкой общественныхъ отношеній,

связаны всѣ главнѣйшія явленія этого времени. Царствованіе Николая обыкновенно считаютъ реакціей, направленной не только противъ стремленій, которыя были заявлены людьми 14 декабря, но и противъ всего предшествовавшаго царствованія. Такое сужденіе едва ли вполнѣ справедливо; предшествовавшее царствованіе въ разное время преслѣдовало неодинаковыя стремленія, ставило себѣ неодинаковыя задачи. Какъ мы видѣли, въ первую половину его господствовало стремленіе дать имперіи политическій порядокъ, построенный на новыхъ основаніяхъ, а потомъ уже подготовить частныя отношенія, согласуя ихъ съ новымъ политическимъ порядкомъ; говоря проще, въ первой половинѣ господствовала надежда, что можно дать странѣ политическую свободу, сохранивъ на время рабство. Потомъ, когда обнаружилась нелогичность этой задачи, надо было бы перейти отъ первой ея половины ко второй, т. е. къ предварительной перестройкѣ частныхъ общественныхъ отношеній: но тогда уже не хватило энергіи, и вторая задача разрѣшалась безъ надежды и безъ желанія разрѣшить первую. Эту вторую задачу усвоилъ себѣ преемникъ Александра. Отказавшись отъ перестройки государственнаго порядка на новыхъ основаніяхъ, онъ хотѣлъ устроить частныя общественныя отношенія, чтобы на нихъ можно было потомъ выстроить новый государственный порядокъ. Я считаю царствованіе Николая прямымъ логическимъ продолженіемъ второй половины предшествовавшаго царствованія. Такая, болѣе скромная задача царствованія Николая I объясняется отчасти личными свойствами новаго императора.

Императоръ Николай I родился въ іюнѣ 1796 года, слѣдовательно, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти своей бабушки; онъ принадлежалъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Михаиломъ ко второму поколѣнію сыновей Павла и получилъ поэтому иное воспитаніе, не похожее на то, какое дано было старшимъ братьямъ—Александру и Константину. Онъ воспитанъ былъ кое-какъ, совсѣмъ не по программѣ Руссо. Третій братъ готовилъ себя къ очень скромной военной карьерѣ; его не посвящали въ вопросы высшей политики, не давали ему участія въ серіозныхъ государственныхъ дѣлахъ. До 18 л. онъ даже вовсе не имѣлъ опредѣленныхъ служебныхъ занятій; только въ этомъ году его назначили директоромъ инженернаго корпуса и дали ему въ команду одну гвардейскую бригаду, слѣдовательно, два полка.

Вступленіе Николая I на престолъ, какъ мы знаемъ, было чистою случайностью. Но не имѣя серіозныхъ занятій, великій князь каждое утро проводилъ по нѣсколько часовъ во дворцовыхъ переднихъ, теряясь въ толпѣ ждавшихъ аудіенціи или доклада. При немъ, какъ при третьемъ братѣ, не стѣснялись; великій князь могъ наблюдать людей въ томъ видѣ, какъ они держались въ передней, т. е. въ удобнѣйшемъ для ихъ наблюденія видѣ. Онъ здѣсь узналъ отношенія, лица, интриги и порядки, такъ какъ въ той сферѣ, гдѣ онъ вращался интриги были синонимомъ порядка. Эти мелкія познанія очень понадобились ему на престолѣ; онъ вступилъ на престолъ съ очень скромнымъ запасомъ политическихъ идей, которыхъ такъ много принесъ сюда его старшій братъ. Вотъ почему онъ могъ взглянуть на существующій порядокъ съ другой стороны, съ какой рѣдко удается взглянуть на него монарху. Александръ смотрѣлъ на Россію сверху, со своей философской политической высоты; а какъ мы знаемъ, на

извѣстной высотѣ реальныя очертанія или неправильности жизни исчезаютъ. Николай имѣлъ возможность взглянуть на существующее снизу, оттуда, откуда смотрятъ на сложный механизмъ рабочіе, не руководствуясь идеями, не строя плановъ. Николай поставилъ себѣ задачей ничего не перемѣнять, не вводить ничего новаго въ основаніяхъ, а только поддерживать существующій порядокъ, восполнять пробѣлы, чинить обнаружившіяся ветхости помощью практическаго законодательства, и все это дѣлать безъ всякаго участія общества, даже съ подавленіемъ общественной самостоятельности, одними правительственными средствами; но онъ не снялъ съ очереди тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые были поставлены въ прежнее царствованіе, и, кажется, понималъ ихъ жгучесть еще сильнѣе, чѣмъ его предшественникъ. Итакъ, консервативный и бюрократическій образъ дѣйствія— вотъ характеристика новаго царствованія; поддержать существующее помощью чиновниковъ — еще такъ можно обозначить этотъ характеръ.

Въ первое время, можетъ быть, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавно пережитыхъ событій, новый императоръ былъ близокъ къ мысли о реформахъ, но онъ поставилъ себѣ ближайшей задачей предварительно войти въ положеніе дѣлъ, и принялся усердно изучать самыя грязныя подробности. Онъ самъ лично ревизовалъ ближайшія столичныя учрежденія; бывало, налетитъ въ какую-нибудь казенную палату, напугаетъ чиновниковъ и уѣдетъ, давъ всѣмъ почувствовать, что онъ знаетъ не только ихъ дѣла, но и ихъ продѣлки. Въ губерніи онъ разослалъ довѣренныхъ сановниковъ для производства строгой ревизіи. Вскрывались ужасающія подробности; обнаруживалось, напр., что въ Петербургѣ, въ центрѣ, ни одна касса никогда не провѣрялась; всѣ денежные отчеты составлялись завѣдомо фальшиво; нѣсколько чиновниковъ съ сотнями тысячъ пропали безъ вѣсти. Въ судебныхъ мѣстахъ находилось въ произвоствѣ два милліона дѣлъ, по которымъ въ тюрьмахъ сидѣло 127 тысячъ человѣкъ. Сенатскіе указы оставлялись безъ послѣдствій подчиненными учрежденіями. Губернаторамъ назначенъ былъ годовой срокъ для очистки неисполненныхъ дѣлъ, императоръ сократилъ его до трехъ мѣсяцевъ, давъ неисправнымъ губернаторамъ положительное и прямое обѣщаніе отдать ихъ подъ судъ. Чтобы поправить дѣйствіе правительственнаго механизма, столь разстроеннаго, составлена была комиссія, извѣстная подъ именемъ комиссіи сенатора Энгеля. Комиссія должна была выработать проектъ новаго судебнаго устройства. Выработанный проектъ отличался очень либеральными началами: уничтожалось тайное канцелярское производство, вводилась несмѣняемость судей и болѣе строгое раздѣленіе судебныхъ дѣлъ отъ административныхъ. Императоръ вполнѣ одобрилъ эти проекты, но нашелъ ихъ болѣе разсчитанными на будущее, чѣмъ на настоящее, и оставилъ ихъ безъ послѣдствій. Въ этомъ отношеніи императора къ преобразовательнымъ проектамъ и выразилось основное начало, которымъ онъ руководился; онъ одобрялъ всѣ хорошія предложенія, которыя могли поправить дѣло, но никогда не рѣшался ихъ осуществить. Итакъ, поддерживать существующій порядокъ — вотъ программа новаго правительства. Для того, чтобы существующій порядокъ дѣйствовалъ правильно, надо было дать учрежденіямъ строгій кодексъ. Надъ созданіемъ такого кодекса работали съ 1700 г.,

и дѣло не удавалось. Такой кодексъ могъ быть выработанъ при указанной программѣ; если рѣшено поддерживать существующій порядокъ, то въ сводъ законовъ должны быть взяты существующія узаконенія; новый сводъ законовъ долженъ быть сводомъ законовъ дѣйствующихъ, а не кодексомъ, созданнымъ отвлеченной мыслью. Эту задачу прежде всего и взялся разрѣшить Николай. Для этого онъ учредилъ при себѣ особое отдѣленіе Собственной канцеляріи (II отдѣленіе) и въ руководители дѣла призвалъ лицо, давно искусившееся въ этой работѣ, знакомаго намъ М. М. Сперанскаго. Сперанскій, послѣ ссылки, былъ назначенъ Пензенскимъ губернаторомъ, потомъ генералъ-губернаторомъ Сибири, изучилъ обширную Сибирь и составилъ проектъ новаго ея устройства, съ которымъ и пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1821 г. Его оставили въ Государственномъ Совѣтѣ, хотя онъ не пользовался прежнимъ вліяніемъ; Николай рѣшительно признавалъ его жертвою политическихъ интригъ и при этомъ ссылался на признаніе своего старшаго брата, будто бы когда то сказавшаго ему, что онъ въ долгу у Сперанскаго, что онъ тогда не могъ сладить съ интригой, хотя зналъ, что обвиненіе, взводимое на Сперанскаго,— клевета. Сперанскій еще въ 1811 г. началъ каяться въ своихъ широкихъ политическихъ затѣяхъ, сознавая всю ихъ преждевременность и непригодность, а теперь онъ къ тому же прошелъ отличную административную школу, ибо что можно представить себѣ лучше для назиданія и знакомства съ дѣломъ, какъ ссылка и губернаторство. Сперанскому поручено было составленіе свода законовъ. Вылѣчившись отъ затѣй, Сперанскій сохранилъ трудолюбіе своей молодости и теперь въ короткое время совершилъ изумительныя дѣла по программѣ, ему заданной. Прежде всего изъ разныхъ канцелярій и архивовъ онъ стянулъ къ себѣ всѣ указы, начиная съ Уложенія 1649 г. и кончая послѣднимъ указомъ императора Александра I. Всѣ эти указы, уставы и регламенты онъ расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ и напечаталъ ихъ, давъ сборнику заглавіе «Собраніе законовъ Россійской имперіи». Это сборникъ 45 громадныхъ томовъ, каждый изъ которыхъ не всякій осилитъ поднять. Въ этотъ сборникъ вошло 30939 номеровъ. Сборникъ, за составленіе котораго Сперанскій принялся въ 1826 г., изданъ былъ въ 30-мъ съ приложеніемъ рисунка, табели и различныхъ указаній. До сихъ поръ это полное собраніе матеріаловъ остается основнымъ для исторіи русскаго законодательства. Это полное собраніе законовъ онъ и положилъ въ основаніе дѣйствующихъ законовъ; изъ различныхъ указаній онъ бралъ годныя къ дѣйствію узаконенія, облекалъ ихъ въ краткія статьи, примѣняясь къ тексту подлинника, и съ ссылками на источникъ эти статьи расположилъ въ въ систематическомъ порядкѣ, сводя ихъ въ особыя уставы. Такъ составился «сводъ законовъ Россійской имперіи», изданный въ 1833 г. въ 15 томахъ. Въ большей части своего состава этотъ памятникъ доселѣ остается дѣйствующимъ у насъ кодексомъ.

«Сводъ законовъ Россійской имперіи» расположенъ въ систематическомъ порядкѣ. Въ первыхъ 3-хъ томахъ изложены законы «основные и учредительные», т. е. опредѣляющіе предѣлы власти и порядокъ дѣлопроизводства правительственныхъ учрежденій, Государственнаго Совѣта, сената, министерствъ, губернскаго управленія и т. д. Въ дальнѣйшихъ 5-ти томахъ (въ 4, 5, 6, 7 и 8) изложены законы «госу-

дарственныхъ силъ», т. е. средствъ, которыми питается государство, законы о государственныхъ повинностяхъ, доходахъ и имуществѣ. Въ 9-мъ томѣ изложены законы «о состояніяхъ», т. е. о сословіяхъ. Въ 10-мъ томѣ изложены законы гражданскіе и межевые. Въ 4-хъ дальнѣйшихъ (11, 12, 13 и 14-мъ) — законы «государственнаго благоустройства и благочинія», т. е. полицейскіе, и въ послѣднемъ (15-мъ томѣ)—законы уголовные. Вотъ строй законовъ, въ которомъ каждая статья не представляетъ ничего новаго, а извлечена изъ изданнаго закона и только нашла мѣсто въ общей системѣ. Такимъ образомъ, Сводъ законовъ составился изъ 45 т. статей; это слишкомъ много законовъ, чтобы знать ихъ; обиліе законовъ есть главный недостатокъ Свода, и самъ Сперанскій сознавалъ это. Дальнѣйшія узаконенія присоединялись къ Своду, какъ дополненіе, и теперь такихъ статей—свыше 100 тысячъ. Сперанскій смотрѣлъ на Сводъ законовъ только какъ на подготовительную, черновую работу для выработки удопримѣнимаго кодекса. Трудно представить себѣ памятникъ, болѣе выражающій основную мысль царствованія—ничего не вводить новаго и только чинить и приводить въ порядокъ старое. Сводъ законовъ, сказалъ я, изданъ былъ въ 1833 году; но кромѣ того, Сперанскій приводилъ въ порядокъ цѣлый рядъ спеціальныхъ и мѣстныхъ законодательствъ; такъ, ему принадлежитъ Сводъ военныхъ постановленій въ 12 томахъ; Сводъ законовъ остзейскихъ и западныхъ губерній; Сводъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Сводъ законовъ и долженъ былъ стать руководствомъ для дѣятельности правительственныхъ учрежденій. Легко предвидѣть, въ какомъ направленіи долженъ былъ измѣниться правительственный порядокъ. Основанія правительственнаго строя остались прежнія, но взявшись руководить громадной имперіей безъ всякаго участія общества, Николай долженъ былъ усложнять механизмъ центральнаго управленія. Вотъ почему въ его царствованіе создавалось громадное количество либо новыхъ департаментовъ въ старыхъ учрежденіяхъ, либо новыхъ канцелярій, комиссій и т. д. Все это время было эпохой необозримаго количества комитетовъ и комиссій, которые создавались для каждаго новаго государственнаго вопроса. Всего лучше выразилась мысль этихъ правительственныхъ перемѣнъ въ созданіи цѣлаго сложнаго управленія.

Самъ руководя важнѣйшими дѣлами, входя въ ихъ разсмотрѣніе, императоръ долженъ былъ имѣть собственную канцелярію; такая канцелярія и создана была 4-мя отдѣленіями подъ такимъ названіемъ— Собственная Его Величества Канцелярія, существующая и доселѣ, только не въ полномъ комплектѣ отдѣленій. Вотъ перечень этихъ отдѣленій, который, можетъ быть, понадобится, чтобы увидѣть, какимъ кругомъ дѣлъ хотѣлъ непосредственно руководить носитель государственной власти. I Отдѣленіе подготовляло бумаги для доклада императору и слѣдило за исполненіемъ Высочайшихъ повелѣній; II Отдѣленіе образовалось изъ бывшей комиссіи составленія законовъ, занималось кодификаціей законовъ и состояло подъ управленіемъ Сперанскаго до смерти его въ 1839 году, III Отдѣленію поручены были дѣла высшей полиціи, подъ управленіемъ начальника, который былъ вмѣстѣ и шефомъ жандармовъ (теперь это Отдѣленіе упразднено); IV Отдѣленіе управляло благотворительными воспитательными заведеніями, начало которымъ положено было императрицей-вдовой

Маріей Феодоровной; это — вѣдомство Императрицы Маріи. При Николаѣ существовало даже V Отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи — для подготовки новаго порядка управленія государственными имуществами, о чемъ мы скажемъ послѣ.

Областное управленіе при Николаѣ I осталось на прежнихъ основаніяхъ, даже въ прежнемъ видѣ; оно не было усложнено, подобно центральному, подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ только управленіе сословное, дворянское. Какъ мы знаемъ, дворянству было предоставлено учрежденіями 1775 г. рѣшительное господство въ мѣстномъ управленіи. При императорѣ Павлѣ упразднены были нѣкоторыя изъ судебныхъ и губернскихъ учрежденій; при Александрѣ было даже нѣсколько расширено участіе дворянства въ мѣстномъ управленіи. Не касаясь всѣхъ подробностей, укажу, что по учрежденіямъ 1775 г. судебныя палаты (уголовная и гражданская, служившія высшей инстанціей для сословныхъ высшихъ учрежденій, напр., губернскаго магистрата, верхняго земскаго суда) не имѣли сословнаго характера, состояли изъ членовъ отъ короны. По закону 1780 г. предоставлено было дворянству и купечеству выбирать по два засѣдателя въ обѣ палаты, которыя дѣйствовали вмѣстѣ съ предсѣдателемъ и совѣтникомъ отъ короны, По закону 1831 г. дворянству предоставлено было право выбирать предсѣдателей обѣихъ палатъ. Такимъ образомъ и общій судъ, несословный, въ губерніи отданъ былъ въ распоряженіе дворянства, но зато было ограничено право участія дворянства въ губернскомъ управленіи установленіемъ ценза. Въ губернскихъ учрежденіяхъ 1775 г. на дворянскихъ съѣздахъ право выбора имѣлъ каждый потомственный дворянинъ или высшій штабъ-офицерскій чинъ. Положеніе 1831 года точнѣе опредѣляло участіе дворянъ въ съѣздахъ и выборахъ: именно, одни дворяне могли участвовать въ съѣздахъ съ голосомъ, другіе безъ голоса. Право участвовать съ голосомъ имѣлъ потомственный дворянинъ, достигшій 21 года, имѣвшій недвижимую собственность въ губерніи, получившій на дѣйствительной службѣ, по крайней мѣрѣ, чинъ 14 класса или служившій три года по дворянскимъ выборамъ; вотъ главныя условія. Не удовлетворявшіе имъ потомственные дворяне участвовали въ съѣздахъ безъ голоса. При томъ и право голоса было двоякое: одни дворяне подавали голосъ во всѣхъ дѣлахъ, обсуждавшихся въ собраніи, другіе во всѣхъ, кромѣ выборовъ; право участвовать во всѣхъ дѣлахъ и въ выборахъ предоставлено было потомственнымъ дворянамъ, которые имѣли въ губерніи не менѣе 100 душъ крестьянъ или не менѣе 3000 десятинъ удобной, хотя и незаселенной, земли. Голосъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ выбора, принадлежалъ потомственнымъ дворянамъ, которые имѣли въ губерніи не менѣе 5 душъ или 150 десятинъ земли. Одинъ разрядъ дворянъ имѣлъ право непосредственнаго права голоса, другой посредственный голосъ черезъ уполномоченныхъ; именно, мелкіе участки складывались въ одно, такъ, чтобы ихъ совокупность составляла нормальный участокъ въ 100 душъ, и выбирали одного уполномоченнаго на дворянскій съѣздъ. Закономъ 1837 г. усложнено было устройство земской полиціи, какъ извѣстно, руководимой дворянствомъ. Исправникъ, начальникъ уѣздной полиціи, дѣйствовалъ по-прежнему, но каждый уѣздъ раздѣленъ на станы, и во главѣ стана поставленъ былъ становой; становой—коронный чиновникъ, который назначается губернскимъ управленіемъ, только по

рекомендаціи дворянскаго собранія. Принимая во вниманіе всѣ перемѣны, внесенныя въ губернское управленіе, слѣдуетъ сказать, что вліяніе дворянства на мѣстное управленіе не было усилено; расширено было участіе, но вмѣстѣ и ослаблено введеніемъ цензовъ и сочетаніемъ выборныхъ должностей съ коронными. До сихъ поръ дворянство было руководящимъ классомъ въ мѣстномъ управленіи; со времени изданія законовъ 1831 и 1837 гг. дворянство стало вспомогательнымъ средствомъ коронной администраціи, полицейскимъ орудіемъ правительства.

Вотъ и всѣ важныя перемѣны, какія были внесены въ центральное и губернское управленіе. Легко замѣтить, что этими перемѣнами нарушено было равновѣсіе между тѣмъ и другимъ; центральное управленіе было страшно расширено, и въ немъ получила необыкновенное развитіе канцелярія; мѣстное управленіе осталось въ прежней формѣ. Если мы представимъ усиленную дѣятельность, какая внесена была императоромъ въ учрежденія, то намъ понятенъ будетъ главный недостатокъ управленія. Всѣ дѣла велись канцелярскимъ порядкомъ, черезъ бумагу; размноженныя центральныя учрежденія ежегодно выбрасывали въ канцеляріи палатъ десятки-сотни тысячъ бумагъ, по которымъ эти палаты и канцеляріи должны были чинить исполненія. Этотъ непрерывный бумажный потокъ, лившійся изъ центра въ губерніи, наводнялъ мѣстныя учрежденія, отнималъ у нихъ всякую возможность обсуждать дѣла, всѣ торопились очищать ихъ; не исполнить дѣло, а очистить бумагу—вотъ что стало задачей мѣстной администраціи; всѣ цѣли общественнаго порядка, который охранялся администраціей, всѣ свелись къ опрятному содержанію писаннаго листа бумаги; общество и его интересы отодвинулись передъ чиновникомъ далеко на задній планъ. Все управленіе представляло громадный и не совсѣмъ правильный механизмъ, который безъ устали работалъ, но который былъ гораздо шире, тяжелѣе на верху, чѣмъ внизу, такъ что нижнія части и колеса подвергались опасности треснуть отъ слишкомъ усиленной дѣятельности въ верхнихъ. Чѣмъ больше развивался такой механизмъ, тѣмъ менѣе оставалось у руководителей его возможности слѣдить за дѣйствіемъ его частей. Никакой механизмъ не могъ усмотрѣть за работой всѣхъ колесъ, за ихъ ломкой и своевременной починкой. Такимъ образомъ, руководство дѣлами уходило съ центра внизъ; каждый министръ могъ только, посмотрѣвъ на всю эту громадную машину государственнаго порядка, махнуть рукой и предоставить все волѣ случая; настоящими двигателями этого порядка стали низшіе чиновники, которые очищали бумаги. Этотъ недостатокъ и выраженъ былъ самимъ наблюдательнымъ императоромъ, который сказалъ разъ, что Россіей правитъ не императоръ, а столоначальники. Такой видъ представляло зданіе бюрократизма, какъ оно было поставлено въ это царствованіе, т. е. какъ оно было тогда завершено.

Достигъ ли этотъ бюрократическій механизмъ государственной цѣли лучше, чѣмъ прежде,—на это даетъ простой отвѣтъ одна цифра. Въ началѣ царствованія императоръ пришелъ въ ужасъ, узнавъ, что только по вѣдомству юстиціи во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ имъ произведено 2.800,000 дѣлъ. Въ 1842 году министръ юстиціи представилъ государю отчетъ, въ которомъ значилось, что во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ имперіи не очищено еще 33,000,000 дѣлъ, которыя

изложены, по меньшей мѣрѣ, на 33,000,000 писанныхъ листовъ. Вотъ какихъ результатовъ достигло бюрократическое зданіе, завершенное въ это царствованіе. Накопленіе бумагъ однако вовсе не улучшило исправности и отчетности учрежденій. Подъ покровомъ канцелярской тайны совершались дѣла, которыя даже теперь кажутся чистыми сказками. Въ концѣ 20-хъ годовъ и въ началѣ 30-хъ производилось одно громадное дѣло о нѣкоемъ откупщикѣ; это дѣло вели 15 для того назначенныхъ секретарей, не считая писцовъ; дѣло разросталось до ужасающихъ размѣровъ, до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ листовъ. Одинъ экстрактъ дѣла, приготовленный для доклада, изложенъ былъ на 15 тысячахъ листахъ. Велѣно было, наконецъ, эти бумаги собрать и препроводить изъ Московскаго департамента въ Петербургъ; наняли нѣсколько десятковъ подводъ и, нагрузивъ дѣло, отправили его въ Петербургъ, но оно все до послѣдняго листа пропало безъ вѣсти, такъ что никакой исправникъ, никакой становой не могъ ничего сдѣлать, несмотря на строжайшій приказъ сената; пропали листы, подводы и извозчики.

Столь развитой правительственный механизмъ требовалъ множество рабочихъ рукъ. Царствованіе Николая I было временемъ развитія чиновничества, знати табели о рангахъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, чтобы судить о размноженіи чиновничества; можно только понять, чего стоило казнѣ содержаніе этого административнаго рабочаго люда. Сверхъ окладовъ, за особыя заслуги, чиновникамъ раздавали изъ казенныхъ земель аренды обыкновенно на 12 л., какъ дѣлается и доселѣ. До 1844 года арендъ выдавалось ежегодно разнымъ чиновникамъ 30 т.; опредѣляя поземельный доходъ по $4^0/_0$, мы найдемъ, что арендная сумма равнялась 750 мил. руб. (это только добавочное вознагражденіе чиновникамъ). Кромѣ того чиновникамъ раздавали за заслуги въ собственность незаселенныя, но доходныя казенныя земли и угодья; до 1840 г. такихъ земель было роздано свыше одного милліона десятинъ. Вотъ что стоило государству содержаніе той администраціи, которая умѣла терять дѣла, изложенныя на нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ листовъ.

Я замѣтилъ, что новое правительство дѣйствуя въ консервативномъ духѣ и бюрократическими средствами, не сняло съ очереди поставленныхъ вопросовъ внутренняго устройства. Новый императоръ съ начала царствованія имѣлъ смѣлость приступить и къ крестьянскому вопросу; но онъ разрѣшилъ вести его тайно отъ общества, чисто бюрократическими средствами. Въ началѣ царствованія, подъ вліяніемъ движенія 14 декабря, въ крестьянскомъ населеніи распространились слухи о скоромъ освобожденіи. Чтобы прекратить ихъ, новый императоръ издалъ манифестъ, въ которомъ прямо заявилъ, что въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ не будетъ сдѣлано никакой перемѣны, но при этомъ секретно было внушено черезъ губернаторовъ помѣщикамъ, чтобы они соблюдали «законное и христіанское обращеніе» съ крестьянами. Мысль объ освобожденіи крестьянъ занимала императора въ первые годы царствованія, и онъ внимательно высматривалъ людей, которые бы могли совершить это важное дѣло. Присутствіе этой мысли у императора обнаруживалось не разъ; такъ, въ 1834 г., бесѣдуя съ Киселевымъ, императоръ указалъ на большіе картоны, стоявшіе у него въ кабинетѣ; онъ прибавилъ, что въ этихъ

картонахъ съ начала царствованія онъ собралъ всѣ бумаги, касаю-щіяся процесса, «какой — говорилъ Николай, — я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ по всей имперіи». Для разработки этого вопроса въ продолженіе царствовані составлялось нѣсколько секретныхъ или весьма секретныхъ комите-товъ; они обсуждали тяжелое дѣло, просматривая положеніе не тольк крѣпостныхъ, но и всѣхъ крестьянъ, вырабатывали проекты, боль-шая часть которыхъ оставалась неосуществленными.

Нѣтъ надобности передавать дѣятельность этихъ секретных или весьма секретныхъ комитетовъ; достаточно только сказать, чт въ 1826 г. составленъ былъ первый секретный комитетъ для выработк новаго положенія «объ устройствѣ всѣхъ состояній людей». Я сказал что императоръ сначала не чуждъ былъ нѣкоторой мысли о реформ комитетъ этотъ вырабатывалъ проектъ устройства сословій; вопрос о крѣпостныхъ крестьянахъ возбужденъ былъ запиской Сперанскаг который теперь яснѣе смотрѣлъ на дѣло, чѣмъ въ 1808—9 г. Пр ектъ этотъ былъ уже приготовленъ для подписи, но предварительн былъ отосланъ въ Варшаву намѣстнику, великому князю Конста тину, который вооружился противъ него, надѣлалъ много замѣчан и тѣмъ остановилъ его распространеніе. Комитеты эти, впрочемъ, ост вили слѣды своей дѣятельности въ законодательствѣ по крѣпостном вопросу. Чтобы понять эти слѣды, надобно представить себѣ въ гла ныхъ чертахъ составъ русскаго общества того времени.

Возьмемъ данныя 8-ой ревизіи, произведенной въ 1836 г.; п этимъ даннымъ оказалось, что въ Европейской Россіи безъ царст Польскаго и безъ Финляндіи, но съ Сибирью, народонаселеніе пр стиралось до 52 мил. Сельское населеніе по-прежнему рѣшительн преобладало численностью надъ остальными классами; именно, въ с ставѣ его считалось до 25 мил. крѣпостныхъ крестьянъ, принадл жавшихъ или дворянамъ, или нѣкоторымъ благотворительнымъ учебнымъ заведеніямъ или частнымъ фабрикамъ и заводамъ (по з кону Петра 1721 г.) Крестьянъ государственныхъ съ удѣльными сч талось мил. 17 или 18 *); послѣднихъ, по 8-й ревизіи, было слиш комъ 1 мил. душъ обоего пола. Всѣ цифры, которыя я излагаю, озн чаютъ души настоящія, а не ревизскія, т. е. души обоего пола. Н всѣ остальные классы, слѣдовательно, приходилось мил. 9—10, счит здѣсь и военныхъ; дворянъ въ томъ числѣ считалось 272 тысяч Трудно опредѣлить количество городского населенія, состоявшаго из купцовъ, фабрикантовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ; купцовъ 3-е гильдіи считалось около 128 тыс. Если вы представите себѣ по этим цифрамъ, какъ разчислено было общество, вы увидите, какой стра ный видъ оно представляло. Высшія сословія — гильдейскіе граждан гильдейскіе купцы, духовенство — представляли въ численномъ отно шеніи маленькія неровности, чуть замѣтные нарывы на народ номъ тѣлѣ, между тѣмъ только эти маленькія неровности пользовались полнотою гражданскихъ правъ; масса сельскаг населенія была стѣснена въ этихъ правахъ, такъ что на дѣл

*) Какъ мы знаемъ, удѣльные крестьяне образовались изъ прежних дворцовыхъ по Учрежденію объ императорской фамиліи 1797 г.; этой фамилі отчислено извѣстное количество крестьянъ, по преимуществу дворцовыхъ, ко торые и названы были удѣльными.

было мало разницы между казенными или вольными крестьянами. Такъ какъ всюду господствовалъ крѣпостной принципъ, то и казенные крестьяне относились къ дворянскимъ исправникамъ или короннымъ чиновникамъ—становымъ—почти такъ же, какъ крѣпостные крестьяне къ своему господину. Теперь представимъ, что все это сельское населеніе, въ большей части своихъ дѣлъ, вѣдалось особой своей администраціей, или землевладѣльцами, или чиновниками земскои полиціи, общія правительственныя учрежденія вѣдали только высшими сословіяии. Какой соціальный матеріалъ былъ у описаннаго сложнаго правительственнаго механизма, чѣмъ собственно правили эти бюрократическія учрежденіями—Государственный Совѣтъ, министерства и т. д.? Они правили ничтожной кучкой народа, можетъ быть, милліономъ съ небольшимъ душъ; вся остальная масса вѣдалась своими особыми властями, и дѣло ея не доходило до общихъ учрежденій. Одинъ администраторъ того времени, принявши въ разсчетъ численное неравенство между свободными и несвободными людьми, разсчиталъ, что такъ какъ правительственныя учрежденія вѣдаютъ только вполнѣ свободныхъ людей, то русское государство по количеству свободныхъ людей въ 45 разъ меньше Франціи.

Важнѣйшій результатъ дѣятельности комитетовъ, составленныхъ для устройства крестьянскаго населенія, состоялъ въ учрежденіи особаго управленія для государственныхъ крестьянъ. Чтобы приготовить развязку крѣпостного вопроса, правительство Николая задумало облегчить ее косвеннымъ средствомъ, дать казеннымъ крестьянамъ такое устройство, которое, поднявъ ихъ благосостояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ служило бы и образцомъ для будущаго устройства крѣпостныхъ крестьянъ. Казенныхъ крестьянъ, сказалъ я, считалось тогда милліоновъ 17—16, если исключить изъ нихъ дворцовыхъ. Кромѣ земель, которыми пользовались эти крестьяне, въ непосредственномъ обладаніи казны было еще множество незаселенныхъ земель и лѣсовъ; первыхъ считалось около 60 мил. десятинъ, а казеннаго лѣса около 119 мил. десятинъ. Прежде казенные крестьяне, какъ и земли съ лѣсами, вѣдались въ особомъ департаментѣ министерства финансовъ; теперь рѣшено было выдѣлить этотъ громадный государственный капиталъ въ особое управленіе. Министерство финансовъ, занятое другими дѣлами и преслѣдовавшее одну цѣль—извлеченія изъ всѣхъ статей наибольшаго дохода,—не могло надлежащимъ образомъ слѣдить за бытомъ казенныхъ крестьянъ; вотъ почему они оставались безъ защиты въ рукахъ дворянской администраціи, которая эксплуатировала ихъ въ пользу помѣщичьихъ крестьянъ. Самыя тяжелыя натуральныя повинности складывали на крестьянъ казенныхъ, щадя помѣщиковъ. Благодаря всему этому, бытъ казенныхъ крестьянъ разстроился; они обѣднѣли и стали тяжелымъ бременемъ на плечахъ правительства. Каждый неурожай заставляетъ казну выдавать огромныя суммы на пропитаніе этихъ крестьянъ и на обсѣмененіе полей.

Итакъ, казенныхъ крестьянъ рѣшено было устроить такъ, чтобы они имѣли защитниковъ и блюстителей ихъ интересовъ. Удача устройства крестьянъ казенныхъ должна была подготовить успѣхъ освобожденія и крѣпостныхъ крестьянъ. Для такого важнаго дѣла призванъ былъ администраторъ, котораго я не боюсь назвать лучшимъ администраторомъ того времени, принадлежащимъ къ числу лучшихъ го-

сударственныхъ людей нашего вѣка. Это былъ Киселевъ, который въ началѣ прошедшаго царствованія, по заключеніи Парижскаго мира, назначенъ былъ посломъ въ Парижѣ; ему поручено было устроить новое управленіе государственныхъ крестьянъ и имуществъ. По его плану, открыто было въ 1833 году новое министерство Государственныхъ имуществъ, во главѣ котораго онъ и былъ поставленъ. Для управленія государственными имуществами на мѣстахъ созданы были палаты государственныхъ имуществъ. Киселевъ, дѣлецъ съ идеями, съ большимъ практическимъ знаніемъ дѣла, отличался еще большою доброжелательностью, тою благонамѣренностью, которая выше всего ставитъ общую пользу, государственный интересъ, чего нельзя сказать о большей части администраторовъ того времени. Онъ въ короткое время создалъ отличное управленіе государственными крестьянами и поднялъ ихъ благосостояніе. Въ нѣсколько лѣтъ государственные крестьяне не только перестали быть бременемъ для государственнаго казначейства, но стали возбуждать зависть крѣпостныхъ крестьянъ. Рядъ неурожайныхъ годовъ, 43-й годъ и слѣдующіе, не только не потребовалъ ссуды государственнымъ крестьянамъ, но даже Киселевъ не израсходовалъ на эти ссуды и запаснаго капитала, имъ образованнаго. Съ тѣхъ поръ крѣпостные крестьяне стали самымъ тяжелымъ бременемъ на плечахъ правительства. Киселеву принадлежало то устройство сельскихъ и городскихъ обществъ, основныя черты котораго были потомъ перенесены въ положеніе 19 февраля для вышедшихъ на волю крѣпостныхъ крестьянъ.

Кромѣ всего этого, Киселеву принадлежала также и мысль одного важнаго закона, касавшагося крѣпостныхъ крестьянъ. Какъ мы знаемъ, 20 февраля 1803 г. изданъ былъ законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ; по этому закону, землевладѣльцы могли отпускать на волю крѣпостныхъ крестьянъ съ земельными надѣлами, по добровольному съ ними соглашенію. Этотъ законъ, плохо поддержанный правительствомъ, оказалъ незначительное дѣйствіе на бытъ крѣпостныхъ; въ продолженіе 40 лѣтъ на волю вышло такимъ образомъ немного крестьянъ. Больше всего останавливала помѣщиковъ необходимость отдавать землю въ собственность крестьянамъ. Киселевъ думалъ поддержать дѣйствіе этого закона, устранивъ это главное препятствіе. Въ его нѣсколько впечатлительной головѣ (недостатокъ, отъ котораго не свободны всѣ доброжелательныя головы) мелькнула мысль, что можно совершить постепенное освобожденіе крестьянъ, предоставивъ это дѣло частной инициативѣ. Мысль закона состояла въ томъ, что помѣщики могли, по добровольному соглашенію съ крестьянами, уступать имъ свои земли въ постоянное наслѣдственное пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ. Эти условія, разъ составленныя и утвержденныя правительствомъ, не должны были мѣняться; такимъ образомъ крестьяне будутъ прикрѣплены къ землѣ, но лично свободны, а помѣщикъ сохранитъ за собою права собственности на землю, къ которой прикрѣплены крестьяне. Помѣщикъ сохранялъ судебную власть надъ крестьянами, но уже терялъ власть надъ ихъ имуществомъ и трудами, крестьяне работали на помѣщика или платили ему столько, сколько было ему поставлено въ условіи. Зато помѣщикъ освобождался отъ обязанностей, какія на немъ лежали по владѣнію крѣпостными, отъ отвѣтственности за ихъ подати, отъ обязанности кормить

крестьянъ въ неурожайные годы, ходатайствовать за нихъ въ судахъ и т. д. Киселевъ разчитывалъ, что такимъ образомъ, понявъ выгоду такихъ сдѣлокъ, помѣщики сами поспѣшатъ устранить непріятности. При сохраненіи крѣпостного права образецъ устройства крестьянъ, выходящихъ, такимъ образомъ, на волю, былъ уже готовъ въ сельскомъ устройствѣ крестьянъ государственныхъ, раздѣленныхъ на волости и общины съ выборными управленіями, судами, съ свободными сходками и т. д. Проектъ Киселева подвергся поправкамъ и облеченный въ законъ 2 апрѣля 1842 года не оправдалъ ожиданія; это законъ объ обязанныхъ крестьянахъ; ему дана была такая редакція, которая почти уничтожила его дѣйствіе къ тому же, на другой день по изданіи закона послѣдовалъ циркуляръ министра, которымъ тогда былъ Петровскій. Этотъ циркуляръ и отмѣнялъ законъ; въ немъ было подтверждено съ удареніемъ, что права дворянъ на крѣпостныхъ крестьянъ остаются неприкосновенными, что они не потерпятъ ущерба въ этихъ правахъ, если въ силу закона не пойдутъ на сдѣлки съ крестьянами. Помѣщики встревожились въ ожиданіи указа; они уже давно привыкли смотрѣть на Киселева, какъ на революціонера; въ Москвѣ и губернскихъ городахъ этотъ законъ вызвалъ живые толки. Когда прочитали указъ министра, всѣ успокоились; всѣ увидали, что это буря въ стаканѣ воды, что правительство такъ только, изъ приличія, издало этотъ указъ, чтобы очистить бумагу. Въ самомъ дѣлѣ, только два помѣщика воспользовались этимъ закономъ.

По крестьянскому вопросу изданъ былъ рядъ другихъ законовъ, которые частью выработаны были комитетами. Я могу только перечислить важнѣйшіе изъ нихъ, касавшіеся размѣра работъ крестьянъ на землевладѣльцевъ. Законъ не опредѣлялъ размѣра работъ крестьянъ на землевладѣльцевъ; законъ не опредѣлялъ и обязательнаго участка земли, какой долженъ помѣщикъ давать крестьянамъ. Правда, былъ изданъ еще въ 1797 г. законъ о трехъ-дневной барщинѣ, но онъ оставался безъ дѣйствія; но законъ о размѣрѣ обязательнаго надѣла не существовалъ; вслѣдствіе этого иногда происходили печальныя недоразумѣнія. Въ 1827 одна обладательница 28 душъ заложила почти всю землю изъ-подъ своихъ крестьянъ, такъ что у крестьянъ, осталось всего только 10 десятинъ. Этотъ случай и вызвалъ законъ, который гласилъ, что если въ имѣніи за крестьянами земли меньше $4^1/_2$ дес. на душу, то такое имѣніе брать въ казенное управленіе, или же предоставлять такимъ крѣпостнымъ крестьянамъ право перечисляться въ свободныя городскія состоянія. Это былъ первый важный законъ, которымъ правительство наложило руку на дворянское право душевладѣнія. Въ 40 годахъ издано было, частью по внушенію Киселева, еще нѣсколько узаконеній, и нѣкоторыя изъ нихъ столь важны, какъ законъ 27 г. Такъ, напримѣръ, въ 1841 г. запрещено было продавать крестьянъ въ розницу; въ 43 г. запрещено было пріобрѣтать крестьянъ дворянамъ безземельнымъ; такимъ образомъ, безземельные дворяне лишались права покупать и продавать крестьянъ безъ земли; въ 47 г. было предоставлено министру государственныхъ имуществъ пріобрѣтать на счетъ казны населеніе дворянскихъ имѣній. Киселевъ еще тогда представилъ проектъ выкупа въ продолженіе 10 лѣтъ всѣхъ однодворческихъ крестьянъ, т. е. крѣпостныхъ, принадлежащихъ однодворцамъ, извѣстному классу въ южныхъ губер-

ніяхъ, которые соединяли въ себѣ нѣкоторыя права дворянъ съ обязанностями крестьянъ. (Платя подушную подать, однодворцы, какъ потомки бывшихъ служилыхъ людей, сохранили право владѣть крѣпостными.) Этихъ однодворческихъ крѣпостныхъ Киселевъ и выкупалъ по $^1/_{10}$ долѣ въ годъ. Въ томъ же 47 г. издано было еще болѣе важное постановленіе, предоставляющее крестьянамъ имѣній, продававшихся въ долгъ, выкупиться съ землею на волю. Наконецъ, 3 марта 48 г. изданъ былъ законъ, предоставлявшій крестьянамъ права пріобрѣтать недвижимую собственность.

Легко замѣтить, какое значеніе могли получить всѣ эти законы. До сихъ поръ въ дворянской средѣ господствовалъ взглядъ на крѣпостныхъ крестьянъ, какъ на простую частную собственность владѣльца наравнѣ съ землей, рабочимъ инвентаремъ и т. д. Мысль, что такой собственностью не можетъ быть крестьянинъ, который платитъ государственную подать, несетъ государственную повинность, напр., рекрутскую,—мысль эта забывалась въ ежедневныхъ сдѣлкахъ, предметомъ которыхъ служили крѣпостные крестьяне. Совокупность законовъ, изданныхъ въ царствованіе Николая, должна была коренньімъ образомъ измѣнить этотъ взглядъ; всѣ эти законы были направлены къ тому, чтобы охранить государственный интересъ, связанный съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Право владѣть крѣпостными душами эти законы переносили съ почвы гражданскаго права на почву права государственнаго; во всѣхъ нихъ заявлена мысль, что крѣпостной человѣкъ—не простая собственность частнаго лица, а прежде всего подданный государства. Это важный результатъ, который самъ по себѣ могъ бы оправдать всѣ усилія, потраченныя Николаемъ на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса.

Но былъ и другой столь важный результатъ, который вышелъ незамѣтно изъ основной мысли закона 2 апрѣля 1842 года. Результатъ этотъ надо весь поставить на счетъ графа Киселева. Законъ просто говорилъ, что землевладѣлецъ можетъ входить съ крестьяниномъ въ добровольное соглашеніе, уступая ему право постояннаго пользованія землей на извѣстныхъ условіяхъ, послѣ чего крестьянинъ переставалъ зависѣть отъ землевладѣльца, а послѣдній освобождался отъ обязанностей, сопряженныхъ съ владѣніемъ крѣпостными, только это и говорилъ законъ. Между тѣмъ можно было посмотрѣть на законъ и съ другой стороны. Очевидно, личная свобода пріобрѣталась крестьяниномъ даромъ, безъ выкупа; законъ молча вошелъ въ дѣйствующее законодательство. Помѣщики, говоря о неудачѣ закона, смѣялись надъ нимъ, но они не замѣтили, какой переворотъ совершился въ законодательствѣ: свобода крестьянской личности, слѣдовательно, не оплачивалась: а мы помнимъ, какъ государственные люди, даже очень умные, въ родѣ адмирала Мордвинова, таксировали крестьянскую личность, назначая извѣстную сумму за возрастъ. Какъ скоро молчаливо было признано закономъ это начало, тотчасъ же изъ закона могли вывести, что личность крестьянина не есть частная собственность землевладѣльца, что ихъ связываютъ отношенія къ землѣ, съ которой нельзя согнать большую часть государственныхъ плательщиковъ. На почвѣ закона 1842 года только и стало возможно Положеніе 19 февраля, первая статья котораго гласитъ, что крестьяне получаютъ личную свободу «безъ выкупа». Повторяю, что этотъ законъ надо отнести весь на счетъ графа Киселева.

Итакъ, въ царствованіе Николая законодательство о крѣпостномъ правѣ стало на новую почву и достигло важнаго результата: общаго молчаливаго признанія, что крѣпостной крестьянинъ не есть частная собственность землевладѣльца; законъ 1842 года достигъ перемѣщенія въ правѣ, но не въ положеніи крестьянъ. Законодательство при этомъ могло достигнуть и практическихъ результатовъ, и эти результаты вышли бы изъ законодательства Николая, если бы законы примѣнялись иначе; однако въ нашей внутренней исторіи XIX вѣка нѣтъ ничего любопытнѣе примѣненія законовъ о крѣпостныхъ крестьянахъ въ царствованіе Николая, ничего такъ не наводитъ на размышленіе о свойствѣ государственнаго порядка. Приведу отдѣльный случай. Мы видѣли, какое важное значеніе имѣетъ законъ 1827 года о четырехъ съ половиною десятинахъ земли; этотъ законъ былъ внесенъ въ первое изданіе свода законовъ. Послѣ Сперанскаго II отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи издало второе изданіе Свода законовъ. Заглянули въ него—закона 1827 г. нѣтъ какъ нѣтъ, онъ не былъ отмѣненъ, а просто пропалъ безъ вѣсти, какъ пропало извѣстное дѣло объ откупщикѣ. Можно понять, какое важное значеніе могъ бы имѣть законъ 8 октября 1847 г., предоставлявшій крестьянамъ имѣній, продававшихся съ публичнаго торга, выкупаться съ землей; $^{2}/_{3}$-ти дворянскихъ имѣній состояли въ неоплатныхъ долгахъ казеннымъ учрежденіямъ. Сумма этихъ долговъ близко подходила къ милліарду. Собственно говоря, освобожденіе крестьянъ можно было бы совершить чисто финансовой операціей, назначивъ срокъ для уплаты долговъ, и потомъ конфисковать имѣнія, какъ они конфискуются и теперь частными банками. Но не хотѣли прибѣгать къ такой политической мѣрѣ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ дворянства. Имѣній, которыя продавались съ публичнаго торга, было множество; но крестьяне могли выкупаться, нужно было устроить удобный для нихъ порядокъ аукціона, устроить извѣстный порядокъ оповѣщенія крестьянъ о продажѣ, наконецъ, устроить имъ возможность получать ссуды (рѣдкое имѣніе могло тотчасъ же собрать достаточное количество своихъ денегъ), ничего этого не было предусмотрѣно. Законъ просто былъ брошенъ въ аукціонную залу, со всѣхъ сторонъ полились представленія о затрудненіяхъ, какія встрѣчались при примѣненіи закона. Правительство могло поступить двояко: сознавая недостатокъ выработаннаго закона, оно могло отмѣнить его; сознавая пользу этого закона, оно могло развить и поправить его. То и другое оно могло сдѣлать по праву, ибо каждое правительство можетъ и отмѣнить законъ и поправить его, сознаваясь въ ошибкѣ, все это въ порядкѣ вещей. Поступили иначе. Высочайшая власть не отмѣняла закона, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышло новое изданіе Свода законовъ; закона 8 октября тамъ не оказалось. Имѣнія продавали съ торговъ, крестьяне обращались съ ходатайствомъ къ правительству, имъ говорили, что закона объ этомъ нѣтъ, имъ показывали изданіе, и просители не находили его тамъ. Высшая власть не отмѣняла закона; бюрократія, устроенная для установленія строгаго порядка во всемъ, представляла единственное въ мірѣ правительство, которое крадетъ у народа законы, изданные высшей властью; этого никогда не было ни въ одну эпоху, кромѣ царствованія Николая и, вѣроятно, никогда не повторится.

Точно также отмѣненъ былъ законъ 1848 года, предоставлявшій крестьянамъ право пріобрѣтать недвижимую собственность. Онъ былъ такъ выраженъ, что крестьяне отказались отъ пользованія этимъ закономъ. Крестьяне могли пріобрѣтать недвижимую собственность съ согласія помѣщика, они должны были заявлять помѣщику свое желаніе и возможность пріобрѣсти собственность; землевладѣлецъ могъ и отказать въ этомъ согласіи, но онъ зналъ, что у крестьянина есть капиталъ и, пользуясь своимъ правомъ, могъ отнять его, или могъ дать согласіе на покупку собственности, а потомъ взять у крестьянина, ибо оставалась еще въ полномъ дѣйствіи статья, которая гласила, что крестьянинъ не имѣетъ права начинать искъ. Значитъ, законъ одной рукой давалъ сословію право, а другой подчинялъ пользованіе этимъ правомъ безграничному произволу. Такъ умѣла выражать мысли верховной власти тогдашняя бюрократія; выразивъ столь своеобразно мысль закона, она тѣмъ самымъ отмѣнила высочайшую волю. Это нужно знать, чтобы понять печальную справедливость словъ императора, который сказалъ, что имперіей правитъ столоначальникъ. Благодаря недостатку рѣшительности, все законодательство Николая о крестьянахъ осталось безъ практическихъ послѣдствій, которыя надо отличать отъ перемѣнъ въ правѣ. Трудно объяснить эту непослѣдовательность и эту нерѣшительность; даже крѣпостники-землевладѣльцы удивлялись. Среди толковъ, вызванныхъ закономъ 2 апрѣля, въ бумагахъ Кисилева записано и одно любопытное возраженіе, которое тогда часто повторяли. Нѣкій дворянинъ говорилъ: «зачѣмъ насъ мучаютъ этими полумѣрами? Развѣ въ Россіи нѣтъ верховной власти, которая можетъ приказать землевладѣльцамъ отпустить своихъ крестьянъ на волю съ землей, или безъ земли? это въ правѣ сдѣлать верховная власть. Дворянство, всегда вѣрно преданное престолу, получивъ приказъ исполнить это, исполнило бы его». Что можно было сказать противъ этого возраженія, шедшаго изъ среды помѣщиковъ, которые были противъ освобожденія крестьянъ? Надо думать, что недостатокъ рѣшимости и послѣдовательности, боязнь пользоваться верховной властью, объясняется недостаткомъ знакомства со средой и настроеніемъ того класса, интересы котораго преимущественно были связаны съ крѣпостнымъ правомъ. Дворянство при Николаѣ внушало болѣе страха, чѣмъ при Александрѣ. Разсматривая бумаги неофиціальнаго комитета, который собирался при Александрѣ въ началѣ его царствованія, мы тамъ встрѣчаемъ такія сужденія графа Строганова о дворянствѣ, которыя показываютъ, что государственные люди того времени вовсе не считали его средой, способной дать правительству оппозицію.

Очеркъ важнѣйшихъ реформъ Александра II.

Краткимъ обзоромъ царствованія Николая собственно закончилась программа нашего изученія. На 18 февраля 1855 года, т. е. днѣ смерти императора Николая, можно положить конечный рубежъ цѣлаго періода нашей исторіи, который начался съ воцареніемъ новой династіи послѣ Смутнаго времени. Въ этотъ періодъ дѣйствовали извѣстныя начала, которыя служили основаніемъ нашей политиче-

ской и общественной жизни. Съ 18 февраля 1855 года начинается новый періодъ, въ которомъ выступаютъ иныя начала жизни. Начала эти мы знаемъ, знаемъ ихъ происхожденія и свойства, но не знаемъ ихъ послѣдствій, а потому они не могутъ быть предметомъ историческаго изученія. Однако, въ это время, съ 1 февраля 1855 года разрѣшены нѣкоторые вопросы, поставленные еще въ предшествующій періодъ. Мы видѣли, какъ эти вопросы становились, какими потребностями была вызвана ихъ постановка; намъ нужно узнать, по крайней мѣрѣ, какъ они были разрѣшены. То, о чемъ я хочу сказать, т. е. краткій очеркъ важнѣйшихъ реформъ Александра II, будетъ только поясненіемъ того, что мы изучали въ предшествующемъ періодѣ.

Мы знаемъ, какими двумя чертами характеризуется нашъ политическій и общественный бытъ въ предшествовавшій періодъ. Одной чертой былъ невольный обязательный трудъ въ пользу государства всѣхъ сословій; съ половины XVIII вѣка этотъ обязательный, крѣпостной трудъ остался только на одномъ крестьянскомъ сословіи. Далѣе, другой чертой, характеризующей жизнь этого періода, было разобщеніе этихъ сословій, прекращеніе ихъ совмѣстной политической дѣятельности. Съ половины, или съ конца XVIII ст. ходомъ дѣлъ поставлены были два коренные вопроса, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣло правильное устройство политическаго и хозяйственнаго быта Россіи: 1) вопросъ объ освобожденіи отъ обязательнаго крѣпостного труда крестьянскаго населенія и 2) вопросъ о возстановленіи прерванной прежде совмѣстной дѣятельности сословій въ дѣлахъ политическихъ и хозяйственныхъ. Эти два коренные вопроса и были разрѣшены извѣстнымъ образомъ въ царствованіе Александра II. Первый былъ разрѣшенъ освобожденіемъ крестьянъ съ землею, второй—введеніемъ земскихъ учрежденій. Изученіемъ этихъ двухъ реформъ мы окончимъ свои занятія. Теперь нельзя историку изложить ни той, ни другой реформы; для этого еще нѣтъ достаточныхъ историческихъ данныхъ, по которымъ онъ могъ бы судить о значеніи той или другой реформы; ни та, ни другая не обнаружили своихъ послѣдствій, а историческіе факты цѣнятся, главнымъ образомъ, по своимъ послѣдствіямъ. Итакъ, я изложу не исторію, а краткій очеркъ хода и сущность той и другой реформы.

Дѣлая обзоръ царствованія Николая, я отчасти указалъ, на чемъ остановилось дѣло по вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ. Заботы о его разрѣшеніи кончились, повидимому, ничѣмъ. Но въ это царствованіе въ положеніи крестьянъ и въ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ совершились любопытные процессы, благодаря которымъ разрѣшеніе вопроса стало не дѣломъ политической мудрости, зависящей отъ лицъ, а требованіемъ стихійныхъ вліяній, которыя бы разрѣшили его во всякомъ случаѣ, даже вопреки волѣ лицъ. Чтобы видѣть эти процессы, надо познакомиться съ нѣкоторыми цифрами. Въ 1853 году произведена была по всей имперіи 10-ая и до сихъ поръ послѣдняя ревизія. По даннымъ этой ревизіи, населенія въ имперіи, не исключая Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, оказалось $62^1/_2$ милліона душъ обоего пола. Громадное большинство этого населенія составляли сельскіе классы, именно: крестьянъ удѣльныхъ, по закону императора Павла 1797 года приписанныхъ на содержаніе членовъ императорской фамиліи, было $3^1/_2$ милліона душъ

обоего пола; крестьянъ государственныхъ со включенiемъ немногочисленныхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ—23$^{1}/_{10}$ милл. душъ обоего пола. Ревизскихъ податныхъ душъ въ томъ числѣ значилось 10$^{1}/_{2}$ милл.; дѣйствительныхъ душъ обоего пола — 23.080,000. Любопытно, что крѣпостное право въ послѣднее время своего существованiя стало видимо падать въ количественномъ отношенiи. Въ началѣ 1830 года произведена была 8-ая ревизiя; по этой ревизiи въ Европейской Россiи и Сибири, безъ Закавказья, Царства Польскаго и Финляндiи, значилось нѣсколько больше крѣпостныхъ, чѣмъ по 10-ой, слѣдовательно, въ продолженiе промежутка съ начала 1830 года до конца 1850 года (почти 30 лѣтъ) крѣпостное населенiе не только не имѣло естественнаго прироста, но и уменьшилось. Главнымъ образомъ, это уменьшенiе происходило насчетъ перехода крѣпостныхъ крестьянъ въ положенiе крестьянъ государственныхъ. Но наблюдатели замѣчали необыкновенно тугой естественной приростъ—знакъ, что они находились въ худшемъ положенiи сравнительно съ другими классами. Уменьшенiе это выражалось въ такихъ цифрахъ: по 8-ой ревизiи въ Европейской Россiи крѣпостное населенiе составляло почти 45 проц. всего населенiя имперiи: по 10-ой ревизiи 34, 39 проц. (процентъ крѣпостного населенiя въ теченiе 22 лѣтъ уменьшился на 7$^{1}/_{2}$ проц.)

Другой процессъ замѣчаемъ мы, разсматривая распредѣленiе крѣпостныхъ между владѣльцами. Условiя, начавшiя дѣйствовать чрезвычайно давно, еще когда устанавливалась древне-русская помѣстная система, содѣйствовали у насъ развитiю мелкаго дворянкаго землевладѣнiя; вотъ почему васъ не удивитъ количество дворянъ-землевладѣльцевъ. По 8-ой ревизiи въ Европейской Россiи (безъ земли Донского войска) было всего 127 тыс. дворянъ, владѣвшихъ крѣпостными душами (въ томъ числѣ дворянъ, не имѣвшихъ земли, владѣвшихъ только крѣпостными, т. е. дворовыми, было безъ малаго 18 т., въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось 52 т. крѣпостныхъ душъ) значитъ, дворянъ землевладѣльцевъ было 109 т. По 10-ой ревизiи оказалось, что количество душевладѣльцевъ уменьшилось; ихъ насчитано безъ малаго 107 т. (въ томъ числѣ дворянъ безпомѣстныхъ, владѣвшихъ только дворовыми, безъ земли,—меньше 4 тыс.: такъ сильно растаялъ классъ безземельныхъ душевладѣльцевъ; въ ихъ рукахъ оставалось всего 12 тыс. душъ обоего пола). Значитъ, дворянъ и землевладѣльцевъ было около 108 тысячъ. Любопытно видѣть, какъ распредѣлены были между ними души; дворянъ мелкопомѣстныхъ, имѣвшихъ не болѣе 21 души, значилось 43,000, дворянъ, имѣвшихъ не менѣе 21 души, но не больше 100 душъ—36,000; землевладѣльцевъ крупныхъ, имѣвшихъ болѣе 1,000 душъ, числилось около 14,000; итакъ, болѣе $^{3}/_{4}$ землевладѣльцевъ состояло изъ дворянъ мелкопомѣстныхъ. Несмотря на такой громадный перевѣсъ землевладѣльцевъ мелкихъ, огромное большинство душъ принадлежало крупнымъ землевладѣльцамъ. Изъ землевладѣльцевъ большинство принадлежало къ мелкопомѣстнымъ; но по количеству душъ большинство крѣпостного населенiя принадлежало крупнымъ; именно, въ рукахъ 43,000 мелкихъ землевладѣльцевъ было всего 340 тыс. душъ мужскаго пола; въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ было около 14,000, сосредоточивалось 8 мил. душъ мужскаго пола. Слѣдовательно, уменьшилось число дворянъ землевладѣльцевъ; быстро исчезалъ классъ

дворянъ безземельныхъ душевладѣльцевъ. Не увеличивая количества цифръ, скажу, что въ промежутокъ между 8-ой и 10-ой ревизiей росъ замѣтно классъ среднихъ владѣльцевъ и уменьшался классъ— мелкопомѣстныхъ и крупныхъ; значитъ, одновременно съ ростомъ середины сокращались оконечности. Въ соціальной, какъ и физической жизни, такое замираніе оконечностей съ сосредоточеніемъ кровообращенія къ сердцу, къ центру, всегда служитъ признакомъ. что организмъ скоро станетъ мертвымъ.

Далѣе, крѣпостное помѣщичье хозяйство, основанное на невольномъ трудѣ, очевидно, разстраивалось, несмотря на всѣ искусственныя мѣры, которыми старались его поддерживать. Одной изъ этихъ мѣръ было развитіе барщиннаго хозяйства на счетъ оброчнаго. Мы знаемъ, что въ XVIII в. оброчное хозяйство всюду преобладало надъ барщиннымъ; въ XIX в. помѣщики усиленно переводятъ крестьянъ съ оброка на барщину. Барщина доставляла землевладѣльцу вообще болѣе широкій доходъ, сравнительно съ оброкомъ; помѣщики старались взять съ крѣпостного труда все, что можно было взять съ него. Это значительно ухудшило положеніе крѣпостныхъ въ послѣднее десятилѣтіе передъ освобожденіемъ. Особеннымъ бѣдствіемъ для крѣпостныхъ была отдача ихъ на фабрики въ работники: въ этомъ отношеніи успѣхи фабричной дѣятельности въ Россіи въ XVIII в. значительно совершались на счетъ крѣпостныхъ крестьянъ. Помѣщичьи хозяйства, несмотря на замѣну оброка барщиной, падали одно за другимъ; имѣнія закладывались въ государственныя кредитныя учрежденія; но взятые оттуда капиталы въ большинствѣ случаевъ не получали производительнаго занятія; такъ, дворянскія имѣнія, обремененныя казенными долгами, не увеличивали производительнаго оборота въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Поразительны цифры, свидѣтельствующія о такомъ положеніи помѣщичьяго хозяйства. Я сказалъ, что по 10-й ревизіи въ Европейской Россіи было 103 т. дворянскихъ имѣній, въ которыхъ значилось $10^1/_2$ мил. ревизскихъ душъ мужскихъ. Съ 1859 г. состояло въ залогѣ слишкомъ 44 т. имѣній съ 7 м. ревизскихъ душъ слишкомъ, т. е. въ залогѣ больше $^2/_3$ дворянскихъ имѣній и $^2/_3$ крѣпостныхъ крестьянъ, т. е. закладывались преимущественно густо населенныя дворянскія имѣнія. Долга на этихъ заложенныхъ имѣніяхъ числилось въ 1859 г. свыше 450 мил. рублей.

Надо вспомнить всѣ приведенныя цифры для того, чтобы видѣть, какъ постепенно сами собой дворянскія имѣнія, обременяясь неоплатными долгами, переходили въ руки государства. Если бы мы предположили вѣроятность дальнѣйшаго существованія крѣпостного права еще на два-три поколѣнія, то и безъ законнаго акта, отмѣнившаго крѣпостную зависимость, дворянскія имѣнія всѣ стали бы государственной собственностью. Такъ, экономическое положеніе дворянскаго хозяйства подготовило уничтоженіе крѣпостного права, еще въ большей степени подготовленное необходимостью нравственною. Настроеніе крестьянъ къ концу царствованія Николая не оставляло для всякаго трезваго взгляда никакого сомнѣнія въ близкой необходимости развязать узелъ крѣпостныхъ отношеній, если не хотѣли подвергать государство страшной опасности, катастрофѣ. Одинъ случай ярко вскрываетъ это настроеніе. Въ 1853 г. началась Восточная война. Въ началѣ 1854 года былъ обнародованъ манифестъ объ образованіи го-

сударственнаго ополченія, о призывѣ ратниковъ на помощь регулярнымъ войскамъ; это обычный манифестъ во время тяжелыхъ войнъ, и прежде такіе манифесты не приводили ни къ какимъ особеннымъ послѣдствіямъ. Но теперь время было не то; между крѣпостными распространился тотчасъ слухъ, что кто изъ нихъ добровольно запишется въ ополченіе, тотъ получаетъ волю со всею землею. Крестьяне (сначала въ Рязанской губ.) стали обращаться къ начальству съ заявленіемъ желанія записаться въ ратники. Напрасно мѣстныя власти увѣряли, что никакого такого закона нѣтъ; крестьяне рѣшили, что законъ есть, но помѣщики положили его подъ сукно. Волненіе, обнаружившееся въ Рязанской губ., отозвалось въ сосѣднихъ: Тамбовской, Воронежской, Пензенской, распространилось и далѣе до Казанской губерніи. Всюду крестьяне приходили въ губернскіе города и требовали у начальства государева закона о волѣ для тѣхъ, кто запишется въ ополченіе; пришлось прибѣгать къ вооруженной силѣ, чтобы усмирить это волненіе.

Таково было положеніе дѣлъ, когда 19 февраля 1855 г. вступилъ на престолъ новый императоръ. Онъ былъ извѣстенъ за представителя дворянскихъ привилегій, и первые акты его царствованія поддерживали въ дворянскомъ обществѣ это убѣжденіе. Актами этими было выражено и подчеркнуто намѣреніе новаго правительства ненарушимо охранять дворянскія права. Вотъ почему желавшіе развязки тяжелаго вопроса мало ждали отъ новаго царствованія. Пока правительство было отвлечено внѣшней борьбой, доставшейся по наслѣдству отъ прежняго царствованія; наконецъ, 18 марта 1856 года былъ заключенъ Парижскій миръ. Въ этотъ промежутокъ нѣкоторыя перемѣны еще болѣе убѣдили дворянство, что его права останутся неприкосновенными. При воцареніи новаго императора министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Бибиковъ, нѣкогда на должности генералъ-губернатора западной Руси, т. е. въ Кіевской и прилежащихъ губерніяхъ, показавшій себя приверженцемъ крестьянскихъ интересовъ; тогда онъ выработалъ въ западной и юго-западной Руси извѣстные свои инвентари, т. е. акты, которыми опредѣлялось по каждому имѣнію, сколько крестьяне должны платить или работать на помѣщика; инвентари такимъ образомъ стѣсняли произволъ землевладѣльцевъ по отношенію къ крестьянамъ. Инвентари произвели сильный ропотъ въ западно-русскомъ дворянствѣ. Вскорѣ по вступленіи новаго императора на престолъ въ августѣ 1855 г. Бибиковъ, всегда непріятный Александру, былъ удаленъ, и на мѣсто его былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ человѣкъ равнодушный къ вопросу и считавшійся другомъ дворянъ—Ланской. Бибиковъ, стѣсняя произволъ дворянъ, будучи на министерскомъ посту, настоялъ, чтобы исправники, которые прежде выбирались дворянствомъ, назначались отъ короны. Въ началѣ новаго царствованія этотъ законъ былъ отмѣненъ, и уѣздная полиція опять была возвращена дворянству въ лицѣ выборнаго исправника. Итакъ, дворянское общество остановилось на мысли, что новое царствованіе будетъ царствованіемъ дворянскимъ, и довольно спокойно встрѣтило манифестъ о мирѣ, который призывалъ общество «къ устраненію вкравшихся въ немъ недостатковъ». Это принято было за фразы, которыя писались изъ приличія, а не за программу новаго царствованія.

Вдругъ случилось нѣчто необычайное.

Въ мартѣ 1856 г., т. е. вскорѣ по заключенiи мира, императоръ отправился въ Москву. Здѣшнiй генералъ-губернаторъ, извѣстный крѣпостникъ, графъ Закревскiй, ходатайствовалъ передъ императоромъ о желанiи мѣстнаго дворянства представиться государю, дабы убѣдиться въ правильности распространившагося среди него слуха, что правительство замышляетъ отмѣну крѣпостного права. Императоръ принялъ московскаго губернскаго предводителя дворянства, князя Щербатова съ уѣздными предводителями, и вотъ что приблизительно сказалъ имъ: «Между вами распространился слухъ, что я хочу отмѣнить крѣпостное право; я не имѣю намѣренiя сдѣлать это теперь, но вы сами понимаете, что существующiй порядокъ владѣнiя душами не можетъ остаться неизмѣннымъ. Скажите это своимъ дворянамъ, чтобы они подумали, какъ это сдѣлать». Эти слова, какъ громомъ, поразили слушателей, а потомъ и все дворянство, а дворяне только что надѣялись укрѣпить свои права и съ такой надеждой готовились встрѣтить коронацiю, назначенную на августъ этого года. Новый министръ Ланской обратился къ императору за справкой, что значатъ его московскiя слова. Императоръ отвѣчалъ: что онъ не желаетъ, чтобы эти слова остались безъ послѣдствiй. Тогда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начались подготовительныя работы, цѣль которыхъ еще пока не была выяснена. На коронацiю въ августѣ 1856 г. собрались въ Москву по обычаю губернскiе и уѣздные предводители дворянства. Товарищу министра внутреннихъ дѣлъ—Левшину поручено было узнать, какъ они отнеслись къ вопросу «объ улучшенiи участи крѣпостныхъ крестьянъ» (тогда еще избѣгали слова—«освобожденiе»). Левшинъ позондировалъ и съ печалью донесъ, что дворянство ни съ той, ни съ другой стороны не поддается; нѣкоторый лучъ надежды подавало лишь одно западно-русское дворянство, преимущественно литовское. Недовольные Бибиковскими инвентарями, предводители этихъ дворянъ какъ будто выразили готовность содѣйствовать правительству, почему виленскому генералъ-губернатору, Назимову, поручено было такъ настроить дворянъ, чтобы они сами обратились къ правительству съ заявленiемъ желанiя улучшить положенiе своихъ крестьянъ; тѣмъ дѣло и кончилось.

Между тѣмъ, по старому обычаю, составленъ былъ секретный комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ, подобно тѣмъ, которые составлялись въ царствованiе Николая. Этотъ комитетъ открытъ былъ 3-го января 1857 г. подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора изъ лицъ особо довѣренныхъ. Комитету поручено было выработать общiй планъ устройства и улучшенiя положенiя крѣпостныхъ крестьянъ. Работы этого комитета показываютъ намъ, что въ 1857 г. не существовало еще никакого плана, не собрано было еще свѣдѣнiй о положенiи дѣла, не выработаны были даже основныя начала освобожденiя; такъ, напр., еще не рѣшили, освобождать ли крестьянъ съ землею, или безъ земли. Комитетъ принялся за дѣло. Между тѣмъ, въ ноябрѣ прибылъ въ Петербургъ давно ожидаемый виленскiй генералъ-губернаторъ Назимовъ, съ результатами своихъ совѣщанiй съ мѣстнымъ дворянствомъ. Назимовъ явился, повѣсивъ голову. Предводители дворянства, можетъ быть, подъ влiянiемъ праздничныхъ впечатлѣнiй въ Москвѣ, наговорили лишняго, за что получили должное наставленiе, отъ

своихъ избирателей, дворянъ литовскихъ губерній. Мѣстные губернскіе комитеты, составленные для разсмотрѣнія инвентарей Бибикова, рѣшительно объявили, что не желаютъ освобожденія крестьянъ, ни перемѣны въ ихъ положеніи. Когда Назимовъ объ этомъ доложилъ, составленъ былъ слѣдующій рескриптъ на его имя, помѣченный 20 ноября 1857 г. (прошу вслушаться не въ рескриптъ, а въ смыслъ). Въ рескриптѣ значилось, что государь съ удовольствіемъ принялъ выраженное Назимовымъ желаніе литовскихъ дворянъ улучшить положеніе крѣпостныхъ, поэтому позволяетъ мѣстному дворянству образовать комитетъ изъ своей среды для выработки положенія, которымъ осуществилось бы это доброе намѣреніе. Комитеты эти должны быть составлены изъ депутатовъ отъ уѣздныхъ дворянъ губерніи, по два отъ каждаго уѣзда, и изъ опытныхъ помѣщиковъ, назначенныхъ генералъ-губернаторомъ. Эти губернскіе дворянскіе комитеты, выработавъ свои проекты новаго устройства крестьянъ, должны были внести ихъ въ комиссію при генералъ-губернаторѣ. Она, разсмотрѣвъ проекты губернскихъ комитетовъ, должна выработать общій проектъ для всѣхъ трехъ литовскихъ губерній. Рескриптъ указывалъ и начала, на которыхъ должны быть основаны эти проекты. Вотъ эти три начала: крестьяне выкупаютъ у помѣщиковъ свою усадебную осѣдлость; полевой землей они пользуются по соглашенію съ землевладѣльцемъ. Дальнѣйшее устройство крестьянъ должно быть таково, чтобы оно обезпечивало дальнѣйшую уплату крестьянами государственныхъ и земскихъ податей. Крестьяне, получивъ усадьбу и землю отъ землевладѣльцевъ, устраиваются въ сельскія общества, но остаются подъ властью помѣщика, какъ вотчиннаго полицейскаго наблюдателя. Съ большимъ удивленіемъ встрѣтили мѣстные дворяне рескриптъ, данный Назимову, съ трудомъ понимая, чѣмъ они подали поводъ.

Но тутъ блеснула еще другая искра въ Петербургѣ. Рѣшено было обращенное къ литовскому дворянству приглашеніе заняться устройствомъ положенія крестьянъ—сообщить къ свѣдѣнію дворянства остальныхъ губерній на случай, не пожелаютъ ли они того же, чего пожелало дворянство литовское. Говорятъ, мысль обобщенія дѣла впервые подана была великимъ княземъ Константиномъ, который передъ тѣмъ былъ введенъ въ составъ секретнаго комитета. Скоро эта мысль получила гласное выраженіе. Около того времени представлялся государю губернаторъ—Смиринъ, государь неожиданно сказалъ ему, что дѣло крѣпостныхъ крестьянъ рѣшилъ довершить до конца и надѣется, что онъ уговоритъ своихъ дворянъ помочь ему въ этомъ. Смиринъ обращается къ Ланскому за разъясненіемъ этихъ словъ и съ вопросомъ, не получитъ ли на этотъ счетъ воронежское дворянство какое-нибудь предписаніе. «Получитъ», отвѣчалъ Ланской, засмѣявшись. Около того времени кто-то вспомнилъ, что нѣкоторые петербургскіе дворяне выразили желаніе опредѣлить точнѣе положеніе крестьянскихъ повинностей въ пользу землевладѣльцевъ; актъ былъ заброшенъ; теперь его откопали и 5 декабря послѣдовалъ новый рескриптъ: «такъ какъ петербургское дворянство выразило желаніе заняться улучшеніемъ положенія крестьянъ, то ему разрѣшается устройство комитета и т. д.» Дворянство съ расширенными глазами встрѣтило этотъ рескриптъ, данный на имя петербургскаго генералъ-губернатора, графа Игнатьева. Наконецъ, всѣ эти рескрипты Назимову и циркуляры министру внут-

реннихъ дѣлъ разосланы были губернаторамъ всѣхъ губерній съ тѣмъ, чтобы эти акты приняты были къ свѣдѣнію. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали въ Петербургѣ, какъ отнесутся дворяне къ этому сообщенію.

Первымъ выступило рязанское дворянство. Оно выразило желаніе устроить изъ своей среды комитетъ для выработки проекта новаго устройства крѣпостныхъ крестьянъ. Волей-неволей одна за другой слѣдовали этому примѣру и прочія губерніи, при чемъ наша Московская была въ числѣ послѣднихъ. Къ половинѣ іюля 1858 г. во всѣхъ губерніяхъ открыты были губернскіе комитеты, составленные подобно тому, какъ велѣно было составить губернскіе комитеты литовскимъ генералъ-губернаторствамъ; именно, они составились подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя изъ депутатовъ по одному изъ уѣзднаго дворянства и изъ назначенныхъ особо мѣстнымъ губернаторомъ помѣщиковъ. Эти губернскіе комитеты и работали около года, выработавъ мѣстныя положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Такъ, пущено было въ ходъ неясно задуманное, недостаточно подготовленное дѣло, которое повело къ громадному законодательному перевороту.

Въ февралѣ 1859 года, когда открывались первые губернскіе комитеты, тогда и секретный комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ получилъ гласное официіальное существованіе, какъ главный руководитель предпринятаго дѣла. При немъ, по мѣрѣ того, какъ начали поступать выработанные губернскими комитетами проекты, образованы были двѣ редакціонныя комиссіи, которыя должны были дать окончательную выработку губернскимъ проектамъ. Одна изъ нихъ должна была выработать общія положенія объ «освобожденіи» крестьянъ, какъ, наконецъ, рѣшили говорить о дѣлѣ; другая должна была выработать мѣстныя положенія для разныхъ частей Россіи, которыя по своимъ условіямъ требовали измѣненія въ общихъ положеніяхъ. Первая комиссія общихъ положеній составилась изъ чиновниковъ прикосновенныхъ къ дѣлу освобожденія вѣдомствъ (это были—министерство внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и II отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи, какъ учрежденіе кодификаціонное); вторую редакціонную комиссію составили изъ представителей дворянства, но не выборныхъ, а изъ экспертовъ, по назначенію предсѣдателя комиссіи, изъ состава губернскихъ комитетовъ, или вообще изъ среды дворянства. Предсѣдателемъ редакціонной комиссіи назначенъ былъ человѣкъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ императора, начальникъ военно-учебныхъ заведеній, Ростовцевъ, который плохо зналъ положеніе дѣлъ, никогда не занимаясь изученіемъ экономическаго положенія Россіи, но теперь, обнаруживъ искреннее желаніе помочь дѣлу, внушалъ довѣріе. Ростовцевъ и составилъ редакціонную комиссію мѣстныхъ положеній, призвавъ къ ней опытныхъ людей изъ среды губернскихъ комитетовъ; работа преимущественно сосредоточивалась въ тѣсномъ кругу наиболѣе мыслящихъ и работавшихъ людей, приглашенныхъ въ составъ комиссіи; то были новый министръ внутреннихъ дѣлъ, Николай Милютинъ, и дворяне эксперты: изъ Самарскаго комитета—Юрій Самаринъ и Тульскаго комитета—князь Черкасскій. Они вмѣстѣ съ дѣлопроизводителями комиссіи, Жуковскимъ и Соловьевымъ, и составили тотъ кругъ, который собственно и понесъ на

себѣ всю тяжесть работы. Въ главномъ комитетѣ поддерживалъ ихъ великій князь Константинъ; оппозицію дѣла составили преимущественно два приглашенные въ редакціонную комиссію члена: петербургскій губернскій предводитель дворянства, графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ, къ которымъ также присоединился принадлежавшій къ составу московскаго дворянства графъ Бобринскій. Эти двѣ редакціонныя комиссіи должны были, выработавъ общія и мѣстныя положенія, внести ихъ на разсмотрѣніе общей комиссіи, состоявшей при главномъ комитетѣ, которая должна была подвергнуть положеніе окончательному разсмотрѣнію. Эти работы и шли въ продолженіе 1859—60 гг., постоянно развивая и выясняя основанія новаго закона. Губернскіе комитеты закончили свои занятія къ половинѣ 1859 года.

Когда разобрали проекты губернскихъ комитетовъ, то нашли, что они по характеру своему представляли три различныя рѣшенія дѣла. Одни проекты были противъ всякаго освобожденія, предлагая только мѣры улучшенія положенія крестьянъ; во главѣ ихъ стоялъ проектъ Московскаго губернскаго комитета. Другіе допускали освобожденіе крестьянъ, но безъ выкупа земли; во главѣ ихъ стоялъ проектъ Петербургскаго комитета. Наконецъ, третьи настаивали на необходимости освобожденія крестьянъ съ землею. Первый губернскій комитетъ, высказавшій мысль о необходимости выкупа земли, которая должна была отойти во владѣніе крестьянъ, былъ Тверской, руководимый своимъ губернскимъ предводителемъ Унковскимъ. Вотъ изъ какой среды вышли главныя начала, на которыхъ основано Положеніе 19 февраля. Работы редакціонной комиссіи, т. е. упомянутаго мною кружка, шли среди шумныхъ и ожесточенныхъ толковъ дворянскаго общества, которое, невольно какъ-то захваченное въ дѣло, теперь старалось остановить его. Тьма адресовъ, записокъ, представленныхъ въ комиссіи, съ ожесточеніемъ нападали на либераловъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Согласно съ обнародованнымъ указомъ, редакціонныя комиссіи должны были выработанные ими проекты положеній представить на обсужденіе особо вызваннымъ изъ губернскихъ комитетовъ депутатамъ дворянства.

Къ осени 1859 г. редакціонныя комиссіи обработали проекты по 21 губерніи. Изъ этихъ губерній вызваны были депутаты; эти 27 депутатовъ названы были депутатами перваго призыва. Депутаты шли съ мыслью, что они примутъ дѣятельное участіе въ окончательной выработкѣ положеній, составятъ, такъ сказать, сословное представительство; вмѣсто того, министръ внутреннихъ дѣлъ встрѣтилъ ихъ въ своемъ утреннемъ нарядѣ въ передней, сухо поговорилъ съ ними и предложилъ имъ, когда понадобится, дать нѣкоторыя свѣдѣнія и разъясненія редакціоннымъ комиссіямъ. Депутаты, которыхъ даже не называли именемъ депутатовъ, пришли въ негодованіе и обратились къ правительству съ просьбой позволить имъ собираться на совѣщаніе; имъ это позволили, и они стали собираться въ кабинетѣ Шувалова. Нѣтъ надобности разсказывать, о чемъ они тамъ говорили; а тамъ говорили о многомъ, шедшемъ дальше вопроса о крѣпостныхъ крестьянахъ. Характеръ этихъ толковъ былъ таковъ, что потомъ посовѣтовали прекратить эти собранія. Раздраженные депутаты перваго призыва разъѣхались по домамъ.

Къ началу 1860 г. обработаны были остальные проекты, и вы-

званы были новые депутаты изъ губернскихъ комитетовъ: депутаты второго призыва. Между тѣмъ натянутыя отношенія между правительствомъ и дворянствомъ такъ сильно подѣйствовали на предсѣдателя редакціонной комиссіи живого и подвижнаго Ростовцева, что онъ заболѣлъ и въ февралѣ 1860 года умеръ. Все общество, ожидавшее благополучнаго разрѣшенія вопроса, было поражено, узнавъ его преемника: то былъ министръ юстиціи графъ Панинъ. Онъ былъ крѣпостникъ въ глубинѣ души, и назначеніе было истолковано дворянствомъ, какъ признаніе, что смущенное правительство хочетъ отложить дѣло. Но сверху найстойчиво вели дѣло дальше, и редакціонныя комиссіи, руководимыя Панинымъ, должны были выработать и принять окончательное положеніе. Депутаты второго призыва были приняты радушно, однако никто, даже Шуваловъ, не позвалъ ихъ обѣдать. Этотъ второй призывъ, уже заранѣе настроенный противъ дѣла, высказался консервативнѣе перваго. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ тогда окончательно была принята мысль о необходимости обязательнаго выкупа помѣщичьей земли во владѣніе крестьянъ; сами доброжелательные помѣщики желали только выкупа, чтобы скорѣе развязаться съ крѣпостнымъ трудомъ. Депутаты второго призыва рѣшительно возстали противъ обязательнаго выкупа и настояли на поземельномъ устройствѣ крестьянъ по добровольному ихъ соглашенію съ землевладѣльцами. Этотъ принципъ добровольнаго соглашенія внесенъ, слѣдовательно, представителями консервативнаго дворянства вопреки комиссіямъ. Выслушавъ замѣчанія отъ депутатовъ второго призыва, редакціонныя комиссіи продолжали дѣло. Оно еще не было приведено къ концу, когда наступилъ 1861 годъ; тогда послѣдовало Высочайшее распоряженіе кончить дѣло ко дню вступленія на престолъ. Ускореннымъ ходомъ редакціонныя комиссіи, давши окончательный видъ общимъ положеніямъ, провели ихъ сначала черезъ общую комиссію, въ комитетъ Государственнаго Совѣта, такъ что можно было напечатать общія и мѣстныя положенія къ 19 февраля 1861 г. Такъ, шла работа надъ этимъ закономъ, лучше сказать, надъ этимъ сложнымъ законодательствомъ, которое разрѣшило самый трудный вопросъ нашей исторіи.

Къ сожалѣнію, я могу изложить только основныя черты акта, заслуживающаго внимательнаго изученія. Въ продолженіе столѣтій, предшествовавшихъ 19 февраля 1861 года, у насъ не было болѣе важнаго акта; пройдутъ вѣка, и не будетъ акта столь важнаго, который бы до такой степени опредѣлялъ собою направленіе самыхъ разнообразныхъ сферъ нашей жизни. Вотъ эти основныя черты. Общія положенія начинаются объявленіемъ крѣпостныхъ крестьянъ лично свободными безъ выкупа; это практическое развитіе мысли, скрытой, какъ мы видѣли, въ законѣ объ обязанныхъ крестьянахъ 1842 г. Но крестьяне, получая личную свободу, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интересахъ исправнаго платежа государственныхъ и другихъ повинностей, надѣляются землей въ постоянное пользованіе. Эти надѣлы совершаются по добровольному соглашенію крестьянъ съ землевладѣльцами. Тамъ, гдѣ такого соглашенія не послѣдуетъ, поземельное обезпеченіе крестьянъ совершается на общихъ основаніяхъ мѣстныхъ положеній, которыя были изданы для губерній великорусскихъ и бѣлорусскихъ. Крестьяне, освободившись отъ крѣпостной зависимости и получивъ отъ землевладѣльца извѣстный земельный надѣлъ въ посто-

янное пользованіе, платятъ землевладѣльцу деньгами или трудомъ т. е. платятъ оброкъ или несутъ барщину. Пользуясь на такомъ условіи помѣщичьей землей, крестьяне эти составляютъ классъ временно обязанныхъ. По желанію своему они выкупаютъ у землевладѣльца свои усадьбы; они могутъ покупать и полевыя угодья, но по взаимному соглашенію съ помѣщикомъ. Выкупая усадьбу или землю, они пользуются извѣстной казенной ссудой; какъ скоро крестьяне выкупятъ землю, они выходятъ изъ положенія временно-обязанныхъ. До выкупа помѣщикъ сохраняетъ вотчинно-помѣщичій надзоръ надъ крестьянами; съ выкупомъ прекращаются всѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцу, и они вступаютъ въ положеніе крестьянъ собственникомъ. Вотъ общее основаніе на которомъ совершалось освобожденіе крестьянъ.

Выходя изъ крѣпостной зависимости, крестьяне устраиваются въ сельскія общества, получаютъ извѣстное самоуправленіе. Такимъ образомъ весь актъ освобожденія слагался изъ трехъ моментовъ: 1) изъ устройства сельскаго общества, 2) изъ надѣленія крестьянъ землею въ постоянное пользованіе и 3) изъ выкупа этой земли, отведенной въ постоянное пользованіе. Для насъ второстепенное значеніе имѣетъ устройство земскаго сельскаго управленія; замѣчу только, что всѣ крѣпостные крестьяне устроены были въ особыя сельскія общества. Сельское общество— это поселокъ принадлежавшій одному владѣльцу, или часть большого поселка, принадлежавшаго нѣсколькимъ владѣльцамъ. Сельскія общества, сосѣднія другъ другу, соединяются въ волости, или приходы. Иногда, впрочемъ, могутъ быть соединены принадлежащія, напримѣръ, одному землевладѣльцу смежныя сельскія общества разныхъ приходовъ, но такъ, чтобы въ волости было не меньше 300 и не больше 2,000 ревизскихъ душъ. Сельское общество, какъ волость, представляетъ хозяйственно-административное учрежденіе. Сельское общество управляется волостнымъ старостой и сельскимъ сходомъ; волость управляется выборнымъ волостнымъ старшиной и волостнымъ сходомъ, составленнымъ изъ домохозяевъ волости. Сельскій сходъ, какъ и сельскій староста, имѣетъ чисто хозяйственное административное значеніе. Волостное управленіе сосредоточивало въ себѣ еще и сословный судъ, органомъ котораго была коллегія выборныхъ судей.

Разумѣется, главныя трудности заключались въ устройствѣ поземельнаго положенія крестьянъ; разрѣшеніе этого вопроса затруднялось разнообразнымъ положеніемъ главныхъ условій, созданныхъ исторіей. Вотъ основанія этого устройства. Крестьяне, выходившіе изъ крѣпостной зависимости, обязательно надѣлялись землею въ количествѣ, необходимомъ для обезпеченія ихъ быта и исправной уплаты казенныхъ и земскихъ повинностей. Этотъ надѣлъ землею долженъ былъ соображаться, разумѣется, съ густотой крѣпостного населенія въ извѣстной мѣстности, какъ и съ качествомъ почвы, для этого вся Россія раздѣлена была на три полосы: нечерноземную (сѣверная и частью центральная), черноземную и степную; по качеству почвы и густотѣ населенія, каждая полоса раздѣлялась на мѣстности, которыхъ во всѣхъ трехъ полосахъ было 29. Для каждой мѣстности, по соображенію густоты населенія и качеству почвы, установлялись двѣ нормы подушнаго надѣла, т. е. участка земли на каждую ревизскую

душу, независимо отъ количества дѣйствительныхъ рабочихъ рукъ; за основаніе расчисленія приняты были цифры послѣдней, 10-ой ревизіи. Одна норма представляла высшій размѣръ подушнаго надѣла, другая—низшій. Низшій размѣръ всюду равнялся одной трети высшаго. Для примѣра приведу нѣсколько цифръ первой нечерноземной полосы. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губерніи высшій надѣлъ на душу—3 десятины (разумѣется, казенныя десятины въ 2,400 кв. с.), слѣдовательно, низшій надѣлъ—1 дес.; въ другихъ уѣздахъ Московской и смежныхъ губерній этотъ надѣлъ возвышается. Въ нечерноземной полосѣ высшій надѣлъ—7 дес. на душу; таковъ, напримѣръ, надѣлъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской, Вятской, Новгородской и Олонецкой губерніяхъ. Итакъ, высшій надѣлъ 7 дес., низшій 3 дес., высшей нормы, а не низшей. Въ два первые года со времени обнародованія положенія 19 февраля, по всѣмъ имѣніямъ должны были опредѣлиться дѣйствительные надѣлы съ точнымъ указаніемъ повинностей какія будутъ нести временно-обязанные крестьяне въ пользу землевладѣльца. Количество земли, отведенной въ надѣлъ, какъ и размѣръ повинностей въ пользу землевладѣльца, опредѣлялись въ особенномъ договорѣ крестьянъ съ помѣщиками, называющемся Уставной грамотой. Въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ со времени обнародованія ПоложеніА 19 февраля по всѣмъ имѣніямъ должны были составить уставныя грамоты по добровольному соглашенію или по закону, если добровольное соглашеніе не состоялось. Въ большей части имѣній за основаніе принималось то количество земли, которымъ пользовались крестьяне при крѣпостномъ правѣ, если они сидѣли на оброкѣ; правительство наблюдало только, чтобы этотъ надѣлъ не превышалъ высшаго размѣра и не падалъ ниже низшаго, т. е. ниже $^1/_3$; послѣднее не допускалось, первое могло быть только при согласіи на то помѣщика. Помѣщикъ могъ уступить крестьянамъ, если желалъ, надѣлъ и высшей нормы; гдѣ не было этого желанія, производились отрѣзки отъ крестьянъ такъ, чтобы надѣлъ равнялся высшему размѣру подушнаго участка, назначеннаго для той мѣстности. Эти отрѣзки во многихъ мѣстностяхъ испортили крестьянскіе (надѣлы) участки. Надѣлъ могъ быть и ниже высшей нормы, только если не падалъ ниже его трети. Теперь извѣстно, что въ большихъ имѣніяхъ крестьяне получили надѣлъ, почти равный низшей нормѣ.

За отводимый надѣлъ назначался соотвѣтственный оброкъ или соотвѣтственное количество барщиной работы. Высшему надѣлу по каждой мѣстности соотвѣтствовалъ и высшій размѣръ оброка съ подушнаго надѣла участка. Вотъ эти нормы оброка, измѣнявшіяся по характеру мѣстности, т. е. по качеству и доходности земли: за высшій подушный надѣлъ для имѣній, находившихся не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга—12 руб. Справимся, какъ великъ подушный надѣлъ по Петербургской губерніи. Этотъ надѣлъ 3 десятины 600 кв. саж. на душу, т. е. $3^1/_4$ десятины. Если подушный оброкъ 12 руб., то вы можете расчислить тяжесть оброка на каждую десятину; онъ менѣе 4 руб. Далѣе, для прочихъ имѣній (для губерній Московской, Ярославской и нѣкоторыхъ уѣздовъ Владимирской) 5—3 руб.; для пунктовъ наиболѣе фабрично-промышленныхъ подушный оброкъ 10 руб.; для остальныхъ мѣстностей первой, второй и третьей половины, т. е. для всей остальной Россіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ уѣздовъ

нѣкоторыхъ губерній—9 руб. (для этихъ исключительныхъ губерній—8 руб.). Если сельское общество получало отъ землевладѣльца надѣлъ высшей нормы, то, соотвѣтственно этому, уменьшался и подушный оброкъ. Любопытно, какъ расчислялся этотъ оброкъ по количеству десятинъ, въ случаѣ уменьшенія его сравнительно съ высшимъ надѣломъ. Не думайте, что когда, напримѣръ, общество положитъ вмѣсто 4 десятинъ по 3 на душу, такъ тогда и низшій размѣръ оброка уменьшится на четверть; расчисленіе производилось иначе, и вотъ какъ: въ первой, нечерноземной полосѣ, на первую десятину относилось при 12-рублевомъ оброкѣ—6 руб., т. е. половина всего оброка; при 10 руб.—5 руб. На вторую десятину отводимаго надѣла относилась четверть высшаго оброка, т. е. при 12 руб., напримѣръ, 3 руб.; остальная четверть высшаго подушнаго оброка расчислялась затѣмъ уже на всѣ остальныя десятины надѣла. Подобнымъ образомъ поступали и при опредѣленіи уменьшеннаго оброка въ черноземной полосѣ. Степная отличалась тѣмъ отъ черноземной, что тамъ не было низшаго размѣра, а былъ одинъ указанный: это объясняется обиліемъ незаселенной земли въ степныхъ губерніяхъ. Именно внѣ черноземной и степной полосы на первую десятину отчислялось 4 руб., а оставшіеся затѣмъ 5 руб. равномѣрно раскладывались на остальныя части надѣла. Вы поймете разницу, какую вносило это расчисленіе; если, напримѣръ, крестьяне за 4 десятины получаемаго надѣла должны были платить оброка 12 руб., то при уменьшеніи надѣла и оброкъ долженъ бы былъ уменьшиться пропорціонально; напримѣръ, если они получали полъ-надѣла—2 дес., то они должны были бы платить 6 руб. По положенію разсчислите, сколько они должны были платить: за первую десятину—6 руб., за вторую—3 руб., итого 9 руб. Что было бы, если бы они получили вмѣсто 4 десятинъ только 3? По простому пропорціональному разсчету они должны были платить 3/4 подушнаго оброка, т. е. 9 руб. Что они платили на самомъ дѣлѣ? За 1-ю—6, за вторую—3 р.; остальные 3 руб. распредѣлялись—поровну на остальныя двѣ десятины, по 1 1/2 рубля. Такъ какъ они одной десятины не получали, то ихъ оброкъ—10 руб. 50 коп. вмѣсто 9 руб. Очевидно, эти статьи внесены были для того, чтобы удержать стремленіе крестьянъ нечерноземной полосы уменьшать свой надѣлъ. Помѣщики хотѣли оцѣнить дороже первую десятину: взявши первую десятину, крестьянину не было разсчета отказаться отъ остальныхъ; тяжела была первая десятина. Эту подробность объ оцѣнкѣ первой десятины внесли депутаты второго призыва, дѣйствовавшіе противъ обязательнаго выкупа. Такимъ образомъ, депутатамъ второго призыва мы обязаны двумя принципами, внесенными въ Положеніе: принципомъ добровольнаго соглашенія, оказавшимся во многихъ отношеніяхъ невыгоднымъ для крестьянъ и закономъ о первой десятинѣ. Такъ, совершился надѣлъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, такъ же было опредѣлено высшее количество работы: за высшій подушный надѣлъ 40 мужскихъ дней и 30 женскихъ. Такъ крестьяне становились въ положеніе временно обязанныхъ, получая отъ землевлавладѣльца земельный надѣлъ въ постоянное пользованіе. Легко понять значеніе этого временно-обязаннаго положенія, которымъ крестьяне становились въ такое отношеніе къ землѣ и землевладѣльцамъ, въ какое приблизительно они поставлены были Уложе-

ніемъ царя Алексѣя; возстановлялось поземельное прикрѣпленіе крестьянъ съ освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости, но съ сохраненіемъ вотчиннаго полицейскаго надзора помѣщика надъ крестьянами.

Послѣднимъ моментомъ освобожденія былъ выкупъ крестьянской земли, отведенной въ ихъ постоянное и неотъемлемое пользованіе. Выкупъ этотъ представляетъ сложный процессъ. Выкупъ земель, отведенныхъ въ постоянное пользованіе крестьянъ, совершился на основаніи оброка, опредѣленнаго Уставной грамотой. Земля, которую выкупали крестьяне, цѣнилась посредствомъ капитализаціи назначеннаго за нее оброка 6%, это значитъ, что сумма оброка, обозначеннаго въ уставной грамотѣ, помножалась на 16 руб. 67 коп. и, такимъ образомъ, получалась сумма, опредѣлявшая стоимость выкупаемой земли, каждый рубль оброка соотвѣтствовалъ 16 р. 67 к. капитала. При этомъ установленъ былъ особый порядокъ для выкупа усадьбы и полевого участка. Усадьба выкупалась по желанію крестьянъ, т. е. даже безъ согласія землевладѣльца; стоимость усадьбы, т. е. земли подъ крестьянскимъ дворомъ и огородомъ, опредѣлялась посредствомъ капитализаціи части оброка, отчисленной на усадьбу. Для этого всѣ усадьбы раздѣлены были на 4 разряда по своей стоимости. На усадьбы низшаго размѣра отчислялось отъ оброка $1^1/_2$ руб.; на усадьбы высшаго—$3^1/_2$ или болѣе; эти $1^1/_2$ и 3 или болѣе помножались на 16 руб. 67 коп. и получалась стоимость усадьбы. Полевой надѣлъ могъ быть выкупленъ двоякимъ образомъ: по добровольному соглашенію крестьянъ съ землевладѣльцами и по одностороннему требованію землевладѣльца. Выкупъ не могъ совершаться по одностороннему требованію крестьянъ. Стоимость участка вычислялась точно такъ же, какъ и стоимость усадьбы, т. е. сумма оброка, оставшаяся за вычисленіемъ доли, падавшей на усадьбу, капитализировалась изъ 6.

Кто платилъ за выкупаемую землю терявшимъ ее землевладѣльцамъ? Сами крестьяне, разумѣется, не имѣли достаточно средствъ для этого; поэтому государство приняло на себя содѣйствовать операціи, выдавая крестьянамъ выкупную сумму въ извѣстномъ размѣрѣ. Очень незначительная часть крестьянъ могла выкупить свои надѣлы безъ помощи этой ссуды. Размѣръ этой ссуды опредѣлялся также сложнымъ способомъ. Если выкупъ совершался по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ и при томъ крестьяне выкупали полный надѣлъ, обозначенный въ уставной грамотѣ, то правительство брало на себя заплатить землевладѣльцу за крестьянъ 80 коп. съ рубля капитальной суммы, предоставляя остальныя 20 коп. уплатить самимъ крестьянамъ по соглашенію съ землевладѣльцемъ. Они могли уплатить и больше 20 к., только казна брала на себя уплату 4/5 капитальной суммы, которая пришлась за надѣлъ. Эти 20 коп., какъ дополнительный платежъ, вносимый самими крестьянами, обыкновенно переводились на работу, т. е. крестьяне уплачивали его не деньгами, а трудомъ; иные помѣщики отказывались отъ дополнительнаго платежа. Если выкупъ совершался по требованію помѣщика, безъ согласія на то крестьянъ, принудительно, то казна выдавала ему по 75 к. за рубль, при чемъ дополнительный платежъ пропадалъ для него, такъ какъ его не обязывались вносить крестьяне, не давшіе согласія на

выкупъ. Это, очевидно, служило косвеннымъ побужденіемъ совершать выкупъ по добровольному соглашенію. Если помѣщикъ по соглашенію съ крестьянами дарилъ имъ часть земли, то они могли отказаться отъ остальной части отведеннаго имъ надѣла, которая поступала въ собственность землевладѣльца. По общему правилу, надѣлъ, который выкупали крестьяне, не могъ быть меньше одной трети высшаго размѣра, назначеннаго для той мѣстности; дарственный надѣлъ они могли принять въ размѣрѣ не менѣе $^1/_4$ высшей нормы; это такъ называемый четвертной или нищенскій надѣлъ, на который крестьяне бросались въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на землю былъ назначенъ слишкомъ высокій оброкъ, т. е. гдѣ эту землю нужно выкупать по дорогой цѣнѣ. Землевладѣлецъ въ черноземныхъ губерніяхъ имѣлъ выгоду предлагать крестьянамъ четвертной надѣлъ, а крестьянамъ казалось, что имъ выгодно получать маленькій надѣлъ безъ выкупа. До сихъ поръ на такомъ четвертномъ надѣлѣ сидитъ свыше $^1/_2$ мил. душъ преимущественно, если не исключительно въ черноземныхъ губерніяхъ.

Ссуда, выданная правительствомъ помѣщику за землю, ложилась на крестьянъ, какъ казенный ихъ долгъ. За этотъ долгъ они обязывались выкупнымъ платежомъ, который опредѣлялся, какъ процентъ со взятой изъ казны ссуды. Выкупной платежъ—6 % ссуды; въ эти 6 % входитъ и ростъ съ капитала и процентъ погашенія. Выкупной платежъ погашаетъ падающій на крестьянъ казенный долгъ въ продолженіе 49 лѣтъ со времени выкупа. Выкупные платежи большей части мѣстностей равняются или даже превышаютъ сумму всѣхъ остальныхъ платежей, падающихъ на крестьянъ. При выдачѣ землевладѣльцу казенной ссуды банковыми билетами, вычитался казенный долгъ, лежавшій на имѣніи. Мы видѣли, что такихъ долговъ, лежавшихъ на заложенныхъ имѣніяхъ, къ 61 г. накопилось до 450 мил. До сихъ поръ выкупная операція потребовала изъ казны свыше 700 мил. ссуды, слѣдовательно, выкупъ обошелся въ милліардъ слишкомъ. До конца царствованія Александра II выкуплено болѣе 80% всѣхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, такъ что оставалось $1^1/_2$ мил. ревизскихъ душъ въ положеніи временно-обязанныхъ. Въ началѣ царствованія Александра III, именно, декабрскимъ указомъ 1881 года, предположено было эти $1^1/_2$ мил. или около милліона душъ выкупить обязательно по требованію правительства, чтобы развязать послѣдній узелъ, оставшійся отъ крѣпостного права. Такъ какъ этотъ выкупъ совершался не по требованію помѣщиковъ и не по добровольному соглашенію его съ крестьянами, то возникалъ вопросъ, кто же заплатитъ землевладѣльцу двугривенный; землевладѣлецъ имѣетъ право на него, такъ какъ онъ не требовалъ выкупа, а крестьяне не обязаны платить его, такъ какъ они не давали согласія на выкупъ; казна приняла этотъ двугривенный на свой счетъ и теперь совершается этотъ обязательный выкупъ послѣднихъ крестьянъ, сохранившихъ еще обязательное отношеніе къ землевладѣльцамъ.

Таковъ былъ общій ходъ реформы. Благодаря ей общество уравнялось передъ закономъ. Теперь все оно состоитъ изъ одинаково свободныхъ гражданъ, на которыхъ падаютъ одинаковыя общественныя и государственныя повинности. Мы видѣли, что освобожденіе крестьянъ совершалось при сильномъ участіи дворянства. Это участіе основано было на довѣріи, которое оказывало правительство, или го-

сударство, сословію, столь сильно заинтересованному въ реформѣ, и дворянство въ большинствѣ случаевъ съ большимъ самопожертвованіемъ оказывало правительству участіе въ дѣлѣ. Я не имѣлъ времени изложить вамъ самый ходъ реформы. подробности ея исполненія и того участія, которое принимало дворянство въ этомъ дѣлѣ.

Если одно высшее сословіе было призвано содѣйствовать правительству въ столь важномъ предпріятіи, то нельзя было отказать другимъ классамъ общества, теперь столь же свободнымъ, въ веденіи текущихъ дѣлъ управленія. Если реформа 19 февраля совершалась не исключительно бюрократическими средствами, то и въ дальнѣйшемъ устроеніи общества тѣмъ болѣе надо было обратиться къ содѣйствію послѣдняго; вотъ почему прямымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ реформы 19 февраля было призваніе всѣхъ теперь уравненныхъ классовъ общества къ участію въ управленіи. На этомъ основаніи построены земскія учрежденія 1 января 64 г. Вотъ главныя черты этого закона. Всѣ классы мѣстнаго общества призывались совокупно содѣйствовать правительству въ веденіи мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. Эта задача возложена была на земскія учрежденія. Вѣдомства этихъ учрежденій: хозяйство губерніи либо уѣзда съ дѣлами, которыя имѣли тѣсное соприкосновеніе съ хозяйствомъ, напр., учрежденія благотворительныя, учебныя, гигіеническія и т. п. Земскія учрежденія состоятъ изъ двухъ слоевъ, изъ уѣздныхъ и губернскихъ. Уѣздныя земскія учрежденія это—уѣздное земское собраніе и уѣздная земская управа.

У ѣ з д н о е з е м с к о е с о б р а н і е составляется изъ гласныхъ отъ обывателей уѣзда. Эти обыватели раздѣляются на три разряда, это – уѣздные землевладѣльцы, городскіе обыватели уѣзда и сельскія крестьянскія общины. Обыватели каждаго изъ этихъ разрядовъ выбираютъ гласныхъ въ уѣздныя собранія на своихъ съѣздахъ. Избирателемъ на съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ имѣетъ право быть каждый, владѣющій въ уѣздѣ извѣстнымъ пространствомъ удобной земли. Размѣръ этого земельнаго ценза опредѣляется особо для каждой губерніи; низшій размѣръ—200 десятинъ, таковъ участокъ, дающій право голоса на съѣздѣ землевладѣльцевъ напр., въ Московской губерніи. Точно также это право имѣетъ лицо, владѣющее въ уѣздѣ не землей, а извѣстнымъ недвижимымъ имуществомъ, напр., домомъ, стоимость котораго не ниже 15 тысячъ рублей или промышленнымъ заведеніемъ, годовой оборотъ котораго не меньше 6 тыс. рублей. Право голоса на съѣздѣ городскихъ избирателей принадлежитъ всѣмъ купцамъ, также всѣмъ владѣющимъ въ городѣ недвижимой собственностью извѣстной стоимости или промышленнымъ заведеніемъ съ оборотомъ не меньше 6 тыс. руб. На съѣздѣ уѣздныхъ крестьянъ являются представители сельскихъ обществъ; это члены волостного схода, являющіеся на съѣздъ въ числѣ не болѣе одной трети послѣдняго, т. е. сельскаго схода. На этихъ трехъ съѣздахъ и избираютъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія; число гласныхъ опредѣлено особо для каждаго уѣзда, соразмѣрно съ количествомъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и т. д. Уѣздное земское собраніе, составленное изъ такихъ гласныхъ, имѣетъ распорядительную власть по хозяйственнымъ дѣламъ уѣзда, оно собирается разъ въ годъ, не позже сентября и дѣйствуетъ не болѣе 10 дней.

Съ особаго разрѣшенія мѣстной губернской власти можетъ быть

созвано экстренное уѣздное собраніе. Исполнительнымъ учрежденіемъ, дѣйствующимъ постоянно на основаніи постановленія уѣзднаго земскаго собранія, остается уѣздная земская управа, избираемая изъ среды уѣзднаго земскаго собранія. Она состоитъ изъ предсѣдателя и двухъ членовъ. Таковы земскія уѣздныя учрежденія. Какъ гласные собранія, такъ и члены управы избираются на три года.

Изъ уѣздныхъ земскихъ собраній составляется губернское земское собраніе. Въ это собраніе выбирается пропорціонально составу уѣзднаго собранія число депутатовъ или гласныхъ; число это опредѣляется посредствомъ дѣленія состава уѣзднаго земскаго собранія на 6; число членовъ уѣздныхъ земскихъ собраній дѣлится на 6, и частное показываетъ, какое число гласныхъ изъ каждаго уѣзднаго земскаго собранія должно войти въ составъ земскаго собранія. Земское губернское собраніе имѣетъ распорядительное значеніе по хозяйству всей губерніи; оно собирается разъ въ годъ не позже декабря, и засѣданія его продолжаются не болѣе 20 дней. Постояннымъ учрежденіемъ, которое приводитъ въ исполненіе постановленія губернскаго земскаго собранія, является губернская земская управа; она состоитъ изъ предсѣдателя и 6 членовъ, избираемыхъ губернскимъ собраніемъ также на три года.

Дѣятельность уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній подчинена извѣстному надзору, надзору мѣстной губернской власти и черезъ нее министра внутреннихъ дѣлъ. Дворянству, которое прежде руководило мѣстнымъ управленіемъ, предоставлено еще нѣкоторое почетное участіе въ земскихъ учрежденіяхъ, сверхъ того, которое оно имѣетъ наравнѣ съ другими классами, именно: предсѣдателями земскихъ уѣздныхъ собраній обыкновенно являются уѣздные предводители дворянства, предсѣдателями губернскихъ земскихъ собраній —губернскіе предводители; тѣ и другіе несутъ свою обязанность безвозмездно. Въ такой формѣ осуществлена была мысль, которая развивалась въ продолженіе XVIII и первой половины XIX столѣтія, мысль о возстановленіи разрушенной извѣстными государственными потребностями совмѣстной дѣятельности классовъ русскаго общества.

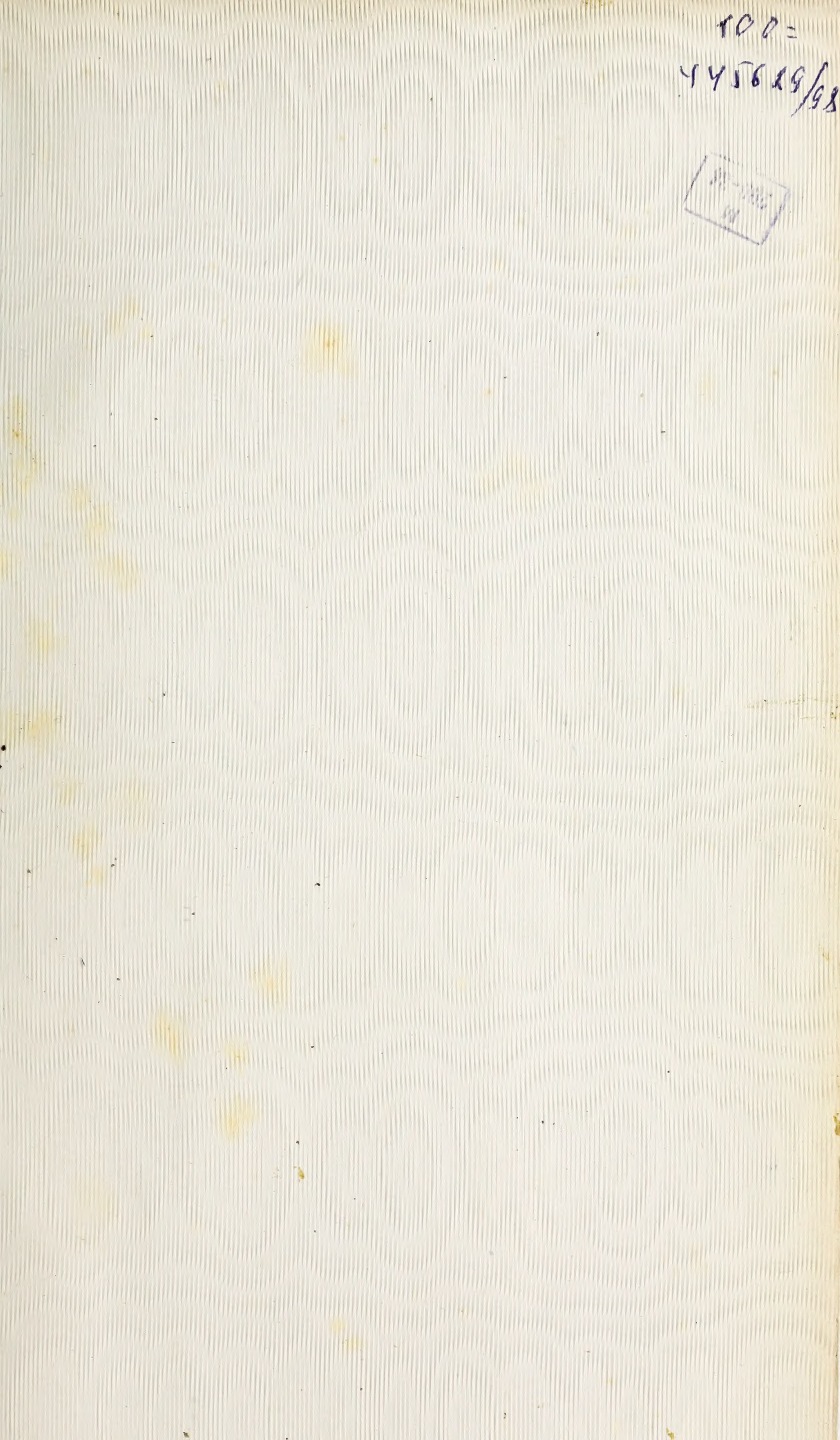
Я изложилъ ту и другую реформу только для того, чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ разрѣшены были двѣ важнѣйшія задачи внутренняго государственнаго порядка. поставленныя на очередь въ концѣ прошлаго столѣтія. Но если вы припомните, стоялъ еще на очереди третій, столь же важный вопросъ, разрѣшеніе котораго должно было имѣть большое значеніе для внутренняго общественнаго и нравственнаго порядка. Мы видѣли, что съ развитіемъ крѣпостного права и съ успѣхами образованія русская мысль стала въ особо ненормальное отношеніе къ русской дѣйствительности. Съ половины прошлаго столѣтія умъ образованнаго русскаго человѣка напитался значительнымъ запасомъ политическихъ и нравственныхъ идей; эти идеи не были имъ выработаны, а были заимствованы со стороны. Эти идеи, развиваясь, составили политическій и нравственный запасъ, которымъ доселѣ живетъ европейское общество; каждая западно-европейская національность сдѣлала свой вкладъ въ этотъ запасъ. Онъ былъ цѣликомъ заимствованъ русскими умами, какъ заимствуется и теперь; но онъ намъ чуждъ, потому что мы въ него не дѣлаемъ никакого вклада, онъ достался намъ по хронологической случайности;

когда онъ вырабатывался, мы подвернулись со стороны со своею любознательностью. Этотъ политическій и нравственный запасъ со второй половины прошлаго вѣка и ставилъ русскій умъ въ чрезвычайно затруднительное отношеніе къ русской дѣйствительности. До реформъ Александра II онъ не имѣлъ ничего общаго съ послѣдней. Идеи политическія и нравственныя составляли одинъ порядокъ; жизнь, отношенія, которыя установились въ русскомъ обществѣ, составляли другой порядокъ, и не было никакой связи между тѣмъ и другимъ. Какъ выходилъ изъ этого затрудненія русскій умъ? Онъ пробовалъ различные пути для выхода. Въ прошедшемъ столѣтіи этотъ умъ рѣшилъ, что идеи сами по себѣ, а дѣйствительность сама по себѣ; можно увлекаться и равенствомъ и свободою, и (что же дѣлать?) приходится увлекаться ими среди общества, держащагося на рабствѣ. Образованный русскій человѣкъ прошедшаго столѣтія рѣшилъ, что таково фатальное отношеніе мысли къ дѣйствительности. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія поколѣніе, воспитанное извѣстнымъ образомъ, поставило свои мысли въ иное отношеніе къ дѣйствительности; оно рѣшило, что нельзя жить между двумя противоположными порядками, порядкомъ идей и порядкомъ отношеній, что надо первый привести къ согласію со вторымъ. Но какъ примирить свободу и рабство? — И вотъ поколѣніе плохо обдумало и еще хуже подготовило попытку — во имя идей разрушить русскую дѣйствительность. Мы знаемъ, чѣмъ окончилась эта попытка. Послѣ нея насталъ довольно продолжительный промежутокъ, когда русскій умъ разошелся въ рѣшеніи вопроса о своемъ отношеніи къ дѣйствительности. Одни рѣшили, что такъ какъ въ современномъ порядкѣ нѣтъ ничего, соотвѣтствующаго усвоеннымъ идеямъ, то надобно осуществленіе этихъ идей отложить въ далекое будущее и медленно подготовить это будущее. Такова основная точка зрѣнія людей, которые въ 40-хъ годахъ называлась западниками. Другіе рѣшили, что такъ какъ въ современномъ порядкѣ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго западнымъ идеямъ, то надо поискать, нѣтъ ли зародышей такихъ идей, или имъ подобныхъ, въ русскомъ прошедшемъ: это повело къ усиленному изученію прошедшаго. Такова была точка зрѣнія людей, которые въ 40-хъ годахъ назывались славянофилами.

Со времени этихъ великихъ реформъ русскій умъ становится въ другое отношеніе къ окружающей дѣйствительности, въ то, въ какомъ мы стоимъ теперь. Русская жизнь стала передвигаться на основаніе, общее съ тѣми началами, на какихъ держится жизнь западноевропейскихъ обществъ; слѣдовательно, давно усвоенныя идеи, составлявшія весь запасъ европейской культуры, теперь нашли себѣ родственную почву. Но какъ скоро явилась эта почва, то нашелся двойной процессъ въ русскомъ умѣ. Съ одной стороны, онъ замѣтилъ, что не весь запасъ усвоенныхъ имъ идей такъ цѣликомъ и можетъ быть приложенъ къ русской дѣйствительности, что нѣкоторые изъ этихъ идей имѣютъ мѣстную окраску, что они должны не пропасть, но измѣниться при ихъ приложеніи къ русской дѣйствительности. Мы начали критически относиться и къ идеямъ западно-европейской цивилизаціи. Съ другой стороны, мыслящій человѣкъ замѣтилъ, что на ново-расчищенной почвѣ нельзя прямо сѣять эти идеи, что можно продолжить работу, посредствомъ которой русскіе нравственные обы-

чаи и понятія были бы приспособлены къ тѣмъ идеямъ, на которыя долженъ стать созидаемый порядокъ русской жизни. Этотъ процессъ повелъ къ мысли о необходимости внимательнаго изученія русской дѣйствительности, какъ и ея источника, т. е. ея прошедшаго. Вотъ моментъ, въ которомъ мы стоимъ, лучше сказать, вотъ двойной вопросъ, который предстоитъ намъ разрѣшить. Вы должны прежде всего приняться работать своимъ умомъ вмѣсто пассивнаго усвоенія плодовъ чужого ума. Эта работа должна прежде всего направиться на провѣрку усвоенныхъ нами чужихъ идей и на внимательное изученіе дѣйствительности. Поколѣніе, которое воспитывалось подъ вліяніемъ реформъ Александра II, до боли чувствовало настоятельность разрѣшенія той и другой задачи. Надо признать, что это поколѣніе, къ которому принадлежитъ и говорящій, доселѣ плохо разрѣшало свои задачи, и надо думать, что оно сойдетъ съ поприща, не разрѣшивши ихъ, но оно сойдетъ съ увѣренностью, что вы и тѣ, которыхъ вы будете воспитывать разрѣшите ихъ за насъ.

Конецъ третьей части.


TOO=
445629/98